

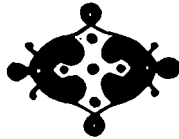
РУССКАЯ СТАРША

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

основано 1-го января 1870 г.

Мих. Ив. Семевскимъ

1892 г.

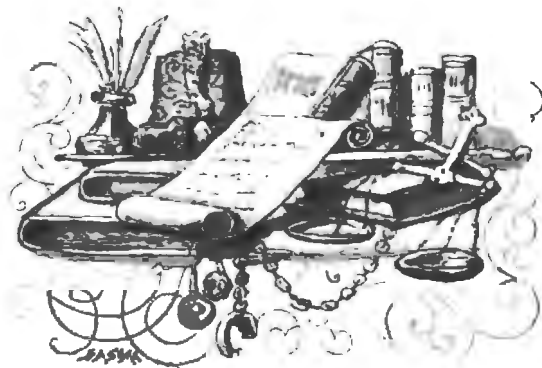
апрѣль. — май. — іюнь.

двѣдцать третій годъ изданія.

томъ семьдѣсятъ четвѣртый.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерин. кан., д. № 80.
1892.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ двадцать третій.

АПРѢЛЬ.

1892 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Михаилъ Михайловичъ Сомовъ, редакторъ - издатель „Русской Старины“. † 9-го марта 1892 г.	1	VII. Дневникъ академическаго профессора Александра Васильевича Никитенко, 1872 годъ.	141
II. Императрица Александра II въ Россіи въ 1787—1788 гг. Галла III. Очеркъ проф. В. А. Владыко	1	VIII. Федоръ Михайловичъ Достоевскій въ юности: изданіе фотографическаго изображенія въ 1872—1881 гг. Сообщ. М. А. Александровъ	177
III. Записка фельд-маршала о пробынаніи въ Петербургъ, 1827—1828 гг. Сообщ. Н. Н. Орловъ	51	IX. Материалы и записки: Петръ Великій изъ разсказахъ Нартова, 1712—1725 гг. (45). — Цесаревичъ Константинъ Павловичъ, 1800 г. (208). — Императоръ Николай Павловичъ, 1826 г. (80). — М. М. Сперанскій (120). — Князь Владимиръ Александровичъ Одоевскій (136). — Къ очерку: „Старина Федоръ Кузьмичъ“ (44).	
IV. Воспоминанія императора Александра II о переломѣ жизни и введеніи въ дѣйствіе Польскихъ 19-го февраля 1861 г. Сообщ. Н. А. Крыловъ	81	X. Библиографическій списокъ: Записки проф. Н. Я. Барсова, Н. В. Волобузова и Н. В. И.—на стр. 209—216 и на оборотѣ.	
V. Степанъ Васильевичъ Руссовъ, 1770—1842 гг., — библиографическій очеркъ.	103		
VI. Профессоръ Викторъ Степановичъ Лурьянъ, род. 1809 г., † 1884 г., изъ замечательныхъ его сестры Софіи Степановны Шрамовой.	121		

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ императрицы Маріи Федоровны, род. 1759 † 1828 г. — Гравированъ на обложку изданія Н. А. Шрамкина.

Продолжается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1892 г.

Можно заказать „Русскую Старину“ изд. 1891 г. (осталось 50 нум.).

Двадцать второй и третій годы издаванія „Русской Старины“ цѣна по 9 руб. за годъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографъ В. С. Валуевъ, Екатерининскій каналъ, д. № 50.

1892.

Исторія англійско-американской Библии, ея алфавита, переводовъ, текста, канона, ревизій, наданій, экзегезиса и проч. Три тома (страницъ 998). Сочиненіе іеромонаха Алексія Виноградова. Спб., 1889—1892 гг.

Сочиненіе о. Алексія представляет не одну исторію (не только подробную, но, можно сказать, вычлѣнительную) англо-американской Библии, но справедливѣе будетъ сказать—энциклопедію въсѣхъ и всѣхъ рода свѣдѣній о Библии вообще и, кромѣ того, лингвистически археологическія свѣдѣнія, очень интересныя и въ нашей литературѣ являющіяся въ первый разъ. Такъ, онъ знакомитъ со всѣми древнѣйшими манускриптами и палимпсестами Библии, текстами-примитивами, оканчивавъ Синайскими кодексами Тишендорфа, со всѣми замѣчательными печатными изданіями у всѣхъ народовъ, оканчивая изданіями славянскими (Скорины) и русскими; съ новѣйшими *textus receptus* у всѣхъ европейскихъ народовъ, съ такими изданіями, какъ *Biblia pauperum*, съ такъ называемыми лицевыми, т. е. иллюстрированными изданіями Библии (оканчивая библию съ иллюстраціями Дорѣ). Весьма интересны сообщаемыя авторомъ самыя подробныя свѣдѣнія о библейскихъ обществахъ: англійскомъ, американскомъ, континентально-европейскихъ, статистическія свѣдѣнія объ изданныхъ ими переводахъ Библии, правилахъ ихъ дѣятельности и организаци, свѣдѣнія о количествахъ изданій и экземпляровъ Библии на всѣхъ языкахъ по настоящее время, и проч. Приступая, въ III томѣ, къ спеціальнымъ свѣдѣніямъ о Библии въ Англіи, авторъ-археологъ находитъ необходимымъ дать весьма широкую постановку своему дѣлу: излагаетъ генеалогію англійскаго алфавита изъ семитическаго и сродство его съ алфавитами финнскіимъ, еврейскимъ, греческимъ и латинскимъ, для чего даетъ рядъ (десять) интереснѣйшихъ таблицъ (по Таблеру, Гартгаузену и др.), изображающихъ преемство алфавитовъ египетскаго и семитическаго, видоизмѣненіи этого послѣдняго съ ихъ транскрипціею, алфавиты италійскіе, греческія и латинскія прописныя и малыя буквы (униалы,

курсивы, минускулы), виды руническаго письма (готическаго, скандинавскаго, англійскаго), образцы рунъ сѣверныхъ и англо-саксонскихъ (по Нишпергу); типы письменъ, образовавшихся изъ древнихъ алфавитовъ; образцы готическаго шрифта въ изданіяхъ Гуттенберга и ирландскихъ огамовъ. Послѣ всего этого авторъ уже приступаетъ къ изученію англо-саксонскаго почерка, печатнаго англійскаго шрифта и новѣйшихъ эволюцій въ немъ. Самую исторію англійской Библии авторъ дѣлитъ на четыре періода, и особенно подробно изучаетъ переводы Визлеа, Тиндала, Ромерса, Грегтона, Брамера, Паркера и др., широко пользуясь обильными пособіями для своего изслѣдованія, имѣющимися на англійскомъ языкѣ. Вообще сочиненіе о. Алексія насколько интересно по содержанію, настолько же представляетъ плодъ изумительнаго, истинно аскетическаго трудолюбія, помогшаго автору одолѣть—скопировать громадную англійскую литературу (имъ подробно исчисленную) по его предмету и, кромѣ того, собрать изъ разныхъ источниковъ массу интереснѣйшихъ свѣдѣній о Библии вообще.

Профес. Н. И. Варсовъ.

Люди труда и сильной воли. Жизнь Гарриетъ Бичеръ-Стоу. Составила Е. А. Сысоева. Съ двумя портретами и 6-ю рисунками. Спб., 1892 г., въ 8 д., стр. 151. Ц. 75 к.

Имя г-жи Бичеръ-Стоу всякому, вѣроятно, напомнитъ его далекое дѣтство. „Робинзонъ“ и „Жизня дяди Тома“—вотъ два книги, которыхъ не минуешь ни одинъ ребенокъ изъ сколько-нибудь интеллигентной семьи и которыя давно уже заслужили у своихъ молодыхъ читателей повстанія великую славу. Но не одинаковое чувство пробуждаютъ эти двѣ книги, не одинакова и доставляемая ими польза. Въ то время, какъ „Робинзонъ“ дѣйствуетъ преимущественно на фантазію, настраивая воображеніе читателей на обыкновенныя приключенія при неизвѣданныхъ условіяхъ, „Жизня дяди Тома“, напротивъ, рисуетъ картину той будничной жизни, которая, хотя и не существуетъ теперь въ такомъ-же точно видѣ, но, благодаря таланту автора и всей реальности обстановки, переживается

Мария

ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ ФЕОДОРОВНА

род. 1759 г., † 1828 г.

«РУССКАЯ СТАРИНА» т. 18

МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ,

редакторъ-издатель историческаго изданія

«Русская Старина»

1870—1892 гг.,

† 9-го марта 1892 г.

МИХАИЛЬ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ

1837 род. 4-го января
† 9-го марта 1892.

Русская наука и журналистика вообще и „Русская Старина“ въ особенности понесли тяжелую утрату: 9-го марта скончался въ Кронштадтѣ основатель „Русской Старины“ М. И. Семевскій. Покойный много и честно потрудился въ весьма въ разнообразныхъ сферахъ дѣятельности, но въ настоящемъ некрологѣ мы не задаемся цѣлью представить его біографическій очеркъ (для этого мы не располагаемъ достаточнымъ временемъ), а желаемъ указать лишь на главнѣйшіе факты его жизни.

Отецъ Михаила Ивановича, Иванъ Егоровичъ, помѣщикъ Великолуцкаго уѣзда Псковской губерніи, былъ человекъ образованный и начитанный, какъ это видно и изъ того, что въ своемъ имѣніи онъ собралъ хорошую и обширную бібліотеку. Мать, по происхожденію полька, урожденная Богудцкая, была женщина, заслуживающая самаго глубокаго уваженія. Михаилъ Ивановичъ, родившійся 4-го января 1837 года, былъ ихъ вторымъ сыномъ, но за нимъ послѣдовало еще десять человекъ дѣтей: впрочемъ, изъ всего этого многочисленнаго семейства лишь семеро пережили годы дѣтства. Иванъ Егоровичъ позаботился о томъ, чтобы найти для воспитанія своихъ дѣтей хорошаго педагога, и

такимъ, дѣйствительно, оказался прожившій многіе годы въ его семьѣ І. И. Малевичъ (онъ былъ впоследствии учителемъ С. В. Ковалевской). Такъ какъ содержаніе большой семьи поглощало доходы съ имѣнія средняго размѣра (въ немъ, по старому счету, было сто душъ), то Ивану Егоровичу пришлось опредѣлять своихъ сыновей на казенный счетъ въ Полоцкій кадетскій корпусъ, гдѣ онъ самъ одно время служилъ. Его второй сынъ, Михаилъ, какъ и всѣ остальные, учился прекрасно.

Изъ Полоцкаго кадетскаго корпуса Михаилъ Ивановичъ перешелъ въ бывшій Дворянскій полкъ, при немъ переименованный въ Константинскій корпусъ (нынѣ Константиновское военное училище), гдѣ учился у извѣстнаго преподавателя литературы и переводчика сочиненій Диккенса, Иринарха Ив. Введенскаго, и откуда выпущенъ въ іюнь 1855 года прапорщикомъ въ лейбъ-гвардію Павловскій полкъ. Съ первыхъ чиселъ іюля 1855 г. до конца сентября 1856 г. Михаилъ Ивановичъ находился въ Москвѣ въ составѣ отряда войскъ, собранныхъ тамъ по случаю коронаванія императора Александра II. Во время пребыванія въ Москвѣ Михаилъ Ивановичъ познакомился со многими московскими литераторами и, между прочимъ, съ А. Н. Островскимъ. Объ этомъ знакомствѣ онъ рассказываетъ слѣдующее въ одной изъ своихъ автобіографическихъ замѣтокъ:

„Первое мое свиданіе съ Островскимъ было осенью 1855 г., когда я, еще 18-ти лѣтнимъ офицеромъ, преисполненный безпредѣльнаго уваженія къ таланту Островскаго, отправился къ нему на поклонъ... въ маленькій его домикъ (въ Москвѣ). Я не имѣлъ ни малѣйшаго рекомендательнаго письма; офицерскій мундиръ мой, хотя и гвардейскій, въ то время не пользовался особенными симпатіями, по крайней мѣрѣ въ кругу писателей, державшихся въ сторонѣ отъ военнаго круга. Островскій принялъ меня угрюмо, сдержанно, молчаливо, но пылъ и увлеченіе юнаго его поклонника скоро его смягчили, и я, со втораго, съ третьяго раза, уже вошелъ въ кружокъ его обычныхъ посѣтителей. Именно тогда-то, въ зиму 1855—1856 гг., я познакомился у него съ Аполлономъ Александровичемъ Григорьевымъ, Сергѣемъ Николаевичемъ Эдельсономъ, артистомъ Провомъ Михайловичемъ Садовскимъ, молодымъ комикомъ Васильевымъ, весьма извѣстнымъ впоследствии, а тогда еще очень юнымъ

Иваномъ Фодоровичемъ Горбуновымъ, съ Микулиной-Косицкой и нѣкоторыми другими. Этотъ кружокъ талантовъ, людей чисто русскихъ, веселыхъ, разговорчивыхъ (этого, однако-же, нельзя сказать о покойномъ Садовскомъ), чрезвычайно мнѣ понравился, а личное знакомство съ самимъ Островскимъ не только не уменьшило моего къ нему уваженія, какъ къ даровитѣйшему отечественному писателю, но, если можно сказать, даже увеличило“.

Результатомъ знакомства съ А. А. Григорьевымъ, стоявшимъ тогда во главѣ молодой редакціи „Москвитянина“, было появленіе въ этомъ журналѣ перваго печатнаго труда М. И. Семейскаго „Нѣсколько словъ о фамиліи Грибоѣдовыхъ“ (письмо къ редактору журнала „Москвитянинъ“), въ которомъ сообщались свѣдѣнія и историческіе документы о предкахъ А. С. Грибоѣдова. О томъ, какъ пробудилась въ авторѣ этой статьи страсть къ изученію русской исторіи, и о началѣ и первыхъ годахъ его литературной дѣятельности мы находимъ свѣдѣнія въ слѣдующей, въ высшей степени интересной, автобиографической замѣткѣ, продиктованной имъ самимъ стенографу въ 1876 году:

„Отечественную исторію я сталъ изучать съ весьма раннихъ лѣтъ моего возраста. Я говорю „изучать“ потому, что уже 15—16 лѣтъ не довольствовался однимъ учебнымъ курсомъ, а старался прочитывать, какъ говорилось въ школѣ, „постороннія книги“, имѣвшія болѣе или менѣе отношеніе до родной старины. Какъ теперь припоминаю, изъ этого рода сочиненій мнѣ особенно нравились Біографіи и Словарь достопамятностей російскихъ. Извѣстное сочиненіе Бантышъ-Каменскаго было едва-ли не первою книгою, которая прочитана была мною, и прочитана не одинъ разъ, изъ отдѣла книгъ по отечественной исторіи. Какъ ни суха, повидимому, эта книга, какъ ни однообразно изложеніе біографій, въ ней помѣщенныхъ, тѣмъ не менѣе и въ нихъ—въ этихъ служебныхъ спискахъ, разбавленныхъ большею частью похвалами—я нашелъ для своего юнаго воображенія не мало фактовъ, воскресившихъ предо мною прошедшую жизнь.

„Вслѣдъ за Бантышъ-Каменскимъ подвернулись мнѣ подъ руки „Записки о Россіи“ Манштейна, переведенныя съ французскаго Глинкою. Эта одна книга уже дала мнѣ мысль къ очинительству. Я вздумалъ, по ней, по одной этой книгѣ, соста-

вить биографическій очеркъ жизни знаменитаго канцлера Ивана Андреевича Остермана, трудился надъ этимъ нѣсколько недѣль, и самой внѣшности этой биографіи придавъ, быть можетъ самъ того не замѣчая, такой-же видъ, какой имѣли биографическіе очерки въ словарѣ Бантышъ-Каменскаго. Мнѣ было 16, много 17 лѣтъ, когда я, такимъ образомъ, выступилъ на поприще составленія, будто-бы, самостоятельныхъ очерковъ.

„Профессоромъ исторіи былъ у меня извѣстный въ свое время по бездарности Михаилъ Ивановичъ Касторскій — тотъ самый, который въ теченіе многихъ лѣтъ, благодаря какой-то протекціи, могъ занимать кафедру въ петербургскомъ университетѣ. Это былъ старичекъ довольно уморительной наружности, съ весьма странными* ухватками и положительно не умѣвшій проговорить полчаса связно и логично. Преподаваніе его сводилось къ устряловскому учебнику, но разбавлялось однако одною особенностью: изрѣдка онъ обращалъ вниманіе своей аудиторіи на источники. Такъ, напр., онъ останавливался на нѣкоторыхъ подробностяхъ о лѣтописцѣ Несторѣ, на нѣкоторыхъ его продолжателяхъ и даже знакомилъ съ подлинными грамотами. Связь изложенія исторіи съ источниками къ ней у него была весьма мала, отрывочна, но тѣмъ не менѣе большое спасибо его памяти за то, что онъ далъ мнѣ, хотя и самое поверхностное, понятіе о томъ, что такое источники. Это до такой степени впоследствии времени сослужило мнѣ службу, что, какъ теперь помню, въ своей педагогической практикѣ преподаванія отечественной исторіи, я не иначе преподавалъ ее, какъ опираясь на примитивныя, т. е. первоначальныя данныя къ излагаемымъ событіямъ. Страсть или, лучше сказать, способность къ компилятивнымъ работамъ, къ обращенію съ источниками внушена мнѣ была также и нѣкоторыми другими преподавателями въ нашемъ заведеніи, которые задавали темы, требуя обработать ихъ по рекомендуемымъ книгамъ. Такъ, напр., мнѣ, на 18-мъ году жизни, довелось писать большое сочиненіе — очеркъ исторіи русскаго театра, какое-то статистическое сочиненіе, мною теперь совершенно забытое, очеркъ исторіи государственнаго совѣта — это изъ науки законовѣднія, и нѣкоторыя другія. Первая изъ названныхъ компиляцій, какъ ни слаба она была, сослужила мнѣ ту службу, что дала возможность погрузиться въ исторію

русской литературы XVIII столѣтія. Кто знаетъ, быть можетъ, безъ названной темы, когда-бы еще довелось мнѣ перечитать журналы Новикова, Александра Сумарокова, сочиненія Екатерины II, братьевъ Эминныхъ, журналы Крылова, Рубана, Козицкаго, Дашковой и проч. и проч. Между тѣмъ, тутъ, имѣя въ виду свою литературную работу, я, такъ сказать, всецѣло погрузился въ эти сѣренькія, плохой старинной печати, книги, и цѣлыми днями просиживалъ въ публичной библіотекѣ.

„Сочиненія вышли, конечно, плохія, хотя и сопровождались весьма пышными аттестаціями преподавателей. Но масса усвоенныхъ фактовъ осталась дорогимъ приобрѣтеніемъ для послѣдующей моей жизни. Возвращаясь къ этому труду,—я говорю объ очеркѣ русской народной комедіи, а не театра, — скажу, что, и по выходѣ изъ учебнаго заведенія, я посвятилъ ему около года довольно усидчивой работы, и руководителемъ или, лучше сказать, подстрекателемъ къ этому труду былъ извѣстный въ свое время профессоръ русской словесности и самый лучший переводчикъ англійскихъ романовъ Ирinarхъ Ивановичъ Введенскій. Онъ былъ уже слѣпъ, когда я его зналъ и когда его помню. Но, несмотря на слѣпоту свою, этотъ человѣкъ сохранялъ всю горячность молодости, необыкновенную энергію и потребность возбужденія окружавшихъ его молодыхъ людей къ неустанному и упорному умственному труду. Рѣчь его была необыкновенно увлекательна, а самая наружность до чрезвычайности симпатична. Вообще вся эта фигура преждевременнаго инвалида труда дѣйствовала необыкновенно обаятельно на всѣхъ, кто сколько-нибудь ближе съ нимъ сходилъ. Какъ теперь помню, съ какою боязнью явился я къ нему на Петербургскую сторону, недалеко отъ Тучкова моста, въ 3-й этажъ, въ весьма скромную квартиру, и давалъ отчетъ о ходѣ своихъ занятій въ публичной библіотекѣ. Какъ теперь помню, какъ сжималось у меня сердце при отчетахъ о томъ, что работа у меня далеко не спорилась такъ, какъ было-бы желательно моему руководителю. Въ пыломъ воображеніи Введенскаго этотъ трудъ уже являлся вполне законченнымъ, а между тѣмъ, какъ онъ самъ не могъ не видѣть изъ моихъ отчетовъ, его питомецъ барахтался лишь только въ первоначальныхъ источникахъ къ этой работѣ—въ журналистикѣ и въ произведеніяхъ вообще русскихъ авторовъ екатерининской

эпохи. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, припадокъ злой холеры унесъ Введенскаго въ могилу, а съ тѣмъ вмѣстѣ и работа моя какъ-бы оборвалась. Я возвращался къ ней уже, такъ сказать, эпизодически, взявши на себя въ то-же время преподаваніе русской словесности, а вслѣдъ затѣмъ и отечественной исторіи въ нѣкоторыхъ второстепенныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

„Крайній недостатокъ средствъ, ничтожность задѣльной платы за уроки, небольшой кругъ знакомыхъ и полное невѣдѣніе литературныхъ кружковъ, которымъ, по самому своему воспитанію, я былъ вполне чуждъ, т. е. стоялъ отъ нихъ волею-неволею въ сторонѣ ¹⁾—все это не могло развить во мнѣ мысли когда-нибудь выступить въ печать. Видѣть какую-либо строчку своихъ писаній въ печати казалось дѣломъ столь несбыточнымъ, что не могло даже придти и въ голову 21—23 лѣтнему молодому человѣку. Между тѣмъ, это несчастіе случилось гораздо ранѣе, чѣмъ и можно, и должно было надѣяться. Смѣло говорю „несчастіе“, потому что для будущаго литературнаго работника, хотя-бы и весьма второстепеннаго, хотя-бы и не оригинальнаго, не самостоятельнаго, а компилятора, надо выступить въ печать сколь возможно позже. Преждевременное тисненіе отучаетъ отъ упорности въ работѣ, отъ всесторонней обдуманности писаннаго и, наконецъ, слабые очерки неопытнаго пера съ именемъ несозрѣвшаго автора выбрасываетъ на судъ, иногда придирчивой, но большею частью справедливой критики. Между тѣмъ рѣзкіе отзывы значительно обезкураживаютъ его и не мало доставляютъ горькихъ минутъ въ его жизни. Короче сказать, не только беллетристу въ особенности, но даже и скромному компилятору историческихъ статей я всегда посоветую начать сколько возможно позже выдвигаться на печатную арену. Въ моей, однако, жизни случилось какъ разъ напротивъ.

„Въ томъ кружкѣ Введенскаго, въ которомъ вращался я, вращался, впрочемъ, весьма короткое время, такъ какъ сблизился съ нимъ лишь за годъ до его преждевременной кончины, былъ гвардейскій офицеръ, нѣкто Владиміръ Николаевичъ Рюминъ, весьма расторопный и смысленный человѣкъ, который, замѣтивъ оживленіе нашей журналистики съ первыми годами

¹⁾ Сношенія съ Введенскимъ предшествуютъ поѣздкѣ въ Москву.

царствованія имп. Александра Николаевича, рѣшился прикнудить къ этому движенію съ издательствомъ небольшимъ по объему, но съ весьма заманчивымъ заглавіемъ: „Общезанимательный Вѣстникъ“. Это былъ весьма жидкій по объему, но иллюстрированный журналъ, и, какъ по самому своему заглавію, такъ и по значенію и, наконецъ, въ особенности по иллюстраціямъ. — еще тогда довольно новымъ, ибо прежняя „Иллюстрація“ давно зачахла и не существовала, а новой еще не возникало, — этотъ журналъ могъ-бы очень и очень пойти, если-бы успѣхъ не подѣйствовалъ на г. Рюмина совершенно обратно тому, чего можно было ожидать. Успѣхъ, повторяю, былъ, но собранныя деньги пошли на мотовство — на угощеніе пріятелей, и журналъ послѣ года или 1½ исчезъ самъ собою. Какъ ни кратко было его существованіе, но и онъ нуждался въ сотрудникахъ. Кругъ людей пишущихъ былъ въ то время не великъ, да и всѣ пишущіе распредѣлялись по небольшому числу тогдашнихъ журналовъ. Между тѣмъ, новое изданіе было на то, чтобы открывать новые таланты. Къ тому-же это было и для издателей гораздо дешевле. Въ числѣ открытыхъ дарованій и пишущій эти строки былъ заповоленъ Рюминымъ на страницы его изданія. Подмѣтивъ во мнѣ любовь къ отечественной исторіи и къ старинной отечественной словесности и нѣкоторыя усвоенныя въ этомъ отношеніи знанія, Рюминъ упросилъ меня дать ему двѣ или три монографійки. Одною изъ первыхъ была статья изъ временъ императрицы Анны Иоанновны, а именно, о ледяномъ домѣ и придворномъ бытѣ ея времени. Такимъ образомъ, чтеніе записокъ Манштейна, Бантышъ-Каменскаго и изученіе скуднаго арсенала русскихъ книгъ по русской исторіи XVIII вѣка не пропало для меня безслѣдно; оно привлекло къ составленію первыхъ статей, съ которыми, повторяю, имѣлъ несчастіе слишкомъ рано выступить въ печать.

„Журналъ Рюмина растаялъ, т. е. исчезъ, но толчокъ въ литературѣ, — не имъ, а духомъ новаго времени, — былъ данъ, и новые журналы стали зарождаться чуть-ли не десятками. Едва-ли число читателей возрастало такъ быстро, какъ стало возрастать число пишущихъ, число сотрудниковъ. Сколько тогда появилось поэтовъ, критиковъ, романистовъ, въ особенности составителей картинокъ съ натуры и всевозможныхъ обличительныхъ рассказовъ. Сколько

теперь я вижу разныхъ почтенныхъ чиновниковъ, предсѣдателей разныхъ учреждений, наконецъ, статсъ-секретарей и сенаторовъ, которые въ упоминаемые мною годы, т. е. 20 лѣтъ тому назадъ, бойко подмахивали свое имя на печатныхъ страницахъ тѣхъ или другихъ, давно уже скончавшихся, журналовъ! И никогда, кажется, не думалось имъ быть писателями, и исчезли-то они разъ навсегда изъ печати весьма скоро! Но тѣмъ не менѣе, 20 лѣтъ тому назадъ (т. е. въ концѣ 1850-хъ годовъ), многие изъ нихъ являлись сотрудниками эфемерныхъ изданій.

„Въ этой плеядѣ авторовъ почти не было трудолюбцевъ по отечественной исторіи. Область отечественной старины была заповѣдною землею, куда, подъ вліяніемъ еще мусинъ-лужкинской цензуры, не вступалъ журнальный изслѣдователь. За забраломъ устряловскаго учебника масса русской публики и не видала, и не знала положительно ничего того, что въ настоящее время знаетъ любой гимназистъ среднихъ классовъ учебныхъ заведеній. И вотъ, выступаю я съ историческими очерками изъ временъ Петра Великаго, изъ эпохи царствованія Анны Іоанновны, воспроизвожу первые дни царствованія Елисаветы Петровны, наконецъ, во всей подробности раскрываю знаменитую трагедію— дѣло царевича Алексѣя Петровича. Съ бойкостью и увлеченіемъ молодости быстро набрасываю я далеко не зрѣлые очерки; не успѣвъ строго-критически разсмотрѣть тѣ источники, изъ которыхъ черпаю свои свѣдѣнія, прочитываю груды матеріала, но матеріала печатнаго, хотя и вовсе почти невѣдомаго публикѣ. И всѣ эти скороспѣлые труды новоиспеченные журналы, каковы „Русское Слово“, „Свѣточъ“ и другіе, спѣшатъ оттиснуть на своихъ страницахъ, пользуясь тѣмъ, что цензура начинаетъ конфузиться прежняго режима задушенія всего, что только относится до разоблаченія фактовъ изъ недавней отечественной исторіи. Какъ ни незрѣлы были эти очерки, но именно, благодаря невѣднію массы читателей или, лучше сказать, невѣжеству ея въ отечественной исторіи, статьи мои, не скрою, имѣли успѣхъ. Редакціи съ удовольствіемъ ихъ печатали, а я съ увлеченіемъ просиживалъ ночи за записками, а дни проводилъ въ бѣганіи по библіотекамъ, въ то время, когда надо было еще не писать, а серьезно и всесторонне заканчивать свое образованіе, крайне недостаточное и весьма мало соотвѣт-

ствующее тому поприщу, на которое судьба выдвигала меня. Но какъ уча другихъ, самъ учишься, такъ и я, сочиняя и печатая, болѣе и болѣе знакомился съ избранною мною спеціальностью. Отечественная исторія во всѣхъ ея подробностяхъ, въ особенности послѣднихъ трехъ столѣтій, сдѣлалась мнѣ извѣстна какъ нельзя лучше, до такой степени, что я весьма рано почувствовалъ стремленіе изучать ее не въ грудахъ печатнаго русскаго и французскаго матеріаловъ, а въ подлинныхъ архивныхъ источникахъ. Тутъ, на мое счастье, и духъ новаго времени помогъ удовлетворенію моего желанія.

„Въ прежнее недавнее время, въ царствованіе Николая Павловича, наши архивы были или склады полусгнившаго бумажнаго хлама, или хорошо устроенныя кладовыя, куда не провикалъ ни одинъ нескромный взоръ. Очень рѣдко, совершенно случайно, выходили изъ этихъ кладовыхъ въ крайне скромныхъ размѣрахъ новыя свѣдѣнія, большею частью по запросу самого Августѣйшаго ихъ хозяина. Поинтересовался, напр., знать Николай Павловичъ о судьбѣ Артемія Волинскаго, о судьбѣ правительницы Анны Леопольдовны,— и вотъ чиновниками крайне секретно составлялись двѣ, три записки и оставались въ копіяхъ въ рукахъ весьма немногихъ лицъ. Духъ новаго времени, повторяю, вскрылъ и затворы этихъ кладовыхъ. Подлежащія министерства на просьбы мои о допущеніи въ тотъ или другой архивъ конфузились отвѣчать отказомъ. И вотъ, предо мною послѣдовательно открылись архивы главнаго штаба, академіи наукъ, синода, куда я, впрочемъ, не имѣлъ досуга и заглянуть, и въ особенности растворился мнѣ архивъ государственный, т. е. архивъ при министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, заключающій въ себѣ драгоцѣнные матеріалы о царствованіи Петра Великаго и о послѣдующихъ эпохахъ. Въ этомъ архивѣ я остановился именно на матеріалахъ Петровскаго времени, на что въ особенности меня наталкивало прочтеніе не задолго передъ этимъ вышедшихъ 4-хъ томовъ сочиненія Устрялова „Исторія царствованія Петра Великаго“. Этотъ сухой, безъ всякаго дарованія написанный и на началѣ тисненія остановленный трудъ, однако, былъ для меня и для прочихъ любителей отечественной исторіи крайне важенъ тѣмъ, что въ немъ все было наполнено подлинными архивными матеріалами. Ближе взглянуть на эти

и на неизданные еще матеріалы—вотъ что заставляло меня въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ прежде всего остано- виться на царствованіи Петра Великаго. Но и тутъ страсть къ писательству, крайне возбужденная во мнѣ запросами журна- листовъ, повредила и помѣшала мнѣ, т. е. вмѣсто того, чтобы неторопливо и всесторонне ознакомиться съ тѣми сокровищами, доступъ къ которымъ оказался для меня столь легкимъ, я, натолкнувшись на весьма интересный, правда, эпизодъ, относя- щійся къ судьбѣ невѣстки Петра Великаго, царицы Прасковьи Ѳедоровны Салтыковой, остановился предъ этою очень оригина- льною личностью и посвятилъ нѣсколько мѣсяцевъ на составленіе очерка ея жизни. Этотъ очеркъ почти всецѣло былъ составленъ по архивному, до тѣхъ поръ невѣдомому, матеріалу. Написанъ онъ былъ, дѣйствительно, бойко, живо и, по самому характеру своихъ матеріаловъ, не могъ остаться незамѣченнымъ. При томъ же монографія явилась на страницахъ новаго и весьма сочувственно принятаго литературнаго журнала. Это былъ литературный и политическій журналъ „Время“, съ 1860 года издававшійся братьями Достоевскими. Писательство, опять повторяю—преждевременное, тѣмъ вредно, что оно втяги- ваетъ въ себя съ необыкновенною силою. Такъ было и со мною. За большою монографіею о царицѣ Прасковѣ потянулась еще бѣольшая монографія объ императрицѣ Катеринѣ 1-й. И эта монографія составлялась по архивнымъ матеріаламъ, печаталась въ томъ-же журналѣ и читалась публикою съ большимъ любо- пытствомъ.

„Шестнадцать лѣтъ прошло послѣ появленія моихъ первыхъ историческихъ очерковъ, и съ нѣкоторой точки зрѣнія нахожу ихъ, за исключеніемъ развѣ двухъ послѣднихъ, о которыхъ только что упомянулъ, весьма слабыми. Но никогда не скажу, чтобы труды эти были-бы для нашей публики того времени бесполезны. Если они были для кого мало полезны, то это для меня самого, такъ какъ составленіе ихъ, поглощая у меня много времени, не допускало къ тому серьезному самообразованію, которое, однако, должно было имѣть мѣсто. Что касается до читающаго общества, то, повторяю, они были весьма полезны, и вотъ почему. Я уже выше сказалъ, что эта масса, сквозь устриловщину глядя на отечественную исторію, была въ полнѣй-

ишемъ невѣжествѣ по отношенію къ родной старинѣ. И вотъ являются въ литературныхъ журналахъ монографіи въ весьма живой формѣ и, совершенно не обинуясь скажу, трактующія о всѣхъ историческихъ лицахъ, и въ особенности о представителяхъ власти въ Россіи XVIII вѣка, въ самыхъ простыхъ образахъ, низводя ихъ съ ходулей, на которыхъ они до сихъ поръ высились. Въ этихъ монографіяхъ эти лица были оживляемы предъ умственнымъ взоромъ читателя, со всѣми ихъ малыми и крупными недостатками, со всѣми ихъ человѣческими слабостями, со всѣми послѣдствіями въ ихъ характерахъ и ихъ дѣйствіяхъ вліянія той среды, въ которой выросли и дѣйствовали эти герои и героини, эти монархи и монархини.

„Будучи полезны для отрезвленія русскаго общества отъ устряловщины, мои историческіе этюды были въ то-же время и тѣмъ тараномъ, который пробивалъ цензурную, все еще плотно сплоченную, стѣну. Десятки такихъ очерковъ образовалъ уже настолькоъ значительную брешь въ этой стѣнѣ, что сквозь нея проходилъ весьма свободно цѣлый рядъ и болѣе серьезныхъ, и болѣе научныхъ изслѣдованій, но все въ области запретной—изъ области отечественной исторіи XVIII вѣка. Что это не натяжка, что толстый покровъ, который наше правительство столь усердно накидывало на нашу недавнюю старину, былъ еще слишкомъ толстъ,—лучше всего видно изъ слѣдующаго. Когда появилось нѣсколько моихъ монографій, когда вслѣдъ за публикою, съ жадностью ихъ прочитавшею, онѣ обратили благосклонное вниманіе правительства, тогда немедленно состоялось слѣдующее распоряженіе—не допускать въ печать историческихъ монографій о государяхъ и государыняхъ времени послѣ смерти Петра Великаго. Такимъ образомъ, администрація наша уступала лишь не иначе, какъ съ боя, шагъ за шагомъ поле изслѣдователю отечественной новѣйшей исторіи.... Но распоряженіе 1860 года имѣло и ту хорошую сторону, что какъ-бы громогласно объявляло о полной свободѣ, которая предоставлялась русскимъ историкамъ или, правильнѣе сказать, историкамъ Россіи по отношенію ко всѣмъ вѣкамъ, событіямъ и лицамъ до 1725 года, т. е. до кончины Петра Великаго. Отнынѣ, т. е. со времени упомянутаго распоряженія и при существованіи еще на Руси цензуры, не могло быть уже и рѣчи о томъ.

чтобы не допустить обнародованія тѣхъ или другихъ свѣдѣній о разныхъ Іоаннахъ, о первыхъ Романовыхъ и въ особенности о Петрѣ Великомъ. Это былъ уже шагъ впередъ, и шагъ значительный, и если мои именно монографіи вызвали упомянутое распоряженіе, то за ними была-бы и заслуга того невольнаго признанія свободы для изслѣдованія до 1725 года, которая, такъ сказать, была вырвана со стороны администраціи.

„Оживленіе, съ которымъ я трудился, роясь въ архивахъ, засиживаясь въ библіотекахъ и держа корректуру своихъ длинныхъ монографій въ томъ или другомъ журналѣ, — это оживленіе было не во мнѣ одномъ, оно было во всемъ русскомъ обществѣ, жившемъ не физическою, но и духовною жизнью, т. е. объ этомъ только обществѣ я и говорю. Да, велико было оживленіе русскаго общества въ концѣ 1850-хъ и въ началѣ 1860-хъ годовъ! Все это кипѣло, все это говорило о реформахъ, о необходимости преобразованій тѣхъ или другихъ сторонъ въ общественномъ организмѣ, о недостаткахъ близкаго прошлаго, еще не вполне отжившаго, о свѣтлыхъ, повидимому, слишкомъ смѣлыхъ, повидимому вовсе неосуществимыхъ надеждахъ на будущее! Какое особенное оживленіе замѣтно было въ литературныхъ кружкахъ! Да и какъ ихъ было много! Какъ велики они были! Сколько совершенно свѣжихъ и до сихъ поръ совершенно чуждыхъ силъ втягивали они въ себя, людей изъ различныхъ слоевъ возраждавшагося къ новой жизни русскаго общества. Нельзя себѣ представить, какъ интересны, какъ шумны, какъ увлекательны были сходки подвижниковъ русской литературы, русской журналистики, накануне, такъ сказать, освобожденія Россіи! Я говорю о крѣпостной Россіи. Въ какихъ-нибудь двухъ комнатахъ моихъ, напр. на Спасской улицѣ, въ домѣ Трута, ежедневно сходилось съ полсотни лицъ, трудившихся въ журналахъ и газетахъ. За стаканомъ жидкаго чая, въ клубахъ табачнаго дыма, въ виду плохаго стараго стола и едва-ли десятка стульевъ, эта полсотня толпилась и не видала, какъ летѣли часы далеко за полночь въ спорахъ самыхъ оживленныхъ. И все это были споры, толки и рассказы не о своихъ личностяхъ, не о личныхъ препирательствахъ, не о своихъ мелкихъ интересахъ—нѣтъ! все это были толки объ отечествѣ, о возрожденіи его на всѣхъ стезяхъ его жизни къ лучшему. Да, не

первый я, да и далеко не последний из той эпохи, скажу съ полною искренностью: неотъемное, незабвенное время, и никогда тебя не вернуть не только въ моей жизни—нѣтъ, но и въ жизни всего русскаго общества! Объ этомъ времени было слишкомъ много писано и мнѣ не къ чему прибавлять что-либо къ его характеристивѣ. Скажу только, что жилось до крайности весело, до крайности весело работалось, съ необыкновеннымъ увлеченіемъ“.

Къ этимъ свѣдѣніямъ о первыхъ годахъ литературной дѣятельности М. И. Семеваго мы прибавимъ указаніе на главнѣйшія его статьи ¹⁾.

Ко времени до Петра В. относится его статья „Царевна Софья Алексѣевна и кн. В. В. Голицынъ“.—Ко времени Петра В.: „Царица Авд. Ѡ. Лопухина“, „Царевичъ Алексѣй Петровичъ“, „Шарлота Христина, супруга царевича Алексѣя Петровича“, „Сторонники царевича Алексѣя Петровича“, „Фрейлина Гамильтонъ“, „Слово и дѣло — рассказъ изъ исторіи Тайной канцеляріи“, „Самуилъ Выморковъ, проповѣдникъ явленія въ Россіи антихриста“, „Петръ В. какъ юмористъ“, „Семейство Монсовъ“, „Царица Прасковья“.

Послѣдующимъ царствованіямъ XVIII в. посвящены слѣдующія статьи: „Очеркъ жизни и убіенія Іоанна Антоновича“, „Очерки изъ исторіи царствованія Елизаветы Петровны“, „Статсъ-дама Нат. Ѡед. Лопухина“, „Противники Фридриха Великаго—Апраксинъ и Бестужевъ-Рюминъ“, „Шесть мѣсяцевъ изъ русской исторіи“ (1761—62),—очеркъ царствованія Петра III, „Завѣщанія великаго князя Павла Петровича“ (1788 г.).

Къ царствованію Александра I относятся статьи: „Гр. М. А. Милорадовичъ“, „Партизанъ Сеславинъ“ и пр.

Изъ очерковъ по исторіи русской литературы назовемъ: „Н. А. Бестужевъ, біографическій очеркъ“, „Александръ Бестужевъ (Марлинскій) въ Якутскѣ и на Кавказѣ“, „Повѣдка въ Тригорское: замѣтки и матеріалы для біографіи поэтовъ Пушкина, Жуковскаго, Языкова и бар. Дельвига“, „Къ біографіи А. С. Пушкина“ и проч.

¹⁾ Списокъ всѣхъ его статей и замѣтокъ до основанія „Русской Старины“ см. ниже.

Статьи эти были напечатаны въ слѣдующихъ журналахъ (1859—69 гг.): „Отечественныя Записки“, „Русское Слово“, „Русскій Вѣстникъ“, „Время“, „Вѣстникъ Европы“, „Библиотека для Чтенія“, „Военный Сборникъ“, „Разсвѣтъ“, „Иллюстрація“, „Вѣкъ“, „Свѣточъ“, „Журналъ Минист. Народн. Просвѣщенія“, „Заря“ и проч. и въ газетахъ: „С.-Петербургскія Вѣдомости“ и „Голосъ“.

Всѣ эти статьи М. И. Семевского, написанныя легко и общедоступно, имѣли большой успѣхъ среда читающей публики, возбуждали интересъ къ новой русской исторіи и подготавливали почву для широкаго распространенія основаннаго имъ впоследствии историческаго журнала.

Кромѣ научно-литературной дѣятельности, не мало времени жизни М. И. Семевского было поглощено преподаваніемъ русской исторіи и русскаго языка въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ. Осенью 1857 г. онъ былъ прикомандированъ къ первому кадетскому корпусу въ качествѣ репетитора по русскому языку и занималъ эту должность до февраля 1861 г., а въ ноябрѣ того же года окончательно покинулъ военную службу. Еще ранѣе этого, въ 1860 г., онъ былъ приглашенъ инспекторомъ классовъ Смольнаго института, знаменитымъ педагогомъ К. Д. Ушинскимъ, преподавать въ старшихъ классахъ Александровской половины этого института, наряду съ другими извѣстными преподавателями того времени, какъ напр. В. И. Водовозовъ, Д. Д. Семеновъ и др. Талантливыя лекціи М. И. Семевского, къ которымъ онъ готовился въ высшей степени добросовѣстно, возбуждали живой интересъ слушательницъ и содѣйствовали развитію молодыхъ дѣвушекъ. Онъ не только талантливо читалъ лекціи, но и заставлялъ своихъ ученицъ знакомиться со многими сочиненіями по русской исторіи, постоянно провѣряя, устно и письменно, насколько они усвоили прочитанное, и эти дѣвушки, ничего прежде не читавшія, подъ руководствомъ Семевского начинаютъ знакомиться съ сочиненіями Костомарова, Соловьева и проч. Къ сожалѣнію, К. Д. Ушинскій былъ вынужденъ въ 1862 г. покинуть мѣсто инспектора классовъ въ Смольномъ институтѣ, а вмѣстѣ съ нимъ оставилъ институтъ и М. И. Семевскій, надолго сохранивъ, впрочемъ, дружескія отношенія и знакомство со своими бывшими ученицами.

Въ 1863 г. Михаилъ Ивановичъ получилъ отъ министерства народнаго просвѣщенія приглашеніе обозрѣть школы Псковской губ. Онъ съ величайшимъ вниманіемъ отнесся къ возложенной на него задачѣ и результатомъ его поѣздки былъ весьма обстоятельный трудъ подъ заглавіемъ: „Грамотность въ деревняхъ временно-обязанныхъ и государственныхъ крестьянъ Псковской губ. въ 1863 г.“, Спб., 1864 г., двѣ книги, съ статистическими таблицами и картою псковской учебной дирекціи, изд. минист. нар. просвѣщенія, а также брошюра „Учебныя заведенія въ городѣ Псковѣ“ (Спб., 1863 г., изд. минист. народ. просвѣщ.) Послѣ этой поѣздки, онъ составилъ также трудъ о городѣ Торопцѣ („Записки импер. русск. геогр. общ.“ 1864 г.).

Въ январѣ 1864 г. Михаилъ Ивановичъ поступилъ на службу въ государственную канцелярію. Первоначально онъ работалъ тамъ по отдѣленію государственной экономіи, а съ октября 1866 г. былъ зачисленъ въ отдѣленіе объ устройствѣ сельскаго состоянія. Въ 1877 г. М. И. былъ уже произведенъ въ дѣйствительные статскіе совѣтники, а въ слѣдующемъ году назначенъ помощникомъ статсъ-секретаря государственнаго совѣта. Въ 1880 г., во время нахождения въ отпуску управляющаго дѣлами главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія, онъ управлялъ дѣлами этого комитета, а въ 1882 г., по случаю упраздненія этого комитета, уволенъ, согласно желанію, отъ службы съ производствомъ въ тайные совѣтники и назначеніемъ пенсіи (въ 2.000 р.).

Съ 1870 г. Михаилъ Ивановичъ сталъ издавать историческій журналъ „Русская Старина“, объ основаніи котораго мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія въ его автобіографическихъ замѣткахъ: „Началь я это изданіе въ сотовариществѣ съ моимъ троюроднымъ братомъ, нынѣ покойнымъ, Василиемъ Арсеньевичемъ Семевскимъ. Этотъ добрый, мягкій и во многихъ отношеніяхъ весьма милый человѣкъ, крайне мало интересовался литературою: пробавлялся, въ часы досуга, въ своей свѣтской жизни, чтеніемъ кой-какихъ повѣстухъ, романовъ, да газетъ, преимущественно мелкой прессы. Желая, однако, угодить мнѣ, а также немножко и польстить своему небольшому, впрочемъ, тщеславію, онъ согласился, въ ноябрѣ 1869 г., взять на себя званіе отвѣтственнаго издателя-редактора историческаго повременнаго изданія „Русская Старина“,

впередъ, однако, выговоривъ себѣ право быть свободнымъ отъ участія въ какихъ-бы то ни было хлопотахъ и заботахъ по этому изданію, но былъ такъ добръ, что сдѣлалъ даже ссуду, въ общемъ размѣрѣ дошедшую до 3.000 руб., каковая ссуда сполна и ввмѣщена ему, даже съ процентами, къ началу 1873 года⁴.

Первая книга „Русской Старины“ за 1870 г. вышла въ объемѣ всего 4½ печатн. листовъ; издателемъ и отвѣтственнымъ редакторомъ журнала былъ В. Семеvскій (Василій Арсен.), а о Михаилѣ Ивановичѣ было сказано, что онъ принимаетъ „непосредственное и постоянное участіе въ трудахъ редакціи“, но, какъ мы уже знаемъ, съ самаго начала изданія Михаилъ Ивановичъ былъ его полнымъ хозяиномъ, безъ всякаго вмѣшательства со стороны В. А. Семеvскаго.

Въ такомъ скромномъ размѣрѣ, втрое менѣ нынѣшнихъ обычныхъ книжекъ, стала выходить тогда „Русская Старина“¹), но журналъ настолько заинтересовалъ публику, что уже къ сентябрю мѣсяцу всѣ первыя шесть книгъ его разошлись и напечатаны были вторымъ изданіемъ (въ обоихъ изданіяхъ разошлось 2.600 экз.), въ 1871 г. „Русская Старина“ имѣла 3.500 подписчиковъ, въ 1872 г. разошлось въ двухъ изданіяхъ болѣе 4.000 экз., а затѣмъ, во всѣ послѣдующіе годы, журналъ имѣлъ отъ 5 до 6 слишкомъ тысячъ подписчиковъ. Въ теченіе 22-хъ лѣтъ существованія „Русской Старины“ издано было 73 тома этого журнала.

Нѣкоторые изъ мемуаровъ, печатавшихся въ „Русской Старинѣ“, выходили потомъ и отдѣльнымъ изданіемъ (записки Болотова, Добрынина, Глинки, Сельскаго священника), но сверхъ того, М. И. Семеvскимъ было издано не мало такихъ книгъ и матеріаловъ, которые первоначально не появлялись въ „Русской Старинѣ“ или были напечатаны не вполне²).

¹) Подписная цѣна была назначена въ 7 руб.

²) А именно: „Бунтъ военныхъ поселеній въ 1831 г.“ (изд. 1870 г.), „Графъ Аракчеевъ и военныя поселенія“ (1871 г.), „Записки Е. А. Хвостовой“ (1871 г.), „Записки кн. Я. Шаховскаго“ (1872 г.), „Петровскій сборникъ“ (1872 г.), „Русская родословная книга“, подъ редакціею кн. А. Б. Лобанова-Ростовскаго, 2 т., изд. 1873—75 гг., „Павловскъ“, очеркъ его исторіи. „Знакомые“, альбомъ М. И. Семеvскаго, „Записки Н. И. Толубѣва“, „Россія и

Извѣстно, какое громадное значеніе имѣла „Русская Старина“, не только для спеціалистовъ, но и для всего образованнаго общества; здѣсь, обыкновенно въ живой увлекательной формѣ, читатели знакомились съ фактами прошлой жизни русскаго общества и народа, съ біографіями замѣчательныхъ дѣятелей на всѣхъ поприщахъ — военномъ, духовномъ, ученомъ, художественномъ, литературномъ. Журналъ пріобрѣлъ постоянный кругъ читателей и имѣлъ пламенныхъ почитателей. „Русская Старина“ была извѣстна въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ нашего отечества и вездѣ будила самосознаніе и честную мысль, обличала, хотя и заднимъ числомъ, грѣхи нашего давняго и недавняго прошлаго, предостерегала отъ повторенія ихъ въ будущемъ. Редакторъ „Русской Старины“ умѣлъ отзываться на многія явленія современной жизни и давалъ весьма кстати такіе историческіе матеріалы, которые хорошо освѣщали текущія событія. Въ своемъ неустанномъ трудѣ по изданію журнала Михаилъ Ивановичъ находилъ дѣятельную поддержку во всѣхъ сферахъ общества: люди съ самымъ разнообразнымъ положеніемъ, отъ крестьянина и рабочаго до самыхъ высокопоставленныхъ лицъ, дѣлали важныя вклады матеріалами въ „Русскую Старину“. М. И. обладалъ особеннымъ искусствомъ вызывать соприкасавшихся съ нимъ людей на откровенныя разговоры о своемъ прошломъ, которые записывалъ и стенографировалъ, а не то побуждалъ самихъ рассказчиковъ въ составленію воспоминаній. Такъ, напр., Т. П. Пассекъ начала писать свои извѣстные мемуары „Изъ дальнихъ лѣтъ“ по вызову Михаила Ивановича, несмотря на то, что ей было тогда почти 70 лѣтъ!

Громаденъ былъ трудъ покойнаго при изданіи его журнала, не мало препятствій приходилось ему встрѣчать, много

русскій дворъ въ первой половинѣ XVIII в., записки и замѣчанія гр. Эрисга-Мвнixa“ (1891 г.). Издава была также „Систематическая роспись содержанія „Русской Старины“, пзд. 1870—84 гг., два прибавленія къ ней за 1886—87 и 1888—90 гг. и 5 выпусковъ альбома „Русскіе дѣтели въ портретахъ“. Были, наконецъ, переизданы прежнія сочиненія Михаила Ивановича: „Царяца Прасковья“ (1883 г.), „Слово и дѣло“ (два изданія—1883 и 1884 гг.) и „Царяца Екатерина Алексѣевна, Анна и Виллиамъ Моисѣ“ (1884 г.). Въ послѣдніе годы жизни Михаилъ Ивановичъ, на средства кн. Ѳ. А. Куракина, сталъ издавать документы Куракинскаго архива (издано два тома и остался совершенно подготовленнымъ къ печати III-й томъ).

силъ и здоровья уносили съ собою каждый томъ „Русской Старины“, надрывая нервы, ослабляя дѣятельность сердца, которое, наконецъ, и перестало биться такъ преждевременно, но дѣятельная натура М. И. Семевского не довольствовалась журнальною дѣятельностью, несмотря на то, что онъ былъ единственнымъ редакторомъ „Русской Старины“, а одного этого дѣла могло-бы хватить на нѣсколько человѣкъ. Повторяемъ, М. И. Семевскому было мало этого громаднаго литературнаго дѣла: его влекло и къ иной общественной дѣятельности, и вотъ съ 1877 г. онъ становится гласнымъ петербургской думы, принимаетъ самое дѣятельное участіе въ разныхъ ея комиссіяхъ, произноситъ рѣчи по поводу всякаго дѣла, болѣе важнаго и обращающаго на себя вниманіе общества. Особенно много силъ и труда отдалъ онъ училищной комиссіи и въ качествѣ ея члена, и въ качествѣ попечителя многихъ городскихъ училищъ.

Столь усердная, безкорыстная дѣятельность не могла не вызвать къ нему сочувствіе со стороны гласныхъ петербургской думы, и естественнымъ послѣдствіемъ этого было избраніе его, 22-го октября 1883 г., товарищемъ городского головы. Объ этомъ событіи онъ говоритъ слѣдующее въ своихъ автобіографическихъ замѣткахъ: „Было-бы лицемѣріемъ съ моей стороны, если-бы я, въ виду желанія нѣкоторыхъ гласныхъ с.-петербургской городской думы вновь предложить меня въ товарищи городского головы, отклонилъ-бы отъ себя подобную честь. Съ такою честью соединенъ большой трудъ, а отъ него едва-ли можетъ уклоняться кто-либо изъ гласныхъ, истинно интересующихся городскимъ хозяйствомъ и желающихъ принести пользу своею дѣятельностью въ общественномъ управленіи столицы... Кто ближе знаетъ мое положеніе, тотъ знаетъ также хорошо, что я не связываю съ предлагаемою должностью матеріальныхъ для себя интересовъ; но не скрою, что самая возможность быть болѣе полезнымъ городу, чѣмъ то было до сихъ поръ въ моемъ положеніи простаго гласнаго, нѣкоторая опытность, прибрѣтенная въ городскомъ хозяйствѣ въ теченіе 6-ти лѣтней службы городу, участіе во множествѣ хозяйственныхъ и исполнительныхъ комиссій, городской думою учрежденныхъ, затѣмъ полная свобода отъ государственной службы, которая прекратилась для меня съ закрытіемъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго со-

стоянія при государственномъ совѣтѣ—не могутъ не давать мнѣ увѣренности, что я нашель-бы въ себѣ и достаточно силы, и времени, и усердія для исполненія этого дѣла, которое могло-бы быть возложено на меня настоящими выборами...“. Въ другомъ мѣстѣ Михаилъ Ивановичъ записалъ: „Утвержденъ я министромъ 4-го ноября, т. е. ровно недѣлю спустя, какъ того и требуетъ законъ, послѣ выбора меня на этотъ крайне лестный и весьма трудный постъ. Избраніе состоялось въ городской думѣ въ пятницу, 22-го октября, въ два часа пополудни. Въ выборахъ участвовало 184 гласныхъ, и я совершенно неожиданно, по крайней мѣрѣ для меня, получилъ крайне рѣдкое большинство голосовъ 120 противъ 64. Извѣстно, что самъ городской голова, Иванъ Ильичъ Глазуновъ, баллотировавшійся также безъ соперниковъ на постъ городского головы въ 1881 г., получилъ, если не ошибаюсь, избирательныхъ только 147 голосовъ; но число избирателей, если опять-таки не ошибаюсь, превосходило цифру 200. Короче сказать, чести мнѣ оказано моими сотоварищами и сослуживцами по думѣ много, и я молю только Господа Бога, дабы Онъ помогъ мнѣ оправдать ихъ столь лестное для меня довѣріе“.

Вскорѣ послѣ того, въ декабрѣ того-же 1883 г., М. И. Семевскій произнесъ рѣчь учителямъ и учительницамъ петербургскихъ городскихъ училищъ, изъ которой видно какъ широко смотрѣлъ онъ на задачи, предстоящія общественному управленію Петербурга въ дѣлѣ народнаго образованія, какъ много, по его мнѣнію, предстояло еще сдѣлать въ этомъ отношеніи вообще и въ частности для улучшенія положенія учителей и учительницъ.

„Дѣло народнаго образованія“ (въ Петербургѣ) „поставлено на твердую почву, пустило глубокіе корни и приноситъ, и принесетъ еще въ будущемъ неисчислимыхъ, самыхъ благотворныхъ послѣдствія. Наконецъ, все это дѣло на вѣки вѣковъ, какъ надо надѣяться, будетъ уже непоколебимо. Дѣйствительно, дѣло совершенно величайшей важности. Шестъ съ половиною лѣтъ тому назадъ Петербургъ имѣлъ городскихъ начальныхъ школъ 16; отпуская ничтожную сумму на ихъ поддержку, онъ вовсе ихъ не зналъ. Святое дѣло начального народнаго образованія шло внѣ вѣдѣнія общественнаго управленія; про него нельзя было даже сказать, что оно хотя прозябало, ибо что такое 16 школокъ, съ грошевымъ вознагражденіемъ

учителей, въ плохихъ квартирахъ, для миллионнаго населенія Петербурга.

„Но вотъ правительство, слѣдуя предначертаніямъ незабвеннаго государя Александра II, съ полнымъ довѣріемъ отдаетъ это дѣло общественному самоуправленію. Не прошло еще и 7 лѣтъ, и на каждомъ почти перекресткѣ, во всѣхъ пунктахъ скученнаго населенія, мы видимъ вывѣски, указывающія на учрежденіе во всѣхъ этихъ мѣстахъ народныхъ училищъ. Если за нѣсколько десятковъ школъ, раскинутыхъ въ XVIII вѣкѣ по лицу земли русской волею и заботами Екатерины II, мы осыпаемъ эту государыню похвалами, если эпохѣ Александра I ставится въ заслугу опять-таки увеличеніе числа народныхъ училищъ, то какъ-же съ гордостью не сказать, что велика заслуга с.-петербургской городской думы, въ самый короткій періодъ времени, шесть съ половиною лѣтъ, даровавшей населенію безъ малаго 200 школъ и давшей полную увѣренность, что не за горами то время, когда не останется на нашихъ улицахъ ни одного ребенка школьнаго возраста, который не напелъ себѣ мѣста подъ сѣнью этихъ прекрасныхъ пріютовъ образованія. Такое великое дѣло не могло быть и никогда не будетъ совершенно волею одного человѣка; передъ величіемъ этого дѣла исчезаетъ чья-бы то ни было личность!..

„Училища раскинуты по всему Петербургу, они въ большинствѣ случаевъ помѣщены на столько удобно, на сколько это возможно въ частныхъ квартирахъ, въ домахъ, вовсе не имѣвшихъ въ виду вмѣщать въ себѣ тѣ или другія учебныя заведенія. Школы снабжены всѣми необходимыми учебными пособиями: платы за обученіе почти никакой, ибо нельзя назвать платою 2 руб. въ годъ, отъ которой освобождается ребенокъ при ссылкѣ на бѣдность или недостаточность его родителей. Содержаніе учителей, если взять во вниманіе квартиру, дрова, прислугу, наконецъ жалованье значительно превосходитъ такое-же содержаніе въ другихъ начальныхъ училищахъ внѣ вѣдѣнія с.-петербургской городской думы. Малѣйшіе вопросы, до учебнаго дѣла касающіеся, равно какъ и вопросы хозяйственные вообще всего внутреннего строя этого дорогаго намъ міра, налажены и продолжаютъ налаживаться, подвергаясь еженедѣльному и самому внимательному обсужденію среди училищной комиссіи при содѣйствіи гг. экспертовъ, состоящихъ на службѣ думы. Годовые акты, назначаемые въ думѣ, нашихъ начальныхъ школъ, обратились какъ-бы въ народныя для Петербурга торжества; они привлекаютъ къ себѣ представителей всѣхъ сферъ общества, до главы министерства народнаго просвѣщенія включительно.

„Итакъ, несомнѣнно сдѣлано много, но еще цѣлый рядъ вопросовъ предстоитъ разрѣшить. Число школъ, какъ показали статистическія данныя, выработанныя въ послѣднее время относительно дѣтей школьнаго возраста, на половину еще не соотвѣтствуетъ тому числу, которое должно быть непременно въ нихъ водворено. Между тѣмъ, нужды городского хозяйства во всѣхъ его разностороннихъ областяхъ чрезвычайно расширяются, платежныя средства населенія, въ особенности въ переживаемые годы, далеко не въ такой пропорціи увеличиваются. Является опасеніе, что еще далеко время, когда Петербургъ получитъ дѣйствительно потребное для него число начальныхъ училищъ; дай Богъ, чтобы эти опасенія не осуществились. Денежное содержаніе ваше, добрые друзья мои, не представляется свыше 65.000 руб. въ годъ. Не говорю 30, 20, даже 10 лѣтъ тому назадъ, это содержаніе было порядочное, теперь же оно является ничтожнымъ, но главное — оно представляется неподвижною цифрою, съ чѣмъ уже никакъ невозможно примириться, въ виду того, какъ поставлено вознагражденіе учащихся у нашихъ сосѣдей нѣмцевъ, французовъ, швейцарцевъ. Человѣкъ трудится нѣсколько лѣтъ, трудится, быть можетъ, всю жизнь и знаетъ, что отъ этого труда матеріальный достатокъ его останется въ той-же цифрѣ, а между тѣмъ прибавляются годы, упадаютъ силы, падаетъ здоровье, ослабляется энергія. Такое положеніе вредно отзывается на веденіи учебнаго дѣла. Мысль о прогрессивномъ вознагражденіи по числу лѣтъ службы — есть мысль самая вѣрная и признанная давно и всюду; она еще не признана пока у насъ, т. е. не получила одобренія нашей почтенной думы. Будемъ надѣяться, что данная здравая и справедливая мысль не будетъ погребена, но будетъ всецѣло принята и вознагражденіе за трудъ учителей и учительницъ въ этомъ отношеніи будетъ поставлено на наилучшую почву.

„Я упомянулъ о квартирахъ школъ у нашихъ сосѣдей: города гордятся прекрасными, специально устроенными для школъ, зданіями, только такія зданія могутъ всецѣло удовлетворять и гигиеническимъ и воспитательно-учебнымъ цѣлямъ. Будемъ надѣяться, что въ недалекомъ будущемъ Петербургъ украсится такими зданіями и что въ мѣстахъ съ особенно скученнымъ населеніемъ въ нихъ помѣстится по нѣскольку училищъ. Такимъ образомъ достигнется экономія, а главное — цѣли гигиеническія и педагогическія.

„Ничего еще не сдѣлано въ отношеніи къ обезпеченію будущихъ инвалидовъ учебнаго труда. И тутъ быстро пройдетъ четверть вѣка, а наши учителя и учительницы не будутъ убѣждены, что

при упадкѣ силъ и при выходѣ въ отставку они будутъ имѣть кусокъ хлѣба, какъ справедливое воздаяніе за свои неустанные и долготѣтніе труды. Этотъ вопросъ на очереди и надо надѣяться, что дума взглянетъ на него какъ можно шире и не только чиновники въ ея канцеляріи, но и всѣ служащіе по найму при ней и въ подвѣдомственныхъ ей учрежденіяхъ получаютъ опредѣленные права на пенсію по числу потраченныхъ лѣтъ.

„По отношенію къ учебному нашему міру мы можемъ гордиться и тѣмъ, что подлѣ училищной комиссіи стоитъ общество для пособіи бѣднѣйшимъ учащимся; такимъ образомъ, вопіющая бѣдность нашихъ учениковъ и ученицъ получить когда-нибудь какое-либо воспособленіе. Но мы не имѣемъ еще патронатства надъ дѣтьми, оканчивающими у насъ курсъ: ребенокъ 11 лѣтъ, нерѣдко прекрасно окончившій курсъ въ нашей школѣ, возвращается въ самыя ужасныя бытовыя условія той среды, къ которой онъ принадлежитъ. Оказать ему поддержку, дать ему возможность встать на честную дорогу труда—вотъ задача, которую должно-бы преслѣдовать общество и поддержку которой должна-бы оказать дума. Въ вѣдѣніи думы находятся лишь начальныя училища, а вѣдѣ шесть съ половиною лѣтъ показали всю глубину, всю силу заботливости думы объ этомъ излюбленномъ ею дѣтищѣ. Не слѣдуетъ ли пожелать, чтобы въ ея вѣденіе перешли-бы школы и болѣе высшаго типа, чѣмъ одноклассныя училища. Затѣмъ дѣятельность думы по отношенію къ ремесленному образованію, о которомъ такъ много писали и пишутъ, и которое, если можно такъ выразиться, особенно сильно и не безъ основанія выдвигается какъ единственная гарантія противъ распространенія умственного пролетаріата, это дѣло находится еще у насъ въ младенческомъ состояніи. Не могу-же я назвать серьезною поддержкою со стороны общественнаго управленія то обстоятельство, что мы отпускаемъ пособие въ нѣсколько тысячъ рублей одному, правда превосходно устроенному, ремесленному училищу цесаревича Николая, да имѣемъ у себя двѣ учебныхъ мастерскихъ. Нѣтъ, это дѣло должно быть расширено, причемъ, смѣю думать, городскому управленію предстоить не брать на себя учрежденіе за свой страхъ и въ свое полное вѣдѣніе ремесленныхъ и техническихъ заведеній, а лишь оказывать самую энергическую поддержку частному почину въ этомъ дѣлѣ, и потому общества-ли частныя, лица-ли частныя кладутъ на это дѣло въ Петербургѣ свой трудъ, свою энергію, свои заботы, свой капиталъ—городскому управленію долженствуетъ внимательно слѣдить за этимъ дѣломъ, своевременно прибѣгать къ

нему съ помощью, какъ матеріальною, такъ и нравственною, чрезъ посредство своихъ представителей, особенно интересующихся и понимающихъ это дѣло“...

Однако, М. И. Семевскій не долго могъ вынести непосильный трудъ, который выпалъ на его долю, послѣ того, какъ онъ соединилъ обязанности товарища городского головы съ обязанностями редактора „Русской Старины“. Главное дѣло было, впрочемъ, не въ тяжести труда, а въ нѣкоторыхъ крайне несимпатичныхъ, элементахъ въ самой городской управѣ, которые отравляли Михаилу Ивановичу исполненіе его обязанностей и заставляли его даже думать, что нѣкоторые изъ этихъ членовъ способны подвести его подъ серьезную отвѣтственность. Дѣло о Пухертовской мукѣ, съ которымъ связаны нѣкоторыя имена, бывшія тогда особенно неприятными М. И. Семевскому, показали, что его опасенія имѣли основаніе. Михаилъ Ивановичъ былъ слишкомъ честный и прямой человекъ, чтобы ладить съ подобными господами, и потому, оберегая свое разстроенное здоровье и незапятнанную репутацію, онъ въ 1885 г. сложилъ съ себя званіе товарища городского головы, но тѣмъ не менѣе, за исключеніемъ времени, проведеннаго имъ для поправленія здоровья за-границею, продолжалъ принимать постоянное участіе въ засѣданіяхъ городской думы и особенно въ трудахъ училищной комиссіи.

Какъ въ своей литературной, такъ и въ общественной дѣятельности Михаилъ Ивановичъ Семевскій всегда оставался неизмѣнно вѣренъ своимъ убѣжденіямъ, не кривилъ душою и энергически отстаивалъ тѣ завоеванія на пути прогресса, которыя сдѣлало русское общество въ предшествующее царствованіе, отъ враговъ реформъ императора Александра II.

Кромѣ работъ по журналу и городскому управленію, не мало времени употреблялъ также М. И. Семевскій на участіе въ трудахъ и засѣданіяхъ различныхъ ученыхъ обществъ. Въ 1871 г. онъ былъ избранъ въ члены археографической комиссіи, въ слѣдующемъ году сдѣлался членомъ географическаго и археологическаго обществъ, а затѣмъ былъ почетнымъ членомъ археологическаго института и членомъ-сотрудникомъ общества любителей древней письменности (въ двухъ послѣднихъ обществахъ,

онъ дѣлалъ иногда сообщенія)¹⁾. Въ шестидесятыхъ годахъ, М. И. Семевскій принималъ довольно дѣятельное участіе въ засѣданіяхъ педагогическаго собранія, переименованнаго потомъ въ педагогическое общество.

Много заботился Михаилъ Ивановичъ о реальномъ училищѣ своего роднаго города Великихъ Лукъ и пожертвовалъ туда значительную часть своей бібліотеки. Въ 1878 г. онъ былъ утвержденъ почетнымъ попечителемъ этого училища и постоянно представлялъ о нуждахъ его предъ высшимъ начальствомъ. Въ 1879 г. онъ былъ также утвержденъ членомъ попечительнаго совѣта великолукской женской прогимназіи. Горячее сочувствіе М. И. Семевскому великолукскаго общества выразилось въ томъ, что онъ восемь трехлѣтій сряду былъ избираемъ почетнымъ мировымъ судьей по великолукскому уѣзду и въ 1891 г. избранъ былъ и на девятое трехлѣтіе.

Неустанный трудъ крайне вредно отзывался на здоровьи Михаила Ивановича, но оно было еще болѣе подорвано смертью его старшей дочери Татьяны въ 1888 г. М. И. Семевскій женился на Елизаветѣ Михайловнѣ Протопоповой въ 1872 г. и имѣлъ отъ нея двухъ дочерей, Татьяну и Анастасію; старшая дочь, Татьяна, скончалась пятнадцати лѣтъ; съ этимъ тяжелымъ ударомъ судьбы Михаилъ Ивановичъ никогда не могъ примириться.

Лѣжившій М. И. Семевскаго докторъ Головинъ еще года полтора тому назадъ высказывалъ серьезное опасеніе за его здоровье, находя, что болѣзненные измѣненія въ сердцѣ и околосердечныхъ сосудахъ могутъ повести къ неожиданной кончинѣ. Михаилъ Ивановичъ нерѣдко чувствовалъ мучительное

¹⁾ Изъ инородныхъ ученыхъ обществъ и учреждений онъ былъ членомъ: музея имени Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича въ Москвѣ (съ 1873 г.), Одесскаго общества исторіи и древностей (съ 1873 г.), общества исторіи и древностей въ Москвѣ (съ 1882 г.), почетнымъ членомъ общества исторіи и этнографіи при казанскомъ университетѣ, членомъ орловской, костромской, нижегородской, пермской, рязанской, саратовской, тамбовской и тверской архивныхъ комиссій, почетнымъ членомъ ростовскаго музея древностей, почетнымъ членомъ петровскаго общества изслѣдователей астраханскаго края и проч. Наконецъ, онъ былъ членомъ королевскаго общества исторіи въ Лондонѣ.

стѣсненіе въ груди и громко стоналъ отъ боли, но какъ только проходилъ тяжелый припадокъ, онъ вновь принимался за работу: читалъ рукописи и корректуры, отправлялся на засѣданіе думы или училищной комиссіи, посѣщалъ лекціи или засѣданія ученыхъ обществъ. Онъ самъ вполне сознавалъ ухудшеніе своего здоровья. Такъ, въ половинѣ декабря 1891 г., отмѣтивъ въ своемъ дневникѣ какой-то неважный фактъ, вызвавшій въ немъ сильный припадокъ нервного раздраженія, онъ прибавляетъ: „Я вновь убѣждаюсь, что тяжко боленъ сердцемъ“. Въ концѣ этого мѣсяца, онъ былъ страшно огорченъ тѣмъ, что двѣ статьи, набранныя для январской книги „Русской Старины“, не могли появиться въ свѣтъ по независящимъ отъ редакціи причинамъ. 14-го января онъ написалъ въ дневникѣ: „Тяжелое состояніе духа“. 19-го января, въ письмѣ къ Г. В. Бертенсону, онъ выражается такъ: „Конецъ дней моихъ, увы, кажется, довольно близокъ, такъ какъ по состоянію здоровья чувствую, что скоро переселюсь въ тотъ блаженный край, гдѣ нѣтъ печали и воздыханія и гдѣ прогуливается громадная толпа сотрудниковъ „Русской Старины“, посмертные труды которыхъ украшаютъ страницы этого изданія“¹⁾. 23-го февраля Михаилъ Ивановичъ отмѣтилъ въ дневникѣ: „Захворалъ лихорадкою, кажется инфлюэнца“. Тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ работать и, между прочимъ, усиленно готовился къ двумъ лекціямъ, которыя обѣщавъ прочесть въ Кронштадтѣ, 6-го и 7-го марта, въ морскомъ общественномъ собраніи.

Здоровье Михаила Ивановича нѣсколько поправилось, и докторъ Головинъ позволилъ ему ѣхать въ Кронштадтъ. Изъ дневника видно, какъ усиленно работалъ онъ въ послѣдніе дни своей жизни. 3-го марта въ дневникѣ записано: „Всталъ въ половинѣ восьмага утра. Весь день занимался подготовкою къ лекціи... Сильно поразила меня смерть В. М. Ведрова. Всѣ вечера—дома, готовился къ лекціи до половины втораго ночи“. 4-го марта: „Готовился къ лекціи. Стенографу.... продиктовалъ конспектъ лекціи. Извѣстіе о кончинѣ, 3-го марта въ 10 ч. вечера друга моего Ѡ. Г. Солнцева. Продиктовалъ его

¹⁾ Сообщено Г. В. Бертенсономъ.

неврологъ ¹⁾). Былъ на панихидѣ въ часъ и вечеромъ въ 9 часовъ. Въ засѣданіи думы“. 4-го марта Михаилъ Ивановичъ былъ на погребеніи В. М. Ведрова и, какъ говорилъ потомъ брату, прошелъ за гробомъ пѣшкомъ отъ Васильевского острова до Казанской улицы, и притомъ половину дороги съ непокрытою головою. Въ тотъ-же день „до трехъ часовъ ночи занимался подготовкою къ лекціи“.

6-го марта М. И. Семевскій отправился въ Кронштадтъ и вечеромъ читалъ лекцію о Петрѣ Великомъ. Первая половина лекціи была прочитана имъ, по общимъ отзывамъ, превосходно, но во время перерыва онъ почувствовалъ себя очень дурно. „Точно оборвалось что-то въ груди!“ говорилъ онъ потомъ. Тѣмъ не менѣе, онъ сдѣлалъ усиліе надъ собою и прочелъ и вторую половину, но голосъ его ослабѣлъ и онъ не разъ хватался за голову и бокъ. Не смотря на то, что Михаилу Ивановичу предлагали занять казенное помѣщеніе, онъ отправился въ гостиницу, въ которой остановился, и немедленно послалъ за докторомъ. Тотчасъ-же прибывшій врачъ К. И. Погобицкій провелъ всю ночь около больного и настолько облегчилъ его страданія, что утромъ, въ субботу, М. И. задумывался даже надъ тѣмъ—возвратиться ли ему въ Петербургъ или прочесть вечеромъ вторую лекцію, но ни то, ни другое было уже невозможно. Докторъ нашелъ у больного крупозное воспаленіе легкихъ. Вечеромъ дали знать въ Петербургъ брату больного, В. И. Семевскому, и онъ поспѣшилъ въ воскресенье пріѣхать въ Кронштадтъ. Докторъ Погобицкій съ величайшимъ вниманіемъ ухаживалъ за больнымъ и почти не оставлялъ его, а когда по обязанностямъ службы ему приходилось отлучаться, его замѣнялъ другой врачъ, г. Добровольскій. Оба они съ рѣдкимъ участіемъ и добротою ухаживали за больнымъ. Вечеромъ, въ воскресенье, былъ консилиумъ изъ этихъ двухъ врачей и главнаго врача морскаго госпиталя, доктора Гольбека. Положеніе больного было признано опаснымъ, но не безнадежнымъ.

Такъ какъ ночь съ субботы на воскресенье проведена была больнымъ очень дурно, то въ воскресенье онъ по большей части находился въ дремотномъ состояніи, иногда бредилъ и вообще не всегда былъ въ полномъ сознаніи. Но утромъ, въ

¹⁾ Онъ напечатанъ въ газетѣ „Новости“ 1892 г. № 64.

понеде́льникъ, ему было настолько лучше, что онъ совершенно сознательно разговаривалъ съ братомъ и сдѣлалъ нѣкоторыя распоряженія по дѣламъ редакціи. Докторъ говорилъ, что пока захвачено одно легкое, надежда на выздоровленіе еще не потеряна. Но часовъ съ 12-ти дня ему стало гораздо хуже и, по соглашевію съ докторомъ Погобицкимъ, нашла нужнымъ телеграфировать въ Петербургъ доктору Головину и просить его навѣстить больного. Однако, затѣмъ, положеніе больного стало такъ быстро ухудшаться, что оба доктора, ухаживавшіе за нимъ, потеряли всякую надежду на выздоровленіе. Больной сильно мучился, пробовалъ прилечь, но тотчасъ-же вновь садился, воскликнулъ однажды: „Какая каторга!“ Возможность смерти онъ предчувствовалъ. Наканунѣ ея онъ говорилъ доктору: „Я могу умереть совершенно спокойно, такъ какъ сдѣлалъ духовное завѣщаніе!“ Въ пятомъ часу онъ сказалъ брату: „Вася, я умираю“, и черезъ полчаса, въ началѣ шестаго часа, скончался.

Въ среду, 11-го марта, въ 4 ч. пополудни, тѣло покойнаго было привезено въ Петербургъ. На вокзалъ Балтійской желѣзной дороги собралось много литераторовъ, гласныхъ думы, родные и знакомые покойнаго (его вдова и дочь, живущія въ Ниццѣ, не могли пріѣхать къ похоронамъ). За гробомъ шли также мальчики и дѣвочки изъ нѣсколькихъ городскихъ школъ, въ которыхъ М. И. Семевскій былъ попечителемъ, и ремесленное училище Цесаревича, съ своимъ директоромъ во главѣ. Гробъ былъ отвезенъ въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ находится могила и дочери покойнаго, и тамъ была отслужена панихида.

На другой день, 12-го марта, было совершено отпѣваніе и погребеніе М. И. Семевского, при большомъ стеченіи публики. На гробъ было возложено много вѣнковъ ¹⁾. Извѣстный проповѣдникъ, протоіерей Михайловскій, сказалъ надгробное слово, въ которомъ указалъ на заслуги покойнаго, какъ изслѣдователя

¹⁾ Отъ редакціи „Вѣстника Европы“, отъ Педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній (гдѣ онъ въ послѣдніе годы читалъ лекціи о Петрѣ Великомъ), отъ с.-петербургской городской думы, отъ членовъ городской комиссіи по народному образованію, отъ служащихъ въ с.-петербургскомъ городскомъ управленіи, съ надписью: „Доброму человѣку“, отъ совѣта Дома призрѣнія ремесленнаго образованія бѣдныхъ дѣтей, отъ 1-го Коломенскаго женскаго училища—„Незабвенному попечителю“, отъ второй частной профессиональной школы, отъ товарищей „Дворянъ“ и „Константиновцевъ“, отъ

русской старины, какъ дѣятеля по народному образованію и какъ добраго человѣка, горячо любившаго дѣтей. На могилѣ приватъ-доцентъ университета И. А. Шлякинъ произнесъ слѣд. рѣчь:

„Еще однимъ хорошимъ русскимъ человѣкомъ стало меньше, еще потеряли мы одного изъ немногочисленныхъ лучшихъ людей нашихъ. Покойный былъ дорогъ намъ и какъ думскій дѣтель и какъ ученый. Что дѣлалъ онъ въ думѣ—свидѣтельствуютъ протоколы думскихъ засѣданій, еще не вышедшіе въ свѣтъ, погребенные въ архивѣ и извѣстные намъ лишь по краткимъ изъ нихъ выдержкамъ. Но мы знаемъ, что часто раздавалось его слово въ думской залѣ и что всегда оно было проповѣдью хорошаго, честнаго, горячаго отношенія къ дѣлу, всегда отличалось искренностью, честностью и смѣлостью. О дѣятельности его по городскимъ школамъ могутъ засвидѣтельствовать представители ихъ, стоящіе здѣсь у раскрытой могилы. Но еще болѣе дорогъ намъ покойный, какъ ученый. Онъ не былъ тѣмъ ученикомъ, который таитъ про себя результаты своихъ кропотливыхъ изысканій, интересные только для специалистовъ, остающіеся достояніемъ кабинетныхъ занятій. Михаилъ Ивановичъ былъ популяризаторъ знанія, популяризаторъ нашей родной исторіи. Со времени появленія „Исторіи государства російскаго“ Карамзина, никакое сочиненіе не имѣло такого распространенія, не подымало такъ общій интересъ къ знанію своего прошлаго, какъ „Русская Старина“. Она не только знакомила насъ съ прошедшимъ, но давала уроки и для будущаго, и какіе смѣлые, хорошіе уроки! Не будемъ закрывать глазъ и на недостатки почившаго: нѣсть человѣкъ иже живъ будетъ и не согрѣшитъ, Ты же Единъ кромѣ грѣха... но надѣмся и вѣримъ, что усопшій собратъ нашъ, много потрудившійся для родной земли, услышитъ слова Господа: „Приде, рабе благодѣ и вѣрный, види въ радость Господа твоего“, и произносимъ: аминь“.

Указавъ выше на крупныя заслуги покойнаго передъ обществомъ и наукою, мы должны прибавить еще нѣсколько словъ о его личномъ характерѣ. Одною изъ выдающихся чертъ этого

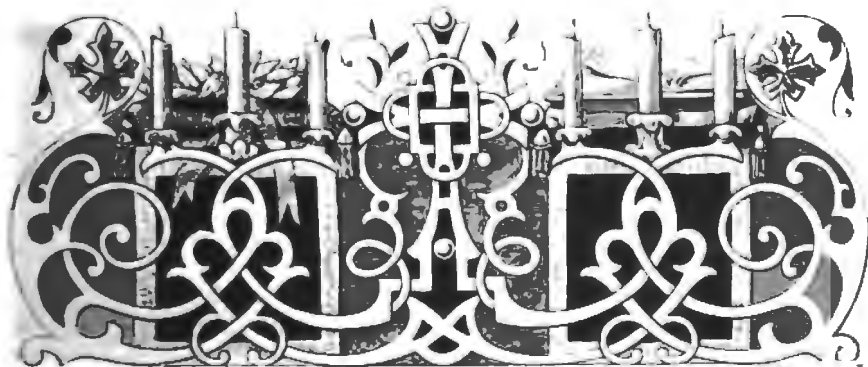
„Павловцевъ“ „Старому однополчанину“, „Отъ преданныхъ друзей—кв. Ф. А. и книг. С. В. Куракиныхъ“, отъ Н. А. Сапожниковой—„Глубокоуважаемому другу“, отъ типографіи В. С. Балашева и нѣсколько вѣнковъ отъ родныхъ. Въ 9-й день былъ еще вѣнокъ „Отъ товарищей полочанъ“.

характера была удивительная энергія и выдержка въ трудѣ. М. И. Семевскій рано вставалъ, трудился цѣлый день (если не приходилось хлопотать по дѣламъ городского управленія или своего журнала) и послѣ непродолжительнаго послѣобѣденнаго отдыха вновь садился за работу до 2—3-хъ час. ночи. Энергія его и сила воли были настолько велики, что еще за годъ-два до смерти онъ ежедневно отводилъ вѣкоторое время изученію нѣмецкаго языка: дѣлалъ переводы, заучивалъ слова. Другою преобладающею чертою его характера была замѣчательная доброта. Онъ съ величайшею отзывчивостью относился ко всякой обращенной къ нему просьбѣ; онъ тратилъ массу денегъ на помощь нуждающимся; онъ не жалѣлъ своего времени на хлопоты за нихъ во всевозможныхъ учрежденіяхъ. Болѣзненность и переутомленіе, вслѣдствіе чрезмѣрныхъ занятій, сдѣлали его характеръ весьма неровнымъ и вызывали припадки раздражительности, иной разъ сильно огорчавшіе самыхъ преданныхъ ему людей, но эти выходы онъ сторицею искупалъ не на словахъ, а на дѣлѣ сердечнымъ участіемъ въ нуждамъ всѣхъ, входившихъ съ нимъ въ соприкосновеніе, готовностью всегда и во всемъ оказать помощь.

По смерти своей дочери Татьяны, Михаилъ Ивановичъ и его жена, Елизавета Михайловна, приняли на воспитаніе дѣвочку, которой дано было то-же имя. Нужно было видѣть, съ какою трогательною любовью относился онъ къ этой милой малюткѣ, какое утѣшеніе находилъ онъ въ ея веселомъ лепетѣ.

Образъ этого неустаннаго труженика былъ-бы не полонъ, если-бы мы не сказали, что М. И. Семевскій, вопреки предположенію многихъ, не нажилъ никакого состоянія.

Миръ праху твоему, честный труженикъ!

СПИСОКЪ КНИГЪ, СТАТЕЙ И ПЕРЕВОДОВЪ М. И. СЕМЕВСКАГО

до начала изданія „Русской Старины“

1856—1869 гг.

1. Нѣсколько словъ о фамиліи Грибоѣдовычъ, письмо къ редактору, („Москвитянинъ“ 1856 г. № 12-А).
2. Запѣтки о Великолуцкомъ уѣздѣ, отрывокъ изъ большаго сочиненія, приготовленнаго къ печати. („Общезанним. Вѣстникъ“ 1857 г. № 7).
3. Передаточный, разсказъ съ натуры. („Общезанимательный Вѣстникъ“ 1857 г. № 13).
4. Ледяной домъ, шуты и забавы при дворѣ Анны Іоанновны 1740 г. съ рисунками. („Общезаннимат. Вѣстникъ“ 1857 г. № 16).
5. Великія Луки и Великолуцкій уѣздъ, замѣтки. (Сиб., 1857 г., отдѣльною книгою, въ 8-ю д. л.).
6. Покройминъ, — разсказъ изъ записной книжки. („Общезаннимат. Вѣстникъ“ 1858 г. № 6).
7. Спектакль въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, замѣтка съ подписью В. К.—на. („С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1858 г. № 130).
8. Кожуховскій походъ, — обзорѣніе рукописи, заключающей въ себѣ современное описаніе 1694 г. („Иллюстрація“ 1859 г. №№ 43—49).
9. Минутное безуміе, разсказъ изъ записной книжки. (Журналъ „Ваза“ 1859 г. №№ 1 и 2).
10. Елисавета Петровна до востшествія своего на престолъ, 1709—1741 г., — историческій очеркъ. („Русское Слово“ 1859 г. № 2).
11. Шарлота - Христина - Софія, принцесса Брауншвейгъ - Люнебургская, супруга царевича Алексѣя Петровича 1711—1715, очеркъ изъ русск. исторіи. (Журн. „Ваза“ 1859 г. №№ 8 и 9).
12. Описаніе войны между Россією и Швецією, въ Финляндіи, въ 1741—1743 годахъ, соч. Н. Шпилевской, Спб. 1859 г. — рецензія на эту книгу. („Журн. Минист. Народн. Просвѣщенія“ 1859 г. № 3).
13. Царевичъ Алексѣй Петровичъ 1690—1718 гг., историческій очеркъ. („Иллюстрація“ 1859 г. №№ 63—71, съ тремя портретами).
14. Авдотья Федоровна Лопухина 1669—1731 гг., очеркъ изъ русской исторіи. („Русскій Вѣстникъ“ 1859 г. № 10).
15. Первый годъ царствованія Елисаветы Петровны 1741—1742 гг., историческій очеркъ. („Русское Слово“ 1859 г. № 6).
16. Историческое преданіе о событіи 1757-го года. („Военный Сборникъ“ 1859 г. № 6).

17. Первый годъ царствованія Елисаветы Петровны 1742 г., главы X—XIII, историческій очеркъ. („Русское Слово“ 1859 г. № 8).
18. Рассказъ капельмейстера, изъ записной книжки. („Искра“ 1859 г. № 31).
19. Французскія провинціи, — письма изъ-за-границы въ 1859 году. („Русское Слово“ 1859 г. №№ 9, 10 и 11).
20. Очеркъ управленія мануфактурной промышленности отъ Петра I-го до Екатерины II-й, 1700 — 1774 ¹⁾. („Журн. Мин. Нар. Просвѣщенія“ 1859 г. № 9).
21. Современные портреты Софьи Алексѣевны и В. В. Голицына, 1689 г., историч. очеркъ съ портретами этихъ лицъ. („Русское Слово“ 1859 г. № 12).
22. Царствованіе Елисаветы Петровны, второй годъ, 1743 г., глава I-я, историческій очеркъ. („Русское Слово“ 1860 г. № 1-й, глава 2-я, *ibid.* № 2).
23. Царевичъ Алексѣй Петровичъ, 1690 — 1718 г., критика на VI-й томъ „Ист. царств. Петра Великаго“ соч. Устрялова. („Русское Слово“ 1860 г. № 1).
24. Кожуховскій походъ, современное описаніе 1694 г. съ примѣчаніями и предисловіемъ М. И. Семевского. („Военный Сборникъ“ 1860 г. № 1).
25. Поправки и историческія замѣтки, въ „Русскомъ Словѣ“ 1860 г. № 2.
26. Шесть писемъ 1717—1733 гг., матеріалы. („Русскій Вѣстникъ“ 1860 г. № 4).
27. Партизанъ Сеславинъ, біограф. замѣтка. („Отечественныя Записки“ 1860 г. № 4).
28. Дневныя записки 1716—1768 гг. Якова Маркевича; рецензія о нихъ. („Библиотека для Чтенія“ 1860 г. № 4).
29. Изъ записокъ убитаго офицера, 1831 — 1838 гг. („Военный Сборникъ“ 1860 г. № 4).
30. Александръ Александровичъ Бестужевъ (Марлинскій)—письма его съ предисловіемъ, примѣчаніями и приложеніями М. И. Семевского, 1797 — 1837 гг. („Отечеств. Записки“ 1860 г. №№ 5, 6 и 7).
31. Полковые историографы. („Русскій Вѣстникъ“ 1860 г. №№ 10 и 11).
32. Россія въ 1699 году, дневникъ Іоанна - Георга Корба, предисловіе, примѣчанія и редакция перевода М. И. Семевского. („Библиотека для Чтенія“ 1860 г. № 6).
33. Пѣсня 1736—1739 гг. („Петерб. Вѣдом.“ 1860 г. № 152).
34. Прогулка въ Нижній - Новгородъ, путевыя письма 1860 г. („Русскій Вѣстникъ“ 1860 г. №№ 13, 15, 16 и 18).
35. Письмо съ парохода, подпись кн. В. Т. („Петерб. Вѣд.“ 1860 г. № 194).
36. Фрейлина Гамильтонъ, историческій очеркъ, 1719 г. („Отечеств. Записки“ 1860 г. № 9).

¹⁾ Статья эта написана еще на школьной скамьѣ, въ ноябрѣ 1854 года.

37. Наталья Федоровна Лопухина 1699—1768 гг., эпизодъ изъ ея жизни. („Русскій Вѣстникъ“ 1860 г. № 17).
38. Николай Александровичъ Вестужевъ 1791—1855 гг., объявленіе о выходѣ въ свѣтъ его сочиненій и воспоминаніе о его жизни. („С.-Петербург. Вѣдом.“ 6-го окт. 1860 г.).
39. Покровскій дѣвичій монастырь въ городѣ Суздаль, мѣсто заточенія Авдотьи Федоровны Лопухиной; замѣтки о немъ и его исторія. („Русскій Вѣстникъ“ 1860 г. № 24, съ рисункомъ).
40. Слово и дѣло! Разказы изъ временъ Петра Великаго, 1721—1722 гг. („Свѣточъ“ 1861 г. № 1).
41. Корнилица царевича Алексѣя Петровича, 1719 г. („Разсвѣтъ“ 1861 г. № 1).
42. Школяры, — слово и дѣло, разказъ изъ временъ Петра Великаго. („Вѣкъ“ 1861 г. № 5).
43. Восстаніе и казни стрѣльцовъ въ 1698 г., разказъ очевидца І. Г. Корба. („Отечеств. Записки“ 1861 г. № 5).
44. Петръ Великій, какъ юмористъ, 1690—1725 гг., новые матеріалы для характеристики Петра I-го. („Свѣточъ“ 1861 г. № 9).
45. Сны Петра I-го 1714—1719 г., историческая замѣтка. („Русская Рѣчь“ 1862 г. № 1).
46. Царница Прасковья 1664—1723 гг., очеркъ изъ русской исторіи. („Время“ 1861 г. №№ 2—5).
47. Семейство Монсовъ 1688—1724 гг., очеркъ изъ русской исторіи. („Время“ 1862 г., №№ 2—6).
48. Александръ Петровичъ, сынъ Петра I-го, 1691—1692 гг., біографическая замѣтка. („Энциклоп. Лексиконъ“ 1861 г., т. 3).
49. Сторонники царевича Алексѣя 1705—1721 гг., историческій очеркъ по вновь открытымъ матеріаламъ. („Библиотека для Чтенія“ 1861 г. № 5 и 6).
50. Слово и дѣло, — разказы изъ временъ Петра Великаго, 1719—1723 гг. („Свѣточъ“ 1861 г. №№ 3 и 4).
51. Народные толки о происхожденіи Петра I-го, слово и дѣло, 1722—1725 гг. („Свѣточъ“ 1862 г., № 1).
52. Слово и дѣло, разказы изъ временъ Петра Великаго 1722—1724 гг. („Иллюстрація“ 1862 г., январь).
53. Абоскій миръ 1743 г. („Энциклоп. Лексиконъ“ 1861 г., т. I).
54. Противники Фридриха Великаго, Апраксинъ и Вестужевъ-Рюминъ, очеркъ изъ русско-прусской войны 1756—1762 г. („Военный Сборникъ“ 1862 г. №№ 5, 6 и 9).
55. Иванъ Скобелевъ 1789—1839 гг., біографическая замѣтка. („Русская Рѣчь“ 1861 г. №№ 95 и 96).
56. Отъ Твери до Астрахани, волжскія замѣтки 1861 г. („Отечеств. Записки“ 1861 г. №№ 12, —1862 г. № 4, 6 и 12).
57. Ближніе люди императрицы Елисаветы, въ письмахъ своихъ къ го-

судары въ 1742—1761 гг., материалы для русской исторіи XVIII вѣка. („Архивъ истор.-юридич. свѣд. о Россіи“ 1861 г., кн. 4-я, от. 3).

58. Кончина барона Владимира Ивановича Штейнгеля, некрологъ, 1783—1862 гг. („Современное Слово“, сент. 1862 г.).

59. Поѣздка по Псковской губерніи въ 1862 году: училища въ городѣ Псковѣ. (Изданіе Мин. Нар. Пр., 8 д. Спб., въ ноябрѣ 1862 г.).

60. Маріинское женское училище во Псковѣ. (Оттискъ изъ газеты „Голось“ 1863 г. №№ 83, 85 и 86).

61. Община сестеръ милосердія въ селѣ Бурегн („Голось“ 1863 г. №№ 160 и 161).

62. Бабушки и худая болѣзнь въ деревняхъ Псковской губерніи („Голось“ 1863 г. № 221).

63. Посадъ Сольцы. („Голось“ 1863 г.).

64. Грамотность въ деревняхъ временно-обязанныхъ крестьянъ Псковской губ., въ 1863 г. Спб., 1864 г., съ статистич. таблицами. (Издано по распоряжен. Мин. Нар. Просвѣщенія).

65. Грамотность въ деревняхъ государственныхъ крестьянъ Псковской губерніи, въ 1863 г. Спб., 1864 г., съ статистическими таблицами и картою Псковской учебной дирекціи. (Издано по распоряженію Мин. Нар. Просв.).

66. Пригѣчаніе М. И. Семовскаго къ статьѣ г-жи Родзянко: „Уходъ за дѣтьми“. („Учитель“ 1863 г. № 11).

67. Торопецъ, замѣтки. (Газета „Народное Богатство“, 1863 г. №№ 247, 249 и 252).

68. Торопецъ, обычаи и увеселенія его жителей. („Библиотека для Читенія“ 1863 г. кн. 12).

69. Холмъ (корреспонденція о злоупотребленіяхъ властей этого города). („С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1864 г. № 9).

70) Грамотность въ деревняхъ государственныхъ крестьянъ Псковской губерніи въ 1863 году. (Изданіе второе, приложеніе къ „Народной Газетѣ“, прибавленію къ журналу „Грамотѣ“. Спб. 1864 г.).

71. Талабскъ. („С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1864 г. №№ 9, 11 и 16).

72. Отвѣтъ на замѣтку г. Стрѣльцова. („Учитель“ 1864 г. №№ 15 и 16).

73. Торопецъ, уѣздный городъ Псковской губерніи, 1016—1864 гг., очеркъ. Спб. 1864. (Оттискъ изъ Записокъ Географич. Общ. 1864 г. №№ 1 и 2).

74. Сказочникъ Ерофей („Отечествен. Записки“ 1864 г. № 2).

75. Отвѣты г. Тягунову по поводу статьи: Сказочникъ Ерофей. („Отеч. Записки“ 1864 г., книги 6 и 8).

76. По поводу замѣтки Н. Устрялова. („Голось“ 1864 г. № 150).

77. Записка о Росс.-Американской компаніи. (Напечатана по распоряженію статсъ-секретаря департ. государ. экономіи, 1864 г., Спб., въ листъ).

78. Общественное образованіе въ Царствѣ Польскомъ 1815—1864 гг.

Сиб., въ 4 д. (Оттискъ изъ газеты „Голось“ 1864 г., №№ 229, 230, 235, 239, 250).

79. Матеріалы по учебной части въ Царствѣ Польскомъ, 1808—1864 гг. Изданіе и переводъ съ польскаго, подъ редакцію М. И. Семевского; напечатано по распоряж. Н. А. Милюткина. 2 тетради, 283 стр. и 13 табл.).

80. Отиѣна тѣлеснаго наказанія въ Царствѣ Польскомъ. („Голось“ 1864 г., сентябрь).

81. Некрологъ: Ф. И. Гильфердингъ. („Петербургскія Вѣдомости“ 1864 г., января 6, приб. къ № 4).

82. Заиѣтка о книгѣ: „Воспоминанія кавкасскаго офицера 1865 г.“ („Книжный Вѣстникъ“ 1865 г. № 8).

83. Библиографическія замѣтки: А. Креницынъ, гр. Я. Ростовцевъ, В. Соколовскій. („Отечеств. Записки“ 1865 г., книга 16).

84. Некрологъ: А. Н. Креницынъ („С.-Петерб. Вѣдомости“ 1865 г. № 241).

85. Городское управленіе и городскіе выборы въ Холму (Псковской губ.). („С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1865 г. № 187).

86. Поправка къ предыдущей статьѣ. („С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1865 г. № 231).

87. Самуилъ Вышорковъ, проповѣдникъ ученія объ антихриствѣ въ 1722—1725 гг. („Отечественныя Записки“ 1866 г., книги 15 и 16).

88. Бѣлое римско-католическое духовенство въ Польшѣ. Спб. 1866 г. (Оттискъ изъ газеты „Русскій Инвалдъ“, 4 д., 1865 г. № 288 и 1866 г. №№ 6, 7 и 12).

89. Дневникъ Корба, секретаря посольства отъ императора австрійскаго Леопольда I къ царю Петру I-му, 1698—1699 гг., переводъ съ латинскаго В. В. Женева и М. И. Семевского, съ фотолитографическими снимками съ современныхъ картинъ. Изданіе Императорскаго Общества Исторіи и древностей Россійскихъ при Московскомъ университетѣ. (Оттискъ изъ „Чтеній“ этого Общества 1866 г. кн. IV, 1867 г. кн. I. и III, стр. предисл. XII, текста 382, указателя—XXIV).

90. Дневникъ Корба, въ переводѣ на русскій языкъ, замѣтка по поводу перевода Смирнова, — статья Женева и М. И. Семевского. („Голось“ 1866 г. № 171).

91. Іоаннъ VI Антоновичъ 1740—1764 гг., очеркъ изъ русской исторіи. („Отечеств. Записки“ 1866 г. № 7).

92. Замѣтки о могилахъ въ посадѣ Пучежѣ. („Чтенія“ Московскаго Общ. Исторіи 1866 г. книга II).

93. Прогулка въ Тригорское: замѣтки и матеріалы для біографій Пушкина, Жуковскаго, Языкова и барона Дельвига. („С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1866 г. №№ 139, 146, 157, 163, 168 и 175).

94. Письма А. С. Пушкина къ П. Я. Осиповой и А. Н. Вульфъ. Переводъ писемъ принадл. В. В. Зубовой; примѣчаніе и предисловіе М. И. Семевского. („Русскій Архивъ“ 1867 г. № 1).

95. Н. М. Языковъ 1803—1846 гг. (новые стихи его и письма), статья М. И. Семевского. („Русскій Архивъ“ 1867 г. № 5 и 6).

96. Покушеніе на жизнь Петра Великаго. („С.-Петербургскія Вѣдомости“ 1866 г. № 136).

97. Предсмертное письмо генералъ-адъютанта барона П. А. Вревскаго, съ очеркомъ его жизни, составленнымъ М. И. Семевскимъ. („Чтенія Москов. Общ. Исторіи“ 1867 г. кн. II).

98. О „Сборникѣ Муханова“. („Голосъ“ 1866 г. № 291).

99. Замѣчательная попытка приѣненія русскаго алфавита къ польскому языку, — замѣтка по поводу книги: „Элементаръ“. (Оттискъ изъ 12-ой книги „Отечеств. Записокъ“ 1866 г.).

100. О приѣненіи русскаго алфавита къ польскому языку. („Русск. Инвалидъ“, 1866 г. № 122).

101. О греко-уніатскомъ духовенствѣ въ Царствѣ Польскомъ. („Голосъ“ 1866 г. №№ 193 и 214).

102. О языкъ штатахъ для греко-уніатскаго духовенства. („Русск. Инвалидъ“ 1866 г. № 189).

103. Среднія учебныя заведенія въ Царствѣ Польскомъ. („Русскій Инвалидъ“ 1866 г. №№ 301, 303 и 304).

104. Некрологъ: М. А. Васильевъ. („Голосъ“ 1866 г. № 231).

105. Мѣсто заточенія царицы А. Ѳ. Лопухиной съ 1699 по 1718 гг. (Въ книгѣ: „На нѣсколько часовъ“. Спб. 1867 г., книга 2-ая).

106. Письма и записки императрицы Елисаветы Петровны къ близкимъ людямъ, 1741—1761 гг. („Чтенія Москов. Общ. Исторіи“ 1867 г., книга IV).

107. Шесть мѣсяцевъ изъ русской исторіи XVIII в., очеркъ царствованія Петра III, 1761—1762 гг. („Отечеств. Зап.“ 1867 г., июль, августъ, сентябрь).

108. С. А. Порошинъ, 1741—1769 гг., неизданныя прибавленія къ его запискамъ. („Русск. Вѣстн.“ 1866 г., кн. 8).

109. Матеріалы изъ русской исторіи XVIII в., духовныя завѣщанія императора Павла I. („Вѣстникъ Европы“ 1867 г. № 1).

110. Списокъ милостей, изданныхъ Павломъ I-мъ 5-го апрѣля 1797 г. („Чтенія Москов. Общества Исторіи“ 1867 г., кн. I).

111. Описи орденовъ, разныхъ вещей и драгоценностей Павла I-го, 1801 г. („Чтенія Москов. Общ. Исторіи“ 1867 г., кн. II-ая).

112. Разсказъ очевидца и бунтѣ военныхъ поселянъ въ 1831 г. („Отечеств. Записки“ 1867 г. № 5).

113. Изъ Псковской губ., корреспонденція. („Голосъ“ 1868 г., февраль).

114. Рецензія на книгу: „Матеріалы для исторіи русской литературы“, изд. П. Ефремова. („Голосъ“ 1867 г. № 83).

115. Рецензія на книгу: „Библиограф. Сборникъ“, изд. П. Ефремова, и на книгу: „Русская Историч. Библиографія“, годъ четвертый, 1858 г., изд. Ламбина. („Голосъ“ 1867 г. № 185).

116. Записка на письмо изъ Бакута. („Голосъ“ 1867 г. № 109).
117. Магазины женскихъ издѣлій Общества для пособій бѣднымъ женщинамъ. („Голосъ“ 1867 г. №№ 129, 136 и 184).
118. Адресъ П. Г. Рѣдкину, предсѣдателю Педагогическаго Собранія отъ лица Собранія. („Учитель“ 1868 г.).
119. Къ біографіи А. С. Пушкина. Выдержки изъ записной книжки. („Русскій Вѣстникъ“ 1869 г.).
120. Николай Александровичъ Бестужевъ. Біографическій очеркъ, 1791—1857 гг. („Заря“ 1869 г., кн. VII).
121. Вунтъ ополченія въ 1812 г., разсказъ Ив. Шишкина. („Заря“ 1869 г. кн. VIII).
122. Графъ Михаилъ Андреевичъ Милорадовичъ. Матеріалы для его біографіи, 1770—1825 гг. („Военный Сборникъ“ 1869 г., кн. VIII).
123. Воспоминанія Е. А. Хвостовой (1812—1835 гг.), съ предисловіемъ и подъ редакціей М. И. Семеваго. („Вѣстникъ Европы“ 1869 г., кн. VII и IX).
124. Состояніе Россіи при нынѣшнемъ царѣ (Петрѣ I), сочиненіе капитана Джона Перри. Переводъ съ англійскаго кн. О. М. Дондуковой-Корсаковой, съ предисловіемъ, указателемъ и подъ редакціей М. И. Семеваго. („Чтенія Москов. Общ. Исторіи и Древностей“ 1871 г.).
125. Историческіе и юридическіе акты, собранные М. И. Семевакимъ, письмо и образцы актовъ. („Лѣтопись занятій Археогр. Комисс.“ 1870 г., т. IV).
126. Повѣсть о прихожденіи Свѣйскаго краля съ Нѣмцы подъ градъ Нековъ, 1615 г. („Чтенія Москов. Общ. Исторіи и Древн.“ 1869 г., кн. I).
127. Историческіе и юридическіе акты XVII—XVIII ст., собранные М. И. Семевакимъ. Москва. 1870 г. („Чтенія Москов. Общ. Истор. и Древност.“ 1869 г. кн. III).
128. Матеріалы для біографіи И. А. Крылова, доставленные М. И. Семевакимъ. („Зап. Имп. Акад. Наукъ“ 1869 г.).
129. Альманахъ „Звѣздочка“ 1826 г. (Сборникъ статей недозволенныхъ цензурою. Изд. Мин. Нар. Просвѣщ. 1869 г., т. II).
130. Обзоръ дѣятельности С.-Петербургскаго Педагогическаго Собранія, 1859—1867 гг. („Лѣтопись Петерб. Педагог. Общ.“ 1869 г., приложеніе къ журналу „Народная школа“, № 1).

КНЯЗЬ де-ЛИНЬ ВЪ РОССИИ

въ 1780 и 1787—1788 гг.

III ¹⁾).

Князь де-Линь и Екатерина II.

Въ числѣ заграничныхъ „друзей“ императрицы Екатерины II, князь де-Линь былъ, безспорно, самый искреннѣй и наиболѣе преданный. Коронованныя особы не могутъ имѣть друзей, и никогда ихъ не имѣли; не имѣла ихъ и Екатерина. Выключая г-жу Біелке, до настоящаго времени еще неразгаданную, Дидро и Вольтеръ, Гриммъ, Фальконетъ и даже Даламберъ не столько дружили съ Екатериною, сколько эксплуатировали ее; только два лица, г-жа Жоффренъ и кн. де-Линь, были искренно преданы Екатеринѣ, съ тою, однако, разницею, что г-жа Жоффренъ никогда не забывала, что Екатерина занимаетъ престолъ Россійской имперіи, а для князя де-Линь это обстоятельство только усиливало чувства его уваженія къ ней.

Судя по числу и характеру писемъ, Гримму отводится, обыкновенно, первое мѣсто въ ряду „друзей“ Екатерины, а, между тѣмъ, трудно себѣ представить болѣе алчный и низкій характеръ, каковыя рисуется Гриммъ въ своей перепискѣ и въ своихъ личныхъ отношеніяхъ не къ одной только Екатеринѣ. Несмотря на то,

¹⁾ См. „Русская Старина“ изд. 1892 г., т. LXVIII, февраль, стр. 275 — 312; мартъ, стр. 542—573.

что Гриммъ нуженъ былъ Екатерицѣ какъ агентъ, какъ комиссіонеръ, который покупалъ ей картины и статуи, бібліотеки, медали и эстампы, уплачивалъ пенсіи, которыя она выдавала, раздавалъ пожертвованія, которыя она дѣлала, все-таки Екатерина не могла безъ отвращенія читать его неприличной лести, полной фальши и лжи. Въ письмахъ Гримма Екатерина не только „Греческая императрица“ ¹⁾, „Минерва Гиперборейская“ ²⁾ и ея посланія „божественны“ ³⁾, но „культъ Екатерины“ заставляетъ Гримма даже богохульствовать ⁴⁾. Это возмущало Екатерину даже въ 1793 году, когда она уже привыкла за 20 лѣтъ въ подобной лести: „Я получила вашу книгу „Catharina in ihrer Thaten“. Послушайте, нельзя такъ безмѣрно хвалить людей, не прославивъ отъявленнымъ льстецомъ, да оно такъ и есть. Если вѣрить вашей книжкѣ, я стала, на старости лѣтъ, образцомъ государей! О, Боже мой, Боже мой, какой дурной образецъ, если вѣрить всему, что говорили и говорятъ еще про меня. И къ чему эта литанія похвалъ, на что она? Это длинно, это скучно—вотъ и все“ ⁵⁾. Рядомъ съ лестью, пошлою и бездарною, Гриммъ въ каждомъ письмѣ выпрашивалъ то денегъ или чиновъ себѣ, то пенсій и орденовъ пріятелямъ, даже продалъ Екатеринѣ за дорогую цѣну брильянты ⁶⁾ своей возлюбленной! Гриммъ самъ сознавалъ, полу-шутя полу-серьезно, что онъ unverschämter Schurke, безсовѣстный негодяй, и Екатерина, ни шутя, ни серьезно, не опровергала этого опредѣленія, вполнѣ вѣрнаго. Конечно, ни въ какомъ отношеніи нельзя, и даже до извѣстной степени неприлично, ставить рядомъ имена Гримма и Вольтера; но Вольтеръ былъ, по крайней мѣрѣ, откровеннѣе. „Когда я былъ у Вольтера, пишетъ князь де-Линь, кто-то выразилъ желаніе прочесть его „Histoire de Russie“. „Вы съ ума сошли, сказалъ ему Вольтеръ. Если вы хотите узнать что-нибудь о Россіи, читайте Лакомба—тотъ не получалъ ни медалей, ни мѣховъ“ ⁷⁾.

Въ этомъ отношеніи князь де-Линь стоялъ выше всѣхъ „друзей“ Екатерины. Онъ былъ человѣкъ вполнѣ независимый и безусловно безкорыстный. Онъ пріѣхалъ изъ Парижа въ Петербургъ

¹⁾ Сборникъ, XXXIII, 141, 152.

²⁾ Ibid., 108, 120, 150, 194, 221.

³⁾ Ibid., 19, 109, 138, 230, 241, 249, 278.

⁴⁾ Ibid., 107, 128, 132, 159, 161, 165, 168, 201.

⁵⁾ Ibid., XXIII, 586.

⁶⁾ Ibid., XXXIII, 37, 268.

⁷⁾ Oeuvres, X, 263. Лакомбъ не писалъ исторіи Россіи; здѣсь подразумѣвается, вѣроятно, его „Histoire des révolutions de l'Empire de Russie“, вышедшее въ 1760 г. и позже продолженное до 1775 г. Amsterdam, 1778.

и „забылъ“ представить векселя къ уплатѣ; Екатерина могла подарить ему при расставаніи свой портретъ, осыпанный брилліантами, только „не дороже ста рублей“. Конечно, кн. де-Линь былъ богатъ; но вѣдь и Вольтеръ не нуждался настолько, чтобы продавать свои хвалебные отзывы о Россіи за медали и шубы, не говоря уже о Гриммѣ, который на восхваленіяхъ Екатерины создалъ свое благосостояніе и „изъ бѣдняка сталъ богачемъ“. Въ данномъ случаѣ не столько важно то, что кн. де-Линь былъ богатъ, сколько то, что онъ не былъ холопъ. „Въ моей жизни я говорилъ правду пяти или шести коронованнымъ особамъ, и они за это не сердились на меня“¹⁾. Кн. Де-Линь родился и выросъ въ семьѣ, пользовавшейся общимъ уваженіемъ; онъ не могъ ни унижаться до лести, ни поблажать до потворства; онъ привыкъ и высказывать громко свои убѣжденія, и „истину царямъ съ улыбкою говорить“, причемъ истина зависѣла отъ характера, улыбка—отъ воспитанія.

Правдивость была отличительною чертою князя де-Линь. „Единственный грѣхъ, отъ котораго душа моя вполне чиста, есть ложь“. Говоря всегда правду, онъ никогда не былъ рѣзокъ, тѣмъ менѣе грубъ, и если истина была подѣ-часъ довольно горькою, онъ старался умалить эту горечь, облакая ее въ возможно пріятную форму. Онъ носилъ шпагу, отточенную, но въ шелковыхъ ножнахъ; онъ владѣлъ сильнымъ словомъ, но всегда мягкимъ. Кн. де-Линь былъ человѣкъ прямой, честный, отстаивавшій свои убѣжденія и взгляды. Онъ умѣлъ молчать, когда обстоятельства не позволяли противорѣчать, но поддакивать противному мнѣнію, соглашаться съ несимпатичнымъ взглядомъ онъ не могъ. Въ Нейштадтѣ, при свиданіи императора Іосифа II съ королемъ Фридрихомъ II, въ 1770 году, князь де-Линь былъ постояннымъ собесѣдникомъ прусскаго короля. „Король любилъ насмѣхаться надъ религіею, похваляться своимъ безвѣріемъ. Мнѣ это было противно и я всегда проходилъ молчаніемъ подобныя шутки дурнаго тона“²⁾. Но молчать князь де-Линь не любилъ и противорѣчилъ даже Вольтеру, тоже своего рода самодержцу: „Когда я посѣтилъ Вольтера въ Фернеѣ, онъ былъ влюбленъ въ англійскую конституцію. На его восхваленія, я замѣтилъ, что она только и можетъ существовать подѣ охраною океана: безъ океана она не продержится и года“³⁾.

Князь де-Линь провелъ всю свою жизнь или на войнѣ, или при

¹⁾ Lettres, 144.

²⁾ Oeuvres, VI. 133, XXII, 134.

³⁾ Ibid. X, 268.

дворѣ, но придворная жизнь не искалѣчила его, потому что онъ свыкъся, сжился съ нею съ юныхъ лѣтъ, съ пеленокъ. Кн. де-Линь имѣлъ свой дворъ, „маленькій“, правда, но, во всякомъ случаѣ, болѣе пышный, чѣмъ, напр., ангальтъ-цербстскій, при которомъ росла Екатерина. Путешествуя вмѣстѣ съ императрицею по южному берегу Крыма, кн. де-Линь записывалъ свои впечатлѣнія и воспоминанія, въ видѣ писемъ къ маркизѣ де-Куаньи. Онъ писалъ ей:

„Я не люблю стѣсненій и почестей, не нуждаюсь ни въ деньгахъ, ни въ милостяхъ, а, между тѣмъ, всю свою жизнь провелъ при дворахъ европейскихъ государей! Отеческая доброта императора Франца I, любившаго беззаботную молодежь, привлекла меня къ нему, и я долго не разставался съ австрійскимъ дворомъ, влюбившись въ одну изъ пріятельницъ императора. Эта восхитительная женщина, какъ и слѣдовало ожидать, скорѣе оттолкнула меня, но императоръ не лишилъ меня своего расположенія. Хотя я былъ еще юнъ, но, по смерти Франца, считалъ себя приверженцемъ стараго двора и даже готовъ былъ порицать новый дворъ, котораго вовсе не зналъ, когда замѣтилъ, что новый императоръ очень любезенъ и обладаетъ качествами, заставляющими искать скорѣе его уваженія, чѣмъ милостей. Убѣдившись, что Иосифъ II справедливъ, я вполне привязался къ нему, и порицая слишкомъ большую поспѣшность въ преобразованіяхъ, я восхищался большею ихъ частью и всегда буду превозносить добрыя намѣренія этого дѣятельнаго и плодотворнаго генія.

„Посланный къ французскому двору въ самую цвѣтущую пору жизни и съ самымъ блестящимъ порученіемъ, съ вѣстью о выигранномъ сраженіи, я, однако, не желалъ туда возвращаться и думалъ уже, что избѣжалъ версальскихъ цѣпей, какъ они ни лестны. Но случай свелъ меня съ графомъ д'Артуа, пріѣхавшимъ въ войска, сосѣднія съ тѣми, которыя я инспектировалъ. Я отправляюсь къ нему съ тридцатью красивыми австрійскими офицерами; онъ насъ встрѣчаетъ, знакомится со мною и, начавъ говорить, какъ братъ короля, кончаетъ, какъ-будто онъ былъ моимъ братомъ. Мы вмѣстѣ пьемъ, играемъ, смѣемся; впервые предоставленный самому себѣ, онъ не зналъ какъ и пользоваться своею свободою. Этотъ первый проблескъ веселости и несдержанность молодости восхитили меня. Искренность его и сердечная доброта увлекли меня. Онъ желаетъ, чтобъ я пріѣхалъ къ нему въ Версаль; я отвѣчаю, что мы увидимся въ Парижѣ, когда онъ пріѣдетъ туда: онъ настаиваетъ, говоритъ обо мнѣ королевѣ, которая приказываетъ мнѣ явиться. Прелести его души, чистой и прекрасной, и увлекательное

общество Парижа заставляют меня проводить тамъ пять мѣсяцевъ ежегодно. Къ тому-же желаніе повеселиться влечетъ меня въ Версаль, а чувство благодарности заставляетъ учащать посѣщенія.

„Принцъ Генрихъ прусскій объѣзжаетъ войска. Философія и военное образованіе сближаютъ насъ; я сопровождаю его и имѣю счастье поправиться ему. Благосклонность съ его стороны, услужливость съ моею, частая переписка и свиданія въ Спа и Рейнсбергъ.

„Лагерь императора въ Моравіи привлекаетъ прежняго прусскаго короля и нынѣшняго. Фридрихъ II замѣчаетъ, что я благоговѣю предъ великими людьми и приглашаетъ меня въ Берлинъ. Сношенія съ нимъ и изъявленіе уваженія и расположенія ко мнѣ перваго изъ героевъ прославляютъ мое имя. Племянникъ его, бывшій тогда еще наслѣднымъ принцемъ, пріѣзжаетъ въ Петербургъ. Нѣсколько мелкихъ услугъ любовныхъ, дружескихъ, денежныхъ и дружба съ дамою его сердца сблизили насъ еще прежде, а въ странѣ, столь отдаленной, иностранцы быстро сдружаются, несмотря на разность интересовъ, службы и положенія.

„Бракъ моего сына съ хорошенькою полячкою заставляеть меня ѣхать въ Петербургъ. Довѣрчивая и увлекательная простота обхожденія Екатерины Великой очаровываетъ меня, а ея очаровательный геній влечетъ меня въ эту очаровательную страну“¹⁾.

Успѣхъ князя де-Линя при дворахъ почти всѣхъ европейскихъ государей объясняется не столько, конечно, его серьезнымъ образованіемъ и свѣтлымъ умомъ, сколько его родовымъ богатствомъ, наслѣдственной красотой и веселымъ нравомъ. Всѣ князья де-Линя отличались красотой, но князь Карлъ былъ обворожительно хорошъ. Высокій, статный, онъ всегда носилъ военный мундиръ, придававшій ему бравый видъ, и въ то-же время — серьги въ ушахъ. Изысканная вѣжливость и любезное обхожденіе замѣтно отличали его даже въ старомъ французскомъ обществѣ, славившемся „салонными манерами“. Въ этомъ отношеніи онъ не походилъ на своего отца, довольно рѣзкаго, даже грубаго. „Отецъ, не знаю почему, не любилъ меня, и мы рѣдко видѣлись. Онъ никогда не разговаривалъ со мною; въ то время было не принято слыть добрымъ отцомъ и хорошимъ мужемъ. Мать моя боялась его. Она родила меня, будучи зашнурована, въ фижахъ, и, мучаясь нѣсколько недѣль, умерла также точно разодѣтою — до того строго соблюдала она церемониальный этикетъ нашего маленькаго двора. Въ первый разъ я написалъ отцу письмо, когда былъ произведенъ въ полковники

¹⁾ Oeuvres, XXI, 31.

нашего драгунскаго полка. Я думалъ порадовать отца, а получилъ въ отвѣтъ слѣдующія строки: „Къ несчастію имѣть васъ своимъ сыномъ присоединяется теперь новое горе — имѣть васъ своимъ полковникомъ“. Отвѣтъ мой былъ тоже кратокъ: „Ваше сіятельство! Ни въ томъ, ни въ другомъ я не повиненъ; за новое несчастіе вы должны пенять на императора“¹⁾). Какъ-бы въ противоположность своему отцу, кн. де-Линь до безумія любилъ своего сына.

Изъ всѣхъ князей де-Линь, князь Карлъ выдѣлялся своими литературными дарованіями. У него было легкое перо: картины и образы, создаваемые его воображеніемъ²⁾, также легко ложились подъ перо, какъ и очерки природы, рисунки салоновъ, описаніе битвъ. Онъ былъ поэтъ въ душѣ; но его проза гораздо свѣжѣе и красивѣе его поэзіи. Его стихотворенія — болѣе или менѣе удачный подборъ словъ, чаще всего вполне неудачный. Это была довольно несчастная страсть, преслѣдовавшая его чуть не до могилы, а онъ умеръ 80-тилѣтнимъ старикомъ³⁾. Всякій вздоръ служилъ ему мотивомъ для „поэтическаго созданія“, какъ онъ выражался. Сломается ли карета между Марселемъ и Лиономъ, ѣдетъ-ли онъ въ Россію, пригласить-ли его кто на завтракъ⁴⁾ — онъ всѣмъ подобнымъ „событіямъ“ посвящаетъ нѣсколько строкъ, иногда страницъ, въ стихотворной формѣ. Число написанныхъ имъ мадригаловъ и эпиграммъ, сонетовъ, гимновъ, пѣсенекъ и пѣсень, напечатанныхъ и не напечатанныхъ, превосходитъ всякое вѣроятіе. Не было ни одного знакомаго, не говоря уже о знакомой, котораго онъ не подарилъ-бы стихомъ, иногда и нѣсколькими. Графъ Головкинъ и князя Путятинъ, Лубовъ, Потемкинъ, Бѣлосельскій-Бѣлозерскій, княгиня Долгорукая, жена кн. Василія, г-жа Самойлова, Дитрихштейнъ-Шувалова, неиз-

Ouvraroﬀ, Prince de Ligne, St.-Petersbourg, 1842, p. 23.

¹⁾ Это лучше всего сказалося въ его драматическихъ произведеніяхъ, напр. въ комедіи „Eulalie“, особенно-же въ „Les enlèvements ou la vie de l'italien en 1785“, гдѣ живость дѣйствія и яркость характеровъ могутъ и въ настоящее время служить образцами. Oeuvres, XIX, 119.

²⁾ Oeuvres, XII, 21. „Я писалъ въ моей жизни слишкомъ много стиховъ; но частью, двѣ трети ихъ потеряны. Опасаяся, что кто-нибудь найди мои стихотворенія, отомститъ мнѣ гѣмъ, что напечатаетъ ихъ, я написалъ слѣдующую эпигramму на себя-же:

Oui, sans doute, mon corps sera mangé des vers.

Ce malheur est-il tant à craindre?

Ce n'est qu'après ma mort, mais alors l'Univers,

Désolé par les miens, sera bien plus à plaindre“.

Oeuvres, XII, 115; XXI, 297; XXII, 61.

вѣстная „русская посланница“, даже неизвѣстный г. Р., „возвратившійся изъ Петербурга“, удостоились стихотворенія ¹⁾, причемъ необходимо замѣтить, что для литературной славы князя де-Линь было-бы лучше, если-бы онъ вовсе не писалъ подобныхъ стихотвореній. Стихи давались ему не легко, и „импровизованные экспромты“ заготовлялись заранѣе, на всякій случай. Съ искренностію, всегда его отличавшею, онъ самъ смѣялся надъ подобными экспромтами: „Принцъ Оранскій долженъ былъ обѣдать у меня въ замкѣ; я приготовилъ небольшое четверостишіе, которое хотѣлъ сказать, какъ экспромтъ, въ то время, когда принцъ проходилъ-бы по оранжереѣ. Между тѣмъ, поднялась буря, принцъ ко мнѣ не заѣхалъ и всѣ мои труды пропали даромъ. Вотъ это четверостишіе:

Modèle et descendant des plus fameuses guerriers,
Vrai démon à la guerre et dans la paix un ange!
Apprends qu'on ne dit plus: c'est un jardin d'orange—
On le nomme à présent un jardin de lauriers.

Это довольно недурно для экспромта, но какъ поэтическое произведение оно ни къ чорту не годится“ ²⁾.

Въ первый-же приѣздъ князя де-Линь въ Россію, въ 1780 году, Екатерина плѣнилась его умомъ, его веселымъ, свѣтлымъ взглядомъ на жизнь, и съ удовольствіемъ бесѣдовала съ нимъ; когда-же кн. де-Линь уѣхалъ изъ Россіи, охотно переписывалась, вѣрнѣе, отвѣчала на его письма. Перечитывая эту переписку, трудно сказать на чьей сторонѣ болѣе остроумія, чьи сужденія глубже, взгляды шире; но несомнѣнное достоинство этой переписки—взаимная прямота, искренность.

Подобно Гримму и Дидро ³⁾, князя де-Линь тоже поразила про-

¹⁾ Приводимъ указаніе всѣхъ „иссланій“ къ русскимъ людямъ: 1) Au prince Zouboff, qui me proposait de me mener en Whyski (XXI, 252); 2) Sous le portrait du prince Zouboff (253); 3) A la princesse B. (294); 4) A une autre dame russe, qui me reprochait de souper de si bon coeur, puisque je l'aimai. et qui me dit de lui en demander pardon bien vite en vers (295); 5) A M-me de Samoiloff au fort d'Elisabeth-Gorod (296); 6) A M-me de Dietrichstein-Schuwaloff, après un spectacle (XXII, 16); 7) A un prince russe, qui m'avait envoyé du thé (20); 8) A l'ambassadrise de Russie (71); 9) A la princesse Basile Dolgorouky (302); 10) Sous le portrait de Catherine II (XXIII, 28); 11) A la princesse Gallizin, née Ismailoff (XXV, 20); 12) Au comte de Golofkin (XXVI, 301, 342, 371); 13) Au prince Poutiatin (349).

²⁾ Oeuvres, XXI, 135; ср. экспромты, записанные Екатериною, въ Сборникѣ, XXIII, 407.

³⁾ Сборникъ, II, 329, 331; Diderot, Oeuvres, ed. Assézat, XX, 39, 92.

стога обращенія Екатерины, и онъ въ первомъ-же письмѣ заявилъ императрицѣ о своемъ удивленіи: „во дворцахъ, гдѣ есть престолы, я не встрѣчалъ еще такой простоты и прямоты ни въ одной коронованной особѣ“. Екатерина отвѣчала: „Престолы, престолы и восседающіе на нихъ особы представляютъ прекрасное зрѣлище, но лишь издали; не въ ущербъ моимъ многоуважаемымъ собратьямъ, я полагаю, что мы, сколько насъ ни есть, всѣ должны быть пренесносными особами въ обществѣ; я знаю это по опыту: когда я вхожу въ комнату, я произвожу впечатлѣніе Медузиной головы — всѣ столбенѣютъ и прирастаютъ къ тому мѣсту, на которомъ находился. Мнѣ очень лестно слышать отъ васъ противоположное, но ежедневный опытъ убѣждаетъ меня, что я такая-же, какъ и другіе, и не найдется болѣе десяти или двѣнадцати лицъ, не стѣсняющихся моимъ присутствіемъ“¹⁾.

Уѣзжая изъ Петербурга, кн. де-Линь обѣщала возвратиться; Екатерина напоминала ему объ этомъ: „Будьте такъ добры, князь, вспоминайте иногда, что вы оставили здѣсь надежды увидѣть васъ снова когда-нибудь, а въ ожиданіи того, будьте увѣрены, что въ списокъ лицъ, которыя увидятъ васъ съ удовольствіемъ, вы встрѣтите имя Екатерины“²⁾.

Осенью 1786 года, Екатерина пригласила князя де-Линь соупотствовать ей въ путешествіи въ Крымъ. „Получаю за 800 лье письмо отъ императрицы: она вспоминаетъ наши разговоры съ нею о блестящихъ эпохахъ древности и предлагаетъ мнѣ ѣхать съ нею въ очаровательную страну, которой она возвратила названіе Тавриды“³⁾. 1-го апрѣля 1787 г., кн. де-Линь былъ уже въ Кіевѣ⁴⁾, откуда набросалъ своей пріятельницѣ, маркизѣ де-Куаньи⁵⁾, слѣдующую картину города во время пребыванія въ немъ императрицы:

¹⁾ Сборникъ, XXVII, 189.

²⁾ Сборникъ, XXVII, 190, 209. Многія письма какъ императрицы Екатерины, такъ и князя де-Линь еще не найдены, и даже неизвѣстно, гдѣ находится. Переписка, хранящаяся въ нашемъ Госуд. Архивѣ, разр. V. № 143, далеко не полна.

³⁾ Oeuvres, XXI, 38; Сборникъ, XXVII, 377.

⁴⁾ Сборникъ, XXIII, 396.

⁵⁾ La marquise de Coigny, родственница герцога Куаньи, прославленная А. Шенье въ его „Jeune Captive“. Еще ранѣе Шенье, кн. де-Линь нарисовалъ предстѣяній ея портретъ, которымъ начинается приводимое письмо изъ Кіева: Savez-vous pourquoi, madame la marquise, je vous regrette? C'est que vous n'êtes pas une femme, comme une autre. Savez-vous pourquoi vous n'êtes pas une femme comme une autre? C'est que vous êtes bonne, quoique bien des gens ne le croient pas; c'est que vous êtes simple, quoique vous fassiez toujours de l'esprit. c'est à dire que vous le trouvez tout fait — c'est votre

„А, Боже мой, какой шумъ, какая толкотня! Сколько брильянтовъ, золота, звѣздъ, лентъ, только не Святаго Духа! Тутъ и чалмы, и красныя шапочки, остроконечныя, съ мѣхомъ, украшающія уродцовъ, безпрестанно ворочающихъ головою, точь-въ-точь статуэткн на вашемъ каминѣ, съ китайскими глазами и носами. Называются они лезгинами и прибыли депутатами. въ числѣ многихъ другихъ депутаций, явившихся изъ Китая, изъ Персїи, изъ Византіи. Это поторжественнѣе какихъ-нибудь депутатовъ отъ парламента или какого-нибудь городка, прїѣзжающихъ за 20 лье въ Версаль ради нелѣпаго этикета.

„Людовикъ XIV позавидоваль-бы сестрѣ своей Екатеринѣ II или женился-бы на ней, чтобъ сдѣлать свои выходы, по крайней мѣрѣ, столь-же торжественными. Сыновья кавказскихъ влaстителей, грузинскаго царя Ираклія, напримѣръ, прїѣхавшіе сюда, доставили-бы ему болѣе удовольствія, чѣмъ пять или шесть престарѣлыхъ кавалеровъ ордена св. Людовика, которые являлись къ нему въ ожиданіи министра, ужинавшаго въ Парижѣ и потому запоздавшаго; двадцать архіепископовъ, хотя и не очень опрятныхъ и съ бородами чуть не до колѣнъ, гораздо представительнѣе королевскаго духовника. А уланскій конвой польскаго магната. ѣдущаго за пол-мили въ гости къ сосѣду, ужъ, конечно, лучше конныхъ стражей, сопровождающихъ старика въ парикѣ, сидящаго въ каретѣ, запряженной шестеркою влячь. Влѣстящія сабли съ эфесами, осыпанными дорогими камнями, величественнѣе копьеносцевъ англійскаго короля.

„Тутъ все есть и на всѣ вкусы: большая и малая политика,

langue. On ne peut pas dire que l'esprit est dans vous, mais vous êtes dans l'esprit. Vous ne courez pas après l'épigramme, c'est elle qui vient vous chercher. Dans 60 ans vous serez une maréchale du Luxembourg, une m-me du Defant pour le piquant, une m-me Geoffrin pour les définitions et une maréchale de Mirepoix pour le goût. A vingt ans vous possédez le résultat des trois siècles qui composent l'âge de ces dames. Vous avez la grâce des élégantes, sans en voir pris l'état. Vous êtes supérieure sans allarmer personne que les sots. Il y a déjà autant de grands mots, et de mots bons de vous à citer que de bons-mots. „Neprendre point d'amans, parceque ce serait abdiquer“, est une des idées les plus profondes et la plus neuve. Vous êtes plus embarrassée qu'embarrassante; et quand vous l'êtes un certain petit murmure rapide et abondant de mots entre vos dents, l'annonce le plus drôlement du monde, comme ceux qui ont peur des vpleurs chantent dans la rue. Vous êtes la plus aimable femme et le plus joli garçon. Oeuvres, XXI, 7. Письма къ маркизѣ де-Куаньи были писаны не для печати; но, какъ объяснено въ предисловіи, кн. де-Линъ рѣшилсѣ напечатать ихъ въ виду тѣхъ нелѣпостей, которыя стали распространяться въ печати по новоду таврическаго путешествія Екатерины II.

большія и малыя интриги, большая и малая Польша. Тутъ польскіе магнаты, обманывающіеся, обманутые или обманывающіе; всѣ они очень любезны, но жены ихъ еще любезнѣе, и все это съ цѣлью удостовѣриться, что императрица не знаетъ, какъ они оскорбляли ее своимъ лаемъ на послѣднемъ сеймѣ. Мужья ловятъ каждый взглядъ кн. Потемкина, что не такъ-то легко, такъ какъ онъ кривить и косить глазами; жены хлопочутъ объ орденѣ св. Екатерины, чтобъ кокетливо пришиллить ленту на зависть ближнихъ и родныхъ. Всѣ желаютъ и всѣ страшатся войны; жалуется, что Англія и Пруссія подстрекаютъ турокъ, и сами постоянно раздражаютъ ихъ... Но, вотъ, меня зовутъ смотрѣть фейерверкъ, стоящій 40,000 рублей“.

Екатерина встрѣтила въ Кіевѣ князя де-Линь, какъ стараго друга. „Императрица встрѣтила меня такъ, какъ будто мы съ нею не шесть лѣтъ, а шесть дней не видѣлись. Она вспомнила тысячу мелочей, о которыхъ могутъ помнить только государи, такъ какъ у всѣхъ государей отличная память“.

Уже здѣсь, въ Кіевѣ, Екатерина научилась уважать князя де-Линь за его независимый образъ мыслей, за твердость убѣжденій. Въ Кіевѣ императрица привела въ исполненіе давно уже задуманную ею мѣру: манифестомъ 21-го апрѣля 1787 года поединки были запрещены ¹⁾. Кн. де-Линь не читалъ манифеста; изъ 52-хъ статей закона ему перевели только три первыя и, въ то время, какъ всѣ, даже извѣстные бреттеры, изъ лести и угодничества, восторгались высочайшимъ манифестомъ, кн. де-Линь, спрошенный Екатериною, смѣло высказалъ свое мнѣніе и не согласился поставить свою честь въ зависимость отъ какого-бы ни было третейскаго суда ²⁾. „Я помню, писалъ онъ позже императрицѣ, какъ въ Кіевѣ я такъ смѣло, такъ дерзко нападалъ на указъ о дуэли, что ваше императорское величество, защищая указъ, едва не вызвали меня на дуэль“ ³⁾.

Такихъ случаевъ было нѣсколько. Вопреки убѣженію русскихъ сановниковъ, кн. де-Линь находилъ, что „нѣтъ никакой возможности льстить людямъ, которыхъ видишь съ шести часовъ утра до десяти вечера“. Онъ доказалъ это во время путешествія и не разъ.

¹⁾ Архивъ сената, т. 163, л. 122; П. С. З. № 16535.

²⁾ Вопросъ о дуэли не былъ вопросомъ для князя де-Линь. Одинъ изъ версальскихъ друзей просилъ его быть секундантомъ и разрѣшить дуэль на его землѣ, въ Бель-Эль, близъ французской границы. Въмѣсто всякаго отвѣта, князь де-Линь при просителѣ-же написалъ слѣдующую записку своему управляющему: „Приготовить завтракъ для четверыхъ и обѣдъ для тронхъ“.

³⁾ Oeuvres, XXII, 75.

„Разговоръ шелъ о храбрости. Обращаясь ко мнѣ, императрица сказала: „Если-бъ я была мужчиною, я была-бы убита до капитанскаго чина“. Я ей отвѣтилъ: „Сильно сомнѣваюсь, ваше величество, потому что я еще живъ“. Она немного задумалась, какъ-бы желая вникнуть въ смыслъ моихъ словъ, потомъ тихонько разсмѣялась. понявъ, какъ неумѣстно она считала себя болѣе храброю, чѣмъ меня и многихъ другихъ, бывавшихъ въ огнѣ. Въ другой разъ я серьезно поспорилъ съ нею относительно французскаго двора, и такъ какъ императрица довѣряла нѣкоторымъ брошюрамъ, распространеннымъ за границу, я почти съ досадою замѣтилъ ей: „На сѣверѣ также клеветуютъ, государыня, на западъ, какъ на западѣ лгутъ о сѣверѣ; версальскимъ носильщикамъ слѣдуетъ довѣрять также мало, какъ и царскосельскимъ извозчикамъ“¹⁾).

Очень рельефно, крупными штрихами, очень живо рисуетъ кн. де-Линь свое путешествие съ императрицею „въ шестимѣстной каретѣ, разукрашенной вензелями изъ разноцвѣтныхъ камней и напоминающей триумфальную колесницу“. Эту карету, въ которой помѣщалась императрица, Иосифъ II, гр. Сегюръ, гр. Кобенцель, князь де-Линь и гр. Мамоновъ, сопровождали экипажи свиты. „На каждой станціи намъ заготовляютъ шестьсотъ лошадей. Вотъ уже два мѣсяца, что я бросаю деньги за окно—мнѣ случилось и прежде упражняться въ этомъ, но не съ тою цѣлью и не въ такомъ количествѣ: я выбросилъ уже цѣлые милліоны. Вотъ какъ это дѣлается: возлѣ меня, въ каретѣ, помѣщенъ большой зеленый мѣшокъ, наполненный имперіалами. Жители окрестныхъ деревень, за десять, пятнадцать и двадцать верстъ сбѣгаютъ посмотреть на императрицу; одни кланяются до земли, другіе кричатъ ура, и эти-то головы и спины я осыпаю золотомъ изъ окна быстро несущейся кареты. И это повторяется по десяти разъ въ день. Жара клонитъ ко сну, я склоняю голову на плечо сосѣда и, будто съ просонья, слышу, какъ кто-то говоритъ: „У меня 30 милліоновъ подданныхъ, считая только мужской полъ“.—„А у меня, слышится въ отвѣтъ, только 22 милліона, считая женщинъ и дѣтей“.—„Мнѣ нужна 600,000-ная армія отъ Камчатки до Риги, включая и кавказскія горы“.—„А съ меня довольно было-бы и половины“. Сидя въ каретѣ, мы перебираемъ всѣ государства и всѣхъ великихъ особъ. Одному Богу извѣстно, какъ чествуемъ мы ихъ! „Я, кажется, скорѣе застрѣлилась-бы, говоритъ нѣжно Екатерина, чѣмъ подписать отдѣленіе“

¹⁾ Oeuvres, XXI, 56; Сегюръ, 188.

тринадцати провинцій, какъ подписалъ мой братъ Георгъ¹⁾.— „Я не знаю, на что я не рѣшился-бы прежде, чѣмъ отказаться отъ своихъ правъ, сказалъ Іосифъ II, какъ это сдѣлалъ братъ и зять мой²⁾, ссылая собраніе нотаблей, для обсужденія злоупотребленій въ его королевствѣ“. Ихъ величества то испытывали другъ друга, говоря о туркахъ, то перебрасывались словами, наблюдая другъ за другомъ. Какъ любитель прелестной древности, я предложилъ возстановить Грецію. Екатерина пожелала возстановить Ликурговъ и Солоновъ, я стоялъ за Алкивиада, Іосифъ, думающій болѣе о будущемъ, чѣмъ о прошломъ, и больше о положительномъ, чѣмъ о химерическомъ, сказалъ: „Какъ-же намъ быть съ Константинополемъ?“ Тада-то они, какъ ни въ чемъ ни бывало, покоряли острова и области, а я думалъ про себя: „Ахъ, ваши величества, ничего-то вы не покорите, а только накличете себѣ бѣду“. Тутъ-же, безъ всякаго стѣсненія, эти царственные особы передавали другъ другу самыя интересныя вещи: „Не было-ли покушенія на вашу жизнь? А мнѣ такъ угрожали!“— „А я получала анонимныя письма!“ Наши экипажи наполнены персиками и апельсинами, прислуга наша пивается шампанскимъ, а я умираю съ голоду: все холодно и невкусно за столомъ императрицы, которая опредѣляетъ слишкомъ мало времени для обѣда, и, пока она говоритъ любезности направо и налево, все стынетъ, кромѣ воды, которую приходится пить теплою³⁾.

Путешествіе императрицы на югъ Россіи, въ Крымъ, такъ еще недавно подвластный Турціи, но Днѣпру, устье котораго во власти турокъ, обезпостило Порту Оттоманскую. Для встрѣчи и сопровожденія императрицы, еще болѣе для пораженія императора Іосифа II военнымъ могуществомъ Россіи, на югъ, къ Днѣпру, были сдвинуты войска. Въ заграничныхъ газетахъ писали, будто близъ Кіева была собрана 100,000-ная армія, подъ командою Румянцова, будто въ Херсонѣ расположенъ такой-же корпусъ, подъ начальствомъ кн. Потемкина, и будто до 60,000 войскъ были расположены небольшими отрядами на всемъ пути слѣдованія императрицы. Стягиваніе такихъ силъ на турецкую границу могло уже само по себѣ встревожить турецкое министерство⁴⁾, но эта тревога усиливалась еще чисто вызывательными манифестаціями, въ

¹⁾ При Георгѣ II, англійскомъ королѣ, Соединенные Штаты Америки провозгласили себя независимыми.

²⁾ Людовикъ XVI, французскій король, женатый на сестрѣ Іосифа II, Маріи Антуанеттѣ.

³⁾ Oeuvres, XXI, 23—25, 53, :

⁴⁾ Сегюръ. 200.

родѣ надписи на одной изъ триумфальныхъ арокъ: „Путь въ Константинополь“. Нельзя поэтому и удивляться, встрѣчая въ письмахъ князя де-Линя слѣдующія, напримѣръ, извѣстія:

„Императрица дозволила принцу Нассаускому и мнѣ, въ качествѣ любителей, а можетъ быть, и знатоковъ, поѣхать осмотрѣть Очаковъ и десять турецкихъ кораблей, такъ неприлично выставленныхъ турками въ устьяхъ Днѣпра, какъ будто съ цѣлью загородить намъ путь въ Кинбурнъ, еслибъ ихъ императорскія величества захотѣли идти туда водою. Когда императрица разсматривала маленькій набросокъ, съ обозначеніемъ расположенія этого турецкаго флота, принцъ Нассаускій предложилъ императрицѣ свои услуги, чтобъ избавить ее отъ этого флота. Императрица улыбнулась и шедкомъ отбросила бумажку. Я смотрю на это, какъ на предвѣстіе скорой, кажется, войны“ ¹⁾).

Предсказанія князя де-Линя сбылись скорѣе, чѣмъ онъ думалъ. Не прошло и трехъ мѣсяцевъ, какъ военныя дѣйствія открылись преслѣдованіемъ фрегата „Скорый“ этимъ-же турецкимъ флотомъ и на тѣхъ-же водахъ Днѣпра ²⁾, на которыхъ принцъ Нассаускій и кн. де-Линь плавали для осмотра Очакова. Во время этой войны подвергались опасности и новыя владѣнія князя де-Линя.

„Влизъ монастыря св. Георгія, въ мѣстности, полной воспоминаній и очарованій, императрица пожаловала землю князю де-Линю. Едва-ли она могла сдѣлать приличнѣйшій подарокъ этому отличному, умному человѣку, который, при своемъ воинственномъ нравѣ, скорѣе являлся какимъ-то сказочнымъ и романическимъ витяземъ, нежели лицомъ историческимъ“ ³⁾). Екатерина подарила князю де-Линю мысъ, извѣстный въ древности подъ именемъ Пароеніона, недалеко отъ развалинъ Херсонеса—это высокая, утесистая скала, на которой нѣкогда былъ храмъ Діаны Таврической. „Зная мое неравнодушіе къ Ифигеніямъ, императрица подарила мнѣ землю, гдѣ находился храмъ, жрицею котораго была дочь Агамемнона. Это—Пароенида, греческій парееніонъ, искаженный татарскимъ произношеніемъ. Это тотъ знаменитый мысъ Пароеніонъ, на которомъ,

¹⁾ Oeuvres, XXI, 17; Сегюръ, 199.

²⁾ La flotte turque a donné la chasse le 21 de mois d'Août à la frégate russe la „Scorey“ ou la „Rapide“ à l'embouchure du Dnieper. Cette frégate et un petit bâtiment, qui la suivait, ont repoussé vigoureusement cette attaque et sont revenus avec peu de perte à Cherson, après avoir traversé la flotte turque et essuyé le feu de la forteresse d'Oczakow. Денеша гр. Сегюра отъ 20-го сентября 1787 г. въ Париж. Архивѣ, Russie, vol. 83, f. 276.

³⁾ Сегюръ, 216.

но вымысламъ мѣологіи, происходило столько трагическихъ происшествій. Всѣ мѣологическія божества имѣли въ этомъ мѣстѣ свою долю власти“¹⁾. Кн. де-Линь такъ былъ очарованъ этимъ подаркомъ, что, по колѣно въ водѣ, перебрался на мысъ, въ свои владѣнія, и написалъ на скалѣ „божественное имя Екатерины Великой, а на другой сторонѣ скалы — человѣческое имя дамы моего сердца“

Императоръ Іосифъ II съ удовольствіемъ видѣлъ вниманіе Екатерины къ его другу, князю де-Линь, который находился въ Крыму, между тѣмъ, какъ въ Нидерландахъ вспыхнуло возстаніе, угрожавшее Бель-Элю и другимъ его землямъ. Вѣсть о возстаніи разгосадовала императора, но не обезпокоила — онъ не придавалъ этому движенію серьезнаго значенія. Объ этомъ возстаніи напомнилъ ему кн. де-Линь въ Бахчисараѣ: „Когда приводили къ присягѣ всѣхъ, кто, подобно мурзамъ, имѣлъ уже земли въ Крыму, и тѣхъ, которые, подобно мнѣ, одарила ими императрица, императоръ подошелъ ко мнѣ и, дотронувшись до моихъ знаковъ Золотого Руна, сказалъ „Вы первый изъ кавалеровъ этого ордена приносите присягу вмѣстѣ съ этими бородачами“. Я ему отвѣчалъ: „И для васъ, ваше величество, и для меня лучше, чтобъ я былъ за одно съ татарскими дворянами, чѣмъ съ фламандскими“²⁾. Императоръ конечно, согласился съ княземъ де-Линь.

Во время путешествія, отъ нечего дѣлать и для развлечения, занималась и стихами. „Обращаясь къ намъ, императрица спросила: „Какъ пишутъ стихи, господа? Графъ Сегюръ, напишите мнѣ правила стихосложенія“. Онъ изложилъ ей правила съ прелестными примѣрами, и она принялась за работу. Императрица написала шесть стихотвореній, но съ такими ошибками, что мы всѣ расхохотались. „Чтобъ отучить васъ смѣяться надо мною, сказала мнѣ императрица, извольте сейчасъ-же написать стихи; я-же въ жизнь мою не примусь болѣе за стихи: они мнѣ опротивѣли“!

Прекрасно! замѣтилъ Фицъ-Гербертъ, вамъ слѣдовало-бы удовольствоваться двустистиемъ, написаннымъ вашимъ величествомъ на могилѣ вашей собачки:

Ci gît la Duchesse Anderson,
Qui mordit Monsieur Rogerson.

¹⁾ Oeuvres, XXI, 36, 38. Cette petite terre s'appelle Parthenizza ou le Cap deierge, et est habitée par cinquante-six familles tartares. Lettre de Ligne à m. le baron de Grimm, Tourneux XV, 101.

²⁾ Oeuvres, XXII, 106.

Изд. XXI, 23.

Мнѣ задали рифмы, съ приказаніемъ наполнить ихъ возможно скорѣе, и вотъ какое обращеніе къ императрицѣ я составилъ:

A la règle des vers, aux lois de l'harmonie
 Abaissez, soumettez la force du génie.
 En vain fait-il les voisins de l'état.
 En vain à votre empire, il donne de l'éclat.
 Pour rimer, suspendez un moment votre gloire.
 C'est un nouveau chemin au temple de mémoire.

„Въ Бахчисараѣ императрица вспомнила, какъ мы смѣялись надъ ея стихосложеніемъ, и сказала намъ: „Господа, я удаляюсь, и вы увидите, что изъ этого выйдетъ“. Вотъ что она вынесла намъ послѣ четырехчасовой потуги:

Sur un sofa du Kan, sur des coussins boutées,
 Dans un kiosque d'or de grilles entourés..

Дальше у нея ничего не выходило. Мы много смѣялись надъ такимъ прекраснымъ началомъ ¹⁾).

Пробывъ съ Екатериною болѣе трехъ мѣсяцевъ, ежедневно, съ утра до вечера, видя ее при выходахъ и приемахъ, на балахъ и спектакляхъ, при докладахъ, на смотрахъ, князь де-Линь много и о многомъ бесѣдовалъ съ нею и, въ концѣ концовъ, пришелъ къ убѣжденію, что ея поведеніе, какъ императрицы, достойно всяческой похвалы. „Императрица не боится прослать руководимую другими и потому она оказываетъ избираемымъ ею лицамъ полное довѣріе и предоставляетъ имъ большую власть, только не позволяетъ никому дѣлать зла. Она оправдываетъ свою щедрость тѣмъ, что раздача большихъ суммъ увеличиваетъ государственное богатство и на ней лежитъ долгъ вознаграждать и поощрять. Созданіе многихъ новыхъ должностей въ провинціи она объясняетъ тѣмъ, что это сглаживаетъ различіе сословій, обогащаетъ край и заставляетъ дворянъ жить въ своихъ помѣстьяхъ, а не въ Петербургѣ и Москвѣ. Въ 237 городахъ, ею заложенныхъ, всѣ почти зданія каменные, такъ какъ деревянныя часто горятъ и тѣмъ наносятъ большой убытокъ. Она создала прелестный флотъ на Черномъ морѣ потому только, что Петръ Великій любилъ кораблестроеніе. У нея всегда есть въ запасѣ какое-нибудь скромное извиненіе для всѣхъ ея великихъ подвиговъ“ ²⁾).

¹⁾ Oeuvres, XXI, 26. Отзывъ Екатерины о своихъ стихахъ см. Сборникъ, XLII, 160.

²⁾ Oeuvres, XXI, 49.

Не укрылась отъ князя де-Линь и обратная сторона медали: „И видѣлъ и злоупотребленія. Напримѣръ: не будучи въ состояніи обойти весь городъ пѣшкомъ, какъ мы, императрица должна, по неволѣ, вѣрить, что нѣкоторые города, для которыхъ отпущена ею громадная сумма, уже застроены, между тѣмъ, какъ нерѣдко встрѣчаются города безъ улицъ, улицы безъ домовъ, дома безъ крышъ, дверей и оконъ. Императрица видитъ только прекрасно построенные каменные гостинные дворы и величественные, съ колоннами, дворцы губернаторовъ“ ¹⁾. Шутиливою ироніею, такъ свойственною князю де-Линь, звучать слѣдующія его строки: „Не могу поручиться, чтобъ иной помѣщикъ, злоупотребляя своею властію, что случается иногда повсюду, не заставлялъ своихъ крестьянъ, при помощи плетей, кричать ура и тѣмъ заглушать вопли горя. Но всякое насиліе подвергалось строгому преслѣдованію со стороны губернаторовъ, и нѣтъ сомнѣнія, что привѣтствовавшіе насъ крики „ура“ были искренни“ ²⁾.

Неурожай и послѣдовавшій за нимъ голодъ придали концу пышнаго путешествія довольно мрачный оттѣнокъ, но и при этомъ, по словамъ спутниковъ, Екатерина проявила завидныя черты своего характера и сердца. „Поэзія исчезла, уступивъ мѣсто грустной дѣйствительности. Алексѣй Орловъ имѣлъ мужество довести до свѣдѣнія императрицы, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ обнаружился голодъ. Празднества прекратились. Благотворительность замѣнила торжественность и роскошь уступила мѣсто необходимости: деньги уже не бросаются изъ оконъ, а распредѣляются между нуждающимися; шампанское не льется уже рѣкою; тянутся обозы, наполненные хлѣбомъ, вмѣсто судовъ, нагруженныхъ апельсинами. Облако печали затмило на время величественное и свѣтлое чело Екатерины Великой“ ³⁾. Въ Россіи можетъ быть неурожай, но голода быть не должно—таковъ взглядъ Екатерины, нерѣдко борющейся съ „несносною на хлѣбъ дороговизною“, но никогда не допускавшей, чтобъ „народъ въ пропитаніи затрудненіе, а паче не недостатокъ почувствовалъ“ ⁴⁾. Между тѣмъ заявленіе гр. А. Орлова оказалось справедливымъ и, по произведенному разслѣдованію, обнаружилось, что „въ нѣсколькихъ областяхъ имперіи губернаторы не исполнили распоряженій императрицы и не наполнили, согласно ея

Oeuvres, XXI, 54.

Ibid., 55.

Ibid., 59.

Архивъ Сената, т. 136, л. 382.

повелѣнію, хлѣбные запасные магазины“¹⁾). Губернаторы назначаются, однако, самую императрицу, и Екатерина принимаетъ на себя отвѣтственность за постигшее народъ бѣдствіе. „Неприлично было-бы мнѣ, говорить Екатерина, являться среди увеселеній и празднествъ, когда мои подданные страдаютъ отъ бѣдствія, которое я обязана была-бы предотвратить“²⁾).

Таврическое путешествіе, предпринятое въ ознаменованіе 25-тилѣтія царствованія Екатерины, возбудило много толковъ, окончилось во время обнаружившагося голода и послужило поводомъ къ войнѣ съ Турціею. Только относительно голода кн. де-Линь оставался вполнѣ безоружнымъ: войнѣ съ Турціею посвятилъ онъ свою шпагу, борьбѣ съ превратными толками—свое перо. Еще изъ Тулы писалъ онъ маркизѣ де-Куаньи: „Знаю, теперь не въ модѣ вѣрить путешественникамъ, людямъ придворнымъ и тѣмъ, которые хорошо отзываются о Россіи; даже нѣкоторые изъ русскихъ, недовольные тѣмъ, что имъ не пришлось участвовать въ нашемъ путешествіи, скажутъ, что мы обмануты и сами обманываемъ. Прошелъ-же нелѣпный слухъ, будто на нашемъ пути перевозились декорации, представлявшія обширныя деревни, будто корабли и пушки были только намалеваны, будто кавалерія была безъ лошадей и тому подобное“³⁾). Слухи эти проникли за-границу и въ газетахъ, особенно-же въ „Gazette de Holland“, печатались невѣроятныя небылицы о таврическомъ путешествіи. Кн. де-Линь изъ Москвы-же послалъ письмо къ Гриму, съ просьбою помѣстить въ его „Correspondance“ составленное княземъ описаніе путешествія⁴⁾), причемъ предлагалъ тысячу лудоровъ тому, кто опровергнетъ, хотя-бы въ малѣйшей степени, какое-либо изъ его сообщеній.

Вторая турецкая война началась въ августѣ 1787 года, и въ ноябрѣ кн. де-Линь выѣхалъ въ Елизаветградъ. Эти три мѣсяца провелъ онъ въ Петербургѣ, чаще въ Царскомъ Селѣ, въ гостяхъ у Екатерины. Онъ видѣлъ ее почти ежедневно и по цѣлымъ часамъ бесѣдовалъ съ нею. О чемъ? Во время таврическаго путешествія, въ плаваніе по Дибру, кн. де-Линь и гр. Сегюръ помѣщались въ одной галерѣ, и гр. Сегюръ рассказываетъ: „Князь де-Линь удивлялъ меня живостью своего воображенія и пылкостью

1) Сегюръ, 236.

2) Ibid., 237.

3) Oeuvres, XXI, 53. Екатерина въ двухъ словахъ высказала взглядъ князя де-Линь на таврическое путешествіе, въ Сборникѣ, XXIII, 411.

4) Tourneux, XV, 107; Сборникъ, XXIII, 430.

ума: рано по утру будиль онъ меня стукомъ въ перегородку, которая отдѣляла его кровать отъ моей, и читаль экспромты и пѣсенки, только-что имъ набросанные; немного спустя, его слуга приносилъ мнѣ письмо въ 4 и 6 страницъ, гдѣ остроуміе, шутки, политика, любовь, военные анекдоты и эпиграммы мѣшались самымъ оригинальнымъ образомъ¹⁾. Таковъ кн. де-Линь на Диѳирѣ съ гр. Сегюръ; таковъ онъ и въ Царскомъ Селѣ съ императрицею Екатериною. Одно изъ такихъ писемъ его сохранилось²⁾ и можетъ служить образцомъ подобной переписки:

„Копія съ сохранившагося письма моего, писаннаго императрицѣ Екатерины, въ Царскомъ Селѣ, изъ моей комнаты въ ея комнату.

„Ваше императорское величество были неправы вчера и очень неправы: своимъ нѣжнымъ, но упорнымъ сопротивленіемъ вы только подкрѣпили свою неправоту. Вы были неправы не въ дѣлахъ, что немисливо, а на словахъ. Вчера поздно уже было спорить съ вами, поздніе споры возможны были въ каретѣ, во время путешествія; къ тому-же здѣсь были двѣ или три лишнія ленты голубыя, красныя и пестрыя; что сказали-бы онѣ, услыхавъ, что я противорѣчу самодержицѣ нѣсколькихъ Россій всевозможныхъ цвѣтовъ, и онѣ были-бы правы — знай сверчокъ свой шестокъ. Говора о своемъ правленіи, ваше величество сказали: оно шло-бы лучше, если-бы я была мужчиною. Нѣтъ, вовсе нѣтъ. Если-бы императрицы Анна и Елизавета были мужчинами, ихъ царствованія были-бы самыя жалкія, а, между тѣмъ, они были вѣдь не лишены извѣстной славы; послѣднее-же было даже блестящее — оно почти уничтожило всѣ слѣды варварства. Говорить вамъ объ этомъ блескѣ, государыня, чтобъ тѣмъ выказать ваше превосходство, было-бы жалкимъ мадригаломъ, какъ было-бы эпиграммою проводить параллель между вашимъ царствованіемъ и ихъ. Это такъ не сходно, что не поддается сравненію.

„Великій человекъ, одѣтый въ костюмъ вашего величества, гораздо выше великаго человека при саблѣ. Онъ можетъ поддаться искушенію и вынуть ее изъ ноженъ, что бываетъ недурно лишь въ томъ случаѣ, когда скипетръ валится изъ рукъ, но гораздо лучше умѣть крѣпко держать его, какъ вы, государыня, въ мощной рукѣ. Государю можетъ придти желаніе стать героемъ; но быть героемъ хорошо только для насъ, подданныхъ, но опасно для государя; этимъ онъ подвергаетъ себя зависти своихъ гене-

¹⁾ Сегюръ, 195.

²⁾ Oeuvres, XXXI, 249

раловъ, возбуждаетъ духъ партій въ своей-же арміи и приводитъ къ разстройству или узурпаціи. Великій человекъ незамѣтно исчезаетъ, становясь счастливымъ побѣдителемъ, который подъ конецъ можетъ быть побѣжденъ. Оно вноситъ въ придворную жизнь притворство комитета, жестокость поля битвы, угрюмость, недоувѣріе и подозрительность. Кто знаетъ, что случилось-бы съ великимъ человекомъ-женщиною, еслибъ она стала великимъ человекомъ-мужиною? Ваше величество захотѣли-бы стать властительницею всея славы, какъ всея Россіи: и еслибъ богъ брани, забывъ изначальную церковь, преклонился на сторону Рима или церковей побочныхъ и повинулъ-бы васъ, вы никогда не заключили-бы мира при Прутѣ, какъ это сдѣлалъ герой, ставшій героемъ невольню, и не убѣжали-бы въ Турцію, какъ сдѣлалъ его врагъ-герой.

„Ваше состояніе женщины придаетъ вамъ ту самоувѣренность, которая внушаетъ вамъ величіе, и то спокойствіе, которое вселяетъ глубокомысліе и какую-то благородную нѣжность безъ праздности. Я не поручусь за ваше величество верхомъ на лошади, но я отвѣчаю за успѣхъ, когда вы, опершись на столъ и поддерживая красивою рукою свою прелестную голову, работаете также тихо, какъ входите въ залы Эрмитажа, но быстро двигаете дѣла.

„Мои сотоварищи, таврическіе мурзы, не привали-бы такъ хорошо мужчину, и запорожцы, мои сосѣди по землямъ на лѣвомъ берегу Днѣпра, мнѣ пожалованнымъ мановеніемъ вашей руки изъ окна быстро плившей галеры, устроили-бы западно величественному властелину, который пожелалъ-бы все видѣть самолично. Женщина не можетъ входить во всѣ мелочи. Мужчина теряетъ при приближеніи къ нему; женщина—выигрываетъ. Отъ нея ничего не ожидаютъ, и отъ удивленія переходятъ къ уваженію, отъ уваженія къ восторгу; если къ тому-же она любезна, то дружба и привязанность примѣшиваются къ восторгу, нисколько не портя общаго впечатлѣнія.

„Осмѣлился-ли бы я написать все это мужчине, который всегда воображаетъ, что хотятъ подѣлать ему или обмануть его, скрыть свою нелюбовь или затмить своимъ талантомъ? Низкіе куртизаны всегда смотрятъ въ глаза государю, хотя эти глаза часто вовсе не лучшіе въ мірѣ. Взглядъ-же императрицы можно ловить, не унижаясь: вовсе не для пріобрѣтенія власти, а для успѣха въ обществѣ. Геройство покоряетъ страны, но не женщинъ.

„Великій человекъ на конѣ приводитъ въ трепетъ генераловъ и солдатъ, вельможъ и мужиковъ; великій человекъ въ коляскѣ, окруженный пятью-шестью хорошенькими женщинами, составляющими его свиту, сопровождается восторженными кликами людей легко-

мысленныхъ и благословеніями людей мыслящихъ. Бываютъ негодья, которые смѣются надъ властью въ рукахъ женщины и желаютъ отъ нея избавиться. Ваше величество имѣли-бы 50,000 людей и 5-ю милліонами рублей болѣе, если-бы были мужчиною — право, изъ-за такой бездѣлицы не стоитъ мѣнять свой полъ. У васъ довольно подданныхъ и рублей; въ бесѣдѣхъ вашего сада вы увеличили то и другое, а изъ палатки могли-бы, пожалуй, и потерять.

„Какая разница между вашимъ взглядомъ, полнымъ пріятности и милости, и суровымъ видомъ, который вамъ пришлось-бы принять дѣлая смотръ 400,000 или 500,000 вашего войска.

„Если случайно, увлеченные энтузіазмомъ, мы зайдемъ дальше, чѣмъ слѣдуетъ въ изъявленіи восторга вашей очаровательной и августѣйшей особы, вы, не обманывая себя, отнесете большую часть этой любезности къ себѣ, какъ женщиנѣ, которая на тронѣ внушаетъ еще болѣе чувствъ, между тѣмъ, какъ государь-мужчина приписалъ-бы все это одной придворной лести.

„Государыня, привыкшая, какъ царица и какъ женщина, видѣть у своихъ ногъ мужчинъ, менѣе склонна къ раздражительности. Дерзнуть-ли-бы я выразить свое негодованіе Фридриху, Петру, Карлу. Людовику, какъ я сдѣлалъ это однажды вашему величеству, когда вы сказали мнѣ, что, по древнему русскому закону, впереди всѣхъ посылались на приступъ приговоренные къ смертной казни и обвиненные въ тяжкихъ преступленіяхъ. Вы-же, государыня, только посмотрѣли на меня, подумали немного и ничего не сказали. Держу пари, что ваше величество совсѣмъ забудете о моей выходкѣ.

„Всякій государь утверждаетъ, что любить правду; государыня узнаетъ ее болѣе безбоязненно. Она говоритъ себѣ: придворные такъ боятся наскутить мнѣ, не понравится, лишиться моего къ нимъ вниманія, что, конечно, говорятъ мнѣ только по необходимости и изъ желанія добра.

„Твердость характера у женщины оказывается часто упрямствомъ у мужчины; снисходительность, нерадѣніе или добродушіе у женщинъ становится слабостью у мужчинъ. Сколько мелочей, нестоящихъ вниманія, доводятъ до важныхъ результатовъ? Прелестная накидка или вышитая юбка алаго бархата на вашемъ величествѣ производитъ болѣе эффекта, чѣмъ ботфорты и шарфъ; пять крупныхъ брилліантовъ въ вашихъ волосахъ великолѣпнѣе каски, всегда или черезчуръ большой или до уродства маленькой. Ваша прелестная ручка электризуетъ всѣхъ, кто ее цѣлуетъ, отъ часоваго до Ираклія и Гирея; рука-же великаго человѣка, иногда сухая и костлявая, не производитъ такого впечатлѣнія, и самый отчаянный льстецъ, бросааясь цѣловать ее, можетъ только сломать себѣ носъ.

„Если-бы сынъ Карла VI представилъ своего новорожденнаго эрцгерцога венгерцамъ, неужели это заставило-бы ихъ обнажить сабли, какъ при видѣ юной, прекрасной и несчастной 24-хъ-лѣтней принцессы, какою была тогда наша великая Марія-Терезія?

„Повторяю еще разъ: ваше императорское величество были-бы слишкомъ впечатлительны для мужчины. Господь Богъ все дѣлаетъ къ лучшему. Благодарите Его, государыня, что вы женщина, а не мужчина; благодарите Его на 60-ти языкахъ Кавказа, на языкѣ крымскихъ татаръ, прикаспійскихъ персовъ, пристѣночныхъ китайцевъ, на языкѣ грековъ и римлянъ, нѣмцевъ Штетина и французовъ нашей валлонской церкви. Повѣрьте, ваше величество, чело-вѣку, который сталъ вашимъ живописцемъ и историкомъ, назвавъ васъ Екатериною Великою“.

По отъѣздѣ князя де-Линь изъ Россіи, Екатерина, по прежнему, переписывалась съ нимъ до самой своей кончины. Иногда переписка обрывалась, но никогда болѣе, чѣмъ на полгода. „Вотъ уже шесть мѣсяцевъ, пишетъ кн. де-Линь отъ 17-го марта 1792 года, что я не получалъ писемъ отъ вашего величества, и это въ первый разъ въ теченіе нашей 12-тилѣтней переписки“ ¹⁾. Содержаніе этой переписки чрезвычайно разнообразно, но во всѣхъ письмахъ, съ обѣихъ сторонъ, видна полная искренность. Смерть Иосифа II и происхожденіе графа Суворова, шведская война и турецкій миръ, французская война и разореніе Бельгія, личные интересы князя де-Линь и занимавшіе Екатерину вопросы — все было предметомъ обсужденія, совершенно свободнаго и всегда остроумнаго. Ни кн. де-Линь, ни Екатерина не стѣсняются въ выраженіяхъ, не составляютъ фразъ, не подыскиваютъ словъ; мысль ложится подъ перо безъ прикрасъ и нерѣдко удивляетъ самого пишущаго. Екатерина спрашиваетъ у князя де-Линь его мнѣніе о Сенакѣ де-Мельянѣ, который задумывалъ писать исторію Россіи; кн. де-Линь отвѣчаетъ что Мельянъ обладаетъ необходимыми для того познаніями и дарованіями, тѣмъ болѣе, что „историкъ долженъ быть чело-вѣкъ благовоспитанный“, и прибавляетъ: „Держу пари, что я первый высказалъ такую блестящую мысль“ ²⁾.

Въ теченіе второй турецкой войны, особенно-же во время пребыванія въ русской арміи, кн. де-Линь не писалъ Екатерину. „Если-бы я послалъ императрицѣ хоть-бы одно письмо съ похвалою

¹⁾ Oeuvres, XXII, 102, 108.

²⁾ Ibid., 102.

кн. Потемкину и его операціямъ, она осыпала-бы меня брилліан-тами и одарила крестьянами. Она была-бы очень довольна, если-бы и ее обмануль—она хотѣла, во что-бы то ни стало, думать, что все идетъ хорошо“ ¹⁾). Война не была еще окончена, кн. де-Линь былъ занятъ осадой Бѣлграда, когда возстаніе охватило его родину.

Бельгійское возстаніе 1788 года затихло только на время. Весною 1789 года, Фанъ-деръ-Нотъ посѣтилъ великаго пенсіонарія Фанъ-Спигеля въ Гагѣ и условился съ нимъ относительно помощи, обѣщанной Англію, Пруссію и Голландію. Узнавъ объ этомъ, Іосифъ II рѣшился, наконецъ, принять серьезныя мѣры, но было уже поздно. 13-го ноября, австрійскія войска были вытѣснены изъ Генга патріотами, соединившимися съ брабантцами; возстаніе быстро росло и скоро охватило Брабантъ, Фландрію, Геннегау, часть Намюра. Въ Бредѣ сформировалось національное правительство, подъ скромнымъ названіемъ „бельгійскаго комитета“, съ которымъ Англія, Голландія и Пруссія вели официальные сношенія. 3-го декабря, Фанъ-деръ-Мерчъ, предводитель повстанцевъ, вошелъ въ Брюссель, сданный ему австрійскими генералами. Спустя два мѣсяца, 9-го февраля 1790 г., Іосифъ II умеръ. Князь де-Линь писалъ Екатеринѣ:

„Его ужъ нѣтъ, государыня! Нѣтъ государя, дѣлавшаго честь человѣчеству; нѣтъ человѣка, дѣлавшаго честь государямъ... За нѣсколько дней до смерти, императоръ сказалъ мнѣ: „Ваша родина убила меня: взятіе Генга было моею агоніей, сдача Брюсселя—моею смертью. Какой позоръ для меня (онъ нѣсколько разъ повторялъ это гадкое слово)! Я умираю—надо быть деревяннымъ, чтобы перенести все это. Благодарю васъ за все, сдѣланное вами для меня. Лаудонъ говорилъ мнѣ много хорошаго о васъ. Благодарю васъ за вашу вѣрность. Отправляйтесь въ Нидерланды. Убѣдите ихъ возвратиться къ своему государю, если-же не успѣете—останьтесь тамъ. Не жертвуйте для меня вашими личными интересами—у васъ есть дѣти“... Десять лѣтъ назадъ, по дорогѣ въ Царское-Село, въ каретѣ, ваше величество сказали мнѣ: „Умъ вашего государя направленъ постоянно на все полезное, въ его головѣ нѣтъ ничего легкомысленнаго. Онъ, какъ Петръ I, позволяетъ противорѣчить ему: онъ не обижается, если оспариваютъ его мнѣніе, и желаетъ убѣдить, прежде чѣмъ отдать приказаніе“... Какое счастье для русской земли, государыня, что ваше величество можете царствовать еще сорокъ лѣтъ“ ²⁾).

¹⁾ Oeuvres, XXIV, 181; Perey, I, 345.

²⁾ Oeuvres, XX, 110.

Екатерина знала уже о безнадежном положеніи императора. За три дня до смерти Иосифа II, она писала кн. Потемкину, отъ 6-го февраля: „Объ союзникѣ моемъ я много жалѣю, и странно, какъ, имѣя ума и знанія довольно, онъ не имѣлъ ни единого вѣрнаго человѣка, который-бы ему говорилъ пустяками не раздражать подданныхъ; теперь онъ умираетъ, ненавидимъ всѣми; что-же было диковинкою короноваться королемъ венгерскимъ, благо, что подданные привязаны къ коронѣ; мать его они спасли въ 1740 году отъ потери всего; я бы на его мѣстѣ-бы ихъ на рукахъ носила“. На письмо князя де-Линя она отвѣчала двумя строками: „Сердце кровью обливается, когда подумаю о понесенной нами уtratѣ; привязанность ваша, мною, по вашимъ словамъ, унаслѣдованная, вызвала слезы на глаза мои, и я не въ состояннн говорить объ этомъ“¹⁾).

Князь де-Линь не послѣдовалъ предсмертному совѣту Иосифа II, не поѣхалъ въ Нидерланды, гдѣ, въ Брюсселѣ, его дворецъ былъ занятъ городскою стражею, а въ Бель-Элѣ стоялъ отрядъ патріотовъ—онъ остался въ Вѣнѣ, откуда писалъ Екатеринѣ: „Вашъ Эрмитажъ не единственный, государыня—я выстроилъ настоящій эрмитажъ, въ верстѣ отъ Вѣны, на высочайшей горѣ. Я назвалъ его „Мое убѣжище“, такъ какъ оно спасетъ меня и отъ новыхъ идей, и отъ наводненій. Мнѣ нужно такое убѣжище, такъ какъ я изгнанъ изъ родины, въ которой царствуютъ теперь ужасныя, позорныя идеи. Славная вещь свобода! Свобода Нидерландовъ ежедневно все болѣе и болѣе разоряетъ меня; свобода Франціи лишаетъ меня значительной части доходовъ и будетъ мнѣ стоить головы, если я вздумаю возвратиться. Славная вещь свобода! Она теперь въ надежныхъ рукахъ: ею завладѣли глупцы, считающіеся министрами короля, находящагося въ плѣну у черни, законодательствующіе попы, адвокаты, занимающіеся политикою, и молодые люди, которые не имѣютъ чѣмъ уплатить свои счета портнымъ, а распоряжаются государственными долгами Франціи“²⁾). Екатерина вполне раздѣляла взгляды князя де-Линя на французскую революцію; она отвѣчала ему: „Мнѣ кажется, что „Мое убѣжище“ гнѣздится очень высоко, если вы находите его недоступнымъ для нелѣпостей и свободы. Еслибъ я высказала все, что имѣю сказать объ этой свободѣ, вышелъ-бы еще толстый томъ! Если эта французская мода обратится въ эпидемію, то я поздравляю турокъ: сейчасъ-же по утверженнн „правъ чело-вѣка“, они завоюютъ Европу и, съ саблею въ рукахъ, обратятъ всю

¹⁾ Сборникъ, XLII, 59, 82, 84; ср. XXIII, 483, 509.

²⁾ Oeuvres, XXII, 92.

эту часть свѣта въ мусульманство, какъ совершилъ это, менѣе чѣмъ въ годъ, Капрули-паша въ Босніи“¹⁾).

Какъ только утихли волненія въ Бельгіи, князь де-Линь, въ 1791 году, торжественно въѣхалъ въ Мюнсъ, какъ верховный судья округа Геннегау. Мѣстные чины встрѣтили его обѣдомъ, концертомъ, баломъ; въ честь его декламировались стихи. Жители Мюнса знали, любили семью князей де-Линь и съ любовью проводили ее въ родной Бель-Эль. Все лѣто князя де-Линь, отецъ и сынъ, провели въ своемъ замкѣ, отдыхая отъ понесенныхъ трудовъ и испытанныхъ волненій. Не трудно было, однако, предвидѣть, что отдыхъ этотъ будетъ непродолжителенъ.

Французская революція ширилась и росла; ея идеи распространились съ необыкновенною быстротою, ея задачи усваивались съ поразительною легкостью. Французская мода, какъ эпидемія, заражала всѣхъ. Ея противники, эмигранты, разсѣвались все далѣе и далѣе отъ предѣловъ Франціи. Савойя, Швейцарія, Люксембургъ и Бельгія стали первыми этапами эмиграціоннаго движенія; только позже потерявъ уже надежду на скорое возвращеніе, эмигранты начинаютъ появляться въ Англии, Австріи, въ Польшѣ и, наконецъ, въ Россіи. Регентша Нидерландовъ, эрцгерцогиня Марія-Христина, была сестрою французской королевы; понятно, что она покровительствовала эмиграціи, состоявшей изъ приверженцевъ королевской власти. Иначе относился къ этому движенію преемникъ Іосифа II, императоръ Леопольдъ, и, тотчасъ по вступленіи на престолъ, онъ „рекомендовалъ“ эрцгерцогинѣ Маріи-Христинѣ и тремъ курфюрстамъ—майнцкому, кельнскому и трирскому—не допускать эмигрантовъ до какихъ-либо политическихъ мѣропріятій, которыя могли-бы втянуть его въ войну съ Франціею. „Не вмѣшивайтесь ни во что, писалъ онъ, и не дѣлайте ничего ни для эмигрантовъ, ни для королевскихъ принцевъ, кромѣ обычныхъ вѣжливостей и пышныхъ обѣдовъ; не давайте имъ ни войскъ, ни денегъ“²⁾. Онъ рѣзко отдѣлялъ дѣло французскаго короля отъ дѣла эмиграціи, паноса ущербъ тому и другому.

Князь де-Линь не любилъ Леопольда: онъ былъ противъ его итальянской системы притворства, и ему была ненавистна эгоистическая политика расчета и личной выгоды. Онъ боготворилъ Марію Антуанету и приходилъ въ ужасъ при одной мысли о той

¹⁾ Сборникъ, XII, 97.

²⁾ Albert Sorel. Varennes et Piltitz, въ Revue des Deux Mondes, 1890, V, 93.

опасности, которая угрожаетъ ей. Кн. де-Линь не только не скрывалъ, но всюду заявлялъ публично о своихъ симпатіяхъ къ королевскому дому Франціи. Въ Турнѣ давали оперу „Ричардъ Львиное Сердце“; среди зрителей было много эмигрантовъ; когда теноръ запѣлъ: „Oh, Richard! oh, mon roi! l'univers t'abandonne“, князь де-Линь всталъ, зааплодировалъ и раслакался. Публика замѣтила эти слезы, вскочила съ своихъ мѣстъ и страшно рукоплескала, крича: „Vive le Roi! Vive le prince de Ligne“!

Вскорѣ, 16-го февраля 1792 г., Леопольдъ II умеръ. Въ коалиціи, сформировавшейся „для восстановленія порядка“ во Франціи, приняла участіе и Австрія. Генераль-фельдцейхмейстеромъ австрійскихъ войскъ былъ герцогъ Альбертъ Саксенъ-Тешенскій, мужъ эрцгерцогини Маріи-Христины; генералиссимусомъ коалиціонныхъ войскъ—герцогъ Брауншвейгскій. Инженерный полковникъ, князь Карлъ де-Линь-сынъ, вступилъ въ отрядъ генерала графа Клерфэ, участвовалъ въ походѣ въ Шампань, противъ революціоннаго генерала Дюмурье, и такъ описывалъ положеніе дѣла: „Мы начинаемъ уже уставать отъ войны, которая, по словамъ господъ-эмигрантовъ, обѣщала намъ больше побѣдъ, чѣмъ сраженій. Намъ приходится имѣть дѣло съ армейскими полками, изъ которыхъ ни одинъ солдатъ не дезертируетъ, и съ ополченцами, которые стойко выдерживаютъ огонь; тѣ и другіе легко переносятъ всѣ военныя трудности. Даже крестьяне всѣ вооружены, стрѣляютъ въ насъ и убиваютъ всякаго, кто оплошаетъ, вздремнетъ, заблудится или зазѣвается. Съ тѣхъ поръ, какъ мы вступили во Францію, погода убійственная: каждый день проливной дождь, дороги непроходимы, наша артиллерія вязнетъ въ грязи. Къ тому-же почти голодь. Съ неимоверными усиліями добываемъ мы хлѣбъ для солдатъ; мяса они давно уже не видѣли; даже офицеры остаются по недѣлямъ безъ горячей пищи. Наша обувь изнасилась, шинели перегнили, и уже много больныхъ солдатъ выбываетъ изъ строя. Всѣ деревни покинуты, и мы не находимъ въ нихъ ни зелени, ни муки, ни водки. Мы идемъ по мертвой и голодной пустынѣ; населеніе покинуло насъ на гибель. Ума не приложу, что съ нами будетъ“¹⁾. При первой-же серьезной стычкѣ съ французскими войсками князь де-Линь-сынъ былъ убитъ.

Князь-отецъ никогда уже не утѣшился, никогда не забылъ о смерти сына; самая жизнь опостыла ему, хотя онъ любилъ жизнь

¹⁾ Это письмо сына къ отцу было перехвачено французскимъ развѣдомъ, переслано въ Парижъ, читано въ засѣданіи конвента и напечатано въ „Moniteur“, Séance de la Convention, jeudi soir 27 septembre 1792.

и умѣлъ пользоваться ею. „Десять лѣтъ спустя послѣ катастрофы, этотъ легкомысленный поэтъ, этотъ безпечный весельчакъ, не могъ безъ слезъ произнести имени своего сына“ ¹⁾). Когда, вскорѣ затѣмъ, кн. де-Линь потерялъ все свое состояніе, онъ остался вполне равнодушенъ къ этому несчастію. Какъ истый философъ, онъ писалъ: „Есть ужасное средство стать превыше всѣхъ ударовъ—оно покупается какою-либо весьма тяжелою утратою для сердца. Послѣ потери, особенно дорогой для сердца, никакія другія огорченія не могутъ уже опечалить — потеря состоянія, полное разореніе, преслѣдованія, несправедливость, все кажется незначительнымъ“.

Екатерина вполне сочувствовала горю своего друга и, какъ могла, утѣшала его въ потерѣ сына. Въ сердечномъ письмѣ къ нему ²⁾, она очень деликатно касается послѣдняго, неполученнаго отцомъ, письма его сына: „Меня крайне удивляетъ, что ни дожди, ни грязь, ни недостатокъ продовольствія не препятствуютъ Кюстину, Дюмурье, Монтеスキю и Секеллю двигаться впередъ: отчего это однихъ дождь мочить, другихъ нѣтъ? почему одни вязнуть въ грязи, другіе нѣтъ? Какимъ образомъ мятежники находятъ вездѣ фуражъ и провіантъ, а ихъ враги мрутъ съ голода?“

Когда появляется новая идея, она сперва подвергается осмѣянію, даже преслѣдованію, долго борется, съ трудомъ вербуя себѣ прозелитовъ, но потомъ, укореняясь все болѣе и болѣе въ умахъ, растетъ, развивается и, въ концѣ концовъ, покоряетъ своихъ враговъ и становится общимъ достояніемъ. Ко времени Екатерины и князя де-Линь, основная идея большой французской революціи, болѣе вѣка уже назрѣвавшая въ умахъ, прошла въ сознаніе народныхъ массъ и, какъ эпидемія, по мѣткому выраженію Екатерины, заражала всѣхъ, воодушевляя своихъ приверженцевъ на борьбу со старымъ, установившимся порядкомъ. Вотъ почему екатерининскіе „мятежники“ не мокнуть подъ дождемъ, не вязнуть въ грязи, находятъ фуражъ и провіантъ тамъ, гдѣ представители отживающихъ началъ голодаютъ. Екатерина не понимала этого, несмотря на уроки гр. Н. И. Панина, которые она усвоила вполне своеобразно, запомнивъ слова, но придавая имъ несвойственное толкованіе. „Графъ Панинъ, писала она въ 1793 году, говаривалъ: „Короли суть необходимое зло, безъ котораго нельзя обойтись“, и когда я жаловалась, что то или другое дѣлается не такъ, какъ было-бы жела-

¹⁾ Оуварoff, p. 20.

²⁾ Сборникъ, XXIII, 579; XLII, 230; Храповицкій, 414.

тельно, прибавлялъ: „На что вы жалуетесь? Если-бы все въ этомъ мірѣ шло, какъ слѣдуетъ, не было-бы надобности и въ васъ“¹⁾).

Князь де-Линь, какъ воинъ въ душѣ, объяснялъ всѣ неудачи коалиціи неспособностью военачальниковъ. „Я никогда не похвалялся числомъ сраженій, мною выигранныхъ, и геройскими подвигами двѣнадцати моихъ кампаній; но я смѣялся и плакалъ, видя во главѣ нашихъ армій въ Италіи и Нидерландахъ четверыхъ невѣждъ, которые были нѣкогда подъ моею командою и которымъ, за исключеніемъ Клерфѣ, я никогда не довѣрилъ-бы и трехъ баталіоновъ. Да, изъ всѣхъ политическихъ маріонетокъ, появившихся на театрѣ войны, лучшею былъ-бы все-таки Клерфѣ, если-бы боязнь отвѣтственности не парализовала всѣхъ его способностей“. Императрица Екатерина вполнѣ раздѣляла взглядъ своего друга. Въ своихъ письмахъ, она не падитъ никого изъ предводителей этой войны, не исключая ни герцога Брауншвейгскаго, ни принца Альберга.

„Движеніе герцога Брауншвейгскаго—какой позоръ, какая нелѣпость! Вшивая Шампань станетъ теперь плодоносною отъ того навоза, который въ ней тамъ оставили. Боже мой, Боже мой, какъ дурно повели эти братья и свои дѣла, и чужія!... Но эти несчастные принцы, братья французскаго короля, эти эмигранты, что станетъ съ ними? Я о нихъ только и думаю, да о томъ, какъ-бы исправить позоръ и безчестіе высокихъ союзниковъ, особенно-же двухъ братьевъ... А эта дорогая „золотая булла“, этотъ палатіумъ Германіи. Гадкій Кюстинъ уничтожитъ ее. И это еще ничего-бы, но уничтоженіе трехъ духовныхъ курфюрстовъ! Но чего-же смотреть эти Донъ-Кихоты Германіи? Они разоряются на содержаніе своихъ армій, хрипнуть надъ ихъ муштровкою, и какъ только представляется надобность пустить ихъ въ дѣло, эти свѣтлѣйшія высочества обращаются въ бѣгство, одни или со своими войсками... О, я такъ зла на нѣкоторыя личности, что съ удовольствіемъ надавала-бы имъ пощечины! А свѣтлѣйшій ландграфъ Гессенъ-Дармштадтскій, сохраняющій съ своимъ войскомъ въ Гиссенѣ нейтралитетъ относительно Франціи въ своемъ собственномъ дѣлѣ? Вотъ оселъ-то! Казалось, онъ долженъ-бы голову сложить за свое-же дѣло—такъ нѣтъ: онъ и его бесполезныя войска умираютъ со

¹⁾ Сборникъ, XXIII, 584. Эту-же мысль высказала Екатерина въ письмѣ князю де-Линь, въ 1791 году: *Si chacun faisait son devoir, on n'aurait besoin ni de nous autres, ni de nos employés.* Сборникъ, XLII, 215.

страху въ Гиссенѣ! Вотъ достойный герой того времени, въ которое мы живемъ“¹⁾).

Екатерининскій герой, князь де-Линь не могъ теперь ни служить родинѣ, ни отомстить смерть сына—онъ былъ въ отставкѣ, не у дѣлъ. Чтобъ развлечься, онъ сталъ писать свои „Mémoires militaires et sentimentales“ и издалъ 32 тома. Въ одномъ изъ первыхъ томовъ помѣщенъ „Coup d'oeil sur les jardins de l'Europe“. Посылая это произведеніе Екатеринѣ, онъ писалъ: „Если ваше величество удивитесь, что я занимаюсь теперь травами, вмѣсто лавровъ, я скажу вамъ, что травы доступнѣе—вотъ уже два года, какъ лавровъ нѣтъ. Я съ удовольствіемъ занялся-бы и лаврами, но, кажется, я умеръ вмѣстѣ съ Иосифомъ II, воскресъ было, но захворалъ вмѣстѣ съ фельдмаршаломъ Ласси, чтобъ умереть вмѣстѣ съ Лаудономъ“²⁾).

Принужденный разстаться съ „идоломъ, столь дорогимъ его сердцу“—съ военнымъ дѣломъ, кн. де-Линь грустилъ, и эта печальная нота звучитъ во всѣхъ его писаніяхъ. Но ни въ одномъ письмѣ ни разу не упоминаетъ онъ о томъ, что французское правительство конфисковало всѣ его бельгійскія земли, что онъ потерялъ все свое имущество. Къ своему разоренію онъ отнесся съ философскимъ равнодушіемъ. Когда бывший его секретарь Легро спросилъ о состояніи его денежныхъ дѣлъ, кн. де-Линь отвѣчалъ ему: „Я никогда прежде не спрашивалъ у васъ, завѣдывавшихъ моими дѣлами, о положеніи моихъ матеріальныхъ средствъ; теперь вы спрашиваете у меня—извольте, я вамъ скажу. Балы на 300 человекъ, обѣды на 400, постановка моей оперы „Samnites“, постройка театра—я никогда не спрашивалъ, что это можетъ стоить. Что значили для меня какіе-нибудь 400 или 500 дукатовъ, какъ знакъ любви къ Монсу, дружбы съ графомъ д'Артуа, уваженія къ королю?... Теперь-же, желая угостить пріятеля чаемъ, я приказываю слугѣ воздержаться отъ печенья и фруктовъ, ограничивался, въ крайнемъ случаѣ, сливами, такъ какъ онѣ дешевы въ Вѣнѣ. Но меня тѣшитъ моя убогость и я смѣюсь надъ своею вынужденною скупостью“³⁾).

¹⁾ Сборникъ, XXIII, 578—580.

²⁾ Oeuvres, XXII, 77.

³⁾ Этой убогости обязаны мы появленіемъ его сочиненій въ печати. „Я надаю, я печатаю много; но къ этому побуждаетъ меня нужда, аргі засга famez—революція лишила меня всѣхъ средствъ къ жизни. Я продалъ, чтобъ прокормиться, свои картины, продалъ свою посуду, теперь продаю свой умъ“. Oeuvres, XI, 131.

Екатерина знала, что кн. де-Линь потерялъ большую часть, если не все свое состояніе. Въ одномъ изъ своихъ милыхъ, любезныхъ писемъ къ нему, императрица, не намекая даже своему „старому другу“ на его стѣсненное матеріальное положеніе, но желая оказать ему помощь, „усердно просить“ его продать земли въ Тавридѣ и на берегу Днѣпра, нѣкогда ею-же пожалованныя князю, такъ какъ „фельдцейхмейстеръ графъ Зубовъ страшно желаетъ приобрести ихъ“. Князь де-Линь понялъ милость императрицы, но, соглашаясь на продажу своихъ таврическихъ земель, онъ поставилъ условіемъ, чтобъ скала, на которой онъ начертилъ при ней-же Catherine le Grand, навсегда сохранила названіе Rocher de Ligne. Это условіе было принято и Екатерина писала ему: „Господинъ таврической генераль-губернаторъ графъ Зубовъ передастъ вамъ деньги, полученные отъ продажи Парѣеницы и Нисциты; не знаю, употребить-ли онъ для этого дѣла еврея, пользующагося вашимъ довѣріемъ, или этотъ еврей умеръ и погребенъ“ ¹⁾.

Матеріальное раззореніе ни мало не отразилось на состояніи духа князя де-Линь. Его письма къ Екатериנѣ также веселы, остроумны, полны прежняго смысла и прежнихъ взглядовъ. „Великіе люди, какъ шпаги, такъ и пера, пишетъ онъ въ 1792 году, являются только въ монархіяхъ. Я не вижу ихъ въ республикахъ, тѣмъ менѣе во время анархіи. Суллы и Маріи являлись въ Римѣ, порабощенномъ, несвободномъ; Сципіоны были аристократы; Перикль былъ почти царь. Гораций и Виргилій испугались-бы республики и ничего не написали-бы. Еслибъ Монтань или Лафонтенъ жили въ наше время, они первые были-бы повѣшены“ ²⁾. Годъ спустя, въ 1793 году, онъ такъ опредѣлилъ смыслъ царствованія Екатерины II: „Ваше величество нашли въ мастерской Петра Великаго нѣсколько строительнаго матеріала, заготовленнаго, но не употребленнаго еще въ дѣло. Вы воздвигли изъ этого матеріала зданіе, прибавивъ къ нему свой матеріаль, и, при помощи невидимыхъ нитей, пустили въ ходъ огромную машину. Машина въ ходу, и вамъ остается только смазывать колеса“ ³⁾. Почти одними и тѣми-же словами, по крайней мѣрѣ въ одинаковыхъ выраженіяхъ, отзывались они, кн. де-Линь и императрица Екатерина, о французской революціи: „Греція имѣла своихъ мудрецовъ, пишетъ кн. де-Линь, но ихъ было только семь; во Франціи-же 1200 депутатовъ, полу-

¹⁾ Госуд. Архивъ, III, 145; Oeuvres, XXII, 106; Сборникъ, XII, 235.

²⁾ Oeuvres, XXII, 104.

³⁾ Ibid., 81.

чающихъ по 18 франковъ въ день и служащихъ посмѣшищемъ Европы. Они лишены знанія, эти ремесленники, работающіе для своихъ личныхъ интересовъ, эти пустые болтуны, думающіе быть законодателями“¹⁾). Вспоминая о національномъ собраніи, Екатерина выражается такъ: „Изъ 1,200 депутатовъ-законодателей довольно повѣситъ нѣсколькихъ—остальные сами разбѣгутся; отнимите у нихъ 18 франковъ въ день жалованья, и они пойдутъ, какъ поденщики, зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба“²⁾). Князь де-Линь былъ убѣжденъ и предсказывалъ, что „явится какой-нибудь принцъ или диктаторъ“, который разгонитъ анархистовъ, взойдетъ на тронъ Франціи и восстановитъ въ ней спокойствіе и порядокъ; Екатерина называла диктатора Цезаремъ и писала: „Когда-же явится этотъ Цезарь? О, онъ явится, не сомнѣвайтесь, и Франція, послушная и тихая, какъ ягненокъ, подчинится его волѣ“³⁾).

Князь де-Линь, пережившій короля Фридриха II и императора Иосифа, похоронившій своего единственнаго сына, оплакавшій страшную смерть Маріи-Антуанеты, имѣлъ несчастье услышать и о кончинѣ⁴⁾ Екатерины II. Онъ искренно уважалъ, сердечно былъ привязанъ къ великой императрицѣ, къ любезной женщинѣ, и вѣсть о смерти ея глубоко поразила его. Теперь, когда ея не стало, онъ припомнилъ всѣ, даже мелкія подробности ея жизни, ея взглядовъ, ея мнѣній; она, какъ живая, встала передъ нимъ, и онъ набросалъ:

Портретъ Екатерины II.

„Екатерины Великой (надѣюсь, Европа утвердитъ это наименованіе, мною ей данное), Екатерины Великой не стало. Страшно произнести эти слова. Вчера я не могъ-бы написать ихъ; но теперь, безъ всякаго стѣсненія, я представляю ея изображеніе. Этотъ набросокъ, вѣрнѣе—собраніе незначительныхъ замѣтокъ, вовсе не имѣетъ притязанія на историческій очеркъ; я сообщаю ихъ только для того, чтобы по нимъ можно было составить, хотя приблизительно, похожій портретъ ея, и такъ, какъ онѣ приходятъ теперь мнѣ въ голову, чтобы удовлетворить сердце, еще потрясенное этимъ ужаснымъ событіемъ.

„Ея виѣшность извѣстна по портретамъ и описаніямъ, почти всегда довольно вѣрнымъ. Шестнадцать лѣтъ назадъ, она была еще

¹⁾ Ibid., 92, 125.

²⁾ Сборникъ, XXIII, 476, 488, 500.

³⁾ Oeuvres, XXII, 126; Сборникъ, XLII, 503, 592, 613.

⁴⁾ Voyage philosophique à ma chaise percée. Oeuvres, XXI, 115.

очень хороша. Было видно, что она была скорѣе мила, чѣмъ красива: глаза и пріятная улыбка уменьшали ея большой лобъ, но этотъ лобъ былъ все. Не будучи Лафатеромъ, въ немъ, какъ въ книгѣ, сказывался гений, справедливость, точность, смѣлость, глубина, ровность, нѣжность, спокойствіе и твердость; ширина лба свидѣтельствовала о развитіи памяти и воображенія. Было видно, что въ этомъ лбѣ всему было мѣсто. Ея подбородокъ, нѣсколько острый, не выдавался впередъ, не откидывался назадъ, и имѣлъ благородную форму ¹⁾). Вслѣдствіе этого, овалъ ея лица не вырисовывался ясно, но долженъ былъ весьма нравиться, такъ какъ прямота и веселость сказывались на устахъ. Она должна была отличаться свѣжестью и высокою грудью, которая развилась въ ущербъ талии, слишкомъ тонкой; но въ Россіи скоро тучнѣютъ. Лицо у нея было чистое, и еслибъ она не задирала такъ волосъ, которые должны-бы спускаться ниже и окружать ее лицо, она была бы еще милѣе.

„Вовсе не замѣчалось, что она была мала ростомъ. Она спокойно сказала мнѣ, что въ молодости была чрезвычайно жива, чего никакъ нельзя было подумать. Входя въ залъ, она всегда дѣлала одни и тѣ-же три, по русскому обычаю, мужскихъ поклона: одинъ направо, одинъ налѣво и одинъ прямо. Все у нея было размѣрено и методично. У нея было особое искусство слушать и такая привычка владѣть собою, что, казалось, она слушаетъ и тогда, когда думаетъ совсѣмъ о другомъ. Она не говорила для того, чтобъ только говорить, и внимательно выслушивала тѣхъ, которые съ ней говорили. Тѣмъ не менѣе, императрица Марія Терезія была очаровательнѣе и обольстительнѣе ея. Она болѣе плѣняла и увлекала съ перваго взгляда, увлекаясь сама желаніемъ нравиться всѣмъ вообще и своею миловидностью, доставлявшею ей всѣ средства нравиться. Наша императрица сразу очаровывала; всероссійская постепенно увеличивала первое впечатлѣніе, менѣе сильное. Она походила на нашу въ томъ, что и крушеніе вселенной застало-бы ихъ *impravidas ferient ruinae* ²⁾); ничто въ мірѣ не могло принудить ихъ къ уступкамъ. Ихъ великія души были закалены противъ превратностей. Восторгъ предшествовалъ одной и слѣдовалъ за другою.

„Если-бы полъ Екатерины Великой дозволилъ ей проявить дѣятельность мужчины, который можетъ все видѣть самъ, всюду являться, входить во всѣ подробности, въ ея имперіи не было-бы ни одного

¹⁾ Oeuvres, XXII, 91; Сборникъ, XLII, 96.

²⁾ *Impravidum ferient ruinae*. Horat., l. III, od. III, v. 8.

потребленія. За исключеніемъ этихъ мелочей, она была, безъ сомнѣнія, болѣе великою, чѣмъ Петръ I, и никогда не заключила-бы позорную прутскую капитуляцію. Императрицы-же Анна и Елизавета, напротивъ, были-бы посредственными мужчинами, а какъ женщины, царствованіе ихъ было не безъ славы ¹⁾. Екатерина совокупила въ себѣ ихъ качества съ тѣми достоинствами, которыя сдѣлали скорѣе созидательницею, чѣмъ самодержицею своей имперіи. Въ политикѣ она была болѣе великою, чѣмъ обѣ эти императрицы, никогда ничѣмъ не рисковала, какъ Петръ В., и никогда не имѣла ни одной неудачи, ни какъ побѣдительница, ни какъ умиротворительница.

Императрица имѣла все хорошее, т. е. все великое, Людовика XIV. Ея великолѣпіе, ея праздники, пенсіи, покупки, ея пышность удоболялись ему. Дворъ ея былъ, однако, лучше, такъ какъ въ немъ не было ничего театральнаго, ничего преувеличеннаго. Но смѣсь богатыхъ одеждъ воинскихъ и азіатскихъ болѣе чѣмъ тридцати національностей производила также впечатлѣніе. Людовикъ считалъ себя, по меньшей мѣрѣ, *пес pluribus impar* и Александромъ, сыномъ Юпитера-Аммона. Изреченія Екатерины были, конечно, драгоцѣнны, но она не вичилась ими. Она вовсе не искала внѣшняго поклоненія. Видъ Людовика устрашалъ, Екатерины—ободрялъ. Слава оцѣняла Людовика; Екатерина стремилась къ ней, распространяла свою славу, не теряя при этомъ головы, хотя было отчего, среди постоянныхъ очарованій нашего торжественнаго и романтическаго путешествія въ Тавриду: въ виду сюрпризовъ, эскадръ, эскадроновъ, иллюминацій на десятки верстъ, очаровательныхъ дворцовъ и садовъ, въ одну ночь для нея созданныхъ, видя у ногъ своихъ государей Валахія, властителей Кавказа, лишенныхъ трона, и нѣкѣи фамиліи гонимыхъ принцевъ, явившихся просить у нея помощи или убѣжища. Она не только не потеряла головы отъ всего этого, но, посѣтивъ поле полтавскаго боя, сказала мнѣ; „Вотъ отъ чего зависитъ судьба государствъ—одинъ день рѣшаетъ ее! Безъ той ошибки, которую сдѣлали шведы и на которую вы обратили мое вниманіе, господа, мы не были-бы здѣсь“.

Ея императорское величество говорила о роли, какую должно играть въ свѣтѣ, но хорошо знала, что это не болѣе, какъ роль. Въ дѣйствіе своего вѣрнаго сужденія, она хорошо исполнила-бы всякую роль, въ какомъ-бы состояніи и при какихъ обстоятельствахъ ей пришлось-бы играть ее. Но роль императрицы наиболѣе шла

къ ея лицу, къ ея походкѣ, къ возвышенности ея души и къ необъятности ея генія, столь-же обширнаго, какъ и ея имперія. Она знала себя и умѣла цѣнить другихъ. Людовикъ при выборѣ людей руководствовался счастиемъ и благоволеніемъ; Екатерина—собственнымъ ихъ испытаніемъ и назначала каждому на подобающее ему мѣсто. Однажды она сказала мнѣ: „Я часто смѣюсь про себя, видя безпокойство инаго генерала или министра, когда я милостиво обхожусь съ его врагами. Они его враги, но не мои, говорю я себѣ; я пользуюсь ихъ услугами, потому что они имѣютъ дарованіе, и я смѣюсь надъ людьми, воображающими, что я не стану пользоваться услугами лицъ, имъ непріятныхъ“. Часто она уравнивала довѣріе къ однимъ степенью довѣрія къ другимъ, вслѣдствіе чего, тѣ и другіе усугубляли свое рвеніе и становились болѣе осторожными. Зная всѣ эти ея способы пользоваться услугами другихъ и не позволять руководить собою, я писалъ ей однажды: „О петербургскомъ кабинетѣ такъ много говорятъ, между тѣмъ, это самый маленькій, размѣромъ въ нѣсколько вершковъ: отъ одного виска до другаго и отъ корня носа до корней волосъ“.

„Уѣзжая изъ одного губернскаго города, императрица, даже садясь въ карету, продолжала благодарить, раздавать награды и подарки. „Ваше величество, сказалъ я, кажется, очень довольны всѣми этими господами“.—„Ничуть, отвѣчала она мнѣ, но я хвалю громко, а браню тихо“¹⁾.

„Она всегда говорила умно, дѣльно—я могъ-бы привести тысячи примѣровъ, но никогда не острела. „Не правда-ли, сказала она мнѣ однажды, вы не слышали отъ меня ни одной остроты? Вы не ожидали, чтобъ я была такъ тупа?“ Я отвѣчалъ, что, дѣйствительно, я предполагалъ, что, заговоривъ съ нею, должно держать ухо востро, что она все себѣ позволяетъ и что ея разговоръ—одинъ фейерверкъ, но что мнѣ больше нравится ея небрежный разговоръ, причемъ ея выраженія становятся возвышенными лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь заходитъ о какихъ-либо важныхъ подвигахъ въ исторіи или въ государственномъ управленіи, о чертахъ величія о высокихъ чувствахъ.

„Какою вы представляли себѣ меня?“ спросила она. Я отвѣчалъ: „Высокою, крѣпкою, глаза какъ звѣзды, съ пышными фижмами“. Она много смѣялась и часто попрекала меня этимъ. „Я полагалъ, прибавилъ я, что вамъ можно только удивляться, а постоянное удивленіе очень скучно“. Она была особенно интересна тою проти-

¹⁾ Oeuvres. XXII, 97.

воположностью, которая замѣчалась между простотою ея рѣчи и величіемъ ея дѣлъ. Она любила смѣяться, и смѣялась по поводу всякой мелочи, даже по поводу глупости; нерѣдко пустякъ занималъ. Она любила всякую шутку и пользовалась ею иногда очень оригинально. Я рассказалъ ей какъ-то, что, желая отдѣлаться отъ упрековъ одной петербургской дамы, будто я былъ неразговорчивъ на ея вечерѣ, я сказалъ, что сейчасъ только получилъ извѣстіе, что тетка, которая меня воспитала, при смерти, и императрица, скучая на большихъ выходахъ, иногда говорила мнѣ: „я чувствую, что мой дядя умираетъ“. Я слышалъ, какъ стоявшіе зади меня шептали: „надо ожидать траура при дворѣ“; послѣ чего все искали этого дядю въ альманахахъ и, конечно, не находили“.

Неправда-ли, говорила она мнѣ, я была-бы, съ моимъ умилкомъ, очень жалка въ Парижѣ? Я убѣждена, что явись я туда, какъ другія русскія путешественницы, мнѣ никто не предложилъ-бы ужина. Говоря мнѣ о себѣ, она называла себя „ваша непоколебимая“ потому что, разговаривая какъ-то о качествахъ души, я сказалъ, что это отличительное качество ея души. Это слово забавляло ее; она произносила его съ разстановкою, цѣлую четверть часа, и чтобъ удлинитъ его еще, говорила: „и такъ, я отличаюсь непоколебимостью“.

Что-же дѣлать, говорила императрица, M-me Кардель не мно-гоу меня научила. Это была одна изъ старыхъ французскихъ гувернантокъ, покинувшихъ родину. Она меня, однако, достаточно подготовила для брака съ кѣмъ-нибудь изъ сосѣдей. Ни г-жа Кардель, ни я, мы не ожидали ничего подобнаго“.

Въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ, во время послѣдней войны со Швеціею, она писала: „Ваша непоколебимая пишетъ вамъ при громѣ пушекъ, отъ котораго окна дрожать въ моей резиденціи“¹⁾. Я ничего не видѣлъ столь дѣльнаго и столь быстро приведеннаго въ исполненіе, какъ писанныя ея рукою диспозиціи для этой вполне неожиданной войны. Она прислала ихъ кн. Потемкину, во время нашей осады Очакова. Внизу была приписка: „Хорошо-ли я сдѣлала, учитель?“²⁾.

Императрица всегда признавала себя невѣждою. Однажды, когда она очень ужъ приставала съ этимъ, я, доказавъ, что она знаетъ Перикла, Ликурга, Солона, Монтескье, Локка, лучшія времена Афинъ, Спарты, Рима, новѣйшей Италиі и исторію всѣхъ

¹⁾ Сборникъ, XLII, 81, 90. Votre imperturbable — императрица, не Парижанинъ. Oeuures, XXII, 95.

²⁾ — же встрѣчается въ письмахъ. Сборникъ, XXVII, 520, 523.

странъ, сказалъ ей: „Если ужъ вашему величеству такъ хочется, я скажу о васъ то, что слуга Гриффэ говорилъ мнѣ о своемъ господинѣ, котораго онъ обвинялъ за то, что онъ вѣчно терялъ свою табакерку, перо, платокъ: „Повѣрьте мнѣ, мой баринъ вовсе не такой, какимъ вы его представляете себѣ; кромѣ своей науки, онъ ничего не знаетъ“.

„Императрица пользовалась своимъ притязаніемъ на невѣжество ¹⁾, чтобъ глумиться надъ докторами, академіями, людьми полуобразованными и ложными знатоками. Я соглашался съ нею, что она не имѣла понятія ни въ живописи, ни въ музыкѣ; однажды я доказалъ ей, даже больше чѣмъ она желала, что въ ея постройкахъ нѣтъ вкуса. „Сознайтесь, сказала она мнѣ, показывая свой новый дворецъ въ Москвѣ, что это великолѣпная анфилада“. — „Это, отвѣчалъ я, прекрасно для лазарета, но для резиденціи это очень дурно: двери для каждой комнаты очень высоки и, не смотря на то, они по необходимости слишкомъ малы для такого длиннаго ряда комнатъ, которыя, какъ въ нашемъ Эрмитажѣ, всѣ походятъ одна на другую“.

„Не смотря на нѣкоторые архитектурные недостатки и на извѣстный ея вкусъ къ домамъ готической постройки, воздвигнутыя при ней казенныя и частныя постройки сдѣлали Петербургъ красивѣйшимъ городомъ въ мірѣ. Она собрала въ своей столицѣ образцовыя произведенія искусствъ. Она похвалялась своими познаніями въ медальерномъ искусствѣ, но объ этомъ я судить не могу.“

„Когда, во время плаванія по Днѣпру, графъ Сегюръ и я старались научить ее стихосложенію, чему сильно препятствовало ея анти-музыкальное ухо, она сказала намъ: „Вы видите, господа, вы меня хвалите въ общемъ, но, касаясь подробностей, вы сами находите меня ничего незнающею“. На это я ей замѣтилъ, что въ одной, по крайней мѣрѣ, она очень сильна“. — „Въ какой-же это?“ — „Въ твердомъ намѣреніи, въ рѣшимости“. — „Этого-то ужъ я рѣшительно не понимаю“. — „Все, что ваше величество говорите, приказываете, преобразуете, начинаете и оканчиваете, все въ мѣру и въ пору“. — „Быть можетъ, сказала она, оно дѣйствительно имѣетъ такой видъ; но посмотримъ на сущность дѣла. Князю Орлову обязана я блескомъ одной стороны моего царствованія, такъ какъ онъ присовѣтовалъ послать мой флотъ въ Архипелагъ. Князю Потемкину обязана я Тавридою и изгнаніемъ всѣхъ татарскихъ

¹⁾ Oeuvres, XXII, 86, 93.

ордъ, всегда угрожавшихъ имперіи. Можно только сказать, что я воспитала этихъ господъ. Фельдмаршалу Румянцеву обязана я побѣдами. Я сказала ему: „Господинъ фельдмаршалъ, дѣло доходить до драки—лучше побить, чѣмъ быть побитымъ“. Михельсону обязана я поимкою Пугачева, который едва не забрался въ Москву, а можетъ быть и далѣе. Повѣрьте, господа, я только пользуюсь счастьемъ; если мною хоть немного довольны, то потому что я тверда и ровна въ моихъ правилахъ. Моимъ служащимъ я предоставляю много власти; если ею злоупотребляютъ въ отдаленныхъ провинціяхъ, пограничныхъ съ Персією, Турцією и Китаемъ, тѣмъ хуже для нихъ, и я стараюсь узнавать о такихъ личностяхъ. Знаю, они говорятъ: „Богъ и императрица наказали-бы насъ, но до Бога высоко, до царя далеко“. Таковы, однако, мужчины; а я, вѣдь, женщина“. Она мнѣ говорила также: „Меня отдѣлываютъ ловко въ вашей Европѣ. Давно уже говорятъ, что я разоряюсь, что я слишкомъ много трачу. Однако, мое маленькое хозяйство ¹⁾ идетъ себѣ своимъ путемъ“. Она любила это выраженіе, и когда хвалили ея порядокъ и время въ распредѣленіи работы, она часто говорила: „надобно-же порядочно вести свое маленькое хозяйство“.

„Слова о томъ, что она „воспитала этихъ господъ“, напоминаютъ мнѣ фаворитовъ, которые при отдохновеніи или при участіи въ ея трудахъ пользовались ея полнымъ довѣріемъ и даже жили въ ея дворцѣ. Сила ея ума сказывалась и въ томъ, что ошибочно называютъ слабостью сердца. Фавориты никогда не имѣли ни власти, ни кредита; но тѣ изъ нихъ, которые были приучены къ государственными дѣламъ самою императрицею и испытаны въ тѣхъ дѣлахъ, къ которымъ предназначались, бывали ей весьма полезны. Этотъ выборъ, всегда дѣлавшій честь обѣимъ сторонамъ, давалъ право говорить правду и быть выслушиваемымъ. Такъ, я видѣлъ, какъ графъ Мамоновъ пользовался этимъ правомъ, готовый пожертвовать для него своею милостью; я слышалъ, какъ онъ противорѣчилъ императрицѣ, оспаривалъ ея мнѣніе, защищалъ свои взгляды, настаивалъ; я замѣчалъ, что императрица была этимъ очень довольна, восхищаясь его правдивостью, честностью, его стремленіемъ творить добро по мѣрѣ силъ.

„Она говорила мнѣ: „Моя кажущаяся расточительность есть бережливость; все остается въ странѣ и, спустя нѣкоторое время, возвращается ко мнѣ-же. У меня еще есть кой-какія средства, но

¹⁾ Oeuŷres, XXII, 91.

такъ какъ вы говорили мнѣ, что продадите, проиграете или потеряете дорогіе брилліанты, если я дамъ ихъ вамъ, то вотъ всего лишь на сто рублей брилліантовъ, которыми окруженъ мой портретъ въ этомъ перстиѣ“.

„Она обладала всевозможными способами дарить, сверхъ щедрости, свойственной ей, какъ великой и могущественной государынѣ: она дарила по великодушію, какъ прекрасная душа; по благотворительности, какъ душа добрая; изъ состраданія, какъ женщина; въ благодарность, какъ мужчина, желающій, чтобъ ему хорошо служили. Не знаю, участвовалъ-ли при этомъ ея умъ или ужъ таково было ея сердце, но она всему придавала своеобразный видъ. Такъ, напримѣръ, она писала Суворову: „Вы знаете, что я никогда не повышаю не въ очередь—я неспособна обижать болѣе старшихъ: но завоеваніемъ Польши вы сами произвели себя въ фельдмаршалы“¹⁾.

„Во время путешествія, она всегда носила табакерку съ портретомъ Петра I и говорила мнѣ: „Это чтобъ спрашивать себя ежеминутно, что приказалъ-бы онъ, что запретилъ-бы, что сдѣлалъ-бы, еслибъ былъ на моемъ мѣстѣ“²⁾. Она увѣряла меня, что, кромѣ удовольствія, которое Іосифъ II доставлялъ намъ своимъ присутствіемъ, она любитъ его особенно за нѣкоторое сходство его съ Петромъ I: какъ и Петръ, Іосифъ дѣятеленъ, жаждетъ всему научиться и научить другихъ, и всецѣло преданъ своему государству. „У него умъ серьезный, говорила мнѣ она, но въ то-же время пріятный; онъ вѣчно занятъ полезными предпріятіями и его голова постоянно работаетъ“. Горе людямъ несправедливымъ, не умѣвшимъ оцѣнить его.

„Императрица очень была любима своимъ духовенствомъ, не смотря на то, что она уменьшила его богатства и ограничила власть. Когда Пугачевъ, во главѣ своихъ разбойниковъ, рыскалъ по деревнямъ, врываясь съ обнаженною саблею въ сельскіе храмы Божіи, одинъ священникъ, взявъ Св. Дары, подошелъ къ Пугачеву и громко сказалъ ему: „Умножь свое преступленіе, злодѣй, убей меня, съ Тѣломъ Христовымъ въ рукахъ, отруби мою голову: я только-что молился за нашу матушку-императрицу“.

„Въ присутствіи императрицы нельзя было говорить ничего дурнаго ни о Петрѣ I, ни о Людовикѣ XIV, какъ, равнымъ образомъ, ни малѣйшаго слова противъ религіи или нравственности. Едва можно было позволить себѣ какой-либо намекъ, и то крайне

¹⁾ Госуд. Архивъ, V, 116; Архивъ Сената, т. 178, л. 1.

²⁾ Oeuvres. XXIV, 4, 10.

скрытно, приче́мъ она улыбалась въ душѣ. Она сама не позволяла себѣ никакихъ насмѣшекъ ни надъ религіею или нравственностью, ни надъ личностями, и если позволяла себѣ иногда шутку, то лишь въ присутствіи того, къ кому относилась эта шутка, всегда столь добродушная, что доставляла ему-же удовольствіе. Она едва простила мнѣ одно замѣчаніе насчетъ Людовика XIV, сдѣланное во время прогулки съ нею въ Царскомъ Селѣ. „По крайней мѣрѣ, сказалъ я ей, ваше величество согласитесь, что этому великому королю для его прогулокъ требовались прямыя аллеи, въ 120 шаговъ ширины, рядомъ съ такимъ-же каналомъ; онъ не имѣлъ понятія, какъ въ, о тропинкѣ, ручейкѣ, лужайкѣ“.

„Я имѣлъ случай замѣтить ея самообладаніе. Передъ въѣздомъ въ Бахчисарай, двѣнадцать лошадей оказались слишкомъ слабыми, чтобъ сдержать на спускѣ нашу большую шестимѣстную карету и понесли, вѣрнѣе, были унесены ею. Можно было опасаться, что мы сломимъ себѣ шею. Я гораздо болѣе испугался-бы, еслибъ не наблюдалъ за императрицею, испугалась-ли она. Она сидѣла также спокойно, какъ за завтракомъ, который мы только-что покинули.“

„Она была очень разборчива на чтеніе. Она не любила ничего грустнаго, чувствительнаго и претендующаго на остроуміе. Она любила произведенія Лесажа, Мольера, Корнеля. „Расинъ мнѣ не нравится, говорила она, кромѣ его Митридата“. Раблэ и Скарронъ заставляли ее нѣкогда смѣяться, но она объ нихъ не вспоминала болѣе. Она скоро забывала все пустое, малоинтересное, но всегда помнила то, что интересовало ее. Она любила читать Плутарха въ переводѣ Амю, Тацита Амело де ла Гуссэ и Монтяя. „Я Сѣверная Галла, говорила она мнѣ, и понимаю только старо-французскій языкъ, новаго не понимаю. Я хотѣла воспользоваться вашими умными господами; я ихъ вызвала къ себѣ, я писала имъ, испытывала ихъ—они надоѣдали мнѣ и не понимали меня, кромѣ моего добраго покровителя Вольтера. Знаете-ли вы, что это онъ ввелъ меня въ моду. Онъ съ лихвою заплатилъ мнѣ за то, что я во всю мою жизнь любила читать его — онъ, шутя, многому научилъ меня“.

„Только одинъ человекъ, призванный ея императорскимъ величествомъ, понравился ей своими государственными и литературными взглядами; она довѣряла и переписывалась съ нимъ до самой своей смерти. Я желаю ему продолжать „Исторію Россіи“, которую онъ началъ и о которой императрица собственноручно писала ему разъясненія ¹⁾).

¹⁾ Gabriel Senac de Meilhan 1736—1803. Oeuvres. XXII, 97; Сборникъ, XLII, 144 sqq.

„Императрица не любила и не знала новѣйшей литературы; она обладала болѣе логикою, чѣмъ риторикою. Легкія ея сочиненія, какъ, на примѣръ, комедіи, имѣли поучительную цѣль — осмѣяніе путешественниковъ, модниковъ, сектъ, особенно мартинистовъ, которыхъ она считала опасными. Всѣ ея письма ко мнѣ наполнены сильными, великими идеями, удивительно ясными, иногда однимъ словомъ произносящими осужденіе, особенно если что-либо въ Европѣ вызывало ея негодованіе; сверхъ того, они веселы, добродушны. Въ ея слогѣ больше ясности, чѣмъ легкости; ея серьезныя сочиненія весьма глубокомысленны. Ея Исторія Россіи стѣтъ, по моему, хронологическихъ таблицъ президента Гено ¹⁾; но мелкіе отгѣнки, прелесть подробностей, живость слога были чужды ей. У Фридриха II тоже не было живости въ слогѣ, но у него было остальное, и онъ болѣе писатель, чѣмъ Екатерина.

„Она мнѣ говорила иногда: „Вамъ хочется смѣяться надо мною, что-жъ я сказала?“ — „Старое французское слово, вышедшее изъ употребленія или неправильно произнесли слово. Ваше величество сказали, *Baschante*, на примѣръ, вмѣсто *Bacchante*“. Она обѣщала всегда исправиться, но вскорѣ-же опять давала поводъ смѣяться, въ родѣ того, какъ, играя на билліардѣ, заговорится съ кѣмъ-нибудь и эта милость ея позволить мнѣ выиграть съ нея двѣнадцать рублей.

„Самая большая скрытность ея заключалась въ томъ, что она не говорила всего, что думала и знала; но никогда подозрительное или коварное слово не выходило изъ ея устъ. Она была настолько горда, что не могла обманывать; когда-же она сама обманывалась, то, чтобъ выйти изъ затрудненія, полагалась на свое счастье и на превосходство свое надъ событіями, которыя она любила преодолевать. Ей являлись, однако, иногда мысли о превратностяхъ, постигшихъ конецъ царствованія Людовика XIV, но вскорѣ-же проходили, какъ облака. Только я одинъ слышалъ, какъ, получивъ послѣднее объявленіе турками войны, она, въ теченіе какой-нибудь четверти часа, смиренно сознавалась, что на свѣтѣ нѣтъ ничего вѣрнаго, что и слава и успѣхъ ненадежны ²⁾; но потомъ вышла изъ своихъ покоевъ съ такимъ свѣтлымъ, яснымъ взглядомъ, какъ и до прїѣзда курьера, и внушила всей своей имперіи увѣренность въ успѣхѣ.

„Я судилъ ее при жизни, какъ судили египетскихъ фараоновъ

¹⁾ Кн. де-Ливъ разумѣеть „Заниски касательно Россійской Имперіи“ и *Abregé chronologique de l'Histoire de France. par Hénault. dit le Président.*

²⁾ *Oeuvres*, XXIV, 12.

послѣ ихъ смерти ¹⁾), причѣмъ я боролся съ невѣжествомъ и злобою, затмѣвающими часто историческія явленія. Въ противномъ случаѣ я потерялъ-бы прелесть ея бесѣды или, вѣрнѣе, не могъ-бы ею пользоваться. Гуманныя черты ея проявлялись ежедневно. Однажды она рассказала мнѣ слѣдующее: „Не желая будить прислугу слишкомъ рано, я сама развела огонь, такъ какъ было довольно холодно. Между тѣмъ, въ трубѣ отъ камина былъ трубо-чистъ, не ожидавшій, чтобъ я могла встать ранѣ половины шестого. Онъ сталъ кричать благимъ матомъ. Я тотчасъ-же погасила огонь и просила его извинить меня“.

„Извѣстно, что она никогда почти не ссылала въ Сибирь, гдѣ, впрочемъ, ссыльные содержались довольно хорошо; она никогда и никого не присуждала къ смертной казни. Императрица часто просила судей смягчить ихъ приговоръ; она требовала разъясненій, хотѣла, чтобъ ей доказали, что она ошибается, и часто доставляла обвиняемымъ средства защиты. Я подмѣтилъ, однако, въ ней новый родъ злобы—ласковый взглядъ, иногда даже какое-либо благо-дѣяніе, чтобъ пристыдить тѣхъ, которыми она была недовольна, но заслуги которыхъ цѣнила, какъ, напримѣръ, относительно вельможъ, дурно отзывавшихся о ней. Вотъ примѣръ ея деспотизма: она запретила одному изъ лицъ высшаго общества жить въ собственномъ его домѣ. „Вы будете имѣть въ моемъ домѣ, сказала она ему, два раза въ день столъ на 12 персонъ; вы будете принимать у меня всѣхъ, кого любили принимать у себя—я запрещаю вамъ разоряться, но разрѣшаю дѣлать издержки, такъ какъ это доставляетъ вамъ удовольствіе“.

„Клевета, не пощадившая прекраснѣйшую, иѣжнѣйшую, любезнѣйшую изъ королевъ, образъ мыслей и поведеніе которой я готовъ защищать всѣми силами, постарается, быть можетъ, покрыть укори-знами и могилу славнѣйшей изъ государынь. Клевета, вырвавшая цвѣты съ могилы Маріи-Антуанеты, захочетъ вырвать и лавры съ могилы Екатерины Великой. Самозванные собиратели анекдотовъ, памфлетисты, непризванные историки, люди пустые, злона-мѣренныя или коварныя, захотятъ, быть можетъ, ради краснаго словца или изъ-за денегъ, умалить славу Екатерины. Но она восторжествуетъ, благодаря тому, что я самъ видѣлъ, путешествуя съ нею по Россіи—любви и восторгу ея подданныхъ, любви и восторгу ея солдатъ. Я видѣлъ, какъ эти солдаты въ траншеяхъ, прене-

бредая турецкими пулями и стихийными невзгодами, утѣшали и одобряли себя однимъ именовъ Матушки, ихъ идола.

„Наконецъ, я видѣлъ то, чего я никогда не сказалъ-бы объ императрицѣ при ея жизни, но что любовь къ правдѣ заставляетъ меня написать на другой день по полученіи извѣстія, что блистательнѣйшее свѣтило, освѣщавшее наше полушаріе, закатилось навсегда“¹⁾.

Слова князя де-Линь сбылись. Вслѣдъ за смертью Екатерины II, въ томъ-же 1797 году, когда была напечатана его брошюра „Портретъ“, стали появляться пасквили, въ которыхъ клевета силилась исполнить роль, предсказанную ей княземъ де-Линь. Вслѣдъ за брошюрою Рюльера и книгами Кастѣра, появились сочиненія Лаво, Массоа и др., такъ что уже въ 1801 году, издавая въ свѣтъ 20-й томъ полнаго собранія своихъ сочиненій, въ который вошелъ „Портретъ“, кн. де-Линь проситъ „тѣхъ, кто купилъ *Vie privée de Catherine II* и пасквиль *Les amours de Catherine*, не читать этого тома“. Онъ зналъ, по опыту, что невозможно ни исправить злонамѣренныхъ, ни зажать ротъ клеветникамъ; но счелъ нужнымъ оправдать свой взглядъ на Екатерину и доказать свое безпристрастіе: „Еслибы ея императорское величество была въ живыхъ, я не обнаруговалъ-бы этихъ восхваленій ея; я воспѣлъ ее, когда она не могла уже меня слышать“²⁾.

Князь де-Линь до конца жизни сохранилъ высокое понятіе о Екатеринѣ, какъ „великой государынѣ, мудрой правительницѣ и прелестной женщинѣ“³⁾. Сравненіе съ Екатериною было высшею похвалою въ его устахъ: свой панегирикъ шведской королевѣ онъ началъ стихомъ:

La Princesse adorable, égale à Catherine ⁴⁾.

Вѣсть о смерти Екатерины застала князя де-Линь въ Вѣнѣ; въ Вѣнѣ-же онъ и умеръ. Изъ всего своего прежняго великолѣпія, кн.

¹⁾ Oeuvres, XX, 237. Portrait de feu sa Majesté Catherine II impératrice de toutes les Russies 1797. s. 1. Изъ указаній, сдѣланныхъ нами въ примѣчаніяхъ къ «Портрету», видно, что въ немъ собраны всѣ черты, о которыхъ кн. де-Линь писалъ ранѣе, еще при жизни Екатерины, когда каждое ея замѣчаніе было свѣжо въ памяти автора „Портрета“. Ср. „Русская Старина“, т. LXXII, стр. 34.

²⁾ Oeuvres, XX, 4.

³⁾ Ibid., XXIII, 28.

⁴⁾ Oeuvres, XXII, 144.

де-Линь сохранялъ только небольшой домъ въ Вѣнѣ ¹⁾. „Мой домикъ, окрашенный въ розовый цвѣтъ, цвѣтъ моихъ идей — единственный открытый домъ въ Вѣнѣ. Являйся кто хочеть, садись кто можетъ. Иногда являются всѣ 60 лицъ, посѣщающихъ меня, и тогда не хватаетъ сидѣній: половина гостей стоитъ, выжидая, пока освободится сидѣнье. Разговоръ обычно идетъ о Польшѣ, о Россіи, объ Англіи, рѣдко о старой Франціи, никогда о новой“. Во второмъ этажѣ помѣщалась бібліотека князя; тамъ-же, среди фоліантовъ, стояла его кровать. На столахъ и козеткахъ, даже на постели, разбросаны книги, рукописи, брошюры; стѣны увѣшаны картами войнъ, планами сраженій, оружіемъ всякаго рода: турецкими саблями, дамасскими ружьями, кинжалами, напоминавшими ему осаду Очакова, Бѣлграда или Измаила. Во всемъ художественный беспорядокъ: любовною запискою заложена страница „Esprit des lois“; рядомъ съ военнымъ этюдомъ эрцгерцога Карла раскрыта „La Nouvelle Héloïse; здѣсь отрывокъ для „Mémoires militaires“, тамъ — стишокъ для героини дня; на столѣ — записная книжка, въ которую князь вписываетъ всякую мысль, какая придетъ въ голову, всякій фактъ, который вспомнить, всякую остроту, которая понравится ²⁾.

Кромѣ этого домика, кн. де-Линь владѣлъ еще зданіемъ на Leopoldsberg, которое онъ называлъ „Mon Refuge“. Это — зданіе упраздненнаго монастыря, подаренное ему Леопольдомъ II. У входа князь выбилъ свой гербъ; на сторонѣ, обращенной къ Дунаю, слѣдующее двустишіе:

Sans remords, sans regrets, sans crainte, sans envie,
Je vois couler ce fleuve et s'écouler ma vie.

Князь де-Линь нерѣдко ѣздилъ въ свое „убѣжище“. Вѣнцы съ уваженіемъ смотрѣли на старомодный экипажъ, который тащили „двѣ престарѣлыя кобылы, уставшія отъ долгой жизни“; за каретою — старый турокъ, вывезенный сыномъ изъ-подъ Измаила.

Въ послѣдніе годы князь де-Линь безвыѣздно жилъ въ своемъ вѣнскомъ домикѣ. Тамъ, уже дряхлымъ старикомъ, принималъ онъ дипломатовъ и коронованныхъ особъ, съѣхавшихся на конгрессъ.

¹⁾ Въ бывшей Mülkergasse. Въ 1845 г. домъ этотъ былъ срытъ до основанія и на его мѣстѣ выстроены новый домъ, носящій въ настоящее время № 87. Perey, II, 139.

²⁾ Нѣсколько сотенъ такихъ замѣтокъ, по выбору самого автора, напечатано. Всѣ онѣ свидѣлствуютъ, что кн. де-Линь былъ человекъ умный. Нѣкоторыя замѣтки касаются Россіи и преимущественно Екатерины. Oeuvres, XX, 150.

Тѣмъ и другимъ онъ неустанно проповѣдывалъ свои три политическія заповѣди: нейтралитетъ Бельгій, враждебность Италіи къ Франціи и ограниченіе французской территоріи теченіемъ Рейна ¹⁾ Когда-же титулованные и коронованные посѣтители спрашивали князя де-Линь о пережитыхъ имъ временахъ, интересовались его прошлымъ и желали услышать объ его отношеніяхъ къ коронованнымъ особамъ, съ которыми онъ жилъ, дѣйствовалъ и былъ близокъ, особенно къ Екатеринѣ II, князь де-Линь отвергалъ всякое свое участіе въ политическихъ дѣлахъ Россіи: „Я былъ путешествующій совѣтникъ при русскихъ арміяхъ и русскихъ миссіяхъ; я былъ дипломатическій жокей въ Россіи“ ²⁾.

В. А. Вильбазовъ.

¹⁾ Oeuvres, XXI, 279; XXVI, 213.

²⁾ Ibid., XX, 81.

Къ очерку «Старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ».

Замѣтка.

Въ статьѣ Мельницкаго „Старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ“ (Русская Старина, январь 1892 г.), вкратчались нѣкоторыя неточности.

Разсказывая хожденія „Маіорши Ѳедоровой“, авторъ говоритъ, что старецъ Ѳеодоръ Кузьмичъ, отпуская ее на богомолье, въ Россію, направилъ ее въ Почаевскій монастырь, гдѣ она, по указанію старца, должна была встрѣтить какую-то „добрую и гостепріимную графиню“. Заключение этой фразы въ кавычки даетъ понять, что она принадлежитъ самому старцу. „Графиня эта, продолжаетъ авторъ статьи, какъ оказалось впоследствии, была жена известнаго въ свое время богомольца графа Дмитрія Ерофеевича Остенъ-Сакена“. Маіорша Ѳедорова была въ Почаевѣ въ 1849 году, а Д. Е. Сакенъ пожалованъ въ графы въ 1855 году, за защиту Севастополя.

Далѣе, авторъ статьи говоритъ (стр. 91), что Д. Е. Остенъ-Сакенъ жилъ въ это время съ семействомъ въ Кременчугѣ, „п лѣчился отъ полученной имъ въ Венгріи раны“. Графъ Сакенъ ни въ одномъ изъ сраженій въ Венгерской кампаніи не участвовалъ и раненъ не былъ.

Н. В. Алабинъ.

10 генв. 1891 г.

Самара.

Примѣчаніе. Не надо, однако, забывать, что въ изложеніи жизни отшельника Ѳеодора Кузьмича много основано на народныхъ толкахъ, въ которыхъ легко перепутывались хронологическія и другія данныя.

Ред.

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ ВЪ РАЗСКАЗАХЪ НАРТОВА,

его учителя въ токарномъ мастерствѣ

въ 1712—1725 гг. ¹⁾.

Приводимъ изъ этой интересной книги еще нѣсколько несомнѣнно досто-
вѣрныхъ рассказовъ Нартова о царѣ Петрѣ Алексѣевичѣ. Примѣчанія къ
рассказамъ принадлежать Л. Н. Майкову.

Ред.

Рассказы Нартова о Петрѣ Великомъ.—Л. Н. Майкова.
Спб., 1891 г., въ 6. 8 д. стр. XX+138.

Извѣстно, что Петръ Великій и Августъ, король польскій, имѣли
силу тѣлесную необычайную и превосходящую силу человѣческую.
Въ одинъ день, когда случилось быть обонимъ снмъ монархамъ виѣстѣ
въ городѣ Торнѣ, представлено было зрѣлище битвы буйволовъ. Тутъ
закопѣлось поблизать Августу предъ царемъ богатырствомъ своимъ,
и сего ради, свата за рогъ разсвирѣпѣшаго буйвола, который
урамялся идти, однимъ махомъ саблею отсѣкъ ему голову.

— «Постой, братъ Августъ, сказалъ ему Петръ, я не хочу являть силы
своей надъ животными, прикажи подать свертокъ сукна!»

По принесеніи онаго, царь, взявъ одною рукою свертокъ, кинулъ его
вверхъ, а другою рукою, выдернувъ вдругъ кортикъ свой, ударилъ на лету

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., т. I. XXIII, январь, стр. 121—131.

по несть такъ мочно, что раскрыль его на двѣ части. Августъ сколько потогъ ни старался учинить то же, но не былъ въ состояніи.

Примѣч. Свиданіе царя съ Августомъ въ Торнѣ происходило въ 1709 году съ 26-го сентября по 14-ое октября.

Государю предлагана была для забавы въ одно время въ Польшѣ отъ магнатовъ охота за звѣрями, на что онъ отвѣчалъ имъ благодарствуя:

— «Довольно охоты той, чтобъ гоняться и за шведами».

Примѣч. Изреченіе Петра, сходное съ приведеннымъ въ этомъ разсказѣ, сообщается въ „Анекдотахъ“ Штелина (стр. 134, 135) со словъ гофмаршала Д. А. Шепелева, который сопровождалъ царя въ его заграничномъ путешествіи 1716 и 1717 годовъ. Въ предѣлахъ Польши Петръ находился съ февраля по май 1716 года.

О писаніи указовъ Петръ Великій говорилъ Макарову въ токарной «Надлежать законамъ и указамъ писать ясно, чтобъ нигъ не перетолковать. Правды въ людяхъ мало, а коварства много. Подъ нигъ такіе-же цѣдены чинять, какъ и подъ фортецію».

Когда императрица Екатерина Алексѣевна сама трудилась съ комнатными своими дѣвцами въ вышиваніи по голубому гарнитуру серебромъ кафтана и, по окончаніи работы, поднесла оный его величеству, прося, чтобы благоволилъ онъ удостоить труды ея и надѣть его въ день торжественнаго ея коронованія, то государь, посмотрѣвъ на шитье, взялъ кафтанъ и трахнулъ его. Отъ потрясенія полетѣло съ шитья нѣсколько на полъ канители, чему подивясь, сказалъ:

— «Смотри, Катенька, пропало дневное жалованье солдата».

Сей кафтанъ, въ угодность супруги своей, ниѣлъ государь на себѣ только

во время празднества коронаціи и послѣ никогда его не надѣваль, почитая оный неприличною себѣ одеждою, ибо обыкновенно носилъ гвардейскій мундиръ или флотскій ¹⁾.

Примѣч. Коронаваніе императрицы Екатерины происходило въ Москвѣ 7-го мая 1824 года; слѣдовательно, происшествіе, разсказанное Нартовымъ, относится къ ближайшему предъ тѣмъ времени. Подобный-же разсказъ со словъ адмирала А. Ив. Нагаева сообщенъ въ „Анекдотахъ“ Голикова, стр. 459.

Его величество, получивъ отъ прусскаго короля письмо, въ которомъ онъ благодарилъ за присланную, собственными руками Петра Великаго точеную табакерку, на которой изображенъ былъ портретъ его, сказалъ Нартову:

— «Я зналъ, что работа наша королю пріятнѣе золота. Онъ—таковъ, какъ и я: роскоши и мотовства не любить».

Примѣч. Какъ извѣстно, Петръ поддерживалъ дружескіи отношенія къ прусскому королю Фридриху-Вильгельму I и неоднократно посылалъ ему великослыхъ людей для его потсдамской гвардіи. Одна изъ такихъ посылокъ относится къ октябрю 1718 года, и притомъ королю были отправлены еще другіе подарки, между прочимъ токарный станокъ и кубокъ или бокалъ, собственноручно выточенный Петромъ. За эти подарки король благодарилъ царя письмомъ отъ 22-го октября 1718 года. Въ это-то время Нартовъ, находившійся въ Берлинѣ, и обучалъ короля токарному искусству (какъ видно изъ другаго разсказа Нартова). Въ іюлѣ 1720 года, когда Нартовъ уже возвратился изъ-за границы, королю снова были отправлены „большіе гренадиры“, и, быть можетъ, тогда-же послана была табакерка, упоминаемая Нартовымъ (см. статью М. П. Пуцилло: „Начало дружественныхъ сношеній Россіи съ Пруссіей. Русскіе великаны въ прусской службѣ“ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ 1878 г., т. 134). Съ отзывомъ Петра о Фридрихѣ-Вильгельмѣ, приведеннымъ у Нартова, любопытно сопоставить свидѣтельство графа Ротанбурга, французскаго посланника при томъ-же прусскомъ королѣ; по словамъ этого дипломата, Петръ говорилъ: „Король прусскій любитъ ловить рыбу, да чтобъ не промочить ногъ“ (см. статью E. Lavisse: „Le père du grand Frédéric“ въ „Revue des deux mondes“, 1-er octobre 1890, p. 592).

¹⁾ [Сей кафтанъ находится на восковомъ его изображеніи въ Санкт-петербургской бунсткамерѣ].

Его величество къ кунсткамерѣ Арашкину говорилъ при нѣ:

— «Я велѣлъ губернаторамъ собирать констры (уродовъ) и присылать къ тебѣ. Прикажи заготовить шкафы. Если-бы я хотѣлъ присылать къ тебѣ монстры человѣческіе не по виду тѣлесъ, а по уродливимъ нравамъ, мѣста-бы у тебя было для нихъ мало. Пускай шатаются они во всеародной кунсткамерѣ; между людьми они пріятны».

Примѣч. Разсказъ этотъ несомнѣнно относится къ 1718 году, такъ какъ въ началѣ его, 13-го февраля, состоялся указъ о доставленіи со всей Россіи уродовъ и рѣдкостей въ кунсткамеру (Пекарскій, Наука и литература при Петрѣ В., I, 54).

Генералъ-фельдцейхмейстеръ графъ Брюсъ мужъ былъ ученый, упражнялся въ высокіхъ наукахъ и чрезъестественному не вѣрилъ. Его величество, любопытствуя о разныхъ въ природѣ вещахъ, часто говаривалъ съ нимъ о физическихъ и метафизическихъ явленіяхъ. Между прочимъ былъ разговоръ о святыхъ мощахъ, которыя онъ отвергалъ. Государь, желая доказать ему нетлѣніе чрезъ Божью благодать, взялъ съ собою Брюса въ Москву и въ проѣздъ чрезъ Новгородъ зашелъ съ нимъ въ соборную Софійскую церковь, въ которой находятся разныя мощи, и показывая оныя Брюсу, спрашивалъ о причинѣ нетлѣнія ихъ. Но какъ Брюсъ относилъ сіе къ климату, къ свойству земли, въ которой прежде погребены были, къ бальзамированію тѣлесъ и къ воздержной жизни и сухоуденію или пощенію, то Петръ Великій, приступивъ наконецъ къ мощамъ святаго Никиты, архіепископа Новгородскаго, открылъ ихъ, поднялъ ихъ изъ раки, посадилъ, развелъ руки и, пакы сложивъ ихъ, положилъ, потомъ спросилъ:

— «Что скажешь теперь, Яковъ Даниловичъ? Отъ чего сіе происходитъ, что сгибы костей такъ движутся, яко-бы у живого, и не разрушаются, и что видъ лица его, аки-бы недавно скончавшагося?»

Графъ Брюсъ, увидя чудо сіе, весьма дивился и въ изумленіи отвѣчалъ: «Не знаю сего, а вѣдаю то, что Богъ всемогущъ и премудръ».

На сіе государь сказалъ ему:

— «Сему-то вѣрю и я и вижу, что свѣтскія науки далеко еще отстаютъ отъ таинственнаго познанія величества Творца, Котораго можно, да вразумить меня по духу. Тѣлесное, Яковъ Даниловичъ, такъ привязано къ плотскому, что трудно изъ сего выдраться».

Петръ Великій, однажды разгнѣвавшись сильно на князя Меншикова, вспомнилъ ему какого онъ происхожденія, и сказалъ при томъ:

— «Знаешь-ли ты, что я разомъ поворочу тебя въ прежнее состояніе, чѣмъ ты былъ. Тотчасъ возьми кузовъ свой съ пирогами, скитайся по лагерю и по улицамъ, кричи: пироги подовые! какъ дѣлывалъ прежде. Вонъ! Ты не достоинъ милости моей».

Потомъ вытолкнулъ его изъ комнаты. Меншиковъ кинулся прямо къ императрицѣ, которая при всѣхъ такихъ случаяхъ покровительствовала, и просилъ со слезами, чтобъ она государя умолила и смягчила. Императрица пошла немедленно, нашла монарха пасмурнымъ. А какъ она нравъ супруга своего знала совершенно, то я старалась, во первыхъ, его всячески развеселить. Миновался гнѣвъ, явилось милосердіе, а Меншиковъ, чтобъ доказать повинновеніе, между тѣмъ, подхватя на улицѣ у пирожника кузовъ съ пирогами, навѣсилъ на себя и въ видѣ пирожника явился предъ императора. Его величество, увидѣвъ сіе, рассмѣялся и говорилъ:

— «Слушай, Александръ! Перестань бездѣльничать, или хуже будешь пирожника!»

Потомъ простя, какъ принялъ его по прежнему въ милость. Сіе видѣлъ я своими глазами. Послѣ Меншиковъ пошелъ за императрицею и кричалъ:

— «Пироги подовые!»

А государь въ слѣдъ ему шѣлся и говорилъ:

— «Помни, Александръ!»

«Помню, ваше величество, и не забуду: пироги подовые!»

Государь пожаловалъ Нартову деревянный домъ близъ дворца, на углу Милліонной, гдѣ нынѣ палаты графа Брюса, заѣзживалъ къ нему часто, бесѣдовалъ у него съ художниками, разсматривалъ тутъ работы ихъ, разсуждалъ о разныхъ мастерствахъ и на токарнотѣ станкѣ тачивалъ, говоря:

— «Я долженъ у моего механика и токарнаго мастера урокъ свой кончить».

А какъ его величество любилъ мыльню, то указавъ на дворѣ его построить баню, перѣдко въ оную съ денщиками ѣзживалъ; для тренія и паренья употреблялъ токарнаго ученика Левонтьева, который былъ мужикъ дюжій. Нѣкогда Левонтьевъ поддалъ на каменку столъ много, что его величество, будучи на верхнемъ полку, сгнѣвшись закричалъ ему:

— «Слушай, Левонтьевъ, не жарь насъ живыхъ, чтобъ не сдѣлали насъ банными мучениками! Я, право, въ числѣ ихъ быть не хочу!»

«Не бось, государь», отвѣчалъ парильщикъ, — «насъ старцы не любятъ».

— «Ты отгадалъ», сказалъ монархъ, — «однако не сдѣлай изъ насъ для нихъ конченой ряпухи!»

Петръ Великій, начавъ службу въ сухопутномъ войскѣ [и во флотѣ] съ нижнихъ чиновъ, происходилъ въ вышнія степени существенными трудами, по заслугамъ и достоинству, за баталіи и осады, при которыхъ, присутствуя особою своею, бывалъ то подчиненнымъ, то храбрымъ предводителемъ, въ сильнѣйшемъ огнѣ, съ безстрашіемъ и съ присутвіемъ духа, здраваго и рѣшительнаго разсужденія, въ опасныхъ случаяхъ противъ непріятелей, къ подданнымъ говоря такъ:

— «Побѣдить или умереть славно!»

Наконецъ, достигнувъ до чиновъ сухопутной арміи до генераль-маіорскаго, а во флотѣ до вице-адмиральскаго, получалъ и обыкновенное жалованье. И когда его величеству оное приносили, то говорилъ:

— «Сія деньги—собственныя мои; я ихъ заслужилъ и употреблять могу по произволу; но съ государственными доходами поступать надлежитъ осторожно: объ нихъ долженъ я дать отчетъ Богу».

Я самъ слышалъ сія рѣчи изъ устъ монаршихъ.

Примѣчаніе. По смыслу этого разсказа надо полагать, что слова Петра о правѣ его получать жалованье по чину относятся къ тому времени, когда онъ числился вице-адмираломъ, то-есть къ періоду съ 1714 по 1721 годъ: во Нартовъ ошибается, называя его въ то-же время генераль-маіоромъ: по сухопутной арміи Петръ еще съ 1709 года числился генераль-лейтенантомъ, а съ 1714—генераломъ. (Устряловъ, Исторія Петра Великаго, т IV, ч. I, стр. 482, 483).

ЗАМѢТКИ ФОНЪ-ГЕРЛАХА О ПРЕБЫВАНІИ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ

II ¹⁾.

Второе пребываніе въ С.-ПетербургѢ

съ декабря 1827 г. по 8-е мая 1828 г.

[Переводъ съ нѣмецкаго].

С.-Петербургъ, 31 декабря (1827 г.). Итакъ, мы опять здѣсь; но мнѣ гораздо тяжелѣе на сердцѣ, нежели два года тому назадъ. Принцъ былъ очень здумчивъ, садясь въ (дорожный) экипажъ. Разговоры у насъ происходили только о турецкихъ дѣлахъ. Я радъ, что могу держать себя здѣсь совершенно согласно съ правительственнымъ настроеніемъ, потому что Пруссія тоже сочувствуётъ принципу вѣшательства, и съ перваго-же раза заявила себя его сторонникомъ. Фактически она, однако, къ этому вѣшательству не присоединилась, чтобы не выразить этимъ распаденіе священнаго союза, къ началамъ котораго король еще очень приверженъ, несмотря на то, что она уже столь часто нарушалась. Заявленіе объ этомъ передано Франціи и Россіи непосредственно, а также и посланнику (нашему) въ Англіи. Кэмпингъ не желалъ присоединенія Австріи и Пруссіи, дабы это не походило на мѣру, принятую священнымъ союзомъ. Въ сношеніяхъ съ Австрією мы выразились весьма осторожно относительно признанія принципа; въ сношеніяхъ-же съ Россією мы высказали кромѣ того, что никогда не будемъ въ числѣ ея враговъ, чѣмъ она и вполне довольна.

¹⁾ См. „Русскую Старину“, изд. 1892 г., томъ LXXIII, февраль, стр. 365—362.

Неизвѣстно, конечно, обяжется-ли Россія передъ Англією и Францією не начинать сухопутной войны безъ другихъ державъ. Правильно замѣтилъ Бѣрнсторфъ, что, пока интервенція единодушна, образъ дѣйствій Пруссіи весьма простъ, и что только, когда начнутся разногласія, наступить и затрудненія. Таковы были наши разговоры о виѣшнихъ дѣлахъ (при проѣздѣ) между Кюстриномъ и Гохнейтомъ. Въ ту ночь, когда ангелы возвѣщали (настыряли): «нынѣ родился вашъ Спаситель», мы прибыли въ Кенигсбергъ. 80-ти лѣтвій епископъ Боровскій заключилъ свою проповѣдь молитвою за принца, которая меня, а навѣрное и его, разстрогала.

4 января 1828. По прибытіи нашемъ сюда, императоръ и императрица, принявъ принца у Салтыковского подъѣзда, поцозвали и меня. Императоръ меня обнялъ, а императрица пожалавала руку. (Вечерній) чай у императрицы продолжался до полуночи. Въ день новаго года пруссаки приносили поздравленія принцу, а равно и императорской фамиліи. Какой контрастъ представлялъ дворъ нынче въ сравненіи съ прошедшимъ (въ 1826 г.) разомъ! Тогда императрица имѣла видъ болѣзненный, а теперь здоровый и красивый; тогда происходили допросы въ «salle des malfaiteurs» (залѣ злоумышленниковъ),—теперь Зимній дворецъ измѣненъ и изукрашенъ. Канунъ новаго года прошелъ за игрою въ мушку, при разговорахъ, совершенно обыкновенныхъ. Около полуночи былъ поданъ пуншъ. Послы отозваны изъ Константинополя, и императоръ очень доволенъ тѣмъ, что Рибопьеръ избралъ дорогу на Триестъ. Шлѣръ теперь пришелъ въ соглашеніе съ Бѣрнсторфомъ относительно турецкихъ дѣлъ. На разводѣ меня поразило до какой степени движенія (военныхъ) стали свободнѣе; одежда тоже сдѣлалась болѣе удобною. Персидская война, кажется, навѣрное окончена. Если Россія приметъ Араксъ за пограничную черту, то у Арарата сойдутся предѣлы трехъ государствъ. Важно при этомъ завоеваніи и то, что христіане Арменіи подпадаютъ подъ протекторатъ Россіи. Все согласны въ томъ, что императоръ Николай Павловичъ, въ теченіе двухъ лѣтняго царствованія своего, много сдѣлалъ по дѣламъ внутренняго управленія. Библейское общество вновь вступило въ жизнь: протестантская часть его, спасшая часть своихъ фондовъ, состоитъ подъ предсѣдательствомъ князя Ливена, русская-же—подчинена слѣду. Князь Александръ Голицынъ, подлѣ котораго я сидѣлъ вчера на собраніи у императрицы-матери, спрашивалъ у меня о Госнерѣ и сообщалъ мнѣ, что между его врагами возникли несогласія и что (архимандритъ) Фотій высланъ въ свой монастырь.

10 января. Въ этотъ пріѣздъ я гораздо болѣе разсѣянъ и отвлеченъ, нежели въ прошедшій. Въ субботу вечеромъ мы были приглашены къ императрицѣ, гдѣ, по отечественному обычаю, была ѣлка съ подарками. Дѣти были очень веселы; товарищамъ ихъ игръ тоже розданы подарки. Относительно внутреннихъ преобразованій Адеркасъ отговаривается полнымъ невѣ-

дѣніемъ. Странная здѣсь противоположность между культурою и религіею. Никто, напр., не смущается тѣмъ, что воспитатель великаго князя—лютеранинъ. Церковь здѣшняя, не имѣя внѣшняго могущества римской, пользуется, однако, очень большимъ значеніемъ: посты и внѣшніе обряды соблюдаются здѣсь строже, нежели тамъ. Духовенство совершенно отдѣлено отъ остальнаго міра, такъ какъ ни дворяне, ни крѣпостные не вступаютъ въ духовное званіе. Дѣти бѣлаго духовенства, въ свою очередь, дѣлаются священниками, изъ нихъ-же пополяется черное духовенство.

Третьяго дня мы были на медвѣжьей охотѣ, для чего отправились въ какую-то деревню на маленькихъ крестьянскихъ саняхъ. Въ дѣсу насъ поставили за сѣтями, и медвѣдь былъ убитъ принцемъ. Вся обстановка имѣла очень сѣверный характеръ. Загонщики въ мѣховыхъ шапкахъ и съ большими пиками....

Императоръ Николай Павловичъ считаетъ войну съ турками неизбежною, но полагаетъ, что она можетъ начаться лишь осенью. Во всемъ этомъ дѣлѣ масса непоследовательностей. Надо, впрочемъ, сказать, что въ русскихъ завоеваніяхъ заключается нѣчто провиденціальное (providentielles), подобно тому, какъ въ завоеваніяхъ остъ-индской кампаніи: они, также какъ и послѣднія, могутъ совершаться вполне непредназначенно и въ самой справедливой войнѣ.

14 января. 31-го числа декабря, по здѣшнему стилю, были мы вече, рожъ у императорской фамилии. *Mouche comme à l'ordinaire*. Императрица. пріемами своими, наполнила мнѣ кронпринца и этимъ очаровала мое сердце. Она была весьма ко мнѣ милостива. Вечеромъ былъ (во дворцѣ) пресловутый балъ, на которомъ (зрителями) присутствовало 32.000 (!?) человекъ. Весь Зимній дворецъ былъ биткомъ набитъ, а на дворѣ при этомъ стояло 19 градусовъ мороза. Нельзя не сознаться, что эта народная масса держала себя удивительно благопристойно. На другой день всѣ покон были снова выметены, вымыты, вылощены.

Я теперь прочиталъ древнюю исторію Россіи. Не могу удержаться отъ сопоставленія ея съ нынѣшнимъ порядкомъ вещей, и при этомъ нахожу черты дѣйствительно поразительнаго сходства. Но тогда во внутреннихъ дѣлахъ существовала свобода. Владиміръ совѣтуется со своими боярами; въ городахъ мы видимъ совѣты изъ гражданъ и выборныхъ градскихъ старшинъ. Несомнѣнно, что, въ теченіе двухъ столѣтій—съ 1015 по 1224 гг. въ Россіи развивалось нѣчто, подобное средневѣковымъ порядкамъ въ католической Европѣ, и что только вслѣдствіе необычайныхъ событій этотъ ходъ дѣла былъ подавленъ и свершилось то, что Россія до XVIII-го вѣка была отчуждена отъ остальной Европы, а затѣмъ внезапно явился деспотизмъ (Петра Великаго), стремящійся къ насильственному заполненію того пробѣла въ культурѣ, который образовался вслѣдствіе этого отчужденія.

Когда я сегодня пошелъ къ принцу, то въ коридорѣ встрѣтилъ курьера и, въ ожиданіи экипажа, который долженъ былъ вести меня къ князю Голицыну, прочелъ всѣ мои письма, доставившія мнѣ успокоительныя вѣѣстія. Князь (А. Н.) Голицынъ много рассказывалъ мнѣ про императора Александра Павловича. Священный союзъ, три копія (съ текста) котораго начертаны были и мѣ самимъ, безъ призыванія кого-либо изъ министровъ,—Священный союзъ этотъ, къ сожалѣнію, для него самого оказался невыполнимымъ. О турецкихъ дѣлахъ немного мнѣ приходится узнавать. Говорятъ, что дѣйствительно готовится второй актъ вѣшательства. Австрійцы, вмѣсто того, чтобы быть доводными этому интервенцію, стараются отклонить отъ нея какъ Англію, запутавшуюся въ своихъ финансовыхъ дѣлахъ, такъ и Францію, тревожимую внутренними обстоятельствами. Сознаюсь, что я вполне убѣжденъ въ безразумствѣ подобныхъ стараній, такъ какъ важнѣйшее условіе для поддержанія спокойствія состоитъ въ томъ, чтобы поддерживался лондонскій договоръ.

18 января. Принцъ говорилъ мнѣ сегодня, что до сихъ поръ три державы находятся въ полномъ согласіи (между собою), а Франція даже ожидаетъ, что русскіе перейдутъ черезъ Прутъ и займутъ княжества, и что она вполне на это согласна. Говорятъ, что въ кавказскихъ странахъ къ русскому управленію относятся повсюду съ крайнею ненавистью. Гражданскіе чиновники осуждаютъ Николая Павловича за (малую подготовленность къ управленію); такъ, говорятъ, онъ не зналъ что такое «фонды» (fonds); но всѣ единогласно сознаются въ томъ, что на дурныхъ людей онъ навелъ страхъ. Ежедневно читаетъ онъ библію и ежедневно передъ тѣмъ, чтобы ложиться спать, навѣщаетъ своихъ дѣтей, причѣмъ благословляетъ каждаго изъ нихъ.

Сегодня былъ праздникъ на Невѣ¹⁾. Мнѣ пришлось бесѣдовать съ Дибичемъ о русскихъ дѣлахъ. Кавказскія провинціи онъ описываетъ въ высшей степени интересно и считаетъ ихъ важными для Россіи; покореніе Эривани онъ тоже признаетъ весьма важнымъ, такъ какъ оно открываетъ Россіи возможность наступательныхъ дѣйствій противъ Персіи. «Русская политика, какъ ее поставилъ Александръ Павловичъ, должна все болѣе и болѣе удалаться отъ завоевательныхъ стремленій относительно Европы (говорилъ Дибичъ), и она поставитъ себя такъ, что объ этомъ и рѣчи не будетъ; но тогда-то, именно, Россія и приобрететъ могущественное вліяніе въ Европѣ. Россія должна стараться поднять свои внутреннія дѣла, завязать торговлю съ Среднею Азією и оберегать европейскую культуру отъ тамошнихъ народовъ». Какъ обширна и величественна русско-азиатская политика, и до какой мелочности доведено, превращавшее нашъ разговоръ, строевое ученіе кадетъ...

¹⁾ Горданъ на Невѣ въ день Крещенія, 6-го (18-го) января.

Если вышеприведенныя слова Дибича сопоставить съ дѣйствительно большою утѣренностью, которую императоръ обнаруживаетъ при теперешнихъ турецкихъ дѣлахъ, то кажется, что Россія и въ самомъ дѣлѣ обращается къ Азіи; но тамъ она неизбежно придетъ въ столкновение съ Англіею. Императоръ Николай выразился такъ:

— „La Russie ne fera pas de conquêtes en Europe; pour l'Asie c'est autre chose“.

28 января. Только-что вернулись сюда изъ Петергофа, гдѣ пробыли два дня съ императоромъ и императрицею; а оттуда ѣздили осматривать Кронштадтъ, гдѣ вѣрностины работы изъ камня частью уже окончены, и весьма хороши. Мнѣ опять пришлось поговорить съ Дибичемъ о Турціи; онъ говоритъ, что «Константинополь легко взять, если владѣешь моремъ, но что, въ противномъ случаѣ, это можно сдѣлать лишь послѣ нѣсколькихъ кампаний». Севастопольскій портъ называетъ «превосходнымъ, но только при Александрѣ Павловичѣ обратили на него вниманіе. Уже Павелъ отказался отъ завоевательной системы Екатерины (говорить Дибичъ); теперь-же ее окончателно бросили».

Замѣчательно, какъ самъ императоръ и какъ русскіе выхваляютъ все свое. Неаполитанскій король не можетъ съ большимъ восхищеніемъ говорить о своей странѣ, нежели здѣсь говорить о Петергофѣ, вопреки (окружающимъ его) свѣжнымъ полямъ и бѣдной растительности.

29 января. Событія во Франціи сильно озабочиваютъ императора; по его словамъ, онъ думаетъ о нихъ болѣе, чѣмъ о Востокахъ. Неоднократно высказывалъ онъ, что всегда будетъ имѣть грековъ въ виду. Кочубей полагаетъ сдѣлать изъ Константинополя республику.

Сегодня на разводѣ князь Меншиковъ разсуждалъ объ Азіи, какъ чело-вѣкъ, на мой взглядъ, очень знающій: «Для Россіи главное лишь въ томъ, чтобы доставить обезпеченное движеніе своимъ караванамъ; торговля-же съ Малою Азіею, говорятъ, не маловажтельна».

Изображеніе генеалогіи здѣшнихъ (извѣстныхъ) фамилій было-бы весьма характеристично. Дѣдъ Сухозанета былъ деревенскимъ старостомъ; дѣдъ Орлова, при Екатеринѣ—простымъ казакомъ; отецъ Кутузова ¹⁾—камердинеромъ при Павлѣ, и т. д.

5 февраля. Вчера мы были на завтракѣ у князя Ал. Ник. Голицына. Императора позабавило то, что конецъ овальнаго стола, около котораго сидѣли принцъ, г-жа Фредериксъ и я, названъ былъ мною «прусскимъ уголкомъ». Вчера-же я былъ у (Вас. Андр.) Жуковскаго, который говорилъ съ мною о воспитаніи маленькаго вел. князя (Александра Николаевича).

¹⁾ Кутузовъ, очевидно, смѣшавъ здѣсь съ Кутайсовымъ.

Здѣсь въ обычаѣ сажать гражданскихъ чиновниковъ на гауптвахту, за упушеніе по службѣ, и публиковать объ этомъ въ вѣдомостяхъ; такъ поступили съ однимъ начальникомъ отдѣленія въ министерствѣ духовныхъ дѣлъ за то, что онъ, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, не отвѣчалъ на запросъ, сдѣланный императоромъ.

18 февраля. Для заключенія насланицы былъ у графа Кочубея «déjeuner», продолжавшійся съ двухъ часовъ дня до полуночи, когда начался постъ и танцовальная музыка зашумѣла. Тогда сыграли гимнъ: *Heil Dir im Siegerkranz* и еще одинъ духовный гимнъ. «Déjeuner» былъ совершенно въ русскомъ вкусѣ: все печенья (блины), плавающія въ маслѣ. Русскіе ѣли съ большою жадностью, частью (помогая себѣ) пальцами.

Съ 7-го числа здѣсь находится цесаревичъ Константинъ Павловичъ, который относится къ императору съ большими почтеніемъ. Съ пруссаками этотъ господинъ обращается дурно и никогда не говоритъ съ ними. Рассказываютъ, будто Константинъ Павловичъ высказался, что если-бы онъ, должнымъ образомъ, зналъ настроеніе народа, то, можетъ быть, еще и принялъ корону.

Я много читалъ о русскихъ дѣлахъ въ Азіи; но теперь меня преимущественно интересуеъ здѣшній придворный бытъ. Здѣшнія дамы и кавалеры вовсе не принадлежатъ, подобно тому какъ у насъ, къ ежедневному обществу августѣйшихъ особъ. У насъ королю и принцу выказываютъ болѣе внѣшняго почтенія, нежели (здѣсь) императору и великимъ князьямъ, съ которыми обращаются смѣлѣе; а все-таки король никогда не говоритъ людямъ то, что высказываетъ имъ императоръ.

Третьяго дня я говорилъ съ Жуковскимъ о Госнерѣ. «Это Госнеровское дѣло, сказалъ онъ, не относилось до церкви, а было дворскою интригою. Въ послѣднее время императоръ Александръ Павловичъ сдѣлался очень суевѣренъ, и, поживи онъ дольше, имъ управляли-бы монахи».

22 февраля. Вчера уѣхалъ курьеръ съ отвѣтомъ императора на предложенное Пруссіею посредничество въ турецкихъ дѣлахъ. Прусское предложеніе, повидяному, клонится къ тому, чтобы, съ присоединеніемъ Австріи и Пруссіи, всѣ пять державъ вмѣстѣ представили коллективную ноту, принудили тѣмъ турокъ къ уступчивости и, такимъ образомъ, предупредили войну. Интересы этого инструкція, данная князю Ливену (находящемуся) въ Лондонѣ, которую я сегодня читалъ, и гдѣ императоръ снова протестуетъ противъ всякихъ завоеваній. Въ письмахъ великаго визира къ тремъ державамъ усматриваютъ поводъ къ тому, чтобы представить Портѣ новое заявленіе, съ восьми-дневнымъ срокомъ. Рѣшить вопросъ однимъ флотомъ, содѣйствіе котораго, конечно, весьма важно, сочтено дѣломъ несбыточнымъ; а такъ какъ Россія болѣе другихъ державъ заинтересована въ быстромъ и энергическомъ рѣшеніи, то, по истеченіи срока, русская армія должна перейти

Идутъ и двигаются впередъ, пока турки не уступятъ. На этомъ основаніи Россія была-бы готова заключить договоръ. Мой принцъ теперь уже называетъ партію интервенціи: *la bonne cause*, находитъ французскую тронную рѣчь превосходною, а на англійскую гнѣвается. (Но) я только-что обратилъ его вниманіе на то, что всѣ якобинцы, какъ во Франціи, такъ и въ Англіи, увлекаются греками и желаютъ войны. Говорятъ, что Англія не раздѣляетъ вышеозначенныхъ воззрѣній здѣшняго кабинета.

Рассматривая внимательнѣе теперешнія усложненія на Востокъ, видишь, до какой степени мало сами люди причины въ ходѣ исторіи. Александръ, сдерживаемый Меттернихомъ, наконецъ-таки рѣшился въ 1826 году начать съ турками войну, а тутъ неожиданная смерть настала его въ Таганрогѣ. Николай, принимая правленіе, видитъ, 14-го декабря, и престолъ и жизнь свою въ опасности отъ мятежниковъ и, потому, обративъ все вниманіе на русскія дѣла, охотно предоставилъ-бы грековъ на произволъ судьбы. Но Англія предполагаетъ въ немъ большую воинственность, нежали въ Александрѣ, и вотъ Веллингтонъ подписываетъ петербургскій протоколъ. Политика, сбита съ толку свободою печати и борьбою партій во Франціи, пикировка англійскаго короля и Каннинга съ Меттернихомъ, ненависть къ Австріи, стыдъ за прежніе порядки въ Россіи—все это ведетъ къ осуществленію Лондонскаго договора, а за тѣмъ—*vogue la galère!*—но галера эта, неожиданнымъ образомъ, ударяется въ Наваринъ, куда подводитъ ее Коричій, болѣе могущественный, чѣмъ короли и императоръ. Разуинѣе и практичнѣе, кажется мнѣ, принять здѣсь во вниманіе лишь слѣдующее соображеніе: если только изъ ушорной односторонности можно дѣло грековъ смѣшивать съ дѣломъ испанцевъ, португальцевъ, піемонтцевъ, неаполитанцевъ и здѣшнихъ мятежниковъ, то, тѣмъ не менѣе, все-таки вѣрно и то, что по всей Европѣ якобинцы, всегда руководимые вѣрнымъ тактомъ, предаются явной радости съ тѣмъ поръ, какъ слышатъ, что три державы намѣрены фактически заступиться за грековъ. Они, конечно, понимаютъ различіе между ихъ дѣломъ и греческимъ, а равно и то, что три державы имѣютъ основаніе объявлять, что не намѣрены далѣе терпѣть безчеловѣчнаго обращенія съ греками, и рѣшились защищать ихъ, но видятъ также и то, что различіе это поставлено и заявлено недостаточно рѣзко, дабы эти мѣры въ пользу воюющихъ грековъ, особенно, если оны удадутся, не могли спутать принципотъ, принятыхъ на Карлсбадскомъ, Лайбахскомъ и Веронскомъ конгрессахъ, и вообще ослабить противодѣйствіе якобинизму.

Сегодня императрица пригласила меня къ себѣ; я оставался у ней часть, а затѣмъ отозванъ былъ завтракать къ принцу.

26 февраля. Сегодняшнія берлинскія письма содержатъ два важныя извѣстія: Фоссъ назначенъ состоять при кронпринцѣ, а Каницъ ѣдетъ въ Вѣну. Принцъ сказалъ мнѣ, что Люцовъ писалъ ему, что Каницъ ѣдетъ не

въ Вѣну, а въ Константинополь для того, чтобы посмотрѣть, какъ Миллтиду можно будетъ оправдаться въ обвиненіи, вводимыхъ на него Стратфордъ Каннингомъ и Рибоньеромъ. Принцъ былъ разгѣванъ, и справедливо на то, что ни ему, ни генералу Шелеру ничего не было извѣстно о командировавшемъ подполковника Каница. Императоръ говорилъ ему, что и въ депешѣ Алопеуса упомянуто, какъ Миллтицъ, вопреки волѣ короля, дѣйствовалъ наперекоръ послу. Къ этому императоръ Николай Павловичъ еще прибавлялъ:

— «Тебѣ, какъ шурину (моему), я даже не могу сказать, сколь дурныя услуги оказываютъ королю его посланники, особенно въ Вѣнѣ».

При этомъ случаѣ принцъ разсказалъ объ одной депешѣ Мальцана изъ Вѣны, которая написана была точно подъ диктовку Меттерниха. Такъ какъ вслѣдствіе этого зашелъ разговоръ объ Австріи вообще, то я старался выставить хорошую сторону австрійской политики.

— «Что-же, возразилъ принцъ, развѣ вы находите также хорошимъ поведеніе Австріи въ Германіи, съ (герцогствомъ) Кеттенъ?» и т. д. Въ этомъ я долженъ былъ уступить (ему). «Или вѣшательство Меттерниха въ въ наши внутренніе дѣла?» продолжалъ принцъ.

«Не хорошо, что это случается, отвѣчалъ я, но этимъ предупреждено много вреда; не надо ихъ (австрійцевъ) такъ слушаться, тогда вѣшательство само собою прекратится».

— «Ну, а это вы тоже одобряете, что Австрія теперь противится защитѣ грековъ, но готова содѣйствовать изгнанію турокъ изъ Европы и раздѣленію Турціи?»... Чѣмъ болѣе приближается война, тѣмъ болѣе я думаю о возможности побѣды съ турецкой стороны. Сила русской арміи простирается, на первый разъ, только до 100.000 человекъ.

Послѣ сегодняшняго концерта я былъ приглашенъ къ императрицѣ, и тамъ получилъ извѣстіе, что у меня родился сынъ. Императрица Марія Феодоровна была со мною въ этотъ вечеръ очень привѣтлива. Это все-таки дѣльная женщина.

29 февраля. Вчера, въ 7 ч. вечера, курьеръ привезъ намъ приказаніе: въ 8 часовъ прибыть на вечернее собраніе къ царствующей императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ. Общество было нѣсколько многочисленнѣе обыкновеннаго. Послѣ разговора, продолжавшагося съ полчаса, начали играть въ мушку, а по окончаніи перваго роббера, императрица пожелала играть въ фараонъ (Pharo). Въ это время пришелъ императоръ и, поговоривъ немного, хотѣлъ опять уйти.

— „Mais restez donc“, сказала императрица.

„Non, je ne peux pas“.

— „Et vous ne resterez pas même, quand nous jouons au Pharo?“

„Non, ma chère, et je prie sérieusement de ne pas faire cela, surtout comme nous ne sommes pas entre nous; on en parlera dans la

ville“, а затѣмъ, обратясь къ принцу Виртембергскому, императоръ прибавилъ: „et monseigneur racontera aussi de vous à Stuttgart“.

Вчера пришло извѣстіе о возобновленіи войны съ персами. Съ турецкой стороны шаха подстрекнули къ продолженію военныхъ дѣйствій, такъ какъ, вслѣдствіе предстоящаго разрыва Россіи съ Портою, первая можетъ быть поставлена черезъ это въ большое затрудненіе. Паскевичъ уже имѣетъ извѣстія о сосредоточеніи турецкой арміи силою въ 50.000 человекъ. Персидскою войною Россія не можетъ приобрести лучшей для себя границы, нежели Араксъ. Непостижима для меня та страстность, съ которою судятъ объ этихъ турецкихъ дѣлахъ. Намѣреніе начать войну принцъ называетъ «la bonne cause». Любо въ всю свою патриотическую заботливость возлагаетъ на русскихъ; Дёрибергъ радуется предстоящей кампаніи. Однако, дѣло это, прѣво, совсѣмъ не такъ ясно. Черезъ четыре недѣли выступаетъ гвардія. Для мобилизаціи русскому корпусу потребно шесть недѣль. Сегодня я сирашивалъ принца о хатта-шерифѣ. Императоръ называетъ его вызовомъ, который брошенъ всему христіанству, и заявилъ, что теперь уже нечего стѣсняться. Приказъ о высылкѣ гвардіи отданъ.

5 марта. Нынѣшнее состояніе Европы тревожно во многихъ отношеніяхъ. Опасности, заключающейся въ томъ, что греки суть несомнѣнно союзники либераловъ, мой принцъ не желаетъ понять, а, между тѣмъ, эта опасность, безспорно, существуетъ. Сегодня онъ мнѣ рассказывалъ о томъ, какими образомъ дошли до интервенціи. Сначала императоръ Николай Павловичъ былъ рѣшительно противъ грековъ и объявлялъ ихъ мятежниками, пока не пріѣхалъ Веллингтонъ и не спросилъ, что онъ думаетъ сдѣлать для нихъ? Англія, сказала Веллингтонъ, не можетъ долѣе сносить подобнаго положенія дѣлъ; торговля ея отъ этого страдаетъ, и она рѣшилась сдѣлать что-нибудь для грековъ, которые и къ ней обращались». Тогда императору показалось, что Англія, въ отношеніи грековъ, имѣетъ эгонистическіе планы; онъ сталъ опасаться еще сильнѣйшаго уменьшенія своего вліянія на Порту и подписалъ Петербургскій протоколъ, дабы удержать Англію отъ всякихъ себялюбивыхъ плановъ; отсюда и статья пятая (протокола), согласно которой договаривающіяся державы не могутъ приобрести никакого увеличенія территоріи, ни исключительнаго вліянія; а равно и иныхъ торговыхъ преимуществъ для своихъ подданныхъ, нежели тѣ, которыя могутъ быть приобретены всякою другою націею.

11 марта. Сегодня, по возвращеніи отъ шведскаго посланника, я былъ приглашенъ къ императрицѣ. Тамъ не было никого, кромѣ принца; мы сидѣли у маленькаго углаваго стола. Вскорѣ пришелъ и императоръ (и сказалъ):

— „Imaginez vous, je n'ai pas un papier sur ma table“.

Мы разсматривали англійскія гравюры; онъ поздравилъ меня съ рожде-

нѣмъ у меня сына, прибавивъ: «меня радуешь, что вы получили это извѣстіе здѣсь». (Затѣмъ оцъ спросилъ):

— «Скажите, Герлакъ, будетъ у насъ война или нѣтъ?».

«Вашему величеству это лучше знать, нежели мнѣ».

— «Да я тоже этого не могу знать; *il faut demander le grand Turque*».

Тогда разговоръ коснулся Константинополя; императоръ велѣлъ принести собраніе рукописныхъ плановъ. Если дать туркамъ время, то Константинополь можетъ быть сдѣланъ весьма сильнымъ; къ осадѣ должно присоединиться бомбардированіе. Турки очень хорошо защищаются въ крѣпостяхъ и, какъ говорятъ, всѣ городскіе жители вооружены.

Императоръ встаетъ въ 8-мъ часу, работаетъ до 12-ти, а вечеромъ, съ 9—12, 1—2 ч., такъ что онъ ежедневно семь—девять часовъ проводитъ за работою. Императору доложили, что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ выставлено по 400 и по 500 рекрутъ сверхъ требуемаго числа, и онъ этому радовался.

15 марта. Здѣшній дворъ — единственный въ своемъ родѣ. Никакая герцогиня Нассауская, или принцесса Саксонская не обращаются съ императрицею такъ за-просто, какъ (графиня) Строганова. «*Bon soir*», говорить ей императрица; «*bon soir*», отвѣчаетъ ей та и продолжаетъ (разговоръ) въ такомъ-же тонѣ. Странное является здѣсь смѣтеніе абсолютизма съ свободою обращенія!

Говорятъ, что не сдѣлали никакихъ замѣчаній на латинъ-шерифъ; это очень странно. Мнѣ кажется, что если-бы они (англичане) не могли покончить дѣло миромъ, то соответственно ихъ политикѣ было-бы завладѣть политическимъ операционнымъ объектомъ, и это они могли-бы сдѣлать съ четырьмя—шестью тысячами чел. порядочнаго войска, потому что такихъ силъ достаточно для покоренія Греціи. Такимъ образомъ, они исполнили-бы лондонскій трактатъ, а послѣ этого могли-бы предписать русскимъ миръ, соответственно своимъ обѣщаніямъ.

17 марта. Король (прусскій) не изъявилъ согласія на предложенія императора. Мнѣ становится все яснѣе и яснѣе, что прусская политика прикинеть къ англійской, и въ этомъ я не могу усмотрѣть несчастія. По мнѣнію принца, слѣдуетъ или оставить грековъ на произволъ судьбы или-же выгнать турокъ изъ Европы. Справедливо разсуждаютъ въ Берлинѣ о томъ, какъ легкомысленно связали себя съ Россією Англія и Франція, и о томъ, что онѣ не имѣютъ гарантіи, что Россія не станетъ дѣйствовать безъ нихъ. Съ такъ называемымъ русскимъ вопросомъ у Россіи всегда развязаны руки. Если вспыхнетъ мятежъ въ Валахіи и турки пошлютъ туда войска, то это есть нарушеніе трактатовъ; точно также, если возстанутъ греки, а (ихъ) стануть обращать въ рабство и разрушать церкви. При переговорахъ въ Акерманъ турки обѣщали все это поправить, а теперь опять возникаетъ Восточный

вопросъ. Три державы разрушаютъ наваринскій флотъ, турки запираютъ Босфоръ и пр. и пр., опять нарушеніе Акерманскаго договора. Правильно было-бы, если-бъ обѣ (западнаы державы) гарантировали русскимъ соблюденіе трактата; но онѣ не должны были дозволить имъ односторонняго выполненія онаго.

19 марта. Вчера опять было вечернее собраніе у императрицы. Витгенштейнъ будетъ командовать арміею, а великій князь Михаилъ Павловичъ получилъ въ ней начальство надъ отдѣльною частью. Король (пруссій) отказался отъ того, чтобы вліять на Австрію, дабы она присоединилась къ тремъ державамъ; (онъ отозвался), что это его не касается, и что онъ долженъ выжидать предложеній великихъ державъ. Мысль принца—двинуть одинъ корпусъ (въ Турцію?) — король тоже отвергнулъ. Императоръ Николай держится того мнѣнія, что даже и безъ нарушенія Акерманскаго договора онъ властенъ начать войну; но если онъ такъ поступитъ и не станетъ соображаться съ англійскою политикою, то это можетъ вызвать безконечныя усложненія. При моихъ постоянныхъ утреннихъ бесѣдахъ съ принцемъ, я считаю своимъ долгомъ выставлять ему обратную сторону здѣшнихъ мнѣній, въ особенности-же обращать его вниманіе на то легкомысліе, съ которымъ Англія и Франція подписали договоръ 6-го іюня, а равно и на опасность, которая можетъ возникнуть для Европы со стороны Россіи. Сегодня, однако, я принужденъ былъ согласиться съ принцемъ въ томъ, что, ради Австріи, Пруссія должна-бы была принять русскія предложенія. Но объясненіе этого дадутъ намъ лишь ближайшія депеши изъ Берлина. Говорилъ я тоже съ принцемъ о несправедливости русской политики въ 1812 г., послѣ Эрфуртскаго свиданія.

20 марта. «L'empereur comme chef de l'église», такъ постоянно выражаются русскіе; но это, какъ и все здѣсь, есть только смутное понятіе, не признаваемое церковью. Нѣкоторыя распоряженія императора, какъ напр. то, что онъ ограничилъ (?) соблюденіе поста первою и послѣднею недѣлями или то, что онъ приравнялъ священническихъ дѣтей къ прочимъ подданнымъ, влѣютъ важность для церковной исторіи. Здѣсь находятъ, что, вслѣдствіе вѣротерпимости послѣднихъ государей, русскіе утратили свою религіозность (!). Замѣчательно однако, чего только русскіе не натворили, вопреки существовавшимъ доселѣ (историческимъ) опытамъ. Они необразованы и грубы — такъ вызываютъ себѣ учителей изъ Франціи; не убійтъ ѣздятъ верхомъ — такъ приглашаютъ шталмейстеровъ изъ Германіи; несмотря на всякія мошенничества (мелкаго чиновничества), ихъ финансы въ порядкѣ; не смотря на всякіе обманъ и подлоги (интендантства), ихъ армія сражается хорошо, и съ своею несвободною, безправною, грубою націею императоръ дѣлаетъ безконечно многое.

22 марта. Въ отношеніи греческихъ дѣлъ, графъ Строгоновъ держится

того мнѣнія, что рѣшительный образъ дѣйствій принудитъ Порту къ уступчивости. «Чѣмъ прочнѣе поставлена будетъ Греція, говоритъ онъ, тѣмъ меньше почувствуетъ Европа то потрясеніе, которое произойдетъ, когда колоссальная Оттоманская имперія рухнетъ, вслѣдствіе своѣго внутренняго упадка и своѣй одряхлѣлости. (Впрочемъ) греки совершенно неспособны къ самоуправленію, и надо имъ поставить какое-либо правительство; если-жъ упустить это сдѣлать, то результатомъ будетъ анархія». Въ этихъ воззрѣніяхъ много справедливаго.

Миръ съ Персією заключенъ; объ этомъ императоръ вчера извѣстилъ императрицу запискою, написанною карандашемъ. Принцъ пожегъ эту записку въ каминъ, но я вынулъ ее оттуда, собѣ на память. День окончился вечернимъ собраніемъ у императрицы, которая, при разставаніи, сказала мнѣ, чтобы я пришелъ къ ней завтра послѣ обѣда.

23 марта. Сегодня утромъ мы получили наши ордена. Въ 11^{1/2} ч. я поѣхалъ съ принцемъ на панхиду по императорѣ Павлѣ. Прекрасное пѣніе пѣвчихъ, по крайней мѣрѣ, столь-же назидательно, какъ проповѣдь въ Аннинской церкви. На желѣзной рѣшеткѣ прикрѣпленъ вензель Петра III, и такимъ образомъ нѣлось передъ глазами воспоминаніе объ отцѣ и дѣдѣ императора. Послѣ богослуженія я отправился къ императрицѣ, и пока я тамъ былъ, пришелъ императоръ, и разспрашивалъ меня о разныхъ разностяхъ.

Нынѣшнее усложненіе восточныхъ дѣлъ имѣетъ несомнѣнно одну очень опасную сторону, а именно то, что три державы, частью помимо своѣй воли, заключаютъ чрезъ это союзъ съ якобинизмомъ (!?). Этотъ опасный союзникъ можетъ сильно напомнить о союзѣ значеніи, когда пойдетъ рѣчь объ устройствѣ Греціи, и онъ можетъ водворить тамъ такой порядокъ вещей, который будетъ горше прежняго. Меттернихъ, извѣстася о вторженіи Иисланти въ Валахію, сказалъ: «это только маленькая точка на горизонтѣ, но она скоро разрастется въ сильную грозу».

28 марта. Вчера вечеромъ прибылъ Тюменъ и, къ сожалѣнію, безъ приказанія о нашемъ отъѣздѣ (отсюда). Принцъ писалъ королю, что императоръ предложилъ ему (принцу) принять участіе въ турецкой войнѣ; однако, если-бы король предложеніемъ этимъ былъ недоволенъ, то пусть считаетъ его какъ-бы не сдѣланнымъ. Императоръ думаетъ въ концѣ апрѣля отправиться на Прутъ, осмотрѣть тамъ войско; а если дѣло дойдетъ до занятія княжествъ, то поѣдетъ въ Варшаву.

31 марта. Тюменъ привезъ съ собою константинопольскія донеша. Новое для меня въ нихъ то, что Англія отказала Франціи въ посылкѣ десантныхъ войскъ и кораблей въ Средиземное море, а также заявленіе (Anglais) о томъ, что, въ случаѣ односторонняго дѣйствія со стороны Россіи, она будетъ считать Лондонскій договоръ прекратившимся. Этимъ послѣднимъ (заявленіемъ) здѣсь, повидимому, озадачены. Однако, мнѣ представляется очень натянутымъ

то предположеніе, что Англія желаетъ избавиться отъ лондонскаго договора, не для того, чтобы защитить Турцію отъ Россіи, а для того, чтобы, развязавшись съ данными обязательствами, имѣть возможность одной осуществить свои честолюбивыя планы.

Вчера и сегодня, на разводѣ были (у меня) два замѣчательныхъ разговора съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ. Вчера онъ шутилъ надо мною, по случаю моего утренняго визита къ князю А. Н. Голицыну, и опять называлъ его „le saint Galizin“. „Il est un homme très interessant, возразилъ я, et vraiment pieux“. „Vous le croyez? mais il lit, à ce qu'on dit, des livres que je ne comprende pas“.—„Je crois, monseigneur, par ce que vous ne vous en souciez guère“.—„Oh non, mon cher, je n'aime pas des plaisanterie sur la religion; mais c'est pourtant une différence que la religion et la bigoterie; la religion est une chose au dessus de nous et“.... Миѣ показалось, что онъ (великій князь) былъ нѣсколько недоволенъ мною.

Сегодня мы были приглашены въ малую дворцовую церковь, чтобы послушать пѣніе. Церковныя хоры, общее колѣнопреклопеніе, мысль о томъ, что книга, которую держитъ священникъ, заключаетъ въ себѣ живое слово Божіе: все это сильно на меня подѣйствовало. Затѣмъ, на разводѣ, великій князь подошелъ ко мнѣ и спросилъ, какъ мнѣ поправилось пѣніе? Я отвѣчалъ, что Богослуженіе очень меня разстроило, но что я желалъ, чтобы подлѣ меня стоялъ генералъ Головинъ и объяснялъ мнѣ все, произносимое священникомъ. Тогда онъ началъ выхвалять Головина на всѣ лады, и какъ «brigadier comme il faut» и какъ «un homme excellent, d'une exactitude, d'une douceur», etc. Послѣ этого я спрашивалъ у него о значеніи литургіи и о томъ, насколько (произносимыя во время нея) молитвы касаются страстей Господнихъ, и т. д. На все это онъ мнѣ отвѣчалъ очень милостиво и любезно.

2 апрѣля. Императоръ сказалъ, что онъ ожидаетъ разрыва съ Англіею. Говорятъ, что на Дунаѣ у турокъ имѣется отъ 40 до 50 т. чел., но что настоящая армія стягивается къ Андрианополю, гдѣ находится 10-ти-тысячный кадръ старыхъ войскъ.

4 апрѣля. Вчера принцъ съ Линдгеймомъ и со мною былъ у св. причастія. Послѣ службы мы присутствовали при двухъ церемоніяхъ (въ русской церкви): положенія во гробъ и погребенія (Спасителя). Всѣ преклоняли колѣна и цѣловали гробъ (плащаницу).

7 апрѣля. Въ ночь съ субботы на пасхальное воскресенье мы присутствовали на литургіи, а затѣмъ послѣдовало поздравленіе императора, съ христобованіемъ, и цѣлованіе рукъ у императрицы. Прекрасны, въ самомъ дѣлѣ, эти добзанія съ (привѣтствіемъ) «Христосъ воскресъ», (равно какъ) и отвѣтъ на нихъ; но неумѣстны произносимыя при этомъ шуточки и пере-

суды о томъ, какъ держали себя кавалеры и дамы въ Страстную пятницу, при обрядѣ положенія во гробъ. Въ пасхальное воскресенье мы уже рано прибыли въ церковь; но передъ тѣмъ были одарены пасхальными яйцами. Вечеромъ было собраніе у императрицы, причѣмъ императоръ говорилъ о клятвеннопреступничествѣ и возмутительномъ поведеніи инфанта Донъ-Мигуэля. Денеша Алопеуса изъ Берлина сообщаетъ, что король съ досадою отклонилъ предложеніе о договорѣ съ Россією; но что Вицлебенъ все-таки потомъ заявилъ, что, въ случаѣ разрыва державъ между собою, король, навѣрное, будетъ готовъ держать сторону Россіи, и что въ такомъ смыслѣ высказался и Бѣрнсторфъ. Бѣрнсторфъ также сознался въ томъ, что съ Австрією велись переговоры, относительно предъявленія совѣстныхъ требованій Порты, дабы она сдѣлала уступки, (и это) подъ угрозой нападенія съ ея стороны. Но Алопеусъ призналъ тогда, что это уже слишкомъ поздно (сдѣлано). Прежде повелѣніи принцу возвратиться, король хотѣлъ обождать письма отъ него. Когда, сегодня по-утру, я пришелъ къ принцу, онъ мнѣ прочелъ нѣкоторыя мѣста изъ заявленій (Erklärungen) императора противъ (политики) Англіи; изъ нихъ видно, что еще при Александрѣ Павловичѣ Англія прибѣгала къ интервенціи въ пользу Греціи, когда получено было извѣстіе, что Турція намѣрена замѣнить христіанское населеніе Морей мусульманскимъ. Король тоже писалъ принцу, что онъ дѣлалъ всевозможное, дабы побудить Австрію и Англію поддержать намѣренія Россіи, но что Австрія не хотѣла отступить отъ своего прежняго образа дѣйствій, въ чемъ, по крайней мѣрѣ, она послѣдовательна; но что Англія неправильно поступила, отклонившись отъ своихъ первоначальныхъ обѣщаній. Конечно, можно было уже напередъ знать, что война съ турками не въ интересахъ Англіи; нельзя также укорять и Веллингтона за то, что онъ уклонился отъ путаницы, устроенной Баннингомъ. Исторія новѣйшей европейской политики, начиная со Священнаго союза, и въ отношеніи къ послѣднему, была-бы очень интересна; также была-бы назидательна исторія якобинизма, какъ сатанинской пародіи на священное писаніе... *grande nation... égorger le dernier roi avec les entrailles du dernier prêtre... vox populi vox dei... просвѣщеніе, обскурантизмъ, иллюминаты...* Турція соглашается продолжать переговоры; но отъ нея требуютъ точныхъ предложеній.

10 апрѣля. Императоръ отправляется къ арміи, а императрица въ Одессу. Гриммъ рассказывалъ мнѣ надняхъ, какъ императоръ послалъ его на гауптвахту за булавку, которую тотъ оставилъ воткнутою въ обшлагъ, и какъ черезъ полчаса освободилъ его оттуда, по просьбѣ императрицы. Его братъ-близнецъ одѣвалъ императора; при этомъ оборвалась застежка, а при зашиваніи ея стали ломаться иголки; государь разгнѣвался; наконецъ, застежку исправили, и Гриммъ молить Бога, чтобы она опять не разорвалась. Застежка выдержала; а императоръ, вскорѣ возвратившись, обнялъ Гримма и просилъ его прощенія за свою вспыльчивость.

Теперь и средоточіе армянской церкви тоже (очутилось) подъ русскою властью; курды кочуютъ у подножія сѣвлавшагося русскимъ Арарата, на которомъ, однако, еще не остановилось ковчега съ человѣкомъ, избраннымъ Господомъ для оживленія мертвой земли. Никогда еще христіанство такъ сильно не напирало на Азію, какъ теперь.

Императоръ Александръ Павловичъ двадцать лѣтъ проповѣдовалъ крестьянамъ либеральныя идеи; но при этомъ ничего для нихъ не было сдѣлано.

Графъ Воронцовъ предлагалъ освободить своихъ крестьянъ, но это было отклонено. Мысль о власти господъ, безъ крѣпостныхъ людей, никому здѣсь въ голову не приходитъ.

Каницъ отрубилъ г. Милытца и послалъ его въ Берлинъ. Англія и Россія находятся въ несогласіи относительно границъ Греціи; Англія хочетъ освободить одну Морюю. Французскія вооруженія въ Тулонѣ, какъ говорить, отбѣнены. Австрія не можетъ мобилизовать свои войска, по недостатку денегъ.

17 апрѣля. Третьяго дня я много говорилъ съ Дибичемъ. «Политика европейскихъ державъ такова, сказалъ онъ, что если-бы мы дѣйствительно питали честолюбивыя замыслы, то не могли-бы для себя придумать лучшей, ибо чрезъ то, что онѣ оставляютъ насъ однихъ, онѣ почти понуждаютъ насъ къ завоеваніямъ.

„Англія, вѣроятно, для того хочетъ сохранить свои отношенія съ Портою, чтобы затѣмъ имѣть возможность выступить въ качествѣ могущественнаго посредника.

„До (занятія) Балканъ, эта политика можетъ быть и вѣрна; но если мы перешагнемъ Балканы и выиграемъ сраженіе подъ Адрианополею, то кто поручится за то, что мы не возьмемъ Константинополя *rag un coup de main*, а что-же тогда будетъ? Зачѣмъ австрийцы не занимаютъ Сербіи? Мы должны-бы были ихъ благодарить за это.

„Самое выгодное для Россіи было-бы организовать христіанскіе народы въ самостоятельныя, но зависящія (?) государства, дабы они, когда Турецкая имперія разрушится, имѣли-бы уже свое государственное устройство и не препятствовали русской торговлѣ».

25 апрѣля. Въ понедѣльникъ, 21-го, пріѣхалъ, наконецъ, ожидаемый курьеръ изъ Берлина; но онъ не привезъ рѣшенія короля по сдѣланному

ему принцемъ запросу, такъ что мы все-таки находимся въ неизвѣстности. Время было занято проводами уходящей въ походъ гвардіи.

Англія рѣшительно отклонила сдѣланное Австріею предложеніе—присоединиться къ «трилатеральному» (trilateralen) договору, такъ какъ считаетъ независимость Греціи несоотвѣтствующею ея «position physique».

Теперь, говорятъ, Австрія хочетъ вмѣстѣ съ Пруссіею приступить къ этому договору. Принцъ былъ возмущенъ этимъ предложеніемъ, усматривая въ немъ непослѣдовательность, такъ какъ Австрія прежде даже не признавала принципа интервенціи; я-же ничего особеннаго не нахожу въ этомъ.

26 апрѣля. Вчера вечеромъ принцъ прислалъ мнѣ манифестъ (о войнѣ), нетрудно было-бы противопоставить ему еще лучшій турецкій (манифестъ), но alea jacta est, а написанъ онъ, дѣйствительно, въ умѣренномъ и миролюбивомъ тонѣ, такъ что и меня привелъ въ совсѣмъ мирное настроеніе.

1 мая.Вотъ и война начинается. Окажется-ли Европа согласною и осмотрительною въ виду, такъ называемаго, Русскаго вопроса? Къ счастью, у ней есть Коричій болѣе могущественный, чѣмъ императоры и короли, и пристанище, куда можно укрыться.

2 мая. Участвовать въ войнѣ намъ (пруссакамъ), вѣроятно, не придется. Мнѣ кажется, какъ будто я читалъ интересную книгу и у меня отняли третій томъ, когда я два уже прочиталъ. Не одобрить сего я, однако, не могу, (потому что) много при этомъ такого, надъ чѣмъ можно призадуматься.

Великій князь Михаилъ Павловичъ посадилъ одного офицера подъ арестъ на три дня за то, что тотъ прошелъ въ сюртукѣ передъ фронтомъ баталіона; у другаго офицера онъ приказалъ отнять шпагу, потому что тотъ слишкомъ рано простился съ дядею своимъ, прѣзвѣвшимъ изъ Риги (?).

4 мая. Вчера пришелъ отвѣтъ короля съ отказомъ. Король глядитъ на дѣло такъ-же, какъ и я предполагалъ сначала; онъ находитъ, что на него ляжетъ отвѣтственность, если-бы принцу что-либо приключилось на войнѣ, вѣденной не Пруссіею. Поучительности въ этомъ онъ тоже не усматриваетъ, такъ какъ предстоящая война совершенно другаго рода, нежели всѣ другія.

Вчера былъ (во дворцѣ) дѣтскій балъ. Въ то время, какъ дѣти ужинали, императоръ подозвалъ меня къ себѣ: «Ну, что скажете? Король писалъ мнѣ, а про это дѣло (?) ни слова». Не служить-ли письмо предупреденіемъ императору, который до сихъ поръ еще (стоитъ) на почвѣ права, но уже у послѣднихъ предѣловъ? Я сталъ говорить, что мы, можетъ быть, изъ Берлина прѣдемъ въ армию.

— «Это трудно предположить (отвѣчалъ императоръ); принцъ долженъ-бы былъ прибыть съ корпусомъ войскъ, а этого никогда не будетъ».

Во многіхъ отношеніяхъ было-бы хорошо, еслибъ принцъ отправился къ арміи; (потому что), [можетъ статься, что онъ имѣлъ-бы вліяніе (?) на императора и удерживалъ его въ предѣлахъ справедливости (?). Политики я больше совѣтъ не понимаю: 1) такъ плохо заключенный лондонскій договоръ; 2) поведеніе Англіи, которая даже не отправляетъ императору посла съ инструкціями и полномочіями; 3) развѣ не сдѣлаетъ Англія запроса относительно двусмысленныхъ пунктовъ деклараціи? Почему Англія не приняла предложеній князя Ливена? Почему король (пруссскій) не принялъ предложенія Алопеуса относительно заключенія договора? Какіхъ гарантій Англія, Франція и Австрія требуютъ отъ императора, который сказалъ, что онъ гарантируетъ проходъ черезъ Константинопольскій проливъ такими правилами, которыя не могутъ ни съ чьей стороны встрѣтить противорѣчій?

8 мая. Сегодня день отъѣзда; вчера у насъ были прощальныя аудіенціи. Императрица-мать была въ слезахъ.—«Марія Павловна (принцесса Веймарская, которую ожидаютъ), сказала она, не найдетъ ни одного изъ своихъ братьевъ: тотъ, котораго она болѣе всѣхъ любила, умеръ; двое на войнѣ, одинъ въ отсутствіи. Для тѣхъ, кто такъ много испыталъ, какъ я, подобныя разлуки очень тяжки». Затѣмъ начались похвалы королю, принцу, королевской фамиліи; также милостивое воспомяніе о моемъ маленькомъ Берндтѣ и т. д. Объ императрицѣ Александрѣ Феодоровнѣ императрица-мать отзывалась такъ, что та пользуется всеобщей любовью, «а это есть лучшій даръ въ этомъ мірѣ». Императоръ тоже былъ очень милостивъ. Онъ готовился къ тяжелой борьбѣ, не съ турками, но съ самимъ собою.

Въ Казанскомъ соборѣ было молебствіе, а (затѣмъ) собравшійся передъ церковью народъ привѣтствовалъ императора крикомъ ура! Въ ночь онъ выѣхалъ изъ Зимняго дворца весьма растроганнымъ, цѣловался и прощался со своею прислугой.

Въ 1¹/₂ ч. и мы выѣхали изъ Петербурга, черезъ Царское-Село—въ Берлинъ, а не на войну съ турками. Я успѣлъ еще проститься съ Мейендорфомъ, а также со старикомъ Ливеномъ, который назначенъ министромъ народнаго просвѣщенія.

Еще одна замѣтка, благо я уже пишу, да и перо у меня хорошее. При прощаньи, великій князь наследникъ Александръ Николаевичъ пода-

умъ нашъ сдѣланнаго изъ желѣза гранадера, извиняясь за дурную раскраску его, сдѣланную кантонистами. Князь Долгорукій рассказывалъ объ экипажномъ заведеніи, гдѣ всѣ работы производятся солдатами, для чего и набираютъ людей; (такъ что) при введеніи въ Россію общей воинской повинности, также станеть извѣстными, что воиненная всѣмъ безъ исключенія обязанность состоятъ не въ томъ только, чтобы защищать отечество, но и въ томъ, чтобы дѣлать экипажи и прочія недѣля.

III.

Елагинъ, 1 іюля. Я вмѣстѣ съ принцемъ еще обѣдалъ у короля, въ Шарлотенбургѣ; въ 11 ч. вечера я отправился къ принцу, а въ 12 мы отъѣзжали. Въ Кюстринѣ я обратилъ вниманіе на крѣпостныя постройки; въ Мариенбургскомъ замкѣ надо было осмотрѣть окна. Я ѣхалъ съ докторомъ; на послѣдней станціи передъ Мемелемъ намъ запрягли 20 лошадей. Послѣ остановки въ Мемелѣ, мы переѣхали черезъ границу, въ Полангенѣ. Въ Митауѣ, какъ и всегда, находился генералъ Головинъ.

Затѣмъ путь пошелъ черезъ Ревель, мимо озера Пейпуса, въ Эстляндію. О мѣстности около этого озера не имѣютъ понятія: песчаные, каменныя берега съ немногими деревьями. Нарву мы проѣхали въ совершенно свѣтлую свѣрную ночь, такъ что совершенно ясно можно было различать цифры на верстовыхъ столбахъ. Въ Елагинскомъ (дворцѣ) императорская фамилія приняла насъ на лѣстницѣ. Императрица пожаловала мнѣ руку для поцѣлуя; императоръ поцѣловалъ меня (и сказалъ): «не забыли старика? (den alten Kerl)». Достаточно было причинъ вспоминать о немъ. Канцлеръ оный сказалъ: «Вы сдѣлались на половину русскими». Возстаніе въ Польшѣ курляндцы считаютъ весьма опаснымъ для Россіи; у нихъ крестьяне тоже стали-бы на сторону поляковъ и замгли-бы замки своихъ господъ. Въ Курляндіи нѣтъ войскъ, а потому (тамашнее) дворянство принимаетъ мѣры для самаозащиты.

Въ пятницу утромъ мы дѣлали визиты посланникамъ. Вечеромъ было собраніе у императрицы. Передъ тѣмъ императоръ привалъ Каница въ свой кабинетъ, говорилъ съ нимъ о полякахъ и разразился обвиненіями противъ нихъ. Каницъ пытался извинять ихъ, но императоръ возразилъ ему: «*Многіе сужданъ уклониться отъ этого (мятежа), слѣдовательно это можно было сдѣлать; но ces polonais sont des gens sans foi ni loi, sans religion; ils sacrifient tout à un phantome de nationalité. J'ai dis à Lubinsky: je te pardonne, mais ta conscience ne te pardonnera jamais. Et ce Szembeck, avec lequel j'ai parlé comme je parle avec vous!*..» а т. д.

Вечеромъ императоръ говорилъ со мною объ опасномъ положеніи Европы. Я замѣтилъ на это, что теперь дѣла стоять совсѣмъ иначе, нежели въ 1813 и 1814 гг., когда всѣ единодушно возстали противъ Наполеона.

«А почему-же (возразилъ онъ) этого опять не можетъ быть?»

— «Англія!»

«Кто можетъ намъ что-либо сдѣлать, если мы трое будемъ держаться другъ друга? Съ революціями шутить нельзя; надо ихъ подавлять пока можешь, иначе онѣ перерастутъ насъ».

На обѣдѣ у Галена, гдѣ я былъ вмѣстѣ съ Каницемъ, находились, кромѣ меня, все новыя лица. Передъ весьма скучнымъ баломъ насъ посѣтили Гоэнлозъ и Дёрнбергъ. На балу я въ первый разъ могъ представиться великому князю Михаилу Павловичу; онъ былъ весьма милостивъ и тотчасъ-же заговорилъ со мной о политикѣ:

«Avant tout il faut être juste... les malheurs de l'Europe ont commencé avec cette malheureuse Grèce»...

Я (сталъ говорить великому князю) о негѣности народнаго главенства.

«Je vois bien, monsieur, отвѣчалъ онъ, que nous sommes d'accord; nous sommes des éteignoirs, des satrapes de la despotie».

Когда англійскій посоль сталъ дѣлать императору Николаю представленіе по случаю блокады Дарданелловъ, государь отвѣчалъ ему, что Англія вѣдь можетъ потопить его флотъ, и что онъ приготовился къ этому, «mais osez le faire!»

А почему Англія не пошла этого сдѣлать? По такимъ причинамъ, которыя теперь истекаютъ изъ взгляда на вещи, наиболѣе соответствующаго взглядамъ императора. А, между тѣмъ, этотъ государь не усматриваетъ въ какой мѣрѣ его тогдашняя политика, вмѣстѣ съ политикою другихъ государствъ, виновна въ нынѣшнемъ положеніи дѣлъ: онъ бравировалъ (?) прочно установленный миръ и не взял во вниманіе (принциповъ) Священнаго союза. Каницъ имѣлъ продолжительный разговоръ съ императоромъ объ европейскихъ дѣлахъ.

— «Je n'ai pas voulu, сказалъ государь, faire une croisade, pour placer de nouveau Charles X sur le trône; il a été la cause de ses malheurs, par les fautes qu'il a commis. Mais il y a une grande différence entre une guerre et la manière comme on a agi, en reconnaissant Louis Philippe de prime abord; avant tout il faut être honnête homme»... На 90-й день послѣдній эшелонъ русской арміи могъ-бы быть на Одерѣ... «Surtout les raisons, qu'on a alléguées pour la nécessité de reconnaître Louis-Philippe m'ont effrayé: on m'a assuré d'être dans l'impossibilité de faire une guerre contre l'opinion publique».

Канницъ возразилъ императору, что этого и нѣтъ: «c'est l'idée d'un peckin, sire, si j'ose me servir d'une expression de hussard».

Петергофъ, 3-го іюля. Въ воскресенье, послѣ богослуженія въ Красномъ селѣ, мы посѣтили наложѣнное отдѣленіе императорскихъ кадетскихъ корпусовъ. Они (дѣти) состоятъ еще подъ женскимъ надзоромъ. Въ императорскихъ заведеніяхъ воспитываются 6.000 молодыхъ дворянъ и 9.000 солдатскихъ дѣтей. Объ одномъ изъ этихъ мальчиковъ императоръ рассказывалъ, что онъ родителями своими былъ посланъ въ саніяхъ прямо изъ Бессарабіи. Если какая-либо страна можетъ доказать, то культура исходитъ не изъ школы—то это Россія; ибо кто тамъ воспитывается и обучается!

Вчера императоръ высказалъ свою нескрываемую ненависть къ Франціи: «ce qu'on appelle roi en France».

Маленькій великій князь Николай Николаевичъ—чудно-красивое дитя: бѣленькій, кругленькій и притомъ такъ дѣтски серьезень, что прелесть. Я сказалъ про него Канницу: «c'est l'homme le plus aimable de la Russie», а тотъ пересказалъ это другимъ. Игры государя съ дѣтскими, въ средневѣкового вида котеджѣ¹⁾, при чудной наружности императора и императрицы, представляютъ прекрасную картину. Во время парада императоръ поставилъ маленькаго великаго князя Александра Николаевича на линію прохожденія войскъ, на ряду съ другими флигель-адъютантами. Это тоже либерализмъ, только другого рода. Впрочемъ, принцъ этотъ держался твердо на мѣстѣ, когда высокіе солдаты шли прямо на него. Сегодня мы обѣдали и провели вечеръ въ котеджѣ. Вечеромъ я сидѣлъ за однимъ столомъ съ императоромъ и императрицею. Одинъ столъ, у окна, стоялъ высоко, другой—пониже. «C'est la chambre haute et la chambre basse», сказалъ принцъ.

— «Ne me parlez pas ici de constitution», возразилъ императоръ.

9 іюля. Третьяго дня былъ день рожденія императора. Ему лично, ему, какъ властителю Россіи, ему, какъ европейскому монарху, право, можно пожелать счастья. Праздникъ начался съ парада, (на которомъ) императоръ, въ своемъ красномъ мундирѣ, былъ великолѣпенъ; затѣмъ—обѣдня, baise-main, обѣдъ, балъ. Императрица открыла на моемъ лицѣ непріятное ей праздничное выраженіе. Сегодня по-утру мы поѣзжали въ Кронштадтъ. Поѣздка была очень пріятна и поправилась Канницу. Кромѣ цитадели и крѣпостныхъ верховъ, мы осмотрѣли госпиталь, гдѣ находились и арестанты съ бритыми лбомъ или наполовину выбритою головою. Между ними навѣрное были и литовскіе дворяне, потому что многіе изъ нихъ, несмотря на одѣваніе и бритую голову

¹⁾ Александрин.

нѣли видъ очень порядочныхъ людей. Каницъ замѣтилъ, что надо имѣть въ себѣ самоѣ что-либо, чтобы въ такомъ нарядѣ имѣть порядочный видъ.

Укрѣпленія очень красивы, особенно построенныя изъ неправильныхъ глыбъ гранита. При своемъ воцареніи, императоръ нашелъ только одинъ линейный корабль, годный въ дѣло; теперь-же онъ, въ Балтійскомъ морѣ, скоро будетъ имѣть 17 линейныхъ кораблей и столько-же фрегатомъ. При видѣ одного французскаго судна, императоръ разсердился на его трехъ-цвѣтный флагъ. Матросъ, стоявшій у лѣстницы, по которой восходили на пароходъ, былъ еврей; въ Маринскомъ госпиталѣ лежало двое еврейскихъ мальчиковъ изъ Митавы. Въ послѣдній праздникъ Пасхи, императоръ сказалъ стоявшему у дверей его комнаты часовому: «Христосъ воскресъ», чтобы затѣмъ, при отвѣтѣ: «воистину воскресъ», по-русскому обычаю, поцѣловать его. Но часовою оказался магометаниномъ, и отвѣчалъ: «никакъ нѣтъ, не воскресъ, я татаринъ».

Сегодня я имѣлъ продолжительныя бесѣды съ Чернышевскимъ и Бенкендорфомъ. Съ первымъ—о военныхъ и войскахъ. Съ Бенкендорфомъ я говорилъ о положеніи дѣлъ въ Германіи. Великая княгиня Елена Павловна опять очень разумно рассуждала о германскихъ дѣлахъ и замѣтила, что прежде нѣмцы обращались со своими властителями съ большимъ почтеніемъ, нежели то дѣлаютъ русскіе. Бенкендорфъ не отрицалъ, что въ Россіи существуетъ значительный запасъ либерализма, но увѣрялъ, что императоръ, свачага вовсе не любимый, теперь обожаемъ народомъ и войсками.

13 іюля. Сегодня, во время празднествъ, по случаю дня рожденія императрицы, я говорилъ съ Банкринимъ. Индустрію, искусственно созданною посредствомъ меркантильной системы, Россія будетъ удерживаться въ состояніи варварства, такъ какъ система эта прямо дѣлаетъ невозможнымъ существованіе цеховъ и корпорацій (?). Въ западной Европѣ индустрія была послѣдствіемъ цеховъ и корпорацій; здѣсь она перешагнула черезъ нихъ; отсюда отсутствіе противоположности между городами и остальною странюю, противоположности, въ которой содержатся условія свободы для земледѣльца, а также существованія средняго сословія, *tiers-état*.

18 іюля. 14-го числа опять былъ разводъ. Прохожденіемъ караула, состоявшаго изъ 21-го человѣка, занято было много лицъ, между прочими 31 генералъ и множество адъютантовъ. Затѣмъ была поѣздка водою на Благовѣ; пошелъ дождь, и всѣ усѣлись подъ наметъ, вокругъ августѣйшихъ особъ. Нельзя отрицать, что съ болотистою при-Невскою мѣстностью, лежащею вблизи сѣвернаго полюса, сдѣлано все, что возможно было сдѣлать. 15-го числа происходило большое гулянье на Благовѣ, мы сопровождали императора и великаго князя Михаила Павловича, который былъ очень милостивъ и много остритъ. Полковые музыканты играли; крестьяне и крестьянки пѣли, раздѣленные на два хора; при этомъ, множество жандармовъ. При

посканіи фейерверка слышно было, какъ стояшіе на мосту люди кричали ура. «*Ils crient hurrah, heureux gens!*» сказала маленькая подвижная великая княжна Александра Николаевна. Вечеромъ императрица рассказала это своему супругу, который, однако, остался совершенно серьезнымъ; ему это «*heureux*» представлялось не столь яснымъ, какъ его дочери. Когда императоръ вошелъ, то, отозвавъ Каница и меня въ уголокъ комнаты, рассказалъ намъ, какъ въ англійскомъ парламентѣ его называли «*un Néron, un cannibal*», и (говорили), что въ англійскомъ лексиконѣ нѣтъ слова, для обозначенія того, что онъ такое. Лордъ Дургамъ призываетъ (сюда), дабы заявить о трактатахъ относительно Польши. Каницъ опять имѣлъ продолжительный разговоръ съ императоромъ, относительно признанія Луи-Филиппа королемъ, причѣмъ снова отрицалъ, что общественное мнѣніе воспрепятствовало намъ (пруссакамъ) начать войну.

— «*Aussi longtemps, сказалъ при этомъ императоръ, que nous aurons une goutte de sang dans nos veines, ni moi, ni mon fils nous ne rétablirons cette armée polonaise.*»

Я всегда порицаю Каница (чего онъ, впрочемъ, по правдѣ сказать, не заслуживаетъ), за то, что онъ смущаетъ императора въ его здоровомъ возрѣніи на нынѣшнія обстоятельства. Развѣ слѣдовало немедленно поднять мечъ, чтобы быть повинутымъ: Россію—навѣрное, а Австрію—вѣроятно? Нѣтъ, «*avant tout, il faut être honnête homme*», какъ говоритъ императоръ, все прочее само-собою устроится. (Слѣдовало-бы) не признавать Луи-Филиппа, осудить июльскіе дни, сообразно этому, принять мѣры обезпеченія противъ мятежной Франціи, чтобы охранить себя отъ вторженія, тогда все остальное должно было-бы сдѣлаться само собою: 1) общественное мнѣніе было-бы дружитъ, потому что энергическое, рѣшительное слово всегда убѣждаетъ и закупаетъ; 2) Франціи пришлось-бы въ такомъ случаѣ или силою добиваться признанія, и тогда явилась-бы наступательная война и надо было-бы защищаться, или-же партія «*juste milieu*» овладѣла-бы правленіемъ, воспрепятствовала войнѣ, и тогда Луи-Филиппъ вынужденъ-бы былъ сблизиться съ легитимизмомъ, сойтись съ Бурбонами. Вотъ, объ этомъ-то послѣднемъ должна-бы была стараться дипломатія. Успѣхъ (дѣла) необходимо было предоставить волѣ Божией; но не творить зла для того, чтобы изъ него вышло добро. Это представляется мнѣ ни непрактичнымъ, ни невозможнымъ, и оно привело-бы, можетъ статься, къ болѣе прочнымъ результатамъ; между тѣмъ, какъ настоящее положеніе вещей останется ненадежнымъ.

Императоръ Николай Павловичъ отправился вчера въ Кронштадтъ для того, чтобы принять лорда Дургамъ на своемъ кораблѣ, въ качествѣ путешественника, какъ онъ приказалъ ему сказать. Такъ все и произошло. (О (ихъ) собесѣдованіи мы узнали во время обѣда подъ навѣсомъ балкона въ

котеджѣ, гдѣ мы, въ числѣ семи человекъ, сидѣли съ императоромъ и императрицею. Узнали тоже, что оно прошло довольно дружелюбно. «Je me signeraï toujours: Nicolas cannibal», сказалъ императоръ Дургану. Говорятъ, что, по поводу непринятія выраженій (въ парламентѣ) лордъ извинился передъ княземъ Ливеномъ и сказалъ: «Nous ne voulons pas la propagande révolutionnaire et nous ne l'avons jamais voulu».

Во время обѣда императоръ говорилъ о полякахъ, о таможенныхъ пошлинахъ; а вспоминая о своемъ отцѣ, выразился такъ: «mon père, qui avait quelques fois des accès d'humeur un peu violents». Императрица засмѣялась.

Въ 8 часовъ мы поѣхали въ Красное Село, гдѣ находилась Дерибергъ и гдѣ, нѣсколько по походному, спали мы на диванѣ, а императоръ — въ наметкѣ.

22-го іюля. Сегодня, при смотрѣ флота въ Кронштадтѣ, осматривали тоже англійскій корабль «Талаверн», привезшій лорда Дургана. Императоръ осматривалъ его очень внимательно, съ верху до низу, и замѣтилъ, что все существенное находится въ отличномъ состояніи; но русскіе суда были какъ-бы опрятнѣе. При видѣ англійскаго пастора, находившагося на кораблѣ, въ своемъ священническомъ облаченіи, императоръ замѣтилъ: «comme ce costume du prêtre anglais est beau; si digne, si simple». Русскіе, зараженные самолюбивіемъ, конечно, находили, что у нихъ все лучше, и что ихъ флотъ — первый (въ мірѣ). За обѣдомъ въ котеджѣ говорилось о томъ, что Англія близка къ революціи. Послѣ обѣда я пошелъ къ маленькому Александру Голицыну, который тотчасъ-же завелъ со мною бесѣду о духовныхъ вопросахъ. Въ разговорѣ мы тоже остановились на расслабленности и индеферентизмѣ нашего времени, на такъ называемомъ «juste milieu». Кто теперь свободенъ отъ этого? Даже самъ Николай Павловичъ не знаетъ ничего иного, какъ «habileté au milieu des extrêmes». Сегодня, въ 10 часовъ утра, былъ разводъ, въ 11—обѣда. Мердъръ, воспитатель маленькаго великаго князя Александра, жаловался на безнокійную суетяность придворной жизни, которая сильно мѣшаетъ ему въ дѣлѣ воспитанія; также говорилъ онъ о той ответственности передъ Богомъ и людьми, которая лежитъ на немъ, какъ воспитателѣ будущаго государя, олицетворяющаго собою законъ для 50-ти милліоновъ и имѣющаго долгое время оставаться таковымъ.

Въ 4 часа былъ обѣдъ, на которомъ присутствовали: австрійскій посолъ и лордъ Дурганъ. Мы просили представить насъ ему, а затѣмъ отправились виѣстѣ съ нимъ къ принцу, у котораго онъ долго оставался. Послѣ его отъѣзда принцъ вышелъ и рассказалъ мнѣ и Галену свою бесѣду съ нимъ: «N'est ce pas, monseigneur, сказалъ Дурганъ, vous êtes aussi de l'opinion de supprimer ces petits princes de l'Allemagne?» — «Non, возразилъ принцъ, je ne crois pas que ce soit nécessaire, quand les petits princes suivent les grandes puissances en cas de besoin».

Сегодня вечеромъ былъ балъ. Съ лордомъ Дургамомъ заговорила императрица, передъ тѣмъ спрашивавшая меня: о чемъ ей съ нимъ говорить, такъ какъ императоръ запретилъ ей касаться политики. «Я вамъ все-таки должна дать отчетъ, сказала она мнѣ потому, я говорила съ нимъ о его дѣтяхъ и о его замкѣ, переходившемъ въ теченіе тысячи лѣтъ отъ отца къ сыну».

25-го іюля. Сегодня мы ѣздили на парождѣ въ Петербургъ; день былъ очень безпокойный, такъ что я и Каницъ замѣтили, что мы сегодня, должно быть, празднуемъ «la fête de St. Pachol!» (пошалъ!) Императоръ взялъ съ собою многихъ кадетовъ, а также маленькихъ черкесовъ и, какъ всегда, былъ очень ласковъ съ этими дѣтьми. Во время дождя, захватившаго насъ, Каницъ и я остались одни съ императоромъ на палубѣ; онъ былъ очень веселъ и потребовалъ, чтобы продолжали подавать обѣдъ. «Ce temps, сказалъ онъ, est aujourd'hui, d'après une expression de la famille de ma femme, mummulackissime».

Вчера было вечернее собраніе въ котеждѣ; императоръ пришелъ къ ужину и сказалъ: «Les Polonais se sont adressés à lord Durham, mais il leur a donné une réponse très bonne et très ferme». Онъ (лордъ) далъ императору честное слово, что его миссія не имѣетъ особенныхъ цѣлей, и что Польша, во всякомъ случаѣ, не является главною цѣлью, а скорѣе—Бельгія. Изъ его рѣчей можно заключить, что онъ чувствуетъ потребность оправдать себя и свою партію. Сегодня Гоэнлозъ рассказывалъ мнѣ о томъ, какое дурное настроеніе господствовало въ Россіи во время польской-войны. Такъ было въ началѣ 1812 года, такъ бываетъ и при всякой несчастной войнѣ: старорусская партія тогда сейчасъ поднимаетъ голову.

Къ англичанамъ съ корабля «Талавера» императоръ относится особенно внимательно.

Императоръ постоянно ночуетъ въ красносельскомъ лагерѣ (гдѣ мы тоже присутствовали на маневрѣ 1-й гвардейской пѣхотной дивизіи), а обѣдать призываетъ къ императрицѣ. Вечеромъ и мы къ ней отправились. Изъ Парижа прибыла твоя съ книгами. Его Величество самъ вскрывалъ ихъ, говоря: «Tale of my landlord. C'est pour vous» (императрицѣ). „La nuit du 15 août à Varsovie,—c'est pour Canitz“. „Rapport sur l'instruction publique—c'est pour Gerlach“. „Nouveaux griefs des cabinets de l'Europe contre le cabinet de la Russie—cela doit être jolie, je le garderai pour moi“.

Во время маневровъ гвардіи, лордъ Дургамъ сказалъ мнѣ, что англичане народъ не воинственный и не любятъ, подобно французамъ, военныхъ экзерсицій. Я напомнилъ ему побѣды Веллингтона. Они (англичане), возразилъ онъ, скорѣе упорны.

Вечеромъ, за чаемъ, императоръ рассказывалъ мнѣ про бытъ казаковъ, и объяснялъ мнѣ все съ своею обычною снисходительностью.

Вчера вечеромъ мы еще разъ были на зарѣ съ церемонією въ лагерѣ.

Сегодня утромъ мы представлялись (великому князю) Михаилу Павловичу, который засталъ насъ въ своей палаткѣ и говорилъ о Польшѣ и о состояніи Европы. «Un pauvre vermisseau comme moi, сказалъ онъ, ne peut pas se mêler de la politique, mais il me parait cependant un devoir de s'opposer à la révolution». Сегодня вечеромъ Николай Павловичъ, какъ обыкновенно, выражалъ свое отвращеніе къ июльской революціи, говоря, что ему всегда чрезвычайно хочется растоптать ногами трехцвѣтную кокарду. Я замѣтилъ, что, вѣроятно, настанетъ когда-нибудь, время, когда противъ трехцвѣтной кокарды приказано будетъ обратять оружіе. Кто-то привелъ разсказъ изъ мемуаровъ Людовика XVIII и о предсказаніяхъ Казотта (Casottes) передъ французскою революціею. Императоръ, хотя утопленный ученьемъ, слушалъ внимательно, и заключилъ этотъ разговоръ слѣдующими словами: „Il n'est pas donné à nous de savoir l'avenir; chacun doit marcher hardiment dans la trace qui lui est montré“. Этому правилу добрый императоръ до сихъ поръ вѣрно слѣдовалъ. Напрасно было касаться такихъ предметовъ въ его присутствіи.

31 іюля. Что за чудныя лошади въ Россіи, думалъ я вчера утромъ, при осмотрѣ ремонтныхъ, которые императоръ распредѣлялъ самъ. Къ обѣду у великаго князя Михаила Павловича великая княгиня появилась съ весьма нездоровымъ видомъ. Она, кажется, не очень восхищена Россіею, и полагаютъ нужнымъ, чтобы русскіе иногда ѣздили за-границу, чтобы цивилизоваться. Послѣ стола великій князь поѣхалъ съ нами въ садъ и по окрестностямъ и показывалъ китайскій домикъ, въ которомъ жила Екатерина, и камень, на которомъ она сидѣла. Вечеромъ, въ котеджѣ зашла рѣчь объ Ораніенбаумѣ, а также о томъ, какъ Екатерина уѣзжала изъ Петергофа въ Петербургъ, и подняла тамъ Измайловскій полкъ; какъ Петръ III бѣжалъ въ Кронштадтъ, не былъ туда впущенъ и т. д. Весѣдуя съ Адлербергомъ, Бенкендорфомъ и Мердеромъ, я навелъ разговоръ о проявляющейся при всѣхъ революціяхъ реакціи противъ иностранцевъ. Бенкендорфъ согласился съ этимъ, но отвергалъ взаимное нерасположеніе между русскими и нѣмцами, допускаемое Лобановымъ. Событія 1762-го г. Бенкендорфъ объявилъ необходимыми. За ужиномъ зашла рѣчь о германскихъ контингентахъ и о томъ, что сословныя собранія (Stände) не соглашаются оставить военный бюджетъ въ настоящемъ положеніи или увеличить его. Я сказалъ, что мекленбургцевъ нельзя включать въ число другихъ; но это, повидимому, не убѣдило его величество. „Cela viendra“, отвѣчалъ онъ. Какъ важно было-бы уяснить это дѣло.

1 августа. Разговоры, подобныя происшедшимъ вчера вечеромъ, когда шла рѣчь о Петрѣ III и когда пренебрежительно отзывалась о сословныхъ собраніяхъ Мекленбурга, дадутъ поводъ къ серьезнымъ политическимъ размышленіямъ. Какъ можно такъ легко отзываться о германскихъ собраніяхъ, когда не знаешь даже, что это такое за собранія, и когда ни исторія, ни

наука не внушила намъ, что въ чемъ-нибудь подобномъ является надобность. Развѣ дѣла хорошо шли здѣсь, гдѣ Петръ I приказалъ казнить собственного сына за то, что онъ принадлежалъ къ консервативной партіи; гдѣ Меншиковъ, послѣ смерти Екатерины I, хотѣлъ сдѣлаться самовластнымъ, посредствомъ брака своей дочери съ Петромъ II... Бенкендорфъ, въ известномъ смыслѣ, правъ...

Развѣ германскія конституціи столь достойны отверженія? Однѣ изъ нихъ остаются вполне чистыми; другія приобрѣли известную степень легитимности; онѣ не подвигаются къ явобинизму, но отдаляются отъ него. Слѣдуетъ ограничивать конституціи, отстранить отъ нихъ ложь и нечестности; но съ остальнымъ держала себя честно, безъ „reservations mentales“, которыя, по моему понятію, совершенно неопозволительны.

6 августа. Маневры послѣднихъ дней привели меня къ слѣдующимъ выводамъ: русскій солдатъ ходитъ превосходно, обладаетъ варварскою (?) силою въ перенесеніи походныхъ трудовъ, но и варварскою основою безпорядочности. Почему присутствіе Николая Павловича въ первомъ турецкомъ походѣ было столь тягостнымъ маленькому Дибичу—это тоже стало для меня яснымъ. Страсти въ фронту весьма противны тѣ неправильности, которыя встрѣчаются на войнѣ; здѣсь и выражается чистосердечно, что «война портитъ армию». Поэтому и являются разныя сомнѣнія насчетъ войны, — что однажды и отразилось здѣсь, когда въ котеджѣ зашла рѣчь объ этомъ. Государю, впрочемъ, никто не высказываетъ правды, а говорятъ лишь то, что ему по сердцу. Вчера, въ воскресенье, былъ взвѣтравъ въ Монпельзирѣ, откуда смотрѣли на морскіе маневры кадетовъ. Императрица подозвала меня и спросила: «Герлахъ, какъ вамъ понравился красный человекъ (Дургамъ)?» «Не особенно; въ Берлинѣ думаютъ, что его послали сюда, чтобы отдѣлаться отъ него». «Это навѣрно такъ; княгиня Ливенъ тоже пишетъ, что Англія и Европѣ была-бы оказана услуга, если-бы онъ отосланъ былъ отсюда постыженнымъ». Здѣсь онъ держалъ себя хорошо. Вечеромъ, на балу, императоръ долго говорилъ съ лордомъ Дургамомъ о полученной изъ Нидерландовъ депешѣ, суда по которой король Вильгельмъ дѣлаетъ уступки по многимъ пунктамъ. По моему мнѣнію, задержка въ передачѣ Антверпена есть единственная хорошая вещь въ этомъ дѣлѣ; какъ состоится остальной договоръ о раздѣленіи (съ Бельгіею)—это довольно неважно. Когда лордъ Дургамъ порицалъ вмѣшательство большихъ державъ во внутреннія дѣла мелкихъ владѣній, какъ дѣло несправедливое, то Фикельмонъ замѣтилъ ему, что до германскихъ порядковъ Англія имѣетъ дѣла. Теперь, на самомъ дѣлѣ, Германія замѣчательно свободна отъ чуждыхъ вліяній.

Въ пятницу, въ день рожденія короля, мы приглашены были на завтракъ къ императрицѣ. Ночь съ среды на четвергъ мы провели въ чуковской деревнѣ, въ крестьянской избѣ, бревенчатомъ домѣ съ закоптѣлымъ потолкомъ,

бѣлосурими ребятишками и плачущею хозяйкою, у которой забрали сѣно. У мужиковъ есть молоко и яйца, и обстановка ихъ кажется почти лучшею, нежели въ Польшѣ; они, впрочемъ, и слывуть за болѣе порядочныхъ людей.

На маневрѣхъ императоръ рассказывалъ намъ, какъ онъ, будучи еще великимъ княземъ и прибывъ въ одну изъ этихъ (чуконскихъ) деревень, долженъ былъ оставаться въ кухнѣ, потому что хозяйка не пустила его въ жилую комнату. Новая Финляндія пользуется, кажется, относительно хорошими внутренними порядками; но тутъ мнѣ, вмѣстѣ съ либералами, хотѣлось-бы сказать, что для нея нѣтъ никакихъ гарантій. Старую Финляндію, присоединенную къ новой, совершенно обрусили.

Во время маневровъ Фикельмонъ замѣтилъ, что завоеваніе Швеціи, которому никто, за исключеніемъ развѣ Англіи, не могъ-бы помѣшать, было-бы опасѣннѣишмъ направленіемъ для русскаго завоевателя. На балу я бесѣдовалъ съ княземъ Волконскимъ о русскомъ сельскомъ хозяйствѣ, а съ Гогелемъ, еще разъ, — о Сибири. Тамъ существуютъ три горнозаводскихъ округа, изъ коихъ два принадлежатъ казнѣ, а одинъ—въ частномъ владѣніи. Гофмаршальскій столъ, вчера, какъ и сегодня, уподоблялся табль-д'оту: каждый старается прежде всего выбрать мѣсто для самого себя.

7 августа. Лордъ Дургамъ заявляетъ, что онъ здѣсь нашелъ все совершенно инымъ, нежели предполагалъ. Онъ говоритъ, что отношенія императора къ своей арміи, къ своимъ слугамъ ему очень понравились; что дворъ держитъ себя гораздо непринужденнѣе и свободнѣе, чѣмъ дворъ англійскаго короля, и т. д. Такимъ образомъ и онъ—лордъ, старинный дворянинъ, знатный членъ, потерялъ вкусъ къ произвольной покорности и къ горделивому смиренію при дворѣ государя свободной страны, и находитъ, что русскій дворъ лучше, благодаря отсутствію этихъ благородныхъ (?) формъ и отношеній! Я сейчасъ подумалъ, что либералъ не можетъ имѣть такого политическаго образованія, чтобы поддѣлать и при дворѣ темныя стороны русскаго быта. Значитъ у него совершенно исчезло понятіе о связи парламентаризма съ этими предметами, и открыта дорога къ союзу деспотизма съ якобинствомъ (!?).

Сегодня, за обѣдомъ, даннымъ штабъ-офицерамъ гвардіи, я сидѣлъ подлѣ генерала Веймарна, въ которомъ нашелъ человѣка вѣрующаго, что для меня было истиннымъ утѣшеніемъ. Великаго князя Михаила Павловича онъ признаетъ человѣкомъ богобоязненнымъ, религіознымъ, который, между прочимъ, настаиваетъ на томъ, чтобы кадетамъ каждое воскресенье говорили проповѣди. Веймарнъ радовался тому духу, который школою Сарторіуса внесонъ въ Лифляндскую церковь.

9 августа. Вчера по утру, въ Казанской церкви, я первый разъ въ моей жизни, присутствовалъ при русской проповѣди. Священникъ стоялъ за аналоемъ и говорилъ съ весьма спокойными жестами; изъ стоявшихъ кругомъ людей мало кто слушалъ его внимательно. Вечеромъ, въ котеджѣ, я говорилъ

объ этомъ съ императрицею; она сказала мнѣ, что во дворцѣ никогда не говорятъ проповѣдей, потому что не могли-бы вынести долгаго стоянія послѣ литургіи. Въ Москвѣ проповѣди произносятся.

10-го августа. Сегодня былъ смотръ флоту. Нельзя ничего себѣ представить великолѣпнѣе этихъ 41 военныхъ судовъ, изъ которыхъ 17 линейныхъ кораблей, выстроенныхъ по одной совершенно прямой линіи, разцѣпченныхъ флагами и привѣтствующихъ императорскій катеръ 3,000 пушечныхъ выстрѣловъ. На палубѣ корабля «Петръ I» завтракали, а потомъ и обѣдали. Чернышевъ рассказывалъ мнѣ, какъ съ 1809 по 1811 годъ онъ состоялъ при Наполеонѣ, пользовался его довѣріемъ, и сообщалъ императору Александру непосредственно важнѣйшія донесенія. Свои переговоры съ Наполеономъ, исполненные фальши, лжи и пустословія, онъ записалъ. Въ Таганрогѣ, при императорѣ Александрѣ Павловичѣ, находились только онъ, Чернышевъ, Дибичъ и князь Волконскій. Послѣ кончины императора, — который зналъ о заговорѣ, но извѣстіе о комъ, при своемъ тогдашнемъ настроеніи, принялъ совершенно равнодушно, — пришлось немедленно принять (необходимыя) мѣры. Дибичъ былъ занятъ дѣлами, Волконскій оставался при императрицѣ, такъ что онъ (Чернышевъ) долженъ былъ ѣхать въ Тульчинъ, чтобы распорядиться арестованіями. Порученіе было затруднительное. Онъ явился къ Витгенштейну, но тотъ не хотѣлъ вѣрить ему, пока онъ у одного изъ виновныхъ не вынудилъ признанія. Пестеля Чернышевъ называлъ гениюхъ Муравьева Апостола — человѣкомъ рѣшительнымъ; арестовать ему пришлось и бригадныхъ адъютантовъ, и полковыхъ командировъ.

Благодаря (особеннымъ условіямъ своего положенія), императоръ Николай Павловичъ, живущій лучшія намѣренія и пользующійся общою любовью, въ чемъ не успѣваетъ и видитъ намѣренія свои повсюду извращенными.

Утоленнымъ вернулся я съ парохода домой. Насъ пригласили на вечеръ въ котеждъ. Тамъ были получены письма изъ Лиссабона. Императоръ Николай осуждалъ Донъ-Мигуэля за его клятвopреступничество; князь и я старались защищать его; но императоръ не соглашался съ нашими доводами и повторялъ, что тотъ, кто нарушаетъ клятву — дурной человѣкъ и что подобныя уловки свойственны иезуитамъ. Я еще разъ попытался на защиту, но это не помогло. Я сидѣлъ рядомъ съ Волконскимъ, рассказывавшимъ о путешествіяхъ императора Павла, при звѣздѣ и лентѣ, въ открытой коляскѣ; его сопровождали два караульныхъ кавалергарда и четыре министра, съ которыми онъ попеременно работалъ въ своемъ экипажѣ; а покончивъ съ ними дѣла, бралъ къ себѣ великаго князя Александра Павловича.

12-го августа. Послѣ вчерашняго большаго парада мы были у в. кн. Михаила Павловича, который, какъ всегда, былъ очень милостивъ. Вечеромъ было послѣднее собраніе въ котеждѣ. Въ воскресенье мы еще присутствовали при литургіи; затѣмъ послѣдовало распредѣленіе табакерокъ: актив-

ное и пассивное; обѣдали въ Монплезирѣ. Императоръ, императрица, наследникъ или за счастливое путешествіе каждаго изъ насъ отдѣльно. Я сидѣлъ между двумя придворными дамами, особенно привязанными къ императрицѣ, которая, по словамъ принца, выбираетъ мнѣ книги для чтенія. Затѣмъ былъ чай въ Марли. Я сказалъ императрицѣ о великомъ герцогѣ веймарскомъ, что онъ нѣсколько либераленъ. На это императоръ замѣтилъ: «il a raison, c'est par professionalisme allemand». Затѣмъ — укладка вещей, перебранка моей прислуги съ русскою, ужинъ, прощальные визиты, поѣздка въ коттеджъ, трогательное прощаніе съ княземъ Лобановымъ и съ гулявшими въ саду императоромъ и императрицею. «Вогъ да благословить васъ, Герлахъ», таковы были послѣднія слова, сказанныя мнѣ на прощанье добрымъ государемъ.

Въ 11¹/₂ часовъ мы двинулись въ путь и ѣхали съ невѣроятною скоростью. Около Нарвы видѣли мы водопадъ; вскорѣ затѣмъ встрѣтили трехъ волковъ. Въ св. Олафъ находился генералъ Головинъ, что меня очень обрадовало. Въ Курляндіи порадовали меня нѣмецкіе порядки. Въ Менелѣ принцъ остановился у ландрата, занимающаго тотъ домъ, въ которомъ, во время войны, жили королевскіе принцы, будучи еще дѣтьми; въ саду принцъ отыскалъ всѣ прежнія скамейки. Затѣмъ мы поѣхали въ Тильзитъ. Въ экипажѣ нашъ впрягали по 12—16 крестьянскихъ лошадей. Отъ доктора я узналъ, что дерптскій медицинскій факультетъ лучше всѣхъ другихъ; такой-же отзывъ слышалъ я отъ генерала Веймарна о теологахъ школы Сарториуса. Вотъ это, дѣйствительно, удачное и величественное учрежденіе русскаго самодержца.

Фонъ-Герлахъ.

Перевелъ съ нѣмецкаго И. И. Ороусъ.

ИМПЕРАТОРЪ НИКОЛАЙ ПАВЛОВИЧЪ.

Высочайшее повелѣніе о томъ, дабы монастыри не брали избыточныхъ денегъ за погребеніе.

М. г. мой, князь Петръ Сергѣевичъ. Государь императоръ [Николай Павловичъ], усмотрѣвъ изъ представленнаго гофмаршаломъ Нарышкинымъ отчета, въ употребленныхъ на погребеніе тѣла покойной камеръ-фрейлины ихъ императорскихъ величествъ, графини Протасовой, издержкахъ, что въ Александро-Невскую лавру заплачено 8,000 рублей по поданному впередъ еще отъ ризничнаго іеромонаха Рафаила счету, Высочайше отозваться соизволилъ, что сумму таковую находить чрезмѣрною и выходящею изъ всякаго приличія.

При томъ-же его величество видитъ въ толь огромномъ на монастырь сборѣ, за исправленіе необходимыхъ духовныхъ требъ, вовсе не соответствующій лицамъ священнаго и монашескаго сана поступокъ, предосудительный для христіанства вообще, ибо изъ сего выходитъ какъ-бы нѣкоторый торгъ. По уваженію таковыхъ причинъ, его императорское величество указать соизволилъ, чтобы за мѣста для погребенія въ Александро-Невской лаврѣ принимаемо было въ уплату, есть-ли въ самой церкви, то не болѣе 1,000 руб., а внѣ оной, на кладбищѣ,—не болѣе 200 рублей.

О таковой высокомонаршей волѣ, къ должному оной отъ кого слѣдуетъ исполненію, сообщая чрезъ сіе вамъ, милостивый государь мой, съ совершеннымъ почтеніемъ

Князь Александръ Голицынъ.

3-го іюня 1826 г.

Его сіятельству господину оберъ-прокурору святѣйшаго синода князю Петру Сергѣевичу Мещерскому.

ВОСПОМИНАНІЯ МИРОВАГО ПОСРЕДНИКА ПЕРВАГО ПРИЗЫВА

о введеніи въ дѣйствіе Положеній 19-го февраля 1861 года.

Въ русской печати вообще и въ „Русской Старинѣ“ въ особенности появилось много статей, выясняющихъ труды по созданію Положеній 19-го февраля 1861 года. Авторы этихъ статей были, въ большинствѣ случаевъ, члены главнаго комитета или редакціонныхъ комиссій, т. е. люди, стоявшіе вверху реформы и освѣщавшіе намѣренія творцовъ дѣла. Съ этой стороны мотивы уяснены и будущіе историки не запутаются въ правдивыхъ фактахъ.

Но въ этой-же печати чувствуется пробѣлъ къ уясненію идей, пониманія и дѣйствій той темной массы, для которой эта реформа создавалась. Я былъ случайнымъ наблюдателемъ и стоялъ у очага зарожденія толковъ среди крестьянъ; слушалъ ихъ мораль, видѣлъ преданность царю и вѣру въ него народа, ощущалъ на себѣ силу русской общины и, наконецъ, понималъ тѣ невысказанныя слова, которыми часто инстинктивно руководятся толпы.

Для людей, вдумывающихся въ прошедшее, всѣ картины народнаго быта хороши, если онѣ правдивы.

Историки собираютъ пѣсни и сказки, и дорожатъ каждою поговоркою, къ которой не примѣшались субъективныя окраски для пониманія событій. Полагаю, что идеи, убѣжденія и тезисы морали крестьянъ, при переходѣ изъ крѣпостныхъ въ свободные, освѣтять свое время не менѣе пѣсенъ и поговорокъ.

Современники этой реформы умираютъ, а съ ними исчезаютъ на вѣки и тѣ отношенія крестьянъ къ своимъ помѣщикамъ, которыя передъ потомствомъ могутъ предстать въ сильно-изуродованномъ видѣ. Изъ желанія одной правды, я писалъ только то, что твердо помню. Изъ моего разсказа можно видѣть, что сожителство крестьянъ и помѣщиковъ, въ ихъ селахъ, не напоминало ни германскихъ рыцарей, ни венгерскихъ магнатовъ, ни галиційскихъ пановъ. Это былъ своеобразный бытъ, сложившійся историческою жизнью Россіи.

Но государства живутъ тысячелѣтіями, и въ сравненіи съ своими западными сосѣдями Россія не на много лѣтъ отстала отъ нихъ въ освобожденіи крестьянъ. Разница-же въ томъ, что тамъ освобожденіе являло злобу и рознь сословій, а у насъ—слиянiе ихъ. Тамъ кровь и жестокости были обычными провожатыми воли, у насъ даже простыя наказанія были рѣдкими случаями въ великую эпоху освобожденія крестьянъ. Тамъ были бунты, у насъ были недоразумѣнія, безъ злобы, ненависти и безъ малѣйшаго посползованія къ умышленному оскорбленію властей, постановленныхъ отъ царя.

I.

Черноземный и густонаселенный уголь, между рѣками Камою и Волгою, занимаетъ три уѣзда Казанской губерніи: Чистопольскій, Спасскій и часть Лемшевскаго. Богатыя помѣстья, большія села, полное бездорожье, ничтожная полиція и управленіе имѣніями черезъ приказчиковъ подготовляли преувеличенныя ожиданія крестьянъ отъ воли. Съ другой стороны, полная безграмотность массы, сибирскій трактъ, береговое бурлачество и крѣпкая въ народѣ память о временахъ Пугачева—создали у крестьянъ убѣжденіе, что не разъ цари давали волю народу, но господа и попы ее прятали, и она не доходила до народа.

Года за три до 1861 года, народъ въ каждомъ необычномъ проѣзжающемъ видѣлъ вѣстника воли. Съ ярмарокъ, съ базаровъ и съ богомолій всегда крестьяне привозили новости о воли. Разсказы велись на всѣ лады: какъ царь посылалъ волю въ бочкахъ съ икрой, въ ящикахъ засмоленныхъ, но господа услѣбуютъ пронохать и выкрадутъ. Пробовалъ царь и черезъ своихъ вѣрныхъ

людей тайно переслать народу волю, но господа людей задерживали, обыскивали, отбирали волю, а людей морили въ острогахъ. Особенно сильно было ожиданіе воли 19-го февраля 1861 года: ждали ее и въ церквахъ и на большой дорогѣ. Когда-же и этотъ день обмануль ихъ, то общій говоръ свалилъ вину на поповъ, подкупленныхъ помѣщиками, и на полицію, выбранную тоже изъ дворянъ. Нашлись даже очевидцы, которые утверждали, что видѣли, какъ волю провозили въ Уфу и въ Пермь на пяти тройкахъ, а ямщики сказали, что въ Казани давно уже получена.

Наконецъ, 9-го марта 1861 года, пришло вѣрное извѣстіе изъ Симбирска, что тамъ, во время Сборной ярмарки, раздавали волю съ соборной паперти на площади. Потомъ слухъ прошелъ, что одинъ торговецъ города Спасска привезъ листочекъ воли съ ярмарки, и не хочетъ его даже за тысячу рублей продать. Торговецъ догадливый былъ: „припечаталъ эту волю къ образу, показывалъ ее городничему, исправнику и другимъ господамъ, а они только руками всплеснули“,—украсть нельзя! добавилъ разсказчикъ къ удовольствію слушателей.

Въ это время я былъ управляющимъ въ имѣніи своей родственницы, въ селѣ Мурасѣ, Спасскаго уѣзда. Это прелестное село, полная чаша всего, воспѣто когда-то графомъ Соллогубомъ. Въ 6 часовъ вечера я постоянно сидѣлъ въ конторѣ, куда приходили бурмистры, сотники, десятскіе, садовникъ, ключникъ и всегда куча мужиковъ, по своимъ нуждамъ. Послѣ обычнаго наряда на барщину и по распредѣленіи работъ на слѣдующій день, начинался разговоръ о волѣ. Животрепещущій интересъ развязывалъ всѣмъ языки до полной откровенности. Тѣмъ болѣе, что стѣсняться было некого, весь составъ конторы былъ изъ крѣпостныхъ; только старикъ садовникъ Андрей Иванычъ, да я были наемные. Меня звали приказчикомъ, за барина не признавали, потому что господа у господъ не служили; а по моимъ военнымъ пуговицамъ на сѣрой шинели видѣли, что я служилъ съ пушками и смотрѣли на меня, какъ на выслуженнаго. Андрей Иванычъ былъ крайній либераль, помнилъ 14-е декабря, зналъ вѣкоторыхъ декабристовъ; много хорошаго усвоилъ отъ Г. М. Толстого ¹⁾. Ф. Н. Топорнина, В. П. Ивашева и др. Село Му-

¹⁾ См. „Русская Старина“, ноябрь 1890. Поездка въ Турнискъ въ декабристу В. П. Ивашеву

раса съ окрестными имѣніями принадлежало прежде Петру Никифоровичу Ивашеву, помѣщику гуманному и тароватому. По наслѣдству, оно перешло къ его дочери, владѣлицѣ въ описываемое время; крестьянамъ жилось легко, знали они только трехдневную барщину; въ остальномъ-же во всемъ вѣдались полнымъ самоуправленіемъ, даже болѣе демократичнымъ, чѣмъ по Положенію 19-го февраля.

Вотъ эти-то разговоры въ конторѣ, на мельницахъ, на барщинахъ, въ лѣсу, въ обозахъ и т. д., какъ съ своими крестьянами, такъ и со сторонними, и даютъ мнѣ тотъ матеріалъ, который я здѣсь передаю. Въ конторѣ начинался, обыкновенно, разговоръ выштыкиваніемъ нѣтъ-ли чего новаго въ газетахъ, которыхъ на барскій дворъ получалось довольно много. Когда скажешь, что ничего новаго о волѣ не слышно, то начинались сомнѣнія; кто-нибудь изъ толпы замѣтитъ: „да развѣ они скажутъ! вотъ перевозимъ весь хлѣбъ на пристань, набьемъ ледники, навозимъ дровъ изъ лѣсу, такъ, можетъ быть, тогда и газеты покажутъ“.

„Я газетъ отъ тебя не прячу; хочешь—самъ читай“.

— „Мы читать не умѣемъ; вамъ вольготнѣе“.

„Самъ не умѣешь, такъ попроси попа, дьячка или кого изъ грамотныхъ“.

— „Развѣ попъ намъ скажетъ! я вчера, по вашему-же приказу, ему съ барскаго гумна яроваго корма отвезъ; онъ вашъ слуга“.—„А я вчера цѣлый день ему изъ барскаго лѣса дрова возилъ“, добавитъ кто-нибудь изъ толпы, и вслѣдъ за этимъ хоромъ рѣшаются, что „всѣ закуплены“.

„Если попы закуплены, такъ ты иди къ муллѣ въ Алпарово (татарское село возлѣ Мурасы), онъ тебѣ прочтетъ“.

— „Прочтетъ онъ! да развѣ противъ господъ кто-нибудь смѣетъ идти“.

Особенно курьезны были разговоры при садкѣ сноповъ въ ригу. Работу эту исполняли женщины, однѣ располагались въ темныхъ углахъ на колосникахъ, другія подносили имъ снопы, я ходилъ по ригѣ и покрикивалъ: тѣснѣй, тѣснѣй сади! Вдругъ отзывается чей-нибудь голосъ: „мы, чай, не для себя садимъ; завтра другимъ молотить, мы такъ имъ натискаемъ, что имъ до вечера не убраться“.—„А въ пятницу волю привезутъ; такъ ты

насъ больше здѣсь и не увидишь!"—раздается голосъ изъ другаго угла.

„Такъ вотъ тебѣ волю на базаръ и привезутъ“.

— „Знамо на базаръ; тутъ всему міру свиданіе, чтобы вся округа знала, что барщину вонецъ; замаялъ ты насъ въ работѣ“.

„Да ты вышла-бы за татарина, они вольные, и ты была-бы вольная“.

— „И впрямь, кажись, лучше за татаринѡмъ быть, чѣмъ за бариномъ!“—отозвался чей-то визгливый голосъ изъ дальняго угла, съ какою-то особенною желчью.

„Что тебѣ конины захотѣлось?“

— „Лучше вѣкъ не ѣмши сидѣть, чѣмъ цѣлую жизнь на барской работѣ маяться!“

„Да ты куда волю-то припряталъ? Тутъ солдатъ изъ Кіева проходилъ,—говорилъ,—что воля еще до святокъ дана, а ты насъ все на барщину гоняешь“.

Въ это время съ снопами проходила какая-то вострая бабенка, бросила къ моимъ ногамъ снопы: „На, таскай самъ! я со святокъ вольная!“

„Ну что-жъ и потащу, а ты вотъ стой на моемъ мѣстѣ, а на тебя со всѣхъ угловъ лаять будутъ“.

Поднялъ я снопы, потащилъ вдоль риги и разговоръ еще больше оживился.

— „Мотри-ка - и въ самомъ дѣлѣ воля пришла, приказчикъ самъ работать началъ“.

„Пришла, пришла, солдатъ говорилъ, что со святокъ барщину вездѣ пошабашили, а у насъ въ уѣздѣ господа волю узрели“.

— „Вотъ что. бабы, пойдите вечеромъ въ контору и потребуемъ расчету, чтобы отъ святокъ до сегодня всѣмъ намъ заплатилъ!“

„По гривеннику въ день!“

— „Дешево, дешево, что ты тетка Матрена, чего тебѣ господъ жалѣть, вѣдь они насъ не жалѣютъ“,—заголосили всѣ въ одинъ голосъ, стараясь перекричать другъ друга.

„Стойте, бабы! раздался зычный голосъ мужика, взошедшаго въ ригу, вѣдь я вамъ сказывалъ, чтобы не всѣ вмѣстѣ говорили: одна говори, а другія слушай!“

— „Разсуди насъ, Петруха! приказчикъ волю не показываетъ, а она, слышь, со святокъ пришла“.

„Вотъ я васъ разсужу; гдѣ онъ тутъ?“

— „Вонъ за печкой стоитъ; пять сноповъ протащилъ, умаялся!“

Петруха подошелъ ко мнѣ, снялъ шапку, поклонился, сказавъ, что другая рига насажена, и спросилъ прикажу-ли я отпустить народъ и затапливать ригу. Я велѣлъ отпустить. Петруха почтительно поклонился и, отходя отъ меня, крикнулъ бабамъ: „Эхъ вы, лѣнь барсучья! Нашу ригу велѣлъ на волю отпустить, а вамъ до ночи не убратъся; иду затапливать; приходи, Ѳекла, въ подлазь грѣться“.

„Вотъ я тебя граблями-то погрѣю“.

— „Не ходи въ нему, Ѳекла, вишь онъ за господъ стоитъ!“

„Ну ужъ и мужики, прости Господи,—овцы, хуже бабъ. Нешто съ такими мужиками волю получишь; нѣтъ, татарь-бы господа ни за что не скрутили, они-бы отбаярились“. И такъ далѣе, все въ этомъ-же родѣ, балагурство почти добродушное... Работа шла по-прежнему, а надо сказать, что въ Мурасинской вотчинѣ всѣ крестьянскія и барскія работы исполнялись превосходно. Лошади у мужиковъ были хороши, мужики были зажиточные, избы просторныя, а на гумнахъ у всѣхъ стояли запасныя копны ржаного и яроваго хлѣба.

На барщинѣ съ мужиками шелъ разговоръ болѣе солидный, напрымѣрь, ихъ занимали вопросы: давно-ли началась барщина? Отчего вся земля и лѣса помѣщичьи? Почему русскіе мужики хуже и несчастнѣе татаръ, которые изстари всѣ вольные? и т. п., но главный предметъ остротъ, смѣха, шпилекъ и подчасъ злыхъ шутокъ, все-таки, вертѣлся на волѣ и на ея утайкѣ господами: „Хоть недѣлку лишнюю барщину продержать“. Многіе изъ крестьянъ искренно вѣрили, что воля давно уже вышла, да крестьяне ея удержать не умѣли, и она у нихъ ускользнула.

Такое убѣжденіе не было въ одной Мурасѣ, и даже можно сказать, что въ Мурасѣ крестьяне разумнѣе и терпѣливѣе ожидали развязки своей съ крѣпостнымъ правомъ. Припоминая свои бесѣды съ окрестными помѣщиками и управляющими, смѣло утверждаю, что чѣмъ кто дальше стоялъ отъ крестьянъ, тѣмъ меньше тому они вѣрили. На пристаняхъ въ Спасскѣ и въ Спасскомъ Затонѣ приходилось сталкиваться и говорить съ полицейскими чинами, съ купцами, съ приказчиками, съ торговцами изъ крестьянъ и съ людьми всякаго званія трехъ привле-

гающихъ уѣздовъ, и всѣ единогласно подтверждали, что крестьяне думаютъ, что царь волю нѣсколько разъ давалъ, но до крестьянъ она не доходила, потому что господа обманывали и царя и ихъ.

Послѣ симбирской Сборной ярмарки, гдѣ дѣйствительно прочтенъ былъ манифестъ 19-го февраля 1861 года и гдѣ съ паперти бросали въ народъ выдержки изъ „Правилъ о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе Положеній о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости“,—выдержки эти были напечатаны въ симбирской губернской типографіи на маленькихъ листочкахъ. Сначала они раздавались на паперти собора чинно, а когда народъ нахлынулъ густою толпою, то эти листочки бросали въ толпу вѣромъ и сотни рукъ ихъ разрывали на клочки. Прежде чѣмъ въ городъ Спасскъ одинъ такой цѣльный листочекъ былъ привезенъ купцомъ и припечатанъ къ образу, вѣсть о волѣ, съ быстротою молніи, разлилась по всѣмъ селеніямъ лѣваго берега Волги и породила нескончаемую путаницу понятій. Въ народѣ появились толки о полной волѣ съ настоящаго момента о правахъ собственности крестьянъ на всѣ земли и лѣса, о правѣ ихъ на запасные хлѣбные магазивы, на раздѣлъ господскихъ выпусковъ и выгоновъ, а въ иныхъ мѣстахъ даже на раздѣлъ хлѣба въ господскихъ амбарахъ. Словомъ, здравый смыслъ русскаго народа былъ взбудораженъ настолько, что самые разумные старики сдѣлались легковѣриѣ дѣтей. Произошло все это около 9-го марта 1861 года, когда крестьянскихъ работъ нѣкакыхъ нѣтъ, поэтому начались сходы, на нихъ обсуждали всевозможныя выдумки, мѣнялись изъ села въ село нелѣпыми новостями и разжигались неисполнимыя ожиданія, въ которыя вѣрили отъ души. Въ это-же время всякое благоразумное слово принималось враждебно и сопровождалось крикомъ: „ты стойшь за господъ!“

Если принять во вниманіе полную безграмотность массы, совершенную неподготовленность полицейскихъ властей къ реформѣ и неожиданность для помѣщиковъ и управляющихъ такой быстрой развязки, то будетъ понятенъ весь сумбуръ взаимныхъ отношеній. Въ обширныхъ уѣздахъ было по одному исправнику и по два становыхъ; мировые посредники были введены спустя много времени послѣ этого. Печати запрещено было готовить публику къ реформѣ и, вообще, касаться воли и порядка ея объявленія.

Ждали волю долго, но она упала на помѣщиковъ и крестьянъ, какъ снѣгъ на голову. Во всѣхъ вотчинныхъ конторахъ являлись крестьяне съ вопросами и требованіями, въ которыхъ ничего не знали вѣрнаго, и это породило увѣренность у крестьянъ, что помѣщики правду отъ нихъ скрываютъ, и намѣрены опять украсть волю,—„какъ то было много разъ“. Во многихъ имѣніяхъ крестьяне, на основаніи слуховъ о волѣ, перестали ходить на барщину. Въ другихъ имѣніяхъ сами помѣщики и управляющіе не наряжали на работы, чтобы не имѣть столкновенія. Въ Мурашѣ-же и въ нѣкоторыхъ большихъ вотчинахъ, наряды и барщина хотя шли заведеннымъ порядкомъ, но большинство крестьянъ работало очень плохо. На замѣчанія, которыя имъ приходилось дѣлать, они вѣжливо и добродушно отвѣчали, что „въ Симбирской губерніи уже объявлена воля, а такъ какъ Казанская губернія одной съ ней державы, то значить и здѣсь объявлена“. Иногда ради остроты это-нибудь добавлялъ изъ толпы: „да посмотрите въ конторѣ, не завалылась-ли воля-то гдѣ-нибудь за бумагами?“

Такъ шло до половины марта, когда въ Спасскомъ и Чистопольскомъ уѣздахъ была получена такая-же выдержка изъ Положеній о крестьянахъ, которую раздавали въ Симбирскѣ во время ярмарки. Эта выдержка напечатана была въ казанской губернской типографіи и гласила, что немедленно прекращаются: переверѣленіе личныхъ правъ на крестьянъ и дворовыхъ людей другимъ лицамъ; переселеніе крестьянъ на другія земли; отдача крестьянъ въ работу и въ услуженіе и отдача крестьянъ въ исправительныя заведенія.

Въ то-же время крестьяне получали право: вступать въ бракъ безъ согласія помѣщика; приобретать недвижимую собственность; вступать въ договоры и подряды, торговать, записываться въ цехи и вчинать иски и тяжбы.

Тутъ-же было, цѣликомъ, перепечатано изъ Положеній о крестьянахъ, что „со дня обнародованія Положеній о крестьянахъ и впредь до введенія въ дѣйствіе уставныхъ грамотъ, крестьяне, продолжая пользоваться тѣми самыми усадьбами и полевыми угодьями, которыми до того пользовались, обязаны: состоящіе на оброкѣ—платить оброкъ владѣльцу въ прежнемъ размѣрѣ, а состоящіе на барщинѣ—отправлять оную въ прежнемъ-же размѣрѣ, съ нижеслѣдующими облегченіями“:

1) Немедленно отменяются вслѣдѣ добавочные сборы: птицею, баранами, масломъ, яйцами, ягодами, грибами, холстомъ, сукномъ, пряжею, шерстью и т. п.

2) Женская барщина не допускается свыше двухъ дней въ недѣлю съ тягла, а мужская отбывается, по прежнему, но не свыше трехъ дней въ недѣлю.

3) Крестьянскія подводы могутъ быть посылаемы, съ сельскими произведеніями помѣщика, не иначе, какъ въ счетъ барщины.

4) Помѣщикъ сохраняетъ право, до учрежденія волостей, разбирать и судить крестьянъ и подвергать ихъ взысканіямъ и наказаніямъ—съ тѣмъ, чтобы наказаніямъ тѣлеснымъ они были подвергнуты не иначе, какъ чрезъ полицію.

5) Впредь до назначенія мировыхъ посредниковъ, жалобы и недоразумѣнія между помѣщиками и крестьянами или дворовыми людьми подлежатъ разбору уѣздныхъ предводителей дворянства. „Воспрещается подавать жалобы на помѣщиковъ по такимъ распоряженіямъ, кои совершились въ прежнее, до обнародованія Положеній о крестьянахъ, время, въ силу существовавшаго крѣпостнаго права“.

6) Въ теченіе двухъ лѣтъ со дня изданія настоящаго манифеста, крестьянамъ и дворовымъ людямъ пребывать въ прежнемъ повиновеніи помѣщикамъ и безпрекословно исполнять прежнія ихъ обязанности.

Выдержки эти были разсланы во всѣ селенія въ крестьянамъ и помѣщикамъ; читались, изучались, но такъ какъ Положеніе еще не было извѣстно, то на эти выдержки помѣщики смотрѣли какъ на какое-то пророчество, которое разъяснится съ полученіемъ Положенія. Что-же касается до крестьянъ, то они усвоили себѣ только то, что еще черезъ два года придетъ настоящая воля, а теперь дана только „бабья воля“. Однако, прежде чѣмъ весь неграмотный народъ вникъ въ смыслъ этихъ выдержекъ, разнеслась по уѣздамъ вѣсть, что вмѣстѣ съ „бабьею волею“ прислалъ царь и „мужичью волю“, но ее господа утаили, чтобы еще два года воспользоваться даровымъ крестьянскимъ трудомъ.

Въ Мураѣ на міру нашлись преданные міру люди, которые, на свой страхъ и на ничтожные мірскіе расходы, отправились

разыскивать „мужичью волю“. Явились они въ контору за пропускными билетами; откровенно высказали свои намѣренія пройти до Казани или даже до Петербурга, если понадобится. На совѣтъ остаться дома и подождать, когда привезутъ манифестъ и Положеніе, они отвѣтили, что рады животъ свой положить за міръ, а ужъ настоящую волю отыщутъ.

— „Какъ этому можно вѣрить, говорили они, чтобы царь подумалъ о курахъ, холстахъ, яйцахъ, да о бабахъ, а про мужиковъ забылъ, и отложилъ волю еще на два года? Въ два-то года вы насъ такъ обездолите, что намъ и воля хуже неволи будетъ!“

Билеты имъ дали; шлялись они цѣлую недѣлю; не помню куда ходили, но, въ общему всѣхъ разочарованію, доложили міру, что вездѣ одно и то же: „бабью волю господа выказали, а мужичью не выказываютъ“.

Собственно въ Мурасѣ, гдѣ всегда жили богатые помѣщики, сборовъ баранами, птицей, яйцами и другими пустяками не было. Женщины работали три дня въ недѣлю. Съ освобожденіемъ ихъ на одну треть рабочихъ дней, пришлось подумать о будущемъ житвѣ, и взамѣнъ барщины я началъ нанимать ихъ-же, чтобы заранѣе обезпечить себя рабочими на лѣтнюю страду. И при этомъ на первыхъ-же шагахъ наткнулся на новое препятствіе. Міръ не дозволилъ наниматься своимъ бабамъ изъ опасенія, что эта добровольная сдѣлка повредитъ міру раздѣлить помѣщичьи поля между крестьянами. Пробовалъ я убѣждать крестьянъ, что имъ выгодно, если въ ихъ міру останется двѣ-три тысячи за работу; обѣщалъ такъ росписаться, что если крестьянамъ отойдетъ барское поле, то чтобы этотъ наемъ не препятствовалъ раздѣлу, -- ничего не помогало. Каждый крестьянинъ въ отдѣльности соглашался съ моими доводами, и оказывался разумнымъ существомъ, но эти-же люди на міру и въ толпѣ вели себя глупѣе малолѣтковъ. Обратился я къ сосѣднимъ татарскимъ селеніямъ, которымъ и отдалъ все житво по болѣе дешевой цѣнѣ, чѣмъ давалъ своимъ.

Не успѣли крестьяне помириться съ мыслию, что „господа выказали одну бабью волю“, какъ стали присылать изъ Петербурга газеты, въ которыхъ печаталось Положеніе о крестьянахъ. Барская контора всегда была открыта для всѣхъ; изъ дворо-

выхъ людей много было грамотныхъ, и я нарочно оставлялъ газеты въ конторѣ, чтобы всякій могъ ими пользоваться. Слухъ о волѣ въ газетахъ разнесся по вотчинѣ, и много народа приходило слушать волю. Но языкъ Положенія оказался недоступенъ для пониманія ни крестьянамъ, ни самимъ плохо-грамотнымъ чтецамъ. Занимался чтеніемъ и самъ я передъ толпой мужиковъ, сидящихъ и стоящихъ въ конторѣ; всегда видѣлъ, что самое вразумительное и ясное чтеніе для нихъ совершенно непонятно. Пробовалъ толковать статьи Положенія своими словами, тогда всѣ ясно понимали, но не вѣрили толкованію. Говорили: „Читаете-то вы хорошо, только толкуете-то все въ барскую пользу“. Читалъ имъ ключникъ, конторщикъ, тоже съ толкованіемъ, но и ихъ заподозрили, что они барскую руку тянутъ.

Принялся съ увлеченіемъ объяснять Положеніе либеральсадовникъ Андрей Ивановичъ, человѣкъ старый и терпѣливый. Онъ выбиралъ статьи, дающія существенныя выгоды крестьянамъ, объяснял очень толково, но крестьянъ все-таки не удовлетворилъ, и ему сказали, что пустяки-то онъ вычитываетъ, а про землю, да про лѣса скрываетъ. „Ты, братъ, нанятой, тебѣ вѣрить нельзя; газета во весь столъ, всякую всячину находишь, а про главную волю не найдешь. Можетъ-ли это быть!“ Андрей Ивановичъ замѣтилъ то-же самое, что у парниковъ, въ оранжереѣ и въ саду на работѣ, каждый мужикъ уменъ, а какъ собрались толпой, то дуракъ на дуракѣ. Скоро и чтецы и слушатели такъ другъ другу надоѣли, что газеты лежали въ конторѣ безъ употребленія.

Такъ какъ мнѣ приходилось ѣздить по разнымъ мѣстамъ и разговаривать съ помѣщиками, съ управляющими и съ мужиками то могу свидѣтельствовать, что все, что происходило въ Мурасѣ то съ небольшою разницею повторялось и въ другихъ вотчинахъ Спасскаго и Чистопольскаго уѣздовъ Казанской губерніи и Ставропольскаго уѣзда Самарской губерніи. Полное недовѣріе къ чтецамъ, къ толкованіямъ и къ самымъ газетамъ. Крестьяне говорили, что „газеты вѣдь не отъ царя приходятъ, а за деньги у господъ-же господами покупаются; слѣдовательно, будутъ-ли господа противъ господъ идти!“ Недовѣріе это не ограничивалось одними толками среди крестьянъ и разговорами въ конторахъ; во многихъ имѣніяхъ начались порубки лѣса. Начались онѣ

ночью въ видѣ похищенія, а по случаю безнаказанности, скоро перешли въ открытый раздѣлъ барскихъ лѣсовъ, такъ что на лучшія деревья мужики бросали жеребій кому рубить. Жалобы становымъ, исправникамъ и уѣздному предводителю дворянства подавались со всѣхъ концовъ сотнями. Но что-же могли сдѣлать четыре человѣка, обремененные своими текущими дѣлами. Полиція, кромѣ того, была завалена массой спѣшныхъ дѣлъ по жалобамъ, которыя поступали отъ богатыхъ и вліятельныхъ помѣщиковъ прямо въ военному губернатору, генералу Козлянинову. Надо при этомъ замѣтить, что почти во всѣхъ имѣніяхъ караульщиками и полѣсовщиками были тѣ-же крестьяне односельцы которые міра боялись больше всякой власти, и вдобавокъ сами вѣрили, что воля пришла и ва лѣса, и не сегодня—завтра откроютъ ее. Помѣщики и приказчики беспомощно махнули руками и только ждали распутицы, которая одна могла остановить порчу и истребленіе лѣса.

При этомъ разскажу довольно громкое тогда дѣло, случившееся въ Мурасѣ, по поводу лѣснаго раздѣла.

Полѣсовщики по секрету мнѣ сказали, что крестьяне порѣшили на сходкѣ барской „заказникъ“ отдать зарѣчнымъ, а Большой улицѣ взять себѣ старый лѣсъ, и что нынѣшнею ночью все Зарѣчье поѣдетъ въ „заказникъ“. Ночь была свѣтлая, и когда я увидѣлъ, что нѣсколько человѣкъ уже проѣхали на дровняхъ, взявъ револьверъ и отправился въ заказникъ. По дорогѣ обгонялъ крестьянъ, ѣхавшихъ воровать, говорилъ имъ, чтобы они вернулись, и они безпрекословно поворачивали къ селу и, вѣроятно, возвращали тоже и другихъ, которыхъ встрѣчали на дорогѣ. Въ „заказникѣ“ отъ стука топоровъ стоялъ гулъ какъ на барщинѣ. Когда-же я подѣхалъ къ опушкѣ, то увидѣлъ торные дороги въ лучшія части лѣса. Отъ пяти или шести порубщиковъ я отобралъ топоры, велѣлъ свалить дрова и прогналъ ихъ изъ лѣсу, что они тотчасъ-же исполнили. Но одинъ крестьянинъ, помню Аггей, сынъ барской кормилицы, не только не отдалъ топора, а началъ спорить, поднялъ крикъ, не свалилъ дровъ, валоженныхъ на дровни, словомъ, выказалъ явное непослушаніе. Я крикнулъ своего кучера, и чтобы пугнуть порубщиковъ, выстрѣлилъ изъ револьвера на воздухъ. На выстрѣлъ и крикъ Аггея обратили вниманіе другіе порубщики, и дождемъ, сломя голову, поспекали изъ лѣсу.

На другой день всѣ пойманные были призваны въ контору; явился и Аггей. Повинившимся мужикамъ велѣно было привезти изъ лѣсу дрова на барскій дворъ, за что имъ и были возвращены топоры. А для расправы съ Аггеемъ былъ призванъ сотникъ, представитель полиціи, который, по моему приказанію, и высѣлъ Аггея розгами.

Аггей въ конторѣ говорилъ, что онъ не виноватъ, потому что міръ на сходѣхъ порѣшилъ рубить барскій лѣсъ. Оказалось, однако, что сотникъ и десятскіе не подтвердили этого мірскаго приговора, и даже негодовали на него, что онъ зря болтаетъ на міръ. Какъ-бы то ни было, но больше барскаго лѣса не рубили. Со всѣхъ-же сторонъ приходили вѣсти, что во всѣхъ селахъ лѣса мужики рубятъ, и свободно складываютъ у своихъ дворовъ на улицѣ. Мурасинскій міръ волновался, и разъ, полъ вечеръ, цѣлая толпа, человекъ въ триста, привалила къ барскому крыльцу. Въ домѣ въ это время были сыновья помѣщичьи, гувернеръ, я, садовникъ и два или три лакея. Толпа очень почтительно стояла безъ шапокъ; чрезъ одного изъ уполномоченныхъ просила старшаго сына помѣщика выйти къ ней, и когда онъ вышелъ, то, всею гурьбою, стала предъявлять свои требованія на лѣсъ. Помѣщикъ сказалъ, что онъ съ такой толпой разговаривать не можетъ; велѣлъ имъ выбрать пять человекъ для переговоровъ, а остальнымъ уйти отъ крыльца; самъ вошелъ въ комнату. Послѣ шумныхъ выборовъ явились въ лакейскую пять человекъ и предъявили тѣ-же требованія. Доводы этихъ людей вертѣлись на томъ, что вездѣ лѣса стали вольные, потому что ихъ Богъ для всѣхъ растилъ; царь открылъ ихъ во всѣхъ селахъ, почему-же въ Мурасѣ приказчикъ сѣчетъ за лѣсъ? Ничего разумнаго эти уполномоченные не хотѣли слушать; имъ объявили, что лѣсъ былъ барскій и останется барскимъ. Приказано было выйти и объявить, чтобы ушли отъ дома.

Уполномоченные вышли къ толпѣ, когда уже стемнѣло. Толпа не только не разошлась, но сдѣлалась настолько возбужденною и угрожающею, что всѣмъ намъ пришлось зарядить ружья и пистолеты. Я написалъ записку къ становому и отдалъ ее сотнику для того, чтобы онъ тотчасъ-же нарядилъ подводу и отправилъ въ станъ, который отстоялъ отъ Мурасы на 30 верстѣ. Это была единственная защита въ такое серьезное время: не было

подготовлено ничего,—все было предоставлено „здравому смыслу русскаго народа“. Толпа шумѣла до 10 часовъ ночи, а мы были въ осадѣ, готовые къ бою. Молодые люди были охотники и стрѣлки; лакеи, казалось, были преданы господамъ; мы опасались только поджога барскаго дома. Но все кончилось благополучно. Не то было въ другихъ вотчинахъ,—тамъ помѣщики бѣжали въ города, а приказчики даже не наряжали на работу. Въ Мурасѣ работа не прерывалась, хотя крестьяне отправляли барщину, какъ-бы изъ милости, нехотя и неисправно. Добрыя отношенія, впрочемъ, не прерывались, всегда велись разговоръ о волѣ, приходили крестьяне за лекарствомъ, за вѣсами, за кирпичами, и вообще со всѣми своими нуждами обращались въ барскую контору, какъ и въ крѣпостное право.

Весна 1861 года была поздняя; зимняя дорога стояла крѣпко, и вотъ, за нѣсколько дней до Благовѣщенія, подкатила къ барскому крыльцу тройка. Съ облучья соскочилъ солдатъ, а изъ саней вышелъ полковникъ Э.; по селу мигомъ разнеслась вѣсть о томъ, что привезли волю отъ царя. Пока полковникъ завтракалъ и обѣдалъ,—а надо сказать, что повара въ Мурасѣ всегда были прекрасные,—народъ собрался у конторы и ждалъ волю. Солдатъ изъ саней досталъ два большихъ запечатанныхъ пакета, подалъ ихъ полковнику, и съ ними онъ отправился на сходку. Сходка въ поясъ ему поклонилась, и полковникъ, сколько помню, держалъ такую рѣчь: „Вотъ два пакета, одинаково запечатанные, и въ нихъ вложены одинаковыя книги Положенія. Одна книга помѣщику, а другая крестьянамъ, которую я и вручаю вашему старостѣ. Въ этой книгѣ написаны всѣ ваши права и обязанности; вы въ ней все найдете, что царь далъ народу. Слушайте вашихъ помѣщиковъ и работайте, чтобы на васъ жалобъ не было!“ Крестьяне низко поклонились, ушли толпою за книгою; лошадей подали и полковникъ поскакалъ въ другія села.

Такъ вручена была воля народу въ Спасскомъ уѣздѣ Казанской губерніи.

Эта воля или высочайше утвержденная 19-го февраля 1861 года Положенія о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, была сброшюрована въ одну книгу, *in folio*, въ 400 страницъ. Вначалѣ стоялъ указъ изъ правительствующаго сената, потомъ манифестъ императора Александра II; затѣмъ общее

Положеніе; правила объ укрѣпленіи за крестьянами недвижныхъ имуществъ, пріобрѣтенныхъ ими въ прежнее время на имя ихъ помѣщиковъ; Положеніе объ устройствѣ дворовыхъ людей; Положеніе о выкупѣ; Положеніе о губернскихъ и уѣздныхъ, по крестьянскимъ дѣламъ, учрежденіяхъ; правила о порядкѣ окончанія примиреніемъ и третейскимъ разборомъ спорныхъ дѣлъ; правила о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе положеній о крестьянахъ; образецъ уставной грамоты; дополнительные правила объ устройствѣ крестьянъ, водворенныхъ въ имѣніяхъ мелкопомѣстныхъ владѣльцевъ и о пособіи симъ владѣльцамъ; дополнительные правила о крестьянахъ, отбывающихъ работы на помѣщичьихъ фабрикахъ; мнѣніе государственнаго совѣта объ отчужденіи, отдачѣ въ залогъ, передачѣ по наслѣдству и объ отдачѣ въ аренду помѣщичьихъ имѣній; мѣстное положеніе о поземельномъ устройствѣ крестьянъ въ губерніяхъ: великорусскихъ, новороссійскихъ и бѣлорусскихъ; росписаніе губерній и уѣздовъ по полосамъ и мѣстностямъ; размѣры крестьянскаго надѣла по губерніямъ и уѣздамъ, и, наконецъ, правила для составленія урочныхъ положеній. Слѣдовательно, въ эту книгу вошло пятнадцать отдѣльныхъ узаконеній, которыя и были вручены неграмотнымъ крестьянамъ для прочтенія и какъ руководство въ ихъ новой жизни.

Надо вспомнить, что, тридцать одинъ годъ тому назадъ, даже интеллигентное общество и было подготовлено къ регулированію своихъ дѣйствій законами. Долгій періодъ предшествовавшаго царствованія отдѣлялъ общество отъ самоуправленія и строго запрещалъ всякое участіе въ мѣстномъ управленіи. Канцелярская тайна, закрытый бумажный судъ, узкое швольное образованіе и нераспространенность законовъ создали двѣ отдѣльныя сферы: приказную и обывательскую. Обыватели знали только одну статью: „невѣдѣніемъ закона никто отговариваться не можетъ“, хотя истинный смыслъ этой статьи мало былъ кому понятенъ. Большинство жителей, доживши до старости, не только не имѣло у себя подходящихъ въ занятіямъ законовъ, но даже никогда не видѣло томовъ свода законовъ. Помню, что очень многіе, окончившіе курсъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и дожившіе до сѣдыхъ волосъ, не рѣшались сами написать никакой дѣловой бумаги, а всегда обращались къ полуграмотнымъ писарямъ и

канцеляристамъ. Усвоенный ими приказный языкъ считался необходимымъ во всѣхъ ступеняхъ правительственныхъ управленій. Языкъ этотъ усвоился нашимъ законодательствомъ, и такъ мало проникъ въ публику, что часто одна и та-же статья пятью образованными читателями толковалась на пять ладовъ. Можно вообразить, какой былъ-бы трудъ и сумбуръ, если-бы разомъ всѣмъ сказали: „вотъ вамъ пятнадцать томовъ свода законовъ, сейчасъ-же ихъ прочитайте, и только ими руководствуйте съ“. А, между тѣмъ, все-таки грамотнымъ легче прочитать весь сводъ пятнадцати томовъ законовъ, чѣмъ неграмотнымъ 400 страницъ разбросанныхъ пятнадцати узаконеній.

Врученную старостѣ книгу Положеній понесли всѣмъ миромъ къ попу, чтобы отслужить молебенъ, но попъ уѣхалъ куда-то съ требами, и молебенъ отложили до воскресенья. Потомъ всѣ толпой отправились къ дому одного грамотнаго столяра въ зарѣчную часть села. Съ большими осторожностями столяръ вскрылъ пакетъ, вынулъ книгу и началъ, разумѣется, читать съ первой страницы, не пропуская ни единого слова. Столяръ былъ чтець не бойкій; солдатскія письма онъ еще одолѣвалъ и даже растолковывалъ такъ, что бабы плакали навзрыдъ, но указъ сената онъ кончилъ только къ вечеру. По его словамъ: „всякое слово для меня понятно, а куда что прикладывается—не могу разобрать; не могу и людямъ растолковать“ Вся толпа долго и напряженно слушала длинный указъ, никто не понялъ какъ и почему онъ относится къ крестьянамъ; всѣ ждали, что съ первой-же страницы столяръ скажетъ—„чья земля, лѣсъ, дуга и другія угоды, а столяръ до сумерекъ ихъ продержалъ и ничего въ дѣло не опредѣлялъ“.

До освобожденія крестьянъ обязанности барскаго бурмистра и сельскаго старосты сливались въ одномъ лицѣ; такъ оставалось до введенія мировыхъ посредниковъ и до учрежденія волостей. Въ Мурасѣ бурмистромъ былъ мѣстный, разумный и состоятельный мужикъ. Послѣ неудачнаго чтенія у столяра, онъ принесъ книгу въ контору, чтобы спрятать ее до утра. Я нашелъ это неудобнымъ и приказалъ унести изъ конторы, чтобы не вызывать никакихъ толковъ. Книга почевала въ церковной сторожкѣ, подъ карауломъ крестьянъ. На другой день съ этою книгою ходили къ священнику, но онъ увидѣлъ манифестъ и

читать книгу отказался, потому что его надо прочитать въ церкви, а онъ еще не имѣетъ приказа отъ благочиннаго. Дьячекъ пошелъ было съ толпою въ сборную избу, прочелъ опять указъ сената, но такъ быстро и невнятно, что вовсе крестьянамъ не понравился. Толковать-же онъ не умѣлъ; книгу отъ него отобрали, и привели въ избу старую дѣву начетчицу. Оказалось, что начетчица можетъ читать только по церковному. Она вслухъ передъ міромъ пересчитала всѣ листы и посовѣтовала пришить къ книгѣ застѣжки. Кончилось тѣмъ, что нарядили отъ міра подводу и послали въ одно село за грамотнымъ мужикомъ. Къ вечеру подвода явилась пустая, а посланный разсказалъ въ конторѣ, что такая-же книга есть и въ томъ селѣ, но грамотей, сколько ни старался, понять ее не могъ, и теперь въ селѣ сами ищутъ чтеца. Подводчикъ, однако, слышалъ, что дьячекъ тамъ хорошо толкуетъ и крестьяне довольны.

Утромъ міръ рѣшилъ послать за дьячкомъ и сказать ему, что за деньгами мужики не постоятъ,—заплатятъ, только-бы пріѣзжалъ. Но и съ чужимъ дьячкомъ послѣдовала какаѣ-то неудача.

Въ воскресенье, послѣ обѣдни, священникъ очень толково и съ чувствомъ прочиталъ царскій манифестъ 19-го февраля 1861 года. Проповѣди-же по этому поводу сказать не рѣшился, хотя мы его объ этомъ просили; онъ отговаривался тѣмъ, что безъ разрѣшенія архіерея на эту новую задачу никто не рѣшится говорить съ амвона.

Несмотря, однако, на прекрасное чтеніе манифеста, крестьяне усвоили изъ него только тотъ смыслъ, что два года будетъ все по старому. Къ книгѣ мужики охладѣли; вновь начались разговоры на барщинѣ и въ конторѣ; работы шли нехотя и вяло; прямого ослушанія хотя не было, но видно было на каждомъ шагу, что власть бурмистра и десятскихъ совершенно упала. Помѣщики и управляющіе желали только того, чтобы поскорѣе ввелись мировые посредники и волостной судъ. При разговорахъ каждый разсуждалъ, что эти учрежденія надо было ввести прежде раздачи воли, и что если не введутъ мировыхъ посредниковъ до пашни, то хоть и не сѣи яроваго; мужики будутъ ковырять землю, а не пахать. На плохую работу, перубки и неповиновеніе жалобы къ предводителямъ дворянства поступали

десятками, но такъ какъ у предводителей не было никого подъ рукою для разбора и исполненія, то жалобы оставались безъ удовлетворенія, и беспорядки усиливались. Не могу этого сказать про Мурасу; порубокъ не было, добрыя отношенія и обходительность оставались старыя, а на плохую работу смотрѣли сквозь пальцы: до пашни было еще далеко, а междудѣльная работа и въ крѣпостное право всегда велась спустя рукава. Крестьяне тоже, по старому, постоянно являлись съ своими нуждами въ барскую контору. Причемъ, какаѣ-бы пустая и глупая просьба ни была, мужики всегда становились на колѣни, и много времени приходилось терять, чтобы поднять ихъ съ колѣнъ. Фраза: „не становись на колѣни“ срывалась съ губъ почти у каждаго помѣщика, и все-таки мужики не отвыкали отъ этой азіятчины. На это обстоятельство я обращаю вниманіе для того, чтобы потомъ рассказать одно недоразумѣніе.

Въ нѣкоторыхъ селахъ поиски въ книгѣ были болѣе успѣшны. Такъ, помню, что кто-то въ Мурасу привезъ извѣстіе, будто въ Катюшинѣ, 30 верстъ отъ Мурасы, одинъ чтець доискался до „бабьей воли“. Міръ тотчасъ-же отрядилъ гонца, чтобы узнать гдѣ эта „бабья воля“. Черезъ день гонецъ привезъ новость, что въ Катюшинѣ найдена „бабья воля“. но только для Мурасы она старая; нашъ приказчикъ ея не утаивалъ, бабы работаютъ два дня. При этомъ гонецъ добавилъ, что изъ Катюшина міръ послалъ ходововъ въ Салмы, гдѣ доискались до „мужичьей воли“. Такъ какъ очередь мірскихъ подводъ велась въ барской конторѣ, то я, жалѣя крестьянскихъ лошадей, сказалъ, что я, безъ гоньбы лошадей въ Салмы, поваю здѣсь „мужичью волю“. Развернулъ я въ книгѣ Положеній „Правила о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе Положеній о крестьянахъ“ и громко прочиталъ ст 11, въ которой говорится: „Со дня обнародованія Положеній, впредь до 15-го марта 1862 года, крестьянскія подводы могутъ быть посылаемы, съ сельскими произведеніями помѣщика, не иначе, какъ въ счетъ барщины, на слѣдующихъ основаніяхъ:

- 1) Подводы могутъ посылаться только тамъ, гдѣ эта повинность была до Положенія.
- 2) Разстояніе въ одинъ день не болѣе 30 верстъ, тяжесть для однезонной подводы 20 пудовъ.
- 3) Подводы посылаться могутъ не далѣе 150 верстъ отъ

дома, и притомъ съ тѣмъ, чтобы посылки подводъ не превосходили въ общей сложности, въ теченіе цѣлаго года, 500 верстъ въ оба пути на каждое тягло.

4) День подводы въ провѣздѣ и въ простоѣ зачитывается за олиторы рабочихъ дня.

5) При посылкѣ подводъ на разстояніе далѣе суточного пути, выдается подводчику на его харчи и на кормъ лошадей особая плата, по опредѣленію мѣстнаго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія.

6) Затѣмъ, съ 15-го марта 1862 года, подводная повинность прекращается, и подводы могутъ посылаться только въ предѣлахъ имѣнія владѣльца.

Прочиталъ я всѣ эти правила, растолковалъ, и показалъ новую книгу зачета барскихъ подводъ крестьянамъ, какъ въ дняхъ барщины, такъ и въ будущей платѣ, когда она опредѣлится губернскимъ присутствіемъ.

Надо сказать, что самая тяжелая повинность въ зиму была, именно, подводная повинность. Она была тяжела и для мурасинскихъ крестьянъ, потому что ближайшія пристани Спасскъ и Чистополь были въ 60 и 70 верстахъ. Послѣ обнародованія Положенія приходилось возить хлѣбъ на пристани, и подводамъ велся точный счетъ по тягламъ. Сейчасъ-же нашлись въ конторѣ нѣсколько мужиковъ, которые провѣрили свои подводы въ нашихъ записяхъ, и несказанно были удивлены, что о своей „мужичьей волѣ“ они ничего не знали. Хотя все это велось на глазахъ ихъ десятскихъ нарядчиковъ. Но, несмотря на то, что „мужичья воля“ показана была имъ дома, все-таки міръ отправилъ въ Салмы ходоковъ, чтобы узнать, нѣтъ-ли еще какой мужичьей воли?

Село Салмы отъ Мурасы въ 30 верстахъ пути. На другой день къ вечеру пришли въ контору неграмотные ходяки, взяли книгу Положеній, отсчитали отъ перваго листа сто семь листовъ; потомъ на первой страницѣ отсчитали двадцать девять строкъ сверху, и съ торжествующимъ видомъ дали мнѣ для прочтенія вслухъ „мужичью волю“. Оказалось, что это та самая ст. 11-я, о которой я толковалъ наканунѣ.

При этомъ ходяки рассказали вещи, совершенно непонятныя для здраваго смысла. Они сказали, что при нихъ пріѣхали отъ исправника изъ Спасска два рассыльныхъ, которые взяли чтеца,

указавшаго „мужицью волю“, связали ему руки и ноги и отвезли въ острогъ. Я утверждалъ, что это не за то, что онъ читалъ и толковалъ Положеніе, что оно для того и прислано, чтобы его читать и толковать мужикамъ, а, вѣроятно, онъ или бѣглый, или укралъ что-нибудь. Мужики твердо стояли на томъ, что взяли чтеца только изъ боязни, какъ-бы этотъ дошлый человекъ не доискался еще до какой воли. Ходаки прибавили, что міръ въ Салмахъ не хотѣлъ было давать его разсылнымъ, но отдали, потому что онъ не мірской, а чей-то странній портной. Споръ нашъ кончился тѣмъ, что каждый остался при своемъ.

Но вотъ дѣло разъяснилось. Въ Мурасу къ сотнику разсылный отъ исправника привезъ печатный циркуляръ отъ губернатора. Сотникъ былъ неграмотный, принесъ ко мнѣ этотъ циркуляръ, въ которомъ строго предписывалось надзирать, чтобы отнюдь, безъ дозволенія начальства, никто не читалъ крестьянамъ Положенія. Всѣхъ-же превратныхъ толкователей немедленно брать подъ стражу и представлять къ начальству. Въ тотъ-же день священникъ Мурасы получилъ циркуляръ и отъ своего духовнаго вѣдомства, въ которомъ запрещалось читать и толковать крестьянамъ Положеніе всѣмъ церковнослужителямъ, и дозволялось читать только священнослужителямъ. Мотивовъ этихъ циркуляровъ я не помню, вѣроятно, общее распоряженіе вышло отъ какого-нибудь частнаго случая или отъ жалобы какого-нибудь богатаго крѣпостника. Вслѣдъ за этими циркулярами становые пристава объѣхали всѣ села, и строго настрого запретили читать и толковать Положеніе. Пришлось повѣрить случаю съ портнымъ въ Салмахъ, и только руками развести.

Это распоряженіе на крестьянъ подѣйствовало обратнымъ образомъ: оно вновь возбудило въ нихъ надежду, что въ Положеніи скрывается гдѣ-нибудь „истинная воля“, и, во что-бы то ни стало, надо ее отыскать. Начались тайныя сходбища, на которыя привозили чтецовъ, которые читали и толковали, по найму, за деньги, за водку. Общій интересъ крестьянъ и чтецовъ соединялъ ихъ; они возили ихъ изъ села въ село; кормили, поили и, разумѣется, лучший чтець считался тотъ, кто больше правовъ найдетъ въ книгѣ. Что дѣлалось въ селѣ Мурасъ, то съ буквальною точностью повторялось и во всѣхъ селеніяхъ трехъ уѣздовъ, по которымъ мнѣ приходилось разъѣзжать.

Около 1-го или 2-го апрѣля (1861 г.) пришло въ Мурасу извѣстіе, что „истинная воля“ найдена въ книгѣ. Изъ всѣхъ сельскихъ ходокъ несутъ книгу Положеній въ с. Бездну Спасскаго уѣзда, и тамошній грамотный крестьянинъ Антонъ Петровъ показываетъ потайную страницу, на которой написана „истинная воля“. Въ Мурасѣ собралась сходка, на которой выбрали двоихъ надежныхъ хорошихъ стариковъ, вручили имъ Положеніе и отправили въ Бездну за 75 верстъ. Старики одѣлись въ новые зипуны и на параконной подводѣ отъ міра поѣхали съ Положеніемъ. Нетерпѣніе крестьянъ было такъ велико, что на обратный путь на половину дороги выставлена была отъ міра другая пара лошадей.

Ходоки скоро вернулись обратно и привезли книгу Положеній, въ которой Антонъ Петровъ безднинскій заложилъ соломенками потайные листки съ „истинною волею“. Тутъ первый разъ случилось, что, вопреки хорошихъ нашихъ отношеній, крестьяне не показали книги въ конторѣ, а толковали о потайныхъ листахъ только на сходкѣ, да съ тайными чтецами. Приходили эти ходокъ въ барскую контору; говорили, что въ избѣ у Антона Петровича народу много со всей округи и онъ всѣмъ толкуетъ истинную волю, а потайные листы отмѣчаетъ соломенкою. Я далъ ходокамъ экземпляръ барской книги Положеній, чтобы узнать на какое мѣсто имъ указали въ Безднѣ, но сколько они ни вертѣли страницъ, найти не могли и рѣшили, что въ барской книгѣ этихъ листовъ нѣтъ. Въ нашемъ экземплярѣ неграмотнымъ старикамъ „всѣ листы казались одинаковыми, а тотъ листокъ, который указалъ Антонъ Петровичъ, такъ и отливаетъ отъ всѣхъ, а по самой середкѣ на немъ потайная печать есть“.

Невольно приходила въ голову мысль, не вкладываетъ-ли Антонъ безднинскій какой-нибудь революціонный листокъ въ книгу Положеній? Не служить-ли Антонъ орудіемъ въ рукахъ политической партіи, желавшей надѣлать смуту въ дни освобожденія крестьянъ? Вопросы эти не выходили изъ головы; а въ это-же время крестьяне въ конторѣ открыто говорили, что „воля дана еще съ 10-й ревизіи, т. е. три года назадъ, а господа ее украли, а теперь хотятъ еще два года оттянуть; даже поповъ подкупили въ церкви народъ обманывать. Выдумали въ остроги

забирать тѣхъ, кто царскую книгу народу читаетъ! „Бабьею волею“ хотѣли мужиковъ ублажить! Три года мы зря на господь работали; чѣмъ-то вы намъ заплатите?“

Подобные вопросы и попреки сдѣлались обычнымъ явленіемъ, и довѣріе къ конторѣ у крестьянъ лопнуло.

Поставка хлѣба на приставъ окончилась. Зимняя дорога рушилась; надо было дѣлать расчетъ съ купцами, съ которыхъ приходилось получить значительную сумму, чтобы отвезти ее въ Симбирскъ, къ помѣщицѣ с. Мурасы. Надѣлъ я полушубокъ, подъ него спряталъ револьверъ, и налегкѣ отправился въ гор. Спасскъ. По дорогѣ встрѣтилъ нѣсколько партій ходоковъ, которые несли домой Положенія съ отмѣченными Антономъ Петровымъ потайными листами. Въ Спасскѣ я заѣхалъ къ исправнику Шишкину; онъ только-что вернулся изъ Бездны, и сообщилъ мнѣ свои неудачи въ арестованіи Антона Петрова. Оказалось, что когда г. Шишкинъ узналъ, что въ с. Безднѣ есть какой-то превратный толкователь, то онъ послалъ разсыльнаго арестовать его и привезти въ Спасскъ. Разсыльному мужики не выдали Антона Петрова, а сотникъ и староста не оказали никакого содѣйствія; тогда исправникъ послалъ въ Бездну одного чиновника изъ полиціи. Чиновникъ возвратился съ пустыми руками, и доложилъ, что въ Безднѣ бунтъ. Бездвинскіе мужики окружаютъ домъ Антона Петрова и не допускаютъ войти въ избу. Исправникъ разбилъ чиновника и на другой день поѣхалъ самъ съ двумя разсыльными.

Н. А. Крыловъ.

[Окончаніе слѣдуетъ].

СТЕПАНЪ ВАСИЛЬЕВИЧЪ РУССОВЪ

род. 1770, † 21-го марта 1842 года.

Въ IV кнѣгѣ историческаго сборника П. И. Бартевева „XVIII вѣкъ“ (изд. 1869 г., стр. 476 и слѣд.) напечатана ода императору Павлу Петровичу. Сообщая это не безынтересное произведеніе, мы, между прочимъ, высказали замѣчаніе, что оно „принадлежитъ нѣкому Степану Руссову“, имѣя при этомъ, въ виду, главнымъ образомъ, то обстоятельство, что для публики, непосвященной въ спеціально-историческія изысканія, личность Руссова была или мало, или совсѣмъ неизвѣста. Между тѣмъ, по поводу упомянутаго замѣчанія, почтенный академикъ М. П. Погодинъ счелъ долгомъ сообщить намъ, что Руссовъ былъ „одинъ изъ примѣчательныхъ людей въ началѣ нынѣшняго столѣтія, прогрессистъ Павлова времени, человекъ глубокой учености, необыкновенной и въ наше время, примѣчательный и трудолюбивый историческій изслѣдователь, имѣвшій здравыя понятія объ исторіи, цѣнившій Карамзина и прежде всѣхъ обличавшій его противниковъ“. Затѣмъ М. П. Погодинъ указалъ на нѣкоторые историческіе труды Руссова, и привелъ два три факта изъ его жизни. („Русскій Архивъ“, 1869 г., стр. 1096—1098).

Мы совершенно согласны съ нашимъ маститымъ (нынѣ покойнымъ) историкомъ, и сознаемъ за собою, по отношенію

къ Степану Васильевичу Руссову, долгъ, лежащій на насъ въ продолженіе вотъ уже нѣсколькихъ лѣтъ.

Имѣя подъ руками нѣкоторые матеріалы, относящіеся къ жизни и трудамъ Руссова, рѣшаемся теперь, на основаніи ихъ, представить біографическій очеркъ его, хотя далеко не полный и не столь обстоятельный, какъ-бы то желательно.

Матеріалы эти заключаются, кромѣ напечатанныхъ трудовъ Руссова: 1) въ его автобіографіи, 2) въ письмахъ разныхъ лицъ къ нему и 3) въ неизданныхъ его сочиненіяхъ.

Ред.

I.

С. В. Руссовъ родился въ 1770 году, въ Калужской губерніи и уѣздѣ, въ селѣ Сухиненкахъ, иначе Репнигѣ. Учился онъ сперва въ калужской, а потомъ въ тройцкой, что въ Лаврѣ, семинаріяхъ. Когда при императрицѣ Екатеринѣ II учреждены были, въ 1786 году, народныя училища, то Руссовъ изъ тройцкой семинаріи вызванъ былъ, по высочайшему повелѣнію, вмѣстѣ съ другими студентами, въ Петербургъ, для поступленія въ учительскую семинарію. Выслушавъ здѣсь „потребные, по новому назначенію, ученія и способы преподавать оныя“, отправленъ въ Пензенскую губернію.

Спустя нѣсколько лѣтъ, тамошній директоръ экономіи Зубовъ ¹⁾ пригласилъ и перевелъ Руссова въ казенную палату „для установленія бухгалтеріи по казеннымъ винокуреннымъ заводамъ, учрежденнымъ тамъ на 160 кубовъ“. Съ другой стороны, вице-губернаторъ Пензенской губерніи, поэтъ ²⁾, князь И. М. Долгорукой препоручилъ Степану Васильевичу вести по всей казенной палатѣ переписку съ высшимъ начальствомъ. Такое положеніе Руссовъ занималъ до кончины Екатерины II.

Въ самомъ началѣ царствованія Павла Петровича, Степанъ Васильевичъ пріѣхалъ въ Петербургъ и поступилъ здѣсь на службу, при оберъ-прокурорскихъ дѣлахъ временнаго апелля-

¹⁾ Родной дядя извѣстнаго фаворита Платона Александровича Зубова.

²⁾ Сочиненія князя Ив. Мих. Долгорукова напечатаны, главнымъ образомъ, подъ названіемъ: „Бытіе моего сердца“, въ 4 ч. (Смирд. № 6611).

ционнаго департамента. Вскорѣ, однако-же, онъ переведенъ былъ отсюда въ канцелярію генераль-прокурора, князя Куракина. Въ этой канцеляріи экспедиторомъ былъ тогда титулярный совѣтникъ М. М. Сперанскій, а Ст. Вас. Руссовъ, въ качествѣ помощника послѣдняго, началъ служить повѣтчикомъ съ чиномъ коллежскаго бухгалтера. Это было въ 1797 году.

Въ это именно время Руссовъ написалъ упомянутую выше оду императору Павлу Петровичу—произведеніе весьма интересное, какъ голосъ современника, какъ свидѣтельство представителя той части общества, со стороны которой новое царствованіе возбуждало великія надежды. Вѣроятно, ода эта была извѣстна Сперанскому, который въ декабрѣ 1797 г. прислалъ Руссову слѣдующее письмо:

„Милостивый государь мой, Степанъ Васильевичъ! еще одинъ доводъ прибавили вы къ той вѣчной истинѣ, что никогда разумъ не бываетъ столько плѣнительнъ, какъ когда является онъ подъ дымкою забавной шутки, и что лучшій образъ хвалить совершенство есть съ простотою изчислять дѣла. Жаль, что стихотворцы не ранѣе встрѣтились съ сею мыслию, нынѣ почти общюю. Сколько пышныхъ, пиндарическихъ, скучныхъ одъ не надавили бы тщетнымъ бытіемъ своимъ зарождающихся и чуть кой-гдѣ сверкающихъ искръ творческаго разума. Природа, вложивъ въ васъ сіи искры, тѣмъ самымъ присвоила вамъ право на почтеніе и благодарность всѣхъ любящихъ изящное.

„Не такъ, какъ похвалу, но какъ плодъ сего чувства, прошу васъ принять увѣренія мои въ истинномъ усердіи, съ конемъ навсегда и пребуду вашимъ, милостивый государь мой, покорнѣйшимъ слугою. Михаилъ Сперанскій“.

Въ 1798 г. Руссовъ пробылъ нѣсколько мѣсяцевъ директоромъ народныхъ училищъ Курской губерніи, и потомъ снова возвратился въ С.-Петербургъ, къ прежней должности, въ канцелярію генераль-прокурора, Александра Андреевича Беклешова, и помощникомъ той-же экспедиціи, М. М. Сперанскаго, гдѣ и находился почти до кончины императора Павла. За нѣсколько недѣль до смерти этого государя, не извѣстно по какому случаю Степанъ Васильевичъ Руссовъ переведенъ былъ въ секретари провіантской экспедиціи и представленъ къ чину надворнаго совѣтника. Не прошло полгода его службы въ этой долж-

ности, какъ съ нимъ случилось очень непріятное обстоятельство. Не согласившись однажды скрѣпить резолюцію, данную совѣтникомъ и имъ самимъ, не смотря на приказаніе генераль-провіантмейстера, таѣ какъ резолюція не могла быть законною, Руссовъ отданъ былъ подъ судъ уголовной палатѣ, которая, не находя за что онъ преданъ суду, потребовала свѣдѣній объ этомъ отъ провіантской экспедиціи; послѣдняя ничего не отвѣчала, вслѣдствіе чего палата произвела переписку по своему гражданскому начальству, продолжавшуюся около пяти лѣтъ.

Удаленный, по этому случаю, отъ провіантскихъ дѣлъ, Степанъ Васильевичъ занимался, частнымъ образомъ, расчетами перваго учредителя російско - американской компаніи, Голикова ¹⁾, съ новыми ея акціонерами, за что получалъ по 2,000 р. въ годъ, столъ и квартиру. Разумѣется, при этомъ онъ не забывалъ и литературы.

Между тѣмъ, провіантская переписка кончилась рѣшеніемъ сената, которымъ повелѣно: Руссова, за грубыя объясненія, не опредѣлять впредь къ провіантскимъ дѣламъ. Когда-же вновь было разсмотрѣно все дѣло, то, по высочайшему повелѣнію, Степанъ Васильевичъ опредѣленъ былъ секретаремъ-же сената, въ общемъ временномъ собраніи, откуда вскорѣ назначили его прокуроромъ въ Житомиръ. Прѣвздомъ сюда, на скопленную отъ трудовъ, по Російско-Американской компаніи, сумму 5,000 р., Руссовъ приобрѣлъ деревеньку, не далеко отъ его родины, составлявшую впоследствии единственное его достояніе.

¹⁾ Руссовъ написалъ біографію И. Голикова и помѣстилъ ее въ нѣмецкомъ журналѣ, издававшемся подъ редакціею Шредера, январь 1806 г.

II.

Въ бытность свою въ Житомирѣ, Руссовъ составилъ историческое описаніе Волынской губерніи, подъ названіемъ: „Волынскія записки“. Повидимому, въ это время Степанъ Васильевичъ находился подъ покровительствомъ министра юстиціи, князя Лопухина, которому онъ и представилъ свое произведеніе. Вслѣдствіе этого Лопухинъ, отъ 26-го мая 1808 г., писалъ Руссову: „Получивъ сочиненіе ваше, подъ названіемъ „Волынскія записки“ и Статутъ Литовскій, напечатанный въ 1588 году, я имѣлъ счастье докладывать о нихъ государю императору; его величество, изъявляя вамъ за оныя монаршее свое благоволеніе, высочайше повелѣтъ соизволилъ: сочиненіе отослать для просмотрѣнія въ цензуру, и потомъ напечатать въ пользу вашу на счетъ суммы кабинета его императорскаго величества, а Статутъ хранить въ общемъ собраніи правительствующаго сената“

Года черезъ три, т. е. около 1811 г., Руссовъ перемѣщенъ былъ изъ волынскихъ прокуроровъ на оберъ-секретарскую должность въ московскій 7-й сената департаментъ, гдѣ вскорѣ получилъ орденъ Св. Владиміра 4-й степени. Если не ошибаемся, около этого-же времени, Степанъ Васильевичъ сдѣлался членомъ московскаго общества исторіи и древностей.

Во время нашествія въ Москву французовъ, Руссовъ, имѣвшій съ московскимъ сенатомъ, т. е. съ прочими чиновниками и дѣлами, отправленъ былъ сперва въ Нижній Новгородъ, а потомъ въ Казань. Черезъ годъ, здѣсь пригласили его въ члены общества отечественной словесности. Секретарь общества, Петръ Кондыревъ, письмомъ отъ 26-го января 1814 г., извѣщалъ Руссова: „Казанское общество любителей отечественной словесности, разсуждая въ бывшее засѣданіе свое 22-го сего января, между прочимъ, о вашихъ успѣшныхъ опытахъ въ словесности и учености, равно о ревности къ таковымъ занятіямъ, избрало васъ въ свои члены и препоручило мнѣ, какъ секретарю, пригласить васъ къ принятію въ дѣлахъ общества, въ семь званіи, своего участія. Что касается до препровожденія вамъ на оное диплома и устава общества, то сіе немедленно доставится по утвержденіи правительствомъ вновь начертаннаго и представленнаго устава“.

По возвращеніи сената въ Москву, Руссова вновь постигло несчастіе по службѣ. Въ экспедиціи Руссова производилось очень незначительное дѣло о половинѣ четырнадцати четвертей въ пустошахъ Владимірской губерніи. Секретарь экспедиціи составилъ ложные докладъ и резолюцію, которые скрѣпилъ оберъ-секретарь другаго департамента, въ чемъ секретарь тогда-же и признался, но, вмѣсто оберъ-секретаря, неправильно скрѣпившаго ложное рѣшеніе дѣла, отрѣшенъ былъ отъ должности и отданъ подъ судъ уголовной палаты Руссовъ. Чтобы не быть обвиненнымъ по прежнему за грубыя объясненія и по настоящему дѣлу, совсѣмъ до него не касавшемуся, Степанъ Васильевичъ просилъ членовъ палаты отвѣты его пересмотрѣть и какъ угодно исправить, что членами палаты и было исполнено. Несмотря, однако, на эту предосторожность, та-же палата и сенатъ обвинили Руссова опять-таки за грубыя объясненія. Протесты московскаго военнаго генераль-губернатора и оберъ-прокурора не принялись во вниманіе и дѣло поступило въ государственный совѣтъ, который обвиненіе Руссова за грубыя объясненія уничтожилъ, а относительно самаго дѣла отозвался, что въ поступкѣ Руссова упущенія и злоупотребленія не только не было, но и быть не могло. При всемъ томъ опредѣлено было: впредь не опредѣлять Руссова ни къ какимъ дѣламъ.

По прибытіи Александра I въ Москву, Руссовъ представилъ ему копію съ этого рѣшенія; вытребована была справка отъ новаго министра юстиціи, который отозвался, что Руссовъ судился невинно. Черезъ нѣсколько времени, графъ Аракчеевъ объявилъ, что государь всемилостивѣйше прощаетъ Руссова и разрѣшаетъ ему опять поступить на службу. Это было въ 1819 году.

Не получая долгое время мѣста, Степанъ Васильевичъ отправился съ однимъ помѣщикомъ путешествовать по Европѣ. Обозрѣлъ всѣ знаменитѣйшіе музеи и библіотеки, исходилъ мѣста, гдѣ происходили битвы въ минувшія войны Наполеона I-го, и возвратился въ Россію ¹⁾. По возвращеніи изъ-заграницы. Степанъ Васильевичъ посвятилъ себя исключительно литературѣ.

¹⁾ Памятникомъ этого путешествія осталось ненаданное сочиненіе Руссова „Путешественныя записки или взглядъ на Европу“ и „Отрывокъ изъ путешествія по Европѣ“. Сиб., 1825 г.

Ниже мы приводимъ возможно полный перечень сочиненій С. В. Руссова, въ порядкѣ ихъ изданія. Теперь-же остановимся только на тѣхъ изъ нихъ, которыя представляются въ какомъ-либо отношеніи примѣчательными даже въ настоящее время.

Степ. Васил. Руссовъ былъ весьма трудолюбивый изслѣдователь и чрезвычайно плодотворный писатель по разнымъ отраслямъ знанія. Главные труды его были направлены на разработку отечественной исторіи и словесности. Такъ, въ 1830—1831 гг., Руссовъ издалъ свои „Замѣчанія“ на три тома „Исторіи русскаго народа“ Полеваго. По этому случаю одинъ изъ старыхъ знакомыхъ Степана Васильевича, нѣкто Петръ Хрущевъ, писалъ къ нему изъ Харькова: „Вы, конечно, удивитесь, получа письмо отъ знакомаго, съ которымъ съ 1808 г. не встрѣчались. Пространство сего времени заключаетъ много важныхъ происшествій. Вамъ труднѣе о мнѣ вспомнить, нежели мнѣ отыскать васьчитая прекрасныя записки ваши на исторію Полеваго. Но, къ сожалѣнію, не имѣю и нигдѣ не могу достать полнаго ихъ собранія. Обращусь къ сочинителю. Вы много меня одолжите если, совокупя всѣ въ одинъ томъ и сдѣлавъ на немъ вашу рукою надпись, въ знакъ пріятнаго воспоминанія нашего знакомства, перешлете оныя въ Харьковъ, гдѣ я постоянно проживаю. Столько-же я останусь вамъ благодаренъ, если какъ прочія сочиненія ваши, такъ и впредь изъ-подъ пера вашего появившіяся, вы мнѣ сообщите“.

Въ 1832 г. Руссовъ издавалъ журналъ „Воспоминанія“, въ которомъ, несмотря на странность заглавія, преобладаютъ историческія статьи. Такъ, напримѣръ, здѣсь въ первый разъ помѣщенъ переводъ, съ замѣчаніями, „Московскія записки“ барона Герберштейна, базельскаго изданія 1556 г. Въ предисловіи къ этому переводу съ замѣчаніями, которыя несомнѣнно принадлежатъ Руссову, между прочимъ, говорится, что, „имѣя подъ руками того-же времени довольно книгъ и извѣстій какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ, а еще болѣе досуговъ, предпринимаю все сіе употребить на то, чтобы всѣ оскорбительныя, ложныя и нелѣпыя повѣствованія Герберштейна ясными доказательствами отвергнуть“... Затѣмъ въ „Воспоминаніяхъ“ помѣщены „Замѣчанія“ Руссова „на книгу подъ названіемъ царствованіе царя Алексѣя Михайловича“, сочиненіе Берга, и многія другія статьи, принадлежащія перу самого издателя.

Въ 1834 г. вышло сочиненіе Руссова „О подлинности древняго русскаго творенія, извѣстнаго подъ названіемъ: Слово о полку Игоревѣ“. По поводу этого произведенія, Алексѣй Николаевичъ Оленинъ писалъ: „хотя я не имѣю чести лично васъ знать, но труды ваши въ пользу отечественной нашей исторіи и древней русской словесности обязываютъ меня истиннымъ къ вамъ почтеніемъ. Увидѣвъ третьяго дня въ рукахъ Григорія Ивановича Лисенко небольшой вашъ опытъ о подлинности Игоревой пѣсни (въ защиту отъ польскихъ на насъ нашествій или наяздовъ, какъ они говорятъ), я пожелалъ имѣть въ моей собственности сей любопытный отрывокъ изъ нашей словесности, но не найдя его въ книжныхъ лавкахъ, я послалъ къ вамъ, милостивый государь, чтобъ спросить, гдѣ можно сію печатную тетрадку получить, и сегодня только узналъ, что, вмѣсто словеснаго вопроса, послали къ вамъ записку.

„Извините, милостивый государь, исполнителя моего приказанія, желавшаго его выполнить какъ можно вѣрнѣе. Я осмѣливаюсь повторить сегодня вчерашнюю мою покорнѣйшую просьбу“.

Въ декабрѣ того-же 1834 г. президентъ академіи наукъ А. С. Шишковъ предложилъ избрать Руссова въ члены ея.

„Имѣю честь предложить гг. членамъ академіи,—писалъ отъ 8-го декабря въ своемъ заявленіи президентъ:—не благоугодно-ли будетъ имъ сегодня приступить, на основаніи устава, къ избранію въ дѣйствительные члены г. надворнаго совѣтника Степ. Васильевича Руссова, который, въ разныхъ изданныхъ имъ сочиненіяхъ своихъ, старался ясными и справедливыми, безъ всякой стачки и пристрастія, доводами и доказательствами опровергать неблагонамѣренное нѣкоторыхъ писателей предпріятіе ложными выдумками и умствованіями исказать бытописанія наши, лѣтописи, языкъ и даже нравственность. Подобныя опроверженія, требующія не малыхъ трудовъ и знаній, отворяютъ двери въ академію, ибо она съ тѣмъ учреждена, чтобы, обличая всякія противъ языка и словесности лжеумствованія, не давать имъ усиливаться и вводить неопытныхъ читателей въ соблазнъ и заблужденіе. Это прямой ея долгъ, а потому и полагаю я г. Руссова могущимъ быть полезнымъ ея членомъ“.

Это предложеніе принято было всѣми членами единогласно,

о чемъ въ мартѣ 1835 г. и дано знать Степану Васильевичу, который, по этому случаю, обратился къ членамъ академіи съ слѣдующими словами:

— „Милостивые Государи! По обыкновенію, у всѣхъ просвѣщенныхъ народовъ существующему, члены, вновь принимаемые въ общества ученыхъ, благодарятъ прежнихъ, но я благодарить васъ не смѣю. Благодарность, какъ обыкновенное возмездіе наградъ, иногда выпрашиваемыхъ, уменьшила-бы цѣну вашего подвига; о принятіи меня въ академію никого изъ васъ я не просалъ, въ чемъ свидѣтельствуюсь вами самими. Когда шумъ и лепетъ оскорбленнаго невѣжества, тѣмъ единственно, что я думаю не его мыслями, желаю не его желаніями, преслѣдовали меня неумолимо, вы услышали мой голосъ, голосъ россиянина, и отворили мнѣ дверь въ академію. Эта черта въ лѣтописяхъ академіи, въ лѣтописяхъ, вообще, просвѣщенія будетъ бессмертна и мнѣ осталось только пожалѣть, что я уже внѣ оной. Не удивитесь, милостивые государи, что я принятіе въ академію человѣка, почти неизвѣстнаго, называю чертою бессмертною, подвигомъ незабвеннымъ. Бессмертіе, надежда и награда истинно просвѣщенныхъ и добродѣтельныхъ, часто создается на словахъ, едва слышанныхъ, на подвигахъ, современниками чуть замѣченныхъ; часто неизмѣримые походы воителей забыты, сто томныя творенія тлѣютъ подъ развалинами минувшихъ поколѣній, а одинъ гениальный подвигъ, одно гениальное слово съ чувствомъ, съ восторгомъ повторяются въ столѣтіяхъ, смѣло, величаво идутъ къ позднѣйшему потомству. Величество бессмертныхъ словъ и подвиговъ зависитъ отъ обстоятельствъ, оныя озаряющихъ, а гении Провидѣніемъ готовятся и хранятся для тѣхъ обстоятельствъ. Итакъ не подумайте, милостивые государи, что я не чувствую въ полной мѣрѣ цѣны вашего подвига. Вамъ угодно было, на вечерней зарѣ долголѣтней и горестями преисполненной жизни моей, утѣшить меня самымъ блестящимъ, самымъ приятнымъ для меня привѣтствіемъ, а я всѣ свѣдѣнія, коими снабдила меня та долголѣтняя жизнь моя, привесу къ алтарю отечества и истиннаго просвѣщенія, какъ къ любимому предмету общаго нашего высокаго покровителя и защитника. Душа моя, чистѣйшею благодарностію преисполненная, подкрѣпитъ мои силы на понесеніе всѣхъ трудовъ, на исполне-

ніе всѣхъ обязанностей, коими, угодно будетъ почтить меня академіи“.

Черезъ полгода, Руссовъ избранъ былъ въ члены комитета, состоящаго при Академіи, который учрежденъ былъ еще, въ 1817 году, для приготовления къ новому изданію „Россійскаго словаря“. Затѣмъ, когда Академія положила: „издавать, посредствомъ литографірованія, портреты своихъ членовъ, съ самаго основанія оной, прилагая краткое жизнеописаніе къ портретамъ тѣмъ изъ нихъ, кои совершили уже земное свое поприще“,— то Руссову предстояло, на ряду съ другими членами, сообщать объ этихъ лицахъ различныя свѣдѣнія.

Въ то-же время Степанъ Васильевичъ занимался „Словаремъ о писателяхъ“ Хвостова. Съ послѣднимъ онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ. Такъ, въ одномъ письмѣ, Хвостовъ пишетъ Руссову „По желанію почтеннаго Степана Васильевича Руссова, знаменитаго нашего времени поэта, критика и литератора, посылаю къ нему въ подарокъ мои семь томовъ, съ условіемъ принять благосклонно, уважить дѣла скуднаго дарованіями автора, не растеривать томовъ и читать и разсуждать о всѣхъ родахъ: лирическомъ, дидактическомъ и лиро-эпическомъ; во второмъ томѣ—о частныхъ посланіяхъ, о басняхъ и, наконецъ, о переводахъ“.

Въ апрѣлѣ 1835 г., Хвостовъ отправилъ Руссову такое посланіе: „Свидѣтельствую мой усердный, дружескій поклонъ почтенно-любезному сочлену по Россійской академіи, Степану Васильевичу Руссову. Мнѣ крайняя нужда съ вами переговорить и попросить васъ о моемъ словарѣ. Я намѣренъ оный вамъ ввѣрить на прочтеніе домой, на недѣлю мѣсто; онъ (словарь) переплетенъ отъ литеры А по литеру К; съ тѣмъ только условіемъ чтобы вы мой словарь не марали и въ немъ ничего карандашомъ и чернилами не прибавляли, ибо я надѣлъ перепискою; а вы можете, о чемъ я усердно васъ прошу, дѣлать ваши замѣчанія и писать что угодно на особливомъ листѣ. Означайте смѣло всѣ недостатки, поправляйте хронологическія неисправности, сглаживайте недостатки словосочиненія, прибавляйте кого угодно, на извѣстномъ основаніи, но не вымарывайте безъ меня ни одного человѣка. Помните, что это не собственно словарь, но архивъ, т. е. записки біографическія древней и новой сло-

весности. Всѣ имена, въ архивѣ попавшіяся, по извѣстному началу, должны быть сохранены. Начала мои или правила: помѣщать 1) по словарю духовныхъ писателей; 2) по словарю Новикова; 3) по учебной книгѣ Н. Греча; 4) по собственному моему и товарищей убѣжденію объ извѣстности новыхъ авторовъ, и 5) по каталогу Смирдина, свидѣтельствующему о печатныхъ твореніяхъ. Вотъ, почтеннѣйшій мой академикъ, по довѣренности моей къ вамъ, какая на васъ обуза! Удостоите дружески ее исполнить и принесите съ собою сію записочку, для словесныхъ объясненій въ слѣдующую среду“.

Въ заключеніе нашего очерка приведемъ одно письмо Степана Васильевича Руссова, отъ 12-го марта 1836 г., въ черновомъ его отпускѣ, къ кому писано—на немъ не указано; письмо это, по нашему мнѣнію, весьма интересно во многихъ отношеніяхъ ¹⁾:

„Осмѣливаюсь, прибѣгнуть подъ милостивую защиту вашего высокопрев-ства въ самомъ стѣсненномъ моемъ положеніи.

„Издатели журнала, подъ названіемъ „Сынъ Отечества“, на 1835 г., въ №№ 37, 38 и 39, въ пространной статьѣ, отъ имени Бодіанскаго напечатанной, между многими непристойными вымыслами, доказывали, что лѣтопись, извѣстная подъ названіемъ Несторовой, есть компиляція временъ новѣйшихъ, что Новгородъ до половины XI столѣтія не существовалъ и, до самаго его завоеванія московскими князьями, къ Россіи не принадлежалъ, что родословная первыхъ російскихъ князей вымышлена, что народъ Русь происхожденія турецкаго, что „границы Руси простирались къ сѣверу только до Старой Руссы, а къ востоку до Трубчевска, далѣе котораго будто-бы не россияне, но просто москальи, что великіе князья московскіе назывались великими князьями всея Руси, подобно митрополитамъ, по хитрости, что всѣми землями русскими владѣли великіе князья литовскіе и короли польскіе“ и проч.

„Нѣтъ сомнѣнія, что сія статья подлежала благонамѣренной критикѣ, и я въ особой книжкѣ, со всѣмъ приличіемъ и скромностію, сдѣлалъ противъ нее возраженія, на лѣтописяхъ и другихъ несомнѣнныхъ памятникахъ основанныя; но издатели „Сына Отечества“ въ другомъ ихъ журналѣ, подъ названіемъ „Сѣверной

¹⁾ Мы не знаемъ, было-ли это письмо послано по назначенію.

Пчелы“, издаваемомъ на текущій 1836 годъ, въ № 56, подъ официальными извѣстіями напечатали отъ имени называющагося Скромненко (Строевъ) статью, язвительными противъ меня личностями наполненную, въ которой, сравнивая меня съ астрономомъ, упавшимъ въ яму, этимъ только укоризненнымъ сравненіемъ отвергаютъ всѣ мои доводы; но, по важности предметовъ, они обязаны были представить не сравненіе укорительное, но также историческіе доводы сильнѣйшіе, коихъ они не объявили и объявить не могутъ.

„Далѣе Скромненко повторяетъ почтенныя имена Шлецера и Карамзина, какъ руководителей въ россійской исторіи и тогда же, неизвѣстно почему, называетъ прекраснымъ сочиненіе, противное ихъ духу и розысканіямъ, и выказываетъ, что отъ возраженія противъ вымысловъ россійская исторія идетъ ракомъ.

„На стр. 221 Скромненко, также въ укорительныхъ выраженіяхъ, доказываетъ, что Бодіанскій не псевдонимъ, что онъ учился съ нимъ въ университетѣ, находится въ службѣ и съ нимъ въ перепискѣ, но это не доказываетъ, что Бодіанскій, означенный подъ статью, не псевдонимъ, это обстоятельство можетъ объяснить только самъ Бодіанскій.

„На стр. 222 Скромненко пишетъ: „слогъ Руссова чудо; Тредьяковскій, Елагинъ и Еминъ легко могутъ принять его за контрафавцію своего стиля, словомъ, слогъ Руссова не анахронизмъ только на Васильевскомъ острову“. Но на Васильевскомъ острову находятся: три академіи, три кадетскихъ корпуса, въ собраніяхъ которыхъ принадлежатъ всѣ ученѣйшіе и краснорѣчивѣйшіе мужи Россіи, и можетъ-ли все это Скромненко ставить выраженіемъ укоризны и всѣмъ жертвовать личной своей ко мнѣ неприязни?

„Мужи, укоряемые подъ названіемъ „Васильевскаго острова“, могутъ искать защиты сами, мнѣ остается говорить о моемъ слогѣ; хвалить его я не смѣю, но, если пишу истину, то онъ краснорѣчивъ, ибо истина краснорѣчива безъ всякихъ украшеній. Если издатели журнала, подъ названіемъ „Сынъ Отечества“, находили слогъ мой не достаточнымъ, для изложенія представленныхъ мною истинъ, то они въ правѣ были изъяснить ихъ какъ угодно, но не могли печатать на нихъ укорительной статьи и подъ оффціальными извѣстіями, и тѣмъ болѣе псевдо-

нима Скромненки, потому что онъ, подъ собственнымъ именемъ принадлежа къ числу канцелярскихъ служителей, не только приговоромъ объ островахъ и лицахъ, ни почему ему не подвластныхъ, но вообще никакихъ своихъ сочиненій не могъ печатать безъ особыхъ на то дозволеній своего начальства.

„Между тѣмъ, въ защиту моего слога осмѣливаюсь представить то:

1) „что сочиненія мои печатались въ самомъ томъ-же „Сынѣ Отечества“,

2) „что сочиненія мои, безъ всякой моей просьбы и искаательства, печатались на счетъ императорскаго кабинета,

3) „что, безъ всякихъ моихъ просьбъ и искательствъ, избранъ я единогласно въ члены казанскаго общества любителей отечественной словесности, въ московское общество исторіи и древностей, въ С.-Петербургѣ въ российскую императорскую академію; могу представить болѣе, если-бъ это было нужно.

„Все это и литературныя мои занятія остались мнѣ единственною собственностью, и лишить меня хотятъ люди, не имѣющіе на то ни малѣйшаго права, ни малѣйшей причины, только по одной личности. Посему и паче опасаясь дальнѣйшихъ несчастій, я осмѣлился прибѣгнуть подъ милостивую защиту вашего высокопрев-ства и просить всепокорнѣйше, дабы помѣщеніе въ журналъ, подъ официальными извѣстіями, статьи, въ личное для меня оскорбленіе, пересмотрѣно и соображено было съ высочайшими постановленіями, о цензурѣ изданными“.

Имѣется портретъ Степана Васильевича Руссова, гравюра акватинтой, въ кругѣ, рисов. и гравировалъ Bouchard въ Парижѣ, въ 1826 г. см. словарь Д. А. Ровинскаго, изд. 1888 г., т. III, стр. 1888 — 1889; въ томъ-же подробномъ „Словарѣ русскихъ гравированныхъ портретовъ“ мы находимъ указаніе на мѣсто и время кончины С. В. Руссова,—онъ умеръ въ С.-Петербургѣ, 21-го марта 1842 года.

Ред.

Перечень историко-литературныхъ трудовъ С. В. Руссова.

І. Отдѣльныя изданія.

1. Ода Павлу I на окончаніе года царствованія его. Сиб. 1797 г.
2. Епистола Александру I. Сиб. 1801 г.
3. Волынскія записки. Сиб. 1809 г.
4. Словарь російской ореографіи или правописанія. М. 1813 г.
5. Ода Александру I, на случай низверженія Наполеона I, возстановленія всеобщаго мира и всеобщаго-же совѣщанія, какое принадлежитъ названіе царю-герою. М. 1814 г.
6. Челночекъ или путешествіе къ счастью, съ стихотвореніемъ: „Развалины“. 2-е изд. 1819 г.
7. Геній—стихотвореніе. 1820 г. Сиб.
8. Обзорѣніе критики Ходаковского на исторію Карамзина. Сиб. 1820 г.
9. Варяжскіе законы, пер. съ латинскаго съ прих. Сиб. 1824 г.
10. Опытъ объ идолахъ, Владиміромъ въ Кіевѣ поставленныхъ. Сиб. 1824 г.
11. Похвала патентамъ (англійской обуви), съ приобщеніемъ словаряка всѣхъ обуви древнихъ. Сиб. 1824 г.
12. Историческое розысканіе о дочеряхъ Ярослава. Сиб. 1824 г.
13. Путешествіе по Петербургу. Сиб. 1824.
14. Калей-докустиконъ, музыкальное ураженіе для составленія 214 миллионнвъ вальсовъ, переводъ съ французскаго. Сиб. 1825 г.
15. Отрывокъ изъ путешествія по Европѣ: парижская выставка искусствъ и рукодѣлій. Сиб. 1825 г.
16. О Корсунскихъ воротахъ. Сиб. 1825 г.
17. Російско-славянскій словарь. 1826 г. Сиб.
18. Словарь російскихъ писательницъ. 1826 г.
19. Взглядъ на исторію трехъ князествъ: Валахія, Молдавіи и Бессарабіи, съ II по XIII ст., съ прибавленіемъ разбора палеографской статьи по сему-же предмету. Сиб. 1828 г.
20. Древняя исторія Волынской губерніи, соч. графа Юанна Потоцкаго, перев. съ франц. 1829 г.
21. Мысли о критикѣ автора исторіи русскаго народа (Н. А. Полеваго) на исторію Н. М. Карамзина. Сиб. 1829 г.
22. Разборъ академической рѣчи профессора Артемовскаго - Гулака. Сиб. 1829 г.
23. О критикѣ Арцыбашева на Исторію Карамзина. Сиб. 1829 г.
24. Словарь жемчужный или описаніе всѣхъ мѣстъ, гдѣ на пространствѣ Россіи добывался жемчугъ. Сиб. 1829 г.
25. Сокращеніе скандинавской мѣологіи, перев. съ латинскаго. Сиб. 1829 г.
26. Опытъ о подлинности Несторовой лѣтописи. Сиб. 1830 г.
27. Замѣчанія на I, II и III тт. Исторіи русскаго народа соч. Н. А. Полевымъ. Сиб. 1830—1831 гг.

28. Замѣчанія на бранчливую статью противъ Малороссійской исторіи Дн. Ник. Бантыша-Каменскаго. Спб. 1831 г.
29. Кадетскіе вопросы. Спб. 1834 г.
30. О сагахъ. Спб. 1834 г.
31. О подлинности Слова о полку Игоревѣ. Спб. 1834 г.
32. Опытъ о кожаныхъ деньгахъ. Спб. 1835 г.
33. Словарь русскихъ простонародныхъ реченій, въ древнихъ французскихъ актахъ находящихся. При книжкѣ о кожаныхъ деньгахъ.
34. Разборъ статьи, напечатанной въ „Сынѣ Отечества“ № 37, 38, 39, о мнѣніяхъ касательно Руси. Спб. 1836 г.
35. Къ этому-же разряду произведеній Руссова слѣдуетъ отнести издававшійся имъ журналъ „Воспоминанія“ на 1832-й годъ.

II. Журнальныя статьи.

1. Біографія И. А. Голикова, перваго основателя Россійско-Американской компаніи. „Нѣмецкій журналъ“ Шредера. Спб. 1806 г., январь.
2. Объ основаніи города Нильны. „Отечеств. Записки“ 1826 г., ч. XXVII.
3. О происхожденіи слова рубль. Тамъ-же, ч. XXVIII.
4. О Россіяхъ, бывшихъ внѣ нынѣшней Россіи. Тамъ-же, 1827 г., ч. XXX и XXXI; въ послѣдней: „Критика на письма Лунула о монетѣ Емея“.
5. О происхожденіи двухъ простонародныхъ словъ: карачунъ и чуръ. Тамъ-же, ч. XXXIV.
6. Замѣчаніе краткое относительно разныхъ мнѣній о началѣ руссійскаго государства. Тамъ-же, ч. XXXV. Здѣсь-же отвѣтъ Лунулу и нѣсколько словъ о книгѣ подъ заглавіемъ: „Нынѣшнее состояніе Молдавіи, Валахіи и Бессарабіи“.
7. Нѣчто о легендѣ, въ которой повѣствуется о князѣ Вячеславѣ Чешскомъ. „Сѣверный Архивъ“ 1827 г., № 19.
8. Отвѣтъ на возраженіе издателя той легенды. Тамъ-же, 1828 г., № 2.
9. О времени печатанія первой русской газеты. „Инвалидъ“ 1827 г., № 172.
10. Письмо о книгѣ барона Розенкампфа подъ названіемъ: „О кормчей книгѣ“. „Сынъ Отечества“ 1829 г.
11. Повѣрка глѣтосчисленія нѣкоторыхъ достопамятныхъ событій, описанныхъ въ Готскомъ Альманахѣ за 1829-й годъ. „Бабочка“ 1829 г., № 98.
12. Примѣчанія на нѣкоторыя непонятныя слова въ русской исторіи, занятыя изъ порфирогенита. „Сынъ Отечества“ 1829 г., кн. 14.
13. Города, составлявшіе Ганзейскій союзъ. „Отечествен. Зап.“ 1829 г.
14. Замѣчанія на статью, въ XIII, XIV, XV и XVI книжкахъ „Вѣстника Европы“ на 1829 г. напечатанную подъ заглавіемъ: „Взглядъ на русскую правду“. Тамъ-же.
15. Замѣчанія на 80-ю или на послѣднюю главу салическихъ законовъ. „Литературная газета“ 1831 г., № 2.
16. Замѣчаніе на статью, въ „Московскомъ телеграфѣ“ напечатанную. „О историческихъ книгахъ, нѣкоторыми россиянами издаваемыхъ“. Тамъ-же.
17. Замѣчаніе на слово юбилей, неправильно будто-бы помѣщенное въ рѣчи проф. Нв. Мих. Снегирева. Тамъ-же.

18. Нѣчто о ворономъ конѣ (оеганію), въ русскихъ пѣсняхъ повторяемомъ. „Литературная газета“ 1831 г., № 2.

19. О происхожденіи слова муза. „Литературныя прибавленія къ Инвалиду“ на 1834 г.

20. О русскихъ герундіяхъ. Въ собраніи разныхъ критикъ на грамматику Греча, самымъ имъ напечатанныхъ.

21. Замячанія на письма Строева, одобряющія критику Арцыбашева на Исторію государства Россійскаго. Въ „Сынѣ Отечества“.

22. Замячанія къ розыскаваніямъ о словѣ—вервь.

23. Притча: „Путешественники“ въ „Новостяхъ Литературы“ и „Кавказскомъ Вѣстникѣ“.

III. Не напечатанныя сочиненія.

1. Еліада или война 1812 г. въ стихахъ.
2. Исторія Калужской губерніи, отчизны руссовъ.
3. Исторія русской нумизматики.
4. Путешественныя записки, или взглядъ на Европу.
5. Словарь словарей.
6. Словарь хронологической, общій.
7. Стихотвореніе „Слава“.
8. Хронологія всѣхъ орденовъ европейскихъ.
9. Черта древней и новой исторіи Бессарабіи.
10. Разборъ мнѣній философовъ, древнихъ и новыхъ.
11. Разборъ лѣтописи Іоаннана.
12. Опыты о происхожденіи Россіи.
13. Разборъ польской исторіи Бандке.
14. Цыгане Пушкина.
15. Анекдоты.
16. Афоризмы Иппократовы.
17. Басни и всякая стихотворная мелочь.
18. Всесообщей исторіи обзорѣніе, или разборъ исторіи Кайданова.
19. Эстетика.
20. Гимнъ Клеанта.
21. Реестръ географическихъ картъ Россіи.
22. Для забавы.
23. Литовская исторія.
24. Славянская мнѣнологія.
25. Названія мѣсяцевъ у разныхъ народовъ.
26. О патріаршествахъ.
27. Опытъ о русскихъ лѣтописяхъ.
28. Путешествіе по окрестностямъ Волги (критика)
29. Слово о безсмертіи великихъ.
30. Словарь христіанскій, или епархій.
31. Записка объ университетахъ.
32. Философія правоучительная.
33. Опыты, откуда произошла басня, что Рюрикъ племянникъ Кесаря.

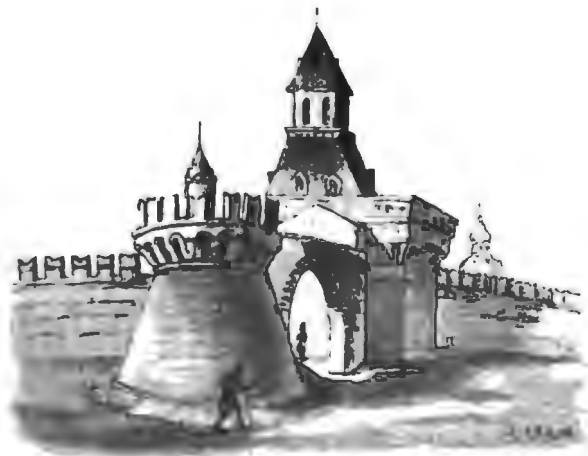
34. Возраженіе на книгу о происхожденіи руссовъ.
35. Географія російская I столѣтія по повѣствованію Птоломея и прочихъ.
36. Словарь энциклопедическій.
37. Каталогъ поэмъ.
38. Словарь архіереевъ и хронологія церковная.
39. Альманахъ.
40. Апологія или мое жизнеописаніе.

Примѣчаніе. Списокъ трудовъ Степана Васильевича Руссова составилъ, по нашихъ матеріаламъ, — Николай Михайловичъ Востоковъ, нынѣ покойный.

14-го октября 1875 г.

Сиб.

Ред.

М. М. Сперанскій.

ЗАМѢТКА.

Въ январьской книгѣ „Русской Старины“ за январьскій 1892 годъ, въ прилѣжаніи въ статьѣ: „Сперанскій подъ цензурою 1844 года“ (стр. 190—192), сказано, что автору невѣдомо, была-ли напечатана книга „Правила высшаго краснорѣчія“ Сперанскаго.

По поводу этой замѣтки, могу сообщить, что упомянутая книга отпечатана съ такимъ заглавнымъ листомъ:

ПРАВИЛА
высшаго краснорѣчія.
Сочиненіе
Михаила Сперанскаго.
САВЪТНЕТЕРЪБУРГЪ.

Въ типографіи втораго отдѣленія собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи

1844.

На оборотѣ заглавнаго листа:

„Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, представлено было въ цензурный комитетъ законное число экземпляровъ С.-Петербургу, февраля 23-го дня 1844 года.

Ценсоръ Никитенко“.

Въ книгѣ, въ 12 д. л., 216 страницъ и приложены особая, на 8-ми страницахъ, „Краткія біографическія свѣдѣнія о графѣ М. М. Сперанскомъ“.

Экземпляръ этой книги находится въ моей бібліотекѣ.

Василій Поповъ.

22-го января 1892 года,
гор. Тотъма, Вологодск. губерніи.

ПРОФЕССОРЪ ВИКТОРЪ СТЕПАНОВИЧЪ ПОРОШИНЪ

род. 1809, † 1868 г.

въ воспоминаніяхъ его сестры Софьи Степановны Порошиной.

Нѣкоторые изъ бывшихъ студентовъ и слушателей брата моего, профессора С.-Петербургскаго университета, которыхъ я встрѣчала въ разныхъ знакомыхъ домахъ, неоднократно обращались ко мнѣ съ просьбою набросать хотя краткую біографію любимаго и уважаемаго ими профессора. Не имѣя свободнаго времени, я все откладывала эту лестную и пріятную для меня обязанность. Нынѣ (въ 1883 г.), при повторяемыхъ просьбахъ, я рѣшилась въ краткомъ очеркѣ изобразить его дѣтство, молодость, семейныя отношенія и тѣмъ возобновить въ бывшихъ цѣнителяхъ студентахъ (нынѣ отцахъ, а, быть можетъ, уже и дѣдахъ семействъ), тѣ чувства любви и уваженія, которыя они питали къ профессору, посѣщая его аудиторію. Эта свѣтлая личность не довольно была оцѣнена при жизни, почти-же память этого труженика оцѣнкою его добрыхъ качествъ, свѣтлыхъ мыслей, многотрудной дѣятельности!

Не надѣясь на свою память, я просила брата моего Сергія Степановича помочь мнѣ, тѣмъ болѣе, что воспоминанія его, въ которыхъ онъ изложилъ нѣкоторыя черты изъ жизни, касающіяся всего нашего семейства, къ несчастію, богатаго трагическими происшествіями, были помѣщены на страницахъ уважаемаго журнала „Русская Старина“ за 1882 годъ (томъ XXXVI, стр. 207—220: „Семейныя воспоминанія“ С. С. Порошина, переводъ съ французскаго).

Софья Порошина.

I.

„Для сердца—прошедшее вѣчно“.

В. Жуковский.

В. С. Порошинъ родился въ 1809 году въ Петербургѣ, но не долго оставался въ столицѣ. Отецъ его, покинувъ службу, вышелъ въ отставку, изъ Преображенскаго полка, въ чинѣ полковника, и уѣхалъ со всѣмъ семействомъ въ свое симбирское имѣніе, доставшееся ему по наслѣдству отъ отца; тамъ онъ занялся хозяйствомъ и оставался въ имѣніи семь лѣтъ, пока дѣти его не требовали заботъ о серьезномъ воспитаніи. Между тѣмъ, сынъ его росъ на лонѣ природы и укрѣплялся духомъ и тѣломъ. Для надзора за дѣтьми привезена была изъ Москвы гувернантка, прекрасно воспитанная дѣвушка, M-II Dreth, которая родилась въ Россіи и виолнѣ усвоила себѣ необходимыя познанія, воспитавшись въ одномъ изъ лучшихъ пансіоновъ. Она - то посѣляла въ молодой душѣ своего питомца сѣмена добра и правды.

Въ свободное отъ уроковъ время, они много читали, она рассказывала ему достопримѣчательныя происшествія изъ отечественной исторіи. Онъ съ жадностью ее слушалъ и такъ пристрастился къ серьезному чтенію, что его нельзя было оторвать отъ книги. Любимымъ чтеніемъ В. С. Порошина было „Жизнеописанія великихъ людей“ соч. Плутарха; слѣдя съ устремленнымъ вниманіемъ за подвигами древнихъ героевъ, восхищаясь безпримѣрною любовію къ отечеству Коріолана, самоотверженіемъ Муція-Сцеволы, онъ не только упивался этими примѣрами, изучалъ ихъ, но старался олицетворить ихъ. Въ часы досуга онъ нерѣдко собиралъ около себя своихъ младшихъ сестеръ и братьевъ, а иногда и дворовыхъ ребятшекъ, и, раздавъ имъ разныя историческія роли, самъ организовывалъ цѣлыя сцены изъ интересующаго его историческаго событія! Такъ не рѣдко приходилось одной изъ сестеръ его, войдя на возвышенное мѣсто, взывать къ нижегородцамъ о спасеніи Россіи, изображать собою того, кто, проникнутый истинною пламенною любовію къ родинѣ, поднялъ единымъ словомъ своимъ цѣлыя полчища и, избравъ въ вожди князя Пожарскаго, вручилъ ему мечъ на сокрушеніе врага отечества!

Когда Виктору Степановичу минуло 14 лѣтъ, все семейство переехало въ Петербургъ, и скоро его опредѣлили въ высшее училище (нынѣ 2-я гимназія) приходящимъ ученикомъ. Скромный, застѣпчи-

вый мальчикъ не былъ понятъ тѣми, которые экзаменовали его, и скороѣ по лѣтамъ, тѣмъ по познаніямъ помѣстили его въ 4-й классъ, полагая, что онъ какъ-нибудь да будетъ въ состояніи плестись за классомъ; но каково было ихъ удивленіе, когда они замѣтили свою опрометчивость. Ученикъ этотъ не только замѣтно возвышался своими познаніями надъ уровнемъ своихъ товарищей, но представлялъ собою, по необыкновеннымъ его способностямъ, такое блестящее исключеніе, что вынуждены были перевести его черезъ три мѣсяца безъ экзамена въ слѣдующій классъ, гдѣ онъ продолжалъ легко и прилежно заниматься, и, скоро окончивъ курсъ, вышелъ первымъ ученикомъ.

Помню домашнія ликованія всей нашей семьи, когда, на публичномъ экзаменѣ, братъ мой Викторъ получилъ дипломъ на 14-й классъ и шагу съ треугольною шляпою, какъ первый ученикъ. Вскорѣ потомъ общую радость смѣнила грустная разлука, когда отецъ повезъ брата въ Дерптъ для поступленія въ университетъ.

Письма дерптскаго студента, отдавашагося наукамъ сопатого, были утѣшеніемъ для родителей. При свиданіяхъ нашихъ во время каникулъ, нашъ „дѣмецъ“, какъ мы тогда называли брата Виктора, всегда серьезный и скромный, никогда не былъ очень разговорчивъ. Однако, какъ-то разъ въ минуту душевныхъ изліяній мнѣ была повѣрена сердечная тайна. Въ одномъ семействѣ ученой іерархіи, по фамиліи Вольмеранжъ, которое онъ изрѣдка посѣщаль и гдѣ иногда развлекался танцами, была дочь Луиза, — она-то и была предметомъ платонической любви юноши. Вотъ какъ вдохновила его муза въ послѣдній годъ его студенческой жизни въ Дерптѣ: романсъ, имъ тогда (1830 г.) сочиненный, въ которомъ выразилась первая пламенная любовь студента, свѣжо сохранился въ памяти моей. Вотъ онъ:

„Скажи, давно-ль луна златая
 Вошла на синій небосклонъ
 И, ослѣпительно сіяя,
 Глядитъ изъ облачныхъ оконъ?
 Давно-ли звѣздный сонмъ красивый
 Кочуетъ на лазурномъ днѣ?
 Давно, давно: но я, счастливый,
 Забылъ о звѣздахъ, о лунѣ.
 И мудрено-ль? Я надъ мірами
 Леталъ съ архангеломъ моимъ
 И незамѣтными шарами
 Казалось солнце передъ нимъ.
 Еще я слышу райски звуки,

Какъ дѣти ластятся къ душѣ,
 Еще я жму съ восторгомъ руки,
 И вдругъ одинъ, одинъ въ глуши;
 Увы! одинъ въ кибиткѣ тѣсной,
 Вокругъ я сибѣ и пустота,
 Передо мною рокъ безвѣстный,
 За мною—рая красота“.

Кстати, припомнилась мнѣ также шарада, написанная имъ, при разставаніи, той-же обожаемой особѣ:

„Mon premier est un crime,
 Mon second couvre l'abyme,
 Mon troisième est aux Cieux logé,
 Mon tout est digne de les partager“.

Сдавъ отлично экзаменъ въ Дерптскомъ университетѣ съ дипломомъ кандидата философіи, Викторъ Степановичъ, не пожелавъ быть чиновникомъ по дипломатической части, какъ предполагалъ, не задолго до выпуска написалъ къ родителямъ письмо, которое какимъ-то чудомъ сохранилось въ моихъ рукахъ. Въ этомъ письмѣ вылилась вся душа неопита! Съ почтительною покорностію ребенка онъ ожидалъ рѣшительнаго отвѣта родителей! Отецъ, конечно, не противился этому благородному влеченію, но такъ какъ надо было хлопотать о помѣщеніи сына въ профессорскій институтъ и выждать вакансіи, то онъ опредѣлялъ его впредь на время въ канцелярію министерства финансовъ, гдѣ Викторъ пробылъ около 6-ти мѣсяцевъ, но и тутъ успѣлъ заслужить расположеніе начальства и привязанность товарищей. Когда пришлось покинуть ему службу, чтобы отправиться за-границу, на казенный счетъ, въ центръ учености, какъ тогда думали, то употребляли всѣ средства, чтобы удержать его, осыпали его самыми лестными предложеніями, манили картинami блестящей будущности, но онъ остался непреклоненъ. Вотъ два къ нему письма одного изъ товарищей его по службѣ г. Ф., одно въ день отъѣзда, а другое въ Москву, и отвѣтъ на него моего брата Виктора:

Первое письмо: „Все еще не могу приучить себя къ мысли разлучиться съ вами, любезный другъ, и самъ являлся убѣждать васъ. Мѣсто мое и казенная квартира, состоящая за мною, къ вашимъ услугамъ. Особая служба по комитету и изданію юридическаго журнала вѣрныя открываютъ путь и къ пользѣ отечества, и къ извѣстности, и къ наградамъ! Впрочемъ, занятія сіи таковы, что не лишали-бъ васъ досуговъ и для литературы и вообще для сферы ученой.

Примите дружеское усердіе товарища, убѣжденнаго опытомъ въ неблагодарномъ пути, вамъ предстоящемъ!

„Къ сожалѣнію, я уже не засталъ васъ дома. Вы ускорили отъѣздомъ *incognito*, но я буду писать вамъ еще и въ Москву“.

Второе письмо: „*Cher et excellent camarade!* Вы теперь въ сердцѣ Россіи и въ кругу родныхъ; это лучше откроетъ вамъ, можно-ли равнодушно разлучиться съ родиною изъ одного предпочтенія къ ученымъ страствіямъ и кабинетной атмосферѣ нѣмцевъ и прочихъ чужестранцевъ. Если вы не вовсе еще разлюбили бюрократовъ нашихъ и пожелали-бы остаться съ нами, я беру на себя, черезъ близкихъ людей кн. Ливену, все уладить, не огорчая старика, а затѣмъ передать и мѣсто мое, квартиру въ департаментѣ, чтобы вы могли выигрывать время по службѣ, удосуживаться для комитета и предаваться занятіямъ по мѣрѣ любознанія. Итакъ все зависитъ отъ доброй воли вашей.

„Слѣдовательно, одно лишь непреодолимое желаніе влечетъ васъ и вѣра въ будущее, въ неблагодарную ученость, коей вы безуслвно предаетесь. Дай Богъ, чтобы вы выиграли, а не потеряли. Вы рѣшаетесь разлучиться съ родными, жертвовать временемъ и здоровьемъ въ ожиданіи лучшаго. Но будете-ли за все вознаграждены, кромѣ внутренняго услажденія таланта? Могу-ли не жалѣть объ утратѣ васъ, когда вы отъ всѣхъ, въ столь короткое время, заслужили любовь и уваженіе, а это былъ вѣрный путь къ счастью, къ лестной службѣ и къ почестямъ, при самыхъ выгодныхъ отношеніяхъ. Но, главное, раздѣляя труды рѣдкаго начальника, мы участвовали-бы во всемъ къ пользѣ отечества, содѣйствуя цѣли его къ очищенію расправы отъ невѣжественнаго склада подьячихъ, погруженныхъ въ форму приказную. Мы сформировали-бы образцовое ополченіе къ подавленію ябеды и закоренѣлаго крючкотворства. За всѣмъ этимъ можно-бы посвящать досуги музамъ. Державинъ и Дмитріевъ въ томъ порукою, стяжавъ обоюдную славу и гражданскаго мужества и авторскаго таланта.

„Если-же не оправдаются надежды ваши, если вы будете разочарованы, то повѣрьте, что всѣхъ болѣе пожалѣетъ о томъ преданный вашъ сослуживецъ“.

Вотъ интересный и вполнѣ характерный отвѣтъ моего брата Виктора Степановича:

„Любезнѣйшій Н. В., нечаянное письмо ваше исполнило меня удивленія, благодарности и заботы. Считаю себя навѣрное уже заштатнымъ, отставнымъ, и въ этомъ чаяніи оставивъ Петербургъ, я вдругъ увидѣлъ себя чадомъ юстиціи и не сиротомъ, ибо пре-

данная рука дружбы удерживала меня! Повѣрьте, что я умѣю цѣнить такое рѣдкое сокровище, тѣмъ выше, чѣмъ ограниченнѣе было время нашего сослуженія; вы не успѣли еще хорошо узнать меня, а уже полюбили, и такое внезапное сближеніе между нами доказываетъ, что связь эта, окрѣпнувшись еще болѣе со временемъ, содѣлалась-бы прочнымъ залогомъ взаимнаго уваженія и тихихъ пріятностей жизни для насъ обоихъ. Надѣюсь и теперь, что никакая переменѣна судьбы не въ силахъ будетъ измѣнить вашего ко мнѣ расположенія. Такъ, дружескія ваши представленія и увѣщанія истинно тронули меня. Но, скажу откровенно, не поколебали. Говорите Донъ-Кихоту о недостаткахъ его Дульциней, о смѣхотворныхъ его странствіяхъ, маните его дружески въ пріютъ спокойный, въ роскошный храмъ фортуны, со всѣми очертаніями блестящихъ упований; онъ воздвѣнетъ свой шаломъ и, тихо вздохнувъ, сокроется въ дали туманной. Я этотъ Донъ-Кихотъ, пусть-же это признаніе, хотя для меня нелестное, обезоружитъ васъ, пусть оно объяснитъ вамъ странное явленіе чудака, бѣгущаго отъ золотой струи счастья въ снѣжающимъ клещущимъ волнамъ обманчиваго океана! Я прибѣгаю къ сему сравненію потому, чтобы выразить и пояснить все чувствуемое мною въ сію минуту на рубежѣ двухъ противоположныхъ поприщъ.

„Я сочеталъ свою судьбу
 Съ судьбой любимѣйшей науки,
 И жалкій смѣхъ, людей журьбу,
 И соблазнительныя муки
 Слѣднаго счастья несусь
 За незабвенную красу“.

„Итакъ, положенъ здѣсь предѣлъ психологическимъ увѣщаніямъ. Все, что я ни сказалъ-бы вамъ, будетъ неполно, бѣдно и несовершенно. Два полюса влекутъ меня теперь въ разныя стороны. Пускаюсь на удалую. Скажите, не вся-ли наша жизнь есть рискъ и авось, утѣшительно думать, что всюду, въ морѣ и далече, съ нами Богъ, на Него уповаю! Повторяю вамъ еще разъ то, что уже говорилъ изустно: будущее равно для меня закрыто, гдѣ-бы я ни былъ, вездѣ встрѣтитъ можно много превратностей, и вѣчный свѣтель-время можетъ набросать много добра и зла на всѣхъ путяхъ; посему, ежели я сожалею о теряемомъ настоящемъ, то сожалею не о службѣ вообще, не о щедротахъ фортуны, а о почтенномъ, достойномъ начальникѣ и о любимыхъ сослуживцахъ, которыхъ покидаю. Въ истинѣ сего вы можете быть мнѣ порукою и, отходя, я поручаю себя снисхожденію начальника и расположенію и дружбѣ товарищей. Жребій брошенъ и я долженъ ѣхать“.

II.

Сколько помню изъ разговоровъ моихъ съ Викторомъ Степановичемъ, онъ былъ въ берлинскомъ университетѣ, а потомъ слушалъ лекціи въ оксфордскомъ университетѣ.

Послѣ двухлѣтняго отсутствія, В. С. Порошинъ возвратился въ Петербургъ. Избранная имъ карьера возвела его (въ 1838 г.) на кафедру университета, гдѣ онъ читалъ политическую экономію и статистику, и горячо, страстно принялся за новое свое возлюбленное дѣло. До поступленія его въ петербургскій университетъ, каждая изъ этихъ наукъ имѣла отдѣльнаго лектора, такъ что новому профессору досталась двойная работа.

Не пользуясь никакими удовольствіями, свойственными его молодымъ лѣтамъ, онъ не позволялъ себѣ никакого развлеченія, не посѣщалъ театровъ, не бывалъ въ обществахъ, появляясь лишь время отъ времени у П. А. Плетнева и у князя Владиміра Фодоровича Одоевскаго, который очень любилъ его и былъ съ нимъ въ родствѣ, женившись на Ланской, двоюродной сестрѣ нашей матери и сестрѣ министра Сергѣя Степановича Ланскаго, получившаго графскій титулъ.

Сдѣлавшись профессоромъ, Викторъ Степановичъ Порошинъ жилъ какъ студентъ, занимая лишь одну комнату, которая походила скорѣе на комнату, находящуюся за лавкою какого-нибудь книгопродавца, такъ какъ въ ней были нагромождены груды книгъ и, напротивъ, было весьма немного мебели. Какая-бы ни была погода, братъ мой всегда ходилъ пѣшкомъ, не курилъ никогда, не пилъ вина, не имѣлъ понятія о картахъ. Усидчивыя изнурительныя занятія сильно тревожили нашу матушку, которая опасалась за его здоровье. По старой пословицѣ: „Improbus labor omnia vincit“, труды этого ревностнаго апостола науки увѣнчались успѣхомъ. Извѣстно, что репутацію дѣлають студенты; годъ отъ году лекціи политической экономіи и статистики приобрѣтали извѣстность, аудиторія становилась тѣсною. И донинѣ между образованными пожилыми людьми, бывшими тогда студентами, сохранилась добрая память о профессорѣ Викторѣ Степановичѣ Порошинѣ, какъ о замѣчательномъ педагогѣ ¹⁾. Онъ оставилъ университетъ послѣ ничтожнаго столкновенія съ начальникомъ, о которомъ упоминается въ воспоминаніяхъ ²⁾ брата моего; неожиданная отставка его была

¹⁾ Отзывы студентовъ.

²⁾ Помѣщенныхъ въ журналѣ „Русская Старина“ изд. 1882 г., книга X.

встрѣчена съ большимъ сожалѣніемъ. Она случилась при попечителѣ спб. округа Мусинѣ-Пушкинѣ; однажды братъ мой, опоздавъ нѣсколько минутъ на лекцію, получилъ выговоръ отъ его превосходительства, который замѣтилъ рѣзко ему: „вы опоздали“, на что профессоръ, вынувъ изъ кармана часы и взглянувъ на нихъ, отвѣчалъ: „да, дѣйствительно“, и съ этими словами взошелъ на кафедру. Тогда Мусинѣ-Пушкинѣ (столь знаменитый своимъ самодурствомъ), обратясь къ ректору университета, приказалъ ему оштрафовать запоздалаго профессора вычетомъ изъ его жалованія, но ректоръ отвѣчалъ, „что наказаніе это трудно привести въ исполненіе, въ виду того, что профессоръ Порошинъ жертвуетъ все свое жалованье въ пользу университетской библіотеки“. На слѣдующій день братъ мой подалъ въ отставку.

III.

Покинувъ университетъ, Викторъ Степановичъ Порошинъ не переставалъ заниматься любимыми науками своими, преподавалъ имъ съ увлеченіемъ и, между тѣмъ, нашелъ время заняться веденіемъ значительнаго процесса покойной матери нашей, по недвижимымъ ея имѣніямъ, начатый еще отцомъ нашимъ въ 1820 году. Тяжба эта возникла между родственниками при раздѣлѣ наслѣдственнаго имѣнія.

Дѣло завязалось нешуточное и, благодаря родственнымъ связямъ нашего противника съ нѣкоторыми изъ служащихъ при генералѣ Леонтіи Вас. Дубельтѣ, а также по причинѣ большихъ средствъ, которыми располагали противники наши Потуловы, процессъ тянулся 25 лѣтъ. Половина доходовъ, получаемыхъ нашими родителями, шла на смазку административныхъ колесъ (стараго времени) и на покупку гербовой бумаги, но такъ какъ противникъ былъ гораздо богаче насъ и платилъ больше, да къ тому-же голубой мундиръ имѣлъ въ то время большое обаяніе въ глазахъ провинціальнаго общества, то наше дѣло было проиграно въ судебныхъ мѣстахъ первой инстанціи, и сенатъ утвердилъ этотъ приговоръ.

При такихъ-то печальныхъ обстоятельствахъ, взялся за дѣло мой братъ: изучилъ его серьезно въ малѣйшихъ подробностяхъ, и, не падая духомъ, написалъ краткое изложеніе всего процесса, представилъ все это дѣло въ видѣ научнаго вопроса, потомъ отправился въ Парижъ съ тѣмъ, чтобы посоветоваться съ извѣстнѣйшими законовѣдами того времени и узнать ихъ мнѣніе

объ этомъ тяжёломъ дѣлѣ. Ученые доктора правъ, заинтересованные оригинальностью тяжбы, приняли предложеніе русскаго профессора и, послѣ многихъ весьма оживленныхъ преній, единодушно высказались въ нашу пользу. Ободренный этимъ первымъ успѣхомъ, братъ мой изложилъ обстоятельно всё эти подробности дѣла въ брошюрѣ, которую онъ написалъ въ Парижѣ, вмѣстѣ съ русскимъ переводомъ ея, и съ этою драгоценною ношею возвратился въ Петербургъ какъ разъ во-время, чтобы раздать парижскія брошюры членамъ государственнаго совѣта, которые, въ свою очередь, заинтересовались его оригинальнымъ поступкомъ, просмотрѣли изъ любопытства брошюру и, въ концѣ концовъ, большинствомъ голосовъ высказались въ нашу пользу, подобно парижскимъ законовѣдамъ. Такимъ образомъ, процессъ былъ выигранъ нами окончательно и безапелляціонно. Мы сидѣли всё за столомъ, когда братъ пришелъ сообщить намъ эту радостную вѣсть. Отъ этой неожиданной радости съ моею матерью сдѣлался ударъ, отъ котораго она вскорѣ умерла. Побѣда стоила намъ слишкомъ дорого ¹⁾.

По смерти родителей, намъ досталось въ Гродненской губерніи имѣніе, отвоеванное отъ неправильнаго домогательства родственника старшимъ наслѣдникомъ, и братъ мой пожелалъ, по нѣкоторымъ соображеніямъ, промѣнять свои обычныя кабинетныя занятія на хлопотливую рискованную жизнь землевладѣльца, на непріятное положеніе русскаго помѣщика въ польской провинціи (въ забранномъ краѣ, какъ называли поляки въ 1850-хъ годахъ Литву и Волынь). Трудно было вести успѣшно свои дѣла, владѣя имѣніемъ въ 1,000 душъ крестьянъ, около Бреста, въ мѣстности, гдѣ вся торговля находилась въ рукахъ евреевъ и гдѣ сосѣдъ полякъ посматривалъ искоса на пріѣзжаго москаля. Помѣщикъ профессоръ потерпѣлъ полнѣйшее фіаско и дорого заплатился за уроки, данныя ему евреями.

Въ концѣ 1850-хъ годовъ, когда и въ Гродненской губерніи была составлена комиссія для обсужденія мѣръ по улучшенію быта крестьянъ, то въ числѣ другихъ помѣщиковъ былъ приглашенъ и братъ мой. Онъ принималъ въ этихъ сѣздахъ самое дѣятельное участіе, а какъ ученый былъ полезенъ своимъ товарищамъ и въ большой чести у нихъ. Съ необычайною твердостью отстаивалъ онъ выгоды крестьянъ. Сначала сѣздъ былъ въ Гроднѣ, а потомъ въ Вильнѣ, подъ предсѣдательствомъ ген.-губернатора

¹⁾ Объ этомъ см. въ воспоминаніяхъ С. С. Порошина въ „Русской Старинѣ“ изд. 1882 г.

Назимова. Всѣ труды комиссіи впоследствии были отправлены въ С.-Петербургъ, въ редакціонныя комиссіи, состоявшія подъ предѣлательствомъ Я. Ив. Ростовцева. Въ награду за усердіе комиссіи, каждый членъ получалъ на память отъ правительства медаль, съ изображеніемъ незабвеннаго Царя - Освободителя и со словами: „Благодарю“ — „19-е февраля“.

Въ 1868 году мнѣ случилось познакомиться въ Ниццѣ съ бывшимъ ген.-губернаторомъ Вл. Ив. Назимовымъ, который, при разговорѣ о моемъ братѣ, вспоминая объ его достоинствахъ и его энергической оппозиціи крѣпостникамъ, заключилъ бесѣду нашу словами: „Да-а-а, мы съ нимъ повоевали!!..“

Послѣ трехлѣтнихъ мученій и всевозможныхъ неприятностей, Порошинъ продалъ имѣніе, и, забравъ свою жену и книги, поселился въ Парижѣ, на родинѣ своей жены. Впоследствии, купивъ домъ въ Сень-Жерменскомъ предмѣстьѣ, онъ жилъ тамъ, устроившись очень комфортабельно. Но и тамъ не оставался безъ занятій: онъ давалъ уроки, хлопоталъ объ устройствѣ пансіона для русскихъ мальчиковъ. Пансіонъ устроили послѣ его смерти, но не для мальчиковъ, а для дѣвочекъ. Писалъ для журналовъ ученныя статьи, издалъ въ 1865-мъ году очень дѣльную книгу „Nos questions russes“, имѣвшую большой успѣхъ въ ученomъ европейскомъ обществѣ, потому что книга эта разбирала по косточкамъ вопросъ, бывший въ то время „злобою дня“ — вопросъ крестьянскій.

Кромѣ того, Викторъ Степановичъ написалъ и издалъ на французскомъ языкѣ въ Парижѣ:

- 1) Les ressources matérielles de la Russie, 1864.
- 2) Solution pratique de la question des paysans en Russie, 1861.
- 3) Régénération sociale de la Russie, 1860.
- 4) Correspondance secrete inédite sur Louis XIV avec une préface Lereure.
- 5) Перевелъ на французскій языкъ: „Письма русскаго путешественника“ Карамзина.

Во время парижской выставки 1867 г. Викторъ Степановичъ Порошинъ былъ назначенъ главнымъ агентомъ или представителемъ Россіи, по закрытіи которой онъ получилъ отъ французскаго правительства орденъ „Légion d'honneur“.

Въ 1868 году опасный изнурительный недугъ постигъ В. С. Парижскій священникъ, о. Василій Прилежаевъ, знавшій его и всегда отзывавшійся о немъ съ похвалою, удивлялся его терпѣнію въ страданіяхъ. Братъ мой не слишкомъ вѣрилъ медицинѣ и обращался къ медику только въ крайности. Въ Парижѣ, который

хвастаетъ своими медицинскими знаменитостями, онъ избѣгалъ консультаціи, не взирая на просьбы жены. При всей твердой волѣ своей скрыть жестокаго страданія до послѣдней минуты, не покидая своего кресла, — неумолимый недугъ все-таки поборолъ его. Онъ скончался въ 1868 году, сподобившись причастія Св. Таинъ, какъ истинный христіанинъ, и похороненъ на кладбищѣ въ С.-Жерменѣ, близъ Парижа.

Миръ праху твоему, скромный, неумолимый труженикъ науки, оставившій по себѣ добрую славу.

IV.

Какіе-же слѣды своей ученой дѣятельности оставилъ послѣ себя Викторъ Степановичъ? Объ этомъ должно сказать, но, къ сожалѣнію, я не имѣю списка научныхъ трудовъ моего брата. Я знаю, что онъ помѣщалъ свои труды въ разныхъ журналахъ русскихъ и иностранныхъ; но, къ сожалѣнію, для указанія ихъ нѣтъ никакихъ данныхъ (по крайней мѣрѣ, нѣтъ ихъ у меня). Онъ былъ членомъ географическаго общества и работалъ для него не мало, и, между прочимъ, о транзитной торговлѣ брестъ-литовскимъ желѣзомъ по отношенію къ Царству Польскому, пользующемуся желѣзомъ и своимъ и сибирскимъ. Эту работу я для него исполнила. Издало географическое общество его-же труды: „Сельскую лѣтопись изъ наблюденій могущихъ служить къ опредѣленію климата Россіи“, изд. 1854 г. Издалъ отъ себя „Бесѣды дѣда съ племянникомъ о политической экономіи“. Сочиненіе это очень полезно по своей доступности для людей хотя-бы и образованныхъ, но незнакомыхъ съ этою все еще новою наукою. Ему-же принадлежатъ очеркъ: „Жанна д'Аркъ“, „Русскій Вѣстникъ“ 1863 года; извѣстна также его большая книга, изданная за нѣсколько лѣтъ до освобожденія крестьянъ: „Благодѣтели-Помѣщики“. В. С. Порошину принадлежатъ также первое изданіе извѣстнаго дневника записокъ его двоюроднаго дѣда — Семена Андреевича Порошина, воспитателя цесаревича Павла Петровича. Едва-ли, однако-же, покойный ограничился этими трудами. По всей вѣроятности, было и много другихъ, но привести ихъ въ извѣстность—дѣло библиографовъ.

Привожу въ приложеніяхъ: письмо брата моего Виктора Степановича 1831 г. и отрывокъ изъ предисловія къ его сочиненію (въ переводѣ съ французскаго): „Наши русскіе вопросы“.

Софья Порошина.

9*

П р и л о ж е н і я .

I.

Письмо В. С. Порошина къ отцу.

Среда, 4-го марта 1831 г., Дерптъ.

Милый папенька и милая маменька! Можетъ быть никогда не былъ я болѣе расположенъ писать къ вамъ, какъ сегодня, и потому пользуюсь сею минутою вдохновенія; (ибо какъ не назвать вдохновеніемъ, то состояніе души, когда она, сроднясь съ высокою свѣтоюсною мыслию, летитъ за нею въ безпредѣльность!).

Такъ началъ я, недѣли на двѣ тому назадъ, письмо мое къ вамъ. Это было въ воскресенье: ясное, можно сказать, весеннее утро привѣтствовало меня въ небольшой моей каютѣ, и, по неразгаданному дѣйствию виѣшваго на внутреннее, растворяло спокойнымъ веселіемъ всѣ чувствованія и мысли мои. Пріятное сіе состояніе души еще усугублено было чтеніемъ превосходной книги Герена: „О политическихъ и торговыхъ связяхъ древнихъ народовъ“. Счастливыя мысли, глубокія соображенія, увлекательный слою и красотою слогу приводили меня въ восторгъ, и вдругъ, предавшись сладостному забвенію, я замечталъ о собственной судьбѣ. Промедшее и будущее живо рисовались въ зеркалѣ фантазіи, и признаюсь, меркли въ сравненіи съ настоящимъ: въ свободной, независимой долѣ, чуждый и суеты большого свѣта и приторныхъ занятій пустодѣля и безновойныхъ домогательствъ службы, я наслаждаюсь рѣдкимъ счастіемъ самодовольства среди пріятнаго посильнаго труда, имѣя въ виду высокую цѣль образованія.

И—плодъ долгихъ, разнообразныхъ размышленій—сильное неодолимое желаніе: „о! если-бы всегда продлилось для меня состояніе сіе!—независно вспыхнуло въ крѣпко-забывшемся сердцѣ моемъ! Предо мною лежало твореніе человѣка, осуществившаго въ лицѣ своемъ подобное желаніе: это мирный гражданинъ, но гражданинъ вселенной, и,—органъ облагороженнаго человѣчества,—онъ стяжалъ сугубое счастье тихой, вѣчно-юной жизни для себя и полевою, благотворной для другихъ. Такъ думалъ я долго и, возвратясь, наконецъ, на самого себя, я будто-бы прозрѣлъ, но манію хранительнаго генія, и съ той поры родилось и соврѣло во мнѣ желаніе писать къ вамъ и просить убѣдительнѣйше позволенія перемѣнить направленіе судьбы моей и вступить въ ученое сословіе.

Не приписывайте, милый папенька и милая маменька, сего намѣренія опрометчивости, или мимолетному впечатлѣнію, еще менѣе виѣшнему убѣжденію съ чьей-либо стороны. Нѣтъ, это истинно-свѣтоносная мысль, которая, мелькнувъ однажды, не покидаетъ меня, которой безпреставное присутствие сладостно, какъ бесѣда любимаго нами человѣка, словошь, одна изъ тѣхъ идей, которая отъ времени до времени посылаетъ намъ съ небесъ благое Провидѣніе, какъ нетлѣнный глаголъ святой воли своей.

Каждый долженъ идти прямымъ, кратчайшимъ путемъ къ счастью. Мѣриломъ счастья должна служить большая или меньшая польза, принесенная въ жизни; польза-же сія соразмѣряется съ способностями, характеромъ и склонностію къ тому образу жизни и къ сопряженнымъ съ ними занятіямъ, который, бывъ однажды набравъ, становится какъ-бы рамою для будущихъ начинаній и дѣйствій человѣка. Принявъ это за основаніе, рассмотримъ, что ожидаетъ меня въ будущемъ? Если я буду продолжать въ томъ направленіи, какое доселѣ имѣлъ въ виду, т. е. съ тѣмъ, чтобы послѣ вступить въ дипломатическую службу, то могу-ли достигнуть вполне вышеозначенной цѣли и слѣдовательно счастья? Сомнительно, ибо этому противорѣчатъ и характеръ мой, и обстоятельства. Вы сами согласитесь, что для сего недостаетъ у меня многого: нѣтъ того пріятнаго легкомыслія, которое умѣетъ проникнуться важностію мелочей, что одно можетъ способствовать усѣнному соблюденію оныхъ; нѣтъ тѣхъ блестящихъ качествъ, кои болѣе всего ослѣпляютъ глаза людей и немедленно даютъ нѣкоторый вѣсъ въ ихъ мнѣніи.

Но вѣдь это все приобрѣтается навыкомъ—à force de forger on devient forgeron. А я такъ думаю, что лучше своротить въ сторону и вовсе оставить ту стезю, на которой должно будетъ вѣчно плестись сзади, за обозомъ или состояться полвѣка со столь многими другими, кои вступаютъ на оную съ превосходящими силами. Наконецъ, въ заключеніе скажу, что для меня нестерпимо всякое домогательство, такъ называемая протекція (главная пружина на этомъ поприщѣ) и я всегда въ состояніи лучше отказать отъ всевозможныхъ благъ, чѣмъ кунить ихъ столь дорогою цѣною. Повѣдному, странно-бы казалось, что я говорю о такой вещи, коей я по сію пору не извѣдалъ; однако-же, для того, чтобы узнать свойство своего характера, не всегда нужны рѣзкіе, необыкновенные случаи: ежедневно и въ самыхъ мелочахъ убѣждаюся я въ сей господствующей чертѣ моего характера. Все это не слишкомъ сообразно съ прежнимъ моимъ назначеніемъ, и лучше всего держаться пословицы: не въ свои сани не садись! Что-же касается до обстоятельствъ, то и сія не представляютъ ничего особенно-благопріятнаго и привлекательнаго: надобно еще домогаться, чтобы получить мѣсто, кланяться какъ о милости... Боже небави васъ и меня отъ подобнаго обстоянія. Служить-бы радъ, прислуживаться тошно.

И какъ различна перспектива, ожидающая меня съ другой стороны! Быть просвѣтителемъ ближнихъ, воздѣлывать ниву человѣческихъ знаній, спокойно и независимо отъ другихъ слѣдовать своей склонности, и за все это получать еще уваженіе и благодарность,—вотъ удѣлъ ученаго, избравшаго благую часть сію по собственному произволу и склонности, и исполняющаго должность свою съ раченіемъ и воодушевленіемъ. Часть сія не только пріятна во и въ высокой степени важна, ибо кто усомнится, что [особенно въ ну какъ политическихъ] нѣтъ тиши кабинетовъ, ученыхъ мужей, исходятъ какъ лучи отъ солнца идеи истины, кои служатъ какъ-бы правилами для превратныхъ понятій мірлянъ и, соврѣвъ во мнѣніи, рано или поздно становятся народными, господствующими и проявляются въ той или другой мѣрѣ правительствъ, въ томъ или другомъ направленіи умовъ! И послѣ этого скажите—кто приноситъ богѣе пользы: простодушный ученый, бесѣдующій о законахъ вѣковыхъ, о законахъ сугубой природы, или служащій дипломатъ, который, послѣ многихъ трудовъ и стараній, достигъ, наконецъ, важнаго порученія—и скачетъ сломя голову изъ Россіи въ Неаполь, чтобы вручить посланнику своему орденъ или ленту или что-либо подобное?

Но можетъ быть кто-нибудь возразить: каково-же быть самому посланикомъ, получать кресты, быть представителемъ народа, être admiré, fêté— вотъ дѣлъ трудовъ и скачки. Отвѣтствую: *fasse qui rougira*,

Но глѣстница крута и случан такъ рѣдки,
Какъ соловьиный свистъ отъ курицы насѣдки.

Во всякомъ отношеніи, соглашусь лучше быть искуснымъ слесаремъ, чѣмъ плохимъ фельдмаршаломъ. Въ этомъ и вы согласны.

Не назовите, милые папенька и маменька, всего мною писаннаго простымъ умпичаньемъ. Я живо чувствую, что не имѣю права предназначать себѣ то или другое, и потому никогда-бы не вздумалъ я такъ опредѣлительно упрашивать васъ, если-бы не убѣжденіе, что вы не найдете въ томъ ничего противнаго. Я помню, какъ вы, однажды говоря обо мнѣ, сказали: впрочемъ, ежели В. захочетъ идти по ученой части, то я не прочь. Эти слова сохранились у меня въ памяти и теперь служили краеугольнымъ камнемъ сему письму моему. Пускай, милый папенька, они сбудутся; пусть пророческія шутки Шомаса исполнятся на самомъ дѣлѣ.

Читая долгое письмо сіе, вы вѣрно скажете: „да къ какой стати онъ именно теперь объ этомъ вздумалъ?...“ И вотъ что я считаю необходимымъ прибавить, какъ главный пунктъ всего дѣла: профессорскій институтъ, насажденный самимъ мовархомъ, который заботится о немъ, какъ о своемъ вертоградѣ, вскорѣ лишится одного изъ членовъ своихъ, чрезъ выбитіе его отъ болѣзни.... Чего-бы лучше и приличнѣе мнѣ занять мѣсто сіе. Попросивъ о томъ Д. Н. Блудова, также чрезъ посредство Г. Перевощикова можно-бы было сіе нетрудно сдѣлать, и вотъ то пламенно-желаемое мною событіе, которое подало поводъ къ этому письму. Чего мнѣ надѣяться? — Въ случаѣ удачи благословлю судьбу свою, теперь-же, пустивъ корабль свой на воду, буду ждать отъ васъ желаннаго отвѣта! О! si, si, si!...

Частию вамъ извѣстны выгоды и привилегіи профессорскаго инст., частию-же дополню въ будущемъ письмѣ.

Прощайте, милый папенька и милая маменька, цѣлую ваши ручки; въ другой разъ подробнѣе поговорю вамъ о выгодахъ предложенія своего.

II.

[Переводъ]. Предисловіе къ сочиненію профессора В. С. Порошина: „Наши русскіе вопросы“.

Мы брались неоднократно и по разнымъ поводамъ за перо, съ цѣлью обсудить нѣкоторые вопросы, касающіеся до нашей родины.

Такъ какъ эти статьи, разсѣяныя въ повременныхъ изданіяхъ, были вызваны однимъ и тѣмъ-же побужденіемъ, именно желаніемъ выяснитъ важные вопросы въ области права общественной жизни или исторіи, которые большею частью были плохо поняты или умышленно искажены, то мы полагаемъ, что здѣсь было-бы нелишнимъ соединитъ въ одно цѣлое разбросанныя отрывки одной общей: добросовѣстно высказанной, мысли, неизмѣнно посвященной служенію истинны. Мы не утаивали истинны ни передъ кѣмъ: ни передъ нашими соотечественниками, ни, тѣмъ болѣе, передъ иностранцами, выска-

«ывая вмѣстѣ съ первыми искренніа пожеланія, чтобы „вара разумной свободы оварила со временемъ наше отечество“, и требуа отъ вторыхъ одной лишь справедливости, той полной справедливости, какой заслуживаетъ истина.

Распространить правильное понятіе о Россіи, добиться того, чтобы она познала самое себя, и чтобы ее познали за-границею—задача громадна: вадъ нею трудятся непрерывно въ Россіи ученые общества и вавѣстнѣйшіе писатели.

Эта задача особенно трудна для того, кто, живя вдали отъ своего отечества, лишень вслѣдствіе этого возможности пользоваться точными и обстоятельными данными, на основаніи которыхъ онъ могъ-бы сдѣлать свои выводы и въ силу которыхъ его, мнѣніе могло-бы быть принято другими. Однако мнѣніе, сложившееся при подобныхъ условіяхъ, отнюдь не можетъ считаться вслѣдствіе этого несостоятельнымъ. Будучи свободно отъ вліанія окружающей среды, оно имѣетъ за собою иной разъ то преимущество, что является мнѣніемъ болѣе искреннимъ, менѣе подражательнымъ, словомъ, болѣе самостоятельнымъ. Равнѣ намъ не случается за-частую видѣть, что зритель съ умысломъ становится на болѣе возвышенный или болѣе отдаленный пунктъ, чтобы оттуда лучше равладѣть общій видъ какой-нибудь мѣстности или какого-нибудь памятника.

Имѣя въ виду главнымъ образомъ предубѣжденія, распространенныа въ средѣ иностранцевъ, мы старались противопоставить имъ свидѣтельство фактовъ, взятыхъ изъ самыхъ первыхъ и достовѣрныхъ источниковъ. Игнорировать факты и говорить нелѣпости—такова до сихъ поръ привычка многихъ людей, присваивающихъ себѣ право говорить о Россіи въ серьезныхъ политическихъ собраніяхъ или газетахъ, передъ многочисленною публикою, жадною до новостей, но дорожащею прежде всего своими заблужденіями и тѣми стереотипными фразами, которыа освобождаютъ ее отъ труда мыслить и поучаться. Эти неонныя недоразумѣнія систематически поддерживаются, упрочиваются и распространяются въ послѣднее время, благодаря безрассуднымъ увлеченіямъ извѣстнаго класса людей, стремящихся все перепутать, внести всюду мракъ и хаосъ, ибо имъ извѣстно, безъ сомнѣнія, что хаосъ предшествовалъ сотворенію міра, а они вѣдь намѣрены пересоздать міръ по-своему.

По нашему мнѣнію, наука и истинное краснорѣчіе должны-бы вести постоянную борьбу, съ цѣлью разрушать, по мѣрѣ его возникновенія, то зданіе лжи, которое постоянно возводится противъ прошлаго, настоящаго и будущаго русскаго народа, и чтобы побѣдоносно опровергнуть съ самаго начала тѣхъ, которые изощряются въ клеветѣ, руководясь ангельскою заповѣдью: говорите, говорите, ваши слова все-же принесутъ какой-нибудь плодъ.

Любопытно, въ самомъ дѣлѣ, наблюдать, какъ ложные взгляды пробиваютъ себѣ путь между людей, какъ горчичное зерно, брошенное на вѣтеръ, пускаетъ корни и становится со временемъ тѣмъ исполоскнмъ деревомъ, которое своимъ шелестомъ изумляетъ толпу и заставляетъ смолкнуть цѣлое собраніе почтенныхъ слушателей, имъ очарованныхъ и какъ-бы подавленныхъ и т. д. и т. д.

Сообщ. 13-го ноября 1884 г. Софья Сем. Порошина.

КНЯЗЬ ВЛАДИМИРЪ ѲЕДОРОВИЧЪ ОДОЕВСКІЙ.

I.

Письмо къ С. И. Лапшину.

Выборгъ. 1861 г., сент. 2-го.

Вѣдомо вамъ буди, почтеннѣйшій и любезнѣйшій Сергій Ивановичъ, что сего 6-го сентября, въ среду, на пароходѣ „Викторія“ изъ Выборга отправляются въ Импер. Публ. Библиотеку семь тюковъ подъ №№ отъ 2 до 7 съ разными бумагами, книгами, автографами (даримыми мною въ Библиотеку); эти тюки, съ разрѣшенія, полученнаго мною отъ его высокопревосходительства, должны оставаться не вскрытыми до моего пріѣзда, около 6-го октября. Такъ какъ на здѣшнихъ пароходахъ людъ довольно безтолковый, то потрудитесь послать на Васильевскій Островъ къ дебаркадеру „Викторіи“ дѣльнаго сторожа съ прилагаемою запискою. Пароходъ приходитъ въ Петербургъ въ тотъ-же день, т. е. 6-го сентября, около 5 часовъ пополудни.

Скажите сторожу, чтобы онъ-же получилъ ящикъ подъ знакомъ # № 100 и этотъ ящикъ оставилъ-бы въ музеумѣ у Зимницкаго, къ коему объ этомъ пишу; а при семъ записка для сторожа.

Остальные тюки еще штукъ 14 (но вдвое меньше) пришлю частію по почтѣ (здѣсь принимаютъ лишь до 20 ф.), частію на пароходахъ, и о каждой посылкѣ буду увѣдомлять васъ. Я нашелъ у себя вещи преннтересныя, о коихъ чуть было не забылъ: мою переписку съ Пушкинымъ, его письма, Гоголя изъ Рима, Глинки и много отъ другихъ, живыхъ и мертвыхъ. Благодарю васъ за ваше милое письмо и за добрыя ваши обо мнѣ мысли, я вашимъ мнѣніемъ дорожу и весьма, ибо вы—человѣкъ прямодушный и нѣтъ въ васъ лжи, что я цѣню выше всего на свѣтѣ; центральный пунктъ

и ума и нравственности, какъ и искусства одинъ—истина, quand même. Я знаю, что обо мнѣ ходятъ самыя противорѣчащія слухи: одни говорятъ, что я чрезмѣрно податливъ на убѣжденія, другіе, что я несносно упрямъ; говорятъ, что я только въ комитетахъ и другихъ мѣстахъ, гдѣ могу говорить во всеуслышаніе, нападаю на формализмъ, но что на дѣлѣ въ моемъ служебномъ кругу, я отъявленный формалистъ и педантъ. И все это правда, но объясняется очень просто. Мое убѣжденіе: всѣ мы въ жизни люди за контрактованные; контрактъ можетъ быть прескверный, пренелѣпный, но мы его приняли, родясь, женись, вступая въ службу и т. д., слѣдственно, должны исполнять его, что не мѣшаетъ стараться о его измѣненіи и о томъ, чтобы впредь таковыхъ контрактовъ не было.

Dura lex, sed lex—говорили римляне. Въ администраціи то-же, что въ дѣлѣ судебномъ: судья долженъ прилагать самый нелѣпый законъ, пока этотъ законъ существуетъ. Въ томъ условіе всякаго государственнаго, общественнаго, семейнаго и прочихъ устройствъ.

Засимъ да хранить васъ Богъ. Васъ душевно уважающій

Князь В. Одоевскій.

Поблагодарите Василя Ивановича (Собольщикова) за его письмо; я къ нему буду писать на слѣдующей недѣлѣ.

Приписка: Какъ здоровье Аѳанасія Федоровича (Бычкова)?

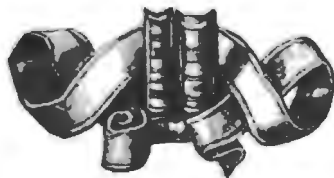
На конвертѣ адресъ:

Его Высокоблагородію Сергѣю Ивановичу Лапшину.

С.-Петербургъ.

Въ Императорскую Публичную Библіотеку отъ гофмейстера князя Одоевскаго.

Сообщ. И. С. Ремезовъ.

II.

ЗАКОНЫ XII-ти ТАВЛИЦЪ

или

Ронгасское Уложение—Code-Rongas.

I. Всякій воленъ дѣлать что хочетъ, ничѣмъ не стѣсняясь, кромѣ тѣхъ ограниченій, которыя постановлены въ слѣдующихъ статьяхъ.

II. Всякая любезность и предупредительность строго запрещаются, но каждый обязанъ молчать, когда не въ расположеніи говорить, равно не слушать другихъ, когда ему того не хочется, и для такихъ случаевъ сунуть носъ въ книгу или газету. Каждый воленъ пріѣхать и уѣхать, когда ему угодно, но объявлять о причинахъ своего отъѣзда запрещается. Ввозъ солины и хандры допускается безпошлинно, но ввозъ картъ, кромѣ географическихъ, на всемъ пространствѣ Ронгаса ¹⁾, запрещенъ безусловно.

III. Мужчинамъ дозволяется бриться, но съ большою умѣренностью, которой самъ владѣлецъ Ронгаса будетъ живымъ примѣромъ; по чувству милосердія, дамамъ дозволяется носить корсеты, но не слишкомъ затягиваться. Администрація надѣется, что никто не дозволитъ себѣ употребленія фракковъ, круглыхъ шляпъ, бѣлыхъ галстуховъ, и другой тому подобной неблагоприличной одежды.

IV. Ронгасская администрація требуетъ отъ жителей полной откровенности, всякой обязанъ о своихъ потребностяхъ чистосердечно относиться: а) по питейной части къ гофъ-интенданту Евфросимъ ²⁾; б) по провіантной—къ оберъ-провіантмейстеру—Ивану ³⁾; в) о всѣхъ другихъ, сверхъ выше-упомянутыхъ, потребностяхъ къ генералъ-коменданту—Фридриху ⁴⁾.

Примѣчаніе. При семъ не должно упускать изъ вида, что въ Ронгасскомъ арсеналѣ хранятся значительные запасы: ревеня въ порошокъ и въ пилулахъ, *pastilles digestives*, магнезиі женой и *alba*, и другихъ оборонительныхъ и наступательныхъ орудій.

¹⁾ Мыза князя Владиміра Федоровича Одоевскаго.

²⁾ Горничная.

³⁾ Лавей.

⁴⁾ Камердинеръ.

V. Обѣдъ назначается въ 4 часа пополудни, вечерній чай въ 9 часовъ, но эти часы могутъ измѣняться по общему соглашенію; каждый спитъ сколько и когда душѣ его угодно, но, проснувшись, обязанъ требовать чаю, кофію и проч. и проч., по произволенію. Воду дозволяется употреблять лишь для туалета.

VI. Относительно обѣдовъ, полдниковъ, равно общихъ прогулокъ и другихъ тому подобныхъ благонамѣренныхъ предпріятій, постановляется основнымъ правиломъ, что большинство присутствующихъ не ждетъ меньшинства, но меньшинство всегда ожидаетъ большинства.

VII. Запрещается вмѣшиваться во внутреннія Ронгасскія политическія дѣла, каковы, напримѣръ, непріязненные отношенія между Муму ¹⁾ и Титининой ²⁾, но, не смотря на все уваженіе, которымъ всякій обязанъ къ г-жѣ Титининой, какъ къ первоклассной особѣ, давать ей или кому-либо изъ членовъ сего семейства какіе-либо свѣстные припасы, въ особенности кости, строжайше запрещается. Въ щекотливыхъ обстоятельствахъ, возникшихъ между туземными обывателями: Муму и Жипси ³⁾ и новопришельцомъ Ронгазомъ ⁴⁾ требуется соблюденіе величайшей осторожности и устраненіе всѣхъ поводовъ къ раздраженію.

VIII. О внѣшней политикѣ Ронгаса, т. е. объ отношеніяхъ его къ сосѣдямъ, астрѣбамъ—никакія толкованія не допускаются, поелику стали постоянными врагами Ронгаса можетъ быть нанесенъ важный ему ущербъ, въ особенности по куриному отдѣленію; но, не смотря на то, всякая стрѣльба изъ огнестрѣльныхъ орудій на всемъ пространствѣ Ронгаса запрещается.

IX. Благоприличныя представленія относительно неустройствъ въ погодѣ допускаются; Ронгасская администрація не преминетъ воспользоваться таковыми указаніями для учиненія надлежащихъ распоряженій по сей части; но выходить безъ калошъ и зонтика воспрещается, ибо иначе можетъ утвердиться мнѣніе, что въ Ронгасѣ когда-нибудь бываетъ дождь—слухъ, распространяемый его врагами. Подсмѣиваться надъ египетско-чухонскимъ стилемъ Ронгасской архитектуры дозволяется лишь исподтишка; но благонамѣренныя сужденія о превосходствѣ сего стиля предъ всѣми другими допускаются.

X. Утираться рукавомъ, сморкаться въ руку или обсушиваться, послѣ купанья, валяясь въ песокѣ, строго запрещается; при-

¹⁾ Любимая собака князя.

²⁾ Тоже—княгини.

³⁾ ⁴⁾ Тоже собаки.

чемъ поставляется на видъ, что въ Ронгасскомъ цейхъ-гаузѣ хранится достаточное количество простынь, полотенецъ и носовыхъ платковъ для желающихъ.

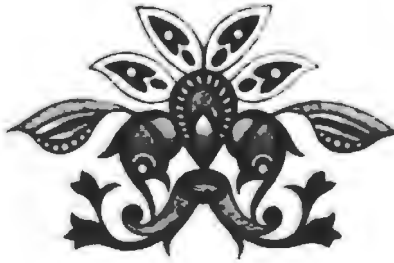
XI. Красть свѣчки или употреблять ихъ вмѣсто fixatoire запрещается, но всякій обязаѣ свѣчку, выданную ему отъ администраціи, погасить самъ, не полагаясь въ этомъ дѣлѣ на прислугу.

XII. За несоблюденіе какого-либо изъ сихъ правилъ, виновный вносить одинъ рубль сер. въ пользу квартиры престарѣлыхъ женщинъ ¹⁾, за явное-же нарушеніе сего уложенія и совершенное ослушаніе и неповиновеніе, виновный осуждается прочесть, не останавливаясь, двѣ страницы изъ „Домашней Бесѣды“ г. Аскоченскаго

Князь В. А. Одоевскій.

Rongas. Anno Domini 1861.

Сообщ. И. С. Ремезовъ.

¹⁾ Начальницею сего заведенія — княгиня.

ДНЕВНИКЪ АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА НИКИТЕНКО

1872 г. ¹⁾.

январь 1. Суббота. Общественная моя дѣятельность нынѣ настолько сократилась, что я могу все болѣе и болѣе сосредоточивать мое вниманіе на моихъ хозяйственныхъ дѣлахъ, т. е. на внутреннемъ моемъ мірѣ. Главнымъ послѣдствіемъ этого самоуглубленія выходитъ сознаніе моихъ многихъ ошибокъ въ прошедшемъ. Къ счастью, это не повергаетъ меня въ уныніе и апатію относительно моего будущаго. Работая надъ самимъ собою, я все еще стараюсь расширять кругъ моихъ понятій, пополнять кое-какія мои познанія,

¹⁾ См. „Русскую Старину“ над. 1888 г., т. LIX, авг., стр. 305—341; сент., стр. 483—524; т. LX, окт., стр. 61—83; ноябрь, стр. 267—310; дек., стр. 549—582; над. 1889 г., томъ LXI, февр., стр. 293—314; мартъ, стр. 506—523; т. LXII, апр., стр. 107—130; июнь, стр. 577—598; т. LXIII, июль, стр. 27—60; августъ, стр. 265—299; сентябрь, стр. 519—558; т. LXIV, октябрь, стр. 103—122; ноябрь, стр. 323—334; декабрь, стр. 727—758; над. 1890 г., т. LXV, январь, стр. 35—53; февраль, стр. 371—406; мартъ, стр. 629—653; томъ LXVI, апрѣль, стр. 25—48; май, стр. 27—296; июнь, стр. 611—638; т. LXVII, июль, стр. 133—160; августъ, стр. 361—377; сентябрь, стр. 575—626; томъ LXVIII, октябрь, стр. 137—186; ноябрь, стр. 383—422; декабрь, стр. 535—614; над. 1891 г., т. LXIX, январь, стр. 39—104; февраль, стр. 329—386; мартъ, стр. 701—761; т. LXX, апрѣль, стр. 137—166; май, стр. 389—428; июнь, стр. 617—655; т. LXXI, июль, стр. 83—117; августъ, стр. 279—310; сентябрь, стр. 562—592; т. LXXII, октябрь, стр. 155—181; ноябрь, стр. 431—448; декабрь, стр. 659—686; над. 1892 г., т. LXXIII январь, стр. 151—174; февраль, стр. 395—422; мартъ, 605—632.

а главное—обставлять мой характеръ укрѣпленіями такъ, чтобы въ него не могли проникать и его колебать никакія внѣшнія враждебныя вліянія.

Въ поведеніи—самообладаніе и сдержанность.

Какъ-бы ни были прекрасны, благородны, справедливы твои мысли и убѣжденія, но если ты вносишь ихъ въ среду, имъ непріязненную, то ты не иное что, какъ бѣдный донъ-Кихоть, рыцарь печальнаго образа, подвигающийся въ честь несуществующаго странствующаго рыцарства.

3. Понедѣльникъ. Появилась моя рѣчь о Сперанскомъ въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ № 3.

Наше поколѣніе хочетъ отличаться бородами. Оно носитъ на себѣ эти признаки мужей, за неимѣніемъ мужественности въ душахъ своихъ.

7. Пятница. Въ засѣданіи Отдѣленія Академіи Наукъ сегодня предложены были въ члены его Сухомлиновъ и Соловьевъ—историкъ. Относительно послѣдняго я изъяснилъ сомнѣніе, подходитъ-ли онъ подъ наше отдѣленіе? Оказалось, что въ правилахъ есть статья, допускающая выборъ въ наше отдѣленіе сочлена и по исторіи. Ну такъ не о чемъ и толковать. Еще пройдетъ-ли выборъ этотъ въ общемъ собраніи? Грогъ увѣренъ, что пройдетъ.

10. Понедѣльникъ. Наши интеллигентные люди обыкновенно читаютъ не книги или большія статьи, требующія размышленія, а статейки. Фельетоны и стихи, особенно приправленные скандалами, ихъ радость и пища. Болѣе серьезные люди, впрочемъ, интересуются и книгами, содержащими въ себѣ разные историческіе матеріалы, что было-бы, конечно, очень хорошо, если-бы въ то-же время они не питали отвращенія къ разъясненію ихъ духа, смысла и сколько-нибудь къ систематически извлеченнымъ выводамъ. Факты, голые факты—и болѣе ничего.

11. Вторникъ. И Иванъ и Петръ могутъ быть одинаково добрыми людьми, а, между тѣмъ, между ними можетъ быть неизмѣримая разница, смотря по тому, какими основаніями, идеалами и побужденіями опредѣляется ихъ доброта.

Вопросъ: есть-ли разница между дѣяніями человѣческими, которыя цѣнны сами по себѣ, и такими, которыя цѣнятся только по отношенію къ пользѣ, выгодамъ нашимъ и т. п.? Отъ разъясненія этого вопроса зависитъ судьба нравственности.

Надобно дѣлать добро, потому что оно хорошо, цѣнно само по себѣ. Вотъ главное основаніе нравственнаго закона.

Но кто оцѣнщикъ дѣянія?—разумъ и чувство.

Главная и первѣйшая добродѣтель, безъ сомнѣнія, справедливость.

Въ здѣшнемъ университетѣ хотѣли праздновать, т. е. сдѣлать актъ въ память Сперанскаго. Министръ подъ рукою далъ знать ректору, что лучше этого не дѣлать. Такъ актъ и не состоялся. Да и въ обществѣ, кажется, не былъ сочувственно принять юбилей Сперанскаго. Доказательство этому, между прочимъ, въ томъ, что чрезвычайно туго идетъ подписка на премію, которую законовѣды наши пожелали назначить за лучшее юридическое сочиненіе въ память знаменитаго человѣка.

16. Воскресенье. У Д. Просилъ его о пенсіонѣ женѣ умершаго брата Крамскаго. Онъ обѣщаль сдѣлать все, что можно лучшаго. Вообще онъ оказалъ мнѣ чрезвычайно много любезностей. Отъ него къ Небольсину; онъ боленъ. Вечеръ у Крамскаго.

17. Понедѣльникъ. Моя брошюра о Сперанскомъ принимается кой-кѣмъ съ большимъ одобреніемъ. Я теперь жалѣю, что напечаталъ ее въ такомъ небольшомъ числѣ экземпляровъ. Всего 50. Но все это пустяки.

По нашимъ понятіямъ добро или благо то, что соответствуетъ нашимъ желаніямъ, нашимъ стремленіямъ и цѣлямъ. Но не таково добро въ верховномъ божественномъ разумѣ. Въ немъ добро то, что живетъ и производитъ жизнь.

Въ сердцѣ человѣческомъ есть щели, куда, какъ влопы, моль и другія насѣкомыя, залѣзаютъ безпрестанно разные сверные, мелкіе, дразговые помыслы и поползновенія. Но умный человѣкъ, какъ хорошій хозяинъ, смотритъ зорко за этимъ сбродомъ и не веди съ нимъ серьезной войны, выводитъ его легко и скоро, такъ что отъ него не происходитъ никакой порчи характеру и основнымъ благороднымъ побужденіямъ и цѣлямъ.

Относительно умственной достовѣрности нельзя-ли сказать: „достоверно, что я думаю, но то, о чемъ я думаю, можетъ быть и недостоверно“.

Февраль 1. Вторникъ. Вчера заѣзжалъ ко мнѣ Погодинъ, но не засталъ меня дома. Потомъ видѣлся я съ нимъ у Корвилова.

3. Четвергъ. Провель у Погодина часа четыре. Онъ прѣхалъ сюда, чтобы поднести государю свою русскую исторію, написанную до монгольскаго ига. Въ книгѣ этой замѣчательно посвяtitельное письмо государю, гдѣ въ началѣ Погодинъ говорить, что онъ родомъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ и подноситъ свое сочиненіе освободителю ихъ. Мы вдоволь наговорились о разныхъ современностяхъ.

4. Пятница. Общее засѣданіе въ Академіи Наукъ. Читаны двѣ записки объ избраніи въ члены Академіи по II Отдѣленію Соловьева историка и Сухомлинова.

Погодинъ напечаталъ въ „Гражданинѣ“ статью противъ Костомарова въ опроверженіе его характеристикъ Скопина-Шуйскаго, Минина, Пожарскаго. Авторъ припоминаетъ тутъ-же и статью Костомарова, въ которой послѣдній унижаетъ сильно Дмитрія Донскаго. Статья эта, съ мѣсяцъ тому назадъ, была напечатана въ „Академическомъ Календарѣ“. Между прочимъ, Погодинъ говоритъ, что ему извѣстно „какія возни“ употреблены были для ея напечатанія къ стыду академіи. Сегодня В. предложилъ собранію спросить Погодина: „какія это возни“? По его словамъ, слова Погодина заключаютъ въ себѣ оскорбленіе Академіи, которая должна потребовать отъ Погодина, какъ своего сочлена, объясненія. Собраніе согласилось на это требованіе В. Но были и мнѣнія, что не лучше-ли для избѣжанія скандала не начинать этого дѣла. Я тоже полагалъ, что подобное рѣшеніе было-бы лучше. Но если уже пошло на это, то такъ тому и быть. Изъ этого, вѣроятно, ничего хорошаго не выйдетъ. Публика, забывшая непристойность помѣщенія Костомаровской статьи въ Календарѣ, теперь вспомнить о ней.

Требовать отъ насъ, чтобы мы вдругъ сдѣлались чѣмъ-то въ родѣ героевъ гражданской и всяческой доблести, значитъ требовать, чтобы день былъ ночь, а ночь—день, по выраженію Шекспира. Это особенно относится къ нѣкоторымъ ошибкамъ нашихъ судовъ, которыя съ такимъ (рвеніемъ) стараются оглашать „Московскія Вѣдомости“.

6. Воскресенье. „Голосу“ третье предостереженіе съ приостановленіемъ на четыре мѣсяца. Итакъ „Голосъ“ не существуетъ. „Московскія Вѣдомости“ считать нечего.

9. Среда. Реакція принимаетъ, повидимому, систематическій

характеръ. Самыя крупныя проявленія ея: реформа среднихъ учебныхъ заведеній, съ намѣреніемъ отклонить среднее и неумощное сословія отъ высшаго образованія, съ предоставленіемъ ему права приготовленія своего юношества къ низшей техникумъ. Потомъ подкапываніе подъ самостоятельность новыхъ судовъ и, наконецъ, стѣснительныя мѣры противъ печати. Вотъ что дѣлается. А что въ обществѣ? Интеллектуальная часть его въ тревогѣ и волненіи; но она безсильна и притомъ въ ней самой разладъ идей, взглядовъ и убѣжденій. Что касается до другихъ классовъ, то они обрѣтаются въ глубокомъ невѣжествѣ безъ малѣйшаго понятія о политическихъ и общественныхъ интересахъ. Они готовы признать все, что служитъ опорой для удовольствія, что Россія вовсе не выросла для какихъ-либо (самостоятельныхъ) учреждений. Значить, мы пойдемъ туда, куда поведетъ насъ реакція. Такимъ образомъ, что остается мыслящему и честному человѣку, который стоитъ совсѣмъ одиноко? Крайній индифферентизмъ нашего общества въ цѣломъ ко всему, что не относится къ личнымъ выгодамъ отдѣльныхъ личностей, крайняя неразвитость умовъ отнимаютъ у перваго возможность, а подчасъ и охоту что-либо дѣлать въ этой странной мутной средѣ, гдѣ сегодня бываетъ одно, а завтра другое, но все бывающее не подвигаетъ людей ни къ чему опредѣленному и разумному.

Катковъ пріѣхалъ опять сюда, чтобы воодушевлять и начинать аргументами къ предстоящей борьбѣ въ государственномъ совѣтѣ, по поводу реальныхъ училищъ, которыя, по плану московскаго заправила, должны быть профессиональными въ низшемъ техническомъ смыслѣ, а не общеобразовательными. Что это такъ и будетъ, въ томъ нѣтъ ни малѣйшаго сомнѣнія.

12. Суббота. Я всегда былъ врагомъ всякихъ крайностей, исключая тѣхъ минутныхъ увлеченій, когда меня поражала какая-нибудь несправедливость и побуждала къ неумѣреннымъ измѣненіямъ моихъ чувствъ. Главное начало, служащее основаніемъ моего міровоззрѣнія, есть законъ уравновѣшенія. Онъ господствуетъ въ природѣ и долженъ господствовать въ отношеніяхъ людей въ общественномъ строѣ, во всемъ, гдѣ человѣку приходится мыслить и дѣйствовать.

Я врагъ всякаго абсолютизма, будь онъ политическій,

умственный, абсолютизмъ системы или мнѣнія. Мнѣніе или идея, старающаяся поглотить все другія и присвоить себѣ господство надъ умами, мнѣ также противна, какъ и власть, которая хочетъ подклонить подъ свое иго всехъ людей съ ихъ дѣйствіями и правами.

Кто больше заслуживаетъ осужденія: тотъ-ли, кто отъ своихъ избытковъ ничего никому не даетъ, или тотъ, кто давъ отнимаетъ?.....

Единственное прибѣжище мысли — настаивать всячески на законности.

У одного хозяина мыши завелись въ домѣ. Кто-то и присоветовалъ ему, для избавленія отъ нихъ, сломать домъ.

Вездѣ, гдѣ человѣкъ ищетъ невѣдомаго или стремится къ нему, даже въ самыхъ грубыхъ формахъ, проявляется духъ и высшая человѣческая натура.

...„Въ самомъ дѣлѣ, мой старій пріятель Катковъ дошелъ до послѣдней крайности, противудѣйствуя всему, что въ нынѣшнее царствованіе сдѣлано хорошаго въ Россіи. Онъ какъ бѣшеный кидается на новые суды, на общественное мнѣніе, на всехъ, кто не раздѣляетъ его классическихъ проектовъ, во всемъ видитъ преступленіе, измѣну, нигилизмъ. Все это страшно надоѣло всемъ, и даже прежніе почитатели его рѣшительно отъ него отшатнулись. Я знаю нѣкоторыхъ, которые перестали выписывать или читать „Московскія Вѣдомости“. Въ обществѣ рѣшительно господствуетъ мнѣніе, что по его доносу запрещенъ и „Голосъ“. Если это правда, то какъ это назвать? Мнѣ Краевскій говорилъ, что ему подлинно извѣстно, что это правда.

Былъ надняхъ у А. С. Воронова и прочиталъ у него мнѣніе А. В. Головнина, представленное предсѣдателю государственнаго совѣта, великому князю, о новыхъ временныхъ правилахъ цензуры, внесенныхъ въ совѣтъ. Мнѣніе это написано съ замѣчательнымъ умомъ, правдою и твердостью; оно все проникнуто мыслью въ защиту свободы печати, разумѣется въ извѣстныхъ предѣлахъ, и пагубности репрессивныхъ противъ нея мѣръ.

18. Пятница. Вчера въ комиссіи государственнаго совѣта рѣшилось дѣло о реальныхъ училищахъ. Шестъ членовъ были за проектъ министра народнаго просвѣщенія, а девять противъ.

Замѣчательно то, что графъ Панинъ, который сильно и даже умно ратовалъ въ прежней комиссіи и въ общемъ собраніи государственнаго совѣта въ пользу реальныхъ училищъ, теперь перешелъ на сторону министерскаго проекта. Въ числѣ девяти вообще находятся наиболѣе значительные члены совѣта. Вотъ нѣкоторые изъ этихъ членовъ: графъ Литке, Чевкинъ, Милютинъ, Головинъ, Гротъ, Грейгъ, Титовъ, Оболенскій. Въ числѣ шести: графъ Толстой, графъ Строгоновъ, графъ Панинъ, кн. С. Урусовъ, Валувевъ, Путатинъ.

25. Пятница. Запрещена газета „Дѣятельность“, а у газеты „Новое Время“ отнято право розничной продажи.

Говорятъ, что въ Земледѣльческомъ училищѣ (помѣщающемся въ бывшемъ Лѣсномъ корпусѣ) произведена студентами кака-то демонстрація. Что за несчастіе Россіи это юношество, пропитанное съ ногъ до головы пошлымъ либерализмомъ, который есть не иное что, какъ полнѣйшее безвѣріе религиозное, нравственное и умственное, полнѣйшее распутство! Какъ вдохнуть лучшій духъ въ это жалкое поколѣніе! Однимъ классицизмомъ этого нельзя. Страхъ наказаній тоже не подѣйствуетъ. О tempo! о mores!

Неудовольствіе въ публикѣ на присяжныхъ за оправданіе Мясниковыхъ. Въ дѣлѣ не оказалось достаточныхъ поводовъ къ ихъ обвиненію, т. е. уликъ, которыя юридически могли-бы быть этимъ поводомъ. Но присяжные, говорятъ, должны были-бы основаться на совѣсти, потому что нравственное убѣжденіе въ виновности Мясниковыхъ общее. Но, можетъ быть, присяжные поэтому самому и не могли вынести обвинительнаго вердикта, опасаясь, по справедливости, быть орудіемъ чужихъ толковъ и слуховъ, давно уже ходившихъ въ городѣ.

Мартъ 3. Пятница. Второе отдѣленіе академіи выбрало Соловьева въ свои члены въ званіи ординарнаго академика. Сегодня въ общемъ собраніи происходила баллотировка. Соловьевъ получилъ 27 избирательныхъ шаровъ и 2 неизбирательныхъ.

О земледѣльческой исторіи (въ институтѣ) оказалось, что это пустяки. Была просто глупая шалость одного глупаго воспитанника, и первые, кто возстали противъ него, были его-же товарищи. Кажется, изъ этого хотѣли нѣкоторые раздуть нѣчто важное, но не успѣли.

8. Среда. Наша внутренняя жизнь есть не иное что, какъ игра разнаго рода представленій и движеній, совершающихся механически по извѣстнымъ законамъ; мы тутъ не больше какъ арена, на которой они совершаются. Главные двигатели всего этого наши инстинкты, животные и психологическіе. Однако, человѣку дана правительственная сила, и ей-то принадлежитъ власть распоряжаться тѣмъ, что происходитъ въ насъ, и направляетъ это къ извѣстнымъ цѣлямъ и идеямъ. Худо, если эта сила слаба. Тогда мы впадаемъ въ нравственную анархію и становимся послушными орудіями, добычею инстинктовъ.

Россия страдаетъ совсѣмъ не тѣми недугами, какъ западная Европа, и потому къ намъ вовсе не идутъ тѣ теоріи объ измѣненіи существующаго порядка, какія проповѣдуются тамъ. У насъ двѣ глубокія раны, требующія врачеванія: невѣжество народа и дурная администрація (1872 г.). Исцѣлить послѣднюю гораздо труднѣе, чѣмъ первое. Къ послѣдней примѣняются исполнѣ слова: „врачу — исцѣлился самъ“. Но какъ ей лѣчиться отъ главнаго зла — отъ злоупотребленія властью? Вѣдь свойство ея болѣзни и состоитъ въ томъ, что она есть такова, какова есть, и чтобы сдѣлаться лучшею, ей слѣдовало-бы отказаться отъ самой себя.

10. Пятница. Вторая половина февраля была и тепла и свѣтла. Но весь мартъ несносно холоденъ, между тѣмъ какъ солнце сіяетъ великолѣпно. Были дни, что морозъ доходилъ до 12 и даже 14° и постоянно то 7, то 8° — сегодня также.

Моя служба обществу разбивается на двѣ половины: на учено-литературную и литературно-административную. Могу сказать одно, что въ первой я всегда старался проводить идеи, возвышающія человеческое достоинство нашей національности; во второй не безъ нѣкотораго мужества старался отражать напоръ неблагоприятныхъ обстоятельствъ противъ нашей мысли и науки. Болѣе я ничего не сдѣлалъ и не могъ сдѣлать. Пусть поэтому и судятъ меня.

12. Воскресенье. Обѣдъ въ римско-католической академіи Праздникъ ея церкви. По обыкновенію, я былъ осыпанъ любезностями всѣхъ присутствовавшихъ.

Классики въ восхищеніи, думая, что они спасутъ Россію, основавъ образованіе наше на греческомъ и латинскомъ языкахъ.

Не станемъ спорить, что въ классицизмѣ заключается важная образовательная сила. Но все-же это не есть само содержаніе знанія, а вотъ содержаніе-то откуда придетъ, какъ не изъ современной науки, и если правда, что современная наука ведетъ къ разрушительнымъ послѣдствіямъ, то какъ вы уберезете отъ нихъ поколѣніе, которое должно-же чѣмъ-нибудь занять свои, образованныя на древнихъ образцахъ, силы? Вѣдь не запрете вы его въ клѣтку, куда-бы не могъ проникнуть ни одинъ лучъ изъ духа вѣка.

15. Среда. Получилъ отъ общества художниковъ приглашеніе на обѣдъ по подпискѣ, въ честь Островскаго. Не пошелъ потому, что не зналъ, кто тутъ распоряжается. Да притомъ и Островскаго въ Петербургѣ нѣтъ.

24. Пятница. Всякая мысль, кажущаяся опасною, когда она передается, такъ сказать, шепотомъ, отъ одного другому, теряетъ свою опасность, какъ скоро она провозглашается во всеуслышаніе просто и не болѣе, какъ въ видѣ мысли. Въ безконечномъ приливѣ и отливѣ человѣческихъ мыслей, она скоро замѣняется другими и становится не болѣе, какъ обыкновеннымъ продуктомъ мышленія.

26. Воскресенье. Общественное мнѣніе сильно возстаетъ противъ крайняго классицизма. Въ этомъ, однако, выражается не одно несогласіе общества съ принятымъ планомъ обученія, но вообще оппозиціонный духъ, который, за недостаткомъ другой почвы, проявляется на этой, такъ какъ на ней можно встрѣтить менѣе ограниченія....

Апрѣль 3. Понедѣльникъ. Вчера былъ у князя П. А. Вяземскаго. Онъ довольно мраченъ, однако бесѣдовалъ со мною, какъ всегда, безъ калѣйшихъ признаковъ какого-нибудь внутренняго разстройства, кромѣ грустнаго сознанія, что онъ не такъ здоровъ, какъ-бы желалось, и уже очень старъ. Онъ былъ очень доволенъ моимъ посѣщеніемъ.

Въ Одессѣ, въ тамошнемъ соборѣ, украдена икона Божіей Матери, осыпанная драгоценными камнями и считавшаяся чудотворною. Полиція выбилась изъ силъ, отыскивая воровъ и украденную Божію Матерь. Но вотъ пріѣхала въ Одессу императрица и въ тотъ самый день икона была найдена, завернутая

въ салфетку, но уже безъ драгоценныхъ украшеній. Такое неожиданное обрѣтеніе и притомъ въ моментъ пріѣзда высочайшей особы, конечно, составляетъ уже чудо. Икону принесли въ соборъ, гдѣ торжественно принялъ ее архіерей.....

7. Пятница. Когда вы стѣсняете свободу въ добромъ или, по крайней мѣрѣ, безвредномъ, она обращается на путь зла и разврата.

Прсектъ о реальныхъ училищахъ въ общемъ собраніи государственнаго совѣта прошелъ. На сторонѣ графа Толстаго 19 голосовъ противъ 29. Графъ Панинъ оказался ренегатомъ: онъ за одно съ графомъ Толстымъ, тогда какъ, во время сужденій о классическихъ гимназіяхъ, онъ не только былъ противникомъ Толстовскаго проекта, но противникомъ весьма сильнымъ, энергическимъ и разумнымъ. Куда-же дѣвались его энергія и разумъ?

8. Суббота. Самое великое зло, которымъ страдаетъ наше общество, это почти повальная деморализація.

Классики полагаютъ, что противодѣйствіе этому злу мы найдемъ въ изученіи древнихъ языковъ и литературъ. Это ужасная нелѣпость. Можно-ли въ языческой образованности найти нравственныя основы для міра христіанскаго? Развѣ потребности и стремленія духа у насъ и у античныхъ людей, какъ-бы эти люди ни были развиты, одни и тѣ-же?

Западная соціалистическая мораль для насъ не годится; да и на Западѣ она можетъ существовать только въ однѣхъ крайне небольшихъ общинахъ.

И вообще, можетъ-ли установиться на землѣ сколько-нибудь прочный, нравственный порядокъ вещей безъ содѣйствія религіозной силы?.....

11. Вторникъ. Нѣтъ такого дурака, который не въ состояніи былъ-бы найти что-нибудь смѣшное въ самомъ умномъ и честнѣйшемъ человѣкѣ.

Въ каждомъ человѣкѣ, какъ-бы онъ ни былъ уменъ, всегда бываетъ нѣкоторая доля неблагоразумія, препятствующаго успѣхамъ его предпріятій и мѣшающаго пользоваться успѣхами, уже достигнутыми.

12. Среда. Уже третій день, какъ прекрасные теплые дни, настоящіе весенніе, хоть-бы не въ Петербургѣ, несмотря на

то, что вчера ладожскій ледъ шелъ во всю ширину Невы. Сегодня я разоблачился отъ шубы и зимнихъ калошъ и ходилъ гулять въ пальто, разумѣется, ваточномъ.

20. Четвергъ. Мнѣ кажется, сдѣлана огромная ошибка въ нынѣшнемъ управленіи насильственнымъ установленіемъ такъ называемаго классическаго образованія. Если рѣшено было уже принять эту систему, то надобно было не провозглашать ее съ такимъ азартомъ, какъ это сдѣлалъ графъ Толстой, и не вдругъ поразить ею общество. Однимъ почеркомъ пера нельзя произвести такого крутаго переворота въ понятіяхъ. Можно было-бы учредить нѣсколько классическихъ гимназій, не давая имъ исключительнаго и всеобщаго значенія, и предоставить желающимъ идти другимъ путемъ. Правительство этою постепенностью выиграло-бы и то еще, что имѣло-бы возможность подготовить нужное число хорошихъ наставниковъ классическихъ языковъ, которыхъ теперь нѣтъ и которыхъ оно принуждено выписывать изъ Чехіи. Министерству народнаго просвѣщенія слѣдовало избѣгать и другой крайности—публичнаго изъявленія недовѣрія къ наукамъ естественнымъ, считая ихъ рассадникомъ нигилизма и матеріализма. Во-первыхъ, это несправедливо, а во-вторыхъ, какъ-же это сдѣлать, чтобы эти науки не распространялись въ государствѣ? Наконецъ, разумно-ли лишать среднія учебныя заведенія, каковы-бы они ни были, общеобразовательнаго характера, превративъ ихъ въ заведенія спеціальныя, почти ремесленныя? Мудрено-ли, что въ государственномъ совѣтѣ нашлось 29-ть голосовъ противъ 19-ти Толстовскаго или, лучше сказать, Катковскаго проекта?

22. Суббота. Вечеръ у И. П. Корнилова. Разговоръ, между прочимъ, шелъ объ усиленіи власти губернатора и предоставленіи ему права входить въ учебную часть заведеній министерства народнаго просвѣщенія. Я возразилъ на мнѣнія нѣкоторыхъ господъ о пользѣ этой мѣры. „Это значитъ, сказалъ я, между прочимъ, что губернатору присваивается способность всевѣднія и даже педагогическія и научныя знанія. Какъ-же будетъ онъ вмѣшиваться въ преподаваніе, имѣющее уже своихъ спеціальныхъ блюстителей“. Шидловскій особенно настаиваетъ на необходимости сдѣлать изъ губернаторовъ педагоговъ. „Но я берусь, сказалъ я, прочесть въ его присутствіи

лецію объ атеизмѣ въ духѣ, вовсе не соответствующемъ желанію его, и, однако, онъ будетъ благодарить меня за нее“.

23. Воскресенье. Печальное происшествіе въ Харьковѣ (Смори А. „Петербургскихъ Вѣдомостей“): волненіе противъ полиціи народа, который излилъ на нее страшную злобу. Новомомъ была глупѣйшая выходка частнаго пристава, который надумалъ столпившуюся на праздничномъ увеселеніи толпу разгонять водою изъ пожарныхъ трубъ, причемъ трубы эти раздавили нѣсколько человекъ. Народная ярость разразилась ураганомъ, противъ котораго оказалась безсильною администрація, вмѣстѣ съ губернаторомъ во главѣ ея. Это было настоящее возстаніе народа противъ полицейскихъ порядковъ. Замѣчательно, между прочимъ, что въ народѣ раздавались крики, требовавшіе суда.

Замѣчательно, что повальное сѣченіе розгами въ Одессѣ вовсе не послужило устрашающимъ примѣромъ для харьковцевъ. Значитъ, нужно нѣчто подѣйствительнѣе палочной расправы безъ суда и послѣдованій.

26. Среда. Отечество, Россія—это одно. Современное русское общество, бюрократія русская—это нѣчто другое.

Въ отдѣльности много у насъ есть людей и умныхъ, и достаточно просвѣщенныхъ и благородныхъ. Но взгляните на то какіе интересы преслѣдуются цѣлыми массами людей, какими стремленіями они воодушевляются, на весь порядокъ, на крайнюю глуповатость этихъ массъ, на мелочность, на отсутствіе всякихъ общечеловѣческихъ и общенародныхъ принциповъ и вы увидите, что тутъ вовсе нѣтъ того, что называется духомъ общественнымъ, а господствуетъ крайняя разьединенность видовъ и взглядовъ во всемъ, что касается общихъ цѣлей и интересовъ. Васъ изумитъ несостоятельность, пошлость тѣхъ самыхъ лицъ, которыя въ своей единичности представляются людьми, достойными сочувствія и уваженія. Очевидно, общія задачи, которыя-бы вышались надъ частными эгоизмами и видами, еще у насъ не разработались. Какъ скоро отдѣльныя личности соприкасаются другъ съ другомъ, ихъ ничто высшее не связываетъ и они бѣгутъ впередъ, каждый гонимый своимъ самолюбіемъ или житейскими расчетами.

29. Суббота. Почти весь апрѣль щеголяетъ на славу прекрасными днями. Надолго-ли? Невольно закрадывается въ душу сомнѣніе: не отмстить-ли намъ за это май сторицею холодомъ, съ примѣсю снѣга и морозцевъ? Вѣдь все бываетъ на свѣтѣ такъ. Ни судьба ни природа, ни администрація не балуютъ насъ продолжительнымъ добромъ. Горе есть нормальное состояніе человѣчества, радости суть исключенія.

30. Воскресенье. Вотъ новое распоряженіе министра народнаго просвѣщенія: въ гимназіяхъ воспитанникъ долженъ получить на экзаменѣ въ греческомъ и латинскомъ языкахъ по 4^{1/2} и во всѣхъ прочихъ предметахъ по 4, чтобы имѣть доступъ въ университетъ. Кто хоть въ одномъ предметѣ получилъ 3, ему выдается свидѣтельство, что онъ кончилъ курсъ гимназіи, но безъ всякихъ правъ.

Май 7. Воскресенье. На дачу къ Брауну подъ дубками въ Павловскъ. Давно уже мы такъ рано не переѣзжали на дачу.

10. Среда. Умъ становится шире и свѣтлѣе и сердце добрѣе, когда вокругъ себя не видишь ничего, кромѣ зелени деревьевъ и цвѣтовъ, не слышишь ничего, кромѣ щебетанья яптиць, крика кукушки и т. п. Человѣкъ человѣка дѣлаетъ злымъ, природа никогда.

14. Воскресенье. Въ одномъ пансіонѣ священникъ объяснялъ то мѣсто изъ евангелія, гдѣ изображены страданія Іисуса Христа и все, что онъ претерпѣлъ отъ враговъ своихъ. Инспекторъ, тутъ находившійся, спросилъ у дѣвочки: „скажите мнѣ, отъ кого мы больше терпимъ неприяностей?“ Ученица немного подумала и отвѣчала: „отъ начальства“.

Не всѣ-ли мы играемъ комедію, стараясь выполнить свою, какъ будто какую-то серьезную, роль, въ сущности-же занимая себя и другихъ нелѣпыми и смѣшными играми.

27. Суббота. Одинъ день лучше другаго, можно жаловаться только развѣ на жары. Но жары мая все еще не доходятъ до душливаго зноя. И что за роскошная зелень, что за безконечное пѣніе соловьевъ и другихъ милыхъ гостей у насъ на Сѣверѣ! Вѣтрянная кукушка кричитъ, что рѣдко здѣсь бываетъ, такъ.

какъ кричала только въ моемъ дѣтствѣ въ благодатныхъ рощахъ около Дона или у береговъ тихой Сосны. Противъ моихъ оконъ непрерывно поетъ свою милую пѣснь какая-то птичка, которой, къ сожалѣнію, я назвать не умѣю. Голосокъ ея похожъ на самыя нѣжные звуки флажолета, мягкіе, какъ лепетанье ребенка.

У насъ лгутъ и только лгутъ — лгутъ энтузіазмомъ, который есть не иное что, какъ натянутая и искусственная вспышка, которую мы тутъ-же готовы тотчасъ и осмѣять, и лгутъ затѣмъ безпрестанно, обманывая другъ друга, составляя, напримѣръ, общества, гдѣ каждый имѣетъ въ виду, будто-бы, какую-нибудь похвальную цѣль, а потомъ спѣшить обворовать это-же самое общество или сдѣлать его орудіемъ какихъ-нибудь другихъ своихъ мерзостей.

30. Вторникъ... Умственная аристократія вещь очень хорошая, но она создается сама собою изъ высшихъ образованныхъ умовъ, почерпающихъ свою силу вообще въ знаніи, въ наукѣ, въ искусствѣ и прилагающихъ ее честно и разумно къ многоразличнымъ требованіямъ общества и управленія. Но для этого-то, говорятъ, и нужно серьезное классическое знаніе. Почему-же именно только классическое? Вотъ въ этомъ весь вопросъ. Вѣдь какую-бы образовательную силу не признавали за классицизмомъ, все-таки это не болѣе, какъ сила формальная. Но образованіе классическое, говорятъ, дѣлаетъ человѣка ко всему способнымъ, потому что оно и развиваетъ, и приучаетъ къ труду, и дисциплинируетъ умы. А другія науки развѣ не развиваютъ, не требуютъ серьезнаго труда и метода, который собственно и составляетъ высшую, настоящую дисциплину ума? И возможное-ли, полезное-ли дѣло обратить умы общества къ одной сторонѣ знанія, а другія стороны оставить въ небреженіи или относиться къ нимъ даже съ нѣкотораго рода презрѣніемъ? Вы хотите создать правителей, руководителей умовъ и общества изъ классиковъ и это будетъ настоящая соль русской земли, аристократія умственная въ консервативномъ духѣ. Да какъ-же эти правители и руководители будутъ поступать, когда нужда или жизнь общества потребуетъ отъ нихъ соображеній финансовыхъ, политико-экономическихъ, строительныхъ, статистическихъ знанія природы, знанія людей и народовъ? Дадутъ-ли

имъ для этого средства классическія знанія. Но, возражаютъ классическое образованіе дастъ имъ возможность пріобрѣсти ихъ самымъ лучшимъ образомъ, т. е. послѣ того, какъ они истощатъ запасъ лучшихъ свѣжихъ умственныхъ силъ и запасъ драгоценнаго времени на классицизмъ, они въ состояніи будутъ уже посвятить себя трудамъ спеціальнаго знанія?? Удивительно!

По мнѣнію господъ, защищающихъ классицизмъ, выходитъ, что нельзя быть ни отличнымъ финансистомъ и политико-экономомъ, ни инженеромъ, ни полководцемъ и проч., не убивъ своей юности на изученіе греческихъ спряженій, склоненій и синтаксиса?

Сегодня въ Петербургѣ празднуется двухсотлѣтіе со дня рожденія Петра Великаго. Это дѣйствительно праздникъ. Безъ Петра Великаго Россія и теперь еще гнила-бы въ своей гнусной апатіи и совсѣмъ исчезла-бы подъ натискомъ такихъ солдатъ, какъ Карлъ XII и Наполеонъ.

Настоящій Петровскій день. По временамъ проглядываетъ солнце, но по небу ходятъ тучи.

Іюнь 3. Суббота. Экзаменъ въ римско-католической академіи. Какъ обыкновенно.

4. Воскресенье. Вечеромъ на музыкѣ. Толпа тупыхъ лицъ и больше ничего. Мансфельда оркестръ очень хорошъ.

Мы до того опошлись, гоняясь за изысканною, будто-бы, простотою, что кто хорошо говоритъ, тотъ уже подвергается нареканію. Отсутствие всякаго оживленнаго выраженія, всякой мысли, принявшей сколько-нибудь изящную форму, считаютъ за достоинство, точно такъ, какъ молчаніе признаютъ нѣкоторые за доказательство ума.

Вмѣстѣ съ холодомъ и дождемъ я началъ какъ-то оживляться и выходить изъ моей апатіи. Не правъ-ли ужъ Пушкинъ, который гадкіе осенніе дни считалъ за лучшее время для поэтическаго творчества и обыкновенно удалялся въ эту часть года въ деревню, откуда привозилъ съ собою лучшія свои произведенія?

Давно уже, и не безъ нѣкотораго успѣха, работаю я надъ собою, чтобы не приходило въ волненіе отъ разныхъ человѣческихъ гадостей; но одного не могъ до сихъ поръ никакъ

въ себѣ преодолѣть—это негодованіе на всякую несправедливость, въ какой-бы формѣ она ни являлась.

5. Понедѣльникъ. Вотъ моя майская вялость и какое-то недѣльное расположеніе духа разрѣшилось довольно серьезною болѣзнию.

Надобно-бы изъ этой болѣзни извлечь какую-нибудь нравственную и умственную пользу. Пора отъ утомительнаго и плоскаго бездѣйствія обратиться къ усиленному крупному труду, дающему лучшую награду человѣку въ мирномъ успокоеніи отдыха, котораго не бываетъ безъ трудовъ.

20. Вторникъ. Между получившими образованіе въ классическихъ школахъ и школахъ реальныхъ непременно возникнетъ антагонизмъ: одни, напыщенные ученостью, съ педагогическимъ высокомеріемъ будутъ смотрѣть свысока на реалистовъ, а эти, въ свою очередь, сильные практическимъ своимъ значеніемъ и участіемъ во всѣхъ нуждахъ и интересахъ общества, будутъ платить классикамъ презрѣніемъ, и если правительство будетъ послѣднихъ отличать, то и ненавистью. Что изъ этого выйдетъ—неизвѣстно, только не можетъ выйти ничего хорошаго.

...Впрочемъ, и то сказать, гдѣ сосредоточиться какому-нибудь возбужденію? Въ чиновничествѣ? Смѣшно и думать объ этомъ. Въ купечествѣ и мѣщанствѣ? Но оно знаетъ только плутовать и посредствомъ плутовства наживаться. Пока было у насъ дворянство, то въ немъ все-таки существовало нѣчто похожее на инициативу или, по крайней мѣрѣ, на пассивное чувство своего гражданскаго достоинства, но съ уничтоженіемъ его—и это пропало въ обществѣ. Что касается до молодаго поколѣнія, то я немного ожидаю отъ него добра. Сперва оно заявило себя черезъ-чуръ шумнымъ протестамъ и радикальными требованіями, а теперь оно воспитываетъ въ себѣ матеріализмъ и всяческое безвѣріе.

23. Пятница. Борьба съ болѣзнию не прекращается. Долго-ли это продолжится? Умственной дѣятельности почти никакой, и это болѣе всего меня возмущаетъ. Я крѣплюсь, но по временамъ мною овладѣваетъ уныніе.

25. Воскресенье. Неподвижность умственная, неподвижность нравственная—беспіліе. Отсюда одинъ шагъ къ презрѣнію самого себя.

Третьяго дня былъ у меня Селинъ, прїѣхавшій изъ Кіева. Двадцать два года мы съ нимъ не видѣлись. Онъ такой-же восторженный, какъ прежде или еще болѣе. Восторженность въ немъ, впрочемъ, не есть натяжка, и болѣе привычка, манера, чѣмъ чувство. Да и чувствовать такъ долго и постоянно нельзя. Несмотря на это, въ немъ много искренняго; онъ прямодушенъ и честенъ.

Да, Россія одно, а общественность наша—иное. Конечно, и дымъ отечества намъ сладокъ, однако не этотъ отвратительный смрадъ отъ повсемѣстной испорченности нравовъ.

Почему правая сторона французскаго національнаго собранія монархію считаетъ панацеею противъ коммунизма, социализма и проч.? Непостижимо! Если она домогается монархіи абсолютной, диктаторской, то тутъ было-бы еще нѣчто похожее на возможность; но вѣдь такая монархія невозможна. А конституціонная, на подобіе испанской, развѣ менѣе, чѣмъ республика будетъ поприщемъ всяческихъ партій и страстей? Сверхъ того, монархія откроетъ путь къ новымъ междоусобіямъ. Вѣдь три претендента на престолъ.

29. Четвергъ. Открытіе въ Павловскѣ памятника Павлу I. Большое торжество въ присутствіи государя: войска, музыка, пальба изъ пушекъ.

Июль 4. Вторникъ. Новый законъ о цензурѣ. Finis печати. Все рѣшается министромъ внутреннихъ дѣлъ. Какого-бы спеціального содержанія ни была книга, онъ можетъ ее по собственному усмотрѣнію конфисковать. При этомъ законѣ, если онъ будетъ исполняться, рѣшительно становятся невозможными въ Россіи наука и литература. Да правду сказать, давно-бы слѣдовало покончить съ ними. Къ чему онѣ намъ?

Общество, которое само ничего разумнаго и честнаго не хочетъ дѣлать, не заслуживаетъ, чтобы съ нимъ поступали честно и разумно.....

Все это, и жизнь людей, и нравы ихъ, и учрежденія не могутъ не возбуждать къ себѣ презрѣнія.

Вся моя жизнь прошла въ пустякахъ, въ мысленіяхъ, въ стремленіи къ чему-то высшему вмѣсто того, чтобы позаботиться о существенныхъ нуждахъ. Ошибки дѣлались за ошибками и вышло изъ этого какое-то нелѣпное существованіе — жертва ни

себѣ, ни Богу, ни чорту. Но и это чувство надобно превозмочь, иначе будетъ хуже. Исправить прошедшаго нельзя, а малодушіемъ настоящее можно превратить въ такую гадость, которая будетъ хуже всего прошедшаго.

7. Пятница. Науки естественныя и математическія находятся нынѣ въ опалѣ или, какъ говаривалъ Петръ Великій, не въ авантажѣ. Надняхъ министр народнаго просвѣщенія велѣлъ двумъ здѣшнимъ директорамъ гимназій подать въ отставку единственно за то, что они не классики, а ученые по физико-математическому факультету. Оба были отличными директорами много лѣтъ: Бардовскій—1-ой гимназій и Бѣляевъ—5-ой. О Бѣляевѣ особенно всѣ глубоко сожальютъ. Это былъ одинъ изъ лучшихъ директоровъ во всемъ министерствѣ. Исправляющій должность попечителя Я** прямо сказалъ Д., что онъ не беретъ объявить объ отставкѣ этому благородному и превосходному педагогу: „У меня языкъ не повернется сказать ему, что его считаютъ негоднымъ“.

8. Суббота. Множество неудобствъ бываетъ слѣдствіемъ всякихъ реформъ общественныхъ и жаловаться на нихъ было-бы несправедливо и малодушно. Но безчестность, отсутствіе всякихъ понятій о законности и долгѣ, обманъ при всякихъ сдѣлкахъ, однимъ словомъ, попираніе общественной чести — вотъ что крайне дурно и невыносимо въ нынѣшнемъ состояніи нашего общества. Это уже не отъ реформъ, а отъ того, что составляетъ нравы наши. Поэтому и реформы служатъ не столько основаніемъ добра, сколько поводомъ ко злу. И такъ какъ подобное состояніе правовъ есть наслѣдіе вѣковъ, то надобны силы, чтобы перемѣнить ихъ къ лучшему.

Въ лицѣ каждаго человѣка непремѣнно есть черта, которую, отдѣливъ отъ другихъ, можно возвести въ карикатуру.

11. Вторникъ. Когда приходится прямо лицомъ къ лицу имѣть дѣло съ житейскими тревогами, съ разными несовершенствами нашего общественнаго быта и т. п., то естественно, что наше чувство возмущается и мы готовы во всемъ этомъ видѣть какое-то исключительное бѣдствіе, которому мы преданы въ жертву злѣю нашею участію. Но этой-то исключительности вовсе нѣтъ. Мы, какъ капли, повинемся общему теченію волнъ и терпимъ то, что люди всѣхъ племенъ и всѣхъ вѣковъ терпѣли

и будутъ терпѣть до скончанія міра. Поэтому, чувствуя зло, насъ постигающее, мы не должны его преувеличивать и дѣлать изъ него выводы такого, на примѣръ, свойства, что если-бы тѣ и тѣ хотѣли, то вотъ его и не было-бы. Самое великое бѣдствіе состоитъ въ томъ, что люди, завѣдующіе судьбою общественныхъ дѣлъ, большею частью, или неспособны, или недобросовѣстны, или безпечны, и чѣмъ они выше, тѣмъ, по меньшей мѣрѣ, безпечнѣе, т. е. невнимательнѣе къ чужимъ интересамъ, имѣя въ виду только свои собственные. Но вѣдь это такое-же зло, какъ холера, какъ неурожай, угрожающій голодомъ, какъ смерть.

Глупаго, конечно, нельзя назвать умнымъ, злаго—добрымъ, зноста—готовымъ служить честью другимъ людямъ, обществу. Мы не можемъ не относиться къ этому критически, не можемъ не желать лучшаго, даже не можемъ не покушаться достигать этого лучшаго, сколько позволяютъ наши силы. А все-таки, въ концѣ концовъ, вы придете къ выводу: „такъ бываетъ, такъ будетъ и такъ должно быть“.

Вечеромъ на музыкѣ услышалъ отъ доктора (Ивана Мартыновича) Барча, что (Петръ Петровичъ) Пекарскій, живущій на дачѣ отъ меня черезъ нѣсколько домовъ, умираетъ или уже умеръ отъ холеры. Докторъ только-что отъ него и нашелъ уже его при послѣднемъ издыханіи, такъ что онъ ничего уже сдѣлать не могъ. До него его лѣчили еще нѣсколько докторовъ и не успѣли спасти несчастнаго.

А вотъ, говорятъ, что онъ уже и умеръ.

Бѣдный Пекарскій! Я, дня четыре тому назадъ, видѣлся съ нимъ: онъ весело гулялъ въ паркѣ. До того онъ жаловался нѣсколько на расстройство желудка, но онъ не обратилъ на это особеннаго вниманія. Это большая потеря для академіи и науки. Онъ много и честно трудился для нихъ.

13. Четвергъ. По словамъ доктора Фассанова, Пекарскій чувствовалъ уже себя не совсѣмъ здоровымъ за нѣсколько дней до болѣзни. Въ этомъ состояніи онъ еще обѣдалъ въ гостяхъ и, разумеется, безъ надлежащей осторожности; да обѣдъ еще былъ на открытой галлерей, гдѣ, вѣроятно, бѣднаго его и продуло. Въ прошедшую субботу открылась у него сильнѣйшая холера. Были созваны всевозможные медики, но спасти его не

могли. Въ послѣдній день, т. е. въ день агоніи, онъ страшно страдалъ. Бѣдный Пекарскій! Смерть застигла его въ лучшую минуту его жизни, когда ему все улыбалось. Труды его шли какъ нельзя успѣшнѣе. Онъ пользовался уваженіемъ и извѣстностью, какъ ученый. Во время юбилея Петровскаго ему дали значительную денежную награду за прежній его трудъ о состояніи просвѣщенія въ Петровскую эпоху. И вотъ тутъ-то судьба его и подстерегла. Ему было едва-ли сорокъ лѣтъ.

Интеллигенція наша почти разомъ понесла большія потери. Умерли: (Ал. Федоровичъ) Гильфердингъ, Утинъ за-границею—Борись, тотъ, который былъ профессоромъ правъ въ здѣшнемъ университетѣ, и Пекарскій.

16. Воскресенье. Въ этомъ страшномъ антагонизмѣ силъ, гдѣ одна стремится поглотить другую, поглощаетъ ее и сама поглощается третью — въ этой трагической борьбѣ за существованіе заключается жизнь, и не человѣческая воля даетъ или терпитъ такой характеръ жизни.

20. Четвергъ. Что за гнусное существованіе. Мы ущемлены между двухъ золъ, посланныхъ на насъ природою: холерою и оспою. Послѣдняя съ неистовою силою свирѣпствуетъ въ Петербургѣ, первая тоже дѣлаетъ свое отвратительное дѣло очень усердно: она проявилась уже и здѣсь. Вамъ ежеминутно угрожаетъ бѣдствіе: вы ходите, спите, ѣдите, работаете, такъ сказать, передъ глазами смерти. Забурчитъ-ли въ желудкѣ, почувствуете-ли небольшую въ себѣ переменну, малѣйшее измѣненіе въ обычномъ теченіи вашихъ дней—вамъ кажется, что гроза готова на васъ обрушиться; въ нѣсколько часовъ здоровье, крѣпкіе, вы можете провалиться, если не сквозь землю, то въ землю. Такъ случилось, на примѣръ, съ Пекарскимъ. А по селамъ вокругъ васъ чума скота. И этакъ не одинъ день, не два или три, а цѣлые мѣсяцы и притомъ лучшаго, благоприятнѣйшаго лѣта, которое не жарко, но тепло, съ перепадающими отъ времени до времени дождями. Что-же тутъ дѣлать? Благоразуміе предписываетъ не пренебрегать предосторожностями, особенно въ пищѣ, а остальное, не падая духомъ, предоставить судьбѣ.

23. Воскресенье. Вы требуете не того равенства, которое основано на законахъ человѣческой природы и требованіяхъ

права: вы хотите равенства между бездѣльникомъ и честнымъ человѣкомъ, между умнымъ и дуракомъ, между невѣждою и человѣкомъ просвѣщеннымъ, даже между воромъ, злодѣемъ и трудолюбивымъ, полезнымъ гражданиномъ.

25. Вторникъ. Государственный умъ есть тотъ, который способенъ управлять государствомъ. Управлять людьми значить не притѣснять ихъ и не потворствовать имъ.

30. Воскресенье. Заходилъ навѣстить Пекарскую. Она уѣхала въ городъ, но меня приняла ея сестра. Пекарскій не страдалъ ни такъ много, ни такъ долго, какъ сначала говорили. Онъ почувствовалъ себя дурно наканунѣ смерти вечеромъ. Началось бурчанье въ желудкѣ, но онъ ходилъ и сначала ни на что больше не жаловался, говорилъ только, что не тифъ-ли у него начинается, потому что онъ чувствовалъ какой-то жаръ въ головѣ. Ночью сдѣлалась у него страшная тоска; послали за докторомъ, который нашелъ его уже въ опасномъ положеніи. На другой день вдругъ у него ослабѣлъ пульсъ. Къ вечеру ему стало очень худо и часовъ въ шесть онъ умеръ. Онъ сохранилъ полное сознание, еще за полчаса до смерти, такъ что могъ благословить дѣтей. Года два тому назадъ, его постигъ ударъ въ голову такъ, что ротъ ему поверотило на сторону. Но, съѣздивъ за-границу, онъ совсѣмъ поправился; теперь параличъ особенно сосредоточился у него въ шеѣ или горлѣ. И такъ, въроятно, прежняя болѣзнь помогла нынѣшней.

Августъ. 5. Суббота. Берите истину вездѣ, гдѣ она есть, если только она есть.

Домашняя жизнь отравляется каждый день мерзостями нашей прислуги. Ничѣмъ, ни ласкою, ни жалованьемъ порядочнымъ нельзя ее привлечь къ исполненію того, что она должна дѣлать по условію. И это повсемѣстное у насъ зло. Третьяго дня я принужденъ былъ отправиться къ мировому судѣ, чтобы спросить у него: нѣтъ-ли какихъ средствъ противъ невыносимаго самоуправства, безчестности и пьянства этихъ людей? Отъ него узналъ я, что законъ не представляетъ совершенно никакого огражденія правъ нанимателя и потому наемные люди совершенно преданы своему грубому производству и страстямъ. Онъ сказалъ мнѣ, что практика судейская одну истину сдѣлала для него очевидною, что эти люди недоступны никакимъ внушеніямъ

своихъ обязанностей; никакая кротость, никакое терпѣніе тѣхъ, которые должны въ несчастію имѣть съ ними дѣло, тутъ не помогаетъ. И вотъ съ такими людьми, однако, мы принуждены жить и раздѣлять нашъ хлѣбъ и деньги; администраціи нѣтъ до этого никакого дѣла. Она не заботится о томъ, чтобъ наемный трудъ подчинить какимъ-нибудь правиламъ, равно ограждая его и тѣхъ, кто за него платить.

10. Четвергъ. Торжественное открытіе въ Петербургѣ конгресса статистиковъ. Великій князь Константинъ Николаевичъ произнесъ рѣчь, которая была-бы недурна, если-бы была не такъ учена. А то выходитъ, какъ будто-бы ему кто-нибудь сочинилъ ее, а не онъ самъ. Развѣ потому только можно признать ее за произведеніе диллетанта, что въ ней довольно-таки перепутаны понятія о самомъ существѣ статистики. Впрочемъ, эта путаница существуетъ и въ ученыхъ головахъ. Вторая половина рѣчи, имѣющая отношеніе къ Россіи и къ настоящему собранію, ледурна, и этимъ слѣдовало и ограничиться.

Что такое эти ученые конгрессы? Не иное что, какъ подвижные клубы, въ которыхъ, отъ времени до времени, умные люди собираются, чтобъ поиграть не въ карты, а въ идеи съ дополненіемъ пива, а иногда и шампанскаго. Наука собственно тутъ ничего не выигрываетъ. Одно развѣ, что она привлекаетъ къ себѣ умы людей тамъ, гдѣ конгрессъ собирается.

Впрочемъ, для Россіи ученый конгрессъ имѣетъ особенное значеніе. Съ нимъ втекаетъ струя европеизма въ мутную рѣку нашей общественности.

13. Воскресенье. Приготовляясь къ исторической роли, Россія должна исповѣдью и покаяніемъ очиститься отъ своихъ нравственныхъ, общественныхъ и политическихъ мерзостей, а потомъ приобщиться духу высшей цивилизаціи. Вотъ откуда происходитъ необходимость публичнаго изобличенія и гласности.

15. Вторникъ. Мудрость человѣческая имѣетъ предѣлы— заблужденія безпредѣльны....

21. Понедѣльникъ. Странно, что часто многія пошлѣйшія посредственности бываютъ свободны отъ тѣхъ недостатковъ и заблужденій, какими страдаютъ самыя избранныя натуры.

25. Пятница. Москва отличилась: она такъ дурно приняла конгрессистовъ, какъ будто они пріѣхали въ калмыцкую землю.

Что она не предложила имъ обѣдъ съ миндалемъ отвормленными поросятами—это не бѣда. Но бѣда въ томъ, что она выказала къ нимъ непростительное равнодушіе. Теперь иностранцы могутъ вывести о русскихъ слѣдующее общее впечатлѣніе: насъ приняли учтиво и съ уваженіемъ, когда приѣмомъ распорядилось правительство въ Петербургѣ и во главѣ его великій князь; но лишь только мы проникли въ глубину народности, въ Москву, такъ и оказалось справедливымъ изреченіе Наполеона I, что поскобли немножко русскаго—увидишь татарина.

Сентябрь. 1. Пятница. Когда народу предоставлена известная доля свободы, которой онъ прежде вовсе не имѣлъ, то надобно принять и необходимыя послѣдствія этого: нѣкоторое ограниченіе власти и произвола бюрократіи, а съ тѣмъ вмѣстѣ и необходимость того, что многое будетъ дѣлаться, чего прежде не дѣлалось и что не согласуется съ видами власти.

Иной честенъ только потому, что ему не достаетъ рѣшимости сдѣлаться плутомъ.

Подчинить умы дисциплинѣ научныхъ знаній, на примѣръ въ классицизмѣ, значить-ли уберечь ихъ отъ посползновеній къ крайнимъ либеральнымъ умозаключеніямъ, о чемъ, повидимому, мечтаетъ наша администрація? На нашъ вѣкъ станеть, а тамъ хоть трава не расти.

11. Понедѣльникъ. Какія-бы понятія ни составлялись о мирѣ и какимъ-бы тревоженіемъ не были подвержены человѣческія общества, но дѣло въ томъ, что всякій мыслящій челоуѣкъ долженъ найти въ себѣ опору для нравственнаго характера и нравственной жизни, если только онъ находитъ какое-нибудь различіе между собою и животнымъ.

Многія изъ новыхъ ученій не иное что, какъ подновленіе старыхъ.

12. Вторникъ. Засѣданіе комиссіи въ академіи наукъ о присужденіи премій уваровскихъ. Я читалъ мои рецензіи на драматическія сочиненія, которыхъ было нынѣ 7. Въ томъ числѣ двѣ пьесы Островскаго: „Не было ни гроша, да вдругъ алтынъ“ и „Не все воту масляница, бываетъ и великій постъ“. Обѣ слабы и я не могъ дать о нихъ одобрительнаго отзыва. „Каширская старина“ Аверкіева также не отличное произведеніе, а

четыре пьесы нѣкоего Базилевича просто сущій вздоръ. Итакъ и нынѣ нельзя было присудить преміа за драму. Комиссія согласилась со мною.

21. Четвергъ. Чтобы успѣшно можно было сражаться съ разрушительными стремленіями, возстающими на существующій порядокъ вещей, надобно удовлетворить ихъ законнымъ требованіямъ; тогда требованія незаконныя или преувеличенныя найдутъ себѣ противниковъ и тамъ, гдѣ они теперь не встрѣчаются.

25. Понедѣльникъ. Засѣданіе академіи по случаю назначенія Уваровскихъ премій. Шести лицамъ опредѣлены половинныя преміи (по 500 р.), въ томъ числѣ и автору исторіи императора Александра I—Богдановичу, которому, мнѣ кажется, слѣдовала-бы полная премія. Но по баллотировкѣ въ комиссіи не оказалось требуемаго большинства. Мое мнѣніе о драмахъ было прочитано Гротомъ за болѣзнью Веселовскаго и заслужило общее одобреніе.

26. Вторникъ. Сегодня напечатана въ газетахъ слѣдующая странная телеграмма изъ Парижа: „На обѣдѣ у Тьера 21-го сентября (3-го октября) два иностранные представители выразили мнѣніа, подобныя тѣмъ, которыя были высказаны генераломъ **“. Тотъ-же корреспондентъ газеты Times пишетъ, что одинъ изъ прибывшихъ въ Парижъ представителей Франціи за-границею заявилъ, что одинаковое мнѣніе господствуетъ и въ другихъ государствахъ“. Какія это мысли и о чемъ? Но главное тутъ то, что гнилой западъ во всемъ насъ превосходитъ: онъ сдѣлалъ великое открытіе, которое въ Россіи никому и не снилось, т. е., что у ** есть мысли.

Высшій умъ есть нѣчто такое, въ чемъ всегда скрывается больше того, что онъ обнаруживаетъ.

27. Среда. Безпристрастно разсуждая, нельзя винить ни общество за его стремленія, ни правительство за то, что оно хочетъ ихъ умѣрить. Первое такъ много терпѣло всяческихъ стѣсненій, что естественно хочетъ бѣльшаго простора; второе также естественно видитъ въ этомъ просторѣ такія стороны, которыхъ допустить не можетъ по своему положенію и по традиціямъ, а главное оно видитъ въ самомъ обществѣ еще крайнюю незрѣлость.

Странно и нелѣпо сказать, что если-бы въ обществѣ было

болѣе разсудительныхъ людей, а въ бюрократіи—людей болѣе способныхъ и добросовѣстныхъ, то этой неурядицы не было-бы. Но это если—когда и гдѣ оно было возможно?

Въ сегодняшней газетѣ извѣщаютъ, въ чемъ заключаются мысли генерала N N, сообщенныя имъ Тьеру. Онъ благосклонно увѣдомилъ послѣдняго, что радикальныя движенія, подобныя возбужденнымъ Гамбеттою, производятъ непріятное впечатлѣніе въ другихъ государствахъ. Вотъ какая новость, и Тьеръ, который борется съ радикализмомъ всѣми силами своего высокаго ума, будто ее и не зналъ и только теперь обязанъ за нее генералу N N. Это похоже на то, если-бы кто-нибудь сказалъ другому: когда по сѣнникамъ ходить съ огнемъ, то можетъ случиться пожаръ, а пожаръ куда-какая нехорошая вещь!

29. Пятница. Ивана Николаевича Крамскаго полиція призвала раза три и допрашивала его: гдѣ онъ былъ прошлое и нынѣшнее лѣто? И когда онъ отвѣчалъ гдѣ, возразили ему, что это неправда. Полиція даже извратила какъ-то самую его фамилію. И когда онъ, удивленный и недоумѣвающій и встревоженный, спросилъ что все это значитъ и для чего его допрашиваютъ, ему отвѣчали, что это по секретному дѣлу. Жена его вчера пріѣзжала къ намъ и просила моего совѣта что дѣлать при такомъ странномъ и необыкновенномъ нападеніи полиціи. Я посоветовалъ Ивану Николаевичу Крамскому немедля ѣхать къ Трепову и просить у него объясненія. Такъ онъ сегодня и сдѣлалъ. Оказалось, что съ 1863 года онъ состоитъ въ спискѣ подозрительныхъ, по поводу объясненія его отъ имени товарищей въ конференціи Академіи художествъ, откуда они тогда задумали выйти. Дѣло тогда тѣмъ и кончилось; молодые художники вышли изъ Академіи безъ всякаго, впрочемъ, шума и основали, съ разрѣшенія начальства, артель, которая и до сихъ поръ существуетъ, исполняя и, весьма хорошо, разные частныя заказы, а Крамской съ тѣхъ поръ составилъ себѣ весьма лестную репутацію, какъ замѣчательный художникъ. И вотъ теперь его вздумали допрашивать, не говоря, впрочемъ, ни слова о причинѣ. Треповъ, однако, велѣлъ вычеркнуть его изъ списка подозрительныхъ, которыхъ, по его словамъ записано до 6,000. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Октябрь 1. Воскресенье. Необходимъ контроль не только надъ поступками, но и надъ мыслями. Весьма часто при-

ходится мнѣ быть недовольнымъ собою единственно за то, что я даю слишкомъ свободное теченіе своимъ мыслямъ по разнымъ вопросамъ жизни, и хотя онѣ не переходятъ, да и не могутъ перейти въ поступки, однако многія изъ нихъ заслуживаютъ строгаго осужденія. Человѣкъ долженъ властвовать надъ всѣми движеніями своего ума, воли и чувства. Въ этомъ и состоитъ настоящее самоуправленіе.

Надобно взвѣшивать не только тѣ причины, по которымъ мы кажемся правыми, но и тѣ, по которымъ противники наши думаютъ такъ или иначе.

5. Четвергъ. Писемскій читалъ свою новую комедію у Краевскаго. Комедія эта лучшее произведеніе его. Не знаю только, какъ онъ сладитъ съ цензурою. Онъ хочетъ напечатать ее въ „Гражданинѣ“ кн. Мещерскаго. Писемскій превосходно читаетъ, и мнѣ кажется, что кто слышалъ его комедію изъ его устъ, тому не слѣдуетъ идти въ театръ на ея представленіе: она, навѣрное, будетъ сыграна тамъ гораздо хуже, чѣмъ въ чтеніи автора.

7. Суббота. Наше молодое поколѣніе нигде не годится. Оно плохо учится, плохо мыслить и думаетъ только о всевозможныхъ эмансипаціяхъ, да о матеріальныхъ наслажденіяхъ. Надобно его остепенить, занять трудомъ серьезнымъ. Въ этомъ смыслѣ задуманная учебная реформа имѣетъ важное значеніе. Но во-первыхъ, едва-ли можно достигнуть цѣли помощью усиленнаго классицизма, а во-вторыхъ, слѣдовало-бы новую систему приводить въ дѣйствіе не съ такимъ насиліемъ. Въ этомъ заключается важная ошибка нынѣшняго министерства народнаго просвѣщенія (1872 г.). Эта лихорадочная поспѣшность, это стремленіе сдѣлать вдругъ все, что требовало нѣкоторой постепенности и даже нѣкотораго снисхожденія къ непониманію сущности предпринятой реформы въ обществѣ, вотъ что можетъ вредить ея успѣху, и что провзвело такое броженіе въ умахъ. Въ университеты не дозволенъ доступъ тѣмъ, кто не получилъ строгаго классическаго образованія—пусть такъ. Но какъ-же получить его, когда въ самихъ гимназіяхъ не существовало классическаго обученія? Не слѣдовало-ли, напримѣръ, прежде устроить гимназіи классическія, а потомъ уже отъ вновь поступающихъ требовать выполненія тѣхъ условій, которыя теперь считаются необходимыми? Не слѣдовало-ли застигнутымъ врасплохъ ре-

формою дать возможность съ однимъ латинскимъ языкомъ войти въ университетъ? И вообще не слѣдовало-ли нѣсколько, хоть на первый разъ, облегчить требованія относительно греческаго языка? Министерство захотѣло разрубить узелъ, вмѣсто того, чтобы развязать его. Но это не всегда лучшій приемъ.

8. Воскресенье. Познакомился у Федора Ив. Тютчева съ Ив. Сергѣев. Аксаковымъ. Какой онъ ражій! Впрочемъ, въ обращеніи онъ тихъ и скромнень, такъ что въ немъ нельзя видѣть борзатаго журналиста. Поговорили о нынѣшнемъ (1872 г.) состояніи цензуры, которая чуть не свирѣпѣе, чѣмъ въ николаевское время.

По утру вчера былъ у меня съ визитомъ (Алексѣй Теофилактовичъ) Писемскій. Я повторилъ ему выраженіе моего удовольствія за пьесу его, читанную у Краевского, и за его мастерское чтеніе.

Мы отъ предковъ нашихъ унаслѣдовали значительную долю рабскаго страха предъ властями. Вѣдь не могли-же безъ послѣдствій пройти по исторіи ни Петръ Великій со своими благими видами, но и со своимъ кнутобійствомъ и застѣнками, ни Биронъ, ни милосердая Елисавета съ рѣзаньемъ языковъ и битьемъ кнутомъ своихъ придворныхъ дамъ, ни Павелъ I, ни верховный визирь Аракчеевъ. Клеймо, наложенное ими на наши нравы и духъ, долго не изгладится.

10. Вторникъ. О Валуевѣ: мы ошиблись другъ въ другѣ. Онъ думалъ найти во мнѣ чиновника—и не нашелъ его; а я думалъ найти въ немъ государственнаго человѣка—и нашелъ только чиновника. Впрочемъ, я долженъ сказать, что это чиновникъ съ хорошими манерами, усовершенствованный духомъ вѣка, а не какой-нибудь приказный стараго времени.

Въ пензенской гимназій одинъ ученикъ старшаго класса стрѣлялъ изъ ружья гдѣ-то, за это велѣно исключить его изъ заведенія и ни въ какую гимназію не принимать. Одинъ изъ учителей той-же гимназій осмѣлился замѣтить, что такъ какъ ученикъ этотъ вообще очень хорошо учился и отличнаго поведенія, то не слишкомъ-ли жестоко не дозволить ему окончить свое образованіе? За это велѣно уволить учителя отъ должности и впредь не принимать его нигдѣ по учебному вѣдомству.

20. Пятница. Сегодня были у меня (Андрей Степан.) Вороновъ и Благовѣщенскій. Первый рассказалъ мнѣ много крайне

прискорбно. Книжка „Бесѣды“, гдѣ говорится о нашихъ монастыряхъ, не только конфискована, но сожжена.

Министръ народнаго просвѣщенія приказалъ, чтобы всѣ гимназисты носили въ гимназіи книги свои и тетради не иначе, какъ въ ранцахъ на спинѣ.

Если есть въ тебѣ природное расположеніе и сила, и способность быть человѣкомъ, то никакое притѣсненіе, никакое насиліе не заставятъ тебя сдѣлаться скотомъ.

Чужая опытность никогда не служитъ замѣной собственной.

22. Воскресенье. Во всей нынѣшней Франціи одинъ Тьеръ, кажется, ни легитимистъ, ни орлеанистъ, ни бонапартистъ, ни радикаль, а французъ. Онъ выше партій и властвуетъ надъ ними, противопоставляя одну другой, чтобы спасти Францію.

27. Пятница. Былъ у меня Я. К. Г. и, между прочимъ, рассказывалъ мнѣ о томъ, какъ Миллеръ (Орестъ) съ ваедрой бранить наповаль всѣхъ писателей прошедшаго времени, особенно Карамзина. Онъ просто свирѣпствуетъ противъ него. Молодые люди ему аплодируютъ. Впрочемъ, всѣ новѣйшіе или большая часть новѣйшихъ дѣятелей одержимы этимъ бѣснованіемъ противъ всего, что признается другими за достойное уваженіе. Прискорбенъ этотъ духъ разрушенія. Онъ ничего хорошаго не общаетъ Россіи.

Ноябрь 2. Четвергъ. Что вы говорите о прозѣ Карамзина, Жуковскаго, Пушкина? Намъ теперь нужна немножко хмѣльная и очень растрепанная и косматая проза, откуда-бы, какъ изъ собачьяго зѣва, лился лай на все нравственно-благородное, на все прекрасное и на всякую логическую правдивую мысль.

3. Пятница. Въ общемъ засѣданіи академіи выбрали въ члены II-го отдѣленія (Мих. Ив.) Сухомлинова 26-ю голосами противъ четырехъ.

Исторію моей жизни, какъ и всякую исторію, можно раздѣлить на періоды, означая ихъ такимъ образомъ: періодъ отъ одной ошибки въ другой такихъ-то годовъ — этихъ періодовъ можно насчитать множество. Конечно, по совѣсти, я не могу сказать чтобы ошибки эти состояли изъ дурныхъ или предосудительныхъ дѣлъ. Но несомнѣнно то, что каждая изъ нихъ чрезвычайно много вредила моимъ успѣхамъ въ жизни и по службѣ и часто мѣшала даже дѣйствовать, какъ-бы я могъ, и для

общества. Теперь остается мнѣ не сдѣлать еще одной и, можетъ быть, самой вредной ошибки, не впасть въ уныніе отъ всѣхъ прежнихъ, съ ихъ печальными послѣдствіями.

Въ прошедшее воскресенье въ фельетонѣ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ „Незнакомецъ“ объявилъ, разумѣется, шуточно, что онъ умеръ. Теперь слышно, что онъ дѣйствительно для фельетона умеръ. Цензура такіе сдѣлала на него натиски, что онъ долженъ былъ прекратить свою литературную дѣятельность по этой части. Итакъ эта почти единственная живая струя въ газетѣ излякла отъ дуновения холодной цензурной бури. Дѣло въ томъ, что фельетонъ „Незнакомца“ отличался вообще умомъ и остроуміемъ, и всѣ его читали, и поэтому онъ признанъ вреднымъ.

Всякую мысль въ печати, сколько-нибудь не согласную съ умопредставленіями Н. Н. объ учебной части, онъ отыскиваетъ съ заботливостью, достойною лучшаго дѣла, и представляетъ ее куда слѣдуетъ, какъ преступную. Такъ поступилъ онъ, между прочимъ, съ „Бесѣдою“, два номера которой поэтому остановлены и одинъ даже, говорятъ, сожженъ въ Москвѣ.

Въ такихъ прекрасныхъ занятіяхъ ему служить главнымъ помощникомъ Н., сдѣлавшійся нынѣ великимъ дѣвателемъ.

Слышно о Катковѣ, что онъ дѣйствительно боленъ и едва-ли въ состояніи будетъ продолжать свою газету, которая, впрочемъ, находится нынѣ въ упадкѣ. Число подписчиковъ ея сильно уменьшилось.

„Не угашайте духа, не угашайте духа!“ Напрасны эти высокія слова, это выраженіе глубочайшей истины, какъ и другія слова: „не отъ хлѣба единого человекъ живъ бываетъ, но отъ всякаго слова божественнаго“.....

5. Воскресенье. Фельетоны „Незнакомца“ опять появились. Значитъ, цензура дозволила его снова, вѣроятно, съ тѣмъ только, чтобы перлы своего остроумія, если захочетъ, онъ бросалъ только такъ, для забавы на воздухъ, ни въ кого не мѣтя и не попадая.

Философія похожа на кость, содержащую въ себѣ мозгъ; чтобы разгрызть ее и достать изъ нея мозгъ, простому смертному надобно имѣть собачьи зубы.

8. Среда. Въ самомъ дѣлѣ, что такое наша общественность? Въ ней совершается броженіе понятій, не установившихся, неясно

сознаваемыхъ, пришедшихъ извнѣ, склоняющихся въ радикальнѣмъ, ультра-прогрессивнѣмъ принципамъ только потому, что это существуетъ на западѣ. Все это особенно выражается въ нашей литературѣ. А нравственно что такое наша общественность?—полюбѣйшая развращенность умовъ и сердецъ, стремленіе къ матеріальнымъ интересамъ. Общество наше не выработало въ себѣ тѣхъ великихъ идей, которыя служатъ опорой лучшаго порядка вещей. Какъ-же можно его уважать?

Однако, и репрессивныя мѣры должны-же имѣть свои предѣлы и надобно дотрогиваться съ нѣкоторою осторожностью къ такимъ явленіямъ и вопросамъ, которые такъ или иначе вошли уже въ оборотъ нашего умственнаго капитала. Какъ-бы негѣна ни была наша общественность, но съ нею надобно жить и она сама есть все-таки нѣчто живое, а не мертвое и обращаться съ нею какъ съ трупомъ, кажется, не слѣдовало-бы. Если она грѣшна и во многомъ глупа, то далеко не святы и не зѣло разумны и наши государственные мужи.

Репрессія, слишкомъ усиленная, ведетъ къ осуществленію извѣстной истины: чѣмъ хуже, тѣмъ лучше.

По распоряженію министра народнаго просвѣщенія изъ Саратовской семинаріи не велѣно принимать въ студенты университетовъ никого, такъ какъ тамъ когда-то учился Чернышевскій.

Такимъ администраторамъ присвоивался прежде титулъ гасителей, теперь ихъ надобно уже называть сожигателями.

Холера, мѣсяца полтора тому назадъ, прекратилась или если дѣйствуетъ, то, такъ сказать, тайкомъ, но зато оспа продолжаетъ свирѣпствовать почти съ такою-же силою, съ какою наши власти свирѣпствуютъ противъ мысли, науки, печати. На этомъ послѣднемъ поприщѣ отличается М. Н. Лонгиновъ, авторъ извѣстной рукописной, разумѣется, гнусной поэмы, которая заставляла-бы покраснѣть отъ стыда самого Баркова.

Великій человѣкъ, конечно, воплощаетъ въ себѣ идеи своего вѣка и удовлетворяетъ потребностямъ своего народа и общества, сознавая ихъ яснѣе, чѣмъ всѣ другіе. Въ этомъ смыслѣ и говорить нѣкоторые, что великихъ людей собственно и нѣтъ, а есть работники, дѣйствующіе какъ-бы механически, по волѣ или влеченіемъ массъ. Но положимъ, что задача, которую онъ выполняетъ, ему достается извнѣ; неужели, однако, его личность ни-

чего тутъ не значить и всякій другой, поставленный на его мѣсто, могъ-бы ее разрѣшить? Его неотъемлемая собственность— это характеръ.

Онъ похожъ на нѣкоторыя ароматныя вещества, которыя надобно потолочъ въ ступѣ, чтобы они издали аромать.

12. Воскресенье. Обѣдалъ у министра народнаго просвѣщенія. Сегодня онъ былъ довольно сдержанъ, хотя все-таки не обошлось безъ того, чтобы онъ не назвалъ нѣкоторыхъ лицъ дураками. На обѣдѣ были академики, кромѣ меня, Гротъ, Безобразовъ, Буняковский, Бычковъ и Стефани и разныя другія лица. Тутъ былъ и вице-министръ N, который велъ себя уже какъ важная особа, съ большимъ достоинствомъ и чувствомъ своей высоты.

Въ администраціи по дѣламъ печати господствуетъ какая-то злоба противъ всего печатнаго. Они не только принимаютъ мѣры противъ непозволительнаго, по ихъ мнѣнію, но принимаютъ ихъ, особенно Лонгиновъ, съ какою-то бѣшеною яростью. Такъ даже одинъ изъ засѣдающихъ въ комитетѣ министровъ находить, что воспрещеніе двухъ номеровъ „Бесѣды“, сожженіе ихъ, переходитъ уже всякую мѣру благоразумнаго взыскапія, что и статьи-то этого журнала, за которыя воздвиглось такое на него гоненіе, довольно невиннаго свойства, и что, наконецъ, во всякомъ случаѣ, достаточно было уничтожить эти статьи или велѣть ихъ перепечатать.

А за что пострадалъ и обреченъ сожженію календарь (А. С.) Суворина? Во-первыхъ, за то, что въ некрологахъ онъ помѣстилъ и некрологъ такого лица, какъ Мадзини; во-вторыхъ, и это, кажется, главное, зачѣмъ онъ высчиталъ, въ статьѣ о расходахъ государственныхъ, и тѣ оклады, какіе получаютъ высокопоставленными лицами.

Но положимъ, наконецъ, что, по принятой нынѣ системѣ, репрессивныя мѣры нужны; но къ чему такое озлобленіе? Они говорятъ, что печать наша распространяетъ или распространяла ужасныя вещи, но вѣдь это малая часть ея. За что-же такое гоненіе на то, что она разбираетъ умѣренно и гласно разные вопросы, о которыхъ и закономъ разрѣшено говорить. Неужели они забыли, какія важныя услуги оказывала государству печать во множествѣ случаевъ, объясняя самымъ почетнымъ для правительства образомъ

разныя предпріятыя имъ реформы или во время польскаго возстанія и проч.?

18. Суббота. Чтеніе у О. Ѡ. Миллера. А. Н. Майковъ читалъ свое стихотвореніе: „Два міра“, приготовленное къ печати въ „Гражданинѣ“. Это произведеніе высокаго поэтическаго достоинства, въ которомъ Майковъ сталъ на такую ступень, которой онъ еще не достигалъ въ прежнихъ своихъ произведеніяхъ. Язычество въ предсмертныхъ судорогахъ и христіанство на зарѣ своего величія, начинающее эпоху человѣческаго возрожденія. Тутъ все прекрасно: идея, развитіе ея, картины, языкъ. Произведеніе имѣетъ характеръ драматическій не только по формѣ, но и по внутренней силѣ и движенію. Характеры выдержаны и отгѣнены съ необыкновенною правдою и рельефностью. Словомъ, это истинно художественное произведеніе. На чтеніи было довольно дамъ, и въ числѣ слушателей А. Д. Градовскій, К. Н. Бестужевъ-Рюминъ и другіе. Авторъ заслужилъ всеобщее горячее одобреніе. Когда его осыпали привѣтствіями и похвалами, онъ торжественно провозгласилъ, что онъ всѣмъ хорошимъ, что въ немъ признаютъ, обязанъ мнѣ, моимъ университетскимъ лекціямъ. Я пробудилъ въ немъ, какъ и въ другихъ, чистое и возвышенное стремленіе къ красотѣ и идеалу и далъ направленіе его литературной дѣятельности. Разумѣется, мнѣ пріятно было слушать это заявленіе такого даровитаго человѣка, какъ А. Н. Майковъ. Майковъ идетъ по пути, неодобряемому защитниками социальныхъ тенденцій и натурализма, но даже и Орестъ Миллеръ принужденъ былъ признать высокое не тенденціозное достоинство пьесы. Тутъ-же А. Д. Градовскій, а съ нимъ А. Н. Майковъ и другіе напали на Ореста за его нападки на Карамзина и старались ему доказать, что онъ крайне неправъ и не долженъ былъ съ каедръ относиться о немъ такъ неблагосклонно, какъ онъ это дѣлалъ въ недавнее время. Наванунѣ Миллеръ былъ у меня: я, хотя и мягче, говорилъ ему о томъ-же и то-же.

Надъ А. С. Суворинымъ смилувались. Его календарь не будетъ сожженъ и ему велѣли только перепечатать нехорошія страницы. Говорятъ, что Суворинъ дѣйствительно согрѣшилъ противъ цензуры и благоразумія, помѣстивъ въ календарѣ своемъ вещи, которыя непременно должны были раздражить нѣкоторыя высокопоставленные лица.

Надобно правду сказать, наше общество преисполнено безтолковости и хаотическихъ понятій. Многіе возстаютъ противъ крайностей высшей администраціи, сами впадая въ нестерпимыя крайности. И если-бы эта администрація и хотѣла приноривиться къ общественному мнѣнію, то она не нашла-бы его въ этихъ безконечно противорѣчащихъ толкахъ и требованіяхъ.

Коль скоро такъ называемымъ либераламъ удалось разрушить какой-нибудь деспотизмъ, такъ тотчасъ на мѣсто этого они ставятъ свой. Что-же выигрываетъ общество отъ этой перемѣны? Между тѣмъ, ломка одного, чтобы дать мѣсто другому, сама по себѣ есть великое зло.

Декабрь 1. Пятница. Умеръ В. В. Шнейдеръ, бывшій однимъ изъ лучшихъ профессоровъ въ здѣшнемъ университетѣ. Онъ преподавалъ „Римское право“, былъ я моимъ наставникомъ и очень меня любилъ.

6. Среда. Былъ у меня Писемскій. Комедіи его не пропускаетъ цензура. Онъ объяснялся съ **, который объявилъ ему, что комедія можетъ пройти, если онъ спуститъ дѣйствующихъ лицъ пониже, т. е. директоровъ и товарищей министровъ оставить въ покоѣ. Онъ тоже объяснялся съ Лонгиновымъ, но тщетно. Когда Писемскій спросилъ у него: „какъ-же и о чемъ писать?“ Тотъ отвѣчалъ ему: „лучше вовсе не писать“. Авторъ обѣщалъ, однако, исправить свою пьесу, т. е. не ставить дѣйствующихъ лицъ въ разрядъ высшихъ чиновниковъ, а просто отдѣлаться общими характерами.

Ноября 30-го дано предостереженіе первое „Голосу“ за двѣ статьи: одну изъ Ревеля—„О безобразіяхъ остзейскихъ нѣмцевъ“, а другую изъ Одессы—„О безобразіяхъ евреевъ“. Сказано, что „Голосъ“ ссорить населенія имперіи.

Бранять не мѣры, а дурныя мѣры.

.....До чего были доведены умы въ 1840-хъ гг. видно изъ того, что насъ побили въ Севастополѣ. Много-ли отъ этого урока выиграла Россія? Говорятъ, что отъ этой встрѣпки мы прозрѣли. Правда, на минуту для того, чтобы, зѣвнувъ, потянувшись, снова погрузиться въ сонъ.

8. Пятница. (М. И.) Сухомлиновъ утвержденъ экстраординарнымъ академикомъ.

15. Пятница. Былъ у меня (Яковъ Михайловичъ) Невѣровъ, попечитель Закавказскаго округа. Онъ пріѣхалъ сюда просить

пощады отъ греческаго языка. Дѣло въ томъ, что Закавказскій край лишенъ почти вовсе лѣкарей и ветеринаровъ, отъ чего и людямъ и скоту приходится очень плохо: болѣзней у тѣхъ и у другихъ некому лѣчить. Нѣкоторыя мѣстности прямо обратились къ намѣстнику, великому князю, съ просьбою дать имъ лѣкарей. Но гдѣ ихъ взять, когда и во внутреннихъ губерніяхъ ихъ нѣтъ. Надобно готовить докторовъ въ университетахъ, куда безъ греческаго языка нѣтъ доступа, а желающихъ учиться по-гречески не имѣется: и великій князь и попечитель готовы-бы помочь горю, да Г—й не хочетъ. Онъ утверждаетъ, что ни за что не сдѣлаетъ изъятія въ пользу желающихъ посвятить себя медицинѣ; пусть и холера, и оспа, и скотскіе падежи разгуливаютъ по Россіи, лишь-бы греческій языкъ существовалъ. И вотъ Яковъ Михайловичъ Невѣровъ, кажется, и уѣдетъ, не добившись того, чтобы на стипендіи Закавказскаго края позволено было вступать молодымъ людямъ въ университеты по медицинскому факультету съ однимъ латинскимъ языкомъ безъ греческаго.

17. Воскресенье. Работаю надъ отчетомъ по II отдѣленію къ акту академіи. Приходится служить панихиду: мы въ нынѣшнемъ году не досчитываемся четырехъ, такъ называемыхъ, дѣятелей науки: Пекарскаго, Даля, Гильфердинга, Невоструева. Надобно говорить объ ихъ жизни и трудахъ.

27. Среда. Неусыпно работалъ надъ біографіями академическихъ покойниковъ, о которыхъ 29-го надобно говорить на актѣ, и не увѣренъ, что написалъ ихъ хорошо. Такъ, впрочемъ, со мною всегда бываетъ.

29. Пятница. Актъ въ академіи. Читалъ мои біографическіе очерки о Пекарскомъ, Далѣ, Гильфердингѣ и Невоструевѣ.

Вечеромъ были у меня А. Н. Майковъ, Я. М. Невѣровъ и Н. М. Благовѣщенскій съ женою. Послѣдній назначенъ ректоромъ въ Варшавскій университетъ на мѣсто Лавровскаго, который поссорился съ попечителемъ и, какъ говорятъ, велъ себя вообще высокомерно.

Общественный духъ нашъ проявляется тогда, когда нужно страдать отъ внѣшняго врага, хотя и тутъ не обходится безъ неурядицы и разныхъ скверныхъ продѣловъ, вродѣ казнокрадства, хвастовства, ссоръ и пререканій другъ съ другомъ и пр. Но какъ скоро гроза затихнетъ, все опять приходитъ въ прежній порядокъ, т. е. безпорядокъ. Значить, мы—нація, въ этомъ

нѣтъ сомнѣнія? Но какая? Есть-ли у насъ залого высокоаго историческаго призванія? Это другой вопросъ.

Въ наукѣ, въ литературѣ, въ администраціи, въ судѣ у насъ попадаются личности, и даровитыя, и какъ будто одушевленные интересами общественными. Но они дѣйствуютъ въ разсыпную, въ одиночку; каждый хочетъ поступать самъ по себѣ, отличиться и лелѣять свои собственныя цѣли. У насъ нѣтъ того, что называется принципами.

Общественное мнѣніе питается слухами и колышется со стороны въ сторону, какъ волна морская. Можетъ быть, этому виною и (обстоятельства), препятствующія полной гласности. Но, во всякомъ случаѣ, мы не въ состояніи выработать ни одной опредѣленной крѣпкой идеи.

..... Кто такіе наши либералы? Недоучившіеся или ничему основательному невывучившіеся мальчуганы, которые, зачерпнувъ нѣсколько глотковъ коммунизма, социализма, демократизма или какого другаго изма изъ чужеземныхъ книгъ, мечутся какъ пьяные на все, что не согласно съ этими измами, и думаютъ, что они могутъ поворачивать общество куда имъ угодно. Они считаютъ себя и силою и властью. Ихъ берутъ подъ присмотръ полиціи. Вотъ ихъ теперь, какъ стадо барановъ, выгоняютъ на классическую пажить, полагая, что тамъ они найдутся хорошихъ идей. Будетъ-ли изъ этого толкъ—увидимъ современемъ, а теперь трудно повѣрить, чтобы изъ этого вышло то, чего хотятъ. Оно, можетъ быть, и вышло-бы, хоть не въ такой мѣрѣ, какъ полагаютъ зачинщики этого дѣла, да за него принялись слишкомъ неразсудительно, круто.

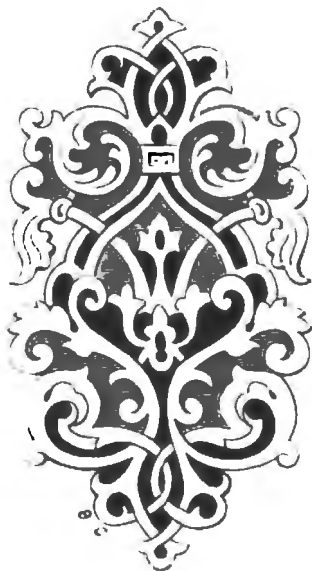
31. Воскресенье. Заѣзжалъ къ Я. М. Невѣрову: ему не удалось отстоять у министра народнаго просвѣщенія того, чтобы воспитанники учебнаго Закавказскаго края могли поступать на медицинскіе факультеты университетовъ безъ греческаго языка. Поводомъ къ этому ходатайству было совершенное неимѣніе лѣкарей и ветеринаровъ, отчего люди и скоть гибнутъ страшно.

Вотъ и 1872-й годъ оканчивается. Чѣмъ-же онъ былъ для меня? Я существовалъ—и только. Внутренній мой міръ былъ полонъ тревогъ и обычнаго самонедовольства, которыя сдѣлались у меня хроническими. Особенно я очень часто занимался пересмотромъ и контролированіемъ моей прошедшей жизни, и

выходило всегда одно и то-же, что трудно представить себѣ человѣка, который-бы дѣлалъ болѣе глупостей и ошибокъ, чѣмъ я. Теперь я, какъ Марія на развалинахъ Кароагена — на развалинахъ всего, что когда-то мною дѣлалось или имѣлось дѣлаться: впереди ничего, кромѣ окончательнаго уничтоженія. Если еще что-нибудь меня поддерживаетъ, такъ это живущій во мнѣ,—чтобы продолжить сравненіе,—духъ Марія, т. е. духъ, способный превозмочь судьбу и самого себя. Я безсиленъ во всемъ, силенъ только въ одномъ: въ какой-то странной необъяснимой вѣрѣ, что я не паду ни умственно, ни нравственно. И это среди непрерывныхъ колебаній и тревогъ моего внутренняго міра! Не есть-ли-же это недѣльное противорѣчіе между нѣкотораго рода силою и безсиліемъ, мною сознаваемымъ? Правда, это противорѣчіе. Но тѣмъ не менѣе, это, говоря языкомъ нынѣшней науки, фактъ.

Прощай, 1872-й годъ.

А. В. Никитенко.

ФЕДОРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ДОСТОЕВСКІЙ

въ воспоминаніяхъ типографскаго наборщика

въ 1872—1881 гг.

I.

Знакомство мое съ Федоромъ Михайловичемъ Достоевскимъ началось со времени вступленія его въ редакторство „Гражданина“, тогда еще еженедѣльнаго журнала, на которомъ я работалъ въ качествѣ метранпажа. О вступленіи Федора Михайловича въ это редакторство издатель „Гражданина“ оповѣстиялъ читателей неожиданно и, для того времени, нѣсколько оригинально. Въ послѣднемъ номерѣ „Гражданина“ за 1872 годъ, отъ 25-го декабря, обычное мѣсто передовой статьи, на 2-й страницѣ, являлось занятымъ слѣдующимъ лаконическимъ извѣщеніемъ, напечатаннымъ крупнымъ шрифтомъ во всю довольно объемистую страницу журнала: „Съ 1-го января 1873 года редакторомъ журнала „Гражданинъ“ будетъ Ф. М. Достоевскій“.

Рано полюбивъ родную литературу, еще въ отроческіе годы зналъ біографію Ф. М. Достоевскаго или, точнѣе сказать, страдальческую часть его біографіи, и читалъ нѣкоторыя главы его „Записокъ изъ Мертваго дома“, печатавшіяся въ журналѣ „Время“, котораго нѣкоторые номера случайно попадались въ мои руки; зналъ я также, что произведенія Федора Михайловича вообще дѣлаютъ большую честь русской литературѣ и что онъ, во всякомъ случаѣ, писатель первоклассный, знаменитый; зналъ, что наши критики еще спорять объ этомъ, но у меня на этотъ счетъ уже было составлено

собственное убѣжденіе,—поэтому естественно, что, въ виду предстоявшаго личнаго знакомства съ Федоромъ Михайловичемъ, интересъ къ нему во мнѣ возросъ до энтузіазма. Выполняя наборомъ вышеприведенное оригинальное извѣщеніе о немъ, я внутренно радовался тому, что скоро буду имѣть личныя сношенія съ однимъ изъ знаменитыхъ писателей, и съ нетерпѣніемъ сталъ ожидать появленія Федора Михайловича въ типографію.

Ожидать пришлось недолго. Спустя всего нѣсколько дней по выходѣ послѣдняго номера „Гражданина“ за 1872 годъ, Федоръ Михайловичъ привезъ въ типографію свою рукопись для перваго номера 1873 года. Это была первая статья „Дневника Писателя“, впоследствии сформировавшагося въ самостоятельное періодическое изданіе, много способствовавшаго популярности своего знаменитаго автора. Меня вызвали изъ наборной въ контору, гдѣ хозяинъ типографіи¹⁾ и представилъ меня Федору Михайловичу какъ метранпажа, а мнѣ назвалъ его имя; я сдѣлалъ легкій поклонъ Ф. М., на который онъ отвѣтилъ едва замѣтнымъ движеніемъ головы и въ то же время, съ едва уловимымъ вниманіемъ, оглядѣлъ меня однимъ быстрымъ взглядомъ. Затѣмъ Федоръ Михайловичъ приступилъ къ передачѣ мнѣ рукописи своего „Дневника“.

Между прочимъ, какъ неоднократно и впоследствии мнѣ приходилось наблюдать, Федоръ Михайловичъ передъ незнакомыми ему людьми любилъ выказать себя бодрымъ, физически здоровымъ человекомъ, напрягая для этого звучность и выразительность своего голоса.

— „Хорошіе-ли у васъ наборщики?“—спросилъ меня Ф. М. такимъ искусственно напряженнымъ голосомъ, въ которомъ, однако, не трудно было замѣтить старческую надтреснутость. Съ этими словами онъ разложилъ передо мною на столѣ рукопись на почтовыхъ листкахъ малаго формата.— „Разберуть-ли они мою рукопись-то?“

Я взглянулъ и увидѣлъ, что рукопись могли читать довольно свободно даже посредственные наборщики, не только хорошіе, ибо то былъ не черныкъ, а переписанное набѣло рукою Федора Михайловича.

— Рукопись разборчивая, отвѣтилъ я, — наши наборщики свободно прочитаютъ ее.

— „Ну, то-то, разборчивая... смотрите! Вы всегда говорите, что разборчивая, а какъ наберете, такъ и не разберешь, что такое вышло,—безсмыслица какая-то!... Или наставите запятыхъ чуть не къ каждому слову. или совсѣмъ безъ запятыхъ.. Вы имѣйте въ

¹⁾ А. И. Траишель, нынѣ уже покойный.

виду, что у меня ни одной лишней запятой нѣтъ, все необходимыя только; прошу не прибавлять и не убавлять ихъ у меня. Да, вотъ поймете-ли вы мои знаки... у меня тутъ есть одинъ знакъ... Посмотрите-ка“.

Я перевернулъ нѣсколько листовъ и, не найдя ничего непонятнаго, не попросилъ никакихъ разъясненій, а сказалъ только, что безъ ошибокъ при наборѣ обойтись нельзя, особенно при сѣшковой работѣ, но что для исправленія ошибокъ у насъ въ типографіи предварительно читается корректура, и только по исправленіи ея оттискъ съ набора посылается автору.

— „Вотъ то-то и плохо, что наборщики всегда надѣются на корректора... А у васъ хорошій корректоръ?... Кто у васъ корректоръ?“

Я указалъ Федору Михайловичу на сидѣвшую тутъ-же за столомъ и читавшую какую-то корректуру В. В. Тимофѣеву, съ честью подвизающуюся на скучномъ корректорскомъ поприщѣ чуть-ли не по сіе время; хозяинъ отрекомендовалъ ее, какъ корректоршу хорошую, и Федоръ Михайловичъ, позабывъ объяснить мнѣ свои знаки, перевелъ свои увѣщанія относительно исправленія корректуры на нее, прося, главнымъ образомъ, не испещрять его статей запятыми. Затѣмъ онъ освѣдомился у меня о составѣ номера „Гражданина“, долженствовавшаго выйти въ свѣтъ уже за его подписью, сказалъ, что составлять номера будетъ, по прежнему, издатель, а ему, Достоевскому, мы должны будемъ присылать для подписи лишь корректуры сверстанныхъ листовъ, за исключеніемъ его и нѣкоторыхъ статей издателя, которыхъ, по его усмотрѣнію, понадобится присылать предварительно корректуры въ гранкахъ. Наконецъ, освѣдомившись о времени присылки ему корректуры его „Дневника“, Федоръ Михайловичъ ушелъ изъ типографіи.

При всемъ желаніи угодить знаменитому писателю и тѣмъ зарекомендовать себя передъ нимъ на первыхъ порахъ, мы набрали его статью совсѣмъ не такъ, какъ онъ желалъ. Произошло это оттого, что Федоръ Михайловичъ, отвлекшись постоянно озабочивавшимъ его вопросомъ о корректорѣ, забылъ объяснить мнѣ одинъ свой условный знакъ, состоявшій въ томъ, что для болѣе отчетливаго обозначенія каждаго новаго періода рѣчи, начинающагося обыкновенно съ новой строки, Ф. М. ставилъ росчеркъ въ видѣ глагола, т. е. буквы *г*, въ лежачемъ положеніи.

На основаніи принятыхъ понятій о корректурныхъ, а слѣдовательно и рукописныхъ знакахъ вообще, знакъ этотъ былъ понятъ всѣми нами совершенно въ обратномъ смыслѣ, т. е. былъ сочтенъ за знакъ соединенія періодовъ рѣчи или, иначе сказать, за знакъ

уничтоженія новыхъ строкъ — абзатцевъ, по типографской терминологіи. Такъ какъ знаки эти стояли у каждаго новаго періода, то вся первая глава, вслѣдствіе обратнаго толкованія знака, очутилась въ наборѣ состоящею изъ одного длиннаго періода. И мнѣ и корректоршѣ нашей это обстоятельство показалось нѣсколько страннымъ, однако-жь, смыслъ знака для всѣхъ насъ былъ такъ ясенъ, что мы не посмѣли умничать надъ текстомъ столь опытнаго писателя, и въ такомъ видѣ послали ему оттискъ на корректуру.

Обратно корректуру эту Федоръ Михайловичъ привезъ въ типографію самъ.

— „Вотъ, вы говорили мнѣ, что у васъ наборщики хорошіе“, заговорилъ Федоръ Михайловичъ, обращаясь ко мнѣ, тономъ, какъ мнѣ показалось, болѣе мягкимъ, чѣмъ въ первый его прѣздъ въ типографію.— „Какъ вы мою статью-то набрали, на что похоже?.. Вѣдь совсѣмъ никуда не годится, надо все снова набирать!.. Смотрите, продолжалъ онъ, разложивъ привезенную корректуру на столѣ. Тамъ, гдѣ у меня были поставлены знаки, что текстъ долженъ начинаться съ новой строки, вы все слили вмѣстѣ и набрали сплошь... Ну, что вы теперь съ этимъ будете дѣлать? Вѣдь этого, я думаю, поправить нельзя, придется набирать все снова?“

И объяснилъ Ф. М. причину недоразумѣнія.

— „Я тридцать лѣтъ пишу такъ, и въ типографіяхъ, гдѣ я печаталъ свои сочиненія, всегда понимали мои знаки какъ надо... У васъ, стало быть, совсѣмъ по другому, такъ вы скажите мнѣ, какой у васъ принято ставить знакъ въ такихъ случаяхъ, тогда я, ужъ дѣлать нечего, буду дѣлать знаки по вашему“.

На это я возразилъ, что знаки у насъ въ типографіи общеприняты, а если данный знакъ понимали гдѣ-нибудь иначе, чѣмъ у насъ, то это дѣлалось условно, что легко достижимо и у насъ, такъ какъ съ этого раза и мы будемъ понимать его знаки какъ надо, и что поэтому ему совсѣмъ не нужно измѣнять своей привычки въ писаніи оригинала для нашей типографіи.

— „Вотъ то-то и есть! Вѣдь я говорилъ вамъ, что къ моей рукописи примѣниться надо, а вы говорили, что она разборчивая, ну, вотъ вамъ и разборчивая! Исправляйте теперь какъ знаете!“

И обнадежилъ Федора Михайловича въ томъ, что знаки его мы теперь понимаемъ и что корректура будетъ исправлена тщательно. Онъ, наконецъ, успокоился и уѣхалъ. Точнымъ исполненіемъ обѣщанія на этотъ разъ я внушилъ Федору Михайловичу довѣріе къ себѣ и на послѣдующее время.

Позднѣе, когда я припомнилъ Федору Михайловичу рассказан-

ный случай, онъ признался мнѣ, что и въ другихъ типографіяхъ, на первыхъ порахъ, не понимали его знака новой строки, изъ-за чего корректура перваго набора всегда почти бывала огромная.

Со вступленіемъ въ редакторство „Гражданина“ Федора Михайловича, я ожидалъ для себя, какъ метраншажа этого журнала, усложненій въ производствѣ дѣла, увеличивавшихся еще тѣмъ обстоятельствомъ, что новый редакторъ жилъ далеко отъ типографіи ¹⁾ (Федоръ Михайловичъ жилъ тогда въ Измайловскомъ полку), а я предвидѣлъ, что развѣ лишь немногія статьи обойдутся одною редакторскою корректурой, посылаемою для подписи, большинство же изъ нихъ, прежде чѣмъ быть подписанными, пропутешествуютъ поодиножъ разъ изъ типографіи къ редактору и обратно, да иной разъ зануть и къ издателю, такъ какъ большинство-то статей „Гражданина“ принадлежало перу его издателя. Ожиданія эти оправдались повертомъ, но въ первое время дѣло шло очень гладко: на корректуру редактору набранныя статьи, по прежнему, посылались въ сверстанномъ уже видѣ, просматривалъ онъ эту корректуру скоро, мараль въ ней очень мало и подписывалъ ее къ печати въ тотъ-же разъ, то есть довольствовался одною корректурой, чего впослѣдствіи рѣдко бывало достаточно... Затѣмъ дѣло скоро начало усложняться: Федоръ Михайловичъ немногое подписывалъ съ одной корректуры; чаще и чаще онъ сталъ бывать въ типографіи, то для того, чтобы сказать мнѣ что и что прислать ему на предварительную корректуру въ гранкахъ, то для того, чтобы, за неимѣніемъ времени для пересылокъ, прочесть корректуру тамъ-же. Недѣли черезъ двѣ Федоръ Михайловичъ переѣхалъ поближе, на уголь Лиговки и Гусева переулка, въ домъ № 21—8, послѣ чего экскурсіи его въ типографію участились; кромѣ того, и я сталъ довольно часто бывать у него для улаживанія различныхъ затрудненій, возникавшихъ при составленіи номеровъ журнала.

¹⁾ Типографія А. И. Граншеля, гдѣ печатался тогда „Гражданинъ“, находилась на углу Невскаго проспекта и Владимірской ул., въ помѣщеніи, занимаемомъ нынѣ рестораною Палкина.

М. А.

II.

Первое впечатлѣніе, произведенное на меня Федоромъ Михайловичемъ, было похоже на тѣ впечатлѣнія, какія онъ первоначально производилъ на большинство людей, имѣвшихъ съ нимъ дѣло впервые, и при какихъ оставались тѣ изъ этихъ людей, которымъ не пришлось сойтись съ Федоромъ Михайловичемъ покороче... Съ перваго взгляда онъ мнѣ показался суровымъ и совсѣмъ не интеллигентнымъ человѣкомъ всѣмъ хорошо знакомаго типа, а скорѣе человѣкомъ простымъ и грубоватымъ; но такъ какъ я зналъ, что вижу передъ собой интеллигента, и притомъ интеллигента высокой степени, то меня прежде всего поразила чисто-народная русская типичность его наружности, причемъ маленькія руки его, хотя, разумѣется, и чистыя и мягкія, но съ уродливыми ногтями на нѣкоторыхъ пальцахъ, представлявшими собою слѣды грубаго, тяжелаго труда, еще болѣе усиливали послѣднее впечатлѣніе, а голосъ и манера говорить довершали его... При всемъ этомъ, одѣтый въ легкую выхухолевую шубку, худощавый, съ вшившими глазами, съ длинной и рѣдкою русо-рыжеватою бородою и такими-же волосами на головѣ—Федоръ Михайловичъ напоминалъ своею фигурою умнаго, дѣятельнаго промышленника-купца, но такого, однако-жъ, купца, который походилъ на думнаго боярина временъ до-петровской Руси, какъ ихъ пишутъ наши художники на историческихъ картинахъ; это послѣднее сходство въ наружности Федора Михайловича тотчасъ-же смягчило во мнѣ впечатлѣніе о грубоватости. Впослѣдствіи, изъ долгихъ сношеній съ Федоромъ Михайловичемъ, я составилъ себѣ опредѣленное понятіе объ обращеніи его: оно было твердое, и потому казалось грубоватымъ; нерѣдко оно бывало нетерпѣливымъ и потому какъ-бы брезгливымъ, что случалось подъ вліяніемъ нервнаго разстройства—послѣдствія пережитыхъ тяжелыхъ испытаній, напряженнаго умственнаго труда по ночамъ и страшной болѣзни его—эпилепсія.

Между прочимъ, подъ вліяніемъ первыхъ впечатлѣній, я находилъ, что Федоръ Михайловичъ былъ человѣкъ мнительный, недовѣрчивый. Такъ, напримѣръ, я замѣтилъ, что онъ, говоря со мною, пытливо смотрѣлъ мнѣ прямо въ глаза или вообще въ физиономію и, нисколько не стѣсняясь встрѣчныхъ взглядовъ, не спѣшилъ отрывать своего взгляда или переводить его на что-либо другое; становилось неловко подъ вліяніемъ этого спокойно-пытли-

ваго взгляда. Впослѣдствіи, когда Федоръ Михайловичъ узналъ меня короче, онъ уже не употреблялъ этого пріема въ разговорѣ со мною, и хотя, по прежнему, смотрѣлъ прямо въ лицо, но это уже былъ взглядъ просто спокойный, а отнюдь не испытующій.

Изъ только-что приведеннаго личнаго опыта и изъ послѣдующихъ неоднократныхъ наблюденій надъ этою характерною чертою Федора Михайловича я составилъ себѣ слѣдующее заключеніе. Онъ былъ недовѣрчивъ къ людямъ мало извѣстнымъ ему вообще... Гдѣ-то, въ своихъ сочиненіяхъ, онъ самъ признается, что очень неохотно заводитъ сношенія съ незнакомыми ему людьми, предвидя неизбѣжныя въ будущемъ, можетъ быть очень даже близкомъ будущемъ, столкновенія съ этими самыми людьми, съ которыми только-что начинаешь знакомиться... Въ отношеніи-же къ неизвѣстнымъ ему простолюдиномъ онъ былъ недовѣрчивъ въ особенности. Насчетъ послѣдняго обстоятельства, на основаніи слышанныхъ отзывовъ и моихъ личныхъ наблюденій, я составилъ себѣ слѣдующее объясненіе. Вступая въ сношеніе съ незнакомымъ простолюдиномъ, будучи самъ извѣстнымъ ему, Федоръ Михайловичъ могъ разсчитывать, что простолюдинъ этотъ знаетъ поверхностно исторію его ссылки, то-есть знаетъ, напримѣръ, что Федоръ Михайловичъ былъ въ каторгѣ, но не знаетъ или, что одно и то-же, не понимаетъ какъ слѣдуетъ за что онъ былъ въ каторгѣ, и потому, чего добраго, благодаря своей невѣжественности, такъ вотъ и смотритъ на него, какъ на бывшаго каторжника, и, сообразно этому своему взгляду, пожалуй, и относится къ нему станемъ какъ къ таковому. Въ виду этого Федоръ Михайловичъ считалъ нужнымъ быть строго-серьезнымъ въ обращеніи съ субъектами, образъ мыслей которыхъ былъ ему совершенно неизвѣстенъ, и только уже потомъ, вполне убѣдившись въ отсутствіи грубаго предубѣжденія къ себѣ, начиналъ относиться къ изслѣдованному такимъ образомъ субъекту съ довѣріемъ, степени котораго бывали, однако-жъ, различны. Ко мнѣ, напримѣръ, впослѣдствіи, онъ относился съ полнымъ довѣріемъ потому, что не имѣлъ поводовъ сомнѣваться въ искренности моего уваженія къ нему, и обращался со мною какъ равный съ равнымъ, т. е. по-просту, потому что не рисковалъ наткнуться на нежданную грубость или даже дерзость, какъ это нерѣдко бываетъ въ сношеніяхъ дѣловыхъ, какими по преимуществу были мои сношенія съ Федоромъ Михайловичемъ; тогда какъ съ другими, тоже нужными ему, лицами въ типографіи обращеніе Федора Михайловича было всегда строго-сдержаннымъ, а какихъ-либо отношеній къ нимъ, напримѣръ денежныхъ счетовъ по изданіямъ, даже совсѣмъ избѣгалъ, имѣя возможность поручать эти дѣла своей супругѣ.

Вѣрно-ли это объясненіе данной черты характера Федора Михайловича — предоставляю рѣшить лицамъ, лучше меня знавшимъ этого знаменитаго, но нѣкогда униженнаго и оскорбленнаго чело-вѣка,—повторяю, что объясненіе это — мое собственное, и держа-лось оно во мнѣ постоянно, подтверждаемое, какъ я уже сказалъ. наблюденіями при случаяхъ и постепеннымъ измѣненіемъ къ луч-шему отношеній Федора Михайловича ко мнѣ лично.

III.

Насколько чутокъ и какъ постоянно былъ насторожѣ Федоръ Михайловичъ въ охранѣ не только своей личности, но даже своего чувства отъ малѣйшихъ оскорбленій, можетъ иллюстрировать ниже-слѣдующій маленькій анекдотъ изъ моихъ съ нимъ дѣловыхъ сно-шеній, имѣвшій мѣсто спустя почти годъ отъ начала нашего зна-комства, стало быть, когда довѣріе его ко мнѣ было давно упрочено

Федоръ Михайловичъ какъ-то разъ, накануне выпуска номера въ свѣтъ, пришелъ въ типографію позже обыкновеннаго: кор-ректурa давно ожидала его; корректорша, я и дежурные набор-щики скучали отъ бездѣйствія, не имѣя права уйти изъ типо-графіи, такъ какъ дѣло наше было еще не вполне окончено. Принимаясь за чтеніе корректуры, Федоръ Михайловичъ попро-силъ меня набрать принесенный имъ небольшой клочекъ текста, заключавшій въ себѣ какое-то иностранное извѣстіе Въ то время онъ самъ велъ иностранный отдѣлъ въ журналѣ подъ рубрикою „Иностранныя событія“, поэтому, зная хорошо содержимое от-дѣла, тотчасъ-же указалъ и мѣсто въ сверстанномъ листѣ, гдѣ требовалось вставить данное извѣстіе. Набрать клочекъ можно было очень скоро, но чтобы помѣстить его въ указанномъ мѣстѣ надо было переверстать цѣлый листъ (8 страницъ по 2 столбца въ страницѣ), чтобы вмѣстить посредствомъ такъ называемаго сжа-тія набора, такъ какъ Федоръ Михайловичъ не находилъ ничего такого въ текстѣ, что не жалко было-бы выбросить намѣсто вставки. Извѣстіе, о которомъ шла рѣчь, было ничтожно по своему значенію и отличалось только новизною; очевидно было, что Федору Михай-ловичу хотѣлось только придать имъ свѣжести завтрашнему номеру. Между тѣмъ, принимая во вниманіе, что послѣ переверстки должна слѣдовать опять корректурa для провѣрки произведенной пере-верстки, я предвидѣлъ затяжку дѣла въ долгую, какъ говорится, очень спѣшить и все-таки съ рискомъ опоздать выпускомъ номера

газеты. Я поставилъ Федору Михайловичу на видъ свои соображенія съ цѣлью склонить его или на отміну вставки, или на облегченіе ея посредствомъ вымарки соотвѣтственной величины.

— „Оно, конечно, можно-бы обойтись и безъ вставки,—извѣстіе не важно,—но все-таки лучше было-бы для журнала помѣстить его, чтобы хоть что-нибудь свѣжее было, а то вѣдь у насъ ничего новаго нѣтъ“, отвѣтилъ мнѣ Федоръ Михайловичъ.

— „Извините мнѣ, Федоръ Михайловичъ, возразилъ я, но вѣдь всѣхъ новостей вы все-таки не помѣстите, множество ихъ все-таки останется не помѣщеннымъ, такъ велика-ли важность, если однимъ извѣстіемъ будетъ у насъ больше или меньше, а аккуратный выходъ номера для журнала очень важенъ... Если вы требуете этого, то, конечно, я обязанъ исполнить ваше требованіе, но если можно обойтись безъ усложненія дѣла, то я прошу васъ, Федоръ Михайловичъ, обойтись“.

Федоръ Михайловичъ отмінулъ тогда вставку, и вообще въ тотъ разъ, вопреки своему обыкновенію, скоро отчиталъ корректуры и ушелъ изъ типографіи, сухо попрощавшись со мною. По уходѣ его, В. В. Тимофѣева, сидѣвшая съ нимъ за однимъ столомъ въ корректорской комнатѣ, рассказала мнѣ, что когда я, послѣ выше-описаннаго разговора, вышелъ изъ корректорской въ наборную, Федоръ Михайловичъ обратился къ ней и сказалъ:

— „А какой онъ, однако-жъ, ядовитый этотъ господинъ Александровъ; какъ онъ это зло сказалъ сейчасъ про то, что что-нибудь да останется... Я совсѣмъ не предполагалъ въ немъ ничего такого!“

IV.

Въ первые дни 1873 года, находясь еще подъ вліяніемъ перваго впечатлѣнія, произведеннаго на меня манерою обращенія Федора Михайловича, меня не мало беспокоила его привычка объясняться всегда лично, а не путемъ записокъ, что иногда было-бы удобнѣе для насъ обоихъ. Бывало, пріѣдетъ въ типографію, когда меня тамъ нѣтъ, и волнуется, волнуется въ ожиданіи меня, чтобы переговорить о дѣлѣ лично, вмѣсто того, чтобы сѣсть, да написать мнѣ о томъ, что ему надо... Великій писатель не любилъ изъясняться посредствомъ писемъ или записокъ, считалъ писаніе ихъ вообще дѣломъ труднымъ и не однажды признавался въ этомъ не только многимъ знавшимъ его, а въ томъ числѣ и мнѣ, но даже печатно, въ своихъ сочиненіяхъ.

Но какъ-бы то ни было, а безъ записокъ и даже писемъ дѣло, разумѣется, не обходилось; Федору Михайловичу пришлось — таки писать ихъ ко мнѣ, особенно послѣ того, какъ онъ убѣдился, что я ихъ понимаю и толково исполняю по нимъ. Всѣ его записки ко мнѣ я сохранилъ, начиная съ первой, такъ что собраніе ихъ, числомъ свыше шестидесяти, представляетъ теперь для меня вдвойнѣ драгоценное собраніе автографовъ знаменитаго писателя въ памятникахъ личныхъ отношеній его ко мнѣ, и я не могу отказать себѣ въ удовольствіи привести здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ, такъ какъ онѣ, между прочимъ, характеризуютъ знаменитаго автора съ такой стороны, съ которой онъ наименѣе извѣстенъ читающему міру, а именно со стороны его обращенія и вообще отношеній — знаменитаго писателя къ человѣку простому и совсѣмъ уже маленькому, что, главнымъ образомъ, имѣетъ въ виду и все мое настоящее поведеніе.

Вотъ первая записка Ф. М. ко мнѣ, писанная въ началѣ января 1877 г. и посланная изъ типографіи ко мнѣ на квартиру:

„Г. Александровъ, прошу васъ, потрудитесь сейчасъ-же придти на минутку въ типографію. Я и секретарь редакціи ¹⁾ васъ дождаемся. Безъ васъ нельзя рѣшить.

Редакторъ Ф. Достоевскій“.

Суббота 3¹ ч. пополудни“.

Вторая записка въ томъ-же тонѣ:

Г. Метранпажу.

„Прошу васъ прислать сейчасъ наборъ ²⁾ (и оригиналъ) моей статьи (Дневникъ Писателя). Увѣдомляю тоже, что окончанія не будетъ и что статью надо вынуть ³⁾. Если это можетъ произвести затрудненія, то прошу немедленно придти въ редакцію лично для переговоровъ. Достоевскій“.

Спустя нѣсколько мѣсяцевъ, тонъ записокъ становится нѣсколько мягче, наприимѣръ:

„Г.об. Александровъ,

„Въ моей статьѣ вышло 650 строкъ или даже немного болѣе, сократить не могу. Прилагаю письмо къ N и прошу его, чтобы

¹⁾ В. Ф. Пудыковичъ, вполнѣдствіи, послѣ Ф. М., редакторъ, а затѣмъ, 1877 г., собственникъ „Гражданина“.

²⁾ Г. е. оттискъ съ набора.

³⁾ Г. е. исключить изъ номера журнала, въ составъ котораго она должна была войти по предварительному расчету. М. А.

сократилъ свое „Петерб. Обзорѣніе“ на 150 строкъ. Письмо поручаю вамъ и прошу васъ доставить ему немедленно и, если можно, лично.

„Въ послѣдней страницѣ¹⁾ я отчеркнулъ 2 анекдота (24 строки). Это значитъ ихъ выбросить. Если пойдете къ N—сообщите ему. Я тоже и объ этомъ ему писалъ.

„Теперь $\frac{1}{4}$ 8-го утра. Буду спать до 2-хъ часовъ. Сверстку подпишу мигомъ, но раньше 2-хъ не приносите.

„Доставьте-же письмо. Вашъ Достоевскій“.

Еще нѣсколько мѣсяцевъ спустя:

„Люб. Александровъ, вмѣсто 250 строкъ, я написалъ, кажется, до 500. Уменьшить ничего не могу. Какъ-же быть? Непремѣнно надо найти мѣсто и рѣшить поскорѣе. Выбросить статью всегда можно, но можно-ли при этомъ сохранить и прежнее расположеніе, вынуть, на примѣръ, „Желѣзныя дороги?“

„Если-же нельзя, т. е.: „Еженед. хроника“, „Иностранныя событія“, „Петербургское обзорѣніе“ и т. д., то нельзя-ли мнѣ или П. статью пустить въ другомъ мѣстѣ?“

„Однимъ словомъ, поймите, что я непремѣнно долженъ васъ видѣть. Прїѣзжайте на извозчикѣ, я заплачу. Какъ хотите, нельзя иначе. Вашъ Достоевскій“.

„15-го сентября“.

Спустя годъ, въ январѣ 1874 года, онъ писалъ мнѣ:

„Любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ, я корректуру „Сельскихъ школъ“ отсмотрѣлъ, но если есть хоть какая-нибудь возможность выбросить эту статью теперь, то выбросьте. Избавьте меня отъ нея. N. отдалъ не читая самъ, я знаю. Завтра (въ пятницу) вы ужъ, конечно, получите что-нибудь отъ N., да и самъ онъ, можетъ быть, прїѣдетъ²⁾. Тогда набирайте его романъ вмѣсто этой статьи, или посылаю вамъ на всякій случай „Корреспонденцію изъ Корфу“ (если будетъ еще время набрать). Хотя эта „Корреспонденція изъ Корфу“ вовсе не хороша, но все-таки въ 100 разъ лучше „Сельскихъ школъ“. Я, впрочемъ, желалъ-бы не набирать Корфу. Въ самомъ крайнемъ случаѣ можно было-бы пустить „Сердечный методъ“, если онъ не разобранъ, но только въ самомъ крайнемъ случаѣ. Но если ужъ никакъ нельзя, то пустите „Сельскія школы“, только я буду боленъ отъ этого³⁾. Достоевскій“.

¹⁾ Такъ назывался одинъ изъ отдѣловъ „Гражданина“.

²⁾ Въ Петербургъ, изъ Твери.

³⁾ Я исполнилъ желаніе Федора Михайловича, не помѣстивъ тогда въ номеръ досаждавшую ему статью о сельскихъ школахъ, которая такъ послѣ того и не была напечатана въ „Гражданинѣ“.

Еще позднѣе, во время изданія „Дневника Писателя“, т. е. въ 1876 и 1877 годахъ, тоя писемъ и записокъ перешель почти въ дружескій. Изъ этой поры, наиболѣе обильной письмами, приведу здѣсь на выдержку три письма, не требующихъ особыхъ поясненій и разнящихся по прѣвѣтственнымъ обращеніямъ. Всѣ три письма писаны въ 1876 году.

Вотъ записка съ городской квартиры:

„28-го апрѣля, 6 часовъ утра“.

„Многоуважаемый Михаилъ Александровичъ, вотъ вамъ подпisanная корректура перваго листа и окончательный текстъ: „За умершаго“, 3¹/₂ поль-листка, 7 страницъ. Больше ничего не будетъ. Замѣтите, что это моя рука, т. е. вмѣсто 7 выйдетъ навѣрное 9 страницъ прежняго письма ¹⁾. Теперь вопросъ: какъ вы справитесь (т. е. не съ печатаньемъ: все доставлено во время и я не опоздаю), а съ числомъ листовъ? Ясное дѣло, что болѣе 1-го листа и ³/₄-й; пусть будетъ два листа, но какъ вы ихъ размѣстите, не останется-ли пустой страницы? Объ этомъ обо всемъ очень желалъ-бы поговорить лично, но до сихъ поръ я васъ не могъ застать, а въ понедѣльникъ у васъ было заперто. Я сидѣлъ всю ночь и проснусь развѣ въ третьемъ часу пополудни. Къ 5-ти буду въ типографіи. Но если надо быть раньше, дайте знать, и если надо меня разбудить, то пусть разбудятъ. На письмахъ ужасно тяжело объясняться. Вашъ Ф. Достоевскій“.

Письмо изъ Старой Руссы отъ 21-го іюня 1876 г.:

„Старая Русса, 21-го іюня, понедѣльникъ.“

„Почтеннѣйшій Михаилъ Александровичъ, посылаю вамъ текстъ 1-й главы іюньскаго „Дневника писателя“ для набора. Десять поль-листокъ, значить не болѣе или немного болѣе поль-листа. Всего-же въ іюньскомъ № будетъ полтора листа и никакъ не болѣе. Велите набрать и пошлите къ цензору, но особенно прошу и умоляю продержатъ тщательнѣе корректуру (..... между нами сказать). Самъ я буду въ Петербургѣ не раньше 28-го іюня (но 28-го навѣрно). Но до того времени постараюсь хоть что-нибудь выслать, хоть еще поль-листа. Боюсь, что письмо это какъ-нибудь заблудится и долго не дойдетъ до васъ. Печатать будемъ въ 6000-хъ экземплярахъ по прежнему. Адресъ мой здѣсь (на всякій случай): Въ Старую Руссу, Новгородской губерніи, Ф. М. Достоевскому. До свиданія-же, жму вамъ руку. Вашъ Ф. Достоевскій“.

¹⁾ Писаннаго подъ диктовку Ф. М.—ча А. Г. Достоевскому.

Оттуда-же черезъ два мѣсяца:

„Любезнѣйшій и многоуважаемый Михаилъ Александровичъ, вотъ вамъ начало третьей главы (юль—августовскаго №). Наберите. Но корректуру ужъ не присылайте, такъ какъ намѣреваюсь отсюда выѣхать въ Петербургъ 26-го (стало быть, могу 27-го уже быть въ типографіи). Но еще до пріѣзда моего надѣюсь опять что-нибудь выслать.

„NB. Мы написали Печаткину, чтобъ въ типографію было доставлено 38 стопъ бумаги, но сомнѣваемся въ томъ, что поставили плохой адресъ, такъ что письмо къ Печаткину могло и не дойти. Итакъ, если вы, въ типографіи, еще не получили бумагу и не получите до понедѣльника, то пошлите въ понедѣльникъ къ Печаткину, напомнить тамъ и объяснить.

„Опять-таки насчетъ цензора... Впрочемъ, къ тому времени я самъ буду. Вся бѣда въ томъ, успѣемъ-ли справиться, а я здѣсь все нездоровъ. До свиданія, жму вашу руку. Вашъ Ф. Достоевскій“.

„21-го августа. суббота“.

Параллельно измѣненію тона писемъ и записокъ, соответственно измѣнялся и тонъ личнаго обращенія Федора Михайловича со мною.

V.

И однако-жъ, несмотря на казавшуюся грубоватость Федора Михайловича, я, на самыхъ еще первыхъ порахъ, подмѣтилъ въ немъ нѣчто такое, что мнѣ тогда-же внушило смѣлость обратиться къ нему съ просьбою; просьба была, конечно, о предметѣ мало-значущемъ, но для меня все-же это была просьба, подобной которой я и до, и послѣ того весьма и весьма рѣдко позволялъ себѣ въ отношеніяхъ съ лицами, которымъ мнѣ приходилось оказывать нѣкоторыя услуги въ области моей скромной профессіи.

Въ то время самымъ новымъ изъ крупныхъ произведеній Федора Михайловича былъ романъ „Бѣсы“, незадолго предъ тѣмъ вышедшій въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ и еще волновавшій русскій читающій міръ. Мнѣ очень хотѣлось прочесть этотъ романъ, который, какъ мнѣ было извѣстно, очень бранили всѣ именовавшіе себя тогда русскими либералами. Объемистое изданіе стоило 3 р. 50 к.—цѣна недоступная для меня, — и вотъ я рѣшился попросить сердитаго, какъ у насъ въ типографіи называли,

Федора Михайловича, дать мнѣ романъ этотъ для прочтенія, не находя все-таки приличнымъ просить книгу въ подарокъ, по недавности нашего вполне случайнаго знакомства. Выслушавъ мою просьбу, Федоръ Михайловичъ вполне просто и естественно, т. е. не перемѣняя интонаціи голоса, сказалъ мнѣ:

— „Въ редакціи „Гражданина“ есть „Бѣсы“... вѣдь вы бываете въ редакціи?“¹⁾.

— Бываю, Федоръ Михайловичъ, и даже часто, отвѣтилъ я.

— „Ну, такъ вотъ, тамъ и возьмите себѣ экземпляръ; скажите, что я вамъ велѣлъ. Возьмите себѣ совсѣмъ,—я вамъ дарю его“.

Я поблагодарилъ Федора Михайловича и спросилъ, не дастъ-ли онъ записки для полученія книги.

— „На что записку? возразилъ онъ. Вѣдь васъ знаютъ въ редакціи, если вы тамъ часто бываете. Спросите моимъ именемъ; а я когда буду въ редакціи, скажу тамъ, что велѣлъ вамъ взять себѣ экземпляръ“.

Я опять поблагодарилъ его. Я зналъ, что въ конторѣ редакціи „Гражданина“ „Бѣсы“ имѣлись для продажи подписчикамъ этого журнала по пониженной цѣнѣ, и въ тотъ-же день получилъ книгу безпрепятственно.

Такимъ образомъ, я, на первыхъ порахъ знакомства, получилъ уже отъ Федора Михайловича подарокъ. Впоследствии, когда у него выходило въ свѣтъ новое изданіе какого-либо изъ его сочиненій, мнѣ уже не приходилось просить: Федоръ Михайловичъ самъ дарилъ мнѣ по экземпляру каждаго изъ нихъ, снабжая ихъ при этомъ своими автографами.

¹⁾ „Редакція“, т. е. внѣшніе, видимые атрибуты, а въ томъ числѣ и выѣска редакціи журнала „Гражданинъ“ во время редакторства Ф. М. Достоевскаго помѣщались сначала въ квартирѣ издателя, а потомъ въ квартирѣ секретера редакціи, В. Ф. Пуцковича. М. А.

VI.

Между тѣмъ, Федоръ Михайловичъ съ усиливавшимся упорствомъ преслѣдовалъ принятое имъ на себя трудное дѣло приведенія „Гражданина“ къ общепринятымъ литературнымъ формамъ, которыя этотъ журналъ до него игнорировалъ,—и въ этой нивелировкѣ я принималъ косвенно, конечно, и невольно, но тѣмъ не менѣе дѣятельное участіе. Но чтобы быть понятымъ, я долженъ, хотя вкратцѣ, очертить положеніе дѣла.

Въ первые годы своего существованія „Гражданинъ“ отличался отъ прочихъ своихъ собратій—периодическихъ изданій—гораздо бѣльшими, чѣмъ впоследствии и теперь, претензіями на оригинальность и эксцентричность. Особенностей у него было много, но перечислять ихъ всѣ было-бы здѣсь неумѣстно, поэтому я упомяну лишь о тѣхъ изъ нихъ, которыя имѣютъ отношеніе къ настоящему моему повѣствованію.

Одною изъ главныхъ его особенностей, неудобныхъ для типографіи вообще, а для метранпажа въ особенности, было отсутствіе необходимой для периодическаго изданія стройности въ организаціи веденія дѣла; по разъ заведенному порядку никогда почти въ немъ ничего не дѣлалось; сначала это происходило отъ того, что издатель не желалъ стѣснять себя какими-бы то ни было правилами, а потомъ отъ того, что у журнала очутилось двое хозяевъ или, вѣрнѣе, ни одного хозяина, при двухъ распорядителяхъ-редакторахъ — неофициальномъ, N. N., и официальномъ, Ѳ. М. Достоевскомъ, у которыхъ хотя и была одна и та-же задача, но каждый употреблялъ для ея разрѣшенія различныя средства, вслѣдствіе чего соглашеніе между ними достигалось съ большимъ трудомъ. Вотъ эта-то трудность соглашенія руководителей журнала естественнымъ путемъ отражалась, между прочимъ, и на типографской части дѣла, главнымъ органомъ которой въ данномъ случаѣ являлся метранпажъ, руководитель наборщиковъ.

Главною моею заботою каждую недѣлю было добиться во-время составленія номера, — и сколько, бывало, надо мнѣ было около нихъ обоихъ походить, чтобы добиться этого составленія номера! Имѣется, наприимѣръ, между прочимъ матеріаломъ, данная статья: одинъ одобряетъ ее, другой бракуетъ! И какъ, бывало, ни удачно скомпануешь номеръ, благодаря бѣготѣ отъ одного къ другому, отъ другаго къ первому, на предварительномъ реестрѣ, а при выполненіи этого реестра непременно случится какое-нибудь замѣ-

пательство: то которая-нибудь изъ предположенныхъ статей не явится вовсе, то та или иная изъ нихъ явится длиннѣе или короче предположеннаго; въ результатѣ опять бѣготня и исканіе согласенія редакторовъ, а въ концѣ концовъ несвоевременная и потому сѣбная, безпорядочная работа.

Вспоминая теперь объ этихъ перипетіяхъ, мнѣ припомнилось одно маленькое словцо Федора Михайловича о „Гражданинѣ“ которое кстати и приведу здѣсь.

Однажды, какъ-то послѣ длиннаго совѣщанія о составѣ текущаго номера, у меня невольно вырвалось нижеслѣдующее замѣчаніе:

— Вѣдь вотъ, этотъ „Гражданинъ“, говорилъ я,—самъ по себѣ журналъ небольшой, а вѣдь сколько съ нимъ возни и хлопотъ у насъ бываетъ!... Иной разъ такъ просто досада беретъ на него!

— „Не великъ, да удалъ!“ отвѣтилъ на это Федоръ Михайловичъ, и засмѣялся.

Приближалось лѣто.

Въ первый годъ своего изданія „Гражданинъ“ въ лѣтніе мѣсяцы не выходилъ еженедѣльными выпусками; вмѣсто нихъ, выдава было подписчикамъ двѣ книги сборниковъ статей, особо для того составленныхъ и напечатанныхъ и озаглавленныхъ также „Гражданиномъ“; такой способъ удовлетворенія нѣкоторыхъ исключительныхъ читателей „Гражданина“ былъ, конечно, очень удобенъ для его редакціи, но у него были и обыкновенные подписчики, которымъ способъ этотъ не понравился; поэтому редакціею было рѣшено, со втораго года, и лѣтомъ выпускать еженедѣльные номера, въ нѣсколько уменьшенномъ объемѣ, но за то съ обычною строгою регулярностью выхода ихъ въ свѣтъ по понедѣльникамъ... Надо замѣтить, что эти сроки выхода „Гражданина“ по понедѣльникамъ составляли тоже одну изъ отличительныхъ особенностей его въ ряду не только еженедѣльныхъ журналовъ русскихъ, изъ которыхъ по этимъ днямъ не выходилъ ни одинъ, но даже ежедневныхъ газетъ, не выходившихъ въ то время во всѣ дни, слѣдовавшіе за праздниками и вообще днями неприсутственными. Эти выходы „Гражданина“ по понедѣльникамъ мнѣ—метранпажу его—были всего непріятнѣе изъ всего непріятнаго въ немъ, по той простой причинѣ, что, благодаря имъ, наиболѣе сложная работа типографіи приходилась на воскресенье. Но съ этимъ подѣлать ничего было нельзя: дилемма: хочешь—работай, не хочешь—охотники найдутся,—равно была мною рѣшена. Не разъ и Федору Михайловичу я объяснялъ это непріятное обстоятельство для насъ, рабочихъ типографіи, ничѣмъ особо не вознаграждаемыхъ за праздничную работу;

онъ вполне соглашался съ моими доводами, но не могъ ничѣмъ помочь намъ. Однако-жь, лѣтомъ, когда, чередуясь съ издателемъ отдыхомъ, онъ оставался полнымъ распорядителемъ журнала, намъ, общими усилиями, удавалось сокращать воскресную работу на цѣлую половину сутокъ, то есть вмѣсто того, чтобы кончать въ обычные 3 часа ночи на понедѣльникъ, мы кончали въ 2—3 часа дня воскресенья; Федоръ Михайловичъ кончалъ, конечно, еще раньше насъ и потому, благодаря этому сокращенію рабочаго времени, онъ могъ въ воскресенье-же уѣзжать къ своему семейству, которое лѣтомъ жило въ Старой Руссѣ, гдѣ съ нѣкотораго времени Федоръ Михайловичъ приобрѣлъ небольшой домъ. Приѣзжалъ онъ оттуда, для составленія номера, въ четвергъ, и такимъ образомъ еженедѣльный номеръ „Гражданина“ мы дѣлали въ три дня. Затѣмъ наступала очередь N., со вступленіемъ котораго въ отправленіе редакторскихъ обязанностей, наступали на нѣсколько недѣль вакаціи для Федора Михайловича, а у насъ въ типографіи дѣло поворачивало на старый ладъ, то есть работа наканунѣ выпуска номера затягивалась до ночи.

VII.

Незадолго до того времени усилившаяся въ нашемъ отечествѣ потребность народнаго образованія вызывала въ періодической печати 1870-хъ годовъ массу разнородныхъ толковъ о начальномъ образованіи, о народныхъ школахъ, объ учителяхъ для этихъ школъ и тому подобномъ. Можно сказать, что тогда это былъ главный внутренній русскій вопросъ времени.

Подъ влияніемъ этихъ всеобщихъ толковъ печати, я въ концѣ лѣта 1873 года задумалъ написать свои воспоминанія о моемъ школьномъ ученіи и о моемъ учителѣ, прекрасномъ какъ человѣкѣ и идеальномъ какъ народномъ школьномъ учителѣ. Довольно большая статья у меня написалась легко и скоро, относительно разумѣется, такъ какъ писалъ я, по обыкновенію, урывками,—точно вылилась. Написавъ эту статью, я разсудилъ отступить на тотъ разъ отъ своего обычая носить свои статьи въ иллюстрированные журналы, а рѣшился напередъ показать свое новое произведеніе Федору Михайловичу, не найдетъ-ли онъ возможнымъ напечатать его въ „Гражданинѣ“

Но прежде чѣмъ рѣшиться на это, я нѣсколько поколебался: какъ-то онъ посмотритъ на мою притязательность на литераторство; послѣ

оказалось, что опасенія мои были напрасны: узнать меня съ новой хорошей, именно съ литературской, стороны для Федора Михайловича было неожиданностью, пріятно его поразившею.

Понесъ я къ Федору Михайловичу свою статью не нарочно, а захватилъ ее, отправляясь къ нему на обычный визитъ по дѣламъ журнала. Во время разговора Ф. М. нѣсколько разъ взглядывалъ на свернутую въ трубочку и завернутую въ газетную бумагу рукопись мою, о которой я все еще ничего не говорилъ ему; наконецъ, кончивъ объ общемъ дѣлѣ, я сказалъ о своемъ и подалъ ему рукопись. Федоръ Михайловичъ взялъ ее и при этомъ видимо преобразился: серьезное, даже нѣсколько угрюмое лицо его просіяло тихимъ удовольствіемъ, которое тотчасъ-же и выразилось его добрымъ улыбкою. Держа рукопись въ своихъ рукахъ и еще не развертывая ее, онъ проговорилъ:

„Это вы, Михаилъ Александровичъ, написали?.. Вы сами?“

— Да, Федоръ Михайловичъ, я самъ писалъ.

— „Прочту, прочту!.. Это должно быть интересно... Съ удовольствіемъ прочту... Сегодня же и прочту“.

Я чувствовалъ нѣкоторую неловкость, а потому тотчасъ-же попрощался съ Федоромъ Михайловичемъ и ушелъ отъ него.

Въ слѣдующій визитъ къ Федору Михайловичу, по нашимъ обнимъ дѣламъ, я, между прочимъ, спросилъ его и о своей статьѣ.

— „Я ее прочелъ. отвѣтилъ мнѣ Федоръ Михайловичъ, въ тотъ-же вечеръ и прочелъ, какъ вы мнѣ ее принесли“...

Я молчалъ и вопросительно смотрѣлъ ему въ лицо, ожидая, не скажетъ-ли онъ своего мнѣнія о ней. Федоръ Михайловичъ должно быть понялъ мое вопросительное молчаніе, потому что вслѣдъ за тѣмъ онъ прибавилъ:

— „Ее можно въ „Гражданинѣ“ напечатать, если хотите“

— Годится, значить?

— „Да. Она написана очень литературно, такъ что и поправлять нечего... Можно такъ цѣликомъ и напечатать“.

Довольный такимъ приговоромъ редактора, я возмнѣлъ смѣлость узнать мнѣніе Федора Михайловича о моей статьѣ съ критической точки зрѣнія. Серьезное, во все время этого разговора, лицо его при этомъ приняло хорошо уже знакомое мнѣ добродушное выраженіе.

— „Очень простодушна“, сказалъ онъ и улыбнулся.

— Какъ это простодушна, Федоръ Михайловичъ?

— „Да такъ: вышелъ простодушный рассказъ... По моему, когда ужъ знаешь о чемъ писать, такъ можно и побольше сказать“.

— Гмъ! Это какъ-же... смѣлѣе, что-ли, надобно?

— „Да разумѣется, чего-жь стѣсняться-то?“

Затѣмъ Федоръ Михайловичъ освѣдомился у меня, показывалъ ли я свою статью (издателю) N., и, узнавъ, что не показывалъ, возвратилъ мнѣ ее, сказавъ, чтобы я передалъ ее N., „такъ какъ всѣ рукописи для журнала исходятъ отъ него“, и сказать ему, что онъ уже прочелъ ее. Я медлилъ отдавать статью N., пока, наконецъ, тотъ самъ не спросилъ у меня ее, что означало, что Федоръ Михайловичъ сказалъ ему о ней ¹⁾.

Послѣ только-что описаннаго эпизода, радикально укрьпившаго за мною благорасположеніе Федора Михайловича, онъ неоднократно напоминалъ мнѣ, что я „самъ литераторъ“. Во всѣхъ случаяхъ, когда ему, вслѣдствіе его обычной заботливости, приходилось обращаться ко мнѣ съ просьбою объ исполненіи какого-нибудь экстраординарнаго порученія, чаще всего о наблюденіи за тщательностью исправленія болѣе или менѣе значительныхъ авторскихъ или редакторскихъ корректуръ, независимо отъ провѣрки этихъ исправленій корректорами, онъ въ заключеніе говаривалъ:

— „Вы сами литераторъ, поэтому лучше кого другаго можете судить, какъ важно для статьи выправить все именно такъ, какъ показано въ корректурѣ; вы лучше корректора можете понять какъ именно требуется исправить“.

Иногда-же подобное обращеніе онъ употреблялъ въ концѣ своего увѣщанія, въ видѣ прибавки для вящшей убѣдительности:

— „Вѣдь вы-же сами литераторъ, Михаилъ Александровичъ, поэтому вамъ должны быть близки интересы автора“.

Однажды я возразилъ Федору Михайловичу:

— Вы шутите, Федоръ Михайловичъ! Какой я литераторъ, если написалъ двѣ-три статьи, да больше и не пишу.

— „Но вы можете писать... Вы литераторъ... Я вамъ говорю это“!..

— Ваше признаніе мнѣ очень лестно, Федоръ Михайловичъ, имъ гордиться-бы можно, да только...

— „Что только?... Отчего вы не пишете?.. Пишите, вы можете писать“.

Не разъ и впоследствии освѣдомлялся у меня Федоръ Михайловичъ, не пишу-ли я чего, не написалъ-ли что-нибудь; отвѣтъ мой, за весьма рѣдкими исключеніями, бывалъ отрицательный.

¹⁾ Статья, о которой здѣсь шла рѣчь, напечатана въ №№ 19, 20, 21 и 22 журнала „Гражданинъ“ за 1874 годъ, годъ заглавіемъ: „Изъ воспомнаній простаго человѣка. Мой учитель“, съ посвященіемъ учителямъ народныхъ школъ.

— Не до писанья, Федоръ Михайловичъ, отвѣчалъ я однажды. Жизнь осложнилась; есть насущныя житейскія нужды, такъ что въ заботѣ, да въ работѣ все время идетъ.

На это Федоръ Михайловичъ сказалъ приблизительно слѣдующее: „Забота—да, конечно, обстоятельство неблагопріятное для писанья, но работа—ничего. работать всегда надо, а писаніе вѣдь то-же работа, и писать надо кто можетъ. Работать и писать—вотъ тогда и самая жизнь станетъ лучше!.. А вы можете писать, не оставляйте этого!“ прибавилъ Федоръ Михайловичъ въ заключеніе.

VIII.

Писаніе и самому Федору Михайловичу обходилось нелегко, даже, можно сказать, далеко нелегко... Не даромъ онъ говорилъ, что писаніе есть работа! Ниже я буду еще имѣть случай сказать объ этомъ что знаю, а теперь скажу лишь нѣсколько словъ о писательской дѣятельности Федора Михайловича въ „Гражданинѣ“.

Говоря вообще, дѣятельность эта была невелика. Его „Дневникъ Писателя“ печатался всего въ 15-ти номерахъ, такъ что даже эта небольшая журнальная, но все-же еще чисто литературная работа въ то время обременяла его... Но писать было надо, потому что писательство было и стихіею и единственнымъ средствомъ существованія Федора Михайловича съ семьей, такъ какъ редакторскаго гонорара его было недостаточно для этого. Поэтому, оставивъ „Дневникъ“, Федоръ Михайловичъ попробовалъ свои силы въ иной области литературы: съ осени 1873 года онъ сталъ писать политическій обзоръ иностранныхъ событій, и сначала былъ очень доволенъ, что ему и въ этой области работа удалась вполне.

Однако-жъ составленіе политическихъ обзорѣвъ являлось работою хотя и болѣе простою, чѣмъ „Дневникъ“, но зато еще болѣе срочною, чѣмъ писаніе „Дневника“, планъ котораго, какъ извѣстно, былъ таковъ, что совѣтъ не обязывалъ автора давать подробный отчетъ за все прожитое время и, благодаря этому, допускалъ возможность откладывать и даже совѣтъ пропускать многія явленія общественной жизни, чего нельзя было дѣлать, ведя политическое обзорѣніе иностранныхъ событій. Эта срочность работы была крайне тяжела для Федора Михайловича, она изнуряла его и нравственно и физически; притомъ знаменитый романистъ не могъ, конечно, не сознавать, что если будетъ работать такъ постоянно, то онъ никогда не будетъ въ состояніи создать крупнаго произведенія, такъ

какъ на эту мелочь, то есть на эту заказную работу — онъ разбивалъ свой колоссальный талантъ... Въ совокупности всё эти обстоятельства разстроили и безъ того хрупкое здоровье Федора Михайловича... Онъ ощущалъ какъ-бы давленіе тяжелаго кошмара, освободиться отъ котораго ему представлялось дѣйствительнымъ одно единственное средство—сложить съ себя редакторство „Гражданина“, хотя-бы ужъ потому одному, что журналъ этотъ былъ, прежде всего, еженедѣльный.

Такъ Федоръ Михайловичъ и рѣшился сдѣлать. Въ концѣ 1873 г. онъ попросилъ увольненія отъ редакторства „Гражданина“ Какъ водится, вмѣстѣ съ заявленіемъ объ этомъ, было подано въ Главное управленіе по дѣламъ печати и прошеніе объ утвержденіи редакторомъ-издателемъ новаго лица ¹⁾, послѣ чего Федоръ Михайловичъ сталъ ждать своего увольненія съ большимъ нетерпѣніемъ и пересталъ окончательно писать для „Гражданина“, помѣстивъ послѣднее свое политическое обзорѣе въ первомъ его номерѣ за 1874 годъ. Но ждать пришлось довольно долго: только въ апрѣлѣ мѣсяцѣ состоялось утвержденіе новаго редактора, а слѣдовательно и увольненіе Федора Михайловича.

За исключеніемъ писанія, во все время ожиданія своей отставки, Федоръ Михайловичъ продолжалъ, по прежнему, отправлять свои редакторскія обязанности, и потому я, по прежнему, ходилъ къ нему для переговоровъ по дѣламъ веденія журнала, причемъ каждый разъ я у него спрашивалъ—не будетъ-ли его статьи, и каждый разъ получалъ отрицательный отвѣтъ. По поводу такой его писательской бездѣтельности, я однажды какъ-то выразилъ ему свое недоумѣніе, на которое онъ отвѣтилъ мнѣ, что писать для „Гражданина“ у него нѣтъ времени, такъ какъ ему предстоитъ писать для „Складчины“...

Эта „Складчина“, для которой тогда собирався писать Федоръ Михайловичъ, была знаменательнымъ явленіемъ въ русской литературѣ того времени. Это былъ колоссальный литературный сборникъ, объемомъ до 700 страницъ большаго формата in 8", изданный въ 1874 году въ пользу пострадавшаго отъ неурожая населенія Самарской губерніи. Для составленія и изданія его соединились въ даровомъ трудѣ на нейтральной почвѣ благотворительности пятьдесятъ лучшихъ русскихъ писателей и всё редакціи періоди-

¹⁾ В. Ф. Пуцковича, бывшаго до этого секретаремъ редакціи „Гражданина“, помѣщеніе которой съ нѣкотораго времени было въ его квартирѣ.

ческихъ изданій въ Петербургѣ, до этого ведшіе междуособную войну изъ-за направлений, одиннадцать лучшихъ петербургскихъ типографій бесплатно набрали и напечатали его, а значительнѣйшія петербургскія бумажныя фабрики съ большою уступкою поставили для него бумагу. Такимъ образомъ самыя цѣнныя лепты были даны писателями, изъ коихъ каждый далъ сборнику по новому, еще нигдѣ до того не печатавшемуся произведенію (поэты дали по нѣскольку новыхъ стихотвореній), и типографіями.

Коснувшись предмета своей лепты въ „Складчикѣ“, Федоръ Михайловичъ, между прочимъ, сказалъ:

— „.. А вѣдь туда, вы знаете, скоро не напишешь, потому что написать надо хорошо... Понимаете... И притомъ, что-нибудь небольшое, въ листъ, въ полтора, не больше; и непремѣнно надо вещь цѣльную, законченную,—отрывокъ давать неловко, негодится!.. А соединить эти три условія: небольшое, да цѣльное и хорошо написанное—очень трудно!“

И Федоръ Михайловичъ написалъ для „Складчины“ художественную, достойную его пера, вещь, подъ заглавіемъ „Маленькія картинки. (Въ дорожѣ)“, объемомъ въ печатный листъ съ небольшимъ.

Наконецъ, маленькое редакціонное сообщеніе въ № 16 „Гражданина“ извѣстило читателей, что Федоръ Михайловичъ, „по разстроенному здоровью, принужденъ сложить съ себя обязанности редактора, не оставляя, впрочемъ, по возможности своего постоянного участія въ журналѣ“... Обѣщанное участіе было чисто и исключительно моральное, поэтому Федоръ Михайловичъ послѣ этого сообщенія вздохнулъ свободно стъ всегда ненавистнаго ему обусловленнаго труда. Онъ глядѣлъ въ это время проясненнымъ взоромъ, а по лицу блуждала блаженная улыбка съ оттѣнкомъ тихой грусти...

— Теперь-то вы, наконецъ, отдохнете, Федоръ Михайловичъ, сказалъ я, глядя на его сіявшее тихимъ удовольствіемъ лицо. Кстати скоро и лѣто.

— „Нѣтъ, Михаилъ Александровичъ, теперь-то я и начну работать!.. Знаете, лѣтомъ я могу и люблю работать болѣе, чѣмъ зимою... Отдохнуть-то я отдохну, конечно, да и здоровье тоже поправить надо; можетъ быть, за границу съѣзжу, въ Эмсъ,—Эмсъ мнѣ всегда помогалъ,—оттуда въ Старую Руссу, а тамъ и за работу! проговорилъ Федоръ Михайловичъ съ выраженіемъ особеннаго одушевленія на послѣдней фразѣ, изъ котораго ясно было видно, что любимому, независимому труду, онъ готовъ съ наслажденіемъ отдать всѣ свои силы. Много отдыхать я не буду... А осенью опять въ

Петербургъ, непременно, не смотря на его дожди, грязь и туманы!“ прибавилъ онъ.

— Романъ, вѣроятно, будете писать, Федоръ Михайловичъ? полюбопытствовалъ я, но онъ на это отвѣтилъ неопредѣленно.

— „Можетъ быть и романъ... Но у меня есть кое-что въ виду и другое“, прибавилъ онъ съ таинственнымъ видомъ.

Присутствовавшая при этомъ разговорѣ супруга Федора Михайловича, Анна Григорьевна, сказала мнѣ, —тутъ-же, при немъ,—что Федоръ Михайловичъ дѣйствительно давно задумалъ романъ, писать который онъ былъ не въ силахъ при своихъ редакторскихъ обязанностяхъ въ „Гражданинѣ“. но что теперь, отдохнувши и поправивши напередъ здоровье, онъ намѣренъ приняться за него.

Но, несмотря на это сообщеніе своей супруги, Федоръ Михайловичъ продолжалъ обращаться ко мнѣ все-таки съ таинственнымъ видомъ.

— „А мы съ вами не надолго расстаемся, Михаилъ Александровичъ. Мы опять съ вами что-нибудь будемъ печатать, и можетъ быть скоро.. У меня есть кое-что въ виду“.

„Не думаете-ли свой журналъ издавать, Федоръ Михайловичъ? Вамъ-бы можно и слѣдовало-бы даже“, сказалъ я.

— „Журналъ не журналъ, а что-нибудь въ этомъ родѣ.. Ну, посмотримъ... Я думаю, что скоро; можетъ быть, у Трапшеля-же и будемъ печатать. Увидимся!.. Я вѣдь непременно къ вамъ приду“.

Загадка эта разрѣшилась только черезъ полтора года: Федоръ Михайловичъ говорилъ о своемъ намѣреніи продолжать „Дневникъ Писателя“ и печатать его въ видѣ самостоятельнаго періодическаго изданія. При осуществленіи этого намѣренія, Федоръ Михайловичъ сдержалъ свое слово и относительно меня.

IX.

Въ слѣдовавшіе засимъ полтора года я видѣлся съ Федоромъ Михайловичемъ не много разъ у В. Ф. Пуцковича (въ редакціи „Гражданина“), котораго онъ не оставлялъ своею моральною, а впоследствии даже и посильною матеріальною поддержкою.. При этихъ-то свиданіяхъ онъ и освѣдомлялся о моей литературской дѣятельности... Самъ-же я, не имѣя прямо дѣловыхъ отношеній, не бывалъ за это время у Федора Михайловича ни разу.

Въ началѣ 1875 года въ „Отечественныхъ Запискахъ“ уже печатался его новый романъ „Подростокъ“, а въ концѣ того-же года

романъ этотъ печатался отдѣльнымъ изданіемъ въ типографіи Траншеля (издавалъ его книгопродавецъ Кехрибарджи); но меня тамъ въ это время уже не было: съ самаго начала 1875 года я, вмѣстѣ съ „Гражданиномъ“, перешелъ въ типографію князя В. В. Оболенскаго.

Въ концѣ-же 1875 года въ газетахъ появилось объявленіе объ изданіи съ наступающаго 1876 года „Дневника Писателя“ Ф. М. Достоевскаго. Вскорѣ послѣ появленія этихъ публикацій, въ контору типографіи кн. В. В. Оболенскаго, помѣщавшуюся въ подвальномъ этажѣ дома № 8 по Николаевской улицѣ, вошелъ Федоръ Михайловичъ и сказалъ, что желаетъ видѣть меня. Это было въ обѣденное время и потому меня въ типографіи не было, но въ конторѣ, кромѣ служащихъ, былъ самъ владѣлецъ типографіи князь В. В. Оболенскій.

На заявленное Федоромъ Михайловичемъ желаніе видѣть меня ему отвѣтили, что я буду въ типографіи отъ 4-хъ до 9-ти часовъ вечера. При этомъ князь В. В. Оболенскій напомнилъ ему, что онъ съ нимъ встрѣчался на четверговыхъ литературныхъ вечерахъ у князя В. В. Менцера, и потому нѣсколько знакомъ съ нимъ ¹⁾. Потомъ, упомянувъ о появившемся въ газетахъ объявленіи о „Дневникѣ Писателя“, предложилъ услуги своей типографіи по печатанію этого изданія, на что Федоръ Михайловичъ отвѣтилъ, что онъ для этого-то и пришелъ сюда, „но не потому, примолвилъ при этомъ онъ, что считаю вашу типографію за очень хорошую. а потому, что тутъ у васъ находится дорогой для меня человекъ— Михаилъ Александровичъ Александровъ, и вотъ съ нимъ-то я желалъ-бы имѣть дѣло“.

Князь В. В. Оболенскій былъ дилеттантъ-любитель типографскаго дѣла, чего ради только и держалъ типографію. Онъ объяснилъ Федору Михайловичу, что я, согласно его желанію, могу вести его предполагаемое изданіе, но что я буду вести его лишь какъ метранпажъ, т. е. сдѣлаю наборъ, исправлю корректуры, приготовлю наборъ къ печати, и только, относительно-же всего остальнаго, какъ-то: чтенія корректуръ, печати, денежныхъ расчетовъ и проч., ему, Федору Михайловичу, придется имѣть дѣло съ конторою типографіи, съ которой онъ можетъ обо всемъ условиться теперь-же. На это Федоръ Михайловичъ возразилъ, что

¹⁾ Князь В. В. Оболенскій незадолго до того занялъ въ періодической литературѣ довольно видное положеніе рядомъ своихъ статей по земскимъ вопросамъ, сначала подъ псевдонимомъ „Земца“.

никакихъ условій онъ заключать не намѣренъ, потому что не любитъ ихъ и считаетъ излишними въ сношеніяхъ между людьми, хорошо знающими другъ друга. Князь поспѣшилъ разъяснить Ѳедору Михайловичу, что подъ словомъ „условиться“ онъ разумѣетъ не-какія-либо формальности нотаріальныя, а просто предложеніе освѣдомиться о цѣнахъ работы и о порядкѣ сношеній съ типографіею. На это Ѳедоръ Михайловичъ согласился. Давая, при этомъ необходимыя для составленія смѣты свѣдѣнія, онъ сказалъ, что образцемъ формата и вообще внѣшняго вида своего „Дневника“ онъ избралъ изданіе Гербеля (Европейскіе классики въ переводѣ русскихъ писателей), но болѣе крупнымъ шрифтомъ и съ болѣе крупными промежутками между строкъ. Однако-жъ для окончательнаго переговоровъ обѣщалъ придти вечеромъ, когда буду въ типографіи я.

Въ назначенное время Ѳ. М. пришелъ въ типографію вторично. Князь В. В. Оболенскій былъ опять тамъ, поджидать его. Меня вызвали въ контору. Поздоровался со мною Ѳ. М. очень привѣтливо, по-дружески. Я, разумѣется, былъ радъ чрезвычайно этому свиданію, сопровождавшемуся столь опредѣленно засвидѣтельствованнымъ—какъ мнѣ лично, такъ и окружающимъ меня въ типографіи лицамъ—вниманіемъ ко мнѣ знаменитаго писателя.

Послѣ краткихъ привѣтствій, мы стали говорить о предстоящемъ дѣлѣ. Тутъ къ намъ присоединились князь-типографъ и его конторщикъ со смѣтою, которая уже была таки составлена и, какъ всегда въ этой типографіи, отличалась умѣренностію. Но Ѳедоръ Михайловичъ мало интересовался смѣтою. Онъ былъ очень возбужденъ и изъ первыхъ-же его фразъ было видно, что его въ то время озабочивало опредѣленіе внѣшняго вида его изданія; все-же прочее, въ общихъ чертахъ, уже было обдуманно и взвѣшено имъ ранѣе. Поэтому я предложилъ ему къ завтрашнему-же дню изготовить примѣрно заглавную страницу и страницу текста. Предложеніе это замѣтно убавило его возбужденность. Онъ признался, что его особенно озабочиваетъ заглавная страница, но видно было, что забота эта была пріятною ему. „Какъ-то будетъ она выглядѣть? хорошо-ли, красиво-ли будетъ?“ говорилъ Ѳедоръ Михайловичъ и убѣдительно просилъ меня отвѣстись къ набору заголовка съ особеннымъ вниманіемъ и тщаніемъ, постараться подобрать для него „шрифты пооригинальнѣе, похарактернѣе, и не такъ чтобы очень мелкіе, а повиднѣе, поярче!“ Я, разумѣется, обѣщалъ постараться, причемъ сказалъ ему, что вѣдь, если что и выйдетъ неудачно съ перваго раза, то у насъ достаточно есть времени переделывать нѣсколько разъ, и попросилъ его дать намъ полный ори-

гиналь заголовка, который онъ тутъ-же и написалъ. И какъ потомъ заголовокъ этотъ былъ набранъ и, по его указанію, измѣненъ въ одной лишь детали, такъ впоследствии онъ и оставался безъ измѣненій; при двукратномъ возобновленіи „Дневника Писателя“ Федоръ Михайловичъ требовалъ въ точности копировать шрифты первоначальнаго заголовка.

Затѣмъ мы стали говорить объ организаціи дѣла (въ типографскомъ отношеніи); говорили объ объемѣ изданія, о времени присылки въ типографію оригинала и о срокахъ выхода изданія въ свѣтъ, о корректорѣ нашей типографіи, который, по его обыкновению, тоже очень озабочивалъ его, о бумагѣ, о переплетчикѣ, о цензурѣ и проч. и проч.

И долженъ сказать, что Федоръ Михайловичъ все, что дѣлалъ—дѣлалъ заботливо и, насколько хватало его физическихъ силъ, старался дѣлать аккуратно; поэтому, какъ было договорено имъ въ тотъ разъ, на словахъ, такъ, за малыми отступленіями, и повелось потомъ дѣло во всѣ послѣдовавшіе затѣмъ два года изданія „Дневника Писателя“; а велось оно слѣдующимъ образомъ.

X.

Выходилъ „Дневникъ Писателя“, какъ извѣстно, одинъ разъ въ мѣсяцъ, выпусками или номерами, въ объемѣ отъ полутора до двухъ листовъ in quarto (по 16 страницъ въ листѣ), и весь, за исключеніемъ, разумѣется, объявленій, принадлежалъ перу Федора Михайловича. Въ началѣ Федоръ Михайловичъ выпускалъ свой „Дневникъ“ въ свѣтъ въ послѣднее число каждаго мѣсяца, аккуратно, рано утромъ, „какъ газету“, по его собственному выраженію, и относительно точности выполненія этихъ сроковъ онъ, во время предварительныхъ переговоровъ, просилъ отъ насъ честнаго счеда, а меня, кромѣ того, особо увѣщевалъ „не жертвовать имъ „Гражданину“ въ тѣхъ случаяхъ, когда выпуски обоихъ изданій сойдутся въ одинъ день или близко по времени одинъ съ другимъ. При всемъ томъ, онъ не скрывалъ ни отъ себя, ни отъ насъ своихъ опасеній за себя, въ виду удручающаго вліянія на него срочности предстоявшей ему литературной работы; онъ просилъ меня выручать его при случаѣ, то есть навестывать въ типографіи могущія случаться за нимъ просрочки въ присылкѣ оригинала, и мнѣ неоднократно приходилось исполнять эту просьбу... Начинать упомянутую присылку оригинала Федоръ Михайловичъ общалъ 17-го—18-го

числа каждаго мѣсяца, а кончатъ ее условлено было за три дня до выхода выпуска въ свѣтъ,—и вотъ тутъ-то и приходилось навертывать въ типографіи, такъ какъ Фѣдоръ Михайловичъ именно окончаніемъ-то присылки и опаздывалъ нерѣдко; тогда какъ соблюденіе сказаннаго условія было необходимо, въ виду того обстоятельства, что „Дневникъ Писателя“, во все время его изданія, выходилъ подъ предварительною цензурою, поэтому типографіи надо было имѣть время на наборъ, корректуру типографіи, корректуру автора, послѣ которой Фѣдоръ Михайловичъ только и допускалъ посылку корректуры къ цензору, котораго торопить, какъ извѣстно, не полагаеся, верстку и затѣмъ опять корректуру автора и корректуру типографіи и, наконецъ, печатаніе.

Главное управленіе по дѣламъ печати, разрѣшая Фѣдо. у Михайловичу изданіе „Дневника Писателя“, предлагало ему выдпускать „Дневникъ“ безъ предварительной цензуры, подъ установленной закономъ отвѣтственностію его какъ редактора, и при томъ, въ видѣ особаго для него исключенія, на льготныхъ условіяхъ, а именно, безъ обычнаго залога, обезпечивающаго отвѣтственность, но Фѣдоръ Михайловичъ отказался отъ этого, не находя ничего для себя заманчиваго въ томъ, чтобы „Дневникъ“ его выходилъ безъ предварительной цензуры; онъ дорожилъ тѣмъ относительнымъ покоемъ, на пользованіе которымъ онъ могъ вполне разсчитывать при отсутствіи, въ цензурномъ отношеніи, отвѣтственности. При томъ онъ твердо былъ увѣренъ, что цензура вообще совсѣмъ не будетъ имѣть вліянія на направленіе его „Дневника“... И дѣйствительно, цензоръ Николай Антоновичъ Ратынскій, цензуровавшій „Дневникъ“ почти все время его изданія, говаривалъ Фѣдору Михайловичу въ шутку, что онъ не цензуруетъ его, а только поправляетъ у него слогъ. Это значило, что иногда, вмѣсто того, чтобы вымарывать что-либо неудобное просто цензурскою властью, онъ замѣнялъ одно слово другимъ и тѣмъ смягчалъ выраженіе фразы¹⁾.

Объясняя мнѣ свое нежеланіе выходить „безъ предварительной цензуры“, Фѣдоръ Михайловичъ сказалъ, между прочимъ, что, выходя безъ цензора, надо самому быть цензоромъ для того, чтобы цензурно видѣти, а онъ по опыту знаетъ, какъ трудно быть цензоромъ собственныхъ произведеній.

¹⁾ Пользуемся случаемъ, чтобы помянуть добрымъ словомъ покойнаго Николая Антоновича Ратынскаго. Этотъ отлично образованный человѣкъ и весьма интересный собесѣдникъ, между прочимъ, какъ цензоръ, былъ человѣкъ весьма обязательный, очень начитанный, горячо любилъ отечественную литературу и въ особенности русскую исторію.

Однако, Федору Михайловичу, какъ автору, доводилось -таки, хотя и рѣдко, испытывать неприятности, по поводу болѣе или менѣе крупныхъ цензорскихъ поमारокъ. Бывало и такъ, что цензоромъ запрещалась дѣлая статья, и тогда начинались для Федора Михайловича хлопоты отстаиванія запрещенной статьи: онъ ѣздилъ къ цензору, въ цензурный комитетъ, къ предсѣдателю главнаго управленія по дѣламъ печати,—разъяснялъ, доказывалъ... Въ большей части случаевъ хлопоты его увѣнчивались успѣхомъ, въ противномъ-же случаѣ приходилось уменьшать объемъ номера, такъ какъ статьи „Дневника“, хотя, повидимому, и разныя, имѣли между собою органическую связь, потому что вытекали одна изъ другой. и поэтому на мѣсто запрещеннаго у Федора Михайловича обыкновенно не имѣлось ничего подходящаго, писать-же вновь не было времени. Такимъ образомъ, во всѣхъ случаяхъ, типографіи приходилось оканчивать номера „Дневника Писателя“ лишь наканунѣ ихъ выхода, и притомъ такъ, что послѣдній листъ всегда почти печатался ночью. Совсѣмъ „какъ газета!“

Хозяйственную часть изданія, то есть всѣ расчеты съ типографіею, съ бумажною фабрикою, съ переплетчиками, книгопродавцами и газетчиками, а также упаковку и рассылку изданія по почтѣ, съ самаго начала „Дневника Писателя“, приняла на себя супруга Федора Михайловича, Анна Григорьевна, пріобрѣтшая хорошую подготовку къ этой дѣятельности ранѣе, въ практикѣ веденія изданій отдѣльныхъ сочиненій Федора Михайловича, которыя съ нѣкотораго времени онъ издавалъ самъ, вмѣсто того, чтобы, попрежнему, продавать право на ихъ изданіе книгопродавцамъ, и Анна Григорьевна вела принятое на себя дѣло все время съ умѣньемъ и аккуратностью, достойными опытнаго въ этихъ дѣлахъ человѣка, и вдобавокъ съ неутомимымъ трудолюбіемъ, всегда отличавшимъ достойнѣйшую супругу Федора Михайловича. Благодаря этому, столь любимая Федоромъ Михайловичемъ аккуратность веденія дѣла достигалась вполнѣ, причемъ самъ онъ имѣлъ полную возможность спокойно устраняться отъ всѣхъ хозяйственныхъ заботъ и посвящать себя исключительно работѣ литературной и вообще идейной.

Такова была немногосложная организація маленькаго самостоятельнаго журнала Федора Михайловича. .

XI.

До появленія „Дневника Писателя“ въ свѣтъ, объявленія о немъ вызывали у нѣкоторыхъ изъ публики ироническія улыбки, а въ нѣкоторыхъ органахъ печати раздались грубыя насмѣшки, съ одной стороны, и порицанія и укоризны маститому писателю—съ другой. Одни, напримѣръ, говорили, что Достоевскій затѣялъ изданіе своего „Дневника“ потому, вѣроятно, что весь исписался и ничего лучшаго создать уже не можетъ; другіе порицали его за гордое самоувѣреніе о себѣ, доведшее его до дерзости выдавать публикѣ свой „Дневникъ“ за литературное произведеніе, достойное ея вниманія. И многіе тогда думали, что маленькому журналу Федора Михайловича суждено безслѣдно затеряться въ массѣ періодическихъ изданій того времени. Но вышло совсѣмъ напротивъ.

Первый выпускъ „Дневника Писателя“ печатался всего въ 2,000 экземпляровъ. Онъ расходился довольно быстро, потому что интересовала публику, вслѣдствіе упомянутыхъ рѣзкихъ о „Дневникѣ“ выходовъ періодической печати, какъ оригинальная, во всякомъ случаѣ, новинка. Однако-жъ, скоро, изъ перваго-же выпуска, всѣ увидѣли, что „Дневникъ Писателя“ совсѣмъ не похожъ на дневники, какими ихъ привыкли видѣть всѣ читающіе люди. Увидѣли, что это не хроника событій, а глубоко продуманное, авторитетное, руководящее слово вѣскаго общественнаго дѣятеля, по поводу такихъ явленій текущей жизни, значеніе которыхъ понятно только высшимъ умамъ, и тогда принялись читать его съ возрастающимъ все болѣе и болѣе интересомъ.

Съ выходомъ въ свѣтъ втораго, февральскаго, выпуска, возобновился спросъ на разошедшійся, по подпискѣ и въ продажѣ, первый выпускъ. Съ выходомъ втораго выпуска „Дневникъ Писателя“ былъ окончательно признанъ публикою и печатью солиднымъ членомъ отечественной журналистики; газеты цитировали его и брали изъ него выдержки, а одна газета перепечатала изъ него даже цѣлую статью — извѣстный фантастическій разсказъ, подъ заглавіемъ: „Мальчикъ у Христа на елкѣ“, помѣстивъ его въ видѣ фельетона. Этотъ второй выпускъ разошелся въ публикѣ въ теченіе нѣсколькихъ дней, такъ что наборъ его стоялъ еще въ типографіи неразобраннмъ, когда понадобилось второе изданіе въ томъ-же количествѣ экземпляровъ, какъ и первое; первый-же выпускъ былъ набранъ вновь и также напечатанъ вторымъ изданіемъ.

Подписка на „Дневникъ Писателя“ хотя и принималась съ

самаго начала изданія, но она никогда не была относительно велика: онъ расходился, главнымъ образомъ, въ розничной продажѣ; въ Петербургѣ большинство читателей его предпочитало простую покупку выпусковъ подпискѣ потому, что купить новый выпускъ у торговцевъ газетами всегда можно значительно ранѣе, чѣмъ получить его по подпискѣ, чрезъ почту, несмотря на то, что покупка обходилась дороже подписки (подписная цѣна за годъ была 2 рубля, а въ продажѣ ежемѣсячный выпускъ стоилъ 30 к.). Это обстоятельство, между прочимъ, довольно наглядно показываетъ съ какимъ нетерпѣніемъ ждали выпусковъ „Дневника“ читатели его.

Какъ я уже сказалъ выше, „Дневникъ Писателя“ выходилъ въ свѣтъ аккуратно рано утромъ въ извѣстные дни, поэтому въ эти дни, одновременно съ ежедневными газетами, у газетныхъ торговцевъ всегда можно было видѣть „Дневникъ“, особенно выставлемый ими на видъ, какъ интересная новинка.

Съ послѣдовавшими выпусками „Дневника“ интересъ къ нему публики все болѣе и болѣе увеличивался, такъ что, до наступленія лѣта, „Дневникъ“ печатался уже въ количествѣ 6,000 экземпляровъ. Такимъ образомъ, успѣхъ его очень скоро сталъ для всѣхъ очевидно несомнѣннымъ. Федоръ Михайловичъ радовался этому успѣху, но не удивлялся ему, хотя на всякій случай и соблюдалъ осторожность въ назначеніи количества печатавшихся экземпляровъ.

Контингентъ читателей „Дневника Писателя“ составлялся, главнымъ образомъ, изъ интеллигентной части общества, а затѣмъ изъ любителей серьезнаго чтенія всѣхъ слоевъ русскаго общества. Къ концу перваго года изданія „Дневника“, между Федоромъ Михайловичемъ и его читателями возникло, а во второмъ году достигло большихъ размѣровъ, общеніе, безпримѣрное у насъ на Русь: его засыпали письмами и визитами съ изъявленіями благодарности за доставленіе прекрасной моральной пищи въ видѣ „Дневника Писателя“. Нѣкоторые говорили Федору Михайловичу, что они читаютъ его „Дневникъ“ съ благоговѣніемъ, какъ священное писаніе; на него смотрѣли одни какъ на духовнаго наставника, другіе какъ на оракула, и просили его разрѣшать ихъ сомнѣнія насчетъ нѣкоторыхъ гругчихъ вопросовъ времени. И Федоръ Михайловичъ любовно принималъ этихъ своихъ кліентовъ и бесѣдовалъ съ ними, читалъ ихъ письма и отвѣчалъ на нихъ... Особенною искренностью отличались въ этомъ отношеніи читатели провинціальныя; многіе изъ нихъ, когда имъ случалось бывать въ Петербургѣ, считали своимъ долгомъ лично изъявить свое почтеніе уважаемому писателю, а иные пользовались подобными случаями для того, чтобы

посмотрѣть на знаменитаго писателя-„оракула“ и послушать его... Только упорные русскіе „западники“ были недовольны „Дневникомъ“ Федора Михайловича и выражали свое недовольство, между прочимъ, цитированіемъ ѣдкаго изреченія одного изъ своихъ вожаковъ, гласившимъ, что „отъ Достоевскаго стало сильно деревяннымъ масломъ пахнуть“,—это значило, что онъ сдѣлался святошею.

М. А. Александровъ.

[Окончаніе слѣдуетъ].

ЦЕСАРЕВИЧЪ КОНСТАНТИНЪ ПАВЛОВИЧЪ,

его письмо генералу А. И. Корсакову.

1800 г.

„Алексѣй Ивановичъ! По дружбѣ вашей ко мнѣ, я надѣюсь, вы не прогнѣваетесь на меня за то, что я чистосердечно поговорю съ вами о господахъ артиллерійскихъ штабъ-и оберъ-офицерахъ, съ которыми я на маневрахъ познакомился.

Господинъ полковникъ Семиковъ и господа оберъ-офицеры, кои съ нимъ въ катербургскихъ маневрахъ находились, откровенно твердо знаютъ свое дѣло и заслуживаютъ какъ мою, такъ и вашу благодарность. Что-же касается до тѣхъ, кои со мною были при Богополѣ, я долженъ признаться, что я нашелъ ихъ совсѣмъ въ другомъ родѣ. Напримѣръ: господинъ подпоручикъ Зацѣпинъ, во время батальонной стрѣльбы, началъ прежде, не разсудивъ за благо дожидаться очереди, и тѣмъ чуть не сбилъ батальоннаго командира, но, по счастью, сей послѣдній зналъ лучше свое дѣло, нежели господинъ Зацѣпинъ. Я было взялъ смѣлость его за это немного побранить, но онъ дурными своими отговорками принудилъ меня его арестовать. Господинъ подпоручикъ Поleshко, въ действѣ изъ 3-го батальона, заѣхалъ на правый флангъ всей линіи, гдѣ я его, насилу отыскавъ, спросилъ причину такой ошибки и получилъ отъ него отвѣтъ, что онъ обчелся и принялъ другую пушку за свою. Я рѣшился и сего послать для компаніи къ первому. Наконецъ, господинъ полковникъ Бухольцъ, при выступленіи квартиргеровъ, не зная, что съ роты обыкновенно наряжаются при одномъ унтеръ-офицерѣ, двухъ рядовыхъ, и видѣвши, что отъ всѣхъ полковъ такъ нарядили, нарядилъ отъ полторы роты двухъ унтеръ-офицеровъ, а рядоваго ни одного. На что я ему сказалъ старую русскую пословицу: что всѣ люди въ шляпахъ, одинъ чортъ въ колпакѣ, послалъ и его къ прежнимъ двумъ, что и составило прекрасный трію. Я все это пишу только вамъ, а къ государю ни объ одномъ не рапортовалъ, надѣюсь, что и ваше высокопревосходительство ихъ простите“.

Константиныъ цесаревичъ.

Мѣстечко Богополь.
Октября 9-го дня 1800 г.

ВИБЛОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

П. В. Анненковъ и его друзья. Литературныя воспоминанія и переписка 1835—1885 годовъ. Томъ первый. Сиб. Изд. Суворина. 1892 г. Въ 8 д., стр. 666. Цѣна 3 рубля.

Бываютъ въ жизни общества такія счастливыя эпохи, когда волна общественного движенія, высоко поднявшись надъ уровнемъ обичнаго теченія времени, неотразимо захватываетъ въ своемъ водоворотѣ безъ выбора всѣхъ людей сильныхъ и слабыхъ, умѣренныхъ и крайнихъ, талантливыхъ и безталанныхъ, чтобы выбросить затѣмъ на арену общественной дѣятельности цѣлую плеяду новыхъ и свѣжихъ работниковъ. Великія реформы прошлаго царствованія возбуждали въ обществахъ активность: слово, переходившее въ дѣло, требовало искусныхъ и честныхъ исполнителей, литература, получившая больше свободы, заговорила точнось по новому и стала чувствовать нужду въ свѣжихъ силахъ. Тогда нашлось не мало людей, которые при новыхъ условіяхъ остались-бы равно въ бездѣйствіи, а тутъ съ успѣхомъ заняли ряды мировыхъ посредниковъ, ироамъ судей, охотно служили и въ земствахъ по выборамъ. Народились у насъ тогда и публицисты, и критики, и профессора... Вездѣ чувствовался подъемъ, отовсюду притекали новыя силы... Подобно 60-мъ годамъ—и годы 40-ые были временемъ особеннаго возбужденія въ обществахъ; но это возбужденіе въ тогдашней русской дѣятельности не находило себѣ ни отклика, ни опоры: оно было продуктномъ чисто идейнаго воздѣйствія запада, таинственнымъ идеальнымъ образомъ отразилось въ нашей литературѣ и затѣмъ заглохло видѣть съ наступленіемъ цензурныхъ строгостей, вслѣдъ за высылкою въ Сибирь и другія овраины тѣхъ изъ молодыхъ литераторовъ, которые оказались болѣе или менѣе причастными къ извѣстному дѣлу Петрашевскаго. Заглохло движеніе, но оста-

лись люди, имъ порожденные. То были: представители изящной литературы вроде Тургенева, Некрасова, Достоевскаго и Салтыкова; профессора, историки и юристы, — каковы Грановскій, Кудряцевъ, Нилътенко, Радвинъ, Кавеладзе; публицисты и критики, какъ Огаревъ, Герценъ, Чернышевскій, Ив. Аксаковъ... Между такими-то именами людей 1840-хъ г. надо вписать и Павла Вас. Анненкова. Онъ болѣе, чѣмъ кто-либо изъ вышеазванныхъ, былъ, что называется, созданъ тѣмъ временемъ: другъ Воткина, Огарева и Герцена, пріятель Бѣлинскаго и Бакунина, хорошій знакомый Некрасова, Гоголя и Тургенева, самъ Анненковъ не отличался ни сильнымъ умомъ, ни выдающимся литературнымъ талантомъ. Захваченный всеобщимъ оживленіемъ, подготовленный съ одной стороны жизнью за-границею какъ разъ передъ февральскою революціею, съ другой—вліяніемъ обширнаго круга друзей, онъ даже помимо своей воли уже силою однихъ обстоятельствъ все равно долженъ былъ-бы пойти по литературной дорогѣ. И здѣсь П. В. оказался полезнымъ, трудолюбивымъ работникомъ. Въ его историко-критическихъ статьяхъ, нѣсколько туманныхъ, благодаря недостаткамъ слога и преимущественно эстетической точкѣ зрѣнія, всегда давала себя чувствовать общественная жажка автора и его хорошее знакомство не съ одними произведеніями, но и съ личностью тѣхъ писателей, о которыхъ ему приходилось говорить. А кстаи нашему критику необыкновенно везло и на матеріалы: когда въ 1855-мъ году онъ взялся за редактированіе сочиненій Пушкина, въ его рукахъ оказалась черновыя тетради поэта, его дневникъ и тому подобныя драгоценности. Позднѣе, когда Анненковъ писалъ свое „Замѣчательное десятилѣтіе“, свою біографію Станкевича и другія статьи, собранныя въ три тома „Воспоминаній и крит. очерковъ“,— онъ опять-же могъ многое черпать изъ

богатѣйшаго запаса въ его архивахъ краившейся дружеской переписки. Такимъ-то образомъ не по личнымъ своимъ достоинствамъ, но подъ вліяніемъ времени, окружающихъ людей и счастливыхъ обстоятельствъ—П. В. Анненковъ сдѣлался почетнымъ историкомъ русской литературы, а его многочисленныя изслѣдованія—хорошимъ подспорьемъ для будущихъ работъ.

Все, что было сказано выше объ Анненковѣ вообще, вполне приложимо и къ данной, уже посмертной, его книгѣ. Статья, ее составляющая, частью напечатанная раньше, частью появляющаяся теперь впервые,—достоинства очень различнаго; строгую литературную критику изъ нѣтъ выдерживаютъ, пожалуй, даже немногія. Но самое время, самые люди, о которыхъ пишетъ Анненковъ, такъ интересны, такъ любопытны и новы нами подробности изъ ихъ домашней и общественной жизни, что весь этотъ огромный томъ, безъ малаго въ 700 страницъ, прочитывается съ живѣйшимъ интересомъ, хоть онъ и не свободенъ отъ многихъ лишнѣхъ и скучныхъ страницъ. Сначала оставимъ въ сторонѣ „Заграничныя письма“ Анненкова: касаясь по преимуществу театральныя и вообще художественныя повновки того времени, они нѣсколько устарѣли для насъ, да и въ авторѣ обнаруживаютъ скорѣе разностороннаго дилеттанта, нежели пронизательнаго художественнаго критика. Оставимъ въ сторонѣ также и его „Записки къ исторіи работъ надъ Пушкинскимъ“, онъ не лишены своего значенія, но такъ-то неумѣтны въ изданіи „Литературныхъ воспоминаній и переписки“. Но вотъ предъ нами—„Идеалы тридцатыхъ годовъ“, интереснѣйшій очеркъ литературной дѣятельности Огарева и Герцена, а затѣмъ служащая ей дополненіемъ и до сихъ поръ не бывшая въ печати „Записка объ Огаревѣ“. Статья первая знакомитъ съ невыполненными планами работъ обоихъ друзей, съ ихъ домашнею жизнью, дружескою перепискою и съ нѣкоторыми ихъ взглядами въ 30-хъ годахъ, въ этотъ сравнительно ранній періодъ ихъ дѣятельности. Не всегда возмывалась до

полнаго пониманія того, о чемъ идетъ рѣчь, съ какой-то личной мѣрой подхода къ Герцену и скользя по поверхности эмпирическихъ убѣжденій Огарева, авторъ статьи относится зато къ нимъ обонимъ тепло и уважительно, опровергаетъ ходячія обвиненія въ безнравственности ихъ жизни и сообщаетъ попутно много поучительныхъ фактовъ. Дополнительная записка объ Огаревѣ заключаетъ въ себѣ краткій очеркъ его жизни съ нѣкоторыми новыми подробностями объ освобожденіи Огаревымъ его крѣпостныхъ, объ его семейныхъ дѣлахъ и о дѣятельности за-границею въ обществѣ другихъ эмигрантовъ. Перейдемъ теперь къ послѣдней и наиболѣе цѣнной части книги: это — многочисленныя письма къ Анненкову отъ его литературныхъ друзей. Здѣсь есть и письма М. Н. Каткова, содержанія, впрочемъ, довольно личнаго, и любопытныя письма В. П. Боткина, сообщавшаго разныя новости общественнаго характера, свои сужденія о нягаль, о славянофильствѣ и объ искусствѣ, не упускавшаго при этомъ случая подѣлиться слухами о Бѣлинскомъ, въ то время уже приближавшемся къ смерти; есть тутъ и письма самого Бѣлинскаго—живыя, талантливыя и умныя, передающія то заграничныя его впечатлѣнія, то особенно дорогія ему журнальныя событія, то слухи о готовящемся будто-бы (декабрь 1841 г.) освобожденіи крестьянъ¹⁾. Есть тутъ краснорѣчивыя письма Бакунина и Герцена, переполненныя стихами и философскими разсужденіями, обширныя посланія Огарева, довольно сухія сообщенія Кудравцова и нѣсколько краткихъ, но характерныхъ записокъ Некрасова. Есть, наконецъ, письма Гоголя, относящіяся ко времени его заграничной жизни, къ тому періоду, когда творческій талантъ

¹⁾ Последнее говорится въ письмѣ, которое раньше приводилось уже по частямъ и В. И. Семевскимъ („Крестьянскій вопросъ въ Россіи, томъ 2), и А. Н. Пыпинимъ („Бѣлинскій“). Теперь оно въ первый разъ появляется цѣликомъ. То-же надо сказать и относительно другихъ писемъ Бѣлинскаго

важнаго писателя началъ меркнуть, а на его мѣсто стали выступать мало по малу инстинктивъ и суетня. Не встрѣтивъ ниждѣ сочувствія своей, Переписка съ друзьями⁴, раздражаемый болѣзью и получивъ известное горячее и рѣзкое письмо Бѣлинскаго, Гоголь пишетъ Анненкову въ очень скорбномъ тонѣ, но все-же съ явнымъ лицемеріемъ спѣшитъ прибавить, что пріемъ, оказанный его книгѣ для него „нѣсколько разъ лучше пріема благосклоннаго“. Общественные и литературные вопросы ужъ отсутствуютъ для него на задній планъ; а писаніе несетъ характеръ наставительной проповѣди смиренія, отрѣшенія отъ текущихъ интересовъ для полнаго преданія себя однимъ религиознымъ помысламъ. Однако, даже и среди такихъ мыслей тамъ и цѣль разсыпанъ перлъ чисто гоголевскаго остроумія. Не можешь удержаться, чтобъ не привести одного типичнаго образчика. „Были у насъ на Русѣ“, пишетъ Гоголь, два государственные мушкетера, которые произнесли два равныя изреченія. Арачезевъ сказалъ: „Что я знаю, то знаю, а чего не знаю, того и знать не хочу“. Кавришъ-же, Егоръ Францовичъ, выразился одинъ разъ такъ: „Милостивый государь, я все знаю, я даже не знаю, чего я не знаю“ (стр. 510). Заключаются эти письма „Послѣднее встрѣченіе съ Гоголемъ“, характерною страницю изъ памятныхъ записокъ Анненкова, которыя цѣлкомъ, по слованъ издателя, въ настоящее время еще не могутъ быть преданы печати...

Нашимъ краткимъ обзоромъ мы надѣялись показать, какою большою цѣнностью для будущаго историка имѣетъ настоящая книга. Но этиаъ мы сказали еще не все. „Литературныя воспоминанія и переписка“ Анненкова представляютъ собою полезное чтеніе не для однихъ историковъ только, но и для всякаго образованнаго человѣка. Въ наше время „великихъ помысловъ, великихъ страстей“ поучительно будетъ заглянуть въ эти письма великихъ людей прошлаго, чтобы увидѣть, какъ тѣ, даже въ частныхъ своихъ сношеніяхъ, воодушевлялись только общественными интересами и

тяжко страдали всѣми недугами родной литературы!..

Баронъ Ф. Ф. Врангель. Колебанія климата. Изъ лекцій въ императ. Александровскомъ лицѣѣ. Спб., 1892 г., въ 8 д., стр. 18. Ц. 30 коп.

Неурожай, поразившій въ этомъ году столько губерній и вызвавшій голодъ среди значительной части нашего крестьянскаго населенія, своей непосредственною причиною имѣлъ, какъ известно, неравномерное, неожиданное для земледѣльцевъ распределеніе атмосферическихъ осадковъ. Фактъ этотъ возбуждаетъ естественный вопросъ: что-же наука, умела она безслѣзно устранить бѣду, предупредивши во-время о грозящихъ прозойти климатическихъ перемѣнахъ? достаточно-ли изучены ею эти перемѣны и какъ объясняетъ она ихъ происхожденіе? Подобные вопросы назойливо лѣзутъ въ голову всякому мыслящему человеку, на нихъ-то старается отвѣтить своею брошюркою баронъ Врангель; однако, прочтя ее, удовольворенія все-же не получишь, а можно воскликнуть съ поэтомъ: „да отвѣтъ-ли это, полно?“ Авторъ тщательно разъясняетъ, прибѣгая для большаго наглядности къ чертежамъ, что количество осадковъ, какъ и погода вообще, зависятъ отъ направленія вѣтровъ; а вѣтры, въ свою очередь, происходятъ отъ неравномернаго нагрѣванія солнцемъ различныхъ частей земной поверхности. Всякое измѣненіе въ условіяхъ нагрѣванія производитъ измѣненіе въ давленіи воздуха, а слѣдовательно въ вѣтрахъ и погодѣ. Изъ этой зависимости сдѣланы теперь нѣкоторыя практическія, но совершенно общія заключенія; такъ мы знаемъ, напр., что съ наступленіемъ теплаго періода больше вѣроятности, что послѣдующіе годы будутъ теплыми, съ засухами внутри материковъ и дождливыми вблизи морей. Истина, полученная такимъ путемъ, груба и призрачна; многосе должны намъ уяснить актинометрическія наблюденія, т. е. измѣренія силы солнечнаго лучеспусканія, но пока они еще мало подвинуты впередъ. Таковы свѣдѣнія, сообщаемыя бар. Врангелемъ; не

связанныя съ вѣдами земледѣлія, они являются довольно случайнымъ обрывкомъ метеорологическихъ знаній; потому-то въ нихъ и нѣтъ настоящаго отвѣта на выше-поставленные (и поставленные притомъ самимъ авторомъ) вопросы; между строкъ только можно замѣтить не выраженное ясно убѣжденіе, что въ настоящемъ своемъ состояніи наука неспособна еще предвидѣть и предупреждать неурожая. Намъ остается утѣшаться лишь тѣмъ, что главная причина неурожаевъ у насъ, какъ убѣдительно доказываетъ проф. Воейковъ¹⁾, лежитъ не въ климатѣ даже, а въ нашемъ собственномъ нежеланіи къ нему приспособляться; самый климатъ не имѣлъ-бы того губительнаго дѣйствія, если-бы мы пользовались его хорошими сторонами и не усугубляли дурныхъ, уничтожая напр. дѣся, лучшей оplotъ всего сельскаго хозяйства. На эту-то сторону и надо, значить, обратить наибольшее вниманіе...

Объ брошюры, г. Жданова (см. обертку) и г. Врангеля, представляютъ собою лекціи, читанныя въ Алекс. лицѣ, и нынѣ продаются въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Ужъ это одно застываетъ насъ пожелать имъ успѣха.

Андрей Гартвигъ. Къ вопросу преподаванія исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. М., 1891 г., въ 8 д., стр. 51. Цѣна 30 коп.

Новыя учебныя программы 1890 года ввели въ наше среднее образованіе нѣсколько довольно замѣтныхъ перемѣнъ. Печать въ свое время отиѣтила ихъ хороша и ихъ слабыя стороны, выразила пожеланіе болѣе крупныхъ реформъ, но не могла не признать, что уже и эти программы въ ихъ настоящемъ видѣ знаменуютъ собой звѣстный поворотъ къ лучшему. Два пункта въ нихъ заслуживаютъ особеннаго вниманія. Первый и самый важный—это ослабленіе классицизма; количество уроковъ по древнимъ языкамъ уменьшается ими и, кромѣ того, рекомендуется

¹⁾ См. „Помощь голодающимъ“, сборникъ „Русскихъ вѣдомостей“, статью Воейкова.

изученіе древнихъ писателей предпочтительно предъ грамматикою и классическими упражненіями. Ототъ пунктъ привѣтствуемъ мы съ тѣмъ большимъ удовольствіемъ, что видимъ въ немъ первый ударъ по стройному зданію классицизма, еще недавно почитавшемуся неприкосновеннымъ. Вторая перемѣна коснулась преподаванія исторіи; она-то собственно и интересуетъ насъ ближайшимъ образомъ. Согласно новымъ программамъ, на прохожденіе средней исторіи отпущенъ одинъ лишній годовою урокъ, а новую—предположено проходить въ теченіе двухъ лѣтъ вмѣсто прежнихъ трехъ полугодій. Какъ ни скромна, повидимому, такая реформа, мы все-же видимъ въ ней—звѣніе новаго духа. Вѣнъ навѣтно, что древняя исторія занимаетъ въ нашихъ гимназіяхъ самое видное мѣсто, ей отводится больше всего времени, все-же оставшія „исторія“, за исключеніемъ развѣ отечественной, выгладятъ передъ ней какимъ-то случайнымъ придаткомъ. Преподаваніе исторіи при такой постановкѣ дѣла служило только лишнею подпоркою для все того-же классицизма, насыщая умы гимназистовъ сомнительными свѣдѣніями о томъ, когда и отъ кого родились Ромулъ и Ремъ, кто у кого укралъ Елену, кто кого поколотилъ при Исѣѣ, что видѣлъ во свѣ индійскій царь Астиагъ, какое именно воспитаніе принадлежитъ диктатору Камиллу и проч. и проч. Все это знать было-бы еще не такъ вредно, если-бы на ряду съ прекрасною Еленою ученики знакомились съ общественнымъ бытомъ древней Греціи, если-бы ихъ въ глазахъ историческое значеніе великаго города, если-бы различныя воспитанія герцоговъ, да и сами герои не вытѣсняли въ учебниковъ мѣстность не геройскій, въ дѣйствительности-же единственно-важный—культурно-историческій. Но вотъ поразителное любяго гимназиста—и мы ужаснетесь его знанію той самой древней исторіи, которую, какъ на зло, ставили всегда во главу угла. О фактахъ къ намъ болѣе близкихъ ужъ вы лучше его и не спрашивайте: исторія средняя представляется

ему какою-то снѣзью великихъ открытій, престовмкѣ походовъ и рыцарства, а въ новой ояъ уже совершенный прованъ, и это повятно — новаа исторія проходитьсѣ у насъ какъ-то особенно стропительно, обрываетсѣ притомъ снѣзетѣ съ паденіемъ Наполеона... Надо надѣяться, что съ новыми програм-манн такое положеніе дѣль нѣсколько измѣ-нитсѣ: исторія средняя и новая будутъ преподаваться въ болѣе расширенномъ амдѣ, а древняя займетъ, еслн ещѣ не по-добающее ей, то ужъ во всякомъ случаѣ не первенствующее мѣсто...

Брошюра г. Гартвига всѣхъ этихъ вопро-совъ не затрогиваетъ, она трактуетъ только о тѣхъ улучшеніяхъ, которыя можеть ввести любой преподаватель, объ улучше-ніяхъ методологическихъ. Не устраняя все-ее дѣлвннхъ и связанныхъ отвѣтовъ, столь обмчннхъ на урокахъ исторіи, авторъ предлагаетъ прибѣгать чаще къ перепрест-ному опросу, т. е. вымывать то одного, то другого ученика, требуя отвѣта всего на одель какой-нибудь вопросъ; притомъ въ роли спрашивающаго могутъ являться сами воспитанники, которые, какъ это извѣстно г. Гартвигу по опыту, допраши-ваютъ своего товарища иногда ещѣ строже, чѣмъ ихъ учителя. Съ такою именно цѣлью авторомъ составленъ примарный „Вопрос-никъ“ для нѣсколькихъ уроковъ; ннне вопросы въ немъ кажутся намъ остроум-ными и полезными, но естѣ и такіе, на которые мы-бм очень затруднились отвѣ-тить. Для поддержанія интереса и ожив-ленія въ классѣ, г. Гартвигъ считаетъ полезнымъ, чтобы ученики собирали себѣ изъ разныхъ книгъ альбомъ историческихъ иллюстрацій и чтобы объясненія учителя сопровождались снѣтованными картинами. Для воспитанниковъ старшихъ классовъ г. Гарт-вигъ предлагаетъ рефераты и диспуты на разныхъ темн, разборъ художественныхъ произведеній историческаго содержания, наконецъ, загородныя экскурсіи съ архео-логическою цѣлью. Все эти предложенія, исходяція, видимо, отъ преподавателя, знаю-щаго в омытнго, кажутся намъ разумными и дѣлаеобразными. Впрочемъ, что ка-

сается улучшенной системы вопроса уче-никовъ, то мы съ своей стороны болѣеишей пользы ждемъ не отъ нея, а отъ объясне-ній самого учителя, всесторонне и под-робно развивающаго заданный урокъ. Къ нашему удивленію, однако, г. Гартвигъ, выражающій свое справедливое недовольт-ство существующими нннѣ учебниками, на эту-то сторону дѣла не обратилъ ника-кого вниманія, да и о другихъ столь-не важныхъ вопросахъ обмоделился всего нѣ-сколькими словами, посвятивъ все внима-ніе такимъ мелочамъ, какъ, напр., органи-зація переписки учительскаго „Вопрос-ника“. Не понравилось намъ также и то, что г. Гартвигъ рѣшво отстаиваетъ пользу отнѣтотъ, въ настоящее время съ уснѣ-хомъ уже отнѣненнхъ въ нѣкоторыхъ частнхъ заведеніяхъ; намъ кажется, что въ этомъ отношеніи и наши казенныя гим-назіи скоро последуютъ ихъ примѣру, убавившись путемъ многолѣтняго омыта, что зависть и тщеславіе, вымыаемыя отнѣтками, плохое въ сущности педагогич-еское ередство...

Нѣкоторые недостатки настоящей бро-шюры всолиѣ выкупаются тѣми разумными соваіанн, которые мы въ ней находимъ и съ которыми было-бм такъ полезно озна-комиться всѣмъ нашимъ преподавателамъ исторіи.

Учебникъ русской исторіи. Эле-ментарный курсъ. Составилъ М. Остро-горскій. Спб., 1891 г., въ 8 д., стр. 110. Ц. 50 коп.

Учебникъ, предназначенный для учени-ковъ 3-го класса, долженъ быть особенно популярень, свободенъ отъ лишннхъ по-дробностей, но за то полонъ во всемъ суще-ственномъ, виѣшняя форма его должна быть легка и образна, рассказъ — внимателень и простъ. Условіямъ этимъ учебникъ г. Острогорскаго отвѣчаетъ всего на поло-вину. Написанъ ояъ доступно и просто, лишннми подробностями (хронологією и именами собственными) не злоупотуетъ, но нѣтъ въ немъ живости разсказа, нѣтъ и литературной, образной формн. По виѣш-ности и по содержанию учебникъ отличается

нѣкоторою шаблонностью. Обычная сухость всѣхъ подобныхъ изданій даетъ себя чувствовать и здѣсь, когда-же авторъ переходитъ въ лирической тонъ, то приближаетъ опять къ очень ужъ избитымъ приёмамъ. Вотъ образецъ послѣдняго: „Вѣдствіи русской земли дошли до крайности. Россія, казалось, погибала“ (Смутное время). Эта шаблонность учебника выражается и въ особенномъ вниманіи автора къ территориальнымъ расширеніямъ. Въ главѣ о Петрѣ Великомъ больше мѣста отведено его военнымъ подвигамъ, нежели его реформамъ; объ Екатеринѣ II мы узнаемъ только то, что она вела много войнъ; точно также и Александръ I-й былъ, по видимому, всецѣло поглощенъ Наполеономъ. Сибиря правителей, согласно учебнику, происходила довольно таки странно. „Борисъ сдѣлался царемъ, обещавши родовитыхъ русскихъ бояръ“. „Послѣ смерти Лжедмитрія царемъ сдѣлался Василій Шуйскій“. Почему именно Борисъ, почему Шуйскій, какъ и кто изъ сдѣлалъ царями, объ этомъ ни полъ-слова. Есть въ книгѣ и цѣлые параграфы, которые надо признать неудачными. Вѣчевой бытъ изображенъ г. Острогорскимъ какъ кака-то дикая анархія, полная разгула и запоевлаго самоубійства. 10 строкъ о расколѣ — это ужъ слишкомъ мало на нашъ взглядъ; страничка объ императорѣ Павлѣ характеризуетъ его очень плохо; бунтъ Стеньки Разина и Пугачевщина (въ элементарномъ курсѣ Иловайскаго они есть) опустили авторъ совершенно напрасно...

Не будемъ слишкомъ строги однако. Рамки спеціальнаго курса стѣснены, видимо, г. Острогорскаго и потому мы не должны приписывать къ его учебнику итри абсолютнаго совершенства; зато, если мы поравнимъ его съ тѣми руководствами, которыми онъ является конкурентомъ, наше отношеніе повеловѣтъ смягчиться и наши замѣчанія утратить часть своей силы. Пусть языкъ г. Острогорскаго — сухъ, пусть войны еще играютъ у него видную роль, пусть въ нѣкоторыхъ мѣстахъ замѣчаются важныя опущенія; недостатки эти отчасти исправятся въ предстоющихъ изданіяхъ,

отчасти — общи всѣмъ подобнымъ учебникамъ. Но за всѣмъ тѣмъ въ книгѣ есть и хорошая сторона, отмѣтитъ которую составляетъ нашу прямую обязанность. Выше было указано, что г. Острогорскій тщательно избѣгалъ сухой номенклатуры; прибавимъ теперь къ этому, что онъ мѣсто занялъ въ учебникѣ элементъ бытовой: рядомъ съ изложеніемъ событій политическихъ авторъ даетъ свѣдѣнія объ экономической жизни, обычаяхъ и характерѣ русского народа въ различныхъ эпохи, причемъ приводитъ отрывки изъ народныхъ пѣсенъ и нѣкоторыхъ художественныхъ произведеній. Свѣдѣнія эти иллюстрируются немного грубоватыми, но волюй понятными рисунками: тутъ мы находимъ изображенія старинныхъ денегъ, костюмовъ и жилищъ, нѣсколько портретовъ царственныхъ особъ и видѣтъ съ тѣми картинки бытового характера. Четыре раскрашенныхъ карты прекрасно дополняютъ эти полезныя изложенія.

Видя необходимость поправокъ и дополненій въ учебникѣ г. Острогорскаго, мы все-же съ полнымъ убѣжденіемъ рекомендуемъ его, какъ хорошее руководство для младшихъ классовъ гимназій; вниманіе-же учителей обращаемъ на преимуществу на мелкіи шрифтѣ, которымъ сильно и рядомъ напечатаны въ книгѣ наиболее важныя главы.

Н. В. В.—въ.

Георгъ Веберъ. Всеобщая исторія. Т. XIV. Пер. В. Невѣдомскаго. Москва, 1892 г., 1012 стр., 6 р.

Этотъ громадный томъ излагаетъ исторію первыхъ трехъ десятилетій XIX ст. — отъ торжества Наполеона I до импѣрскаго революціи 1830 г. Въ немъ шагъ за шагомъ подробно и систематично рассказывается, какъ Наполеонъ, „великій провладыватель путей новой жизни и исполнитель революціонныхъ приговоровъ Провидѣнія надъ старою Европою“, въ теченіе десятилетія одерживалъ побѣды всюду, куда заносило его личное честолюбіе и бездарная политика европейскихъ державъ. Правительство въ этихъ послѣднихъ, руководимая трусостью или расчетомъ на наполеонов-

скія подачи, то держали выгодный для Наполеона нейтралитетъ или даже вели борьбу съ его врагами, то объявляли ему войну, когда малая было рассчитывать на успѣхъ, и затѣмъ позорно сдавались и еще позорнѣе унижались передъ Франціею. Россія въ 1793 г., ничѣмъ не вызванная, послала Суворова вести среди альпійскихъ снѣговъ безплодную борьбу съ французами за совершенно чуждые ей интересы итальянскихъ рыцарей, римскаго папы и даже турецкаго султана; потомъ императоръ Павелъ I внезапно примирился съ Наполеономъ; затѣмъ въ 1805 г. императоръ Александръ I, обиженный отношеніями Наполеона къ сардинскому королю и другимъ, почти столь-же мало касавшимся Россіи обстоятельствомъ, вступилъ въ иѣсколько несчастныхъ коалицій противъ Франціи. Потерпѣвъ рядъ тяжелыхъ поражений, Россія черезъ два года, умекшихъ необычною меткою раздѣлить съ Франціею миръ, заключила съ ней въ Тильзитѣ, потомъ въ Эруртѣ мирный договоръ и для завоеванія Финляндіи начала войну со Швеціею, своимъ вчерашнимъ союзникомъ, и разорительную для нея самой экономическую борьбу съ Англіею.

Такая политика создала почву для блестящихъ побѣдъ гениальнаго авантюриста, да и не одна политика. Наполеонъ шелъ во главѣ народа, только-что завоевавашаго себя равенство передъ закономъ, личную свободу, экономическое благосостояніе; армія и народъ у него сливались почти во едино. Противъ него выступалъ легитимизмъ, не позаботившійся соединить интересы династій съ интересами народовъ. Въ рядахъ его враговъ были иѣмецкіе короли и принцы крайне повѣжественные, (они считали историческій омытъ — казню англійскаго короля Карла I — клеветою злобниковъ на предавшаго короляхъ націю), ареданные чувственнымъ наслажденіямъ, корыстолюбивые, эгоистичные и трусливые, занимавшіеся интригами и боровшіеся другъ съ другомъ. Народъ „проливалъ кровь за приица, который безучастно взираетъ на борьбу изъ безопаснаго убѣжища,

который . обращался къ Наполеону съ просьбою женить его на одной изъ принцессъ дома Бонапартовъ . . . а присланныи ему деньги для бѣгства издержалъ на развлечения“ (326); министры не понимали нуждъ народа; правительства приближали къ самымъ варварскимъ нравамъ: къ жестокимъ казнямъ, превосходявшимъ казни эпохи террора (21), къ натравливанію народа на грабежи (682), къ тайному убійству иностранныхъ пословъ (47). Въ арміяхъ повишались не за заслуги, а по претенціи; солдаты обучались не столько для войны, сколько для парадовъ (196, 229 и др.); народъ былъ задавленъ. Понятно, что вести войну съ такими властителями Германіи было не трудно.

Но счастье изиѣнилось Наполеону, когда сперва въ Испаніи, потомъ въ Россіи, ему пришлось бороться съ самимъ народомъ. Потомъ, въ 1813 г., ему оказалось неспособною борьба и съ Пруссіею, — въ которой за это время была произведена реформа Штейна: освобожденіе крестьянъ, преобразование административной системы, измѣненіе городского устройства и въ связи съ ними реформы въ арміи, представлявшія первые шаги къ введенію всеобщей воинской повинности (277 и сл.). Въ то-же время въ самой Франціи не оставалось уже почти ничего отъ завоевннй предшествовавшей эпохи. Наполеонъ постепенно прибралъ къ своимъ рукамъ представительное правленіе, печать, народное образованіе, восстановилъ власть католическаго духовенства и преннее дворянство (175, 270, 272 и др.) — и вмѣстѣ съ тѣмъ потерялъ опору въ народѣ; распространеніе въ народныхъ школахъ катехизиса, гдѣ наряду съ поклоненіемъ Богу устанавливался культъ Наполеона (270), не могло помочь дѣлу. Въ этоиъ, по мнѣнію Вебера, лежитъ причина пораженія Наполеона даже въ 1814 г., когда иностранныя арміи вторглись въ самую Францію, или въ 1815 г., когда во время ста дней союзникомъ Наполеона явилась старая ненависть къ восстановленнымъ Бурбонамъ.

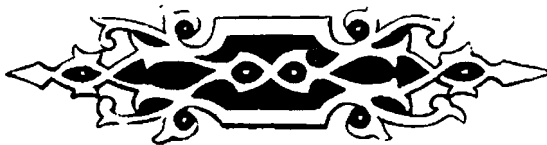
Вторая половина тома Вебера посвящена

описанію тѣхъ оргій, которымъ предана побѣдившій гнру революція легитимизмъ, въ концѣ концовъ доведшей Францію и Европу до новой революціи 1830 г. — ея заканчивается XIV томъ „Исторіи“; если не считать краткаго, довольно поверхностнаго и сухаго обзора исторіи литературы за тотъ-же періодъ.

Все это изложено у Вебера очень систематично, подробно и доказательно, даже слишкомъ доказательно и слишкомъ подробно, такъ что основная мысль тонетъ въ обилии мелочей дипломатической и военной исторіи. Занятый ими, авторъ почти не уделяетъ вниманія народной жизни, такъ что правительства и арміи, о которыхъ онъ такъ распространяется, кажутся какъ-бы висающими въ воздухѣ. При полномъ отсутствіи чего-нибудь похожаго на художественный талантъ, всё эти подробности проваиваютъ на читателя удручающее впечатлѣніе; ему невольно кажется, что будь этотъ томъ повороче, онъ былъ-бы гораздо лучше. Къ тому-же, книга страдаетъ неравномерностью въ распредѣленіи матеріала. Обративъ все свое вниманіе на завоеваніе Наполеономъ Европы, Веберъ

очень мало коснулся странъ, которыя стояли въ сторонѣ отъ этого движенія; такъ Англія посвящена у него (кромя многочисленныхъ упоминаній мимоходомъ) всего около 20 стр., т. е. приблизительно столько-же, сколько Испанія, или великія итальянскія государства; такъ-же мало затронута исторія Балканскаго полуострова; о Соединенныхъ Штатахъ не говорится ни чего (они упоминаются даже всего два раза) тогда какъ исторія революціонныхъ движеній въ южной и средней Америкѣ разсказана довольно подробно. Въ довершеніе такой неравномерности, русскій переводчикъ нашелъ необходимымъ сократить нѣкоторые параграфы, посвященные Россіи. Такимъ образомъ, XIV томъ книги Вебера является не столько „всемирною“ исторіею, сколько политической исторіею юго-западной и средней Европы; въ этихъ-же рамкахъ онъ имѣетъ неоспоримое значеніе. Во всякомъ случаѣ, можно порадоваться тому, что большое предпріятіе—переводъ и издавіе этой книги, начатое Н. Г. Чернышевскимъ и К. Т. Солдатенковымъ, приближается къ концу.

В. В. Водовозовъ.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ И МАГАЗИНЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

С.-Петербургъ, Большая Подъяческая ул., д. № 7.

КАТАЛОГЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

Книжный складъ и магазинъ «Русской Старины» принимает на комиссію востороннія изданія и высылаетъ иногороднымъ по требованіямъ или съ наложеннымъ платежешъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ.

NB. Книжные магазины и частныя лица могутъ обращаться съ заказами безъ высылки при этомъ денегъ и получать книги по почте съ наложеніемъ платежа.

* Алексій, іеромонахъ (Виноградовъ). Исторія Англійско-Американской Библіи. Часть III. Спб., 1891 г.

* Альфонсъ Берне. Цвѣтная фотографія по способу графа Линнмана. Переводъ съ франц., съ 12-ю рис. въ текстѣ. М. 1891. Ц. 40 к.

Армельдъ, Ф. К. Курсъ гѣсоводства. Съ рисунками. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

«Артистъ». Театральный, музыкальный и художественный журналъ. № 20. М., 1892 г. Ц. 2 р.

* Барсовъ, Н. И. Существовала-ли въ Россіи инквизиція? Спб., 1891 г. Ц. 25 к.

* Барсовъ, И. И. Къ литературной исторіи Вольтера: Вольтеръ и «Римскія дѣванія». Спб., 1892 г. Ц. 25 коп.

Безобразовъ, П. В. Историческія повѣсти. (Въ пользу голодающихъ). М. 1892. Ц. 1 р.

Биографическая бібліотека Ф. Паденкова: М. Ю. Лермонтовъ. — Н. И. Новиковъ. Съ портретами. Спб. 1891. — Гуттенбергъ; — Ч. Диккенсъ; — лордъ Байронъ. Спб., 1892. Цѣна каждой книги 25 к.

Борозниновскій, А. Законы гражданскіе (Сводъ Законовъ, т. X, часть 1-я). Съ объясненіями по рѣшеніямъ гражданск. кассац. департ. правит. сената. Изд. 7-е, дополненное и исправленное. Спб. 1892. Ц. 6 р.

* Брамшиновъ, Л. Д. Идеи русскихъ писателей XIX вѣка. Матеріалы къ исторіи русской литературы. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Бродевскій, Б. М. Д-ръ Конвульсіи у дѣтей, причины ихъ и совѣты, что дѣлать до прибитія врача. М., 1892 г. Ц. 10 к.

Бродевскій, В. М. Д-ръ. Объ улучшенномъ способѣ некушвеннаго вскармливанія грудныхъ дѣтей. Минскъ. 1892 г. Ц. 15 к.

Бромъ, Н. Л. Систематическій сборникъ дѣйствующихъ на русскихъ желѣз. дор. узаконеній и распоряженій правительства. 3-й вып. дополненій къ 3-й части сборника по 1-е января 1892 г. Ц. 3 р.

Булгановъ, Ф. И. Альбомъ русской живописи. Картины К. Е. Маковского. Спб. Ц. 2 р. 50 коп.

Бьернстьернъ-Бьерсониъ. Марія шотландская. Драма въ 5-ти д. Переводъ П. Г. Ганзена. Спб. 1892. Ц. 40 к.

Бьернстьернъ-Бьерсониъ. Новобрачные. Комедія въ 2-хъ дѣйствіяхъ. Спб. Ц. 25 к.

Бѣловъ, А. Промышленная обработка свотнаго боя и отбросовъ. М., 1892 г. Ц. 60 к.

Гейнце, Н. Э. Изъ міра танцственнаго Записки спирита. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

* М. Момень и В. Мень. Скрипка альта,

* Этими знакомъ отмѣчены заглавія книгъ, поступившихъ въ книжный магазинъ „Русской Старины“.

КАТАЛОГЪ КНИЖН. МАГАЗИНА „РУССКАЯ СТАРИНА“ (прилож. изд. 1892 г.).

IV

виолончель, контръ-басъ гитара. Смычки, каннофолъ и струны. Новое полное руководство къ устройству струнныхъ музыкальныхъ инструментовъ и къ изготовленію смычковъ, каннофолъ и струнъ. Переводъ съ франц. И. Иньяки на. Тверь, 1891 г. Ц. 1 руб.

* *Живая Старина*. Періодич. изданіе. Подъ ред. В. И. Ламанскаго. Вып. I, годъ 2-й. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Мизиескій, А. К. Ѳеодоръ Николаевичъ Глинка, † 1880 года 11-го февраля. Тверь, 1890 г. Ц. 50 к.

* *Журналы Комитета Министровъ*. Царствование Императора Александра I, 1802—1826 гг. Т. II: 1810—1812 гг. Спб., 1891 г. Ц. 3 руб.

* *Извѣстія Общества Археологін, Исторіи и Этнографіи при Императорскомъ Казанскомъ университетѣ*. Т. X, Вып. 2-й. Казань, 1892 г. Ц. 1 руб.

Итоги эконоическаго изслѣдованія Россіи по даннымъ земской статистики. Т. I. Общій обзоръ земской статистики крестьянскаго хозяйства А. Фортунатова. Крестьянская община В. В. М. 1892 г. Ц. 3 р. 50 к.

* *Классе, К. Гомеопатія*, изблнченна въ интересахъ народнаго здравія. Переводъ съ нѣмецкаго, изд. 2-ое. Спб., 1883 г. Ц. 80 к.

* *Классе, К.* Пора знать каждому желающему избавиться отъ дорогихъ врачей и аптекъ, что такое медицина и какъ она издѣляется. Изд. 3-е Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Кормиль. Сидъ, трагедія въ 5 актахъ. Переводъ съ французскаго въ стихахъ. В. С. Лихачева (Дешевая Библиотека). Спб. Ц. 12 к.

Корнъ, Ж. Какъ уберечься отъ чахотки. Спб., 1890 г. Ц. 30 к.

* *Крестный календарь на 1892 г.* (А. Гатцука). М., 1892 г. Ц. 15 к.

* *Крестовскій, В. (севдонимъ)*. Собраніе сочиненій. Т. II. Спб., 1892 г. Ц. по подпискѣ за 5 т. 12 р.

Ленци въ Императорскомъ Александровскомъ лицей въ пользу пострадавшихъ

отъ неурожая: О драмѣ Пушкина «Борисъ Годуновъ». И. Н. Жданова.—«Колѣбаніе климата». Барона Ф. Ѳ. Врангеля.—«Неурожай и голодъ». А. А. Исаева.—«Общественное значеніе права». Н. М. Коркунова. Спб. 1892 г. Цѣна каждой 30 к.

* *Лилосовъ, Н. В. Симеонъ Безбутовичъ* ханъ касимовскій, великій князь всея Руси, впоследствии великій князь тверской 1567—1616 гг. Тверь, 1891 г. Ц. 1 р.

* *Мариковъ, Н.* Новая Ладога, уѣздный городъ Спб. губерніи въ современномъ его состояніи. Островъ, 1891 г. Ц. 25 к.

Маршенинъ, А. (А. А. Бестужевъ). Мореходъ Никитинъ.—Романъ и Ольга.—Замокъ Эйзентъ.—Шахъ Гуссейнъ. Издан. 3-е (Дешевая библиотека). Спб. Ц. 15 к.

* *Медовскъ, В.* Иностранцы въ Поволжьѣ. Историко-этнографическо-лингвистическія замѣтки и изслѣдованія. (Съ картою Европейско-Азіатской Россіи). Саратовъ, 1892 г. Ц. 1 р.

* *Меллеръ, Л. П.* Руководство къ содержанию и разведенію канареекъ. Второе изд. Л. П. К. Спб., 1883 г. Ц. 50 к.

Мережинскій, Д. Символье. (Пѣсни и поэмы) С. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Миллеръ, Всеволодъ. Эскурсы въ область народнаго зноса. I—VIII. М., 1892 г. Ц. 2 р.

* *Милорадовичъ, гр. Г. А.* Синоскъ лядъ святи ихъ величествъ съ царствованія Императора Петра I по 1891 г. по старшинству для назначенія. «Черниговъ», 1891 г. Ц. 40 к.

Муравьевъ, Н. В. Дополненіе къ «Руководству для волостныхъ судовъ въ нѣстностяхъ, гдѣ учреждены земскіе участковые начальники». М. 1891. Ц. 50 к.

Отрадинъ, В. Стихотворенія, сказы и драматическія поэмы. Т. II. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

* *Памятная книжка Курской губерніи на 1892 годъ*. Курскъ, 1892 г. Ц. 1 р. 20 к.

Павсинъ, Г. А. Изъ исторіи православія въ Прибалтійскомъ краѣ. Къ 25-лѣтію Рижскаго Петропавловскаго православнаго братства. Рига, 1892 г. Ц. 50 к.

* **Ваше ф. Рейснеръ.** Новѣйшая русско-нѣмецкая метода для изученія въ три класса нѣмецк. чтенія, письма и разговора Вм. I. Варшава, 1892 г. Ц. 20 к.

Равский, М. Н. Неурожай 1891 г. въ связи съ общей характеристикой нашей хлѣбной производительности, а также вывоза хлѣбовъ за границу за предъидущіе годы. Спб. Ц. 30 к.

Романовскій, Л. П. Судебные уставы императора Александра II, съ комментаріями и разъясненіями. Уставъ гражданского судопроизводства. Изд. 3, переработан. и дополн. Казань. 1892. Ц. 5 р.

Салтыковъ, М. Е. Сказки. — Пестрыя шеска. — Недоконченныя бесѣды. (Полное собраніе сочиненій т. VI). Спб. 1892. Ц. 2 руб.

* **Таргеманъ, В. А.** Страхование отъ грабительствъ. — Краткій очеркъ развитія страхованія отъ града въ Германіи и Россіи. М. 1892. Ц. 25 к.

Тверской Музей и его приобрѣтенія въ 1889 году. Тверь, 1891 г. Ц. 30 к.

Тверской Музей и его приобрѣтенія въ 1890 году. Тверь, 1891 г. Ц. 30 к.

Тиминскій, А. Сборникъ толкованій русскихъ юристовъ къ судебнымъ уставамъ Императора Александра II. Изданіе 2-е. Варшава. 1892. Ц. 3 р.

Триггенбергъ, Г. И. Алфавитный указатель вопросовъ, разрѣшенныхъ уголовнымъ кассац. и общ. собран. кассац. департа. Правит. Сената, 1878—1891. Издан. дополнен. Спб. 1892. Ц. 1 р. 50 к.

Флашаринъ, К. Въ небесахъ. Астрономическій романъ. Съ рисунками. Изд. 2-е, исправлен. и дополнен. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.

Цѣтлаевъ, Д. В. Исторія сооруженія перваго костела въ Москвѣ. М. 1886 г. Ц. 1 р. 20 к.

* — Къ исторіи изученія вопроса объ иностранцахъ въ Россіи. Изъ рѣчи предъ защитой докторской диссертаціи. М. 1891. Ц. 20 к.

* — Къ исторіи культуры въ Россіи въ XVI и XVII вѣкахъ. М. 1890. Ц. 25 к.

* — Литературная борьба съ протестантизмомъ въ Московскомъ государствѣ. М. 1887. Ц. 1 р. 50 к.

* **Цѣтлаевъ, Д. В.** Московскій пасторъ А. И. Фехверъ. М. 1887. Ц. 30 к.

* — Обрученіе иноземцевъ въ Московскомъ государствѣ. М. 1886. Ц. 80 к.

* — Памятники въ исторіи протестантизма въ Россіи. (Приложеніе къ изслѣдованіямъ). М. 1888. Часть I, стр. XXII+245. Ц. 2 р.

* — По поводу статьи професс. Д. И. Багалія объ историческомъ изслѣдованіи «Протестантизмъ и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій». М. 1890. Ц. 25 коп.

* — Построеніе первой протестантской церкви въ Москвѣ. М. 1885. Ц. 30 к.

* — Протестантизмъ и протестанты въ Россіи до эпохи преобразованій. Историческое изслѣдованіе. М. 1890. Ц. 6 р.

Черняевъ, Е. Проектъ постоянной зерносушилки съ вентиляторомъ. Спб. Ц. 60 к.

Чеховъ, Антонъ. Дуэль. Повѣсть. Изданіе 2-е. Спб. 1892. Ц. 1 р.

Чеховъ, Антонъ. Баштанка. Рассказъ. Съ рисунками. Спб. 1892. Ц. 50 к.

Шамуринъ-Шамаревскій, Н. В. Сельское хозяйство. Съ рисунками. Ц. 1 р. 35 к.

* **Шенрокъ, В. И.** Материалы для біографіи Гоголя. Т. I. М., 1892 г. Ц. 2 р.

Шимшаревъ, Д. И. Краткій очеркъ промышленности въ районѣ Нижегородской и Шуйско-Ивановской ж. д. Спб. 1892. Ц. 30 к.

Шрадеръ, Р. И. Живныя изгородни гнѣзныя опушки. Съ введеніемъ П. А. Стебута. Изданіе 3-е, исправ. и дополн. Спб. 1892. Ц. 90 к.

Штиглицъ, А. Изслѣдованіе о началахъ политическаго равновѣсія, легитимизма и національности. Ч. III. отд. 2-й. Спб. 1892. Ц. 2 р. 50 к.

Щербачевъ, Г. Д. Дѣвнадцать лѣтъ молодости. Воспоминанія изъ времени царствованія императора Николая I. М., 1892 г. Ц. 1 р.

Щербачевъ, Г. Д. Любовь и сила воли. Біографическій очеркъ. М., 1892. Ц. 50 к.

Этнографическое обозрѣніе. Издан. этногр. отд. Им. общ. люб. естеств., антропол. и этногр. № 4. М. 1891. Ц. 1 р. 50 коп.

* Энциклопедич. Словарь, подъ ред. К. К. Арсеньева и заслуж. проф. Ф. Ф. Петрушевскаго. Т. V. Спб., 1892 г. Ц. въ переплетъ 3 р.

Ю. Э. Богъвънъ вѣлк. Романъ. Варшава. 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ярошевскій, К. Ф. Учебникъ минералогіи. Руководство для среднихъ учебныхъ заве-

деній. Съ реальнымъ курсомъ. М. Ц. 1 р. 25 коп.

Яценко, Г. А. Растенія для жилыхъ комнатъ и уходъ за ними. Киевъ. 1892. Ц. 1 р: 75 коп.

Федоровъ, П. Ф. Д-ръ. Экстракція зубовъ. Съ рисунками. Спб. Ц. 1 р.

По желанію и заказчиковъ книжной магазинъ «Русской Старини» высылаютъ книги и въ переплетъ. Цѣна переплетовъ: шпалерный съ каленкоромъ—80 коп., сафьяннокорешковый—50 коп.

Всѣ вообще заказы о высылкѣ книгъ выполняются магазиномъ «Русской Старини» безъ малѣйшаго замедленія.

Ученныя записки Императорскаго Казанскаго университета

НА 1892 ГОДЪ.

Въ «Ученыхъ Запискахъ» помѣщаются: ученныя изслѣдованія профессоровъ и преподавателей, критика и библиографія; университетская лѣтопись; приложенія: университетскіе курсы профессоровъ и преподавателей.

„Ученныя Записки“ выходятъ періодически шесть разъ въ годъ книжками въ размѣрѣ не менѣе 15-ти листовъ, не считая извлеченій изъ протоколовъ и особыхъ приложеній.

Подписная цѣна въ годъ со всѣми приложеніями 6 руб., съ пересылкою 7 руб. Отдѣльныя книжки можно получать въ редакціи по 1 руб. 50 коп. Подписка принимается въ правленіи университета.

Редакторъ Ф. Мищенко.

превращает во вещь подробностей, каковы были тогда живое историческое чувство и глубоко-чуждое чувство. Много, однако, есть выводов для детей, заключаются в них и возмущающиеся судьбою Тана, сколько ли это не имеет значения о жизни самой Вичер-Стоу, о любимого автора? Въ Америкѣ и Англіи они могут познакомиться съ исторіей, составляющей смыслъ, у насъ Россия только теперь, благодаря г-жи Ждановой, биограріи эта появилась въ обществѣ, во умѣломъ изложении. И надо бы, что избравъ славянскую писательницу, русскому духу всего лучше славянскими писателями, оставят ворады и какъ явной. Ея счастливое дѣтство, воспитаніе въ образованной семьѣ, воспитаніе, во трудномъ учебномъ году, все историческое смити въ сатирической духа, заужестомъ и вслѣдъ за — близки и бѣдности, проповѣди освобожденія страны путемъ печати, сначала была статья въ газетѣ, потомъ перешла въ романъ, увидѣвъ „Жизни въ Тана“, слава писательницы и она получила то, — все это занимательно и живо можно въ настоящей драмѣ, предназначенной, вероятно, для множества и дѣлительно изводитъ для него срединной сатиры, такъ и во содержаніи. Жизнь и душа, чтобы эта биограріи, симбиозъ прекрасными портретами г-жи Вичер-Стоу и ее брата, тоже ревностно защитѣ обязательного дѣла, получивъ у насъ великое большее распространение и въ славянскомъ бы еще ослѣпно гуманное дѣло старинного, но еще далеко не изъяснаго американскаго романа.

И. Ждановъ. О драмѣ А. С. Пушкина „Ворскъ Годуновъ“. Изъ лекцій лекторъ А. С. Ждановъ. Сиб., 1892 г., въ стр. 88. Ц. 30 коп.

Итакъ, кажется, общаго между известною драмою Пушкина и восточнымъ историческимъ романомъ Жданова — ничего, и вотъ г. Ждановъ хочетъ все-таки опровергнуть и доказать, что въ такомъ разсужденіи дѣлится: онъ не признаетъ, что царствованіе Бориса было ознаменовано великимъ государственнымъ деломъ, а оставилъ его съ такою бѣдностью, что не оставилъ теперь Россия, и

затѣмъ, воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, прочелъ въ пользу господствующей науки и занимательную лекцію о пушкинскомъ „Ворскѣ Годуновѣ“. Съ основною мыслью его лекціи мы совершенно согласны. Авторъ считаетъ доказано, что не правъ была критика, преимущественно Полевой и Валиевскій, считавшіе Пушкина мало самостоятельнымъ въ его драмѣ, слышавъ лично подучившимся историческому авторитету Каранзина. Г. Ждановъ въ противоположность имъ полагаетъ, что „Пушкинъ следовалъ дорогомъ, на которой Каранзинъ не былъ и не могъ быть путешественникомъ“, такое свое мнѣніе онъ объясняетъ двумя причинами, имъ коня видно, что Пушкину не остались чужды и восторге другіе источники, а противъ того указываетъ на очень немногіе случаи изъ котораго разномыслия между историкомъ и поэтомъ. Признается, все же не убѣдил доводи г. Жданова и имъ остались при мнѣніи Валиевскаго, что вѣдѣніе Каранзина отразилось въ драмѣ очень зачатко, а прочее всего оно сказалося при изображеніи самого Годунова, который является у Пушкина мелодраматическимъ героемъ во вкусъ Каранзина, съ жестокими мученіями солдата и точию смѣше предначертанномъ царемъ судьбою. Нисколько не умаливъ значения этой драмы, имъ продолжали также думать съ Валиевскимъ, что пушкинскій Борисъ, насколько онъ отстаетъ отъ характерности, данной въ „Исторіи государства Российскаго“, палъ поэтической фантазіи, не больше, — и уже во всякомъ случаѣ совѣтъ не историческое дѣло... Не Пушкина вообще много у насъ все еще смотрятъ неправильно: можно и должно дѣлать талантъ великаго поэта, объ этомъ едва-едва станеть спорить, но не порицая, наконецъ, волюй рѣшительно осудить всю убогость его историческихъ, а еще больше того — политическихъ взглядовъ?..

Внесогласіе съ основными положеніями автора не побуждало насъ заинтересоваться его историко-критическимъ взглядомъ. Мы думаемъ, что некоторыя любознательны сопоставленіи, характерныя выписки изъ старинныхъ документовъ и главнѣй, исторический мнѣніе дѣлать г. Жданову право на сочувственное вниманіе публики.

И. В. В.—въ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1892 г.

АВАДЦАТЬ ТРЕТІЙ ГОДЪ ИЗДАВІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, ДЕВЯТЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій пресы, д. № 20, у Пруддѣйскаго моста, книжный магазинъ А. Ф. ЦИНИВЕРДИНГА (бывшій Мелье и №). Въ Москвѣ—въ отдѣльныхъ конторахъ, при книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Молчановъ, д. Коже), Н. Н. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣльныхъ конторахъ при книжн. магазинахъ: въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостиница дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Кловѣ—при книжн. магазинѣ Н. Я. Оглобина.

Гг. Изгородные обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подольскую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы въ біографіяхъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи по исторіи русской литературы и искусства; переписка, автобіографія, записки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отрывки о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и притчи.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословы

Можно заказать въ конторахъ редакціи следующие номера журналовъ:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., (16 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., (60 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., 12 книгъ (33 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., 12 книгъ (31 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд. (61 экз.), съ 12 портрет., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 книгъ (30 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн. изд. второе (57 экз.), съ портр., 8 руб.
- „Русская Старина“ 1885 г., 12 книгъ (62 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1888 г., 12 книгъ (70 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1889 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1890 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1891 г., 12 книгъ (56 экз.), съ портретами, 8 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ двадцать третій.

МАЙ.

1892 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

I. Русскіе достопамятные люди. Заштунъ вѣнчикъ. Рубинскіе изобрѣтенія С. Д. Платероваго. 217	IX. Изъ исторіи русской цензуры 1861—1862 гг. 377
II. Бояринъ гр. Василій Васильевичъ Голлицынъ: гаданья въ воду отъ рыцаря въ 1677 г. Слѣбш. П. Н. Оглоблинъ 353	X. Изъ Гуньба: шутовъ Гуньба въ 1850 г. — Импер. Александръ II въ Гуньба въ 1871 г. Сообщ. Вас. Солтанъ. 391
III. Бытовые черты Азовскихъ походовъ 1696 — 1698 гг. Сообщ. ген. П. А. Пугачевъ 247	XI. Вспоминанія ординарца о войнѣ 1877 — 1878 гг. 419
IV. Изъ исторіи отпавшихъ урядовъ, 1708 — 1771 гг. Слѣбш. П. Г. Кураловъ. 253	XII. Платонъ, митрополитъ мѣвскій и галицкій, † 1891 г. 437
Изгородская собственность въ XVIII вѣкѣ. Черкас. 309	XIII. Путевые очерки и замѣтки М. М. Самарскаго при побѣдѣ по Руси въ 1891 г. 441
VI. Вспоминанія стараго казеннаго студента, 1856—1858 гг. 271	XIV. Материалы, замѣтки о стилетахъ: Указъ Петра I 1708 г. (390). — Реликви адмирала Апраксина побѣдѣ надъ турками 16-го окт. 1708 г. (367). — Бумаги по дѣлу 14-го лез. 1825 г. (292). — М. Н. Лерингилъ (246). — Сибирскій старецъ Феодоръ Козимичъ (452) — Изд. книги Ольги Феодоровны (449). — Цирявки (389).
VII. Андрей Степановичъ Достоверовъ въ англо-американскій галереграф. заграничье въ 1872—1881 гг. Слѣбш. М. А. Александровъ. 293	XV. Библиографическія замѣтки (см. обертку).
VIII. Василиюда Верфариновичъ Козловскій, съездъ директоровъ Педагогическаго общ. — учебнаго завѣдскій. Черкасъ Д. І. Семеновъ. 237	

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ сибирскаго отшельника Феодора Козимича, † 20 авг. 1894 г. Гравировалъ художникъ Н. Н. Матюшинъ.

Продолжается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1892 г.

Изданіе вступило: „Русская Старина“ изд. 1891 г. (Остатокъ 54 экз.).

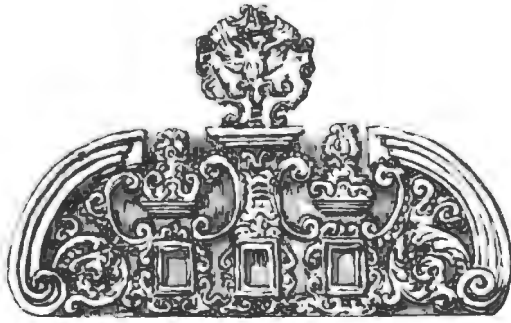

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Балатрановскій каналъ, д. № 80.

1892.

РУССКІЕ ДОСТОПАМЯТНЫЕ ЛЮДИ.

Замѣтки и воспоминанія по поводу труда Д. Н. Бантыша-Каменскаго: „Словарь достопамятныхъ людей русской земли“, изд. 1847 г., и нѣкоторыхъ другихъ изданій того времени.

[Рукопись изъ собранія С. Д. Полторацкаго].

Александръ Осиповичъ Аблесимовъ.

Бантышъ-Каменскій, Д. Н. „Словарь достопамятныхъ людей русской земли“. Кромѣ сего заглавія, находящагося на оберткѣ всѣхъ трехъ томовъ Словаря, на стр. 1-ой перваго тома онъ названъ: „Словарь достопамятныхъ русскихъ“, равно какъ во второмъ и третьемъ томахъ. Прибавленіе-же ко второму тому Словаря, заключающее біографіи митрополита Платона, фельдмаршала князя Прозоровскаго и А. С. Пушкина, названо: „Прибавленіе ко второй части Словаря знаменитыхъ россіянъ“, какъ будто-бы существовалъ словарь Бантышъ-Каменскаго подъ симъ именемъ. Прибавленіе, оторвавшись отъ II тома и имѣя собственную нумерацію, можетъ повлечь будущихъ бібліографовъ въ странныя недоумѣнія и розысканія, которыя я желаю нынѣ отвратить настоящимъ замѣчаніемъ.

Г. Бантышъ-Каменскій, на 1-ой стр. I-го тома своего словаря, говоря, что Аблесимовъ, Александръ Осиповичъ, извѣстенъ сочиненною имъ комическою оперою, въ 3-хъ дѣйствіяхъ,

въ народномъ вкусѣ, „Мельникъ“, представленною въ первый разъ 20-го января 1779 (гдѣ и на какомъ театрѣ?) прибавляется, что пьеса сія долго увеселяла русскую публику своею простотою и замысловатостію (sic). Неужели эти два эпитета совмѣстимы въ какомъ-нибудь дѣлѣ? Они уничтожаютъ другъ друга.

Кстати здѣсь вспомнить, что, въ іюль 1828 года, я игралъ роль жениха въ „Мельникѣ“. Спектакль былъ данъ въ Калугѣ, обществомъ любителей, для супруги тогдашняго губернатора, князя Александра Петровича Оболенскаго, что нынѣ (августъ 1847 г.) сенаторъ и почетный опекунъ, Аграфены Юрьевны, дочери д. т. с. Юрія Александровича Нелединскаго-Мелецкаго, скончавшейся въ Калугѣ 19-го февраля 1829 г. и погребенной въ Лаврентьевскомъ монастырѣ, въ двухъ верстахъ отъ Калуги. Дѣйствующими лицами въ пьесѣ были: мельникъ—Павелъ Матвѣевичъ Тиличевъ; невѣста—княжна Екатерина Александровна Оболенская (дочь губернатора), бывшая впоследствии въ замужествѣ за графомъ Валеріаномъ Николаевичемъ Зубовымъ (сынъ оберъ-штаб-мейстера графа Николая Александровича и графини Натальи Александровны, дочери Суворова) и скончавшаяся въ 1843 г., въ имѣніи отца своего, Калужской губ., Козельскаго уѣзда, селѣ Березихахъ (принадлежавшемъ прежде В. І. Пушкину, дядѣ поэта). Отецъ невѣсты—П. Я. Яковлевъ и жена его—П. С. Тиличева. Только двое послѣднихъ, да я многогрѣшный остались живы изъ дѣйствующихъ лицъ. Вѣроятно, многихъ нѣтъ и изъ зрителей. Спектакль сошелъ отлично и былъ данъ съ благотворительною цѣлью. Сверхъ „Мельника“, давали еще „Свою семью“ или „Замужнюю невѣсту“, (соч. кн. Шаховскаго и частию А. С. Грибоѣдова). Играли на публичномъ театрѣ, каменномъ зданіи, гдѣ послѣ неоднократно повторялись подобные благотворительные спектакли; этотъ театръ сгорѣлъ въ мартѣ 1836 г. отъ злонамеренности раскольниковъ и изувѣрства ихъ, какъ носилась слухи.

Степанъ Федоровичъ Апраксинъ.

Бантышъ-Каменскій, въ біографіи фельдмаршала Степана Федоровича Апраксина (т. I, стр. 33), рассказываетъ, что во время суда, надъ нимъ учрежденнаго, за выводъ арміи изъ Пруссіи, послѣ Гросъ-Эгерндорфской побѣды (19-го августа 1757 г.), и длившагося около трехъ лѣтъ, императрица Елисавета, недовольная медленностію, сказала:

— „Ну, остается послѣднее средство—прекратить слѣдствіе и оправдать невиннаго“.

Когда въ засѣданіи комиссіи фельдмаршалъ по прежнему утверждалъ свою невинность, то одинъ изъ членовъ сказалъ: „Итакъ остается намъ теперь употребить послѣднее средство...“

Не успѣлъ онъ кончить словъ, какъ вдругъ апоплексическій ударъ повергъ Апраксина мертвымъ на землю. Бантышъ-Каменскій не входитъ въ объясненіе сихъ таинственныхъ словъ, имѣвшихъ такое могущественное вліяніе, но смыслъ ихъ понятенъ былъ всякому, кому памяты событія съ Лопухиною, Бестужевю-Рюминою, Головкинымъ, Остерманомъ и Минихомъ... случившіяся въ краткое царствованіе, когда „пытка“ была будто-бы уничтожена. Я говорю это не въ обвиненіе тогдашняго правительства, но хотѣлъ-бы, чтобы отдавали каждому его... *suus cuique*... Вспомнимъ, что дѣлалось въ это время въ Европѣ... вспомнимъ Лалли-Толендаль, Калласа, Серветовъ...

Біографія Ст. Фед. Апраксина, отца, и Степана Степановича, генерала-отъ-кавалеріи, сына его, бывшаго женатымъ на княжнѣ Голицыной, Екатериинѣ Владиміровнѣ, напоминаетъ разсказъ, мною слышанный отъ воспитывавшейся у тещи его, княгини Натальи Петровны Голицыной, дѣвicy Прасковьи Георгиевны Тиличевой, что въ молодости своей онъ сдѣлалъ уговоръ съ однимъ изъ своихъ друзей, чтобы тому, кто умретъ прежде, явиться къ оставшемуся въ живыхъ и сказать о днѣ смерти. Пріятель его, будто-бы умершій давно, исполнилъ слово и явился къ нему незадолго предъ кончиною его, послѣдовавшею въ январѣ 1837 года, и сказалъ ему день, вается 6-го января. Можно себѣ представить, какъ потрясло это Апраксина, если это было и дѣло воображенія. Впрочемъ, какъ звать? Есть многое въ природѣ, другъ Гораціо... Жаль, что не

говорить объ этомъ Бантышъ-Каменскій, слышавшій, вѣроятно, этотъ разсказъ и знакомый съ Апраксинимъ. Онъ объ біографіи заимствовалъ изъ „Опыта историческаго родословія Апраксиныхъ“, соч. К. М. Бороздина. Петербургъ, 1841 г.

Домъ Апраксина, Степана Степановича, находился на углу Знаменки и Арбатскихъ воротъ, въ Москвѣ. У него давались большіе балы. Тутъ-же помѣщались, въ 1820-хъ годахъ, итальянская опера, съ тогдашними знаменитостями: Анти, Перуцци и Този; потомъ французскій театръ въ 1829 и 1830 годахъ. Тутъ случилась и исторія съ содержательницею его, Карцевою, за нежеланіе дать бенефісъ въ пользу М-me Alfred, за что многіе взяты были подъ арестъ и сидѣли въ полиціи на съѣзжихъ. Главный зачинщикъ былъ Тиньковъ и Голохвѣяровъ, тоже, кажется, и Потемкинъ. Кончилось пустяками. Изъ этого дома, купленнаго казною, сдѣлано сиротское заведеніе „Александринскій холерный институтъ“, перешедшій нынѣ (1847 г.) во владѣніе воспитательнаго дома и воспитывающій однихъ мальчиковъ, а не дѣвочекъ, какъ то предполагалось сначала.

Графъ Аракчеевъ.—Военныя поселенія.

Въ біографіи Аракчеева, графа, Алексѣя Андреевича, т. I, стр. 46, Бантышъ-Каменскій дѣлаетъ примѣчаніе, „что военныя поселенія учреждены гр. Аракчеевымъ по волѣ императора Александра I (наивный плеоназмъ!), который пожаловалъ его главнымъ начальникомъ надъ оными, и ссылается въ этомъ на „Московскія Вѣдомости“ 1826 года, № 3. Какъ могло случиться, что о назначеніи семь опубликовано только послѣ кончины императора (19-го ноября 1825 г.), и когда-же? въ январѣ 1826 года, среди тогдашней тревоги и въ томъ положеніи, въ которомъ находился гр. Аракчеевъ при новомъ государѣ. Развѣ не изъ увольнительнаго-ли рескрипта это взято? Странный образъ справокъ объ лицахъ историческихъ. Надобно-бы удостовѣриться. Вообще біографія слаба, безцвѣтна и не даетъ понятія о человѣкѣ, почти четверть вѣка имѣвшемъ такое вліяніе на дѣла государства и умъ государя, особенно въ послѣдніе годы этого царствованія. Мало или вовсе нѣтъ любопытныхъ част-

ностей. Статья въ „Энциклопедическомъ лексиконѣ“ Плюшара, помнится, была лучше. Многие изъ иностранныхъ біографій даже полнѣе, напр. а) въ біографіи Мишо. в) „Memoires d'un maitre d'armes par Dumas“ (Grisier, бывший учитель фехтованія въ Петербургѣ, диктовалъ ему). Есть, если не ошибаюсь, у Ancho, Дюпре-де-Сенъ-Моръ и Дарленкура. Шницлеръ, въ послѣднемъ сочиненіи („Histoire intime de la Russie“, 1847 г.) говоритъ довольно о немъ, равно и Тургеневъ, Николай Ивановичъ, („La Russie et les Russes“, 1847 г.) тоже упоминаетъ. Также есть, кажется, и у Головина въ его памфлетѣ („La Russie sous l'Empereur Nicolas I“).

Замѣчательнъ анекдотъ, рисующій человѣка и время, рассказанный мнѣ о гр. Аракчеевѣ бывшимъ моимъ начальникомъ Андреемъ Михайловичемъ Фадѣевымъ (отцомъ Ев. Андр. Ганъ, извѣстной нашей писательницы подъ псевдонимомъ Зинаиды Р***вой). Однажды, будто, гр. Аракчеевъ назвался на бостонъ къ князю Петру Васильевичу Лопухину, предсѣдателю государственнаго совѣта, и пріѣхалъ поздно, когда уже всѣ стѣхались и ждали его. Извинившись передъ хозяиномъ дѣлами, его задержавшими, гр. представилъ ему привезеннаго имъ какого-то чиновника, жалкую и уродливую фигуру, которую онъ величалъ по имени и отчеству. Можно себѣ представить положеніе хозяина, гостей и особенно гостя. Аракчеевъ, посидѣвъ нѣсколько и недоигравъ пульки, просилъ позволенія уѣхать, а карты передать его protégé. Не спорилъ никто. Пульку доиграли благополучно и даже, говорить, обласкали пріѣзжаго чрезвычайно и нашлись такіе, которые предлагали ему довести его до дома. Вотъ что былъ гр. Аракчеевъ и вотъ какова была въ его время наша аристократія. Не знаю, далеко-ли ушли мы и теперь въ этомъ отношеніи?

О поселеніяхъ много говоритъ Мармонъ, герцогъ Рагузскій, въ сочиненіи своемъ: „Voyage dans la Russie méridionale“, 1838 г., написанномъ послѣ вознесенскаго смотра въ октябрѣ 1837 г.

Любопытно извѣстіе, сообщенное французскими журналами авг устѣ 1847 г.) и пропущенное цензурою, о назначеніи французскимъ правительствомъ комиссіи для обозрѣнія военныхъ поселеній у насъ и въ Австріи. Воображаю, какъ они много

увидать и узнать. Имъ нужно-бы передать анекдотъ, ходившій по Руси, что при обзорѣннн императоромъ Александромъ I новгородскихъ военныхъ поселеній, желая убѣдить его въ благосостояніи и благоденствіи поселянъ и солдатъ, вездѣ показывали стоявшіе самовары и жаренаго поросенка на столѣ, гдѣ приготовлена была хлѣбъ-соль. Нарышкинъ, Александръ Львовичъ, сопутствовавшій государю, замѣтивъ, что переносили изъ дома въ домъ самоваръ и поросенка, отрѣзалъ у послѣдняго ухо и, когда, не замѣтивъ того, перенесли еще разъ, то онъ, наклонясь къ Аракчееву, сказалъ ему на ухо: „Это старый нашъ знакомый“, и показалъ ухо поросенка, бывшее у него въ рукѣ. Можно вообразить конфузъ временщика. Къ несчастію, наши Трубулеты думали всегда больше о самихъ себѣ, нежели о другихъ, которымъ они могли-бы быть полезны и даже спасительны, имѣя право и случай говорить истину шутя и улыбаясь.

Какая судьба ждетъ военныя поселенія? Чтò скажутъ потомки объ Аракчеевѣ и какова-то будетъ исторія императора Александра, которую будутъ читать наши правнуки? Она обезсмѣритъ имя Аракчеева, который, во всякомъ случаѣ, остаѣтся и теперь одною изъ замѣчательныхъ и сильныхъ личностей нашей исторіи.

Барилла-де-Голли.

Бантышъ-Каменскій, помѣщая біографію сего полководца (т. I, стр. 88—157) и передавая намъ о несправедливомъ и преступномъ его преслѣдованіи общественнымъ мнѣніемъ въ Отечественную войну 1812 года, не считаетъ нужнымъ упомянуть о стихотвореніи А. С. Пушкина, появившемся хотя поздно, но тѣмъ не менѣе заключавшемъ сознаніе отъ лица всей Россіи во временномъ ея предубѣжденіи. Я подробно говорилъ объ этомъ стихотвореніи „Полководецъ“ въ моихъ „замѣткахъ для будущихъ издателей Пушкина“, помѣщенныхъ въ видѣ писемъ къ Серг. Дмитр. Полторацкому въ „Отечественныхъ Запискахъ“, 1846 г., июнь, отд. Смѣсь.

Михаилъ Ѳедоровичъ Орловъ.

Мы жалуемся часто на пристрастіе и невѣжество иностранныхъ писателей во многомъ, касающемся Россіи и русскихъ. Жалобы эти частію основательны, такъ я, напр., приведенъ былъ въ досаду грубыми промахами г. Капефига въ новой его книгѣ: „Les hommes d'Etat de l'Europe“ ¹⁾, которую я прочелъ на другой день ея появленія въ Парижѣ, купивъ ее у Амюта (Rue de la paix, № 4). Между прочимъ, въ біографіи Орлова, графа Алексѣя Ѳедоровича, шефа жандармовъ, командующаго императорскою квартирою и начальствующаго надъ III отдѣленіемъ собственной Е. В. канцеляріи, г. Капефигъ принимаетъ его за брата его Михаила Ѳедоровича, бывшаго въ 1814 году флигель-адъютантомъ, и относить къ нему дѣйствія сего послѣдняго въ отношеніи переговоровъ о капитуляціи Парижа. Ошибка важная со стороны историка, которому, вѣроятно, открыты были все архивы и документы. Но все еще можно извинить иностранца, для котораго довольно иногда созвучія именъ, чтобы вовлечься въ промахъ. Что-же скажемъ о писателѣ, который, подобно Бантышу-Каменскому, составляя словарь достопамятныхъ людей земли русской, принимаетъ одно лицо за другое и приписываетъ такіа дѣйствія одному, которыя принадлежатъ другому. Событія 1825 года и донесеніе слѣдственной комиссіи (мартъ 1826 г.) о тайныхъ обществахъ въ Россіи сдѣлали навсегда имя Михаила Ѳедоровича Орлова если не историческимъ, то извѣстнымъ въ Россіи и Европѣ. Можно было знать, что онъ былъ дѣйствующимъ лицомъ при капитуляціи Парижа (мартъ 1814 г.), ибо онъ подробно описалъ самъ это событіе, въ статьѣ „Капитуляція Парижа“, напечатанной въ „Утренней Зарѣ“, альманахѣ, кажется, на 1842 годъ изданномъ. Слѣдовательно, ошибки избѣгать было легко, особенно для Бантыша-Каменскаго, жившаго долго въ Москвѣ, вѣроятно, лично знавшаго М. Θ. Орлова или по слухамъ. Я встрѣчалъ Михаила Ѳедоровича въ 1827—1829 годахъ у кн. Ник. Григорьев. Вяземскаго въ Калугѣ, во время его заточенія въ Масальской деревнѣ С. Милютина, извѣст-

¹⁾ Государственные люди Европы.

ной по стеклянно-фарфоровому заводу. Его сочиненіе о „Государственномъ кредитѣ“, появившееся въ 1833 году, было переведено на французскій языкъ пріятелемъ его и нашимъ общимъ знакомымъ, Семеномъ Семеновичемъ Хлюстинымъ, но вслѣдствіе возникшихъ между ними неудовольствій сожжено въ рукописи. Михаилъ Ѳедоровичъ женатъ былъ на дочери Ник. Ник. Раевского, извѣстнаго столько въ отечественной войнѣ, Екатерины Николаевны, и имѣлъ отъ нея дѣтей, изъ которыхъ дочь вышла замужъ за князя Яшвиля, лейбъ-гусарскаго штабъ-офицера, извѣстнаго по дуэли его съ ? ¹⁾. М. Ѳ. Орловъ скончался въ Москвѣ, въ мартѣ ²⁾ 1844 года, отъ разлитія черной желчи. Въ послѣднее время онъ получилъ дозволеніе пріѣхать въ Петербургъ, недоступный ему со времени событій 14-го декабря 1825 года.

Ѳедоръ Алексѣевичъ Басмановъ.

Въ биографіи Басманова, Ѳедора Алексѣевича (т. I, стр. 105) замѣчательно сказаніе князя Курбскаго, называющаго сего любимца Іоанна Грознаго любовникомъ Іоанна. Это новое дополненіе ко всему прекрасному, описанному объ этомъ царѣ историкомъ Карамзинымъ, назвавшимъ открыто и печатно самодержца тираномъ, что не могло не поразить умы, какъ замѣтилъ въ своемъ извѣстномъ письменномъ объясненіи полковникъ баронъ (Влад. Ив.) Штейнгель, замѣшанный въ дѣло 14-го декабря 1825 г., поданномъ имъ государю, во время слѣдствія и суда надъ заговорщиками, и въ которомъ онъ выказывалъ начало и постепенное созрѣваніе заговора.

¹⁾ Пропускъ въ подлинникѣ.

²⁾ 19-е марта—день взятія Парижа. Странный случай.

Авт

Александръ Андреевичъ Беклешовъ.

Въ біографіи генераль-прокурора Беклешова, Александра Андреевича, (т. I, стр. 170—177), любопытно извѣстіе о собраніи сената въ Гатчинѣ, въ октябрѣ 1799 года, по повелѣнію императора Павла. Изъ него видно, что императоръ и наслѣдникъ были въ засѣданіи общаго собранія, гдѣ разсматривался проектъ объ учрежденіи запасныхъ магазиновъ въ Россіи (доселѣ, 1847 г., неприведенный въ исполненіе, какъ всѣмъ намъ извѣстно), и что государь оставилъ сенаторовъ на недѣлю въ Гатчинѣ погостить, прибавя, что „хозяйнѣ постарается, чтобы они, среди занятій, провели время пріятно“. Наслѣдникъ съ того дня продолжалъ присутствовать въ общемъ собраніи. Замѣчательно также, что во время генераль-прокуратуры Беклешова, при императорѣ Александрѣ, возвратившемъ ему эту должность, послѣдовали указы 2-го апрѣля 1801 года о возстановленіи жалованной грамоты дворянству и городского положенія, съ отмѣною всѣхъ противныхъ распоряженій; уничтожена тайная экспедиція, уничтожены 8-го апрѣля висѣлицы, поставленныя въ городахъ на публичныхъ мѣстахъ (я не зналъ этого факта нашей исторіи. Много-ли мы знаемъ ее?) и 27-го сентября запрещено чинить пытки. Вотъ какъ начиналось царствованіе, такъ печально окончившееся!

Гр. Юрій Юрьевичъ Броунъ.

Въ біографіи Броуна, графа Юрія Юрьевича, генераль-аншефа и намѣстника Риги и Ревеля (т. I, стр. 177—180), Баятышъ-Каменскій говоритъ, неизвѣстно на чемъ основываясь, что будто-бы „императрица Екатерина II, зная горячій нравъ сего генерала, не иначе принимала его какъ при свидѣтелѣ“. Что-то невѣроятно. Едва-ли потерпѣли-бы его, или уже принимали-бы лучше безъ свидѣтелей, опасаясь компрометировать свое достоинство. Да и странно было-бы снисхожденіе въ человѣку, который все-таки былъ не Потемкинъ и не Суворовъ. Броунъ былъ зятемъ знаменитаго фельдмаршала Ласси.

Фельдмаршалъ Витгенштейнъ.

Въ биографіи Витгенштейна (т. I, стр. 210—285) Бятышъ-Каменскій не могъ помѣстить или, можетъ статья, не зналъ, что по прибытіи въ Петербургъ, по кончинѣ фельдмаршала, супруги его Антуанеты Станиславовны, рожденной Снарской, статсъ-и кавалерственной дамы, петербургскіе гостинодворцы не хотѣли взять съ нея денегъ за купленные товары, говоря, что обязаны всѣмъ имуществомъ и богатствами спасителю Петрограда. Между тѣмъ, до сего времени не воздвигнуто ему памятника ни въ Петербургѣ, ни на поляхъ Полоцка и Клястицъ (имѣніе друга моего Сергѣя Павловича Убри, племянника извѣстнаго нашего дипломата Петра Яковлевича Убри, подписавшаго знаменитый договоръ съ Франціею въ 1805 году и нынѣ, 1847 г., состоящаго нашимъ министромъ-посланникомъ при германскомъ союзѣ). Вотъ какое имѣли вліяніе на судьбу фельдмаршала событія 1825 и 1826 гг., начало конхъ и корень едва-ли не крылись во второй арміи, Витгенштейну подчиненной.

Графъ Павелъ Дмитриевичъ Киселевъ.

П. Д. Киселевъ, нынѣ (1847—1848 гг.) графъ и министръ государственныхъ имуществъ, бывшій при Витгенштейнѣ начальникомъ штаба, умѣлъ отдѣлаться, несмотря на то, что былъ, какъ говорятъ, *gravement compromis* ¹⁾. Любопытны письма государя къ Витгенштейну, въ ночь съ 14-го на 15-е декабря 1825 г., и къ нему-же, оправдательное, отъ Киселева. Последнее исполнено грубыхъ ошибокъ противъ русскаго языка, не давшагося министру, какъ я убѣдился многократно, служа по министерству государственныхъ имуществъ въ Саратовской губерніи и читая его собственноручныя письма и предписанія. Напр., онъ пишетъ всюду и вездѣ „постаратца“. Въ прежнія времена во Франціи это считалось вѣрнымъ признакомъ аристократическаго воспитанія. Если судить по письмамъ нашихъ

¹⁾ Серьезно скомпрометированъ.

многихъ государственныхъ людей, то можно принять ихъ за аристократовъ, въ чемъ они, однако, никто не грѣшны. Графа Киселева многіе изъ иностранныхъ писателей и русскихъ, пишущихъ за-границею (Курбскихъ нашего времени!), провозглашаютъ однимъ изъ просвѣщенныхъ государственныхъ людей и начальникомъ либеральной партіи, желающей освобожденія крестьянъ (эмансипаціи). Я могъ только оцѣнить его по распоряженіямъ министерства государственныхъ имуществъ, которыхъ былъ свидѣтелемъ и частью исполнителемъ. Едва-ли когда и кто отличался такою поспѣшностью, неосмотрительностью и опрометчивостью, какъ это министерство, образовавшееся въ 1837—1839 годахъ. Все хотѣли передѣлать въ годъ, надѣлали глупостей, устали, запыхались и остановились. Теперь (1847 г.) вертятся въ безвыходномъ кругу. Одною мѣрою о разведеніи картофеля (въ августѣ 1840 г.) едва не взбунтовали всего юго-восточнаго края. Бунты въ Саратовской и Пермской губерніяхъ, въ 1841 г. возникшіе, усмирять должны были военною силою, и въ послѣдней доходило до картечи и крови. Видя какъ принята была крестьянами мѣра эта, поспѣшили отмѣнить ее и написали въ 1843 году, кажется, высочайшій указъ, что посѣвъ картофеля достигъ до опредѣленной правительствомъ цифры, и что уже усиленное разведеніе его не нужно болѣе. Явная уступка грубой силѣ народа и уступка опасная. Къ довершенію противорѣчія самимъ себѣ, несмотря на высочайшее повелѣніе, послѣдовавшее въ маѣ 1841 года, по Саратовской губерніи о строгомъ наказаніи виновныхъ, отдачѣ годныхъ ослушниковъ въ солдаты, а не способныхъ ссылкѣ на опредѣленное время въ Бобруйскъ, тотъ-же министръ, по докладу котораго состоялось это повелѣніе, когда дѣла поступили въ сенатъ, счелъ себя въ правѣ ходатайствовать о смягченіи участи бунтовщиковъ и обвиненіи мѣстной власти чиновниковъ, виновныхъ въ точномъ и излишне усердномъ исполненіи предписаній министерства. По настоянію Киселева, дѣла были внесены въ государственный совѣтъ, и окончены, кажется, ничѣмъ. *Beaucoup de bruit pour rien* ¹⁾. Урокъ для чиновниковъ и для крестьянъ на будущее время.

¹⁾ Много шуму изъ ничего.

Забавно также было участіе въ этомъ дѣлѣ бывшаго тогда (іюнь 1841 г.) министромъ внутреннихъ дѣлъ графа Александра Григорьевича Строгонова, который, видя изъ донесеній, что слѣдственному дѣлу о бунтовавшихъ крестьянахъ былъ данъ обыкновенный ходъ, а не военно-судный, ибо не были они взяты, какъ гласитъ Сводъ Законовъ, бунтовавшими вооруженною рукою, писалъ губернатору въ гнѣвномъ и ироническомъ духѣ, что „дѣло это могло и должно было кончено быть въ 24 часа (допросить слѣдовало около 600 человѣкъ!!), но что, конечно, можно длить его мѣсяцы и годы!“ Какова логика? Вотъ наши министры, образованные по-европейски и проживающіе состояніе въ Парижѣ! Пишу не слухи, а факты, которые можно найти и видѣть.

Обращаюсь къ гр. Киселеву и замѣчу, что до сихъ поръ мы не видимъ ничего, чтобы доказывало его пылкое и непосредственное участіе въ дѣлѣ эмансипаціи, которое остановилось пока въ раздумьѣ. Слышно, что онъ горячится насчетъ этого въ государственномъ совѣтѣ, гдѣ консервативная партія, во главѣ коей былъ, какъ слышно, покойный князь Иларіонъ Васильевичъ Васильчиковъ, называетъ его *boute-feu*, бездомовникомъ, нагншемъ. Извѣстно, что у гр. Киселева мало или вовсе нѣтъ собственной недвижимой населенной собственности. Этотъ упрекъ могъ-бы обратиться въ славу гр. Киселева, какъ упрекъ въ бѣдности, дѣланный нѣкогда Мирабо передъ 4-мъ августа. но, повторяю, что мѣры его по министерству государственныхъ имуществъ мало даютъ надежды намъ на его послѣдовательное и разумное участіе въ столь важномъ и рѣшительномъ государственномъ и общественномъ переворотѣ. Намѣренія его могутъ быть благи и чисты, но приведеніе ихъ въ исполненіе отличается опрометчивостью, противорѣчіемъ, насиліемъ и трусостью, когда доходитъ дѣло до послѣднихъ послѣдствій. Плохая надежда! Онъ выдастъ сперва правительство черни, а потомъ выдастъ народъ на пропятіе невѣжественнаго помѣщичества и алчной, такъ-называемой, аристократіи. О немъ лучше всего повторить слова, произнесенныя будто-бы государемъ на орловскихъ маневрахъ въ 1834 году:

— „Вы, генераль, слишкомъ замолдаванились!“ Рѣзко и вѣрно. Именно въ немъ, въ Киселевѣ, всѣ элементы паши: кромѣ

корыстолюбіи — лѣнь, чувственность и склонность къ самовластию и самоуправству. Со всѣми чиновниками, даже тайными совѣтниками, на ты, забывая, что этотъ тонъ могъ идти къ вельможамъ екатерининскихъ временъ, а не къ нему, — нѣкогда гулякъ-дуэлисту, полу-либералу и полу-сатрапу. И этого чело-вѣка хотятъ поставить во главѣ партіи, желающей освобож-денія крестьянъ, желающей блага, чести и счастья своему отечеству!

Князь Михаилъ Илларионовичъ Кутузовъ-Смоленскій.

Биографія князя Кутузова-Смоленскаго, Михаила Илла-рионовича, фельдмаршала. (Т. I, стр. 294—409.)

На стр. 298 нахожу свѣдѣніе, что кн. Кутузовъ получилъ знаменитую рану въ лѣвый високъ пулею, которая вылетѣла близь праваго глаза, во время турецкой войны 1774 года, при овладѣніи Перекопскими укрѣпленіями при Шумнѣ. Между тѣмъ, во время моего путешествія по Крыму, ¹⁾ я видѣлъ памятникъ, поставленный по распоряженію гр. М. С. Воронцова (нынѣ, 1847 г., князя и намѣстника кавказскаго) на горной, новой дорогѣ изъ Симферополя въ Алушту, чрезъ хребетъ Яйлу, близь Таушанъ-Базарской станціи. Памятникъ въ видѣ фонтана изъ гранита. Изъ него струится вода и надпись говоритъ: „На семъ мѣстѣ ген.-маіоръ Кутузовъ, въпослѣдствіи князь Смо-ленскій и фельдмаршалъ, раненъ пулею въ високъ“ и пр.

Какъ согласить подобныя противорѣчія? Во-первыхъ, Пере-копскія укрѣпленія и Шумна находятся совершенно въ проти-воположной сторонѣ Крымскаго полуострова и въ разстояніи, по крайней мѣрѣ, 120 верстъ; во-вторыхъ, по словамъ Бантыша-Каменскаго, руководствовавшагося Бутурлинымъ и Михайлов-скимъ-Данилевскимъ (стр. 297), Кутузовъ награжденъ чиномъ подполковника 8-го декабря 1771 года, т. е. за три года до раны, полковникомъ въ 1777, бригадиромъ въ 1782, и въ 1784 году только, т. е. 10-ть лѣтъ послѣ раны, произведенъ въ генераль-маіоры (стр. 298). Повторяю, какъ-же согласить все это? Неу-жели гр. Воронцовъ, служившій подъ начальствомъ Кутузова

¹⁾ Въ 1844 году, лѣтомъ.

какъ видно изъ той-же біографіи; могъ впасть въ такую грубую ошибку? Повойный Н. А. Полевой, съ которымъ я имѣлъ разговоръ на этотъ счетъ въ 1844 году, былъ на сторонѣ тѣхъ, которые утверждали, что рана получена Кутузовымъ при Перекопѣ, и дополнялъ еще тѣмъ, что нивогда и не было военныхъ дѣйствій вблизи южнаго берега Крыма, гдѣ поставленъ, какъ сказалъ я, памятникъ Кутузову. Другую подобную рану, вошедшую въ щеку и вышедшую въ затылокъ, Кутузовъ получилъ подъ Очаковымъ въ 1788 году, уже въ чинѣ ген.-маіора (стр. 299). Вотъ какъ трудно добиваться истины въ исторіи и вотъ какъ осторожно должно поступать, сооружая памятники, чтобы не насмѣшить потомства и людей знающихъ.

У насъ, съ нѣкотораго времени, страсть сооружать памятники (хотя мы въ томъ-же винимъ Европу), но мало изъ нихъ, которые могли-бы выдержать критику искусства и борьбу времени. Всѣ они и уродливы и не прочны (къ счастью искусства). Я знаю доселѣ одинъ памятникъ Петру I въ Петербургѣ: есть мысль, есть изящество и есть прочность. Что такое, напримѣръ, памятникъ Суворову на Царицыномъ лугу; Румянцеву близъ академіи; Александровская колонна съ ея пляшущимъ ангеломъ и уродливымъ пьедесталомъ? Что такое памятники въ Тарутинѣ и Бородинѣ, осыпающіеся, разваливающіеся, облѣзшіе, особенно послѣдній, съ его мистическими надписями? Что такое памятникъ въ Полтавѣ, т. е. самомъ городѣ, а не въ полѣ, называемый шведскою могилою, который простъ и умилителенъ? Чтобы создать истинно великій и художественный памятникъ, надобно, во-первыхъ, глубокое сочувствіе народное, которое одно можетъ истинно вдохновить художника, а потомъ развитіе пластическое въ людяхъ, которые разсматриваютъ и апробуютъ планы. Воображаю что такое будетъ памятникъ Крылову.... (писано въ 1847 г.).

На стр. 307 Бятышъ-Каменскій говоритъ, что „Кутузову поручено было въ 1796 году встрѣтить на границѣ молодаго короля шведскаго, находится при немъ во время пребыванія въ Петербургѣ и проводить обратно до границы“. Покуда все хорошо. Но вотъ, внезапно, послѣ извѣстія, что Кутузовъ провелъ послѣдній вечеръ съ императрицею (т. е. 5-го ноября) и пр., и пр., мы читаемъ слѣдующее на стр. 308-й: „Вслѣдъ затѣмъ

(т. е. въ іюнѣ или іюлѣ 1800 года) было поручено Кутузову сопровождать короля шведскаго въ обратномъ путешествіи изъ Россіи, и на этотъ разъ надлежало имѣть болѣе тонкости, нежели въ первый, ибо императоръ явнымъ (?) образомъ изъяснилъ негодованіе противъ Густава Адольфа. Кутузовъ и съ Павломъ I-мъ, какъ съ Екатериною, провелъ послѣдній вечеръ его жизни... и пр. и пр. Какъ все понять это? Бантышъ-Каменскій ни слова не говоритъ о вторичномъ прибытіи шведскаго короля (въ чемъ я готовъ усомниться: король сватался за великую княгиню Александру Павловну и ему было отказано, по причинѣ невозможности измѣнить вѣру; стало быть, трудно ему было явиться при нашемъ дворѣ), а только пишетъ, что Кутузову поручено было сопровождать короля въ обратномъ путешествіи... Можно подумать, что король оставался въ Петербургѣ съ 1796 по 1800 годъ, т. е. прибылъ при Екатеринѣ, а уѣхалъ при Павлѣ. Вотъ куда ведутъ неясность и недомолвки въ исторіи. Надо было сказать, если то было, что король пріѣзжалъ вторично, тогда и дѣло было-бы ясное. Явно хотѣлось-бы Бантышу-Каменскому распространиться о послѣднихъ вечерахъ, проведенныхъ Кутузовымъ, да какъ говорится — охота смертная, да участь горькая! Меня и такъ удивляетъ снисходительность цензуры, пропустившей подобную фразу: „Суворовъ, Прозоровскій удалены императоромъ Павломъ I въ деревни; Репнинъ, Каменскій, Гудовичъ отставлены, но Кутузовъ умѣлъ удержаться...“ (стр. 307). Полагаю, что Бантышъ-Каменскій перепечаталъ это изъ Михайловскаго-Данилевскаго, у котораго есть безответственный... цензоръ.

Стр. 361. „Здѣсь, т. е. при Тарутинѣ, произнесъ князь Кутузовъ достопамятныя слова: „теперь ни шагу назадъ!“ Бантышъ-Каменскій, приводя эти слова, не считаетъ нужнымъ входить въ объясненія и замѣчанія, что, послѣ сраженія подъ Малымъ Ярославцемъ, тотъ-же князь Кутузовъ приказалъ ночью, съ 12 на 13 число октября 1812 г., войскамъ, бывшимъ въ томъ дѣлѣ, отступить“ (стр. 369). Итакъ, оказывается, что отступление было и, слѣдовательно, слова вовсе не достопамятны, кромѣ развѣ ихъ непослѣдовательности и самоувѣренности. Это отступление подало поводъ французскимъ историкамъ утверждать, что при Маломъ Ярославцѣ мы проиграли сраженіе.

Правда, что и они отступили тоже. Въ 1845 году открытъ при этомъ городѣ памятникъ, и замѣчательно, что отерывалъ его управлявшій губерніею Калужскою, вице-губернаторъ, коллежскій совѣтникъ и камеръ-юнкеръ, Александръ Николаевичъ Хитрово, внукъ свѣтлѣйшаго Смоленскаго (сынъ дочери его, Анны Михайловны Хитрово, бывшей въ замужествѣ за ген.-маіоромъ Николаемъ Захарьевичемъ, братомъ государственнаго контролера, Алексѣя Захаревича Хитрово),—странное сближеніе.

Семенъ Яковлевичъ Храповицкій.

На стр. 362—363 Бантышъ-Каменскій упоминаетъ о Семѣ Яковлевичѣ Храповицкомъ, уѣздномъ предводителѣ города Юхнова (развѣ дворянства?), сформировавшемъ отрядъ изъ 2000 человекъ для истребленія французовъ и къ которому князь Кутузовъ писалъ будто-бы: „Вы дѣлаете честь російскому дворянству“, а императоръ пожаловалъ ему орденъ Св. Анны съ алмазными украшеніями... Извѣстны-ли г. біографу подробности воинственныхъ дѣйствій Храповицкаго? Говорили, что они были ужасны и отзывались варварствомъ. Отмщая французамъ за ограбленіе въ могилѣ умершей, незадолго предъ тѣмъ, жены своей, Храповицкій велѣлъ, будто, выкопать могилу и зарыть въ ней заживо нѣсколькихъ французовъ. Вотъ хорошъ былъ патріотизмъ, если это правда! Извѣстно было также, что во время выборовъ калужскаго дворянства, на которые Храповицкій явился какъ помѣщикъ сей губерніи, онъ былъ встрѣченъ вопросомъ Ник. Иван. Туттолмина, отставнаго адмирала или д. тайн. сов., что-то вродѣ этого, о томъ: „правда-ли то, что всѣ рассказываютъ о его подвигахъ противъ французовъ?“ Получивъ утвердительный отвѣтъ Храповицкаго, Туттолминъ отвратился отъ него и сталъ ходить по залѣ, повторяя: „какъ здѣсь пахнетъ кровью, человѣчьимъ мясомъ пахнетъ здѣсь“, и продолжалъ ходить около Храповицкаго. Всѣ, говорятъ, пришли въ ужасъ отъ словъ старца, и зарыватель долженъ былъ удалиться изъ залы. Я готовъ вѣрить... Чего не случится съ нашею славностью повоевать порядкомъ.

Храповицкій оставилъ сыновей Іоасона и Ивана. Одинъ

былъ вице-губернаторомъ въ Смоленскѣ, а другой—губернаторомъ тамъ-же и въ Москвѣ, кажется, и въ Петербургѣ.

Денисъ Васильевичъ Давыдовъ.

На стр. 363 Бантышъ-Каменскій, въ примѣчаніи о партизанѣ Давыдовѣ, Денисѣ Васильевичѣ, говоритъ: „Къ сожалѣнію, смерть преждевременно похитила его въ 1839 году“. О комъ, умирающемъ прежде ста лѣтъ, нельзя сказать того-же? Пошлая фраза, phrase banale, oiseuse ¹⁾). Кто назначилъ предѣлъ, когда мы должны умирать не преждевременно? Для литературной славы и извѣстности многіе умираютъ во-время. Давыдовъ не имѣлъ этого счастья, ибо его „Современная пѣсня“ отрыта послѣ его смерти и тиснута въ альманахѣ „Утренняя Заря“. Несмотря на благонамѣренность ея, пѣсня эта страхъ пошлая и обнаруживаетъ крайнюю въ авторѣ необразованность, зачерствѣлость и близоручность. Неужели, по мнѣнію его, лучше дворяне стараго и нашего (1847 г.) времени, пьянствующие, буйствующие, гонящіеся за зайцами и бабами, нежели дворяне, хотя и ошибочно воспитанные и ложно направленные, но все-таки пообтертые и поотесанные? Такое сочувствіе къ степному помѣщичеству понятно, впрочемъ, въ Давыдовѣ, заржавѣвшемъ въ своей Хвалынской деревнѣ. Онъ кончилъ какъ началъ—попивая. Юноша-гусарь, чувственный писака, сдѣлался хозяиномъ-питухомъ. Перерожденіе куколки въ бабочку — очень естественно. Жалѣть о смерти подобныхъ людей—много горя будетъ.

На стр. 367-й поразило меня выраженіе: „фельдмаршалъ залипалъ отъ слезъ“.

Тамъ-же: „Наполеонъ намѣревался слѣва обойти лагерь тарутинскій и достигнуть Калуги“. Какъ слѣва? развѣ справа? Малый Ярославецъ лежитъ правѣ Тарутина, также и Боровскъ, чрезъ которые онъ шелъ къ Калугѣ.

Стр. 405. Бантышъ-Каменскій называетъ Кутузова „градодержателемъ“. Что это за вычурное, замысловатое выраженіе. Думаю, и не снилось словарю академическому. На эктеніяхъ мы слышимъ только: „градоначальниковъ, военачальниковъ“ и пр.

¹⁾ Праздная фраза.

Николай Захаровичъ Хитрово.

Въ заключеніе біографіи князя Мих. Ил. Кутузова-Смоленскаго кстати будетъ замѣтить, что я зналъ и знаю многихъ изъ его потомковъ, отъ дочерей происшедшихъ. Дочь его Анна Михайловна ¹⁾ была въ замужествѣ, какъ я сказалъ уже, за генераль-маіоромъ Ник. Захар. Хитрово; другая дочь, Елисавета Михайловна, была тоже во второмъ бракѣ за ген.-маіор. Николаемъ Ѳедоровичемъ Хитрово. Исторія его замѣчательна: состоя предъ начатіемъ Отечественной войны при особѣ государя (въ свитѣ, кажется, или флигель-адъютантомъ), былъ внезапно удаленъ изъ Петербурга въ Вятку, гдѣ пробылъ около года. Носились слухи, что имъ передана была французскому послу Коленкуру не даромъ — а я думаю скорѣе изъ болтливости, къ чему онъ былъ склоненъ — важную тайну, до приготовления войны 1812 года касавшуюся. Въ началѣ 1812 года онъ, по просьбѣ его, былъ переведенъ въ Калужскую губернію и поселился, подъ надзоромъ полиціи, въ своей деревнѣ Истоминѣ (Ильинское тожъ), въ 7-ми верстахъ отъ уѣзднаго города Тарусы находящейся. Семейство было съ нимъ и толпа иностранныхъ гувернеровъ, гувернантокъ и проч. Надзоръ велѣно было имѣть за нимъ строгій, распечатывать письма и доносить кто бывалъ у него. Обязанность столь тяжелая лежала на отцѣ моемъ, бывшемъ въ то время земскимъ исправникомъ по выбору дворянства. Она была даже не безопасна, когда, съ приближеніемъ непріятеля, Калужская губернія объявлена была на военномъ положеніи. Непонятно, какъ могли оставить Хитрово въ этой деревнѣ. Онъ не унывалъ, радостно слышалъ объ успѣхахъ Наполеона, выкинулъ флагъ съ его именемъ. Отецъ мой, видѣвшій, что все это происходило скорѣе отъ легкомыслія, нежели отъ злонамѣренія, умолялъ его не губить себя и его, и только этимъ могъ укрощать его безумство. Ясно, что въ тогдашнее время это вело или къ бунту отъ крестьянъ или къ разстрѣ-

¹⁾ Извѣстный музыкантъ и пѣвецъ Ѳеодилъ Матвѣевичъ Толстой, родной племянникъ ея, сынъ сестры Прасковьи Михайловны Толстой. Братъ его, Иванъ Матвѣевичъ, отвѣчалъ печатно Тьеру на его рассказы о Кутузовѣ въ VI т. „Исторіи консульства и имперіи“. Отвѣтъ этотъ былъ напечатанъ.

лянію по военному положенію. Вѣроятно, имя Кутузова много вѣсило въ рѣшеніяхъ и мѣрахъ правительства о Хитрово. При взятіи обратно Смоленска, Кутузовъ вмѣстѣ съ титуломъ получилъ и извѣстіе о прощеніи зятя, чего, говорятъ, впрочемъ, не добивался и не просилъ. Впрочемъ, Хитрово, несмотря на эту наружную милость, оставался на замѣчаніи у правительства и жилъ въ деревнѣ Тарусской до 1822 года. Чтобы загладить свои дѣла, онъ выстроилъ и устроилъ на свой счетъ тарусское уѣздное училище и былъ ревностнымъ членомъ-корреспондентомъ Библейскаго Общества, игравшаго тогда такую роль. Жили они открыто, шумно, по-европейски. Въ 1817 году посѣтила ихъ мать Анны Михайловны, вдовствующая супруга свѣтлѣйшаго Кутузова, княгиня Екатерина Ильинична (урожденная Бибилова, сестра знаменитаго Александра Ильича, усмиравшаго пугачевскій бунтъ). Приѣмъ ей сдѣланъ былъ въ Тарусѣ, чрезъ которую она проѣзжала, истинно царскій. Звонили въ колокола, духовенство въ облаченіи ждало у входа церкви съ крестами; народъ выпрягъ лошадей и везъ на себѣ карету. Вотъ какова была еще тогда народность Кутузова... а теперь?

Хитровы жили дурно въ супружествѣ, и предавались каждый съ своей стороны интригамъ. Онъ былъ избираемъ тарусскимъ уѣзднымъ предводителемъ, но не могъ достигнуть избранія въ губернскіе предводители, и это его огорчило до того, что онъ бросилъ деревню и переѣхалъ въ Москву, гдѣ и умеръ въ январѣ 1826 года. Погребенъ въ Лютиковскомъ Перемышльскомъ монастырѣ, Калужской губерніи, подлѣ своихъ предковъ.

Онъ написалъ двѣ брошюры: одну о „Перемышльскомъ Лютиковскомъ монастырѣ“, какъ-бы предчувствуя, что тамъ уляжется на покой, и еще какую-то духовную: „Наставленіе въ какіе дни читать Св. Писаніе“. Послѣ него осталось трое сыновей: Михайлъ, Александръ и Федоръ. Двое первые живы (1847 г.), и Александръ Николаевичъ служить въ Смоленскѣ вице-губернаторомъ, переведенъ былъ съ такого-же мѣста изъ Калуги. Имъ не дались карьеры и почести. Много виноваты сами.

Анна Михайловна, привыкши къ роскоши, разстроила дѣла и кончила дни свои въ крайности въ 1846 году. Похоронена въ Сергіевской пустыни, близъ Петербурга. Она получала часть

отцовской пенсіи, но какъ почти всю ее останавливали за долги, то она обращалась, говорить, къ иностраннымъ посламъ, прося о пособіи дочери избавителя Европы. Это, говорить, очень разгнѣвало государя, и ее едва не выслали изъ Петербурга. Анна Михайловна была дурной наружности, но отлично воспитана, умна и мила. Умерла въ ханжествѣ, какъ всегда бываетъ послѣ мятежной жизни. Я много зналъ ее, еще съ дѣтства, и любилъ. Она была крестною матерью одной изъ моихъ сестеръ, но при всемъ желаніи не могла быть ни въ чемъ ей полезнаю. Какъ сквозь сонъ, вспоминаю о жизни ихъ въ Тарусской деревнѣ Истоминѣ, балахъ, маскарاداхъ и *Mât de Cosagne*, бывавшей на дворѣ въ праздники. Образъ жизни ихъ и журналы, ими получаемые, много дѣйствовали на уѣздное дворянство и чиновниковъ. Услуга не маловажная.

Николай Алексѣевичъ Полевой.

Въ біографіи князя Александра Николаевича Голицына (т. I, стр. 426) Бантышъ-Каменскій упоминаетъ о духовной, оставленной имъ. Нынѣ извѣстно, что, между прочимъ, въ сей духовной онъ просилъ государя смягчить гнѣвъ, подъ коимъ находился писатель нашъ и историкъ Н. А. Полевой съ 1834 г., за помѣщеніе въ журналѣ, имъ издаваемомъ „Московскій Телеграфъ“ критики на драму Н. В. Кукольника „Рука Всевышняго отечество спасла“, и вообще за либеральное направленіе сего журнала. По случаю сему ходила въ свѣтъ какая-то эпиграмма, начинавшаяся словами: „Рука Всевышняго три чуда сотворила“... и оканчивавшаяся словами: „и Полеваго уходила“... Просьба князя Голицына, говорить, много подѣйствовала, и ей обязаны тѣмъ, что вдова покойнаго Полеваго получаетъ нынѣ (1847 г.) пособіе изъ кабинета государя по три тысячи ассигнаціями въ годъ.

Я познакомился и сблизился съ Николаемъ Алексѣевичемъ Полевымъ года за полтора до его кончины; часто навѣщалъ во время болѣзни, вмѣстѣ съ другомъ его, Сергѣемъ Дмитріевичемъ Полторацкимъ, которому онъ посвятилъ свой переводъ Гамлета. Былъ на похоронахъ его и вмѣстѣ съ другими почитателями бросилъ послѣднюю горсть земли на гробъ его,

на Волковомъ кладбищѣ, 1-го марта 1846 года. Человѣкъ онъ былъ добрый, но ослабѣвшій въ послѣднее время духомъ и тяжелый въ разговорѣ. Послѣдніе дни его отравлены были событіемъ съ старшимъ его сыномъ, ушедшимъ было за-границу въ порывѣ юношескаго сумасбродства вольнодумнаго. Онъ былъ пойманъ, судимъ, посаженъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, откуда привозили его проститься съ отцомъ, подъ присмотромъ жандармскаго офицера, и послѣ онъ отправленъ на Кавказъ въ солдаты до выслуги. Смерть Полеваго нашла большее сочувствіе въ образованномъ классѣ. Но замѣчательно, что книга, изданная по кончинѣ его въ пользу семейства, разошлась болѣе всего въ Петербургѣ, при содѣйствіи друзей его, адмирала П. И. Рикорда и С. Д. Полтарацкаго, а также и издателя „Отечественныхъ Записокъ“, А. А. Краевскаго, забывшаго будто-бы бывшія пререканія; въ Москвѣ взято едва 5 экземпляровъ. Нѣсть пророка въ отечествѣ своемъ! Хотя Полевой родился и въ Курскѣ, но, можно сказать, что въ Москвѣ онъ родился духовно и умственно, тамъ созрѣлъ и развился. Слабость и отступленіе отъ первоначальныхъ идей много охладили къ нему публику. Но надобно разобрать что было причиною. Бѣдность и дѣти! Такъ, напримѣръ, нѣкоторые строгіе судьи не могутъ простить ему того, что, въ одинъ пріѣздъ государя въ Москву, Полевой призванъ былъ, будто, графомъ Бенкендорфомъ и поручено ему было составить заочно статью о пребываніи государя въ Нижнемъ-Новгородѣ. Полевой, находясь въ тяжкихъ обстоятельствахъ, будто-бы исполнилъ это странное желаніе. Статья, прислана бывъ изъ Нижняго и напечатанная въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, была эффектная. Вотъ и преступленіе! Но что дѣлаютъ другіе, не имѣя даже сказать въ оправданіе того, что могъ сказать Николай Алексѣевичъ? Я его никогда не разспрашивалъ объ этомъ случаѣ и было-бы неловко. Утверждаютъ, что въ послѣднее время онъ занимался выправкою статей генерала Михайловскаго-Данилевскаго, нашего военнаго историка, для эрмитажной портретной галлерей; но что, будто-бы, симъ послѣднимъ услуга его была худо заплачена. Все можетъ стать. Памятно, что въ послѣднихъ нумерахъ „Литературной Газеты“, издаваемой Полевымъ передъ смертью, была кровавая распря у него съ Булгаринимъ, по поводу книги сего послѣд-

няго: „Воспомяніа“. Эта перебранка много разстроила здорověе Полеваго. Носился слухъ, что на похоронахъ Полеваго, Булгаринъ, присутствуя въ церкви Николая Морскаго, хотѣлъ нести гробъ въ дрогамъ, но что кто-то вслухъ сказалъ: „Зачѣмъ ему трудиться нести Полеваго мертваго, онъ довольно поносилъ его живаго“. По моему мнѣнію, были оба виновны запальчивостью.

По приглашенію Полеваго, я думалъ принять участіе въ „Литературной Газетѣ“. Началъ было для нея замѣтки для будущихъ издателей сочиненій Пушкина. Уже статья набиралась и корректура была отпечатана, но смерть его все остановила... газета прекратилась.

Полевой оставилъ жену и многочисленное семейство, купившихъ нынѣ домики въ Ораніенбаумѣ и живущихъ кое-какъ... Николай Алексѣевичъ подписывалъ нѣкоторыя записки къ пріятелямъ: „Ольдникъ“ (псевдонимъ французскаго писателя Форга). Любилъ поджигать къ спорамъ о важныхъ вопросахъ современныхъ и особенно о религіи, но самъ уклонялся отъ ихъ разрѣшенія. Слушалъ внимательно. Казалось, онъ все еще искалъ разрѣшенія задачъ, надъ которыми человѣчество давно ломаетъ голову; казалось, вопрошалъ себя и другихъ. Душѣ его, видимо, хотѣлось убѣжденій... общая всѣмъ намъ болѣзнь—сомнѣніе и пустота томили и его, этого вѣчнаго труженика. Памятенъ останется мнѣ споръ нашъ незадолго до его смерти въ „Hôtel Demouth“, гдѣ мы были четверомъ: онъ, Сергѣй Дмитріевичъ Полторацкій, Сергѣй Павловичъ Убри и я... Что-то теперь узналъ онъ о жизни?.. онъ такъ хотѣлъ всегда казаться вѣрующимъ въ нашу нескончаемость... Миръ праху твоему, мученикъ жизни!

Князь Александръ Николаевичъ Голицынъ.

Мнѣ довелось видѣть одинъ разъ въ жизни князя Александра Николаевича Голицына. Это было въ іюль 1844 г., т. е. за четыре мѣсяца до его смерти. Я проѣзжалъ въ Крыму прелестную его виллу Гаспра и встрѣтилъ его прогуливающагося. Онъ еще былъ слѣпъ. Лакей велъ его подъ руку. На немъ была соломенная шляпа, которую онъ приподнялъ, услышавъ отъ человѣка, что проѣзжай ему кланяется. Наружность его

была еще бодрѣ, но не величественна. Послѣднія его минуты, кромѣ глазной операціи, возмущаемы были капризами горбатой сестры его Кологривовой и любимца его, служившаго нѣкогда при немъ, а послѣ бывшаго чтецомъ кн. Козловскаго.

Генрихъ Гроссъ.

Въ біографіи Гросса Генриха, бывшаго посломъ нашимъ въ Лондонъ въ 1760 г., Бантышъ-Каменскій, между прочимъ, рассказываетъ (т. I, стр. 452—453): „Тогда еще (въ 1742 г.) существовала въ Россіи тайная канцелярія: Гросса (брата посланника, воспитателя дѣтей вице-канцлера графа Андрея Ивановича Остермана, подвергшагося опалѣ при вступленіи на престолъ императрицы Елисаветы Петровны), допрашивали съ угрозами,—онъ лишилъ себя жизни“.

Это новое дополненіе въ извѣстіямъ о кроткомъ царствованіи дочери Петра (см. выше, стр. 219); но замѣчательно въ этомъ случаѣ то, что изъ словъ Бантыша-Каменскаго заключить можно, что тайная канцелярія существовала во всей силѣ до Александра I, ее уничтожившаго.... на бумагахъ ¹⁾, слѣдовательно существовала и въ царствованіе тоже кроткое Екатерины. Я такъ всегда и думалъ. При ней даже, говорятъ, была организована тайная полиція, совершенно въ духѣ нашего времени, и императрица вела частую переписку съ начальникомъ ея. Года два тому назадъ рассказывали, что правительство, свѣдавъ, что якобы существуетъ потомокъ сего русскаго Лаубордемона, обращалось къ нему чрезъ генералъ-губернатора, кн. Н. А. Долгорукова (покойнаго)—это было въ Малороссіи—съ требованіемъ бумагъ, относившихся до того времени, и собственноручныхъ записокъ императрицы. Помѣщикъ, упрямый хохоль, отвѣчалъ будто, что никому не отдастъ ихъ, кромѣ государя. Привезенный въ Петербургъ, на предложеніе денегъ за эти бумаги онъ отвѣчалъ, будто, что не продастъ ихъ ни за что, а буде угодно, то подарятъ. Вотъ чудакъ... Жаль, что забылъ его имя и фамилію... Государь, поблагодаривъ, будто-бы, его за усердіе, взялъ бумаги

¹⁾ См. статьи объ Апраксинѣ и Беклешовѣ.

и письма и, не читая ихъ — бросилъ, при старомъ владѣльцѣ, въ каминъ. Вѣроятно, много было любопытнаго. Жаль, если это правда. Неужели такъ-же поступлено съ бумагами по дѣлу 14-го декабря 1825 г., съ бумагами Дибича, Савена, Витгенштейна, Троицкаго, поднесенными его племянникомъ, генераломъ Троицкимъ, въ 1833 году, получившимъ за то бриллиантовый перстень съ вензелемъ, и Ростопчина, поднесенными сыномъ Андрея Федоровича. Это были-бы потери невозвратныя для русской исторіи. Я не вѣрю. Характеръ государя Николая Павловича, не страшившагося для себя суда современниковъ и потомства, чему онъ неоднократно явилъ мужественные примѣры,—порукую, что ему не страшень судъ потомства надъ его предками.

Графъ И. И. Дибичъ-Забалканскій.

Въ біографіи Дибича-Забалканскаго, графа Ивана Ивановича (барона, потомъ графа), на стр. 473 говорится: „При самомъ вступленіи на престолъ нынѣ (1847 г.) благополучно царствующаго государя, Дибичъ, всегда усердный и дѣятельный, имѣлъ случай оказать важную услугу отечеству въ южныхъ губерніяхъ, за что удостоился получить (въ январѣ 1826 г.) лестный рескриптъ отъ императора, а вслѣдъ затѣмъ, въ день высочайшаго коронованія (22-го августа), произведенъ въ генералы-отъ-инфантеріи“

Что за таинственный тонъ? Кто-же не зналъ и не знаетъ, что услуга Дибича состояла въ томъ, что онъ, обще съ ген.-ад. Чернышевымъ (нынѣ, въ 1847 г., князь и военный министръ) и съ княземъ П. М. Волконскимъ, получивъ, предъ самою кончиною государя въ Таганрогѣ, подробное донесеніе чрезъ Шервудъ-Вѣрнаго о существованіи заговора во второй арміи, взялъ на себя рѣшимость предписать начальствамъ военному и гражданскому о захватѣ главнѣйшихъ заговорщиковъ. Я, признаюсь, не вижу никакой особенной заслуги. Говорятъ, что въ то время было междуцарствіе, неизвѣстность насчетъ государя, но что-же это значило въ подобномъ дѣлѣ! Заговоръ касался особы какъ того, такъ и другаго государя, еще болѣе—самаго

начала самодержавнаго, слѣдовательно опасаться было нечего, что дѣйствія не будутъ признаны и одобрены. Дѣло состоитъ въ томъ, какъ приведены въ исполненіе распоряженія Дибича, данныя имъ какъ начальникомъ главнаго штаба. Мы этого знать не можемъ; но награда Дибича доказываетъ, что послѣдствія мѣръ его были успѣшны. Шницлеръ въ своемъ послѣднемъ сочиненіи („Histoire intime de la Russie“, изд. 1847 г.) тоже придаетъ огромное значеніе распоряженіямъ этимъ. Иностранцу все извинительно, но не русскому.

Шервудъ.

Кстати о Шервудѣ. Мнѣ подробно рассказывали о немъ исторію, какъ онъ случайно съѣхался на станціи съ Пестелемъ и Муравьевымъ ¹⁾; лежа на печи, онъ слышалъ весь ихъ разговоръ, веденный по-французски, и понялъ все. Онъ служилъ въ полку, тамъ-же, гдѣ Пестель, на правахъ вольноопредѣляющихся, унтеръ-офицеромъ, и посланъ былъ куда-то изъ полка съ порученіемъ. Не найдя лошадей, онъ долженъ былъ ночевать на станціи. На его бѣду, будто-бы, въ то время, когда еще заговорщики пили чай, вошелъ почтовый староста и сталъ искать его на печи, чтобъ сказать, что лошади готовы. Можно себя представить положеніе его и ихъ. Пестель приступилъ къ нему съ обнаженною саблею и хотѣлъ убить на мѣстѣ. Но, по просьбѣ товарища, рѣшился оставить въ живыхъ, взявъ страшную клятву сохранить все въ тайнѣ, буде понялъ. Шервудъ поклялся во всемъ. Отпущенный ими, онъ поскакалъ не оглядываясь и, явившись къ екатеринославскому губернатору, объявилъ ему, что имѣетъ къ государю важное дѣло. Тотъ, будто, сей-же часъ отправилъ его въ Таганрогъ къ Дибичу. Государя уже не было на свѣтѣ. Пестель, раскаясь, будто, что отпустилъ Шервуда, зарядилъ пистолеты и поскакалъ въ догоню, но уже было поздно. Вотъ отъ чего зависѣлъ, можегъ статья, государственный переворотъ и судьба миллионъ! Викторъ Гюго

¹⁾ Только имя перваго достоверно.

называетъ, въ одномъ изъ своихъ сочиненій, смерть *grande faiseuse des drames...* ¹⁾),—вѣрнѣе сказать это о судьбѣ или рокѣ...

Шервудъ происходилъ, кажется, изъ шотландцевъ, выѣхавшихъ въ Россію. Отецъ его имѣлъ фабрику въ Москвѣ у Калужскихъ воротъ и самъ, въ качествѣ ткача, жилъ нѣкоторое время у калужскаго помѣщика Дмитрія Мартыновича Полторацкаго, извѣстнаго нашего агронома и вводителя разныхъ по сей части улучшеній. Молодой Шервудъ былъ отданъ въ медико-хирургическую академію, но не отличался ни успѣхами, ни поведеніемъ и, самовольно оставя училище, поступилъ въ военную службу, въ драгуны, кажется. Послѣ 1825 года и окончанія кровавой драмы, онъ, какъ извѣстно, былъ награжденъ чиномъ и титуломъ Вѣрнаго и жилъ въ Москвѣ агентомъ тайной полиціи, нося военный мундиръ и иногда снимая его. Всѣ боялись его и бѣжали какъ отъ огня. Черезъ нѣсколько времени, онъ вытребованъ былъ въ Петербургъ, и съ того времени не возвращался, и слухъ о немъ исчезъ. Говорятъ, что едва-ли онъ не погибъ отъ *vendett'*ы, имѣя множество враговъ въ лицѣ родныхъ имъ погубленныхъ людей.

Нѣтъ ничего невѣроятнаго, хотя, кажется, жертвы несчастной исторіи мало оставили по себѣ оплакивающихъ ихъ родныхъ, кромѣ развѣ матерей. Кажется, мать и сестра Шервуда живы доселѣ, а послѣдняя едва-ли не жила въ домѣ Апраксиныхъ (того, что служилъ по жандармской части и умеръ отъ холеры въ Курскѣ) гувернанткою. За достовѣрность подробностей нельзя ручаться, хотя онѣ мнѣ переданы однимъ англійскимъ уроженцемъ, знавшимъ лично Шервуда и слышавшимъ отъ него самого о главномъ, т. е. о встрѣчѣ съ заговорщиками.

Бантышъ-Каменскій оканчиваетъ біографію Дибича слѣдующими словами: „Современники произнесли приговоръ надъ Дибичемъ. Его ожидаетъ судъ потомства“. Экая безтолковица. Кто и когда произнесъ надъ нимъ приговоръ и что можетъ онъ значить въ настоящее время, и въ странѣ, гдѣ нѣтъ ни публичности мнѣнія, ни гласности (1847 г.). Приговоръ произносится послѣ суда, а онъ самъ говорить, что судъ еще ждетъ его. Да и кого не ожидаетъ этотъ судъ? даже плохихъ составителей

¹⁾ Великая виновница драмъ.

біографій. Не хотѣлъ-ли онъ этимъ намекнуть на молву, носившуюся объ измѣнѣ Дибича и предательствѣ на сторону поляковъ. Вопросъ огромный, и едва-ли разрѣшимый, да и мало въ этомъ вѣроятности. Что онъ могъ выиграть? Идеологомъ-же и мечтателемъ онъ едва-ли когда былъ. По крайней мѣрѣ, сами поляки нигдѣ печатно объ этомъ не намекали. Въ исторіяхъ Солтыка и Шмидта о польской войнѣ нѣтъ ни слова и, напротивъ, они отзываются о Дибичѣ съ презрѣніемъ, какъ о человѣкѣ, преданномъ пьянству. Былъ распространенъ слухъ, повторенный разными журналами и брошюрами, объ отравѣ Дибича за его неудачи въ войнѣ; этотъ слухъ повторяетъ, не вѣря ему, и Шницлеръ въ послѣднемъ его сочиненіи о Россіи.

Графъ Александръ Маттевичъ Дмитріевъ-Мамоновъ.

Въ біографіи Дмитріева-Мамонова, графа Александра Маттевича (т. I, стр. 535—537), любопытна подробность о томъ, какъ онъ подарилъ Потемкину золотой чайникъ съ надписью: „Plus unis par le coeur que par le sang“ (изъ Записокъ Храповицкаго). Въ 1786 году поступилъ изъ адъютантовъ Потемкина въ флигель-адъютанты, а въ 1788-мъ году былъ уже генераль-адъютантомъ и генераль-поручикомъ, и получилъ Александровскую ленту. Бантышъ-Каменскій простодушно начинаетъ жизнеописаніе тѣмъ, что Мамоновъ былъ красивой наружности, *c'est tout dire*. Ему императрица предлагала руку дочери графа Пруссаго (?), но онъ отказался и женился по любви на фрейлинѣ внажнѣ Щербатовой и получилъ 2,250 крестьянъ и 100 тысячъ рублей. Вотъ заслуга (тогдашней) аристократіи и права ея на общественное уваженіе. Современники описываютъ его человекомъ ума пронизательнаго, но гордымъ и легкомысленнымъ. Императрица-же хвалила его скромность и говорила, назначивъ его присутствовать въ сенатѣ: „Онъ разуменъ и будетъ тамъ мнѣ глазомъ“.

Кому вѣрить, вида такое сильное противорѣчіе? Конечно, она знала его лучше, занимаясь его воспитаніемъ. Ему было 28-мъ лѣтъ, когда онъ поступилъ въ флигель-адъютанты, а ей 58-мъ.

1) Болѣе близокъ по сердцу, нежели по крови.

Вообще, какъ замѣчаю, біографіи сихъ временщиковъ писаны съ большею откровенностію, съ ббльшимъ *laisser aller*, нежели всѣ другія.

Иванъ Ивановичъ Дмитріевъ.

Біографія о Дмитріевѣ, Иванѣ Ивановичѣ, баснописцѣ и шитѣ, (т. I, стр. 537—564), пуста, безцвѣтна, многоглаголива и не представляетъ ничего новаго, кромѣ развѣ плоскаго анекдота „о трико на панталоны“, подаренномъ ему дамою, вернувшеюся изъ-заграницы. Анекдотъ этотъ подмѣченъ съ злорадствомъ нашими журналистами. (Іюль и августъ 1847 г.). Я лучше и вѣрнѣе ничего не читалъ о Дмитріевѣ, какъ статью Н. А. Полеваго, помѣщенную въ „Сынъ Отеч.“, кажется, на 1846 г.

Княгиня Ирина Петровна Долгорукова, рожденная княжна Голицына.

Невѣроятно, какъ дозволили напечатать біографію княгини Ирины Петровны Долгоруковой, рожденной княжны Голицыной (т. I, стр. 566—570). Путешествуя за-границею, она, подружась съ принцессою Овернскою, по убѣжденію ея, приняла католическую вѣру. Послѣ, когда Долгоруковы подпали опалѣ, она принуждена была отречься отъ нея, но произнесла отреченіе на латинскомъ языкѣ, но не отъ католической, а отъ лютеранской вѣры... поступокъ этотъ ввергнулъ ее въ печаль и она скончалась въ 1751 году („Histoire et analyse du livre de l'action de Dieu, т. III, стр. 287 и слѣд. ¹⁾). Тутъ-же находятся подробности, какъ въ бытность Петра I въ Парижѣ Сорбона предлагала ему соединеніе восточной церкви съ западною. Духовенство російское отвергло потомъ предложеніе римскаго.... (стало быть разсматривалось формально?). Особенно хлопоталъ членъ Сорбонны Бурсье, но Петръ отвѣчалъ, будто-бы, ему съ улыбкою, что онъ „простой солдатъ и не вмѣшивается въ дѣла своего духовенства“. Такъ-съ! Бурсье возобновлялъ усилія и при Петрѣ II и, узнавъ, что Долгорукова приняла римскій (!) законъ и что родственники ея въ силѣ, уговорилъ аббата Жюбе опредѣлиться въ званіе наставника дѣтей. Ему дано было полномочіе

¹⁾ Исторія и разборъ сочиненія о промыслѣ Божиємъ.

отъ Сорбоннѣ. Жюбе склонилъ Василія Лукича Долгорукова на дѣло соединенія церквей, обѣщая доставить русскому государю титулъ восточнаго императора, а родственнику князя В. Л., князю Якову Петровичу, достоинство патріарха. Все это не имѣло успѣха, и въ 1732 году Жюбе высланъ изъ Россіи, и умеръ въ Парижѣ, въ 1745 году. Все это чрезвычайно любопытно и ново, по крайней мѣрѣ для меня. Здѣсь невольно обращаешься къ неразрѣшенному доселѣ этому вопросу о церквяхъ и припоминаешь, что при Екатеринѣ II и Александрѣ I неоднократно трогали его. Говорили, что Дашкова обращалась въ католичество, бывъ за-границею. Изъ Голицыныхъ, кажется, не одна и не одинъ сдѣлались ренегатами. Княжна Зинаида Александровна Волконская, рожденная Бѣлосельская-Бѣлозерская,—тоже. Еще, кажется, графиня Самойлова, рожденная Зотова; княгиня Куракина, рожденная Голицына; графиня Зотова, рожденная Куракина; княгиня Голицына, рожденная Всеволожская, умершая въ Крыму, въ виллѣ Корейскъ была мистикомъ и другомъ М-me Krudner и баронессы Бернгеймъ, у которой окончила въ Крыму жизнь свою сія послѣдняя. Да и сколько еще, думаю, есть русскихъ, совращенныхъ въ латинство іезуитами и аббатами. Поговариваютъ даже о Жуковскомъ и о Гоголѣ, что они поддались этому вліянію.

Что касается до уклончивости Петра I въ отвѣтахъ его Сорбоннѣ, то она весьма естественна въ государѣ, только-что достигшемъ своей цѣли уничтоженіемъ патріаршества, которое при Никонѣ показало что можетъ значить! Соглашались на соединеніе церквей значило, нѣкоторымъ образомъ, рѣшиться на признаніе папской власти, чего не могло быть безъ крайняго забвенія исторіи запада. Во всѣхъ этихъ переговорахъ, и прежде еще Петра I, мы не дали себя перехитрить католикамъ и доказали, что не даромъ ведемъ историческое существованіе, какъ держава христіанская, прямо отъ византійцевъ... *Bas Empire.*

(Продолженіе слѣдуетъ).

МИХАИЛЬ ЮРЬЕВИЧЪ ЛЕРМОНТОВЪ.

Одно изъ его стихотвореній, сохранившееся въ переводѣ на нѣмецкій языкъ.

Помѣщенный въ уважаемой „Русской Старинѣ“ изд. 1892 г., т. LXXIII, книга февраль, стр. 518, заключительныя строфы нѣмецкаго текста Боденштедта стихотворенія М. Ю. Лермонтова „Сказка для дѣтей“, въ русскомъ переводѣ В. П. Авенариуса, даютъ мнѣ поводъ представить при семъ русскій переводъ нѣмецкаго текста Боденштедта одного изъ утерянныхъ для русской литературы стихотвореній М. Ю. Лермонтова.

Текстъ этого стихотворенія помѣщенъ былъ въ „Русской Старинѣ“ изд. 1873 г., т. VII, стр. 398 (тамъ-же на стр. 395 см. и переводъ въ прозѣ) и нынѣ въ № 270 „Рус. Вѣдом.“ за 1891 годъ въ весьма интересной статьѣ Ник. Конст. Михайловскаго „Герой безвременья“—повторенъ нѣмецкій текстъ

Въ примѣчаніи къ помѣщенному въ февральской кн. „Русской Старинѣ“ стихотворенію В. П. Авенариуса сказано, что въ „Русской Старинѣ“ за 1873 г. напечатано 19 мелкихъ стихотвореній, въ переводѣ прозаическомъ Г. С. Чирикова и въ стихахъ П. А. Висковатова. Быть можетъ, и настоящій переводъ одного изъ этихъ 19 стихотвореній съ нѣмецкихъ текстовъ будетъ не лишнимъ на страницахъ „Русской Старинѣ“.

Weil ich bei ibrem Thun vor Scham oft roth bin,
Mir nicht Musik erscheint Geklirr von Ketten
Und mir nicht lockt der Glanz von Bajonetten:
Behaupten sie, dass ich kein Patriot bin!

Weil ich nicht ganz von altem Korn und Schrott bin
Und nicht mit jedem Schritte rückwärts gehe:
Behaupten sie, dass ich kein Patriot bin,
Mein Land nicht liebe und es nicht verstehe.

За толь, что жизнь рабовъ считаю я позорной,
Мнѣ сердце рветъ въ клочки бряцаніе оковъ,
Не радуеть меня и яркій блескъ штыковъ,
За толь бранять меня душою неповорной!

За толь, что ругины и мрака набѣгаю,
Что всей душой стремлюсь я вѣчно все впередъ,
За толь въ глазахъ людей упрекъ себѣ читаю:
Отчины не люблю, противенъ мнѣ народъ!

Перевелъ И. М. Влнштопъ.

ВЫТОВЫЯ ЧЕРТЫ АЗОВСКИХЪ ПОХОДОВЪ

1695—1696 гг.

Въ собраніи автографовъ князя Павла Арсеньевича Путятина сохранились, между прочими интересными документами, три письма дворянъ Мельническихъ, отца и сына, къ своему родичу (брату и дядѣ) также Мельницкому. Письма эти на четырехъ кускахъ бумаги, столбцами, писаны скорописью конца XVII-го вѣка и заключаютъ въ себѣ нѣсколько подробностей, характерныхъ по отношенію къ эпохѣ Азовскихъ походовъ, 1695 — 1696 гг.: тутъ и суровое распоряженіе царя Петра I о подрядчикахъ, выполнявшихъ дурно свои обязательства, и сборы дворянскаго помѣщика на ратную службу, и военное дѣло подъ Азовомъ...

Ред.

I.

Г

(1695 г.).

Государю моему дядюшкѣ Гаврилу Александровичу въ присно пожелательствѣ твоего государя моего благоденственнаго житія и мирнаго присно въ Бозѣ пребыванія со всею фамилією твоею Якушко Мельницкой много губо-кратно приклянновеніемъ главы челомъ бьетъ.

Во благо присно увеселенія и во всякихъ присноденственныхъ благоключимствахъ по Бозе соспиряженною тебѣ Государынею моею тетушкой съ Катериною Михайловною и съ благопродябшими отъ тебѣ рождемъ чадъ твоими благодѣтелями моими во многочислимихъ вѣки здравствуй. Отъ искони даже и до днесь въ являтельствѣ своя любви и пріятства въ братствѣ нампаче же по едино сляительству кровѣ предковъ въ родѣ нашемъ и днесь, наипаче мню больши по излишнему требо слышанію о Государѣ моемъ батюшкѣ

Назарѣ Петровичѣ аще изволишъ вѣдетъ и Октября въ 1-й день на почтѣ изъ подъ Азова и по грамоткѣ Государя моего батюшка о своемъ здоровѣ отъ него къ намъ къ Москвѣ писанной, что Сентября по 18 день будучи подъ Азовымъ, въ полкѣхъ по милости...¹⁾вствуеть и о семъ мы нынѣ въ пов... ..ніи и въ скорби благодаримъ Бога въ пов... что слышимъ его Государя нашего с... по 18 день на службѣ здрава суца... въ ...ніи же что отъ того выше писаннаго.... же до нынѣшняго числа Октября.... числа почты изъ подъ Азова въ Москвѣ не.... и о его здоровьи не слышимъ.

Начатокъ бо сея государю моему батюшкѣ, въ службу посланки по желанію твоему, дядюшка, тебѣ здѣ да возвѣщу.

Прошлаго года Іюлія въ день по письму съ почтой изъ (подъ Азо)ва къ боярину Тихону Никитичу Стрешневу велѣно ему, боярину, съ великимъ спѣхомъ съ(свать) гостей московскихъ Володимира Воронина, Ивана Ушакова, Василья Горезинова съ това(рищи) по именномъ 12 человекъ въ великомъ ихъ неи(справ)-леніи въ подрядѣ на многія тысячи, что они, гости, подрядались поставить всякіе запасы на срокъ въ городъ Паншинъ, что стоитъ на рѣкѣ Дону на переволокѣ, на много тысячъ, и деньги подрядные они, гости, изъ казны государевы взяли многія тысячи тысячъ съ восьмидесятъ и больше, а поставитъ было имъ на срокъ въ Паншинъ всѣ запасы подрядны: мяса ветчинна, рыбы соленна, сбитнѣ, укусы, крупъ, сухари и инья многія всякія запасы.

И онѣ, тѣ подрядчики тѣхъ запасовъ, противъ подрядовъ своихъ, ничего въ тотъ городъ Паншинъ на срокъ и послѣ сроку не поставили; а которые мяса и (изъ) рыбъ поставили, и тѣ самыя худыя и гнилыя, и самое малое число, для того что онѣ оплошались на своихъ приказчиковъ.

И отъ того ихъ такого неисправленія учинилось подъ Озовымъ (Азовымъ) въ полкахъ запасовъ великое оскудѣніе. И съ великимъ гнѣвомъ за такое воровство велѣно сковавъ ихъ прислать всѣхъ подъ Азовъ со знатнымъ и старымъ стольникомъ, кто бъ могъ ихъ привести всѣхъ въ цѣлости.

И потому Государеву указу бояринъ Тихонъ Никитичъ тѣхъ гостей скованныхъ пять человекъ: Володимира Воронина, Ивана Ушакова съ товарищи послалъ подъ Озовъ (Азовъ) съ батюшкою, а достальныхъ гостей-подрядчиковъ на Москвѣ не сыскали. И для сыску тѣхъ гостей посланы въ города въ нижніе стольники и сыскавъ отвезть и тѣхъ подъ Озовъ (Азовъ).

¹⁾ Мѣста, означенныя точками, въ оригиналѣ вырваны или не равобраны.

А сказано государю моему батюшку на службу сію итдти zelo скоро сказалъ бояринъ Іюля въ 16 день, а въ 18 тогожь мѣсяца Іюля, по приказу изъ Москвы, поѣхалъ съ великою нуждею на силу убрались въ одинъ день, а на завтрее и поѣхалъ. А подводны даны были емскія. 8 подводъ сухимъ путемъ до Воронежа, а съ Воронежа плавною рѣкою Дономъ до самыхъ полковъ подъ Озовъ; а данъ ему стругъ да 460 (?) человекъ стрѣльцовъ съ ружьемъ, да гребцы, да съ батюшкою-жь посланъ старой розрядной подъячей, а своихъ людей батюшко взялъ 5 человекъ. А съ Воронежа шестого человекъ отпустилъ къ Москвѣ.

А подъ Озовъ въ полки пріѣхалъ августа въ 14 день и посланныхъ государевыхъ людей гостей, по милости Великаго Бога и своимъ радѣніемъ и службою, привезъ всѣхъ въ цѣлости живыхъ. И тѣхъ гостей у него приняли и отдали на каланчинскія башни за караулъ. А что имъ указъ и про то намъ не вѣстимо.

А къ намъ государь батюшко пишетъ, что милостію Божіею пріѣздъ его учинится не забвененъ, а къ Москвѣ ему ѣхать до своего государева указу не велѣлъ. А знатное дѣло, что до отпуску всѣхъ полковъ отпуску ему, государю моему батюшку, не будетъ.

А бояринъ Тихонъ Никитичъ заочно про батюшка и про службу ево многія слова говоритъ милостивыя и подъ Озовъ батюшка отпускалъ съ великимъ милосердіемъ.

А о споболеніи ¹⁾ твоемъ, государь дядюшка, я къ батюшку чрезъ почту писалъ, что ты изволилъ нарочно человекъ своего прислать къ Москвѣ свѣдать и провѣдать о службѣ батюшковой. А матушка государыня моя Анна Захаревна нынѣ на Москвѣ Октября по 16 день въ печали здравствуетъ. А братья мои Микита и Семень въ деревнѣ въ селѣ Знаменскомъ. А я убогой съ братомъ Иваномъ на Москвѣ по вышеписанное число въ печали присной обрѣтаемся въ живыхъ. А къ намъ государь о своемъ здоровьи не благоволишь писати. А мы по истенне непрестанно желаемъ слышать объ вашемъ здоровьи. Прошу твоего жалованья пожалуй впредки не учини насъ въ забвенствѣ о слышаніи твоего здоровья и здравствуй государь во множество лѣтъ. Послѣдствуй симъ всѣмъ вышени-саннымъ государю моему дядюшкѣ Вонку Александровичу въ кратко писательствѣ словъ, а во многомъ желаніи твоего здравія Якушко Мельницкій челомъ бьетъ.

На оборотѣ столбца: „Государю моему дядюшкѣ Гаврилу Александровичу отъ Мельницкого“.

¹⁾ Т. е. о заботливости, о богианности.

„РѢСЬ СТАРИНА“ 1892 г., т. LXXIV, № 1.

II.

Милостивый мой государь братецъ Гаврило Александровичъ здравствуй о Господѣ во множество лѣтъ, братъ и искатель твоего жалованія Назарко Мельницкой челомъ бьетъ за твое жалованье, что изволилъ ко мнѣ отписать о твоёмъ государя моего здоровьѣ.

А мы во многой своей и необъятной печале слыша о вашемъ здоровье порадовались.

А печаль, государь, моя-то есть: въ нынѣшнемъ 206 (1697) году Ноября въ 30 день была въ верху мнѣ сказка по указу великого государя велѣно мнѣ быть на ево, великого государя, службѣ въ ново завоеванныхъ въ турецкихъ городѣхъ въ Таванѣ и въ Казыкерменѣ думново дворянина на Васильево мѣсто Борисовича Бухвостова воеводу; а срокъ положенъ ѣхать мнѣ съ Мосевы велѣно нынѣшняго-жъ 206 (1698) году Генваря въ 25 день и перемѣнить его безсрошно; а убожество мое великое собрата на такую дальнюю и нужную службу не чѣмъ. А вотчины продаю и, по согрѣшенію моему, нѣтъ вупцовъ; а которые и торгуютъ и то на самой безцѣнокъ; а подъемныхъ денегъ велѣно выдать малое число только триста рублевъ. И нынѣ на ту службу собираюсь съ великою печалью и съ плачемъ. Дяку со мною сказано Ондрею Озерову.

А ратныхъ людей въ тѣхъ городѣхъ съ Василиемъ Бухвостовымъ въ приходѣ Турскихъ людей въ осадѣ было семь тысячъ: а стояли турки подъ Таванью и подъ Казыкерменемъ нынѣшними осени пять недѣль приступы и подкопы и всякія промыслы отъ турскихъ людей были многія и жестокія, и бомбы пускали великія.

И отсидѣлись великого Государя ратныя люди въ тѣхъ городѣхъ черезъ милость великого Бога съ великой нуждой.

А отступили турецкіе люди октября противъ десятого числа въ ночи съ упадкомъ большимъ; побито ихъ на приступахъ и на выласкахъ тысячъ съ семь. Да и Государевыхъ людей не безъ упадку-жъ.

А мое бѣдство то, что тѣ города отъ пушешныя стрѣльбы и отъ бомбъ и отъ подкоповъ разбиты и подорваны; а въ нынѣшнее зимное время вычинить ихъ вскорѣ чаю невозможно.

А говорятъ языки, что на лѣто приходъ турскихъ людей подъ тѣ города будетъ рано.

Пожалуй, государь братецъ, изволь не помѣшкать пріѣхать къ Москвѣ со мною проститца, для того видѣть ли мнѣ будетъ впереди очи твои, то свѣдущъ Богъ.

Нынѣшная мнѣ служба самая нужная и есть-ли будетъ приходъ непріятельскихъ людей и мы чаемъ, что безъ крови не будетъ, а для своей старости емлю я съ собою на нынѣшнюю службу одново сына своево Ивана.

А будетъ, государь братецъ, изволишь ѣхать изъ дому своево

къ Москвѣ послѣ Богоявленьева дни и тебѣ будетъ меня не застать на Москвѣ и ты пожалуй прости меня заодно, а къ женѣ моей и къ дѣтямъ пожалуй государь буди милостивъ и естли нападуть какіе недрузи не дай разорить деревнишекъ моихъ и здравствуй государь братецъ съ семьею своею и съ дѣтками во множество лѣтъ.

На оборотѣ: „Государю моему братцу Гаврилу Александровичу“.

III.

Милостивому моему государю дядюшкѣ Гаврилу Александровичу, ища твоего къ себѣ жалованья не отлучно и на вѣки Ивашка Мелницкой челомъ бью.

Въ благополучныхъ и радостныхъ пребываніяхъ здравствуй съ присными и родзими вашими на вѣки. По премногу жадаю и желаю слышать непрестанно о твоємъ государя моего здоровье, пожалуй не учини меня забвенна чрезъ писаніе, прикажи ко мнѣ писать о своемъ государя моего здоровье и о здоровье государыни моей милостивой матки тетушки семьи твоей Катерины Михайловны, и дѣтей твоихъ, государей моихъ, Михаила и Артемія Гавриловичевъ.

А я про милость вашу, государей моихъ, слышать всегда по истинѣ желаю ежечасно.

А буде, по милости своей, изволишь обо мнѣ убогомъ напомнить и моему окаянству создатель мой Творецъ и владыко Господь Богъ, по премногому своему къ намъ челоуѣколюбію, терпѣти изволить на Москвѣ Августъ по 10 день живѣ.

Да вѣдомо тебѣ, государь дядюшка, чиню: милосердіемъ великаго Бога и молитвами святыхъ отецъ и счастіемъ великаго государя городъ Азовъ взяли безъ великія крови. Увидя Азовскіе сидѣльцы турки около града великое obleжаніе русскихъ воевъ и жестокія промыслы, что имъ не отсидѣтца и стали просать собѣ живота, чтобъ ихъ не порубили, а далибъ свободу. А вора нѣмчина Якушку, которой измѣнилъ прошлаго лѣта и иныхъ выдали изъ городу. И нашихъ ратныхъ людей въ городъ Азовъ пустили. И имъ туркамъ дана свобода и отпущены съ женами и дѣтьми.

А взяли Азовъ Іюля въ 20 день.

А чають милости великаго бога, что ратные люди будутъ къ Москвѣ въ скорыхъ числѣхъ.

А братья мои Микита и Семенъ и Яковъ Назарьевичи писали, что они въ добромъ здоровѣи и отъ ранъ Богъ ихъ сохранилъ. А братъ Семенъ взялъ языка на бою татарина и записанъ на его имя.

А боевъ было въ разныхъ числахъ семь и на всѣхъ тѣхъ бояхъ милосердіемъ великаго Бога удачи были великіе нашей конницѣ и нынѣ конница наша зело славна и въ милосте.—А побито нашихъ малое число конницы и пѣхоты.

А брата Микиты Назарьевича человекъ Игнашка колмыкъ раненъ будучи за братомъ Микитою на бою; а братъ Микита написанъ за бояриномъ въ эсаулахъ, а братья по ротамъ. А какъ пошли съ Валуекъ и въ то время брату Микитѣ сказано было въ ертаульной роте ротмистромъ, а братьямъ быть было одному въ поручикахъ, а другому—въ харунжихъ. И братъ быть не похотѣлъ и отбылся, и были по ротамъ.

А зять нашъ князь Василей Алексѣевичъ и Василей Семеновичъ здравствуютъ.

А турецкихъ людей уроны конницѣ, также и пѣхотѣ уроны были на бояхъ великіе и многіе на бояхъ у конницы нарочитыя мурзы въ полонѣ побраны и побиты.

А на украинѣ нынѣ тихо, ничего не слышать.

А подъ Озовомъ крымскихъ татаръ сперва было съ Нарадыномъ не много и какъ на бояхъ ихъ отбили, и они пошли вскорѣ назадъ въ Крымъ; а тутъ бились только одни Кубанцы; а и Кубанцовъ только было тысячъ съ пять или шесть; и имъ кубанцамъ удачи ни единыя не бывало.

Да вѣдомо-жь тобѣ чиню чрезъ слова сына твоего Михаила Гавриловича, какъ былъ пожалованъ у батюшка въ деревни и онъ мнѣ говорилъ, чтобъ увѣдать подлинно: нѣтъ-ли имени твоего въ нарядѣ въ Бѣлгородъ. И я въ розрядѣ въ спискахъ жаковы посланы въ Бѣлгородъ смотрѣлъ, и имени твоего въ тѣхъ спискахъ нѣтъ, а есть написано имя твое въ отставныхъ спискахъ: велѣно съ крестьянскихъ твоихъ дворовъ взять деньги по указу, да и никого нашихъ въ тѣхъ спискахъ въ нарядѣ нѣтъ; а сіе писалъ тобѣ вѣрно.

Табунъ къ Москвѣ будетъ въ скорыхъ числѣхъ; а говорятъ, что будетъ тысячъ съ десять или съ пятнадцать.

А впредь о нарядѣ службѣ нынѣ ничего не слышать; а знатно дѣло, что безъ службы на лѣто не будетъ.

О семъ желаю тобѣ отъ Господа Бога всѣхъ благихъ на вѣки и много много поклоненія возсылаю до земли.

Братецъ государь Михайло Гавриловичъ и Артемей Гавриловичъ, здравствуйте при милости государя своего батюшки на вѣки, а къ намъ о своемъ здоровье прикажите писать. Ивашко Мельничкой челомъ бьетъ.

Помѣта на оборотѣ: „Сію грамоту привезъ Федоръ Тверидынь 200 въ 4-мъ году Августа въ 16 день“.

Сообщ. князь П. А. Пугачевъ.

КЪ ИСТОРИИ ОТЖИВШИХЪ УЧРЕЖДЕНІЙ ¹⁾

1768—1771 гг.

I.

Въ аннимъ осеннимъ утромъ 1768 года, выборные изъ балахонскаго купечества, судьи словеснаго суда Михайло Сыромятниковъ стоварыщи приведены были въ немалое смятеніе. У дверей земской избы, опершись о косякъ и руки держа на рукояткѣ своего палаша, стоялъ нижегородскаго баталіона сержантъ Митрофанъ Масловъ, въ выжидательномъ положеніи, а на столѣ лежали нѣкіе документы, на которые судьи взирали съ неохотою и сумнительствомъ.

Нужно сазать, что и вообще, когда въ купеческомъ магистратѣ или въ подвѣдомственномъ магистрату словесномъ судѣ появлялись изъ Нижняго солдаты, то это не предвѣщало ничего хорошаго. Это значило, что по поводу какой-нибудь волокиты и кляузы высшая нижегородская команда, т. е. губернскаго магистратъ, губернская канцелярія или какая-нибудь изъ многочисленныхъ „канторъ“ рѣшились прибѣгнуть къ наивышшему купеческихъ судей принужденію, дабы, оставивъ лакомство и къ одной сторонѣ поноровку, они не чинили-бы на другую сторону посягательства и притѣсненій, а дѣло рѣшили-бы всеконечно въ указные сроки. Въ тѣ времена не церемонились относительно средствъ къ такому понужденію. „Для сего, писалось въ указахъ, посылается штатной

¹⁾ Очеркъ этотъ составленъ на основаніи подлинныхъ дѣлъ бывшаго Балахонскаго городского магистрата.

В. К.

команды сержантъ по инструкціи; доколѣ то дѣло рѣшеніемъ произведено не будетъ, дотолѣ того магистрата присутствующихъ и повытчика держать при ихъ мѣстахъ безъ выпуску". Порой, когда высшая команда приходила во всеконечное нетерпѣніе или когда въ дѣлѣ замѣшаны были интересы сильныхъ персонъ,—на бѣднаго повытчика приказывали, вдобавокъ, надѣвать кандалы; приходившіе по дѣламъ въ магистратъ обыватели имѣли тогда случай видѣть своего выборнаго подьячаго ¹⁾ за письменнымъ столомъ, съ гусинымъ перомъ за ухомъ съ кандалами на ногахъ.

Немудрено поэтому, что и на сей разъ, когда, послѣ оживленной бѣготни изъ земской избы (гдѣ засѣдали словесные судьи) въ магистратъ и обратно, сержантъ Масловъ, позвякивая палашомъ, прошелъ черезъ канцелярію и „впущенъ былъ передъ присутствіемъ“, то между пищиками и канцеляристами пошелъ говоръ и разныя догадки; по какому дѣлу явился сержантъ и кого будетъ повуждать? Случаевъ для этого, конечно, всегда было въ избыткѣ. То „бывшій балахонскій посадникъ, что нынѣ города Алатора публично нотаріусъ“, Андрей Щуровъ, давно и съ великимъ успѣхомъ боровшійся съ магистратомъ, поднеслъ магистратскимъ законникамъ какую-нибудь неожиданную затѣйную клаузу, то другой исконный магистратскій врагъ, соляной промышленникъ, а стеклянной фабрики содержатель, Филиппъ Горожданиновъ, человекъ богатый и со связями, требовалъ себѣ, черезъ высшія команды, законнаго удовольствія, обвиняя магистратскихъ судей въ неправедныхъ къ сторонѣ купечества послабленіяхъ, а ему, промышленнику, въ утѣсненіи, „отчего уже и приходитъ во всеконечное разореніе...“ Вообще, трудно было-бы перечислить всѣ случаи, которые могли подать поводъ къ той или другой невзгодѣ, и, поистинѣ, безъ традиціонной подьяческой пронырливости, ставшею притчею во языцѣхъ, приказныя дѣла вести въ тѣ времена было-бы „весьма невозможно“.

¹⁾ Въ магистратахъ подьячіе и канцеляристы выбирались купечествомъ.

II.

Дѣло, по которому сержантъ Масловъ утруждалъ словесныхъ судей, а теперь, по сумнительству, ввущенъ былъ передъ ясныя очи бургомистра Латухина и ратмановъ, было очень просто и, повидимому, не требовало особыхъ соображеній; въ маѣ 1768 года титулярный совѣтникъ Колокольцевъ, застигнутый трудными обстоятельствами, занялъ 70 рублей 50 копѣекъ и выдалъ вексель. Въ августѣ наступилъ срокъ, титулярный совѣтникъ платежа не учинилъ, почему нижегородскій публичный нотариусъ, во охраненіе вексельнаго права, сыскивалъ его въ Нижнемъ Новѣ-городѣ, приходя къ его дому съ понятными. Но дома его не изощель, а домашніе объявили, что имѣется оный должникъ въ Балахнѣ. Вотъ почему протестованный вексель и появился на столѣ балахонскаго магистрата.

Въ тѣ времена сословныя разграниченія были чрезвычайно рѣзки, и каждое сословіе судилось особымъ судомъ. Ратуши и таможенные суды, а съ половины прошлаго столѣтія магистраты сосредоточили въ себѣ въ уѣздныхъ и провинціальныхъ городахъ всѣ дѣла, относившіяся до купечества, какъ уголовныя, такъ и гражданскія. Промышленники и фабриканты вѣдались еще въ мануфактуръ-коллегіи, крестьяне, помѣщики и разночинцы—въ воеводскихъ канцеляріяхъ, духовенство — въ своихъ духовныхъ правленіяхъ. Вотъ почему у словесныхъ судей и возникло первое сумнительство: какъ отвѣтчикъ, такъ и истцы по векселю, предъявленному сержантомъ Масловымъ, были персоны не купческаго званія, и словесный судъ охотно отослалъ-бы и сержанта и его векселя въ воеводскую канцелярію, какъ это и дѣлалось прежде.

Въ присутственной комнатѣ магистрата, за столомъ, обильно закапаннымъ чернилами, засѣдали выборные изъ купечества, бургомистръ съ двумя ратманами. Бургомистръ Петръ Семеновъ сынъ Латухинъ крѣпко держалъ бразды градскаго правленія въ теченіе цѣлой четверти вѣка. За это время онъ переполнилъ магистратъ своими сродниками, свойственниками, кумовьями и крестниками до такой степени, что, казалось, въ балахонскомъ магистратѣ на вѣки вѣчныя водворилась латухинская династія. Одинъ изъ ратмановъ, Михайло Рукавишниковъ, былъ ему родной племянникъ. Другой—Федоръ Ряхинъ, человекъ совершенно безличныи и подавленный, ограничивался поднясью бумагъ. Пищики, подканцеляристы и канцеляристы, подьячіе просто и подьячіе съ приписью ожидали

только мановенія латухинской главы, чтобы разорвать кого угодио въ переносномъ и даже въ буквальномъ смыслѣ.

Осмотрѣвъ вексель и выслушавъ молчаливо „сумнительство“ словесныхъ судей. Латухинъ подалъ знакъ канцеляристу Побѣдимцову. Латухинскій кумъ, человѣкъ невзрачный и потертый, нерѣдко „обращавшійся въ пьянственномъ случаѣ“, во хмѣлю строптивый и даже буйный, канцеляристъ этотъ былъ въ то-же время великій законникъ, выдавшій всякія передѣлки. Поэтому ему многое прощалось, и балаховское купечество много лѣтъ содержало его „на изрядномъ отъ себя трактаментѣ“. Никто лучше Сергѣя Побѣдимцова не могъ разобраться въ хаосѣ уложеній, регламентовъ, морскихъ и военныхъ артикуловъ и указовъ, загромождавшихъ огромный черный шкапъ, изъ коего магистрату приходилось почерпать свои аргументы. Мигомъ найдя что было нужно, подканцеляристъ вынулъ изъ нѣдръ шкапа вексельные уставы и прочиталъ:

„Когда кто изъ воинскихъ, статскихъ, духовныхъ или иныхъ чиновъ самъ себя привяжетъ въ купечествѣ, въ переводѣ денегъ векселями или другими какими домовными книгами подъ образомъ векселя, такимъ нигдѣ индѣ, но точію .. какъ на купцахъ, такъ и купцамъ на нихъ просить и удовольствіе чинить въ ратушахъ и таможняхъ, несмотря ни на какія ихъ представленія, что они не того суда, понеже купцамъ несносно есть потеряніе времени и поврежденіе купечества... И для того, кто не хочетъ себя подвергать подъ судъ ратушной и таможенной, то да не дерзаетъ самъ себя векселями и другими письмами подъ образомъ векселя съ купечествомъ привязывать или неисправнымъ показывать“¹⁾.

Выдержка эта сразу разрѣшила всѣ сомнѣнія: словесные судьи покорно взяли со стола принесенныя Масловымъ бумаги и, взявъ съ сержантомъ, пошли опять въ земскую избу „для начатія тому дѣлу разбирательства и указаго рѣшенія“, что, какъ увидимъ, сопряжено было для нихъ съ немалыми трудностями.

¹⁾ Вексельнаго устава пунктъ 38.

III.

Вексель! Едва-ли есть еще какой-либо документъ, который и въ наше время пользовался-бы меньшею симпатіею, чѣмъ эта нѣмецкая выдумка, занесенная къ намъ реформою Петра. Сколько на этихъ клочкахъ бумаги, въ этихъ немногихъ словахъ заключено человѣческаго горя, слезъ, нужды и даже крови,—объ этомъ могутъ и теперь рассказать судебные пристава, печальная обязанность которыхъ состоитъ въ „осуществленіи“ скрытаго въ этой бумажѣ реальнаго смысла. Понстинѣ, за одно это нѣмецкое словечко „вексель“, вошедшее въ обиходъ русской жизни, память великаго преобразователя ¹⁾ заслуживала-бы всѣхъ тѣхъ проявленій, которыми отягчаютъ ее славянофилы, если-бы... если-бы это нѣмецкое слово не замѣнило собою нѣкоторыхъ чисто русскихъ, имѣвшихъ обращеніе въ допетровской патриархальной Руси. Эти самобытныя, но страшныя слова: кабала, кабальная записъ, правезъ!

Какъ-бы то ни было, слово вексель было въ прошломъ столѣтіи гораздо страшнѣе нынѣшняго. Въ случаѣ неплатежа или спора должника сыскивали и для разбирательства отсылали подъ карауломъ по мѣсту жительства истца, напримѣръ, изъ города Балахны въ С. Петербургъ, Москву или Астрахань, гдѣ въ такихъ случаяхъ сторонамъ давался „судъ по формѣ суда“, и это порою изъ-за десятка рублей. Во второй половинѣ столѣтія процедура является уже значительно упрощенною... векселя предъявлялись по мѣсту жительства отвѣтчика въ словесные суды, въ которыхъ разбирательство происходило исключительно устное. Въ случаѣ-же спора и, вообще, когда дѣло доходило до письменнаго разбирательства, описей и продажи имущества, оно поступало въ магистраты.

Такимъ образомъ выборные изъ балахонскаго купечества словесные суды состояли „по апелляціи“ непосредственно въ вѣдѣніи магистрата. Словесный судъ помѣщался въ одномъ съ магистратомъ зданіи, его колодники сидѣли въ магистратской тюрьмѣ, и вообще, наравнѣ со всѣмъ магистратомъ и со всею купеческою Балахною, словесный судъ являлся покровнымъ орудіемъ всевластнаго купеческаго бургомистра. Выбранный въ 1749 году Петръ Семеновъ Латухинъ правилъ Балахною около 30 лѣтъ. Только уже въ 1770-хъ годахъ, когда послѣ цугачевской грозы, въ воздухѣ

¹⁾ Вексельный уставъ изданъ въ 1729 году, т. е. послѣ смерти Петра. Однако, какъ и многія мѣры того времени, начало свое онъ получилъ при Петрѣ.

появились какія-то новыя вѣянія, когда Екатерина писала, что теперь, „сломавъ рога Пугачева, мысли множествомъ вдругъ проходить ¹⁾), а губернаторы стали разсылать во всѣ учрежденія невданные прежде указы и письма, дабы „всѣ мѣста старались не сильнымъ чинить потакательство, но наипаче слабымъ и обидимымъ защищеніе“, только тогда Латухинъ, еще крѣпкій и бодрый, долженъ былъ покинуть насиженное мѣсто. И послѣ этого передъ гуманными губернаторами стали вскрываться удивительныя обстоятельства. Оказалось, напримѣръ, что одинъ балахонскій посадникъ явился къ губернатору Ступишину, бѣжавъ изъ тюрьмы, гдѣ его содержали семь лѣтъ словесные судьи за долгъ Латушину,—долгъ, который вдобавокъ давно былъ покрытъ, такъ какъ въ теченіе этого времени Латухинъ держалъ у себя въ работѣ двухъ сыновей должника. Когда-же губернаторъ сдѣлалъ объ этомъ запросъ, требуя объясненія, чего для толь долговременное задержаніе учивено, то оказалось, что по справкѣ въ дѣлахъ не найдено никакихъ слѣдовъ какого-бы то ни было постановленія объ арестѣ.

Вотъ какова была власть купеческаго бургомистра П. С. Латухина въ уѣздномъ городѣ Балахиѣ и вотъ что могли учинить съ балахонцемъ, выдавшимъ заемное письмо или вексель. И если теперь простое предъявленіе векселя ко взысканію поставило въ тупикъ словесныхъ судей, и самъ бургомистръ Латухинъ измышлялъ средства, дабы неофициально склонить обѣ стороны къ уступкамъ и примиренію, то это объясняется только тѣми „персонами“, которыя являлись тяжущимися въ этомъ несложномъ дѣлѣ.

Прежде всего это былъ нижегородскій комендантъ Трофимъ Степановичъ Іевлевъ.

Въ замѣчательномъ историческомъ документѣ, — извительной „бумажекѣ“, которую комиссаръ Лодыженскій послалъ bravому саратовскому коменданту Бошняку наканунѣ пугачевского разгрома,—такъ охарактеризована роль коменданта: „Въ Россійскомъ государствѣ есть два сорта комендантовъ, изъ коихъ первые... по справедливости, могутъ назваться комендантами крѣпостей. Другой-же сортъ комендантовъ опредѣляется для сыску воровъ и разбойниковъ и для препровожденія изъ нихъ пойманныхъ отъ мѣста и до мѣста и для другихъ надобностей и карауловъ, и то по требованіямъ губернскихъ, провинціальныхъ и воеводскихъ канцелярій, тако-жъ и прочихъ присутственныхъ мѣстъ“ ¹⁾.

¹⁾ Дубровня. Пугачевъ и его время, III, 324.

²⁾ Тамъ-же, III, 191.

Мы не можем теперь сказать къ какому „сарту“ комендантовъ причислялъ-бы Лодыженскій „нижегородскаго коменданта Трофима Іевлева“. Въ командованіи и защитѣ нижегородской крѣпости, сохранившей понинѣ свои старыя стѣны и башни, въ то время едва-ли уже предстояла какая-нибудь надобность. Ничего также неизвѣстно о трудахъ его по искорененію воровъ и разбойниковъ. Несомнѣнно, однако, что у него подъ командою было немалое число солдатъ и сержантовъ, которыхъ онъ разсылалъ въ разныя учрежденія съ довѣренностями по всякимъ владѣніямъ мѣстамъ. Когда дѣло затягивалось и становилось сомнительнымъ, то нерѣдко истцы считали выгоднымъ уступить свои права коменданту, который имѣлъ сильныя связи въ губернскомъ магистратѣ. Такимъ образомъ, въ Нижнемъ Новгородѣ возникло въ комендантскомъ управленіи своеобразная дисконтная контора, и когда губернскій магистратъ прибѣгалъ къ мѣрамъ „понужденія присутствующихъ“, о которыхъ говорилось выше, то комендантъ Іевлевъ давалъ для исполненія этихъ мѣръ солдатъ своей команды. Поистинѣ, чѣмъ-то юпитеровскимъ отзываются краткія напутствія, которыми комендантъ снабжалъ при этомъ свою команду. Въ дѣлахъ балахонскаго магистрата сохранилось, напримѣръ, слѣдующее „вѣрющее письмо“, предъявленное сержантомъ Заварзинымъ 18-го декабря 1777 года:

„Федоръ Заварзинъ

по посылке твоеи в балахну о взысканіи долговъ нота-
риуса Щурова имен крепкое старание, а не такъ какъ
сержантъ Масловъ, дабы на васъ какой в поноровке жа-
лобы не пронзошло. Пишу тебѣ я Трафимъ Іевлевъ“.

Итакъ, если Петръ Латухинъ являлся въ Балахнѣ предста-
вителемъ власти несомнѣнно сильной, то и комендантъ Іевлевъ
олицетворялъ ее въ своей особѣ въ степени отнюдь не меньшей.
За нимъ, на той-же сторонѣ, т. е. въ качествѣ истцовъ, являлись
еще двѣ персоны съ очень длиннымъ и неуклюжимъ титуломъ:
„Нижегородскихъ питейныхъ и протчихъ сборовъ коронныхъ повѣ-
ренныхъ господинъ оберъ-директоръ Михайло Гусятниковъ и тако-
выхъ-же сборовъ коронныхъ повѣренныхъ директоръ Григорій
Лихонинъ“. Въ нашемъ столѣтіи, отказавшемся отъ длинныхъ и
вудреватыхъ наименованій, персоны эти носили-бы не менѣе,
однако, внушительное названіе откупщиковъ, и уже по тому, что
видѣло отъ нихъ наше столѣтіе, мы легко можемъ судить какова
была ихъ сила въ провинціальной средѣ прошлаго вѣка.

И, однако, обѣ эти персоны предпочли перевести вексель на имя коменданта Левлева, повидимому, плохо надѣясь на своего повѣреннаго Василья Теремкова, не обладавшаго никакими уже титулами. Кто-же былъ противникъ, противъ котораго спланивались такія солидныя силы, на предметъ простаго взыскапія съ него 70 рублей съ указными рекамбіемъ и процентами.

Мы уже видѣли, что это былъ просто титулярный совѣтникъ Николай Потаповичъ Колокольцовъ. Титулъ, конечно, не изъ особенно еще знатныхъ, и если все-таки словесный судъ и магистратъ такъ неохотно принимали его векселя, то на это были особыя причины: у Колокольцова были связи и, что самое главное, онъ былъ въ данное время „града Балахны воеводскимъ товарищемъ“. Нужно прибавить, что незадолго передъ тѣмъ господинъ Колокольцовъ имѣлъ уже немалую прію съ балахонскимъ купечествомъ по вопросу объ отводѣ ему приличной званію квартиры, и мы легко поймемъ, какая туча нависала надъ балахонскимъ купеческимъ управленіемъ въ лицѣ сержанта Маслова, за коимъ видѣлись персоны директоровъ и коменданта съ одной стороны и воеводскаго товарища съ другой. Всѣмъ до послѣдняго пищика было ясно, что тутъ предстоятъ немалыя затрудненія, чреватыя всякими огорчительными неожиданностями и „репремантами“.

IV.

Какъ-бы то ни было, сержанту отведена на коштѣ купечества квартира, а словесный судъ приступаетъ къ предварительнымъ по щекотливому иску мѣропріятіямъ.

Обыкновенно мѣры принимались въ такихъ случаяхъ самыя простыя. Двумъ дюжымъ магистратскимъ „розсылщикамъ“, (тоже выбравшимся изъ купечества) давали сыскную, и они сыскивали должника въ дому или гдѣ „улучить было возможно“. Если это удавалось, то они, не приѣмля отговорокъ, волокли искомаго къ разбирательству и объявляли „при доѣздѣ“. Если-же провинцательный должникъ укрывался, то розсылщики „получали“ вого-либо изъ домашнихъ: мать, отца, жену или сына (малолѣтки женска полу отъ прывода избавлялись), и волокли ихъ въ судъ, который подвергалъ ихъ задержанію подъ карауломъ, доколѣ „винный не являлся собою“, на выручку своихъ близкиихъ. Въ данномъ, однако, случаѣ процедура эта признана была не совсѣмъ удобною, и потому словесный судъ возлагаетъ тонкое порученіе на одного изъ своихъ

судей, Ѳедора Рукавишника, человека хорошей балахонской фамилии и потому знаваго обращеніе съ персонами знатнаго ранга. Рукавишниковъ, въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1768 года, ходилъ къ господину Колокольцову троекратно, и по тому троекратному хожденію принесъ отъ его благородія обѣщаніе, что онъ по дѣлу имѣетъ выслать въ словесный судъ своего повѣреннаго.

„Точію за многопрошествомъ времени того довѣреннаго не выслалъ“. Между тѣмъ, по вексельному уставу, въ дѣла по вексельнымъ искамъ строго повелѣвалось рѣшать „конечно, въ двухъ-недѣльный срокъ“, подъ опасеніемъ взыскаія всего иску съ самихъ судей. Такъ какъ вдобавокъ и сержантъ Масловъ о „удовольствіи“ своего начальника требовалъ неотступно, угрожая непремѣннымъ по командѣ доношеніемъ, то словесный судъ усиливаетъ первую мѣру: онъ посылаетъ къ Колокольцову двухъ розыльщиковъ Ѳедора Мартюшева и Дмитрія Неслухтина, которые привыкли къ рѣшительнымъ поступкамъ и не боялись суроваго отпора. Оба эти розыльщика къ его благородію неоднократно ходили и получали его видѣть на квартирѣ, точію его благородіе отвѣтствовалъ, якобы онъ на тотъ вексель сочиняетъ нѣкакой документъ. Такъ какъ никакихъ документовъ словесный судъ принимать былъ отъ отвѣтчиковъ не вправѣ, то розыльщикамъ дается еще болѣе рѣшительная инструкція: „его благородія въ словесной судъ требовать имъ неотступно, а ежели самъ не пойдетъ и повѣреннаго не отдастъ (sic!), то взять изъ людей его, кого улучшить можно“.

Его благородіе принялъ свои мѣры и розыльщики, за конечнымъ невпущеніемъ ихъ въ квартиру для взятія людей его и за неполученіемъ ихъ нигдѣ въ городѣ, никого при дождѣ объявить были не въ состояніи. Но зато 29-го октября того-же года въ земскую избу, гдѣ словесный судъ имѣлъ засѣданія, явился съ преемственною надменностію балаханской воеводской канцелярїи подканцеляристъ Поповъ (одинъ изъ безчисленныхъ Поповыхъ, которыми кишѣли всѣ канцелярїи), который „бросилъ на столъ гербовой бумаги, повидимому, листъ одинъ“, и затѣмъ удалился, сказавши только, что это и есть „его благородія на вексельный искъ объявленіе“.

Въ объявленіи было написано просто, что хотя тѣ по векселю деньги имъ, Колокольцовымъ, и подлинно взяты, точію къ уплатѣ виновнымъ себѣ не признаваетъ, ибо-де уже уплатилъ, отославши оную сумму сестры своей родной Татьяны Толстой съ крестьяниномъ. Ни платежной росписки, ни свидѣтелей уплаты при этомъ не представлено и показаніе относительно уплаты (впоследствии совер-

шенно опровергнутое) ничѣмъ не подтверждалось. А такъ какъ, кромѣ того, письменныя объясненія, по инструкціи словеснаго суда, не подлежали даже рассмотрѣнію,—то судьи вновь посылаютъ розыщника. Злополучный Мартюшевъ, возвратясь, показалъ, что его благородіе окончательно ему отказалъ, „дабы розыщникамъ болѣе къ нему въ домъ ни зачѣмъ не ходить, а словесному суду производить по тому объявленію“. Словесный судъ записалъ слова розыщника въ протоколъ, закончивъ его слѣдующими словами: „а онъ, Мартюшевъ, въ семь доѣздѣ, показавъ чистую правду, подвергая себя въ противномъ случаѣ законному истязанію“, и затѣмъ рѣшили, что теперь дѣло словеснаго суда кончено, такъ какъ довелось уже до письменнаго разбирательства, подлежащаго вѣдѣнію магистрата. Почему 3-го ноября дѣло и препровождено при доношеніи на усмотрѣніе господъ балахонскаго магистрата.

Такимъ образомъ, первый актъ борьбы кончился и господину Колокольцову, титулярному совѣтнику и воеводскому товарищу, не пришлось предстать передъ низшею инстанціею выборнаго суда балахонскихъ купчишекъ. Теперь ему предстояло имѣть дѣло съ самимъ магистратомъ.

V.

Рассмотрѣвъ препровожденное отъ словеснаго суда объявленіе, магистратъ, конечно, не могъ усмотрѣть въ немъ никакого здраваго резону, кромѣ развѣ намекъ на родство съ Толстыми (изъ коихъ одинъ, служившій прежде въ Нижнемъ, былъ оберъ-крюгсъ-комиссаромъ), тѣмъ болѣе, что ежели-бы подлинно тѣ деньги имъ Колокольцовымъ, отдаваны были, то-бы могъ имѣть каковой-либо документъ. Въ виду этого магистратъ начинаетъ противъ воеводскаго товарища военныя дѣйствія съ своей стороны.

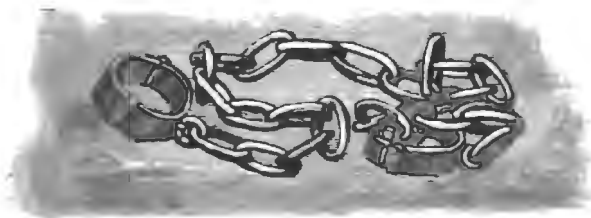
3-го ноября „правящему по выбору отъ балахонскаго купечества полицейскую должность“, а въ торжественныхъ случаяхъ называемому „выборнымъ балахонскимъ полицы-мейстеромъ“, купцу Якову Щепетильникову вручена отъ магистрата инструкция: „Идти тебѣ въ домъ, гдѣ г. Колокольцовъ жительство имѣетъ, и оному Колокольцову объявля, требовать, дабы по имѣемому на него векселю и по приносимой имъ спорности въ балахонской магистратъ явился-бы собою въ неукоснительномъ времени или-бы прислалъ повѣреннаго“, о чемъ особо составленную промеморію онъ-же, Щепетильниковъ, имѣетъ объявить въ балахонской воеводской канце-

лярин воеводѣ или-же секретарю. Посылка эта увѣнчалась столь-же малымъ успѣхомъ, какъ и предъидущія: Колокольцовъ не являлся, а воевода съ секретаремъ магистратскую промеморію не приняли, „яко гласящую по вексельному дѣлу, каковыя дѣла по регламенту до воеводы не принадлежателны“.

Тогда магистратъ обращается въ высшую команду, а именно въ губернскую канцелярію, требуя доношеніемъ, дабы благоволено было тому Колокольцову о явкѣ въ магистратъ, а воеводской канцеляріи о взятіи съ него подписки подтвердить указами. Кромѣ того, магистратъ проситъ наложить запрещеніе на имущество Колокольцова или, наконецъ, о вычетѣ изъ его жалованія, сообщая, что иначе балахонскій магистратъ за упорной неявкой Колокольцова „и какъ оной находитца здѣшняго града воеводскимъ товарищемъ“,—во взысканію приступить собою не можетъ.

Этотъ вопль магистрата, признававшася въ своемъ безсиліи, встрѣченъ очень холодно: указавъ сухо на 38 пунктъ вексельнаго устава, въ силу коего оный Колокольцовъ подлинно надлежитъ быть отосланъ въ магистратъ, Петръ Рагозинъ (подписавшій указъ губ. канцеляріи) говоритъ затѣмъ, что до рѣшенія дѣла (!) ни удержанія жалованія ни запрещенія на имущество и требовать не надлежало, почему на предбудущее время рекомендуется магистрату отъ таковыхъ недѣльныхъ предложеній себи воздержать.

Тогда, 22-го декабря, правящій полицейскую должность снабжается отъ магистрата новою инструкціею, составленною въ выраженіяхъ тонкихъ, но еще болѣе рѣшительныхъ: „Идти тебѣ въ домъ къ г-ну Колокольцову и, во-первыхъ, объявить учливымъ образомъ, требуя ево въ балахонской магистратъ собою, если-жъ не пойдетъ и воспослѣдуетъ отъ него какое тебѣ препятствіе, тогда какъ возможно къ тому позыву и взятыю приложить тебѣ усильное стараніе“.

VI.

Время было выбрано магистратомъ въ высшей степени удачно, и если-бы купеческій полицеймейстеръ оказался на высотѣ своей задачи, то его экспедиція на сей разъ могла-бы разрѣшиться или торжествомъ магистрата или крупною катастрофою. Въ первомъ случаѣ воеводскій товарищъ былъ-бы объявленъ „при доѣздѣ“ въ купеческое судилище „усиліемъ“, во второмъ—балахонская воеводская канцелярія во всемъ составѣ вынуждена была-бы нарушить нейтралитетъ и вступить въ рукопашную, защищая своего „воеводскаго товарища“ отъ купеческой посылки. Дѣло въ томъ, что съ послѣднихъ дней передъ Рождествомъ и до 8-го января обыкновенно прекращались въ присутствіяхъ текушія дѣла и даже,—трогательная черта среди жестокихъ нравовъ того вѣка,—раскрывались двери тюремъ, и колодники распускались по домамъ, на подписку и поруки, дабы могли провести святой праздникъ дома и слушать въ церквахъ божіихъ молебнаго пѣнія. Въ тюрьмахъ на это время оставались лишь тѣ, относительно которыхъ состоялись постановленія: „держатъ неисходно безъ выпуска“ (что, замѣтимъ кстати, далеко не всегда сообразовалось съ важностью преступленія).

Колокольцовъ, понятно, не думалъ, что въ такіе дни, передъ самымъ праздникомъ, магистратъ откроетъ рѣшительныя дѣйствія, и потому спокойно отправился въ воеводскую канцелярію и также безопасно оттуда вышелъ. Но на выходѣ былъ встрѣченъ отрядомъ изъ пяти балахонцевъ, подъ предводительствомъ Щепетильникова, которые уже были въ его квартирѣ и теперь ко взятію его намѣревались приложить усиленное стараніе. Застигнутый такимъ образомъ, его благородіе сильно сбавилъ тонъ: ссылаясь на самонужнѣйшія дѣла по воеводской канцеляріи, онъ самымъ учливымъ образомъ сталъ увѣрять, что нынѣ уже за наступленіемъ праздничныхъ дней тому дѣлу произведенія чинить не можно, но что за то на 8-е число января имѣетъ быть въ присутствіи магистрата неотмѣнно.

Купеческій полицеймейстеръ на эти, многократно уже не сдержанныя, обѣщанія сдался. Подѣйствовало-ли на купца обаяніе барской любезности, а можетъ быть, онъ просто струсился вблизи воеводской канцеляріи, команда которой нерѣдко вступала съ представителями магистрата въ смертный бой и даже разбивала магистратскія двери; какъ-бы то ни было, но и на этотъ разъ онъ отступилъ. Воеводскій товарищъ избѣгъ „приводу“, хотя и не безъ урона своей надменности, послѣ любезно тонкихъ отговорокъ на улицѣ,

при собраніи народу немалого числа, сбѣжавшагося поглазѣть на взятіе купцами воеводскаго товарища. „За приведенными резоны, репортовалъ малодушный Щепетильниковъ, я его благородія взять не отважился“.

VII.

Повидимому, воеводскій товарищ Колокольцовъ поставлялъ свою честь въ томъ, чтобы по векселямъ своимъ не платить и пренебречь магистратскимъ судилищемъ. Иначе трудно объяснить, почему онъ рѣшился такъ упорно выносить все послѣдующее. Понятно, что ни 8-го января, ни послѣ онъ въ магистратъ не являлся, а такъ какъ Щепетильниковъ, устыженный неудачей, теперь ходилъ около дому со своею командою, стараясь его улучшить всецѣнно, то Колокольцовъ прекратилъ ходить даже въ присутствіе. Между тѣмъ, подванцеляристъ Побѣдимцовъ, тщательно порывшись въ своемъ арсеналѣ, изъ самой глубины черного шкапа извлекъ противъ Колокольцова грозное оружіе, какъ кажется, давно уже не бывшее въ употребленіи.

„Соборнаго уложенія главы десятой въ пунктѣ третьемъ изображено: „Будетъ которой ответчикъ учнетъ у пристава укрыватися и во дворѣ у себя не учнетъ сказыватися, и пристава, взявъ съ собою товарищей, сторожить у двора ево день, и два, и три, доколь тотъ ответчикъ самъ или человекъ ево или дворникъ со двора соидеть, и того ответчика или человека его или дворника взявъ, привести въ приказъ“.

На основаніи этого пункта, нынѣ извлеченнаго изъ пыльнаго забвенія противъ необычно храбраго противника, сформированъ, подъ начальствомъ Щепетильникова, въ маѣ 1769 года, настоящій отрядъ изъ двѣнадцати балахонскихъ „посадниковъ“ и купцовъ, которые, расположась у дома Колокольцова, непрестанно его стерегли, чиня денно и пощно засаду.

Домъ превратился въ осажденную крѣпость. Ни г. Колокольцовъ, ни его домашніе не отваживались теперь выходить на улицу, гдѣ ихъ ждали балахонцы со своимъ „третьимъ пунктомъ“. Изъ кувечества никто, конечно, также не осмѣливался навѣрное войти въ осажденнымъ, такъ какъ надъ своими-то гражданами у магистрата было достаточно власти. Квартира Колокольцова оказалась такимъ образомъ блокированной и, пожалуй, храбрый воеводскій товарищъ увидѣлъ-бы себя вынужденнымъ сдать магистратской

арміи, если-бы блокаду не нарушали то и дѣло солдаты воеводской канцеляріи, которыхъ это дружественное Колокольцову учрежденіе откомандировало на помощь и которые то и дѣло проходили въ ворота и обратно, не обращая вниманія на осаждающихъ. Такъ какъ это не были ни „люди“ Колокольцова, ни его дворники, то, конечно, соборное уложеніе не уполномочивало Щепетильникова брать ихъ и приводить въ приказъ.

VIII.

Такъ прошло около мѣсяца.

13-го іюня того-же 1769 года, на базарѣ города Балахны учинился немалый крикъ и смятеніе. Дѣло въ томъ, что предводитель магистратскаго отряда, оставивъ подчиненныхъ въ обычной засадѣ, отлучился для своихъ нуждъ и во время той отлучности ходилъ по базару. Въ то-же время изъ дома Колокольцова, обманувъ бдительность отряда, остававшагося безъ предводителя (и, конечно, не всегда сторожившаго съ одинаковымъ усердіемъ), вышелъ для покупки солоду и соли дворовый человѣкъ Наумъ Козьминъ. Послѣдній, закупивъ припасы, хотѣлъ уже было отправляться обратно, не чая напасти и не подозрѣвая, что купеческій полицеймейстеръ уже усмотрѣлъ его своимъ бдительнымъ окомъ. Собравъ наскоро летучій отрядъ изъ четырехъ балахонцевъ, Щепетильниковъ обошелъ врага, окружилъ его и быстрымъ натискомъ взялъ его въ плѣнъ вмѣстѣ съ солодомъ и солью.

Это была еще первая добыча магистрата. Понятно, что Наумъ Козьминъ былъ встрѣченъ въ магистратѣ съ немалымъ торжествомъ и немедленно сданъ за руки земской тюрьмы сторожамъ, для содержанія въ оной тюрьмѣ безъ выпуска. Козьминъ, такъ неожиданно попавшій съ базара за рѣшетку, конечно, подчинился своей участи съ тѣмъ фатализмомъ, съ какимъ привыкъ подчиняться подобнымъ невгодамъ русскій человѣкъ, въ особенности же русскій человѣкъ добраго стараго времени, когда, напряжѣръ, его, Козьмина, могли продать съ публичнаго торгу, какъ движимое имущество. Очень можетъ быть, что дѣло и получило-бы этотъ натуральный по обстоятельствамъ исходъ и Козьминъ пошелъ-бы въ продажу для уплаты Трофиму Іевлеву хотя-бы одной только рекамбіи, если-бы противная сторона не изобрѣла такого способа, который заставилъ магистратъ поскорѣе отказаться отъ своей добычи.

Попавъ за рѣшетку, Козьминъ могъ-бы, конечно, совершенно успокоиться, если-бы не одно обстоятельство: на рукахъ у него остались хозяйскіе солодъ и соль. Мысль, что его хозяйка тщетно ожидаетъ теперь этихъ припасовъ, доставляла вѣрному холопу великое огорченіе, и поэтому, увидя въ окно проходившаго мимо балахонца посадскаго человѣка Михайла Оголихина, онъ подозвалъ его и повѣдалъ ему свое рабье горе.

Михайло Оголихинъ былъ именно такой человѣкъ, какого нужно было Козьмину въ данную минуту; дѣло было не только въ томъ, чтобы найти сочувствіе къ заточенію хозяйскаго солода, нужна еще была храбрость, чтобы пойти противъ магистрата и проникнуть съ вѣстью во враждебный лагерь. А къ этому именно, то есть къ учиненію магистрату всякой противности, былъ во всякое время охочъ Михайло Оголихинъ.

У него съ магистратомъ были старыя и весьма невѣрныя счеты. Начиная съ горькой жалобницы подканцеляриста Попова, котораго Оголихинъ называлъ „здѣшняго града посадскихъ людей разорителемъ“, въ архивѣ сохранилось немало дѣлъ, съ перечисленіемъ многихъ того Оголихина великихъ продерзостей: однажды, во время собранія купечества, схвата составленный купечествомъ приговоръ, Оголихинъ его сверху донизу разодралъ „и въ томъ числѣ ея императорскаго величества въ титулѣ букву (в) разодралъ-же“. Такая продерзость въ тѣ времена „касалась уже важности“ и потому Михайла Оголихина, по доношенію магистрата, требовали для изслѣдованія въ высшія команды. Чѣмъ кончилось это изслѣдованіе—неизвѣстно. Извѣстно только, что „знатный купецъ“, въ концѣ 1740-хъ годовъ, въ описываемое время, онъ уже былъ разоренъ, озлобленъ и имѣлъ свое кормленіе отъ красильнаго мастерства; изъ-за этого мастерства, вдобавокъ, онъ вступалъ въ неоднократныя бои съ городецкими и иными окрестными крестьянами, которые тоже занимались, вопреки указамъ, красильнымъ дѣломъ въ городѣ Балахнѣ. . Понятно, что такой воинственный образъ жизни еще болѣе способствовалъ развитію строптивости и духа противленія.

Когда Козьминъ кликнулъ его въ окошко, то Оголихинъ тотчасъ-же взялъ у него солодъ и соль, отправился съ ними къ Колокольцову, безстрашно прошелъ мимо стражи во дворъ и не преминулъ рассказать обо всемъ, постигшемъ вѣрнаго холопа. Послѣ этого онъ, вдобавокъ, небрежа магистратскимъ гнѣвомъ, вернулся обратно и успокоилъ узника извѣстіемъ, что солодъ и соль попали, наконецъ, въ хозяйскія руки.

IX.

А въ домѣ Колокольцова закипѣла работа. Какъ нѣкогда князь Курбскій, хозяинъ знаменитаго Васьки Шибанова, такъ теперь хозяева злополучнаго Козьмина, гораздо больше думали о томъ, какъ-бы покрѣпче насолить магистрату, чѣмъ объ участи вѣрнаго холопа. Изъ воеводской канцеляріи былъ позванъ опытный пищикъ, который тотчасъ-же сочинилъ, отъ имени Марьи Дмитріевны Колокольцовой, весьма затѣйное явочное челобитье, присланное воеводою на другой-же день въ магистратъ.

„Отъ брата-де роднаго Колокольцовой жены, прапорщика Козлова, отданъ ей былъ на время крестьянинъ, который и находился при домѣ ея во услуженіи...“

Уже изъ этихъ первыхъ словъ бумаги, упавшей въ магистратъ, какъ разрывная бомба изъ осажденной крѣпости,—и бургомистръ, и оба ратмана, и самъ законникъ Побѣдимцовъ тотчасъ-же усмотрѣли, что они дали маху: захватили собственность прапорщика, совѣмъ непричастнаго дѣлу. Но дальше было нѣчто, отчего лица присутствующихъ вытянулись еще болѣе.

...„А нынѣ, продолжала Марья Дмитріевна, со означеннымъ человѣкомъ послано было собственныхъ ея денегъ для розмѣну къ здѣшнему купечеству на мелкія деньги пять десятирублевыхъ имперіаловъ, которой-де (т. е. Козьминъ) и посейчасъ съ тѣми деньгами въ домѣ не бывалъ и гдѣ находитца, о томъ она, Колокольцова, неизвѣстна“. Коварный документъ кончается невинною просьбою: „дабы о смыску онаго двороваго брата ея челоувѣка и о публикованіи о томъ всенародно въ балахонской магистратъ сообщить“.

Получивъ такую неожиданную „промеорію“, магистратъ увидѣлъ, что дѣло его и на сей разъ проиграно. Правда, злополучный Козьминъ, столь неблагодарно оклеветанный хозяйкою въ похищеніи яко-бы знатной суммы, будучи того-жъ часу позванъ въ допросу, простодушно объяснилъ, что онъ подлинно данъ госпожѣ своей отъ ея брата, „а на базаръ не для чего другого посылаемъ былъ, какъ для взятія солоду и отъ казенной продажи соли“, послѣ чего прилучился еще быть на базарѣ, какъ на него нагрянули Щепетильниковъ стоварыщи и увели въ магистратъ.

Такимъ образомъ, показаніе Колокольцовой насчетъ имперіаловъ не подтвердилось. Но магистрату было хорошо извѣстно, что значить въ такомъ случаѣ показаніе холопа. Притомъ-же дальнѣйшіе

разсирасы Козьмину будутъ производиться „по вѣдомству его, въ воеводской канцеляріи“, а магистрату было также извѣстно, какія показанія можно порой добыть изъ человѣка при умѣломъ „устрашиваніи“, которое тогда все еще было „за обычай“. Понятно, что въ этомъ случаѣ бѣднѣгъ Козьмину не осталось-бы ничего болѣе, какъ показать, что-де „тѣ монеты взяты у него при задержаніи того балахонскаго магистрата присутствующими“. Правда, это была-бы ложь... Но не отъ всѣхъ-же можно ждать шибановской твердости, да къ тому-же интересы раба совпали-бы въ этомъ случаѣ съ интересами господина...

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, Козьминъ тотчасъ-же отправленъ съ розсылщикомъ въ воеводскую канцелярію, гдѣ и сданъ подъ росписку...

Х.

Бываютъ нравственныя побѣды, которыя мѣняютъ сразу взаимное отношеніе воюющихъ сторонъ. Таковую именно побѣду одержалъ теперь титулярный совѣтникъ Николай Потаповичъ Колокольцовъ надъ купеческимъ магистратомъ. Послѣ этого эпизода, дѣйствія магистрата идутъ нерѣшительно и вяло. Новая инструкція розсылщикамъ, новыя бумаги въ воеводскую канцелярію, и изъ Нижняго новый „репремантъ“: „а ежели и затѣмъ произойдетъ упущеніе, то уже неотвѣнно взыскаю быть имѣеть съ самихъ того магистрата присутствующихъ“.

Однако, до іюля 1771 года деньги съ воеводскаго товарища оставались невзысканы. Дальше дѣло сильно попорчено сыростью и такимъ образомъ продолженіе этой борьбы магистратскаго правосудія съ совѣтницкою надменностію погружено во мракъ вѣчнаго забвенія. Впрочемъ, одна, хотя и сильно истлѣвшая страница, кидаетъ небольшой еще лучъ свѣта. Тутъ видимъ мы воюющія стороны въ слѣдующемъ положеніи: правящій полицейскую должность съ посадскими людьми вновь нерѣшительно подступаютъ къ дому... „но оногo Колокольцова ворота содержатца завсегда заперты... Напослѣдокъ-же, вышедъ изъ полатъ на крылецъ и паки не впуская ихъ, балахонцевъ, на дворъ, отвѣтствовалъ его благородіе съ немалымъ крикомъ, что онъ въ магистратъ итти не долженъ, и устрашивалъ ихъ, балахонцевъ, бить дубьемъ. За каковыми его крикомъ и устрашиваніемъ ко взятыю ево, Колокольцова, отвѣтитца никакъ невозможно“.

Ветхая страница рассыпается въ рукахъ, послѣдній лучъ угасаетъ и фигура дерзновеннаго воеводскаго товарища на крыльцѣ, вмѣстѣ съ робкою кучкою защитниковъ магистратскаго авторитета, тонуть безвозвратно въ туманѣ минувшаго...!

Миръ твоимъ тѣнямъ, доброе, старое время!

Влад. Короленко.

Шляхетская кузница въ Варшавѣ съ орудіями цѣнокъ XVIII в., — цѣнокъ съ пещурой въ 1820 г.

ВОСПОМИНАНІЯ СТАРАГО КАЗАНСКАГО СТУДЕНТА

1856—1858 гг.

„Pereat tristitia,
Pereant osiores!“

Изъ студенческой пѣсни.

Иныхъ ужъ нѣтъ, а гдѣ—далече,
Какъ Сади нѣкогда сказалъ.

Пушкинъ.

Рядъ статей профессора Н. А. Фирсова „Студенческія исторіи въ казанскомъ университетѣ отъ 1855 до 1863 года“, напечатанныхъ въ „Русской Старинѣ“, изд. 1889 г., тт. LXI—LXIII, несомнѣнно возбудили живой интересъ въ бывшихъ казанскихъ студентахъ того времени, а въ особенности въ тѣхъ изъ нихъ, которые принимали близкое и непосредственное участіе въ самихъ исторіяхъ.

Имѣя въ виду оставшихся въ живыхъ товарищей университетскаго періода, который такъ объективно рисуется почтеннымъ профессоромъ, я позволю себѣ остановиться на подробностяхъ, вольно или невольно ускользнувшихъ отъ бытописателя изъ попечительской канцеляріи, которыя освѣжать во многихъ изъ моихъ сверстниковъ память о молодыхъ дняхъ,—лучшихъ дняхъ жизни.

Пусть эта пора увлеченій, ошибокъ, заблужденій имѣла и свои темныя стороны, но все-же нѣтъ, я думаю, такого замытареннаго, зачерствѣвшаго, стараго студенческаго сердца, которое не забилось-бы горячѣе, не распахнулось-бы на все честное, доброе и широкое, когда въ него хлынутъ воспоминанія той милой, незабвенной поры.

I.

Казанскій университетъ изображалъ собою въ 1850-хъ годахъ совершенно исключительное явленіе въ ряду другихъ русскихъ университетовъ. За малыми исключеніями, представители науки, застывшіе на первыхъ страницахъ своихъ ученыхъ работъ, одрачлѣвшіе въ непосильной борьбѣ съ варварскимъ русскимъ языкомъ (почти на половину были нѣмцы), способны были внушить молодежи отвращеніе къ занятіямъ подъ ихъ руководствомъ, и нѣсколько свѣтлыхъ именъ, нѣсколько талантовъ не могли отвлечь студенчества отъ того безшабашнаго загула, которому оно предавалось въ большинствѣ.

Эти имена наперечетъ: гуманный, глубокоученный Д. И. Мейеръ (профессоръ гражданского права), благороднѣйшій и талантливѣйшій химикъ А. М. Бутлеровъ, популярный и мягкій М. Я. Киттары—технологъ, честнѣйшій идеалистъ-зоологъ Н. П. Вагнеръ, мелькнувшій быстро историкъ С. В. Яшевскій, добрый буршъ и всегдашній заступникъ студентовъ И. К. Бабстъ, профессоръ политической экономіи и статистики Н. Н. Буличъ, впоследствии ректоръ, и С. В. Пахманъ, впоследствии *volens-polens* инспекторъ, сохранившій и доселѣ добрую память о своей дѣятельности въ тѣ смутныя тяжелыя времена.

Затѣмъ, хоть шаромъ покати: все сплошь или старье, или бездарность, или неисправимый косный нѣмецъ.

Подборъ начальства въ университетѣ былъ тоже какой-то странный, случайный: попечитель—генералъ Молоствовъ—попалъ на эту должность изъ начальниковъ башкирскаго войска; ректоръ Ковалевскій—изъ раскаявшихся польскихъ патріотовъ, принявшій православіе на 60-хъ годахъ своей жизни; инспекторъ Ланге былъ ротнымъ командиромъ гдѣ-то, чуть-ли не въ межевомъ корпусѣ, и, получивъ тамъ оскорбленіе (дѣйствиельно, какъ говорили), удостоился назначенія инспекторомъ казанскаго университета: о субъ-инспекторахъ и говорить нечего,—они были невозможны.

Требованія суровой дисциплины въ иныхъ случаяхъ, при неумѣлости начальства достойно поставить себя передъ молодежью и при скудости умственныхъ интересовъ въ аудиторіяхъ университета, порождали буршевскія, иногда мальчишескія выходки студентовъ, вызывали находчивость хоронить концы своихъ покоекъ, буйства и разгула отъ преслѣдованій инспекціи.

За университетомъ въ тѣ давно минувшіе годы установилась

репутация „цѣльнаго университета“ и министръ просвѣщенія Норовъ, желая похвалить студентовъ, въ свой прїѣздъ въ Казань, сказалъ: „У меня казанскіе студенты молодцы, въ политику не мѣшались, а понять, да погулять ихъ дѣло“. Министръ сглазилъ, и дальнѣйшія университетскія исторіи небыли лишены политической поделки, не говоря уже объ исторіи съ паникхидою, исторіи Иваницкаго и другихъ. Казанское общество, можетъ быть безотчетно, поддерживало въ молодежи ея враждебныя отношенія къ начальству, снисходительно и подчасъ симпатично глядя на кутежи и скандалы студентовъ, встрѣчавшіеся чуть не на каждомъ шагу; подчасъ скрывая и отстаивая виновныхъ, оно въ большинствѣ умѣло отличать угнетаемыхъ отъ угнетателей, сознавая всю ненужную притязательность послѣднихъ.

Если-бы я не боялся впасть въ буффонство, я даль-бы нѣсколько характерныхъ чертъ тогдашняго начальственнаго и профессорскаго персонала, но теперь прямо перейду къ разсказу объ исторіяхъ, въ числѣ которыхъ г. Фирсовъ упоминаетъ исторію, стоявшую мнѣ исключенія изъ казанскаго университета.

II.

Осенью 1856 года студенты особенно расходились; инспекторъ Ланге съ какимъ-то ражемъ преслѣдовалъ за всякую малость; карцеръ и университетскія арестантскія были полны и мнѣ лично довелось провести ночь подъ арестомъ въ одной изъ аудиторій. Арестовывали за растегнутую пуговицу, за длинные волосы, за громкій разговоръ въ университетскомъ коридорѣ, за непосѣщеніе всеобщей и т. д. Стояло, правда, озадачить инспектора неожиданнымъ нахальнымъ отвѣтомъ, чтобы взысканіе миновало; напр., мы были обязаны ходить по праздникамъ до обѣда въ полуформѣ, т. е. при шпагѣ и въ треуголкѣ. Сибирякъ Срѣтенскій, упоминаемый Фирсовымъ, наткнулся, въ 9-ть часовъ утра какого-то праздника, на Ланге, будучи безъ шпаги и въ фуражкѣ.

„Г. Срѣтенскій, въ карцеръ, злорадно замѣтилъ инспекторъ, развѣ вы не знаете, что по праздникамъ до обѣда слѣдуетъ быть въ полуформѣ?“

— „Очень помню, Василій Ивановичъ, отвѣчаетъ Срѣтенскій, но я уже пообѣдалъ“.

„Ну, это другое дѣло“, заключилъ Ланге. величественно удаляясь.

Въ эту самую осень случилась исторія съ однимъ изъ нашихъ товарищей Рѣчкуновымъ. Г-жа У., жена губернскаго чиновнаго туза, встрѣтивъ Рѣчкунова въ одномъ изъ знакомыхъ домовъ, гдѣ тотъ давалъ уроки, пригласила его на танцевальный вечеръ, который былъ у нея назначенъ на слѣдующій день. Добрый, простоватый, нѣсколько бурбонистый Рѣчкуновъ зависъ чуть не на гвоздь, надушился, напомадился и, являсь на вечеръ, не догадался представиться хозяину, надутому, противному чиновнику стараго типа. Рѣзко обратился онъ къ танцующему Рѣчкунову съ вопросомъ: „Какъ вы сюда попали?“ — „Меня пригласила madame У.“, отвѣтилъ студентъ.— „Моя жена для васъ вовсе не madame, сказалъ хозяинъ, извольте выдти вонъ“.

Бѣдняга покорно удалился, а на другой день, узнавъ о скандалѣ, студенты потребовали отъ Рѣчкунова, чтобы онъ заставилъ У. передъ нимъ извиниться; между тѣмъ, У. успѣлъ нажаловаться попечителю и генералъ Молоствовъ, подъ угрозой исключенія потребовалъ, чтобы Рѣчкуновъ просилъ въ чемъ-то прощенія у У—ва.

Это невозможное требованіе попечителя значительно обострило отношенія къ нему молодежи.

Немного времени спустя, Рѣчкуновъ сбрѣху хватилъ какую-то фразу въ присутствіи г-жи Р., сестры окружнаго жандармскаго генерала, и черезъ нѣсколько дней онъ былъ исключенъ изъ университета и высланъ съ жандармами на родину, успѣвъ назвать товарищамъ виновницу своего несчастія.

Молодежь обозлилась и, какъ теперь помню, темнымъ ненастнымъ вечеромъ 14-го октября, въ день св. Прасковьи, нѣсколько отчаянныхъ головъ остановили карету, въ которой Р. возвращалась изъ гостей и, внушивъ ей всю низость ея поступка, стоившаго карьеры бѣдному юношѣ, одинъ изъ студентовъ, на сказанную г-жею Р. угрозу, плюнулъ ей въ лицо. Позорно, дико, все, что хотите, но еще болѣе позоренъ поводъ къ такой варварской расправѣ.

III.

Кутежи разливались по городу широкою волною; карцерный сторожъ (Дагоберъ—по прозванію студентовъ) былъ безъ ногъ отъ провожанія въ карцеръ, близъ колокольни, безпрестанно смѣнявшихся жильцовъ. И въ это-то время, въ началѣ ноября, показались въ Казани два офицера: князь О. и Л., сынъ бывшаго помощника попечителя (знаменитаго математика и благороднѣйшаго человѣка), такъ далеко уватившійся отъ яблони.

Эти господа сразу стали во враждебныя отношенія къ университетской молодежи; я написалъ на нихъ шуточные стихи, которые пошли по рукамъ, и князь О., узнавъ кто ихъ авторъ, на одномъ большомъ обѣдѣ пообѣщался надрать ему публично уши; доброжелатели передали мнѣ это и на первомъ балу въ дворянскомъ собраніи я отрекомендовался О—му съ предложеніемъ исполнить его угрозу; князь О. смѣшался, студенты подсмѣивались и вражда установилась уже прямо личная, направленная противъ меня.

Жилъ я въ то время на Сѣнной площади въ первомъ этажѣ дома, бель-этажъ котораго былъ занятъ трактиромъ „Севастополь“, и товарищи, часто собиравшіеся ко мнѣ, трунили, что я живу „подъ Севастополемъ“. Не буду перечислять тѣ мелкія столкновенія, тѣ недостойныя честной молодости, сплетническіе и доносническіе приемы, которые пускали въ ходъ мои противники; скажу только, что напряженность негодованія противъ нихъ со стороны моихъ близкихъ товарищей, дошла до послѣдней степени.

4-го декабря, въ седьмомъ часу вечера, съ пѣснями и шумомъ ввалила ко мнѣ толпа друзей, уже подгулявшихъ и, сообщивъ, что офицеры поѣдутъ въ одиннадцатомъ часу на балъ въ Протопоповыиъ, предложила напасть на нихъ при этомъ удобномъ случаѣ.

На столѣ появился самоваръ, рублевый коньякъ, пошла живая бесѣда, споръ, пѣсни и въ десять часовъ вечера, Резяповъ (а не Рязановъ, какъ пишетъ г. Фирсовъ), Страдинъ, Поздновскій, Водовъ и я вышли изъ квартиры, съ цѣлю выждать на другомъ концѣ площади, у Чернаго озера, проѣзда офицеровъ. Водова какъ-то вдругъ развезло и мы отослали его домой, а сами разбѣстались вдоль Чернаго озера, гдѣ, полчаса спустя, и произошло столкновение; мы удалились съ поля битвы побѣдителями, оставивъ на мѣстѣ калошу, потерянную Резяповымъ въ пылу битвы.

Эта калоша и выдала все! Нѣкто Александръ Николаевичъ Бекетовъ (нынѣ покойный), очень милый человѣкъ, ѣхавшій по

площади на балъ во время свалки, разсказалъ громогласно, что князя О. и Л. треплютъ студенты, и полицеймейстеръ, полковникъ Кноррингъ, немедленно поскакалъ на мѣсто; но по ошибкѣ, думается мнѣ, умысленной (Кноррингъ былъ лхой, симпатичный старикъ, бывшій дерптскій студентъ), проѣхалъ мимо другаго конца Чернаго озера, шагахъ въ 300-хъ отъ того, гдѣ случилось столкновеніе и, разумѣется, тамъ никого не видалъ и не слыхалъ ничего.

Тѣмъ не менѣе, онъ приказалъ приставу 1-ой части Шляхтину разслѣдовать дѣло и тотъ нашелъ на площади калошу; хотя сторожъ при студенческомъ платьѣ, Малиновскій (одно изъ эпическихъ лицъ казанскаго университета), получилъ строгое внушеніе не узнавать калоши (оставшаяся была сожжена въ эту ночь), но Шляхтинъ догадался собрать всѣхъ сапожниковъ, живущихъ близъ университета, и одинъ изъ нихъ призналъ свою работу, сказавъ, что калоша принадлежитъ студенту Резяпову.

Намъ это было пока неизвѣстно, слышали мы только, что образована какая-то комиссія для разслѣдованія дѣла и что офицеры, переодѣвшись въ другіе мундиры, явились на балъ, но были встрѣчены обществомъ, въ особенности дамами, очень сдержанно и сухо.

Ждали мы цѣлый день вызова отъ нашихъ противниковъ, но дождались лишь того, что Резяповъ, вечеромъ 5-го числа, былъ обысканъ и отправленъ въ карцеръ.

Мы оставались пока на свободѣ и писали къ Резяпову, засовывая въ папиросы навернутыя на спички записки и снова заклеивая пачки отпаренною бандеролью.

Какъ городу, такъ и казанскому университету было хорошо извѣстно ядро того кружка, чловѣкъ въ 20-ть, который мы составляли; извѣстны были и столкновенія съ офицерами, но послѣдніе упорно отрицали фактъ, а потому начальство, не взирая на всю его безцеремонность, не рѣшалось забрать насъ, не заручившись хоть какими-нибудь уликами.

Комиссію составляли: полицеймейстеръ, жандармскій полковникъ, прокуроръ, синдикъ университета, мѣстный приставъ и еще три лица безъ рѣчей, настолько безцвѣтныя, что я даже не припомню, кто они были, да и времени прошло, по правдѣ сказать, не мало, почти 33 года, и теперь я, старикъ, глядя на свои сѣдины, изумляюсь: какъ живо встаютъ передъ глазами всѣ мельчайшія подробности дѣла, по мѣрѣ того, какъ я пишу эти воспоминація, и какой отзвукъ находятъ въ моемъ сердцѣ бурно проведенныя лѣта юности.

Поведеніе комиссіи, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ изъ ея членовъ, я не назвалъ-бы идеально-честнымъ, такъ, напр., подъ видомъ участія они посылали къ Резяпову въ карцеръ не бутылкѣ коньяку и увѣренные, что онъ въ какой-нибудь часъ не оставить въ ней ни капли, отправлялись снимать съ него допросы.

Но нашъ Резяповъ, башкирецъ по происхожденію, уперся какъ быкъ: и знать не знаетъ, вѣдать не вѣдаетъ о томъ, что случилось вечеромъ, 4-го декабря, близъ Чернаго озера.

Между тѣмъ я, хорошо принятый въ казанскомъ обществѣ чаще прежняго показывался всюду: на вечерахъ, въ собраніи, въ театрѣ, въ маскарадѣ, съ виду веселый и оживленный, какъ и всегда, хотя надъ душою тяготѣло ожиданіе чего-то важнаго въ жизни.

Самымъ тѣснымъ моимъ другомъ былъ студентъ Левашовъ (Колинька Левашовъ,—какъ его звалъ весь городъ), жившій съ отцомъ въ своемъ домѣ, а наверху проживала близкая имъ семья Н. П. Д. родной сестры попечителя Молоствова, въ младшую дочь которой, чернооую красавицу О., я былъ влюбленъ со всѣмъ жаромъ здороваго девятнадцатилѣтняго сердца.

Тамъ я бывалъ каждый день, какъ вдругъ, сидя за обѣдомъ у Левашова, 13-го декабря, я услышалъ, что въ передней кто-то произнесъ мое имя; это былъ субъ-инспекторъ Иванъ Ивановичъ Ивановъ ($3 \times 3 = 9$, какъ его называли), пріѣхавшій за мною отъ имени комиссіи, которая была уже у меня на квартирѣ, откуда, кстати сказать, все мало-мальски не подходящее было убрано давнымъ давно, и кромѣ скромной студенческой обстановки были только: тетрадки лекцій, родственныя письма, бильярдный кій и пара чудесныхъ пистолетовъ.

Не дообѣдавъ, ѣду съ субъинспекторомъ домой; у воротъ казакъ, полицеймейстерская пара, еще нѣсколько экипажей и кучка любопытныхъ: „Вотъ его, евтого самага брать пріѣхали“, слышалось въ толпѣ, пока я проходилъ мимо. Въ квартирѣ чинно сидѣли члены комиссіи; полицеймейстеръ объяснилъ мнѣ цѣль пріѣзда, сивдикъ удостовѣрилъ право обыскать меня, и эта процедура была исполнена методически, съ рвеніемъ не по разуму, какъ говорится: распоролъ даже мочальный тюфякъ моего слуги и лазили подъ печку въ кухню. Затѣмъ меня объявили арестованнымъ, посадили вмѣстѣ съ полицеймейстеромъ на его пару, сивдикъ и еще кто-то всталъ на запятки, и по командѣ полицеймейстера „домой“ весь кортежъ тронулся по направленію къ Воскресенской улицѣ.

При выѣздѣ на площадь, стояла группа студентовъ, человѣкъ

въ 30—40, узнавшихъ о моемъ арестѣ. „Что, Никола, выручать?“ , слышались голоса изъ этой милой толпы, пока смущенный полицеймейстеръ шепталъ мнѣ: „Ради Бога, остановите скандалъ“. — „Спасибо, друзья, это ни къ чему не поведетъ, спасибо, посторонитесь“, отвѣтилъ я. Толпа разступилась, и мы благополучно прибыли въ квартиру полковника Кнорринга.

IV.

Когда мы вошли въ обширный полицеймейстерскій кабинетъ Кноррингъ предложилъ всѣмъ идти обѣдать; я отказался и расположился на оттоманкѣ противъ горящаго камина, обдумывая свое положеніе.

Послѣ обѣда, комиссія усѣлась за длинный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, мнѣ предложили стулъ напротивъ, и начали допросъ, не лишенный комизма; послѣ извѣстныхъ формальностей, спрашиваютъ:

— „Что побудило васъ нанести побои такимъ-то?“

— Скажите, говорю, развѣ ихъ побили?

— „Чего-же вы спрашиваете, когда вы били сами, и это фактъ установленный“.

— Если установленный, то мнѣ не стоитъ и отвѣчать, только хотѣлось-бы знать, гдѣ и когда я ихъ билъ.

— „4-го декабря вечеромъ, у Чернаго озера“.

— Виновать, не могъ я быть 4-го у Чернаго озера, такъ какъ въ этотъ день я обѣдалъ на именинахъ и просидѣлъ до втораго часа ночи въ такомъ-то семейномъ домѣ и мое alibi можетъ быть провѣрено хоть сейчасъ.

— „Вы намъ эту латынь-то въ носъ не суйте, сказалъ жандармскій полковникъ, а вотъ будьте повѣжливѣе, не облакачивайтесь рукою на столъ“.

Я отпарировалъ: „Слушаю, говорю, полковникъ, только надо-бы было всѣмъ соблюдать вѣжливость; вы вотъ сидите-же разстегнутымъ и суете мнѣ въ носъ дымъ вашей сигары, а я ничего не курю и могу упасть въ обморокъ отъ табачнаго дыма“.

— „Бросьте, бросьте, шепчетъ ему полицеймейстеръ“.

„Хорошо, говоритъ, сидите, какъ сидѣли“.

Грѣшнень, сошкольничалъ: — „Хорошо, говорю курите, какъ курили“, но да простится мнѣ этотъ задоръ, ради моихъ тогдашнихъ девятнадцати лѣтъ.

Такъ ни къ чему и не пришли въ этотъ вечеръ; мнѣ поставили въ полицеймейстерской гостинной желѣзную кровать, дали его халатъ и туфли и накормили отличнымъ ужиномъ; ну, думаю себѣ, быть такъ арестованнымъ нехудо.

На утро приходитъ ко мнѣ въ комнату нахлѣбникъ полицеймейстера проф. Бабсть, дружески разспрашиваетъ какъ и что и предлагаетъ въ мое распоряженіе свою библиотеку — жить, значить, можно; мой вѣрный крѣпостной слуга Кузьма принесъ бѣлье и хотя былъ тщательно обысканъ, передалъ мнѣ записочку, спрятанную за щекою.

Милый, честный слуга и другъ! Миръ его праху, онъ умеръ въ 1858 году отъ тифа въ Петербургѣ, куда никакъ не хотѣлъ отпустить меня безъ себя.

Комиссія пустилась на штуки; побывала у Резяпова въ карцерѣ и, раздѣваясь въ прихожей, громко, для меня разумѣется, рассуждала, что какъ-бы то ни было, но со стороны Резяпова неладно выдавать товарищей, какъ онъ это сдѣлалъ сейчасъ. Усѣлись, вызвали меня: „Ну, вотъ, говорятъ, и дѣлу конецъ: Резяповъ во всемъ признался и называлъ всѣхъ участниковъ“.

— Неужели-же и Резяповъ участвовалъ въ побояхъ? спрашиваю.

— „Прикидываться не знающимъ поздно, говорятъ,—Резяповъ называлъ всѣхъ и въ томъ числѣ васъ, Страдина и Понизовскаго“.

Это „въ томъ числѣ“ еще болѣе убѣдило меня, что они измышляютъ, и я наивно замѣтилъ, что вѣрно Резяповъ достаетъ вино въ карцерѣ и допился до потери разсудка.

Не выгорѣло одно,—попробовали другое.

— „Мы хотимъ спросить подъ присягою вашу прислугу; вы ничего не имѣете противъ этого?“

— Сдѣлайте милость, говорю, поступайте какъ вамъ угодно.

— „Дайте намъ подписку, что вы ничего не имѣете противъ“.

— Полноте, говорю, господа, какая тутъ подписка, поступайте какъ угодно.

Отложивъ засѣданіе до вечера, комиссія повторила свою штуку надъ Резяповымъ, и бѣдняга попался на удочку: онъ рычалъ, рвалъ на себѣ волосы и замѣтилъ, что коль уже товарищи выдали, то и ему не стоитъ скрываться, и разсказалъ все какъ было.

Оказалось, что съ моимъ арестомъ летучая папиросная почта превратилась и Резяповъ, не получая свѣдѣній о ходѣ дѣлъ и должныхъ инструкцій, подумалъ, что дѣйствительно все открыто.

Слѣдуетъ замѣтить, что у меня, кромѣ Кузьмы, проживала моя старая, тоже крѣпостная, нянька, сначала подававшая молодежи

поводъ острить: „студентъ съ нянькою живетъ“, но потому эта замѣчательная старуха заслужила любовь и уваженіе всѣхъ ходившихъ ко мнѣ товарищей, очень любившихъ слушать ея рассказы.

Такъ вотъ въ вечернее засѣданіе были призваны мои слуги и, послѣ разъясненія святости присяги и приведенія къ ней, комиссія приступила къ допросу: моя бѣдная старушка, глубоко вѣрующая, религіозная, постоянно читавшая духовныя книги и въ то-же время болѣе жизни любившая своего питомца, не допускавшая мысли, чтобы кто-нибудь не только захотѣлъ, но даже посмѣлъ его обидѣть, и вдругъ ее хотятъ заставить давать подѣ присягою показанія—противъ кого-же,—противъ ея кумира, ея любимаго дѣтища.

„Извольте спрашивать“, говоритъ эта желтоблѣдная, сморщенная маленькая старушка, съ трясущимися губами, упорно глядя своими потухшими глазами на лежащее на столѣ Распятіе.

— „Помни, что за ложную присягу пойдешь въ Сибирь“, предварилъ ее одинъ изъ членовъ комиссіи.

„Не пугайте, не боюсь“, отвѣчала она, и твердымъ голосомъ отвергла все: и приходъ ко мнѣ студентовъ 4-го декабря, и мое присутствіе дома въ этотъ день, и всѣ сговоры идти на площадь, которыхъ она не могла не слышать, сидя все время въ смежной комнатѣ съ отворенною дверью.

Она солгала, бѣдная, но Богъ не поставитъ ей въ вину эту ложную присягу.

Сидя въ комнатѣ рядомъ; я слышалъ все, я раздѣлялъ ея душевныя муки и страданія, и если-бы эти ходячіе манекены что-нибудь понимали, они позвали-бы меня, они увидали-бы горькія слезы, которыя душили меня, полного беззащитной удали и буйныхъ порывовъ юношу, они услышали-бы мое искреннее признаніе, мои горячія просьбы, мои мольбы, дѣлать со мною что угодно, лишь отпустить съ миромъ мою старую, преданную, дрожащую няньку.

Но они не сумѣли воспользоваться минутою и приступъ молодого великодушія уступилъ желанію узнать что покажетъ мой другъ Кузьма.

Полный легкомысленной отваги, онъ все отринулъ; старуха, видно, зарядила его на славу, но очная ставка съ Резяповымъ взорвала всѣ ухищренія на воздухъ: настолько не хватило у моего слуги ни мужества, ни умѣнья, чтобы не быть выбитымъ изъ колен, и подѣ угрозами жандармскаго офицера, подѣ ловкими подходами прокурора, онъ упалъ на колѣни и слезно просилъ помилованія. Мнѣ надоѣла эта комедія, и попросивъ позволенія войти, я заявилъ, что молчать теперь не стоитъ, успѣвъ громко

сказать Резяпову, что онъ былъ обманутъ (отчего этотъ богатырь чуть не зарыдалъ), и просилъ только отложить засѣданіе на завтра, чтобы съ бѣльшимъ спокойствіемъ духа давать показанія.

Сваливъ гору съ плечъ, торжествующая комиссія согласилась, а я, взявъ у Бабста бумаги и чернилъ, до глубокой ночи писалъ то, что намѣревался представить на другой день моимъ допросчикамъ.

Мнѣ помнится, что я написалъ искренно и горячо, и дорого-бы я далъ теперь, чтобы вернуть этотъ листъ, съ такимъ удовольствіемъ уничтоженный потомъ комиссіею. Я нарисовалъ картину университетскихъ угнетеній, весь ужасъ передъ бесполезнымъ мусоромъ тупыхъ формальностей, кантонистской дисциплины, фарисейской набожности; описалъ деморализирующее вліяніе тогдашняго университетскаго строя на 16 и 17-лѣтнихъ юношей, чуть не дѣтей, становящихся студентами; я честно рассказалъ о возрастающемъ возбужденіи противъ нѣкоторыхъ офицеровъ, своимъ нахальствомъ, цинизмомъ, отказомъ отъ всякихъ объясненій лившихъ масло въ разгоравшееся пламя. Я объяснилъ какъ было дѣло отъ А до Z, безъ умолчанія и утайки, но объяснилъ и то, какъ комиссія спаивала арестанта (Резяпова) и какъ она, вопреки закону, приюдила къ присягѣ крѣпостныхъ людей; ни одна неправильность, ни одна угроза, ни одно пристрастіе не были мною забыты.

Наступило утро. Комиссія собралась и съ шуточками и анекдотами принялась за дѣло; но горячая отвѣдь 19-ти-лѣтняго преступника (?) не пришлась ей по вкусу; попробовали сухо напомнить мнѣ, что я долженъ отвѣчать на вопросные пункты, а не писать „эпитеты или тамъ эпиграммы что-ли“, какъ выразился жандармскій полковникъ, но я не уступилъ ни на грошъ, отказавшись на-отрѣзъ писать что-либо другое.

Ну что-же, вѣдь не пытатъ меня въ самомъ дѣлѣ, а мои замѣтки о производствѣ слѣдствія казались какъ будто лишними; стали торговаться и сошлись на томъ, что я далъ изорвать мою исповѣдь и написалъ показаніе по формѣ, смягчивъ многіе факты, для насъ малоблагопріятные.

V.

Такимъ образомъ закончилось это пресловутое слѣдствіе, такъ какъ послѣ моихъ показаній допросъ Страдина и Понизовскаго былъ уже простою формальностью, но арестъ мой почему-то продолжался, и легко представить себѣ мою скуку, когда, не имѣя передъ собою никакихъ комиссій, никакихъ допросовъ, никакой борьбы, однимъ словомъ, я проводилъ дни глядя въ окно на Воскресенскую улицу, гдѣ безпрестанно проѣзжали знакомые, привѣтствуя меня, бѣднаго узника, ходили толпами товарищи, нытались знаками объясняться со мною.

Помню я, какъ теперь, одинъ случай, когда я узналъ, что всѣ мои друзья въ этотъ вечеръ въ театрѣ, а тѣ, на кого я такъ жадно хотѣлъ-бы взглянуть хоть на одну минуту, перекинуться хоть однимъ словечкомъ, будутъ въ литерной ложѣ; пошелъ я къ моему милому тюремщику, полицмейстеру, помѣшалъ ему спать послѣ обѣда и сталъ молить взять меня въ театръ: „Только войти и поздороваться въ литерную ложу; никто меня не увидитъ, никто не узнаетъ, ну, милый Николай Ивановичъ, вы сами были студентомъ, сами любили когда-нибудь, на одну только минуту, а потомъ хоть на хлѣбъ и на воду“.

Старый буршъ разнѣжился, обнялъ меня и, чуть не со слезами на глазахъ, отказалъ въ просьбѣ, обѣщая, впрочемъ, что я скоро буду выпущенъ на свободу.

Дѣйствительно, на 6-ой день моего ареста, въ восьмомъ часу вечера, радостный и счастливый влетѣлъ въ квартиру полицмейстера мой другъ Левашовъ и, бросившись обнимать меня, объявилъ свободу; попечитель сообщилъ объ этомъ своей сестрѣ, справлявшейся обо мнѣ неоднократно, но такъ какъ никакой записки у Левашова не было, то полицмейстеръ, внявъ его клятвѣ и увѣреніямъ, рѣшился послать въ университетъ (почти рядомъ) справиться о распоряженіи попечителя.

Благопріятный отвѣтъ последовалъ тотчасъ, но, тѣмъ не менѣе мнѣ было приказано немедленно явиться къ попечителю, и я, сердечно поблагодаривъ Кнорринга за привѣтъ и ласку, вмѣстѣ съ Левашовымъ отправился къ генералу Молоствову.

Въ темномъ большомъ кабинетѣ, освѣщенномъ одною лампою, въ большомъ вольтеровскомъ креслѣ, сидѣлъ Молоствовъ съ зеленымъ зонтикомъ на глазахъ; его маленькая коренастая фигура, съ бѣлыми какъ лунъ гладко стриженными волосами на вискахъ и

на затылкѣ и съ орлинымъ носомъ до сихъ поръ стоить у меня передъ глазами.

Зная меня по дому своей сестры и вообще по обществу, попечитель довольно ласково сказалъ: „Здравствуйте, молодой человѣкъ, садитесь“.

Я сѣлъ. Наступило тягостное молчаніе.

— „Что съ вами будетъ?“ спросилъ попечитель.

— Не знаю, отвѣтилъ я.

— „Какъ могли вы рѣшиться на такой поступокъ! Что будетъ съ вашимъ несчастнымъ отцомъ? И все отчего?—отъ кутежей, да-съ, отъ кутежей“, прибавилъ старикъ, самъ любившій кутнуть, повышая голосъ.

Я молчу.

— „Ну-съ теперь, чтобъ уменьшить свою вину, доказать чисто-сердечное раскаяніе... я увѣренъ, что вы раскаиваетесь,—почти крикнулъ генераль,—я прошу васъ назвать имена студентовъ, остановившихъ карету Р. 14 октября; вы ихъ навѣрное знаете“.

— Ваше пр-во можете считать меня очень виновнымъ, сказалъ я, но не можете считать безчестнымъ; какимъ негодяемъ показался-бы я вамъ, если-бы выдалъ товарищей.

Молоствовъ, въ сущности добрый и благородный, вскочилъ съ кресла и, съ жигостью схвативъ меня за локоть, проговорилъ расстроганнымъ голосомъ: „Правда, правда, молодой человѣкъ, правда, вы благородный молодой человѣкъ, можете идти домой“ ¹⁾.

Наскоро поклонившись и не дожидаясь повторенія, я выскочилъ въ приемную, гдѣ меня ждалъ Левашовъ, и на его лошади мы мигомъ долетѣли до его дома; „привезъ арестанта“, крикнулъ онъ еще внизу лѣстницы, и когда я вбѣжалъ наверхъ, то уже одна изъ барышень сидѣла за роялемъ, а другая клала мнѣ руку на плечо, и я, не успѣвъ ни съ кѣмъ поздороваться, туромъ вальса праздновалъ мое освобожденіе.

Сколько жизни, сколько увлеченія и молодого веселья было на этомъ вечерѣ, хотя радушіе хозяевъ, необычайное количество родственницъ барышень (cousinage) и крайняя простота обращенія всегда дѣлали этотъ домъ любимымъ пристанищемъ молодежи.

¹⁾ Слѣдуетъ замѣтить, что хотя весь университетъ зналъ имена студентовъ, остановившихъ Р., но они такъ и остались неизвѣстными начальству.

VI.

На другой день намъ четверымъ было объявлено странное распоряженіе начальства: „не посѣщать университетъ во избѣжаніе дурнаго вліянія на товарищей“, какъ будто мы не видались постоянно въ домахъ, на улицахъ, въ театрѣ, въ трактирѣ и т. д.

Между тѣмъ, мы узнали, что слѣдственное дѣло о насъ ступавлено въ Петербургъ и что добрый старикъ губернаторъ, Баратынскій, всячески старается смягчить нашу участь.

Такъ шелъ зимній сезонъ, и жизнь молодая, привольная, веселая текла обычною колею; общество не только не отвернулось отъ меня, а относилось еще съ большею, кажется, противъ прежняго привѣтливостію и ласкою; всѣ жалѣли меня, предвидя тяжкія послѣдствія петербургской расправы, но я не унывалъ и, право, никогда не пѣлъ, не танцевалъ и не посѣщалъ такъ охотно своихъ друзей и знакомыхъ, какъ въ это именно время.

Пронесся слухъ, что въ Казань ѣдетъ по нашему дѣлу флигель-адъютантъ Б. А. Перовскій; наконецъ, онъ пріѣхалъ и какъ разъ въ день большаго бала у одного изъ казанцевъ—П. И. Г. Приглашенный хозяиномъ на балъ, но еще не представленный хозяйкѣ, Перовскій подходилъ къ ней въ то время, когда я, въ моемъ студенческомъ мундирѣ, говорилъ съ прекраснѣйшею Е. Н., и графъ поневолѣ меня замѣтилъ. Глядя на мое счастливое, оживленное лицо, Перовскій спросилъ Г.: „кто этотъ юноша?“

Хозяинъ назвалъ меня.

— „Родственникъ тому, по дѣлу котораго я пріѣхалъ?“

— Нѣтъ, онъ самъ.

— „Странно“, замѣтилъ Перовскій, догадавшійся, вѣроятно, что лучшее казанское общество не принимало-бы столь радушно „разбойника“, какимъ меня ему, вѣроятно, описали.

Пробывъ въ Казани нѣсколько дней, не спросивъ насъ ни о чемъ и не отмѣнивъ распоряженія о непосѣщеніи университета, Перовскій уѣхалъ въ Петербургъ, обѣщавъ, впрочемъ, своимъ знакомымъ „ходатайствовать за насъ“, а черезъ мѣсяцъ частный приставъ Виноградовъ, являсь въ 8-мъ часовъ утра, объявилъ мнѣ объ исключеніи меня и троихъ моихъ товарищей изъ университета съ тѣмъ, чтобы насъ никуда впредъ не принимать, и желалъ отобрать отъ меня подписку, что я въ 24 часа покину Казань.

Подписки я не далъ, а поѣхалъ объясняться къ полицмейстеру, который выхлопоталъ мнѣ у губернатора разрѣшеніе остаться въ

городѣ на семь дней, подъ честнымъ словомъ не домогаться новой стерочки, но тѣмъ не менѣе квартальный надзиратель Губовъ былъ приставленъ негласно наблюдать за мною, и онъ дѣлалъ это такъ глупо, что быть-бы ему побитымъ, если-бы настроеніе моего кружка, вызванное моимъ скорымъ отъѣздомъ, не было угнетеннымъ. Я до сихъ поръ съ теплымъ чувствомъ вспоминаю эту недѣлю: сколько за эти дни выяснилось добраго расположенія, участія, дружбы, какія золотыя сердца оказались у людей, повидимому черствыхъ, и какъ быстро пронеслась эта недѣля!

Въ теплый мартовскій день, когда уже притаивало порядкомъ, въ мягкія сумерки я покидалъ Казань, гдѣ прошли три лучшіе года юности, гдѣ я встрѣтилъ столько любви и ласки отъ людей мнѣ совершенно постороннихъ; разбивались надежды, таяли дорогія мечты, впереди печальная неизвѣстность и тяжкое свиданіе со старикомъ-отцемъ, жестоко огорченнымъ моею участію — тяжело на душѣ! Не дай Богъ никому переживать такія минуты, и поѣздъ изъ нѣсколькихъ троекъ, съ провожавшими меня до Услона студентами, несмотря на покрики ухарей-ямщиковъ и звонъ колокольцевъ и бубенчиковъ, походилъ больше на похоронную тризну, чѣмъ на молодое разставанье.

Прощай Казань, прощайте товарищи, прощай любовь!

Мы разстались въ Услонѣ; становилось темно, за Казанью гасла румяная заря, лошади весело бѣжали по обледѣвшей къ вечеру дорогѣ; въ углу кибитки, какъ не живая, недвижно сидѣла старая нянька; на козлахъ, угрюмо опустившись, ютился Кузьма. Я уткнулъ голову въ подушку—и горько, горько заплакалъ.

VII.

Всѣ мои товарищи по несчастью: Страдинъ, Понизовскій, Резяповъ и милый собутыльникъ Водовъ давно уже спятъ въ сырой землѣ; одинъ я изъ всей компаніи еще живъ и бодрюсь, не взирая на житейскія невзгоды и физическіе недуги.

Не буду останавливаться на моей печальной встрѣчѣ съ отцемъ, на невеселомъ лѣтѣ, проведенномъ въ моемъ миломъ уголкѣ, на берегу Свѣяги, въ Симбирской губерніи, а еще разъ помяну добрымъ, душевнымъ словомъ даже мало знакомыхъ людей, съ рѣдкою готовностью шедшихъ ко мнѣ на помощь.

Послѣ отъѣзда Перовскаго изъ Казани, я встрѣтился въ домѣ П. И. Г. съ его родственникомъ—Извольскимъ, ѣхавшимъ служить

въ Сибирь къ гр. Н. Н. Муравьеву; Извольскій заинтересовался моею участію, и такъ какъ въ Казани всѣ говорили: „хорошо, если только исключать, а то, пожалуй, отдадутъ въ солдаты, вѣдь въ дѣлѣ замѣшаны военные“, то онъ обѣщался попросить гр. Муравьева ходатайствовать за меня передъ министромъ просвѣщенія; этимъ ходатайствомъ спасались и остальные трое товарищей, потому что облегченіе участи одного изъ исключенныхъ не могло имѣть мѣста.

Мнѣ было сообщено въ копіи письмо графа Н. Н. Муравьева къ министру Норову; я не помню его въ точности, но по пословицѣ: „иногда ложь во спасеніе“, и его спасшая меня ложь была приблизительно слѣдующая: гр. Муравьевъ просилъ Норова — „въ особенное для него одолженіе“ дать бывшему студенту С—у, лично ему хорошо извѣстному (?), возможность окончить курсъ университета, не лишая его, гр. Муравьева, полезнаго чиновника, такъ какъ С. намѣревался по окончаніи университета служить у него въ Сибири (?), и что онъ своею служебною дѣятельностью имѣлъ-бы возможность искупить заблужденія молодости.

Въ половинѣ іюля получилось увѣдомленіе, что намъ разрѣшается вновь поступить въ университетъ, но съ представленіемъ доброй аттестаціи за время послѣ нашего исключенія отъ мѣстныхъ губернаторовъ и по усмотрѣнію университетскаго начальства.

На бѣду, какъ-то лѣтомъ, на гуляніѣ въ городскомъ саду въ Симбирскѣ, я чуть не пришибъ квартальнаго, сдѣлавшаго мнѣ какое-то замѣчаніе, и на добрую аттестацію губернатора надежда была слабенька, но дѣло обошлось; у него самого былъ сынъ студентъ—и губернаторъ аттестовалъ меня съ самой лучшей стороны.

Въ началѣ августа, воспрянувши духомъ, я полетѣлъ въ Казань; Молоствовъ былъ въ отпуску, должность его правилъ Веселаго и, не заставъ его дома, я отправился къ ректору Ковалевскому. Мягко стлавшій Ковалевскій принялъ меня ласково и любезно, жаль руку и съ улыбкою объявилъ мнѣ, что мои товарищи приняты, но... я принять не буду, такъ какъ имѣю вредное вліяніе на товарищей.

Я вспыхнулъ и рѣзко замѣтилъ Ковалевскому, что странно, какъ все начальство и онъ, ректоръ, въ томъ числѣ, боится вліянія 20-ти лѣтнаго юноши; но только я его и видѣлъ: какъ ужаленный, ректоръ выскочилъ въ другую комнату и, гнѣвно проговоривъ изъ-за полуотворенной двери: „прошу васъ меня оставить“, заперъ ее на ключъ. Убитый и обездоленный, я побрелъ къ моимъ дальнимъ, но близкимъ по сердцу родственникамъ Араповымъ, съ которыми и до сихъ поръ живемъ душа въ душу, и повѣдалъ имъ мое неизбывное горе.

Старикъ Араповъ, готовый для всякаго посторонняго, хоть для врага, снять послѣднюю рубашку, возмутился, всполошился тотчасъ-же ѣхать хлопотать у губернатора, но я отказался наотрѣвъ, зная, что если подъ давленіемъ просьбъ и вліяній я и буду принять, то начальство придерется къ чему-нибудь и не замедлитъ погубить меня безповоротнo.

Тогда Арапову пришло въ голову обратиться за совѣтомъ къ гостившему тогда въ Казани петербургскому профессору Александру Кассимовичу Каземъ-Беку, своему давнему и близкому знакомому.

Каземъ-Бекъ, внимательно разспросивъ въ чемъ дѣло, пожелалъ меня видѣть и далъ честное слово, что устроить меня въ университетѣ въ Петербургѣ, куда собирался ѣхать наднихъ: „вѣдь у насъ, говорить, и попечитель—Щербатовъ и ректоръ—Плетневъ не люди, а золото; они будутъ рады помочь вамъ, а вы, говорить, дождитесь моей телеграммы въ Казани“.

Въ юношескомъ порывѣ, я бросился обнимать симпатичнаго, гуманнаго Каземъ-Бека и, сразу повѣривъ его спокойно и убѣжденно высказанному обѣщанію, остался терпѣливо ожидать питерскихъ вѣстей.

Вѣсть, въ видѣ телеграммы къ Арапову, была слѣдующая „Вели С—у пріѣзжать, будетъ принять“, и 21-го сентября, напутствуемый благословеніями родныхъ, добрыми пожеланіями друзей и знакомыхъ, я отплылъ на самолетскомъ пароходѣ съ моимъ незабвеннымъ Кузей въ обѣтованную землю—Петербургъ.

VIII.

Желѣзной дороги отъ Нижняго до Москвы тогда еще не существовало, и я, никогда не бывавшій далѣе Казани, рѣшился ѣхать на пароходѣ до Твери; было это долго, но зато ново, спокойно и дешево по тощему студяческому карману, и, наконецъ, на 6-й или 7-й день путешествія, я прибылъ въ Петербургъ утромъ, когда мелкій, ненастный дождь, какъ пеленою застилалъ Невскій проспектъ, специальная петербургская сырость пронизывала до костей и грустный, подавленный сознаніемъ полнаго одиночества, провелъ я первый день въ чужомъ незнакомомъ городѣ, въ поднебесномъ номерѣ Знаменской гостинницы, съ видомъ на грязный дворъ. Взгрустнулось и Кузѣ.

Я нигуда не выходилъ въ тотъ день, только извѣстилъ о своемъ пріѣздѣ двухъ—трехъ студентовъ, перешедшихъ ранѣе изъ Казани

въ Петербургъ, да земляка и пріятеля Якобія, бывшаго тогда уже въ Академіи Художествъ; рано легъ спать и, проснувшись по утру, былъ какъ-то ободренъ и обрадованъ яркимъ свѣтомъ солнца, затоплявшимъ весь дворъ и золотившимъ, торчавшую передъ глазами, угрюмую стѣну.

Солнечный лучъ побѣдно явилъ на мнѣ свою силу: ничто не измѣнилось со вчерашняго дня, та-же неизвѣстность и то-же одиночество смотрѣли мнѣ въ лицо, но этотъ взглядъ уже не былъ такъ угрюмъ, холоденъ и безнадеженъ, какъ вчера; будущее не казалось мрачнымъ и я, бодрый и веселый, съ вѣрою въ свои силы, тѣ свою звѣзду, одѣлся и направился къ Каземъ-Беку.

Видъ большаго, красиваго города, движеніе, суета подѣйствовали на меня возбуждающимъ образомъ, и я съ легкимъ сердцемъ позвонилъ въ квартиру моего добрѣйшаго адвоката Александра Кассимовича, близъ Спаса Преображенія.

Рѣдкій красавецъ и не для своихъ лѣтъ, въ своемъ полувосточномъ костюмѣ, съ мягкимъ восточнымъ акцентомъ, Каземъ-Бекъ встрѣтилъ меня дружески, и, не давая опомниться, велѣлъ тотчасъ-же отправиться къ попечителю, — „ужъ кн. Щербатовъ знаетъ, прибавилъ онъ, да и здѣсь, кстати, рядомъ, на Моховой“.

Съ меньшею рѣшимостію, но все-таки смѣло, входилъ я въ палаты князя; вѣжливый швейцаръ отвѣтилъ „не принимаютъ“, но замѣтивъ, вѣроятно, мое смущеніе, спросилъ: „А какъ о васъ доложить?“

— „Бывшій казанскій студентъ С—нъ“.

„Пожалуйте, ласково сказалъ швейцаръ, вѣрно переходите въ нашъ университетъ; вы по штатски, поэтому я вамъ и отказалъ, а студентовъ князь принимаетъ во всякое время. Студентъ г. С—нъ, доложите!“; громко добавилъ швейцаръ, отворяя мнѣ двери въ пріемную. Ожидать пришлось не болѣе минуты; высокій, худой, лысый, съ широкою улыбкой, какою-то расквашающею походкою, выскочилъ кн. Щербатовъ изъ кабинета и, энергично пожавъ мнѣ руку, сказалъ своимъ пріятнымъ, нѣсколько глуховатымъ голосомъ: „Здравствуйте, г. С—нъ, очень радъ. Вамъ предшествуетъ печальная извѣстность, но я васъ не боюсь; милости просимъ, я вполне убѣжденъ, что мы всегда будемъ друзьями. Идите къ Петру Александровичу Плетневу, къ ректору, пояснилъ онъ, — и все уладится. Прощайте“.

Я такъ былъ смущенъ и неожиданно милымъ, непривычнымъ въ Казани, пріемомъ и торопливою рѣчью князя, что, пробормотавъ что-то невнятное, вышелъ на Моховую. Слова кн. Щербатова сбылись:

не только въ бытность его попечителемъ, но и потомъ, много лѣтъ спустя, мы встрѣчались съ нимъ всегда въ такихъ добрыхъ отношеніяхъ, которыя я никогда не забуду, какъ не забуду благороднаго образа этого рѣдкаго, великодушнаго, прамаго, смѣлаго человѣка.

У П. А. Плетнева то-же новое оживляющее впечатлѣніе: маститый ректоръ усадилъ меня въ своей гостинной, съ отеческою ласкою распросилъ обо всѣхъ обстоятельствахъ моего исключенія, взялъ мои документы и, отпуская меня, промолвилъ: „Ну вотъ вы и нашъ; вносите деньги и хоть завтра начните посѣщать лекціи. Помните, С—нъ, что во всякихъ трудныхъ случаяхъ вашей студенческой жизни и мои двери и двери кн. Щербатова всегда для васъ открыты, и пожалуйста попросту, хоть днемъ, хоть вечеромъ и, разумѣется, въ сюртукѣ“.

Какъ все это было сравнительно недавно, и какъ мало похоже на настоящія отношенія начальства къ университетской молодежи.

Очарованный, вышелъ я отъ П. А. Плетнева и, не зная совершенно города, пошелъ по набережной къ Николаевскому мосту, потомъ къ Благовѣщенью, потомъ къ театрамъ и, понавъ на Б. Садовую, спросилъ кого-то гдѣ мнѣ пройти на Невскій. „Все прямо“, отвѣтили мнѣ; помню я это „прямо“, когда шагая по безконечной, людной улицѣ, измученный и голодный, но довольный и спокойный, я добрался до Публичной бібліотеки.

Приѣхавъ домой уже въ 3 часа, я расцѣловалъ Кузьму, сообщилъ ему подробности моего свиданія съ начальствомъ и не безъ удовольствія пообѣдалъ въ ресторани гостинницы. Въ шесть часовъ пришли ко мнѣ четверо студентовъ, двое бывшихъ казанцевъ, а двое ихъ большихъ пріятелей—и увлекли меня знакомиться съ веселою стороною петербургской жизни.

Этимъ-же вечеромъ я вспомнилъ, что въ Питерѣ проживаетъ мой близкій сосѣдъ и другъ моей семьи А. Н. Татариновъ, бывший въ то время членомъ славной редакціонной комиссіи по составленію Положенія 19-го февраля 1861 г.; увѣренный, что встрѣчу въ его домѣ теплый, радушный приемъ, я уже не чувствовалъ себя болѣе одинокимъ, и, дѣйствительно, мнѣ довелось проводить много хорошихъ минутъ въ обществѣ этого замѣчательнаго человѣка, гдѣ я встрѣчался съ корифеями русской мысли: профессорами, литераторами, публицистами...

Въ какія-нибудь двѣ—три недѣли я совершенно вошелъ въ новую колею, и форма новой жизни и ея содержаніе были такъ не похожи на казанскую; то была лучшая эпоха петербургскаго университета и имена: Кавелина, Костомарова, Спасовича, Андре-

евскаго, Утина и многихъ друг. составятъ свѣтлую страницу его исторіи. Да и что за чудное было время для всей Россіи, конецъ 1850-хъ годовъ: засіяло солнце любви и правды, дышалось легко и вольно, крѣпли силы, росли надежды, и чѣмъ болѣе все честное и живое поднимало голову, тѣмъ болѣе хмурыми и убитыми казались рыцари отжившаго строя, потому и кровью людскою создававшіе свое благосостояніе. Они почти вымерли, и если съ ихъ могилъ время отъ времени поднимаются смрадные и вредные газы, то Русь велика и сильна, вѣтеръ развѣетъ ихъ и они пропадутъ въ морѣ той чистой простоты, которая помогала русскому народу выбиваться изъ невзгодъ въ разныя смутныя эпохи.

Миръ ихъ праху, честь тому хорошему времени и вѣчная славная память виновнику новой жизни—государю Александру II, свѣтлый образъ котораго встанетъ еще свѣтлѣе, еще лучезарнѣе передъ очами нашихъ внуковъ и правнуковъ!

IX.

Съ переходомъ моимъ или, лучше сказать, съ поступленіемъ на третій курсъ петербургскаго университета, началась для меня⁴ какъ я уже сказалъ, совершенно новая жизнь; о попойкахъ и кутежахъ не было и помину, наступила пора серьезнаго умственнаго труда, размышленія, горячихъ споровъ, живыхъ вопросовъ, и сколько прошло передо мною событій, фактовъ, именъ, кружковъ въ сравнительно короткое время.

Князя Щербатова смѣнилъ въ должности попечителя И. Д. Деляновъ, къ которому мнѣ приходилось являться не только днемъ и вечеромъ, но разъ даже въ 3 часа ночи.

Двери университета широко распахнулись для всѣхъ: дамы, офицеры, духовные сидѣли на лекціяхъ среди студентовъ; литературныя бесѣды, публичныя лекціи, диспуты шли одинъ за другимъ непрерывною чередою.

Кружокъ артиллеристовъ, кружокъ профессоровъ генеральнаго штаба, кружокъ Ч. и Добролюбова, кружокъ малороссовъ, — все кипѣло жизнью и было полно самаго захватывающаго интереса.

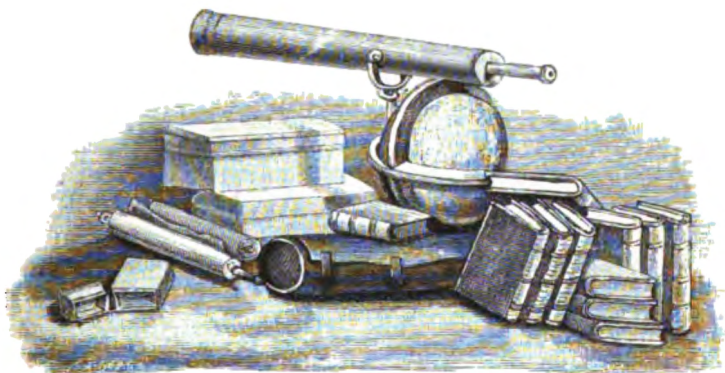
Похороны Иванова, Мартынова, Шевченко составляли общественныя явленія, которыя не забудутся до могилы...

Въ маѣ 1861 года болѣзнь отца заставила меня внезапно покинуть Петербургъ и спѣшить къ нему; мнѣ довелось ѣхать на пароходѣ отъ Твери до Симбирска съ профессорами: Б. И. Утинымъ и К. Д. Кавелинымъ. До сихъ поръ я храню, какъ драгоценность, статью послѣдняго „Дворянство и освобожденіе крестьянъ“, надѣлавшую въ то время много шума, которую покойный профессоръ своею рукою переписалъ на пароходѣ и далъ мнѣ на память.

Когда-нибудь, коль проживу еще, я вернусь въ печати къ воспоминаніямъ этихъ встрѣчъ и событій или, по крайней мѣрѣ, оставлю ихъ законченными моему сыну; во многомъ они не лишены интереса, но для многаго исторія еще не наступила.

Н. М. С—въ.

Петербургъ.
23-го марта 1869 года.

О бумагахъ по дѣлу 14-го декабря 1825 г.

И прочиталъ эпизодъ изъ жизни А. С. Пушкина („Русск. Ст.“ 1864 г., кн 2) и сожалѣнне, выраженное г. редакторомъ о томъ, — что г. Ивановскій унесъ съ собою въ могилу многія тайны, которыя, можетъ быть, никогда не разоблачатся исторіею, — и считаю не бесполезнымъ сообщить здѣсь мнѣніе противоположное, т. е., что эти тайны не унесены Ивановскаго могилу, а существовали не болѣе 10 лѣтъ тому назадъ въ его псковскомъ имѣніи, если не ошибаюсь Новоторжскаго или Опочскаго уѣзда, въ селѣ Гривинѣ, которое досталось его единственной дочери Натальѣ Андреевнѣ, вышедшей за смоленскаго дворянина Константина Семеновича Майдановича, служившаго лейбъ-гвардіи въ Московскомъ полку и умершаго въ 1863 году. Въ господскомъ домѣ этого имѣнія Андрея Андреевича, или баронессы Ашъ, хранились на чердакѣ въ сундукѣ бумаги слѣдственной комиссіи по дѣлу 14-го декабря, съ портретами главнѣйшихъ дѣятелей, какъ-то: Пестеля, Рылѣва, Каховскаго, Муравьева, Бестужева, Трубецкаго, Юшневскаго, рисованными карандашомъ.

Невѣроятно, чтобы сосѣдніе помѣщики не знали о тайномъ хранищѣ драгоцѣнныхъ матеріаловъ для отечественной современной исторіи. Чтò въ 1840-хъ годахъ почиталось за государственную тайну, то въ настоящее время сдѣлалось доступнымъ для печати и просвѣщенной любознательности. Объ этомъ зналъ и по секрету говорилъ повѣренный Натальи Андреевны Майдановичъ — штабъ-капитанъ Николай Николаевичъ Муравьевъ, служившій въ лейбъ-гвардіи Финляндскомъ полку, а впоследствии въ Каменецъ-Подольской палатѣ государственныхъ имуществъ.

Въ началѣ 1860-хъ годовъ Наталья Андреевна отправилась съ дочерью за-границу, была въ Сербіи, потомъ поселилась въ Парижѣ, приняла католицизмъ, а когда мужъ скончался, то вступила въ бракъ съ какимъ-то французомъ; дочь-же ея Марья Константиновна возвратилась въ Россію, не зная роднаго языка.

По обстоятельствамъ должно полагать, что псковское имѣніе г. Ивановскаго (или баронессы Ашъ) впоследствии продаво или поступило въ уплату долговъ. Какъ я слышалъ, на него имѣлъ виды состоявшій при шефѣ жандармовъ полковникъ или генералъ Левенталь.

Однимъ словомъ, есть надежда, что драгоцѣнное наслѣдіе отечественной современной исторіи еще, быть можетъ, существуетъ подъ кровомъ забвенія: если же, Боже сохрани, оно утрачено, то этимъ мы будемъ обязаны рѣшительному невѣжеству позднѣйшихъ обитателей Гома покойнаго Андрея Андреевича Ивановскаго или баронессы Ашъ, супруги бывшаго смоленскаго губернатора.

Ген.-маіоръ князь С. В. Друцкой-Сokolицкой.

10 февраля 1874 г.

г. Смоленскъ.

ФЕДОРЪ МИХАЙЛОВИЧЪ ДОСТОЕВСКІЙ

въ воспоминаніяхъ типографскаго наборщика

въ 1872—1881 гг.

XII¹⁾.

Во время изданія Ф. М. Достоевскимъ „Дневника Писателя“—я вновь сталъ бывать у Федора Михайловича, потому что опять начались у меня сношенія съ нимъ... Сношенія эти были не столь часты, какъ прежде, но за то болѣе интимны, такъ что я имѣлъ возможность, между прочимъ, присмотрѣться ближе къ его образу жизни.

Жилъ въ то время Федоръ Михайловичъ на Греческомъ проспектѣ, въ домѣ, стоящемъ между греческою церковью и Прудками. Домъ этотъ былъ такой-же старый, какъ и тотъ, въ которомъ онъ жилъ передъ тѣмъ на Лиговкѣ, на углу Гусева переулка. Квартира его находилась въ третьемъ этажѣ и очень походила расположеніемъ приемныхъ комнатъ на прежнюю; даже окнами эти комнаты выходили въ одну и ту-же сторону, именно на востокъ... Забѣчу кстати, что и слѣдующая квартира Федора Михайловича была въ старомъ-же домѣ. Одно время меня занималъ вопросъ, отчего это Федоръ Михайловичъ предпочитаетъ старыя дома новымъ, представляющимъ гораздо болѣе удобствъ и опрятности, и пришелъ къ слѣдующему заключенію. Федору Михайловичу нужна была настолько объемистая квартира, что наемъ таковой въ новомъ, комфортабельномъ домѣ не согласовался съ его средствами... Онъ жилъ чисто-литературнымъ трудомъ исключительно, а суще-

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., т. LXXIV, апрѣль, стр. 177—207.

ствовать на заработокъ отъ такого труда, даже при такомъ колоссальномъ талантѣ и непомерномъ трудолюбіи, каковыми отличался Федоръ Михайловичъ, у насъ на Руси если иногда и можно, то пока лишь довольно скромно.

Кромѣ обычныхъ кухни и прихожей, число комнатъ въ видѣнныхъ мною первыхъ двухъ квартирахъ было не менѣе пяти, а именно: зала, служившая вмѣстѣ и гостинойю, маленькая столовая, такой-же маленькій кабинетъ, дѣтская, всегда по возможности отдаленная отъ кабинета и, наконецъ, комната Анны Григорьевны. Обстановка всѣхъ комнатъ была очень скромная; мебель въ залѣ-гостиной была относительно новая, но такъ называемая рыночная; въ остальныхъ комнатахъ она была еще проще и притомъ старѣе.

Особенною простотою отличался кабинетъ Федора Михайловича. Въ немъ и намека не было на современное шаблонное устройство кабинетовъ, глядя на которые обыкновенно нельзя опредѣлить—человѣку какой профессіи принадлежитъ данный кабинетъ...

Кабинетъ Федора Михайловича въ описываемое мною время (1876 г.) была просто его комната, студія, келія... Въ этой комнатѣ онъ проводилъ большую часть времени своего пребыванія дома, принималъ коротко знакомыхъ ему людей, работалъ и спалъ въ ней. Площадь комнаты имѣла около трехъ квадратныхъ сажень. Въ ней стояли: небольшой турецкій диванъ, обтянутый клеенкою, служившій Федору Михайловичу вмѣстѣ и кроватью; два простыхъ стола, какіе можно видѣть въ казенныхъ присутственныхъ мѣстахъ, изъ коихъ одинъ, поменьше, весь былъ занятъ книгами, журналами и газетами, лежавшими въ порядкѣ по всему столу; на другомъ, большемъ, находились чернильница съ перомъ, записная книжка, довольно толстая, въ форматѣ четвертки писчей бумаги, въ которую Ф. М. записывалъ отдѣльные мысли и факты для своихъ будущихъ сочиненій, пачка почтовой бумаги малаго формата, ящикъ съ табакомъ, да коробка съ гильзами и ватюю,—болѣе на этомъ столѣ ничего не было,—все остальное необходимое для письма находилось въ столѣ, то есть въ низенькомъ выдвигномъ ящикѣ, помѣщавшемся, по старинному обычаю, подъ верхнею доскою стола. На стѣнѣ надъ этимъ столомъ висѣлъ фотографическій портретъ Федора Михайловича; передъ столомъ стояло кресло, старое-же, какъ и остальная мебель, безъ мягкаго сидѣнья. Въ углу стоялъ небольшой шкафъ съ книгами. На окнахъ висѣли простыя, гладкія шторы... Вотъ и все убранство кабинета Федора Михайловича во время изданія „Дневника Писателя“. Кромѣ небольшого количества книгъ, ничего въ немъ, какъ видите, не было такого, что

и занятіямъ, и такъ было потому, я полагаю, что Федоръ Михайловичъ не нуждался въ искусственныхъ вспомогательныхъ средствахъ для возбужденія своего вдохновенія или своей дѣятельности, ибо имѣлъ неизсякаемый источникъ вдохновенія въ собственномъ духовномъ существѣ своемъ, богато одаренномъ пониманіемъ высшихъ интересовъ жизни человѣческой, за которою онъ всегда чутко слѣдилъ, дѣятельность-же литературная была потребностью его жизни, его стихіею...

Не знаю кому какъ, но мнѣ только-что описанный мною кабинетъ Федора Михайловича внушалъ большое уваженіе къ себѣ, и я полагаю, что эта строгая, почти бѣдная, простота его обстановки отражала собою характеръ своего хозяина вѣрнѣе и лучше, нежели та, которая похожа на обстановки всѣхъ кабинетовъ вообще. И я очень жалѣю, что не могу живописно воспроизвести этотъ характеристичный кабинетъ знаменитаго писателя.

XIII.

Одно было безусловно необходимо Федору Михайловичу для писанія его произведеній, это—тишина. Поэтому онъ писалъ очень часто по ночамъ. Вслѣдствіе этого онъ приобрѣлъ привычку поздно ложиться спать, а потому и поздно вставать. Когда онъ писалъ ночью, то вставалъ затѣмъ, обыкновенно, во второмъ часу дня, случалось и позже... Само собою разумѣется, что такое неестественное распредѣленіе сна и бодрствованія, при вообще болѣзненномъ состояніи, не могло не имѣть вредныхъ послѣдствій на нервную систему Федора Михайловича. Такъ оно и было на самомъ дѣлѣ. Между тѣмъ, жизнь семейства текла вполне нормально: всѣ вставали довольно рано, и много нужно было любящей заботливости и такта Аннѣ Григорьевнѣ, чтобы, при двухъ малолѣтнихъ дѣтяхъ и двухъ прислугахъ женскаго пола, соблюсти въ домѣ тишину, безъ которой Федоръ Михайловичъ не могъ ни работать, ни спать, несмотря даже на утомленіе за ночную работу—такъ былъ чутковъ, нервнъ сонъ его.

Нормально пробудившись отъ сна, Федоръ Михайловичъ тотчасъ же вставалъ, умывался и одѣвался въ просторный и длинный пиджакъ изъ чернаго сукна—свою постоянную домашнюю одежду (халата и туфлей онъ не носилъ) и принимался за ожидавшій его чай. Чай Федоръ Михайловичъ пилъ крѣпкій и сладкій, по нѣсколько

принято считать располагающимъ къ кабинетнымъ размышленіямъ стакановъ, сидя за своимъ письменнымъ столомъ, ходя за каждымъ стаканомъ черезъ залу въ столовую, гдѣ стоялъ самоваръ и чайный приборъ, и наливая его себѣ самъ. Сидя за чаемъ, Федоръ Михайловичъ или пробѣгалъ газеты, или набивалъ себѣ папиросы—пушки изъ желтой маисовой бумаги... Курилъ онъ довольно много и тѣмъ. Конечно, усиливалъ и безъ того большую дѣятельность своей нервной системы. Затѣмъ онъ принималъ посѣтителей, если они бывали. Часа въ три въ столовой для него сервировался маленький, сухой завтракъ .. Придя однажды къ Федору Михайловичу во время его завтрака, я видѣлъ, какъ онъ употреблялъ простую хлѣбную водку: онъ откусывалъ чернаго хлѣба и прихлебывалъ немного изъ рюмки водки, и все это вмѣстѣ пережевывалъ. Онъ говорилъ мнѣ, что это самое здоровое употребленіе водки. Послѣ завтрака Федоръ Михайловичъ выходилъ на прогулку, во время которой заходилъ въ типографію, когда это было нужно. Въ шестомъ часу онъ обѣдалъ съ семействомъ, которому и посвящалъ время до тѣхъ поръ, пока дѣти не уходили спать, послѣ чего Федоръ Михайловичъ принимался писать. Чаще-же бывало, что послѣ обѣда онъ ѣхалъ къ кому-нибудь изъ своихъ знакомыхъ, которыхъ у него было много, и притомъ все это были лица почтенныя, а нѣкоторые такъ даже и высоко поставленныя,—вообще люди выдающіеся въ высшихъ сферахъ общества и литературы.

Таковъ бывалъ нормальный день Федора Михайловича.

Но горе ему было, если пробужденіе происходило ненормально, то есть, если онъ бывалъ разбуженъ преждевременно, вслѣдствіе, напримѣръ, нечаяннаго стука или шума въ квартирѣ или просто потому, что, засидѣвшись за работою долѣе, чѣмъ рассчитывалъ, бывалъ разбуженъ въ обычное время и, такимъ образомъ, вставалъ не выспавшись какъ слѣдовало. Въ такихъ случаяхъ первое время по пробужденіи Федоръ Михайловичъ бывалъ удрученно-серьезенъ и молчаливъ. Въ общемъ видъ его бывалъ, въ такихъ случаяхъ, какъ-то мучительно-сдержанъ... Раза два или три видѣлъ я его въ такомъ положеніи, и каждый разъ на меня этотъ его видъ производилъ гнетущее впечатлѣніе. Въ такихъ случаяхъ онъ избѣгалъ разговора съ кѣмъ-бы то ни было; домашніе, конечно, знали это и потому никого къ нему въ это время не пускали, и только для меня дѣлалось исключеніе, такъ какъ меня, приходившаго къ нему въ такое время только ради близкаго его душѣ дѣла и притомъ по его-же письменному приглашенію, онъ интересовался видѣть... Указывая мнѣ движеніемъ головы на диванъ въ своемъ кабинетѣ, онъ кратко говорилъ:

— „Садитесь“.

И потомъ также кратко спрашивалъ:

— „Хотите чаю?“

И соображалъ, что утвердительный отвѣтъ въ данномъ случаѣ лучше отрицательнаго, потому что утвердительный отвѣтъ отдалялъ дѣловой разговоръ, который начинать ему, очевидно, было тяжело и поэтому отвѣчалъ, что хочу. Тогда онъ шелъ въ столовую, находилъ второй стаканъ, наливалъ въ него такого-же, какъ и себѣ, брѣвпкаго чаю и приносилъ мнѣ его.

— „Курить хотите?“ спрашивалъ онъ, спустя нѣсколько минутъ.

Изъ выше приведенныхъ соображеній я опять отвѣчалъ утвердительно, и Федоръ Михайловичъ подвигалъ къ себѣ ящикъ съ табакомъ и гильзами, набивалъ папиросу и подавалъ ее мнѣ. Такимъ образомъ, я не нарушалъ молчанія до тѣхъ поръ, пока онъ самъ не начиналъ говорить о дѣлѣ, за которымъ звалъ меня.

Подобное описанному состояніе Федора Михайловича иногда переходило въ раздражительность: онъ легко сердился и при этомъ говорилъ рѣзкости. Тогда-то онъ, на посторонній взглядъ, казался грубъ и деспотиченъ даже съ близкими ему людьми; но я по опыту знаю, что ни грубости его вообще, ни деспотизма его въ особенности не ощущали на себѣ тѣ близкія ему существа, къ которымъ относились эти казавшіеся грубость и деспотизмъ.

Но только-что описанныя проявленія болѣзненности Федора Михайловича были ничтожны въ сравненіи съ припадками главной его болѣзни—эпилепсiei, которою онъ началъ страдать, какъ нѣкогда говорятъ, еще передъ ссылкой въ Сибирь. Я никогда не видѣлъ этихъ припадковъ, но мнѣ рассказывала о нихъ Анна Григорьевна. Она говорила, между прочимъ, что обыкновенно Федоръ Михайловичъ за нѣсколько дней предчувствовалъ приближеніе ихъ. При появленіи извѣстныхъ предвѣстниковъ, принимались всевозможныя предосторожности: такъ, между прочимъ, Федоръ Михайловичъ нѣсколько дней не выходилъ изъ дома; днемъ домашніе, то есть, главнымъ образомъ, Анна Григорьевна, слѣдили за нимъ, а на ночь возлѣ его постели на диванѣ стлалась другая постель, на полу, на случай припадка во время сна. Благодаря этимъ предосторожностямъ, опасныя послѣдствія припадковъ предупреждались и тѣмъ самымъ смягчались, иначе легко могло случиться, что Федоръ Михайловичъ могъ въ припадкѣ упасть на улицѣ и разбиться о камни. При всемъ томъ, эти припадки такъ измучивали и обезсиливали Федора Михайловича, что онъ потомъ оправлялся отъ каждаго изъ нихъ 3—4 дня; въ эти дни онъ уже ничего не могъ

дѣлать и никого не принималъ, кромѣ Анны Григорьевны, которая одна въ такихъ случаяхъ умѣла ухаживать за нимъ; чрезъ нее-же онъ и сносился съ имѣющими до него какое-либо дѣло, а равно и со мною. Вообще Анна Григорьевна умѣла и съ любящею внимательностію берегла хрупкое здоровье своего мужа, держа его, по ея собственному выраженію, постоянно „въ хлопоткахъ“, какъ малое дитя, а въ обращеніи съ нимъ проявляла мягкую уступчивость, соединенную съ большимъ, прсвѣщеннымъ тактомъ, и я съ увѣренностію могу сказать, что Федоръ Михайловичъ и его семья, а равно и многочисленные почитатели его обязаны Аннѣ Григорьевнѣ нѣсколькими годами его жизни.

XIV.

Если правдиво выраженіе, употребляемое нѣкоторыми писателями, что они писали свои произведенія своею кровью, то выраженіе это какъ нельзя болѣе примѣнно къ Федору Михайловичу Достоевскому и его произведеніямъ, ибо на произведеніяхъ своихъ этотъ писатель дѣйствительно, а не на словахъ, скороталъ свою жизнь, растративъ на нихъ свое физическое здоровье, на которое сравнительно менѣе, чѣмъ они, повліяла даже каторга...

Я не знаю, легко-ли писалъ Федоръ Михайловичъ свои романы и большія повѣсти, но знаю, что статьи для „Дневника Писателя“ писались имъ съ большою натугою и вообще стоили Федору Михайловичу большихъ трудовъ. Первою и самою главною причиною трудности писанія для Федора Михайловича было его неизмѣнное правило: обрабатывать свои произведенія добросовѣстно и самымъ тщательнымъ образомъ; второю причиною было требованіе сжатости изложенія, а иногда даже прямо опредѣленныя рамки объема журнальныхъ статей; наконецъ, третьею причиною была срочность писанія подобныхъ статей... Слѣдствіемъ всего этого было то, что, несмотря на огромную опытность Федора Михайловича въ литературной техникѣ, рѣдкіе изъ его манускриптовъ обходились безъ одного или даже двухъ черняковъ, которые потомъ, для сдачи въ типографію, непременно переписывались или самимъ Федоромъ Михайловичемъ или Анною Григорьевною, писавшею подъ его диктовку съ черняковъ.

Принимаю во вниманіе трудность, съ которою давались Федору Михайловичу его произведенія, станеть понятною и та заботливая бережность, которая употреблялась имъ въ отношеніи своихъ руко-

писей, предназначенныхъ для печати и приготовленныхъ для сдачи въ типографію. Въ видахъ особой сохранности этихъ дорогихъ рукописей, Ѳедоръ Михайловичъ чаще всего сдавалъ ихъ въ типографію лично, и притомъ прямо въ руки метранпажа, иногда для этого онъ пользовался моими посѣщеніями или-же поручалъ ихъ для доставки въ типографію своей супругѣ, но никогда не присылалъ ихъ въ типографію со своею прислугою. Мнѣ удалось, однако-жъ, уговорить Ѳедора Михайловича сдавать иногда рукопись (оригиналъ—по типографски) разсылному типографіи, когда тотъ приходилъ за нею къ нему съ моею запискою, или по предварительному каждый разъ уговору о томъ между мною и Ѳедоромъ Михайловичемъ; но это бывало очень рѣдко, только въ экстренныхъ случаяхъ или по утрамъ, когда оригиналъ писался ночью.

Вообще Ѳедоръ Михайловичъ, если не самолично передавалъ мнѣ оригиналъ, то всегда снабжалъ его запискою ко мнѣ.

Послѣ сказаннаго понятно будетъ и то, что лѣтомъ, когда Ѳедоръ Михайловичъ отсутствовалъ изъ Петербурга,—а это бывало каждое лѣто,—присылка оригинала въ типографію озабочивала его чрезвычайно. Къ тому, въ этихъ случаяхъ, онъ бывалъ лишень возможности столь необходимыхъ ему личныхъ переговоровъ съ метранпажемъ, то есть со мною. Приготовивъ оригиналъ, Ѳедоръ Михайловичъ рассчитывалъ по особому, употреблявшемуся имъ, способу—по количеству не буквъ, какъ рассчитываютъ обыкновенно оригиналъ въ типографіи, а словъ—сколько изъ отсылаемаго оригинала выйдетъ печатныхъ строкъ и затѣмъ страницъ; но такъ какъ, судя по прежнему, расчеты эти никогда не бывали точны, а только приблизительны, то онъ оставался въ сомнѣніи до полученія корректуръ. Приготовивъ такимъ образомъ оригиналъ къ отсылкѣ, Ѳедоръ Михайловичъ писалъ ко мнѣ письмо, въ которомъ обстоятельно излагалъ свои соображенія относительно посылаемаго оригинала и въкоторыя инструкціи мнѣ. Затѣмъ, то и другое посылалось страховою корреспонденціею въ Петербургъ, въ типографію, на мое имя. Такъ дѣлалось раза три или четыре въ теченіе одного выпуска „Дневника Писателя“.

XV.

Каковы были заботы Федора Михайловича въ подобныхъ случаяхъ—можно видѣть изъ нижеслѣдующихъ писемъ его, которыя, ради хронологическаго порядка къ приведеннымъ мною выше, беру изъ слѣдующихъ за ними по времени. Вотъ, наприимѣръ, три письма, относящіяся къ одному и тому-же выпуску „Дневника Писателя“,—именно за іюль—августъ 1876 года, изъ коихъ первое писано въ отвѣтъ на мое письмо.

„23-го августа 1876 г.

„Многоуважаемый Михайлъ Александровичъ, напрасно вы такъ говорите. Уѣзжая, я вамъ далъ полномочіе (словесно) на все, и уже, разумѣется, и печатать.

„За бумагою, если не получили, надо сходить къ Печаткину (Красносельская фабрика Константина Петровича Печаткина) и потребовать 38 стопъ.

„Прошу васъ печатать и не терять времени.

„1876 г.

Іюль—августъ“.

„Это такъ, но вѣдь и объ этомъ мы съ вами уговорились, именно объ этомъ самомъ заголовкѣ и еще до поѣздки моей въ Эмсъ, я это очень хорошо помню.

„А что-же я вамъ напишу насчетъ цензурныхъ вымарокъ, если я ихъ не выдалъ? Нечего дѣлать, печатайте какъ есть безъ меня. И не грѣхъ вамъ не написать мнѣ, что именно вымарано? Вы пишете: часть главы, но которой? И много-ли? Теперь, до приѣзда въ Петербургъ, день и ночь буду думать, какъ на угольяхъ. А всего-то стоило написать полъ-строчки.

„Я приѣду, какъ и обѣщалъ, не 26-го, а 27-го августа, да и то въ самомъ удачномъ случаѣ. Я выѣду 26-го, но здѣшнія дороги не отъ меня зависятъ.

„Передъ выѣздомъ вышлю вамъ еще тексту.

„А пока вамъ преданный Ф. Достоевскій“.

Слѣдующее письмо:

„25-го августа 1876 г., Старая Русса.

„Многоуважаемый Михайлъ Александровичъ, посылаю вамъ еще тексту. Вся бѣда моя въ томъ, что не знаю, что именно запре-

щено цензурою, въ какой главѣ и какой номеръ. И потому очень прошу васъ вникнуть въ нижеслѣдующее.

„Если цензоръ вычеркнулъ изъ Главы второй и именно объ Идеалистѣ-циникѣ и Постыдно-ли быть идеалистомъ (т. е. 1 и 2 малыя главы), то надо выкинуть ихъ вовсе, а вза-мѣнъ того къ Главѣ второй пристегнуть двѣ маленькія главы изъ Главы третьей (1. Русскій или французскій языкъ? 2. На какомъ языкѣ говорить Отцу Отчеству?), перемѣнивъ, разумѣется, соотвѣтственно только номера маленькихъ главъ (т. е. вмѣсто 1 и 2 русскій или французскій языкъ и т. д. поста-вить 3 и 4 №№). А затѣмъ Главу третью начать уже съ того, что я вамъ теперь (съ этимъ письмомъ) высылаю, т. е. со словъ: „Эмъ я описывать не буду“ (листокъ 10) и №№ маленькихъ главъ опять перемѣнить соотвѣтственно, т. е. вмѣсто 3 и 4, поставить 1 и 2, а продолженіе я уже вамъ самъ привезу ¹⁾.

„Выѣзжаю я отсюда не въ четвергъ 26-го августа, а въ пят-ницу 27-го. Въ субботу, вѣроятно, увидимся. Думаю навѣрно, что 31-го августа не успѣемъ выйти. Въ такомъ случаѣ, пріѣхавъ въ Петербургъ, объявлю въ газетахъ, что по независящимъ обстоя-тельствамъ № июль—августъ выйдетъ 4-го сентября. Очень мо-жетъ быть, что провозимся до этого срока, но надобно имѣть въ виду, чтобъ ужъ никакъ не позже 4-го сентября. А впрочемъ, все рѣшится при нашемъ свиданіи. Пока набирайте и дѣлайте что возможно.

„До свиданія. Вашъ весь Ф. Достоевскій“.

¹⁾ На самомъ дѣлѣ вымарано было не то и не другое изъ миившагося Федору Михайловичу, а именно 4 малая глава большой второй главы, т. е. конецъ изъ до того времени полученнаго мною текста, вслѣдствіе чего я, вѣроятно, и не счелъ необходимымъ точно обозначить въ письмѣ своемъ къ Федору Михайловичу содержаніе запрещеннаго, такъ какъ пропущеннаго цензоромъ текста было достаточно, чтобы сверстать и напечатать первый листъ выпуска; второй-же листъ, по моимъ расчетамъ, предстояло верстать уже до пріѣзда Федора Михайловича въ Петербургъ, такъ что предвидѣлось время для отставанія запрещеннаго. Въ 1886 году, перебирая свои бумаги я нашелъ между ними рукопись всего выпуска „Дневника Писателя“ за июль—августъ 1876 г., которую тогда-же и передалъ А. Г. Достоевской, печатавшей въ то время 2-е изданіе „Полнаго собранія сочиненій Ф. М. Достоевскаго“. По этой рукописи восстановлена малая глава большой четвер-той главы, озаглавленная „Земля и дѣти“, первоначально и затѣмъ въ 1-мъ изданіи „Полнаго собранія сочиненій“ напечатанная съ значительными про-пусками, составлявшими въ свое время цензурныя исключенія, запре-щенная-же цензурою цѣликомъ глава, о которыхъ въ приводимыхъ письмахъ идетъ рѣчь, по нѣкоторымъ соображеніямъ не вошла и во 2-е изданіе.

М. А.

Слѣдующая записка уже съ городской квартиры:

„29-го августа 1876 г.

„Многоуважаемый Михаилъ Александровичъ, къ Ратынскому письма не прилагаю, но за то исправилъ все по его желанію и указанію ¹⁾. Если надо будетъ, то поѣду къ нему самъ.

„Дальнѣйшую рукопись (Глава четвертая, III и IV) при семь прилагаю; семь полу-листочковъ. Но будетъ еще V-я малая глава Главы четвертой. А затѣмъ P. Scriptum. Окончаніе Главы четвертой, т. е. V-ю малую главу, постараюсь доставить завтра-же, 30-го августа. А P. Scriptum, какъ сказано, 1-го сентября.

„А засишь весь вашъ Ѳ. Достоевскій.

„Надѣюсь, завтра увидимся“.

Нижеслѣдующія три письма, для полноты характеристики этого рода писемъ, беру изъ 1877 года, лѣто котораго Федоръ Михайловичъ также проводилъ внѣ Петербурга. Всѣ три письма относятся также къ одному и тому-же выпуску „Дневника Писателя“ и также двойному, именно за май—іюнь 1877 года.

„Малый Приколь, 20-го іюня 1877 г.

„Многоуважаемый и любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ, пишу вамъ изъ усадьбы Малый Приколь, въ 10 верстахъ отъ заштатнаго города Мирополье, Суджинскаго уѣзда Курской губерніи. Посылаю Главу первую „Дневника“ за май—іюнь, всего 21 полу-листочковъ. Глава первая тутъ кончена; но листа печатнаго еще не будетъ. Тутъ всего 13 или 13½ нашихъ страницъ. Съ обычнымъ нашимъ объявленіемъ на первой страницѣ будетъ всего 14½ страницъ. Опоздалъ и опоздаю. Рѣшилъ, что въ срокъ, т. е. къ 30-му іюня, никакъ не выйдемъ. Выйдемъ-же 5-го или 7-го іюля. Я прибуду въ Петербургъ не ранѣе какъ ко 2-му іюля. Но все-же начните набирать (№ двойной, озаглавленъ май—іюнь по примѣру прошлаго года за іюль—августъ, и не менѣе будетъ трехъ листовъ). Очень скоро, т. е. дня черезъ три, вышлю вамъ еще оригиналу, и потомъ еще. Полагаю, вышлю все до моего еще пріѣзда. Когда наберется полный листъ, то печатайте, такъ, какъ мы уговаривались. Остальные-же листы, т. е. 2-й и 3-й, вѣроятно, успѣю самъ прокорректировать. Теперь-же полагаюсь во всемъ на васъ; ради Христа, отдержите корректуру тщательнѣе ²⁾.

¹⁾ Это говорится о статьѣ, подъ заглавіемъ „Земля и дѣти“.

²⁾ Т. е. чтобы я прочелъ корректуру послѣ корректора самъ, объ этомъ Федоръ Михайловичъ просилъ меня, уѣзжая.

М. А.

„На первыхъ страницахъ пойдетъ латинскій текстъ. Напечатайте не петитомъ, а обыкновеннымъ шрифтомъ, и непременно черезъ строчку латинскаго съ русскимъ, точь въ точь такъ, какъ увидите въ оригиналѣ. Латинскій текстъ переведенъ подсловно, т. е. подъ каждымъ латинскимъ словомъ соотвѣтствующее русское. Надо такъ и набирать и печатать.

„NB (самое главное). Ради Бога, дайте прокорректировать латинскій текстъ кому-нибудь знающему латинскій языкъ.

„Кромѣ того, еще самое важнѣйшее: надо непременно свести цензору Ратынскому и попросить отцензуровать. Боюсь только, чтобъ онъ куда не ухалъ, какъ въ прошломъ году! П—чь обѣщаль въ такомъ случаѣ похлопотать о назначеніи мнѣ цензора. Напишу ему.

„Надѣюсь, что писано довольно разборчиво.

„Итакъ буду присылать непрерывно по мѣрѣ накопленія. Васъ-же, голубчикъ Михаилъ Александровичъ, попрошу въ случаѣ чего-либо у васъ необыкновеннаго, т. е. въ типографіи или въ случаѣ отсутствія Ратынскаго, написать мнѣ сюда:

„Въ городъ Мирополье, Курской губерніи, Ѳед. Мих. Достоевскому.

„И напишите, не рассчитывая, дойдетъ или не дойдетъ или что я уже выѣду къ тому времени. Если-же ничего не будетъ особеннаго, то не увѣдомляйте.

Итакъ, пока до свиданія. Если придется печатать первый листъ, то печатайте всего 7,000, а не 8,000 экземпляровъ (NB. Какъ вы обойдетесь безъ моей подписи? Впрочемъ, приѣду—подпишу).

„Во всякомъ случаѣ, будете-ли или не будете начинать печатать до меня, во все-же, по мѣрѣ полученія оригинала, набирайте и несите къ цензору.

„Въ слѣдующую почту еще напишу вамъ, что теперь забылъ.

„А пока вамъ душевно преданный Ѳ. Достоевскій“.

Второе письмо:

„24-го іюня 1877 г., Малый Приколъ.

„Многоуважаемый и любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ, посылаю вамъ еще 19 полу-листочковъ, отъ 22 по 40-й включительно. Здѣсь Глава вторая. Въ слѣдующій разъ вышлю Главу третью.

„Что дѣлать: опоздаемъ и опоздаемъ ужасно. Можетъ быть выйдемъ къ 10-му лишь іюля. Но вы набирайте, и что можно, то и отпечатывайте, процензуравъ. Здѣсь, я полагаю, будетъ 12 или

13 страницъ. Такъ что всего, съ Главою первую, будетъ уже на 28 или на 29 страницъ и еще остается мнѣ вамъ выслать листъ съ двумя или 3-мя страницами.

„Самъ я постараюсь прїѣхать къ 1-му или ко 2-му іюля.

„Если можете, то увѣдомьте меня о чемъ-нибудь сюда:

„Курской губерніи въ городъ Мирополье Ѡ. М. Достоевскому.

„Теперь, если вамъ ничто не помѣшаетъ, то, полагаю, вы могли-бы набрать и отпечатать уже 1½ листа. Если будете до меня отпечатывать, то печатайте не 7,000 экз., какъ я писалъ вамъ въ послѣдній разъ, а 7½ тысячъ (семь съ половиною тысячъ).

„Во всякомъ случаѣ, голубчикъ Михаилъ Александровичъ, на васъ вся надежда, не запоздайте, и по возможности, все впередъ, да впередъ. Но, ради Бога, корректуру! Помарокъ у меня много, но вѣдь все-таки разборчиво! Ради Бога, наблюдайте, чтобъ не было по крайней мѣрѣ, позорныхъ ошибокъ.

„До свиданія, Михаилъ Александровичъ, крѣпко жму вамъ руку, вашъ весь Ѡ. Достоевскій“.

Третье письмо:

„29-го іюля 1877 г., среда, Малый Приколь.“

„Многоуважаемый и любезнѣйшій Михаилъ Александровичъ. посылаю вамъ Главу третью (еще недокончена), 14 поль-листочковъ. Надо думать, что тутъ девять или 10 печатныхъ страницъ. Остальное пришлю отсюда или привезу самъ. Будетъ всего 3 листа. Отсюда думаю выѣхать 2-го іюля; буду въ Петербургѣ или 4-го или 5-го іюля. Теперь присланное немедленно набирайте и къ цензору. Если все благополучно и цензоръ пропуститъ, то, пожалуйста, печатайте. (У васъ уже далеко за два листа). То-то и есть, что не знаю благополучно-ли все, есть-ли цензоръ и все прочее. Если у васъ нѣтъ бумаги, то потребуйте у Печаткина (въ типографіи знаютъ, гдѣ мы беремъ). Ну, до свиданія, какъ-то свидимся въ Петербургѣ!

„Ради Бога, позаботьтесь о корректурѣ! Не погубите!

„Вашъ весь Ѡ. Достоевскій“.

Дня за три до выхода выпуска „Дневника“ въ свѣтъ, онъ прїѣзжалъ въ Петербургъ и поселялся на эти дни одиноко въ своей городской квартирѣ, довольствуясь малыми услугами жены дворника, такъ какъ прислуги при квартирѣ не оставлялось. Само собою разумѣется, какъ все это страшно беспокоило Федора Михайловича, а его болѣзненность, въ особенности его падучая болѣзнь,

неизбѣжно должна была внушать его близкимъ очень серьезныя опасенія за его жизнь въ такомъ одиноществѣ.

Но выпустивъ номеръ своего „Дневника“, Федоръ Михайловичъ нѣсколько дней отдыхалъ душою и тѣломъ, ободрялся, наслаждался успѣхомъ его, который, какъ я выше говорилъ и какъ это видно изъ приведенныхъ писемъ, былъ такъ значителенъ, что дѣйствительно могъ ободрять духъ своего автора, заставляя его на время забывать мучительную для него трудность литературной работы къ сроку. Затѣмъ онъ принимался за составленіе и писаніе новаго номера... Такъ дѣло шло мѣсяць за мѣсяцемъ, съ осени до лѣта, когда Старая Русса или Эмсъ должны были, при непрерывающейся почти работѣ писателя, возстановлять его распатанное здоровье съ тѣмъ, чтобъ оно потомъ разстроилось опять за мѣсяцы осени, зимы и весны, вслѣдствіе той-же непрерывности труда,— какъ у большинства тружениковъ изъ-за насущныхъ нуждъ своей семьи.

XVI.

Со времени возобновленія отношеній Федора Михайловича ко мнѣ по случаю возникновенія „Дневника писателя“, отношенія эти все время оставались неизмѣнно хорошими, полными взаимнаго уваженія и довѣрія, и все еще продолжали улучшаться... Когда я бывалъ у него не въ критическіе дни рожденія номеровъ или выпусковъ „Дневника Писателя“, а въ болѣе свободное время, къ нашимъ разговорамъ присоединялась Анна Григорьевна, и вотъ при ея-то участіи они уже оба стали интересоваться моими личными дѣлами и моимъ семейнымъ положеніемъ: спрашивали меня о семействѣ моемъ вообще и о дѣтяхъ въ особенности. Когда они узнали, что моей старшей дочери уже восемь лѣтъ и что она уже учится въ Рождественской прогимназіи (теперешней гимназіи того-же имени), то стали просить меня, чтобы я познакомилъ мою Маню съ Лилечкою.—ихъ тоже старшею дочкою, на годъ съ небольшимъ моложе моей; я, разумѣется, съ удовольствіемъ изъявилъ свою готовность исполнить ихъ желаніе и въ ближайшее воскресенье свелъ свою дочку съ нянею къ нимъ. Федоръ Михайловичъ самъ занялся сближеніемъ дѣтей, и они очень скоро, подъ его руководствомъ подружились. Послѣ этого разговоръ о дѣтяхъ не разъ возобновлялся. Въ разговорахъ этихъ мы касались воспитанія и образованія дѣтей, причежъ Федоръ Михайловичъ высказалъ свой взглядъ на то и

другое. Онъ говорилъ, что лучшее воспитаніе есть воспитаніе домашнее, а гимназическое образованіе онъ считалъ самымъ нормальнымъ для дѣвицы, и своей дочери намѣренъ былъ дать образованіе именно въ женской гимназіи. Иногда говорили о дѣтскихъ нравахъ, причеъ однажды Федоръ Михайловичъ рассказалъ, какъ онъ иногда забавляетъ свою маленькую дочь чтеніемъ библейскихъ разсказовъ и русскихъ былинъ и какъ она хорошо понимаетъ ихъ; читалъ онъ дѣтямъ иногда отрывки изъ своихъ произведеній и при этомъ замѣчалъ подтвержденіе своихъ догадокъ, что въ его сочиненіяхъ есть таки мѣста, доступныя даже дѣтскому пониманію.. Это обстоятельство надоумило его заняться когда-нибудь, на досугѣ, выборкою такихъ отрывковъ и издать ихъ отдѣльною книжкою; но мысль эту онъ не успѣлъ привести въ исполненіе; особымъ изданіемъ эти выдержки явились послѣ его смерти, подъ редакцію Ореста Федоровича Миллера и потомъ, другое изданіе, подъ редакцію В. Я. Стоюнина. Читалъ Федоръ Михайловичъ мастерски даже чужія произведенія и потому не мудрено, что онъ увлекалъ своимъ чтеніемъ даже дѣтей, о чемъ съ удовольствіемъ и разсказывалъ самъ.

Нерѣдко мы бесѣдовали и на литературно-критическія темы, причеъ мнѣ доводилось слышать оригинальныя сужденія Федора Михайловича о нѣкоторыхъ изъ нашихъ литературныхъ знаменитостей и объ ихъ, а также и о нѣкоторыхъ своихъ произведеніяхъ.

Насколько вѣрны были эти сужденія маститаго писателя, я могъ отчасти заключить изъ того, что еще въ то время, когда беллетристическая дѣятельность извѣстнаго въ то время К. В. М. была въ своемъ зенитѣ, такъ что нѣкоторые романы его въ самое короткое время выдерживали по два и даже по три изданія, Федоръ Михайловичъ предсказывалъ давно уже сбывшуюся недолговѣчность этого успѣха.

На мой вопросъ, почему такъ будетъ—Федоръ Михайловичъ объяснилъ, что такъ будетъ потому, что К. В. М. пишетъ свои романы смаху, то есть не обрабатывая идейную и не отдѣливая литературно-техническую сторону ихъ.

— „Такъ писать нельзя, заключилъ Федоръ Михайловичъ. Теперь онъ пока въ модѣ, потому и держится... Продержится еще лѣтъ пять, шесть, а тамъ и забудутъ его... А жаль будетъ, потому что у этого былъ несомнѣнный талантъ“.

О другомъ современномъ литераторѣ, писавшемъ уже чрезвычайно литературно—и прозою и стихами—не знаю почему, Федоръ Михайловичъ составилъ себѣ пренебрежительное мнѣніе, котораго неизмѣнно держался постоянно...

Еще во время редактированія „Гражданина“, когда этому литератору симпатизировалъ издатель „Гражданина“, радушно открывшій, еще въ первый годъ изданія, страницы этого журнала его произведеніямъ (что, къ слову сказать, не помѣшало помянутому литератору впоследствии инсинуировать его), составляя однажды съ издателемъ номеръ журнала, Ѳедоръ Михайловичъ, по поводу продолженія довольно объемистаго произведенія помянутаго изящнаго литератора, начатаго печатаніемъ еще до его редакторства, высказался за изгнаніе его со страницъ журнала совсѣмъ или, по крайней мѣрѣ, до болѣе свободнаго мѣста.

— Но, вѣдь, это такая милая, такая литературная вещь, возразилъ издатель.

— „Не понимаю, что вы находите хорошаго въ литературномъ произведеніи, гдѣ только и рѣчи, что: были мы тамъ-то, потому поѣхали туда-то, тамъ пробыли столько-то времени и видѣли то-то, и прочее въ такомъ родѣ, безъ идеи, даже безъ мысли“, проговорилъ Ѳедоръ Михайловичъ съ отгѣнкомъ легкой досады и заходилъ по кабинету издатель гдѣ этотъ разговоръ происходилъ.

Издатель едва замѣтно пожалъ плечами, улыбнулся и болѣе не возражалъ.

Такъ начатое произведеніе изящнаго литератора и осталось недоконченнымъ въ „Гражданинѣ“... Послѣ оно было напечатано цѣликомъ въ журналѣ діаметрально противоположнаго „Гражданину“ направленія, а затѣмъ оно вышло въ свѣтъ особымъ изданіемъ. Впоследствии литераторъ этотъ стяжалъ себѣ довольно значительную и относительно прочную извѣстность, благодаря которой въ 1877 году онъ получилъ отъ одной большой петербургской газеты предложеніе отправиться на театръ войны въ качествѣ ея спеціальнаго корреспондента, но Ѳедоръ Михайловичъ относился къ его писанію по-прежнему и когда, однажды, въ разговорѣ я сослался на его корреспонденцію съ театра войны, Ѳедоръ Михайловичъ нахмурился мгновенно и сказалъ:

— „Ну, ужъ, этого-то лучше-бы вовсе не читать!“

По поводу кончины Н. А. Некрасова Ѳедоръ Михайловичъ высказалъ свой взглядъ на поэзію его. Онъ сказалъ, что, несмотря на шероховатость и неблагозвучность нѣкоторыхъ стиховъ Некрасова, онъ, тѣмъ не менѣе, поэтъ истинный, а отнюдь не стихослагатель; что стихи его не дѣланные, не искусственные, а вылившіеся сами собою прямо изъ души поэта, и въ этомъ отношеніи онъ ставилъ Некрасова выше всѣхъ современныхъ поэтовъ. Въ ближайшемъ послѣ смерти Некрасова выпускѣ „Дневника Писателя“, Ѳедоръ

Михайловичъ посвятилъ его памяти много искреннихъ строкъ, какъ изъ своего личнаго сочувствія, такъ и въ оправданіе его личности отъ нападокъ и порицаній. слышавшихся тогда въ печати и въ обществѣ... Между прочимъ, онъ доказывалъ, что въ писателѣ необходимо различать двѣ личности, причемъ слѣдуетъ раздѣлять личность человѣка отъ личности писателя и судить писателя по его произведеніямъ.

Въ началѣ 1874 года, когда Федоръ Михайловичъ выпустилъ въ свѣтъ новое изданіе романа „Идіотъ“, бесѣдуя однажды втроемъ о текущей русской литературѣ, онъ вспомнилъ, что еще не подарилъ мнѣ этой книги и тотчасъ-же попросилъ Анну Григорьевну принести экземпляръ ея, на которомъ написалъ нѣсколько строкъ, въ которыхъ, кромѣ обычныхъ въ такихъ случаяхъ словъ, есть чрезвычайно лестныя для меня слова, которыя привести здѣсь запрещаетъ мнѣ самая элементарная скромность...

Сколько я могъ заключить изъ словъ Федора Михайловича, сказанныхъ имъ въ тотъ разъ объ этомъ романѣ, я вывелъ заключеніе, что между своими произведеніями онъ отводилъ „Идіоту“ весьма почетное мѣсто. Вручая мнѣ его, онъ съ чувствомъ проговорилъ:

— „Читайте! Это хорошая вещь... Тутъ все есть!“

Впослѣдствіи, когда „Идіотъ“ былъ уже давно мною прочитанъ, однажды въ разговорѣ коснулись И. А. Гончарова, и я съ большою похвалою отозвался объ его „Обломовѣ“, Федоръ Михайловичъ соглашался, что „Обломовъ“ хорошъ, но замѣтилъ мнѣ:

— „А мой „Идіотъ“, вѣдь, тоже Обломовъ“.

— Какъ это, Федоръ Михайловичъ? спросилъ было я, но тотчасъ спохватился.—Ахъ, да! вѣдь въ обоихъ романахъ герои—идіоты.

— „Ну, да! Только мой идіотъ лучше гончаровскаго... Гончаровскій идіотъ—мелкій, въ немъ много мѣщанства, а мой идіотъ—благороденъ, возвышенъ“.

И съ этимъ, конечно, вельзя не согласиться, признавая за произведеніемъ И. А. Гончарова иныя весьма крупныя достоинства. А вѣдь раньше мнѣ—да и многимъ, вѣроятно,—и въ голову не приходило проводить какую-бы то ни было параллель между этими двумя произведеніями отечественной литературы.

Когда, въ 1877 году, Федоръ Михайловичъ выпустилъ въ свѣтъ 4-е изданіе романа „Преступленіе и наказаніе“ онъ подарилъ мнѣ экземпляръ и этого романа и также съ автографомъ своимъ. При этомъ случаѣ онъ опять съ чувствомъ въ голосъ и одушевленіемъ въ лицѣ сказалъ мнѣ:

— „Это тоже очень хорошая вещь!...“

— Про это я уже и самъ знаю, Ѳедоръ Михайловичъ, прервалъ я его на паузѣ; много похвалъ этому вашему произведенію слышала и читала.

— „А знаете-ли, продолжалъ онъ, что когда этотъ романъ появился въ печати впервые, меня благодарили за него; благодарили люди почтенные, солидные—люди, высоко стоящіе на государственной службѣ... Благодарили!“

Графа Л. Н. Толстаго Ѳедоръ Михайловичъ считалъ безусловно знаменитѣйшимъ изъ современныхъ русскихъ писателей.

XVII.

Припоминается мнѣ нижеслѣдующая характеристическая сценка, имѣвшая мѣсто въ 1877 году, въ началѣ русско-турецкой войны, иллюстрирующая, между прочимъ, тогдашнюю популярность Ѳедора Михайловича и его „Дневникъ Писателя“.

Придя къ Ѳедору Михайловичу въ первомъ, не то во второмъ часу дня, я сидѣлъ въ его кабинетѣ, на его клеенчатомъ диванѣ, vis-à-vis съ хозяиномъ, сидѣвшимъ у своего стола на стулѣ и, разговаривая съ нимъ о ходѣ дѣла по предстоявшему выпуску „Дневника“, попивалъ его крѣпкій чай и покуривалъ папиросу его собственной набивки, когда къ намъ вошла Анна Григорьевна и сказала Ѳедору Михайловичу, что его желаетъ видѣть г. Л—къ, извѣстный изобрѣтатель наборной машины, о которомъ незадолго передъ тѣмъ говорили газеты.

— „Гмъ... Да чего-же ему у меня-то нужно, вѣдь у меня нѣтъ типографіи?“ возразилъ Ѳедоръ Михайловичъ.

Анна Григорьевна отвѣчала, что г. Л—къ не объявляетъ причины своего визита, но говоритъ только, что ему очень нужно видѣть Ѳедора Михайловича и говорить съ нимъ. Ѳедоръ Михайловичъ съ неохотою поднялся со своего стула, вышелъ въ залу къ ожидавшему его г. Л—ку и съ первыхъ-же словъ попросилъ его къ себѣ въ кабинетъ, гдѣ и усадилъ его на диванъ, рядомъ со мною, причемъ тотчасъ-же спросилъ не желаетъ-ли онъ чаю. Тотъ попросилъ. Подали. Г. Л—къ, между тѣмъ, продолжалъ очень бойко начатое имъ еще въ залѣ изъясненіе своего изобрѣтенія новаго способа печатанія, который будто-бы скоро произведетъ радикальный переворотъ въ типографскомъ производствѣ.

— „Можетъ быть, но вѣдь я въ этомъ дѣлѣ ровно ничего не

понимаю, и потому не могу судить правильно о вашемъ изобрѣтеніи, а вотъ, кстати, у меня здѣсь сидитъ типографщикъ, метранпажъ, который это дѣло знаетъ очень хорошо, — рекомендую, Михаилъ Александровичъ Александровъ, — вотъ вы съ нимъ и поговорите, а я послушаю“.

Нелишнимъ считаю замѣтить здѣсь, что въ то время моимъ излюбленнымъ рабочимъ костюмомъ была простая холстинковая блуза, которую я носилъ безъ кушака, тогда какъ большинство метранпажей и даже наборщики постарше носили сюртукъ или пиджакъ. Въ излюбленномъ костюмѣ я ходилъ и ко всѣмъ заказчикамъ типографіи по своимъ обязанностямъ метранпажа... Впоследствии, въ силу обстоятельствъ, характеризующихся пословицею „По платью принимаютъ, по уму провожаютъ“, мнѣ пришлось-таки перемѣнить блузу на жакетъ и пиджакъ, тогда-же я еще не находилъ этого нужнымъ, такъ какъ въ мнѣніи своихъ почтенныхъ кліентовъ я, повидимому, ничего не терялъ, и по молодости, можно сказать, рисовался своимъ костюмомъ, который, не помню, кто-то назвалъ въ шутку „прудоновскимъ“, хотя я носилъ его не столько изъ-за того, что онъ былъ „прудоновскій“, сколько ради его удобства, чистоты и дешевизны. И вотъ вслѣдствіе этой-то непредставительности моего костюма, вѣроятно, выслушавъ предложеніе Федора Михайловича поговорить со мною, изобрѣтатель посмотрѣлъ на меня съ едва скрываемымъ недоверіемъ и неудовольствіемъ и хотя протянулъ мнѣ руку и назвалъ себя, однако-жъ, затѣмъ продолжалъ обращать рѣчь о своемъ изобрѣтеніи непосредственно къ Федору Михайловичу, игнорируя рекомендованнаго имъ собесѣдника, то есть меня. Между прочимъ, онъ сказалъ, что всѣ наши типографщики—рутинеры и не могутъ принять его изобрѣтенія уже по тому одному, что введеніе его сопряжено съ кореннымъ измѣненіемъ всѣхъ существующихъ приемовъ типографской техники и что выгоды его изобрѣтенія общааетъ, главнымъ образомъ, издателямъ, чрезъ удешевленіе производства.

— „Да вѣдь я уже сказалъ вамъ, что ничего не понимаю въ этомъ дѣлѣ, возразилъ Федоръ Михайловичъ,—а опредѣлить степень пригодности вашего изобрѣтенія — дѣло специалистовъ, которые одни могутъ быть посредниками между вами, какъ изобрѣтателемъ, и издателями... Вотъ поэтому-то я и предлагаю вамъ поговорить съ Михаиломъ Александровичемъ, онъ специалистъ этого дѣла и въ настоящемъ случаѣ можетъ быть нашимъ посредникомъ“.

На это изобрѣтатель замѣтилъ, что для правильной оцѣнки его изобрѣтенія недостаточно быть техникомъ-специалистомъ, но нужно

также быть ученымъ политико-экономистомъ, однако-жъ сталъ обращаться ко мнѣ и принялся излагать сущность своего изобрѣтенія. Выслушавъ его, я освѣдомился о знакомствѣ его съ современнымъ состояніемъ типографской техники, причемъ узналъ, что знакомство это—какъ у многихъ другихъ изобрѣтателей наборно-типографскихъ машинъ—было поверхностно; я замѣтилъ ему это; онъ сознался, но не вполнѣ; онъ сказалъ, что два, три первые года его труда по изобрѣтенію пропали безплодно, именно по недостатку его свѣдѣній по этой части, но теперь онъ находитъ свои познанія достаточно полными. Стоя на своей точкѣ зрѣнія, я сталъ критиковать его способъ по частямъ, начавъ съ главныхъ. Произошелъ краткій, но оживленный диспутъ, излагать который здѣсь я считаю неумѣстнымъ, такъ какъ для большинства читателей онъ былъ-бы непонятенъ; скажу только, что въ затронутыхъ мною частяхъ изобрѣтеніе г. Л—ка не выдержало критики, какъ не выдержало оно ея вообще со стороны собравшихся для оцѣнки его специалистовъ-типографовъ въ Петербургѣ, спустя около пяти лѣтъ послѣ описываемаго разговора... Такова, впрочемъ, участь всѣхъ вообще наборно-типографскихъ машинъ до сего времени.

Но г. Л—къ очень скоро прервалъ диспутъ неожиданнымъ заявленіемъ, что главная цѣль его визита къ Фёдору Михайловичу совсѣмъ не по поводу наборно-типографской машины, которая, къ тому-же, у него не доведена еще до совершенства, а по поводу новаго его изобрѣтенія, имѣющаго въ данную минуту гораздо больший интересъ для русскаго общества, чѣмъ пресловутая машина, и касающагося начавшейся войны, и именно предстоявшей тогда переправы русскихъ войскъ черезъ Дунай...

Стоитъ припомнить какую жгучую тему для разговоровъ, во всѣхъ слояхъ русскаго народа, представляла собою эта переправа русской арміи черезъ Дунай,—въ то время, когда армія эта уже нѣсколько недѣль стояла на лѣвомъ берегу этой рѣки, въ виду вполне приготовившагося встрѣтить ее непріятеля, и никто не зналъ когда и какъ она будетъ черезъ нее переправляться,—чтобы понять, что трудно было, выслушавъ сообщеніе г. Л—ка, воздержаться отъ любопытства узнать подробности его. Федоръ Михайловичъ не составилъ исключенія въ этомъ случаѣ и спросилъ таки г. Л—ка, въ чемъ состоитъ его изобрѣтеніе.

Г. Л—къ помаялся нѣсколько, но не заставилъ себя упрашивать и, можетъ быть, именно изъ патріотизма, какъ онъ выразился, не считая нужнымъ скрывать своего секрета не только передъ Федоромъ Михайловичемъ, но даже передо мною—„также русскимъ человекомъ“.

Я не считаю себя въ правѣ излагать здѣсь слышанное мною описаніе изобрѣтенія г. Л—ка, хотя, конечно, и краткое, но довольно понятное, и скажу только, что г. Л—къ придумалъ военный мостъ, изготовленіе, перемѣщеніе и наведеніе котораго, по его разсчетамъ, было-бы несравненно менѣе сложно, болѣе удобно и гораздо быстрѣе, чѣмъ въ существующей системѣ понтонныхъ мостовъ.

Сообщеніе свое г. Л—къ заключилъ выраженіемъ своего желанія оказать посильную патріотическую услугу правительству и русскому народу возможнымъ сохраненіемъ его арміи, „такъ какъ, по отзывамъ специалистовъ военнаго дѣла, говорилъ г. Л—къ, всѣ извѣстные способы переправы чрезъ большую рѣку стали немыслимыми для русской арміи, потому что она упустила всѣ благоприятные моменты для того“, поэтому онъ надѣялся на содѣйствіе Федора Михайловича, какъ патріота, пользующагося уваженіемъ даже въ высшихъ сферахъ русскаго общества, въ проведеніи его изобрѣтенія къ цѣли.

— „А вы знаете, что о переправѣ русской арміи черезъ Дунай теперь даже запрещено и говорить-то?“ возразилъ Федоръ Михайловичъ.

— Запрещены, можетъ быть, праздные разговоры, а вѣдь у меня, какъ вы видите, серьезное дѣло, съ живостью сказалъ г. Л—къ. У меня вполнѣ выработанная система; имѣются обстоятельныя чертежи и вычисленія по научнымъ правиламъ, которые я могу представить кому слѣдуетъ.

♦ — „Когда и какъ будетъ переправляться русская армія черезъ Дунай—это секретъ главнаго штаба; вотъ вы-бы туда и обратились съ вашимъ изобрѣтеніемъ, а я какое-же вамъ могу оказать содѣйствіе въ такомъ дѣлѣ, о которомъ совсѣмъ нельзя говорить въ печати“, отвѣтилъ Федоръ Михайловичъ.

Г. Л—къ намекнулъ Федору Михайловичу на его связи съ нѣкоторыми высокопоставленными лицами, къ которымъ онъ желалъ-бы получить отъ него рекомендательныя письма; но отъ этого Федоръ Михайловичъ уклонился, сказавъ, что у него совсѣмъ нѣтъ такихъ связей и что съ такимъ, какъ у него, дѣломъ ему нетрудно доступъ даже къ самому военному министру, безъ всякихъ рекомендательныхъ писемъ. Г. Л—къ возразилъ было на это, но Федоръ Михайловичъ такъ и не склонился на его просьбу...

А вскорѣ послѣ описаннаго разговора совершилась и всѣмъ извѣстная переправа русской арміи черезъ Дунай—вплавъ, на легкихъ судахъ.

XVIII.

Объ отношеніяхъ Федора Михайловича къ міру типографскихъ труженниковъ, за исключеніемъ описываемыхъ мною его отношеній ко мнѣ, какъ одному изъ нихъ, я имѣю сказать очень немногое...

Отношенія эти, какъ у большинства крупныхъ нашихъ писателей, были поверхностныя, обусловливаемые лишь самою крайнею необходимостью въ ихъ сношеніяхъ съ типографіями... Но, мнѣ кажется, Федору Михайловичу болѣе, чѣмъ кому-нибудь другому изъ писателей, коллеги мои должны извинить это, принявъ во вниманіе, что, хотя Федоръ Михайловичъ, конечно, и зналъ бытовую народную жизнь и, безъ сомнѣнія, интересовался ею, но онъ не былъ изобразителемъ ея въ своихъ произведеніяхъ... Въ его сочиненіяхъ, полныхъ идей и психологическихъ анализовъ, за исключеніемъ, „Записокъ изъ мертваго дома“, очень мало бытовыхъ картинъ и сценъ вообще, а потому ничего нѣтъ страннаго въ томъ, что изъ типографскаго міра ихъ и совсѣмъ нѣтъ... Этому отчасти мѣшала его мнительность, о которой я говорилъ выше, и его житейская непрактичность.

О томъ, какъ иногда навѣнь былъ великій психологъ въ практической жизни, можетъ отчасти иллюстрировать нижеслѣдующій случай.

Въ первый годъ изданія „Дневника Писателя“, передъ праздникомъ Рождества, Федоръ Михайловичъ вручилъ мнѣ десять рублей для раздачи, въ видѣ подарка, наборщикамъ и при этомъ сказалъ:

— „Я хотѣлъ было дать имъ нѣсколько десятковъ экземпляровъ „Дневника“, чтобы они продали ихъ и деньги взяли-бы себѣ; но потомъ мы съ Анною Григорьевною разсудили, что такъ негодится, а лучше будетъ дать имъ прямо деньгами“.

На это я отвѣтилъ Федору Михайловичу, что послѣднее, конечно, цѣлесообразнѣе и что такъ обыкновенно и дѣлается всѣми, желающими подарить наборщикамъ деньги, подарокъ-же экземпляровъ для продажи совсѣмъ неудобенъ для наборщика, потому уже, что превращеніе ихъ въ деньги могло-бы причинить ему непріятности, въ видѣ, на примѣръ, объясненій принадлежности ему бѣльшаго или меньшаго количества этихъ экземпляровъ.

Федоръ Михайловичъ сказалъ, что именно эти соображенія онъ сначала и упустилъ изъ виду.

Въ другомъ случаѣ, имѣвшемъ мѣсто по поводу моихъ представленій Федору Михайловичу о невозможности исполнить для

него что-то экстраординарное, за отсутствіемъ наборщиковъ, разошедшихся изъ типографіи по домамъ за окончаніемъ рабочаго времени, онъ выразилъ свой идеальный взглядъ на типографію, какъ мировое учрежденіе, долженствующее состоять на непрерывной службѣ у человѣческаго общества, не входя въ обсужденіе, какъ это сдѣлать, чтобы при этомъ самые слуги остались людьми, а не превратились въ автоматъ.

— „Эхъ, вы, шутиливо-добродушнымъ тономъ сказали Федоръ Михайловичъ,—нельзя. Какъ нельзя?—типографія все должна мочь сдѣлать, что отъ нея требуется!“

— Да мы и дѣлаемъ вамъ все, что надо; случается, что и ночь напролетъ работаемъ... А въ настоящемъ случаѣ такой необходимости нѣтъ, вѣдь до выпуска еще далеко!

— „Необходимости, положимъ, нѣтъ, но она можетъ быть... экстренная, такъ сказать, необходимость, которой предвидѣть нельзя. Да нѣтъ, ужъ вы какъ свою типографію ни защищайте, а она у васъ не настоящая!“

— Почему-же не настоящая, Федоръ Михайловичъ?

— „Потому что у васъ дѣло поставлено не такъ, какъ должно“.

А какъ-же должно-то?

— „А вы знаете, какъ ведется дѣло въ типографіяхъ, гдѣ есть ежедневныя газеты?“

— Какъ не знать, Федоръ Михайловичъ, знаю. Ну, такъ что-же тамъ?

— „Тамъ работа идетъ непрерывно, день и ночь“.

Тутъ я сталъ излагать Федору Михайловичу, что такъ только кажется на незнакомый съ дѣломъ взглядъ, на самомъ-же дѣлѣ работа организована иначе... Полный составъ наборщиковъ, напримеръ, и на газетахъ работаетъ лишь до известнаго часа вечера, а затѣмъ они уходятъ по домамъ, оставляя на ночь пятую или шестую часть состава, въ качествѣ дежурныхъ, которые, въ свою очередь, тоже работаютъ до известнаго лишь часа ночи, когда наборъ сдается въ печать, т. е. въ руки другихъ рабочихъ, къ тому времени лишь приходящихъ на работу, слѣдовательно тоже могутъ исполнить лишь известное количество работы, и притомъ только для газеты, для которой эта ночная работа организована, а отнюдь не для какого-либо инаго изданія, работающагося въ той-же типографіи, такъ какъ работа всѣхъ иныхъ изданій идетъ инымъ порядкомъ, обходясь безъ ночнаго для того времени, за рѣдкими исключеніями, дѣлающимися при окончаніи нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ, напримеръ, періодическихъ или принятыхъ съ условіемъ окончить къ сроку.

— „Ну, и такая постановка работы тоже неправильна... По моему, типографія, какъ сама жизнь человѣческая, должна работать непрерывно“, отвѣтилъ на это Фѳдоръ Михайловичъ.

— А вѣдь ночной трудъ, да еще въ типографіи, чрезвычайно тяжелъ и вреденъ, Фѳдоръ Михайловичъ,—какъ это вы не противъ него!—возразилъ я.

— „Противъ этого я ничего не могу сказать, я только говорю какъ должно быть, а ужъ какъ это устроить,—я и самъ не знаю“, сказалъ въ заключеніе Фѳдоръ Михайловичъ.

Зато извѣстное отношеніе Фѳдора Михайловича къ такъ называемому женскому вопросу отразилось и въ типографіи, ибо, если онъ чѣмъ интересовался, то тѣмъ ужъ интересовался постоянно, и не въ печати только, а вездѣ.

Замѣтивъ однажды въ наборной типографіи трехъ не то четырехъ работавшихъ наборщицъ, Фѳдоръ Михайловичъ, когда мы были одни, заговорилъ со мною по этому поводу. Прежде всего онъ освѣдомился—замужнія онѣ были или дѣвушки. Я сказалъ, что всѣ дѣвушки.

— „А есть-ли замужнія наборщицы?“ спросилъ онъ.

— Есть, но мало... Да наборщицъ и вообще-то немного. Недавно стали прививать женщинамъ эту профессію, и плохо что-то прививается къ нимъ она, отвѣчала я.

— „Да едва-ли и привьется, то есть прочно-то“, замѣтилъ Фѳдоръ Михайловичъ.

— Вы, Фѳдоръ Михайловичъ, почему, именно, такъ полагаете? полюбопытствовалъ я.

— „Я нахожу, что ваше занятіе неестественно для женщинъ... Вѣдь у васъ все дѣлается стоя на ногахъ, а естественное, то есть анатомическое сложеніе женщины, и главнымъ образомъ устройство такъ называемаго таза у нея требуетъ болѣе сидячаго положенія, нежели стоячаго“.

— А вотъ эмансипаторы-то наши этихъ особенностей женщинъ, кажется, совсѣмъ и знать не хотятъ; они очень усердно стараются навязать типографскій трудъ женщинамъ именно потому, что находятъ его очень подходящимъ для нихъ.

Фѳдоръ Михайловичъ улыбнулся на это мое замѣчаніе и продолжалъ разспросы.

— „А кромѣ вотъ того процесса набирания, который обыкновенно видишь у васъ тутъ, какого-нибудь болѣе тяжелаго труда въ вашемъ производствѣ нѣтъ или есть?“

— Есть... Приходится, напримѣръ, выставлять изъ реаловъ

формы набора и переносить ихъ на столъ, для правки корректуръ. Но этотъ трудъ отъ нихъ можетъ быть отстраненъ формальнымъ образомъ, а пока наборщицы обыкновенно довольно легко отстраняютъ его отъ себя сами, такъ какъ всегда найдется кто-нибудь изъ наборщиковъ сдѣлать за нихъ это небольшое дѣло... Но надо замѣтить, что рѣдко за нихъ что-либо дѣлается изъ человѣколюбія или изъ простаго снисхожденія къ ихъ физической слабости; обыкновенно-же помощниками руководятъ эгоистическія побужденія известнаго свойства.

— „А я видѣлъ, одна что-то нагнувшись дѣлала, какъ-бы надъ столомъ, причеиъ она, кажется, упиралась въ него грудью... Что это она дѣлала?“

— Это правка корректуры. Отъ этого онѣ еще легче могутъ быть отстранены. Въ такомъ положеніи приходится иногда править только авторскія или редакторскія корректуры, за которыя полагается особая плата и которыя, поэтому, можно давать тому или другому наборщику, свою-же, то есть такъ называемую первую корректуру, въ которой каждый правитъ лишь свой наборъ, можно править иначе, не нагибаясь надъ цѣлою формою и не упираясь въ нее грудью, а беря каждую гранку въ себѣ на кассу, и тамъ исправлять ее.

— „Да вотъ развѣ такъ-то; а то вѣдь этакое положеніе для груди вредно: а строеніе груди у женщинъ тоже вѣдь разнится отъ мужской... Для груди, впрочемъ, уже и самый воздухъ типографіи вреденъ, я полагаю; у васъ вѣдь тутъ все свинецъ, краски... Воздухъ всегда такой тяжелый“.

— А главное — пыль и грязь обыкновенныя, соединенныя съ пылью и окисями металлическими, а также поташемъ, скипидаромъ, масляною краскою, ламповою копотью и, наконецъ, плевокми и харкотинами рабочихъ прямо на полъ, въ большинствѣ типографій никогда почти не моющійся; при всемъ этомъ скученность рабочихъ, вслѣдствіе тѣсноты помѣщеній,—вотъ главные бичи нашего здоровья, пояснилъ я.

— „Да, да, тяжело!.. А для женщинъ и подавно: женщина по природѣ—существо хрупкое, слабое; настоящее-то ея мѣсто въ семьѣ, въ домашнемъ хозяйствѣ или при дѣтяхъ... Ну, конечно, есть нѣкоторыя ремесла и вообще нѣкоторыя служебныя занятія, которыя и онѣ могутъ исполнять, но только не въ типографіи, типографскій трудъ имъ не подѣ силу“.

— Дѣйствительно, тяжело, то есть въ смыслѣ обстановки и воздуха; но вѣдь легкихъ занятій сравнительно немного, а жен-

щинъ, и въ особенности дѣвушекъ, такъ много теперь, вслѣдствіе того, что современный складъ жизни и житейской мудрости такъ настойчиво исключаетъ для мужчинъ необходимость законнаго брака, что имъ поневолѣ приходится искать для себя новыхъ областей труда для добыванія средствъ для сколько-нибудь независимаго честнаго существованія.

На этотъ доводъ мой Ѳедоръ Михайловичъ сказалъ, что положеніе женщинъ дѣйствительно пока безвыходно, и что крайность, конечно, заставитъ дѣлать и непосильное, но такъ не должно быть.

Таковы были тѣ немногіе личные взгляды Ѳедора Михайловича на типографскій міръ, которые были извѣстны мнѣ. Въ печати-же объ этомъ предметѣ онъ никогда не говорилъ.

XIX.

Несмотря на блестящій успѣхъ „Дневника Писателя“, несмотря на постоянное желаніе Ѳедора Михайловича участвовать въ общественной жизни въ качествѣ публициста, онъ, во второй половинѣ 1877 года, нашелся вынужденнымъ отказаться отъ продолженія изданія „Дневника“ въ будущемъ году. Причиной тому была все та-же удручающая срочность литературной работы, которая заставила его въ 1873 году отказаться отъ участія своимъ перомъ въ „Гражданинъ“.

Несомнѣнно, Ѳедоръ Михайловичъ былъ трудолюбивый писатель; но условія журнальной работы были, такъ сказать, не въ характерѣ его музы... Онъ не любилъ скользить по поверхности избраннаго предмета, а всегда углублялся внутрь его, желая проникнуть до дна, чего, конечно, нельзя дѣлать къ извѣстному сроку... Да не сродны были эти условія и самому таланту его, прежде всего беллетристическому. Онъ лишь принуждалъ себя къ журнальной работѣ—и только. Въ „Гражданинъ“ онъ часто вынужденнымъ находился отеладывать статьи своего „Дневника“ изъ-за того, что самъ онъ не былъ доволенъ сдѣланною работою. Тамъ это было можно, такъ какъ всегда были въ запасѣ статьи разныхъ авторовъ, изъ которыхъ всегда можно было что-нибудь выбрать для замѣщенія пустаго мѣста въ номерѣ. Теперь-же, когда „Дневникъ Писателя“ выходилъ въ свѣтъ самостоятельнымъ изданіемъ и отъ начала до конца писался однимъ авторомъ, Ѳедоръ Михайловичъ, въ силу добросовѣстныхъ отношеній къ своимъ обязательствамъ передъ читателями своими, не могъ позволить себѣ какого-

либо манкированія выпусками его, и когда ихъ приходилось отсрочивать,—а иногда таки приходилось это дѣлать, — то, какъ это видно изъ вышеприведенныхъ писемъ, эти отсрочки стоили Федору Михайловичу большихъ нравственныхъ страданій, а если прибавить къ нимъ извѣстную постоянную болѣзненность Федора Михайловича, его мнительность и нервную раздражительность, то можно представить себѣ, какое удручающее вліяніе имѣла на Федора Михайловича его журнально-публицистическая дѣятельность, и станетъ понятною его новая рѣшимость прекратить, хотя на время, свой „Дневникъ“.

Объ этомъ прекращеніи „Дневника“, равно какъ и о причинѣ его, то есть о разстройствѣ своего здоровья, Федоръ Михайловичъ заявилъ своимъ читателямъ, сначала особою статьею въ „Дневникѣ“, а потомъ объявленіями въ началѣ каждаго выпуска его, гласящими, что подписка на „Дневникъ Писателя“ на 1878 годъ не принимается. Въ отвѣтъ на заявленіе Федоръ Михайловичъ получилъ множество писемъ отъ своихъ читателей и почитателей съ просьбами продолжать „Дневникъ“, нисколько не стѣсняясь сроками выхода его выпусковъ въ свѣтъ, объемомъ и даже числомъ ихъ въ годъ, но онъ рѣшительно отказался отъ этого, ссылаясь на необходимость поправить свои разстроенныя силы и здоровье полнымъ спокойствіемъ и обѣщаясь возобновить „Дневникъ“ опять, года черезъ два.

Одинъ литературный антрепренеръ, издававшій въ Петербургѣ захудалую газету, узнавъ о причинѣ прекращенія „Дневника Писателя“, пріѣхалъ къ Федору Михайловичу съ предложеніемъ услугъ страницъ своей газеты для его „Дневника“, мотивируя свое предложеніе яко-бы желаніемъ избавить его отъ хлопотъ издательства; но Федоръ Михайловичъ, понимая истинную цѣль антрепренера, отвергъ его предложеніе съ негодованіемъ.

Въ разговорѣ съ Федоромъ Михайловичемъ, по поводу прекращенія „Дневника Писателя“, онъ, какъ при выходѣ своемъ изъ редакціи „Гражданина“, опять высказалъ мнѣ надежду сойтись, года черезъ два, и работать вмѣстѣ. Опять онъ отдыхать собирался недолго.

— „Отдохну немного, говорилъ онъ, а тамъ опять за работу... Есть идея, которая давно ужъ занимаетъ меня... хочу разработать ее... А при „Дневникѣ“ это невозможно“.

— Романъ это будетъ, Федоръ Михайловичъ? спросилъ я.

— „Да, пожалуй, и романъ, если хотите!“ съ улыбкою отвѣтилъ онъ.

Эта новосозрѣвавшая въ головѣ Федора Михайловича идея, че резъ два года послѣ того, явилась въ свѣтъ въ видѣ новаго капитальнаго творенія его, подъ заглавіемъ „Братья Карамазовы“.

Съ прекращеніемъ „Дневника Писателя“ совпало прекращеніе дѣятельности типографіи князя В. В. Оболенскаго, закрывавшейся не въ силу какихъ-либо неблагопріятныхъ обстоятельствъ, а просто согласно волѣ своего дилеттанта-владѣльца... Послѣдній выпускъ „Дневника“ предполагалось напечатать до закрытія типографіи, но ликвидація дѣлъ происходила такъ быстро, что я не видѣлъ возможности приличнымъ образомъ закончить изданіе Федора Михайловича, и потому посоветовалъ ему отдать послѣдній выпускъ въ какую-либо другую типографію. Онъ отдалъ этотъ выпускъ въ ново-открытую типографію В. Θ. Пудыкевича, тогда уже фактическаго издателя-редактора „Гражданина“. Послѣ Федоръ Михайловичъ жаловался мнѣ, что печатаніе этого послѣдняго выпуска причинило ему много хлопотъ и непріятностей и что выпускъ очень запоздалъ выходомъ, а въ техническомъ отношеніи онъ вышелъ очень плохимъ.

XX.

Послѣ прекращенія „Дневника Писателя“, я не видался съ Федоромъ Михайловичемъ болѣе двухъ лѣтъ... Въ этотъ промежутокъ времени онъ написалъ свой послѣдній, колоссальный романъ „Братья Карамазовы“, который въ 1880 году уже печатался въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ и возбуждалъ въ публикѣ большой интересъ къ себѣ и къ своему знаменитому автору, а возросшая за послѣдніе годы, подъ вліяніемъ впечатлѣнія, произведеннаго изданіемъ „Дневника Писателя“, популярность Федора Михайловича привела, между прочимъ, къ избранію его въ вице-предсѣдателя славянскаго благотворительнаго общества въ Петербургѣ. Вообще въ этотъ годъ—увы! послѣдній въ жизни Федора Михайловича—популярность его возрастала особенно быстро, и въ дни открытія памятника Пушкину, состоявшагося въ томъ году, достигла апогея.

Въ то время въ Петербургѣ нерѣдко давались литературные вечера съ благотворительною цѣлью,—большею частію въ пользу недостаточныхъ изъ учащейся молодежи, и Федоръ Михайловичъ принималъ въ нихъ самое живое участіе, которое, главнымъ образомъ, привлекало на эти вечера публику. Однимъ изъ такихъ вечеровъ воспользовался я, чтобы посмотреть и послушать, хотя со сто-

ровы, любезнаго душѣ чловѣка. Это было въ апрѣлѣ 1860 года, въ Омино воскресенье... Достоинно замѣчанія, что, несмотря на то, что дѣло было въ заключительный день пасхальныхъ увеселеній, стояла прекрасная погода. которая, заодно съ только-что наступившими бѣлыми петербургскими ночами, манила на прогулку на открытомъ воздухѣ, зала Благороднаго собранія у Полицейскаго моста, къ началу вечера, то есть еще за-свѣтло, была буквально переполнена публикою...

Когда по программѣ дошла очередь до выхода на эстраду Федора Михайловича, въ залѣ водворилась необыкновенная тишина, свидѣтельствовавшая о напряженномъ вниманіи, съ которымъ присутствовавшіе устремляли свои взоры на эстраду, гдѣ вотъ-вотъ появится авторъ „Братьевъ Карамазовыхъ“, писатель давно знаменитый, но недавно признанный таковымъ... И вотъ, когда этотъ моментъ наступилъ, среди напряженной тишины раздался взрывъ рукоплесканій, длившійся, то чуть-чуть ослабѣвая, то вновь вдругъ возрастая, около пяти минутъ. Федоръ Михайловичъ, дѣловою поступью вышедшій изъ-за кулисъ и направившійся къ столу, стоявшему посрединѣ эстрады, остановился на полъ-дорогѣ, поклонился нѣсколько разъ привѣтствовавшему его партеру и продолжалъ, той-же дѣловою поступью, путь къ столу; но едва онъ сдѣлалъ два шага, какъ новый взрывъ рукоплесканій остановилъ его вновь. Поклонившись опять направо и налево, Федоръ Михайловичъ поспѣшилъ было къ столу, но оглушительныя рукоплесканія продолжались и не давали ему сѣсть за столъ, такъ что онъ еще съ минуту стоялъ и раскланивался. Наконецъ, выждавъ, когда рукоплесканія нѣсколько поутихли, онъ сѣлъ и раскрылъ рукопись; но тотчасъ-же, вслѣдствіе новаго взрыва рукоплесканій, долженъ былъ снова встать и раскланиваться. Наконецъ, когда рукоплесканія стихли, Федоръ Михайловичъ принялся читать. Читалъ онъ въ тотъ вечеръ ненапечатанныя въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ главы изъ „Братьевъ Карамазовыхъ“. Чтеніе его было, по обыкновенію, мастерское, отчетливое и настолько громкое или, вѣрнѣе, внятное, что сидѣвшіе въ самомъ отдаленномъ концѣ довольно большой залы Благороднаго собранія, вмѣщающей въ себѣ болѣе тысячи сидящихъ чловѣкъ, слышали его превосходно.

Нечего и говорить, что публика горячо апплодировала чтенію Федора Михайловича, когда онъ кончилъ назначенное по программѣ, и просила его еще что-нибудь прочесть. Несмотря на продолжительность только-что оконченнаго чтенія, Федоръ Михайловичъ чувствовалъ себя настолько бодрымъ, что охотно исполнилъ эту просьбу.

Передъ многочисленнымъ собраніемъ публики онъ чувствовалъ себя такъ-же хорошо и держалъ себя такъ-же свободно, какъ-бы въ дружескомъ кружкѣ; публика, въ свою очередь, чутко отличая искренность въ его голосѣ, относилась къ нему такъ-же искренно, какъ къ давно знакомому своему любимцу, такъ что, въ отношеніи тона, оваціи публики Федору Михайловичу существенно отличались отъ овацій какой-нибудь пріѣзжей знаменитости изъ артистическаго міра вообще.

На этотъ разъ передъ чтеніемъ внѣ программы Федоръ Михайловичъ сказалъ слѣдующее маленькое вступленіе, полное характеристичности и остроумія:

— „Я прочту стихи одного русскаго поэта... истиннаго русскаго поэта, который, къ сожалѣнію, иногда думалъ не по-русски, но когда говорилъ, то говорилъ всегда истинно по-русски!“

И Федоръ Михайловичъ прочелъ „Власа“ Некрасова,—и какъ прочелъ! Зала дрожала отъ рукоплесканій, когда онъ кончилъ чтеніе. Но публика не хотѣла еще разстаться съ знаменитымъ чтеніемъ и просила его еще что-нибудь прочесть. Федоръ Михайловичъ и на этотъ разъ не заставилъ себя долго просить; онъ самъ, видимо, былъ сильно наэлектризованъ энтузіазмомъ публики и не ощущалъ еще усталости. Онъ прочелъ маленькую поэму графа А. К. Толстого „Илья Муромецъ“ и при этомъ очаровалъ своихъ слушателей художественною передачею полной эпической простоты воркотни стараго, заслуженнаго кіевскаго богатыря-вельможи, обидѣвшагося на князя Владиміра Красное Солнышко за то, что тотъ какъ-то обнесъ его чарою вина на пиру, покинувшаго чрезъ это его блестящій дворъ и уѣзжавшаго теперь верхомъ на своемъ „чубаромъ“ въ свое родное захоlustье, чрезъ дремучій лѣсъ. Когда Федоръ Михайловичъ читалъ финальные стихи поэмы:

И старикъ лицомъ суровымъ
 Просвѣтлѣлъ опять,
 По нутру ему здоровымъ
 Воздухомъ дышать;
 Снова вѣтъ воли дикой
 На него просторъ,
 И смолой, и землянякой
 Пахнетъ темный боръ...

одушевленіе его, казалось, достигло высшей степени, потому что заключительныя слова „и смолой и землянякой пахнетъ темный боръ“ были произнесены имъ съ такою удивительною силою выраженія въ голосѣ, что иллюзія отъ истинно-художественнаго чтенія

произошла полная: всѣмъ показалось, что въ залѣ „Благородки“ дѣйствительно запахло смолою и земляникою.. Публика остолбенѣла и, благодаря этому обстоятельству, оглушительный громъ рукоплесканій раздался лишь тогда, когда Федоръ Михайловичъ сложилъ книгу и всталъ со стула.

Что касается до меня, то на меня этотъ вечеръ произвелъ впечатлѣніе неизгладимое.

Лѣтомъ того-же 1880 года состоялось открытіе памятника А. С. Пушкину въ Москвѣ. На торжествѣ, происшедшемъ по этому случаю, Федоръ Михайловичъ сказалъ извѣстную свою знаменитую рѣчь о значеніи Пушкина для русскаго народа, произведшую до того сильное впечатлѣніе на все русское образованное общество, что она тогда была названа событіемъ. Рѣчь эта еще болѣе увеличила популярность Федора Михайловича. Со времени ея для него начался рядъ настоящихъ триумфовъ со стороны большинства русской интеллигенціи, ареною которыхъ были литературные вечера, дававшіеся послѣ празднествъ открытія памятника Пушкину особенно часто въ Петербургѣ. Въ это время каждое появленіе Федора Михайловича на этихъ вечерахъ, въ качествѣ неперемѣннаго участника, сопровождалось поднесеніями ему лавровыхъ вѣнковъ.

Надѣлавшая тогда столько шума рѣчь эта была издана Федоромъ Михайловичемъ въ видѣ единственнаго за тотъ годъ выпуска „Дневника Писателя“.

XXI.

Осенью и зимою того-же 1880 года мнѣ довелось видѣться и поспитъ съ Федоромъ Михайловичемъ нѣсколько разъ. Предлогомъ для перваго изъ нихъ послужило слѣдующее, лично меня касавшееся, дѣло.

Въ октябрѣ того года, въ типографіи издателя журнала „Дѣло“, Г. Е. Благосвѣтлова, открылась вакансія на мѣсто соединенныхъ обязанностей метранпажа упомянутаго журнала и вмѣстѣ съ тѣмъ фактора типографіи. Это-то мѣсто я желалъ занять; но такъ какъ я не былъ лично извѣстенъ Г. Е. Благосвѣтлову, то я долженъ былъ добыть какую-либо рекомендацію. За лучшее мнѣ совѣтовали достать рекомендацію кого-либо изъ старыхъ солидныхъ литераторовъ, и вотъ съ этою-то цѣлью я и отправился къ Федору Михайловичу.

Жилъ тогда Федоръ Михайловичъ въ Кузнечномъ переулкѣ, на углу Ямской улицы, на послѣдней въ его жизни квартирѣ.. За-

мѣчу мимоходомъ, что и эта квартира находилась въ старомъ, но довольно хорошо реставрированномъ домѣ. Сколько извѣстно, въ то время матеріальное положеніе его было, сравнительно съ прежнимъ, наилучшее; это было замѣтно и по квартирѣ, болѣе обширной, и по обстановкѣ ея... Слава его въ это время, болѣе чѣмъ когда-либо прежде, была признана: въ образованномъ обществѣ его чуть не на рукахъ носили, въ сочувственной ему части періодической печати ему курили оміамъ, а во враждебной части ея говорили о немъ съ уваженіемъ, и, однако-жь, при всѣхъ этихъ благоприятныхъ обстоятельствахъ, здоровье Федора Михайловича не только не поправилось, но, напротивъ, повидимому, еще болѣе ухудшилось; не только два съ половиною года назадъ, когда я съ нимъ разстался, но даже весной того года, когда я видѣлъ его на литературномъ вечерѣ, онъ былъ гораздо крѣпче и бодрѣе, чѣмъ въ это мое свиданіе съ нимъ.

Придя къ Федору Михайловичу, я былъ принятъ Анною Григорьевною, по обыкновенію бывшей на-сторожѣ возлѣ своего болѣзненнаго мужа. Побесѣдовавъ со мною нѣсколько минутъ, она пошла къ Федору Михайловичу, чтобы сообщить ему обо мнѣ, и тогда онъ вышелъ изъ своего кабинета къ намъ въ гостиную. Отнесся ко мнѣ Федоръ Михайловичъ попрежнему внимательно и съ добротой, но притомъ и съ серьезностью, которую я по опыту призналъ въ немъ слѣдствіемъ удручающаго недуга.

Когда я объяснилъ Федору Михайловичу причину моего къ нему визита, то оказалось, что онъ сильно антипатизировалъ тому литературному лагерю, къ которому принадлежалъ Г. Е. Благовѣстовъ, что меня, впрочемъ, не особенно удивило, такъ какъ мнѣ извѣстна была рѣзкая противоположность литературныхъ направленій обоихъ лагерей.

— „Я вѣдь съ ними... давно ужъ не знаюсь, сказалъ Федоръ Михайловичъ, выслушавъ мою просьбу,—такъ что ужъ и не знаю, могу-ли я быть вамъ въ этомъ случаѣ полезенъ-то“.

— Такъ какъ-же быть-то, Федоръ Михайловичъ? проговорилъ я, отчасти таки озадаченный его заявленіемъ. А мнѣ тамъ дали понять, что вашъ отзывъ обо мнѣ имѣлъ-бы вѣсь.

— „Я напишу, если хотите, то, что о васъ знаю, ни къ кому собственно не обращаясь“.

Я согласился; тогда Федоръ Михайловичъ попросилъ Анну Григорьевну, присутствовавшую при этомъ, тотчасъ-же принести бумагу и чернила и писать подъ его диктовку.

— „А я подишу“, добавилъ онъ и сталъ диктовать свой отзывъ обо мнѣ, иногда поправляя продиктованное.

Отзывъ этотъ, долженствовавшій имѣть значеніе рекомендаціи, вышелъ у Федора Михайловича, по обыкновенію, оригинальнымъ, и потому весьма мало похожимъ на всѣ подобнаго рода документы.

Вотъ это дорогое для меня свидѣтельство знаменитаго писателя и человѣка:

„Михайла Александровича Александра, какъ метранпажа, зналъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ и былъ всегда какъ нельзя болѣе доволенъ его усердіемъ, аккуратностью и смѣло могу сказать, талантливостью; къ тому-же Михайла Александровичъ самъ литераторъ.

Федоръ Достоевскій“.

„20-го октября 1880 г.
С.-Петербург“.

Я было замѣтилъ Федору Михайловичу, что прибавка о моемъ литераторствѣ излишня и, чего добраго, скорѣе вредна для меня. нежели полезна, но онъ возразилъ, что онъ этого не находитъ, тогда я не сталъ болѣе противорѣчить ему.

Получивъ рекомендацію, я, между прочимъ, сказалъ Федору Михайловичу:

— Вотъ, Федоръ Михайловичъ, если поступлю на это мѣсто, я, вѣроятно, буду настолько самостоятеленъ, что буду въ состояніи предложить вамъ свои услуги по печатанію вашихъ изданій безъ риска скомпрометироваться предъ вами.

— „Вы думаете... Нѣтъ... а я вамъ вотъ что скажу—новость: кружокъ изъ нѣсколькихъ лицъ, во главѣ съ N ¹⁾ собирается открыть типографію. Вотъ туда-бы вамъ хорошо поступить-то... А? Какъ вы думаете?... Вотъ тамъ и я буду печатать“.

— Я-бы не прочь, Федоръ Михайловичъ, но вѣдь меня туда не приглашаютъ.

— „Я тамъ сегодня буду и скажу о васъ. Хотите?“

— Но, вѣдь, N меня самъ хорошо знаетъ и потому, я думаю, еслибъ находилъ соответственнымъ своимъ видамъ...

— „Да вѣдь дѣло-то пока въ идеѣ, понимаете, N поэтому и нѣтъ еще причины приглашать васъ. Но очень вѣроятно, что идея эта осуществится. Я тамъ сегодня буду и узнаю... И о васъ поговорю“.

Я поблагодарилъ Федора Михайловича, и мы скоро разстались.

Принявъ къ свѣдѣнію, какъ говорится, сообщенную Федоромъ Михайловичемъ новость, я благоразумно далъ ходъ полученной отъ

¹⁾ Бывшимъ издателемъ „Гражданина“.

него рекомендаціи, передавъ ее протежировавшему мнѣ лицу, близкому къ Г. Е. Благосвѣтлову, которому я лично все еще не представлялся, такъ какъ онъ заболѣлъ своею предсмертною болѣзью, простудившись на похоронахъ фактора-метранпажа своей типографіи А. А. Королькова, и потому кромѣ близкихъ ему людей никого не принималъ.

На другой день, когда я пришелъ съ работы домой обѣдать, меня ожидала записка отъ N, присланная со слугою; въ запискѣ этой онъ приглашалъ меня, въ своеобразныхъ своихъ выраженіяхъ, „явиться къ нему“ въ тотъ-же день. Я догадался, разумѣется, что это было послѣдствіе вчерашняго свиданія Федора Михайловича съ N, и понялъ въ чемъ дѣло. Въ тотъ-же день я побывалъ у N. Прежде всего онъ просилъ меня не ходить къ Г. Е. Благосвѣтлову, аподождалъ-бы немногихъ типографіи, имѣющей скоро открыться. Тутъ-же онъ далъ мнѣ нѣсколько порученій навести справки о цѣнахъ и составить смѣты стоимости заведенія и содержанія типографіи. Въ результатѣ нѣсколько моихъ дней труда, хлопотъ и потери рабочаго времени пропали даромъ, ибо, въ концѣ концовъ, оказалось, что N въ этомъ предпріятіи не былъ самостоятеленъ, съ компанією-же я не сошелся въ условіяхъ и на этомъ водевиль нашъ кончился. Послѣ я узналъ, что вскорѣ и N устранился отъ этого предполагавашагося предпріятія; Федоръ-же Михайловичъ и прежде еще предполагалъ принять въ немъ участіе лишь какъ заказчикъ.

Между тѣмъ обстоятельства такъ сложились, что потеря около недѣли времени не оказала вреднаго вліянія на мое искательство мѣста въ типографіи Г. Е. Благосвѣтлова; отчасти такъ было потому, что болѣзнь владѣльца типографіи осложнилась, отчасти потому, что несмотря на то, что Федоръ Михайловичъ давно ужъ не знался „съ ними“, однако-жъ, отзывъ его обо мнѣ имѣлъ „у нихъ“ рѣшающее значеніе для того, чтобы остановить на мнѣ свой выборъ.

Меня ждали, и я, наконецъ, пошелъ въ помѣщеніе редакціи журнала „Дѣло“. Меня принялъ — теперь также уже покойный — Н. В. Шелгуновъ, главный сотрудникъ Г. Е. по редакціи журнала.

Узнавъ съ кѣмъ имѣеть дѣло, Николай Васильевичъ произнесъ со свойственною ему живостью.

— „Такъ это вы самый и есть господинъ Александровъ“.

— Я самый, отвѣчалъ я.

Засимъ Н. В. съ нескрываемымъ любопытствомъ, но въ то-же время и съ обычнымъ своимъ добродушнымъ видомъ принялся оглядывать меня съ головы до ногъ, какъ нѣкую диковину, такъ что я невольно улыбнулся, глядя ему въ лицо.

— „Вамъ смѣнно, что я васъ такъ подробно изслѣдую?“ , проговорилъ Н. В. также съ улыбкою.

— Да!

— „Нельзя иначе; вѣдь я долженъ дать о васъ отчетъ Григорію Евлампьевичу, который поручилъ мнѣ переговорить съ вами“.

— Ну такъ какъ-же вы меня находите?

— „Да на меня вы тоже произвели хорошее впечатлѣніе... О васъ Федоръ Михайловичъ Достоевскій очень хорошо отзывался“...

— Да, онъ меня довольно хорошо знаетъ... имѣлъ довольно долго со мною дѣла.

Затѣмъ онъ спросилъ меня объ условіяхъ, на которыхъ я желалъ-бы поступить въ ихъ типографію; я сказалъ. Обстоятельство, что я желалъ занять двѣ должности, какъ ихъ занималъ покойный А. А. Корольковъ, было препятствіемъ къ немедленному поступленію на одну изъ нихъ, именно метранпажа, поэтому, а главное опять-же по причинѣ болѣзни Г. Е., переговоры со мною прервались недѣли на три.

XXII.

До только-что описаннаго стеченія обстоятельствъ, я работалъ въ качествѣ метранпажа въ типографіи „Новаго Времени“, куда я поступилъ въ апрѣлѣ того-же 1880 года. Когда стало извѣстно, что Федоръ Михайловичъ намѣренъ возобновить свой „Дневникъ Писателя“ съ января 1881 года, управляющій этою типографіею, А. И. Неупокоевъ, зная, что я хорошо знакомъ съ Федоромъ Михайловичемъ, попросилъ меня побывать у него въ качествѣ агента типографіи и предложить ему услуги ея по печатанію его изданія. Въ виду того, что переговоры мои съ Благосвѣтловымъ, съ одной стороны, и съ N, съ другой, ни къ чему существенному не привели, мнѣ оставалось продолжать занятія на прежнемъ мѣстѣ; я согласился поэтому исполнить порученіе управляющаго и, взявъ съ собою смѣту типографіи, отправился къ Федору Михайловичу.

Выслушавъ отъ меня предложеніе, Федоръ Михайловичъ не сразу меня понялъ.

— „Да вѣдь вы, Михаилъ Александровичъ, кажется, хотѣли поступить въ типографію Благосвѣтлова; что-же, развѣ не поступили? Какъ вы очутились въ „Новомъ Времени?“

Я рассказалъ о своихъ недавнихъ перипетіяхъ и пояснилъ, что вель ихъ, находясь въ типографіи „Новаго Времени“. Выслушавъ

мой рассказъ, онъ, съ оттѣнкомъ пренебрежительности въ тонѣ, сообщилъ мнѣ свои свѣдѣнія о судьбѣ пресловутаго проекта типографіи подъ фирмою N и K^o, послѣ чего сталъ говорить со мною какъ съ представителемъ типографіи „Новаго Времени“, предлагавшей ему свои услуги. Предложеніе имѣло успѣхъ; Ѳеодоръ Михайловичъ принялъ его тѣмъ съ большимъ удовольствіемъ, какъ онъ это высказалъ мнѣ, что вести изданіе его въ типографіи буду непременно я.

Въ это-же самое свиданіе наше, совершенно случайно, Ѳеодоръ Михайловичъ поручилъ мнѣ миссію, исполненіе которой произвело эпизодъ, не лишенный значенія въ исторіи нашей современной литературы. Случилось это слѣдующимъ образомъ.

Послѣ переговоровъ по поводу предложенія услугъ типографіи „Новаго Времени“, Ѳеодоръ Михайловичъ продолжалъ бесѣдовать со мною объ этой типографіи и при этомъ спросилъ, какія въ то время изданія въ ней печатались; когда я, отвѣчая на этотъ вопросъ, сказалъ, что, между прочимъ, верстаю тамъ „Еженедѣльное Новое Время“, въ которомъ въ то время печатался надѣлавшій въ свое время много шума романъ—теперь также уже покойнаго—Н. К. Лебедева „Содомъ“, подъ его всегдашнимъ псевдонимомъ Н. Морского ¹⁾, Ѳеодоръ Михайловичъ сказалъ; обращаясь ко мнѣ и къ Аннѣ Григорьевнѣ:

— „А вы знаете, вѣдь это очень большой талантъ—этотъ Лебедевъ... Вотъ этотъ можетъ дѣйствительно создать что-нибудь. Его романы очень и очень недурны. Но у него есть нѣкоторыя не совсѣмъ хорошія стороны... очень небольшое, впрочемъ; онъ легко можетъ исправиться; только самъ онъ, очевидно, этихъ недостатковъ не замѣчаетъ... Надо ему указать ихъ... Мнѣ очень хотѣлось-бы съ нимъ поговорить объ этомъ, я-бы сказалъ ему. Вообще я-бы могъ ему сказать кое-что полезное для него... Скажите-ка вы ему, Михаилъ Александровичъ, чтобъ онъ пришелъ ко мнѣ когда-нибудь; вѣдь вы, вѣроятно, видитесь съ нимъ?“

— Нѣтъ, Ѳеодоръ Михайловичъ, не видѣлся еще ни разу, но могу найти предлогъ увидѣться, такъ какъ имѣю съ нимъ кое-какія сношенія, то-есть получаю отъ него оригиналы, посылаю ему корректуры, по поводу которыхъ возникаетъ иногда переписка.

¹⁾ Романъ этотъ первоначально начать былъ печатаніемъ въ фельетонахъ ежедневнаго „Новаго Времени“, но послѣ двухъ или трехъ фельетонныхъ онъ тамъ былъ прекращенъ; спустя-же нѣкоторое время онъ былъ пѣликомъ напечатанъ въ „Еженедѣльномъ Новомъ Времени“.

— „Ну и прекрасно, найдите-же, Михаилъ Александровичъ, такой предлогъ, и когда вы съ нимъ увидите, скажите ему, пусть-ка онъ побываетъ у меня... если захочетъ... Скажите ему, что я хочу съ нимъ поговорить“.

Я, разумѣется, съ удовольствіемъ принялъ на себя это лестное порученіе и, дня черезъ два, захвативъ съ собою корректуры, которыя, надо замѣтить, я могъ-бы попрежнему, безъ ущерба для дѣла, послать съ разсылнымъ, отправился къ Н. К. Лебедеву, жившему тогда въ Графскомъ переулкѣ.

Николай Константиновичъ Лебедевъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка серьезнаго, хорошо владѣющаго собою и чрезъ это кажущагося спокойнымъ. Какъ метранпажа журнала, въ которомъ печатается его произведеніе, онъ принялъ меня вѣжливо и во все продолженіе моего визита относился ко мнѣ предупредительно. Усадивъ меня противъ себя у круглаго стола, стоявшаго посреди комнаты, онъ спросилъ, курю-ли я, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, положилъ передо мною папиросы и закурилъ папиросу самъ.

Когда разговоръ собственно о предметѣ, послужившемъ мнѣ предлогомъ для моего визита къ Николаю Константиновичу, довольно скоро истощился, такъ какъ говорить о немъ въ сущности было почти нечего, а я уходить еще мѣшкалъ и, чувствуя нѣкоторую неловкость своего положенія — все вслѣдствіе искусственности предлога для моего визита, искусственности, которую, мнѣ казалось, я плохо маскировалъ,—не успѣлъ еще оправиться, Николай Константиновичъ, вѣроятно, замѣтилъ это и деликатно выручилъ меня, наведя разговоръ, не помню, на какую-то банальную тему. Скоро, однако-жь, я оправился и твердо приступилъ къ исполненію порученной мнѣ Федоромъ Михайловичемъ миссіи, откровенно сказавъ Николаю Константиновичу, что для нея-то, главнымъ образомъ, я и пришелъ къ нему.

Выслушавъ меня, Николай Константиновичъ пріятно удивился, измѣнилъ при этомъ своему спокойному положенію и еще болѣе увеличилъ внимательность свою ко мнѣ. Онъ съ интересомъ разспрашивалъ меня о моихъ отношеніяхъ къ Федору Михайловичу, вѣроятно, желая сдѣлать по нимъ оцѣнку приглашенію, получаемому чрезъ меня, и сообщеніями моими объ этомъ, очевидно, былъ удовлетворенъ, потому что въ заключеніе нашей бесѣды онъ нѣсколько разъ благодарилъ меня за передачу приглашенія, говорилъ, что оно для него очень пріятно и что онъ непременно и вскорѣ воспользуется имъ. И дѣйствительно онъ не мѣшкалъ: не прошло послѣ описаннаго и трехъ мѣсяцевъ, какъ Федора Михайловича не стало

въ живыхъ, а, между тѣмъ, онъ успѣлъ лично одобрить Николаю Константиновичу его произведенія, ободрить его на дальнѣйшую дѣятельность, дать ему полезныя совѣты и высказать ему столь лестныя слова, что онъ, Федоръ Михайловичъ Достоевскій, надѣется видѣть въ немъ своего примаго преемника въ разработкѣ извѣстныхъ литературныхъ задачъ.

О только что разсказанномъ мною эпизодѣ упоминается въ краткой биографіи Н. К. Лебедева, напечатанной въ журналѣ „Нива“ (см. „Нива“ 1888 г., № 16, стр. 418). Между прочимъ тамъ есть мѣсто, на первый взглядъ противорѣчащее моему разсказу, какое противорѣчіе я нахожу нужнымъ объяснить. На самомъ дѣлѣ противорѣчія никакого нѣтъ, и все произошло отъ крайней сжатости текста въ этомъ журналѣ. Дѣло въ томъ, что тамъ сказано, что Ф. М. Достоевскій пожелалъ познакомиться съ Н. К. Лебедевымъ, послѣ появленія романа послѣдняго „Аристократія гостиннаго двора“, но не говорится когда это знакомство состоялось. Дѣйствительно, высказывая мнѣ упомянутое желаніе въ то время, когда романа „Содомъ“ печаталась еще первая четверть, Федоръ Михайловичъ, очевидно составилъ себѣ понятіе объ авторѣ его не по этому роману, а по предыдущимъ; послѣднимъ-же въ то время и наиболѣе крупнымъ изъ таковыхъ былъ именно романъ „Аристократія гостиннаго двора“.

XXIII.

Около недѣли спустя послѣ описаннаго эпизода, 7-го ноября 1880 г., послѣдовала кончина Г. Е. Благосвѣтлова, а еще съ небольшою недѣлю спустя я получилъ записку отъ вдовы его, Е. А. Благосвѣтловой, приглашавшей меня возобновить прерванные переговоры. Я принялъ приглашеніе и возобновленные переговоры на этотъ разъ привели къ положительнымъ результатамъ: несмотря на искусныя торги новыхъ совѣтниковъ, окружившихъ вдову, мнѣ удалось отстоять всѣ заявленныя мною прежде пункты условій; вдовѣ-наслѣдницѣ въ этомъ случаѣ пришлось уступить членамъ редакціи, старымъ совѣтникамъ покойнаго мужа, Н. В. Шелгунову, Н. Ф. Бажину и К. М. Станюковичу, остановившимъ на мнѣ свой выборъ изъ многихъ кандидатовъ, главнымъ образомъ, конечно, вслѣдствіе вышеупомянутой письменной рекомендаціи, данной мнѣ Федоромъ Михайловичемъ, и я, 1-го декабря 1880 года, занялъ вакантное мѣсто премьера въ типографіи весьма солиднаго въ то время журнала „Дѣло“.

Спустя послѣ этого еще съ недѣлю времени, я пошелъ къ Федору Михайловичу сообщить ему о своемъ перемѣщеніи и еще разъ поблагодарить его за рекомендацію. Когда я пришелъ, Федора Михайловича не было дома, но принявшая меня Анна Григорьевна сказала, что онъ скоро будетъ домой, такъ какъ вышелъ лишь на прогулку. Въ ожиданіи его, мы побесѣдовали объ общественныхъ успѣхахъ Федора Михайловича, причемъ я полюбовался нѣсколькими лавровыми вѣнками, поднесенными ему публикою на послѣднихъ литературныхъ вечерахъ, дававшихся въ Петербургѣ въ память Пушкина, въ устройствѣ которыхъ онъ принималъ самое живое участіе... Между тѣмъ вернулся домой Федоръ Михайловичъ; онъ былъ ужасно утомленъ и, можетъ быть именно отъ этого, очевидно не въ духѣ. Когда онъ успокоился и обратился ко мнѣ, я сдѣлалъ свое сообщеніе, высказалъ ему свою благодарность и выразилъ свою готовность послужить ему теперь уже въ качествѣ типографщика болѣе самостоятельнаго, чѣмъ только метранпажъ, каковымъ я служилъ ему прежде, то-есть предложилъ ему свои услуги по печатанію его изданій. Послѣднее я сдѣлалъ изъ простаго чувства вѣжливости, ибо на успѣхъ предложенія я не рассчитывалъ, зная какъ мало было на это шансовъ, и все-таки отвѣтъ его поразилъ меня. Онъ сказалъ слѣдующее:

— „Нѣтъ, ужъ я-то въ нимъ не пойду! Да и васъ не поздравляю съ поступленіемъ туда!..“

Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе должны были произвести на меня эти слова человѣка, котораго я считалъ по меньшей мѣрѣ проникательнымъ! Присутствовавшая при этомъ Анна Григорьевна проявила ко мнѣ живое участіе; она нѣсколько разъ повторила, что Федоръ Михайловичъ выразился черезчуръ сильно, говорила, что мое дѣло совсѣмъ другое и что поэтому пугать меня не слѣдуетъ.

Оправившись отъ перваго впечатлѣнія приведенныхъ словъ, я спросилъ Федора Михайловича о причинѣ его предубѣжденія и въ отвѣтъ на это услышалъ слѣдующее:

— „Прежде я имѣлъ съ ними дѣло... давно ужъ... заплатилъ имъ неустойку—и, Богъ съ ними, больше имѣть съ ними никакого дѣла не хочу!..“

— Но, вѣдь, прежнее кончилось, Федоръ Михайловичъ, возразилъ я, теперь тамъ другіе люди и потому все должно пойти по другому.

— „Вы думаете? добродушно уже и съ улыбкою возразилъ Федоръ Михайловичъ, а я такъ думаю, что ничего не кончилось, и никакихъ другихъ людей нѣтъ, все по старому останется.“

Озадаченный такимъ категорическимъ заявленіемъ Федора Михайловича, я не возражалъ ему болѣе.

— „Ну, а однако-жъ, какъ-же тамъ-то, въ „Новомъ-то Времени“ безъ васъ-то я буду? спросилъ Федоръ Михайловичъ послѣ коротенькой паузы. Какъ вы думаете, можно мнѣ будетъ тамъ печатать свой „Дневникъ“-то?“

Я отвѣтилъ на это утвердительно, сказавъ, что на этотъ счетъ онъ можетъ быть вполне спокоенъ, такъ какъ типографія эта во всѣхъ отношеніяхъ хорошая и знающихъ свое дѣло людей тамъ довольно.

— „Да знающіе-то люди, безъ сомнѣнія, есть; но я не про то; я васъ спрашиваю о томъ, каковы тамъ люди-то вообще?“

— „И людей хорошихъ довольно, такъ что и на этотъ счетъ можете быть покойны“.

— „Вотъ это самое главное... Вамъ извѣстно, кто тамъ будетъ вести мой „Дневникъ“?“

На этотъ счетъ я также успокоилъ Федора Михайловича, такъ какъ еще раньше, уходя изъ типографіи „Новаго Времени“, высказалъ управляющему свои соображенія о томъ, что нужно для того, чтобы Федоръ Михайловичъ остался типографіею доволенъ.

Послѣ этого мы разстались съ Федоромъ Михайловичемъ.

Прощаясь со мною въ этотъ разъ, Анна Григорьевна вернулась къ давешнимъ сильнымъ словамъ Федора Михайловича и опять старалась смягчить ихъ, говоря, что мои отношенія существенно разнятся отъ отношеній, бывшихъ у Федора Михайловича съ Благо-свѣтловымъ. Однако-жъ, къ тому, что я и самъ зналъ, поступая на новое мѣсто, то есть, что я, хотя и косвенно, и пассивно, все-же буду принадлежать къ лигѣ считавшихся неблагонадежными, сложилъ въ сердцѣ своемъ и сказанное мнѣ Федоромъ Михайловичемъ, и потому рѣшился быть особенно осторожнымъ; но я долгомъ считаю добавить къ этому, что скоро убѣдился въ необходимости принятаго рѣшенія только относительно нѣкоторыхъ новыхъ совѣтниковъ своей хозяйки, что-же касается до отношеній моихъ къ упомянутому мною выше триумвиату литераторовъ, составлявшихъ редакцію журнала „Дѣло“, подъ главенствомъ Н. В. Шелгунова, ставшаго вскорѣ послѣ смерти Благо-свѣтлова отвѣтственнымъ редакторомъ, то принятыя мною предосторожности оказались ненужными, такъ какъ всѣ они были прекрасные люди, такъ что изъ общенія съ ними, я вынесъ одни только добрыя воспоминанія.

XXIV.

Только-что описанное свиданіе мое съ Федоромъ Михайловичемъ было послѣднимъ... 26-го января 1881 г. я видѣлся съ метранпажемъ, верставшимъ возобновившійся „Дневникъ Писателя“ и отъ него узналъ, что Федоръ Михайловичъ боленъ; на разспросы мои о степени болѣзни, а также о ходѣ дѣла, онъ разсказалъ мнѣ, что, когда онъ за день до того, былъ у Федора Михайловича, тотъ принялъ его, лежа въ постели... „Ну, что скажете, баринъ?“, спросилъ Федоръ Михайловичъ, прозавшій въ шутку своего новаго метранпажа „баринномъ“ и не оставлявшій этой шутки на одрѣ болѣзни.

Метранпажъ отвѣтилъ, что пришелъ переговорить о заключеніи 1-го выпуска „Дневника Писателя“, въ виду приближавшагося срока выхода его въ свѣтъ.

— „А я вотъ заболѣлъ... видите...“

— Вижу, Федоръ Михайловичъ... Что-же съ вами случилось?

— „У меня кровь изъ горла идетъ; докторъ говоритъ, что у меня гдѣ-то внутри жилка порвалась, и изъ нея-то течетъ кровь... ужъ двѣ рюмки, говорятъ, вытекло“.

Послѣ я узналъ, что заболѣлъ Федоръ Михайловичъ 26-го января отъ разрыва артерій въ легкихъ, вслѣдствіе чего открылось кровотеченіе горломъ, — болѣзнь не особенно опасная для организма болѣе крѣпкаго и менѣе нервнаго; на другой день онъ исповѣдался и причастился и, почувствовавъ значительное облегченіе, между прочимъ, занимался чтеніемъ корректуръ 1-го выпуска своего „Дневника“, долженствовавшаго выйти въ свѣтъ попрежнему въ послѣднее число оканчивавшагося мѣсяца; но увидѣть этотъ выпускъ начисто отпечатаннымъ ему было не суждено: 28-го января положеніе его ухудшилось, и въ тотъ-же день онъ тихо, постепенно слабѣя отъ истеченія крови, скончался...

Вмѣстѣ съ любезными мнѣ воспоминаніями о личности незабвеннаго писателя, котораго я привыкъ уважать съ перваго дня знакомства, запечатлѣлись въ памяти моей и послѣдовавшія затѣмъ знаменательныя событія, связанныя съ его кончиною.

...Вокругъ праха писателя произошло необычайное движеніе образованнаго русскаго общества, во главѣ котораго сталъ тогдашній министръ внутреннихъ дѣлъ графъ М. Т. Лорисъ-Меликовъ, по представленію котораго нынѣ въ Бозѣ почивающій императоръ Александръ Николаевичъ поспѣшилъ между прочимъ, утѣшить

осиротѣвшую семью прославившаго свое отечество писателя, дашившуюся своего кормильца, обезпеченіемъ матеріальнаго существованія ея чрезъ назначеніе ей пожизненной пенсіи изъ государственныхъ средствъ. Великіе князья, министры и масса иныхъ высокопоставленныхъ лицъ пріѣзжали поклониться праху мыслителя, много пострадавшаго въ своей жизни, и тутъ, возлѣ его гроба, смѣшивались съ разношерстною толпою еще, конечно, болѣе многочисленныхъ простыхъ смертныхъ почитателей его... Провинція принимала участіе въ выраженіи соболѣзнованія въ большой утратѣ присылкою множества телеграммъ.

Никогда Кузнечный переулокъ, гдѣ находилась квартира почившаго, не видалъ у себя столь блестящихъ сѣздовъ и вообще такого многолюдства, какъ въ эти дни! Квартира эта сдѣлалась общественнымъ достояніемъ и съ утра и до поздней ночи не затворялась.

На другой день по кончинѣ О. М., утромъ, знаменитый нашъ портретистъ, нынѣ также покойный, И. И. Крамской, нарисовалъ карандашемъ большой портретъ съ почившаго; прекрасный портретъ этотъ въ тотъ-же день былъ выставленъ на устроенномъ въ память Пушкина, по случаю 44-й годовщины его смерти, литературномъ вечерѣ, въ которомъ Федоръ Михайловичъ, при жизни, по обыкновенію, обѣщаль участвовать; затѣмъ онъ поступилъ въ собственность Анны Григорьевны Достоевской ¹⁾.

Небольшая плеяда нашихъ лучшихъ писателей составила изъ себя комитетъ распорядителей похоронъ, съ Д. В. Григоровичемъ во главѣ, который и принялъ на себя всѣ хлопоты по этому предмету, освободивъ отъ нихъ разстроенную вдову покойнаго.

31-го января вышелъ въ свѣтъ „Дневникъ Писателя“ и въ тотъ-же день былъ весь распроданъ. На другой день появилось второе изданіе его, съ траурною рамкою вокругъ первой страницы.

Всѣ почитатели Федора Михайловича, приходившіе поклониться его праху, получали на память листки средняго книжнаго формата, на которыхъ, въ густой траурной рамкѣ, воспроизведено было литографіею факсимиле писателя: „Федоръ Достоевскій“.

1-го февраля 1881 г. Петербургъ былъ свидѣтелемъ необычайнаго похороннаго шествія съ останками писателя—частнаго человека проводить котораго въ послѣднее жилище—на кладбище

¹⁾ Превосходная фототипія съ этого портрета помѣщена во второмъ изданіи „Полнаго собранія сочиненій О. М. Достоевскаго“. М. А.

Александро-Невской лавры—собралась болѣе чѣмъ десяти тысячная толпа интеллигентнаго люда всѣхъ слоевъ общества. Нѣсколько десятковъ депутацій отъ разныхъ учреждений, петербургскихъ и иногородныхъ, съ колоссальными вѣнками, прикрѣпленными въ шестахъ, были разставлены впереди печальнаго кортежа; онѣ заняли собою болѣе полуверсты протяженія. Затѣмъ слѣдовали пѣвчіе и духовенство, за которыми должна была слѣдовать колесница съ гробомъ; но гробъ съ тѣломъ Федора Михайловича совсѣмъ не пришлось ставить на колесницу, такъ что она ѣхала позади, гробъ-же всю дорогу несли на плечахъ почитатели его, во множествѣ тѣснившіеся вокругъ и наперерывъ добивавшіеся смѣнить кого-либо изъ утомившихся добродѣтельныхъ носильщиковъ, состоявшихъ также изъ представителей всѣхъ классовъ общества. Этой чести удостоился и я... одновременно со мною, въ числѣ носильщиковъ, я встрѣтилъ П. В. Бывкова, извѣстнаго поэта, въ то время состоявшаго еще отвѣтственнымъ редакторомъ журнала „Дѣло“, съ которымъ обмѣнялись нѣсколькими замѣчаніями по поводу совершавшагося... Въ числѣ несшихъ гробъ долго видѣлъ я князя В. П. Мещерскаго. За колесницею шло множество частныхъ лицъ и воспитанниковъ и воспитанницъ среднихъ учебныхъ заведеній. Шествіе, по обыкновенію, замыкалось вереницею пустыхъ каретъ, такъ что все оно растянулось болѣе чѣмъ на версту. Простой людъ, останавливавшійся полюбоваться на эту граціозную картину, разумѣется, прежде всего осведомлялся о томъ, кого хоронятъ, и съ удивленіемъ узнавалъ, что то былъ не генералъ или иной большой начальникъ, не знатный вельможа, а всего только писатель, т. е. сочинитель нѣсколькихъ книгъ.

„Стало быть, книги-то хороши сочинилъ?“ заключалъ свои разспросы, уяснившій, наконецъ, себѣ простолюдинъ, что такое писатель, сочинитель.

— „Стало быть такъ!“ заключалъ объяснявшій.

Съ каждымъ шагомъ процессіи по направленію къ лаврѣ, толпа, сопровождавшая ее, становилась многолюднѣе. Во всѣхъ высшихъ и въ большинствѣ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ были прекращены уроки и собравшіеся на нихъ студенты и воспитанники колоннами направлялись къ Невскому проспекту и прижимали къ процессіи. Въ продолженіе всего пути, въ группахъ студентовъ, примкнувшихъ къ своимъ официальнымъ депутаціямъ, раздавалось стройное пѣніе „Святый Боже“.

Нѣкоторыя учебныя заведенія, находившіяся неподалеку отъ пути слѣдованія процессіи, не прекращая уроковъ на весь день, выходили на Невскій проспектъ въ полномъ составѣ своемъ, съ

преподавателями или преподавательницами, чтобы встрѣтить, поклониться и проводить глазами останки „великаго учителя“¹⁾). Къ числу такихъ учебныхъ заведеній принадлежало и то, гдѣ училась моя дочь, о которой я однажды упоминалъ здѣсь... Теперь она была предметомъ общаго вниманія прогимназін, случайно въ этотъ день узнавшей отъ нея, что она бывала въ семействѣ Ф. М. Достоевскаго.

Между тѣмъ процессія подвигалась очень медленно и лишь около 2-хъ часовъ дня достигла мѣста назначенія. Перенесенныя такимъ образомъ останки Ф. М. Достоевскаго были поставлены въ церкви Св. Духа, самое-же погребеніе состоялось 2-го февраля.

Отправляясь на другой день на погребеніе, я принужденъ былъ взять съ собою и свою маленькую дочку, упросившую меня объ этомъ. Не предвидя этого, я запасся всего однимъ билетомъ для входа въ церковь и вслѣдствіе этого встрѣтилъ нѣкоторыя затрудненія относительно пропуска малютки туда; дѣвочка готова была заплакать отъ неудачи, какъ, на наше счастье, къ этой сценѣ подошелъ Д. В. Григоровичъ и, узнавъ въ чемъ дѣло, приказалъ пропустить насъ, замѣтивъ мнѣ только, что мнѣ трудно будетъ охранять ребенка отъ тѣсноты. Въ церкви было очень многолюдно, однако, особенныхъ затрудненій намъ не представилось, благодаря, разумѣется, самой публикѣ, соблюдавшей строгій порядокъ и благопристойность. За то, когда послѣдовалъ выносъ тѣла изъ церкви на кладбище и публика съ билетами смѣшалась съ публикою безъ билетовъ, предостереженіе оказалось вполне основательнымъ, и мнѣ, съ рискомъ остаться вдали отъ центра, оставалось только защищать свою малютку отъ ринувшейся и замѣтавшейся въ разныя стороны толпы. Однако-жъ, по какой-то счастливой случайности, мы очутились въ такой близости отъ могилы, что слышали довольно отчетливо почти все, что надъ нею говорилось...

Наступали сумерки, когда мы уходили изъ лавры, а возлѣ свѣжей могилы Ф. М. Достоевскаго оставалось еще очень много почитателей его, раздѣлившихся на группы и, одни тихо, раздумчиво, другіе горячо и шумно, бесѣдовавшихъ о незамѣнимой утратѣ...

М. А. Александровъ.

¹⁾ Одна изъ многихъ надписей на огромныхъ вѣнкахъ, несомыхъ впереди процессіи.

М. А.

А. Г. Достоевская—къ М. А. Александрову.

16-го ноября 1891 г.

Съ истиннымъ удовольствіемъ прочла я вашу статью, глубокоуважаемый Михаилъ Александровичъ. Она мнѣ живо напомнила старое, незабвенное время. По моему мнѣнію, вы въ вашемъ произведеніи чрезвычайно мѣтко схватили всѣ характерныя черты покойнаго Федора Михайловича и обрисовали его такимъ, какимъ онъ былъ въ домашней, повседневной жизни. Эта сторона мало кому извѣстна, кромѣ близкихъ къ нему людей, къ которымъ несомнѣнно принадлежали и вы. Очень-бы желалось, чтобы вы нашли возможность напечатать вашу статью.

Простите, что такъ долго не возвращала рукопись; все хворала и думала, что, поправившись, приду лично передать мои впечатлѣнія.

Искренно вамъ преданная и уважающая А. Достоевская.

ВСЕВОЛОДЪ ПОРФИРЬЕВИЧЪ КОХОВСКІЙ

какъ директоръ Педагогическаго Музея воен.-учебн. заведеній.

Род. въ С.-Петербургѣ 2-го марта 1835 г., † 1-го іюня 1891 г.

Историко-педагогическій очеркъ.

I.

Россія представляетъ собою счастливую страну, въ которой военные люди не только стяжали себѣ всемірную славу на ратномъ полѣ, но многіе изъ нихъ оказали несомнѣнную услугу своему отечеству на поприщахъ—административномъ, литературномъ, врачебномъ, педагогическомъ и др. Нѣкоторымъ педагогамъ, носящимъ военный мундиръ, выпадала нерѣдко на долю выдающаяся, передовая роль въ общественно-педагогическомъ дѣлѣ. Къ категоріи послѣднихъ принадлежитъ и директоръ педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній, генераль-лейтенантъ В. П. Коховскій, скончавшійся 1-го іюня настоящаго 1891 г. послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, отъ рава въ печени.

Покойный родился 2-го марта 1835 г., слѣдовательно умеръ далеко не въ старыхъ годахъ, всего 56 лѣтъ. Получивъ первоначальное образованіе въ Дворянскомъ полку, давшемъ Россіи не мало полезныхъ дѣятелей, В. П. Коховскій 18-ти лѣтъ былъ выпущенъ офицеромъ въ лейбъ-гвардію Финляндскій полкъ, какъ

разъ въ разгаръ восточной войны 1853—1856 гг. Со своимъ полкомъ В. П. командовалъ ротою подъ Силистріею и за боевыя заслуги получилъ первый орденъ Анны 4-ой степени. Этимъ собственно и заканчивается боевая дѣятельность молодого офицера. Вскорѣ послѣ войны онъ поступаетъ въ Николаевскую академію Генеральнаго Штаба, въ которой оканчиваетъ курсъ по первому разряду и, не смотря на предстоящую блестящую военную карьеру, всецѣло отдается скромному учебно-воспитательному поприщу, которому неизмѣнно служить съ 1863 г., т. е. 28 лѣтъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ В. П. былъ воспитателемъ въ Павловскомъ Кадетскомъ корпусѣ, гдѣ и были замѣчены недюжинныя способности молодого воспитателя-офицера тогдашнимъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній генераль-адъютантомъ Н. В. Исаковымъ, который всегда умѣлъ такъ цѣнить въ офицерѣ серьезное образованіе, соединенное съ горячею преданностью учебно-воспитательному дѣлу. Вотъ почему, въ 1865 г., будучи еще только 30 лѣтъ, В. П. назначается уже начальникомъ Учебнаго отдѣленія Главнаго Управленія Военно-учебныхъ заведеній, принимая съ этого времени участіе въ сложныхъ работахъ управленія, по установленію учебной и воспитательной части въ военныхъ заведеніяхъ, которыя въ то время подвергались радикальному преобразованію: корпуса замѣнялись военными гимназіями, для довершенія средняго образованія создавались военныя училища, возникали низшія военныя школы, для образованія педагогически-приготовленныхъ учителей основывались высшіе педагогическіе курсы въ Петербургѣ при 2-ой военной гимназіи, учительская семинарія военнаго вѣдомства въ Москвѣ; сталъ издаваться отдѣльный педагогическій органъ для военно-учебныхъ заведеній „Педагогическій Сборникъ“. Тогда-то понадобилось учрежденіе центральной педагогической бібліотеки, которая и составила зерно будущаго педагогическаго музея. Съ назначеніемъ въ 1876 г. В. П. предсѣдателемъ экзаменаціонной комиссіи, сфера его дѣятельности еще болѣе расширяется: онъ присутствуетъ на испытаніи лицъ, заявившихъ желаніе быть преподавателями военно-учебныхъ заведеній, многократно получалъ особыя порученія по инспектированію заведеній, по составленію инструкцій и разработкѣ разныхъ практическихъ вопросовъ, вызываемыхъ внутреннею жизнью заведеній.

Но главная заслуга В. П. Коховскаго какъ общественнаго, педагогическаго дѣятеля заключается въ его энергической и неустанной работѣ на пользу, расширеніе и процвѣтаніе педагогическаго музея, которому онъ всецѣло служилъ то въ качествѣ предсѣдателя совѣта музея, съ 1870 г., то какъ его директоръ, съ 1889 г. Въ высшей степени поучительная исторія педагогическаго музея, этого знаменитаго и солиднаго педагогическаго учрежденія, которымъ по справедливости можетъ гордиться Россія, этой „Народной академіи“, извѣстной каждому петербуржцу подъ именемъ „Солянаго городка“, стоитъ быть занесенной на страницы „Русской Старины“ на ряду съ именемъ главнаго его дѣятеля.

II.

Педагогическій музей учрежденъ въ Петербургѣ 9-го февраля 1864 года, по мысли бывшаго въ то время главнаго начальника военно-учебныхъ заведеній, генераль-адъютанта Николая Васильевича Псакова, вынѣ также уже скончавшагося.

Учрежденіе музея было вызвано признанною необходимостью знакомить заново преобразованныя военно-учебныя заведенія съ современными учебными пособіями, существовавшими у насъ и за границую, и тѣмъ облегчить имъ выборъ пособій, столь необходимыхъ для болѣе успѣшнаго прохожденія курса по общеобразовательнымъ предметамъ и болѣе легкаго и прочнаго усвоенія сообщаемыхъ знаній дѣтьми, преимущественно младшаго возраста.

Музей началъ свою дѣятельность съ собиранія коллекцій образцовъ учебныхъ и воспитательныхъ пособій. Въ виду того, что въ Россіи въ то время почти вовсе не существовало производствъ этого рода пособій, музей долженъ былъ искать ихъ за-границею. Первые свои коллекціи онъ и приобрѣлъ, главнымъ образомъ, въ Германіи и Англии и отчасти во Франціи и Италіи. Приобрѣтенныя коллекціи были тогда-же помѣщены въ нижнемъ этажѣ небольшого зданія на Васильевскомъ островѣ ¹⁾, гдѣ для музея было отведено пространство въ 18 кв. саженей.

¹⁾ Зданіе бывшей типографіи военно-учебныхъ заведеній, Университетская набережная, рядомъ съ зданіемъ перваго кадетскаго корпуса.

Въ 1866 году на этомъ небольшомъ пространствѣ было собрано довольно значительное количество образцовъ пособій, главнымъ образомъ, по начальному воспитанію и обученію. Тогда-же по распоряженію генераль-адъютанта Исакова въ помѣщеніи музея и учрежденной одновременно съ нимъ педагогической библіотекѣ, съ цѣлью педагогическаго самообразованія преподавателей военно-учебныхъ заведеній, была организована выставка учебныхъ и воспитательныхъ пособій, сопровождавшаяся изданіемъ каталога и объясненіемъ значенія и употребленія выставленныхъ предметовъ.

Собираніе коллекцій, выборъ книгъ для педагогической библіотеки и устройство самой выставки было поручено Н. В. Исаковымъ тогдашнему директору 2-й военной гимназіи Гр. Гр. Даниловичу, занявшему впослѣдствіи высокій постъ воспитателя государя наслѣдника Николая Александровича, редактору „Педагогическаго Сборника“ Н. Х. Весселю и руководителямъ педагогическихъ курсовъ при той-же гимназіи: К. К. Сентъ-Илеру, В. А. Евтушевскому († 1889), П. О. Рашевскому, Л. Н. Модзалевскому и пишущему эти строки. Тѣ-же лица давали объясненія и посѣщавшимъ выставку. Не малую долю участія принималъ въ первыхъ шагахъ музея и В. П. Коховскій, какъ начальникъ учебнаго отдѣленія, но онъ только сначала скромно прислушивался, присматривался и учился у тѣхъ педагоговъ, которые вынесли новые педагогическіе взгляды изъ своихъ заграничныхъ командировокъ, высочайше имъ разрѣшенныхъ по ходатайству того-же Н. В. Исакова.

Выставка эта, имѣвшая значеніе первой педагогической выставки въ Россіи, дала осязательные и утѣшительные результаты. Она возбудила въ средѣ педагоговъ стремленіе къ улучшенію методовъ преподаванія и введенію въ начальное обученіе принципа наглядности. Но та-же выставка показала, однако, что для осуществленія сознанной потребности, русская школа имѣла мало матеріальныхъ средствъ. Выставленные пособия были крайне дороги, а потому были или вовсе недоступны, или малодоступны школѣ, что объяснялось или ихъ заграничнымъ производствомъ, или-же ошибочнымъ расчетомъ въ назначеніи высокихъ цѣнъ тѣми немногими отечественными производителями, какіе въ то время существовали. Тогда-то музей и пришелъ къ

мысли: „возбудить въ Россіи производство необходимыхъ русской школъ пособій и удешевить ихъ стоимость настолько, чтобы ими могли пользоваться и небогатыя средствами школы“. Эта задача и была всецѣло возложена на учрежденную Исаковымъ въ 1870 году „постоянную комиссію педагогическаго музея“. Во главѣ молодаго учрежденія былъ поставленъ В. П. Коховскій, который съ того времени и становится душою, вдохновителемъ и завершителемъ развитія все болѣе и болѣе усложняющихся задачъ музея.

Въ томъ-же 1870 г. въ зданіяхъ такъ называемаго „Солянаго городка“ открылась Петербургская мануфактурная выставка. Музей занялъ въ ней почетное мѣсто, а по закрытіи выставки въ 1871 году и совершенно переселился въ „Соляной городокъ“, гдѣ для помѣщенія обширныхъ его коллекцій потребовалось уже пространство въ 186 кв. саж., не считая при этомъ ни аудиторіи, ни подвального этажа, ни фотографическаго павильона. Воспользовавшись своимъ участіемъ на упомянутой выставкѣ, музей нашелъ возможность дѣлать непосредственные заказы учебныхъ пособій по избраннымъ образцамъ различнымъ мастерскимъ, даже тюремнымъ и мастеровымъ, присканными комиссіею какъ въ Петербургѣ, такъ и въ одномъ изъ центровъ кустарнаго производства. Этимъ способомъ удалось вызвать цѣлый рядъ производствъ русскихъ учебныхъ пособій и успѣть путемъ конкуренціи значительно понизить цѣны на эти пособія. Достигнутый въ этихъ отношеніяхъ успѣхъ сказался на всероссійской политехнической выставкѣ 1872 г. въ Москвѣ. На этой выставкѣ педагогическій музей занялъ своими коллекціями пространство въ 100 кв. саж., члены педагогической комиссіи читали популярныя лекціи сотнямъ собравшихся въ Москвѣ народныхъ учителей и учительницъ о лучшихъ способахъ элементарнаго обученія, знакомили съ наиболѣе пригодными для этой цѣли учебниками, производили демонстраціи на коллекціяхъ музея. Учителя разнесли свѣтъ новаго обученія по Россіи, а по отчету того времени на выставкѣ обнаружилось, что „среднія учебныя заведенія, которыя до 1870 г. должны были затрачивать на пріобрѣтеніе въ извѣстномъ выборѣ пособій по математикѣ, естественной исторіи, физикѣ, космографіи, рисованію и музыкѣ 3,675 рублей, тѣ-же пособія въ 1872 г. могли пріобрѣсти за

1,350 р., т. е. почти за треть прежней ихъ цѣны. Спросъ на пособія чрезвычайно возросъ. Ихъ начали пріобрѣтать даже начальныя школы и семьи. Во всѣхъ большихъ центрахъ Россіи явились учебныя мастерскія, производившія дешевыя пособія. Первая задача музея—распространеніе въ школы, семьи и обществѣ лучшихъ способовъ обученія и воспитанія и производство доступныхъ каждому наглядныхъ пособій—блестяще достигнута, что и сказалось особенно рельефно на всемірной выставкѣ 1878 г. въ Парижѣ. Россія, участвуя на этой выставкѣ, представила столь полный и систематическій подборъ пособій по обученію и воспитанію и, притомъ, стоявшій по цѣнамъ внѣ всякой конкуренціи, какого не могло представить ни одно изъ чужеземныхъ государствъ. Фактъ этотъ засвидѣтельствованъ и заграничною печатью и французскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Съ 1878 г. для русскихъ учебныхъ производствъ открылся впервые западный рынокъ. Должно еще прибавить, что въ теченіе першаго 25-лѣтія своего существованія и самъ музей устроилъ семь выставокъ и принималъ участіе во всѣхъ международныхъ выставкахъ, въ 1875 г., на международномъ географическомъ конгрессѣ въ Парижѣ, а также выставкахъ въ Брюсселѣ въ 1876 и 1880 гг., Лондонѣ въ 1876 г., Филадельфій въ 1876 г., Парижѣ въ 1878 г. и Венеціи въ 1881 г. И вездѣ было поддержано единогласное вотированіе парижскаго географическаго конгресса: „чтобы во всѣхъ цивилизованныхъ государствахъ были устроены педагогическіе музеи, по образцу русскаго педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній“. Такое столь лестное для Россіи постановленіе парижскаго конгресса не осталось безрезультатнымъ. Педагогическіе музеи были учреждены: въ Амстердамѣ, Бернѣ, Брюсселѣ, Вашингтонѣ, Генуѣ, Палермо, Парижѣ, Римѣ, Токио, Филадельфій, Цюрихѣ. Учреждаются они и въ Россіи, вслѣдствіе очевидной недостаточности одного музея для обширнѣйшаго государства въ мірѣ. Надо-ли прибавлять, что главнымъ двигателемъ такой плодотворной дѣятельности музея по разсматриваемому вопросу былъ В. П. Коховскій, что онъ вездѣ былъ достойнымъ представителемъ Россіи, что со всѣми учредителями педагогическихъ музеевъ у насъ и за границею онъ находился въ постоянной перепискѣ!

— „Въ этотъ первый періодъ существованія музея, рассказывалъ В. П., я очень часто являлся къ генераль-адъютанту Исакову рано утромъ, когда онъ совершалъ обычную прогулку пѣшкомъ по невскимъ набережнымъ“. Предметомъ бесѣдъ во время прогулокъ былъ, именно, педагогическій музей, о развитіи, укрѣпленіи и преуспѣяніи котораго одинаково горячо заботились и Н. В. Исаковъ, и В. П. Коховскій.

III.

Не задолго до закрытія „С.-Петербургскаго педагогическаго общества“,—единственнаго мѣста общенія взглядовъ столичныхъ и провинціальныхъ педагоговъ, В. П. Коховскій, всегда чутко относившійся къ вопросамъ дня, касавшимся педагогическаго дѣла въ Россіи вообще, исходатайствовалъ у военнаго вѣдомства разрѣшеніе на устройство въ Соляномъ городкѣ, подъ его-же предсѣдательствомъ, собранія преподавателей. Такъ образовались съ 1874 г. „Собранія преподавателей по предметамъ обученія“ и „Общепедагогическая секція“, въ составъ которой вошли законоучителя, воспитатели, преподаватели и врачи, для обсужденія вопросовъ, требующихъ выясненія мнѣній различныхъ спеціальностей. На этихъ собраніяхъ предоставлена была участвующимъ спеціалистамъ свобода обмѣниваться взаимно педагогическими мнѣніями, наблюденіями, опытомъ, сообща знакомиться съ текущею педагогическою литературою и обсуждать общіе теоретическіе и практическіе вопросы по преподаванію, воспитанію и школьной гигиенѣ, нисколько не касаясь при этомъ постановки дѣла ни въ правительственныхъ, ни въ частныхъ учебныхъ заведеніяхъ и школахъ, дабы не вызвать на собранія никакихъ нареканій, недоразумѣній, бывшихъ причиною закрытія С.-Петербургскаго педагогическаго общества въ 1879 г. Съ 1881 г. собранія эти получили значеніе спеціальныхъ отдѣловъ учебно-воспитательнаго комитета музея, замѣнившаго собою, вмѣстѣ съ хозяйственнымъ комитетомъ, прежнюю постоянную комиссію музея. Въ упомянутыхъ отдѣлахъ, насчитывающихъ у себя нынѣ болѣе 400 членовъ, обсуждаются ежегодно до 200 докладовъ и сообщеній. Одинъ изъ этихъ отдѣловъ, между

прочимъ, выработалъ, по распоряженію военнаго министра, учебникъ грамоты для молодыхъ солдатъ, изданный педагогическимъ музеемъ безъ всякихъ правительственныхъ ассигнованій. Другой отдѣлъ путемъ докладовъ, преній и изслѣдованій обстоятельно разработалъ вопросъ о санитарномъ значеніи всѣхъ родовъ фильтровъ. Такимъ образомъ, и вторая задача, принятая на себя музеемъ, — быть мѣстомъ общенія врачей и педагоговъ всѣхъ родовъ учебныхъ заведеній, получила при покойномъ В. П. Коховскомъ достаточно широкое развитіе. „Какъ предсѣдатель, пишетъ въ своей статьѣ Г. Исаявъ, В. П. обладалъ въ высшей степени качествами превосходнаго руководителя. Искусное формулированіе предлагаемыхъ вопросовъ, спокойное выслушиваніе самыхъ разнообразныхъ мнѣній, необыкновенно деликатное отстраненіе тѣхъ частныхъ вопроса или предложенія, которыя могли только мѣшать успѣшному развитію дѣла,—всѣ эти качества соединялись въ лицѣ В. П. и дѣлали его душою всякаго собранія, всякаго дѣла. Сильное впечатлѣніе производили его обширная опытность и не менѣе обширная память, которая удерживала все, что могло послужить на пользу его дѣтища— педагогическаго музея. Какой-бы ни предлагался вопросъ, В. П. предсказывалъ его дальнѣйшее теченіе и исходъ и основывалъ свои предсказанія на цѣломъ рядѣ внимательно наблюденныхъ прецедентовъ... Будущее показывало, что онъ былъ правъ“...

Музею принадлежитъ также починъ въ дѣлѣ устройства народныхъ чтеній, съ помощью волшебнаго фонаря и туманныхъ картинъ. Богатство коллекцій музея вызвало мысль о полезности употребить собранные предметы въ интересахъ общихъ, съ чѣмъ могло-бы связаться и совершенствованіе пособій въ смыслѣ требованій аудиторіальныхъ. Мысль эта и получила первое свое осуществленіе въ задуманныхъ музеемъ чтеніяхъ для солдатъ и для народа. Оба эти новыя въ Россіи начинанія должны были быть ведены параллельно, ибо чтенія для солдатъ не могли быть осуществлены безъ чтеній народныхъ, уже по однимъ денежнымъ соображеніямъ. Въ 1871 году состоялось высочайшее повелѣніе—императора Александра II начать въ музеѣ чтенія для народа, сначала въ видѣ опыта. Наблюсти за опытомъ было предоставлено высочайше назначенной для этого комиссіи, въ которой главное участіе опять таки принялъ В. П.

Коховскій. Послѣ четырехмѣсячнаго опыта чтеній народу и признанія народныхъ чтеній мѣрою полезною, государемъ было предоставлено педагогическому музею продолжать начатыя чтенія въ Солянѣ городѣ; забота-же о распространеніи организаціи народныхъ чтеній въ Имперіи возложена была на Министерство Народнаго Просвѣщенія.

Мы упомянули, что однимъ изъ мотивовъ для производства опыта народныхъ чтеній въ аудиторіяхъ музея ставилось обладаніе этимъ учрежденіемъ большимъ выборомъ пособій. И въ настоящее время, когда народныя аудиторіи создались во многихъ пунктахъ нашего отечества, чтенія для народа, устраиваемыя въ музеѣ, имѣютъ отличное отъ прочихъ содержаніе и иную постановку, объясняемую, кромѣ всѣхъ другихъ причинъ, богатствомъ имѣющихся въ музеѣ коллекцій, специально приспособленныхъ для данной цѣли. Такъ, музеемъ выработаны для тѣхъ-же чтеній проэкціонныя аппараты, создано искусство готовить картины на стеклѣ, составлявшее до того секретъ англійскихъ производителей, и вызвано ихъ производство по цѣнамъ, значительно меньшимъ сравнительно съ иностранными. Солдатскія и народныя чтенія продолжаютъ въ музеѣ и донинѣ. Первые ведутся бесплатно, вторыя оплачиваются пятикопеечнымъ сборомъ со слушателей, чего далеко не достаточно для покрытія расходовъ по аудиторіи.

Для усиленія воспитательнаго значенія народной аудиторіи, постоянная коммиссія музея постановила, въ 1872 году, сопровождать каждое народное чтеніе небольшими вокальными и инструментальными концертами. Чтобы избѣжать при этомъ непосильныхъ для музея расходовъ, коммиссія рѣшила открыть въ музеѣ-же общедоступныя музыкальныя классы для желающихъ обучаться за небольшую плату пѣнію или игрѣ на оркестровыхъ инструментахъ. Коммиссія рассчитывала, что такіе классы дадутъ необходимыхъ для народныхъ чтеній исполнителей. Соображенія коммиссіи оправдались. Классы имѣютъ до 200 учащихся, а плата, получаемая съ нихъ, охватывается вполнѣ достаточною не только на вознагражденіе 16 преподавателей, но и на покупку и содержаніе инструментовъ. Сверхъ того, музыкальныя классы повели къ образованію въ музеѣ кружковъ вообще любителей народной музыки: мандолинистовъ, балалаечниковъ и проч.

Въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи народныя чтенія перешли въ научныя чтенія лекцій уже для интеллигентнаго и достаточнаго класса слушателей. Когда осенью 1890 г. нѣкоторые профессора заявили В. П. о своемъ желаніи читать публичныя лекціи, то онъ старался сдѣлать изъ этого не отрывочныя лекціи, а сжатые курсы, способные систематически пополнять пробѣлы въ образованіи слушателей. Дабы все дѣло получило съ самаго начала опредѣленную организацію, въ самомъ концѣ прошлаго года В. П. предложилъ образованіе научнаго отдѣла, для завѣдыванія публичными лекціями, одобренія представленныхъ программъ, для заботъ о приглашеніи лекторовъ и проч. В. П., какъ только болѣзненные припадки его нѣсколько ослабѣвали, самъ предсѣдательствовалъ въ засѣданіяхъ отдѣла. Съ яснымъ пониманіемъ дѣла объяснялъ онъ лекторамъ, что было бы полезно то или другое измѣненіе въ программѣ чтеній—сокращеніе однихъ частей, расширеніе другихъ. И дѣйствительно, рекомендованныя перемѣны дѣлали чтенія болѣе доступными для публики. Уже въ прошломъ году въ чтеніяхъ участвовало 11 лекторовъ, а для 1891—1892-го учебнаго года болѣе 20 лицъ заявили о желаніи читать популярныя лекціи. Естественныя науки представлены такимъ числомъ лекторовъ, что образуютъ довольно обширную и систематически составленную группу. Можно думать, что и по другимъ отраслямъ знанія будетъ достигнута достаточная полнота.

Итакъ, третья задача педагогическаго музея: содѣйствовать распространенію въ массахъ научныхъ свѣдѣній и доставленію способовъ приобрѣтенія знаній—возымѣла исполнѣ практическое и полезное начало подъ непосредственнымъ руководствомъ В. П. Коховскаго.

Богатый во всеоружіи знанія сотрудниками изъ педагогическаго персонала высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній и врачей педагогическій музей находилъ себѣ просвѣщенное содѣйствіе и у частныхъ обществъ, преслѣдующихъ образовательныя цѣли. Такъ, напр., благодаря сотрудничеству съ 1883 года „общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православной церкви“, въ педагогическомъ музеѣ основаны: первая бесплатная бібліотека духовно-нравственныхъ книгъ, первый народный церковный хоръ, извѣстный подъ именемъ

„Казанскаго“, первый народный классъ элементарной теоріи музыки и нотнаго церковнаго пѣнія и классъ обученія народа чтенію церковно-славянскихъ книгъ. Съ другой стороны, благодаря энергіи и всесторонней образованности В. П., въ стѣнахъ педагогическаго музея могли осуществляться всякія благія начинанія, имѣющія болѣе или менѣе близкое соприкосновеніе къ учебно-воспитательному дѣлу. Таковы: первая специальная выставка кустарныхъ издѣлій и состоявшая въ прошломъ году выставка дѣтскихъ игрушекъ, оказавшая не малую услугу не только родителямъ, но и дѣлу сближенія кустарей съ потребителями. Наконецъ, двери гостепріимнаго музея были открыты и для родительскаго кружка, поддерживающаго во многихъ родителяхъ пылкость ума и вниманіе ко всѣмъ явленіямъ въ жизни дитяти. Учрежденіе періодическихъ курсовъ поданія первой помощи въ несчастныхъ случаяхъ, недавнее открытіе курсовъ ручнаго труда для учителей и курсы новыхъ языковъ для дѣтей завершаютъ собою столь разнообразную и плодотворную дѣятельность педагогическаго музея на пользу общую.

Закончимъ нашъ краткій историческій очеркъ педагогическаго музея нѣкоторыми не лишними интереса цифровыми данными. На педагогическій музей расходуется ежегодно, изъ суммъ главнаго управленія военно-учебныхъ заведеній, всего до 10,000 руб. Стоимость собранныхъ музеемъ коллекцій опредѣляется въ 120,000 руб.; но на приобрѣтеніе этихъ коллекцій израсходовано казенныхъ денегъ не болѣе 50,000 р., на остальную сумму пособія собраны безденежно. Итоги дѣятельности музея за первые 25-лѣтъ его существованія могутъ быть представлены въ слѣдующемъ видѣ:

- а) засѣданій состоялось—1768,
- б) публичныхъ лекцій, научныхъ бесѣдъ, чтеній для воспитанниковъ учебныхъ заведеній, чтеній для народа и солдатъ 1952,
- в) уроковъ на коллекціяхъ музея 116,854,
- г) музыкальныхъ собраній 147,
- д) народныхъ церковныхъ спѣвоковъ за 1/2 года 72,
- е) религіозныхъ собесѣдованій 7,
- ж) разсмотрѣно текстовъ народныхъ и солдатскихъ чтеній 977, изъ нихъ принято 219,

- з) напечатано брошюръ и книгъ около 1,500,000 экз.,
- и) аудиторіи и классы посѣтило свыше 1,165.000 человекъ.

При сопоставленіи приведенныхъ данныхъ ¹⁾ невольно удивляешься, какъ педагогическій музей могъ, при сравнительно ничтожныхъ денежныхъ средствахъ, развить свою просвѣтительную дѣятельность до столь по истинѣ необыкновенныхъ размѣровъ. Объясняется это тѣмъ, что педагогическій музей постоянно и неизмѣнно руководился слѣдующими началами:

1. Служа вѣдомству, его учредившему, быть тѣмъ самымъ полезнымъ и всѣмъ отечественнымъ школамъ.

2. Независимо служенія школамъ, быть полезнымъ войскамъ и образованнымъ и необразованнымъ классамъ столичнаго населенія, а также и всѣмъ ищущимъ совѣта или помощи учрежденія.

3. Собиранію коллекцій учебныхъ пособій придавать значеніе не цѣли, а средства для широкой дѣятельности на пользу общую.

4. Такъ развивать и сочетать виды своей дѣятельности, чтобы содержаніе музея было наименѣе отяготительно для государственнаго бюджета.

5. Прискивать себѣ вполне свѣдущихъ сотрудниковъ въ педагогическомъ и врачебномъ персоналѣ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеній изъ числа лицъ, расположенныхъ трудиться для осуществленія задачъ музея, и

6. Всю дѣятельность вести открыто для контроля не только правительственнаго, но и общественнаго.

IV.

Такова въ краткихъ словахъ исторія музея, столь симпатичнаго и единственнаго въ своемъ родѣ педагогическаго учрежденія, съ которымъ такъ тѣсно связана жизнь незабвеннаго В. П. Коховскаго.

И дѣйствительно, въ послѣднія 18 лѣтъ жизни всѣ помыслы Всеволода Порфирьевича были направлены на популяризацию знаній и на открытіе возможно большому кругу людей доступа къ просвѣщенію. Нѣтъ такой отрасли знанія или искусства, которую покойный не хотѣлъ-бы внести въ программу педаго-

¹⁾ Отчетъ В. П. Коховскаго: „Двадцатипятилѣтіе педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній“.

гическаго музея. Музыка, пѣніе, рисованіе, гимнастика, гигиена, всѣ общеобразовательныя науки, новыя языки, ручной трудъ,—все находило у В. П. самый радушный пріемъ, не только готовность внести въ программу дѣятельности музея, но и большую способность оцѣнить и учителей и методъ преподаванія. Его почину, его энергіи и настойчивости „Соляной городокъ“ обязанъ тѣмъ, что въ немъ съ утра и до глубокой ночи, въ каждомъ уголкѣ, что-нибудь дѣлалось и постоянно шла педагогическая работа. В. П., собственно говоря, жилъ въ Солянѣ городкѣ. Это учрежденіе было его дѣтищемъ. Думать и хлопотать о немъ онъ не переставалъ до послѣднихъ своихъ минутъ. Не далѣе, какъ за часъ до смерти, онъ сдѣлалъ свое послѣднее распоряженіе по музею, касающееся участія этого учрежденія въ предстоящей географической выставкѣ въ Бернѣ.

Какъ человекъ, В. П. отличался замѣчательными качествами. Всякій, кому случалось входить съ покойнымъ въ какія-либо отношенія, съ первой-же встрѣчи проникался сердечнымъ уваженіемъ къ нему за его благородную просвѣтительную дѣятельность, за гуманное, неизмѣнно ласковое и предупредительное обращеніе и за неуспынные труды по завѣдыванію музеемъ. Надо было видѣть В. П. за работою въ музеѣ, наблюдать его въ качествѣ предсѣдателя и руководителя въ засѣданіяхъ многочисленныхъ и самыхъ разнообразныхъ по спеціальностямъ секцій музея, а также прочитатъ цѣлую серію объемистыхъ отчетовъ о дѣятельности музея, чтобы понять какую массу труда и энергіи онъ вкладывалъ въ это дѣло и оцѣнить значеніе его многолѣтней дѣятельности въ сферахъ преслѣдуемыхъ музеемъ задачъ. Но главная сила В. П. Коховскаго, помогшая ему создать и взростить до громаднхъ размѣровъ свое дѣло,—въ томъ, что онъ любилъ его. Любовь къ дѣлу—вотъ та могучая сила, которая способна вдохнуть въ него душу живую, безъ которой всякое дѣло мертво, хотя-бы оно было въ рукахъ и умнаго и талантливаго работника.

Судьба, впрочемъ, была милостива къ почившему педагогу. Заслуги его достаточно оцѣнены и правительствомъ, и печатью, и обществомъ. Въ 6-й день іюня 1888 г., по ходатайству военнаго министра, государю императору благоугодно было даровать педагогическому музею высочайше утвержденное особое положеніе, вводящее его въ рядъ правительственныхъ учреждений и тѣмъ

упрочить навсегда столь полезный для Россіи педагогическій разсадникъ.

Въ слѣдующемъ 1889 г. было публично отпраздновано двадцатипятилѣтіе музея, сопровождавшееся весьма сердечною, публичною и внушительною оваціею въ честь В. П. Коховскаго со стороны многочисленныхъ членовъ различныхъ отдѣловъ музея и обществъ, имѣвшихъ съ нимъ какое-либо соприкосновеніе. Почтенный юбиляръ былъ высочайше награжденъ чиномъ генералъ-лейтенанта и утвержденъ въ званіи директора педагогическаго музея, на правахъ директора военныхъ корпусовъ.

Черезъ два года В. П. Коховскаго не стало.

Описанію его полезной педагогической дѣятельности были посвящены сочувственныя статьи во всѣхъ газетахъ и педагогическихъ журналахъ. Отовсюду семья покойнаго получила множество телеграммъ съ выраженіями искренняго соболѣзнованія. Гробъ его былъ окруженъ массою вѣнковъ: „Отъ Педагогическаго музея своему незабвенному директору“, „Отъ преподавателей музыкальныхъ классовъ Педагогическаго музея“, „Организатору Педагогическаго музея отъ Императорскаго русскаго технического общества“, „Отъ общества Гармонія“, „Отъ сотрудниковъ Педагогическаго Музея“, „Отъ Военно-Медицинской академіи“, „Отъ общества врачей гомеопатовъ своему почетному члену“, „Отъ горячо любившаго и искренно скорбящаго домашняго врача“ и множество другихъ вѣнковъ покрывали его гробъ; особенно выдѣлялся скромный, но сердечно сооруженный на гроши вѣнокъ „Отъ служителей Педагогическаго музея“.

Изъ квартиры гробъ вынесли на рукахъ его родные, друзья и сослуживцы. Заупокойную литургію и отпѣваніе совершалъ въ Пантелеймоновской церкви преосвященный Антоній Выборгскій. Глубоко сочувствуя покойному въ его заботахъ по устройству церковноприходскаго народнаго хора и по дѣламъ общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія, преосвященный Антоній почтилъ память покойнаго архіерейскимъ служеніемъ. Церковь была полна цѣнителями заслугъ усопшаго, начиная отъ высокопоставленныхъ лицъ до скромныхъ слушателей народныхъ чтеній. Вдоль всей Пантелеймоновской улицы былъ выстроенъ батальонъ 89-го Бѣломорскаго полка съ музыкою. Печальный кортежъ направился изъ квартиры покойнаго по Фоптанеѣ. Здѣсь у главнаго подъѣзда педагоги-

ческаго музея—мѣста, гдѣ такъ много работалъ покойный—была совершена литія. Преподаватель Николаевского кадетскаго корпуса и членъ педагогическаго музея г. Цвѣтковскій сказалъ глубоко прочувственную рѣчь, посвященную заслугамъ покойнаго. Въ церкви во время запричастнаго стиха законоучитель 3-ей гимназіи протоіерей И. К. Вѣтвѣницкій, извѣстный проповѣдникъ и усердный подвижникъ на пользу „Общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія“, попрощался съ усопшимъ горячимъ словомъ, которое вызвало невольныя слезы.

„Почившій, говорилъ между прочимъ о. Вѣтвѣницкій, четверть вѣка стоялъ во главѣ учрежденія, распространяющаго свѣтъ просвѣщенія по лицу всей русской земли. Его заслуга велика. Въ созданномъ имъ музеѣ встрѣчались и мужъ науки, и неграмотный, обмѣнивались мыслями и профессоръ академіи, и университета, и скромный учитель средняго учебнаго заведенія, и простой грамотный человекъ. Всѣхъ равно и радушно встрѣчалъ почившій, всѣхъ умѣлъ соединить и всѣхъ умѣлъ—и это лучшая его заслуга—пріучить и пріохотить къ работѣ на пользу общую! Мужъ свѣта, мужъ мира, да почиетъ съ миромъ до послѣдняго дня!“

Народный хоръ, пѣвшій обѣдню и отпѣваніе, сопровождалъ гробъ до Смоленскаго кладбища. Впереди шло многочисленное духовенство съ извѣстнымъ педагогомъ о. Д. П. Соколовымъ во главѣ и въ митрѣ. Военный хоръ при выносѣ гроба изъ церкви заигралъ „Коль славень“, а во время шествія процессіи сопровождалъ исполненіемъ похороннаго марша. При опусканіи гроба въ могилу былъ произведенъ установленный залпъ.

В. П. Коховскій погребенъ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Въ лицѣ В. П. Коховскаго русское общество потеряло дѣятеля высоко просвѣщеннаго, горячо преданнаго дѣлу распространенія знаній въ массахъ, рѣдкаго по энергіи, житейскому такту и организаторскому таланту. „Педагогическій музей“—въ устахъ педагога, „Соляной городокъ“—въ устахъ народа, „Народная академія“—въ устахъ лектора—близкое и дорогое учрежденіе всѣмъ слоямъ Петербургскаго населенія, — вотъ памятникъ, который онъ ему далъ для удовлетворенія духовныхъ потребностей многихъ тысячъ людей всѣхъ возрастовъ и всякаго званія. Его разносторонняя и плодотворная дѣятельность успѣла

уже принести свои плоды и собранныя имъ коллекціи, образцовый порядокъ въ музеѣ, масса произведенной имъ работы на пользу будущихъ поколѣній и любовь къ нему всѣхъ знавшихъ его послужатъ самымъ лучшимъ и на долгое время неувядаемымъ вѣнкомъ на могилѣ В. П. Коховскаго.

Пожелаемъ-же, дабы и настоящій, вполне достойный его, преемникъ шелъ по стопамъ своего предшественника, чтобы онъ расширялъ плодотворную дѣятельность „Всероссійскаго Педагогическаго музея“, соотвѣтственно росту науки и школы, потребностямъ родителей и дѣтей, духовной жаждѣ ученика и студента, солдата и простолюдина. Нѣтъ нужды, что педагогическій музей — созданіе военнаго вѣдомства. Вѣдь военно-учебныя заведенія въ нашемъ отечествѣ, благодаря высокому покровительству Державныхъ Вождей русскаго народа, всегда превосходно шли по своей педагогической организаціи, всегда давали толчекъ и починъ въ учебно-воспитательныхъ вопросахъ, всегда заботились о физическомъ, умственномъ и нравственномъ преусиѣяніи своихъ питомцевъ. Оттого и выходять изъ нихъ общественные дѣятели, подобные Всеволоду Порфиріевичу Коховскому.

Д. Д. Семеновъ.

Сиб. 1891 г.

Оружіе надежнаго кorymbовъ въ 1840 гг.

БОЯРИНЪ КНЯЗЬ ВАСИЛІЙ ВАСИЛЬЕВИЧЪ ГОЛИЦЫНЪ.

Грамоти къ нему отъ родныхъ

въ 1677 г.

Коллекція «грамотокъ» къ кн. В. В. Голицыну, хранящаяся въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, открыта покойнымъ А. А. Востоковымъ († 13-го ноября 1891 г.) и частью нѣтъ напечатана на страницахъ «Русской Старины»: а) въ изданіи 1888 г., т. LVII, стр. 735—738, пять грамотокъ отъ матери, жены, сына, дочери и отъ Ивана Дивова, и б) въ изданіи 1889 г., томъ LXIII, стр. 129—132, три грамотки отъ Матвѣя Боева, Ивана Баклановскаго и Федора Левонтьева. Последнія грамотки очень любопытны по сообщаемымъ въ нихъ придворнымъ и другимъ московскимъ новостямъ. Особеннаго вниманія заслуживаетъ рассказываемый М. Боевымъ (во 2-й его грамоткѣ) фактъ ссылки въ 1677 г. Ивана Кирилловича и другихъ Нарышкиныхъ, замышлявшихъ убить царя...

Кромѣ этихъ 8 грамотокъ, осталось еще не напечатанныхъ 16 грамотокъ къ кн. Голицыну исключительно отъ его родныхъ, именно: 7 грамотокъ отъ матери, княгини Татьяны Ивановны, урожденной Стрѣшневой ¹⁾ (№ № I—VII), одна грамотка отъ жены, княгини Евдокии Ивановны, урожденной тоже Стрѣшневой ²⁾ (№ VIII), 4 отъ сына кн. Алексѣя (№ № IX—XII) ³⁾, 2 отъ того-же сына Алексѣя и отъ дочери княжны Ирины

¹⁾ „Росс. Родосл. книга“ кн. П. Долгорукова, I, 286.

²⁾ Ibid., I, 286—287. Это была вторая жена князя, а первая—княгиня Федосья Васильевна Долгорукова.

³⁾ Сынъ Алексѣй и дочь Ирина были, кажется, отъ втораго брака. См. „Записки де-ла-Невилля о Московіи, 1689 г.“, переводъ г. Браудо въ Русской Старинѣ“ изд. 1891 г., т. LXXII, стр. 260. Н. О.

вѣстѣ (№ № XIII—XIV) и 2 грамотки отъ тещи князя Анастасіи Ивановны Стрешневой ¹⁾.

Всѣ 16 грамотокъ писаны въ маѣ—августѣ 1677 года. Собственно на этихъ грамоткахъ нѣтъ даты года, но она сохранилась на грамоткѣ матери, начатанной А. А. Востоковымъ: «7185 году, іюля въ 26-й день подалъ (грамотку князю) Василій Кругликовъ» ²⁾. Къ этому-же году должны быть отнесены и всѣ остальные грамотки.

Изъ этихъ 16 грамотокъ одна несомнѣнно собственноручная — грамотка сына Алексѣя, когда имъ написанная—неизвѣстно, а полученная кн. Васильемъ Васильевичемъ 9-го августа (№ XII). Она написана дѣтскимъ, неправильнымъ и неувереннымъ почеркомъ молодого кн. Алексѣя и, вѣроятно, представляетъ одинъ изъ первыхъ его опытовъ чистописанія. Въ предыдущей грамоткѣ отъ 24-го іюля (№ XI) кн. Алексѣй сообщаетъ отцу о своихъ успѣхахъ въ изученіи русскаго языка и говоритъ, между прочимъ: «Я слова выписалъ и пишу другой складъ»... Въ грамоткѣ матери отъ 5-го іюля (№ V) старушка рекомендуетъ вниманію сына подателя грамотки Харлама Хорошева, котораго «зять» Василій Тороповъ, говоритъ она, «Алешеньку (т. е. внука) учить писать»... Очевидно, именно этотъ учитель молодого князя писалъ за своего ученика и за его сестру другія грамотки изъ къ отцу.

Вѣроятно, тотъ-же В. Тороповъ и другіе грамотные люди боярскаго двора («домовые подьячіе», «люди, которые за дѣлы ходятъ» и т. п.) писали грамотки къ князю отъ имени другихъ родныхъ его. По крайней мѣрѣ это съ увѣренностію можно сказать относительно грамотокъ матери: въ семи грамоткахъ ея ясно различаются 3—4 почерка. Но двѣ грамотки жены (одна напечатанная А. А. Востоковымъ, другая ямѣ печатающаяся), писаны одною рукою и, можетъ быть, самою княгинею Евдокіею Ивановною. Трудно, по крайней мѣрѣ, допустить, чтобы у такого передоваго человѣка своего времени, какимъ несомнѣнно является кн. Василій Васильевичъ, жена была неграмотною особою... Тѣмъ болѣе это сомнительно, что едва-ли не была грамотною мать княгини Евдокіи Ивановны—Настасья Ивановна Стрешнева: двѣ ея грамотки къ зятю писаны однимъ почеркомъ и, кажется, именно женскимъ...

Изъ печатающихся грамотокъ болѣе всего отъ матери—7, а менѣе всего отъ жены—одна грамотка. Нельзя, однако, отсюда заключать о какомъ-то нагнѣнномъ уклоненіи княгини Евдокіи Ивановны отъ переписки съ мужемъ, слѣдовательно — о ея нелюбви къ нему и т. п. Рѣдка ея переписка съ княземъ объясняется единственно тѣмъ обстоятельствомъ, что въ это время княгиня находилась въ послѣднихъ мѣсяцахъ беременности. Въ своей гра-

¹⁾ Тестъ князя Иванъ „большій“ Федоровичъ Стрешневъ былъ женатъ на „Анастасіи Ивановнѣ Н. Н.“, говоритъ „Русск. Род. кн.“, IV, 412. Дѣтей отъ этого брака „Рус. Род. кн.“ не показываетъ.

²⁾ „Русская Старина“ изд. 1888 г., т. LVII, стр. 735.

мотѣ отъ 29-го іюля (№ VIII), она проситъ мужа: «помолись о мнѣ, чтобъ мнѣ велѣлъ Господь здорово родить и съ тобою въ радость видѣтца»... А въ собственноручной грамотѣ кн. Алексѣя (полученной кн. Василиемъ Васильевичемъ 9-го августа) (№ XII), сынъ поздравляетъ отца «съ новорожденною дочерью, съ моею сестрицею»...

Усиленная-же переписка княгини Татьяны Ивановны съ сыномъ (7 грамотокъ съ 30-го мая по 12-е августа) объясняется тѣмъ, что къ ней обращались за рекомендаціями въ ея могущественному сыну многія лица, отправлявшіяся «въ полкъ» кн. Василя Васильевича и нуждавшіяся въ томъ или другомъ смилосердіи или милости князя. Старушка-мать не отказывала въ своей поддержкѣ, которой челобитчики придавали большое значеніе: очевидно, мать пользовалась вліяніемъ на своего «свѣтъ-князя Василя Васильевича»... Почти во всѣхъ ея грамоткахъ встрѣчаемъ ходатайство за то или другое лице. Такъ, въ грамотѣ отъ 30-го мая (№ 1), княгиня ходатайствуетъ предъ сыномъ за «пушкарскаго голову» Игнатія Таптыгина, чтобы князь на него не «кручинился», что онъ «прошѣшкалъ» возвращеніемъ въ полкъ. Въ грамотѣ отъ 17-го іюня (№ II) княгиня рекомендуетъ вниманію князя Якова Соловцова. Въ грамотѣ отъ 24-го іюня (№ IV) она проситъ, чтобы князь «не покручинился», что Потапъ Шеншинъ «позамѣшкался» въ отпуску. Въ грамотѣ отъ 5-го іюля (№ V) мать рекомендуетъ сыну Карлама Хорошева, котораго «зять» Василій Тореповъ состоялъ учителемъ внука ея, кн. Алексѣя. Всѣ эти рекомендованныя княгиней лица сами доставили князю тѣ грамотки, гдѣ идетъ о нихъ рѣчь.

Такое-же ходатайство встрѣчаемъ и въ одной изъ грамотокъ сына къ отцу (№ IX): молодой князь Алексѣй ходатайствуетъ о подателѣ грамотки полковникѣ Гаврилѣ Фартурнерѣ, который-де «близъ челомъ, чтобы до него милостивъ былъ»...

Все это рекомендуетъ добрыя отношенія семьи князя Василя Васильевича и свидѣтельствуетъ о добромъ сердцѣ самого князя, на котораго могло подѣйствовать даже ходатайство юнаго сына о маститомъ полковникѣ.

Вообще, печатаемыя грамотки ясно говорятъ о любви, господствовавшей между членами этой семьи. Каждая грамотка наполнена, главнымъ образомъ, вопросами о здоровьѣ князя и сообщеніями ему про здоровье родныхъ, оставшихся въ Москвѣ. Особенно тепло спрашиваетъ про здоровье князя его мать, высказывая чрезвычайное безпокойство, когда до нея доходятъ вѣсти о «скорби» сына, у котораго шла «кровь гортанью» (№№ III и IV). Въ послѣдней своей грамотѣ (№ VII), мать жалуется, что отъ сына давно не имѣетъ никакихъ извѣстій.

Очень характерны нѣкоторыми мелочами семейной жизни грамотки къ отцу дѣтей—«Алешки» и «Орютки» («Оривки») (№№ IX—XIV). Напримѣръ, въ одной грамотѣ (№ X) сынъ благодаритъ отца за присылку «мыльца»

(за «мыльцо»-же благодарить и дочь въ грамотѣ ея, напечатанной А. А. Востоконимъ въ «Русской Старинѣ» изд. 1888 г., т. LVII, стр. 736—737). Въ другой грамотѣ (№ XIV) сынъ проситъ отца о присылкѣ «обушка» и «подобушка», которыхъ нѣтъ у Алексѣя, а между тѣмъ, по государеву указу, эти орудія велѣно имѣть «всѣмъ спальникамъ», въ числѣ коихъ былъ и молодой князь. Любопытна здѣсь одна подробность, характеризующая семейную дисциплину XVII вѣка: говоря о неизбѣннѣ указанныхъ принадлежностей спальническаго снаряженія, сынъ замѣчаетъ, что «безъ тебя, государь, сдѣлать «не смѣемъ» (сначала было написано — «не умѣемъ», а потомъ передѣлано — «не смѣемъ»)». О частыхъ дежурствахъ «Алешеньки» въ «верку» у государя сообщаетъ одна изъ грамотокъ тещи князя — Настасьи Ивановны Стрешневой (№ XV).

Кромѣ этихъ семейныхъ дѣлъ, въ грамоткахъ встрѣчаемъ и разныя московскія новости. Напримѣръ, жена князя пишетъ о женитьбѣ Матвѣя Алексѣевича Головина (№ VIII), мать сообщаетъ о сборѣ съ вотчинъ по «полуполтинѣ» съ двора (№ III), теща — о производствѣ въ окольничіе Андрея Чирикова и Петра Кондырева (№ XV) и проч.

Но наиболѣе всего настоящая переписка цѣнна для характеристикъ семейныхъ отношеній и личности князя Василія Васильевича Голицына, одного изъ передовыхъ людей XVII вѣка.

Н. Оглоблинъ.

Княгиня Татьяна Ивановна Голицына—ея сыну, ин. В. В. Голицыну.

I.

«Свѣту моему князю Василію Васильевичу. Будь на тебѣ, свѣтъ мой, милость Божія и мое грѣшное благословеніе отнынѣ и до вѣка! Будь, свѣтъ мой, здоровъ на многія лѣта! А ко мнѣ, свѣтъ мой, прикажи писать про свое многолѣтнее здоровье — какъ тебѣ, свѣта моего, Богъ милуетъ? А про меня похощь, свѣтъ мой, вѣдать и про невѣску и про дѣти — и мы на Москвѣ наія въ 30-й день живы до воли Божіи, а впредь Богъ волеяъ.

«Да послала я къ тебѣ, свѣтъ мой, сундукъ красной, про которой ты писалъ съ дьякомъ съ Иваномъ съ Лепуновымъ, и не держи меня безъ вѣсти, свѣтъ мой, о своемъ многолѣтномъ здоровьѣ. Будь, свѣтъ мой, на тебѣ милость Божія и мое грѣшное благословеніе отнынѣ и до вѣка!

«Да поѣздаль къ тебѣ, свѣтъ мой, голова пушкарской Таптыгинъ и велѣлъ тебѣ побить челомъ; чтобъ ты на него (не) вручинился, что (онъ) проишкалъ»¹⁾.

¹⁾ Эти строки о Таптыгинѣ приписаны въ концѣ грамотки другою рукою и другими чернилами.

Н. О.

На оборотѣ: 1) «Свѣту моему князю Василью Васильевичу»¹⁾.

2) «Августа въ 5-й день, подавъ грамотку Игнатей Таптыковъ»²⁾.

II.

«Свѣту моему князю Василью Васильевичю. Будь на тебѣ, свѣтъ мой, милость Божія и мое грѣшное благословеніе отнынѣ и до вѣка! Здравствуй, свѣтъ мой, на многія лѣта! А ко мнѣ, свѣтъ мой, прикажи писать про свое многолѣтнее здоровье — какъ тебя, свѣта моего, Богъ милуетъ? А про меня, свѣтъ мой, похощь вѣдать и про невѣску и про дѣти — и мы на Москвѣ іюня въ 17-й день живы до воли Божіи, а впредь Богъ воленъ.

«Да поѣхалъ къ тебѣ, свѣтъ мой, въ полкъ Авонасыя Любятинского племянникъ Яковъ Гарасимовъ сынъ Соловцовъ, и билъ челомъ мнѣ о себѣ, чтобъ ты, свѣтъ мой, былъ къ нему милостивъ, и тебѣ-бъ, свѣтъ мой, жаловать его и быть къ нему милостиву.

«Будь на тебѣ, свѣтъ мой, милость Божія и мое грѣшное благословеніе отнынѣ и до вѣка!»

Помѣта: «Іюля въ 23-й день, подавъ грамотку Яковъ Соловцовъ».

III³⁾.

«Свѣту моему князю Василью Васильевичю. Будь на тебѣ, свѣтъ мой, милость Божія и мое грѣшное благословеніе отнынѣ и до вѣка! Здравствуй, свѣтъ мой, на многія лѣта! А ко мнѣ, свѣтъ мой, прикажи писать про свое многолѣтнее здоровье — какъ тебя, свѣта моего, Богъ милуетъ? А про меня, свѣтъ мой, похощь вѣдать и про невѣску и про дѣти — и мы на Москвѣ іюля въ 24-й день живы до воли Божіи, а впредь Богъ воленъ.

«Пишешь ты, свѣтъ мой, ко мнѣ про вѣсти... крымскихъ людей и турскихъ, и тѣ мнѣ вѣсти, свѣтъ мой, не на пользу и не на радость, только лишнее мое сокрушеніе.

«Да ты-же мнѣ, свѣтъ мой, пишешь про себя, что будто ты далъ Богъ здорово и я тому, свѣтъ мой, мало ему вѣры; вѣдаю я и сама, что ты

¹⁾ Въ слѣдующихъ грамоткахъ матери выбрасываю этотъ адресъ, вездѣ одинъ и тотъ-же. Но въ грамоткахъ жены, дѣтей и тещи адресъ нѣсколько варьируется (см. ниже).

²⁾ Въ текстѣ стоитъ „Таптыгинъ“, а въ помѣтѣ „Таптыковъ“, послѣднее, кажется, вѣрнѣе.

³⁾ Очень любопытная грамотка, но, въ сожалѣнію, сохранилась съ пробѣлами нѣкоторыя мѣста вырваны и въ печати замѣнены точками.

такъ пишешь ко мнѣ все утѣшая меня. Естъли (бы), мой свѣтъ, не объявлялась скорбь твоя такая на Москвѣ, и я-бы князь Федору и вѣры не поняла, а какъ-бы не слыша князь Федоръ отъ тебя про твою скорбь— и ему-бъ самому какъ затѣять? Да пишешь, свѣтъ мой, чтобъ мнѣ помолитца за тебя, чтобъ тебѣ Владыка подалъ помочи на враговъ Вожьихъ. А я-бы, свѣтъ мой, и рада молилась (sic,—молятся?...), да вѣдаешь ты, свѣтъ мой, и самъ, каково мое здорovie? Теперешныя твои вѣсти слышачи — и готово моему здорovie поруга (порука)! А пишешь ты, мой свѣтъ мой (sic), ко мнѣ, чтобъ мнѣ о тво....., мой свѣтъ, вѣдаешь и самъ каковъ мнѣ . . . дороже души своей грѣшной, лишо-бы, свѣтъ мой..... а и самъ, свѣтъ мой, не площ.. прибѣгни къ Спасу и пресвятой Богородицѣ и преподобному отцу Сергію и помолись имъ съ вѣрою и попроси у нихъ милости..., попомни, свѣтъ мой—мое рожденіе, о чемъ я тебѣ..., держись, свѣтъ мой, чистоты душевною.....¹⁾... пресвятыя Богородицы и преподобнаго... великаго чудотворца Николы и мое грѣшное благословеніе отнынѣ и до вѣка.

«А Олешенька, мой свѣтъ, началъ склады писать. Да что ты пишешь, свѣтъ мой, про него, чтобъ ево на выѣздѣ не посылать, и мнѣ то, свѣтъ мой, видитца прамымъ сущимъ дѣломъ. Такъ больша тово, свѣтъ мой, и не знаю, что къ тебѣ писать. Буди, свѣтъ мой.....».

Помѣта: «Юля въ 30-й день, подалъ гранотку Іона Левонтьевъ».

IV.

«Свѣту моему князю Василью Васильевичю. Будь на тебѣ, свѣтъ мой, милость Божія и мое грѣшное благословеніе отнынѣ и до вѣка! Здравствуй, свѣтъ мой, на многія вѣка! А ко мнѣ, свѣтъ мой, прикажи писать про свое многолѣтнее здорovie — какъ тебя, свѣта моего, Богъ милуетъ? А про меня, свѣтъ мой, похощь вѣдать и про невѣску и про дѣти — и мы на Москвѣ іюля въ 24-й день до воли Божіи живы, а впрядь Богъ волеетъ.

«Да поѣхалъ къ тебѣ, свѣтъ мой, Потапъ Шеншинъ. Да здѣсь, свѣтъ мой, слухъ носитца, что будетъ государевъ указъ со всѣхъ вотчинъ имать по полуполтинѣ съ двора, а со вдовъ и съ недорослей и съ монастырей вдвое, да и то, мой свѣтъ, что кон на службахъ и съ тѣхъ имать-же по полуполтинѣ (съ) двора.

«Отинши, мой свѣтъ, ко мнѣ про себя—подлинно-лижъ у тебя нейдетъ кровь гортанью?»

«Да билъ челомъ тебѣ Потапъ Шеншинъ, чтобъ ты не покручинился, что онъ будетъ позамѣшкался: и ты, свѣтъ, на него въ томъ не покручинься и

¹⁾ Здѣсь вырвано 7 строкъ.

валуй его, свѣтъ, попрежнему. Будь на тебѣ, свѣтъ мой, милость Божія и мое грѣшное благословеніе отнынѣ и до вѣка!»

Помѣта: «Августа въ 3-й день, подалъ грамотку Потапъ Шеншинъ».

V.

«Свѣту моему князю Василью Васильевичю. Будь на тебѣ, свѣтъ мой, милость Божія и мое грѣшное благословеніе отнынѣ и до вѣка! Пиши, свѣтъ мой, ко мнѣ о своемъ здоровьѣ — какъ тебя, свѣта моего, всемогуществый Владыко своею милостію хранить? А похощь, свѣтъ мой, вѣдать про меня, и про невѣску, и про Олешеньку, и про Оринушку—и мы іюля въ 5-й день всѣ дакъ Богъ здоровы, а впредь уповаемъ на милость Божію.

«Да побѣдаль къ тебѣ, свѣтъ мой, въ полкъ Харлампъ Борисовъ сынъ Хорошевъ и билъ челомъ мнѣ, чтобъ ты его жаловалъ—и ты, свѣтъ мой, его жалуй, потому что зять его Василій Тороповъ Алешеньку учить писать, и ты къ нему будь милосердаъ.

«Да сокрушилъ ты меня, свѣтъ мой, князь Василей Васильевичъ: слышу я, что ты мало можешь, а кониѣ ты правды не отпишешь. Будь на тебѣ, свѣтъ мой, милость Божія и мое грѣшное благословеніе отнынѣ и до вѣка!»

Помѣта: «Августа въ 8-й день, подалъ грамотку Харлампъ Хорошевъ».

VI.

«Свѣту моему князю Василью Васильевичю. Будь на тебѣ, свѣтъ мой, милость Божія и мое грѣшное благословеніе отнынѣ и до вѣка! Пиши, свѣтъ мой, ко мнѣ о своемъ здоровьѣ — какъ тебя, свѣта моего, Христось своею милостію хранить? А похощь, свѣтъ мой вѣдать про меня, и про невѣску, и про Олешеньку, и про Оринушку—и мы іюля въ 28-й день всѣ дакъ Богъ здоровы, а впредь уповаемъ на милость Божію. Будь на тебѣ, свѣтъ мой, милость Божія и мое грѣшное благословеніе отнынѣ и до вѣка!»

Помѣта: «Августа въ 6-й день, подалъ грамотку Федоровъ деньщикъ Головленкова Ивашко Масловъ».

VII.

«Свѣту моему князю Василью Васильевичю. Будь на тебѣ, свѣтъ мой, милость Божія и мое грѣшное благословеніе отнынѣ и до вѣка! Пиши, свѣтъ мой, ко мнѣ о своемъ здоровьѣ—какъ тебя, свѣта моего, Христосъ своею милостію хранить! А про меня, свѣтъ мой, изволишь вѣдать и про невѣску и про дѣтокъ—и мы августа въ 12-й день всѣ, далъ Богъ, здоровы, а впредь уповаемъ на милость Божію».

«Да что я къ тебѣ, свѣтъ мой, про твое дѣло прежде сего писала и ты, свѣтъ мой, о томъ ко мнѣ ничего не пишешь, а дятля (т. е. — дяди) твои и братъ твой князь Борясъ на тебя въ томъ досаждутъ, что ты къ нимъ о томъ ничего не пишешь: хорошобъ тебѣ, свѣтъ мой, о томъ къ нимъ отписать. Да писать болѣ къ тебѣ, свѣтъ мой, къ тебѣ мнѣ и много, и разуму моего не стало. Хоро(шо)бъ тебѣ, свѣтъ, себя видѣть въ чести, а не въ безчестьѣ! А теперь будто ты дался князь Григорью въ товарищи: а у насъ, свѣтъ мой, на Москвѣ такъ говорятъ ¹⁾. И ты, мой свѣтъ, про себя за што къ дятлемъ не отпишешь и князь Борису брату? А какъ свидѣю къ тебѣ подлинного ѣздока и я къ тебѣ, свѣтъ мой, обо всемъ къ тебѣ отпишу. Будь на тебѣ, свѣтъ мой, милость Божія и мое грѣшное благословеніе отнынѣ и до вѣка!»

Помѣта: «Августа въ 25-й день подалъ грамотку деньщикъ Иванова приказу Елагина Федька Власовъ».

VIII.

Княгиня Евдокія Ивановна—мужу своему кн. В. В. Голицыну.

«Государю моему князю Василью Васильевичю женишка твоя Дунька челошь бьетъ. Здравствуй, государь мой, на многія лѣта! Прикажи, государь мой, писать о своемъ многолѣтномъ здоровьѣ — какъ тебя, государя моего, Господь своею милостію хранить? А изволишь, государь, вѣдать про государыню матушку княгину Татьяну Ивановну, и про государя батюшка Ивана Федоровича, и про государыню матушку Настасью Ивановну, и про Олешеньку, и про Орянушку, и про меня, государь мой, изволишь начаметовать — и мы іюля въ 29 день всѣ далъ Богъ здоровы, а впредь уповаемъ на милость Божію».

¹⁾ Характерная черта, показывающая, что и женское поколѣніе родовой знати чутко относилось въ XVII в. къ мѣстическимъ вопросамъ. .

«Да пожалуй, государь мой князь Василей Васильевичъ, помолися о мнѣ, чтобъ мнѣ велѣлъ Господь здорово родять и съ тобою въ радость видѣтца.

«Да буди тебѣ, государю, вѣдомо, что Матвей Алексѣевичъ Головинъ женился. А обо всемъ къ тебѣ писала матушка въ своей грамоткѣ. Потому тебѣ государю своему много и множество челомъ бью!»

На оборотѣ: 1) «Государю моему князю Василью Васильевичю».

2) «Августа въ 6-й день подалъ грамотку Федоровъ дѣвщикъ Головленкова Ивашко Масловъ» ¹⁾).

IX.

Князь Аленсѣй Васильевичъ—отцу своему князю В. В. Голицыну.

«Государю моему батюшку (sic) князю Василью Васильевичю сынишко твоей Алешка, благословенія прося, челомъ бьетъ. Здравствуй, государь мой батюшка, на многія лѣта! А ко мнѣ прикажи писать о своемъ здоровьѣ — какъ тебѣ, государя моего, Христось милуетъ? А изволишь, государь, вѣдать про здоровье государыни бабушки княгини Татьяны Ивановны, и про государя дѣдушка Ивана Федоровича, и про государыню бабушку Настасью Ивановну, и про матушку, и про сестрицу, и про меня изволишь напоминать—и мы всѣ юныя въ 17-й день далъ Богъ здоровы, а впредь уповаемъ на милость Божію.

«Да поѣхалъ къ тебѣ, батюшко, полковникъ ²⁾ и билъ челомъ мнѣ, чтобъ до него милостивъ былъ.

«Потомъ у тебѣ, государя, благословенія прошу и много множество челомъ бью».

На оборотѣ: 1) «Государю моему батюшку князю Василью Васильевичю» ³⁾).

2) «Августа въ 8-й день подалъ грамотку полковникъ Гаврило Фургурнеръ».

¹⁾ Тотъ-же И. Масловъ вмѣстѣ съ этимъ письмомъ доставилъ князю Василью Васильевичю и письмо матери отъ 28-го іюля (см. № VI).

²⁾ Имя его см. ниже, въ помѣтѣ о доставкѣ настоящей грамотки.

³⁾ Въ остальныхъ грамоткахъ сына читаемъ такой-же адресъ.

X.

«Государю моему батюшку князю Василью Васильевичу сынишко твой Алешка, благословенія прося, челомъ бью. Здравствуй, государь мой батюшка, на многія лѣта! Прикажи, государь, писать про свое многолѣтнее здоровье—какъ тебѣ, государя моего, милосердый Владыко своимъ милосердіемъ хранить? А изволишь, государь, вѣдать про бабушку княгиню Татьяну Ивановну и про дѣдушка (sic) Ивана Ѳеодоровича, и про бабушку Настасью Ивановну, и про матушку княгиню Авдотью Ивановну, и про сестрицу княжну Ирину Васильевну, и про меня, государь, изволишь напаметовать—и мы на Москвѣ іюля въ 12-й день всё далъ Богъ здоровы а впредь уповаемъ на милость Божию.

«Да челомъ, государь бью, батюшка, на твоёмъ жалованьи на мыльцѣ.

«Писавы сынишко твой Алешка, благословенія прося и много челомъ бью».

Помѣта: «Іюля въ 23-й день, подалъ грамотку Степанъ Ловчиковъ».

XI.

«Государю моему батюшку, князю Василью Васильевичу сынишко твой Алешка, благословенія прося и много челомъ бьетъ. Буди, государь мой, здоровъ на многія лѣта! А ко мнѣ, государь мой батюшка, прикажи писать про свое многолѣтнее здоровье—какъ тебѣ, государя моего батюшка, Богъ милуетъ? А изволишь, государь мой батюшка, изволишь вѣдать про здоровье государыни моей бабушки, и государыни моей сестрицы, и про меня — и государыни моя бабушка княгиня Татьяна Ивановна, и государыня моя матушка княгиня Авдотья Ивановна, и государыня моя сестрица княжна Ирина Васильевна, и я на Москвѣ іюля въ 24-й день живы до воли Божіи, а впредь Богъ воленъ.

«Да буди, государь мой батюшка, тебѣ вѣдомо, что я слова выписалъ и пишу другой складъ».

«А дѣдушка государь Иванъ Ѳеодоровичъ и государыня бабушка Настасья Ивановна по се писаніе далъ Богъ здоровы.

«Писавы сынишко твой Алешка, благословенія прося и много челомъ бью до лица земнаго.

«Да буди, государь мой батюшка, тебѣ вѣдомо: бабушка и матушка и мы ѣздили къ Троицѣ нынѣ молитца».

Помѣта: «Іюля въ 30-й день, подалъ грамотку Юна Лёвонтьевъ».

XII ¹⁾.

«Государю моему батюшку князю Василью Васильевичю сынишко твой Алешка, благословеніе прося и челомъ бьетъ. Буди, государь мой, здоровъ на многія лѣта!

«Пи(са)вый ²⁾ сынишко твой, благословеніе прося, много челомъ бью.

«Аверкей и Головкинъ живутъ при моей милости.

«Да здравствуй, государь мой батюшка, съ новорожденною дочерью, а съ моею сестрицею!» ³⁾.

На оборотѣ: 1) «Государю моему батюшку князю Василью Васильевичю» ⁴⁾.

2) «Августа въ 9 день подалъ грамотку Михайловъ приказу Уварова денщикъ Макарко Васильевъ».

XIII.

Отъ кн. Алексѣя Васильевича и няини Ирины Васильевны — отцу ихъ кн. В. В. Голицыну.

«Государю нашему батюшку князю Василью Васильевичю дѣтишки твои Алешка, да Орютка, благословеніе прося и челомъ бьемъ. Здравствуй, государь нашъ батюшка, на многія лѣта! А къ намъ, государь нашъ батюшка, прикажи писать про свое многолѣтное здоровье—какъ тебя, государя нашего, Богъ милуетъ? А изволишь, государь нашъ батюшка, вѣдать про здоровье государыни нашей бабушки, и государыни нашей матушки, и про здоровье государя нашего дѣдушки и государыни нашей бабушки—и государыня наша бабушка княгиня Татьяна Ивановна, государыня наша матушка княгиня Авдотья Ивановна, и государь нашъ дѣдушка Иванъ Ѳедоровичъ, и государыня наша бабушка Настасья Ивановна, и мы на Москвѣ іюня въ 24-й день до воли Божіи живы, а впредь Богъ воленъ.

«Да пожалуй, государь нашъ батюшка, не держи насъ безъ вѣсти о своемъ многолѣтномъ здоровьѣ.

¹⁾ Собственноручная грамотка молодого кн. Алексѣя.

²⁾ Эта фраза встрѣчается и въ другихъ грамоткахъ сына (№№ X, XI, XIII), но тамъ ея нельзя понимать буквально, такъ какъ изъ всѣхъ грамотокъ, сына только одна несомнѣнно собственноручная—№ XII.

³⁾ Всѣ абазапы № XII находятся въ оригиналѣ, въ остальныхъ-же грамоткахъ они сдѣланы мною для удобства чтенія.

⁴⁾ Адресъ—тоже собственноручный.

«Да изволь, государь, сказать отъ меня Алешки Ивану Петровичю да Льву Петровичю—челомъ бьеть».

«Писавы дѣтишки твои Алешка да дочеришка твоя Орютка много челомъ бьютъ».

На оборотѣ: 1) «Государю нашему батюшку князю Василью Васильевичю».

2) «Августа въ 3-й день подалъ грамотку Михайло Козловъ».

XIV.

«Государю нашему батюшку князю Василью Васильевичю сынишко твой Алешка, да дочеришка твоя Оринка, благословенія прося, челомъ бьеть. Здравствуй, государь нашъ батюшко, на многія лѣта! А къ намъ, государь, прикажи писать о своемъ многолѣтнемъ здоровьѣ — какъ тебя, государя нашего, милосердый Владыко своею милостию хранитъ? А изволишь, государь нашъ, вѣдать про бабушку княгиню Татьяну Иванову, и про дѣдушка Ивана Федоровича, и про бабушку Настасью Ивановну, и про матушку княгиню Овдотью Ивановну, и про насъ, государь нашъ батюшко, изволишь нанаметовать—и мы іюля въ 29-й день всѣ далъ Богъ здоровы, а впредь уповаемъ на милость Божию».

«Да указалъ, государь батюшко, великій государь, спальникамъ всѣмъ быть за собою съ обушками, а у меня, государь, обушка нѣтъ и подобушника, государь нѣтъ, а безъ тебя, государь, здѣлать не смѣемъ. Будеть у тебя, государь батюшко, есть лишней обушникъ съ подобушникомъ—и ты, государь, изволь ко нѣ прислать».

«Потомъ у тебя, государя, благословенія просимъ и много множество челомъ бьемъ».

Помѣта: «Августа въ 6-й день подалъ грамотку Федорова приказу Головленкова деньщикъ Ивашко Масловъ»¹⁾.

¹⁾ Эта грамотка доставлена вмѣстѣ съ грамотками подъ №№ VI и VIII.

XV.

Анастасія Ивановна Стрешнева—зятю своему кн. В. В. Голицыну.

«Свѣту моему государю князю Василью Васильевичю Иванова женишка Федоровича Настыка челомъ бѣуть. Здравствуй, свѣтъ мой, князь Василей Васильевичъ, на многія лѣта! Изволишь вѣдать про здоровья государя моего Ивана Федоровича: государь мой Иванъ Федоровичъ при государской милости далъ Богъ здорова. А мать твоя, государыня моя княгиня Татіана Ивановна и съ княгиней Авдотьею Ивановною, съ Алешенькою и съ Аринушкою іюля въ 12-й день далъ Богъ здоровы, и я жива по тошъ число, а впреди Богъ воленъ.

«Да пожалуй, свѣтъ мой, князь Василей Васильевичъ, пиши къ намъ про свое многолѣтнее здоровье.

«Буди тебѣ, свѣту моему, вѣдомо: на празникъ Ризы Спасовой государь пожаловалъ дву околнничихъ Андрея Чырикова да Петра Тимофѣевича Бондырева.

«Алешенька вѣдвалъ почасто (въ) верхъ.

«Писалъ ты, свѣтъ мой, про Ивана Тимирязева, что пожаловалъ велѣлъ написать за собою: и я на томъ твоємъ жалованѣ челомъ бѣю, что ты пожаловалъ такова бѣднаго человекъ! Пожалуй, свѣтъ мой, не давай ему пить и бражничать и унимай ево, наказывай ево почасту.

«А про всякія дѣла пишеть къ тебѣ мать твоя княгиня Татіана Ивановна. А потомъ тебѣ, свѣту моему, много челомъ бѣю и буди, свѣтъ мой, Богомъ границъ».

На оборотѣ: 1) «Свѣту моему государю князю Василью Васильевичю».

2) «Іюля въ 23-й день подаль грамотку Ондрей Петровъ сынъ М. дксоловъ».

XVI.

«Свѣту моему, государю князю Василью Васильевичю Иванова женишка Федоровича Настька челомъ бьетъ. Здравствуй, свѣтъ мой князь Василей Васильевичъ, на многія лѣта! Изволишь вѣдать про здоровья государя моего Ивана Федоровича: государь мой Иванъ Федоровичъ при государской милости далъ Богъ здорова. А мать твоя, государыня моя княгиня Татіана Ивановна и съ княгинею Авдотьею Ивановною, съ Алешенькою и съ Аѳанушкою іюля въ 24 день далъ Богъ здорова, и я жива по тошъ число. Пожалуй, пиши о своемъ здоровьѣ. Потомъ тебѣ, свѣту своему, много множества челомъ бью и буди, свѣтъ мой, Богомъ хранимъ!»

Пошѣта: «Іюля въ 30 день подалъ грамотку Іона Левонтьевича. ¹⁾

Сообщ. Н. Н. Оглоблинъ.

¹⁾ Эта грамотка тещи доставлена кн. Василью Васильевичу Ионою Левонтьевичемъ вмѣстѣ съ грамотками матери (№ III) и сына (№ XI). Н. О.

Реляція адмирала Апраксина о побѣдѣ надъ шведами

16-го октября 1708 г. у дер. Криворучья ¹⁾).

«Державнѣйшему великому государю царю и великому князю Петру Алексѣевичу всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцу:

Въ нынѣшнемъ 1708 г. августа 29 числа, какъ непріятель чрезъ великой огонь со многими потерянiямъ людей рѣку Неву перешедъ, пошелъ со всѣмъ корпусомъ въ Ижерскую землю, о томъ я прошедшаго сентября 1 числа къ вашему величеству въ армию писалъ, и какъ оный непріятель, приступя со всѣмъ корпусомъ къ морю, въ Сойкинскомъ погостѣ близъ деревни Криворучья здѣлалъ таржаментъ, и засѣкшись лѣсами, началъ убиратца пантонами и плотами въ корабли, а лошадей своихъ стрѣлять. Увѣдавъ я о томъ подлинно сего октября 12 числа, собрався съ 5 баталіоны пѣхоты и съ баталіономъ гранодеровъ и съ двумя тысячи драгунъ и съ выборными роты и съ казаками, отъ Нарвы за непріятелемъ пошелъ, и оставя регулярные войска, дошелъ за 7 верстъ сегожь октября 15 числа и отправилъ выборные роты и казаковъ, и приказалъ вѣсть до самого обозу, чтобъ достать знатковъ языка, которые такъ и учинили и взяли поручика. И увѣдавъ отъ того поручика, что непріятель стоитъ въ вышепомянутомъ таржаментѣ, засѣкшись лѣсами, съ 5 баталіоны, и перевозца (на корабли) непрестанно, дождавшись я ковалеріи, немедленно пошелъ, а къ пѣхотнымъ полкамъ послалъ, чтобъ послѣшали. И пришли противъ 16 числа за 3 часа до свѣта, и какъ собрались, немедленно на непріятеля пошелъ въ 8-мъ часу по полуночи, и не дошедъ мало мушкетной стрѣльбы, далъ послалъ вайтмейстера Стразбурка, съ барабанникомъ и велѣлъ сказать чтобъ сдались и штурмовать себя не дали, а ежели допустятъ штурму съ потерянiемъ нашихъ людей, то живота имъ не будетъ, на что намъ непріятель отказалъ жестоко. То я тотчасъ приказалъ къ непріятелю приступать и въ 10-мъ часу пополуночи началась баталія. И когда начали наши приближатца, то непріятель изъ таржамента жестоко по нашихъ стрѣлялъ, однакожь афицеры наши и солдаты, не смотря на непріятельскую стрѣльбу-маеоръ Грековъ съ гранодеры обшелъ до самого моря, и за ними послѣ, довали другіе баталіоны, и зашедъ водою, въ таржаментъ вошла, и непріятелей привели въ конфузiю. И побили человекъ съ 600, а другіе побѣжали въ воду и въ отводной городокъ, и тѣхъ также въ трупъ поло жили

¹⁾ Этотъ документъ, хранящійся въ московскомъ архивѣ Мин-ва Юстиціи, найденъ покойнымъ А. А. Востоковымъ. Напечатанъ здѣсь съ сохраненiемъ правописанiя подлинника.

человѣкъ съ 300, а послѣднихъ по лѣсамъ покололи и въ полонѣ поймали. При которой баталіи былъ непріятельской елотъ поставленъ въ линію, въ которомъ были два елагмана — адмиралъ и шаубейнахтъ, и по насъ стрѣляли, однакожъ намъ никакого вреда не учинили. И генераль-маюръ Либекеръ былъ въ тѣхъ часѣхъ на адмиральскомъ кораблѣ и тое нашу баталію видѣлъ. А до баталіи непріятель лошадей всѣхъ покололъ и пострѣлялъ, которыхъ положено около таржаменту больши 6000. А сколько на той баталіи отъ непріятели взято аенперовъ и другихъ чиновъ, и кто вляны, и что съ нашей стороны побито и ранено — тому при семъ посылаю реляцію, и велѣлъ подать въ розрядѣ боярину Тихону Никитичу Стрешневу съ товарищи». «Вашего величества низжайшій рабъ адмирал Апраксин» ¹⁾.

«Изъ Нарвы октября 22 дня 1708 г.»

«Реляція, что на вышепомянутой баталіи взято шведовъ въ полонѣ: маюръ Гиндрихъ — Матисъ Фонзейленберхъ, капитаны Брестьянъ-Яганъ Густавсонъ, Эргартъ-Дидрихъ Врангель, Яганъ-Фридрихъ Тентобрантъ, Гиндрихъ-Вилгелмъ Фюнбремсемъ».

Далѣе привожу извлеченія изъ «реляціи».

Кромѣ указанныхъ офицеровъ, взяты еще были «въ полонѣ»: 6 «поручиковъ», 2 «прапорщика», 2 «квартирмистра», 1 «отютантъ», «масторъ» Мартинъ Фейке) «лѣкарь» (Яганъ-Иосифъ Спринцель), затѣмъ — 16 «сержантовъ», 3 «каптенармуса», 4 «подпрапорщика», 14 «капраловъ», 4 «писаря», 3 «габонста», 5 «барабанщиковъ», 2 «пушкаря», 2 «рейтора», 77 «салдаты», 3 «правоса», 1 «капитанской служитель» и 1 «подводчикъ» (имена всѣхъ ихъ приведены въ «реляціи»).

«Всего взято въ полонѣ аенперовъ и урядниковъ и рядовыхъ 153 человекъ».

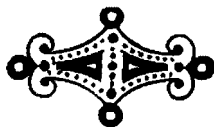
«Нашихъ побито: подполковникъ 1, маюръ 1, капитановъ 5, поручиковъ 2, урядниковъ и рядовыхъ 49; ранено: подполковникъ 1, маюръ 1, капитановъ 3, поручиковъ 7, прапорщикъ 1, урядниковъ и рядовыхъ 207. Съ баталіи не явилось 2 (человѣка). Изъ выборныхъ ротъ взяты въ полонѣ, которые посланы въ партіи: прапорщикъ 1, рядовой 1, раненъ рядовой 1». (Имена русскихъ убитыхъ и проч. не приведены).

Вся реляція писана на 6-ти листахъ. На оборотѣ листа:

1) «Великому государю царю и великому князю Петру Алексѣевичу всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержцу».

2) «1708 г. октября въ 28 день въ ночи» (т. е. получена реляція).

Сообщ. Н. Н. Оглоблинъ.

¹⁾ Послѣднія два слова — автографъ адмирала Апраксина. Н. О.

НОВГОРОДСКІЕ СЕМИНАРИСТЫ

въ XVIII-мъ вѣкѣ.

О черкѣ.

Октября 30-го 1890 года новгородская духовная семинарія торжественно отпраздновала свой юбилей. Въ этотъ день исполнилось 150 лѣтъ съ того времени, какъ Новгородская духовная семинарія, незадолго до этого, 1740 года 23-го мая, получившая, по указу блаженнаго и вѣчнодостоиннаго памяти ея императорскаго величества государыни императрицы Анны Іоанновны, штаты, имѣеть свое пребываніе въ Антоніевомъ Римлянина монастырѣ (въ двухъ верстахъ отъ Новгорода).

Жизнь семинаріи за 150 лѣтъ ея существованія представляетъ много интереснаго и поучительнаго, причемъ она распадается въ историческомъ отношеніи на двѣ части: жизнь семинаріи въ прошломъ вѣкѣ или до реформы духовно-учебныхъ заведеній 1814 года и жизнь семинаріи въ настоящемъ вѣкѣ. Извѣстно, какою строгостію, а часто жестокостію, отличалось образованіе юношества въ учебныхъ заведеніяхъ духовныхъ и свѣтскихъ даже въ первой четверти и, можно сказать, во всей первой половинѣ настоящаго столѣтія, какъ въ нихъ царило во всей силѣ тѣлесное наказаніе, какъ точно оправдывалась здѣсь русская пословица: „корень ученія горекъ“.

Въ настоящей замѣткѣ я хочу сообщить нѣсколько бытовыхъ чертъ изъ жизни новгородской семинаріи за прошлое столѣтіе въ полной увѣренности, что онѣ представляютъ собою историческій интересъ для характеристики какъ духовно-учебныхъ заведеній того времени, такъ и всей вообще общественной жизни, насколько въ этихъ чертахъ отразился духъ времени.

Въ поведеніи семинаристовъ въ прошломъ вѣкѣ существованія семинаріи отличительною чертою является грубость нравовъ, достаточно объясняемая общимъ духомъ времени. Примѣръ, когда семинаристы 10-го мая 1747 года, послѣ чрезмѣрнаго пьянства, многихъ продержавъ, своевольствъ и съ ругательствомъ и похвалбою на учителей нападковъ, сорвали даже архимандрическій крестъ съ ректора, служить довольно яркимъ доказательствомъ нравственной извѣроженности семинаристовъ того времени. Иного нравственнаго настроенія у семинаристовъ трудно и ожидать, такъ какъ въ Антоніевѣ монастырѣ были посылаемы въ семинарскую работу въ видахъ экономіи на содержаніе семинаріи всѣ духовныя лица, требующія исправленія, а такія лица естественно давали плохіе примѣры жизни, такъ какъ пьянство, драки, буйство и другіе пороки были обычными пороками духовенства того времени, какъ это видно изъ указовъ, при которыхъ присылались изъ консисторіи такія духовныя лица въ семинарскую работу. Несмотря на то, что тѣлесное наказаніе царило во всей своей силѣ, простираясь даже и на семинарскихъ служителей: ихъ и учениковъ сбѣли лозами, плетями и сковывали въ ножныя желѣза, примѣровъ всѣхъ этихъ проступковъ въ средѣ семинаристовъ очень много. Нерѣдко ученики, чтобы отдѣлаться отъ наказанія, заявляли „слово и дѣло государево“ Такъ поступилъ ученикъ философіи Петръ Мелетіевъ (въ 1748 г. „наказываемый ректоромъ за нѣкое прегрѣшеніе“. Въ 1759 году 27-го февраля, когда ректоромъ былъ за пьянство наказываемъ лозами ученикъ богословія Яковлевъ, при собраніи высшихъ школъ, то объявилъ за собою „слово и дѣло государево“. Ученикъ школы инфимы 3-го мая того-же года объявилъ за собою ложно „слово и дѣло“, а когда его собрались наказать за это лозами, то онъ снова объявилъ то-же. Такихъ учениковъ сейчасъ-же передавали въ консисторію, а та въ свѣтскую команду для отсылки въ тайную канцелярію.

Ученіе сухое, безжизненное имѣло въ себѣ слишкомъ мало привлекательнаго; суровая жизнь въ семинаріи также не могла служить приманкою, а не развитое сознаніе пользы науки какъ въ дѣтяхъ, такъ и въ родителяхъ произвело особое явленіе въ жизни семинаріи—бѣгство изъ нея. Впрочемъ, надо замѣтить, что бѣгство въ этотъ періодъ русской жизни (бирюковщина, пугачевщина, усиленные наборы) было развито не въ одной семинаріи: бѣжали крестьяне отъ помѣщиковъ, бѣжали монахи изъ монастырей, священники отъ своихъ приходовъ, служители семинарскіе отъ своихъ работъ. Напримѣръ, по сохранившимся въ семинарскомъ архивѣ промеморіямъ консисторіи, въ одномъ 1764 году сыскивались 24

человѣка монашествующихъ, бѣжавшихъ изъ разныхъ монастырей. Въ промеріяхъ обозначались ихъ примѣты, иногда довольно странныя, такъ: изъ Далматова монастыря бѣжалъ іеромонахъ Илья Іванинъ 62-хъ лѣтъ; въ числѣ примѣтъ обозначено: „кланяется съ присядкой на подобіе раскольниковъ“; изъ Троицкаго Алебѣжалъ ксандро-Невскаго монастыря іеромонахъ Дорошея, лѣтъ за 40, умѣетъ часы починивать. Въ 1746 году бѣжалъ отъ библиотеки семинарской опредѣленный для караула ея солдатъ, а въ томъ-же году 7-го іюня бѣжалъ писецъ комиссара Степанъ Дьяконовъ, двоя сутки содержавшійся подъ карауломъ за отлучки, бѣжалъ изъ-подъ караула и въ желѣзахъ. Вплоть до 1800-хъ годовъ, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ съ 1780-го года, бѣгство семинаристовъ идетъ изъ года въ годъ. Они терпѣли голодъ и холодъ, несли тяжелыя работы, лишь-бы не учиться. „Обывали черезъ патыры сутки въ Новѣ-городѣ, укрываясь дневною порою по улицамъ, а ночью по разнымъ обывательскимъ садамъ и питались милостынею“, показывали на допросѣ трое бѣжавшихъ семинаристовъ. Въ 1745 году еще ученикамъ всѣхъ школъ былъ объявленъ указъ его преосвященства „въ такой силѣ, что ежели куда кто изъ нихъ, учениковъ, съ объявленія сего указа хотя единожды побѣжать, таковой кромѣ всякаго помилованія какой-бы онъ ни былъ школы ученикъ, по жестокомъ на тѣлѣ наказаніи, прямо въ военную ея императорскаго величества службу въ матрозы отданы или вѣчно на ваторгу сосланы будутъ“. Въ исполненіи указа ученики всѣхъ школъ подписались собственноручно, но въ 1746 году по вѣдомости, представленной въ Синодъ, бѣжавшихъ было 25 человекъ. Въ 1747 году въ іюнѣ мѣсяцѣ 5 учениковъ философіи бѣжали въ Петербургъ къ его преосвященству съ жалобой на обиды, но изъ которы архіепископа Стефана они были отправлены съ паспортами обратно съ съ предписаніемъ: „за побѣгъ учинить въ домѣ его преосвященства посредѣ двора наказаніе—бить плетью нещадно, дабы впредь какъ имъ, такъ и другимъ, на то смотря, чинить было неповадно“. Въ 1754 году по вѣдомости, представленной въ синодъ изъ семинаріи, съ 1748 года въ бѣгахъ числилось 94 человекъ,—цифра значительная.

Что терпѣли бѣглецы изъ семинаріи, — это лучше всего видно изъ ихъ собственныхъ показаній, даваемыхъ ими въ семинарской конторѣ по возвращеніи изъ бѣговъ.

а) 1748 года 23-го ноября школы фары бѣжавшій въ 1746 году 20-го мая ученикъ Исая Исаевъ о побѣгѣ своемъ и прочемъ допрашиванъ, а въ допросѣ сказалъ: „Въ прошломъ 1746 г., котораго мая не помнить, изъ оной семинаріи подлинно бѣжалъ, а по сбѣгѣ изъ

семинаріи жительство имѣлъ въ разныхъ мѣстахъ: Новгородскаго уѣзда, Передольскаго погоста у пономаря Василья, а чей сынъ не знаетъ, съ іюня мѣсяца по октябрь мѣсяць, а живучи у него сына его Ивана училъ русской грамотѣ, а отъ него взять онъ помѣщикомъ Матѳеемъ Тырновымъ въ помѣстье его село Самокражу для ученія крестьянскихъ дѣтей русской грамотѣ, а отъ него пришелъ къ брату родному, дьячку церкви Николая чудотворца, что на Дворищахъ, который и объявилъ его въ семинарію префекту⁴. За побѣгъ ему, Исаю, при собраніи учениковъ, наказаніе учинено.

б) 1761 года дѣло о бѣгломъ ученикѣ Лаврентіи Іоакимовомъ который былъ взять въ 1753 году 7-го іюля въ семинарію для обученія указныхъ наукъ, въ которой находился первѣе для доученія русской грамотѣ съ годъ, а потомъ введенъ въ школу фару, въ которой обрѣтался до декабря 1754 года, откуда, не хотя учиться, бѣжалъ и пошелъ по тракту къ дому своему, останавливаясь у крестьянъ. Пришелъ къ матери и жилъ съ полгода. Мать стала просить отправить его въ духовное правленіе, тогда онъ убѣжалъ въ Нарву, гдѣ жилъ у отставнаго солдата, исполняя домашнія работы болѣе полу-года, а потомъ пошелъ во Псковъ, но его на заставахъ караульные не пустили. Онъ отправился къ дядѣ священнику, у коего завѣдомо жилъ два года, исправляя работы, но не захотѣлъ. Въ 1757 году возвратился самъ собою въ семинарію, гдѣ за побѣгъ, при собраніи учениковъ, былъ наказанъ лозами и опять определенъ въ семинарію ко ученію, токмо, не захотя учиться, въ скоромъ времени вторично изъ той семинаріи бѣжалъ и на ночлегъ попалъ къ одному помѣщику, который, узнавъ, что онъ бѣглый семинаристъ, оставилъ его у себя обучать грамотѣ слугу; у котораго помѣщика сначала для обученія грамотѣ слуги, а потомъ и для разныхъ домашнихъ работъ жилъ близъ трехъ лѣтъ до смерти помѣщика. Въ 1760-мъ году пошелъ въ С.-Петербургъ для испрошенія прощенія у его преосвященства и увольненія отъ семинаріи. Его преосвященство приказалъ быть ему въ работѣ въ его домѣ, а въ генварѣ 1761 года послалъ съ паспортомъ въ семинарію-но онъ пошелъ сначала домой, а 4-го февраля пришелъ въ семинарію. Будучи въ тѣхъ бѣгахъ, на разбояхъ и воровствахъ не бывалъ... Семинарская контора, по указу 1757 года 6-го декабря, постановила сдать его въ военную службу, а родителей и родственниковъ, державшихъ его у себя, лишить чиновъ ихъ непремѣнно. Но архіепископъ Димитрій Сѣменовъ велѣлъ ученика уволить изъ семинаріи для присканія церковническаго мѣста, а лицъ, у которыхъ онъ жилъ, оставить безъ послѣдствій.

в) 1764 г. 21-го сентября въ семинарской конторѣ допрошенъ

былъ пойманный въ бѣгахъ ученикъ русской школы Александръ Аггеевъ, который на допросѣ показалъ, что онъ 7-го марта 1763 г. взятъ былъ въ семинарію и еще въ школу фану не ходилъ, но обучался у инспектора, школы богословіи слышателя Артамона Иванова, „альвара“ и писать по-латынѣ, а за частыми отъ инспектора побоями за непонятіе имъ ученія, въ апрѣлѣ изъ семинаріи бѣжалъ. Не заходя къ отцу, пошелъ онъ къ крестьянину, жена тому на его теткѣ, гдѣ жилъ, исправляя домашнія и полевыя работы, по сентябрь, когда отецъ узнавъ, представилъ его въ контору, но онъ снова бѣжалъ и въ ноябрѣ отецъ его обратился съ прошеніемъ въ семинарскую контору, что сынъ его третій уже разъ бѣгаетъ отъ семинаріи, а ему отъ этого „волокида и разореніе“. Просить съ него не требовать болѣе сына.

г) 1767 года 20-го мая новгородской семинаріи ученикъ, сынъ священника, Козма Ефимовъ о побѣгѣ изъ семинаріи въ допросѣ сазалъ: 1761 года, въ мартѣ, взятъ для обученія въ новгородскую семинарію, но не захотѣлъ быть въ семинаріи и въ апрѣлѣ мѣсяцѣ бѣжалъ. Не живя въ Новгородѣ и не заходя домой, жителство имѣлъ у помѣщичьихъ крестьянъ въ разныхъ мѣстахъ для прошенія къ пропитанію себя милостыни полтора года, потомъ поселился у крестьянина Семена Иванова для исправленія разныхъ работъ на одинъ годъ, а чрезъ годъ пришелъ домой. Въ 1764 году явился въ консисторію и объявилъ, что бѣжалъ изъ семинаріи. Его держали подъ карауломъ и наказали лозами, а съ отца взяли денежный штрафъ, но все-таки семинариста уволили въ домъ отца, гдѣ онъ жилъ 1 годъ и 9 мѣсяцевъ. Въ 1766 году его вызвали въ консисторію и объявили, что онъ долженъ отправиться въ семинарію, но до указа отпустили домой, а онъ отправился въ Соловки и, возвратясь оттуда, не заходя домой, пошелъ въ Новгородъ. Боясь наказанія, однако, въ семинарію не пошелъ, а отправился въ Клопскій монастырь и жилъ у архимандрита Алексія въ кельѣ его завѣдомо бѣглый семинаристъ съ октября по 20-е мая, а теперъ явился въ семинарію. Семинарское правленіе до усмотрѣнія опредѣлило его въ семинарскую работу, а объ архимандритѣ представить въ консисторію для поступленія по указамъ.

Не меньшее зло въ учебной и нравственной части составляла неявка учениковъ семинаріи съ каникулъ и недоставленіе ихъ родителями въ семинарію для обученія. Епархіальной власти приходилось не только употреблять угрозы, но и облагать родителей штрафами (съ 1760 года 2 рубля со священника и 1 рубль съ діакона въ каждый мѣсяцъ просроченный), забирать ихъ и дѣтей,

не отданныхъ въ ученѣе, въ семинарскую работу. Въ сохранившейся книгѣ паспортовъ за 1761 годъ значится очень много (свыше ста) паспортовъ, выданныхъ для пріисканія церковническихкихъ мѣстъ священническимъ сыновьямъ, обрѣтающимся въ семинарской работѣ 1 годъ 7, 6, 10 мѣсяцевъ. Въ томъ-же году (1761 г.) на прошеніе объ опредѣленіи въ пономаря Полижскаго погоста священникова сына Матеея Кузьмина положена резолюція: „Понеже означенный священниковъ сынъ грамотѣ не умѣетъ, того ради, наказавъ его плетми, отослать въ семинарію для обученія грамотѣ, да и отда его по прошествіи Пасхи сыскать въ семинарію, и держать въ работѣ чрезъ полгода“. Священникъ, дѣйствительно, былъ сысканъ въ духовное правленіе и отъ погоста до погоста за каруломъ церковниковъ въ семинарскую контору посланъ, гдѣ и отбылъ полгода въ хлѣбной семинарской работѣ.

Духовныя правленія по указамъ консисторіи, вызываемымъ требованіями семинари, посылали „приставовъ“ забирать дѣтей школьнаго возраста. Такія-же порученія давались семинаристамъ высшихъ школъ при отправленіи ихъ на Рождество и Св. Пасху. Отправлялись „закащиками“ дьячки и пономари для собиранія и привода дѣтей извѣстнаго возраста. Когда однажды олонекій священникъ Григорій Ѳедоровъ донесъ, что пономари, назначенные въ провозатые священно-церковно-служительскихъ дѣтей, отказывались отъ этой обязанности, то консисторія опредѣлила наказывать ихъ плетми.

Сказки и свидѣтельства о священнослужительскихъ дѣтяхъ, подлежащихъ набору въ семинарію, ярко рисуютъ нежеланіе духовенства отдавать своихъ дѣтей въ школу. Какихъ болѣзней тутъ не выдумывалось: совершенное косноязычіе, болѣзни: и головная, и сердечная, и животная („охочъ выходить и изъ дому выпустить нельзя“), непоятіе, тупость, „такъ что въ 3 года часослову научить не могли“. Но любопытнѣе всѣхъ показаніе (1764 г.) священно-церковнослужителей Великолуцкаго уѣзда Бучичина (Бутитино?) погоста: „У священника Ивана Васильева имѣется сынъ Андрей, который въ прошедшемъ 1757 году, въ лѣтнее время, въ подцерковьѣ Живоначальныя Троицы имѣлся съ прочими малолѣтними дѣтьми для хоронушки и незнаемо отчего показалось ему ужасное привидѣніе и нѣкто въ свѣтломъ блистаніи въ тоемъ подцерковьѣ пробѣжалъ и отъ того оный священниковъ сынъ испужался и находился въ великомъ страхѣ и какъ скоро изъ-подъ церковьи выбѣжалъ, сталъ кричать и куда не подлежитъ бѣжать. отъ чего бываетъ съ того времени въ томъ страхѣ почасту и поныѣ и приходитъ въ безпамятство и робость, а паче отъ того здравіе

имѣть весьма слабое и одного оставить невозможно". Подписали 3 священника и діаконъ.

Болѣзни эти усиливались до крайней степени. Такъ, посланный для набора копистъ духовнаго правленія Григорій Даниловъ написалъ, что одинъ діаконскій сынъ, какъ въ прїѣздъ его, такъ и до того имѣлся и нынѣ имѣется въ страшной болѣзни трасавицы, въ коей лежитъ съ мѣста неисходенъ; онъ-же находится въ ослабной красушной болѣзни.

Однимъ изъ средствъ избавиться отъ семинаріи считалась женитьба и присваніе церковническаго мѣста. Одинъ изъ бѣжавшихъ изъ семинаріи оказался по розыску 5 лѣтъ женатымъ и во время розысковъ „сошелъ для присванія церковническаго мѣста въ епархію его преосвященства“.

Въ 1761 году семинарская контора слушала доношеніе игумена Ниловской пустыни Амвросія, что одинъ изъ подлежащихъ къ высылкѣ въ семинарію священника Василя Федорова сынъ Пѣтръ женатъ въ 1758 году, будучи 13 лѣтъ.

Въ 1768 году женились 4 семинариста, отпущенные по домамъ на вакаціи и по разнымъ благословнымъ причинамъ. Что „оженіваніе“ для избѣжанія семинаріи было въ ходу, доказываютъ распоряженія епархіальной власти. 1753 года 17-го марта преосвященнымъ Стефаномъ архіепископомъ новгородскимъ таковыхъ священноцерковничьихъ дѣтей, подъ лишеніемъ давшихъ вѣчныя памяти и вѣнчавшихъ священства, вѣнчать было запрещено. Въ 1759 году, 15-го мая, преосвященнымъ Димитріемъ на разсужденіе семинарской конторы, что „многіе священнослужители дѣтей своихъ въ семинарію быть годныхъ для отбывательства отъ семинаріи ожениваютъ“, велѣно „священноцерковнослужителямъ таковыхъ дѣтей своихъ не женить, въ чемъ священноцерковнослужителейъ подъ опредѣленіемъ за преступленіе въ тяжкія монастырскія работы на трилѣтнее время обязать подписками“.

Но не надо думать, что семинарія тогдашняя была страшна для всѣхъ ея питомцевъ. Среди этой неприглядной школьной обстановки являются истинные любители науки. Примѣръ такой любви къ наукѣ и семинаріи мы встрѣчаемъ въ священническомъ сынѣ Онисимѣ Осиповѣ, который, по окончаніи „четверогоднаго теченія“ въ богословіи былъ уволенъ съ аттестатомъ для присванія честнаго мѣста. Этотъ молодой человекъ, 30-ти лѣтъ, пробывшій 14 лѣтъ въ семинаріи, прошеніемъ къ его преосвященству объявилъ:

„Сего-де текущаго 1766 года минувшаго іюля 17-го дня по милостивой его преосвященства объ увольненіи учениковъ, окон-

чавшихъ богословскій курсусъ, резолюціи получилъ, я проситель, яко произошедшій обыкновенныя семинарскія указныя науки, увольнительный отъ школъ апшитъ, но понеже я, да не будетъ зазрѣніе слову, молюся ненасытнымъ къ предюманутымъ наукамъ содержимъ желаніемъ, а наипаче къ поученію во священной богословіи и ея многополезнѣйшихъ рѣшеніяхъ и разумѣніяхъ, какъ можетъ несовершеннѣе въ ня проникнуть немощъ человѣческая и къ вѣщному навывковенію языковъ греческаго, нѣмецкаго и самаго еврейскаго, аще уже и тако въ реченныхъ наукахъ, яко въ истомъ законѣ Господни по смотрительной Божіей милости, сколько къ понесенію школьныхъ трудовъ не мѣшала немощъ человѣческая, поучился я, но оное въ наукахъ мое поученіе — Богу и его преосвященству благодареніе — послужило мнѣ точію къ вѣщному возбужденію нѣкія во мнѣ ревнивѣйшей охоты къ вышшимъ и вышшимъ въ любомудріи восхожденіямъ, но не успѣшило къ подобающему удовольствію желаній моихъ, и прошу я, дабы на оное мое желаніе благоволить учинить архипастырское благоразсмотрѣніе и на предюманутыя священныя богословіи и реченныхъ языковъ школы повторительнаго хожденія милостивѣйшее дозволеніе“.

Я привелъ цѣликомъ это прошеніе, характерное и по содержанию, и по изложенію, и по языку..

Резолюціею его преосвященства велѣно: „Означенному бывому ученику Онисиму Осипову, по желанію его въ семинаріи его преосвященства священную богословію слушать и показанныхъ въ прошеніи языковъ обучаться на казенномъ коштѣ, а велю ему въ той семинаріи отвѣсть особливую“. Этотъ Онисимъ Осиповъ уволенъ изъ семинаріи съ апшитомъ, въ которомъ прописано, „что священную богословію онъ слушалъ по собственному его произволенію чрезъ шесть лѣтъ“.

В. С—ъ.

КЪ ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕНЗУРЫ

1861—1862 гг.

Натнадцатаго апрѣля 1858 г. состоялось повелѣнiе „о недопущенiи къ напечатанiю сочиненiй и журнальныхъ статей, въ которыхъ будетъ излагаться мнѣнiе о принадлежащемъ, будто-бы, помѣщичьимъ крестьянамъ правѣ собственности на землю владѣльцевъ, которую они пользуются“. Затѣмъ уже въ началѣ 1862 г. обращено вниманiе на то, что въ периодическихъ изданiяхъ все-таки появляются статьи, „въ которыхъ, на основанiи, будто бы, историческихъ разслѣдованiй, высказывается мысль, что нынѣшнiя помѣщичьи земли нѣкогда принадлежали и должны-бы принадлежать крестьянамъ, и изъ этого выводятся заключенiя, несогласныя съ сущностью высочайше утвержденныхъ 19-го февраля 1861 г. Положенiй и истекающихъ изъ нихъ правительственныхъ распоряженiй. Такъ какъ заявленiе и развитiе такой мысли, съ одной стороны, распространяя ложныя понятiя въ умахъ крестьянъ, а съ другой—раздражая помѣщиковъ поколебанiемъ идей о правахъ ихъ собственности, можетъ препятствовать успѣшному ходу развязки взаимныхъ отношенiй между обоими сословiями, составляющей нынѣ (1862 г.) одну изъ главнѣйшихъ задачъ“, то министерство внутреннихъ дѣлъ сносило съ министерствомъ народнаго просвѣщенiя о томъ: не слѣдуетъ-ли дать соотвѣтственныя указанiя цензурному вѣдомству о недопущенiи въ печати статей, въ которыхъ высказываются мысли и выводы „о принадлежности, будто-бы, по историческому праву, помѣщичьей земли крестьянамъ“. Управляющiй министерствомъ народнаго просвѣще-

ніа, вслѣдствіе этого, входилъ со всеподданнѣйшимъ докладомъ и по высочайшей волѣ предложилъ цензурнымъ комитетамъ: 1) чтобы въ газетахъ и литературныхъ журналахъ не допускалось вовсе статей о правѣ, будто-бы, собственности крестьянъ на землю, состоящую только въ ихъ пользованіи, и 2) чтобы въ книгахъ и чисто ученыхъ периодическихъ изданіяхъ подобныя статьи дозволялись не иначе, какъ ученыя разсужденія.

Въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“ напечатана была статья мирового посредника Одесскаго уѣзда Албранда „Образчикъ рѣшенія одного изъ вопросовъ по крестьянскому дѣлу“, заключающая въ себѣ порицаніе постановленія губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, относительно требованія повинностей въ пользу помѣщиковъ съ временно обязанныхъ крестьянъ, наѣленныхъ одною только усадебною землею.

Найдено было неудобнымъ печатаніе въ газетахъ такого рода протестовъ со стороны мировыхъ посредниковъ на рѣшенія губернскихъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій, почему и сдѣлано было распоряженіе о недопущеніи, на будущее время къ печатанію подобныхъ статей.

Въ 85 номерѣ газеты „Сѣверная Пчела“ напечатанъ былъ протестъ редактору „Военнаго Сборника“ отъ 106 офицеровъ, съ изъясненіемъ неудовольствія за напечатаніе въ журналѣ статьи „Кавалерійскіе очерки“, заключающей въ себѣ, между прочимъ, защиту тѣлесныхъ наказаній въ войскахъ.

Протестъ этотъ со стороны 106 офицеровъ военный министръ призналъ несогласнымъ съ порядкомъ службы и требованіями дисциплины и закона, воспрещающаго всякое дѣйствіе скопомъ или заговоромъ.

Того-же числа напечатана была въ № 69 „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ корреспонденція изъ Варшавы, въ которой нѣкто Алексѣй Телятниковъ, отъ имени всего общества офицеровъ западнаго инженернаго округа, просилъ редакторовъ газеты стать посредниками между ними и студентами и увѣдомить: къ кому могутъ быть посланы деньги, собранныя офицерами по подпискѣ для вспомошествованія бѣднымъ студентамъ. По этому поводу военный министръ обратилъ вниманіе на то, что Телятниковъ въ служебномъ порядкѣ не можетъ представлять собою общества офицеровъ западнаго инженернаго округа и отъ имени всѣхъ офицеровъ просить редактора газеты о посредничествѣ между ними и студентами, ибо собранныя деньги могли быть отправлены по назначенію чрезъ начальство, вслѣдствіе чего состоялось общее распо-

риженіе, чтобы редакторы газетъ и журналовъ „не помѣщали въ нихъ протестовъ и писемъ, присылаемыхъ обществами офицеровъ или отъ имени всего общества“.

Въ газетѣ „Сѣверная Пчела“ отъ 1-го апрѣля, за № 88, въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Уѣздныя сберегательныя кассы“, при указаніи на затруднительныя вообще для нашего народа формальности при сношеніи съ правительственными учрежденіями, сказано было, между прочимъ, слѣдующее: „услужливое посредничество является въ видѣ страшнаго для мужика чиновника. Извѣстно, что намъ легче получить письмо съ мыса Доброй Надежды, чѣмъ крестьянину въ деревнѣ получить вѣсточку изъ ближайшаго города. Чиновникъ—гроза для народа и г. Лугининъ совершенно основательно видитъ въ немъ помѣху всякому доброму начинанію“. За тѣмъ: „онъ (крестьянинъ) и принужденъ отъ придирокъ чиновничьихъ откупаться“. Далѣе, говоря о пользѣ уѣздныхъ сберегательныхъ кассъ, указывалось на легкость и скорость въ выдачѣ изъ оныхъ денегъ или билетовъ „безъ чиновничьихъ прижимокъ и проволочекъ, нынѣ встрѣчаемыхъ въ казначействахъ“.

Всѣ отмѣченныя выраженія признаны были неумѣстными „по тому уваженію, что въ нихъ заключается безразличное обвиненіе цѣлаго сословія и возбужденіе къ оному ненависти и неуваженія народа“.

Въ № 94 газеты „Сѣверная Пчела“ перепечатана была изъ газеты „Промышленность“ статья, подъ заглавіемъ: „О выкупномъ положеніи. Записка, читанная въ С.-Петербургскомъ чрезвычайномъ губернскомъ собраніи, въ январѣ 1862 г. М. Павловичъ“.

Эта статья или записка заключала въ себѣ, какъ нашло министерство внутреннихъ дѣлъ, „самыя рѣзкіе отзывы о высочайше утвержденномъ Положеніи 19 февраля 1861 г.“. Такъ въ ней говорилось, между прочимъ, что Положеніемъ разъединены права собственности, что неопредѣлительность его правилъ и сохраненіе обязательныхъ отношеній крестьянъ къ владѣльцамъ должны были естественно повести къ недоброжелательству и разъединенію сословій; что необходимо положить конецъ неопредѣлительности имущественныхъ правъ; что выкупъ на предложенныхъ выкупнымъ положеніемъ основаніяхъ неосуществимъ и взаимное соглашеніе помѣщиковъ съ крестьянами невозможно; что основанія выкупнаго положенія несправедливы“ и т. п.

Въ виду этого, министерство признало статью эту прямо направленною „противъ существующаго и дѣйствующаго закона“, вслѣдствіе чего она должна была быть подведена общемою цензурою

„подъ разрядъ сомнительныхъ, о которыхъ слѣдуетъ испрашивать мнѣнія подлежащаго вѣдомства“, причемъ статья эта подлежала-бы запрещенію, „потому что въ ней не только обсуждается, но положительно порицается только-что изданный весьма важный государственный законъ и доказывается его несправедливость, неосновательность и неосуществимость, въ самое критическое время, когда онъ приводится въ исполненіе и когда слѣдовало-бы стараться всѣми мѣрами не затруднять, а облегчать примѣненіе его на дѣлѣ. Если упомянутая записка и была прочтена въ сословномъ собраніи, имѣвшемъ право обсуждать свои интересы съ своей точки зрѣнія, то ее никакъ не слѣдовало допускать въ печати для публики“.

Въ № 96-мъ „Сѣверной Пчелы“ былъ помѣщенъ, въ передовой статьѣ, разборъ отчета министерства юстиціи за 1860 г., въ которомъ авторъ, „большою частью бездоказательно и голословно, и притомъ въ самыхъ неприличныхъ и желчныхъ выраженіяхъ“, обвинялъ нашу юстицію въ крайнихъ злоупотребленіяхъ, а приводимые изъ отчета факты подвергалъ „отчасти несправедливой критикѣ, оскорбительной для судебныхъ мѣстъ и нарушающей уваженіе къ нимъ и вообще къ нашимъ законамъ по судебной части“. Предпосылая общее сужденіе о томъ, что юстиція, допускающая незаконные поборы, „не стоитъ ни гроша, только развращаетъ народъ, растлѣваетъ нравы“ и т. д., авторъ, по мнѣнію министра юстиціи, „очевидно, мѣтилъ на нашу юстицію, потому что далѣе приписываетъ ей именно тѣ злоупотребленія, которыя заслуживали-бы подобнаго порицанія, и признаетъ нашу систему правосудія никуда не годною; хотя авторъ и утѣшается предстоящимъ скорѣе преобразованіемъ нашего судопроизводства, но это скорѣе усиливаетъ, чѣмъ ослабляетъ ѣдкое поруганіе вообще настоящаго судебного устройства и въ особенности служащихъ по этой части“. Министръ юстиціи нашелъ неумѣстнымъ допущеніе въ печати „и особенно въ весьма распространенной газетѣ, статьи, наполненной бранью и клеветою на наши судебныя учрежденія“.

Въ № 105 „Сѣверной Пчелы“ помѣщена была статья, за подписью Дмитрія Телепнева, подъ заглавіемъ: „Провинціальная хроника“. Въ этой статьѣ описывались злоупотребленія и продѣлки предсѣдателя к—ой уголовной палаты П. А. С—ва, брата его А. А. С—ва, бывшаго прежде въ К. уѣздѣ земскимъ исправникомъ, а затѣмъ состоявшаго судебнымъ слѣдователемъ въ городѣ К—мѣ, становаго пристава К. уѣзда Н—ра, к—го губернскаго правленія и судебныхъ мѣстъ той-же губерніи. Авторъ утверждалъ своею подписью вѣрность изложенныхъ имъ фактовъ и грозилъ

чиновникамъ, что не оставитъ ихъ дѣйствию безъ вниманія и будетъ сообщать ихъ во всеобщее свѣдѣнiе.

Министерство внутреннихъ дѣлъ полагало, что статьи этой въ настоящемъ ея видѣ не слѣдовало-бы допустить въ печати, потому что въ ней „слишкомъ явственно обозначены лица, обвиняемыя въ злоупотребленiяхъ, и притомъ подвергаются горькой укоризнѣ правительственныхъ учрежденiя“.

Въ № 12 „Акціонера“, въ статьѣ подъ заглавiемъ: „О нашихъ средне-азиатскихъ дѣлахъ“, В. В. Григорьевъ, привелъ нѣсколько фактовъ неудавшагося, будто-бы, поселенiя русскихъ на низовьяхъ Сыра, заключалъ: „теперь уже дѣло испорчено, а дѣтъ тому десять назадъ, несмотря на всѣ неудобства, можно еще было колонизировать Сыръ людьми русской крови. Надо только было приняться не казеннымъ образомъ, а какимъ именно—мы указали; но планъ нашъ не былъ принятъ, какъ несообразный съ господствовавшими тогда, а и теперь еще господствующими, административными понятiями“. Далѣе авторъ объяснялъ, что „удержанiе въ покорности Коканскаго ханства, въ случаѣ завоеванiя его, стоило-бы огромныхъ издержекъ, которыя и падутъ всею своею тяжестью на чисто русскiя области, и безъ того отдувающiяся за всѣ финансово-филантропическiя затѣи нашихъ бюрократовъ“; и что онъ пишетъ это „въ поученiе, между прочимъ, и нѣкоторымъ военнымъ людямъ, которые, въ стремленiи захватить чиновъ и украситься разною кавалерiею, весьма не прочь втянуть правительство въ кровавое и совершенно бесполезное дѣло завоеванiя Ташкента“.

Цензору поставлено было на видъ, что означенныхъ выраженiй не слѣдовало-бы допускать въ печати „по тому уваженiю, что они заключаютъ въ себѣ укоръ частью правительственнымъ лицамъ“.

Въ „Виленскомъ Вѣстникѣ“, 10-го марта 1862 г., помѣщенъ былъ цѣликомъ, въ переводѣ на польскомъ языкѣ, отвѣтъ графа Росселя лорду Карнарвону, въ засѣданiи верхней палаты о положенiи дѣлъ въ Польшѣ. Въ отвѣтѣ этомъ, между прочимъ, графъ Россель, говоря о гимназахъ, пѣтыхъ поляками въ Варшавѣ по церквамъ, выразился, что гимны эти возвышаютъ народный духъ, воспаляютъ поляковъ къ сохраненiю знамени народности, выражаютъ тоскливое ожиданiе той минуты, въ которую пробьетъ часъ независимости. При этомъ ораторъ неодобрительно отозвался о дѣйствияхъ варшавскаго правительства противъ возмутительныхъ манифестацiй, выразившихся въ Варшавѣ въ уличныхъ скопищахъ и въ пѣнiи гимновъ по церквамъ, прибавивъ, что дѣствiя эти имѣли пагубныя послѣдствiя, усилили и возвысили народный духъ

(поляковъ), и объяснилъ, по дошедшимъ до него слухамъ, о какихъ-то совѣтахъ маркиза Велепольскаго русскому правительству, относительно учрежденія въ Царствѣ Польскомъ національнаго гражданскаго управленія, выразивъ, въ заключеніе, надежду, что въ недалекомъ будущемъ поданный Велепольскимъ совѣтъ будетъ услышанъ.

Допущеніе такихъ извѣстій въ печати, особенно на польскомъ языкѣ, признано было неудобнымъ, потому что они заключаютъ въ себѣ такіа подробности, „которыя могутъ только еще болѣе развивать и усиливать въ читателяхъ раздраженіе, къ сожалѣнію и безъ того существующее, и повести къ возбужденію неосновательныхъ надеждъ на измѣненіе существующаго порядка“.

Въ концѣ апрѣля 1862 г. министерство внутреннихъ дѣлъ обратило вниманіе, что въ № 15 „Русскаго Міра“, въ одной изъ статей говорилось о (плохомъ поведеніи)тринадцатилѣтняго юноши Петра II. Въ подтвержденіе этого факта авторъ статьи ссылаясь на сочиненіе, тогда едва-ли кому доступное въ Россіи, именно: „La cour de la Russie il y a cent ans“. Вслѣдствіе того цензору было поставлено на видъ, что уже самый фактъ и цитата должны были обратить вниманіе его на эту статью, тѣмъ болѣе въ виду повелѣнія отъ 8-го марта 1860 года, въ коемъ сказано: „а какъ въ цензурномъ уставѣ нѣтъ особенной статьи, которая-бы положительно воспрепятствовала распространеніе извѣстій неосновательныхъ и по существу своему неприличныхъ къ разглашенію о жизни августѣйшихъ особъ царствующаго дома, уже скончавшихся и принадлежащихъ исторіи, то, съ одной стороны, чтобы подобныя извѣстія не могли приносить вреда, а съ другой, дабы не стѣснять отечественную исторію въ ея развитіи—періодомъ, до котораго не должны доходить подобныя извѣстія, принять конецъ царствованія Петра Великаго“.

Въ № 14 „Гудка“ помѣщенъ былъ подъ заглавіемъ „Берточка и шалунъ“, „возмущающій душу“ рассказъ дворовой дѣвки о наказаніи ея розгами помѣщицею, за неисполненіе приказанія ея по надзору за двумя ея комнатными собаками.

Подлежащее вѣдомство признало, что пока еще не окончены отношенія дворовыхъ людей къ своимъ господамъ, необходимо воздержаться отъ такихъ рассказовъ „и постыдныхъ, по своему безнравственному содержанію, и возбуждающихъ еще болѣе неостышную вражду новаго возникающаго сословія противъ ихъ прежнихъ владѣльцевъ“.

Въ февральской книжкѣ „Современника“ помѣщена была статья подъ заглавіемъ: „Уравненіе поземельнаго налога“. Весь смыслъ

этой статьи заключался въ томъ, что „вопросъ объ уравненіи налога ставивается съ вопросомъ объ уравненіи доходовъ и здѣсь достигается геркулесовскихъ столбовъ европейской практики“... Развивая во всей статьѣ эту основную мысль, авторъ ставилъ уравненіе налоговъ въ исключительную зависимость отъ уравненія доходовъ и, не находя этой аксіомы въ нашей финансовой системѣ, заключалъ о невозможности справедливаго распредѣленія налоговъ въ нашемъ отечествѣ, доказывая, что сельская промышленность и жизнь остаются у насъ закрѣпощенными, такъ какъ въ казну вносится вся получаемая крестьянами рента. Естественнымъ послѣдствіемъ такого порядка вещей представлялась, по мнѣнію автора, совершенная невозможность выкупа полевыхъ угодій. Авторъ заканчивалъ свою статью словами: „все, что можетъ уплатить земля, уплачивается ею въ фискъ косвенными налогами, болѣе взыскивать нечего“.

По поводу этой статьи министерство нашло, что „распространеніе въ печати противогосударственной теоріи социализма о необходимости уравненія доходовъ колеблетъ неприкосновенность правъ гражданской собственности, свято охраняемой нашими законами, что эта теорія примѣняется въ статьѣ г. NN непосредственно къ нашей финансовой системѣ, и что авторъ взводитъ на правительство бездоказательное и несправедливое обвиненіе въ поглощеніи фискомъ всего поземельнаго дохода крестьянъ, возбуждая съ тѣмъ вмѣстѣ преграды къ поощряемому правительствомъ выкупу полевыхъ угодій“. Почему статья г. NN., противная, по точному смыслу 3 ст. цензурнаго устава п. 6. кореннымъ государственнымъ постановленіямъ, подлежала въ полномъ своемъ составѣ запрещенію цензуры“.

Въ 3-й книжкѣ „Современника“ помѣщены были двѣ статьи, относящіяся до предположеннаго тогда преобразованія цензуры: 1) Письмо по дѣлу преобразованія цензуры („Соврем. обзорѣе“, стр. 59) и 2) французскіе законы по дѣламъ книгопечатанія, Чернышевскаго. Обѣ статьи, по увѣренію авторовъ, написаны были вслѣдствіе объявленія высочайше учрежденной для этого комиссіи, приглашающей литературу къ участию въ уясненіи возникающихъ вопросовъ по сему предмету.

Въ 1-й статьѣ обратило на себя вниманіе министерства одно мѣсто, гдѣ высказана была мысль объ освобожденіи отъ всякой отвѣтственности авторовъ „по довольно странному предположенію“, что они, во время сочиненія, логическою послѣдовательностію мысли, могутъ быть увлечены за предѣлы, указанныя распоряженіемъ правительства.

Во второй статьѣ, „послѣ чрезвычайно натянутой попытки доказать, что книгопечатаніе, какъ и всякое другое ремесло, можетъ вообще обойтись безъ специальныхъ законовъ и управляться однимъ общими“, авторъ находилъ, что для тѣхъ государствъ, гдѣ эта специальность признавалась-бы нужною, французское законодательство представляетъ самый полный примѣръ. Поэтому въ статью свою онъ включилъ въ переводѣ текстъ важнѣйшихъ постановленій, изданныхъ тамъ съ 1814 года по 1862 г. За текстомъ слѣдовалъ подробный разборъ этихъ законовъ по эпохамъ ихъ изданія и по современнымъ видамъ и нуждамъ важдаго изъ правленій, смѣнившихся въ этомъ періодѣ времени во Франціи. Разборъ этотъ составлялъ рядъ комментариевъ, довольно искусно подобранныхъ къ основной мысли автора, заключающейся въ томъ, что къ каждому изъ различныхъ правленій Франціи (кромѣ республики, когда не было цензуры), общественное мнѣніе было противно, что къ каждому изъ нихъ большинство народа питало враждебное чувство и что поэтому каждое имѣло необходимость стѣснять все болѣе и болѣе выраженіе общественной мысли“.

Прийдя къ этому общему выводу, авторъ оправдывался, что не будетъ разбирать теперь вопроса: до какой степени нужны были-бы у насъ спеціальныя законы по дѣламъ печати, и оканчивалъ такъ: мы опасаемся, что добросовѣстное изслѣдованіе привело-бы насъ къ отвѣту: „да, они нужны“.

По соображеніи этого съ предъидущимъ выходило, что цензура у насъ нужна будто-бы для того, чтобы не давать высказываться общественному мнѣнію, неблагоприятному будто-бы для правительства. Въ такомъ смыслѣ статья эта была понята въ подлежащемъ вѣдомствѣ, причемъ послѣднее усмотрѣло еще въ помѣщенной въ томъ-же номерѣ „Современника“, „какъ-бы приуготовительную къ общему заключенію“ статью: „Журналистика во Франціи во время консульства и имперіи“, гдѣ подробно и „въ рѣзкихъ чертахъ“ описаны мѣры, которыя принималъ Наполеонъ I къ подавленію всякаго выраженія общественной мысли, и выказана безуспѣшность этихъ мѣръ и пагубныя ихъ послѣдствія для него-же самого. Всѣ эти статьи, какъ усмотрѣло министерство, „взаимно объясняются и дополняются, и въ одной, именно въ статьѣ о журналистикѣ, можно было сказать, и сказано много такого, что въ двухъ другихъ не было-бы пропущено; связь, существующая между ними, ведетъ къ заключенію, что сопоставленіе ихъ въ одномъ номерѣ не есть дѣло случайности“. При этомъ обращено было также вниманіе, что авторъ послѣдней статьи сгруппировалъ и выказалъ такія стороны

французской исторіи, которыя весьма близко подходили къ современнымъ обстоятельствамъ Россіи, и, представляя ихъ болѣе или менѣе въ неблагопріятномъ свѣтѣ, „возбуждалъ такимъ образомъ въ читателей чувства неудовольствія и духъ порицанія прямо противу нашихъ правительственныхъ дѣйствій“. По этимъ соображеніямъ было признано, что развитая въ упомянутыхъ статьяхъ „Современника“ общая мысль „очевидно имѣетъ въ виду выставить въ невыгодномъ свѣтѣ ту цѣль, какую имѣетъ правительство въ виду, предполагая издать новыя постановленія о цензурѣ, и можетъ заранѣе поселить въ читателей предубѣжденіе противу мѣръ, какія будутъ приняты въ этомъ отношеніи, и если не выраженіе, то мысль и направленіе означенныхъ статей противны нинѣ дѣйствующимъ цензурнымъ постановленіямъ“. По поводу всѣхъ этихъ цензурныхъ упущеній статсъ-секретарь А. В. Головинъ велѣлъ объявить цензорамъ, что „повтореніе подобныхъ случаевъ подвергнетъ ихъ отвѣтственности, такъ какъ многія изъ замѣченныхъ упущеній весьма важны“.

Въ 85 номерѣ „Биржевыхъ Вѣдомостей“, подъ рубрикою „Изъ Москвы“, перепечатана была статья изъ „Акціонера“, въ которой наше безденежье приписывалось неповоротливости, неловкости и тяжелой, излишней формальности въ характерѣ государственнаго банка и его конторъ, да и не одного его, а всѣхъ вообще нашихъ финансовыхъ учреждений, гдѣ приходится мѣнять, получать и платить деньги. Нѣсколько примѣровъ такой формальности, даже злоупотребленій, какъ напримѣръ, объявленіе, что разнѣна на серебро нѣтъ, а знакомые мѣнялы получаютъ сотни мѣшковъ, какъ будто доказывали правильность произнесеннаго приговора надъ нашимъ государственнымъ банкомъ и его конторами.

Министерство финансовъ нашло, что такая статья въ „Акціонерѣ“ и перепечатка ея безъ опроверженія въ „Биржевой Газетѣ“, официальной для всѣхъ торговыхъ дѣятелей, „роняетъ авторитетъ государственнаго учрежденія. Финансовое вѣдомство само вызывало писателей на критику только своихъ проектовъ, но не законнаго хода уже дѣйствующихъ постановленій“. А такъ какъ циркуляромъ отъ 27-го августа 1861 года предписано было: не допускать къ печати статей по тѣмъ изъ государственныхъ вопросовъ, которые уже поступили на разсмотрѣніе высшихъ государственныхъ учреждений или получили окончательное разрѣшеніе, то министерство финансовъ сообщило объ этой статьѣ министерству народнаго просвѣщенія.

Въ № 15 „Искры“, въ отдѣлѣ подъ заглавіемъ: „Искорки“,

напечатанъ былъ циркуляръ попечителя виленскаго учебнаго округа князя Ширинскаго-Шихматова, съ надписью: „Замѣчательный циркуляръ“. Въ концѣ статьи сдѣлано было слѣдующее замѣчаніе: „Вамъ нравится этотъ циркуляръ? Намъ очень нравится, потому что мы вообще шуму и огласки не любимъ“. Въ этомъ усмотрѣнъ былъ прямой намекъ на то, что правительственныя лица у насъ не любятъ, будто-бы, огласки своихъ распоряженій, и очевидная насмѣшка надъ циркуляромъ виленскаго попечителя; даже отдѣлъ „Искорки“ ясно показываетъ намѣреніе редакціи „Искры“ поглотиться надъ официальной бумагою.

Въ № 88 газеты „S.-Petersburger Zeitung“, въ статьѣ подъ заглавіемъ: „Censur und Universität“, подвергнуты были осужденію дѣйствія почтовой цензуры. „Цензура эта, по отзыву той статьи, до сего времени дѣйствуетъ, будто-бы, съ невѣроятною грубостію. вмѣсто того, чтобы покрывать запрещенныя мѣста извѣстными черными пятнами, вырѣзываютъ цѣлыя страницы, не обращая вниманія на то, что на нихъ находится начало или конецъ другихъ невинныхъ статей. Такимъ образомъ, по высокому брѣю или небрежности, портятъ и то, что дозволено“.

Столь рѣзкій отзывъ о почтовой цензурѣ признанъ былъ совершенно неумѣстнымъ въ печати.

Въ № 16 „Русскаго Міра“ помѣщено было продолженіе романа Виктора Гюго „Отверженные“. Въ этомъ отрывкѣ, въ разговорѣ сенатора и епископа, усмотрѣно было развитіе основныхъ мыслей матеріализма въ слѣдующихъ, между прочимъ, словахъ: „Человѣкъ—это угорь. Такъ, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ вамъ Отца Небеснаго? Господинъ епископъ, гипотеза Іеговы меня утомляетъ. Она годна лишь на то, чтобы производить людей слабыхъ, которые мыслятъ тупо. Долой его, это великое все, оно мнѣ надоѣдаетъ. Да здравствуетъ ничего, оно меня оставляетъ въ покоѣ. Признаюсь вамъ, какъ пастырю, у меня вѣдь есть здравый смыслъ. Я не восторгаюсь вашимъ ученіемъ, которое на всѣхъ перекресткахъ проповѣдуетъ самоотреченіе и самопожертвованіе. Совѣтъ чисто скупца и нищаго. Отреченіе—зачѣмъ оно? Самопожертвованіе—къ чему?... Домовымъ пугаютъ дѣтей, а Іеговой—взрослыхъ. Нѣтъ, наше завтра есть потьма. За могилою только и есть, что одно небытіе, равное для всѣхъ... Имъ (нищимъ, пролетаріямъ) даютъ глотать всѣ подобныя легенды, химеры, какъ душа, безсмертіе, рай, звѣзды; они жуютъ ихъ, посыпая яя свой черствый хлѣбъ. Ваше ученіе годно лишь для массъ“.

Въ этихъ цитатахъ признано было „опопулизованіе идеи мате-

риализма, уступающее только одному роману Евгения Сю: *Mystères du peuple*, который вреднѣ всѣхъ атеистическихъ сочиненій Штрауса и другихъ, и запрещенъ во Франціи и Германіи“. Особенное вниманіе статсъ-секретаря Валуева обратила на себя бесѣда епископа съ умирающимъ революціонеромъ, „вотировавшимъ смерть тирана невѣжества“... „Такое пренебреженіе господствующихъ началъ всякаго благоустроеннаго общества въ романѣ Гюго должно было обратить вниманіе цензора. Здѣсь ясно выказывается одностороннее стремленіе автора-демократа подорвать религію и монархію, что противорѣчитъ основнымъ положеніямъ нашей цензуры“.

Цензору, допустившему къ печати указанный отрывокъ, объявленъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія выговоръ.

Въ № 14 „Гудка“, подъ рубрикою Погудки, помѣщенъ былъ рассказъ о пріѣздѣ въ г. Ветлугу одного изъ ученыхъ, и о томъ, что вслѣдствіе рекомендаціи губернскаго начальства оказывать пріѣзжему вѣжливость и содѣйствіе въ его нуждахъ, мѣстные уѣздные чины исполнили такое приказаніе начальства тѣмъ, что явились къ пріѣзжему въ мундирахъ. Министерство нашло, что такого рассказа вовсе не слѣдовало допускать въ печати, „по тому уваженію, что онъ не имѣетъ въ виду никакой другой цѣли, кромѣ публичной насмѣшки надъ лицами служащими, съ указаніемъ даже мѣста служенія ихъ, отчего насмѣшка становится еще болѣе оскорбительною для тѣхъ, противъ кого направлена“.

Въ „Сѣверной Пчелѣ“ отъ 1-го мая, въ перепечатанной изъ „Самарскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ статьѣ подъ заглавіемъ: „Самарская пристань“, авторъ, рассказавъ объ убыткахъ, причиненныхъ судохозяевамъ ледоходомъ на рѣкѣ Самарѣ, и, упомянувъ о предположенномъ мѣстнымъ начальствомъ устройствѣ рѣчной пристани на этой рѣкѣ, продолжалъ: „были составлены на мѣстѣ изысканія и проектъ и представлены куда слѣдуетъ; но въ главномъ управленіи, говорятъ, нашли какія-то препятствія. Вотъ завидное положеніе нашей внутренней торговли! Одно и то-же дѣло на мѣстѣ занимаетъ всѣхъ, и администрацію, и сторону, заинтересованную, занимаетъ понятно почему: нужды на глазахъ, ихъ настоятельность очевидна, мертвая бумага и расчеты самолюбій еще не коснулись своимъ тлетворнымъ духомъ... но коль скоро дѣло перешло на бумагу, исчезаетъ понемногу, со всею дѣйствительностію красокъ, и ожидаемая надежда“.

Въ этихъ словахъ усмотрѣно было „указаніе на вредъ нашего дѣлопроизводства и нареканіе на главное управленіе путей сообщенія и публичныхъ зданій въ остановкѣ будто-бы удовлетворенія

неотлагательныхъ мѣстныхъ нуждъ, и въ помѣхъ внутренней торговлѣ съ намекомъ, что это дѣлается изъ какихъ-то расчетовъ самодлюбія“.

Цензору поставлено было на видъ, что „подобныя статьи подрываютъ довѣріе въ правительственнымъ учрежденіямъ“.

Въ „Сѣверной Пчелѣ“, отъ 7 мая, въ передовой статьѣ, перепечатано было изъ „Псковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей“ постановленіе тамошняго губернскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутствія по просьбѣ четырехъ временно-обязанныхъ крестьянъ имѣнія помѣщика Лопухина, ходатайствовавшихъ о возвратѣ внесенныхъ ими въ вотчинную контору денежныхъ суммъ, взамѣнъ поставки съ ихъ семействъ рекрутъ, или о выдачѣ зачетныхъ для семействъ ихъ рекрутскихъ квитанцій. Губернскимъ присутствіемъ отказано было въ удовлетвореніи этого ходатайства крестьянъ, на томъ основаніи, что, за силою 2 примѣч. къ 24 ст. Общ. Пол. бывшимъ помѣщичьимъ крестьянамъ воспрещены иски и тяжбы по такимъ дѣйствіямъ и распоряженіямъ помѣщиковъ, кои совершились до обнародованія Положенія. Вслѣдъ за этимъ фактическимъ изложеніемъ дѣла, авторъ писалъ: „Подобнаго рода заявленій со стороны обманутыхъ крестьянъ было множество въ разныхъ великороссійскихъ губерніяхъ“. Далѣе, высказавъ, между прочимъ, мысль, что приказчикъ Лопухина или вотчинная контора сознались, по удостовѣренію крестьянъ, въ полученіи съ нихъ денегъ, но не хотятъ ихъ возвратить только потому, что не обязаны буквою Положенія, авторъ прибавлялъ: „категорическій отказъ присутствія ставить насъ въ рѣшительное недоумѣніе. Вѣдь прошеніе крестьянъ не жалоба на прошлое, а гражданскій искъ“. Въ заключеніе статьи приведенъ былъ слѣдующій случай. „Въ Ярославлѣ разсматривалась жалоба крестьянъ помѣщика Ч—ва, что онъ, взявъ съ троихъ крестьянъ по 600 руб. и выдавъ имъ собственноручныя росписки, послѣ застращаль мужиковъ и отобралъ отъ нихъ документы. Но крестьянамъ губернское присутствіе отказало только потому, что помѣщикъ Ч—въ отъ такого поступка отрекся и положительно объявилъ, что денегъ съ мужиковъ не бралъ“.

Не входя въ разсмотрѣніе того, справедливы или нѣтъ означенныя сужденія „Сѣверной Пчелы“ о постановленіи Псковскаго присутствія, министерство нашло, что „пока еще не установились окончательно отношенія бывшихъ крѣпостныхъ людей къ помѣщикамъ необходимо было-бы воздерживаться, на основаніи повелѣнія 8 марта 1860 г. („не допускать въ печать журнальныхъ статей, въ которыхъ возбуждается неприязнь и ненависть одного сосло-

вія въ государствѣ къ другому“), отъ такого рода сужденій и разсказовъ, которые могутъ возбуждать опасное нерасположеніе вновь возникающаго сословія свободныхъ крестьянъ противъ ихъ прежнихъ владѣльцевъ“.

Рисов. профес. Ф. Г. Солнцева.

П о п р а в к и .

Въ декабрьской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1891 г. вкралась ошибка въ алфавитномъ указателѣ противъ моего имени, каковую и исправляю.

Я поступилъ въ Дворянскій полкъ, въ 1848 г. выпущенъ прапорщикомъ въ пѣх. Архангелогородскій полкъ, въ которомъ и сдѣлалъ венгерскую кампанію, бывъ въ трехъ сраженіяхъ. Въ 1853 г. перешелъ въ Московскій пѣх. полкъ, выступилъ въ походъ и назначенъ адъютантомъ въ 1-ую бригаду 17-ой пѣх. дивизіи, поступившую въ составъ кавказскихъ войскъ; весною 1854 г. съ Бутырскимъ полкомъ снималъ укрѣпленія черноморской береговой линіи. Въ іюнѣ мѣсяцѣ того-же года былъ отряднымъ адъютантомъ въ отрядѣ ген.-ад. Хомутова. Съ отрядомъ былъ въ сраженіи на р. Альмѣ; подо мною убито три лошади. Въ составѣ войскъ Севастопольскаго гарнизона выдержалъ бомбардировку 5-го и 6-го октября; награжденъ орденомъ Св. Анны 3 ст. съ бант. и меч. Въ мартѣ вышелъ изъ Севастополя съ бригадою на Мекензиеву гору. 4-го авг. былъ въ сраженіи на Черной рѣчкѣ; произведенъ за это дѣло въ шт.-капитаны. Въ 1857 г. вышелъ въ отставку. Въ 1861 г. избранъ мировымъ посредникомъ; въ этой должности пробылъ 12 лѣтъ. Нынѣ съ 1 іюля 1891 г. состою земскимъ начальникомъ въ Усманскомъ уѣздѣ.

Михаилъ Мерчанскій.

Въ апрѣльской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1892 г., на стр. XXVIII и XXIX некролога М. И. Семеновскаго, вслѣдствіе описки въ оригиналѣ—вкралась невѣрность: напечатано — К. И. Погобидкѣй, слѣдуетъ читать: К. И. Погодицкѣй.

При печатаніи настоящей—майской—книги „Русск. Старины“ замѣчены слѣдующія, вкравшіяся по недосмотру типографіи, существенныя опечатки: на стр. 292 (строка 2 сверху) напечатано: „1884 г.“, на стр. 307 (строка 18 сверху)—„по кабинету издатель гдѣ“; слѣдуетъ читать: „1874 г.“ и „по кабинету издателя, гдѣ“. Въ этой-же книгѣ, на стр. 365, типографіею неправильно помѣщена виньетка Солнцева вверхъ надписью.

Р е д .

УКАЗЪ ПЕТРА I 1708 Г.

Царьъ Петръ Алексѣевичъ—царевичу Алексѣю Петровичу

14-го сентября 1708 г.

«Въ письмѣ царского величества, за подписаніемъ его руки государевой, изъ лагари (лагерю) 14-го сентября. къ Москвѣ 20-го дня, къ государю царевичу писано:

«Понеже многіе жалобы происходятъ отъ чужестранныхъ посланниковъ и резидентовъ, обрѣтающихся при нашемъ дворѣ и резидующихъ нынѣ на Москвѣ, что не токмо людей ихъ съ двора въ разные приказы берутъ, но и самимъ имъ нѣкоторое безчестіе приключаютъ, того ради ты по полученіи сего объяви всѣхъ приказовъ судьямъ. дабы они приваляли подчиненнымъ своимъ накрѣпко, чтобъ никакого безчестія посланникомъ отнюдь не дерзали чинить, а особливо ихъ особамъ. Такожъ естли съ кѣмъ люди ихъ задержатца и приведутъ въ которой приказъ, чтобъ оныхъ нимало не державъ, отсылали въ Посольской приказъ. Такожъ, естли на тѣхъ ихъ людей какое челобитье отъ кого будетъ, и о томъ-бы давали знать въ Посольской-же приказъ, а изъ тѣхъ приказовъ послыски никакой по нимъ не чинили и ихъ не брали. А и изъ Посольскомъ приказѣ людей ихъ держать не велѣтъ, но когда учинятъ какое худо, и тогда ихъ отсылать велѣтъ къ нимъ и требовать отъ нихъ на нихъ сатисфакціи, а самимъ ихъ наказывать не довлѣтъ, понеже то противно всенароднымъ правамъ, отчего государственные ссоры происходятъ могутъ. Такожъ на ихъ дворы выемокъ отнюдь не посылали-бъ, а естли въ какихъ долггахъ до которого дѣла будетъ или и въ иномъ чемъ, то посылать къ нимъ на дворъ — говорить, и естли чего не исполнять, и тогда о томъ дать вѣдомость въ Посольской-же приказъ, и изъ того одного приказу домогатца отъ нихъ во всякихъ дѣлѣхъ удовольства».

Помѣта Сибирскаго приказа на «спискѣ съ письма»:

«Указъ великаго государя записать въ книгу». (Сибирскаго приказа книга № 1500, лл. 338—339)

Сообщ. Н. Н. Оглоблинъ.

НА ГУНИБѢ въ 1859 и 1871 гг.

I.

Штурмъ Гуниба.

Гунибъ, находясь въ центрѣ Андалаяльскаго общества, среди наиболѣе возвышенныхъ скалъ Дагестана, во время прежней долготѣной войны на восточномъ Кавказѣ, ни разу не подвергался нападенію со стороны нашихъ войскъ, хотя не разъ длинныя вереницы нашихъ штыковъ блистали вокругъ него на тропинкахъ, вьющихся по вершинамъ сосѣднихъ утесовъ и по кручамъ, спускающимся въ глубокія ущелья, гдѣ горныя рѣки, пѣнясь въ каменныхъ тѣснинахъ, оглушаютъ путника вѣчнымъ своимъ грохотомъ. Тамъ, вблизи Гуниба, происходили въ былое время кровавые бои, большею частью подъ начальствомъ князя Аргутинскаго, и не мало нашей крови пролито подъ Ругжами, Тилишлями и Гергебилемъ; при штурмѣ двухъ послѣднихъ каменныхъ твердынь присут-

ствовалъ князь Воронцовъ. Но великанъ Гунибъ, попрежнему, оставался въ сторонѣ отъ военныхъ дѣйствій.

Недоступность Гуниба заключалась въ его топографическихъ особенностяхъ. Онъ стоитъ совершенно особнякомъ, среди скалистыхъ горъ, не соединяясь съ ними ни сѣдловинами, ни боковыми гребнями. Его продолговатое основаніе, имѣющее въ окружности около 25-ти верстъ, на взглядъ сокращается значительною высотой его боковыхъ подъемовъ, покрытыхъ внизу щебнистою осыпью и обломками громадныхъ камней, а вверху увѣнчанныхъ отвѣсными скалами, расположенными одна надъ другою въ три яруса, такъ что ихъ вершина составляетъ какъ-бы старинную крѣпостную стѣну. Самая-же поверхность горы имѣетъ видъ воронкообразный, на подобіе чашки, выщербленной съ одной стороны, именно съ юга.

Эта щербина, сверху донизу усѣянная огромными скалистыми обломками, составляла ахиллесову пятку Гуниба. Тамъ пролегла дорога на гору, которая, пройдя внизу чрезъ шаткія деревянныя мости, переброшенные надъ рѣкою Кара-Койсу, круто поднималась между каменными обломками на вершину горы, гдѣ, въ ея воронкообразной котловинѣ, среди березовыхъ рощъ, находился каменный аулъ гунибскій. Тамъ-же были и посѣвы жителей, и роскошныя травы, орошаемыя водами небольшой рѣчки, которая, пробѣжавъ вдоль вершины горы, ниспадаетъ шумнымъ водопадомъ черезъ эту щербину въ Кара-Койсу.

Этотъ-то единственно возможный доступъ къ Гунибу, въ послѣднее время, былъ прегражденъ въ самомъ трудномъ мѣстѣ крутаго подъема, каменною стѣною съ многочисленными ружейными бойницами. Такимъ образомъ, Гунибъ сталъ недоступнымъ съ юга, со стороны Кара-Койсу, какъ и съ прочихъ сторонъ, обращенныхъ съ запада на ругжинскія и тилишлинскія высоты, съ сѣвера—на котловину Аварскаго-Койсу, за которою живописно красуются высоты Аваріи и андійскіе гребни, и, наконецъ, съ востока—на Карадахскіе и Кегерскіе края, между коими рѣка Кара-Койсу съ ревомъ пробивается чрезъ скалистую расщелину. Надъ рѣчною пропастью по склону отвѣсной скалы, извивалась узкая тропинка, ведшая къ новымъ Салтамъ (старыя разрушены княземъ Воронцовымъ въ 1847 году) и далѣе по берегу Кара-Койсу къ шамилевской крѣпости Улу-Кала, расположенной при слияніи этой рѣки съ Казикумухскимъ-Койсу, который протекаетъ съ юга на сѣверъ вдоль всего Дагестана и принимаетъ всѣ воды съ главнаго хребта. Противъ Улу-калы, на правомъ берегу Казикумухскаго-Койсу, красуются остатки Гергебиля, огромнаго каменнаго аула, разрушеннаго нашими войсками въ 1848 году. Южнѣе, вверхъ по правому берегу Койсу, возвышаются утесы Кутешинской горы, пересѣкаемые Хаджал-

махинскимъ ущельемъ, по которому идетъ дорога изъ Темиръ-Ханъ-Шуры въ Андалыль; на границѣ этого владѣнія у каменнаго моста, черезъ Казикумухское-Койсу, сторожило Хаджалмахинское укрѣпленіе съ двухротнымъ гарнизономъ и крѣпостными орудіями.

Въ описываемое время, т. е. въ началѣ 1857 года, никто и не догадывался о событіи, имѣвшемъ совершиться на Гунибѣ, и мы, въ составѣ 1-го баталіона Самурскаго пѣхотнаго полка, послѣ зимней стоянки въ аулѣ Кутешахъ, выйдя въ лагерь на Кутешинскую гору, преспокойно занялись обычнымъ наблюдениемъ за горцами, препятствуя небольшимъ ихъ партіямъ вторгаться въ наши предѣлы и откармливая, при этомъ, обильною травой нашихъ лошадей.

Такимъ образомъ, при полномъ бездѣйствіи, время шло вало; единственнымъ нашимъ развлечениемъ было пользованіе роскошнымъ горнымъ воздухомъ.

Многочлѣтніи попытки нашихъ войскъ проникнуть въ глубь этихъ горъ заставили насъ, наконецъ, примириться съ трудностью доступа къ нимъ, и хотя слухи объ успѣшномъ дѣйствіи нашихъ отрядовъ со стороны Салатавін и Гумбета изрѣдка доходили до насъ, но, по примѣру прежнихъ лѣтъ, казалось, что это не могло повлечь сразу къ полному и окончательному успѣху. Тѣмъ не менѣе, полковникъ Лазаревъ, начальствовавшій здѣсь пограничною мѣстностью, отчасти уже зналъ черезъ лазутчиковъ, что въ горахъ начало проявляться разочарованіе въ могуществовѣ имама, коего казну, перевозимую подалеже отъ мѣста дѣйствій нашихъ отрядовъ на Гунибъ, дерзкіе тилитлинцы покушались даже разграбить.

Въ послѣднихъ числахъ іюля мы были, наконецъ, вызваны къ дѣлу. Отъ полковника Лазарева, имѣвшаго пребываніе въ аулѣ Кутешахъ, было получено предписаніе немедленно отправить двѣ роты нашего баталіона на соединеніе съ тремя ротами линейнаго баталіона, выступавшаго изъ Темиръ-Ханъ-Шуры въ пограничное урочище Шенширекъ.

Это удовольствіе досталось 1-й линейной и 1-й стрѣлковой ротѣ, состоявшимъ подъ моею командою.

Горнисть протрубилъ сигналъ вычуть лошадей, а затѣмъ:

„Надѣвай ранцы! Становись въ ружье!“

Мы спустились на темиръ-ханъ-шуринскую дорогу и, въ іюльскую жару, потянулись гуськомъ, съ своимъ вьючнымъ обозомъ, по известковой волнистой мѣстности безлѣсной Акуши. Этотъ участокъ нашихъ владѣній болѣе всего подвергался нападеніямъ мелкихъ партій горцевъ, пробиравшихся ночью по селонамъ Кутешинской

горы и черезъ бурундукальскій проходъ; однако-же, благодаря мѣрамъ, принимавшимся распорядительностью Лазарева, имъ рѣдко удавалось захватить добычу.

Личность этого правителя нашихъ пограничныхъ владѣній была замѣчательна. Онъ отличался, главнымъ образомъ, отвагою и прямою, такъ что, когда баронъ Врангель, человекъ тоже съ рыцарскими качествами, вступивъ въ командованіе войсками Прикаспійскаго края, объѣзжалъ пограничную линію и, будучи приглашенъ полковникомъ Лазаревымъ къ обѣду, спросилъ его, указывая на обстановку стола:

„Вы, полковникъ, имѣете, повидимому, хорошее состояніе?“

— „Нѣтъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ Лазаревъ съ полною откровенностью, я имѣю средства отъ некомплекта милиціи, и это мнѣ служить на представительство передъ народомъ и на лазутчиковъ“.

Баронъ Врангель остался очень доволенъ этимъ прямодушнымъ отвѣтомъ, не видя тутъ корысти, а лишь одну только пользу для общаго дѣла.

Миновавъ по пути селеніе Оглы, мы своротили къ Шенширеку и, послѣ ночнаго отдыха, прибыли на слѣдующее утро къ лагерю линейныхъ ротъ. Никто не зналъ цѣли нашего сбора, но видно было, что затѣвается какое-то движеніе, такъ какъ вскорѣ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры прибылъ генераль-маіоръ кн. Тархановъ, принявшій начальство надъ нашею колонною, а вслѣдъ за нимъ и полковникъ Лазаревъ съ своей акушинскою конною милиціею.

На другой день, раннимъ утромъ, наша колонна вслѣдъ за милиціею полковника Лазарева выступила дальше.

Высота Харкасская, точно также какъ и Кутешинская спускается отлого къ востоку и отвѣсно къ западу, т. е. въ долину протекающей тамъ Койсу, по теченію которой, за Гергебилемъ, расположены Зиряны и другіе памятные боями аулы.

Пройдя Харкасъ, мы начали спускаться въ Бурундукальское ущелье; дорога шла круто внизъ, извиваясь зигзагами по спуску, который все болѣе и болѣе суживается, оканчиваясь знаменитымъ Бурундукальскимъ проходомъ въ Койсубулинскую долину, который образуется двумя отвѣсными совершенно сближенными скалами; проходъ этотъ загороженъ былъ высокою каменною стѣною; небольшія дверцы ея, въ которыя могла пройти всего одна только лошадь, охранялись башнею съ бойницами.

Подходя къ проходу, мы услышали изъ глубины ущелья ружейныя выстрѣлы перестрѣлки, завязавшейся между милиціею полков-

ника Лазарева, прибывшею туда ранѣе насъ, и караульщиками, сидѣвшими въ башнѣ. Мюриды были тамъ въ безопасности, поэтому, въ ожиданіи прибытія горныхъ орудій, милиціонерамъ приказано было прекратить стрѣльбу. Оказалось, что кромѣ нашихъ пяти ротъ изъ Темиръ-Ханъ-Шуры шли еще подъ командою генерала Манюкина два сводныхъ баталіона при двухъ горныхъ орудіяхъ и множество пѣшей милиціи. Мы предполагали, что горцы, по обыкновенію, окажутъ горячее сопротивленіе; но тѣ почему-то и на тревогу не явились, хотя аулъ Араканъ былъ недалеко, за скалою.

Когда-же колонна генерала Манюкина спустилась по той самой единственной дорогѣ, по которой шли и мы, и два горныхъ орудія съ близкаго разстоянія пробили брешь въ башнѣ, то сидѣвшіе тамъ мюриды все-таки продолжали стрѣлять, а бывшія у нихъ двѣ женщины съ двумя ишаками, привозившія, вѣроятно, мужьямъ провизію, побѣжали въ долину. При этомъ солдаты не вытерпѣли, чтобы не послать имъ въ догонку свое: „тю! тю!“ съ общимъ смѣхомъ.

Но надобно было покончить съ защитниками башни, и полковникъ Лазаревъ пустилъ на штурмъ своихъ милиціонеровъ. Взобравшись на стѣну, подсаживая одинъ другаго, они вмигъ порѣшили съ караульщиками, потерявъ при этомъ одного милиціонера убитымъ.

Расположившись лагеремъ на возвышенной площадкѣ, возлѣ самаго прохода, мы приступили въ разоренію непріятельской стѣны и, черезъ нѣсколько часовъ, совершенно разнесли ее, давъ мѣсто свободному проходу. До 1843 г., въ 10 верстахъ отъ этого мѣста, пролегалъ нашъ главный путь, черезъ Зиряны, въ Аварію и Хунзахъ — базисъ нашихъ укрѣпленныхъ пунктовъ, которые тогда геройски держались передъ массою фанатизированныхъ Шамилемъ скопищъ, но долго не могли устоять и были разрушены; тутъ-же, возлѣ прохода, остался лишь слабый признакъ нашего бывшего укрѣпленія.

Къ вечеру, когда жара спала, нами была произведена рекогносцировка, изъ которой можно было убѣдиться, что жители Койсубулинской долины, подъ вліяніемъ ошеломлявшихъ успѣховъ новаго „сендаря“ (главнокомандующаго), потеряли вѣру въ Шамиля и предпочли оставаться равнодушными ко всему, что-бы ни случилось, такъ что во время рекогносцировки ни одного выстрѣла не было ими сдѣлано.

Переночевавъ въ Бурундукъ-калѣ, наша колонна поднялась черезъ Харкасъ на прежнюю свою позицію, куда пріѣхалъ и нашъ командиръ полка, полковникъ Лисовскій. Отъ него я получилъ послѣдовавшее распоряженіе ѣхать въ штабъ-квартиру нашего полка, урочище Дешлагаръ, и собрать тамъ изъ частей 5-го бата-

ліона 3-хъ ротный сводный баталіонъ, который долженъ былъ слѣдовать въ селеніе Кумухъ подъ начальство князя Тарханова, имѣшаго двинуться оттуда къ ауламъ, расположеннымъ вдоль западныхъ склоновъ Турчидага.

Князь Тархановъ выѣхалъ утромъ въ Кумухъ, черезъ Кутеши, въ сопровожденіи конвоя изъ кумухской милиціи. Я тоже пристроился къ нему. Мы быстро проѣхали 30-ти верстное разстояніе по разогрѣтой солнцемъ дорогѣ и прибыли на привалъ въ Кутеши довольно рано. Князь остановился въ каменномъ домѣ, гдѣ стоялъ прежде полковникъ Лазаревъ, на небольшой возвышенности, при въѣздѣ въ аулъ, а я заѣхалъ къ своему офицеру, остававшемуся въ аулѣ при баталіонныхъ вещахъ.

Не прошло и получаса, какъ въ аулѣ поднялась тревога. Оказалось, что одинъ изъ конвойныхъ князя Тарханова, стоявшихъ на возвышенности возлѣ начальническаго дома, спустился на площадь и началъ кормить свою лошадь на старомъ татарскомъ кладбищѣ. Подошедшіе два кутешинца стали гнать его съ кладбища, но тотъ, послѣ произнесенныхъ съ обѣихъ сторонъ ругательствъ, выхватилъ изъ-за пояса пистолетъ и выстрѣломъ убилъ болѣе назойливаго акушинца. Поднялся крикъ, и милиціонеръ, видя сбѣгавшихся жителей, бросилъ свою лошадь и побѣжалъ черезъ огородъ напрямикъ къ своимъ. Все это было видно изъ сакль, по обыкновенію амфитеатромъ обращенныхъ къ площади, откуда возбужденный народъ слѣшилъ съ винтовками, а провинившійся милиціонеръ, между тѣмъ, былъ настигнутъ въ огородѣ другимъ акушинцемъ и однимъ ударомъ широкаго кинжала убить наповалъ. Кумухцы, которые были въ давней враждѣ съ акушинцами, воздержались отъ вмѣшательства въ это дѣло, видя свою малочисленность, и удалились во дворъ начальническаго дома, откуда, сопровождая далѣе князя Тарханова, уѣхали невредимы. Подобныя сцены у горскихъ жителей въ то время были не рѣдкость и на нихъ не обращалось особеннаго вниманія, такъ какъ платить кровью за кровь было у нихъ закономъ.

Вслѣдъ за этимъ уѣхалъ и я, на этотъ разъ одинъ, по дорогѣ изъ Акуши въ приморскую долину, гдѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ послѣднихъ высотъ, на продолговатомъ курганѣ, ютилась штабъ-квартира Самурскаго пѣхотнаго полка, урочище Дешлагаръ.

Здѣсь никто не думалъ ни о Шамилѣ, ни о дѣйствіяхъ противъ него, на то были отряды. Тутъ хлопотали только о покосахъ, да объ огородахъ, необходимыхъ для запасовъ овощей на зиму, и привезенное мною распоряженіе всполошило всѣхъ, даже полковыхъ

дамъ, составлявшихъ, по большей части, въ семейномъ отношеніи принадлежность 5-го баталіона. Но мнѣ здѣсь не пришлось быть дѣйствующимъ лицомъ, такъ какъ на другой-же день, съ прибывшимъ нарочнымъ, мнѣ было предписано немедленно возвратиться въ Кутеши, къ своему баталіону, а сводный баталіонъ поручался капитану Слюсаренко.

Прибывъ поздно вечеромъ на кутешинскія высоты, я засталъ всѣхъ нашихъ готовыми къ выступленію— и куда-же? Куда никому и не снилось: въ непріятельскую крѣпость Улу-кала! Тамъ уже находился полковникъ Лазаревъ, успѣвшій того-же дня пройти черезъ Бурундувальское ущелье съ своею конною милиціею и нашими двумя ротами и безъ выстрѣла занять эту крѣпость.

Поразителенъ былъ переходъ горцевъ отъ недавней враждебности къ совершенному оцѣпенѣнію. Теперь и грозный имамъ, находившійся съ своими мюридами на Гунибѣ, не имѣлъ на нихъ никакого вліянія. То-же происходило и въ Аваріи, послѣ вступленія туда главнокомандующаго, такъ что по пути въ одномъ небольшомъ аулѣ произошелъ даже своего рода курьезный случай: главнокомандующій ѣхалъ со своимъ штабомъ впереди авангарда, зная, что аулъ, къ которому они подъѣзжали также, покорился; завоеватель былъ погруженъ въ свою думу, и вдругъ ему на встрѣчу раздался оглушительный залпъ изъ двухсотъ винтовокъ, пули которыхъ просвистѣли надъ головами всадниковъ. Князь Барятинскій остановился въ недоумѣніи, но горцы, послѣ этого горячаго привѣта, кланяясь, вышли изъ аула съ изъявленіемъ покорности.

Намъ предстояло спуститься съ Кутешинской горы по вьючной тропѣ, продѣланной въ прежнее время для прямаго сообщенія съ Хаджалмахинскимъ укрѣпленіемъ. Кружный путь велъ туда по темиръ-ханъ-шуринской дорогѣ въ обходъ Кутешей. Въ полночь мы выступили подъ начальствомъ своего баталіоннаго командира полковника Барсукова. Трудно было спускаться по извилистой, едва примѣтной и уже временемъ попорченной тропѣ, ведущей съ огромной высоты по обрывистымъ кручамъ въ долину Казикумухскаго-Койсу. Только къ свѣту спустились мы внизъ и, оставивъ въ сторонѣ Хаджалмахи, пошли далѣе берегомъ Койсу, вдоль крутыхъ скатовъ Кутешинской горы.

Миновавъ Гергебиль, расположенный на обрывистомъ склонѣ горы, мы очутились передъ новымъ созданіемъ Шамиля, крѣпостью Улу-кала. Она прилегалъ къ скалѣ, возвышаясь при сліяніи рѣкъ (Кара-Койсу съ Казикумухскимъ-Койсу), и, обнесенная землянымъ валомъ съ блестящими на немъ мѣдными орудіями, имѣла внуши-

тельный видъ; въ крѣпость велъ колышущійся деревянный мостъ, перекинутый надъ глубокими обрывами, въ которомъ бушевала рѣка.

Небольшая колонна полковника Лазарева расположена была возлѣ крѣпости на припекаемой солнцемъ площадкѣ, гдѣ расположились и мы, соединившись съ двумя ротами. Теперь силы нашей колонны были настолько велики, что какія-либо случайныя перемѣны въ настроеніи горцевъ не могли причинить намъ безпокойства, какъ то произошло только-что при занятіи крѣпости; это было такъ: когда полковникъ Лазаревъ, увѣренный въ покорности гарнизона, подѣхалъ къ крѣпости съ милиціею, то горцы, растворивъ крѣпостныя ворота и пропустивъ полковника, затворили ихъ передъ милиціею, такъ что начальствовавшій колонною очутился одинъ среди мюридовъ; впрочемъ, полковникъ Лазаревъ выказалъ тутъ въ этомъ случаѣ полное самообладаніе: преважно вынувъ изъ кармана горсть золотыхъ монетъ, онъ сунулъ ихъ горцамъ, стоявшимъ срава, потомъ другую горсть роздалъ горцамъ, выпучившимъ на него глаза, слѣва и поѣхалъ дальше, а ворота, какъ по мановенію волшебнаго жезла, снова растворились для пропуска милиціи.

Передъ крѣпостью Уду-кала мы простояли нѣсколько дней; причемъ полковникъ Лазаревъ умѣлъ привлечь къ себѣ всѣхъ окрестныхъ жителей, которые съ утра до вечера толпились около него и вслушивались въ каждое его слово, такъ что на его предложеніе перекинуть черезъ Кара-Койсу мостъ они съ полною готовностью изъявили свое согласіе.

Между тѣмъ, войска наши, съ главнокомандующимъ во главѣ и его главными сотрудниками (генералы Милютинъ, Евдокимовъ, Врангель) прошли Аварію и уже приближались къ Гунибу, гдѣ Шамиль разсчитывалъ себя отстоять. Вскорѣ до насъ стали доноситься орудійныя выстрѣлы, когда наши войска, обойдя Гунибъ съ запада чрезъ Тилитли и Ругжи, начали подниматься по узкой тропѣ на Кегерскія высоты. Выстрѣлы эти производились съ южной стороны Гуниба, съ небольшого выступа, у каменной стѣны, гдѣ находились сакли андалаяльскаго наиба Хаджи-Янко. Это происходило въ первыхъ числахъ августа; вслѣдъ за симъ, намъ было приказано идти къ Карадаху, къ переправѣ чрезъ Аварское-Койсу, куда полковникъ Лазаревъ и самъ отправился впередъ съ милиціею, давъ намъ для слѣдованія проводниковъ.

Приближавшіяся событія интересовали насъ всѣхъ и мы быстро шли по скалистой тропѣ съ крутыми подъемами и спусками, подъ палящимъ солнцемъ; жители встрѣчали насъ привѣтствіями, пода-

ваемыми письменно, за которыя, разумѣется, приходилось отплачиваться „пешкешами“.

Въ Карадахскую котловину мы спустились передъ вечеромъ и расположились лагеремъ на небольшой выжженной солнцемъ площадке около Аварскаго-Койсу. Тамъ мы нашли висячій деревянный мостъ черезъ рѣку, съ караульною башнею и больше ничего; другихъ жилищъ тамъ не было. Самая-же площадка, расположенная на правомъ берегу рѣки, съ трехъ сторонъ была окружена черною отвѣсною скалою, которая имѣетъ двѣ расщелины: одна изъ нихъ пропускаетъ Аварское-Койсу, надъ которымъ идетъ дорога къ главному хребту, а другая, на подобіе коридора, куда не заглядываетъ солнце, ведетъ прямо къ Гунибу. По дну этой второй расщелины струится небольшая рѣчка, и бѣда путнику, если его тамъ застигнетъ дождь: вода, мгновенно прибывающая, сноситъ все встрѣчающееся ей на пути, стремясь по тѣсному ложу между отвѣсныхъ скалъ въ Койсу. По другую сторону рѣки возвышается Хунзахская гора, по которой вѣтся дорога въ Хунзахъ и далѣе, къ тому мѣсту, гдѣ были оставлены наши войсками оберегательные пункты.

Намъ не было извѣстно дальнѣйшее наше назначеніе, поэтому приходилось сидѣть выжидательно въ этой котловинѣ, какъ въ горшкѣ; но на другой день, послѣ полудня, получено было приказаніе: „двумъ нашимъ ротамъ немедленно слѣдовать къ Гунибу и расположиться у подошвы его, возлѣ аульчика Хоточъ“; для чего были присланы полковникомъ Лазаревымъ проводники изъ его милиціи, стоявшей бивакомъ между Гунибомъ и Салтинскимъ ущельемъ.

Требовавшіяся роты тотчасъ-же выступили подъ моею командою и, пройдя чрезъ скалистую тѣснину вверхъ по Аварскому-койсу, повернули къ югу и начали подыматься на крутой отрогъ Карадахскаго кряжа. День былъ жаркій, наши люди и лошади, одолеваяемые крутизною подъема, медленно подвигались впередъ, такъ что только къ заходу солнца мы перевалили черезъ отрогъ. Нашимъ глазамъ представился Гунибъ во всея величій съ сѣверной своей стороны. Его скалистыя отвѣсныя стѣны, высящіяся на сотни саженой, придавали ему внушительный видъ, тѣмъ болѣе насъ интересовавшій, что тутъ должна была рѣшиться судьба имама и мюридизма.

Когда мы стали спускаться къ подошвѣ Гуниба, то съ его восточнаго гребня шамилевское орудіе сдѣлало въ нашу сторону нѣсколько разстановочныхъ выстрѣловъ, ядра которыхъ просвистѣли гдѣ-то

высоко. Наступившіе вскорѣ сумерки покрыли вечернимъ мракомъ и очертаніе Гуниба и его низмейныя окрестности, а когда мы пришли на указанное проводниками мѣсто, то уже совершенно стемнѣло, такъ что пришлось избирать стоянку на оказавшемся при дорогѣ косогорѣ почти ощупью.

Послѣ знойнаго дня насъ мучила нестерпимая жажда, и на наше счастье къ намъ вышло нѣсколько хоточинцевъ, которые, на просьбу „су тащи“, принесли цѣлый кувшинъ холодной родниковой воды, за что, разумѣется, получили „пешкешъ“ и, въ добавокъ, согласились указать солдатамъ источникъ этой освѣжительной влаги.

Поутру оказалось, что мы находились не болѣе какъ во ста саженьяхъ отъ подошвы Гуниба и отъ аульчика Хоточи, гнѣздящагося подъ горою. На самомъ-же гребнѣ великана, около каменной караулки, копошилось много людей, а возлѣ нихъ виднѣлась отдѣльная группа горцевъ, впереди которой стоялъ человѣкъ въ бѣлой чалмѣ. По словамъ пришедшихъ къ намъ хоточинцевъ, это былъ самъ Шамиль. Такимъ образомъ, хотя издали, а все-таки намъ первымъ пришлось увидѣть знаменитаго имама.

Мы стояли съ восточной стороны Гуниба и на этомъ склонѣ, на нижней земляной насыпи, начиналась тропа, ведущая къ каменной полосѣ подъема и къ караулѣ.

„Бу іюль?“ спрашивали мы жителей.

— „Іохъ, они отвѣчали; іюль пропалъ“.

И по ихъ жестамъ, въ перемежку съ нѣкоторыми русскими словами, можно было понять, что тропа эта въ верхней части была взорвана.

На другой день прибыли и остальные роты нашего баталіона, смѣненныя въ Карадахъ 2-мъ баталіономъ Самурскаго-же полка.

Наша позиція хотя была неудобна, находясь на конечномъ откосѣ подгорья, но за то мы не подвергались орудейнымъ выстрѣламъ съ вершины Гуниба, гдѣ, около караулки стояло орудіе. Оно было слишкомъ высоко для прицѣльнаго выстрѣла, а для навѣснаго—мы были слишкомъ близко къ нему, такъ что горцы перестали обращать на насъ вниманіе и дѣятельно занялись какими-то работами наверху.

Въ это время намъ пришлось посылать за провіантомъ, что было сопряжено съ большимъ неудобствомъ, такъ какъ въ ближайшій ходжалмахинскій магазинъ можно было добраться только кружнымъ путемъ черезъ Карадахъ. Изъ этого-же магазина продовольствовался и отрядъ, но съ Кегера къ нему добраться весьма близко.

Чтобы устранить это неудобство, полковникъ Лазаревъ приказалъ осмотрѣть тропу черезъ Салтинское ущелье; при осмотрѣ участвовалъ и я, но тропа оказалась взорванною въ самомъ трудномъ мѣстѣ.

Между тѣмъ, для прекращенія сообщенія съ горами, рѣшено было блокировать Гунибъ со всѣхъ его сторонъ. Съ этою цѣлью, съ Кегера ночью, прибыли 3-й и 4-й баталіоны Ширванскаго пѣхотнаго и 2-й баталіонъ Грузинскаго гренадерскаго полковъ; (днемъ спускъ былъ подъ непріятельскими выстрѣлами); первые два баталіона стали лѣвѣе насъ, около аульчика Хиндахъ, расположеннаго также у подошвы Гуниба, а грузинцы стали правѣе насъ, за Хоточемъ. Съ сѣверной стороны Гуниба, заняли позицію баталіоны Дагестанскаго пѣхотнаго полка, съ западной—Апшеронскій полкъ, съ юго-западной стрѣлковый баталіонъ (нынѣ 4-й), два баталіона самурцевъ (4-й и сборный изъ частей 5-го баталіона) и, наконецъ, съ юга, у подъема со стороны Кара-Койсу—1-й и 2-й баталіоны ширванцевъ съ горными орудіями.

Всѣ эти блокирующія войска сообщались патрулями и предполагалось, что Шамиль, стѣсненный прокормленіемъ нѣсколькихъ сотъ своихъ мюридовъ одними средствами гунибскаго аула, скоро вынужденъ будетъ сдаться. Но, какъ оказалось впоследствии, тамъ были сосредоточены большіе запасы хлѣба и фуража, собранные гунибцами со своихъ посѣвовъ и покосовъ, которыми изобиловали окрестности ихъ аула и кутановъ, раскинутыхъ по Гунибу.

Въ то-же время были начаты съ Шамилемъ переговоры о сдачѣ, которые велись полковникомъ Лазаревымъ, каждый разъ поднимавшимся для этого до половины горы, по дорогѣ со стороны Кара-Койсу, куда спускался для той-же цѣли старшій сынъ Шамиля Казимагома. Но эти переговоры длились понапрасну: видно было, что Шамиль желалъ только выиграть время, рассчитывая на какой-нибудь благоприятный для него поворотъ обстоятельствъ и продолжалъ, между тѣмъ, поддерживать свой престижъ орудійными выстрѣлами, чѣмъ затруднялъ днемъ сообщеніе блокировавшихъ войскъ съ Кегеромъ. Шамиль одушевлялъ своихъ мюридовъ съ полною увѣренностью въ невозможности взять Гунибъ приступомъ и при этомъ подсмѣивался, говоря: „Русскіе смотрятъ на Гунибъ, какъ лающія собаки на луну“.

Такъ проходило время, причиняя намъ не мало труда въ подвозѣ изъ Ходжалмахъ провіанта; къ тому-же стало крайне затруднительно получать и кормъ для лошадей на выжженной низменности вокругъ Гуниба, гдѣ кукурузные стебли, кое-гдѣ еще оставшіеся, наконецъ, всѣ были вытравлены.

24-го августа 1859 г., передъ вечеромъ, наш баталіонъ былъ передвинуть впередъ, къ самой подошвѣ Гуниба, а вслѣдъ за симъ прибылъ къ намъ и генераль Кесслеръ, начальствовавшій блокировавшими войсками. Онъ лично передавалъ войскамъ указаніе для дальнѣйшихъ дѣйствій. Въ это самое время Шамиль вздумалъ пускать въ насъ гранаты и такъ какъ ихъ нельзя было направлять почти отвѣсно книзу, то горцы ухитрились поднять дуло мортиры вверхъ, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы гранаты лопались на возвратномъ пути у подошвы горы, гдѣ расположенъ баталіонъ; но эти опыты возбудили только общій смѣхъ, потому что пущенныя такимъ образомъ нѣсколько гранатъ разрывались каждый разъ надъ головами самихъ-же горцевъ, заставляя ихъ разбѣгаться.

Пробывъ съ нами съ четверть часа, генераль Кесслеръ передалъ намъ приказаніе выдвинуть, съ наступленіемъ темноты, двѣ роты къ первому каменному поясу горы и объявилъ, что въ 11-ть часовъ ночи будетъ произведена ложная тревога по сигнальной ракетѣ, пущенной изъ-за Кара-Койсу, гдѣ, на подъемѣ къ Кегеру, будетъ находиться въ небольшомъ аульчикѣ самъ генераль Кесслеръ. При этомъ барабанщикамъ и горнистамъ было приказано во время тревоги играть атаку, а солдатамъ, не выходи изъ-за своихъ закрытій, за обломками скалъ, кричать „ура“. Генераль Кесслеръ прибавилъ, что это распоряженіе сообщено всѣмъ блокирующимъ войскамъ и что времени дѣйствительнаго штурма назначено не будетъ, а чтобы войска старались взобраться наверхъ, пользуясь каждою удобною минутою.

Такое распоряженіе вполне согласовалось съ обстоятельствами и мѣстомъ и поэтому имѣло желаемый успѣхъ.

Никто изъ насъ не сомнѣвался въ этомъ успѣхѣ, хотя передъ нашими глазами возвышалась громаднхъ размѣровъ твердыня, съ отвѣсными скалистыми поясами, но войска были подъ вліяніемъ полной самоувѣренности, которую раздѣлялъ и главнокомандующій, рассчитывавшій, по рассказамъ, еще до прихода къ Гунибу, что все будетъ покончено съ Шамилемъ до 26-го августа.

Ко дню штурма, къ нашему баталіону прибыли еще два штабсъ-офицера: начальникъ стрѣлковъ полка, маіоръ Ивановъ и переведенный въ нашъ полкъ, подполковникъ Купріяновъ.

Когда стѣмнѣло, назначенныя двѣ роты (4-я линейная штабсъ-капитана Звоскова и 1-я стрѣлковая поручика Головинскаго), сопровождаемыя командиромъ баталіона и, по его предложенію, наличными штабсъ-офицерами, осторожно пробираясь гуськомъ между камнями, съ трудомъ добрались по земляной осыпи до ска-

листаго пояса, гдѣ и расположились подъ каменными отвѣсами. Полковникъ Борсуковъ, не желая обидѣть старшаго изъ насъ, вновь прибывшаго и еще незнакомаго съ горною войною, умолчалъ о необходимомъ здѣсь назначеніи штабъ-офицера и поручилъ эти роты старшему ротному командиру. Такъ что мы всѣ остались съ носомъ и вмѣстѣ съ командиромъ возвратились назадъ.

Ровно въ 11-ть часовъ ночи, на подъемѣ за Кара-Койсу, зашипѣла ракета и черезъ нѣсколько секундъ, по всей нашей линіи загремѣли барабаны съ зычнымъ звукомъ рожковъ, а затѣмъ мощное одушевляющее „ура“ слилось съ общимъ гуломъ начатой атаки. Горцы съ минуту оставались въ молчаніи, вѣроятно, ошеломленные неожиданностью, но вслѣдъ засимъ раздался и съ ихъ стороны не менѣе грозный гулъ валившихся камней, которые, рикошетируя по скалистому спуску, и разбрасывая по пути мелкіе камни и щебень, пролетали черезъ наши головы съ журчаніемъ какъ бомбы. Крикъ горцевъ съ горы вторилъ нашему „ура“ и заготовленные ими огромные камни валились одинъ за другимъ, наполняя воздухъ пылью и оглушительнымъ грохотомъ, раздававшимся по всей горѣ.

Такъ продолжалось часа два, если не больше, среди общаго гула, по временамъ то усиливавшагося, то ослабѣвавшаго; до насъ доносилось обрядное пѣніе мюридовъ. Наконецъ, солдаты начали уставать, наше „ура“ стало раздаваться все рѣже и рѣже, а затѣмъ и камни перестали валиться, такъ что, наконецъ, все смѣнилось прежнею тишиною, среди которой ясно былъ слышенъ смѣхъ успокоенныхъ мюридовъ, разговаривавшихъ между собою.

На другой день, съ восходомъ солнца, взоры всѣхъ и каждого обратились на вершину Гуниба, но тамъ людей не было видно, кромѣ 2—3-хъ человѣкъ, показывавшихся около караулки. Наши роты, попрежнему, прятались подъ скалою, а въ нѣсколькихъ стагахъ шагахъ правѣе отъ нихъ видны были, подъ тѣмъ-же скалистымъ поясомъ, двѣ роты грузинскихъ гренадеръ. Все было спокойно, и наши солдаты уже начали приступать къ утреннему чаепитію, какъ вдругъ гренадеры, находившіеся подъ скалою, зашевелились, и ихъ штыки, блестящіе на солнцѣ, узкою полоскою начали вытягиваться вдоль изгибовъ отвѣсной скалы. (Разсказывали будто бѣглый солдатъ крикнулъ съ горы: „Идите, они всѣ возлѣ аула!“)

У насъ невольно раздался общій крикъ „въ ружье!“ Подавая двумъ передовымъ ротамъ знакъ шапками и сообщая имъ криками о движеніи впередъ, мы сами стали подниматься на гору, скользя по мелкимъ камнямъ, катившимся рикошетами на шедшихъ позади.

Слѣва поднимались ширванцы, а справа гренандеры, и весь обращенный къ намъ склонъ горы покрывся взбиравшимися солдатами, между которыми видны были и милиціонеры, сопровождавшіе генерала Тарханова, который командовалъ войсками со стороны нашего фаса. Взбиравшіяся войска безъ затрудненія дошли по крутой осыпи до скалистыхъ поясовъ горы, а тутъ пришлось уже каждому въ одиночку карабкаться съ отвѣса на отвѣсъ, не оборачиваясь и не глядя внизъ, гдѣ штыки взбиравшихся товарищей и вышина подъема угрожали опасностью до головокруженія. Но въ это время все забылось! Одушевленіе, подобно волшебной силѣ, двигало нами, и каждый спѣшилъ безостановочно, цѣпляясь за неровности скалы то съ помощью своихъ собственныхъ рукъ, то при содѣйствіи товарищей, подставлявшихъ приклады, такъ что скоро каменные поясы были пройдены и передъ нами, на узкомъ земляномъ сватѣ оставалась только послѣдняя скала, составляющая острый гребень вершины. По этому-то свату наши войска направились къ караулѣ, находившейся на пониженномъ гребнѣ и заграждавшей доступъ по взорванной тропѣ. Караульные горцы изъ бойницъ открыли ружейный огонь, который, впрочемъ, продолжался не долго, потому что нѣсколько человекъ гренандеръ, взобравшись первые на оконечность гребня, подбѣжавъ къ караулѣ, перекололи мюридовъ и дали возможность нашимъ двумъ передовымъ ротамъ выбить прикладами дверь караулки и хлынуть во внутреннюю мѣстность горы.

Нашимъ взорамъ представилась слѣдующая картина: въ срединѣ продольной котловины расположился аулъ, позади его, къ сѣверо-западу, шла возвышенная мѣстность, а къ юго-востоку мимо аула и березовыхъ роцъ, покрывающихъ западную сторону котловины, протекала рѣчка, ниспадавшая при оконечности горы черезъ щербину.

Когда мы стали спускаться въ котловину, то позади аула, на возвышенности, видны были бѣжавшіе къ аулу апшеронцы. Они раньше всѣхъ взобрались на гору съ сѣверо-западной (самой высокой), стороны ея, но пока добѣжали до аула, туда спѣшили уже прочія войска. Наши-же двѣ передовыя роты, взобравшись на гору, бросились не вправо, къ аулу, а прямо къ тому мѣсту, гдѣ замѣтили надъ рѣчкою саклю съ лежавшими возлѣ нея ядрами: это былъ шамилевскій паркъ; этимъ маневромъ они пересѣкли дорогу бѣжавшимъ съ южной стороны мюридамъ, гдѣ они охраняли каменную стѣну, заграждавшую главный доступъ къ вершинѣ Гуниба. Мюриды, отрѣзанные отъ аула, вынуждены были скрыться въ пролѣскахъ березовой роци; но замѣченные ширванцами (1-й и 2-й баталіоны), которые спѣшили вслѣдъ за ними, и видя свое безвы-

ходное положеніе, при появленіи на западномъ гребнѣ стрѣлковъ и самурцевъ (4-го и 5-го баталіоновъ), они вступили съ преслѣдовавшими ихъ войсками въ ожесточенный бой, въ которомъ были перебиты всѣ до единого.

Шамиль, собравшій съ утра къ аулу большинство своихъ мюридовъ для оборонительныхъ работъ, при извѣстіи, что русскіе на горѣ, упалъ въ обморокъ.

Между тѣмъ, горцы, находившіеся въ аулѣ, открыли изъ сакль ружейный огонь по приближавшимся войскамъ; когда же наши солдаты подвезли два горныхъ орудія и начали разрушать стѣны сакль, то два конныхъ горца выскочили изъ аула и, подавая знакъ папахами, чтобы мы перестали стрѣлять, сообщили, что Шамиль сдается.

Затихшая на время перестрѣлка нѣсколько разъ возобновлялась одиночными выстрѣлами изъ аула; часы проходили за часами, но желаемого результата мы все не могли дожидаться. Шамиль сдаваться не рѣшался. Онъ находился все время со своими приближенными наимами въ мечети, и его колебанію не было конца: онъ былъ встревоженъ неожиданностію случившагося.

Главнокомандующій, сидѣвшій въ это время на камнѣ въ березовой рощѣ, невдалекѣ отъ аула, куда онъ прибылъ съ драгунами, замѣтивъ съ Кегера блескъ штыковъ на Гунибѣ, приказалъ, наконецъ, войскамъ готовиться къ штурму; причемъ, чрезъ разосланныхъ адъютантовъ, было объявлено „десять тысячъ рублей награды тому, кто доставитъ Шамиля живьемъ“.

Но лишь только войска начали стягиваться къ аулу, изъ котораго горцы возобновили учащенную стрѣльбу, какъ шамилевскіе парламентары выскочили снова на открытое мѣсто, начали махать папахами и кричать, чтобы мы пріостановились. Войска выражали нетерпѣніе, видя крайне утомительную нерѣшительность Шамиля, но раздался сигналъ „стой“, и пришлось снова устремить взоры на мечеть. Нерѣшительность имама томила, безъ сомнѣнія, и мюридовъ; а тѣмъ болѣе жителей, имѣвшихъ при себѣ свои семейства. Въ числѣ послѣднихъ были и плѣнные грузинки, которыя во время перерывовъ стрѣльбы, появлялись на краю аула и переговаривались съ своими земляками дружинцами, бывшими въ числѣ войскъ въ своей красной кожаной одеждѣ.

Картина, которой мы были свидѣтелями, была достойна кисти художника: всѣ участвовавшіе въ штурмѣ войска (въ томъ числѣ и Дагестанскій пѣхотный полкъ, взобравшійся съ сѣверной стороны) стояли вокругъ аула въ томъ положеніи, въ которомъ они были пріостановлены, а жители, собравшіеся съ разныхъ мѣстъ

посмотрѣть чѣмъ дѣло кончится, сплошными массами занимали вокругъ аула всѣ возвышенности; даже на крайнихъ гребняхъ горы пестрѣлъ любопытный народъ. По дорогѣ-же изъ аула къ березовой рошѣ, на небольшомъ пригоркѣ, стоялъ баронъ Врангель, командовавшій дагестанскими войсками, въ мундирѣ и красныхъ чакчирахъ, а ближе къ аулу—полковникъ Лазаревъ, который велъ переговоры съ шамилевскими наибями, выходившими на край аула.

Было уже около 4-хъ часовъ пополудни, когда общее любопытство достигло послѣдней степени напряженія: на окраинѣ аула, возлѣ мечети, горды зашевелились и изъ нея поспѣшно вышелъ небольшой кортежъ съ имамомъ во-главѣ. Онъ былъ въ бѣлой чалмѣ съ кистью и въ обыкновенной горской одеждѣ, позади вели его бѣлую верховую лошадь.

Народъ, окружавшій аулъ, и войска, завидѣвъ вышедшаго Шамиля, крикнули „ура“, которое оглушительнымъ эхомъ пронеслось и по окрестнымъ гребнямъ котловины. Встревоженный Шамиль остановился, какъ-бы намѣреваясь попятиться назадъ; но подошедшій къ нему полковникъ Лазаревъ успокоилъ его, и онъ снова спѣшнымъ шагомъ направился къ рошѣ, гдѣ князь Барятинскій, окруженный свитою, ожидалъ плѣнника, сидя на камнѣ подъ тѣнью вѣтвистыхъ березъ.

Шамиль, какъ подобало побѣжденному, подойдя къ главнокомандующему, упалъ на колѣни и повергъ себя волѣ побѣдителя...

И вотъ, знаменитый имамъ, могущественный повелитель неприступныхъ горъ, тотъ самый Шамиль, глава свирѣпаго мюридизма, столь прославившійся въ продолженіе многихъ лѣтъ, на колѣняхъ ждетъ своей участи. Картина, поистинѣ, великолѣпная!

Къ вечеру войска наши весело разошлись на свои позиціи, оставивъ на Гунибѣ баталіонъ апшеронцевъ.

На другой день, по случаю праздника 26-го августа, всѣ войска были собраны на Кегерѣ, гдѣ, выстроенныя покоемъ, встрѣтили главнокомандующаго съ барабаннымъ боемъ и музыкою. Князь Барятинскій, не объѣзжая войскъ, прямо выѣхалъ на середину парада и пожаловалъ войскамъ тѣ десять тыс. рублей, которыя были обѣщаны за взятіе Шамиля живьемъ. Затѣмъ началось молебствіе, оконченное колѣнопреклоненіемъ и пушечнымъ салютомъ, при несмолкаемомъ „ура“ на славу царю и отечеству. Въ заключеніе торжества, войска прошли церемоніальнымъ маршемъ; позади ихъ слѣдовали въ пѣшемъ строю, подъ музыку, разукрашенные въ серебро сотни разной милиціи, приподнимая вверхъ папахи на привѣтствіе главнокомандующаго и оживленно отвѣчая: „сау-у!“

Шамиль не обращалъ вниманія на происходившее, сидя на землѣ передъ своею палаткою, окруженный почетными муллами и нѣкоторыми приверженцами изъ горскихъ наибовъ. Онъ одушевленно съ ними бесѣдовалъ; тѣ сидѣли молча, съ поникшими головами. Выразительное лицо имама, съ правильными тонкими чертами и густою бородою, окрашенною въ темно-малиновый цвѣтъ, оживлялось блескомъ темныхъ глазъ, по временамъ задумчиво обращавшихся на горы, которыхъ еще недавно онъ былъ властелиномъ и потерю которыхъ, навсегда, напоминали ему гордо ходившіе вокругъ него часовые изъ лейбъ-эриванцевъ.

Онъ уже оправился послѣ испытаннаго наканунѣ переполоха, причеиъ былъ озадаченъ приеиомъ, оказанныиъ ему; прибывъ, подъ конвоеиъ драгунъ, къ ставкѣ главнокомандующаго, гдѣ, вмѣсто ожидаеиой „яиы“, ему подали чай, на серебряномъ подносе, съ отличными сухарями, а вслѣдъ за этимъ появились и его жены, перевезенныя со всѣиъ его богатствомъ изъ гунибскаго аула.

На слѣдующій день послѣ парада, Шамиль на своемъ бѣломъ конѣ, конвоируеиый драгунами, отправленъ былъ по назначеиію, а вслѣдъ за нимъ отправилось и его семейство. Дагестанъ, утомленный долголѣтнею войною, сразу слѣлался мирнымъ, какъ будто и не воевалъ никогда, но странно, что тѣ жители, которые издавна были мирными и неоднократно страдали отъ шамилевскихъ набѣговъ, теперь, при его проѣздѣ, сочувственно встрѣчали его, а женщины даже цѣловали ему руки.

Скоро собрался къ отъѣзду и главный штабъ, распредѣливъ войска по назначеиію. При этомъ мы узнали, что вмѣсто прежняго нашего командира полковника Лисовскаго, оставлявшаго службу, назначался герой согратлинской переправы полковникъ Девель, что чесьма льстило военному самолюбію полка.

Утромъ 29-го августа 1859 г., главнокомандующій, въ сопровожденіи многочисленной свиты, выѣхалъ изъ лагеря по пути черезъ Ходжалмахи, на Дешлыгаръ и далѣе. Князь Барятинскій ѣхалъ впереди свиты, мимо фланга нашего 1-го баталіона, стоявшаго въ общей линіи лагерныхъ войскъ и, миновавъ линію въ молчаніи, продолжалъ слѣдовать дальше, не обращая вниманія ни на выстроенныя въ линію войска, ни на покореиныя имъ горы, вершины которыхъ покрылись розовымъ отблескомъ восходящаго солнца.

Тишина была полная, нарушаемая только топотомъ конскихъ подковъ удалявшейся въ молчаніи кавалькады. Казалось, что главнокомандующій или не замѣтилъ присутствія войскъ или просто не хотѣлъ себя беспокоить лишнею церемоніею. Такъ или иначе, но

оставлять своего побѣдоноснаго вождя безъ привѣта было не въ духѣ кавказскихъ войскъ и, подъ общимъ впечатлѣніемъ минуты, пишущій эти строки въ полголоса произнесъ, приподнимая шапку и обращаясь къ 1-й ротѣ самурцевъ, которою еще недавно командовалъ: „ура!“. Баталіонный командиръ, дисциплинированный на службѣ въ бывшемъ 5-мъ пѣхотномъ корпусѣ, чуть не наскочилъ на виновнаго съ возгласомъ: „что вы?“ Но уже было поздно: „ура“ загремѣло по всей линіи баталіона и одушевленно было подхвачено всѣми войсками, съ летѣвшими вверхъ бѣлыми шапками.

Князь Барятинскій продолжалъ ѣхать дальше, поглядывая въ нашу сторону, но „ура“ не смолкало, такъ что главнокомандующій повернулъ, наконецъ, лошадь назадъ и, подѣхавъ къ баталіону, громко произнесъ вдоль всей нашей линіи, приподнимая фуражку: „спасибо вамъ, братцы!“ Затихшее на мгновеніе „ура“ снова загремѣло, сопровождая удалявшагося покорителя восточнаго Кавказа.

Въ слѣдующіе дни войска начали расходиться по своимъ штабъ-квартирамъ и на пункты, предназначенные для занятія въ горахъ; а нашъ баталіонъ пошелъ на Гунибъ, на смѣну апшеронцевъ. Тамъ мы вскорѣ узнали, что начальникомъ края и командующимъ войсками Дагестанской области назначался князь Меликовъ.

II.

Императоръ Александръ Николаевичъ на Гунибѣ

въ 1871 г.

Спустя 12 лѣтъ послѣ гунибскаго штурма, по широкимъ, продолженнымъ по всему Дагестану, дорогамъ мчались тройки съ звонкими колокольчиками, развозившія распоряженія по случаю ожидавшагося пріѣзда императора Александра II.

Гунибъ, уже застроенный укрѣпленіемъ, вѣдшимся въ верхнюю часть горы, обращенную къ югу, теперь всѣмъ напоминаетъ неизбѣжное водвореніе здѣсь русскаго оружія. Самое-же укрѣпленіе, вѣнчающее двухъ-этажными казармами верхній скалистый гребень горы, спускается ломанными линіями крѣпостныхъ стѣнъ до нижняго уступа, гдѣ стояли нѣкогда савли Хаджи-Янко и гдѣ находится теперь центръ укрѣпленія съ площадью, штабъ-квартирными постройками и церковью, праздничный звонъ которой далеко разносится по окрестностямъ со стосаженой высоты. Верхняя часть

укрѣпленія соединяется съ центромъ дорогою, которая идетъ тремя зигзагами, частію высѣчена въ скалѣ и частію утверждена на каменныхъ устояхъ, уложенныхъ искусно сухою кладкою, безъ цемента. Общій видъ гунибскаго укрѣпленія дополняется спускомъ къ рѣкѣ, который, выйдя изъ укрѣпленія черезъ нижнія каменные ворота и миновавъ слободку семейныхъ нижнихъ чиновъ, размашистыми зигзагами исчерчиваетъ всю нижнюю часть горы до самой глубины ущелья, гдѣ переходитъ на правый берегъ рѣки Кара-Койсу по широкому каменному мосту. Далѣе эта дорога широкою лентою вьется у подошвы Кегерскихъ высотъ къ Салтинскому ущелью, черезъ которое полутоннелемъ съ каменнымъ барьеромъ проходитъ надъ пропастью, въ которой бурлитъ рѣка, а по ту сторону этой тѣснины дорога развѣтвляется на двѣ стороны: налѣво она идетъ черезъ красный желѣзный мостъ, перекинутый надъ Кара-Койсу, въ Карадахъ, Хунзахъ и далѣе въ Терскую область и направо, черезъ Салтинскія высоты и Ходжалмахинское укрѣпленіе — въ Темиръ-Ханъ-Шуру и Дешлагарь. Всѣ эти дороги проложены довольно отлого по крутымъ высотамъ и глубокимъ ущельямъ и настолько широки, что двѣ шестерки могутъ развѣхаться свободно. Съ Карадаха проложена, кромѣ того, другая дорога къ Гунибу, которая, пройдя по тѣсному Карадахскому ущелью и поднявшись безконечными зигзагами на сѣверную часть горы, проходитъ черезъ тоннель, пробитый въ верхнемъ каменномъ гребнѣ, а затѣмъ идетъ мимо шамилевскаго аула и березовыхъ роцъ и спускается къ сѣвернымъ воротамъ гунибскаго укрѣпленія.

Проливные дожди, бывшіе въ то лѣто, часто портили дорогу къ укрѣпленію, промывая вездѣ рытвины и нанося камни съ верхней части горы. Каждый разъ послѣ дождей требовалось много рабочихъ для исправленія причиненныхъ имъ поврежденій, для чего приходилось оставлять на время другія занятія, относившіяся къ строевой службѣ. Поэтому стоявшій здѣсь 12-й кавказскій линейный баталіонъ напряженно спѣшилъ выполнять работы по укрѣпленію и прочія строевыя занятія, которыя могли производиться только отрывочно. Къ тому-же, нужно было торопиться со всѣмъ этимъ по случаю пріѣзда изъ Тифлиса начальствующихъ лицъ, осматривавшихъ все имъ подвѣдомственное. Главный начальникъ края, князь Меликовъ, независимо отъ предварительныхъ повѣрокъ его помощниками, лично объѣзжалъ край по путевымъ пунктамъ, гдѣ по нѣсколько дней осматривалъ лежащія на этомъ пути укрѣпленія: Ходжалмахинское, Гунибское, Карадахское, Хунзахское и другіе пункты, которые, за исключеніемъ перваго, всѣ

были возведены заново, съ дѣлю, при какиѣ-бы то ни было обстоятельствахъ, воспрепятствовать катастрофамъ, подобнымъ прошлымъ.

Въ числѣ прочихъ приготовленій, сдѣланныхъ къ высочайшему пріѣзду, на Гунибъ были доставлены изъ Темиръ-Ханъ-Шуры легкіе экипажи, въ запряжкѣ которыхъ подобранныя баталіонныя лошади проѣзжались на верхній Гунибъ, причемъ нѣкоторыя гунибскія дамы, любительницы прогулокъ, имѣли случай съ удобствомъ прокатиться къ тѣнистымъ березовымъ рощамъ и къ апшеронскому подъему, гдѣ пышная травяная растительность изобиловала цвѣтами.

Такимъ образомъ ни малѣйшая подробность, касавшаяся удобства и безопасности высочайшаго проѣзда, не ускользнула отъ бдительнаго вниманія князя Меликова; помимо заботы объ исправномъ содержаніи дорогъ, что возлагалось на жителей, онъ самъ лично удостовѣрялся въ пригодности помѣщеній на каждомъ ночлежномъ пунктѣ и въ качествѣ заготовленныхъ лошадей, какъ верховыхъ, такъ и упряжныхъ. При этомъ верховая лошадь для государя была выбрана особенно тщательно: это былъ рыжей масти жеребецъ, съ золотистымъ отливомъ, приведенный изъ Кюринскаго ханства; хотя онъ былъ росту средняго, но сильный и смѣлый до невѣроятности. Сѣдокъ на немъ, въ присутствіи князя Меликова, прорѣзывалъ солдатскія колонны, несмотря на то, что по данному приказанію солдаты махали передъ нимъ шапками и кричали „ура“. Эта-же лошадь и подъ орудійнымъ выстрѣломъ даже ухомъ не шевелила. Также и подъ экипажъ для государя приготовлена была шестерка темно-сѣрыхъ молуканскихъ лошадей, которыя испытывались на подъемахъ и спускахъ; наконецъ, на нихъ пробовали подѣзжать въ легкой коляскѣ подъ два полевыхъ орудія, выставленныя на скалистомъ уступѣ возлѣ церкви. Молокане (кучеръ и выносной) опускали возжи, и лошади, ничего не подозревая, стояли себѣ смирно, какъ вдругъ клубомъ взвился надъ ними дымъ орудійныхъ выстрѣловъ, произведенныхъ одинъ вслѣдъ за другимъ, отъ которыхъ лопались въ ближайшихъ офицерскихъ флигеляхъ стекла, но лошади, кромѣ одного дышловика, взглянушаго на орудія, оставались спокойны. Онъ какъ будто звалъ чего отъ нихъ хотять. Впрочемъ, всѣ молуканскія лошади были хороши, и на нихъ-то теперь молукане развозили нарочныхъ, занявъ всѣ станціи по путевой линіи; теперь, не рѣдко, во мракѣ ночи, по горамъ и глубокимъ ущельямъ, позвякивалъ колокольчикъ и подѣ-часъ раздавались напѣвы заунывной русской пѣсни.

Гунибъ день-ото-дня оживлялся все болѣе и болѣе; для сопро-

вождавшихъ государя лицъ очищены были квартиры преимущественно на площади, именно: въ домѣ баталіоннаго командира—для графа Перовскаго, для князя Трубецкаго и адъютантовъ государя, въ домѣ баталіоннаго священника — для графа Шувалова, затѣмъ въ казенныхъ офицерскихъ флигеляхъ и частныхъ домахъ—для князя Меликова, германскаго военно-уполномоченнаго генерала Вердера, начальника штаба арміи генерала Свистунова и для прочихъ лицъ свиты; весь-же домъ начальника мѣстнаго управленія приготовлялся: верхній этажъ для Государя Императора, а нижній для Наслѣдника Цесаревича и великихъ князей: Владиміра Александровича и его высочества главнокомандующаго. Домъ этотъ, находясь на возвышенности надъ юго-восточнымъ обрывомъ горы, господствуетъ надъ всѣмъ нижнимъ укрѣпленіемъ и изъ его оконъ открывается мѣстность вплоть до Салтинскаго ущелья.

Время высочайшаго пріѣзда приближалось и работы по устройству пріема кипѣли. Заготавливались также иллюминаціи: отъ мѣстнаго управленія на окрестныхъ горахъ, а отъ баталіона въ самомъ укрѣпленіи, начиная съ площади по линіямъ крѣпостныхъ стѣнъ и вдоль дороги, идущей зигзагами до верхнихъ казармъ. Тамъ, надъ верхнимъ укрѣпленіемъ, устроенъ былъ вензель государя императора, величиною въ 15-ть аршинъ, окрашенный бѣлою краскою, такъ что и днемъ онъ хорошо былъ виденъ съ самаго низа горы. Вечеромъ вензель и надъ нимъ корона имѣли быть освѣщены бѣлыми матоваго цвѣта фонарями, и на башнѣ, возлѣ верхнихъ воротъ, устроенъ былъ флагштокъ для поднятія кейзеръ-флага и штандарта. Относительно иллюминаціи происходило сильное соревнованіе между горскимъ управленіемъ и баталіономъ; управленію хотѣлось во всемъ имѣть первенство, рассчитывая и на свое горное освѣщеніе, но въ дѣйствительности вышло не совсѣмъ такъ, какъ ожидалось.

У насъ-же, при всей исправности, все-таки душа не была покойна. Невольно являлась тревога за малѣйшую случайность, которая, при неблагоприятныхъ обстоятельствахъ, могла разстроить всѣ наши старанія. Главнымъ условіемъ успѣшнаго торжества была хорошая погода, но, какъ нарочно, поднялся вѣтеръ, сметая по горамъ щебнистую пыль и предвѣщая дождь; а наканунѣ государеваго пріѣзда, именно 10-го сентября, усиливавшійся вѣтеръ нагналъ тучи и, хлеща въ глаза дождевыми каплями и мелкимъ щебнемъ, не далъ намъ кончить ученія, къ которому, наконецъ, собрали всѣхъ людей.

Императоръ Александръ II, высадившись въ Петровскѣ и пробывъ нѣсколько дней въ Темиръ-Ханъ-Шурѣ, осматривалъ расположенныя тамъ лагеремъ войска 21-й пѣхотной дивизіи. 10-го сентября его величество выѣхалъ въ горы, гдѣ первый ночлегъ былъ въ Ходжалмахи. Оттуда, вечеромъ, было прислано къ намъ распоряженіе о порядкѣ встрѣчи и формѣ одежды, которая назначалась для почетнаго караула парадная, а для прочихъ войскъ—походная.

На другой день, 11-го сентября, съ ранняго утра въ укрѣпленіи все было подметено, и люди пообѣдавъ стали одѣваться, въ ожиданіи перваго салютаціоннаго выстрѣла, который было приказано произвести съ верхней сѣверо-восточной батареи при выѣздѣ государева поѣзда изъ Салтинскаго ущелья. Салютаціею распоряжался артиллеріи штабсъ-капитанъ Гаслеръ, временно начальствующій гунибскою крѣпостною артиллеріею; пока онъ наблюдалъ съ батареи за дорогою, видящеюся отъ самаго Салтинскаго ущелья, наши роты, спустившись на площадь и сложивъ въ саду, возлѣ дома баталіоннаго командира, амуницію и ружья, были готовы строиться шпалерами вдоль площади до поворота дороги на возвышенность къ государевой квартирѣ. Тамъ выстроился и почетный караулъ съ хоромъ областной музыки, прибывшей изъ Темиръ-Ханъ-Шуры.

День уже клонился къ вечеру, когда на верхней батарее възвился клубомъ дымъ перваго выстрѣла. Царскому поѣзду еще нужно было проѣхать семь верстъ до Гуниба, и поэтому наши роты безъ суеты начали строиться на указанныхъ мѣстахъ, а я, съ рапортомъ о состояніи укрѣпленія, верхомъ спустился къ нижней слободкѣ и сталъ у спуска, при въѣздѣ въ нее, съ невольнымъ въ душѣ волненіемъ. Тамъ уже толпились окрестные жители, стоявшіе по обѣ стороны извилистой дороги до самаго низу горы. Погода была тихая и пасмурная, придававшая еще болѣе торжественности всему окружавшему. Съ плато, на которомъ находилась слободка, не была видна часть дороги у моста черезъ Кара-Койсу и поэтому мы узнали о приближеніи царскаго поѣзда лишь по крику „ура“, который раздавался все ближе и ближе; наконецъ, на подъемѣ къ слободкѣ, изъ-за огромныхъ скалистыхъ обломковъ, показались передовые всадники конно-иррегулярнаго дагестанскаго полка, а вслѣдъ за ними неслась тройка молоканскихъ лошадей, запряженныхъ въ легкій экипажъ, въ которомъ сидѣлъ императоръ Александръ II съ его высочествомъ главнокомандующимъ.

Подѣхавъ съ рапортомъ, я былъ представленъ государю его высочествомъ, добавившимъ въ полголоса, обратившись ко мнѣ: „прямо въ церковь“.

Въ самой слободѣ поселяне встрѣтили государя съ хлѣбомъ-солью, причеиъ его величество, выйдя изъ экипажа, милостиво обращался къ нимъ съ вопросами объ ихъ житиѣ, а затѣиъ, сѣвъ на приготовленную верховую лошадь, началъ подниматься къ укрѣпленію. Дорога шла подѣ тѣнью вѣсковыхъ орѣховъ до поворота, съ котораго виденъ водопадъ Гунибской рѣчки, падающей съ верхняго обрыва въ глубокую кручу, разбиваясь при паденіи въ мелкія серебрястыя брызги. Поднявшись къ нижнимъ воротамъ и обогнувъ южную кручу горы по длинному выстуу съ барьеромъ, уложеннымъ изъ камней надъ самою пропастью, дорога приводитъ на площадь. Группы солдатъ и народа, стоявшія вдоль дороги, завидя государя, привѣтствовали царскій поѣздъ чисто русскимъ „ура“, подаваясь вслѣдъ за государемъ къ площади. Поднявшись на церковную площадь, гдѣ собрались всѣ гунибскія даиы и почетные граждане съ хлѣбомъ-солью, государь встрѣченъ былъ у входа въ церковь баталіоннымъ священникомъ о. Іоанномъ Лебединскимъ. Небольшая одиоглавая гунибская церковь, со скромнымъ, но довольно изящнымъ украшеніемъ, обсаженная березками, рябиною и кленомъ и обставленная трофеями совершившагося покоренія—шамилевскими пушками, теперь ознаменовалась событіемъ, принесшимъ этому покоренію но́вый блескъ.

Выйдя изъ церкви, государь съ минуто любовался общимъ видомъ укрѣпленія и окрестною мѣстностью. Затѣиъ, сѣвъ на лошадь, его величество со всею свитой поѣхалъ вдоль рядовъ выстроенныхъ на площади войскъ, которыя привѣтствовали его восторженнымъ „ура“. Возлѣ дома, приготовленнаго для государя на небольшой площадкѣ, лѣвымъ флангомъ къ подѣзду, стоялъ почетный караулъ съ начальникомъ мѣстныхъ войскъ генераломъ Берхманомъ на правомъ флангѣ. Государь былъ встрѣченъ даргинскимъ маршемъ, смѣнявшимся, послѣ привѣтствія, народнымъ гимномъ и барабаннымъ боемъ, заглушеннымъ раскатами непрерывнаго „ура“! Государь шелъ медленно вдоль фронта рослыхъ солдатъ, выразивъ имъ одобреніе за ихъ молодецкій видъ, а затѣиъ, принявъ ординарцевъ на лѣвомъ флангѣ и пропустивъ роту „справа по отдѣленіямъ“, вошелъ въ приготовленную для него квартиру; причеиъ, по приказанію главнокомандующаго, вмѣсто отпущенной роты оставленъ былъ караулъ изъ 40 рядовыхъ при офицерѣ.

Восторгу очастливленныхъ гунибцевъ не было предѣла. Они тотчасъ принялись приводить все въ порядокъ: экипажи прибывшей свиты, загромоздившіе площадь, быстро и безъ суеты были размѣщены по квартирамъ; всѣ проѣзды по укрѣпленію, запруженные

милиціей, были очищены и подметены, такъ что праздничный видъ повсюду возстановился.

Къ 6-ти часамъ вечера, прибывшіе гости начали собираться къ государственной квартирѣ, любуясь на площадкѣ передъ домою видомъ окружающихъ горъ, на которыхъ уже начали зажигаться приготовленные костры, а на вершинѣ Кегера выдѣлился царскій вензель, составленный изъ разноцвѣтныхъ фонарей, разставленныхъ по склону горы. Но такъ какъ мѣстность не была ровная, то и лютера вышла не совсѣмъ удачно. Все-таки представитель мѣстнаго управленія съ торжествующею улыбкою обратился къ тутъ же стоявшему баталіонному командиру съ вопросомъ: „что-же ваша иллюминація?“ Но на верхнемъ укрѣпленіи начали уже зажигаться плоски, образуя огненные линіи, надъ которыми засіяла громадная вензелевая буква съ короною; вскорѣ по всему укрѣпленію загорѣлась иллюминація. Гунибъ кишѣлъ народомъ, гулявшимъ при звукахъ музыки и пѣсенниковъ, и долго еще не умолкалъ шумъ народнаго веселья среди тихой прекрасной ночи.

Приглашенные къ царскому столу вошли въ домъ. За обѣдомъ, бесѣдуя съ высокопоставленными лицами, государь обращался съ вопросами и къ тѣмъ, которымъ случай предоставилъ первый разъ въ жизни эту честь. Въ концѣ обѣда его величество произнесъ тостъ за здоровье „славной кавказской арміи“ и ея главнокомандующаго, выразивъ при этомъ признательность его высочеству и начальнику области, князю Меликову.

Въ ожиданіи возвращенія князя Меликова, чтобы получить его приказанія на слѣдующій день, я сидѣлъ на крыльцѣ своего помещенія, переживая вновь только-что испытанныя впечатлѣнія. Время было уже позднее, кое-гдѣ догорали огни иллюминаціи, празднество притихло, какъ вдругъ гдѣ-то высоко раздался какъ будто ружейный выстрѣлъ. Подбѣжавъ къ часовому, стоявшему возлѣ квартиры графа Перовскаго, я спросилъ: „гдѣ былъ выстрѣлъ?“ Часовой указалъ къ сторонѣ церкви. Поспѣшивъ туда, къ скалисту возвышенію позади церкви, гдѣ находились небольшія постройки крѣпостной артиллерійской команды, я узналъ, что офицеръ этой команды, старожилый гунибецъ, пустилъ ракету, чтобы татары, какъ онъ выразился, веселѣе поддерживали на Кегерѣ иллюминацію. Пришлось попросить его воздержаться отъ подобныхъ мѣръ, могущихъ причинить недоразумѣніе, тѣмъ болѣе что въ укрѣпленіи много было татаръ и разныхъ милицій.

По возвращеніи князя Меликова съ прочими лицами свиты, получено было приказаніе касательно предстоявшаго на слѣдующій

день смотра. Въ укрѣпленіи скоро все затихло, только мѣрные шаги часовыхъ раздавались на скалистомъ грунтѣ.

На другой день, съ раннаго утра, когда восходящее солнце не успѣло еще освѣтить вершинъ гунибскихъ скалъ, наши солдаты управились уже съ уборкою укрѣпленія и начали готовиться къ смотру.

На площади тѣмъ временемъ начали показываться свитскіе чины въ мундирахъ при походной формѣ, изъ числа коихъ нѣкоторые направились къ государевой квартирѣ, гдѣ собиралась и депутація отъ горскаго народа.

Къ назначенному для смотра времени, т. е. въ 11-ти часамъ утра, баталіонъ съ областною музыкою выстроился на площади развернутымъ фронтомъ. Государь, послѣ приема горской депутаціи верхомъ спустился на площадь въ сопровожденіи ихъ высочествомъ и лицъ свиты и, принявъ рапортъ отъ представлявшаго баталіонъ, проѣхалъ вдоль фронта шагомъ, пріветствуемый народнымъ гимномъ и не смолкавшимъ „ура!“.

Выѣхавъ передъ баталіономъ, государь спросилъ: „Есть-ли холостые патроны?“ Однако-же, при всей предусмотрительности, это обстоятельство, нерѣдко практикуемое, было упущено изъ вида.

¶ Выслушавъ крайне неумѣстное „нѣтъ“, государь произвелъ ученіе „по-ротю въ двѣ линіи“, оконченное атакою артиллерійскаго кургана, а затѣмъ церемоніальнымъ маршемъ „шагомъ и бѣгомъ“. Баталіонъ былъ осчастливленъ царскимъ „спасибо“ и выборомъ 9-ти нижнихъ чиновъ въ гвардію. Причемъ и офицеры имѣли счастье представляться его величеству, и каждый изъ нихъ былъ удостоенъ милостивымъ словомъ.

Проѣзжая съ площади, по пути на верхній Гунибъ, государь осмотрѣлъ баталіонный лазаретъ и казарму стрѣлковой роты. Устройство этой казармы государю понравилось, и на вопросъ, обращенный ко мнѣ: „всѣ-ли такія?“, я отвѣтилъ, что эта самая лучшая. Прочія казармы по строительному искусству, быть можетъ, и считались лучшими, но стрѣлковая, построенная баталіоннымъ командиромъ, моимъ предшественникомъ, была несравненно удобнѣе, и я не могъ выразиться иначе; однако, мой отвѣтъ, какъ оказалось впоследствии, не понравился заинтересованнымъ лицамъ. При осмотрѣ лазарета, помимо ласковаго обращенія къ каждому изъ больныхъ, государь удостоилъ и присутствовавшихъ должностныхъ офицеровъ вопросами объ ихъ прежней службѣ. Причемъ, на отвѣтъ завѣдующаго хозяйствомъ капитана Винникова, что онъ прежде служилъ въ Кабардинскомъ полку, государь указалъ на флигель-адъютанта князя Долгорукова, сказавъ:

— „Вотъ твой бывшій однополчанинъ, признаешь-ли ты его?“ „Признаю, ваше императорское величество!“, одушевленно отвѣчалъ капитанъ Винниковъ, къ которому не замедлилъ любезно подойти признаваемый блестящій свитскій офицеръ. Государь со всѣми былъ ласковъ, и всѣ, имѣвшіе счастье удостоиться его слова, чувствовали себя въ невыразимомъ восторгѣ. При дальнѣйшемъ слѣдованіи въ гору государь любовался съ высоты окрестною мѣстностью, представляющею, по выраженію самого государя, „грандіозную картину“. Подъѣхавъ къ верхнимъ воротамъ крѣпости, государь принялъ рапортъ и, получивъ на сдѣланный имъ вопросъ, имѣютъ-ли эти ворота названія, отрицательный отвѣтъ, государь приказалъ верхнія ворота именовать „Шамилевскими“, а нижнія — „князя Барятинскаго“.

Проѣзжая далѣе, мимо березовыхъ рощъ, къ шамилевскому аулу, государь разспрашивалъ меня о подробностяхъ штурма, о чемъ я имѣлъ счастье докладывать, какъ бывшій очевидецъ. Въ аулѣ государь взглянулъ на шамилевскую саблю, построенную по образцу нашихъ слободскихъ домиковъ, съ деревяннымъ поломъ и стекольными окнами, и на возвратномъ пути остановился въ березовой рощѣ, гдѣ въ разбитыхъ палаткахъ приготовленъ былъ завтракъ. Роща эта отличается отъ прочихъ небольшихъ рощицъ старыми большими деревьями, покрывающими густою тѣнью внутренней склонъ западнаго гунибскаго гребня, который красиво возвышается террасами надъ дорогою. На нижней террасѣ этого склона, подъ тѣнистыми березами, находится большой камень, на которомъ сидѣлъ князь Барятинскій, во время принесенія Шамилемъ покорности. Туда-то, по окончаніи завтрака, государь спустился съ верхней террасы съ бокаломъ въ рукѣ и, въ присутствіи сопровождавшихъ его лицъ, произнесъ тостъ въ честь князя Барятинскаго. По всей рощѣ раздалось одушевленное „ура“, повторенное тысячными голосами горцовъ, собравшихся вокругъ рощи. Затѣмъ государь, сѣвъ на лошадь, поѣхалъ къ нашей стрѣлковой ротѣ, которая для смотровой стрѣльбы стояла по пути къ укрѣпленію. Мишени были поставлены 3-го номера и самая стрѣльба производилась съ двухъ различныхъ неопредѣленныхъ разстояній. Причемъ, хотя солдаты всѣми силами усердствовали въ этомъ случаѣ, но, имѣя старыя, заготовленія 1854-го года, семимлинейныя ружья, проценты дали посредственные. Государь, однако-же, обратилъ вниманіе на хорошее направленіе выстрѣловъ, и, по окончаніи стрѣльбы, присутствуя лично при повѣркѣ пуль, милостиво выразилъ одобрителный отзывъ стрѣлкамъ.

День уже клонился къ вечеру, когда государь, въ сопровожденіи прочихъ лицъ свиты, спустился на среднее плато Гуниба.

Къ обѣденному царскому столу были приглашены и нѣкоторые чины изъ народнаго управленія, которые тоже не были обойдены царскимъ словомъ, и вечеръ прошелъ попрежнему при звукахъ музыки и блескѣ иллюминаціи, на этотъ разъ блѣднѣвшей передъ міриадами звѣздъ, ярко блиставшихъ на безоблачномъ небѣ.

Около 12-ти часовъ ночи, государь вышелъ изъ своихъ покоевъ и прохаживался нѣкоторое время по площадкѣ, гдѣ стоялъ караулъ. Праздничный шумъ уже утихъ, только кое-гдѣ въ укрѣпленіи догорали плашки, въ глубокомъ обрывистомъ ущельи слышался вѣчный ропотъ Кара-Койсу, да издали доносилось побрякиваніе колокольчиковъ удалявшихся очередныхъ курьеровъ.

Къ утру, къ отъѣзду государя, который долженъ былъ прослѣдовать черезъ верхній Гунибъ и Карадахскую тѣснину, приготовлены были легкіе экипажи, а дорожные, изъ коихъ нѣкоторые везлись восмерками, направлялись въ Карадахъ кругомъ, по Салтинскому ущелью, черезъ красный желѣзный мостъ и Карадахскій переваль.

Рано утромъ, 13-го сентября, началось дѣятельное движеніе чиновъ свиты и ихъ ливрейной прислуги, суетившейся около дорожныхъ экипажей. И вскорѣ тяжелые экипажи, одинъ вслѣдъ за другимъ, начали спускаться въ ущелье Кара-Койсу.

Ровно въ 8 часовъ утра, государь вышелъ на площадку, гдѣ, удостоивъ находившихся тамъ офицеровъ и классныхъ чиновниковъ прощальнымъ привѣтствіемъ, сѣлъ въ коляску съ главнокомандующимъ и сѣрый шестерикъ государева экипажа быстро помчался на верхній Гунибъ. Проѣхавъ верхнія ворота, на которыхъ уже красовалась сдѣланная въ теченіе ночи надпись, золоченными буквами, „Шамилевскія ворота“, государева коляска, а за нею и экипажи царской свиты быстро покатили по дорогѣ, мимо березовыхъ рощъ, въ тоннелю, гдѣ экипажи замѣнены были верховными лошадьми и царскій поѣздъ медленно продолжалъ путь по крутому сѣверному спуску въ Карадахскую тѣснину и въ Карадахъ, отсюда дальнѣйшее слѣдованіе предстояло въ дорожныхъ экипажахъ.

Съ отъѣздомъ государя, штандартъ, развѣвавшійся надъ гунибскимъ укрѣпленіемъ, спустился, и укрѣпленіе, послѣ своего торжества, снова затихло и приняло видъ глухаго уединенія, обычнаго среди этой дикой и величественной природы.

По всему Дагестану государя сопровождали, главнымъ образомъ, всадники конно-иррегулярнаго Дагестанскаго полка, составлявшагося изъ горцевъ-охотниковъ. Полкъ этотъ всегда отличался въ прежнихъ военныхъ дѣлахъ и теперь представился нарядно въ бѣлыхъ черкескахъ съ синими бешметами. Войска-же, находившіяся въ горахъ, оставались на своихъ мѣстахъ, — такъ были надежны жители, встрѣчавшіе высочайшій проѣздъ по всей дорогѣ. Въ настоящее время, они хотя, попрежнему, вооружены, но какъ будто желая вознаградить время, потерянное ими въ непрерывной войнѣ, всецѣло занялись разными ремеслами и хозяйствомъ, получая изъ своей ьаменистой, но плодородной земли хорошіе хлѣба и садовые фрукты. Самое орошеніе садовъ удивило-бы любого садовода искусно придуманными водопроводами, мѣстами проходящими по деревяннымъ желобкамъ.

Въ этомъ краѣ уже много сдѣлано, но много предстоитъ еще усилій и времени, чтобы эта страна вполне стала цивилизованною.

Вячеславъ Солтанъ,
отставной ген.-маіоръ.

Тифлисъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ОРДИНАРЦА О ВОЙНѢ 1877—1878 гг.

Воспоминанія эти были издавы въ 1891 г., въ очень ограниченномъ числѣ экземпляровъ и въ продажу не поступали. Въ виду живаго интереса, представляемаго военными очерками В. М. Вонлярлярскаго, состоявшаго, въ продолженіе всей кампаніи 1877—1878 гг., ординарцемъ при главнокомандующемъ дѣйствующею арміею—вел. кн. Николаѣ Николаевичѣ, мы помѣщаемъ здѣсь, съ любевнаго разрѣшенія автора, первыя три главы „Воспоминаній“, предполагая впослѣдствіи напечатать еще нѣсколько главъ, касающихся такихъ интересныхъ моментовъ послѣдней нашей войны съ турками какъ штурмъ Никополя, шипкинскія дѣла, взятіе Плевны и проч.

Р е д.

I.

Отъѣздъ изъ Петербурга.—Нишиневъ.

Въ началѣ 1877 г. начали поговаривать о возможности войны съ Турціею. Я служилъ въ то время въ кавалергардскомъ полку; весьма увлекался военнымъ дѣломъ и мечталъ о томъ, какъ-бы попасть въ дѣйствующую армію, которая была только-что мобилизована. Судя по разговорамъ, нашъ полкъ не долженъ былъ итти въ походъ, и я ломалъ себѣ голову, куда-бы мнѣ пристроиться, чтобы побывать на войнѣ.

Наконецъ, я рѣшилъ попытать счастья: обратился къ моему полковому командиру, свиты Е. И. В. генераль-маіору Алексѣю Павловичу Игнатьеву, и просилъ его имѣть меня въ виду на

случай, если изъ нашего полка потребуютъ офицеровъ въ дѣйствующую армію.

1-го или 2-го апрѣля 1877 года позвалъ меня Алексѣй Павловичъ къ себѣ, объявилъ, что пришло распоряженіе назначить отъ нашего полка одного офицера въ кадры предполагаемаго болгарскаго ополченія, и предложилъ мнѣ эту командировку. При моемъ живомъ характерѣ, перспектива быть инструкторомъ братушекъ и пробыть, быть можетъ, всю войну гдѣ-нибудь въ кадрахъ—не особенно мнѣ улыбалась. Я попросилъ позволенія повременить отвѣтомъ и подумать въ теченіе двухъ дней, чтобы имѣть возможность разузнать въ чемъ будутъ заключаться обязанности офицеровъ, вызываемыхъ въ эти кадры.

Къ сожалѣнію, я ничего не могъ узнать и былъ въ большомъ затрудненіи что отвѣтить на любезное предложеніе генерала. Счастливая звѣзда меня выручила. Какъ разъ въ тотъ день, когда я долженъ былъ дать рѣшительный отвѣтъ, на разводѣ въ Михайловскомъ манежѣ пронеслась радостная вѣсть, что великій князь, главнокомандующій дунайскою арміею, вызываетъ къ себѣ ординарцами десять офицеровъ изъ разныхъ гвардейскихъ полковъ, въ числѣ которыхъ изъ нашего полка былъ я. Восторгу моему не было границъ. Кромѣ лестнаго для самолюбія назначенія состоять при великомъ князѣ, котораго всѣ мы офицеры любили какъ отца, эта неожиданная милость разрубала Гордіевъ узелъ и блистательнымъ образомъ выручала меня изъ кадровъ болгарскаго ополченія, будущность которыхъ была совершенно неизвѣстна.

Всѣмъ намъ, назначеннымъ ординарцамъ ¹⁾, велѣно было черезъ три дня уже выѣхать изъ Петербурга. Надо было собраться, подыскать годныхъ для похода лошадей, наконецъ, распрощаться съ родными и товарищами—на всѣ эти сборы давалось три дня.

Я рѣшилъ взять съ собою денщика, рядоваго кавалергардскаго полка, Тычинскаго, стараго камердинера Максима и двухъ

¹⁾ Ординарцами назначены были: гв. кон. арт. шт.-кап. Андреевскій, кавалергардскаго полка шт.-ротм. Воилярскій, л.-гв. коннаго шт.-ротм. Феліцынъ, того-же полка корн. Рыдзевскій, л.-гв. драгунскаго полка шт.-кап. Клейгельсъ, л.-гв. гусарскаго ротм. Бенкендорфъ, л.-гв. гродненскаго гусарскаго ротм. Цуриковъ и л.-гв. уланскаго: ротм. Евреиновъ, шт.-ротм. графъ Штапельбергъ и корн. Дерфельденъ.

верховыхъ лошадей. Одна изъ нихъ у меня была на лицо: это былъ крупный донской конь гнѣдой масти, вершковъ четырехъ росту, замѣчательный по силѣ; второй подходящей лошади у меня не было.

Случай меня снова выручилъ: мнѣ удалось купить у бывшаго нашего полковаго командира, генераль-адъютанта Гринвальда, чистокровнаго англійскаго жеребца „Лорда“. Генераль продалъ мнѣ его изъ любезности, какъ своему однополчанину, отправляющемуся на войну. Имѣя этихъ двухъ лошадей, я считалъ себя обезпеченнымъ, и, дѣйствительно, эти прелестные кони не одинъ разъ давали мнѣ возможность дѣлать быстрыя и дальнія поѣздки, и послѣ 13 мѣсяцевъ боевой службы оба вернулись со мною въ Петербургъ; изъ нихъ донецъ, на конской выставкѣ 1879 года, въ Петербургѣ, получилъ даже премію за хорошія формы и свѣжесть.

Много времени отняли у насъ хлопоты по полученію „предложеній“ (даровыхъ билетовъ) на переѣздъ до Кишинева. Эти три дня пролетѣли съ неимовѣрною быстротою; я былъ какъ въ туманѣ. Наконецъ, отъездъ нашъ былъ назначенъ на 9-е апрѣля, въ 12 часовъ дня. При отвратительной погодѣ, шелъ мокрый свѣгъ—мы всѣ, вновь назначенные ординарцы, весело выѣхали изъ Петербурга, въ особомъ поѣздѣ, вмѣстѣ съ нашими людьми и лошадьми.

Быстро сошлись мы другъ съ другомъ и незамѣтно проѣхали 4 дня до Кишинева. Въ товарищеской бесѣдѣ вслѣдъ изъ насъ хотѣлъ нарисовать картину предстоящей службы, о которой мы имѣли весьма смутное понятіе. Наше воображеніе рисовало намъ будущее самыми фантастическими красками. Одинъ изъ товарищей, неистощимый и прекрасный разсказчикъ, штаб.-ротм. 1-го уланскаго полка С. Н. Евреиновъ съ большимъ юморомъ изображалъ намъ дѣятельность ординарцевъ во время сраженія. Бой въ полномъ разгарѣ... Орудійная пальба грозно потрясаетъ воздухъ, вдали слышна команда начальниковъ частей.. Великій князь, окруженный свитою, стоитъ на курганѣ, откуда видно все расположеніе нашихъ и непріятельскихъ войскъ. Каждый изъ насъ ждетъ, что вотъ-вотъ его подзоветъ главнокомандующій и отправить съ какимъ-нибудь приказаніемъ впередъ. «Такой-то, раздается голосъ великаго князя, поѣзжай и передай

№ полку приказаніе атаковать непріятельскія траншеи!“ Ординарецъ беретъ подъ козырекъ, поворачиваетъ коня налѣво кругомъ, ориентируется и съ мѣста пускается въ карьеръ по назначенному направленію — совершенно какъ въ Красномъ селѣ на маневрахъ.

Мы очень смѣялись этому разсказу, приправленному массою остротъ и шутокъ насчетъ могущаго быть настроенія духа у свачущаго въ огонь ординарца; но, въ сущности, другаго представленія о боѣ не могли себѣ составить, такъ какъ всѣ были новичками въ этомъ дѣлѣ.

12-го апрѣля 1877 г. мы прибыли въ Кишиневъ. Была чудная погода, солнце грѣло какъ лѣтомъ. Переодѣвшись, мы поспѣшили явиться къ главнокомандующему. Его императорское высочество очень милостиво насъ принялъ, поздравилъ съ назначеніемъ и обратился къ намъ съ нѣсколькими словами, въ которыхъ высказалъ, что требуетъ, чтобы мы жили дружно между собою, чтобы не было картежной игры и попойекъ, чтобы точно исполняли его порученія и держали-бы въ безусловной тайнѣ все, что будетъ намъ поручено или передано. Кто не выполнитъ этихъ условій, тотъ немедленно будетъ высланъ изъ арміи. Все это было сказано коротко и отечески строго; великій князь насъ обласкалъ и сразу такъ очаровалъ, что каждый изъ насъ былъ готовъ изъ кожи лѣзть, чтобы ему угодить. Впоследствии каждый разъ, когда намъ приходилось ѣхать въ командировку, великій князь, прощаясь, благословлялъ и цѣловалъ насъ; вернувшись, мы должны были идти къ нему съ рапортомъ во всякое время дня и ночи, безъ доклада.

Въ теченіе всей зимы 1877 года великій князь проболѣлъ, и мы ожидали найти въ немъ большую перемяну. Дѣйствительно, онъ похудѣлъ, но сохранилъ ту-же величественную осанку: которая напоминала нашимъ отцамъ покойнаго государя Николая Павловича; тотъ-же чарующій голосъ, который имѣлъ даръ располагать къ себѣ людей. Никогда великій князь не показывалъ, что страдаетъ, несмотря на жестокіе приступы нервной боли.

Наканунѣ нашего пріѣзда прибылъ въ Кишиневъ государь, и на 12-е апрѣля былъ назначенъ парадъ всѣмъ находившимся вблизи войскамъ, которымъ и велѣно было собраться на скаковомъ полѣ. По приказанію государя, преосвященный Павелъ

прочелъ манифестъ объ объявленіи войны Турціи, послѣ чего былъ отслуженъ съ особою торжественностью молебенъ, и начался церемоніальный маршъ. Стройно проходили, въ боевомъ составѣ, роты и эскадроны, которые поражали нашъ непривычный глазъ своимъ длиннымъ фронтомъ. На этомъ смотру впервые участвовали вновь сформированные кадры болгарскаго ополченія. По окончаніи смотра, государь объѣзжалъ войска, милостиво разговаривалъ съ офицерами и солдатами и при отъѣздѣ сказалъ: „Прощайте... до свиданія! возвращайтесь скорѣе со славою, да хранить васъ Богъ!“ Раздалось оглушительное ура. Шапки полетѣли въ воздухъ, воодушевленіе было невообразимое — описать его невозможно, потому что это такія минуты, которыя надо пережить и прочувствовать, чтобъ ихъ понять и оцѣнить.

Вскорѣ, по распоряженію штаба, насъ, ординарцевъ, раздѣлили на партіи, по два офицера; на двухъ офицеровъ, по штату, полагался пароконный фургонъ, который, какъ ковчегъ, долженъ былъ заключать въ себѣ все наше имущество. Моимъ однофургонникомъ оказался штабсъ-капитанъ л.-гв. драгунскаго полка Н. В. Клейгельсъ, котораго я ранѣе совсѣмъ не зналъ, что не помѣшало намъ весьма дружно прожить весь походъ. Наша служба пока заключалась въ томъ, чтобы выѣзжать верхомъ всюду, гдѣ бывалъ великій князь, на всякій смотръ или объѣздъ войскъ, почти ежедневно проходившихъ черезъ Кишиневъ, и затѣмъ въ очередь дежурить при его высочествѣ.

Въ свободное время мы часто выѣзжали за городъ, въ степь, и тренировали нашихъ лошадей, подготавливая ихъ къ походу. Надо было подумать и о фургонѣ. Купили мы съ Клейгельсомъ колонистскую телѣгу, придѣляли къ ней верхъ, купили пару лошадей и весьма скоро привели въ порядокъ наши перевозочныя средства. Въ этомъ фургонѣ помѣщалась палатка для насъ, tente-abri¹⁾ для людей, два чемодана, вьюки, самоваръ, топоръ, лопата и кое-какая сухая провизія. Насъ предупредили, что, пока мы находимся въ главной квартирѣ, будемъ имѣть столъ у великаго князя, но когда будемъ въ командировкѣ, то должны заботиться о своемъ продовольствіи сами. Не забыли мы также захватить съ собою запасные круги подковъ и ковочный инстру-

¹⁾ Tente-abri—палатка мазаго размѣра, принятая въ войскахъ.

ментъ, безъ котораго, понятно, плохо пришлось-бы намъ въ походѣ.

По приказанію начальника штаба дѣйствующей арміи, каждый изъ насъ долженъ былъ представить свою фотографическую карточку, на которой ген.-маіор. Левицкимъ ¹⁾ было прописано удостовѣреніе о личности, и приложена была печать штаба. Эта карточка должна была служить письменнымъ доказательствомъ нашего служебнаго положенія на случай, еслибы пришлось передавать изустныя приказанія великаго князя.

Вскорѣ получилъ я первую командировку: отвезти маршруты и распоряженія выступать въ походъ войскамъ, расположеннымъ въ г. Дубно, Луцкѣ и Замостьѣ. Эту командировку я долженъ былъ сдѣлать по желѣзной дорогѣ и на перекладныхъ. Меня, никогда не бывавшаго въ западномъ краѣ, очень заинтересовали дубовые лѣса Волыни и эта чудная, живописная часть Россіи. Но медлить было невозможно, я страшно торопился скорѣе вернуться въ Кишиневъ, боясь, чтобъ великій князь не выступилъ оттуда безъ меня. По возвращеніи, я нашелъ уже много новаго. Все, что совершалось на театрѣ военныхъ дѣйствій, держали въ штабѣ въ величайшей тайнѣ, такъ что мы узнавали новости съ большимъ трудомъ. Тѣмъ не менѣе, я услышалъ о быстромъ занятіи Барбопскаго моста полковникомъ Струковымъ, о перестрѣлкѣ, которую мы имѣли на Дунаѣ, о минныхъ загражденіяхъ и, наконецъ, пришла телеграмма о томъ, что удачнымъ выстрѣломъ съ одной изъ нашихъ батарей, расположенныхъ близъ Бранлова, былъ взорванъ турецкій мониторъ „Лютфи-Джелиль“. Было общее ликованіе по поводу этого перваго успѣха, причемъ устроилась первая товарищеская попойка; я говорю первая, потому что вторая и послѣдняя была 19-го января въ Адрианополѣ, въ день заключенія перемирія. Вотъ насколько скромнѣе былъ нашъ походный образъ жизни.

Наконецъ, 30-го апрѣля, объявили намъ, что великій князь съ начальникомъ штаба ген.-адъют. Непокойчицкимъ и ограниченнымъ числомъ свиты выступаетъ завтра въ Плоэшти. Остальной главной квартирѣ было предписано эшелонами двигаться по желѣзной дорогѣ туда-же. Съ однимъ изъ подобныхъ эшело-

¹⁾ Помощникъ начальника штаба дѣйствующей арміи.

новъ двинулись и мы, ординарцы, съ нашими лошадьми и вьюками. Фургонъ нашъ долженъ былъ идти съ обозомъ главной квартиры и догнать насъ въ Плоэшти. Не буду описывать нашего переѣзда по желѣзной дорогѣ, всѣхъ неурядицъ, которыя господствовали въ желѣзнодорожномъ управленіи; скажу лишь одно, что эта злополучная дорога была построена въ Румыніи знаменитымъ Струсбергомъ. Весенній разливъ и усиленное движеніе поѣздовъ привели ее въ такое отвратительное состояніе, что надо удивляться, какъ она выдержала передвиженіе всей нашей арміи.

Переѣзжая румынскую границу, каждый снялъ фуражку и перекрестился; затѣмъ грянуло ура, дружно подхваченное и остальными ѣдущими съ нами въ поѣздѣ. Впереди была полная неизвѣстность—кому изъ насъ суждено вернуться домой невредимымъ.... тѣмъ не менѣе всѣмъ было легко на душѣ.

Не помню, на какой-то станціи, уже въ Румыніи, нашъ поѣздъ остановили, заявивъ, что дальше ѣхать нельзя, такъ какъ мостъ на пути размытъ водою. Подобная задержка насъ страшно разсердила; не долго думая, мы выгрузили нашихъ лошадей, верхомъ направились по шоссе на слѣдующую станцію, съ большимъ трудомъ добились составленія новаго поѣзда и двинулись далѣе.

II.

П л о э ш т и .

Наконецъ, мы прибыли въ Плоэшти, маленькій румынскій городокъ, который былъ до того переполненъ войсками, управленіями, штабами, транспортами, обозами, что походилъ на огромный военный лагерь.

Каждый день весь штабъ и главная квартира завтракали и обѣдали у великаго князя—это было нашимъ клубомъ, въ которомъ всѣ встрѣчались, узнавали новости и знакомились другъ съ другомъ. Эти обѣды, съ чисто семейнымъ характеромъ, были для насъ связующимъ звеномъ во время всего похода. Великій князь держалъ себя весьма просто и принималъ всегда участіе въ разговорѣ. Послѣ жаркаго неизмѣнно раздавалась команда его высочества: „Вынимай па-тронъ!“, что означало позволеніе

курить. При этомъ слогъ „тронъ“ произносился всѣми обѣдующими хоромъ, что приводило въ замѣшательство тѣхъ, кто въ первый разъ присутствовалъ при этомъ. Иные долго не могли привыкнуть одновременно съ другими прокричать „тронъ“ и опаздывали,—это всегда служило поводомъ къ дружному смѣху. За столомъ постоянно играла военная музыка, и, съ переходомъ главной квартиры въ Плоешти, пѣли румынскіе цыгане. Почему-то любимымъ ихъ напѣвомъ было: „Ich bin der kleine Postillon“. Этотъ мотивъ надѣлалъ разъ не мало смѣху. Какъ-то за обѣдомъ присутствовалъ румынскій князь Карлъ. Великій князь провозгласилъ тостъ за его здоровье, и музыкантамъ было велѣно играть румынскій гимнъ. Капельмейстеръ, не разслушавъ приказанія, или не зная этого гимна, вдругъ заигралъ: „Ich bin der kleine Postillon“, т. е. тотъ напѣвъ, который мы ежедневно слышали отъ румынскихъ цыганъ. Все это было объяснено тѣмъ, что капельмейстеръ не понялъ приказания, и эта неловкость сгладилась...

Въ бытность нашу въ Плоешти, было получено извѣстіе о подвигѣ лейтенантовъ Дубасова и Шестакова—всѣ мы завидовали нашимъ героямъ-морякамъ и съ нетерпѣніемъ ждали, когда, наконецъ-то, и намъ придется понюхать пороху. Въ свободное время я занялся изученіемъ румынскаго, болгарскаго и турецкаго языковъ, что впоследствии мнѣ весьма пригодилось. Намъ всѣхъ очень удивило, что большинство размѣнной серебряной монеты въ Румыніи были старые екатерининскіе рубли, полтинники и четвертаки — эти вещественныя доказательства нашихъ прежнихъ турецкихъ войнъ. Солдаты быстро научились считать на франки и галаганы. (Галаганъ—это французскій су). Имъ въ первый разъ пришлось столенуться съ курсомъ нашего кредитнаго рубля, и они весьма оригинально объясняли это явленіе: „Вишь, бѣдный народъ какой, говорили они, за нашъ рубль даже сполна заплатить не могутъ, а даютъ только шесть гривенъ. Да откуда и взять-то!“ *Se non é vero é ben trovato.*

Наконецъ, 12-го мая, зовутъ меня въ помощнику начальника штаба, ген.-м. Левицкому.

— „По приказанію великаго князя главнокомандующаго, сказалъ онъ,—на васъ, вмѣстѣ съ штабсъ-ротм. Евреиновымъ, возлагается весьма серьезное порученіе: рекогносцировать дорогу

отъ Бухареста до Руше-де-Веде. Это, собственно, дѣло офицеровъ генеральнаго штаба, но, въ настоящее время, они всё находятся въ развѣдочныхъ партіяхъ на Дунаѣ. Великій князь надѣется, что вы будете въ состояніи это сдѣлать. Поѣзжайте въ Бухарестъ и обратитесь къ министру внутреннихъ дѣлъ, который дастъ вамъ свободный пропускъ и рекомендаціи къ мѣстнымъ властямъ, дабы по вашему требованію немедленно исправили тѣ мосты и гати, которые вы найдете въ плохомъ состояніи. Отъ Бухареста на Руше-де-Веде идутъ двѣ дороги: одна на Болентинъ и Обедени, другая на Бригадирь. Рекогносцируйте ту и другую, выберите удобнѣйшую, сдѣлайте маршрутную съемку, назначьте переходы и биваки и телеграфируйте мнѣ результатъ возможно скорѣе. Порученіе это слѣдующее: по этому пути долженъ прослѣдовать 9-й корпусъ“.

Крайне польщенные подобною командировкою, отправились мы съ Евреиновымъ въ Бухарестъ, захвативъ съ собою, конечно, лошадей, денщиковъ и двухъ вѣстовыхъ, которыхъ намъ дали изъ государева конвоя.

Министръ внутреннихъ дѣлъ весьма любезно насъ принялъ, выдалъ всё нужныя бумаги и предписанія мѣстнымъ властямъ и распорядился назначить намъ проводниками двухъ кавалеристовъ каларашей: унтеръ-офицера и рядоваго.

На слѣдующій день, въ 6 часовъ утра, мы выѣхали съ Евреиновымъ изъ Бухареста и раздѣлились на двѣ партіи: онъ отправился на Болентинъ, а я взялъ южнѣе, на Бригадирь. Часовъ въ 5 вечера, мы съ нимъ съѣхались въ Вадулату; онъ сдѣлалъ около 50, а я около 40 верстъ.

Дорога, по которой Евреиновъ ѣхалъ, оказалась неудобною, а потому съемки онъ не дѣлалъ — мнѣ-же пришлось сдѣлать 40 верстъ маршрутной съемки. Переночевавъ въ Вадулату, мы съ разсвѣтомъ двинулись вмѣстѣ и къ ночи прибыли въ Руше-де-Веде, сдѣлавъ въ этотъ день 75 верстъ. Такъ какъ телеграфа въ этомъ мѣстѣ не оказалось, то мы на другой день направилась въ Александрію, откуда и телеграфировали ген.-м. Левидкому маршрутъ для движенія 9-го корпуса. Въ Руше-де-Веде я успѣлъ перечертить набѣло всю нашу съемку, обозначивъ количество колодцевъ на каждомъ бивакѣ, состояніе мостовъ, гатей, переправъ и прочія подробности. Я останавли-

ваюсь на этой рекогносцировкѣ такъ долго потому, что въ техническомъ военномъ отношеніи она не лишена интереса. Въ теченіе двухъ дней мы сдѣлали около 115 верстъ рекогносцировки и маршрутной съемки. Сопровождавшій насъ румынъ унтеръ-офицеръ, подъ конецъ отъ усталости уже не могъ за нами слѣдовать. Я помню, какъ одинъ изъ нашихъ вѣстовыхъ, терскій казакъ Никитинъ, привелъ въ восторгъ этихъ румынъ, кавалеристовъ. Отъѣхавъ верстъ 40 отъ Вадулату и видя, что румыны приуныли, онъ захотѣлъ передъ ними хвастнуть.

„Дозвольте, ваше высокоблагородіе, джигитнуть?“, обратился онъ къ намъ. Получивъ разрѣшеніе, онъ пустилъ лошадь вскачь, соскочилъ съ нея, сѣлъ опять, какъ будто нечаянно потерявъ папаху, вернулся за ней, на всемъ скаку ее поднялъ, затѣмъ круто осадилъ коня и подѣхалъ къ намъ.

„Что, кларашъ, такъ можешь?“, обратился онъ къ румынамъ, гордо вскинувъ на нихъ глазомъ.

Эти горе-кавалеристы никогда въ жизни ничего подобнаго не видали, разинули рты и пришли въ неописанный восторгъ. „Трудно будетъ туркамъ, говорили они, воевать съ подобными молодцами“.

Вездѣ, гдѣ мы проѣзжали, населеніе и землевладѣльцы встрѣчали насъ весьма радушно; но мы такъ торопились, что отклоняли всякое приглашеніе остановиться. Изъ Александріи направились мы черезъ Бею въ Журжево, на пути приблизились къ Дунаю и впервые увидѣли турецкій берегъ. Насъ поразила ширина рѣки, которая въ то время еще не вошла въ свои берега и съ замѣчательною быстротою несла массу мутной воды. Румынскій берегъ низменный, а противоположный турецкій—нагорный. Вотъ туда-то и направились пытливо наши взоры: коегдѣ могли мы различить бѣлыя остроконечныя палатки турецкихъ караульныхъ постовъ.

Такъ вотъ гдѣ начнется, промелькнуло у насъ въ головѣ. Какъ-же мы будемъ переправляться? неужели влავъ? Мнѣ тогда припомнился оригинальный совѣтъ одного товарища, еще въ Петербургѣ, непременно купить спасательный поясъ, чтобы не утонуть на переправѣ черезъ Дунай.

Здѣсь встрѣтили мы кавказскую казачью бригаду, которая по этому участку держала посты и разъѣзды. Бригада состояла

изъ 2-го кубанскаго и владикавказскаго конно-казачьихъ полковъ, съ присоединеннымъ къ послѣднему однимъ дивизиономъ осетинъ: люди, молодецъ къ молодцу — каждый былъ джигитъ, лошади прекрасныя, сухія, выдержанныя. Эта бригада произвела на насъ самое отрадное впечатлѣніе.

Руцукскія батареи давно пострѣливали по Журжеву и, проѣзжая по улицамъ, мы замѣтили уже кое-какія поврежденія въ этомъ городѣ.

Времени терять намъ было нельзя: мы сѣли на желѣзную дорогу и поспѣшили вернуться въ Плоэшти, гдѣ представили нашу работу начальнику штаба.

26-го мая (1877 г.) прибылъ въ Плоэшти государь. Тѣмъ временемъ шли дѣятельныя приготовленія къ переправѣ. Главнo-командующій былъ озабоченъ передвиженіемъ къ Дунаю войскъ по нѣсколькимъ направленіямъ, дабы обмануть непріятели и скрыть отъ него пунктъ предстоящей переправы.

Всѣхъ насъ, адъютантовъ и ординарцевъ, великій князь разослалъ по разнымъ отрядамъ. Для государя были приготовлены экипажи и подставы лошадей по направленію къ Турну-Магурели. Пунктъ для переправы былъ выбранъ, но хранился въ такой тайнѣ, что никто изъ насъ ничего не зналъ. 9-му корпусу, подъ командою ген.-лейт. барона Криднера, было предписано слѣдовать изъ Бухареста на Руте-де-Веде и Турну. Меня судьба связала съ этимъ корпусомъ. Я получилъ приказаніе, вмѣстѣ съ моимъ товарищемъ Клейгельсомъ, догнать 5-ую пѣхотную дивизию 9-го армейскаго корпуса, которая уже выступила изъ Бухареста, слѣдовать съ нею къ Дунаю и затѣмъ къ 13-му іюня прибыть въ мѣстечко Драча, гдѣ былъ назначенъ сборный пунктъ главной квартиры.

5-ую пѣхотную дивизию нашли мы близъ Бачіу; явился къ начальнику дивизіи, генераль-лейтенанту Шильдеръ-Шульднеру, и были имъ весьма любезно приняты. Онъ разъ навсегда пригласилъ насъ къ себѣ обѣдать; я до сихъ поръ съ удовольствіемъ вспоминаю тѣ дни, которые провелъ въ походѣ по Румыніи со штабомъ 5-ой пѣхотной дивизіи. Генераль Шильдеръ-Шульднеръ былъ средняго роста, совсѣмъ бѣлый, какъ лунь, старикъ, добрый, заботливый, любившій горячо свою дивизию и, въ свою очередь, любимый всѣми своими подчинен-

ными. Начальникъ 5-ой артиллерійской бригады, ген.-маіоръ Похитоновъ, былъ типъ русскаго воина; по наружности онъ напоминалъ скорѣ помѣщика, чѣмъ генерала: у него было характерное, чисто русское лицо, окаямленное большою русою бородою; держалъ онъ себя очень просто, не суетился, но у него, какъ говорится, дѣло спорилось въ рукахъ. Это была, поистинѣ, душа дивизіи. Оба генерала жили весьма дружно—отношенія между ними были совершенно родственныя.

Мы ежедневно выступали съ бивака съ послѣднимъ эшеломъ, обгоняли войска и затѣмъ, по приѣздѣ на слѣдующій бивакъ, начальникъ дивизіи пропускалъ мимо себя весь отрядъ церемоніальнымъ маршемъ. Это была чудная дивизія: рослый народъ, много георгіевскихъ кавалеровъ, побывавшихъ уже въ Средней Азіи!... Впервые мнѣ пришлось идти походомъ съ армейцами, и я былъ пораженъ примѣрною дисциплиною, уваженіемъ къ начальству и порядкомъ, которые встрѣтилъ. Какъ любитель военнаго дѣла, я не могъ налюбоваться ими и, дѣйствительно, они доказали впоследствии, что были настоящими молодцами. Архангелогородскій полкъ, напримѣръ, до Адрианополя перемѣнилъ три комплекта людей, потерялъ въ бою двухъ полковыхъ командировъ, и изъ числа офицеровъ, съ которыми я теперь шелъ по Румыніи, лишь немногіе дошли до Санъ-Стефано, большинство осталось на поляхъ Болгаріи.

5-ая артиллерійская бригада отличалась также замѣчательнымъ порядкомъ: люди, лошади, амуниція,—все было въ образцовомъ видѣ. Давило Даниловичъ Похитоновъ былъ знатокъ своего дѣла и, поистинѣ, отецъ-командиръ.

Мнѣ было пріятно убѣдиться, что наша маршрутная съемка была составлена совершенно вѣрно: войска двигались безъ задержекъ, мосты по нашему указанію уже были исправлены, и на каждомъ бивакѣ хватало въ колодцахъ воды.

Въ Руше-де-Веде разстались мы съ нашими радушными генералами, и затѣмъ направились въ мѣстечко Драча. Мнѣ съ моимъ однофургонникомъ становилось ясно, что переправа черезъ Дунай будетъ безъ насъ, и что наша колонна дѣлаетъ только демонстрацію къ Никополю. Въ Драчѣ нашли мы почти всю главную квартиру въ сборѣ.

III.

Переправа черезъ Дунай.

14-го іюня 1877 г., часовъ въ 8 вечера, меня позвали къ начальнику штаба, ген.-адъют. Непокойчицкому.

— „Получите отъ ген. Левицкаго пакетъ на имя командира 9-го корпуса“, сказалъ онъ мнѣ, „и отправляйтесь немедленно въ Турну, гдѣ найдете барона Криднера“.

Была темная, южная ночь. Съ большимъ трудомъ добрался я съ вѣстовымъ казакомъ до Турну, но барона Криднера тамъ не оказалось. Я нашелъ только командира 31-ой пѣхотной дивизіи, генерала Вельяминова, который объяснилъ мнѣ, что баронъ Криднеръ находится въ деревнѣ Сяка и готовится къ переправѣ.

Отъ рѣки ложился густой туманъ, огня нигдѣ не было. Я выбрался на дорогу и, обгоняя двигающуюся въ темнотѣ артиллерію, нашелъ, наконецъ, барона Криднера, которому и передалъ пакетъ. Это, какъ оказалось потомъ, было приказаніе быть готовымъ къ переправѣ черезъ Дунай, но не двигаться впередъ до распоряженія.

— „Доложите великому князю, сказалъ мнѣ генераль, что у насъ все готово къ переправѣ“.

Съ этимъ отвѣтомъ, ночью-же, я вернулся въ Драчу.

15-го іюня, рано утромъ, Государь съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ выѣхалъ изъ Слатина, а главнокомандующій со штабомъ изъ Драчи къ Турну и съѣхались въ виду Дуная, на Грапавскомъ курганѣ, позади Фламунды.

Прошелъ слухъ, что переправа совершилась у Систова, и все обошлось благополучно.

Въ это утро наши фламундскія батареи усердно бомбардировали Никополь, но это все была лишь демонстрація, дабы отвлечь вниманіе непріятели отъ мѣста настоящей переправы. Съ нетерпѣніемъ ждали мы прибытія нашего товарища Евреинова, который долженъ былъ привезти подробное донесеніе. Уже походный телеграфъ соединилъ возвышенность, на которой

стоялъ великій князь, съ Зимницею и безпрестанно работалъ, принося все утѣшительныя вѣсти. Наконецъ, около 9-ти часовъ утра, на взмыленномъ конѣ прискакалъ Евреиновъ съ радостнымъ извѣстіемъ, что переправа совершилась, и гораздо удачнѣе и легче, чѣмъ ожидали.

— „Спасибо тебѣ, молодецъ! сказалъ Евреинову государь, — ты, я думаю, усталъ и проголодался, такъ пойди въ мою палатку и закуси чѣмъ Богъ послалъ“.

Къ вечеру обѣ главныя квартиры вернулись на ночлегъ въ Драчу.

Изъ донесеній, привезенныхъ послѣдовательно шт.-ротм. графомъ Штапельбергомъ, ротм. Бенкендорфомъ, пор. Дерфельденомъ и кап. Ласковскимъ, состоявшими въ распоряженіи генерала Драгомирова и бывшими свидѣтелями и участниками переправы, оказалось, что дѣло было сдѣлано блистательно и съ сравнительно небольшимъ урономъ. вмѣсто предполагавшихся нѣсколькихъ тысячъ человекъ, мы потеряли лишь 800 человекъ выбывшими изъ строя. Государь поздравилъ главнокомандующаго съ первою побѣдою надъ врагомъ и пожаловалъ его кавалеромъ ордена Св. Георгія 2-ой степени, а начальника штаба ген.-адъют. Непокойчицкаго—3-ей степени.

Восторгъ былъ всеобщій: кричали ура, бросали шапки на воздухъ, и мы даже качали великаго князя, который обратился къ намъ при этомъ съ слѣдующими словами:

— „А я васъ еще не благодарилъ; вы думаете, что малую услугу мнѣ оказываете? Посылая васъ съ порученіемъ, я будто самъ ѣду. Выбирая васъ, я зналъ кого беру, и не ошибся. Спасибо вамъ, друзья мои!“

На слѣдующій день мы были уже въ Зимницѣ. Впервые мы увидѣли изнанку войны: перевязочные пункты, лазареты, сестеръ милосердія и хирурговъ съ засученными рукавами и въ запачканныхъ кровью балахонахъ.

Съ большимъ вниманіемъ выслушивали мы восторженные рассказы участниковъ боя и различные отдѣльные эпизоды переправы. Патроновъ выпущено было мало—работали больше штыкомъ. Все было ново, все было интересно. Не дай Богъ, думалось мнѣ, попасть на ампутаторскій столъ, лучше ужъ, если суждено, то быть убитымъ наповалъ.

16-го іюня великій князь переправился черезъ Дунай на понтонѣ, на которомъ очутился и я. Тамъ встрѣтилъ главнокомандующаго генераль Драгомировъ, виновникъ торжества. Весьма картинно доложилъ онъ подробности боя. Онъ ходатайствовалъ предъ великимъ княземъ за ген.-маіора Мих. Дм. Скобелева, который, безъ разрѣшенія главнокомандующаго, самовольно явился въ Зимницю передъ переправою, принялъ въ ней участіе въ качествѣ ординарца ген. Драгомирова и, какъ боевой генераль, много помогъ ему ориентироваться въ бою.

— „Ваше императорское высочество, сказалъ ген. Драгомировъ: ему обязанъ я тѣмъ, что узналъ, что турки разбиты и что мы побѣдили—я самъ не могъ отдать себѣ въ томъ отчета. Онъ мнѣ весьма помогъ“.

Дѣйствительно, благодаря заступничеству Михаила Ивановича, великій князь простилъ Скобелева, которому грозила высылка изъ дѣйствующей арміи, и войска сохранили будущаго народнаго героя.

Какъ я уже говорилъ, пунеть, выбранный великимъ княземъ для переправы, хранился въ глубочайшей тайнѣ. Всѣмъ офицерамъ, подъ страхомъ строгаго взысканія и даже высылки изъ арміи, было предписано находиться при своихъ отрядахъ и отнюдь не переѣзжать въ другой, такъ какъ это могло выдать туркамъ намѣренія главнокомандующаго. Мих. Дм. Скобелевъ былъ въ то время начальникомъ штаба сводной казачьей дивизіи, которая была подъ командою его отца, ген.-лейт. Скобелева. Онъ долженъ былъ находиться на своемъ посту въ Журжевѣ, но не выдержалъ: его нервная натура не могла усидѣть въ бездѣйствіи почти рядомъ съ боемъ. Несмотря на грозившее ему наказаніе, онъ всетаки прибылъ къ ген. Драгомирову наканунѣ переправы и принялъ, какъ я уже говорилъ, въ ней дѣятельное участіе.

Немного спустя переправился и государь. Мы сѣли на какихъ-то казачьихъ лошадей и двинулись къ Систову. По дорогѣ, которая шла по пересѣченной мѣстности, взрѣзанной канавами и поросшей кое-гдѣ кустами или покрытой виноградниками, валялись трупы, ружья, патроны,—слѣды недавняго сраженія. Шпалерами по сторонамъ дороги стояли солдаты 14-й пѣхотной дивизіи, герои переправы. Лица у нихъ были

красныя, разгорѣвшіяся, слегка опалѣлыя,—видъ солдата, побывавшаго въ огнѣ. Это уже не былъ солдатъ мирнаго времени—было въ этихъ лицахъ что-то особенное, новое, бросившееся мнѣ въ глаза.

Странное, нехорошее ощущеніе испыталъ я при видѣ убитыхъ турокъ: въ моему удивленію, они не внушала жалости. Это не были свои, а „онъ“.... непріятель. Подобное равнодушіе къ убитому врагу, должно быть, чувствовалъ не я одинъ; вѣроятно, это необъяснимое чувство и даетъ человѣку возможность безъ жалости убивать себѣ подобныхъ. Впослѣдствіи, когда нервы мои притупились и я перевидалъ не одну тысячу убитыхъ, все-же это первое впечатлѣніе не измѣнилось. Мнѣ всегда было жаль только своихъ, а на турокъ я смотрѣлъ, какъ на восковыя фигуры въ музеѣ. Солдатики наши оглядывали непріятеля съ любопытствомъ и, вѣроятно, невольно отдавались тому-же безотчетному чувству, которое испытывалъ и я.

При вѣздѣ въ Систово, насъ встрѣтило болгарское духовенство съ крестнымъ ходомъ. Музыка заиграла маршь.

Недолго пробыли мы въ Систовѣ и вернулись въ Зимницу.

В. М. Вокларларскій.

МИТРОПОЛИТЪ КІЕВСКІЙ И ГАЛИЦКІЙ ПЛАТОНЪ

† 1891 г.

Вь очеркѣ моемъ изъ жизни Іосифа Семашко, митрополита литовскаго и виленскаго ¹⁾, я, между прочимъ, упомянулъ объ архимандритѣ Платонѣ, настоятелѣ Свято-Духовскаго монастыря въ Вильнѣ. Помянутый архимандритъ былъ не кто иной, какъ скончавшійся 1-го октября 1891 г., на 88-мъ году жизни, маститый митрополитъ кіевскій и галицкій. Давнишнее знакомство съ почившимъ іерархомъ и благорасположеніе его къ нашему семейству, преемственно переходившее съ дѣда на родителей моихъ и подѣ конецъ на меня лично, обязываетъ меня посвятить памяти его настояція строки мон, въ дополненіе къ немало напечатанному уже по поводу его кончины.

Начало знакомства почившаго митрополита съ семействомъ нашимъ относится къ 1839 г. Завязалось оно, можно сказать, случайно и при несовсѣмъ обыкновенной обстановкѣ. Дѣдъ мой, по матери, генералъ-лейтенантъ Д. С. Есаковъ, былъ въ то время только-что назначенъ комендантомъ въ г. Вильно, а бабушка, приходившаяся мачихою моею покойной матери, ѣхала съ нею изъ Петербурга къ мужу ²⁾. По дорогѣ на одной изъ станцій, недалеко уже отъ Вильны, онѣ узнали, что въ сосѣдней комнатѣ находится проѣздомъ туда-же какой-то архимандритъ. Онѣ сочли долгомъ гостеприимства предложить ему чрезъ смотрителя станціи раздѣлится съ ними ихъ хлѣбъ-соль. Архимандритъ, будущій митрополитъ,

¹⁾ См. „Русскую Старину“, ноябрь 1882 г.

²⁾ См. рассказъ мой „Графъ Бенкендорфъ и епископъ Цивинскій“, „Русская Старина“, июль 1881 г.

А. Ю.

явился лично благодарить ихъ, но отъ скоромной пищи отказался, ссылаясь на свой монашескій санъ. Впослѣдствіи мнѣ привелось слышать отъ самого владыки разсказъ о томъ, какъ онъ по приѣздѣ въ Вильну, будучи впервые приглашенъ митрополитомъ Іосифомъ къ обѣду, былъ удивленъ, увидѣвъ, что всѣ блюда состояли изъ скоромныхъ кушаньевъ. Замѣтивъ его смущеніе, Іосифъ не преминулъ успокоить его, объяснивъ, что для литовской епархіи существуетъ особенное положеніе св. синода, по которому не возбраняется монашествующимъ лицамъ этой епархіи ѣсть въ скоромные дни мясную пищу, въ виду почти совершеннаго безрыбія въ томъ краѣ. Съ этой встрѣчи началось знакомство почившаго митрополита въ нашемъ семействѣ, продолжавшееся до конца дней его. Во все время своего пребыванія въ Вильнѣ, сначала настоятелемъ Свято-Духовскаго монастыря, а потомъ епископомъ ковенскимъ, первымъ по воссоединеніи униатовъ, православнымъ викаріемъ при митрополитѣ Іосифѣ, Платонъ былъ постояннымъ и желаннымъ посѣтителемъ дома дѣда моего и, познакомившись съ бабушкой случайно въ пути, онъ, сорокъ пять лѣтъ спустя, находясь въ Петербургѣ, пожелалъ напутствовать ее своими молитвами къ вѣчному пристанищу, къ конечной цѣли всякаго житейскаго пути.

Столь продолжительное знакомство съ почившимъ митрополитомъ дало мнѣ возможность близко ознакомиться съ направленіемъ его взгляда на христіанское вѣроученіе въ его святительской дѣятельности и это даетъ мнѣ право сказать, что изъ всего прочитаннаго мною, по поводу его кончины, наиболѣе правдивою характеристикой его личности представляется мнѣ статья „Варшавскаго Дневника“ въ № 228, отъ 13-го октября 1891 г., подписанная А. Волынецъ. Въ статьѣ этой весьма вѣрно отмѣченъ тотъ широкій и просвѣщенный взглядъ покойнаго митрополита на евангельское ученіе, яркою нитью выдававшійся во всей его долголѣтней жизнедѣятельности.

Особенность этого взгляда, рѣдко встрѣчающаяся въ духовномъ лицѣ, выражалась въ необыкновенной терпимости его къ инословнымъ исповѣданіямъ, что отнюдь не мѣшало ему высоко держать знамя православія повсюду, гдѣ-бы онъ ни находился. Твердо стоя на стражѣ православія, онъ, въ сознаніи своего великаго призванія, будучи, напримѣръ, епископомъ ковенскимъ, особенно заботился объ утвержденіи въ воссоединенномъ духовенствѣ и обществѣ преданности православной церкви; въ Ригѣ онъ выступилъ ревностнымъ защитникомъ православія и борцомъ русской государственной идеи; въ донской епархіи онъ горячо принялся за дѣло

искорененія вражды у старообрядцевъ къ православной церкви и, наконецъ, въ Кіевѣ онъ созвалъ съѣздъ преосвященныхъ южныхъ и западныхъ губерній для обсужденія вопроса объ общихъ мѣрахъ противъ штунды. Въ этомъ отношеніи, повторяю, онъ былъ непоколебимъ, и въ подтвержденіе сказаннаго можно было-бы привести много примѣровъ. Но этой стороны его дѣятельности я не имѣлъ въ виду касаться въ настоящемъ очеркѣ,—она слишкомъ хорошо уже извѣстна и для составленія полнаго понятія о ней достаточно будетъ привести лишь слѣдующія замѣчательныя строки, адресованныя имъ изъ Риги къ одному высокопоставленному лицу: „Если вы и другія правительственныя лица, писалъ онъ ему по одному случаю, будете равнодушны къ православію въ врабъ и допустите изъ угожденія нѣмцамъ, чтобы оно ослабѣло и даже вовсе истребилось, то на васъ будетъ лежать тяжкій грѣхъ предъ Богомъ и великая отвѣтственность предъ Россією. Я говорю это въ полномъ сознаніи, что мои слова помянутся на судѣ Божіемъ“.

Такая вдохновенная энергія въ защиту церкви, достойнымъ представителемъ которой онъ состоялъ, не препятствовала ему, однако, относиться, какъ уже сказано, съ замѣчательною терпимостью къ остальнымъ культамъ христіанскимъ и даже нехристіанскимъ, и эта-то сторона его дѣятельности, составляя главный предметъ моего разсказа, по моему мнѣнію, недостаточно еще освѣщена въ печати и заслуживаетъ болѣе обстоятельнаго съ ней ознакомленія. Высказываемый имъ въ разныхъ случаяхъ и при различныхъ обстоятельствахъ взглядъ на этотъ счетъ достоинъ серьезнаго вниманія его біографа и долженъ занять видное мѣсто въ его жизнеописаніи. Нѣсколько не безызвѣстныхъ примѣровъ, въ совокупности своей служащихъ несомнѣннымъ доказательствомъ необыкновеннаго христіанскаго миролюбія его и глубокаго пониманія имъ евангельской проповѣди, говорятъ сами за себя. Ограничусь приведеніемъ лишь слѣдующихъ. Такъ, въ извѣстной рѣчи своей въ костелѣ м. Коростышева, въ свое время надѣлавшей много шума, митрополитъ Платонъ, обращаясь къ католикамъ, указалъ, что западная и восточная церкви—„это двѣ родныя сестры, которыя, исповѣдуя въ сущности одно ученіе Христово, въ главныхъ его догматахъ, не согласуются между собою въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ. Всѣ истинныя христіане, водящіеся миролюбивымъ духомъ Христовымъ, желаютъ, чтобы онѣ примирились. Доколѣ продлится ихъ раздѣленіе—одному Богу извѣстно; но мы, братья и сестры, католики и православные, несмотря на раздѣлъ церквей нашихъ, должны хранить въ себѣ единеніе духа въ союзѣ мира,

потому что взаимная любовь, заповѣданная намъ самимъ Іисусомъ Христомъ, составляетъ главный признакъ истинныхъ учениковъ Его и есть такая добродѣтель, безъ которой и самая вѣра ничто“.

Въ другой разъ, въ Петербургѣ, въ Исаакіевскомъ соборѣ, двумя туристамъ англичанамъ, изъ которыхъ одинъ былъ священникомъ пресвитеріанской церкви, пожелавшимъ получить отъ него благословеніе, онъ, охотно удовлетворивъ ихъ просьбѣ, произнесъ слѣдующія замѣчательныя слова: „Во имя истиннаго, единого всѣмъ намъ общаго Бога, призываю на васъ благословеніе Божіе и утѣшаю себя надеждою, что тѣ перегородки, которыя мы, люди, сами создали здѣсь, на землѣ, для разграниченія разныхъ вѣроисповѣданій одной общей христіанской религіи, еще не доросли до неба и потому, полагаю, не помѣшаютъ дойти до Бога тому благословенію, которое ниспосылаю я на васъ во имя Христа, какъ братьевъ по Христу“. Проѣзжая однажды изъ Кіева въ Полтавскую губернію, въ самый разгаръ еврейскихъ погромовъ на югѣ, для посѣщенія своей старой знакомой, моей тетки, родной сестры моей матери, урожденной, какъ и она, Есаковой, помѣщицы А. Д. Г—ко, онъ, при встрѣчѣ его въ Кременчугѣ еврейскою депутаціею отъ этого города, въ отвѣтъ на рѣчь раввина, сказалъ имъ приблизительно такъ: „Прискорбно, что христіанское населеніе, забывая завѣтъ Христа о любви къ ближнему, ведетъ себя такъ предосудительно; потерпите и не возбуждайте противъ себя страстей“.

Совершенно новою и не менѣ замѣчательною стороною отличалась миссіонерская дѣятельность митр. Платона при обращеніи въ христіанство донскихъ калмыковъ. И тутъ обходительность его со всѣми и интересы бесѣдъ съ представителями ихъ языческаго культа снискали покойному архипастырю со стороны этого народа, особенно со стороны ихъ главнаго бакши, полное почтеніе, такъ что, когда разнесся слухъ о перемѣщеніи его въ Одессу, то послѣдній выразилъ ему свою и всѣхъ калмыковъ глубокую печаль въ такихъ задушевныхъ словахъ: „Одинъ Богъ знаетъ, чѣмъ-бы мы отплатили вамъ за ласки и то счастье духовное, если-бы вы здѣсь долѣе прожили“.

Можно было-бы привести еще много иныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о преобладающемъ въ немъ качествѣ великой терпимости, но всѣ они, какъ и приведенные, составляютъ уже достойное печати, а потому закончу сказанное однимъ изъ извѣстныхъ мнѣ лично и памятныхъ для меня случаевъ, гдѣ какъ нельзя болѣе рельефно и въ весьма образной формѣ выразилась широта его взгляда на этотъ предметъ.

Это было въ Петербургѣ, въ первый годъ назначенія на постъ митрополита католическихъ церквей въ Россіи скончавшагося въ 1890 г. прелата Девялтовскаго-Гинтовта. Высокопреосвященный Платонъ находился въ то время въ Петербургѣ для присутствованія въ св. синодѣ и проживалъ въ своемъ Кіевскомъ подворьѣ на Васильевскомъ острову, гдѣ я часто посѣщалъ его. Здѣсь у мѣста будетъ вспомнить о завидномъ дарѣ его располагать къ себѣ тѣхъ, кто имѣлъ счастье считаться его знакомымъ. Въ этомъ не мало способствовало ему его природная общительность нрава, удивительное умѣніе, иначе сказать, тактъ попасть всегда въ тонъ собесѣднику, приятный тембръ голоса и спокойная, въ иныхъ случаяхъ нелишенная своеобразнаго оттѣнка юмора, манера вести рѣчь, дававшая возможность собесѣднику, не стѣсняясь высокимъ положеніемъ хозяина, высказывать свои мысли и дѣлать возраженія. Я не говорю о томъ неотразимомъ впечатлѣніи, соединенномъ съ невольнымъ уваженіемъ къ его высокой фигурѣ и внушительной древне-патріаршей внѣшности, которое производилъ онъ на слушателей съ церковной кафедрѣ — это слишкомъ хорошо всѣмъ слышавшимъ его извѣстно и не входитъ въ программу моего ограниченнаго личными воспоминаніями очерка. И вотъ однажды, въ одно изъ упомянутыхъ предобѣденныхъ посѣщеній моихъладыки, докладываютъ ему о прибытіи католическаго митрополита Гинтовта. Считаю нескромнымъ свое присутствіе при первой встрѣчѣ двухъ такихъ высокихъ представителей церквей, я было хотѣлъ удалиться, но высокопреосвященный пригласилъ меня остаться, чему, признаюсь, я былъ очень радъ, интересуясь быть свидѣтелемъ такого рѣдкаго свиданія.

Митрополиты низко поклонились другъ другу и троекратно облобызались. Митрополитъ Гинтовтъ, въ сутанѣ и камілавкѣ алаго цвѣта, съ золотымъ распятиемъ и Анненскою звѣздою на груди, былъ худощавъ и выше средняго роста. Онъ свободно говорилъ по-русски, хотя не безъ неправильностей въ удареніяхъ на нѣкоторыхъ словахъ, изобличающихъ его польское происхожденіе. Съ первыхъ-же словъ, высокочинный хозяинъ, неизмѣнно вѣрный себѣ, успѣлъ настолько заинтересовать гостя воспоминаніями пребыванія своего въ Литвѣ, событій и лицъ того времени, причемъ не упустилъ припомнить также и о знакомствѣ своемъ съ нѣкоторыми членами весьма извѣстной въ тѣхъ краяхъ фамиліи Гинтовтовъ, что не трудно было замѣтить, какъ собесѣдникъ его сразу поддавался очарованію его рѣчи и любезнаго приѣма. Когда, часъ спустя, Гинтовтъ сталъ прощаться и оба митрополита снова облобызались,

то такого рода прощаніе ихъ не имѣло на этотъ разъ уже вида простой вѣжливости, принятой между духовными лицами, а носило характеръ искренности и совершенной дружественности. Съ тѣхъ поръ взаимныя отношенія ихъ упрочились и оставались, какъ извѣстно, наилучшими до конца.

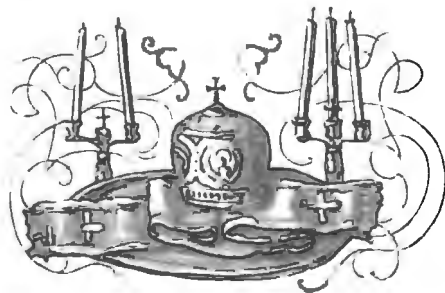
Проводи своего гостя до площадки на лѣстницѣ и пригласивъ меня раздѣлить съ нимъ трапезу, владыка Платонъ, сѣвъ за столъ и взявъ въ руку ложку, обратился ко мнѣ со слѣдующими замѣчательными словами:

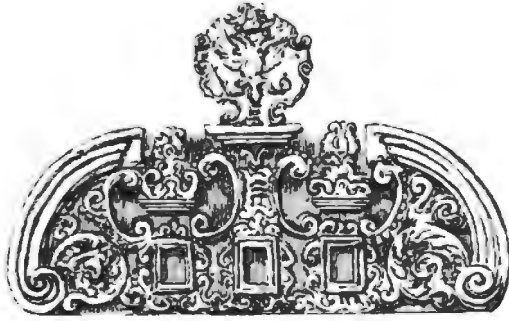
„Видѣли, сказалъ онъ мнѣ, какъ мы цѣловались? Вотъ что я вамъ скажу на этотъ счетъ... Я имѣю свое особенное воззрѣніе на Христово вѣроученіе и евангельскую заповѣдь, которое не хочу назвать либеральнымъ и для опредѣленія котораго не нахожу болѣе подходящаго слова, какъ толерантносью. Для меня, если каждый назоветъ эту ложку ея настоящимъ именемъ, а не вилкою, напримеръ, то ужъ и этого достаточно; если-же одинъ скажетъ, что ложка эта серебряная, другой—что она бронзовая, а третій—что она мельхиоровая, то оно еще не такъ важно, лишь-бы каждый призналъ ее именно тѣмъ, чѣмъ она есть на самомъ дѣлѣ, и сказалъ, что ложка—есть ложка, а не иное что“.

Послѣ такихъ словъ, проникнутыхъ глубокимъ пониманіемъ духа евангельскаго ученія, можно только остановиться въ безмолвномъ благоговѣніи передъ произнесшимъ ихъ, и я не умѣю лучше закончить эти строки мои на память почившему іерарху, какъ словами одного добраго католика. Прочитавъ въ газетахъ произнесенную покойнымъ митрополитомъ рѣчь въ Коростышевскомъ костелѣ, католикъ этотъ, въ глубинѣ чувствъ, написалъ ему:

„Если-бы такъ всѣ духовные высокіе пастыри поступали, то между людьми селился-бы одинъ лишь завѣщанный Спасителемъ миръ и братская любовь“.

Анатолій Ег—овъ.

ПУТЕВЫЕ ОЧЕРКИ И ЗАМѢТКИ ПРИ ПОѢЗДКѢ ПО РОССИИ

въ 1891 году.

II ¹⁾.

Къ майской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1892 г. мы предполагали приложить портретъ столь преждевременно скончавшагося, 9-го марта сего года, издателя-редактора этого журнала—М. И. Семевского, но такъ какъ работы по художественной отдѣлкѣ портрета въ Экспедиціи заготовл. госуд. бумагъ потребовали болѣе времени, нежели мы рассчитывали, то означенный портретъ не могъ быть исполненъ къ сроку — къ выходу майской книги, почему и будетъ помѣщенъ въ № 6-мъ „Русской Старины“.

Въ настоящей-же книгѣ мы считаемъ умѣстнымъ напечатать неоконченную II-ую главу „Путевыхъ очерковъ“ М. И. Семевского изъ поѣздки его по Россіи въ 1891 г.

Покойный редакторъ „Русской Старины“ совершилъ въ 1890 и 1891 гг. двѣ поѣздки по Россіи съ историко-археологическими цѣлями. Какъ результатъ первой поѣздки—въ 1890 г.—появились его „Путевыя замѣтки“, напечатанныя въ „Русской Старинѣ“ изд. 1890 г., т. LXVIII, кн. XII, стр. 713—745. Засимъ въ ноябрьской книгѣ этого журнала изд. 1891 г. была напечатана I-ая глава „Путевыхъ очерковъ и набросковъ“ изъ второй поѣздки М. И. Семевского — въ 1891 г. Последующія главы подготавливались Михаиломъ Ивановичемъ къ печати, но не были окончены, за исключеніемъ начала II-й главы, которое было сдано имъ въ наборъ еще при жизни. Этотъ именно отрывокъ мы и печатаемъ въ настоящей книгѣ „Русской Старины“.

Ред.

¹⁾ См. „Русскую Старину“, изд. 1891 г., т. LXXII, стр. 489—497.

Мы на Азіатской выставкѣ въ Москвѣ, въ историческомъ музеѣ. Описана она во многихъ корреспонденціяхъ и нѣсколькихъ брошюрахъ; описана всесторонне, и добавлять къ этимъ описаніямъ ничего не приходится. Отмѣтимъ однако, что, при обзорѣ этой выставки, намъ невольно вспомнился изъ отечественной исторіи длинный рядъ годовъ, въ особенности первыя десятилѣтія текущаго вѣка, когда Россія принимала участіе въ кровавыхъ европейскихъ войнахъ, не принесшихъ нашему отечеству никакой пользы и вовлевающихъ въ миллионныя затраты денегъ и страшныя потери людьми. Между тѣмъ, вотъ куда должны были направляться наши усилія; вотъ какіе рынки должны были открываться Россіи, именно, въ Азіи; вотъ куда Россія должна была въ своихъ собственныхъ интересахъ внести свѣтъ просвѣщенія и откуда должна была путемъ торговли и промышленности извлечь сокровище для своего народа. Сколько, подумаешь, потеряно времени! Какъ отрадно, однако, теперь видѣть эту модель желѣзной дороги, съ какимъ удовольствіемъ смотришь на многочисленныя портреты русскихъ людей, здѣсь развѣшенныхъ въ фотографическихъ снимкахъ, начиная съ именитыхъ генераловъ-вождей движенія Россіи въ центральную Азію и главныхъ начальниковъ края, до многихъ рядовыхъ, этихъ доблестныхъ русскихъ солдатиковъ, плоть отъ плоти, кровь отъ крови русскаго народа,— все это пионеры русской цивилизаціи. Какъ краснорѣчивы эти манекены-изображенія обитателей необозримыхъ земель Азіи, вся эта масса предметовъ азіатскаго быта, окружающихъ желѣзную дорогу, которая должна внести совершенно новыя элементы въ этотъ первобытный край, отстоящій по своему развитію отъ нашего времени на тысячелѣтіе. А эти карты съ изслѣдованіями почвы, рѣкъ, озеръ,— съ какимъ наслажденіемъ, съ какимъ любопытствомъ разсматриваешь ихъ! Несомнѣнно, подобныя выставки, какъ первая по времени Азіатская въ Москвѣ, будутъ повторяться чрезъ извѣстные періоды времени и по нимъ возможно будетъ судить о ростѣ насаждаемой Россіею цивилизаціи въ этихъ пустыняхъ.

Да, давно-ли однако у насъ, въ самомъ средоточіи Россіи, въ Москвѣ, была своя Азія, свое повальное невѣжество, хотя-бы въ купеческомъ слою московскаго населенія, доставившее, столь еще недавно, обильный матеріалъ нашему великому писателю А. Н. Островскому. А между тѣмъ и эта Азія, на нашихъ глазахъ, какъ

быстро цивилизуется, какія отрадныя явленія происходятъ въ ея средѣ. Побывалъ я, напр., въ Кожевникахъ, и въ городкѣ изъ фабрикъ суконныхъ, кожевенныхъ нашель домъ Бахрушина и посѣтилъ его. Купецъ Алексѣй Петровичъ Бахрушинъ—самородокъ; въ немъ, кромѣ занятія непосредственно ему принадлежащимъ торговымъ и фабричнымъ дѣломъ, развита любовь къ художеству, къ исторіи, къ библиофильству. Я любовался его библиотекою, въ которой соединено до 9 ти тысячъ томовъ книгъ, и все это съ любовью и заботливостью описано; я видѣлъ у него громаднѣйшій альбомъ фотографическихъ снимковъ достопримѣчательностей и святынь Москвы и многихъ другихъ городовъ Россіи. Въ витринахъ заботливо собраны автографы и различные предметы, напоминающіе тѣхъ или другихъ достопамятныхъ историческихъ лицъ. Вотъ, напр., патентъ нѣкому Никитѣ Шипову, генеральсь-адыютанту на полковничій чинъ, подписанный собственноручно Петромъ I и скрѣпленный Александромъ Меншиковымъ 8-го сентября 1720 года. Въ углу кабинета, на видномъ мѣстѣ, какъ святыня, поставленъ портретъ Великаго Петра, и это, дѣйствительно, настоящая для каждого русскаго святыня, потому что портретъ написанъ съ самого Петра, въ бытность его въ Голландіи. Царь Петръ изображенъ въ красной курткѣ, въ голландскомъ матросскомъ костюмѣ, сидитъ и покуриваетъ трубочку на отдыхъ послѣ своихъ работъ. Этотъ портретъ, представляющій величайшую рѣдкость, воспроизведенъ въ точномъ снимкѣ гравюры, даровитаго нашего художника В. В. Матте, при „Русской Старинѣ“, 1891 г., кн. октябрь. Владѣлецъ подлинника-портрета купилъ его совершенно случайно, подъ Сухаревою башнею, за 15 руб. и заботливо вставилъ въ отличную раму, заботливо отчистилъ и, такимъ образомъ, щедро вознагражденъ, этою драгоценною находкою, за свою любовь къ отечественнымъ достопамяностямъ, за свою любовь къ исторіи.

Отраднымъ явленіемъ представляется вообще склонность къ собранію разныхъ достопамятностей, любовь къ отечественной святынѣ и историческимъ ея достопамяностямъ, болѣе и болѣе усиливающаяся въ средѣ московскаго купечества. Въ пожертвованіяхъ своихъ оно все чаще и чаще, хотя все-же еще довольно туго, отдѣляетъ нѣкоторыя суммы на полезныя изданія. Вотъ, напр., здѣсь мы находимъ у Алексѣя Петровича Бахрушина хорошее изданіе московскаго купца А. П. Шувалова: описаніе церквей Москвы, со множествомъ превосходныхъ фотографическихъ снимковъ, изданное въ 1888 году; у того-же Бахрушина насть весьма заинтересовало обширное собраніе, до 400 листовъ, оригинальныхъ

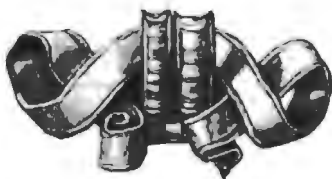
рисунковъ академика В. А. Тропинина. Между прочими подлинниками кисти этого талантливаго русскаго художника находятся также подлинные рисунки его учениковъ и товарищей, каковы: Шебуевъ, Угрюмовъ, Кишренскій и др. Сколько помню, еще въ „Отечественныхъ Запискахъ“, кажется въ ноябрьской книгѣ 1883 года, была интересная статья Лѣтковой, подъ заглавиемъ: „Крѣпостная интеллигенція“—Тропининъ. Эти драгоценные подлинники даровитаго художника Тропинина весьма заботливо сохраняются А. П. Бахрушинимъ.

Говори о купцахъ, истинныхъ любителяхъ достопамятностей отечественной исторіи, упомянемъ о Николаѣ Александровичѣ Найденовѣ, роскошное изданіе котораго—„Москва: соборы, монастыри и церкви“, изд. 1873 г., въ большой листъ, я видѣлъ у г. Бахрушина. Козьма Терентьевичъ Солдатенковъ попрежнему продолжаетъ меценатствовать, являясь издателемъ хорошихъ книгъ и не выходя, впрочемъ, изъ рамокъ строго намѣченной имъ, въ своемъ бюджетѣ, суммы, которую онъ ежегодно расходуетъ на добрыя изданія.

Понемногу выдвигаясь на поприще служенія отечественной археологіи и исторіи, нѣкоторые московскіе купцы продолжаютъ въ большихъ размѣрахъ подвиги благотворенія на пользу бѣдныхъ и страждущихъ. Братья Бахрушины, напр., въ 1889 году на Сокольничьемъ полѣ, соорудили больницу для хроническихъ больныхъ на 200 человекъ, обошедшуюся имъ около милліона. Мазурины, сыновья Морозовы, Хлудовы, Найденовы,—все это, дѣйствительно, соль Москвы, все это, дѣйствительно, русскіе люди, ревнующіе о добрѣ и славѣ своего отечества. Много-ли, мало-ли ихъ, но все-же Петербургъ въ дѣлѣ благотворенія, по крайней мѣрѣ въ такихъ грандіозныхъ размѣрахъ, какъ москвичи, положительно отстаетъ.

Быть въ Москвѣ, хотя и на два дня, но не посѣтить тотъ или другой архивъ, дѣло невозможное. Я опять, какъ и въ прежнія свои посѣщенія Москвы, съѣздилъ на Дѣвичье поле. Что за превосходное это сооруженіе—архивъ министерства юстиціи (я о немъ уже говорилъ въ моихъ прежнихъ замѣткахъ); въ немъ посѣтилъ я уважаемаго труженика В. И. Холмогорова,—этого великаго знатока и воспроизводителя московской до-петровской старины по подлиннымъ актамъ; бесѣдовалъ и съ его молодыми, но весьма свѣдущими въ старинѣ сотрудниками, каковы: гг. Оглоблинъ, Голумбевскій и другіе птенцы архива юстиціи, которые, подъ руководствомъ почтеннаго начальника сего архива Н. А. Попова, съ такою пользою трудятся. Передъ окнами архива я увидѣлъ для

себя новинку—разрастающійся, хорошо распланированный, паркъ на Дѣвнчьемъ полѣ; пожелаемъ, дабы въ этомъ паркѣ городское общественное управленіе поставило-бы, въ близкомъ будущемъ, бюстъ, который сохранилъ-бы черты достопамятнаго русскаго историка и трудолюбца гражданина М. П. Погодина, долго жившаго и много порабатывшаго во славу Россіи, именно, на этомъ полѣ, въ своемъ маленькомъ домикѣ. Домикъ-то этотъ еще цѣлъ, хотя занять уже какою-то харчевнею.

Спутникомъ моимъ по желѣзной дорогѣ, какъ въ Москву, такъ, случайно, и въ Нижній-Новгородъ, оказался Аристархъ Андрееличъ Блиновъ, 72-хъ-лѣтній старикъ. Я не безъ удивленія видѣлъ цѣлый штатъ его приказчиковъ, почтительно провожавшихъ его и на петербургскомъ вокзалѣ и на московскомъ вокзалѣ. Молчаливъ почтенный старецъ, но многое могъ-бы повѣдать, какъ онъ вышелъ изъ самой толщи русскаго народа, изъ бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ князей Волконскихъ; перепроданный затѣмъ съ братьями князьямъ Репнинымъ, Блиновъ выкупился съ пятью братьями, въ началѣ 1830-хъ годовъ, за 15,000 руб. ассигнаціями, и вотъ, трудомъ, настойчивостью и сметкою въ торговыхъ оборотахъ хлѣбомъ, достигъ того, что сталъ однимъ изъ крупнѣйшихъ хлѣботорговцевъ на Волгѣ, владѣтелемъ множества домовъ и пристаней. На вопросъ: „а что сдѣлано было для Бога, въ теченіе многихъ лѣтъ его жизни, при его богатствѣ“, онъ скромно напомнилъ о вдовьемъ домѣ, обширномъ учрежденіи, созданномъ имъ въ Нижнемъ-Новгородѣ на 200 человекъ. Независимо отъ сего, почтенный старикъ много жертвуетъ на бѣдныхъ, и въ нынѣшнее тяжкое неурожайное время, сдѣлано имъ много добра, какъ напр. куплено для земства большое количество хлѣба безъ всякой личной для себя выгоды и проч. Жаль, что русскіе люди, подобные Блинову, либо мало грамотны либо не втянулись вообще въ письмо; а подробный, честный, спокойный рассказъ такихъ именно людей о своей трудовой жизни былъ-бы крайне интересенъ и весьма поучителенъ.

Въ Нижнемъ, обойдя кремлевскія достопамятности, я зашелъ въ помѣщеніе мѣстной архивной комиссіи; она помѣщается въ одной изъ башенъ Кремля, и двѣ сосѣднія къ ней башни отведены подъ „историческій архивъ“. Въ самомъ дѣлѣ, что за превосходныя эти учрежденія—мѣстныя ученые архивныя комиссіи! Каждый любитель отечественной старины и исторіи вспоминаетъ съ большою признательностью незабвеннаго Н. В. Калачова. Вотъ хоть-бы эта хранительница нижегородской старины: съ какимъ удовольствіемъ находишь въ этой башнѣ, въ свѣтлой, уютной квартиркѣ секретаря архивной комиссіи, довольно богатую бібліотеку и въ ней значительный отдѣлъ всего, что когда-либо было печатано о нижегородской старинѣ; тутъ-же въ шкапахъ не мало предметовъ, напоминающихъ эту старину и въ ея свѣтлыхъ и въ ея мрачныхъ сторонахъ; тутъ и образа, и предметы стариннаго быта, и трехвостая плеть, бороздившая спины русскихъ людей, и клейма, выбивавшія, кровавыми литерами, слова: вор., кат. на лицахъ и щекахъ несчастныхъ, впавшихъ въ преступленія. Эти клейма еще въ 1860 г. были въ полномъ дѣйствиі; еще въ 1860 году я ихъ видѣлъ въ полицейскомъ управленіи,—и вотъ дожилъ до того времени, когда эти страшныя орудія страданій и позора, болѣе уже $\frac{1}{4}$ вѣка вышедшія по волѣ Царя-Освободителя изъ употребленія, сдѣлались достоинствомъ историческихъ музеевъ, архивныхъ комиссій.

„Непремѣнный попечитель“ нижегородской архивной комиссіи Н. М. Барановъ, начальникъ нижегородской губерніи, внесъ и въ архивное дѣло свою обычную энергію и свою добрую отзывчивость на все, что способствуетъ развитію знаній; комиссія ему много обязана; но душою ея является А. С. Гацискій, изъ маленькихъ литераторовъ-обывателей 1860-хъ годовъ въ тридцать лѣтъ добросовѣстной труженической жизни достигшій мѣста замѣстителя городского головы и издавшій многіе десятки книгъ и брошюръ, относящихся къ нижегородской исторіи, статистикѣ и этнографіи... Вообще, А. С. Гацискій представляетъ замѣчательный образецъ дѣятеля, всецѣло посвятившаго себя на служеніе родиנѣ въ тѣсномъ смыслѣ,—замѣчательный примѣръ, достойный подражанія! Какъ много нашей молодежи покидаетъ провинцію, свою родину, съ тѣмъ, чтобы никогда къ ней не вернуться и въ сутолокѣ столичной жизни принося несравненно менѣе пользы, нежели они приносили-бы ее въ провинціи, на своей родинѣ, гдѣ еще такъ великъ спросъ на образованныхъ людей.

Плыву я по Волгѣ на пароходѣ „Графъ Левъ Толстой“, пароходѣ общества „Самолетъ“, и невольно вспоминаю, какъ въ 1860 и 1861 годахъ пароходы того-же общества были маленькіе по сравненіи съ нынѣшними, чуть не углия лодочки, а теперь суда того-же общества представляютъ громадныя плавучіе дворцы, роскошно обставленные и отличающіеся всевозможными для пассажировъ удобствами. Самое названіе этого парохода невольно наводитъ на размышленіе о томъ, что имя писателя дѣйствительно и на Руси дѣлается народнымъ достоиніемъ. Лѣтъ сорокъ тому назадъ пожалуй-бы даже для названія пароходовъ, явилась-бы цензура и не разрѣшила-бы помѣстить на пароходныхъ бортахъ и желѣзныхъ ведрахъ фамилію русскаго литератора. Отмѣтимъ, однако, что на этомъ пароходѣ мы еще не видѣли портрета Льва Николаевича Толстаго, а слѣдовало-бы поставить таковой, равно не дурно было-бы какъ на этихъ, такъ и на другихъ столь же роскошныхъ пароходахъ общества „Самолетъ“ устроить библиотечки лучшихъ сочиненій, хотя-бы только отечественныхъ писателей. Въ самомъ дѣлѣ, прогулка на этихъ пароходахъ доставляетъ необыкновенное удовольствіе. Порядокъ, чистота и всевозможныя удобства, предупредительность капитановъ этихъ пароходовъ,—все это представляетъ для пассажировъ чрезвычайно пріятное явленіе. Роскошная картина волжской природы, широкая поверхность матушки Волги, чудный воздухъ, легкая зыбь, успокоительно вліяющая на нервы,—все это дѣйствуетъ оздоравлиюще на каждого, въ особенности на истомленныхъ кабинетною работою, на лицъ, въ теченіе многихъ мѣсяцевъ въ году не разгибающихъ спинъ за письменною работою.

Въ средѣ разнообразныхъ и многочисленныхъ пассажировъ бесѣда идетъ несмолкаемая. Отмѣчу фактъ: встрѣтилъ юношу, на видъ браваго, высокаго, оказался гимназистомъ 8-го класса симбирской гимназіи; изъ бесѣды выяснилось, что 19-ти лѣтній парень, стоя уже на порогѣ университета, не слышалъ еще ни объ одномъ изданіи, посвященномъ отечественной исторіи, а изъ бесѣды съ другимъ молодымъ человѣкомъ, со студентомъ математическаго факультета Московскаго университета, для насъ выяснилось, что оны не слышалъ вовсе о профессорѣ высшей математики С. В. Ковалевской. Не знаю какъ смотрѣть на эти явленія, гдѣ найти имъ объясненіе? Но я занесъ ихъ въ свою записную книжку и воспроизвожу въ настоящихъ своихъ замѣткахъ.

Предъ нами Казань. Ёду къ монументу, сооруженному въ память осады этого города и взятія Иоанномъ Грознымъ; еще въ 1888-мъ году я видѣлъ, по случаю поправки пола въ храмѣ этого памятника, безчисленное множество костей, уцѣлѣвшихъ въ подполицѣ и лишь небольшая часть которыхъ собрана въ гробницѣ, стоящей въ подземельѣ. Диковинное это дѣло: памятникъ этотъ почти ежегодно заливается Волгою, при ея весеннихъ разливахъ, между тѣмъ кости нашихъ доблестныхъ предковъ, бравшихъ этотъ оплотъ татарскаго владычества на востокъ Россіи, покоятся въ цѣлости въ теченіе трехъ съ половиною столѣтій.

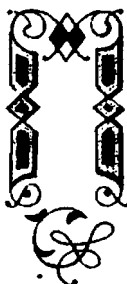
М. И. Семевскій.

Башня у Никольскихъ воротъ Китай-города въ Москвѣ (прежній видъ башни).
Рис. проф. Ф. Г. Солицевъ.

ПАМЯТИ Е. И. В. ВЕЛИКОЙ КНЯГИНИ ОЛЬГИ ФЕОДОРОВНЫ

† 31-го марта 1891 г.

Прошелъ уже годъ, а мнѣ кажется, что это было вчера, когда разнеслась горестная вѣсть о кончинѣ ея и. в. великой княгини Ольги Феодоровны ¹⁾.

Глубокою скорбію прониклось сердце всѣхъ и каждого, лично знавшихъ великую княгиню; всюду неслись молитвы за душу въ Бозѣ почившей; жизнь и дѣятельность ея была благотворна благодѣяніями, щедро всюду расточаемыми. Съ кончиною великой княгини остались осиротѣлыми не одни дѣти ея, но многія, которымъ она была какъ-бы родною матерью; горе Царственной Семьи было горемъ благодѣтельствуемыхъ ею.

„Русская Старина“, столь отзывчивая къ радости и горю русскихъ людей, уже помѣстила на своихъ страницахъ сочувственныя строки о горѣ, постигшемъ всѣхъ, кто только зналъ въ Бозѣ опочившую великую княгиню Ольгу Феодоровну, съ кончиною этой высоко-достоинной женщины. Считаю долгомъ напомнить здѣсь объ одномъ изъ учрежденій весьма благотворныхъ по широкой своей дѣятельности въ С.-Петербургѣ, — лишившемся въ покойной великой княгинѣ своей усердной покровительницы.

Состоявшее подъ попеченіемъ великой княгини Общество доставленія дешевыхъ квартиръ и другихъ пособій нуждающимся жителямъ Петербурга лишилось въ ней сердечной, заботливой и щедрой покровительницы. Это общество существуетъ тридцать лѣтъ и сослужило свою добрую службу во все время съ его основанія и въ особенности въ послѣдніе годы. Дѣятельность его весьма обширна и распадается на разныя части. Смета доходовъ и расходовъ этого общества болѣе всего показываетъ это. Изъ отчета

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1891 г., томъ I.XX, май, стр. 501—506.

за 1890 г. видно, что „Общество дешевых квартир“ имѣло почетныхъ членовъ 12, дѣйствительныхъ 174, для помѣщенія бѣдныхъ имѣеть два каменныхъ 4-хъ этажныхъ дома, въ которыхъ имѣется 157 дешевыхъ и бесплатныхъ квартиръ; расходы общества, по содержанію этихъ домовъ, выразились въ слѣдующихъ цифрахъ: оцѣнка платныхъ помѣщеній на 16,518 р.; бесплатныхъ помѣщеній на 13,290 руб.; издержки по содержанію этихъ домовъ: страхованіе, налоги, жалованье служащимъ, ремонтъ, отопленіе и освѣщеніе домовъ равны 14,444 р. 89 к. Въ обоихъ домахъ къ 1-му января 1891 года проживало 616 лицъ обоего пола. Въ домахъ этихъ, кромѣ 157 дешевыхъ и бесплатныхъ комнатъ, имѣются слѣдующія благотворительныя учрежденія: 1) дѣтскій пріютъ, 2) дѣтскій садъ, 3) училище, 4) дешевая столовая, 5) швейная мастерская, 6) амбулаторная, 7) отдѣленіе для учащихся бѣдныхъ женщинъ, 8) богадѣльня и 9) мужское общежитіе. Въ „отдѣленіи для безпріютныхъ дѣтей“, основанномъ въ 1884 г. въ память В. Н. Рукавишника, состояло въ отчетномъ году 8 дѣвочекъ и стоило Обществу 1785 р. Бесплатное начальное городское училище Общества, существующее 29-й годъ, имѣло 47 учащихся обоего пола въ трехъ отдѣленіяхъ. Въ дѣтскомъ саду подготавливалось къ поступленію въ училище 68 дѣтей. Содержаніе того и другаго обходилось Обществу въ 3,004 р. 79 к. Въ швейной мастерской Общества работало въ среднемъ до 138 челов. въ день (а всего до 39,556 ч.), исполняя заказы разныхъ правительственныхъ учреждений, причѣмъ Общество получило чистаго дохода 9,150 р. 22 к. Столовая и кухня Общества (обѣдъ изъ 2-хъ мясныхъ блюдъ—20 к.; 1 мясное и 1 мучное—13 к.; обѣдъ для дѣтей—5 к.) отпустили 43,759 обѣдовъ, изъ нихъ бесплатныхъ 4,877. Въ Анненскомъ отдѣленіи для учащихся бѣдныхъ женщинъ находилось 13 слушательницъ акушерскихъ курсовъ и 1 педагогичка. Въ бесплатномъ отдѣленіи для престарѣлыхъ женщинъ имени Ланскихъ находилось 10 женщинъ. Лицъ, обращавшихся къ Обществу за медицинскою помощію, было до 438.

Такимъ образомъ, и 1890-й годъ, какъ и предыдущіе, въ исторіи и развитіи „Общества дешевыхъ квартиръ“ займетъ одну изъ лучшихъ страницъ дѣятельности его, а труженицамъ и заботницамъ о меньшей братіи будетъ отраднымъ воспоминаніемъ,—онѣ, конечно, почерпнуть новыя силы и бодрость продолжать дѣятельность—часто тяжелую по исполненію, но благотворную по своимъ благимъ послѣдствіямъ. Скромное названіе „Общество дешевыхъ квартиръ“ даетъ убѣжище и нравственный покой—всѣмъ труждающимся и обремененнымъ.

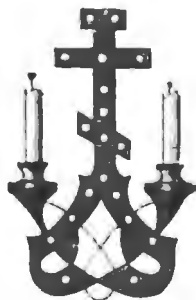
И въ провинціяхъ имя почившей въ Бозѣ августѣйшей благотворительницы благословляется бѣдняками, и тамъ ея вселюбящая душа оставила памятникъ благотворительности. Въ г. Твери „Общество поощренія женскаго труда“ потеряло въ великой княгинѣ Ольгѣ Феодоровѣ добрую, попечительную мать, и здѣсь, какъ и въ Петербургѣ, имя августѣйшей покровительницы будетъ благословляться. Тверское общество всѣмъ своимъ лучшимъ,—а оно такого имѣть не мало,—обязано почившей великой княгинѣ. Въ бесплатной швейной мастерской, при постоянномъ составѣ болѣе 70 дѣвочекъ, обучающихся руководѣліямъ, ежегодно оканчиваютъ до 10 дѣвиць, выходящихъ мастерицами, и, уходя изъ заведенія, сознательно благословляютъ имя августѣйшей покровительницы. Сказанныя данныя ясно свидѣтельствуютъ о томъ великомъ благодѣяніи, которое оказывала въ Бозѣ почившая великая княгиня.

Осиротѣвшимъ бѣднякамъ въ незамѣнимой ихъ утратѣ великимъ облегченіемъ является то обстоятельство, что покровительство надъ петербургскимъ „Обществомъ дешевыхъ квартиръ“ и тверскимъ „Обществомъ поощренія женскаго труда“ принялъ, въ память великой княгини, ея Августѣйшій Супругъ.

Не утѣшать, конечно, осиротѣвшаго Великаго Князя-Фельдмаршала соболѣзнованія и сожалѣнія другихъ, но и не ему одному дано въ удѣлъ оплакивать тяжелую потерю. Его горе дѣлать и тѣ бѣдные, которые знали и на себѣ испытывали доброту души покойной,—глубоко и съ тяжелымъ вздохомъ о дорогой утратѣ они не разъ соединять свои искреннія молитвы Творцу о вѣчномъ упокоеніи за гробомъ отзывчивой и любящей души покойной великой княгини. Миръ ея праху!

В. В. Еропкина.

Тверь. 19-го февраля 1892 г.

СТАРЕЦЪ ѲЕОДОРЪ КОЗМИЧЪ

въ 1837—1864 гг.

Въ январьской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1892 г. былъ напечатанъ биографическій очеркъ сибирскаго отшельника Ѳеодора Козмича, составленный М. Ѳ. Мельницкимъ, въ каковому очерку редакціею обѣщанъ былъ портретъ этого старца, святой карандашемъ, когда тѣло Ѳеодора Козмича лежало на столѣ. Прилагая къ настоящей книгѣ этотъ портретъ, мы даемъ въ ней мѣсто новой биографической замѣткѣ, относящейся до старца Ѳеодора, этой до сихъ поръ неразгаданной личности, унесшей въ могилу тайну своего происхожденія.

Объ отшельникѣ Ѳеодорѣ см. также въ „Русской Старинѣ“ изд. 1890 г., кн. XI, замѣтка кн. Н. С. Голицына; изд. 1837 г.: книга X, замѣтка В. Долгорукова (съ портретомъ старца Ѳеодора), и кн. XI, замѣтка И. Смирнова; изд. 1891 г., кн. X, очеркъ епископа Петра. Въ III выпускѣ названнаго редакціею „Русск. Ст.“ альбома „Русскіе Дѣатели“, Сиб. 1889 г., почтенъ портретъ Ѳеодора Козмича съ биографическою замѣткою.

Ред.

Въ октябрьской книгѣ „Русской Старины“ изд. 1887 г. была напечатана моя статья: „Отшельникъ Александръ (Ѳеодоръ) въ Сибири“. Статья эта была написана еще въ 1881 г., когда мнѣ были неизвѣстны многія подробности изъ жизни этого страннаго человѣка. Послѣ того мною были собраны и другія свѣдѣнія о немъ, и я позволяю себѣ сообщить ихъ для напечатанія въ „Русской Старинѣ“, полагая, что они не безынтересны для характеристики этой загадочной личности.

Старецъ Ѳеодоръ, по словамъ знавшихъ его лично, первоначально жилъ Ачинскаго округа Енисейской губерніи въ деревнѣ Бѣлозерской, гдѣ занималъ отдѣльную келью, выстроенную имъ самимъ, при домѣ крестьянина Николая Сидорова. Въ этой кельѣ онъ прожилъ безотлучно 17 лѣтъ. Прибылъ онъ въ Сибирь, по

этапу, въ 1837 г., по статейному списку—въ 43 партіи, изъ Перми, гдѣ былъ наказанъ за бродяжество 100 ударами плетей.

Жизнь его въ деревнѣ Бѣлозерской была самая аскетическая. Онъ никогда не ѣлъ скоромнаго и, вообще, употреблялъ мало пищи. По гостямъ онъ никуда не ходилъ, исключая своего хозяина Сидорова, у котораго иногда бывалъ на посидѣлкахъ (такъ называются вечеринки, устраиваемыя въ крестьянскомъ быту, на которыя собираются мужчины и женщины). На одной изъ такихъ посидѣлокъ старца Ѳеодора увидалъ бывший казакъ Березинъ, сосланный въ Сибирь въ административномъ порядкѣ и ранѣе долгое время служившій въ Петербургѣ — въ царствованіе императора Александра I. Березинъ, будто-бы, такъ пораженъ былъ сходствомъ старца Ѳеодора съ имп. Александромъ I, что ему показалось, что старецъ и есть самъ императоръ. Березинъ сообщилъ о своемъ предположеніи Сидорову, а тотъ намекнулъ о томъ старцу. Тогда старецъ Ѳеодоръ сейчасъ ушелъ съ посидѣлокъ, и съ тѣхъ поръ болѣе никуда не выходилъ изъ своей кельи. По уходѣ его, Березинъ возобудилъ разговоръ по поводу его сходства съ императоромъ Александромъ I и началъ высказывать вслухъ свои соображенія:

— „Какъ-же это могло случиться“,—говорилъ Березинъ,—„что я участвовалъ въ парадѣ, при похоронахъ императора Александра; а между тѣмъ—онъ живъ. Развѣ это—великій князь Константинъ Павловичъ... да нѣтъ, не можетъ быть!“

Сидоровъ затѣмъ пошелъ въ келью старца. Постучавшись и получивъ дозволеніе войти (такъ какъ въ келью къ нему никто не входилъ безъ спроса), Сидоровъ прямо высказалъ старцу Ѳеодору свое сомнѣніе въ его личности и спросилъ: „правда-ли, что онъ великій князь Константинъ Павловичъ, какъ признаетъ его казакъ Березинъ?“ Старецъ Ѳеодоръ на это отвѣтилъ:

— „Немного онъ ошибся; у великаго князя носъ былъ вотъ какой“, и при этомъ рукою своею носъ придавилъ вверхъ, „а былъ онъ еще гнусавый, а я развѣ такой?“

Прошло еще нѣсколько времени; Сидоровъ снова зашелъ какъ-то въ келью старца. Въ разговорѣ тотъ спросилъ его:

— „А что, хотѣлъ-бы ты посмотреть царя?“

Сидоровъ отвѣтилъ, что „половину-бы своего состоянія отдалъ за то, чтобы хоть разъ взглянуть на царя“. Тогда старецъ Ѳеодоръ, улыбаясь, замѣтилъ:

— „Ну, вотъ, такъ гляди на меня!“

У Сидорова сохраняется фотографическій портретъ старца, святыи въ Петербургѣ (штемпель на немъ: „Бельгійская фотографія,

Ф. Квальярди, Литейная, № 54"). На оборотной сторонѣ портрета слѣдующая надпись:

„Великій рабъ Божій старецъ Ѳеодоръ Козмичъ; скончался 20-го января 1864 г., въ Томскѣ, въ келии при домѣ купца Хромова. Тѣло его погребено въ томскомъ Алексѣевскомъ монастырѣ. Здѣсь-же былъ изъ бродягъ, пришелъ въ Сибирь въ 1837 г., въ 43-й партіи“.

Послѣ кончины старца найдены двѣ записки. На одной написаны слѣдующія фразы:

„Я видиши ли на какое васъ безсловесіе счастье слова из'нѣся, но егда убо А молчатъ П не возвѣщаютъ“.

На другой:

„12, 34
о в а ж,
І Дк, с, а м в, р а
сз Д я
крыють струфлакъ“¹⁾).

Сидоровъ такъ обрисовываетъ наружность старца: онъ, по его словамъ, „былъ человѣкъ громаднаго роста, съ зычнымъ голосомъ, съ рѣзкою манерою въ разговорѣ“.

Вспоминая однажды въ разговорѣ про Красноярскъ и тамошнее начальство и будучи вообще чѣмъ-то недоволенъ, старецъ сказалъ Сидорову: „стѣбитъ только мнѣ черкнуть одно слово въ Петербургъ, то весь Красноярскъ содрогнется отъ того, что будетъ“, и произнесъ эту фразу, смотря прямо въ глаза Сидорову, такъ громко и рѣзко, что Сидоровъ весь задрожалъ.

Келья старца въ деревнѣ Бѣлозерской цѣла до сихъ поръ и бережно охраняется Сидоровымъ, который былъ живъ еще года два тому назадъ,—не знаю, живъ-ли и теперь—и его семьею, и въ ней каждое воскресенье служатъ панихиду за упокой души старца.

Въ деревнѣ Бѣлозерской съ нимъ и познакомился томскій купецъ Семенъ Ѳеофановичъ Хромовъ, 75-ти-лѣтній старецъ, донный здравствующій. Онъ сталъ упрашивать старца перебраться къ нему въ Томскъ, и тотъ на это согласился. Сначала онъ жилъ на заимкѣ Хромова (о чемъ я говорилъ въ первой статьѣ), а затѣмъ переехалъ въ Томскъ, гдѣ для него въ саду дома Хромова была построена особая келья. Въ ней въ настоящее время живетъ самъ Хромовъ.

¹⁾ Кавычки около буквъ и цифръ, кромѣ начальныхъ и заключительныхъ, значатся въ подлинныхъ запискахъ; также и знаки препинанія поставлены такъ, какъ въ запискахъ.

Келья эта занимаетъ небольшое пространство — аршина два длины. Обстановка кельи, оставленная въ такомъ-же видѣ, какъ была при жизни старца, самая убогая: двѣ иконы въ правомъ углу, деревянный небольшой столъ и лежанка, на которой возвышается деревянное ложе, съ такимъ-же изголовьемъ. На одной изъ стѣнъ два портрета: одинъ (литографическій), изображающій императора Александра I во весь ростъ, другой—тоже во весь ростъ, самого старца.

Судя по портрету его ¹⁾, это высокій, худощавый старикъ, съ приятными чертами лица, съ длиннымъ, съ небольшимъ горбомъ, носомъ.

Вель онъ у Хромова, дѣйствительно, аскетическую жизнь: спалъ постоянно на деревянномъ ложѣ, на лежанкѣ, ѣлъ только одни овощи и ходилъ зиму и лѣто въ одной рубахѣ, подпоясанной ремнемъ, и холщевыхъ шароварахъ, и почти всегда безъ обуви, на босую ногу.

Мало разговорчивый, онъ умѣлъ двумя—тремя словами внушить инымъ изъ посѣщавшихъ его высокое мнѣніе о себѣ, и тѣ убѣждались, что старецъ былъ когда-то важнымъ лицомъ. Но Феодоръ, считаясь между его поклонниками чуть-ли не святымъ, церковей никогда не посѣщалъ, и ни разу, во все пребываніе у Хромова, до своей смерти, не былъ у исповѣди и у св. причастія. Молва о немъ доходила и до духовенства. Тогдашніе епископы томскіе, заинтересованные этою загадочною личностью, посылали къ нему священниковъ уговорить его быть въ церкви и говѣть; но онъ упорно отказывался, и такъ и умеръ безъ исповѣди и причастія.

— „Говорилъ-же онъ вамъ прямо кто онъ такой?“ любопытствовалъ я у Семена Теофановича Хромова, какъ-то встрѣтись съ нимъ и разговорясь о старцѣ.

— Да, онъ все выражался какъ-то иносказательно, отвѣчалъ тотъ. Разъ я его сталъ убѣждать исповѣдываться. Онъ мнѣ на это возразилъ: „это не твое дѣло, Богъ знаетъ, что творить. Я не могу сказать кто я: если скажу — весь міръ изумится, а совру — небо ужаснется!“

Посѣщало его при жизни въ Томскѣ много народа: кто приходилъ за совѣтомъ по какому-либо дѣлу, кто ожидая отъ него исцѣленія отъ болѣзни, которою страдалъ; кто просто изъ любопытства... Нѣкоторыхъ онъ поражалъ, будто-бы, своею прозорливостью и даромъ предсказыванія.

¹⁾ Снимокъ съ этого портрета былъ помещенъ въ „Русской Старинѣ“, октябрь 1887 г. В. Д.

Нѣкто Ѧ. С. Голубевъ, отставной чиновникъ, теперь уже слѣпецъ, томскій старожиль, рассказывалъ мнѣ про знакомство свое со старцемъ. Встрѣтился съ нимъ, какъ-то, одинъ изъ его сослуживцевъ и предложилъ итти вмѣстѣ къ Ѧеодору, котораго Голубевъ до того ни разу не видалъ.

— Вотъ еще! Зачѣмъ я пойду къ поселщику-варнаку (варнаками называютъ въ Сибири сосланныхъ въ каторгу), сказалъ Голубевъ; тѣмъ не менѣе, любопытство взяло верхъ, и онъ согласился итти. Приходить; Ѧеодоръ встрѣтилъ ихъ у кельи и, обратясь къ Голубеву, замѣтилъ:

— „Ай, ай! Зачѣмъ-же ты пришелъ къ поселщику-варнаку, когда не хотѣлъ итти?“

Голубевъ такъ былъ пораженъ этими словами, что сталъ просить у него прощенія, сознавшись, что онъ именно такъ назвалъ его.

— „Неужели вы вѣрите, что вашъ старецъ былъ знатной особой, за которую его принимаютъ?“—спросилъ я разъ Громова.

— Я ничего не знаю. Исторія узнаетъ кто былъ старецъ; великая только онъ личность былъ. Принимали его и за архіепископа иныя за Иринея Иркутскаго. Но онъ на это разъ мнѣ сказалъ: „думаютъ, что я архіепископъ Ириней,—это вздоръ“.

Въ свое время личность старца Ѧеодора интересовала чуть-ли не всю Восточную и Западную Сибирь; а портреты его настолько распространены по Сибири, что имѣются почти въ каждомъ домѣ...

Загадочными словами и двусмысленными намеками на свое высокое происхожденіе старецъ успѣлъ убѣдить многихъ, что онъ, дѣйствительно, когда-то, былъ важной особой и добровольно, по данному обѣту, пошелъ странствовать и сталъ бродягою; аскетическая жизнь, какую онъ велъ и въ Ачинскомъ округѣ, и въ Томскѣ, въ понятіи нѣкоторыхъ, сдѣлала его богоугоднымъ человекомъ, память котораго должна быть достойно чтима...

В. Д.

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ И МАГАЗИНЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

С.-Петербургъ, Большая Подъяческая ул., д. № 7.

КАТАЛОГЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

Книжный складъ и магазинъ «Русской Старины» принимает на комиссию постороннія изданія и высылаетъ многолюднымъ по требованіямъ или съ наложеннымъ платежемъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ.

NB. Книжные магазины и частныя лица могутъ обращаться съ заказами безъ высылки при этомъ денегъ и получать книги по почтѣ съ наложеніемъ платежа.

Авербахъ, Е. О. Положеніе о казенныхъ подрадахъ и поставкѣ. Вильна, 1892 г. Ц. 2 р.

Адресная книга С.-Петербурга на 1892 г. Сост. при содѣйствіи город. общ. упр. подъ ред. П. О. Яблонскаго. Спб. Ц. 4 р.

Анцисный календарь на 1892 г. Спб. Ц. 1 р.

Альбомъ представителей породъ домашнихъ птицъ. Съ объясн. текстомъ П. Н. Елагина. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

Альмедингеръ, А. Домашній опредѣлитель подлѣдокъ питател. вкусовыхъ и др. веществъ. Спб. Ц. 60 коп.

Антоніи, епископъ виборгскій. Изъ исторіи христіан. пропов. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

Ардовъ, Е. И. Руфина Кавдоева. Романъ. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

* **Архимандритъ Леонидъ.** Святая Русь или свѣдѣнія о всѣхъ святыхъ и подвижникахъ благочестія на Руси (до XVIII в.). Справочная книжка по русск. агиографіи. Изд. гр. С. Д. Шереметева. Спб., 1891 г.

Афанасьевъ, Г. Е. Условія хлѣбн. торговли во Франціи въ XVIII в. Одесса, 1892 г. Ц. 3 р.

Беритсонъ, А. Краткій учебникъ органической химіи. Пер. съ 3 нѣм. изд. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

Бертесонъ, Д. Динамометръ и новая теорія полета. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Библиотека графа С. Д. Шереметева. Т. II. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Брандтъ, Б. Теорія вексельнаго курса. Москва, 1892 г. Ц. 1 р.

Булгановъ, Ф. И. Альбомъ выставки въ Авад. Худ. 1892 г. Фототип. изд. Спб. Ц. 3 р.

Бурояковъ, В. I. Мертвая нога. Таинств. процессъ.—II. Романъ въ Кисловодскѣ. Повѣсть. Издан. 4-е. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Бьернстерне-Бьерксонъ. Перчатка. Драма въ 3-хъ дѣйств. Пер. съ I изд. подлинн. П. Г. Ганзенъ. Спб., 1892 г. Ц. 30 к.

Бѣмедій, А. Н. Медвѣжьи углы. Повѣсти очерки.—Подъ небомъ голубымъ.—Итальянск. ветеранъ.—Венеція.—Миланъ. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Вальтеръ, Ф. Парижскій терроръ, его дѣятели и жертвы. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.

Ватсонъ, Э. К. Этюды и очерки по общественнымъ вопросамъ. Съ портр. и біографіею автора. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

Veit, I, д-ръ. Диагностика женск. болѣзней. Съ рис. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 60 к.

* **Вербицкій, Т. У.** Памятная книжка Бурской губ. на 1892 г. Изд. курскаго губ. стат. ком. Бурскъ, 1892 г. Ц. 1 р. 20 к.

Вигель, Ф. Ф. Записки. I—II. Съ подлинной рукописи. М. 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Визнеръ, Ю., д-ръ. Біологія растений. съ приложен. историческ. очерка ботаники. Съ рисунк. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Владиміровъ, Л. Исслѣдованіе свойствъ

* Этими знаками отмѣчены заглавія книгъ, поступившихъ въ книжный магазинъ „Русской Старины“.

КАТАЛОГЪ КНИЖН. МАГАЗИНА „РУССКАЯ СТАРИНА“ (ПРИЛОЖ. ИЗД. 1892 Г.).

V

каучука и наложеніе его литературы. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

В***, Н. И. Уходъ и леченіе за домашн. животн. и птицею. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Галузевъ, В. На землѣ и подь землей. Рассказы всемірнаго путешеств. Съ рис. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Гаммарштейнъ, О. Учебникъ физиологич. химіи. Съ спектральн. табл. Спб., 1892 г. Ц. 3 р. 60 коп.

Гейнце, Н. Э. Женскій адъ. Романъ—быль изъ моск.-пет. жизни. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Головинъ, Б. Соціализмъ какъ положительное ученіе. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 60 к.

Голодному на хлѣбъ. Альбомъ автографовъ. Изданіе газеты «Русская Жизнь». Спб., 1892 г. Ц. 25 к.

Гюфманъ, капит. Письмоводство строеваго офицера и подпрапорщика. Изд. 5-е, переработ. 1. Зашуль. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.

Гринъ, Дж. Р. Исторія англійскаго народа. Т. II. М., 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Димонсъ, Ч. Полное собраніе сочиненій. Т. II. Домби и сынъ. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

* Дневникъ «Артиста». № 1. Приложение къ журн. «Артиста». М., 1892 г. Ц. 1 р.

Дуроянъ, ген.-м. Учебникъ тактики. Ч. I. Изд. 5-е, пересмотр. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

Жаколю, Л. Роковое кольцо. Романъ. М., 1892 г. Ц. 1 р.

Жуберъ, Ж. Основы ученія объ электричествѣ. Изданіе 2-е. М. Ц. 3 р.

Журналы комитета министровъ. Царств. имп. Александра I. 1802—1826 гг. Т. II. 1810—1812 гг. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

Жэ, Л. Задачи по физикѣ. Пер. съ франц. М., 1892 г. Ц. 2 р.

Заводская книга русскихъ рисунковъ. Сост. подь ред. Ю. И. Юрлова. Т. XII. Спб., 1892 г. Ц. 3 р. 50 к.

Замонъ 3 февр. 1892 г. объ охотѣ. Спб. Ц. 25 к.

Калинскій, Има, графъ. Утренніе лучи. Фантастическіе эскизы. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

Картановъ, Е. Э. По Египту и Палестинѣ. Путевыя замѣтки. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Карповъ, Н. И. Первые гуманисты. Въ пользу пострад. отъ неурожая Спб., 1892 г. Ц. 30 к.

Кашеварова-Руднева, В. А., д-ръ. Гигіена женскаго организма во всѣхъ фазисахъ жизни. Изд. 2-е. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Комитетъ министровъ въ царств. импер. Александра I. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

* Корюновъ, Н. М. «Общественное значеніе права». Въ пользу постр. отъ неурожая. Лекція въ Имп. Александровскомъ лицѣ. Спб., 1892 г. Ц. 30 к.

* Костромская Старина. Сборникъ, издав. Костромскою губер. уч. арх. комиссіею. Вып. 2. Кострома, 1892 г. Ц. 1 р. 50 к. съ пер. Костычевъ, П. Обработка и удобреніе чернозема. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

Краткій русско-татарскій словарь для экскурсантовъ (крымск. маршче). Одесса, 1892 г. Ц. 50 к.

Крашевскій, И. И. Сиротская доля. Романъ. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

* Крешко, В. Д. О сельскомъ хозяйствѣ. Т. III. Вып. 6-й. Спб., 1892 г. Ц. 60 к.

Крестовская, М. В. Раннія грозы.—Испытаніе. Изд. 2-е. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

— Въ жизни.—Уголки театр. мірка. Изд. 2-е. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кулемовъ, П. Крушныи рогатый скотъ. Съ рисунками. Спб., 1892 г. Ц. 95 к.

Ланге, Н. Н. Душа ребенка въ первые годы жизни. Спб., 1892 г. Ц. 40 к.

Ланге, Ф. А. Рабочій вопросъ, его значеніе въ настоящемъ и будущемъ. Перев. съ 4-го нем. изд. съ пред. Р. И. Семеновскаго. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Лашинъ, Ф. Ф. Статейный списокъ московскаго посланника въ Крымъ Ивана Судакова въ 1587—1588 году. Съ предисл. Симферополь, 1891 г. Ц. 40 к.

* Лебединскій, Л. А. Извѣстія Общ. Горн. Инжен. Годъ I. № 1. Выходятъ отдѣльными выпускомъ отъ 6 — 12 въ годъ. Ц. 5 р. въ годъ съ дост. Спб., 1892 г.

Левенфельдъ, Л., д-ръ. Половая нейрастенія. Одесса, 1892 г. Ц. 1 р.

Лейнингъ, Н. А. Святость профессора. Романъ.—Ефимъ и Катерина. Повѣсть. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

—Рябятишки. Рассказы. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

* Лизандеръ, фонъ, Д. Стихотворенія. Москва, 1892 г. Ц. 1 р., съ пер: 1 р. 25 к.

Литература земельного кредита. Вып. II. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

* *Лопаревъ*, Хр. Описание рукоп. Имп. общества любит. древней письменности. Ч. I. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

Лопаревъ, Хр. Византийскій поэтъ Мануилъ Филъ. Къ исторіи Болгаріи въ XIII—XIV вѣкѣ. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

* *Лопаревъ*, Хр. Памятн. древней письменности. LXXXV. Житіе преподобнаго Стефана Комельскаго. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Сомбозо, С. Новѣйшіе успѣхи науки о преступникѣхъ. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Луничъ, В. А., врачъ. Школа сбереженія здоровья, продолж. молодости и физич. красоты женщины. М., 1892 г. Ц. 60 к.

* *Масловскій*, Д. Ѳ. Сборникъ военно-историч. матеріаловъ. Вып. I. Сѣверная война. Документы 1705 — 1708 гг. Спб., 1892 г. Ц. по 50 к. выч.

* *Материалы* для статистики Одессы. Стат. обзорніе Одессы за 1890 г. Сост. Стат. бюро при Городск. управѣ. Одесса, 1892 г.

Месливскій, А. Образцовый самоучитель фр. яз. Общедост. изд. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.

* *Михневичъ*, Вл. Черные дни. Наблюденія и замѣтки. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Молодецкій, Г. В. Учебникъ низшей геодезіи. Попул. рукоп. Умань, 1891 г. Ц. съ атл. 1 р. 20 к.

Наушевъ, А. Школа рисованія. Спб., 1892 г. Ц. за 3 тетради 2 р.

Имольскій, П. А. Бумажные деньги въ Россіи. Казань, 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Новый Законъ. Правила объ охотѣ. Высоч. утвержд. 3-го февраля 1892 г. М. Ц. 16 к.

Нордау, Максъ. Комедія чувствъ. Романъ. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Очерки гоголевскаго періода русск. литературы. («Современникъ» 1855-1856 гг.). Изд. М. Н. Чернышевскаго. Спб. Ц. 2 р.

Павловичъ, М. Ретушированіе фотографическихъ негативовъ и позитивовъ Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Павлова, А. Н. Годъ въ Америкѣ. Изъ воспом. женщины-врача. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Павлуцій, Гр. Коринтскій архитектурный орденъ. Кіевъ, 1891 г. Ц. 2 р.

Пархановъ, А. Руководство въ судеб-

номъ дѣлѣ для земск. начальн. городск. судей, уѣзда. съѣздовъ, губерн. присутств. и чиновъ полиціи. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Письма о голодѣ. Обмѣнъ мыслей между «Рцы», Н. П. Аксаковымъ, N*** и С. Ѳ. Шарашовымъ. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.

Полешаевъ, Н. Н., и В. М. Шинкевичъ. Курсы зоологій позвоночныхъ. Вып. II. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 75 к.

Pollatschek, A., д-ръ. Успѣхи терапіи въ 1889 и 1890 г. Ежегодникъ для практическихъ врачей. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

Половскій, Я. П. Лепта въ пользу нуждающихся. Стихотворенія. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Путникъ (М. Леандеръ). Восторъ и Бомбантиниополь.—Анатолійское побережье.—По русскому югу. Спб., 1892 г. Ц. 60 к.

Расинъ, Ж. Гюэзіл (Athalie). Трагедія въ пяти дѣйств. въ стихахъ. Пер. Л. Поливанова. М., 1892 г. Ц. 2 р.

* «*Рюлетка въ Монане*». Пер. съ франц. съ прим. и допол. переводчика. Москва, 1891 г. Ц. 85 к.

Русскій флотъ. Изданіе великаго князя Александра Михайловича. Рисов. лейтен. В. Игнатіусъ. Спб., 1892 г. Ц. 10 р.

Руссо, Жанъ-Жанъ. Юлія или новая Элоиза, или письма двухъ любовниковъ, живущихъ въ маленькомъ городѣ у подножія Альпъ. М., 1892 г. Ц. 2 р.

Сабантовъ, Л. П. Рыбы Россіи. Жизнь и ловля нашихъ прѣсноводныхъ рыбъ. Т. I. Изд. 2. М., 1892 г. Ц. съ подл. на т. II 6 р.

Сарматъ (М. Баранцевичъ). Картинки жизни, 39 разск. (юморист. сборникъ). Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Сборникъ Имп. Русск. историч. общ. Т. 78-й и 79-й. Спб. 1891 г. Ц. кажд. т. 3 р.

Селлфонтовъ, Н. Н. Подробная опись 440 рукописамъ XVII, XVIII и начала XIX стол. Перваго собранія «Линевскаго архива», съ 2 прил. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

* «*Сельскій хозяинъ*», Еженед. иллюстр. изд. К. И. Масляникова. № 23. Спб., 1892 г. Ц. отд. № 20 к.

Семейная библіотека. № 27. А. Габихтъ. Сила предразсудка. Историческій романъ. Ч. I. Спб., 1892 г. Ц. 25 к.

Сематскій Архивъ. IV. Журналы и опре-

дѣленія Прав. Сената за июнь, июль, авг. и сент. 1741 г. Спб., 1891 г. Ц. 2 р.

Симаисий, В. К. Петербургскія дачныя мѣстности въ отношеніи ихъ здоровости. Цп. П. Спб. Ц. 75 к.

Солдатовъ, В. «Всякая всячина и спектакторъ». Къ исторіи русск. сатирич. журналистики XVIII в. Спб., 1892 г. Ц. 40 к.

Стахтеевъ, Д. И. Домашній очагъ. Романъ. Изданіе 2-е. Спб. Ц. 1 р. 25 к.

— Законный бракъ. Романъ. Изд. 2-е. Спб. Ц. 80 к.

— Походы на доходы. Повѣсть. Изд. 2. Спб. Ц. 60 к.

* **Стихотворенія А. М. Жемчужникова.** Въ 2 т. Т. I. Съ портр. автора и автобіогр. очерк. Спб., 1892 г. Ц. за 2 т. 3 р.

Студентский, М. С. Выржа, спекуляція и игра. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Суттнеръ, фонъ, В. Противъ войны. Романъ изъ жизни. Пер. съ нѣм., подъ ред. Ѳ. И. Бухгакова. Изд. 2-е. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Стеоровъ, Н. Разказы, очерки и наброски. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Стеверсий, Я. Г. Особенная часть русск. угол. права. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Таганцевъ, Н. С. Уставъ о наказаніяхъ, налаг. мир. судьями, изд. 1888 г., пересм. и дополи. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

Тисандье, Г. Научныя развлеченія. Изд. 3-е. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Томсенъ, В., д-ръ. Начало русскаго государства. Три чтенія. М., 1891 г. Ц. 1 р.

Трусовичъ, Хр. По вопросу о дворянскомъ сельскохоз. кредитѣ. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Турцевичъ, Ар. Христоматія по исторіи зап. Россіи. Вильна, 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Т..... **Д-ръ.** Что вредно для здоровья. М., 1892 г. Ц. 40 к.

Ульмовъ, К. А. Руководство для завѣдывающихъ хозяйствомъ въ полкахъ, батальонахъ и командахъ. Изд. 7-е, переработ. I. Зашукъ. Спб., 1892 г. Ц. 4 р. 50 к.

Успенскій, Ѳ. Очерки по исторіи визант. образованія. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

«Учитель-жизнѣность» на 1890 г. Журналь для изученія 6 языковъ. Курсъ I и II. Изд. 3. Спб. Ц. 2 р.

Фабержъ, Ф., д-ръ. Гигіена беременности. Одесса, 1892 г. Ц. 50 к.

Финиеръ, Ф. Сицилск. его леченіемъ условія безопаснаго вступленія больныхъ въ бракъ. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Фламмарионъ, К. Въ небесахъ. Астроном. романъ. Съ рис. Изд. 2-е, испр. и доп. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.

Хронологическій сборникъ рѣшеній Прав. Сената за 25 лѣтъ (1866—1891 гг.). Т. I. Подъ ред. А. Гаугера Спб., 1892 г. Ц. 5 р.

Церетель, Д. Н., кн. Стихотворенія. 1863—1891. М., 1892 г. Ц. 2 р.

Черилевъ, В. В. Пособіе при выборѣ и покупкѣ сельскохоз. машинъ и орудій. Изд. 2-е, доп. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 30 к.

Шапиро, Б., д-ръ. Учебникъ фармакологіи. Изд. 3-е, перераб. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

* **Шумигорскій, Е. С.** Императрица Марія Ѳеодоровна (1759—1828 гг.). Ея біографія. Томъ первый. Спб., 1892 г. Ц. 5 р.

Щербачевъ, Г. Д. Очерки моея дѣятельности въ царств. Александра II. Москва, 1891 г. Ц. 75 к.

Зваринскій, Д. И. Исторія запорожскихъ казаковъ. Т. I. Съ рис. Спб., 1892 г. Ц. 4 р.

Эрлицкій, А. Ф. О причинахъ душевныхъ болѣзней. Публ. лекція. Прод. въ пользу пострада. отъ неурожаа. Спб., 1892 г. Ц. 60 к.

Ячменевъ, М. С. Адфоризмы. Уфа, 1891 г. Ц. 70 к.

По желанію и заказчиковъ книжный магазинъ «Русской Старины» высылаетъ книги и въ переплетъ. Цѣны переплетовъ: шатреневый съ каленкоромъ—80 коп., сабьяннокорешковый—50 коп.

Всѣ вообще заказы о высылкѣ книгъ выполняются магазиномъ «Русской Старины» безъ малѣйшаго замедленія.

иском: а) военный журнал корпуса
генерал-майора Оттави, съ 22-го
ноября 1706 г.; б) записка
генерала-кавалера князя Голицына
о разбитии бун под штурмом Подья-
чьего октября 1713 г. и пятое
и не менее важные документы. Писа-
тели документов въ печати нельзя
считать казенными издателями въ
историко-литературную литературу.

Русский матежъ 1883 г. Соч.
Г. Грандьева. Ильяшъ, 1882 года.
11 р. 50 к., съ перес.

Эта, составленная на основании га-
зетъ статей началъ 1840-хъ годовъ и
разъясняющая происшествіе чеченскаго
войны, бывшая ближайшимъ свиде-
тельствомъ тогдашней службы въ Польше и
иныхъ губерніяхъ. Общая картина
войны смутна, въ названномъ
издании рельезно и верно и широкимъ
представителемъ не мало поучительнаго
историческаго материала, не переживаю-
щей печальной участи эпохи, еще
доказавшей непрямому влиянію
близость поляковъ, такъ пла-
чливо обличая свою родину и, вѣдѣвъ
то, восторженно восклицавшихъ не
менее великими бѣдствіями.

Историко-статистическій очеркъ
Оренбургскаго казначейства поиска.
Разъясненіе статьи о домашнемъ
Оренбургскомъ казначействѣ, рисунокъ
денегъ и карты. Составилъ инженеръ
Ф. Стариковъ. Оренбургъ,
1881 г. Цена 2 рубля.

Эта называется общій очеркъ
исторіи восточныхъ и юго-восточныхъ
земель Московскаго государства, причѣмъ
въ началѣ раздѣла въ казенныхъ раз-
дѣлахъ раздѣлы казенныхъ раз-
дѣловъ. Очеркъ этотъ состав-
ленъ изъ черновиковъ историческихъ
ислѣдваній и документовъ, которые всѣ
сохранены въ архивахъ. За-
ключеніе главы посвящено специальному
описанію Оренбургскаго казначейства
и 2-я глава говоритъ о распро-
страненіи казенныхъ вѣдомствъ края,
въ штатѣ Оренбургскаго казначейства
и о востановленіи его раздѣла;
3-ья глава — о казенномъ казначействѣ

района, положеніе 1840 года объ орен-
бургскомъ войскѣ и постоянныя шарты
правительства о благоустраиваніи этого
войска; въ 1-й главѣ описаны походы и
военныя отдѣлы казначейства; 2-я глава посвя-
щена географическому и топографическому
описанію земли оренбургскаго казначейства
войска; въ 3-й говорится о народонаселеніи
и средствахъ народнаго благополучія; и
народныхъ обрадованій и военной повин-
ности. Изъ этого блага перечня содер-
жанія книги г. Старикова видно, что она
можетъ представить не мало поучитель-
наго для интересующихся исторіею разви-
тія нашего казначейства вообще и его быто-
выми особенностями. Приложенія къ
книжкѣ, довольно удовлетворительно сдѣ-
ланная, карта показывающая современныя
границы Оренбургскаго войска, а равно и
старыя сторожевыя линіи на казенной восточной
окраинѣ.

Русская Лондонія и ея про-
мысли. Составилъ врачъ Из. Гудевичъ.
Архангельскъ, 1881 г. Цена 75 к.

Въ послѣдніе 15—20 лѣтъ у насъ все
болѣе и болѣе начинаютъ интересоваться
сѣверными Россіи и побережьями Ледови-
таго океана и Балтійскаго моря. До тѣхъ поръ
большинство нашей читающей публики
могло имѣть о немъ лишь весьма смутныя
появленія, вынесенныя изъ географическихъ
учебниковъ. Между тѣмъ, изъ которыхъ нѣ-
которыя нѣтъ малости нашего сѣвера пред-
ставляютъ много интереснаго въ смыслѣ
какъ бытового, такъ и экономическаго.
С. Гудевичъ своимъ обстоятельствомъ поста-
вилъ былъ въ условія, весьма способствую-
щими близкому ознакомленію съ одною
изъ этихъ мѣстностей, а именно — съ рус-
скою Лондоніею; въ 1881 году онъ былъ
командированъ на Мурманскій берегъ
Архангельскимъ обществомъ Крестнаго
Креста, въ качествѣ врача, для оказанія
помощи избывавшимъ рыбопромышлен-
никамъ. Въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, въ
свободное отъ своихъ привычныхъ занятій
время, онъ изучалъ бытовыя условія края
и его экономическое состояніе, — какъ по
восточникамъ, такъ и по собственнымъ
наблюденіямъ. Книга эта продается въ
пользу Архангельской общины сестеръ
Крестнаго Креста.

И. О.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1892 г.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ ГОДЪ ИЗДАВАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, **ДЕВЯТЬ руб.**, съ пересылкою.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., д. № 20, у Палудейскаго моста, книжный магазинъ А. Ф. ЦИВВЕРЛИНГА (бывшій Молье в К°). Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Моловая, д. Коха), Н. Я. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсанова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—А. А. Дубровина (Носкресенская ул., Гостинный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Кіевѣ—при книжн. магазинѣ Н. Я. Оглобина.

Гг. Нижегородцы обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подьяческую, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и рассказы о дѣлахъ эпохъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Жизнеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственныхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусствъ; переписка, автобіографіи, замѣтки, дневники русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отрывки о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе рассказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія

Можно получить въ конторѣ редакціи слѣдующія выданія журнала:

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., (15 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., (60 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., 12 книгъ (33 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., 12 книгъ (31 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд. (61 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 книгъ (30 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кн. изд. второе (57 экз.), съ портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1885 г., 12 книгъ (53 экз.), съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1888 г., 12 книгъ (70 экз.), съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1889 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1890 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1891 г., 12 книгъ (54 экз.), съ портретами, 9 руб.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЕСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ двадцать третій.

ІЮНЬ.

1892 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. Визитъ Михаила Ивановича Сеновскаго, основателя и редактора-издателя «Русской Старины», † 9-го марта 1892 г. 1
- II. Русскія достопамятные люди. Забытыя и омыты. Русские въ сѣверѣ С. Д. Подгорнаго. 457
- III. Студенческое волненіе въ Казани въ 1887 г. Паспортами записка бывшаго профессора казанскаго университета П. Д. Шостакова. 489
- IV. Бытосныя черты XVII вѣка. Сообщ. Н. П. Огановичъ. 681
- V. Указы и распоряженія въ царствованіе Павла I, 1796—1800. (Смѣк. А. Г. Пугаревъ. 540
- VI. Пасторъ Вигандъ: его жизнь и дѣятельность въ Россіи, 1764—1806 гг. Сообщ. В. Н. Тешиневъ. 545
- VII. Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ, 1757—1835 гг. Очеркъ изъ исторіи русской литературы первой четверти XIX в. Сообщ. Ш. О. Морозовъ. 569
- VIII. Александръ Петровичъ Хрущовъ. род. 1806 г., † 1875 г. Вспоминанія изъ его писемъ 1853—1869 гг. 593
- IX. Воспоминанія шведскаго посредника о введеніи въ дѣйствіе Палашии 19 февраля 1861 г. (Отзываніе). Сообщ. Н. А. Крыловъ. 615
- X. Воспоминанія ординарца в войнѣ 1877—1878 гг. Главы IV—V: Турпанъ. — Штурмъ Николая. (Сообщ. Н. М. Волгаринскій 643
- XI. 250 лѣтъ лѣтъ-грендерера. Эрмитажнаго Его Величества полка, 1842—1892 гг. Сообщ. Ш. О. Бобровскій. 665
- XII. Исторіи и записки: Царь Паскаль Шудский въ 1611—1612 гг. (678). — Челобитная Екатерины II, (458). — Песаръ Константинъ Павловичъ и гр. Араловъ (608). — Выговоръ кня. Александру I ген. П. Ш. Мисельсову (692). — Рѣш. еми. Николая I патронта. епископата въ 1864 г. (690).
- XIII. Библиографическій списокъ.

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ Михаила Ивановича Сеновскаго, основателя и редактора-издателя еженедѣльнаго журнала «Русская Старина», † 9-го марта 1892 г. Фотографическая копія исполнена въ Императорскомъ государственномъ бумажномъ.

Продолжается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1892 г.

Можно заказать «Русскую Старину» изд. 1891 г. (осталось 50 экз.)

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій каналъ, д. № 60.

1892.

VI-я книжка „Русской Старины“ вышла 1-го іюня 1892 г.

Труды Тибетской экспедиции 1889—1890 гг., под начальством М. П. Шенцова. Часть II. Издание Императорского Русского Географического Общества. Спб., 1892 г.

Зависа, сформировавшая отъ насъ обширныя области Центральной Азии, продолжается все шире и шире раздвигаться. Великія географическія открытія, одними необходимыми. Провалывались, продолжаютъ возобновляться новыми изслѣдованіями, открывающими широкое поле дѣятельности для людей науки. Понимая важность этого есть трудъ К. Н. Богдановича—одного изъ участившихъ изслѣдованій Павлова—и содержитъ геологическія изслѣдованія, произведенныя въ Восточной Туркестанѣ; причѣмъ авторъ поцѣло касается и некоторыхъ бытовыхъ чертъ тѣхъ племенъ, съ которыми ему приходилось имѣть сношенія. Въ предлагаемомъ трудѣ авторъ опредѣляетъ цѣль, которую онъ себя поставилъ, слѣдующимъ образомъ:

„Задачаю каждаго ученаго путешествія—никакъ не, по возможности, всестороннее приложеніе своей науки въ изученіи изслѣдуемой страны. По всей справедливости, каждая наука пользуется болѣе или менѣею популярностью въ зависимости отъ степени ея приложимости въ дѣйствительной жизни. Съ человѣческой точки зрѣнія, степень культурности въ пригодности въ наука и мало-мальшесткихъ странъ должны прежде всего обратитъ вниманіе всякаго путешественника. Степень культурности зависитъ отъ суммированія разнообразныхъ условій, отчасти вовсе не входящихъ въ понятіи какаго-бы то ни было натуралиста. Пригодность же къ наукамъ каждой страны, напротивъ того, всегда входить въ сферу знаній натуралиста, такъ какъ этотъ вопросъ трактуется непосредственно отъ временныхъ условій жизни. Пригодность страны къ наукамъ зависитъ, между прочимъ, отъ двухъ факторовъ—почвы и вѣдръ земли. Въ отношеніи обоихъ этихъ факторовъ гмного можно и должно отвѣтить на импозитный здѣсь гуманитарный вопросъ. Вопросъ этотъ долженъ получить особенное значеніе для каждаго русскаго, когда рѣчь заходитъ о странѣ, лежащей за нашими азиатскими окраинами. Настоящая работа и представля-

етъ слабую попытку отвѣтить на поставленные здѣсь вопросы. Она не претендуетъ ни на всесторонность, ни на законченность; это скорее только очеркъ, который нужно еще развить въ картину“.

Трудъ г. Богдановича распределяется на слѣдующія пять главъ: 1) отъ Провалываса до Найсана, 2) орографическій очеркъ сѣверо-западнаго Тибета и Куинь-луна въ предѣлахъ изслѣдуемыхъ изслѣдованій, 3) геологическій очеркъ Куинь-луна и Тяньшаня по даннымъ изслѣдованій, 4) современныя отношенія къ Камгарію, 5) возможность Куинь-луна. Наконецъ, въ заключеніи говорится о Камгаріи въ древне-историческія времена и о причинахъ современнаго его древнихъ культуръ. Какія приложения: алфавитный указатель мѣстностей; отчетная карта путей, предѣлимыхъ г. Богдановичемъ, 7 таблицъ съновъ, 5 таблицъ геологическихъ разрывовъ и 10 планетическихъ.

Очеркъ дѣйствій Завадова отряда, генераль-адъютанта Гурко. Часть I. Генеральнаго штаба подполковника Епанчина. Спб., 1882 г.

Предметомъ «иссти сочиненія авторъ избралъ одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и поучительныхъ эпизодовъ послѣдней русско-турецкой войны. Рассказываютъ, будто покойный «свѣдѣнныкъ Молоты, тщательно слѣдившій на задомъ дѣлѣмъ въ Европейской Турціи, былъ настолько убѣжденъ въ непроходимости Балканъ въ зинное время, что при наступленіи глубокой осени обратился къ работавшимъ съ нимъ офицерамъ и казакамъ: „господа, можете уложить ваши шаргулы и карандаши, потому что до наступленія осени двигаться русскія войска впередъ никакъ нельзя“. Было-ли это сказано или нѣтъ—не въ томъ дѣло; но стрѣно то, что нѣтъ-никой войны, основательно изучившій геогр. ноймъ и знакомый съ истинными и псевдическими условіями Европейской Турціи (гдѣ самъ онъ въ молодости служилъ), могъ держаться подобнаго убѣжденія. Чтѣта книга подполковника Епанчина, не знаетъ чему болѣе удивляться: энергіи-ли и настойчивости пачальниковъ (а въ нѣтъ-главахъ—генераль-адъютанта Гурко) или самоотверженію солдатъ. Въ отношеніи матеріальной обстановки и перенесенія

СЪ ФОТОГРАФИИ В. КЛАСЕНЪ.

Михаилъ Семевскій

1837 — 1892.

ПАМЯТИ МИХАИЛА ИВАНОВИЧА СЕМЕВСКАГО,

основателя и редактора-издателя „Русской Старины“,

1837 $\frac{\text{род. 4-го января}}{\text{† 9-го марта}}$ 1892.

На Руси у православныхъ свято сохраняется исконный обычай осѣнять себя крестомъ при встрѣчѣ съ покойникомъ—читатели исполняютъ этотъ обычай при взглядѣ на прилагаемое изображение новопреставившагося историческаго писателя и общественнаго дѣятеля, хорошо извѣстнаго всей читающей Россіи, основателя „Русской Старины“—**Михаила Ивановича Семевскаго.**

Появленіе прапорщика лейбъ-гвардіи Павловскаго полка **Михаила Семевскаго** на аренѣ государственнаго и общественаго служенія Россіи, въ 1855 году, совпадаетъ съ моментомъ того всесторонняго обновленія, которое охватило русскую жизнь съ началомъ прошлаго царствованія. Съ замѣчательною прозорливостью, юный 18-ти-лѣтній офицеръ усматриваетъ исторически необходимую связь новаго съ старымъ; въ новизнахъ реформаторской эпохи слышится ему старина нашего историческаго быта. Сознавая, что „настоящее крѣпится прошедшимъ“, убѣжденный, что „старина свята“, **М. И. Семевскій**

всецѣло отдается изученію русской старины, и рядомъ статей, интересныхъ по содержанію, живыхъ по изложенію, полезныхъ по тенденціи, пробуждаетъ въ русскомъ общественномъ сознаниі живого интересъ къ новой правдѣ, потѣснившей, по слову императора Александра II, старую кривду во всѣхъ сферахъ русскаго народнаго быта. Въ теченіе пятнадцати лѣтъ, съ 1855 по 1870 годъ, имъ напечатано болѣе 100 статей, разбросанныхъ по различнымъ изданіямъ. Это было только подготовительною для него школою къ новой, болѣе широкой, дѣятельности.

Съ 1870 года М. И. Семевскій основываетъ свое изданіе, вся программа котораго ярко обрисовалась въ самомъ его названіи: „Русская Старина“. Также ясно, также прямо указано было и побужденіе, руководившее имъ при основаніи журнала: „Въ настоящее время, русское общество, оживленное духомъ всестороннихъ улучшеній его быта, начало быстро развиваться по пути народнаго самосознанія. Изученіе родной исторіи и преимущественно новѣйшаго времени, основанное не на личныхъ взглядахъ того или другаго писателя, но на подлинныхъ историческихъ документахъ, всего болѣе можетъ способствовать этому развитію“. Живой, отзывчивый на запросы времени, если не на злобы дня, М. И. Семевскій прямо и рѣшительно отдаетъ предпочтеніе императорскому штандарту предъ великокняжескимъ стягомъ: „Всякое замѣчательное оригинальное изслѣдованіе изъ области исторіи до-петровской Руси, а равно важныя почему-либо матеріалы, знакомящія съ дѣятелями или событіями изъ той-же эпохи, наконецъ, археологическія замѣтки всегда найдутъ мѣсто на страницахъ изданія, хотя преимущественная задача „Русской Старины“ будетъ ознакомленіе ея читателей съ императорскимъ періодомъ отечественной исторіи“.

Болѣе 22-хъ лѣтъ трудился М. И. Семевскій надъ изданіемъ „Русской Старины“. Каждый новый мѣсяць приносилъ русскому обществу и новую книгу журнала. Въ этой ежемѣсячной смѣнѣ одной книги другою, читателю трудно было уловить не только направленіе журнала, но и задачи, преслѣдуемыя редакторомъ. Ежемѣсячный наплывъ новыхъ историческихъ матеріаловъ, новыхъ данныхъ изъ русской старины, преимущественно императорской, затруднялъ пониманіе связи идей, которыми руководился М. И. Семевскій при выборѣ фактовъ,

подлежавшихъ обнаруженію, и при оцѣнкѣ матеріаловъ, имѣвшихъ общественно-государственное значеніе. Не всѣмъ еще вполне ясна, поэтому, и та польза, которую принесла „Русская Старина“ развитію нашего народнаго самосознанія. Между тѣмъ, заслуга „Русской Старины“ въ этомъ отношеніи весьма значительна: на ея страницахъ появлялись какъ матеріалы, „служившіе къ чести и славѣ прежнихъ общественныхъ дѣятелей“, такъ и данныя, „указывавшія на темныя стороны нашего общественнаго быта“. Освѣщеніе русской старины въ этомъ направленіи укрѣпляло въ читателяхъ сознаніе необходимости предпринятыхъ правительствомъ преобразованій и служило руководствомъ для практическаго ихъ осуществленія.

Такая задача „Русской Старины“, на знамени которой начертано возможно правильное освѣщеніе прошлыхъ явленій русской жизни въ XVIII и XIX стол., оказала большую услугу и наукѣ русской исторіи. Въ 267-ми книгахъ „Русской Старины“ М. И. Семевскимъ напечатано до 300 мемуаровъ, записокъ, воспоминаній и нѣсколько тысячъ актовъ, указовъ, писемъ преимущественно, даже исключительно, русскихъ людей. Благодаря этому богатому матеріалу, русское XVIII стол., которому преимущественно посвящена „Русская Старина“, предстало предъ русскими людьми въ своемъ настоящемъ свѣтѣ, въ той русской окраскѣ, которой оно прежде не имѣло. Въ нѣсколькихъ сотняхъ изслѣдованій, рассказовъ и замѣтокъ, появившихся въ „Русской Старинѣ“, лица и дѣянія XVIII вѣка освѣщены чисто русскимъ, свойственнымъ вѣку, колоритомъ, причемъ русскія явленія оцѣнены на основаніи русскихъ данныхъ.

Изданіемъ „Русской Старины“ не ограничивались, однако, задачи М. И. Семевского, стремившагося возможно шире распространить свѣдѣнія какъ о русскомъ XVIII вѣкѣ, такъ и вообще объ императорской эпохѣ русской исторіи. Въ ученыхъ обществахъ и комиссіяхъ, членомъ которыхъ онъ состоялъ, раздавалась нерѣдко его убѣжденная рѣчь по тому или другому вопросу, касавшемуся прошлаго вѣка, преимущественно-же Петра В. Этому великому реформатору Россіи посвященъ и „Архивъ князя Куракина“, выходявшій подъ редакціей М. И. Семевского; о томъ-же Петрѣ Великомъ читалъ онъ публичныя лекціи въ Петербургѣ и Кронштадтѣ, гдѣ и смерть принялъ, какъ вѣр-

ный часовой на своемъ посту, вслѣдъ за публичною бесѣдою все о томъ-же величайшемъ явленіи русской старины.

Справедливо дивились всѣ, близко знавшіе М. И. Семевскаго, его неутомимому трудолюбію, его способности сосредоточиваться на самыхъ разнообразныхъ вопросахъ и всецѣло, до самоотверженія, отдаваться излюбленному имъ предмету. Объясняется это, прежде всего, конечно, личными свойствами его характера и дарованія; но въ этомъ нельзя не видѣть и извѣстной доли вліянія той школы, которая сформировала его характеръ и дала направленіе его дарованію, той военной выдержки, которая была пріобрѣтена имъ въ Полоцкомъ кадетскомъ, потомъ въ Константиновскомъ корпусѣ, наконецъ, въ л.-гв. Павловскомъ полку.

Приложенное къ настоящей книгѣ „Русской Старины“ изображеніе М. И. Семевскаго чрезвычайно удачно передаетъ внѣшній обликъ покойнаго. Открытый, сосредоточенный взглядъ; спокойное, доброе выраженіе; уста, готовые открыться на проповѣдь правды, добра, всего честнаго и полезнаго—такимъ былъ Михаилъ Ивановичъ и въ редакціи „Русской Старины“, и въ аудиторіи Солянаго Городка, и въ залѣ Городской Думы, и въ засѣданіяхъ комиссій, и въ Кронштадтскомъ морскомъ собраніи, изъ котораго онъ вышелъ уже полумертвымъ...

В. А. Вильбасовъ.

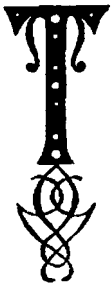
Рѣчь, произнесенная въ спб. Вознесенскомъ храмѣ

протоіереемъ В. Я. Михайловскимъ

на панихидѣ въ сороковой день кончины Михаила Ивановича Семеваго

17-го апрѣля 1892 г. ¹⁾.

Блаженъ разумѣвая на нища и убога:
въ день люте избавитъ его Господь.
(Пс. 40, 2).

Темно, полумрачно въ храмѣ семъ въ настоящую минуту; только изрѣдка мелькаютъ огоньки отъ свѣчей. Такъ темно наше будущее; только изрѣдка освѣтляютъ нашу душу лучи надежды. Такъ темна будущность судьбы и усопнаго раба Михаила, нами воспоминаемаго и любовію чествуемаго. Сегодня, по вѣрованію церкви, онъ, въ теченіе сорока дней по разлукѣ души отъ тѣла прошедшій испытательный путь среди крушеній, одолѣвавшихъ духъ его, имѣетъ услышать роковой, хотя еще и не вѣковѣчный приговоръ суда Божія: чего ему

¹⁾ Панихида эта была отслужена по желанію членовъ приходскаго благотворительнаго общества церкви Вознесенія, къ составу котораго принадлежалъ также, въ послѣдніе годы своей жизни, М. И. Семеваго (состоя членомъ совѣта этого общества).

Панихиду служили соборнѣ: вознесенскіе—протоіерей І. А. Соболевъ и В. Я. Михайловскій, священники А. А. Черемскій и П. П. Виноградовъ и протоіерей домовоі церкви протопресвитера военнаго и морскаго духовенства А. Н. Соколовъ,—духовникъ усопнаго и его семьи.

Ред.

ждать на второмъ Христовомъ пришествіи,—блаженства-ли вѣчнаго или нескончаемыхъ мученій.

Больно, и жалко, и опасно за душу ближняго! И не намъ теперь гадать и предрѣшать его загробную судьбу!

Но какъ-же любящему сердцу можно быть покойнымъ въ такіа роковыя для ближняго минуты! Какъ не желать всякихъ благъ и за гробомъ своему родному или ближнему дорогому, на землѣ съ нами жившему! Какъ не усилить молитву въ таковой день нелицеприятнаго суда Божія!

Вотъ мы и собрались сегодня на молитву въ почтенномъ числѣ душъ вѣрующихъ, чтобы усиліемъ молитвы, ея общеніемъ испросить у Господа помилованія брату нашему Михаилу.

Надежда наша на помилованіе его не тща, не безосновательна. Она обоснована на безмѣрномъ милосердіи Господа, на безмѣрныхъ заслугахъ за насъ распятаго и воскресшаго Христа Спасителя. Она имѣетъ нѣкоторыя данныя и въ духѣ усопшаго, и въ его домашней жизни, и въ общественной дѣятельности, и въ его конечномъ, предсмертномъ покаяніи чистосердечномъ, за которымъ слышится гласъ Спасителя: „Днесъ со Мною будеши въ раю“. Какъ тайныя сердца человѣческаго вѣдомы только Господу и самому человѣку, такъ и дѣла милости вѣдомы принимавшимъ оныя и самому благодѣтелю. Поэтому мы о дѣлахъ милосердія усопшаго Михаила и не дерзаемъ подробно говорить: скажемъ только, что на совѣтѣ благотворительнаго здѣшняго приходскаго общества, въ случаѣ отказа или малой помощи бѣдняку, мы замѣчали на лицѣ покойнаго Михаила скорбь о бѣдномъ и слышали заявленіе его помочь тому отъ себя ежемѣсячно,—заявленіе, увлекавшее тотчасъ и другихъ членовъ изъ своихъ денегъ въ помощи единовременной. Мы остановимся своимъ вниманіемъ на его общественномъ служеніи—словомъ и перомъ.

Господь надѣлилъ усопшаго особымъ умомъ и особымъ даромъ слова и рѣдкою звучностью рѣчи. Что-же усопшій? Не зарылъ-ли своего таланта въ землю? Или не употреблялъ-ли его въ жизни на погибель своей души или ко вреду ближнихъ, какъ иные дѣлаютъ? На эти вопросы можно отвѣчать успокоительно. Нѣтъ, таланта не зарылъ, а его развилъ, имъ дѣлился съ ближнимъ, и слово свое оныя приносилъ въ жертву ближнимъ, выражалъ свои думы по вопросамъ общественнымъ не боязненно, немедленно, сильно, звучно, убѣдительно. Въ жизни много есть людей, которые любятъ молчать тамъ, гдѣ-бы нужно говорить, и при томъ говорить имъ, а не другому кому.

Молчаніе такое есть измѣна правдѣ, или прямо вредить благу общественному и частному, а между тѣмъ слово честное и благовременное есть исповѣданіе, есть подвигъ-заслуга, даетъ торжество истинѣ, защищаетъ обидимыхъ, спасаетъ честь и частнаго лица и общества, охраняетъ благосостояніе другихъ людей. Поэтому-то великая заслуга людямъ-печальникамъ о нуждахъ и недугахъ ближняго! И про покойнаго Михаила можно сказать, что въ уясненіи дѣлъ общественныхъ разнородныхъ въ чисто-хозяйственныхъ вопросахъ или въ учебномъ дѣлѣ народномъ онъ былъ весьма внимательнымъ членомъ-дѣятелемъ, исповѣдникомъ истины, звучнымъ проповѣдникомъ объ устраненіи настоятельной нужды. Его слову внимали, его душу и искренность почитали и по его благожеланіямъ поступали въ благоустроеніи дѣлъ общественныхъ.

Да, слово разумное, живое, отъ сердца любящаго, благонамѣреннаго переходитъ въ сердце другаго, движетъ имъ и даетъ воплощеніе добрымъ мыслямъ. Поэтому смерть оратора съ сердечностию его есть для общества потеря не скоро вознагражденная, а смерть уже довольно пожившаго оратора, опытнаго, умнаго—еще болѣе тяжкая утрата для общества.

Но при этой потерѣ видимой намъ остается утѣшеніе — это слова и истины усопшаго, разсѣянные, внушенные въ рѣчахъ слушателямъ. Онѣ не умрутъ, не скроются въ могилѣ покойнаго, но какъ добрыя, падшія на почву добрую, принесутъ плодъ разнородный въ дальнѣйшіе годы.

И это сѣяніе слова добраго, разумнаго, истиннъ вѣковѣчныхъ потомствомъ будетъ одѣнено и Господомъ вмѣнитса въ правду усопшему Михаилу.

Еще: живое слово, хотя и сильное и увлекающее, бываетъ достоинствомъ немногихъ слушателей; оно иногда бываетъ подобно вѣтру воздымающемуся, но и легко и скоропреходящему и исчезающему безслѣдно, или подобно волнѣ, нарушающей дремоту водъ, а потомъ стихающей безслѣдно. Поэтому прочность живаго, добраго слова бываетъ сравнительно кратка предъ словомъ печатнымъ.

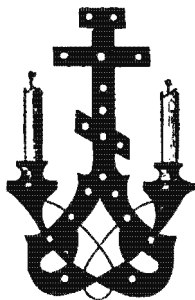
Усопшій Михаилъ, при своемъ житейскомъ разумѣ, хорошо понималъ это. И поэтому усвоенныя имъ и дознанныя истины онъ желалъ увѣковѣчить печатно. И „Русская Старина“ есть прекрасный памятникъ усопшему. Ею назидались современники и будутъ назидаться данными ея отдаленные потомки; при чтеніи ея они будутъ жить какъ-бы современники протекшихъ годовъ и поучаться примѣрами старины.

УШІ МИХАИЛЪ ИВАНОВИЧЪ СЕМЕВСКІЙ, † 9-го марта 1892 г.

„Русская Старина“, правдивостію своего матеріала, всегда способна расположить къ себѣ, всегда выучить многому. А какой трудъ, какой подвигъ быть издателемъ-печатникомъ и вѣстникомъ горькой правды, которая всегда глаза колетъ! Сколько хлопотъ, борьбы, непріятностей приходится человѣку переживать, прежде чѣмъ появится на свѣтъ излюбленная и добрая мысль, вдохновенная статья, рѣчь, произнесенная внезапно, сердечно! А это томленіе и крушеніе духа—развѣ не подвигъ христіанскій, развѣ не заслуга предъ Господомъ за исповѣданіе чистыхъ, благородныхъ мыслей среди міра, который весь во злѣ лежитъ! (I Иоанн., 5 гл., 19).

Припоминая пока это въ настоящія минуты, мы предъ этимъ почтеннымъ собраніемъ молящихся просимъ всѣхъ усилить молитву объ усопшемъ, да Господь правосудный и многомилостивый призритъ раба своего Михаила, въ нѣдрахъ Авраама упокоитъ и съ праведными да причтетъ за его разумныя рѣчи, печатныя поучительныя труды и за его добрыя дѣла! Аминь.

Протоіерей Василій Михайловичъ.

РУССКІЕ ДОСТОПАМЯТНЫЕ ЛЮДИ.

Замѣтки и воспоминанія по поводу труда Д. Н. Бантыша-Каменскаго: „Словарь достопамятныхъ людей русской земли“, изд. 1847 г., Спб., и нѣкоторыхъ другихъ изданій того времени.

[Рукопись изъ собранія С. Д. Полторацкаго].

Библиографическія извѣстія о сочиненіяхъ Пушкина ¹⁾.

(11 сентября 1847).

Взвернувъ сегодня книжку „Отечественныхъ Записокъ“, май 1841 года, нахожу въ ней два слѣдующія библиографическія извѣстія о сочиненіяхъ Пушкина: 1) Фарнгагенъ-фонъ-Энзе въ своихъ Достопамятностяхъ и сочиненіяхъ смѣшаннаго содержанія (*Denkwürdigkeiten und vermischte Schriften von Varnhagen von Ense*, 1840), новый выпускъ, посвятилъ будто-бы большую статью Пушкину. Въ заключеніи помѣщены, будто-бы, двѣ повѣсти, переведенныя съ русскаго. Что за повѣсти и что за статья о Пушкинѣ? Была-ли она переведена на русскій языкъ? 2) О выходѣ въ свѣтъ: „Puschkin's Dichtungen“ von R. Lippert. („Поэтическія сочиненія Пушкина“, Р. Липперта, 2 т.). Библиографъ „Отечественныхъ Записокъ“, дѣлая замѣчаніе, что всѣ нѣмецкіе журналы отозвались о переводѣ благосклонно и что первое изданіе разошлось уже все

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., т. LXXIV, май, стр. 217—245.

въ продолженіе года и что готовится второе, умалчиваетъ гдѣ и въ которомъ году появился этотъ переводъ. Вѣроятно, въ 1840 г.? О библиографы!!!

Шницлеръ.

Замѣчанія на Шницлерову: „Histoire intime de la Russie“, т. II.

Стр. 2. Говоря объ усмиреніи бунта 14 декабря 1825 г., Шницлеръ пишетъ: *Le nord de la Russie était pacifié...¹⁾*. Можно ли отзываться такъ о дѣлѣ, не имѣвшемъ сочувствія въ націи и прошедшемъ только по верхнимъ слоямъ его, какъ самъ думаетъ авторъ.

Стр. 3. Смоленскъ называетъ Шницлеръ губернскимъ городомъ Бѣлоруссіи (*chef-lieu*). Ай-да да статистикъ!

Тамъ-же. Говоря о заговорѣ въ южной Россіи, пишетъ: „*on ne s'y était pas amusé à faire des théories, on avait tout préparé pour une levée de boucliers réelle*“ etc.²⁾... Вотъ какъ пишутъ исторію... *tout préparé...³⁾*.

На стр. 3-ей, Шницлеръ, исчисляя военныя силы Россіи въ концѣ 1825 года, пишетъ, что гренадерскій корпусъ былъ почти равносильнъ гвардейскому и состоялъ почти въ 30 и 40 тысячъ войска, а на стр. 7, исчисляя армейскіе полки, внутреннюю армію, говоритъ, что пѣхота ея состояла изъ 25 тысячъ, годныхъ къ войнѣ, и что штабъ сихъ войскъ былъ въ Новгородѣ, а начальствовалъ ими всемогущественный Аракчеевъ... слѣдовательно г. Шницлеръ снова говоритъ о поселенномъ гренадерскомъ корпусѣ и, такимъ образомъ, силы его увеличиваетъ уже до 65 тысячъ, чего никогда не было, ибо кромѣ гренадеровъ на поселеніяхъ новгородскихъ поселено не было, сколько то извѣстно.

Кажется, ошибается Шницлеръ, говоря на стр. 6, что главная квартира 1-ой арміи, подъ командою гр. Саена, находилась въ концѣ 1825 и въ началѣ 1826 г. въ Кіевѣ, а не въ Могилевѣ на Днѣпрѣ. Она переведена туда, сколько помнится, послѣ польской кампаніи, въ 1831 или 1832 году.

¹⁾ Сѣверъ Россіи былъ умиротворенъ.

²⁾ Тамъ не забавлялись сочиненіемъ теорій, тамъ все было подготовлено къ настоящему возстанію крестьянъ и т. д.

³⁾ Все было подготовлено.

Говоря, что Витгенштейнъ и Сакенъ были сдѣланы князьями (прим. на стр. 6), Шницлеръ не объясняетъ, что первый изъ нихъ получилъ не русское княжество, а пожалованъ въ это достоинство королемъ прусскимъ въ 1834 г., съ титуломъ свѣтлости и въ потомство, на что послѣдовало отъ 16 июня высочайшее на то соизволеніе. Витгенштейнъ скончался 30 мая 1843 г., а Сакенъ 7 апрѣля 1837 года. Объ этомъ и Шницлеръ и Бантышъ-Каменскій (см. т. I и II) согласны пишутъ.

На стр. 9 Шницлеръ пишетъ, что Киселевъ, бывший начальникъ штаба 2-ой арміи, „s'était aperçu d'une correspondance très suivie, que les officiers entretenaient avec Pétersbourg“...¹⁾ и что объ этомъ Витгенштейнъ доносилъ государю, но что это оставлено безъ вниманія... Желалъ-бы знать я, какимъ образомъ г. Киселевъ могъ узнавать о перепискѣ офицеровъ съ Петербургомъ, и что удивительнаго, что русскіе офицеры переписываются со столицею..., а вѣрнѣе то, что письма были изрѣдка распечатываемы... Это вѣрнѣе. Послѣ этого умѣстна похвала г. Шницлера, расточаемая г. Киселеву, котораго называетъ онъ: „un des hommes les plus intelligents et les plus progressifs, qui soient sorti des rangs de l'armée russe“²⁾. Потомъ, qu'il a donné une excellente impulsion au ministère des domaines de la couronne, créée pour lui en 1838...³⁾. Сдѣланное для него,—безподобное выраженіе... и какъ нечаянно и безъ умысла Шницлеръ однимъ словомъ обрисовалъ нашъ ходъ дѣлъ.

8. На стр. 17 и 18 Шницлеръ распространяется объ Иванѣ Матвѣевичѣ Муравьевѣ-Апостолѣ (бывшій посланникъ при Ганзеатическихъ городахъ, потомъ въ Испаніи, потомъ сенаторъ, а нынѣ (1847 г.) тайный совѣтникъ въ отставкѣ). Онъ рассказываетъ, какъ убитъ былъ Муравьевъ катастрофою съ его сыновьями Сергѣемъ, Матвѣемъ и Ипполитомъ, и восклицаетъ, что, увы, онъ живъ еще, но далеко отъ отечества, гдѣ не дозволено ему было-бы чтить память сыновей своихъ, поднав-

¹⁾ Замѣтилъ, что офицеры вели правильную переписку съ Петербургомъ.

²⁾ Однимъ изъ наиболее просвѣщенныхъ и наиболее передовыхъ людей, вышедшихъ изъ рядовъ русской арміи.

³⁾ Что онъ далъ превосходное направленіе министерству удѣловъ, созданному (сдѣланному) для него въ 1838 г.

шихъ мечу законы!“ Вотъ сколько фразъ à propos de bottes (ни въ селу ни въ городу). Иванъ Матвѣевичъ очень твердо, болѣе нежели твердо, перенесъ страшную потерю, и единственно по чувству оскорбленнаго самолюбія и по желанію второй жены своей (рожд. Грушецкой) оставилъ Россію и жилъ въ Италіи (преимущественно во Флоренціи) до 1845 года, когда возвратился въ Россію, и нынѣ живетъ въ Москвѣ, гдѣ уже выдалъ двухъ дочерей отъ втораго брака въ замужество. Сынъ отъ сего-же брака (о которомъ упоминаетъ Шницлеръ на стр. 35), Василій, служитъ на Кавказѣ и женился на дочери ген.-лейт. Владиміра Осиповича Гурко, бывшаго начальникомъ главнаго штаба на Кавказѣ. Ив. Матв. Муравьевъ, сколько извѣстно, не раздѣлялъ вовсе направленія сыновей своихъ, и остался, какъ былъ всегда, холодный, черство-душный ученый и эгоистъ. Онъ получалъ все время содержаніе сенатора за-границею. Какъ писатель, онъ извѣстенъ съ хорошей стороны. Его „Путешествіе по Тавридѣ“ (1823) и теперь еще лучшее о семъ краѣ сочиненіе. Шницлеръ упоминаетъ о переводѣ его „Аристофановыхъ облаковъ“, „Стансахъ“ на греческомъ языкѣ въ память императора Александра.

„D'un seul coup, dit M. Schnitzler (p. 34—35), le malheureux Mouravief-Apostol avait perdu ses trois fils aînés: il ne lui restait plus, comme il l'a dit lui même (où et quand?) dans le poétique épanchement de sa douleur, qu'à cacher sa tête sous leurs cendres. Pour une situation pareille à la sienne, la religion seule a des consolations efficaces; mais, fidèle à son culte l'antiquité, M. Mouravief chercha les siennes dans la lecture du Prométhée d'Eschyle, type des caractères, fortement trompés. Son fils Mathieu ne montra pas la même roideur; les sentiments du chrétien avaient plus de prise sur lui, que les leçons du paganisme. Il était plein de repentir. Sa lettre était touchante: il était indigne désormais, écrivait-il à l'auteur de ses jours, de l'appeler son père, mais il ne pouvait renoncer à ce doux nom, qu'il lui donnait peut-être pour la dernière fois; maintenant seulement il voyait toute la profondeur de l'abîme sur lequel il avait longtemps marché si étourdiment; il engageait son jeune frère (d'une autre mère) à profiter de la terrible leçon que lui donnaient ses aînés, et à garder une foi inviolable à son souverain“.

[Переводъ]. „Однимъ ударомъ, говоритъ Шницлеръ (стр. 34—35), несчастный Муравьевъ-Апостолъ лишился трехъ старшихъ сыновей: ему ничего не оставалось, какъ онъ самъ выразился (гдѣ и когда?) въ поѣтическомъ изліяніи своего горя, какъ сокрыть главу свою подъ ихъ пепломъ. Въ подобномъ положеніи только одна религія можетъ принести дѣйствительное утѣшеніе, но Муравьевъ, вѣрный своему культу древняго міра, искалъ утѣшенія въ чтеніи Эсхилова „Прометея“, представляющаго типъ мощнаго, заваленнаго характера. Сынъ его, Матвѣй, не выказалъ подобной непреклонности; чувства христіанина имѣли на него болѣе вліянія, нежели уроки, преподанные язычествомъ. Онъ былъ преисполненъ раскаянія. Его письмо было трогательно. Онъ считалъ себя отнынѣ недостойнымъ, писалъ онъ своему родителю, называть его отцомъ, но не могъ отказаться отъ этого нѣжнаго имени, коимъ онъ называлъ его, быть можетъ, послѣдній разъ; только теперь увидѣлъ онъ всю глубину той пропасти, надъ которой онъ такъ опрометчиво ходилъ столь долгое время; онъ совѣтывалъ своему младшему брату (отъ другой матери) воспользоваться страшнымъ урокомъ, который дали ему его старшіе братья, и неизмѣнно пребывать вѣрнымъ своему государю“.

Все это прекрасно, если-бы было точно. Иванъ Матвѣевичъ, повторяю, не былъ сердечно пораженъ потерей сыновей, съ которыми всегда былъ суровъ и деспотъ. Видѣвъ его въ 1846 году, въ первый разъ, я пораженъ былъ какъ свѣжестью его, такъ пустотою свѣтскою и мелочностію разговора. Убитые отцы, ищущіе утѣшеній въ Прометѣѣ, не таковы даже на видъ. Дочь его, Екатерина Ивановна Бибикова (супруга генераль-маіора, бывшаго калужскаго гражданскаго губернатора), несмотря на все почтеніе въ отцу, невольно нѣсколько разъ давала мнѣ это чувствовать, *qu'il manquait quelque chose à son père*¹⁾, т. е. любви и теплоты сердечной. Она обожаетъ память братьевъ, даже до экзальтаціи. Было время, что она сходила съ ума и оставалась какъ-бы потерянная. Она навѣщала Сергѣя въ Петропавловской крѣпости наканунѣ его казни и провожала Матвѣя до первой или второй станціи, когда его послали съ другими (въ томъ чи-

¹⁾ Что ей отцу чего-то не доставало.

слѣ и Александра Бестужева) въ Финляндію на время. Сколько мнѣ помнится, Ипполитъ не былъ убитъ въ схваткѣ, какъ пишетъ Шницлеръ (стр. 33), а самъ застрѣлился, какъ писала и слѣдственная комиссія, кажется. Надобно распросить обо всемъ хорошенько Бибиковыхъ.

Иванъ Александровичъ Заборовскій.

Въ біографіи Заборовскаго, Ивана Александровича, дѣйств. тайн. сов. и сенатора (см. Словарь достоп. людей Бантыша-Каменскаго, т. II, 434 — 472), любопытно извѣстіе, если оно справедливо, что 14-го февраля 1788 г. назначенъ онъ былъ изъ ярославскаго и костромскаго генераль-губернатора командиромъ сухопутныхъ войскъ, долженствовавшихъ участвовать въ Архипелагской экспедиціи, которая, впрочемъ, не состоялась по случаю войны съ Швеціею. Впрочемъ, Заборовскій выступалъ въ походъ съ вѣренными ему полками сухимъ путемъ, чрезъ Италію. Неизвѣстно до какихъ мѣстъ дошелъ онъ. Въ 1789 году онъ числился еще въ откомандировкѣ по 19 іюня. Тогда получена имъ просьба отъ одного иностраннаго поручика, желавшаго поступить въ русскую службу тѣмъ же чиномъ. Нашъ генераль не изъявилъ своего согласія. Этотъ офицеръ былъ Наполеонъ!..

„Тутъ видно дѣйствіе особаго опредѣленія высшаго Промысла“, говорилъ потомъ Заборовскій Иванчину-Писареву, автору „Спасо-Андрониковъ монастырь“ (изд. 1842 г., стр. 101), ибо повелѣніе не принимать иностранцевъ тѣмъ-же чиномъ поступило въ армію за день или два до вызова Бонапарте служить въ его корпусъ“. Горестно вспоминалъ о семъ, будучи свидѣтелемъ гибели Москвы въ 1812 г., гдѣ и скончался въ 1817 г. 17-го сентября и похороненъ въ Андроньевскомъ монастырѣ. О немъ Екатерина II отзывалась, что „онъ ближе всѣхъ подходилъ къ Константинополю“. Онъ въ 1774 году провижалъ до Шумлы и Челькавака, а при заключеніи и празднованіи Кучукъ-Кайнарджійскаго мира (10 іюля 1774 г.) получилъ кромѣ Георгія 3 класса золотую шпагу, алмазами украшенную, съ надписью: „за знаменитое, удачное (!) предпріятіе за Балканскими

горами“. Вотъ, можетъ быть, гдѣ нужно искать зародышъ мысли дать Дибичу титулъ Забалканскаго.

Что касается до Наполеона, то при нашемъ только равнодушнѣи сонливости можетъ оставаться неразрѣшеннымъ любопытнѣйшій фактъ современной исторіи, который, еслибъ о немъ знали, подалъ-бы поводъ къ написанію цѣлыхъ томовъ разысканій и коментаріевъ. Есть-ли объ этомъ что у Мишо, Абрантесъ, Жюмини, В. Скотта, Бивьона, Сентъ-Илера, Норвена, Капеллига, Бурьена, Ла-Каза, Тьерра, Лефевра и пр.? Что говорятъ Данилевскій, Бутурлинъ, Лабомъ?

Платонъ Александровичъ Zubovъ.

Изъ біографіи Zubova, Платона Александровича, (Словарь Бант.-Кам., т. II, стр. 17—21), видимъ, что, на 22 году, кавалерственная дама Анна Никитична Нарышкина приняла его подъ свое покровительство, и, пользуясь особенною довѣренностью императрицы, видно, рекомендовала его ей. Какъ-бы то ни было, но только 24 іюня получилъ онъ отъ императрицы десять тысячъ руб. и перстень съ портретомъ; 4 іюля произведенъ изъ секундъ-ротмистровъ въ полковники и въ флигель-адъютанты; 3 октября въ генераль-маіоры и корнеты кавалергардскаго корпуса; въ 1790 г. получилъ обѣ польскія ленты, св. Анны и Александра Невскаго; въ 1792 г. пожалованъ генераль-поручикомъ и генераль-адъютантомъ; въ 1793 г. шефомъ кавалергардскаго корпуса, графомъ Римской имперіи, портретъ государыни и орденъ св. Андрея, осыпанный брилліантами; на 26 году отъ рожденія— званіе ген.-губернатора екатеринославскаго, вознесенскаго и таврическаго, шефа кадетскаго корпуса, чинъ генераль-фельдцейхмейстера и въ 1795 г. орденъ св. Владимира 1-й ст., прусскіе— Чернаго и Краснаго Орла. Предъ кончиною императрицы онъ получилъ достоинство свѣтлѣйшаго князя Римской имперіи. Императоръ Павелъ оставилъ князя Zubova при занимаемыхъ имъ должностяхъ; пожаловалъ 26 ноября 1796 г. инспекторомъ по артиллеріи; но 6 декабря велѣлъ ему имѣть пребываніе въ литовскихъ деревняхъ. Послѣ Zubovъ жилъ въ чужихъ краяхъ по 1800 г. и съ 1802 по 1812. Умеръ 7 апр. 1822 г. на 55 году.

Два замѣчанія Бантыша-Каменскаго мнѣ кажутся ошибочными: а) что императоръ Александръ по вступленіи своемъ на престолъ пожаловалъ Зубова членомъ государственнаго совѣта... какой-же былъ тогда совѣтъ, когда онъ учрежденъ только въ 1810 г.? Развѣ кабинетный, тайный? б) что Зубовъ ознаменовалъ себя основаніемъ Одессы, когда извѣстно, что основатель ея былъ адмиралъ Рибасъ, въ честь котораго тамъ есть и улица Де-Рибасовская.

5 іюля 1789 г. Зубовъ, вѣроятно за протекцію, подарилъ Аннѣ Никитичнѣ Нарышкиной, рожденной Румянцевой, супругѣ оберъ-шенка Александра Александровича Нарышкина, часы въ двадцать тысячъ руб. (см. Записки Храповицкаго). Этой-же самой Нарышкиной императоръ Александръ I писалъ въ 1812 или 1813 г. письмо, въ которомъ просилъ ее о сохраненіи Тарутинскихъ батарей на память потомству. Тарутино принадлежало ей и послѣ перешло къ гр. Сергѣю Петровичу Румянцеву, который уволилъ крестьянъ въ 1827 году въ вольные хлѣбопашцы съ тѣмъ, чтобы они воздвигли и поддерживали памятники на мѣстѣ сраженія, что ими и исполнено, хотя и въ незавидномъ видѣ. Вотъ странное сближеніе разнородныхъ воспоминаній. *Du sublime au ridicule il n'y a qu'un pas...* (см. опис. происш. въ Калуж. губ. 1813 г. Зельницкаго).

Хорошо Павелъ отозвался о Зубовѣ, въ приказѣ своемъ, 1800 года кажется, по случаю перевода Шепелева, Дмитрія Дмитриевича, изъ Преображенскаго полка въ армію. Помню слѣдующія слова: „поручикъ Шепелевъ въ Шлиссельбургскій пѣхотный (полкъ?) за лѣнь и нерадѣніе въ службѣ, къ чему онъ привыкъ при князьяхъ Зубовѣ и Потемкинѣ, когда, вмѣсто службы, упражнялись въ переднихъ и въ пляскѣ“. *Voilà, dans deux mots, tout un règne condamné* ¹⁾. Любопытны эти приказы—вся исторія этого царствованія!

Бантышъ-Каменскій, по обыкновенію своему, не забылъ, говоря о кн. Зубовѣ, добавить, что онъ былъ роста средняго, плечистъ, видъ мужественный, черты имѣлъ правильныя, и въ особенности отличался прелестнымъ голосомъ (пѣлъ онъ, что-ли?) и черными огненными глазами, которые придавали лицу его

¹⁾ Вотъ, двумя словами осуждено цѣлое царствованіе.

удивительный блескъ (!!). Описаніе примѣтъ такого человѣка, какъ Зубовъ, по крайней мѣрѣ, умѣстно, даже необходимо, для того чтобы необычайное его возвышеніе было понятно. Жаль, что эти примѣты не совсѣмъ полны. Рассказываютъ (много про) Потемкина, гордившагося своими атлетическими формами... то былъ вѣкъ богатырей...

Графъ Николай Михайловичъ Каменскій.

Въ биографіи Каменскаго, графа Николая Михайловича, (Слов. Бант.-Кам., т. II), генерала-отъ-инфантеріи, замѣчательно извѣстіе, что въ 1808 году, во время отсутствія императора Александра за-границу въ Эрфуртъ, комитетъ министровъ именовъ его вел. приказалъ главнокомандующему гр. Буксгевдену разрушить перемиріе со Швеціею, и на донесеніе его о причинахъ, къ тому побудившихъ, 7-го октября повторено повелѣніе. Еще важенъ фактъ, что въ Турецкую войну 1810 года, послѣ неудачнаго приступа къ Русуку (22 іюля) и ужаснаго урока, Каменскій доносилъ государю, что „нижніе чины не исполнили приказаній его, и что, лишившись довѣрія войска, онъ испрашиваетъ увольненія отъ командованія Молдавскою арміею“. Государь, утѣшая его и давая наставленія, приказывалъ, между прочимъ, дорожа честью своей арміи, донести подробно о причинахъ неудовольствія его на войска. Въ отвѣтъ главнокомандующій спрашивалъ, какъ милости, предать все случившееся и его жалобы глубокому забвенію и пр. Что еслибъ было сдѣлано въ наше время (1847 г.) подобное донесеніе?

Афоризмъ Боало.

Прочиталъ въ „Литературной Газетѣ“ (1847 г. 11 сентября), въ смѣси, чье-то открытіе: извѣстный афоризмъ: *tous les genres sont bons hors celui qui est ennuyeux* „... доселѣ приписываемый Боало, въ его „L'art poétique“, будто бы вовсе не его, а Вольтера, и въ первый разъ появился въ предисловіи его къ „Нанинѣ“ (?), и не въ видѣ стиха, а съ смиренной прозѣ, изъ которой случай сдѣлалъ стихъ... Увижу, что скажетъ мой поклонникъ и близкій знакомецъ Вольтера.

Василій Васильевичъ Капнисть.

Біографія Капниста, Василя Васильевича (Словарь достоп. людей русской земли Бант.-Каменскаго, т. II, стр. 53 — 90). Ода его „На рабство“ напечатана въ лирическихъ сочиненіяхъ, изд. въ Петерб. 1806 г. и посвященныхъ государю. Цѣль его влонилась, кажется, къ восстановленію гетманскаго правленія въ Малороссіи, которой онъ былъ уроженцемъ. Она писана при Екатеринѣ II.

Капнистомъ переведена и представлена на петербургскомъ театрѣ комедія Мольера въ стихахъ „Зганарель“ (Sganarel). Забавнымъ называетъ Бантышъ-Каменскій слѣдующій анекдотъ, случившійся съ Капнистомъ. Это было въ царствованіе Павла I.

Однажды въ высокаторжественный день Капнисть, жившій въ Петербургѣ, отправился въ каретѣ къ своему свояку¹⁾, государственному казначею Державину, пользуясь правомъ родства, не въ бѣломъ нижнемъ платьѣ. Вдругъ карета остановилась и лакей объявилъ, что ѣдетъ императоръ. Чтò было дѣлать и какъ явиться на глаза Павла I, строгаго блюстителя порядка, въ неприличной одеждѣ? Капнисть хватился за умъ и прежде нежели государь подъѣхалъ къ нему, онъ выпрыгнулъ на улицу, нагнулся донельзя такъ, что длинная его коса лежала на мостовой, а шпага торчала кверху, замѣняя собою туловище (?), и огромною шляпою закрылъ черные свои панталоны до самыхъ ботфортъ. Въ этомъ положеніи остался онъ неподвижнымъ. Между тѣмъ, топотъ лошадиный возвѣстилъ о приближеніи императора и его свиты. „Что это за дуракъ?“ произнесъ государь со смѣхомъ, остановя свою лошадь. Капнисть не шевелился. Тогда подъѣхалъ къ нему флигель-адъютантъ, и чтобы получить отъ него отвѣтъ, нагнулся, долго вслушивался, наконецъ, узнавъ съ кѣмъ говорить, донесъ его величеству о фамиліи невидимки. Хохотъ возобновился, и усвоенный стихотворецъ, къ довершенію радости, услышалъ, что императоръ удаляется отъ него, но, со всѣмъ тѣмъ, долго оставался еще согнутымъ дугою, не довѣряя слуху; потомъ медленно

¹⁾ Капнисть былъ женатъ на Александрѣ, а Державинъ на Дарьѣ Алексѣевнѣ Дьяковыхъ, дочерахъ ст. совѣт. Дьякова.

Авт.

началъ подымать голову, осматриваясь во всё стороны, и, удостоверившись, что никого не было подлѣ него, бросился въ карету, приказавъ везти себя въ свою квартиру.

Анекдотъ этотъ переланъ самимъ Капнистомъ автору, — скромность или убѣжденіе непостижимыя въ стихотворцѣ, писавшемъ оды на рабство и ябеду, имъ посвященныя Павлу I, дѣлавшему все, что возможно въ униженію общественной независимости и общественнаго мнѣнія, безъ котораго никакія комедіи не истребятъ зла и лихоимства. Какое поле для будущихъ историковъ! Сколько противорѣчій въ жизни этого государя, какое смѣшеніе добра и зла! Одинъ и тотъ-же человѣкъ отдаетъ шпагу Костюшко и не обязываетъ его даже клятвою не служить отечеству его; возвращаетъ свободу Нѣмцевичу (см. его *Rélation de son emprisonnement en Russie 1844*) и Новикову, запертому въ Шлиссельбургѣ либеральною Екатериною, другомъ Вольтера и Дидро, — онъ-же ссылаетъ Коцебу, тогда еще не замаравшаго себя гласно, но въ которомъ Павелъ, можетъ быть, видѣлъ будущаго предателя и Іуду наемщика; сѣчетъ вкнутомъ несчастнаго князя Сибирскаго и *tant d'autres*; хочетъ идти на единоробство съ государями, послѣ-же, когда датскій посолъ разгласилъ объ этомъ и появилась статья въ лондонскихъ газетахъ, то велѣлъ посольству выѣхать, а за посломъ послыалъ въ погоню, но не нагнали (см. „С.-Петербург. Вѣдомости“ 1801 года)... сколько необмысленныхъ и странныхъ событій!

Покойный генералъ-маіоръ Алексѣй Даниловичъ Копьевъ (авторъ какой-то комедіи) ¹⁾..... былъ извѣстенъ какъ вольнодумецъ и фрондѣръ по его исторіи съ с.-петербургскимъ оберъ-полицеймейстеромъ Чулковымъ, къ которому онъ адресовалъ извѣстное двустишіе:

„Отецъ твой былъ чулокъ, а мать твоя тряпца,
А самъ ты что за птица“.

Онъ за это былъ переведенъ изъ гвардіи въ Финляндію, гдѣ имѣлъ дуэль съ кн. Долгоруковымъ. Онъ-же явился на парадъ въ чудовищно-преувеличенномъ нарядѣ, съ огромными ботфортами, эспадронами и перчатками. Это, кажется, его привело едва-ли не въ солдаты. Словомъ, антеседаны, какъ говорится, были прекрасныя....

...Терпимость и презрѣніе къ сумасбродству, къ сожалѣнію, не имѣютъ послѣдователей въ нашихъ государственныхъ сановникахъ. Въ началѣ 1843 года, пьяный малороссіянинъ Новоузен-

¹⁾ „Лебидинская ярмарка“; онъ-же написалъ комедію: „Что твое — того намъ не надо“.

скаго уѣзда (Саратовской губерніи), при крестьянахъ на улицѣ отвѣчалъ сборщику податей, требовавшему отъ него уплаты именемъ царскимъ: „чтобы ему такъ царить, какъ намъ платить подати!“ Необдуманное и глупое слово передано было земской полиціи, которая увидѣла въ немъ оскорбленіе величества, старинное слово и дѣло!.. Началось формальное слѣдствіе и губернатору донесено какъ о чрезвычайномъ происшествіи... Крестьянинъ закованъ въ цѣпи... Губернаторъ, пропитанный европейскими идеями, чиновникъ идеологъ. (А. М. Фадѣевъ) счелъ себя обязаннымъ донести министру госуд. имуществъ, человѣку „преуспѣянiя“, какъ назвалъ его Шницлеръ, гр. Киселеву, излагая свое мнѣніе, что не лучше-ли подвергнуть мужика исправительному при сходеѣ наказанію и прекратить слѣдствіе, которое, по нашимъ законамъ, виновнаго въ подобномъ дѣлѣ вѣдо прямо въ каторжныя работы... Гр. Киселевъ, дѣйствительно, на этотъ разъ проникнутый состраданіемъ и дальновидною снисходительностію, отнесся о семъ къ министру юстиціи гр. Панину, который самъ уже отвѣчалъ губернатору въ самыхъ сухихъ выраженіяхъ, что губернаторъ забылъ существующія узаконенія, по которымъ слѣдуетъ дѣло вести установленнымъ порядкомъ до государственнаго совѣта, и что онъ одинъ, т. е. государственный совѣтъ, можетъ этотъ случай повергнуть на милосердіе государя... Вотъ каково противорѣчіе законовъ съ духомъ времени и характеромъ самого главы государства и ихъ провозгласителя... а Сводъ законовъ былъ пересмотрѣнъ въ 1835 и 1842 гг. Не знаю, чѣмъ кончили судъ и участь бѣднаго пьяницы-болтуна, но вѣрно то, что года полтора или два онъ просидѣлъ въ тюрьмѣ и, вѣроятно, состояніе его уничтожилось въ судебныхъ мытарствахъ; а можетъ быть еще и томится (1847 г.) на вѣбѣ въ рудникахъ, если дѣло не представлено, какъ надобно, государю Николаю Павловичу.

Фрагментъ для будущей биографо-библиографической статьи объ А. С. Грибоѣдовѣ¹⁾.

1831 года, сентября 27-го дня, пермской межевой конторы въ журналѣ записано:

Сего числа прикомандированный къ присутствію за третьяго члена старшій землеѣръ Мельниковъ объявилъ, что онъ вчерашняго числа попо-

¹⁾ Весь этотъ „фрагментъ“ представляетъ дословное повтореніе того, что уже было однажды напечатано на страницахъ „Русской Старины“ по другому списку, подъ заглавіемъ „Горе съ Горемъ отъ Ума“ (см. „Русск. Стар.“, изд. 1874 г., т. IX, стр. 197—200), но мы сохранили этотъ документъ и здѣсь, такъ какъ онъ вызываетъ у составителя настоящихъ записокъ нѣкоторые интересныя размышленія.

люди въ половинѣ втораго часа, выходя изъ присутствія сей конторы и встрѣтивши землемѣра Иванова, спросилъ: „есть-ли кто изъ служащихъ чиновъ въ чертежной при должности“, на какое Иванова отвѣтствовалъ, что изъ чертежной всѣ вышли, но какъ они должны были сидѣть до 2-хъ часовъ, то онъ въ семь усумнившись, желая удостовѣриться лично, зашелъ обще съ землемѣромъ Ивановымъ въ чертежную и, подойдя къ столу директорскому, усмотрѣли на столѣ лежащія на двухъ листахъ, написанные собственной землемѣра Кудрявцева руки, какіе-то стихи; но какъ по содержанію ихъ можно почестъ даже и за пасквили, а если и не таковыми, то по крайней мѣрѣ сін партикулярныя бесполезныя бумаги при должности писать. или ихъ въ присутственномъ мѣстѣ оставлять законами воспрещено. Вслѣдствіе онаго, означенныя бумаги, давъ подписать дежурному Яковлеву и дневальному Михайлову, нынѣ въ оригиналѣ конторѣ представилъ и просилъ взятъ какъ поступокъ землемѣра Кудрявцева, равно и смыслъ сочиненныхъ имъ стиховъ, въ разсмотрѣніе; ибо они, по мнѣнію его, въ законопротивномъ духѣ писаны на нѣкоторые государственныя заведенія и составляютъ упрекъ педагогическому институту. Изъ листовъ-же, ваятыхъ имъ, Мельниковымъ, въ чертежной, на директорскомъ столѣ, писанныхъ рукою Кудрявцева, видно: Фамусовъ. Ну, вотъ великая бѣда, что вынется лишнее мужина! Ученые—вотъ чума, ученость—вотъ причина, что нынче луце, чѣмъ когда, безумныхъ развелось людей и дѣлъ, и мнѣній. Хлестова. И впрямъ съ ума сойдешь отъ этихъ отъ однихъ отъ пансіоновъ, школъ, лицеевъ,—какъ бишь ихъ?—Да, отъ ландкарточныхъ званиныхъ обученій. Книгиня. Нѣтъ-съ! Въ Петербургѣ институтъ, педагогическій, такъ, кажется, зовутъ; тамъ—упражняются въ расколахъ и безвѣрїи — профессора! у нихъ учился нашъ родня, и вышелъ хоть сейчасъ въ аптеку въ подмастерье; отъ женщинъ бѣгаетъ и даже... отъ меня. Чиновъ не хочетъ знати! Онъ химикъ, онъ ботаникъ... князь Федоръ, мой племянникъ! Скаловубъ. Я васъ обрадую: всеобщая молва... что есть проектъ на счетъ лицеевъ, школъ, гимназій. Тамъ будутъ лишь учить по нашему: разъ! два! — а книги сохранять, такъ, для большихъ окаявій. Фамусовъ. Сергѣй Сергѣичъ, нѣтъ, ужъ коли вло пресъчь, забрать всѣ книги-бы, да сжечь! Загорѣдкій. Нѣтъ-съ, книги книгамъ ровня, а еслибъ, между нами, былъ цензоромъ назначенъ я, на басни-бы налетъ; охъ басни, смерть моя! Насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами; кто что ни говори, хоть и животныя, а все-таки царя! Хлестова. Отцы мои! ужъ кто въ умѣ разстроены, такъ все равно: отъ книгъ-ли, отъ питья-ль, а Чацкого мнѣ жаль... но христански, такъ онъ жалости достоинъ... былъ острый человекъ, нѣмъ душъ сотни три. Фамусовъ. Четыре! Хлестова. Три, сударь! Фамусовъ. Четыреста! Хлестова. Нѣтъ, триста! Фамусовъ. Въ моемъ календарѣ! Хлестова. Всѣ врутъ календаря!

Приказали: Предписать землемѣру Кудрявцеву указомъ и велѣть подать въ сію контору, не продолжая болѣе одного дня, объясненіе: 1) Въ какомъ смыслѣ опредѣляетъ онъ, будто-бы ученіе есть чума и причина, что „нынче, луце, чѣмъ когда, безумныхъ развелось людей и дѣлъ, и мнѣній“. и изъ какихъ именно событій, дѣлъ и мнѣній онъ то заключаетъ. 2) Почему онъ себѣ дозволилъ, вопреки мудрому распоряженію правительства и всѣхъ здравомыслящихъ людей, увѣрять, что якобы „и впрямъ съ ума сойдешь отъ этихъ отъ однихъ пансіоновъ, школъ, лицеевъ“, ибо всѣми благонамѣренными людьми утверждено, что они есть разсадникъ образованія, ума и нравственности, какъ и ландкарточное обученіе, благотѣльное занятіе упражняющихся въ географіи и прочихъ теоретическихъ наукахъ, служащихъ къ счастью благоустроеннаго государства. 3) Кто его увѣрилъ, илѣ съ какого поводу онъ дерзнулъ написать, что въ педагогическомъ с.-петербургскомъ институтѣ „упражняются въ расколахъ и безвѣрїи профессора“ и говорить

это тогда, когда не безвѣстно ему, что въ педагогическомъ институтѣ воспитывались начальники его: первый членъ Прутковскій и второй Корбелецкій, и на какую онъ родню указываетъ, что, будто-бы, вышелъ изъ онаго, можетъ быть подмастерьемъ въ аптекѣ, ибо въ оный институтъ поступаютъ только для окончанія высшихъ наукъ и, слѣдовательно, таковымъ его выраженіемъ на чье лице дѣлаетъ пасквильное порицаніе. 4) Въ семъ смыслѣ наводитъ сомнѣніе и дальнѣйшее его описаніе, чего ради сбавая онъ неоспоримыми доводами объяснить: а) гдѣ и какъ дошла до него всеобщая молва о таковомъ всеобщемъ разрушеніи учебныхъ заведеній, какъ онъ пишетъ, что есть проектъ на счетъ лицеевъ, школъ, гимназій, тамъ будутъ лишь учить по нашему: разъ, два: „а книги сохранять такъ, для большихъ оказій“. При томъ объяснить, какой въ себѣ смыслъ заключаетъ выраженіе: „по нашему: разъ, два“. б) Какое онъ разумѣетъ зло, для пресѣченія коего нужно: „забрать всѣ книги-бы, да сжечь!“ с) Съ какимъ намѣреніемъ онъ вложилъ въ уста нареченнаго имъ Загорѣцкаго, что если-бы: „былъ цензоромъ назначенъ онъ, на басни-бы налетъ“, будто-бы „басни смерть его“, ибо, якобы, „насмѣшки вѣчныя надъ львами, надъ орлами, какъ что ни говори, они хотя животныя, а все-таки цари“ и проч. изржаемое чрезъ посредницу его, наименованную имъ Хлестову. 5) Чѣмъ онъ руководствовался при должности писать стихи, что доказывается тѣмъ, ибо они еще не окончены, и для чего онъ то свое сочиненіе оставилъ при должности, не съ тѣмъ-ли намѣреніемъ, дабы внушить прочимъ его сослуживцамъ? (Подлинная статья, за подписаніемъ гг. присутствующихъ: перваго члена коллежскаго совѣтника и кавалера Прутковскаго, прикомандированныхъ къ присутствію старшихъ землемѣровъ титулярныхъ совѣтниковъ: Козлова и Мельникова; за скрѣпою въ должности секретаря протоколиста Силенскаго. Подъ тою-же статью правящимъ должность прокурора третьимъ членомъ титулярнымъ совѣтникомъ Азбукинымъ написано такъ: Читалъ 2-го октября 1831 г.).

Исторія эта не требуетъ коментаріевъ. Она можетъ назваться обыкновенною — у насъ. Въ ней все заключается: невѣжество, татарское ухищреніе, низость, личность, жалкое состояніе чиновниковъ, вредоносное начало зависимости не отъ дѣла, а отъ лицъ, отсутствіе всякаго достоинства и уваженіе къ личности человѣка. Картина жалкая и отвратительная нашихъ административныхъ нравовъ (1847 г.), изъ которыхъ нѣкоторые оптимисты не велютъ намъ даже писать романовъ и комедій. Они бросали за это грязью въ Гоголя за его „Ревизора“ и „Мертвые Души“, какъ будто у насъ что-нибудь есть выше и превосходиѣ послѣ безсмертной комедіи Грибоѣдова, которую человекъ съ чувствомъ, по словамъ А. А. Бестужева („Полярная Звѣзда“ 1825 г.), не прочтеть не насмѣявшись и не заплакавшись... Я самъ плакалъ надъ „Мертвыми Душами“... Послѣдняя его книга „Переписка съ друзьями“ ввела уже многихъ въ сомнѣніе, но мнѣ кажется она ничего другаго не доказываетъ,

какъ слабость и сомнѣніе человѣка, ужаснушагося собственныхъ нанесенныхъ ударовъ, и который чувствуетъ и сознаетъ ихъ силу. Ему жаль стало имъ пораженнаго, и онъ со страхомъ и тоскою нынѣшняго септицизма нагнулся надъ лежащимъ и спрашиваетъ: „что-же, убить?“ Вопросъ и страхъ понятный въ человѣкѣ, который видитъ, что некому и нечѣмъ еще замѣнить сверженное и поруганное, некому наполнить страшной пустоты, сдѣланной имъ въ обществѣ. И намъ не велятъ (1847 г.) касаться административной стороны нашего общества! Какъ-будто у насъ существуютъ другіе какіе-либо нравы и стремленія? Какъ-будто вся наша земля не есть одна безмѣрная канцелярія, въ которой мы всѣ сидимъ по мѣстамъ и пишемъ съ утра до вечера? Кто изъ насъ не есть, не былъ, не будетъ чиновникомъ? Какъ будто наше дворянство, наша называемая аристократія не суть чиновники? Какъ будто изъ купцовъ, мѣщанъ и крестьянъ не надѣлали чиновниковъ? Конечно, вездѣ члены общества несутъ общественныя обязанности, служатъ обществу. Но вездѣ знаютъ чему и кому служить; никто не идетъ противъ своего убѣжденія, и можетъ при малѣйшемъ сомнѣніи о несомвѣстности его обязанностей службы съ долгомъ чести, истины, совѣсти, убѣжденій и даже наклонностей,—освободить себя отъ службы. Одна только опасность отечества—не требуетъ разсужденій. „Une fois un coup de canon tiré, говоритъ въ 1840 году Ламартинъ, un bon citoyen ne demande plus pourquoi, mais contre qui, il combat; quand on n'a pas pu éclairer sa patrie, on marche avec elle même à l'abîme!“ ¹⁾ Мы же во времена мира живемъ какъ-бы въ ожиданіи нашествія, какъ на станціи безъ оконъ и занесенной снѣгомъ, по выраженію Гоголя въ послѣдней его книгѣ. Горькая и грустная сатира и тутъ не могла не просвѣчивать, даже въ этомъ сочиненіи, названномъ врагами и неловкими его защитниками отреченіемъ, раскаяніемъ... Мы всѣ суетимся и служимъ, не зная сами для чего и для кого, ибо всѣ и неумолкаемо повторяемъ, что служба наша и хлопоты только наносятъ вредъ...

¹⁾ Когда раздается первый выстрѣлъ орудія, говоритъ въ 1840 г. Ламартинъ, хороший гражданинъ не спрашиваетъ болѣе, почему онъ сражается, но съ кѣмъ; ежели не удалось просвѣтить отечество, то слѣдуетъ идти съ нимъ даже на погибель!

И дѣйствительно, если разсмотрѣть пристально, будто служба и чиновники и администрація (1847 г.) подвинули насъ на пути преуспѣянія? Насъ привело ко всему, что есть у насъ хорошаго и благаго — образованіе западное, европейское, противъ котораго всѣми силами кричать и вопіють и отпихиваются министры наши (1847 г.), — по крайней мѣрѣ на словахъ, если не дѣломъ. Насъ привело къ успѣху смягченіе нравовъ отъ сношеній съ иностранцами; насъ привело къ успѣху улучшеніе путей сообщенія въ подражаніе иностранному, промышленность развилась, фабрики и заводы улучшились и процвѣли отъ усилившейся во всѣхъ классахъ потребности къ удобствамъ и пріятностямъ жизни, тогда какъ прежде умѣли довольствоваться однимъ необходимымъ; письменность наша развернулась отъ необходимости движенія умственного и развѣна мыслей и мнѣній. Какую-же во всемъ этомъ играла роль наша администрація? Я согласенъ уступить ей заслугу въ устройствѣ нѣкоторыхъ мостовъ, ибо самыя шоссе довольно непрочны и плохи. Мосты, правда, построили иностранцы: Бетанкуръ, Дестремъ и пр. Торговля обязана, можетъ быть, нѣсколько запретительной системѣ и тарифамъ Канкрина. Но дальше, дальше — что-же мы находимъ кромѣ стѣсненій, противорѣчій, насильствъ, пустыхъ формъ и разноглагольствія? О судебной части говорить нечего. Конечно, я не отвергаю великой заслуги Сперанскаго и Блудова въ собраніи во-едино нашего хаоса законовъ и приведеніи ихъ въ нѣкоторую извѣстность. Но сущность, сущность много-ли и что выиграла? Развѣ чудовищные, варварскіе законы не остались и не вопіють вседневно о нашемъ дикомъ состояніи нравовъ и общественности ¹⁾. Развѣ не осталась прежняя темнота, двусмысленность, недоконченность, путаница, многосложность, формализмъ, конечно, можетъ быть, полезный, какъ косвенный налогъ за гербовую бумагу отъ просителей? Развѣ уголовные законы не также кровожадны, не также пристрастны и притязательны къ низшимъ классамъ, которыхъ думаютъ исправить свирѣпостью?

¹⁾ Не слѣдуетъ забывать, что все это писано въ 1847 г., до введенія великихъ реформъ царствованія Александра II, положившихъ начало новому строю общественной и политической жизни Россіи.

Ред.

Народное стихотвореніе.

19-го сентября 1847 г. Сегодня продиктованы мнѣ стихи, замѣчательные народностью и точностью выражений:

„Нынѣ время не Петрово:
Адмиральскій часъ пробѣтъ—
Намъ въ австеріи хмѣльнова
Русскій царь не поднесетъ;
Въ гробъ спитъ Петръ Алексѣичъ...
А при преемникѣ его...
Лупать съ насъ за ерофенчъ—
Шесть цѣлковыхъ за ведро!“

Чиновничество.—Административныя нравы.

Снова обращаюсь къ чиновникамъ и административнымъ нравамъ. Сколько комедій, даже драмъ, можно было-бы извлечь челоуѣку съ дарованіемъ изъ частныхъ случаевъ, происшедшихъ въ этомъ классѣ, составляющемъ, какъ я сказалъ уже выше, преобладающее сословіе наше. Мы самостоятельны и оригинальны только въ нашихъ административныхъ нравахъ. Ничего подобнаго, конечно, не встрѣтимъ ни въ Европѣ, ни въ Азіи, откуда многое нами завесено или наслѣдовано. Нравы нашего, такъ называемаго, высшаго общества, не иное что, какъ ученическая копія оригинальной картины, и если иногда пробивается манера, ученику собственно принадлежащая, то это исключеніе, и потому надобно большую сметливость и проницательность, чтобы отличить эти самобытныя черты, драгоценныя для высокой комедіи и антропологии и физиологии вообще. Но въ нравахъ и событіяхъ чиновническаго круга все самобытно сверху до низу.

Если-бы я вздумалъ писать обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ, то не достало-бы книгъ для помѣщенія. Упомяну кратко о нихъ:

1) Исторія Николая Ивановича Кривцева, бывшаго губернаторомъ въ Воронежѣ, гдѣ члены губернскаго правленія составили журналъ о его сумасшествіи, за что онъ былъ переведенъ въ Тулу, а они отставлены.

2) Исторія въ 1838 году въ Калугѣ помѣщика С. С. Хлюстина съ бывшимъ прокуроромъ Христіановичемъ (нынѣ, въ 1847 году, исправляющій должность оберъ-прокурора въ 7-мъ департаментѣ сената), къ которому онъ писалъ пасквильное, многими читанное, письмо, симъ послѣднимъ полученное съ такимъ отвѣтомъ человѣку: „влянайся и доложи, что самъ увижусь съ нимъ“.

Въ письмѣ онъ просто звалъ его взяточникомъ и мошенникомъ.

3) Собственная моя исторія въ октябрѣ 1837 года, съ засѣдателемъ калужской гражданской палаты Бѣгичевымъ, къ которому я писалъ письмо съ упреками за подлость въ одномъ сужденномъ нами дѣлѣ. Письмо это онъ предъявилъ къ губернатору (Н. В. Жуковскому¹⁾), нынѣ, въ 1847 г., с.-петербургскому гражданскому губернатору), какъ заключавшее вызовъ на дуэль, а прокуроръ, все тотъ-же Христіановичъ, требовалъ въ гражданской палатѣ о составленіи журнала насчетъ заявленія ему Бѣгичевымъ, „что жизнь его въ опасности“. Вся эта исторія, несмотря на окончаніе миромъ, при посредствѣ губернскаго предводителя Омеляненко, была доведена до свѣдѣнія министра внутреннихъ дѣлъ, а жандармскимъ подполковникомъ Неклюдовымъ (нынѣ, 1847 г., уже умершимъ) къ гр. Бенвендорфу, отъ которыхъ передано въ министерство юстиціи. Кончилось тѣмъ, что бывший министръ юстиціи Дашковъ предписалъ губернатору объявить мнѣ, „чтобы я избѣгалъ личностей по службѣ“ и велѣлъ стараться утвердить связь между двумя чиновниками, равно полезными для службы. Grand merci... не поздоровится отъ этакихъ похвалъ... и замѣтите, что чиновниками названы выбранные дворяне!

4) Доносъ того-же Неклюдова на меня, С. С. Хлюстина,

¹⁾ Онъ, говорятъ, служа засѣдателемъ земскаго суда въ Оренбургской губерніи, былъ наказанъ розгами однимъ ремонтеромъ за неисправность моста, на которомъ лошади, провалиась, переломали себѣ ноги. Жена его, говорятъ, была дружна съ В. А. Перовскимъ, бывшимъ оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ, известнымъ сатрапомъ и предводителемъ знаменитой хивинской экспедиціи въ 1840 году. О немъ-то великій князь Михаилъ Павловичъ, читая донесеніе его къ государю, писанное карандашемъ, по случаю жестокаго холода, заморозившаго будто-бы чернила, сказалъ каламбуръ „le général a jeté l'ancre“.

Авт.

С. П. Убри, С. Ю. Нелединскаго-Мелецкаго и др. въ концѣ 1838 года или началѣ 1839, въ томъ, что на обѣдѣ нашемъ, данномъ по подпискѣ въ клубѣ (и къ которому не сочли его нужнымъ пригласить) былъ провозглашенъ тостъ: „за благоденствіе Россіи“, а не государя. Впрочемъ, кажется, ему за это приславъ носъ.

5) Донесеніе какаго-то земскаго суда валужскому губернатору Бибикову въ 1832 году, съ испрашиваніемъ разрѣшенія: какъ поступить съ пивомъ, въ которомъ утонулъ 2-х-лѣтній сынъ содержателя постоялаго двора, и съ быками, откармливавшимися тѣмъ пивомъ? Отвѣтъ Бибикова достоинъ лаконизмомъ своимъ Суворова и долженъ уцѣлѣть для потомства: „быки выпили пиво; быковъ съѣдаютъ люди, а людей съѣдаютъ черви,—подтвердить земскому суду строжайше не осмѣливаться утруждать начальство подобными представленіями“.

6) Доносъ новоузенскаго страпцаго (Саратовской губерніи) на непремѣннаго члена земскаго суда Попова, въ томъ, что онъ не бываетъ въ царскіе дни у молебновъ въ соборѣ. Губернское правленіе потребовало отъ него объясненія. Онъ написалъ, что иногда не бываетъ за недосугомъ, а больше придерживаясь словъ св. писанія, которое гласитъ: „аще хочещи помолитися Господу Богу твоему, вниди въ клѣтъ твою“. Губернское правленіе заключило изъ отвѣта, что Поповъ зараженъ духомъ раскола, и, въ отвращеніе вредныхъ послѣдствій, удалило его отъ должности и представило на разсмотрѣніе духовной консисторіи. По жалобѣ Попова, сенатъ сдѣлалъ губернскому правленію выговоръ, велѣлъ дать ему опять мѣсто и удовлетворить на ихъ счетъ жалованьемъ. Это было, кажется, въ 1837 или 1838 году.

7) Доносъ хвалынской градской полиціи (Сарат. губ.) на исправлявшаго должность страпцаго секретаря уѣзднаго суда въ 1840 г., что онъ явился въ присутствіе полиціи въ неприличномъ одѣяніи и красной на головѣ ермолкѣ. Дѣйствительно, я лично видѣлъ его въ такомъ видѣ при слѣдствіи, мною производимомъ въ Хвалынскомъ уѣздѣ въ с. Барановеѣ, объ убійствѣ сельскаго писаря. Онъ имѣлъ на головѣ красную бархатную скуфейку, данную ему отъ мощей св. Митрофанія въ Воронежѣ; куда онъ ѣздилъ послѣ болѣзни, выбривъ голову. Полиція все скрыла, поссорившись за

откупщика, котораго хотѣлъ прижать исправлявшій должность стряпчачаго. Губернское правленіе сдѣлало ему выговоръ и едва не передало суду.

8) Исторія въ Саратовѣ, въ августѣ 1842 г., между непремѣннымъ членомъ приказа Слѣпцовымъ и членомъ строительной комиссіи Томилинымъ. Сіи господа, поссорившись за обѣдомъ, даннымъ въ честь доктора Троицкаго по подпискѣ, за тостъ, предложенный въ честь вице-губернатора, управлявшаго губерніею Оде-де-Сіона (высѣченнаго, какъ говорятъ, въ 1812 г. при главной квартирѣ, за переметничество), разругали другъ друга подлецомъ и гаеромъ—и едва не подрались. Слѣпцовъ подалъ объ этомъ рапортъ губернатору и было формальное слѣдствіе; многихъ изъ свидѣтелей, въ томъ числѣ и меня, пригоняли къ присягѣ. Кстатѣ здѣсь вспомнить, что при одномъ слѣдствіи, мною произведенномъ, когда я послалъ десятника-мужика попросить священника въ присутствіе, онъ меня озадачилъ вопросомъ: какъ ему придти—голому что-ли? Послѣ я узналъ, что въ ихъ понятіи и на ихъ языкѣ это значило: безъ креста и евангелія, какъ то бываетъ при приводѣ къ присягѣ.

9) Знаменитая исторія въ 1842 году, въ томъ-же Саратовѣ, между губернскимъ предводителемъ дворянства Афанасіемъ Алексѣевичемъ Столыпинымъ и управлявшимъ губерніею вице-губернаторомъ Оде-де-Сіономъ. Изъ друзей и пріятелей, какими они были въ продолженіе двухъ лѣтъ, внезапно сдѣлались врагами за неудовлетвореніе Оде-де-Сіономъ просьбы объ опредѣленіи кого-то или избавленія отъ суда почтеннаго дворянина. Г. Столыпинъ, типъ и послѣдній, вѣроятно, остатокъ прежняго необразованнаго, грубаго бретѣра-дворянина русскаго, но, впрочемъ, не злой и очень смысленный человѣкъ, — вздумалъ доѣхать его доносемъ къ губернатору о дошедшемъ къ нему слухѣ о жестокомъ обращеніи вице-губернатора и жены его съ своими людьми и воспитанницею. Губернаторъ (А. М. Фадѣевъ), зная авторитетъ Столыпина въ губерніи, не счелъ себя въ правѣ отказать ему насчетъ сего и нарядилъ секретное слѣдствіе (по которому ничего не открылось, кромѣ скуности и строгости Оде-де-Сіоновъ, чисто-вѣмецкой) и донесъ министру внутреннихъ дѣлъ. Въ отвѣтъ Я. А. Перовскій далъ знать, что это вовсе не относилось къ обязанности губернскаго пред-

водителя, ибо у Оде-де-Сіона нѣтъ недвижимаго имѣнія въ губерніи, а надзоръ за нимъ принадлежитъ полиціи и губернатору. Столыпинъ-же, между тѣмъ, донесъ и со своей стороны министру, присовокупивъ еще и то, что вице-губернаторша, страстная любительница собачекъ, погребаетъ ихъ по христіанскому обряду, въ гробикахъ. Перовскій сдѣлалъ ему то-же замѣчаніе, какъ и губернатору. Столыпинъ-же, получа такую бумагу, въ порывѣ самолюбія раздраженнаго, разослалъ обо всемъ этомъ циркуляръ къ уѣзднымъ предводителямъ, желая больше всего огласить Оде-де-Сіона и дозволивъ себѣ толковать бумагу министра въ такомъ смыслѣ, что отнынѣ надзоръ ихъ за жестокимъ обращеніемъ помѣщиковъ ослабленъ, если не вовсе отмененъ. Оде-де-Сіонъ, управляя губерніею (по случаю отсутствія А. М. Фадѣева въ Петербургъ, въ январѣ 1842 года, гдѣ и я былъ съ нимъ), донесъ обо всемъ вновь министру, узнавъ отъ одного изъ предводителей уѣздныхъ (Атварскаго—Арефія Игнатъевича Киселева), вѣчнаго и заклятаго врага Столыпина. Перовскій такъ былъ взбѣшенъ поступкомъ Столыпина, что велѣлъ составить докладъ къ государю объ удаленіи его и опубликованіи. Но смягчился убѣжденіями директора департамента полиціи исполнительной Ор — скаго и губернатора Фадѣева и испросилъ только высочайшій выговоръ Столыпину, распубликованный, впрочемъ, секретно въ циркулярѣ ко всемъ губернскимъ предводителямъ. Послѣдствіемъ этой несчастной исторіи было то, что послѣ выборовъ саратовскаго дворянства, въ декабрѣ 1842 года бывшихъ, и вслѣдствіе доноса отъ того-же Киселева (дурнаго поведенія, собачника, но богача и пройдохи) о бывшихъ якобы интригахъ и проискахъ Столыпина и его партіи—онъ не утвержденъ государемъ вновь губернскимъ предводителемъ, а велѣно было произвести чрезвычайные выборы для новыхъ въ сію должность кандидатовъ. Это происходило въ маѣ 1843 года. Исторія эта надѣлала много шума; поразила жестоко авторитетъ Столыпина въ губерніи, откуда онъ уѣхалъ сперва за-границу, а потомъ поселился въ Москвѣ, гдѣ купилъ домъ, дасть обѣды и балы (1847 г.), ѣздить въ англійскій клубъ, считается въ числѣ недовольныхъ, *fait de l'opposition au petit pied*, порицая, по нашему обычаю, не дѣло, не начала, а лица и частности.

Je pense qu'il finira mal dans une ville de province où il sera relégué pour son bavardage¹⁾, (какъ и я, думаю, буду!), — развѣ богатство и связи спасутъ.

Оде-де-Сіонъ, вытѣсненный въ отставку Перовскимъ, получилъ послѣ мѣсто въ с.-петербургской гофъ-интендантской конторѣ (замѣтьте, что Перовскій—товарищъ министра удѣловъ князя П. М. Волконскаго и начальникъ гофъ-интендантской конторы, за котораго все дѣлаетъ), гдѣ и поднесъ обрѣтается. Исторія эта поссорила меня съ обоими изъ сихъ персонажей, т. е. Столыпинымъ и Сіономъ именно потому, что я не хотѣлъ держать ни чьей стороны. Оба были хороши. Вотъ вамъ и *juste milieu* въ нашемъ російскомъ порядкѣ. Самого Талейрана и Людовика-Филиппа первый-бы страпчій и первый уѣздный судъ засудилъ-бы до смерти.

Дѣло о несостоятельности купцовъ Пановыхъ.

Важна и любопытна исторія, дошедшая нынѣ до общаго собранія сената первыхъ трехъ департаментовъ.

Богатые торговцы Пановы, торговавшіе скотомъ въ Петербургѣ, внезапно прекратили платежи и объявили себя несостоятельными. Это банкротство повлекло за собою раззореніе многихъ торговцевъ въ столицѣ и провинціяхъ, связанныхъ съ ними дѣлами. По доводу министра внутреннихъ дѣлъ Перовскаго, учреждена, по высочайшему повелѣнію, особая комиссія для разбора этого дѣла и удовлетворенія безобиднаго и справедливаго, такъ чтобъ не могло возникнуть просьбъ и жалобъ²⁾. *On voit que le gouvernement visait à l'impossible*³⁾. Комиссія учреждена не изъ кредиторовъ Пановыхъ, какъ то водится въ подобныхъ случаяхъ, а изъ чиновниковъ; кредиторы-же вызывались для объясненій и повѣрки только. Въ теченіе двухъ-лѣтнихъ занятій комиссія привела дѣло въ ясность и признала Пановыхъ умышленными банкротами, за что, по докладу министра внутреннихъ

¹⁾ Я думаю, что онъ плохо кончитъ въ какомъ-нибудь провинціальномъ городѣ, куда онъ будетъ сосланъ за свою болтовню.

²⁾ *Téxtuel* (дословно).

³⁾ Правительство добивалось, какъ видно, невозможнаго.

дѣлъ, они преданы, по высочайшему повелѣнію, военному суду. Пока все хорошо. Но при расчетахъ уплаты или ликвидациі, комиссія, не извѣстно на какомъ основаніи, сравняла кредиторовъ, имѣвшихъ законные документы, т. е. векселя, съ тѣми, которые предъявили только росписки, счета Пановыхъ и книги ихъ, дурно и неисправно веденныя, по собственному сознанию комиссіи. Можно себѣ представить изумленіе и ужасъ кредиторовъ съ документами. Однимъ махомъ пера уничтожена сила и дѣйствіе учрежденія государственнаго, на которомъ основанъ весь кредитъ и всѣ обороты торговые,—учрежденіе, приносящее казнѣ и городамъ милліоны дохода. Простой счетъ, записка, долговая книга сравнены съ крѣпостными и маклерскими документами. Разумѣется, протестаціи и жалобы посыпались въ комиссію, но не были приняты ею въ уваженіе. Самолюбіе и достоинство членовъ и министра, утвердившаго эту неслыханно-произвольную и насильственную мѣру, было, какъ говорится, engagé, mise en jeu ¹⁾. Одна изъ жалобъ кредитора Пановыхъ, купца Егорова, дошла до 4-го департамента сената. Мастерски написанная просьба и рукоприкладство ²⁾ открыли глаза всякому. Объясненія комиссіи и министра были слабы, шатки и не подерѣплялись ничѣмъ, кромѣ ссылки на высочайшее повелѣніе, выше изложенное. Понуждаемый сенатомъ, Перовскій, наконецъ, выговорилъ послѣднее слово и сознался, что мѣра эта была необходима для устрашенія злонамѣренныхъ торговцевъ, возстановленія потрясеннаго кредита, и вообще входила въ кругъ мѣръ, принимаемыхъ правительствомъ съ 1842 года по приведенію въ порядокъ части торговли скотомъ и для пониженія цѣнъ на мясо въ Петербургѣ. Каково объясненіе министра, обязаннаго обнимать взглядомъ всю имперію и всѣ части, а не призваннаго быть специалистомъ и исправителемъ одной подставки, когда прочія грозятъ рухнуть и подавить всѣхъ! Онъ не видѣлъ или не хотѣлъ видѣть, что распоряженіемъ комиссіи былъ уничтоженъ принципъ, и что нѣкогда великіе дѣйствователи восклицали: „*périssse plutôt l'univers que le principe!*“ ³⁾.

Задѣто, затрунуто за живое.

Писалъ и хлопоталъ г. Геслингъ, нажившій себѣ врага за это въ министрѣ внутреннихъ дѣлъ.

Авт.

¹⁾ Пусть лучше погибаетъ міръ, нежели принципъ.

У насъ смотрять на это иначе и всегда хлопочуть о чемъ-либо исключительно, забывая обо всемъ остальномъ. Сколько тому примѣровъ. Такъ было съ винными откупами, взятыми въ казну въ 1819 году; такъ было съ поставщикомъ Варгиннымъ; такъ было съ откупщикомъ соли Злобиннымъ; такъ было при учрежденіи государственныхъ имуществъ; такъ было съ уничтоженіемъ лажа въ 1839 году, зла долгодѣтнаго, терпимаго, извѣстнаго правительству; такъ было съ мѣрою о сахарѣ на биржѣ въ Петербургѣ и пр. и пр. И послѣ этого имѣють духъ звать Перовскаго отличною государственною головою! Онъ хлопотунъ, правда, неутомимый, настойчивый и твердый или, скорѣе, упрямый. Ни одной пока не видалъ его мѣры обширной и дальновидной. Все тѣсно, мелко, узко. Не даромъ изобразили его въ одной карикатурѣ сидящимъ на Сѣнной площади и замахнувшимся топоромъ на муху, сидящую на говядинѣ. Вотъ какъ оплачиваетъ народное сочувствіе мелочности и придирчивости къ пустякамъ. Блудовъ оставилъ, по крайности, послѣ себя, какъ министръ внутреннихъ дѣлъ, наказъ губернаторамъ и губернскимъ правленіямъ, писанный, какъ говорятъ многіе, идеально, но благородно, мягко и въ намѣреніи примирить что есть жестокаго, грубаго, варварскаго въ нашемъ законодательствѣ. Вездѣ лежитъ слѣдъ человѣка европейски образованнаго и желающаго поднять чиновничество и общество до Европы, а не роняющаго и не стаскивающаго ихъ въ татарщину и копихинство, какъ дѣлають то иные ихъ варварскими, насильственными мѣрами, военными судами, 24-часовымъ судомъ и осужденіемъ и т. п. И когда-же все это творится? Въ эпоху внутренняго и внѣшняго мира, сильнѣйшей централизаціи, чудовищной централизаціи, въ эпоху преуспѣянія умственнаго и вещественнаго, о которомъ вричать и толкують ежедневно догматисты (1847 г.).

Какъ бы то ни было, сенатъ показалъ себя довольно твердымъ и безпристрастнымъ, уничтоживъ распоряженіе по дѣлу Пановыхъ въ отношеніи купца Егорова и велѣвъ удовлетворить его предпочтительно. Что же вышло? Комиссія не только дерзнула, надѣясь на поддержку въ министрѣ внутреннихъ дѣлъ, не исполнить повелѣнія сената, указы котораго велѣно закономъ исполнять какъ собственные его императорскаго величества,

но взошла съ представленіемъ къ Перовскому, и онъ, вмѣсто того, чтобы повиноваться принципу законопослушанія вседержащему и скрѣпляющему, еще разъ внялъ голосу оскорбленнаго самолюбія и чрезъ министра юстиціи внесъ это дѣло на пересмотръ общаго собранія. Надежда его, однако-же, обманута. Общее собраніе, большинствомъ голосовъ, утвердило рѣшеніе 4-го департамента сената.

Давно пора-бы такъ дѣйствовать сенату, власть котораго и значеніе совершенно уничтожены самоуправствомъ и умнича-ніемъ министровъ безотвѣтственныхъ (1847 г.). Теперь остается Перовскому довести дѣло до государственнаго совѣта. Вѣроятно, доведетъ. На это у него станеть упрямства и желчи. Любопытно знать чѣмъ кончится эта исторія,—исторія не частныхъ лицъ и дѣлъ, а какъ сказала я—началь основныхъ и вседержащихъ: „*régisse plutôt l'univers qu'un principe* 1)!

Сегодня мнѣ рассказали за вѣрное, что г. П—скій, посланный, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ Сибирь для слѣдствія по заводамъ, по случаю продажи однимъ горнымъ чиновникомъ многоцѣннаго изумруда въ Англію, захватилъ у него драгоценныхъ камней на миллионы, а представилъ правительству пустяки. Послѣ, однако, у него купилъ горный корпусъ нѣсколько камней тысячъ на 50. Это довольно оригинально и ловко...

Распоряженіе графа Виктора Никитича Панина.

Чтобы потомство, читая мою лѣтопись, не могло обвинить меня въ пристрастіи, пессимизмѣ, желчности и другихъ качествахъ, которыя мы любимъ навязывать ближнему послѣ сытнаго обѣда, удачной партіи преферанса, ласковаго приѣма министра и полученія награды за службу, я представляю этимъ само-и всѣмъ-довольнымъ господамъ образчикъ того, какъ поступалъ министръ гр. В. Н. Панинъ съ чиновниками своими, въ лѣто отъ рождества Христова 1847-е, въ то время, когда дозволенъ былъ пропускъ въ Россію заграничныхъ газетъ и журналовъ и когда у чиновниковъ министерства юстиціи я встрѣ-

1) Пусть лучше погибаетъ миръ, нежели принципъ.

чалъ лежавшіе на столахъ нумера „Gasette des Tribunaux“ и „Le Droit“. Пусть всякій читатель судитъ самъ, читая нижеслѣдующее:

„Вѣдомости с.-петербургской градской полиціи“, 20 сентября 1847 г., суббота, № 207.

„Приказъ по с.-петербургской полиціи, 19 сентября 1847 года, № 262. Господинъ министръ юстиціи, желая имѣть положительныя свѣдѣнія о лицахъ, служащихъ въ вѣдомствѣ сего министерства, находящихся по отпуску въ С.-Петербургѣ, а равно о причинахъ ихъ прѣзда, признавъ нужнымъ сдѣлать распоряженіе, чтобы всѣмъ служащимъ по вѣдомству министерства юстиціи вмѣнено было въ непремѣнную обязанность въ прошеніяхъ, подаваемыхъ ими объ увольненіи въ отпускъ, означать и побудительныя къ оному причины и чтобы отправляющимся въ отпускъ въ С.-Петербургъ внушаемо было также являться въ первые дни пребыванія ихъ въ столицѣ въ департаментъ министерства юстиціи.

„Вслѣдствіе предложенія г-на исправляющаго должность с.-петербургскаго военнаго генераль-губернатора, отъ 17-го числа текущаго мѣсяца, за № 15611, дѣлаю о томъ извѣстнымъ по полиціи, для надлежащаго распоряженія“. Подписаль: „исправл. должн. с.-петербургскаго оберъ-полиц. свиты его и. в. генераль-маіоръ Галаховъ“.

Распоряженіе министра, не говоря уже о самоуправствѣ и насиліи ¹⁾, не имѣетъ здраваго смысла. Кому объявлять будетъ его фирманокъ петербургская полиція? Чиновникамъ министерства юстиціи, здѣсь служащимъ? Но они извѣщены своимъ начальствомъ и потомъ имъ ѣздить въ Петербургъ въ отпускъ трудно, ибо живутъ въ немъ постоянно. Чиновникамъ иногороднымъ? Но въ отпускахъ имъ, отъ ближайшаго начальства данныхъ, будетъ означаться причина поѣздки ихъ въ Петербургъ, если только начальства тѣ послушаютъ министра и поймутъ его. Противное тому и другому случиться можетъ и, вѣроятно, случится. Теперь предположимъ, что въ билетѣ, чиновнику данному, не ясно означено зачѣмъ онъ ѣдетъ въ Петербургъ. Что-же дѣлать полиціи? Выслать его или донести министру? Но пока все это сдѣлается, злонамѣренный чиновникъ успѣетъ обдѣлать все, что ему нужно: повидаться съ начальниками отдѣленій, угостить ихъ у Леграна и дать имъ денегъ за обѣщаніе мѣстечка

¹⁾ Почему министръ не внесъ этой мѣры на высочайшее утвержденіе чрезъ комитетъ министровъ и государственный совѣтъ и не обратилъ ея въ конь, помѣстивъ въ дополненіе къ Своду Законовъ, если мѣра вообходима полезна?
Авт.

тепленькаго или награды. Вообразите теперь сцену входящаго конторщика петербургской гостиницы и вопрошающаго прѣбывающаго чиновника о причинѣ прибытія, безъ чего не можетъ пустить его. Вообразите, что всё исполняютъ буквально предписаніе министра. Бѣдный чиновникъ лишень будетъ въ Петербургѣ огня и воды, какъ отлученный отъ церкви въ среднихъ вѣкахъ. Очевидно, что все основано должно быть на билетѣ, выданномъ въ губерніи. Вообразимъ теперь содержаніе билета: отпущень такой-то для свиданія съ родственниками,—причина первая, допускаемая даже для солдатъ, въ воинской службѣ, не слишкомъ отличающейся, какъ извѣстно, сентиментальностью. Теперь вопросъ—кто-же именно родственники? потому что всё будутъ ссылаться на эту причину, а другихъ министр, прежде своей кончины, никогда не свѣдаетъ. Слѣдуетъ родословная, полученная изъ дворянскаго собранія или инаго мѣста, порядкомъ засвидѣтельствованная. Адресъ родственниковъ. Причина вторая: устройство дѣлъ. Но если дѣла эти именно требуютъ инкогнито, безгласности, какъ то часто случается,—какъ быть тутъ? Хорошо, у кого явные процессы и тяжбы. Но и тутъ скажутъ, что дѣла въ такихъ прекрасныхъ и искусныхъ рукахъ, что вамъ надо поджать подъ себя ноги и спать сладостно. Другія причины, вѣроятно, будутъ: смерть родителей, супруга, дѣтей, тяжкая собственная болѣзнь, требующая совѣта съ медиками. Впрочемъ, на послѣдній предлогъ отвѣчать могутъ, что кому остаться въ живыхъ, тотъ останется и въ губерніи, и что не признавать способностей и искусства въ мѣстныхъ медикахъ значить бросить тѣнь подозрѣнія на высшее медицинское начальство, выдавшее имъ свидѣтельства чуть не на всемірныя знанія, и оскорблять самое правительство. Само собою разумѣется, что ни губернское, ни столичное начальство не приметъ въ уваженіе другихъ причинъ, если-бы вольнодумецъ-чиновникъ и осмѣлился помѣстить ихъ въ своей просьбѣ объ отпускѣ. Напримѣръ, желаніе видѣться съ другомъ, предметомъ любви, невѣстою; желаніе видѣть знаменитыхъ людей, ученыхъ, поэтовъ, памятники искусствъ, развитіе общественной жизни, театръ, оперу, артистовъ; желаніе освѣжиться и отдохнуть въ кругу знаемыхъ и образованныхъ людей отъ душной, грязной и однообразной провинціальной жизни. Самое желаніе насладиться лицезрѣніемъ благодѣтельнаго

начальства было-бы принято за насмѣшку. Остается одно: поклоненіе святымъ мощамъ Александра Невскаго — *grétexte comme un autre* ¹⁾). Рекомендую его чиновникамъ вѣдомства министерства юстиціи.

Замѣчательно, что графъ Панинъ ни слова не говоритъ о чиновникахъ, пріѣзжающихъ въ Москву, тоже столичный городъ, если не ошибается календарь академіи. Панинъ не считаетъ ея за столицу. Ему только-бы оградить и устеречь Петербургъ, это новое капище Изиды, гдѣ жрецы ея наединѣ, конечно, съ большимъ удобствомъ могутъ упражняться въ обрядахъ служенія, посвящая въ тайны свои единныхъ избранныхъ. Какъ не повторить съ поэтомъ Франціи вырвавшееся у него горькое восклицаніе: „*Risible, risible, risible!*..“ ²⁾). О, тѣни Вольтера, Монтаня Рабле, Свифта и Грима... Какъ вы содрогнетесь, воображаю, видя продолженіе человѣческихъ сумасбродствъ, которыя вы полагали убитыми и искорененными подъ вашими ударами! Ихъ даже не сжегъ великій пламень, возженный вами и озарившій міръ въ концѣ минувшаго столѣтія!

Ожидаю, что общій другъ нашъ Убри напустится на меня за мою выходку и скажетъ, что я не въ правѣ судить дѣйствія государственнаго человѣка, вѣроятно, имѣвшаго какую-либо сокровенную причину и цѣль. А потомъ—что мы не заслуживаемъ, чтобы насъ трактовало иначе начальство. Я ему отвѣчать буду, что другой цѣли не можетъ быть; кромѣ отвращенія хлопотами чиновниковъ въ министерствѣ о переводѣ на теплыя и удобныя мѣста, и подкупъ съ сею цѣлью лицъ, вліяніе имѣющихъ. Но, во-первыхъ, цѣль не достигнется, ибо всегда найдутъ благовидный предлогъ пріѣхать въ Петербургъ; во-вторыхъ, хлопотать о себѣ и дать для этого деньги—можно и не пріѣзжая въ Петербургъ, а чрезъ знакомыхъ и чрезъ почту. Въ третьихъ, предписаніемъ своимъ министръ стѣсняетъ однихъ ненужными и неисполнимыми формальностями и бросаетъ въ другихъ оскорбительное подозрѣніе, и подозрѣніе, какъ говорится, *tout gratuit* ³⁾). Если цѣль его заключалась въ этомъ, онъ

¹⁾ Предлогъ, какъ и всякій другой.

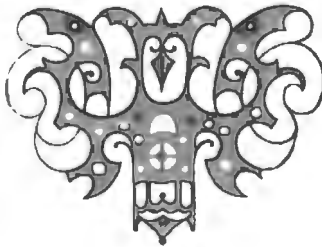
²⁾ Смѣшно, смѣшно, смѣшно!

³⁾ Совершенно неосновательное.

достигъ ея вполнѣ, Что касается до того, что мы сами мерзки, я не спорю, но я полагалъ доселѣ, что обязанность всякой христіанской и европейской администраціи состоитъ именно въ томъ, чтобы вытаскивать управляемыхъ изъ грязи и возносить ихъ до Европы, а не втоптывать ихъ въ грязь, татарщину и кошихинство, какъ я сказалъ въ другомъ мѣстѣ.

Вопли о всевозможномъ насильствѣ слышатся (1847 года) съ каждымъ днемъ явственнѣе. Оно упадаетъ на большихъ и малыхъ, на дѣла важныя и маловажныя. Въ послѣднемъ случаѣ оно еще замѣтнѣе и несноснѣе: дѣла маловажныя случаются всякій день. Отнять въ нихъ свободу у человѣка—значило-бы запереть его спеленатымъ въ порядочно убранную и спокойную комнату и увѣрять, что лучше ничего въ жизни и нигдѣ онъ для себя не найдетъ. Впрочемъ, дѣло, о которомъ я намѣренъ разказать здѣсь, и не вовсе маловажно: оно касается печати, публичнаго изъявленія своихъ мнѣній, распространенія въ народѣ точныхъ о предметахъ, выдающихся ему въ глаза, свѣдѣній.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Челобитная, поданная императрицѣ Екатериной II.

(1763 г.).

Челобитчикъ бывшей персидской компаніи содержатель Богданъ Саханавъ.

1) Объявляетъ, что бывшей императоръ во время бытности его великимъ княземъ въ 1759-мъ году, взялъ у него заимообразно денегъ 17,500 рублей, которые онъ, по повелѣнію онаго императора, за неимѣніемъ своихъ денегъ, занялъ у коммерческаго банка съ платежомъ указныхъ процентовъ, да одинъ подносъ золотой съ шестью чарками золотыми-жъ и нѣсколько кусковъ кисей и индѣйскихъ ситцевъ и платковъ, что все принялъ у него бывшіе тогда оберъ-камергеръ Броктарфъ и Бресанъ, которыя деньги и съ процентами нынѣ на немъ. Саханавъ, взыскиваются.

2) И хотя онъ, Саханавъ, въ бывшее правленіе чрезъ означенныхъ приемщиковъ о выдачѣ тѣхъ денегъ и просилъ, токмо и повныѣ ему не выданы.

3) Просить, чтобъ означенныхъ занятыхъ имъ изъ коммерческаго банка денегъ и накопившихся по сіе время процентовъ, повелѣно было съ него не взыскивать, а за взятую у него золотую посуду, кисей, ситцы и платки, учинить ему награжденіе сколько соизволено будетъ, ибо онъ, Саханавъ, отъ уничтоженія персидской компаніи, въ которой находился его весь капиталъ, претерпѣлъ убытку болѣе 50,000 рублей.

Помѣта на поляхъ: „Если оное поднесено на поклонъ, какъ наследнику короны, то назадъ требовать того не можно, а если то дано во взятю, то по указамъ Петра Великаго велѣно сѣчь тѣхъ кнудомъ, кто даетъ во взятки.

Екатерина“.

Въ 19-ое сентября 1763 года, въ Санктъ-Петербургѣ.

Сообщ. М. П. Азанчевскій.

СТУДЕНЧЕСКІЯ ВОЛНЕНІЯ ВЪ КАЗАНИ

въ 1887 г.

Посмертныя записки бывшаго попечителя Казанск. учебнаго округа
П. Д. Шестакова.

XI ¹⁾.

Студенческія волненія 1861 года въ Москвѣ и 1882 года въ Казани я описывалъ не только какъ очевидецъ, но и какъ лицо, стоявшее близко къ студентамъ. Я описывалъ добросовѣстно и старался быть, по возможности, объективнымъ. Но такъ какъ я въ 1861 году состоялъ инспекторомъ московскаго университета, а въ 1882 году попечителемъ казанскаго учебнаго округа, то мои описанія и мои взгляды могутъ инымъ показаться пристрастными. „Онъ потому-де старается причины студенческихъ волненій искать внѣ университета, потому приписываетъ студенческіе беспорядки политической интригѣ и крамолѣ, что самъ близко стоялъ къ студентамъ, имѣлъ обязанность наблюдать за ними и, слѣдовательно, могъ нести отвѣтственность за допущеніе нарушенія студентами порядка и спокойствія въ университетѣ“.

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1888 г., т. LX, октябрь, стр. 203—223; ноябрь, стр. 353—370; декабрь, стр. 649—670; изд. 1889 г., т. LXI, январь, стр. 113—130; т. LXIV, октябрь, стр. 248.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ 1892 г., т. LXXIV, июль.

Въ прессѣ нашей уже не разъ высказывалась мысль, что лицамъ начальственнымъ, долженствующимъ отвѣчать за спокойствіе университета, естественно и выгодно доказывать, что причины университетской смуты — внѣ университета. „Новое Время“ такого мнѣнія, что „заинтересованныя лица, желающія перенести центръ тяжести вопроса съ университета на безпорочные элементы общества и отвѣтственность за безпорядки съ учебнаго начальства на другія вѣдомства, объясняютъ студенческія волненія агитаціею извнѣ. Въ случаѣ правильности этого объясненія оставалось-бы усилить полицейскій надзоръ внѣ университета, и болѣе ничего“. „Гражданинъ“ настойчиво отрицаетъ внѣшнія причины университетскихъ безпорядковъ, говоря, что „печаль отъ такого толкованія безпорядковъ горше самыхъ безпорядковъ, ибо, заключааясь въ предположеніи, что безпорядки въ университетахъ имѣли политическое значеніе, она (печаль), такъ сказать, задѣла за живое всѣ русскія сословія, всѣ русскія семьи и повергла умы и сердца въ грустное смущеніе“. „Студенты, продолжаетъ „Гражданинъ“, хотѣли за себя шумѣть, и не помышляли шумѣть во имя какихъ-нибудь социальныхъ вопросовъ или общественныхъ задачъ“. „Гражданинъ“, какъ видно изъ этихъ словъ, полагаетъ, что тѣ, которые видятъ причину студенческихъ безпорядковъ внѣ университета, въ политической крамолѣ, завиняютъ студентовъ въ прямомъ сочувствіи крамолѣ. Если смотрѣть такъ, то печаль „Гражданина“—почтенная, благородная печаль: онъ бережетъ и защищаетъ молодежь, защищаетъ сыновей и вмѣстѣ родителей; но печаль эта не имѣетъ основанія. Я принадлежу къ числу тѣхъ, которые видятъ причину студенческихъ волненій въ политической интригѣ и крамолѣ; но я всегда былъ и теперь остаюсь въ томъ убѣжденіи, что студенты, во время всѣхъ студенческихъ волненій, „шумѣли за себя“, во имя своихъ интересовъ, шумѣли, такъ сказать, *bona fide*, въ полной увѣренности, что они стоятъ за свое студенческое дѣло, и не помышляли о томъ, что они дѣйствуютъ на руку крамольникамъ, и даже подъ ихъ вліяніемъ и по ихъ катехизису. Студенты во всѣхъ университетскіе безпорядки сами крамольниками не были и, къ сожалѣнію, не замѣчали даже, что ими руководила чужая злоумышленная воля, чужая злодѣйская рука, которая умѣла такъ направить ихъ,

что ихъ демонстраціи были не только рѣзки и дерзки, но и прямо преступны, что въ ихъ петиціи входили не одни чисто-студенческіе интересы, но и современная злоба дня, въ родѣ свободы слова и печати, исцѣленія недуговъ русской жизни вообще и т. п.; что даже въ тѣ пункты петиціи, которые касались чисто-студенческихъ интересовъ, включались такія требованія, которыя были не осуществимы и предавали студенческой петиціи характеръ неосмысленнаго притязанія, безразсуднаго, совершенно незаконнаго желанія. Таковы требованія участія студентовъ въ избраніи профессоровъ и ректора, обязательности студенческаго суда и для профессоровъ, отиѣны дѣйствующаго устава университетовъ и т. п.

Если мои воспоминанія о студенческихъ волненіяхъ 1861 и 1882 г. могли быть заподозрѣны въ невѣрной окраскѣ событій и нѣкоторой натянутости выводовъ, такъ какъ я былъ тогда заинтересованнымъ лицомъ; то въ настоящее время, когда я не у дѣлъ, когда я смотрѣлъ на студенческіе беспорядки со стороны, какъ частное лицо, никто, полагаю, не станетъ заподозрѣвать меня въ намѣренномъ искаженіи истины, съ цѣлію оправдать себя и тѣмъ упрочить занимаемое мною служебное положеніе. Настоящія мои воспоминанія о студенческихъ беспорядкахъ 1887 года—не показаніе непосредственнаго очевидца, бывшаго, такъ сказать, на мѣстѣ преступленія. Это не болѣе какъ показаніе свидѣтеля, слышавшаго отъ очевидцевъ, имѣвшаго возможность выслушивать рассказы лицъ разныхъ партій, передававшихъ ему, какъ человѣку частному, вполне откровенно извѣстные имъ факты этого грустнаго для казанскаго университета событія. Передавая слышанное мною, я попытаюсь нѣсколько ориентироваться въ этихъ слухахъ. Вѣрность-же самыхъ слуховъ оставляю на отвѣтственности тѣхъ лицъ, которыя мнѣ ихъ передавали.

Начну съ того вопроса, который особенно волновалъ умы какъ во время прискорбной университетской исторіи, такъ и послѣ: гдѣ искать причины студенческихъ беспорядковъ 1887 г.? „Московскія Вѣдомости“ видятъ въ послѣднихъ студенческихъ волненіяхъ вліяніе политической интриги иноземной. „Новое Время“ не признаетъ виѣшней причины, но и не высказываетъ кто виноватъ. Въ 1882 году „Новое Время“ видѣло причину студен-

ческих волненій въ ошибкахъ университетскаго начальства. „Гражданинъ“ открыто объявляетъ, что во всякомъ студенческомъ волненіи нужно искать профессора, что профессора подстрекають и мутять студентовъ. Революціонныя изданія прямо заявляли, какъ мы еще прежде указывали, что инициаторами студенческихъ волненій были всегда революціонные агенты. Въ правительственномъ сообщеніи о безпорядкахъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Харьковѣ, Одессѣ и Казани сказано: „Сопоставленіе многихъ обстоятельствъ ясно свидѣтельствуешь, что во всѣхъ этихъ безпорядкахъ дѣйствуютъ подстрекательства злонамѣренныхъ людей“. Въ 35 № „Московскихъ Вѣдомостей“ 1888 года говорится о напечатанной въ „Journal de S.-Petersbourg“ корреспонденціи изъ Женевы отъ 31-го января о враждебной противъ Россіи и русскаго правительства демонстраціи, устроенной нигилистами въ Женевѣ. Очевидецъ говоритъ, что онъ на приглашеніе въ Palais électoral, явился туда и очутился „среди неизвѣстной компаніи людей, въ странныхъ костюмахъ, растерзанныхъ, нечесанныхъ и немытыхъ. То, что мы слышали, насъ глубоко возмутило:— „студенты, чѣмъ болѣе будете вы кормить пощечинами ваше университетское начальство, тѣмъ болѣе окажете услугъ вашему отечеству“. Вотъ къ чему сводились всѣ рѣчи, произнесенныя на страшно искаженномъ французскомъ языкѣ. Кончилось дѣло дракою между самими нигилистами въ сосѣднемъ кабачкѣ. Честь инициативы такого собранія принадлежитъ, прежде всего, Драгоманову (бывшій профессоръ)“. Въ концѣ рѣчей этого митинга помѣщено „Воззваніе къ русскимъ студентамъ“: „студенты приглашаются оставить университетскія свамби и чинить прямое нападеніе на университетскія власти“.

Казанскіе слухи всею тяжестію обрушиваются на студенческое начальство, особенно на инспектора студентовъ П—а, котораго считаютъ главнымъ виновникомъ настоящихъ безпорядковъ въ казанскомъ университетѣ. Обвиняють инспектора и профессора, и студенты, и общество. Его-де ненавидятъ всѣ студенты за его мелочныя придирки. Въ чемъ-же выражаются эти придирки? А вотъ, говорятъ, встрѣтитъ онъ студента въ неформенномъ галстухѣ, тотчасъ остановитъ его и начинаетъ пилить: „Это противно такому-то §-у правилъ министерскихъ, а министерскія правила

изданы по повелѣнію Государя Императора, стало-быть вы поступаете противъ высочайшаго повелѣнія^а. Справедливость требуетъ сказать, что первый годъ о немъ ничего не говорили дурнаго, имъ довольны были студенты. Съ тѣхъ поръ, говорятъ, какъ онъ получилъ пенсію, онъ сталъ обходиться со студентами высококомѣрно. Теперь его обвиняютъ и въ развитіи шпіонства между студентами, и въ бывшихъ лѣтомъ и осенью 1887 г. исключеніяхъ студентовъ, представляютъ его какимъ-то Тартюфомъ. Рассказываютъ такой случай: „студентъ К—ъ былъ исключенъ лѣтомъ 1887 года и, не зная причины исключенія, естественно старался узнать причину. Ходилъ къ ректору университета, — ректоръ на вопросъ его отвѣтилъ, что ему неизвѣстно почему студентъ исключенъ. Пошелъ къ начальнику жандармскаго управленія, и тотъ сказалъ ему, что въ его управленіи о немъ никакого дѣла нѣтъ. Пошелъ къ полицеймейстеру, — тотъ-же отвѣтъ. Отправился, наконецъ, К—ъ къ инспектору студентовъ. Инспекторъ принялъ его „съ распростертыми объятіями, чуть не расцѣловалъ, а на вопросъ—за что его исключили, отвѣтилъ, что о немъ получена бумага изъ министерства внутреннихъ дѣлъ. К—ъ имѣетъ въ С.-Петербургѣ родственника сенатора. Поѣхалъ онъ въ Петербургъ и, съ помощію родственника, узналъ, что онъ исключенъ изъ университета по донесенію инспектора студентовъ“. Свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ. Я рѣшительно не вѣрю этому слуху, и думаю, что слухъ распушенъ, чтобы повредить инспектору, чтобъ унижить его въ глазахъ студентовъ и общества; слухъ этотъ мало вѣроятенъ уже потому, что вліятельный родственникъ К—я несомнѣнно заступился-бы за него, если-бъ К—ъ былъ невиненъ; кромѣ того, самыя подробности разсказа дышутъ чѣмъ-то выдуманнымъ.

Очень умный и образованный господинъ рассказывалъ мнѣ слѣдующее: „многіе родители, даже состоятельные, берутъ своихъ дѣтей изъ гимназій, говоря, что теперь въ университетъ сыновей нельзя пускать... доносы. Что такое? Да отъ педелей студентамъ житья нѣтъ. Для педелей только тѣ студенты и хороши, которые имъ на водку даютъ. Такіе студенты по цѣлымъ мѣсяцамъ могутъ не показываться въ университетѣ,—педеля помѣчаютъ ихъ постоянно посѣщающими университетъ“.

По § 14-му правила о зачетѣ полугодій студентамъ, „за исправнымъ посѣщеніемъ университета имѣеть наблюденіе инспекція, исправное-же посѣщеніе лекцій, участіе въ научно-практическихъ занятіяхъ, въ повѣрочныхъ испытаніяхъ и прилежаніи въ домашнихъ работахъ удостовѣряють преподаватели, которые въ этихъ занятіяхъ руководили студентовъ“. Въ посѣщеніи-же университета студентами инспекція удостовѣряется производимымъ педелями осмотромъ вѣшалокъ въ шинельной, гдѣ каждому студенту назначенъ особый № вѣшалки, на № пишется фамилія студента. Если на номерѣ вѣшалки висятъ пальто и фуражка, стало-быть студентъ въ университетѣ; если не висятъ, значитъ студента нѣтъ. Этотъ способъ повѣрки иногда вводитъ въ ошибку. Былъ такой случай: поднять былъ вопросъ о продолженіи выдачи стипендіи одному студенту историко-филологическаго факультета. Инспекторъ заявилъ, что, по свѣдѣніямъ инспекціи, этотъ студентъ не посѣщалъ университета цѣлый семестръ; деканъ-же и профессора факультета утверждали, что студентъ постоянно посѣщалъ лекціи. Выходило, что студентъ ухитрялся, не посѣщая университета, посѣщать лекціи, въ немъ читаемыя. По справкѣ дѣло объяснилось просто: этотъ студентъ по болѣзни раздѣвался не въ шинельной, а въ музеѣ, гдѣ оставлялъ свое верхнее платье и фуражку и шелъ на лекціи, а его № на вѣшалкѣ цѣлое полугодіе оставался пустымъ. Продолжаю рассказъ моего знакомаго: „а кто не даетъ педелямъ на водку, на того они доносятъ инспектору, какъ на непосѣщающаго университетъ, а кто, сверхъ того, имъ и руки не подаетъ, того прямо представляютъ неблагонадежнымъ. Педеля-де вездѣ подслушиваютъ, даже въ дверямъ ватеръ-влозета приглядываютъ ухо. А на ихъ донесеніяхъ инспекторъ будто-бы основываетъ свое мнѣніе о студентахъ. Инспекторъ, говорятъ, устроилъ хоръ шпионовъ. Составленъ имъ и небольшой оркестръ... тоже изъ шпионовъ“. Сообщавшій мнѣ передавалъ это какъ слухи, и, конечно, не ручался за достоверность.

Было-бы возмутительно, если-бы лицо, поставленное во главѣ наблюденія за молодыми людьми, обучающимися въ высшемъ учебномъ заведеніи, завело себѣ шпионовъ изъ числа этихъ-же молодыхъ людей. Но доказательствъ этого возмутительнаго факта

не представляется; говорятъ голословно: „развелъ шпионовъ“, „хоръ шпионовъ“, „оркестръ шпионовъ“. Но гдѣ-же эти шпионы? Кто изъ нихъ и что именно доносилъ инспектору? Да и станетъ-ли опытный, заслуженный педагогъ,—а таковъ нынѣшній инспекторъ студентовъ,—это дѣлать? Да и нужны-ли инспектору шпионы изъ студентовъ, когда онъ имѣетъ въ своемъ распоряженіи не только помощниковъ своихъ, но и служителей инспекціи (педелей)? И помощники инспектора, и педела, по долгу службы, обязаны доносить инспектору о проступкахъ студентовъ. Я рѣшительно отвергаю возможность этого возмутительнаго факта и отношу слухъ о заведеніи и разведеніи шпионовъ инспекторомъ студентовъ къ числу злонамѣренныхъ вымысловъ. И дѣйствительно, самое преувеличенное число шпионовъ, выражающееся въ словахъ „хоръ шпионовъ“, „оркестръ шпионовъ“, такъ и звучитъ желаніемъ сказать красное словцо. Такимъ-же вымысломъ отдаетъ и отъ подробнаго разсказа о походеніяхъ студента К—я и о распростертыхъ объятіяхъ, чуть не поцѣлувъ инспектора студентовъ, о которомъ вообще говорятъ, что онъ слишкомъ гордъ и недоступенъ. Что инспекторъ обращаетъ вниманіе даже на мелкія нарушенія установленной для студентовъ формы, это служить лишь къ его чести,—онъ и обязанъ это дѣлать. Какъ педагогъ, онъ очень хорошо знаетъ, что мелкія нарушенія скоро и незамѣтно переходятъ въ крупныя, что, для избѣжанія крупныхъ нарушеній закона, необходимо не пропускать и мелкихъ нарушеній. Неужели лучше и похвальнѣе поступать такъ, какъ поступаетъ, по слухамъ, инспекторъ студентовъ другаго университета, который смотритъ сквозъ пальцы на проступки студентовъ, при случаѣ не прочь и выпить съ ними и который недавно, во время беспорядковъ въ томъ университетѣ, встрѣченъ былъ громкими рукоплесканіями сходки? Это-ли желательный инспекторъ студентовъ?

Изъ всего, что извѣстно о дѣятельности инспектора студентовъ казанскаго университета, нѣтъ ни единаго факта, обличающаго его виновность, заставляющаго видѣть, что онъ причина студенческихъ беспорядковъ.

Изъ обвиненій, возводимыхъ на инспектора, самое серьезное, это—двуератное исключеніе (лѣтомъ и осенью 1887 г.) студентовъ изъ университета безъ извѣстныхъ студентамъ и обществу

причинъ. Такія темныя, наружно-безпричинныя исключенія, по моему убѣжденію, не должны-бы имѣть мѣста. Я не сомнѣваюсь, что студенты исключены по основательнымъ причинамъ, въ такомъ случаѣ почему-же не объявить этихъ причинъ исключеннымъ? Есть, напримѣръ, слухъ или предположеніе, что студенты исключены будто-бы за то, что пѣли „Вѣчная память“ передъ квартирою попечителя 19-го февраля 1887 года; называютъ даже одного студента (изъ подвергшихся удаленію изъ университета еще въ 1882 г. и послѣ принятаго въ студенты), который дѣйствительно пѣлъ и могъ быть легко замѣченъ, какъ выдававшійся и голосомъ и ростомъ. Если это такъ, если студенты исключены за „Вѣчную память“, то слѣдовало-бы прямо объявить имъ это, потому что поступокъ, ими совершенный, ни въ комъ, надѣюсь, не напелъ одобренія; впрочемъ, объ этомъ фактѣ я скажу послѣ. Но относительно исключенія студентовъ трудно рѣшить вопросъ—кто былъ виною этого исключенія, и не безъ основанія можно предположить, что виновниками исключенія были сами исключенные: безъ вины не стали-бы исключать. Кроме того, слѣдуетъ замѣтить, что не исключеніе вызвало послѣдніе студенческіе беспорядки,—это можно утверждать положительно, потому что, если-бы исключенія были причиною или поводомъ къ беспорядкамъ, то объ этихъ исключеніяхъ было-бы заявлено въ одномъ изъ первыхъ пунктовъ петиціи студентовъ казанскаго университета. Но объ исключеніи студентовъ въ петиціи ни слова, тогда какъ по прежнимъ примѣрамъ слѣдовало-бы ожидать, что студенты станутъ требовать возвращенія исключенныхъ, какъ въ 1882 г., напримѣръ, требовали возвращенія студента Воронцова. Ясно, что объ исключенныхъ студентахъ инициаторы беспорядковъ 1887 г. и не думали.

Изъ обвиненій на инспекцію вообще, мнѣ кажется, болѣе всего заслуживаетъ вниманія слухъ о педеляхъ или служителяхъ инспекціи. Этому новому учрежденію трудно сочувствовать. И чѣмъ больше будетъ на педелей возлагаться обязанностей по надзору за студентами, тѣмъ болѣе можно ожидать неудобствъ. Педела получаютъ самое незначительное содержаніе, поэтому ихъ приходится выбирать изъ служителей, — они и называются служителями инспекціи, — т. е. изъ лицъ едва грамотныхъ. Можно-ли безъ опасенія поручать такимъ лицамъ хотя-бы малую

часть надзора за учащеюся молодежью развитою, которая и по возрасту и по степени образованія имѣетъ право на нѣкоторое вниманіе и уваженіе, — magna debetur puero (а тѣмъ болѣе juveni) reverentia, говоритъ педагогическій кодексъ. Какъ-же къ такимъ молодымъ людямъ приставить надсмотрщиковъ и дядекъ чуть не безграмотныхъ? Въ состояніи-ли такіа лица отнестись къ университетской молодежи должнымъ образомъ? Если трудно найти помощниковъ инспектора студентовъ, вполне пригодныхъ для точнаго и разумнаго исполненія возложенныхъ на нихъ обязанностей наблюденія за студентами, то какъ-же хотя-бы самую малую долю этихъ обязанностей возлагать на служителей? Наблюденіе-же за посѣщеніемъ студентами университета есть одна изъ самыхъ важныхъ и самыхъ щекотливыхъ обязанностей инспекціи, какъ гарантирующая спокойствіе университета, ибо только усердными занятіями студентовъ наукою и могутъ быть обезпечены порядокъ и спокойствіе университетовъ. Возложеніе этого наблюденія на педелей, хотя-бы въ формѣ осмотра вѣшалокъ, отведенныхъ для верхняго платья студентовъ, едва-ли удобно и практично. Отъ посѣщенія студентами университета зависитъ зачетъ полугодій, слѣдовательно, за этимъ необходимо совершенно добросовѣстное, вполне точное, чуждое всякихъ ошибокъ, наблюденіе. А ошибки такъ возможны. Я не представляю въ примѣръ рассказаннаго мною случая со студентомъ-филологомъ,—это случай исключительный, хотя и могущій повторяться по временамъ, потому что студенты могутъ оставлять свое верхнее платье въ музеѣ, въ кабинетахъ, въ лабораторіи, чтобы имѣть платье ближе къ себѣ, № вѣшалокъ этихъ студентовъ будутъ пустовать, а педеля отмѣчать студентовъ не посѣщающими университета.

Кромѣ того, обращу вниманіе на возможность частыхъ ошибокъ при такомъ способѣ провѣрки. Повѣряющее лицо обходитъ вѣшалки, помѣчаетъ какіе номера вѣшалокъ пусты; выводится заключеніе, что студенты, фамиліи которыхъ означены на этихъ номерахъ, не посѣщали университета въ этотъ день; а, между тѣмъ, они посѣщали университетъ и были на всѣхъ своихъ лекціяхъ, а номера ихъ на вѣшалкахъ найдены надсмотрщикомъ пустыми, потому что въ тотъ часъ, когда онъ дѣлалъ осмотръ, у этихъ студентовъ часы были свободны, лекцій не было, и

студентъ на свободный часъ уходилъ изъ университета. Для избѣжанія ошибокъ, лицо, осматривающее вѣшалки, должно имѣть при себѣ полный списокъ студентовъ, съ обозначеніемъ обязательныхъ для каждаго лекцій, и росписаніе лекцій, и, при осмотрѣ каждаго номера вѣшалки, справляться не свободенъ-ли этотъ часъ, въ который онъ осматриваетъ, у студента, хозяина пустаго номера вѣшалки. Но дѣлаютъ-ли такъ педагога?

При слухахъ объ образѣ дѣйствія педагоговъ невольно на мысль приходитъ вопросъ: „а что если дѣйствительно педагога, по чувству-ли самолюбія, задѣтаго неподаваніемъ студентами руки, или по корыстолюбію, намѣренно дѣлаютъ неправильныя донесенія инспектору? Согласитесь, что такая мысль возбуждаетъ тревогу. И невольно спросишь: можетъ-ли инспекторъ контролировать дѣйствія педагоговъ и можетъ-ли смѣло отвѣчать, что злоупотребленій со стороны педагоговъ не бываетъ и быть не можетъ? А если инспекторъ не можетъ ручаться за педагоговъ, то какъ-же отдавать, нѣкоторымъ образомъ, судьбу учащихся въ университетѣ молодыхъ людей въ руки безграмотныхъ или полуграмотныхъ приставниковъ?

Впрочемъ, хотя я и не сочувствую институту университетскихъ педагоговъ, но почитаю обязанностью заявить, что не поступки педагоговъ были причиною послѣднихъ студенческихъ беспорядковъ въ казанскомъ университетѣ. О педагогахъ не только въ петиціи, но и въ частныхъ разговорахъ на сходкахъ, по слухамъ, и рѣчи не было. Изъ предыдущаго видно, что инспекторъ и инспекція едва-ли могутъ быть признаны виновными въ беспорядкахъ студенческихъ.

Указываютъ еще на „одну изъ самыхъ главныхъ причинъ“ недовольства студентовъ и нынѣшняго студенческаго движенія, именно на „вѣдѣное и чудовищное“ положеніе о стипендіяхъ, благодаря которому въ петербургскомъ университетѣ изъ 100 стипендій на проценты съ капитала, пожертвованнаго въ Божѣ почившимъ государемъ императоромъ Александромъ II, замѣщено будто-бы только 30. Говорятъ, что стипендіи могутъ быть назначаемы только чрезъ полтора года послѣ подачи студентомъ прошенія или заявленія о желаніи получать стипендію. Справимся съ положеніемъ о стипендіяхъ и посмотримъ, справедливо-ли то, что говорятъ и въ чемъ видятъ причину студенче-

ских волнений. Точно-ли такъ нелѣпо положеніе о стипендіяхъ, какъ представляютъ.

Стипендіи, на основаніи § 4 правилъ о назначеніи стипендій, назначаются „тѣмъ даровитымъ студентамъ недостаточнаго состоянія, о поведеніи которыхъ будутъ даны одобрительные отзывы инспектора и о которыхъ будутъ представлены ходатайства факультетовъ, основанныя на успѣшности ихъ занятій въ теченіе полугодія и на результатахъ состязательныхъ испытаній“. Слѣдовательно, стипендіи могутъ быть назначаемы черезъ полгода послѣ поступленія студента въ университетъ. Это, по моему мнѣнію, совершенно правильно, потому что вообще желательно и справедливо, чтобы стипендіи давались дѣйствительно занимающимся студентамъ, а не назойливымъ лишь и неотступно просящимъ. Но на что-же, спросятъ, существовать бѣдняку, поступившему въ университетъ, первое полугодіе? Отвѣтъ на этотъ вопросъ дается § 5-мъ правилъ, который гласитъ: „Пособія могутъ быть назначаемы и лицамъ, только-что принятымъ въ университетъ, на основаніи представленныхъ ими аттестатовъ зрѣлости“. Что-же тутъ нелѣпаго, стѣснительнаго и чудовищнаго? Если правда, что въ петербургскомъ университетѣ изъ ста стипендій имп. Александра II заняты только тридцать, то это можетъ лишь указывать на недостаточное число студентовъ, дѣйствительно занимающихся и достойныхъ стипендій. Кто-же въ этомъ виноватъ: правила о стипендіяхъ или студенты?

Итакъ, самый главный пунктъ, которымъ будто-бы студенты бѣдняки болѣе всего недовольны и не могутъ не быть недовольными, при первомъ внимательномъ взглядѣ на дѣло, испаряется и оказывается вздутымъ. Странно, что толкуютъ о чудовищности правилъ о стипендіяхъ, когда и тѣни ничего чудовищнаго въ нихъ нѣтъ: не закрываютъ они дороги тѣмъ бѣднякамъ, которые поступаютъ въ университетъ съ желаніемъ заниматься наукою, а не съ цѣлью шумѣть, кричать и бить начальниковъ. Если хорошъ аттестатъ зрѣлости, то поступившему въ университетъ бѣдному юношѣ дадутъ пособіе тотчасъ по принятіи („только-что принятымъ“) въ студенты. Покажетъ онъ затѣмъ въ теченіе полугодія успѣшность въ занятіяхъ и выдержать хорошо состязательное испытаніе, ему назначутъ стипендію, которую онъ сохраняетъ и на слѣдующія полугодія, если, само собою раз-

умѣетъ, при отличномъ поведеніи будетъ продолжать оказывать успѣхи въ занятіяхъ, дающіе факультету основаніе ходатайствовать о продолженіи студенту этой льготы. Стоитъ немущему студенту вести себя отлично и учиться прилежно, и стипендія къ его услугамъ. Это очень рационально. Нельзя-же, въ самомъ дѣлѣ, выдавать стипендіи такимъ студентамъ, которые хотятъ пить, кутить, буянить и не учиться, и которые предъявляютъ претензіи на стипендію единственно въ силу своей бѣдности. Въ правилахъ о стипендіяхъ даже предусматриваются случаи оставленія стипендіи за студентомъ, которому не зачтено полугодіе: „если на незачетъ полугодія вліяли особыя обстоятельства, не зависѣвшія отъ воли получающаго стипендію (напримѣръ, болѣзнь и проч.), то, въ случаѣ ходатайства факультета и одобрительнаго о семъ студентѣ отзыва инспектора, правленіе можетъ ходатайствовать предъ попечителемъ о сохраненіи стипендіи“. Чего-же больше? Итакъ, положеніе о назначеніи стипендій составлено разумно и справедливо, — оно не могло и не можетъ быть причиною студенческихъ беспорядковъ.

„Гражданинъ“ заявляетъ, что во всякомъ студенческомъ волненіи надо искать профессора. Сколько мы ни искали его въ каз. университетѣ, но должны, положа руку на сердце, сказать: профессоровъ въ казанскомъ университетѣ, какъ и въ другихъ университетахъ, много; есть, конечно, не мало недовольныхъ новымъ уставомъ и отертыо заявляющихъ это недовольство, такъ какъ трудно-же профессору, пользовавшемуся льготами и корпоративными правами устава 1863 года, свыкнуться вдругъ съ уставомъ, отнявшимъ эти права, которыми профессоръ, безспорно, очень дорожили, хотя, по слабости человѣческой, и злоупотребляли ими; но профессоровъ, прямо мутящихъ и подстрекающихъ къ беспорядкамъ молодежь, я не знаю, не слыжалъ ни объ одномъ такомъ профессорѣ, хотя хорошо знакомъ съ университетскою средою.

XII.

Но, можетъ быть, недовольство новымъ университетскимъ уставомъ до того часто и горячо заявлялось профессорами въ присутствіи студентовъ, въ частныхъ бесѣдахъ съ ними, что, въ концѣ концовъ, возбудило крайнее раздраженіе между учащеюся въ университетѣ молодежью и привело ихъ къ петиціи объ отмѣнѣ новаго устава университетовъ и возвращеніи къ старымъ порядкамъ? За утвердительный отвѣтъ на этотъ вопросъ сильно говорятъ тотъ фактъ, что студенты въ своей петиціи 1887 года прямо заявляютъ о необходимости отмѣны новаго университетскаго устава, и то соображеніе, что новый уставъ для студентовъ не представляетъ никакихъ особенныхъ стѣсненій. Этимъ уставомъ, употребляю энергическое выраженіе одного профессора, „всѣ профессора какъ въ кулакъ сжаты“. Студенты, если судить по ихъ петиціи, недовольны подчиненіемъ ихъ инспекціи и формою. Они желаютъ подчиненія университетской коллегіи, чему нельзя не подивиться: еще такъ недавно, въ 1882 году, они заявляли въ петиціи-же полное порицаніе студенчества всей профессорской коллегіи. Они не желаютъ формы, но форма ихъ нисколько не стѣсняетъ, а только привела ихъ въ болѣе благообразный видъ. Стѣснить ихъ могло одно — увеличеніе платы, но возвышеніе платы—не плодъ устава, а позднѣйшее административное распоряженіе.

Поставленный мною выше вопросъ побуждаетъ насъ обратиться назадъ—во времени введенія нынѣ дѣйствующаго университетскаго устава.

Новый уставъ російскихъ университетовъ высочайше утвержденъ 23-го августа 1884 года. 8-го сентября того-же года великій скандалъ, безобразное буйство совершилось въ Кіевѣ въ день юбилейнаго торжества университета; но новый уставъ тутъ былъ не причемъ. Студенты кіевскаго университета призывались къ буйству ходившею по рукамъ гектографированною прокламаціею, въ которой говорилось о гоненіяхъ на все честное, о закрытіи лучшихъ журналовъ и библіотекъ и о томъ, что по этому поводу кто-то желалъ и надѣялся высказаться во время юбилея. „Явель былъ, говорить правительственное сообщеніе,

брошенный въ среду студентовъ умысль превратить академическій праздникъ въ противоправительственную демонстрацію. Въ толпѣ высказывалось рѣшеніе уничтожить всѣ выданные (для входа въ залу на юбилейное торжество) билеты и строго воспретить кому-либо изъ студентовъ являться на актъ, что и заявлялось въ гектографированныхъ прокламаціяхъ. „Во время акта, беспорядочная и безчинствующая толпа ходила по улицамъ съ крикомъ и шумомъ, пѣла „Вѣчную память“, „Со святыми упокой“, а затѣмъ какую-то пѣсню на мотивъ народнаго гимна“.

Отмѣтимъ здѣсь два факта: запрещеніе являться на актъ и пѣніе „Вѣчной памяти“, такъ какъ съ подобными фактами мы встрѣтимся и въ Казани. Изъ этихъ двухъ фактовъ особенно странно звучитъ пѣніе „Вѣчной памяти“ и „Со святыми упокой“. Кого отпѣвали студенты? На этотъ вопросъ, мнѣ кажется, можетъ служить отчасти отвѣтомъ слѣдующій рассказъ одного моего знакомаго, около того времени возвращавшагося изъ Вѣны. Вотъ что онъ рассказывалъ: „новое оригинальное ученіе выдумано нынче молодежью. Когда я ѣхалъ изъ Петербурга и приближался къ Москвѣ, въ нашъ вагонъ сѣло нѣсколько молодыхъ людей, повидимому студенты. Всѣ были веселы, одинъ лишь грустенъ. Онъ, какъ оказалось изъ разговоровъ, недавно потерялъ отца. Остальные молодые люди говорили ему: „и чего ты печалишься? Отецъ твой прекрасно сдѣлалъ, что умеръ: его очередь прошла, теперь твой чередъ жить и наслаждаться жизнью. Человѣкъ только до 55-ти лѣтъ можетъ пользоваться имуществомъ, которое онъ получилъ въ наслѣдство или приобрѣлъ, и наслаждаться жизнью. А кому стукнуло 55 лѣтъ, тотъ долженъ или самъ отказаться отъ своего имущества или должно отнять у него силою: 55-ти-лѣтній человѣкъ уже не можетъ приносить пользы обществу, потому долженъ имѣть минимумъ содержанія, чтобы только не умереть съ голода. Онъ не имѣетъ права наслаждаться жизнью, какъ человѣкъ совершенно бесполезный“. Какова теорія „молодой Россіи!“ Дожилъ до 55 лѣтъ, ступай въ чистую отставку; все, что приобрѣлъ, отдай другимъ, которые молоды и могутъ приносить пользу обществу, а ты, какъ старая, негодная кляча, останься на одномъ сѣнѣ, а до овса дотрогиваться не смѣй. Наслажденія жизненныя не для

тебя, ты отжилъ свой вѣкъ. Питайся самою скудною пищею, это удѣлъ людей старыхъ. Только до 55-ти лѣтъ ты можешь наслаждаться жизнью, а послѣ этого срока или умирай, что всего прекраснѣе, или не живи, а прозябай „минимальною“, какъ выражается молодежь, „жизнью“. Идя впередъ, это ученіе можетъ дойти до сознанія необходимости просто убивать прожившихъ 55 лѣтъ, какъ бесполезныхъ членовъ общества.

Кіевская молодежь, распѣвая „Вѣчную память“ и „Со святыми упокой“, не отпѣвала-ли всѣхъ тѣхъ, которые старѣе 55-ти лѣтъ и, слѣдовательно, по мнѣнію юношей, напрасно бременятъ землю?

Кіевскіе безобразники нашли себѣ подражателей въ Москвѣ, гдѣ, впрочемъ, полиція приняла энергическія мѣры тотчасъ-же. Въ Казани откликъ Кіеву выразился только въ какой-то прокламаціи будто-бы отъ имени студентовъ, приглашавшей общество заступиться за университетъ, „порабощенный и униженный“.

Несмотря на то, что въ казанскомъ университетѣ все было спокойно, въ обществѣ ходили слухи, что къ 5-му ноября, ко дню торжественнаго акта, что-то готовится, кого-то хотятъ освистать... Поэтому полиція сквозь пальцы смотрѣла на земляческіе вечера, держась того педагогическаго правила: чѣмъ-бы дитя не играло, лишь-бы не плакало; въ примѣненіи къ студентамъ, это правило звучало такъ: чѣмъ-бы студенты не тѣнились, лишь-бы не собирали сходокъ, не заводили смуты и безпорядковъ въ университетѣ. И студенты развлекались земляческими вечерами, на которыхъ, по слухамъ, дамамъ можно было быть только до 12 часовъ, а съ этого часа получала преобладаніе мертвецкая: студенты-земляки и не земляки пили и напились до безчувствія,—„студенчество гуляло“ и тѣшилось.

Сначала, повидимому, расчетъ полиціи оправдывался. Торжественный университетскій актъ 1885 г. прошелъ тихо и благополучно. 5-го ноября 1885 года актъ университета былъ, можно сказать, блестящій: громадное стеченіе публики, масса студентовъ, краснорѣчіе оратора, профессора всеобщей исторіи Н. А. Осокина, возбуждившее горячіе аплодисменты, все содѣйствовало успѣху акта, придавало ему обстановку не заурядную.

Но подъ этою блестящею внѣшностью уже скрывались зародыши тли и разложенія. Землячества дѣлали свое дѣло. „Между

студентами, говорили мнѣ, сложилась довольно крѣпкая организація, въ числѣ руководителей были исключенные прежде изъ университета, а потомъ вновь принятые, и постороннія лица. Студенты постепенно подѣлились на землячества, каждое землячество выбираетъ депутата, и эти депутаты считаются уполномоченными студенчества и управляютъ всѣми студентами. Депутаты собираются внѣ университета, и что они постановятъ, то и дѣлается“.

И вотъ, въ октябрѣ 1886 года недовольные попечителемъ округа за то, что онъ обусловилъ предполагавшійся 5-го ноября балъ въ пользу бѣдныхъ студентовъ неудобными, по ихъ мнѣнію, требованіями, на примѣръ, чтобы отнюдь не было мертвецкой, депутаты издали воззваніе, приглашавшее студентовъ не являться на торжественный университетскій актъ. Наканунѣ акта, 4-го ноября, по коридорамъ и аудиторіямъ университета бѣгали „дѣятели“ съ parole d'ordre: „на актъ не ходить“. Ослушникамъ грозили избиеніемъ. Только получавшимъ медали разрѣшено было явиться за полученіемъ ихъ.

И только получавшіе медали и явились на актъ 5-го ноября 1886 года; остальные студенты толпами ходили по улицамъ. Распоряженіе „депутатскаго собранія“ или, вѣрнѣе, вожаковъ изъ постороннихъ лицъ, руководящихъ депутатами, имѣло такую силу, что никто изъ студентовъ не смѣлъ ослушаться. Рассказываютъ, что студентъ N., сынъ одного изъ значительнѣйшихъ лицъ города, довелъ свою мать до дверей актовъ залы, но самъ тотчасъ-же ретировался домой. Даже студенты ветеринарнаго института не присутствовали на этомъ актѣ. Видно было, что студентами руководила опытная рука искуснаго колонновожатаго. Полиція, какъ говорили, нагнала въ актовую залу молодыхъ наборщиковъ изъ типографіи и мелкихъ чиновниковъ, чтобы публика могла счесть ихъ за студентовъ. Во время акта студенты толпами расхаживали по Воскресенской и другимъ улицамъ, а вечеромъ собирались въ портерныхъ для празднованія годовщины основанія университета. Въ одной изъ этихъ портерныхъ, носящей названіе „Фатерландъ“, собралось до 200 человекъ; были рѣчи, пѣлись пѣсни. Ночью къ зданію университета подходила толпа подпившихъ студентовъ, — число которыхъ стоустая молва, преувеличенно конечно, доводила до 500 человекъ, — орала пѣсни,

выбила окна въ кабинетѣ одного профессора. Толпа двинулась было по направленію къ квартирѣ попечителя учебнаго округа, дошла до дома Костливцева, но, увидѣвъ собранную у квартиры попечителя полицію, удалась. Толпа подходила къ редакціи „Волжскаго Вѣстника“. Одинъ изъ толпы, какъ говорили, взлѣзъ на крышу дома редакціи и, махая краснымъ шарфомъ, проревѣлъ: „vivat democratia!“ Профессоръ N. рассказывалъ мнѣ, что студенты получили откуда-то зажигательнаго свойства письмо, полагаютъ отъ технологовъ, что въ студенческой толпѣ были лица постороннія, поджигавшія студентовъ бить окна въ квартирахъ инспектора и попечителя, и что одинъ изъ этихъ постороннихъ кричалъ съ крыши редакціи „Волжскаго Вѣстника“: „vivat democratia!“ Слухи объ участіи въ студенческой толпѣ постороннихъ подстрекателей сильно были распространены, и потому съ вѣроятностью можно предположить, что вся демонстрація, столь смахивавшая на кievскую, только безъ чрезмѣрныхъ безобразій послѣдней, не обошлась безъ чуждаго вліянія. Особенно выходка на крышѣ редакціи мѣстнаго журнала невольно заставляетъ повторить слова правительственнаго сообщенія о кievскихъ беспорядкахъ: „явентъ брошенный въ среду студентовъ умыселъ превратить академическій праздникъ въ противопрavitельственную демонстрацію“.

Послѣ такихъ выходовъ университетское начальство естественно не желало устройства обычнаго бала въ пользу бѣдныхъ студентовъ; но балъ все-же былъ устроенъ стараніями одной изъ дамъ высшаго круга, и на этомъ балу была, какъ водится, и мертвецкая. На другой день послѣ бала разослано было ко всѣмъ профессорамъ довольно большое гектографированное письмо, въ которомъ выражалось недовольство студентовъ новымъ университетскимъ уставомъ, недовольство и профессорами за то, что они терпятъ уставъ, и предъявлялись на первый разъ два требованія: устройство студенческой читальной и открытія студенческой кассы. Это письмо, по слухамъ,—плодъ сходки, на которой собралось до 600 человекъ. Гдѣ была эта сходка и была-ли она подлинно—неизвѣстно. Слѣдуетъ замѣтить, что въ этомъ письмѣ студенты выражаютъ профессорамъ неудовольствіе за то, что „они терпятъ уставъ“. Ясно изъ этого: студенты находили, что профессорамъ мало и недостаточно энергично заявляли свое недо-

вольство новымъ уставомъ. Здѣсь мы видимъ, что не профессора студентовъ, а студенты или, вѣрнѣе, ихъ вожаки и руководители возбуждаютъ профессоровъ противъ новаго устава университетовъ.

Вечера по землячествамъ или въ пользу землячествъ до того расплодились и такъ часто устраивались, что, наконецъ, обратили вниманіе правительства и вызвали распоряженіе министра народнаго просвѣщенія, въ которомъ изложено, что до него дошло свѣдѣніе о земляческихъ вечерахъ, деньги съ которыхъ нерѣдко идутъ на противозаконныя цѣли, и потому предписывается отобрать отъ студентовъ подписки о томъ, что они не будутъ участвовать ни въ землячествахъ, ни въ другихъ недозволенныхъ обществахъ, что даже въ дозволенныхъ правительствомъ обществахъ, безъ дозволенія своего начальства, они не могутъ принимать участія. Это распоряженіе взводило было студентовъ, но ловкіе руководители и тутъ сейчасъ примѣнили свою іезуитскую практику. Депутатскимъ собраніемъ постановлено было подписки дать съ тѣмъ, чтобы не исполнять.

Депутаты продолжали дѣйствовать полновластно. Такъ, депутатами было рѣшено не являться 19-го февраля 1887 года въ университетъ, если будутъ лекціи. Лекцій не было. Въ университетской церкви на богослуженіи было всего студентовъ 30—40. А масса, человекъ въ 300, двинулась въ часъ пополудни на кладбище, чтобы отслужить панихиду въ 9-й день смерти врача Потѣхина, который ничѣмъ не былъ извѣстенъ, кромѣ того, что, по желанію, конечно, студентовъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда былъ студентомъ и состоялъ кассиромъ недозволенной студенческой кассы, внесъ принадлежащія студенческой кассѣ деньги, какъ-бы свои собственныя, въ общество вспоможенія бѣдныхъ студентовъ казанскаго университета, и такимъ образомъ составила „потѣхинская“ сумма краткосрочныхъ ссудъ. Панихида по Потѣхину была лишь предлогомъ, — какъ увидимъ, умыселъ иной тутъ былъ. Послѣ панихиды возвращавшаяся толпа передъ квартирою попечителя учебнаго округа, по однимъ слухамъ, остановилась, по другимъ — тихо прошла, причѣмъ громко пѣла „Вѣчную память“. Это была уже чистая демонстрація, и демонстрація грязнаго свойства, не обнаруживающая въ демонстрантахъ ни теплоты сердца, ни тѣни гуманности: толпа знала, что пѣла передъ квартирою человека боль-

наго, на котораго, конечно, такая, болѣе чѣмъ непристойная, выходка могла подѣйствовать весьма вредно. Куда дѣвалось благородство, столь свойственное юности? Можно съ увѣренностію сказать, что толпою руководили люди sans foi ni loi, способные на самыя рѣзкія, крайнія мѣры. Руководителями толпы могли быть и посторонніе злонамѣренные люди и студенты изъ крайнихъ, какіе обыкновенно и выбираются въ студенческіе представители, какъ наиболѣе предприимчивые и рѣшительные. Сколько было примѣровъ, что кассиры существовавшей прежде тайной студенческой кассы и бібліотекари студенческой бібліотеки, которая была открыта подъ фирмою частнаго лица, оказывались агентами подпольной шайки, у которыхъ захватывали цѣлыя сундуки противоправительственныхъ прокламацій. Организациія студенческихъ землячествъ, которыя, по слухамъ, продолжаютъ существовать, грозятъ бѣдою университетамъ, если заправилами этихъ землячествъ будутъ подобныя лица.

XIII.

Получены потрясающія извѣстія. Снова гидра брамолы поднимаетъ свою ядовитую голову. 1-го марта 1887 года, въ 11-ть часовъ, какъ извѣщаетъ правительственное сообщеніе, на Невскомъ проспектѣ арестованы три студента с.-петербургскаго университета съ разрывными снарядами. Арестованные показали, что они принадлежатъ къ тайному обществу. И число, и часъ, и снаряды ясно показываютъ страшный замыселъ повторить безпримѣрное злодѣяніе 1-го марта 1881 года. Когда-же окончатся эти ужасы? Когда священная для русскаго народа жизнь Монарха будетъ священною для всѣхъ подданныхъ? Когда учащаяся молодежь перестанетъ быть гнуснымъ и презрѣннымъ орудіемъ преступной воли революціонеровъ? Въ числѣ арестованныхъ былъ и Осипановъ, исключенный изъ казанскаго университета въ 1882 году и, къ сожалѣнію, опять принятый въ казанскій университетъ, а впоследствии перешедшій въ петербургскій. Снова разсылаются возмутительныя прокламаціи, приглашающія къ открытому возстанію. Страшное время! Берегитесь, учащіеся юноши! На васъ особенно

разсчитываютъ коноводы политической смуты, васъ стараются опутать своими сѣтями, развратить своими желчными софизмами и убійственной ложью.

На адресѣ с.-петербургскаго университета Государь Императоръ благоволилъ наложить такую резолюцію: „Благодарю с.-петербургскій университетъ и надѣюсь, что на дѣлѣ, а не на бумагѣ только, онъ докажетъ свою преданность и постарается загладить тяжелое впечатлѣніе, произведенное на всѣхъ учащемъ студентовъ въ преступномъ замыслѣ. Да благословитъ его Господь на все доброе“. Дай Богъ, чтобы полныя сердечности слова Государя дошли до глубины сердецъ студентовъ всѣхъ университетовъ, чтобы они всегда питали горячую, исторусскую преданность къ Августѣйшему Вождю народа русскаго.

Въ высшей степени горько и тяжело было мнѣ слышать слова извозчика-крестьянина: „а наши студенты, подлецы, опять, слышь, на царя бунтуютъ?“ И снова не могу не обратиться мыслію къ нѣмецкимъ студентамъ и не сравнить ихъ съ русскими. Студенты германскихъ университетовъ, въ день 90-ти-лѣтія императора, въ мартѣ мѣсяцѣ, дѣлаютъ восторженныя оваціи не только императору, но и Бисмарку, и Мольтке, а наши студенты, увы! поютъ „Вѣчную память“, и находятся между ними злодѣи-динамитчики, рыскающіе, какъ одержимые бѣшенствомъ, по Невскому проспекту съ разрывными снарядами, кровожадно стремясь къ пареубійству. Позоръ, позоръ! Стыдно и страшно за нашу учащуюся молодежь!

Съ 19-го февраля 1887 г. до окончанія учебнаго года въ казанскомъ университетѣ все, повидимому, было спокойно.

Послѣ экзаменовъ, когда студенты разъѣхались по домамъ, разнесся слухъ, что нѣсколько студентовъ, кажется, 15-ть, исключены изъ университета; затѣмъ, заговорили объ исключеніи еще 11-ти или 12-ти. Эти исключенія были непріятною неожиданностію и возбудили толки и неудовольствія. Старались узнать—почему исключены, но узнать положительно не могли, были лишь догадки, что исключены пѣвшіе „Вѣчную память“ передъ квартирою попечителя. Неудовольствіе противъ инспектора было возбуждено сильное, студенты во всемъ обвиняли инспектора, „онъ-де натравливаетъ попечителя на студентовъ“. Осенью слышно было про сходки въ частныхъ домахъ и на

лугахъ за рѣкою Казанкою; но лекціи начались тихо, спокойно. Начальство было, какъ и въ 1882 году, убаювано этимъ спокойствіемъ, — „казанскіе студенты, говорило студенческое начальство, такъ апатичны, что отъ нихъ никакого нарушенія порядка ожидать нельзя, — ничего быть не можетъ и внѣ университета, а ужъ въ стѣнахъ университета смѣло можно ручаться за спокойствіе.

Какъ ни утѣшительны были тишина и спокойствіе, съ которыми начались и происходили учебныя занятія въ казанскомъ университетѣ въ 1887/8 академическомъ году, но справедливость требуетъ замѣтить, что увеличеніе платы за слушаніе лекцій, — пунктъ весьма важный и существенный для большинства студентовъ, „безпричинный“, какъ ихъ называли, исключенія, наводившія панику и заставлявшія каждаго подумать: „пожалуй, и меня исключать“, и распространившееся между студентами и укоренившееся, хотя и безъ достаточныхъ основаній, недовольство инспекторомъ, — все это, вмѣстѣ, могло возбуждать опасенія за будущее спокойствіе университета. Хотя всѣ эти обстоятельства и не были настолько сильны, чтобы произвести взрывъ, иначе взрывъ послѣдовалъ-бы уже въ началѣ семестра, когда свѣжо еще было впечатлѣніе, произведенное исключеніями; но, при первомъ случаѣ, всѣми этими обстоятельствами легко могли воспользоваться такія лица, которыя устроили процессію мимо квартиры попечителя съ пѣніемъ „вѣчная память“, хотя эта процессія въ то время не только не вызывалась какими-нибудь поводами, но даже могла и должна-бы быть остановлена однимъ соображеніемъ о негуманномъ и безобразномъ свойствѣ этой выходки. Такъ какъ исторія университетовъ показываетъ, что демонстраціи, особенно въ послѣдніе годы, обыкновенно приурочивались ко дню акта, чтобы сдѣлать демонстрацію публичнѣе и грандіознѣе, то естественно было ожидать чего-либо 5-го ноября. Къ этому дню, дѣйствительно, готовилась прежняя молчаливая, но краснорѣчивая демонстрація со стороны студентовъ. Въ первыхъ числахъ ноября между студентами ходила и передавалась на лекціяхъ отъ студента къ студенту такая записка: „студенты, понимающіе все деморализующее вліяніе настоящаго управленія и желающіе быть послѣдовательными (вспомните прошлогодній актъ), приглашаются не являться на актъ и въ нынѣшнемъ году, желая показать свое презрѣніе къ этому торжеству. Большинство изъявило на это согласіе“.

5 ноября 1887 г., торжественный актъ казанскаго университета снова блисталъ отсутствіемъ студентовъ. Вечеромъ былъ балъ въ пользу недостаточныхъ студентовъ въ дворянскомъ собраніи. Дали имъ залу съ условіемъ, чтобы, кромѣ чаю, никакихъ напитковъ не было. Согласились. А какъ начался балъ, послали спросить, — нельзя-ли, молъ, къ чаю рому и коньяку. Не разрѣшено. Тогда они ухитрились пронести водку въ зельтерскихъ бутылкахъ въ такомъ изрядномъ количествѣ, что перепились на славу, разбили двѣ двери и шкафъ. Выходцы изъ мертвецкой, пошатываясь, показывались и на площадѣ и въ залѣ, а къ концу бала, въ шинельной, просто валялись, какъ мертвыя тѣла. Очевидно, студенты этимъ безшабашнымъ пьянствомъ демонстрировали противъ запрещенія не только имѣть мертвецкую, но и вообще водку и пиво, и противъ распоряженія ограничиваться чаемъ. Университетское начальство, видно, опасалось чего-то: на актѣ и на балу не было ни попечителя, ни инспектора, а на балѣ и помощника попечителя не было. Около квартиры попечителя стояли пѣшіе и конные полицейскіе. Все было на чеку. *Malà omnia.*

24-го ноября между студентами въ университетѣ ходило слѣдующее гектографированное опредѣленіе студентскаго суда надъ студентомъ К. К—ымъ М—мъ: „судъ, вслѣдствіе данныхъ ему полномочій, постановилъ: студента М—ва за употребленіе присланныхъ изъ Симбирска денегъ съ разрѣшенія инспектора, но безъ разрѣшенія студенчества, за бытность на актѣ и другіе безчестныя поступки—не допускать ни къ какому студентскому учрежденіямъ, знакомство съ нимъ считать стыдомъ для студента, и если его оскорбятъ, студенчество защищать его не будетъ“.

Изъ этого гектографированнаго объявленія было очевидно, что существуетъ какой-то незаконный судъ студентскій, дѣйствующій „вслѣдствіе данныхъ ему полномочій“, вѣроятно, студентами или, вѣрнѣе, депутатами землячества. Этотъ судъ произноситъ и объявляетъ, во всеобщее свѣдѣніе студентовъ, приговоръ надъ студентомъ М. за исполненіе имъ приказаній инспектора, за присутствіе на торжественномъ актѣ и пр., приговоръ чистаго отлученія отъ сообщества студентовъ, нѣчто въ родѣ херима еврейскихъ кагаловъ.

Какъ приглашеніе о неявѣ на актъ, такъ въ особенности постановленіе студентскаго суда — дурныя предзнаменованія, указывающія, что приближается смута...

XIV.

Когда объявлялся приговоръ самозваннаго казанскаго студенческаго суда надъ студентомъ М., въ Москвѣ уже происходили студенческіе беспорядки. 4-го декабря въ нашихъ мѣстныхъ газетахъ появилась телеграмма слѣдующаго содержанія:

„Въ Правительственномъ Вѣстникѣ напечатано: „22-го ноября сего года ¹⁾, въ Москвѣ, въ залахъ (россійскаго) благороднаго собранія во время концерта (съ благотворительною цѣлію даннаго) въ пользу недостаточныхъ студентовъ (и фонда оркестра и хора московскаго университета), студентъ 3-го курса юридическаго факультета Синявскій, въ то время, когда инспекторъ студентовъ шелъ по одной изъ залъ, сзади приблизился къ нему и нанесъ оскорбленіе дѣйствіемъ. Синявскій былъ (тутъ-же) арестованъ (а концертъ продолжался и окончился въ полномъ порядкѣ). Возмутительный фактъ грубаго насилія (совершенный въ тому-же въ обстановкѣ, требовавшей со стороны студентовъ, являвшихся какъ-бы хозяевами вечера, усиленнаго порядка и вѣжливости относительно собравшейся публики) долженъ былъ, повидимому, возбудить взрывъ негодованія (со стороны молодежи, имѣющей честь принадлежать къ старѣйшему изъ русскихъ университетовъ). Къ сожалѣнію, часть студентовъ, по началу незначительная, отнеслась сочувственно къ недостойному поступку товарища и, побуждаемая лицами, постоянно и вездѣ ищущими смуты, задумала устройство сходки на университетскомъ дворѣ во вторникъ 24-го ноября. (Получивъ заблаговременно свѣдѣнія о мѣстѣ и времени сходки, московскій) генералъ-губернаторъ принялъ необходимыя мѣры (къ предупрежденію нарушенія порядка). Собравшаяся на Моховой близъ зданія стараго университета толпа около 800 человекъ, состоявшая главнымъ образомъ изъ студентовъ университета, нѣсколькихъ воспитанниковъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній и праздныхъ жителей, была своевременно остановлена; университетскія ворота были закрыты и (прибывшій на мѣсто беспорядка, по приказа-

¹⁾ Въ скобкахъ я помѣщаю подлинныя слова правительственнаго сообщенія, пропущенныя телеграммою, которая передала сообщеніе съ пропускомъ нѣкоторыхъ существенныхъ мѣстъ.

нію генераль-губернатора,) оберъ-полицеймейстеръ убѣждал собравшихся разойтись. Толпа держала себя сдержанно (обѣщала исполнить обращенное къ ней приглашеніе), но не расходилась. Тогда сотня казаковъ была вызвана и поставлена ¹⁾ на нѣкоторомъ разстояніи. Обращенное вслѣдъ затѣмъ приглашеніе прекратить недовольное сборище было немедленно исполнено. Въ то-же время въ университетѣ значительное большинство студентовъ совершенно спойно продолжало слушаніе профессорскихъ лекцій, и только человекъ около двухъ сотъ самовольно прекратили занятія и вышли на университетскій дворъ съ цѣлью образовать сходки. Приглашенные въ актовую залу ректоромъ университета, они, поначалу, шумно требовали смѣны инспектора и безнаказанности своего поступка, но послѣ категорическаго заявленія попечителя учебнаго округа, что нарушеніе порядка безнаказаннымъ остаться не можетъ, и что степень взысканія будетъ зависѣть отъ ихъ дальнѣйшаго поведенія, они подчинились требованію попечителя разойтись изъ университета и оставить свои билеты у находившагося тутъ-же ректора. Казалось-бы, что не имѣвшее повода возбужденіе должно было затихнуть, но подстрекаемая неблагонамѣренными товарищами, та-же часть студентовъ возобновила на слѣдующій день попытку организовать сходку близъ университетскихъ клиникъ по Рождественскѣ и 26-го (числа)—на нарышкинскомъ проѣздѣ близъ Екатерининской больницы, гдѣ занимается 5-й курсъ студентовъ-медиковъ, вовсе не принимавшихъ участіе въ этомъ неосмысленномъ движеніи. Попытку у Рождественскихъ клиникъ удалось прекратить безпрепятственно, сходку-же у Екатерининской больницы, въ виду упорства собравшихся, пришлось разсѣять движеніемъ жандармовъ и полиціи, причемъ (какъ оказалось по собраннымъ совершенно точнымъ свѣдѣніямъ) никому не (было) нанесено увѣчій или тяжкихъ поврежденій. Въ виду не прекращавшихся беспорядковъ, генераль-губернаторъ призналъ необ-

¹⁾ Въ текстѣ правительственнаго сообщенія, послѣ слова „приглашенія“, сказано: „но не приводила въ исполненіе обѣщанія. Тогда, вслѣдствіе требованія генераль-маіора Юрковскаго, заранѣе приготовленная сотня казаковъ была вызвана, по распоряженію генераль-губернатора князя В. А. Долгорукова, и остановлена“.

ходимымъ немедленно арестовать и выслать на мѣсто родины или проживанія родителей студентовъ, уже заранѣе обратившихъ на себя вниманіе своею неблагонадежностью и вредно вліявшихъ на товарищей въ данномъ случаѣ. Въ свою очередь, правленіе университета исключило 27 студентовъ, замѣченныхъ въ подстрекательствѣ и въ появленіи на всѣхъ предполагавшихся сходкахъ. Исключенные студенты (по распоряженію генераль-губернатора князя В. А. Долгорукова, были тогда-же) арестованы и подвергнуты удаленію изъ столицы. (Озабочиваясь немедленнымъ водвореніемъ порядка и признавая мѣры увѣщанія относительно студентовъ уже исчерпанными), генераль-губернаторъ еще въ четвергъ 26-го ноября находилъ полезнымъ временное прекращеніе университетскихъ занятій, но „получивъ точныя свѣдѣнія отъ университетскаго начальства, что около 2,500 студентовъ изъ 3,544 человекъ продолжаютъ спокойно посѣщать лекціи (и не желая обращать на невинныхъ кару, заслуженную ихъ товарищами), временно призналъ возможнымъ не настаивать на приведеніи въ исполненіе этого предположенія. (Въ пятницу) 27-го числа среди бывшей до того спокойной части студентовъ появилось возбужденіе, какъ слѣдствіе злоумышленно распускаемыхъ слуховъ о мнимой смерти двухъ студентовъ, будто-бы пострадавшихъ при разсѣяніи сродки у Бѣатерининской больницы. Никакія мѣры увѣщанія (попечителя и ректора университета, ссылавшихся на безусловное удостовѣреніе генераль-губернатора, что ничто подобнаго не существовало, предлагавшихъ назвать имена мнимо-умершихъ, и когда таковыя назывались, представлявшихъ безспорныя доказательства нелѣпности вымысла,) не достигали цѣли. (Въ субботу) 28-го (числа) слухи эти овладѣли всѣми слушателями новаго университета, прекратившими учебныя занятія и окончательно вышедшими изъ предѣловъ повиновенія. (Наступилъ тотъ психическій моментъ, когда толпа утрачиваетъ всякую способность разумнаго пониманія и не подчиняется уже болѣе никакому убѣжденію). Попечитель (учебнаго округа довелъ до свѣдѣнія генераль-губернатора о происходящемъ въ университетѣ и, получивъ согласіе его сіятельства), вошелъ съ ходатайствомъ къ министру народнаго просвѣщенія о временномъ прекращеніи лекцій и занятій во всѣхъ университетскихъ зданіяхъ и елиникахъ.

(По полученіи согласія его высокопревосходительства дѣйстви- тельнаго тайнаго совѣтника Делянова, въ понедѣльникъ утромъ) 30-го ноября въ университетѣ были временно прекращены заня- тія впредь до особаго распоряженія.

(Нарушеніе порядка значительною частью студентовъ москов- скаго университета, составляя по себѣ печальное явленіе, выз- вало необходимость твердаго образа дѣйствій. Малѣйшая попытка итти дальше въ этомъ направленіи будетъ немедленно подавлена распоряженіемъ мѣстной администраціи. Самое-же временное прекращеніе лекцій въ университетѣ даетъ возможность обду- маться студентамъ, потерявшимъ способность трезваго обсужде- нія ничѣмъ не вызванныхъ обстоятельствъ и вмѣстѣ съ тѣмъ постановленія со стороны университетскаго начальства тѣхъ условій, при коихъ будетъ признано возможнымъ возобновленіе временно приостановленныхъ занятій)“.

Грустно читать это повтореніе казанскихъ волненій 1882 г. съ нѣкоторыми видоизмѣненіями и въ несравненно большемъ размѣрѣ. То-же оскорбленіе лица начальствующаго, то-же тре- бованіе удаленія его отъ должности, тѣ-же уличныя демонстра- ціи, тѣ-же ложные слухи объ убійствѣ студентовъ, все то-же, только въ увеличенномъ масштабѣ, такъ какъ число слушателей московскаго университета болѣе чѣмъ втрое больше, чѣмъ въ казанскомъ. Несмотря на то, что въ началѣ хотѣли подѣйстви- вать мягкими мѣрами, убѣжденіемъ, увѣщаніями, зарвашіеся студенты не внимали увѣщаніямъ, пришлось прибѣгнуть даже къ движенію жандармовъ и полиціи, для разогнанія упорной сходы, и, въ концѣ концовъ, принята та-же мѣра, какъ и въ Казани въ 1882 году, прекращены временно занятія во всѣхъ университетскихъ зданіяхъ и клиникахъ, т. е. временно закрытъ университетъ.

Жаль мнѣ моей alma mater. Старѣйшій изъ русскихъ уни- верситетовъ! Что дѣлаютъ съ тобою теперешніе сыны твои! Какому поруганію, какому позору тебя подвергаютъ! Ты яв- ляешься зачинщикомъ беспорядковъ,—пожалуй, еще сдѣлаютъ изъ тебя подстрекателя...

Нельзя не пожалѣть, что правительственное сообщеніе пере- дано телеграммою съ существенными сокращеніями. Къ числу такихъ сокращеній я отношу опущеніе мѣръ, которыя прини-

масы были попечителемъ и ректоромъ для убѣжденія студентовъ въ ложности слуховъ о смерти двухъ изъ нихъ. Особенно существенно было-бы знать студентамъ другихъ университетовъ конецъ сообщенія со словъ „Нарушеніе порядка“, потому что этотъ конецъ ясно указываетъ, что правительство признаетъ необходимость твердаго образа дѣйствій и что малѣйшая попытка со стороны студентовъ повлечетъ немедленно подавленіе этой попытки силою. Такого рода правительственныя сообщенія должны передаваться съ буквальной точностью, а не измѣняться и сокращаться по произволу телеграфнаго агентства.

Можно было ожидать, что беспорядки, бывшіе въ московскомъ университетѣ, отразятся и на другихъ. Развезенные въ разные стороны исключенные студенты московскаго университета разнесутъ заразу и по другимъ университетамъ, а стерегущіе вампиры снова съ наслажденіемъ вопьются въ кровь учащейся молодежи... Мои опасенія, къ сожалѣнію, сбылись. Въ тотъ-же день, въ который въ Казань пришла телеграмма, заключавшая выше прописанное правительственное сообщеніе, начались беспорядки и въ казанскомъ университетѣ и начались самымъ буйнымъ, неистовымъ взрывомъ.

4-го декабря 1887 года студенты казанскаго университета, у которыхъ была первая лекція (10-й часъ), мирно пришли въ университетъ; все было тихо, какъ обыкновенно. Ничто не предвѣщало чего-либо особеннаго. Прослушавъ первую лекцію, нѣкоторые, у которыхъ 11-й и 12-й часъ лекцій не было, сходили домой и около 12-ти часовъ совершенно спокойно шли на 4-ю лекцію (1-й часъ); но, въ крайнему удивленію, подходя къ университету, увидѣли множество полицейскихъ у параднаго входа университета, толпу народа и услышали два многозначительныхъ слова: „тамъ сходка“.

Сходка образовалась неожиданно-негаданно, но, очевидно, была подготовлена ранѣе. По рассказамъ очевидцевъ, около 11-ти часовъ пришла въ парадныя сѣни университета небольшая толпа студентовъ изъ курильной; толпа постепенно увеличивалась. Студентъ-еврей П. что-то говорилъ въ кучкѣ. Нѣкоторые слышали слова: „уже 150 человекъ исключено“. Этотъ студентъ П. три раза ходилъ къ инспектору спрашивать у него, за что его арестуютъ. Вышедши въ третій разъ отъ инспектора, онъ

хлопнулъ рука объ руку и крикнулъ: „готово!“ По этому возгласу, толпа, какъ опалѣвшая, съ визгомъ, крикомъ, гамомъ бросилась по нижнему коридору. Въ этой толпѣ, по слухамъ, было не мало выпившихъ, какъ и въ 1882 году. Инспекторъ, вышедшій на этотъ шумъ, разставилъ руки, преграждая дорогу толпѣ, и сказалъ: „куда, господа, куда? Не ходите“. Его оттолкнули, по другимъ показаніямъ, даже ударили. Буйная толпа съ дикими криками и взвизгиваніями пронеслась мимо него, вбѣжала по лѣстницѣ и помчалась по верхнему коридору къ актовому залѣ. Инспекторъ слѣдовалъ за толпою; къ нему въ верхнемъ коридорѣ присоединился помощникъ инспектора Войцеховичъ. Войдя въ залу, инспекторъ прошелъ въ средину толпы и обратился къ нимъ съ словами: „господа, именемъ закона приглашаю васъ разойтись“. На это ему закричали: „вонъ, вонъ!“ Инспекторъ еще разъ предложилъ разойтись. Раздались дикіе вопли: „бей его, бей!“ И произошла такая сумятица, что, по рассказамъ, позеленѣло въ глазахъ у всѣхъ: и у дѣйствовавшихъ, и у терпѣвшихъ, и у свидѣтелей. Что произошло—порядкомъ никто рассказать не въ состояніи. Одинъ безспорный фактъ констатированъ самимъ пострадавшимъ инспекторомъ студентовъ: студентъ Константинъ Алексѣевъ ударилъ его сзади кулакомъ по лицу около глаза; инспекторъ схватилъ ударившаго за рукавъ и, оборотившись, сказалъ: „вы за это отвѣтите“. Затѣмъ была, говорятъ, чистая свалка: нѣсколько человѣкъ бросилось на инспектора, ему нанесено нѣсколько ударовъ, но кто билъ—этого ни инспекторъ, ни свидѣтели не знаютъ. Помощникъ инспектора Войцеховичъ, у котораго, какъ и у другихъ, позеленѣло въ глазахъ, только одно замѣтилъ — летящее тяжелое кресло, которое онъ успѣлъ подхватить рукою, рука была разрѣзана. Онъ не замѣтилъ даже, что онъ самъ чуть не упалъ, вѣроятно, отъ удара или толчка,—это ему послѣ сказали служители, поддерживавшіе его. Педеламъ и служителямъ тоже порядкомъ досталось. Инспекторъ, благодаря своей крѣпкой натурѣ, успѣлъ выбраться. Студенты рассказываютъ, будто онъ пробивался кулаками, щедро расточая удары, но это, конечно, вымышлено съ цѣлью показать, что между студентами и инспекторомъ была „взаимная драка“. Несомнѣнно и фактически вѣрно, что толпа, влетѣвшая въ залу, была раздражена и

разъярена до крайности, что такой дикой, буйной сходки еще не было, что служителя боялись, какъ-бы не убили инспектора, потому что на него поднято было нѣсколько стульевъ и кресель. Изъ какого числа состояла сходка въ этотъ бурный періодъ—никто опредѣленно сказать мнѣ не могъ. Одни говорятъ 50, другіе—100, третьи—отъ 150 до 200.

Значительное большинство студентовъ негодуютъ на эту кулачную расправу и утверждаютъ, что это не было предположено, что студенты хотѣли мирно, безъ всякаго шума, требовать отмѣны новаго устава, возвращенія устава прежняго и разныхъ льготъ.

Есть разсказъ, идущій, вѣроятно, отъ партіи беспорядка, что студенты бросали жребій—кому ударить инспектора студентовъ, что жребій выпалъ студенту еврею, принимавшему жаркое и дѣятельное участіе въ устройствѣ сходки, но что вынужшій жребій взмолился, просилъ освободить его, говоря: „на насъ, евреевъ, и безъ того воздвигнуто гоненіе, а если теперь я нанесу оскорбленіе инспектору, такъ пойдутъ новыя репрессіи на все наше и безъ того гонимое племя“. Его освободили, снова бросили жребій и на этотъ разъ жребій достался Алексѣеву. Есть и другая вариация, по которой положено было сходками добиваться своего; если инспекторъ будетъ препятствовать, отстранить его, если кому вздумается его ударить — не препятствовать.

Сходка устроена казанскими студентами по воззванію, полученному отъ студентовъ московскихъ, которые приглашали казанскихъ присоединиться къ ихъ петиціи и возстать за ихъ убитыхъ товарищей. При воззваніи прислана и копія петиціи, которая принята казанскими студентами.

Устроители смуты озаботились тотчасъ-же привлечь къ участию въ беспорядкахъ и студентовъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній: духовной академіи и ветеринарнаго института. 4-го декабря студентъ университета Ю—ій пріѣзжалъ въ ветеринарный институтъ и въ духовную академію приглашать студентовъ на сходку въ университетъ. Студенты духовной академіи (въ академію принимаются лучшіе воспитанники семинаріи), какъ люди развитые и солидные, прошедшіе большею частью тяжелую школу бѣдности и лишеній, отвѣчали на легкомысленный призывъ

полнымъ достоинства молчаніемъ. Высокопреосвященный Павелъ, архіепископъ казанскій и свѣяжскій, оцѣнилъ благородное поведеніе студентовъ академіи и благодарилъ ихъ лично за то, что они такъ превосходно держали себя въ смутное время.

Не такъ поступили студенты ветеринарнаго института, умственный цензъ которыхъ не такъ высокъ; въ ветеринарный институтъ принимаются прошедшіе шесть гимназическихъ классовъ или окончившіе курсъ реального училища. 4-го декабря въ ветеринарномъ институтѣ назначена была защита диссертациі на степень магистра. Сошлись профессора, собрались студенты... Только-что директоръ института позвонилъ въ волокольчизъ, подавая тѣмъ знакъ, что засѣданіе открывается, вышелъ студентъ, подошелъ къ столу и, подавая сложенную бумагу, произнесъ: „петиція отъ студентовъ“.— „Отъ кого?“ , спросилъ директоръ.— „Отъ всѣхъ, отъ всѣхъ!“ крикнули студенты. Директоръ понявъ въ чемъ дѣло, предложилъ студентамъ очистить залу. „Въ третью аудиторію!“ , послышался командующій голосъ, и студенты, выйдя изъ залы, пошли въ аудиторію, гдѣ устроились сходки, и студентъ С—въ взлѣзъ на столъ и сталъ держать рѣчь. Директоръ отправился съ донесеніемъ къ попечителю учебнаго округа, а исполнявшій обязанности инспектора вошелъ въ третью аудиторію и три раза предлагалъ сходкѣ разойтись. Послѣ третьяго раза студентъ С—въ со сжатыми кулаками подбѣжалъ къ нему и съ остервенѣніемъ закричалъ: „уйдете-ли вы? Я васъ въ прахъ разобью, если вы будете вмѣшиваться!“ Исполнявшій обязанности инспектора удалился. Вскорѣ изъ университета явился депутатъ, студентъ Ю—ій, звать студентовъ ветеринарнаго института на сходку въ университетъ. Ветеринары тотчасъ-же двинулись, въ числѣ 70—80 человекъ, въ университетъ. Очевидецъ этого движенія довольно картинно рассказывалъ, какъ до 80 студентовъ-ветеринаровъ массою двигались съ Грузинской улицы къ Воскресенской, какъ у входа въ университетъ имъ заградила дорогу полиція, но „они разметали полицію и прорвались“...

Со своими студентами сходки не церемонились: они просто вторгались въ аудиторію, несмотря на присутствіе тамъ профессоровъ, читавшихъ лекціи, кричали: „на сходку!“ и если студенты не быстро отвѣчали на этотъ призывъ, силою тащили на

сходку; если какой студентъ бѣжалъ отъ усердныхъ алгвазиловъ сходки, его преслѣдовали, хватали и снова тащили въ актовую залу ¹⁾). Одинъ студентъ математическаго факультета М. былъ два раза схватываемъ и увлекаемъ: первый разъ—когда увлекли весь курсъ, слушавшій профессора С.; другой разъ, когда вырвавшійся студентъ М. успѣлъ убѣжать, добѣжалъ до шинельной и надѣвалъ уже пальто, его опять схватили, притащили въ залу, гдѣ была сходка, посадили на стулъ и двое сѣли на него Единственное средство освободиться отъ насилія партіи сходки было запереться отъ нихъ. Такъ, напримѣръ, пять студентовъ историко-филологическаго факультета, по просьбѣ ихъ, были заперты въ музей и оставались тамъ во все время шума, крика и гвалта.

Оскорбленный дѣйствіемъ инспекторъ лично донесъ ректору о случившемся. Ректоръ тотчасъ-же пришелъ въ университетъ. Когда онъ поднимался по лѣстницѣ, до него доносился страшный шумъ и гамъ. Помощникъ инспектора и служителя инспекціи говорили ему: „не ходите, ваше превосходительство“. Служителя прибавляли: „тамъ не хорошо, насъ избилъ“. — „Ваше превосходительство, шепчетъ одинъ служитель въ растерянности и въ избыткѣ усердія осмѣливаясь коснуться до превосходительнаго рукава, — не ходите туда... тамъ страшно... убить могутъ...“. Конечно, ректору было жутко на первыхъ порахъ, этого онъ и самъ не скрываетъ, но долгъ призывалъ его идти туда, гдѣ „страшно“. Когда онъ вошелъ въ залу, шумъ былъ страшный. Возвысивши голосъ, насколько позволяла его слабая грудь, онъ сказалъ: „я пришелъ пригласить васъ разойтись,

¹⁾ Одного студента, маленькаго роста, напоили и пьянаго до безчувствія привели въ университетъ 4-го декабря. Вѣдяга, растопыривъ руки, бродилъ какъ угорѣлый по коридору, бормоча: „куда они, подлецы, меня привели? Куда?“ Есть слухъ, что и Алексѣева-то понли передъ отправленіемъ на сходку.

Другаго студента, котораго своими трудами содержала сестра и довела, наконецъ, до университета, увлекли на сходку, и онъ былъ исключенъ потому. Несчастная сестра, посвятившая всю жизнь воспитанію своего младшаго брата, чуть съ ума не сошла. Сколько оставшихся неизвѣстными драмъ происходило въ семьяхъ, сколько жертвъ насилія и терроризма партіи безпорядка, считавшей дозволенными всякія средства для достиженія своихъ цѣлей!

II. III.

иначе я вынужденъ буду прибѣгнуть къ горькой мѣрѣ призвать полицію и войско“. Этихъ словъ, сказанныхъ ректоромъ, видимо, студенты сходки не слышали, потому что бывшіе на сходкѣ, передавая разговоръ ректора со студентами, этихъ словъ не передаютъ. Студенты аплодировали ректору,—это фактъ, но за что—неизвѣстно. Нѣкоторые студенты подошли къ ректору и заявили, что студенты желаютъ поговорить съ нимъ. Онъ отвѣчалъ: „я не прочь поговорить съ вами, но я могу говорить только тогда, когда установится тишина: при шумѣ говорить невозможно“. Тогда они сами стали устанавливать порядокъ. Сначала отозваны были студенты, взобравшіеся на кафедру, потомъ стали кричать: „тише, тише!“ Мало по малу порядокъ и тишина установились. Около кафедры, на которую взошелъ ректоръ, образовался полукругъ. Тогда къ ректору обратился одинъ студентъ со словами: „просимъ насъ выслушать и принять петицію“. — „Я заранѣе знаю, сказалъ имъ ректоръ, чего студенты желаютъ. Вы желаете, конечно, права сходокъ, студенческаго суда, студенческихъ кассы, бібліотеки, бухгалтерской и проч.“. — „Нѣтъ, въ нашей петиціи есть и другое кое-что, взгляните“. Ректоръ развернулъ петицію и, прочитавъ первыя слова ея: „собрала насъ сюда невозможность русской жизни вообще и студенческой въ частности“, обратился къ студентамъ „съ цѣлою лекціею о правахъ и обязанностяхъ гражданъ“; объяснивъ имъ, что граждане имѣютъ установленныя закономъ права и обязанности, что каждый можетъ по закону просить за себя лично, а за другихъ лишь по уполномочію, онъ спросилъ: „кто-же уполномочивалъ васъ заявлять и входить съ ходатайствомъ о невозможности русской жизни вообще?“

Въ продолженіе длинной рѣчи ректора случались перерывы, по временамъ слышались отдѣльные голоса, возраженія. Ректоръ при этомъ останавливался и заявлялъ, что онъ можетъ говорить только при полной тишинѣ, и тишина снова восстанавлилась. Одинъ перерывъ обратилъ особенное вниманіе студентовъ и рассказывался ими съ нескрываемымъ удовольствіемъ. Когда ректоръ говорилъ о необходимости для cadaго гражданскаго общества порядка и законности, медикъ 5-го курса Ш. сдѣлалъ ему такой вопросъ: „а вотъ, ваше превосходительство, гдѣтомъ исключены у насъ 15 человекъ, позвольте-же спросить,—за что?“

Ректоръ отвѣчалъ, что причина исключенія ему неизвѣстна. „Въ порядкѣ-ли это, продолжалъ студентъ Ш., что начальнику университета, ректору, неизвѣстно за что исключаютъ студентовъ?“ Самый большой и длинный перерывъ былъ произведенъ въбжавшею въ залу толпою студентовъ-ветеринаровъ: вошедшіе были встрѣчены рукоплесканіями, а по другимъ разговорамъ—даже братскими объятіями и поцѣлуями студентовъ сходили.

Студенты заявили ректору желаніе говорить съ профессорами. Ректоръ на это ихъ желаніе замѣтилъ, что, во-первыхъ, онъ не видитъ въ этомъ необходимости, во-вторыхъ, всѣхъ профессоровъ до 60-ти,—когда-же можно ихъ собрать, если даже ректоръ и согласится послать къ нимъ повѣстки. „Мы подождемъ хоть до вечера“, отвѣтили на это студенты.

Во время этихъ переговоровъ вошло въ залу нѣсколько профессоровъ, которые и пожелали вступить въ бесѣду со студентами. Послѣ прихода профессоровъ, а по нѣкоторымъ—до прихода ихъ, студенты сказали ректору, что слѣдовало-бы пригласить въ залу и тѣхъ студентовъ, которые внизу устроили сходку. Ректоръ былъ такъ внимателенъ, что самъ лично сходилъ внизъ ¹⁾ и пригласилъ въ актовую залу какъ студентовъ нижней сходки, такъ и другихъ студентовъ, находившихся внизу. Такимъ образомъ, бесѣда профессоровъ происходила съ собраніемъ студентовъ гораздо болѣе многочисленнымъ, чѣмъ была первая набуянившая и прибывшая инспектора сходка. И началась „задушевная“ („gemüthliche“) бесѣда. Нѣкоторые профессора обращались съ рѣчами къ студентамъ, одинъ даже отъ лица всѣхъ профессоровъ. Понятно, что эти рѣчи выслушивались тоже не безъ перерывовъ, столь естественныхъ при возбужденномъ состояніи студентовъ и при содержаніи рѣчей, въ которыхъ профессора старались условить, призвать къ порядку студентовъ. Такъ, когда одинъ студентъ сказалъ, что всѣ университеты закрыты, профессоръ В—въ возразилъ: „я считаю долгомъ заявить, что петербургскій университетъ не закрыть.

¹⁾ Лично ему приходилось идти за студентами потому, что ни членовъ, ни служителей инспекціи не было тутъ: инспекція вся удалилась веру, одни, говорятъ, по собственному желанію, другіе—по приказанію ректора, основанному будто-бы на заявленіи студентовъ, которые требовали удалить инспекцію.

Мой отецъ, профессоръ и деканъ петербургскаго университета, писалъ мнѣ, что тамъ студенческихъ безпорядковъ не было". Вышелъ родной братъ профессора, студентъ В—въ, и заявляетъ: „братъ говорить неправду. Профессоръ умалчиваетъ о столкновении профессоровъ петербургскаго университета съ ректоромъ". На это профессоръ В—въ отвѣтилъ: „я говорилъ о студенческихъ безпорядкахъ, которыхъ въ петербургскомъ университетѣ не было, а то, о чемъ братъ говорить, къ дѣлу не относится". Другой болѣе рѣзкій перерывъ произведенъ ветеринаромъ С—мъ. Этотъ ораторъ, вожакъ студентовъ ветеринаровъ, по поводу рѣчи одного профессора, громко замѣтилъ: „у насъ, въ ветеринарномъ институтѣ, профессора заодно съ инспекціею", на что профессоръ —въ возразилъ ему: „профессоровъ не нужно смѣшивать съ инспекціею, съ которою они не имѣютъ ничего общаго" ¹⁾. На это возраженіе С—въ крикнулъ: „всѣ профессора шпионы". При этихъ словахъ, переговаривавшійся съ ветеринаромъ С—мъ, профессоръ обратился къ другимъ профессорамъ и сказалъ: „послѣ этого намъ здѣсь дѣлать нечего". И профессора двинулись изъ залы. Студенты закричали: „просимъ, просимъ остаться". На С—ва всѣ напали, и онъ объявилъ, что беретъ свои слова назадъ. Профессора остались. Выслушавъ рѣчи профессоровъ, студенты объявили: „такъ какъ ни ректоръ, ни профессора не даютъ намъ надежды, что наши требованія будутъ исполнены, то мы оставляемъ университетъ", и стали класть свои билеты на столъ и на кафедру. Было уже около 4-хъ часовъ. Ректоръ снова напомнилъ, что пора разойтись. „Мы разойдемся сейчасъ, только насъ, пожалуй, перехватаютъ, когда мы будемъ уходить". Ректоръ успокоилъ ихъ: „не перехватаютъ. Я сейчасъ самъ сдѣлаю распоряженіе. Я пойду, а вы сохраняйте порядокъ". Ректоръ пошелъ внизъ и сказалъ находившимся тамъ полицеймейстеру и инспектору, что сейчасъ студенты будутъ выходить черезъ парадный входъ, такъ чтобы не мѣшать имъ выходить и не задерживать ихъ. Инспекторъ на это сказалъ, что студенты первой сходи у него всѣ замѣчены.

¹⁾ Заявленіе весьма прискорбное, особенно въ виду того, что оно сдѣлано публично, на студенческой сходкѣ. Для блага и спокойствія университета совершенно необходимо, чтобы профессорская корпорація была солидарна съ инспекціею.

Возвратившись въ залу, ректоръ объявилъ студентамъ, что они могутъ уходить. Сходка разошлась почти въ 4 часа пополудни, слѣдовательно бесѣда ректора и профессоровъ со студентами продолжалась болѣе 3½ часовъ. И въ продолженіе всего этого времени никто—ни ректоръ, ни профессора не коснулись самаго больнаго мѣста сходки: ни полслова не было сказано о совершенномъ студентами преступленіи, объ ихъ буйствѣ и оскорбленіи инспектора дѣйствіемъ. Какъ могли понять это студенты? Такъ-ли, что это фактъ, о которомъ говорить не стоитъ, или такъ, что инспектору по-дѣломъ досталось? Чтò могли подумать студенты, когда впоследствии сдѣлалось извѣстнымъ, что профессора не сдѣлали никакого заявленія инспектору, не изъявили собогѣзнованія и прискорбія по поводу нанесеннаго ему буйною толпою оскорбленія? Въ какихъ-бы далекихъ отношеніяхъ ни были профессора къ инспектору студентовъ, но для пользы университета, для поддержанія принципа власти, положительно обязательно было для нихъ сдѣлать такое заявленіе,—это мое искреннее убѣжденіе. Не могу при этомъ не прибавить, что во время послѣднихъ студенческихъ беспорядковъ выдалась всеѣмъ въ глаза рознь между ректоромъ и большинствомъ профессоровъ съ одной стороны и попечителемъ, инспекторомъ студентовъ и меньшинствомъ профессоровъ съ другой. Эта рознь крайне вредитъ дѣлу успокоенія университета, вредитъ и то сочувствіе, которое открыто заявляется многими профессорами къ пострадавшимъ студентамъ, т. е. къ исключеннымъ,—сочувствіе, выражающееся, между прочимъ, въ отзывѣ профессоровъ, что исключены—де изъ университета самыя лучшія, даровитыя головы. Такъ-ли это? Не вѣриѣ-ли сказать,—самыя горячія, безразсудныя, не дорожація университетомъ и наукою? Слышно, профессора благодарили ректора за то, что онъ „спасъ“ университетъ, что онъ взморомъ „прекратилъ сходку“.

Студенты не ограничились возвращеніемъ билетовъ на сходкѣ, многіе стали подавать прошенія объ увольненіи изъ университета. Первымъ подавшимъ прошеніе былъ, говорятъ, сынъ купца-милліонера. И при возвращеніи билетовъ, и при подачѣ прошеній не обошлось безъ насилія и гнета со стороны партій беспорядка. У одного студента вытащили билетъ изъ кармана насильно и вмѣстѣ съ другими билетами вручили ректору.

Бѣдный студентъ чуть съ ума не сошелъ, все кричалъ: „билетъ мой, билетъ!“ Его научили сходить къ ректору и рассказать откровенно какъ все случилось; ректоръ возвратилъ ему билетъ. Подъ прошеніями заставляли подписываться то силою, то обманомъ, увѣряя, напримѣръ, что ректоръ совѣтуетъ подавать прошеній какъ можно больше, „въ такомъ случаѣ ничего не будетъ, всѣхъ не исключать“, а то и просто подписывались за другихъ. Даже по квартирамъ студентовъ ходили партизаны смуты и съ угрозою принуждали выдавать билеты или подписывать прошенія, и нѣкоторые уступали „по товариществу“. Отецъ одного студента, служащій по учебному вѣдомству, говорилъ мнѣ: „и ко мнѣ навѣдывались. Жаль, что меня не было дома, я - бы ихъ отдѣлалъ“. Самый фактъ выманиванія различными средствами билетовъ или подписей подъ прошенія не доказываетъ-ли слабость и малочисленность партіи безпорядка, въ которой, по слухамъ, большую, чуть не главную, роль играли евреи.

Средствомъ подстрекательства къ безпорядкамъ служило, между прочимъ, распусканіе слуховъ о закрытіи университетовъ. О закрытіи московскаго университета узнали изъ телеграммы 4-го декабря. Въ тотъ-же день на сходкѣ уже говорили о закрытіи петербургскаго ¹⁾ и варшавскаго университетовъ; на другой день заговорили, и съ увѣренностію, о закрытіи университетовъ дерптскаго, харьковскаго, одесскаго и кіевскаго.

Между тѣмъ, только 12-го декабря получена была телеграмма слѣдующаго содержанія: „въ теченіе минувшей недѣли получены извѣстія о безпорядкахъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ въ Харьковѣ, Одессѣ и Казани. Въ харьковскомъ технологическомъ институтѣ слушатели собрали сходку и оказали неповиновеніе распоряженію начальства, а 3-го декабря студенты въ числѣ 30-ти человекъ выбѣжали внезапно изъ аудиторіи на улицу и, соединясь, по предварительному сговору, съ кучкою технологовъ и ветеринаровъ, произвели буйство, выбивъ стекла въ нижнемъ этажѣ зданія; въ новороссійскомъ университетѣ 2-го декабря

¹⁾ 10-го декабря мы прочитали въ газетахъ, что въ петербургскомъ университетѣ съ 4-го декабря начались семестровыя испытанія; стало-быть, занятія въ этомъ университетѣ продолжаютъ и слухъ о закрытіи былъ ложный. Таковымъ-же оказался слухъ о закрытіи университетовъ варшавскаго, дерптскаго и кіевскаго.

составилась сходка студентовъ, мѣшавшая чтенію лекцій и требовавшая съ шумомъ отміны дѣйствующаго устава университетовъ; наконецъ, въ Казани, 4-го декабря, толпы студентовъ университета и ветеринарнаго института образовали шумныя сходки, причемъ студенты университета предъявили то-же требованіе, что и въ Одессѣ. Во время сходки студентъ Константинъ Алексѣевъ нанесъ оскорбленіе дѣйствіемъ инспектору студентовъ. Занятія въ этихъ трехъ университетахъ и въ харьковскомъ технологическомъ институтѣ приостановлены. Сопоставленіе многихъ обстоятельствъ ясно свидѣтельствуеетъ, что во всѣхъ этихъ безпорядкахъ дѣйствуютъ подстрекательства злонамѣренныхъ людей¹⁾.

Уже 8-го декабря прочитали мы слѣдующее: „Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, въ 5-й день сего декабря, высочайше соизволилъ на отдачу студента казанскаго университета Алексѣева Константина, за нанесеніе оскорбленія дѣйствіемъ инспектора студентовъ сего университета, въ одинъ изъ дисциплинарныхъ баталіоновъ военнаго вѣдомства на три года“. Слѣдовательно, Алексѣевъ подвергнутъ тому-же наказанію, какъ и студентъ московскаго университета Синявскій, ударившій инспектора.

4-го декабря, послѣ нанесенія Алексѣевымъ удара инспектору, студенты хотѣли, говорятъ, его скрыть, но онъ самъ явился къ полицеймейстеру, со слезами раскаявался въ своемъ проступкѣ и просилъ прощенія, явился также и къ начальнику жандармскаго управленія, писалъ письмо къ инспектору. На допросѣ онъ, по слухамъ, далъ обстоятельное показаніе. Въ этомъ показаніи онъ подробно, на трехъ листахъ, съ обозначеніемъ фамилій, рассказалъ о предварительныхъ сходкахъ и собраніяхъ землячества, кто былъ предсѣдателемъ сходокъ, землячества, студенческаго суда и т. п.

Устрашающихъ слуховъ было много. На основаніи этихъ слуховъ на дворѣ полиціи былъ наготовѣ баталіонъ солдатъ, съ заряженными ружьями; въ пустомъ домѣ противъ квартиры попечителя учебнаго округа, начиная съ 4-го декабря, долгое время стоялъ тоже баталіонъ, а самая квартира день и ночь охранялась полицейскими пѣшими и конными¹⁾. До распущенія

¹⁾ Интересно, какъ понимали полицейскіе эту охрану. Идетъ офицеръ мимо квартиры попечителя учебнаго округа, видитъ полицейскихъ и спра-

ужасающихъ слуховъ извѣстная партія охоча: уже спустя долгое время послѣ беспорядковъ, опять разнеслись слухи о какомъ-то недобромъ замыслѣ, готовящемся сначала на 19-ое февраля, а потомъ на 1-ое марта. И снова, и на дворѣ полиціи, близъ университета, и противъ квартиры попечителя стояло, говорятъ, по баталіону съ заряженными ружьями, а болѣе разнуданные языки прибавляли: „и съ пушками“.

Распущеніемъ грозныхъ слуховъ не довольствуются, но, какъ и въ 1882 г., грозятъ смертію. 29 декабря помощникъ попечителя М. Малиновскій показывалъ мнѣ письмо, въ которомъ грозятъ его убить. Письмо написано мужскою рукою. Сочинитель письма называетъ студентовъ товарищами, а „Масленикова“ (попечителя учебного округа) именуетъ „содругомъ“ Малиновскаго ¹⁾.

XV.

Вся обстановка казанскихъ студенческихъ беспорядковъ 4-го декабря — это буйство, этотъ терроръ, эти ужасающіе слухи, эта угроза смертію и, наконецъ, дѣятельное участіе въ беспорядкахъ исключенныхъ изъ казанскаго и другихъ университетовъ ²⁾,

шиваетъ у унтеръ-офицера: что вы тутъ стоите? „А вотъ, ваше благородіе, караулимъ, чтобъ значитъ не ушелъ“.—Кто?—„А вонъ генералъ, что вверху живетъ. Онъ что-то набѣдоуриль со студентами. Вотъ насъ и приставили, чтобъ ни шагу ему не позволяли ступить. Вотъ и стоимъ день-нощю, боимся, какъ-бы не далъ стрелкача. Когда намердись къ самому губернатору его возили къ допросу, такъ четверо конныхъ его стерегли, т. е. ни шагу отъ кареты не отступали“. Такъ трагическое перемѣшивается въ жизни съ комическимъ.

П. III.

¹⁾ Нужно-же такое совпаденіе: въ тотъ самый день, когда М. А. Малиновскій получилъ безыменное письмо, угрожающее ему смертію, въ его квартирѣ, неясно отъ чего, треснуло большое зеркало, и премудрый дворникъ, увидѣвъ это, пренаивно замѣтилъ: „Покойникъ будетъ“. Понятно, какое впечатлѣніе должны были произвесть эти простодушные слова на хозяина квартиры, у котораго въ карманѣ было письмо, грозившее смертію.

²⁾ На сходкѣ были, говорятъ, два исключенныхъ изъ казанскаго университета дѣятеля сходки 29-го октября 1882 года. Затѣмъ, мнѣ рассказывали такой случай. Инспекторъ студентовъ замѣтилъ, что какой-то молодой человекъ высокаго роста, красивый, постоянно проходитъ, а иногда и останавливается передъ окнами его квартиры, окруженный студентами. Онъ узналъ, что это студентъ петербургскаго университета, исключенный отсюда за без-

а равно и постороннихъ лицъ, одновременные безпорядки въ технологическомъ и ветеринарныхъ институтахъ, все приводитъ къ убѣжденію, что эта смута — далеко не часто-студенческое дѣло, что ни новый университетскій уставъ, ни инспекція, ни профессора—виною безпорядковъ, а что инициатива послѣдней студенческой смуты идетъ извнѣ, что инициаторы—чужіе люди, мутящіе студентовъ изъ-за своихъ цѣлей, ничего общаго съ университетомъ не имѣющихъ. Самое начало нынѣшней студенческой петиціи говоритъ въ пользу нашего предположенія. Что собрало на сходки студентовъ въ концѣ 1887 года? „Собрала насъ сюда, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ студенческая петиція, не что иное, какъ невозможность русской жизни вообще и студенческой въ частности“. Невозможность русской жизни вообще,—этотъ пунктъ, стоящій, такъ сказать, во главѣ студенческой петиціи, ясно показываетъ, что это дѣло—не чисто-студенческое, а общенародное дѣло не студентовъ, а радѣтелей объ общемъ благѣ.

Петиція университетскихъ студентовъ требуетъ отмѣны нынѣшняго университетскаго устава. Зачѣмъ-же студенты приглашали къ участію въ своемъ дѣлѣ и студентовъ академіи духовной, и студентовъ ветеринарнаго института? Зачѣмъ въ смутѣ принимали участіе и харьковскіе технологи? Ясно, что сущность дѣла заключалась не въ отмѣнѣ университетскаго устава, а въ чемъ-то другомъ, общемъ для всѣхъ. Петиція ветеринарныхъ студентовъ—сколокъ съ петиціи студентовъ университетскихъ. Но ветеринары поняли, однако, что имъ въ своей петиціи не-

порядка. Инспекторъ обратилъ на этого субъекта вниманіе полицеймейстера Тотъ пригласилъ этого господина къ себѣ и спрашиваетъ: Позвольте спросить, кто вы такой?—„Я бывший студентъ петербургскаго университета“ (называетъ свою фамилію).—Вы здѣшній или имѣете родственниковъ?—„Нѣтъ“.—Зачѣмъ-же вы здѣсь, въ Кавани?—„А я сочувствую студенческому движенію, недоволенъ теперешнимъ уставомъ, такъ какъ самъ пострадалъ изъ-за него и теперь раздѣляю дѣло казанскихъ студентовъ, былъ и на сходкѣ 4-го декабря“.—Я васъ попрошу, говоритъ полицеймейстеръ, немедленно выѣхать изъ Кавани.—„Ну нѣтъ, я не могу исполнить вашей просьбы. Я останусь здѣсь“.—Въ такомъ случаѣ васъ вышлютъ.—„Это—другое дѣло. Это вы можете сдѣлать, если считаете себя въ правѣ, но самъ я не выѣду“.—Само-собою разумѣется, его выслали, но сколько ала онъ могъ сдѣлать до высылки, по своей ловкости и смѣлости.

П. III.

удобно требовать отъ нынѣ дѣйствующаго университетскаго устава. Чего-же имъ требовать взаимнѣ того? Вотъ тутъ они и запутались; они требуютъ въ своей петиціи „общаго устава для всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній“ (gizum tepeatis, amicis). Интересно-бы знать, чего требовали харьковскіе технологи. Петиція студентовъ университета, касаясь, между прочимъ, возбужденнаго ихъ неудовольствіе циркуляра министра народнаго просвѣщенія относительно пріема въ гимназіи и прогимназіи, имѣла въ виду закупить сочувствіе общества, недовольнаго этимъ распоряженіемъ; а требуя возвращенія столь дорогаго профессорамъ устава 1863 года съ профессорскою инспекціею и съ отсутствіемъ формы, которую давно не долюбиваютъ профессора и не соблюдаютъ, подавая тѣмъ дурной примѣръ студентамъ, авторы петиціи, очевидно, могли рассчитывать на вполне сердечный отзывъ профессоровъ. Потому-то студенты сходивъ такъ и добивались бесѣды съ профессорами: они мечтали, можетъ-быть, что профессора, прочитавъ ихъ петицію, тотчасъ соединятся съ ними, пойдутъ рука объ руку, такъ что студенческая сходка и петиція обратятся въ сходку и петицію студенческо-профессорскую. Но... ихъ ожидало горькое разочарованіе: профессора въ значительномъ большинствѣ и не показались на сходку, да и пришедшіе къ нимъ въ залу профессора явились лишь для того, чтобы убѣдить ихъ въ непрактичности и въ неосуществимости ихъ требованій. Студенты разочаровались, но еще не вполне. Все-же они надѣялись, что большинство профессоровъ откликнется сочувственно на ихъ петицію, и 4-го декабря вечеромъ у входа въ университетъ стояла большая толпа студентовъ, ожидая конца засѣданія университетскаго совѣта, происходившаго въ тотъ день. Толпа была увѣрена, что, по крайней мѣрѣ, тридцать профессоровъ подадутъ въ отставку. Но, увы! Они, студенты, массами отдавали свои билеты и подавали прошенія объ увольненіи изъ университета, а изъ профессоровъ ни одинъ не подалъ прошенія въ отставку. Какъ-же имъ было не жаловаться въ своемъ прощальномъ листѣ ¹⁾, что

¹⁾ Гектографированные прощальные листы, мастерски, по отзыву студентовъ, написанные, разбрасывались отъѣзжающими изъ Казани исключенными студентами. Къ сожалѣнію, я не могъ достать ни одного такого листа.

изъ университета они ничего не выносятъ, что профессора не сообщали имъ знаній, которыя могли-бы уврачевать общественныя недуги русскаго народа, а преподавали имъ лишь науку— для науки.

А многимъ пришлось проститься съ университетомъ. Однихъ исключенныхъ, говорятъ, болѣе 70-ти человекъ, да сколько еще подали прошенія объ увольненіи и выдали свои билеты, не желая оставаться въ университетѣ. О замѣченныхъ въ безпорядкахъ студентахъ инспекторъ представлялъ попечителю съ подробнымъ обозначеніемъ ихъ вины, и на основаніи этого донесенія попечитель назначалъ имъ взысканія. По словамъ одного профессора, замѣченные студенты раздѣлены были на 4 категоріи: одни исключены, другіе удалены, третьи уволены съ предварительнымъ выговоромъ, четвертые наказаны карцеромъ или выговоромъ. По его словамъ, изъ казанскаго университета исключено болѣе, чѣмъ изъ какого-либо другаго. Въ обществѣ недовольны способомъ исключенія: „исключаетъ попечитель по представленію инспектора, стало-быть исключаетъ инспекторъ, т. е. наказываетъ студентовъ лице, потерпѣвшее отъ нихъ и, слѣдовательно, естественно раздраженное“. Возмущались еще тѣмъ, что, будто, исключено нѣсколько такихъ студентовъ, которые не были на сходеѣ и могутъ доказать свое alibi, а нѣкоторые даже и представили доказательства. Нѣтъ сомнѣнія, что исключеніе произведено со всевозможною осмотрительностію; но, въ виду того, что инспекторъ студентовъ потерпѣлъ на сходеѣ, вѣрнѣе было-бы предоставить судъ надъ виновными студентами, согласно уставу, правленію университета.

Масса исключенныхъ весьма затрудняла отсылку ихъ. „Просто почти голые, только пледы у нихъ,—какъ ихъ отправлять въ такое видѣ?“ Пришлось доставать полушубки, добиваться уменьшенной платы за провозъ. Открыли подписку „въ пользу пострадавшихъ“,—студенты ходили по домамъ съ подписными листами.

Сцены прощанія съ отъѣзжающими имѣли различный характеръ. Отдѣльными отправки происходили тихо и грустно. Мнѣ рассказывали, напр., такую сцену. Идутъ два студента по Николаевской площади, мимо ихъ проѣзжаетъ три тройки съ вывозимыми изъ города студентами, исключенными изъ университета. „Прощайте, товарищи, не унывайте“, кричатъ отъѣзжающіе.

Оставшіеся продолжали свой путь, грустно опустивъ головы. Тяжелое чувство возбуждается этимъ прощаніемъ увлеченной молодежи съ своими товарищами, которымъ они много навредили своимъ увлеченіемъ, своимъ безхарактернымъ слѣдованіемъ по проторенной другими дорожкѣ. Зато прощаніе отъѣзжающихъ массою было иного рода. По словамъ весьма почтеннаго лица, бывшаго очевидцемъ, — „два дня на Воскресенской улицѣ противъ полиціи было полное безобразіе, студенты господствовали. Толпы человѣкъ въ 200—300 толпились около полиціи, встрѣчая и провожая отъѣзжавшихъ студентовъ аплодисментами и криками „ура“; сидѣло на саняхъ по нѣсколько человѣкъ, и все было пьяно, пѣли пѣсни, бросали какіе-то листы; а далѣе у магазина Ипатова дѣйствовали дамы благотворительницы, подъ предводительствомъ супруги очень виднаго лица: онѣ закупили у Ипатова водки, вина и закуски и бросали кульки въ сани отъѣзжающихъ студентовъ. Словомъ, это было что-то въ родѣ триумфа исключенныхъ“. Передъ отъѣздомъ исключенныхъ студентовъ, когда они содержались въ полиціи, тамъ были, говорятъ, такія выпивки и такое угощеніе, что одинъ изъ студентовъ, явившійся въ полицію и отдавшій себя въ руки правосудія уже въ день отъѣзда, увидѣвъ это пированіе, выразилъ сожалѣніе въ такихъ словахъ: „эхъ я дуракъ, дуракъ! Зачѣмъ я не явился сюда раньше!“ Угощали не только отъѣзжающихъ, но и прощавшихся съ ними. Угощеніе производилось насчетъ сочувствующей публики, наславшей въ полицію „въ пользу пострадавшихъ“ всего—и водки, и вина, и закусокъ, и пироговъ, и жаренаго. *Est modus in rebus*. И благотворительности должны быть границы: ложно направленная благотворительность приноситъ болѣе вреда, чѣмъ пользы. Намъ кажется, что общество своимъ чрезмернымъ вниманіемъ и своею выходящею изъ границъ приличія благотворительностію сбиваетъ съ толку нашу университетскую молодежь, и безъ того не отличающуюся сдержанностію, внушая ей, что публика сочувствуетъ даже пьянству молодежи и производимымъ ею беспорядкамъ и буйству. Воля ваша, а устраивать балъ въ пользу бѣдныхъ студентовъ, давать для этого залу дворянскаго собранія, заранѣе зная и опытомъ многихъ лѣтъ убѣдившись, что на этомъ балу непременно будетъ мертвецкая и пьяное безобразіе—сдва-ли похвально. Не только не похвально,

но едва-ли простиительно угощать до пьяна исключенных за буйство студентовъ и снабжать ихъ на дорогу не необходимымъ, какъ-то: теплымъ платьемъ и средствами для пропитанія и проѣзда, а именно средствами для кутежа—винами и закусками. Неужели это рациональная, заслуживающая одобренія благотворительность? Благотворящіе такимъ образомъ не поддерживаютъ-ли своимъ сочувствіемъ студенческіе беспорядки,—эту язву, подтачивающую благосостояніе нашихъ университетовъ, мѣшающую заниматься и тѣмъ, которые хотятъ учиться? Въ казанскомъ университетѣ учебныя занятія были приостановлены съ 5-го декабря по 28-е января.

XVI.

Возвратимся къ поставленному въ началѣ вопросу: гдѣ-же искать причины студенческихъ беспорядковъ 1887 года? Что причина беспорядковъ въ университетахъ не внутренняя: ни уставъ, ни инспекція, ни профессоры, очевиднымъ доказательствомъ тому служить участіе въ этихъ беспорядкахъ воспитанниковъ другихъ высшихъ учебныхъ заведеній и беспорядки въ то-же время въ харьковскомъ технологическомъ институтѣ, происшедшіе самостоятельно, безъ вліянія студентовъ университета. Въ Харьковѣ, какъ показываетъ правительственное сообщеніе, не студенты университета—технологовъ, а, наоборотъ, технологи привлекли студентовъ университета къ участію въ беспорядкахъ.

Познакомившись ближе со студенческими беспорядками, даже „Гражданинъ“, столь рѣшительно обвинявшій въ студенческихъ беспорядкахъ профессоровъ, въ № 19 (1887 г.) вынужденъ былъ высказать слѣдующее: „само собою разумѣется, что послѣ, когда разразились беспорядки, кое-гдѣ постарались примазаться къ нимъ разнаго рода темные люди, съ умысломъ воспользоваться беспорядками, чтобы „шалости обратить въ преступленіе“. Казанская сходка 4-го декабря показала, что темные люди „примазались“ къ студентамъ не послѣ, „когда разразились беспорядки“, а прежде, съ самаго начала, и чрезъ это шалость,—употребляю болѣе чѣмъ деликатное выраженіе „Гражданина“,—обращается

въ преступленіе съ самаго-же начала, при организаціи, такъ сказать, сходки. До сходки студенты сговаривались вести дѣло мирнымъ путемъ. Ректоръ, кажется, наканунѣ, т. е. 3-го декабря, получилъ безыменное письмо, извѣщавшее, что готовится миролюбивая сходка. Инспекторъ еще утромъ 4-го декабря докладывалъ ректору словесно, что слушатели ректора— юристы желаютъ, какъ онъ слышалъ, о чемъ-то поговорить съ ректоромъ въ залѣ. И вдругъ вмѣсто миролюбивой сходки, вмѣсто вѣжливыхъ, мирныхъ переговоровъ съ ректоромъ, собравшаяся 4-го декабря толпа студентовъ, по знаку студента-еврея, бросается, какъ толпа дикарей, съ визгомъ, крикомъ и гамомъ, отбрасываетъ инспектора, пробовавшаго остановить ихъ, и, влетѣвъ въ актовую залу, наноситъ инспектору оскорбленіе дѣйствіемъ въ самой грубой формѣ. Факты опровергаютъ заявленіе „Гражданина“: не послѣ, не тогда, когда разразились беспорядки въ казанскомъ университетѣ, а прежде этихъ беспорядковъ, съ самаго начала, не дѣятельными лишь участниками, но инициаторами явились темные люди, давшіе предполагавшемуся тихому и миролюбивому собранію студентовъ характеръ буйной, преступной сходки. Противъ очевидности спорить трудно, и сами казанскіе студенты, упорно стоявшіе на томъ, что ихъ движеніе самостоятельное, вытекшее изъ внутреннихъ причинъ, ни въ 1882 году, ни въ 1887 году не отрицали, что на сходкахъ были постороннія лица, подстрекавшія студентовъ.

Кто-же эти лица? Кто эти „темные люди?“ Кто эти „незримые актеры“, замѣченные еще въ 1861 году? Отвѣтъ можетъ быть одинъ: *cui prodest*, тѣ, кому это на руку, кому это полезно. „Не можетъ быть сомнѣнія, говорить „Новое Время“ (отъ 30-го декабря 1887 года), насчетъ того, что всѣ подобныя (т. е. университетскія) исторіи очень на руку людямъ, мечтающимъ о политической смутѣ въ Россіи, и было-бы даже странно, если-бы эти люди не сдѣлали попытки такъ или иначе примазаться къ университетскимъ беспорядкамъ, чѣмъ-бы ни были вызваны послѣдніе“. А развѣ для „Новаго Времени“ покажется страннымъ, если-бы эти люди сдѣлали попытку вызвать университетскіе беспорядки, а не примазаться лишь къ нимъ, когда они уже произошли? Я сказалъ уже выше, что темные люди, являвшіеся на студенческихъ сходкахъ 1882 и 1887 гг. и, по

показаніямъ самихъ студентовъ, подстрекавшіе ихъ къ беспорядкамъ—тѣ, кому это на руку, т. е. люди, не мечтающіе лишь о политической смутѣ, но и производящіе великую смуту, однимъ словомъ, крамольники, революціонеры, число которыхъ, думаемъ, незначительно, но дерзость необъятна. Если-же, на основаніи фактовъ, нельзя не признать участія революціонеровъ въ студенческихъ волненіяхъ въ самомъ началѣ, то почему нельзя ихъ признать инициаторами студенческихъ беспорядковъ? „Мы не удивлялись-бы, говоритъ „Новое Время“, и тому, если-бы заграничная нигилистическая камарилья стала похваляться, что именно она подготовила и вызвала беспорядки въ университетахъ“. Приведенные мною факты ясно доказываютъ, что заграничныя изданія нигилистовъ и крамольниковъ, выставляя революціонныхъ агентовъ инициаторами студенческихъ волненій, вѣрнѣе представляютъ дѣло, чѣмъ нѣкоторыя наши газеты, старающіяся доказать, что причина студенческихъ волненій не внѣшнія подстрекательства, а внутренняя университетская неурядица; прежде все сваливали на уставъ 1863 года, теперь на начальство, инспекцію, профессоровъ. Не могу не упомянуть о слухѣ, ходившемъ въ Казани, будто-какой-то революціонный кружокъ устраивалъ послѣдніе студенческіе беспорядки.

„Нигилисты, говоритъ „Новое Время“, могли примазаться къ беспорядкамъ, подобно тому, какъ на пожарѣ дѣлаютъ грабители; но вѣдь не всегда грабители бываютъ виновниками пожара“. Значитъ, бывали производимы пожары и съ цѣлью грабежа? А не бывало-ли пожаровъ и съ политической цѣлью? „Согласитесь, продолжаетъ „Новое Время“, что было-бы опасно, не изслѣдовавъ каждаго случая, сваливать вину пожара на грабителей, ибо въ такомъ случаѣ истинныя причины бѣдствія могутъ остаться не раскрытыми и противъ нихъ не будетъ принято никакихъ мѣръ предосторожности“. Вспомнимъ, что когда случались, такъ называемыя, пожарныя времена, когда выгорали, подобно Симбирску, почти цѣлые города, никому и въ голову не приходило искать обыкновенныхъ причинъ,—всѣ были увѣрены, что города выгораютъ отъ поджоговъ, и искали... лишь поджигателей. Съ такими повальными поджогами могутъ быть сравнены студенческія волненія, загорающіяся почти одновременно во многихъ университетахъ и даже въ другихъ высшихъ

учебныхъ заведеніяхъ. Эта одновременность указываетъ скорѣе на поджогъ, чѣмъ на пожаръ отъ естественныхъ причинъ. Вглядитесь во всѣ университетскія смуты, начиная съ 1861 года, вчитайтесь во всѣ студенческія петиціи, много-ли вы найдете разницы? А, между тѣмъ, различія въ требованіяхъ студенческихъ слѣдовало-бы ожидать, потому что университетская жизнь измѣняется, не стоитъ въ однихъ и тѣхъ-же условіяхъ. Требования студентовъ почти одни и тѣ-же: требуютъ корпоративныхъ правъ съ различными неважными измѣненіями. Мнѣ могутъ сказать: „стало быть, ясна причина студенческихъ волненій и ясенъ способъ ихъ прекращенія. Причина—неимѣніе студентами корпоративныхъ правъ, способъ прекращенія волненій—дарованіе этихъ правъ“. Казалось-бы такъ. Но почему-же въ либеральное министерство А. А. Сабурова студенты больше всего шумѣли? Почему именно этому министру, завѣдомо для всѣхъ желавшему дать студенчеству довольно широкія корпоративныя льготы, нанесено студентомъ публично оскорбленіе на торжественномъ актѣ с.-петербургскаго университета 8-го февраля 1881 года? Не служитъ-ли этотъ фактъ краснорѣчивымъ доказательствомъ того, что въ студенческихъ волненіяхъ нечего искать внутреннихъ причинъ? Устроители студенческихъ беспорядковъ опасались, чтобы съ дарованіемъ корпоративныхъ правъ не прекратились студенческія волненія, и поспѣшили нанесеніемъ оскорбленія министру положить конецъ преобразованію студенческаго быта въ либеральномъ духѣ: имъ выгодноѣ, чтобы на студентовъ сыпались вслѣдскія репрессивныя мѣры, потому что при этомъ легче возбуждать молодежь къ отстаиванію правъ студенчества. Устроителямъ политической смуты нѣтъ собственно никакого дѣла до того, хорошо или дурно живется студентамъ; имъ нужно только, чтобы студентовъ легко было взволновать. Я не отвергаю того, что есть нѣкоторыя стороны университетской жизни, которыя могутъ казаться для студентовъ стѣснительными; есть и такія положенія университетскаго устава, которыя полезно было-бы замѣнить другими; но стѣснительныя мѣры были и въ прежнее время, до 1850-хъ годовъ, а о студенческихъ беспорядкахъ и помину не было. Да неужели все, что кажется стѣснительнымъ для студентовъ, подлежитъ отмінію? Неужели университетскій уставъ долженъ

составляться и видоизмѣняться тоже по требованію студентовъ и при участіи студенческихъ депутатовъ и по ихъ указаніямъ? Неужели студенты должны судить своимъ судомъ не только товарищей, но и профессоровъ? Неужели... Сколько можно поставить вопросовъ съ этимъ неужели, на которые едва-ли рѣшится отвѣтить утвердительно не только „Гражданинъ“, называющій студенческіе беспорядки „шалостью“, но самый забубенный студентъ, когда вы поговорите съ нимъ одинъ на одинъ, а не на сходѣ, конечно.

No sapienti sat. Мнѣ кажется, я достаточно выяснилъ, что, если и есть внутри университета поводы къ неудовольствіямъ студентовъ, то эти поводы не таковы, чтобы вызывать периодически студенческіе беспорядки, особенно въ такомъ безобразномъ видѣ, какъ они стали проявляться въ послѣднее время. Буйство и безобразныя преступныя выходки студенческихъ сходо́въ, какъ и злодѣйское покушеніе 1-го марта 1887 года, мы, по совѣсти, не можемъ записать насчетъ студентовъ. Это—плоды политической смуты, употребляющей нашу бѣдную неустойчивую, учащуюся молодежь орудіемъ для своихъ темныхъ, злодѣйскихъ цѣлей.

Опытъ показалъ, что студенческія волненія разражаются вдругъ, неожиданно-негаданно, налетаютъ какъ буря, какъ вихрь, что даже лица, на которыхъ лежитъ юридическій долгъ наблюдать за порядкомъ въ университетѣ, до послѣдней минуты остаются въ заблужденіи, въ сладкой увѣренности, что порядокъ въ университетѣ не будетъ и не можетъ быть нарушенъ; даже полиція, на обязанности которой лежитъ предупрежденіе беспорядковъ, ничего не вѣдаетъ. Какъ-же, спрашивается, о готовящихся въ университетѣ беспорядкахъ узнаютъ „благоразумные студенты?“ Вѣдь ужъ имъ-то менѣе всего сообщать заводчики смуты. За что-же они будутъ отвѣчать, если случатся беспорядки? А, между тѣмъ, исходя отъ мысли, что благоразумные студенты должны нравственно воздѣйствовать на увлекающихся своихъ товарищей и противостоять всякимъ попыткамъ къ нарушенію спокойствія, министерство народнаго просвѣщенія объявляетъ, что, „если-бы вслѣдствіе беспорядковъ, мѣшающихъ чтенію лекцій, пришлось прекратить учебныя занятія, то, независимо отъ наказанія виновныхъ въ беспорядкахъ, всѣмъ студен-

тамъ полугодіе не будетъ зачтено в производство стипендій прекратится“. Нельзя не замѣтить, что, при исполненіи этой мѣры, на невиннаго студента можетъ обрушиться кара болѣе тяжелая чѣмъ на инаго виновнаго. Виновный, напримѣръ, имѣющій средства, студентъ будетъ подвергнутъ увольненію изъ университета съ правомъ немедленнаго поступленія въ другой университетъ, онъ тотчасъ-же поѣдетъ въ другой университетъ, и поступитъ въ студенты, такъ что и полугодіе не потеряетъ; а невинный бѣднякъ потеряетъ полугодіе и будетъ лишень стипендіи, что для него, какъ нищему, равносильно исключенію изъ университета. Для благоразумныхъ студентовъ весьма чувствительнымъ и совершенно достаточнымъ наказаніемъ служить уже временное закрытіе университета. Кромѣ того, мѣра, принятая относительно благоразумныхъ студентовъ, легко можетъ сдѣлаться дѣйствительною причиною студенческаго волненія: партія безпорядка, какъ извѣстно, крайне негодуетъ на благоразумныхъ за ихъ благоразуміе, за то, что ихъ никакъ не склонить къ участию въ безпорядкахъ; теперь министерскою мѣрою неблагоразумнымъ студентамъ открывается вѣрное средство чувствительно отмстить благоразумнымъ,—подвергнуть ихъ отвѣтственности,—стоитъ лишь устроить сходки. Благоразумные студенты—опора и надежда университетовъ; но предупредить безпорядковъ они не могутъ, потому что имъ никто не скажетъ о готовящихся безпорядкахъ; прекратить буйную сходку они не въ силахъ. Для прекращенія сходки одно средство вступить въ вулачный бой съ участниками. Но желательна-ли вулачная расправа благоразумныхъ студентовъ съ неразумными ихъ товарищами? Все, что могутъ и что нравственно обязаны сдѣлать студенты, дорожащіе честію своего университета—попытаются успокоить расходившихся товарищей, представить имъ безцѣльность и вредность ихъ сходки. Если повѣрить „Гражданину“, что во всякомъ студенческомъ волненіи нужно искать профессора, то, пожалуй, можно придти въ такому заключенію, что, въ случаѣ студенческихъ безпорядковъ, слѣдуетъ подвергать строгому взысканію прежде всего профессоровъ. Если, какъ указывалъ „Гражданинъ“ въ одной изъ своихъ статей, есть такіе профессоры, которые мутятъ и подстрекаютъ студентовъ, то съ подобными профессорами, конечно, церемониться нечего,—они

должны быть немедленно уволены ради спокойствія университета, ради спасенія учащейся молодежи. Но не подвергать-же взысканію всѣхъ профессоровъ правыхъ и виноватыхъ? Всей профессорской коллегіи нѣтъ основанія отвѣчать за поведеніе студентовъ, именно въ настоящее время, когда дисциплинарная часть снята съ профессоровъ. Уставъ 1863 года ставилъ профессоровъ въ прямое отношеніе къ дисциплинѣ студентовъ: совѣтъ университета выбиралъ проректора и его помощниковъ, т. е. всѣхъ лицъ, которымъ ввѣрялось непосредственное наблюденіе за студентами; университетскій судъ состоялъ изъ профессоровъ, совѣтъ университета былъ высшею инстанціею по суду надъ студентами. Тогда профессорская корпорація еще могла-бы подвергаться отвѣтственности за студенческіе безпорядки. По новому университетскому уставу студенты изъяты изъ вѣдѣнія профессоровъ. Уставъ 1884 года предоставляет, правда, правленію университета прерогативы прежняго университетскаго суда; но, какъ показала послѣдняя казанская студенческая исторія, и безъ правленія можно обойтись въ дѣлѣ суда надъ студентами. Понятно, въ настоящее время немислимо подвергать цѣлую профессорскую коллегію взысканію за студенческія волненія. Если-бы профессоровъ, въ случаѣ студенческихъ безпорядковъ, стали лишать жалованья или мѣста, то это повело-бы въ весьма нежелательнымъ послѣдствіямъ. Студенты, поступившіе въ университетъ не съ цѣлію учиться, а съ цѣлію пріобрѣсти лишь право сдавать государственные экзамены, стали-бы, пожалуй, грозить профессорамъ, не желающимъ зачитывать имъ то или другое полугодіе: „попробуйте, не зачитите,—мы исторію сдѣлаемъ, и вы полетите съ мѣста“.

Кара должна постигать только виновныхъ, и снова повторяю что сказано въ прежнихъ моихъ воспоминаніяхъ: по моему мнѣнію, разъ дѣятельно участвовавшіе въ студенческихъ безпорядкахъ, виновность которыхъ несомнѣнно доказана, заслуживаютъ удаленія изъ университета навсегда и въ другой университетъ принимаемы быть не могутъ; опытъ послѣднихъ лѣтъ показалъ, что участники студенческихъ безпорядковъ, исключенные за это изъ университета, по вторичномъ приѣмѣ, являются первыми при всякой возникающей смутѣ и дѣйствуютъ съ еще большею энергіею и ловкостію. Любителямъ смуты не мѣсто въ университетѣ.

Съ заводчиками смуты или, вѣрнѣе, съ отъливающимися охотно на призывъ крамолы церемониться нечего, тѣмъ болѣе, что такихъ въ каждомъ университетѣ лишь небольшая кучка. Эта кучка беретъ верхъ дерзостию и наглостию, привлекаетъ и губитъ слабовольныхъ угрозою и страхомъ. Удаленіе немногочисленной партіи сторонниковъ смуты и безпорядковъ послужитъ въ успокоенію университетовъ и къ пользѣ студентовъ, которые, въ значительномъ большинствѣ, поступаютъ въ университетъ, чтобы учиться, которымъ не по душѣ смуты и волненія, которые всегда готовы горячо отъливнуться на всякое доброе и возвышенное чувство, въ чемъ мы имѣли не разъ случай убѣждаться, чему непререкаемое доказательство представила встрѣча студентами университетовъ Государя Императора и Государыни Императрицы въ Харьковѣ, Москвѣ и 23-го октября въ Петербургѣ у Казанскаго собора.

Послѣ катастрофы 17-го октября, когда вся Россія содрогнулась, какъ-бы отъ грознаго удара губительнаго землетрясенія, и еще сердечнѣе почувствовала какъ дороги ей обожаемые Царь и Царица со всею ихъ Августѣйшею семьею, когда Царь и Царица вышли изъ этого ужаснаго испытанія, окруженные ореоломъ царственнаго величія, непоколебимаго мужества духа и поистинѣ образцоваго человѣколюбія, — и университетская учащаяся молодежь, по самому своему возрасту благородная и отзывчивая, восторженно встрепенулась и какъ истинная плоть отъ плоти и кость отъ кости народа царелюбиваго, беззавѣтно-преданнаго царственнымъ вождямъ нашей свято-русской земли, горячо отозвалась, увидѣвши чудомъ Божественной благодати спасенныхъ отъ явной смерти Царя и Царицу, и, въ порывѣ сыновнихъ чувствъ, 23-го октября съ жаромъ цѣловала державныя руки, подававшія помощь раненымъ и искалѣченнымъ...

Государь Императоръ и Государыня Императрица были тронуты живымъ теплымъ и единомышленнымъ участіемъ студентовъ харьковскаго, московскаго и петербургскаго университетовъ въ торжественной встрѣчѣ Ихъ Императорскихъ Величествъ и выразили за то особое удовольствіе министру народнаго просвѣщенія, который спѣшилъ объявить о томъ всѣмъ университетамъ и другимъ учебнымъ заведеніямъ, причемъ выразилъ твердую увѣренность, что вся наша учащаяся молодежь, по

чувствамъ своимъ, неразрывно связана съ многомилліоннымъ беззавѣтно-вѣрнымъ и преданнымъ своему монарху народомъ.

Этотъ трогательный моментъ, желаемъ и смѣемъ вѣрить, будетъ поворотнымъ пунктомъ въ стремленіяхъ, дѣйствіяхъ и жизни университетской учащейся молодежи. Заводчики смуты и люди, склонные къ волненіямъ, не будутъ находить въ ней ни малѣйшаго отвліка, и всякое ихъ начинаніе, не подкрѣпляемое массою увлеченныхъ по слабохарактерности или равнодушныхъ и любопытныхъ, будетъ подавляемо и затушаемо немедленно въ самомъ зародышѣ.

П. Д. Шестаковъ.

18-го января 1889 года.
г. Казань.

Указы и распоряженія, состоявшіеся въ царств. Павла I.

I.

Высочайшая резолюція на прошеніе подпоручика Тинкова, 12-го декабря 1796 г.

Ноября 27-го 1796 года, помѣщикъ Дешкинскаго (потомъ Болховскаго) уѣзда, Орловскаго намѣстничества, изъ дворянъ лейбъ-гвардіи отставленный подпоручикъ Александръ Тинковъ отправилъ съ почтою слѣдующее прошеніе на высочайшее имя:

„Всемилоствѣйшій государь! Милосердныя милости вашего императорскаго величества ко отягощеннымъ судьбою различныхъ обстоятельствъ стеченію, въ наивеличайшей имперіи въ свѣтѣ, и отъ края до конца онаго, быстро текущими источниками излившіяся по вселенной мгновенно несмѣтныя щедроты коснулись трубою славы до несчастнаго, двадцать лѣтъ страдающаго сердечнымъ сокрушеніемъ и униженіемъ; воздвигнутый изъ праха несчастныхъ золь часть предъ стопами вашего императорскаго величества, у священнаго престола, дерзаю испустить свой томный гласъ со умиленіемъ.

„Продолжавъ ревностно и безпорочно служеніе вашему императорскому величеству въ полку лейбъ-гвардіи Семеновскомъ, съ 1764 года происходилъ чинами, въ томъ-же (?) въ 1773 году прапорщикомъ, а въ 1774 году подпоручикомъ; въ 1776 году 1-е генваря доставалось поручикомъ, но предъ тѣмъ самымъ покойная мать моя подала въ полкъ вздуманную безвинно просьбу на меня якобы въ непочтеніи ея, въ чемъ я желалъ изслѣдовать, но сего не учинено за скорою подачею ея, матери моей, вторичной просьбы, въ коей

она меня прощаетъ и просьбу свою недѣйствительною уничтожаетъ; а я и затѣмъ отъ полку, по докладу, безъ суда, того-жъ 1776 года въ мартѣ мѣсяцѣ, именнымъ ея императорскаго величества въ Бозѣ почивающей вашего величества родительницы указомъ лишень не токмо награжденія, но и заслуженнаго поручичьяго, мнѣ тогда слѣдующаго, чина.

„Всемилоствѣйшій государь! Приемлю низжайшій и вѣрноподданный смѣлость утруждать высочайшую, священную вашего величества особу, изъ высокомонаршаго вашего милосердія обрадовать меня награжденіемъ, въ уравненіе съ сверстниками моими, тогда служившими, съ награжденіемъ армейскими чинами ихъ, оставленыхъ отъ службы; поелику я уже, за слабостію своего здоровья, военную вашего императорскаго величества службу продолжать не въ силахъ“.

На это прошеніе генераль-прокуроръ, князь А. Б. Куракинъ, объявилъ сенату данное 12-го декабря высочайшее повелѣніе:

„Призвать просителя, по жительству его въ Орловскомъ намѣстничествѣ, въ тамошнее намѣстническое правленіе и сдѣлать ему выговоръ за то, что онъ осмѣлился жаловаться на мать свою“.

Исполнительный указъ сената, съ приложеніемъ копій съ прошенія, посланъ былъ въ намѣстническое правленіе 17-го декабря 1796 года за № 10372.

II.

Ордеръ орловскаго гражданскаго губернатора Воейкова ¹⁾ шѣстнымъ городничимъ, 29-го марта 1798 года, съ надписью: „Секретнѣйше“.

„Во исполненіе повелѣнія вышней власти, мнѣ къ исполненію предложеннаго, дабы по губерніи, управленію моему вѣрноподданной, на проѣзжающихъ водворяющихся и теперь живущихъ въ губерніи иностранцовъ обращено было особенное и самое недреманное вниманіе, предписываю я отъ живущихъ нынѣ въ городахъ и уѣздахъ иностранцовъ изтребовавъ, не объявляя отнюдь случая, по правомъ полиціи паспорта, пропуски или аттестаты, по которымъ они вѣр-

¹⁾ Дѣств. ст. сов. Василій Ивановичъ Воейковъ былъ орловскимъ губернаторомъ съ февраля 1797 года. Въ томъ-же мѣсяцѣ усмиралъ съ войсками крестьянъ княг. Голицыной и ген.-лейтенанта Апраксина, въ Сѣвскомъ уѣздѣ. Уволенъ отъ службы 14-го декабря 1798 года.

хали и пріѣхали сюда, доставить ко мнѣ въ наибольшей скорости точныя копии и обстоятельныя списки объ именахъ и семействахъ тѣхъ иностранцевъ, съ показаніемъ во оныхъ кто, откуда, когда выѣхалъ и на теперешнее мѣсто его пребыванія пріѣхалъ, зачѣмъ и въ чемъ упражняется. Буде при семъ изысканіи окажутся такіе, у коихъ ни паспортовъ, ни аттестатовъ, ни пропусковъ нѣтъ, оныхъ выслать за присмотромъ, но не подъ стражею прямо ко мнѣ; впредъ же у проѣзжающихъ и пріѣзжающихъ съ окуратностію разсматривать и повѣрять даваемые имъ отъ пограничныхъ губернаторовъ подорожныя, тѣми-ли городами сіи иностранцы проѣзжали, которыя имъ въ подорожныхъ назначены, и имѣются-ли на оныхъ о томъ отмѣтки; въ тѣхъ-ли самыхъ мѣстахъ остановятся жительствовать, до которыхъ подорожныя имъ написаны, и для какого упражненія. Съ подорожныхъ-же тотчасъ доставлять ко мнѣ копии, а за образомъ жизни и поведенія какъ первыхъ, живущихъ уже на мѣстахъ, такъ и сихъ послѣднихъ, пріѣхать еще могущихъ, надзирать неупустительно, и буде, во всѣхъ прописанныхъ случаяхъ, окажется какое либо основательное сомнѣніе въ пропускахъ, паспортахъ и аттестатахъ, или въ образѣ жизни и поведеніи, надъ таковыми употребивъ особенное осторожнѣйшее надзрѣніе, меня немедленно увѣдомлять, кои-же поѣдутъ не по назначеннымъ въ подорожныхъ городамъ, или не въ тѣхъ городахъ остановятся (sic) пребываніемъ, до которыхъ даны подорожныя, оныхъ, яко подающихъ сомнѣнія, задерживая, тогда-же инаипослѣднѣйше присылать за стражею ко мнѣ“.

III.

Именной указъ, данный сенату 21-го апрѣля 1798 года.

„Въ изъявленіе монаршаго нашего благоволенія къ дѣйствительному статскому совѣтнику Брискорну, всемилостивѣйше позволяемъ ему принять доставленный ему отъ рыцарства курляндскаго индигенатъ; сохраняя-же въ памяти нашей вѣрность и долговременное намъ служеніе отца его, въ воздаяніе за оное жалуемъ ему, дѣйствительному статскому совѣтнику, и роднымъ братьямъ его шляхетное Россійской Имперіи достоинство, и повелѣваемъ сенату, заготовя на дворянство грамоту и гербъ, поднести первую къ подписанію, а послѣдній къ утвержденію нашему“.

Примѣч. Указъ этотъ представляется замѣчательнымъ потому, что Брискорнъ, послѣ принятія его въ курляндское рыцарство, возводится въ достоинство русскаго дворянина, которымъ, по чину, онъ былъ и безъ того.

А. Г. II.

IV.

Высочайшее повелѣніе, объявленное сенату генераль-прокуроромъ княземъ Лопухинимъ 21 декабря 1798 года.

„Его императорское величество высочайше повелѣтъ соизволилъ: отъ капитана Ерлыкова никакихъ проектовъ не принимать“.

V.

Именной указъ 26 сентября 1799 года, представленный сенату въ копіи орденскимъ церемоніймейстеромъ сенаторомъ Валуевымъ.

„Его императорское величество, принявъ съ благоволеніемъ и одобривъ представленіе его, г. оберъ-церемоніймейстера, касательно Лагарпа, кавалера ордена святаго Владимира, нынѣ президентомъ въ директоріи швейцарской находящагося, высочайше указать изволилъ, яко недостойнаго уже быть членомъ знаменитаго общества кавалеровъ, исключить его изъ списковъ и повсюду опубликовать о семъ“.

VI.

Ордеръ орловскаго гражданскаго губернатора Вульфа ¹⁾ вѣстнымъ городничимъ 28 сентября 1799 года.

„По случаю дошедшаго до государя императора свѣдѣнія, что французенка Мишель выѣхала изъ заграницы безъ паспорта, полученнымъ мною отъ его высокопревосходительства генерала отъ инфантеріи, генерала прокурора и кавалера Александра Андреевича Беклешева отношеніемъ предписывается, что его императорское величество высочайше повелѣтъ соизволилъ: подтвердить предписанія о непремѣнномъ и точномъ выполненіи высочайшаго указа не впускать изъ заграницы никого, кто не предъявитъ паспорта отъ государственной коллегіи иностранныхъ дѣлъ, или особливаго отъ государя повелѣнія. О каковой высокомонаршей волѣ вамъ возвищая, предписываю: буде кто изъ заграницы появится безъ упо-

¹⁾ Дѣйств. ст. сов., а потомъ тайный, Иванъ Петровичъ Вульфъ опредѣленъ въ губернаторы вмѣсто Воейкова. Правиль губерніею съ половины января 1799 г. по вонецъ ноября 1800 г. А. Г. П.

мянутыхъ видовъ, таковыхъ задержавъ тотчасъ доносить о томъ мнѣ, подъ опасеніемъ за противное строгаго взыскапія по законамъ“.

VII.

Высочайшее повелѣніе, объявленное губернаторомъ въ предписаніи ген.-прокурора А. А. Беклезова и предложенное отъ мѣстнаго губернатора орловскому губернскому правленію 10 декабря 1799 года.

„Его императорское величество, свѣдавъ объ употребляемомъ отъ нѣкоторыхъ чиновниковъ въ письмахъ непринадлежащемъ князю Италійскому графу Суворову-Рымникскому титулѣ его свѣтлости. высочайше повелѣть соизволилъ, чтобъ, впредь сего, указомъ не утвержденнаго титула не давалось“.

VIII.

Именной указъ, данный сенату 1 марта 1800 г.

„Санктпетербургской палаты суда и расправы 2-го департамента чиновъ за медленное рѣшеніе дѣлъ отрѣшнить, а секретарей судить, на мѣста-же отрѣшенныхъ выбрать и опредѣлить другихъ“.

IX.

Высочайшее повелѣніе, объявленное сенату ген.-прокуроромъ П. X. Обользиннымъ 24 августа 1800 г.

„Его императорское величество, по донесенію сенаторовъ Трошинскаго и князя Щербатова, что по Тульской губерніи считается въ недоимкѣ 185,827 р. 82 к., изъ коихъ часть подлежитъ къ сложенію, а часть остановилась за справками, къ рѣшенію потребными, слѣдующихъ-же къ неотложному взысканію 109,152 рубли съ копѣйками на отчетѣ губернскаго начальства остающихся, высочайше повелѣть соизволилъ, сходственно представленію сенаторовъ, къ скорѣйшему и исправному взысканію послѣднихъ, удержать жалованье и секвестровать имѣніе городничихъ, исправниковъ и засѣдателей, кои окажутся виновны въ послабленіи“.

Сообщ. А. Г. Пуларевъ.

ПАСТОРЪ ВИГАНДЪ.

Его жизнь и дѣятельность въ Россіи

1764—1808 гг.

I.

Пасторъ Вигандъ, мистикъ и членъ секты герингутеровъ, бывшій въ царствованіе императрицы Екатерины II въ числѣ профессоровъ московскаго университета, а затѣмъ священникомъ и агентомъ этой духовной общины въ Петербургѣ, происходилъ изъ духовнаго званія; всѣ предки его, со стороны отца и матери, были пасторами въ разныхъ городахъ Германіи, а одинъ изъ нихъ, докторъ Іоганнъ Вигандъ, былъ въ эпоху реформаціи епископомъ въ Помераніи, присоединился къ реформаціи и приобрѣлъ извѣстность своими полемическими сочиненіями духовнаго характера.

Самъ Вигандъ, записки котораго лежатъ предъ нами, родился 17-го іюня 1744 г., въ Венцновѣ, гдѣ отецъ его былъ пасторомъ. Родители его были люди весьма набожные и чрезвычайно заботились о воспитаніи сына, но отецъ, при всей горячей любви своей къ дѣтямъ, „никогда не позволялъ себѣ по отношенію къ намъ ни малѣйшей слабости, всегда держалъ себя съ нами серьезно и строго, хотя обращеніе его дышало любовью и ласкою; мать, съ своей стороны, разумно помогала ему въ дѣлѣ воспитанія дѣтей“, такъ говоритъ, вспоминая о своихъ родителяхъ, пасторъ Вигандъ, сохранившій къ нимъ до конца жизни глубокую любовь и уваженіе.

„По вечерамъ отецъ посадить, бывало, къ себѣ на колѣни

младшихъ дѣтей, передаетъ Вигандъ, и начнетъ рассказывать намъ, со свойственнымъ ему умѣньемъ, поучительные эпизоды изъ Ветхаго и Новаго Завѣта. Когда мы подросли, насъ рано посадили за ученье: отецъ только два раза бралъ для насъ на короткое время наставниковъ, но замѣтивъ, что они не отвѣчали его понятіямъ о воспитаніи, онъ вскорѣ отказалъ имъ и самъ сталъ заниматься нашимъ воспитаніемъ. Вставши въ 4 часа утра, отецъ будилъ насъ и удалялся въ свой кабинетъ, гдѣ читалъ молитвы и размышлялъ, покуда мы одѣвались. Затѣмъ онъ читалъ вмѣстѣ съ нами утреннія молитвы и нѣсколько главъ изъ библіи. Нерѣдко всѣ собирались на молитву и вечеромъ, и въ этой вечерней молитвѣ было что-то особенно торжественное. Послѣ утренней молитвы отецъ занимался съ нами науками до половины девятого, затѣмъ мы завтракали, и приготовляли уроки или повторяли выученное въ то время, когда отецъ исполнялъ свои пасторскія обязанности или былъ занятъ домашними дѣлами. Послѣобѣденное время проходило также въ занятіяхъ, съ тою разницею, что намъ давали время и на необходимыя тѣлесныя упражненія. Такимъ образомъ, я приобрѣлъ необходимыя научныя познанія. По воскресеньямъ, сходясь къ обѣднѣ, мы должны были прочитывать матери нашей нѣсколько изъ сочиненія Арнда „Истинное христіанство“ или изъ „Подражанія Христу“ Томы Кемпійскаго, а послѣ обѣда читали каку-нибудь назидательную проповѣдь, но я долженъ ссзнаться, что подобное занятіе казалось намъ весьма скучнымъ и совершенно отвратило насъ отъ духовнаго чтенія.

На двѣнадцатомъ году жизни, я почувствовалъ необыкновенное стремленіе къ уединенію и, выбравъ себѣ уютный уголокъ, проводилъ въ немъ все свободное время, мечтая о томъ, какимъ путемъ можно достигъ блаженства; родители замѣтили происшедшую во мнѣ пережѣну, и хотя она смущала ихъ, но они не мѣшали мнѣ предаваться моимъ мечтамъ. Этотъ періодъ жизни могъ быть для меня весьма благотворнымъ, ежели-бы я встрѣтилъ разумнаго руководителя, но, къ несчастью, во мнѣ стали быстро развиваться грубые животныя инстинкты; я былъ вполне убѣжденъ, что всѣ дурныя помыслы и побужденія въ насъ грѣховны, поэтому всѣми силами старался побороть зло и, желая спастись, прибѣгъ къ молитвѣ и всячески старался умертвить свою плоть.

Занимаясь подъ руководствомъ отца, я подвинулся въ наукахъ настолько, что 16-ти лѣтъ могъ-бы уже поступить въ университетъ, но такъ какъ по закону я не имѣлъ еще на это права, то отецъ опредѣлилъ меня, въ 1760 г., въ академическую гимназію въ

Штетинъ. Въ гимназiи я превосходилъ всѣхъ моихъ сверстниковъ познанiями и лекцiи учителей не представляли для меня ничего новаго, — обстоятельство, которое не могло, разумѣется, возбудить во мнѣ особеннаго рвенiя къ занятiямъ; поэтому, хотя я и посѣщалъ классы аккуратно и заслужилъ одобренiя наставниковъ, но мнѣ не пришлось ни готовить уроковъ, ни репетировать пройденнаго; я занимался съ нѣкоторымъ прилежанiемъ только физикою, архитектурою и новѣйшими языками, притомъ давалъ въ городѣ уроки, а у нѣкоторыхъ воспитанниковъ гимназiи былъ репетиторомъ, такъ что мое содержанiе родителямъ ничего не стоило. Товарищи уважали меня какъ молодца, т. е. человѣка, полагающаго свою честь во всемъ дурномъ, а такъ какъ я былъ силенъ и смѣлъ, то являлся ихъ коноводомъ во всѣхъ затѣяхъ“.

Описывая этотъ періодъ своей жизни, 65-лѣтній пасторъ съ сокрушенiемъ воспоминаетъ о своихъ юношескихъ проказахъ, о своей тогдашней грѣховности, объ отсутствiи въ его сердцѣ вѣры и христіанскихъ добродѣтелей, удивляясь долготерпѣнiю Господа, не покаравшаго его за эти грѣхи; подобнымъ сѣтованiямъ объ одолѣвавшихъ его грѣховныхъ помыслахъ и о невѣрiи его даже въ болѣе зрѣлыхъ лѣтахъ посвящены многія страницы этихъ воспоминанiй.

По окончанiи гимназiи, Вигандъ поступилъ въ университетъ въ Галле, и тутъ ему поневолѣ пришлось уже подумывать о своей будущей карьерѣ. „Такъ какъ меня готовили къ духовному званiю, говорить онъ, то мнѣ предстояло провести гдѣ-нибудь нѣсколько лѣтъ домашнимъ учителемъ, что, по моему собственному опыту и по рассказамъ другихъ, казалось мнѣ далеко незаманчивымъ, а затѣмъ пришлось-бы сдѣлаться пасторомъ; это казалось мнѣ еще ужаснѣе; я сознавалъ, что мнѣ пришлось-бы измѣнить тогда всѣ мои убѣжденiя; а исполнять обязанности пастора человѣку не вѣрующему казалось мнѣ настоящею пыткой.“

Въ это время скончался польскій король Фридрихъ-Августъ III, а въ Россiи только-что вступила на престолъ императрица Екатерина II. Озабочиваясь выполненiемъ своихъ политическихъ видовъ относительно Польши, государыня эта повелѣла генералъ-провiант-мейстеру и кавалеру Николаю Алексѣевичу Хомутову, находившемуся по окончанiи Семилѣтней войны при запасныхъ магазинахъ русскихъ войскъ въ Польшѣ, поддерживать русскіе интересы при избранiи новаго короля польскаго, а такъ какъ это порученiе оказалось для него слишкомъ труднымъ, то оно было возложено на другое лицо, а Хомутову было приказано возвратиться въ Россiю.

У него было трое дѣтей и хотя онъ самъ былъ весьма плохо образованъ, но желалъ, чтобы дѣти его получили основательное образованіе, что въ Россіи въ то время было почти невозможно; поэтому онъ обратился къ маіору Тунцельману, стоявшему въ Грауденцѣ, съ просьбою рекомендовать ему учителя, который зналъ-бы французскій языкъ и математику, и согласился-бы ѣхать въ Россію. Мѣсто это, черезъ одного знакомаго, было предложено мнѣ; а такъ какъ въ Германіи не могло представиться для молодого человѣка столь выгоднаго мѣста, то я, долго не думая, согласился принять его тѣмъ болѣе, что оно соответствовало моему желанію, какъ можно долѣе оттянуть срокъ моего поступленія въ духовный санъ и давало возможность вести свободную жизнь и нажить деньги. Отецъ, выслушавъ мои доводы, согласился отпустить меня на три года въ Россію; такимъ образомъ, въ апрѣлѣ 1764 г., я простился съ родными и направился къ польской границѣ. Тутъ мнѣ пришлось остановиться на нѣсколько дней у пастора Шеера, ожидая попутчика въ Данцигъ; однажды въ бесѣдѣ со мною пасторъ отзывался неодобрительно о гернгутерахъ и предостерегалъ меня отъ нихъ, говоря, что на границѣ и въ Данцигѣ ихъ очень много. По странному стеченію обстоятельствъ, мнѣ пришлось выслушать это предостереженіе въ то время, когда я готовился переступить границу моего отечества, а нѣсколько лѣтъ спустя, я сошелся съ гернгутерами и имъ обязанъ тѣмъ, чѣмъ я сталъ теперь“.

Наконецъ, Виганду удалось найти попутчиковъ, нѣсколькихъ офицеровъ, возвращавшихся въ Россію, и онъ прибылъ съ ними, подъ охраною сильнаго конвоя, въ Литву, въ Новогрудокъ, гдѣ поджидалъ его генералъ Хомутовъ, тутъ-же заключившій съ нимъ контрактъ на три года. Это было въ 1764 г.

II.

„Итакъ я находился теперь на службѣ въ Россіи, въ той странѣ, куда Создатель послалъ меня ради моего спасенія, такъ продолжаетъ пасторъ свое повѣствованіе. Мы направились черезъ Вильно по пустынной Литвѣ; я не зналъ мѣстнаго языка и могъ разговаривать только съ моими воспитанниками по-французски или по-нѣмецки, съ посторонними-же вовсе не могъ объясняться. Это повергло меня въ уныніе тѣмъ болѣе, что я видѣлъ вспыльчивый характеръ моего патрона, который однажды такъ разсердился на меня за какую-то ошибку съ моей стороны, происшедшую отъ недоразумѣнія, что грозилъ отказать мнѣ отъ мѣста, и мнѣ пришлось-бы остаться въ глубинѣ Литвы совершенно безпомощному и погибнуть въ ея необозримыхъ лѣсахъ отъ дикихъ звѣрей (!).

Мы ѣхали неровно, проѣзжая то по 8, то по 2 и по 3 мили въ день; иной разъ у насъ бывало всего въ изобиліи, иногда-же приходилось голодать. Наконецъ, мы прибыли въ Ригу, гдѣ находилась въ то время императрица, но она пробыла тутъ не долго и, получивъ извѣстіе о попыткѣ Мировича возвести на престолъ несчастнаго царевича Ивана, отправилась въ Петербургъ. Изъ Риги мы поѣхали къ Псковскому озеру, къ Березину, брату генеральши Хомутовой; тутъ мнѣ пришлось познакомиться съ образомъ жизни русскихъ, который показался мнѣ вначалѣ чрезвычайно страннымъ. Подъ осень мы переѣхали въ Петербургъ. Мнѣ приходилось вращаться теперь въ кругу весьма знатныхъ и вліятельныхъ особъ, но это общество было мнѣ не по душѣ; хотя генеральша относилась ко мнѣ хорошо, также, какъ и дочь ея, любимица отца, но много горькихъ минутъ доставили мнѣ мои воспитанники, не желавшіе подчиняться строгому надзору съ моей стороны; упавъ духомъ, я старался поддержать себя занятіями и принялся за изученіе исторіи, что для меня было весьма удобно, имѣя подъ рукою превосходную бібліотеку г. Хомутова; знакомство съ сухопутными офицерами и моряками доставило мнѣ случай усовершенствоваться въ фортификаціонномъ и инженерномъ черченіи.

Съ нѣмцами вообще я не сходился, и, посѣщая исключительно русскіе кружки, началъ мало-по-малу понимать русскій языкъ, что доставило генералу видимое удовольствіе. Когда онъ сдалъ всѣ отчеты по управленію имъ провіантскими магазинами, то мы, по послѣднему санному пути, отправились въ его имѣніе, близъ Ярославля; путь нашъ лежалъ черезъ Москву, гдѣ мы остановились не

надолго, черезъ Троицкую лавру и Ростовъ, гдѣ я видѣлъ первый разъ мощи св. Дмитрія Ростовскаго. Живя въ имѣніи, я еще болѣе усовершенствовался въ русскомъ языкѣ, давалъ уроки родственникамъ генерала, кромѣ того, наблюдалъ за постройками, за межеваніемъ, составлялъ рисунки для плетенья кружевъ и вышиванія.

Возлѣ самаго дома, занимаемаго нами на берегу Волги, проѣзжало множество колонистовъ, направлявшихся въ Саратовскую губернію; я не думалъ въ то время, что съ нѣкоторыми изъ нихъ мнѣ придется впослѣдствіи близко познакомиться.

Въ началѣ 1767 г. мы отправились въ Москву, куда ожидали къ этому времени прибытія императрицы; воспитанники мои тутъ очень веселились; ихъ образованіе считалось уже оконченнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ насталъ срокъ заключенному мною, съ ихъ отцомъ, контракту. Мнѣ слѣдовало возвратиться домой, но я еще не успѣлъ накопить для этого достаточно денегъ, къ тому-же, меня попрежнему пугала мысль, что, пріѣхавъ въ Германію, я долженъ буду вскорѣ поступить въ духовное званіе. Повтому я рѣшилъ искать другое мѣсто, что для меня было не особенно трудно, такъ какъ я пользовался хорошею репутаціею. Генералъ Хомутовъ и семейство его, расположеніе которыхъ я заслужилъ въ эти три года, взялись хлопотать за меня. Они рекомендовали меня престарѣлому князю Никитѣ Юрьевичу Трубецкому, человѣку вліятельному, принадлежавшему къ одной изъ самыхъ знатныхъ фамилій Россіи. Я явился къ нему, по его письменному приглашенію, и былъ представленъ моимъ будущимъ воспитанникамъ. Условія, предложенныя мнѣ, были весьма выгодныя, къ тому-же, это мѣсто давало мнѣ возможность жить въ столицѣ, гдѣ я могъ воспользоваться всякимъ случаемъ, чтобы составить себѣ карьеру.

Когда я вернулся отъ Трубецкаго, старшій сынъ генерала Хомутова, майоръ Александръ Николаевичъ Хомутовъ узналъ о моихъ планахъ. Онъ былъ въ связи съ дѣвицею Александрою Андреевною Щербининою, на которой впослѣдствіи женился; братъ-же оной дѣвицы, Петръ Андреевичъ Щербининъ, жилъ въ Харьковѣ, въ Украинѣ—мѣстности, населенной дикими (!) казаками, которую императрица, всего три года тому назадъ, начала цивилизовать и преобразовывать. Этотъ господинъ, женившись на княжнѣ Крапоткиной, особѣ весьма некрасивой, но богатой, сдѣлался самымъ крупнымъ землевладѣльцемъ въ томъ краѣ. У него былъ четырехлѣтній сынъ, для котораго онъ искалъ гувернера, и прислалъ съ этою цѣлью въ Москву конвой, съ которымъ долженъ былъ отправиться этотъ учитель, и денегъ для него на дорогу.

Маіоръ Хомутовъ предложилъ это мѣсто мнѣ. Ни одинъ человѣкъ, мало-мальски разсудительный не промѣнялъ-бы дома князя Трубецкаго на это мѣсто, въ отдаленной, пустынной мѣстности, у незначительнаго частнаго человѣка. Я-же, ни минуты не думая, самъ не зная почему, вѣроятно, по внушенію Божьему, предпочелъ это скромное мѣсто; какъ оказалось впоследствии, всеблагое Провидѣніе направило меня туда для своихъ сокровенныхъ цѣлей и для моего спасенія.

Итакъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ 1767 г. я отправился въ Украйну. По пути мнѣ пришлось переночевать однажды въ сторонѣ отъ большой дороги, въ лѣску, на берегу Оки, среди большаго каравана мѣстныхъ крестьянъ, которые своими разбоями славились по всей имперіи. Въ то время, какъ мои провожатые поили лошадей, я услышалъ, какъ эти люди разсуждали обо мнѣ, и, принявъ меня за купца, считали хорошею добычею; я обратился съ молитвою къ Богу, прося его спасти меня отъ разбойниковъ; въ то-же время я незамѣтно зарядилъ ружье и пистолеты; мы не спали всю ночь и крестьяне не посмѣли тронуть насъ.

Въ Харьковъ мы прибыли незадолго до дня рожденія Щербинина; праздничныя приготовленія, которыя дѣлались по этому случаю въ его имѣніи Бабай, въ 12-ти верстахъ отъ города, превосходили роскошью все видѣнное мною до тѣхъ поръ. Поступая на это мѣсто, я твердо рѣшился исполнить добросовѣстно возложенную на меня обязанность и сдѣлать изъ моего воспитанника человѣка образованнаго и нравственно развитаго. Онъ оказался весьма способнымъ ребенкомъ, но какъ единственный сынъ былъ до крайности избалованъ матерью и няньками. Увидѣвъ меня первый разъ и не зная даже кто я такой, онъ отвѣчалъ на мое прилѣтствіе такими непристойными ругательствами, которыя поразили меня въ устахъ четырехлѣтняго ребенка. Потомъ онъ приказалъ своей бабушкѣ, генеральшѣ Спечинской (рожденной Апостолъ), прокатиться съ нимъ верхомъ на палочкѣ по всему дому, по двору и по саду, въ сопровожденіи цѣлой свиты служанокъ, что и было немедленно исполнено.

Русская гувернантка, бывшая при мальчикѣ, услыхавъ, что къ нему приглашаютъ гувернера, своимъ разсказомъ о томъ, какъ царевичъ Дмитрій былъ задушенъ своимъ наставникомъ, сумѣла внушить ребенку такой страхъ и такое отвращеніе къ самому слову учитель, что онъ едва-ли помирился-бы съ моимъ присутствіемъ, а сдѣлать что-либо безъ его согласія родители считали невозможнымъ. Повтому было рѣшено, что я, живя въ домѣ сначала

какъ человѣкъ совершенно посторонній, долженъ заслужить прежде всего довѣріе и расположеніе мальчика. Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль мнѣ пришлось дѣлать видъ, будто-бы я совсѣмъ не касаюсь его; онъ также всячески старался избѣгать меня, но мало-по-малу привыкъ къ моему присутствію, а такъ какъ я принималъ участіе во всѣхъ его забавахъ, то сдѣлался ему необходимымъ и заслужилъ его довѣріе и онъ привыкъ подчиняться моему авторитету.

По прошествіи четырехъ мѣсяцевъ, когда родители убѣдились, что я буду хорошо воспитывать ихъ ребенка, было рѣшено передать его окончательно мнѣ. Эта передача совершилась ночью. Сцена, происшедшая при этомъ, показалась мнѣ въ высшей степени странною и трогательною. Кровать съ балдахинномъ, въ которой спало дорогое дитя, была вынесена четырьмя гайдуками изъ дѣтской и перенесена черезъ весь домъ въ мою комнату, гдѣ я принялъ ее съ сердечнымъ трепетомъ; за кроваткою шли бабушка, отецъ и мать и вся прислуга, проливая слезы. Малютка, проснувшись поутру, былъ изумленъ происшедшею переменою и я долженъ былъ обѣщать ему, что постараюсь водворить его на слѣдующій день въ его комнату. Этимъ дѣло и кончилось. Черезъ полгода, къ нашему общему удовольствію, ребенокъ уже отлично читалъ по-русски и писалъ довольно сносно, а вскорѣ сдѣлалъ замѣчательные успѣхи во французскомъ языкѣ и въ другихъ предметахъ. Притомъ онъ сдѣлался мальчикомъ довольно смирнымъ и послушнымъ, но все-таки разившееся въ немъ съ дѣтства упрямство не могло совершенно искорениться и впоследствии много вредило ему.

Родители мальчика, въ знакъ благодарности, за его успѣхи, хотѣли выхлопотать мнѣ мѣсто старшаго учителя при открытыхъ, по повелѣнію императрицы, нѣмецкихъ классахъ при духовной семинаріи въ Харьковѣ, причемъ я сохранилъ-бы свое мѣсто и въ домѣ Щербининыхъ, но такъ какъ мнѣ не улыбалась перспектива преподавать въ казенномъ заведеніи, то я отказался отъ этого выгоднаго предложенія. Въ это учебное заведеніе были приглашены изъ Москвы два нѣмца, изъ коихъ одинъ, Іог. Фрид. Паули, оказавшійся членомъ общины гернгутеровъ, очаровалъ всѣхъ своимъ привѣтливимъ обращеніемъ. При первой встрѣчѣ со мною, онъ привѣтствовалъ меня простымъ „доброе утро“, но оно было сказано съ такимъ выраженіемъ, съ такою ласковою располагающею улыбкою, какою я никогда еще не видалъ, поэтому его слова тронули меня до глубины души, я позабылъ на время свое предубѣжденіе противъ нѣмцевъ и подружился съ нимъ. Онъ былъ другомъ всего нашего дома; ни одинъ праздникъ, ни одно семейное

торжество не обходилось без него. Онъ познакомилъ меня съ общиною, съ ея цѣлями, и я былъ очарованъ всѣмъ тѣмъ, что услышалъ объ ея организаціи, объ ея требованіяхъ; въ ней все безъ исключенія казалось мнѣ совершеннымъ; не видавъ никогда въ жизни ни одной общины, я уже былъ преданъ ей всею душою. Меня удивляло одно: какимъ образомъ я, человѣкъ образованный, ничего не слышалъ прежде объ этомъ братствѣ; помню только, что когда мнѣ былъ седьмой годъ и я занимался однажды уборкою бумагъ въ кабинетѣ отца, то мнѣ попало въ руки разсужденіе доктора Баумгартена о геригутерахъ; на мой вопросъ: „что это за люди!“ отецъ отвѣчалъ коротко:

— Это были хорошіе люди, сынъ мой, но со временемъ они испортились.

Затѣмъ, при отъѣздѣ моемъ изъ Германіи, пасторъ Шеръ предостерегалъ меня отъ геригутеровъ, какъ я уже говорилъ выше, вотъ и все то, что я слышалъ о нихъ до тѣхъ поръ.

Во мнѣ возбудилось желаніе взглянуть на общину, основанную въ Сарептѣ, всего шесть лѣтъ тому назадъ, но это казалось неосуществимымъ: привязанность моя къ моему воспитаннику, разбѣянная жизнь, которую вели въ домѣ Щербининыхъ, невозможность поручить кому-бы то ни было на время маленькаго Щербинина—представляли къ тому непреодолимыя препятствія. Но случилось иначе. Вслѣдствіе сидячей жизни я опасно заболѣлъ; доктора и всѣ знакомые были того мнѣнія, что мнѣ необходимо для моего здоровья совершить небольшую поѣздку, и самъ Щербининъ предложилъ мнѣ поѣхать вмѣстѣ съ Паули въ Сарепту и далъ намъ на поѣздъ денегъ.

Въ юнѣ мѣсяцѣ 1770 г. мы отправились въ путь, по мѣстности въ то время мнѣ совершенно незнакомой; до Царяцына я все еще былъ слабъ, но тутъ мы встрѣтились съ братьями Фигъ и Сутеромъ—первыми изъ сарептскихъ геригутеровъ, съ которыми мнѣ довелось познакомиться, и это такъ порадовало меня, что я прѣхалъ въ Сарепту совершенно здоровый, и до сихъ поръ вспоминаю съ умиленіемъ, что мнѣ довелось видѣть эту общину при самомъ ея возникновеніи. Насъ приняли радушно; особенно тронуло меня то обстоятельство, что мнѣ дозволили присутствовать при таинствѣ св. причастія, которое произвело на меня сильное впечатлѣніе.

Я приобрѣлъ тутъ довольно полное собраніе всѣхъ сочиненій, изданныхъ общиною; послѣ шестинедѣльнаго пребыванія въ Сарептѣ мы возвратились въ Харьковъ. Наши разказы объ общинѣ возбуждали всеобщій интересъ, и многіе изъ жителей Харькова впоследствии сами побывали въ Сарептѣ“.

Подъ вліяніемъ книгъ, привезенныхъ изъ общины, въ душѣ Виганда совершился важный нравственный переворотъ: многое, до тѣхъ поръ для него непонятное, сдѣлалось ему, какъ онъ говоритъ, совершенно яснымъ, онъ сталъ человѣкомъ искренно вѣрующимъ и обрѣлъ тотъ душевный миръ, котораго ранѣе онъ не зналъ, а братья геригутеры, съ которыми онъ вступилъ въ переписку, сдѣлались его руководителями на этомъ новомъ пути; вида во всемъ случившемся въ его жизни явный перстъ Божій, приведшій его въ то мѣсто, гдѣ ему было суждено обрѣсти спасеніе, онъ считалъ своимъ долгомъ вліять на окружающихъ, стараясь и ихъ наставить на тотъ путь, на которомъ онъ чувствовалъ себя такъ хорошо, и его старанія въ этомъ отношеніи не разъ увѣнчались успѣхомъ.

III.

Въ 1768 г. была объявлена война Турціи; Харькову угрожала 50.000 армія крымскихъ татаръ; въ эту критическую минуту всѣ жители города были призваны къ оружію. „Подъ мою команду, рассказываетъ Вигандъ, были отданы студенты семинаріи и двѣ пушки; мы простояли подъ ружьемъ двое сутокъ, но до боя дѣло не дошло, хотя татары и захватили въ окрестностяхъ въ плѣнъ болѣе 20.000 человѣкъ, изъ коихъ ни одинъ не вернулся; до 18.000 этихъ несчастныхъ погибли, не перейдя русской границы, отъ голода и изнуренія, такъ какъ ихъ заставляли все время бѣжать привязанными къ конямъ.“

Въ 1769 г. въ Харьковѣ находилась главная квартира арміи, назначенной, подъ начальствомъ гр. Панина, для осады Бендеръ. Въ это время у меня было очень много дѣла. Однако, я продолжалъ усердно заниматься съ моимъ воспитанникомъ и онъ радовалъ меня своими успѣхами въ наукахъ и искусствахъ; я занимался съ нимъ, по желанію родителей, также Закономъ Божиимъ и замѣчалъ, что онъ все болѣе и болѣе отрѣшался отъ вкоренившихся въ него съ дѣтства предразсудковъ и совершенно ясно начиналъ понимать истины евангельскаго ученія.

Чума, свирѣпствовавшая въ Россіи въ 1774 г., унесла и въ Харьковѣ много жертвъ, но, къ счастью, не коснулась нашего дома. Въ томъ-же году сарептской общинѣ угрожало раззореніе отъ Пугачева; это событіе во многихъ отношеніяхъ касалось меня весьма близко. Чрезвычайное пристрастіе мое къ общинѣ, убѣж-

деніе въ томъ, что эта община находится подъ особымъ покровительствомъ Господа, и непониманіе мною Его предназначеній возбудили во мнѣ непоколебимую увѣренность въ томъ, что Сарепта будетъ спасена отъ злодѣя. Я высказывалъ это какъ фактъ, не подлежащій сомнѣнію, всѣмъ, говорившимъ со мною объ общинѣ; многіе сочувствовали мнѣ, и губернаторъ сообщалъ мнѣ каждый день о движеніи бунтовщиковъ. Судя по этимъ извѣстіямъ, опасность угрожала Сарептѣ все болѣе и болѣе, я горевалъ и молился, но все еще не оставлялъ своего убѣжденія, какъ вдругъ однажды было получено извѣстіе, что Сарепта разграблена бунтовщиками! Это былъ для меня жестокій ударъ, который могъ поколебать во мнѣ вѣру, но; благодаря Бога, этого не случилось; зато я былъ обрадованъ извѣстіемъ, что всѣ сестры были спасены почти чудеснымъ образомъ и что злодѣи не успѣли причинить имъ ни малѣйшаго вреда.

Опасность, угрожавшая Россіи отъ Пугачева, распространилась до самаго Харькова; одинъ изъ его посланцевъ, везшій воззванія, былъ арестованъ въ 150 верстахъ отъ города, въ одномъ мѣстечкѣ, гдѣ онъ также распространялъ эти воззванія. Необходимо было узнать съ кѣмъ именно онъ имѣлъ сношеніе, но при допросѣ онъ выказалъ удивительную твердость, не хотѣлъ никого называть, и только когда били его кнутомъ, то онъ называлъ до двадцати мѣстъ, гдѣ онъ раздавалъ будто-бы письма, когда-же его привезли въ указанныя мѣста, то онъ говорилъ, что ошибся,—такъ отъ него ничего и не добились, а на третій день этого человѣка нашли въ тюрьмѣ убитымъ. Это обстоятельство чрезвычайно поразило всѣхъ: неволью явилась мысль, что тотъ, кто получалъ письма Пугачева, изъ боязни быть выданнымъ, приказалъ убить его посланнаго и что, слѣдовательно, это была личность вліятельная.

Около этого времени я получилъ отъ моего старика отца письмо, въ которомъ онъ просилъ меня пріѣхать повидаться съ нимъ и предостерегалъ меня отъ сближенія съ братствомъ. Я удивился, какимъ путемъ онъ узналъ о моихъ сношеніяхъ съ общиною, такъ какъ я ничего не писалъ ему объ этомъ; къ тому-же, насъ раздѣляло такое огромное пространство, да и впоследствии, увидѣвшись съ нимъ, не могъ добиться откуда онъ получилъ это извѣстіе. При всемъ желаніи увидѣться съ отцомъ, я затруднился оставить моего воспитанника на столь продолжительное время, но это препятствіе было скорѣе устранено. Щербининъ рѣшился отсутствовать со мною своихъ двухъ сыновей и сына сестры своей, генеральши Хомутовой, котораго родители привезли, съ годъ тому назадъ, на

воспитаніе въ Украйну; это былъ слабый, болѣзненный мальчикъ семи лѣтъ, разбитый параличемъ.

Такимъ образомъ, въ маѣ мѣсяцѣ 1775 г., я отправился изъ Харькова съ двумя Щербиниными и съ маленькимъ Хомутовымъ; родители провожали насъ со слезами. Выдержавъ карантинъ, мы прибыли въ Москву, къ бабушкѣ моихъ воспитанниковъ; тутъ терпѣніе мое было подвергнуто большому испытанію, такъ какъ намъ пришлось съ іюня до половины ноября ожидать дозволенія выѣхать за-границу. Воспитанники мои были записаны сержантами въ л.-гв. Измайловскій полкъ, поэтому они не могли получить отпуска безъ вѣдома государыни, бывшей шефомъ этого полка. Хотя дяди моихъ воспитанниковъ былъ адъютантомъ въ этомъ полку и поэтому легко могъ доложить государынѣ объ ихъ просьбѣ, но случившаяся въ это время перемена фаворита, блестящія празднества по случаю заключенія славнаго Кучукъ-Кайнарджійскаго мира, причемъ происходили всевозможныя народныя увеселенія на обширномъ полѣ, гдѣ, между прочимъ, были представлены завоеванныя города, крѣпости, замки и даже весь флотъ—все это заставляло его откладывать докладъ со дня на день. Цѣлыхъ пять мѣсяцевъ выходилъ я аккуратно каждый день въ 11 часовъ утра на лѣстницу, на встрѣчу адъютанту, возвращавшемуся съ развода,—и все не могъ добиться желаннаго результата.

Наконецъ, давно ожидаемое разрѣшеніе было получено, и мы оставили Москву въ половинѣ ноября; погода была пасмурная, туманная, дни короткіе, а дороги были такъ испорчены проѣздомъ двора, что мы были вынуждены ѣхать большею частью при свѣтѣ факела, съ которымъ впереди насъ ѣхалъ слуга. Изъ Новгорода мы выѣхали около двухъ часовъ ночи; мы были уже ранѣе напуганы разсказами о разбояхъ, совершавшихся въ его окрестностяхъ, какъ вдругъ весь нашъ поѣздъ остановился и я услышалъ страшные крики и драку; никого изъ людей нельзя было дозваться и я съ тревогою ожидалъ чѣмъ все это кончится, опасаясь за участь дѣтей, которыя, между тѣмъ, спокойно спали. Оказалось, что на насъ дѣйствительно напали разбойники; расправившись съ ними, наши люди, наконецъ, вернулись, ведя съ собою двухъ плѣнныхъ, которыхъ мы связали и, возвратясь въ городъ, передали въ руки полиціи.

Въ Петербургѣ мы остановились на самое короткое время, необходимое для того, чтобы закупить все нужное для дальнѣйшаго путешествія. По пути въ Ригу, большое затрудненіе представила переправа черезъ Нарову; такъ какъ ледъ на ней еще

недостаточно окрѣпъ, то нашъ громоздкій экипажъ пришлось разобрать по частямъ и перенести на рукахъ, такимъ-же способомъ были переправлены и дѣти; благодаря Бога, все обошлось благополучно“.

IV.

Изъ Риги путешественники добрались безъ особенныхъ приключеній черезъ Кенигсбергъ, Данцигъ и Штетинъ къ отцу Виганда. Трудно описать съ какимъ умиленіемъ престарѣлый пасторъ заключилъ въ свои объятія сына, котораго онъ не видалъ уже столько лѣтъ, и благословилъ его и его воспитанниковъ.

„Нѣсколько дней родители не могли взглянуть на меня безъ слезъ, пишетъ Вигандъ, когда-же прошли первые суетливые дни, занятые встрѣчей и неизбѣжными визитами, то отецъ заговорилъ со мною объ общинѣ, и когда я описалъ ему устройство ея и дѣли, то онъ ничего не могъ возразить мнѣ и болѣе не противился моему поступленію въ нее.

Весною 1776 г. я переѣхалъ съ моими воспитанниками въ Берлинъ, гдѣ намѣревался провести нѣсколько лѣтъ, пока младшіе мои воспитанники подрастутъ; здѣсь были самыя лучшія условія для ихъ воспитанія и образованія, а мнѣ представлялся случай ближе сойтись и познакомиться съ братьями гернгутерами, со стороны которыхъ я встрѣтилъ самое дружеское расположеніе.

Вскорѣ послѣ нашего приѣзда въ Берлинъ, въ немъ стала свирѣпствовать оспа; можно было опасаться, что она не пощадитъ и моихъ воспитанниковъ, а маленькій Хомутовъ, при его слабомъ здоровьѣ, по всей вѣроятности, не вынесъ-бы этой болѣзни. Родители его были такъ далеко, что я не могъ посоветоваться съ ними, поэтому мнѣ оставалось положиться на волю Божию. Однажды, въ разговорѣ со мною, одна изъ сестеръ ¹⁾ высказала мнѣніе, что дѣтямъ необходимо привить оспу. Я принялъ ея совѣтъ какъ внушеніе свыше, и, благодаря Бога, операція эта окончилась благополучно, хотя маленькій Хомутовъ такъ расхворался, что былъ нѣсколько часовъ при смерти. Мой хозяинъ, считавшій оспoprививаніе сопротивленіемъ волѣ Божіей, потерялъ изъ шести человекъ дѣтей—троихъ, а изъ оставшихся двое были изуродованы оспою.

Изъ Берлина я ѣздилъ въ Барбы, въ собраніе унитаріанцевъ, гдѣ первый разъ въ жизни удостоился причаститься вмѣстѣ съ

¹⁾ Сестрами и братьями Вигандъ называетъ всѣхъ гернгутеровъ. В. Т.

прочими членами братства. Въ 1778 г. къ намъ прїѣхалъ изъ Россіи самъ Щербининъ; его здоровье было сильно потрясено смертью жены и онъ отправился за-границу для пользованія водами въ Пирмонтъ, куда мы всѣ отправились съ нимъ“.

По окончаніи леченія, Щербининъ возвратился въ Россію, а Вигандъ, помѣстивъ младшихъ воспитанниковъ въ пансіонъ, совершилъ со старшимъ Щербининымъ путешествіе въ Голландію и Англію, во время котораго онъ познакомился съ членами разныхъ религіозныхъ сектъ и со многими гернгутерами, неоднократно посѣщалъ ихъ бесѣды и самъ говорилъ проповѣди на этихъ собраніяхъ.

Въ Лондонѣ и вообще въ Англіи я провелъ время прїятно, говорить онъ, точно также какъ и мой воспитанникъ, которому было разрѣшено посѣщать эти собранія и присутствовать на братскихъ трапезахъ. Изъ Англіи, черезъ Голландію и Брюссель, мы отправились въ Парижъ. Съ грустью взирали мы на безуміе, тщеславіе и на грѣховную жизнь парижанъ и кромѣ „collegio musico“, собиравшагося у насъ каждое воскресенье, да русскаго посольства, гдѣ мы познакомились съ красивымъ г. Марковымъ, мы нигдѣ не бывали и не заводили знакомствъ съ французами; не помню какими судьбами познакомились мы съ извѣстнымъ Калиостро, что-же касалось нѣсколькихъ аббатовъ, желавшихъ бывать у насъ, то отъ нихъ мы скоро отдѣлались. Число ученыхъ, съ коими мы видались, было невелико, я назову только Court de Gobelin'a, автора „Monde Primitif“, который вручилъ мнѣ дипломъ на званіе корреспондента Musée de Paris“.

Изъ Франціи путешественники отправились въ Италію, объѣздивъ ее всю, отъ Турина до Неаполя, останавливаясь во всѣхъ городахъ, чтобы осмотрѣть ихъ достопримѣчательности, но во время переѣздовъ постоянно были въ страхѣ, какъ-бы не попасть въ руки бандитовъ. „Ни красоты природы, ни произведенія искусства, ни роскошная обстановка „праздника св. Петра“ не могли вознаградить насъ за постоянное тревожное настроеніе духа, сообщаетъ авторъ записокъ; къ концу августа мы были уже въ Парижѣ и стали немедленно собираться въ обратный путь въ Россію“.

Проѣздомъ по Германіи, Вигандъ вновь посѣтилъ Барбы, и такъ какъ приближался срокъ его контракта въ домѣ Щербининыхъ и ему приходилось прїискивать себѣ новое мѣсто, то собраніе унитаріанцевъ предложило ему хлопотать въ Москвѣ о мѣстѣ домового священника при университетѣ, такъ какъ для общины было необходимо имѣть тамъ своего члена, чтобы выхлопотать для нея освобожденіе отъ военнаго постоя—право, которымъ она въ то время

еще не пользовалась и которое могъ дать ей только одинъ университетъ.

„Я всегда чувствовалъ предубѣжденіе къ службѣ въ казенномъ заведеніи, говоритъ Вигандъ, къ тому-же въ послѣдніе годы я имѣлъ случай убѣдиться въ томъ, что всѣ служащіе при московскомъ университетѣ были масоны самаго худшаго разбора, отчасти отъявленные атеисты, съ которыми я никакъ не могъ сойтись, однако, я изъявилъ согласіе исполнить возлагаемое на меня порученіе, надѣясь, что Спаситель дастъ мнѣ силу исполнить его.

При этомъ я былъ окончательно принятъ въ общину и затѣмъ мы отправились въ Россію и благополучно прибыли позднею осенью 1780 г. въ Петербургъ, изъ котораго выѣхали ровно шесть лѣтъ тому назадъ. Тутъ мнѣ пришлось ожидать приѣзда старика Козодавлева, дяди моихъ воспитанниковъ, бывшаго вице-губернаторомъ въ Смоленскѣ; онъ пріѣхалъ къ Рождеству и принималъ своихъ племянниковъ весьма ласково. Между тѣмъ молодой Хомутовъ опасно заболѣлъ и на выздоровленіе его докторъ не имѣлъ никакой надежды. Трудно описать до какой степени я былъ огорченъ этимъ: я надѣялся съ Божіею помощію возвратить родителямъ этого болѣзненнаго ребенка окрѣпшимъ и окончившимъ свое образованіе; семь лѣтъ Господь хранилъ его подъ моимъ надзоромъ—и вдругъ всѣмъ моимъ надеждамъ суждено было рушиться наканунѣ ихъ осуществленія. Я былъ при немъ неотлучно четырнадцать дней, все время ухаживалъ за нимъ самъ, но все было напрасно; съ перваго-же дня болѣзни онъ впалъ въ безпамятство и только наканунѣ смерти, когда его пріобщали по обряду русской церкви, то при словахъ: „Вѣрую, Господи, и исповѣдую“, онъ приподнялся на постели и повторилъ слова молитвы съ такимъ чувствомъ, что всѣ присутствовавшіе заплакали. Принявъ причастіе, онъ снова впалъ въ безпамятство и черезъ день скончался. Мнѣ живо представились несчастные родители, оплакивавшіе потерю своего единственнаго сына, и мною овладѣла такая грусть, сердце такъ болѣзненно сжалось, что, казалось, я не переживу этой минуты“.

V.

Похоронивъ мальчика, Вигандъ поѣхалъ съ Щербининными въ Харьковъ, чтобы дать отчетъ ихъ отцу въ путешествіи и въ деньгахъ, потраченныхъ за это время, которыхъ прошло черезъ его руки до тридцати слишкомъ тысячъ. Но Щербининъ, служившій въ это время въ Харьковѣ прокуроромъ, былъ занятъ дѣлами дни и не имѣлъ времени свести счеты; такъ прошло нѣсколько мѣсяцевъ, употребленныхъ Вигандомъ на ознакомленіе съ способомъ веденія дѣлъ и на приобрѣтеніе нѣкоторыхъ свѣдѣній въ государственной администраціи, которыя весьма пригодились ему въ его послѣдующей служебной карьерѣ. Наконецъ, ему представился случай сдать отчетъ; Щербининъ щедро отблагодарилъ его за его труды, но взялъ съ него обѣщаніе не оставлять его семьи до выздоровленія его младшаго сына, который въ это время былъ серьезно боленъ, и отправиться съ нимъ для совѣта съ врачами въ Москву и въ Петербургъ. Такимъ образомъ, Вигандъ все еще не могъ приступить къ исполненію порученія, даннаго ему общиною; къ счастью для него въ Петербургѣ, лейбъ-хирургъ Блокъ сдѣлалъ весьма удачно его воспитаннику трудную операцію и хотя выздоровленіе больного шло медленно, но онъ вполнѣ оправился.

„Наконецъ, я былъ свободенъ, восклицаетъ пасторъ, и отправился въ Сарепту, гдѣ получилъ необходимыя для меня инструкціи, былъ посвященъ въ діаконы и отправился къ мѣсту моего назначенія въ Москву, куда прибылъ въ октябрѣ 1782 г., слишкомъ два года спустя послѣ моего выѣзда изъ Германіи. Въ московскомъ университетѣ у меня не было ни одного знакомаго, который похлопоталъ-бы за меня, поэтому я обратился лично къ куратору университета, тайному совѣтнику Мелиссино, и заявилъ ему, что мнѣ извѣстно какую онъ оказалъ протекцію моему другу Гельтергофу ¹⁾ и что я самъ желаю теперь получить мѣсто при университетѣ. Взглянувъ на меня пристально, онъ спросилъ—не состою-ли я членомъ общины, и, получивъ утвердительный отвѣтъ, сдѣлался привѣтливѣе, рассказалъ мнѣ съ видимымъ удовольствіемъ, что онъ служилъ прокуроромъ при святѣйшемъ синодѣ въ то время, когда въ немъ происходили извѣстныя пренія по поводу религіи братьевъ-

¹⁾ Изъ гернгутеровъ; служилъ при московскомъ университетѣ.

гернгутеровъ, о которой и онъ высказалъ тогда свое мнѣніе, велѣлъ мнѣ явиться къ нему на слѣдующій день и спросилъ не желаю-ли я получить занятіе помимо университета. Я отъ этого отказался. Нѣсколько дней спустя, кураторъ призвалъ меня къ себѣ и отправился вмѣстѣ со мною въ конференцію университета, передъ которою мнѣ предстояло держать экзаменъ. Извѣстный профессоръ греческаго языка Матаци предложилъ мнѣ два—три вопроса, на которые я отвѣтилъ удачно, и этимъ экзаменъ окончился; когда-же Мелиссино спросилъ—почему меня не подвергаютъ испытанію, то профессоръ отвѣчалъ, что изъ нѣсколькихъ словъ видно съ кѣмъ имѣешь дѣло. Этимъ вся формальность ограничилась и я былъ опредѣленъ въ университетъ экстраординарнымъ профессоромъ; жалованіе было назначено мнѣ, съ моего согласія, самое незначительное; большаго я не просилъ, опасаясь этимъ затормозить дѣло; самъ я имѣлъ въ это время достаточно денегъ, такъ что могъ свободно прожить, и поэтому довольствовался ничтожнымъ вознагражденіемъ. Мелиссино сказалъ мнѣ при этомъ, что „университетъ можетъ дать почести, но не деньги“. Итакъ, съ помощью Божіею, это дѣло, казавшееся мнѣ невозможнымъ, устроилось не болѣе какъ въ три дни,—какъ оказалось впоследствии, благодаря участію, принятому во мнѣ извѣстнымъ масономъ Шварцомъ. Этотъ замѣчательный человѣкъ воспитывался въ Силезіи, подъ руководствомъ одной женщины, принадлежавшей къ нашей религіозной общинѣ, и подъ ея вліяніемъ получилъ вполне религіозное направленіе. Увлечшись по своему страстному характеру новыми идеями, онъ поѣхалъ въ Остъ-Индію, испыталъ тамъ не мало приключеній, а по возвращеніи отсюда снова сталъ заниматься наукою и примкнулъ къ масонамъ-мартинистамъ, которые получили свое названіе отъ извѣстнаго Мартина, автора сочиненія „Des erreurs et de la vérité“. Этимъ обществомъ онъ былъ посланъ въ Москву, гдѣ промзвелъ большія реформы среди масоновъ. Профессоръ Шварцъ, человѣкъ весьма дѣятельный, въ дѣйствительности управлялъ всѣмъ университетомъ, и слышавъ отъ Мелиссино, что одинъ изъ братьевъ гернгутеровъ поступаетъ на службу университета, онъ употребилъ всевозможное стараніе къ тому, чтобы привлечь меня въ свое общество, а когда я отказался отъ этого, то способствовалъ моему опредѣленію въ университетъ. Единственное къ этому препятствіе, заключавшееся въ отсутствіи вакансіи, было устранено тѣмъ, что профессоръ Чеботаревъ, которому было слишкомъ затруднительно читать исторію, передалъ мнѣ свою кафедру.

Такимъ образомъ, я очутился въ весьма странномъ положеніи

между двумя въ высшей степени враждебными партіями; сильнѣйшая изъ нихъ, — мартинисты, доставившіе мнѣ мѣсто, — покровительствовали мнѣ по убѣжденію, какъ члену братской общины; противники-же ихъ, зная, что братья не имѣютъ ничего общаго съ масонами, терпѣли меня какъ личность нейтральную; замѣчательно, что когда конференціи университета приходилось обсуждать какой-нибудь вопросъ, противъ котораго могла быть та или другая партія, причѣмъ я могъ-бы случайно оскорбить которую-либо изъ нихъ, то случалось всякій разъ, что я или заболѣвалъ или по какому-нибудь непредвидѣнному обстоятельству не могъ присутствовать на конференціи. Прежде нежели я коснусь моей прежней жизни въ Москвѣ, скажу еще нѣсколько словъ о вышеупомянутомъ обществѣ.

Руководитель общества, проф. Шварцъ, оказывалъ мнѣ полное довѣріе и открылъ мнѣ сокровенныя цѣли общества, клонившіяся не къ чему иному, какъ къ ниспроверженію православнаго вѣроисповѣданія въ Россіи; я совѣтывалъ ему дѣйствовать осторожнѣе, оставить мистицизмъ и не смѣшивать своихъ цѣлей съ цѣлью общины, чтобы они не повредили другъ другу. Относительно религіозной реформы, Шварцъ зашелъ уже далеко и планъ его былъ близокъ къ осуществленію, но чрезмѣрные труды повергли его скорѣ на одръ болѣзни; я навѣщалъ его ежедневно, и онъ всегда просилъ меня бесѣдовать съ нимъ о Спасителѣ, но мы не могли говорить свободно, такъ какъ насъ всегда подслушивали масоны, опасавшіеся того, чтобы онъ, подъ вліяніемъ столь новаго для него настроенія духа, не выдалъ ихъ тайнъ. Я и самъ всячески избѣгалъ этого; только однажды онъ высказался, что „это дьявольскій орденъ и что если Господь пошлетъ ему исцѣленіе, то онъ поступитъ въ общину“. Когда Шварцъ скончался, то масоны просили меня произнести надгробное слово на русскомъ языкѣ.

Что касается моихъ занятій въ университетѣ, то я старался исполнять мои профессорскія обязанности какъ можно добросовѣстнѣе, любилъ студентовъ и, въ свою очередь, былъ ими любимъ, что возбуждало въ моихъ сотоварищахъ зависть, которую они не замедлили дать почувствовать. Читая лекціи исторіи, я имѣлъ случай иногда объяснять моимъ слушателямъ догматы христіанскихъ вѣроисповѣданій; въ особенности, проходя исторію среднихъ вѣковъ, когда мнѣ приходилось говорить о рожденіи Іисуса Христа, какъ объ эпохѣ во всемірной исторіи, я посвящалъ обыкновенно этому предмету нѣсколько лекцій, которыя такъ нравились молодежи, что она стекалась въ мою аудиторію съ разныхъ факультетовъ. То-же самое происходило и тогда, когда я читалъ о реформаціи.

Въ 1783 г. я женился, по предложенію общины, на одной изъ сестеръ, дѣвицѣ Сарѣ Фербернѣ, пріѣхавшей съ этою цѣлью изъ Германіи. Бракъ нашъ былъ благословленъ восемью дѣтьми, изъ коихъ три дочери и два сына живы понынѣ (1808 г.). Старшая дочь моя замужемъ за миссіонеромъ Пинкертономъ, а вторая за реформатскимъ священникомъ Губертомъ; остальные трое дѣтей еще воспитываются въ общинѣ. Несмотря на то, что наши съ женою характеры были весьма различны, мы жили постоянно въ полномъ мирѣ и согласіи, и она была для меня всегда усердною помощницею въ жизни“.

VI.

Въ Москвѣ, кромѣ занятій по университету, Вигандъ читалъ нерѣдко проповѣди въ лютеранскихъ церквяхъ, совершалъ иногда богослуженіе во время болѣзни другихъ пасторовъ, публично говорилъ проповѣди въ своемъ домѣ, навѣщалъ больныхъ и т. п., и ежегодно готовилъ къ конфирмаціи нѣсколько молодыхъ людей изъ эстонцевъ и латышей, не говорившихъ по-нѣмецки, причемъ на урокахъ, которые онъ давалъ имъ на русскомъ языкѣ, присутствовало зачастую многочисленное русское общество; кромѣ того, онъ велъ обширную корреспонденцію, такъ что въ день отправления почты ему приходилось иногда писать до десяти и болѣе писемъ; наконецъ, онъ давалъ еще частные уроки гр. Панину, Галахову и другимъ, имѣлъ дѣла въ судѣ, по случаю покупки общиннаго дома, полученія плановъ и документовъ, по поводу хлопотъ объ отвѣденіи особаго кладбища для членовъ общины, о постройкѣ новаго каменнаго дома для общины и освобожденія его отъ постоя и т. д. Добиться этой привиллегіи для общины было для него особенно важно, такъ какъ, посылая его въ Москву, община имѣла, главнымъ образомъ, въ виду эту цѣль.

„Пребываніе въ Москвѣ было для меня крайне тягостно и утомительно, говоритъ Вигандъ,—поэтому, добившись, наконецъ, для нашего дома освобожденія отъ постоя и зная, что я не обязанъ болѣе изъ-за этого нести университетское ярмо, я сталъ спокойнѣе и довольнѣе; въ 1784 г. я былъ произведенъ въ коллежскіе ассессоры, а два года спустя, когда меня хотѣли произвести въ надворные совѣтники, причемъ я долженъ былъ принять русское подданство, то я отказался отъ этого чина, а вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ былъ со временемъ оставить и мѣсто при университетѣ.

Въ это время опекуны богатаго молодого Демидова предложили мнѣ, черезъ придворнаго священника Самборскаго, съ которымъ я былъ друженъ со времени моего пребыванія въ Лондонѣ, гдѣ онъ состоялъ священникомъ при церкви русскаго посольства, взять на себя воспитаніе этого молодого человѣка. Условія были блестящія: каждый изъ опекуновъ получалъ ежегодно 15,000 рублей, но я отказался отъ этого предложенія и нѣсколько лѣтъ спустя убѣдился какъ опасно было-бы мнѣ принять его, такъ какъ извѣстный кн. Потемкинъ задумалъ лишить этого юношу его громаднаго состоянія и съ этою цѣлью втянулъ его въ страшный развратъ. Ежели Потемкинъ встрѣтилъ-бы противодѣйствіе своему плану въ воспитаніи, данномъ мною, то черезъ это могъ-бы пострадать не я одинъ, но и вся община.

Въ 1788 г. я ѣздилъ съ женою и нашими четырьмя дѣтьми въ Сарепту, съ цѣлью помѣстить въ тамошнее учебное заведеніе двухъ старшихъ дочерей, а пять лѣтъ спустя, именно въ 1793 г., на одиннадцатомъ году моего пребыванія въ Москвѣ, когда я не ожидалъ уже никакой перемѣны въ жизни, мнѣ было сдѣлано неожиданно предложеніе занять въ Петербургѣ мѣсто священника и агента братства. Я принялъ это предложеніе съ радостью, но не могъ тотчасъ оставить университетъ, такъ какъ я участвовалъ въ секретной комиссіи, имѣвшей порученіе рассмотреть бумаги арестованнаго Новикова.

Послѣ злосчастной французской революціи, угрожавшей спокойствію всѣхъ государствъ, императрица Екатерина II сдѣлалась весьма недовѣрчива и подозрительна. Въ то время, во главѣ мартинистовъ, по смерти Шварца, сталъ Новиковъ; не подлежало сомнѣнію, что это общество, подъ предлогомъ распространенія евангелія, преслѣдовало свои личныя цѣли. Мое вліяніе на него, со смертью Шварца, было самое ничтожное; я поддерживалъ знакомство лишь съ немногими изъ наиболѣе разсудительныхъ его членовъ, которые не имѣли, однако, въ немъ никакого вѣса. Между тѣмъ, мартинисты обращали на себя всеобщее вниманіе, они распространяли назидательныя книги и занимались дѣлами благотворительности, далеко превышавшими средства частныхъ лицъ. Особенно быстро разошлись по всей имперіи четыре обширныя изданія перевода „Истиннаго христіанства“ Аридта,—сочиненія, осужденнаго еще въ царствованіе императрицы Анны Іоанновны свят. синодомъ, какъ противное православной религіи. Императрица, по своимъ убѣжденіямъ не терпѣвшая новыхъ ученій, считала тайныя общества весьма опасными, а Новикова лично ненавидѣла, поэтому

она поручила теперешнему (1808 г.) министру Лопухину, бывшему въ то время московскимъ генераль-губернаторомъ, имѣть бдительный надзоръ за этимъ обществомъ, стоявшимъ въ тѣсной связи съ московскимъ университетомъ; когда-же императрица убѣдилась что Лопухинъ не вполне способенъ къ преслѣдованію ея цѣлей, то она назначила генераль-губернаторомъ въ Москву князя Прозоровскаго, которому было поручено разслѣдовать все, касавшееся общества, и уничтожить его. Я, какъ человекъ не свѣтскій, всегда казался князю лицомъ подозрительнымъ и каждому, увѣрявшему его, что я членъ братской общины, онъ отвѣчалъ, что „гернгутеры и мартинисты—одного поля ягода“. Дѣйствительно, моя фамилія стояла во главѣ списка профессоровъ мартинистовъ. Статскій совѣтникъ Пестель, увидѣвъ этотъ списокъ въ кабинетѣ князя, пыталъ было увѣрить его, что я отнюдь не принадлежу къ этому обществу, но это не помогло, и я навсегда остался мартинистомъ въ глазахъ князя.

Спасеніе явилось съ другой стороны. Одинъ женевскій уроженецъ, по фамиліи Du Seigneur, познакомившійся съ нашею общиною еще за-границею и которому я оказалъ нѣкоторыя услуги, между прочимъ, рекомендовалъ его въ домъ кн. Гагарина, поддаваясь убѣжденіямъ кн. Прозоровскаго, не жалѣвшаго для своихъ цѣлей ни денегъ, ни обѣщаній, и выдалъ своего начальника, близкаго родственника Прозоровскаго и члена общества мартинистовъ. Du Seigneur сдѣлался съ той поры довѣреннымъ шпиономъ князя; по его настоянію, моя фамилія была вычеркнута изъ ненавистнаго списка. Между тѣмъ, былъ арестованъ Новиковъ; его домъ, находившійся въ центрѣ города, былъ окруженъ пятьюдесятью конными и пѣшими солдатами съ заряженными ружьями; нѣсколько мѣсяцевъ спустя, онъ былъ перевезенъ въ Шлиссельбургскую крѣпость, откуда выпущенъ только въ царствованіе императора Павла I. Всѣ его знакомые ожидали вначалѣ той-же участи, поэтому я успѣшилъ уничтожить или спрятать всѣ книги, подаренныя мнѣ мартинистами. Но дѣло ограничилось однимъ страхомъ. Книги и бумаги были опечатаны и для разбора ихъ была назначена секретная коммиссія, въ которую я также былъ выбранъ, по совѣту Du Seigneur'а. Членами этой коммиссіи были: профессоръ Геймъ, два или три русскіихъ архипастыря, шпионъ Du Seigneur и оберъ-полицеймейстеръ Глазовъ. Мнѣ были переданы ключи и печать отъ комнатъ, въ которыхъ хранились эти вещи.

Трудно было сказать, когда занятія коммиссіи окончатся, а такъ какъ, по закону, никто изъ служащихъ, на котораго возло-

жено какое-нибудь порученіе, не имѣть права выйти въ отставку до окончанія дѣла, то я рѣшительно не зналъ когда я буду имѣть возможность уѣхать изъ Москвы.

Мы раздѣлили между собою работу такимъ образомъ, что мнѣ было поручено просмотрѣть и отмѣтить книги мистическаго содержанія, Гейму — научныя сочиненія, а архипастырямъ — духовныя книги. Случайно попался мнѣ рукописный переводъ *Idea fidei fratrum*, Лайрица (Lauritz), трактующій о воспитаніи дѣтей; такъ какъ это сочиненіе принадлежало къ числу нашихъ общинныхъ изданій, то я далъ его для прочтенія русскому архипастырю; прочитавъ его съ начала до конца, онъ не нашелъ въ немъ ничего предесудительнаго, однако, припомнилъ, что, съ годъ тому назадъ, нѣчто подобное этой рукописи проходило чрезъ цензуру святѣйшаго синода; желая въ этомъ убѣдиться, онъ потребовалъ изъ синода объ этомъ справку; въ присланномъ отзывѣ было сказано, что „*Idea fidei*“ не вездѣ согласуется съ священнымъ писаніемъ и поэтому къ печати допущено быть не можетъ. Доброму архипастырю мнѣніе это показалось столь-же непонятнымъ, какъ и мнѣ самому, но дѣлать было нечего, приговоръ былъ произнесенъ.

Наконецъ, въ 1793 г., я освободился отъ моихъ занятій въ комиссіи, отправился въ Петербургъ и принялъ мою должность отъ брата Грегора; къ великому моему удовольствію, я встрѣтилъ между тамошними братьями и сестрами много старыхъ знакомыхъ. Какъ агенту общины, мнѣ приходилось весьма часто сноситься съ канцелярією губернатора, которымъ былъ въ то время мой старый знакомый—Коновницычъ; онъ во многомъ помогъ мнѣ.

Къ концу царствованія императрицы Екатерины II управлять дѣлами агентства становилось все труднѣе и труднѣе, отчасти потому, что императрица состарилась и сдѣлалась слабѣе, вслѣдствіе чего приближенные пользовались огромною властью, такъ что я часто не зналъ къ кому обратиться съ дѣломъ; даже самый сенатъ не имѣлъ уже прежняго значенія.

Въ это время мнѣ не разъ пришлось вспомнить съ благодарностью о тяжеломъ времени, проведенномъ мною въ московскомъ университетѣ; я встрѣтилъ въ Петербургѣ во всѣхъ департаментахъ старыхъ университетскихъ знакомыхъ, которые съ величайшею готовностью оказывали мнѣ свое содѣйствіе; при этомъ самыя незначительныя изъ этихъ личностей нерѣдко были для меня весьма полезны.

На дѣла агентства имѣла вліяніе также французская революція, вслѣдствіе которой пріѣздъ въ Россію братьевъ и сестеръ былъ

весьма затруднень, такъ какъ на границѣ начали тщательно осматривать всѣ паспорта и свидѣтельства. Но даже и это обстоятельство чрезвычайно было облегчено для меня тѣмъ, что Глазовъ, съ которымъ я познакомился въ секретной комиссіи, былъ въ то время оберъ-полицеймейстеромъ въ Петербургѣ и пользовался довѣріемъ императрицы. Это былъ человекъ не особенно образованный, но зато въ высшей степени честный и чрезвычайно набожный.

Въ 1796 году скончалась внезапно императрица Екатерина II; въ послѣдніе годы ея царствованія, эта императрица, вслѣдствіе происковъ Потемкина, относилась къ нашей общинѣ далеко не такъ милостиво, какъ въ первые годы; но наслѣдникъ престола, Павелъ Петровичъ, прошедшій тяжелую школу, вслѣдствіе притѣсненій со стороны любимцевъ, охотно читалъ назидательныя сочиненія, изданныя Новиковымъ, которыя ему удалось получить отъ статсъ-секретаря Баженова, несмотря на массу слѣдившихъ за нимъ шпионовъ; онъ уважалъ и нашу общину и, не взирая на перемѣны, совершившіяся въ его характерѣ, сохранилъ къ ней расположеніе до самой кончины своей. Супруга его также благоволила къ намъ.

Вступивъ на престолъ, императоръ Павелъ I приблизилъ къ себѣ многихъ изъ знакомыхъ мнѣ мартинистовъ, изъ коихъ назову лишь набожнаго и достойнаго уваженія адмирала Плещеева, тайнаго совѣтника Ивана Владиміровича Лопухина и священника Михаила Десницкаго, нынѣ (1808 г.) архіепископа черниговскаго, который былъ его любимымъ придворнымъ священникомъ; онъ былъ студентомъ во время службы моей при московскомъ университетѣ.

Для того, чтобы воспользоваться этими благопріятными обстоятельствами къ утверженію и расширенію привиллегій общины, въ Петербургъ былъ присланъ въ 1797 г. изъ Сарепты братъ Лорецъ, и ему, какъ извѣстно, удалось выхлопотать для общины весьма важныя привиллегіи.

Тайный совѣтникъ и государственный казначей гр. Васильевъ предложилъ мнѣ въ это время взять на себя воспитаніе двухъ младшихъ великихъ князей; но я отказался отъ этого предложенія: здоровье мое въ послѣднее время стало замѣтно ухудшаться, петербургскій климатъ былъ для меня вреденъ и я опасался, что при строгомъ правленіи императора Павла я легко могу сдѣлаться виновнымъ въ какомъ-нибудь упущеніи. Пребываніе въ Петербургѣ съ каждымъ днемъ становилось все опаснѣе, къ тому-же дѣти мои подросли и было необходимо помѣстить ихъ въ учебное заведеніе; все это вмѣстѣ взятое побудило меня просить у общины другаго назначенія... и вскорѣ я получилъ мѣсто помощника надзи-

рателя въ Сарептѣ. Мнѣ пришлось ожидать довольно долго прїѣзда изъ Германіи братьевъ и сестеръ Грегоръ, съ которыми мнѣ надлежало отправиться въ Сарепту. Въ это время вѣздъ изъ-за границы былъ чрезвычайно затруднителенъ, такъ, напри- мѣръ, императоръ запретилъ вѣздъ въ Россію женамъ своихъ ближайшихъ придворныхъ и, между прочимъ, даже нѣкоторымъ лицамъ, имъ-же самимъ посланнымъ за-границу для обученія. Всевозможныя старанія и просьбы у генераль-прокурора Бекле- шова и у первыхъ любимцевъ Павла, графовъ Ростопчина и Кутайсова, чтобы получить разрѣшеніе на вѣздъ въ имперію братьевъ Грегоръ и ихъ спутниковъ, были безуспѣшны; всѣ они увѣряли, что это зависитъ единственно отъ минутнаго настроенія самого императора и что ихъ ходатайство или вмѣшательство мо- жетъ только возбудить въ немъ подозрѣніе и повредить дѣлу.

Наконецъ, было получено извѣстіе о прїѣздѣ дорогихъ путе- шественниковъ въ Кронштадтъ, а часъ спустя одинъ изъ нашихъ друзей прислалъ нарочнаго съ извѣстіемъ, что Господь смягчилъ сердце непреклоннаго монарха и онъ разрѣшилъ вѣздъ въ Россію не только брату Грегору и его спутникамъ, но даже нѣкоторымъ иностранцамъ, бывшимъ съ нимъ вмѣстѣ на кораблѣ. Со слезами на глазахъ благодарили мы Бога за эту удачу.

Дружески простившись въ Петербургѣ со всѣми нашими друзьями, мы выѣхали изъ столицы по московской дорогѣ и послѣ долгаго и во многихъ отношеніяхъ утомительнаго путешествія, которое прошло, впрочемъ, для насъ довольно весело и пріятно, благодаря нашимъ милымъ спутникамъ, мы прибыли, наконецъ, 1-го (13-го) сентября 1800 года благополучно въ Сарепту. Такимъ образомъ осуществилось лелѣянное мною слишкомъ тридцать лѣтъ желаніе жить въ общинѣ.

Благодаря Бога, я жилъ все время съ моими дорогими сотоварищами въ общинѣ въ полномъ мирѣ и согласіи и надѣюсь съ тѣми-же чувствами перейти въ вѣчность“.

Этою надеждою и разсужденіемъ о своей прежней грѣховности Вигандъ оканчиваетъ свои записки, говоря, что его жизнь можетъ служить самымъ убѣдительнымъ доказательствомъ того, какое благо- творное вліяніе можетъ имѣть истинная вѣра во Христа даже на самаго испорченнаго человѣка.

В. В. Тимошукъ.

ГРАФЪ ДМИТРІЙ ІВАНОВИЧЪ ХВОСТОВЪ

1757—1835 гг.

Очерки изъ исторіи русской литературы первой четверти XIX вѣка.

Имя графа Дмитрія Ивановича Хвостова въ началѣ текущаго столѣтія имѣло совершенно такое-же значеніе, какъ имя Тредьяковскаго въ эпоху Екатерины II: оно обратилось въ нарицательное для обозначенія всякаго бездарнаго стихотворца. Въ продолженіе почти всей своей пятидесятилѣтней литературной дѣятельности гр. Хвостовъ постоянно служилъ мишенью для самыхъ злыхъ, печатныхъ и непечатныхъ шутокъ и эпиграммъ; старое и молодое поколѣніе литераторовъ изощряло свое остроуміе надъ его произведеніями и необузданною страстью къ стихотворству: онъ обратился въ какую-то „притчу во языцѣхъ“, такъ что вся разница между нимъ и Тредьяковскимъ, какъ стихотворцемъ, заключалась только въ общественномъ положеніи. Какъ при дворѣ Екатерины II заучиваніе наизусть стиховъ изъ „Тилемахиды“ служило мѣрою наказанія, такъ, по свѣдѣтельству всѣхъ современниковъ Хвостова, истиннымъ наказаніемъ для нихъ было выслушивать его стихи, которые онъ постоянно носилъ съ собою и читалъ всѣмъ и каждому при всякомъ удобномъ случаѣ, въ публичныхъ засѣданіяхъ разныхъ ученыхъ обществъ и на литературныхъ вечерахъ, дома и въ гостяхъ, въ Лѣтнемъ саду и въ каретѣ... Высокое общественное положеніе и литературныя знакомства (а онъ былъ знакомъ со всѣми литераторами своего времени) доставили ему возможность вращаться въ наи-

болѣе интеллигентномъ обществѣ и постоянно слѣдить за всѣми литературными новостями, которыя онъ усердно собиралъ, придавая каждому литературному факту весьма оригинальную оцѣнку. Вотъ почему разсказъ объ его литературной и общественной дѣятельности можетъ послужить канвою для очерка исторіи русской литературы того времени, не столько съ внѣшней, сколько съ внутренней и, такъ сказать, закулисной ея стороны для характеристики литературныхъ нравовъ и отношеній. Вокругъ него группируются отживающіе свой вѣкъ представители стараго литературнаго и общественнаго направленія, откровенно высказывающіе передъ нимъ свои сѣтованія на разрушительное вліяніе новизны и подвергающіеся, наравнѣ съ нимъ, насмѣшкамъ молодой партіи, собравшейся подъ знамя Пушкина и его друзей и считавшей серьезную полемику съ остатками старины излишнею и неумѣстною. Періодъ русской литературы, къ которому относится дѣятельность гр. Хвостова,—періодъ въ высшей степени живой и интересный,—уже достаточно изученъ въ лицѣ своихъ главныхъ представителей: Жуковскаго, Батюшкова, Пушкина, Рылѣева и др.; но дѣятельность второстепенныхъ писателей этого періода извѣстна еще далеко не вполне; а, между тѣмъ, знакомство съ нею необходимо для болѣе точнаго и всесторонняго пониманія хода литературнаго развитія въ эту знаменательную эпоху русской жизни.

II. M.

I.

Въ 1805 г. епископъ старорусскій Евгеній (Болховитиновъ, съ 1822 г. митрополитъ кievскій), съ которымъ гр. Хвостовъ былъ въ дружбѣ и велъ переписку до самой своей смерти¹⁾, просилъ его прислать „пообстоятельнѣе біографическую и литературную статью о себѣ“. Просьба эта была исполнена въ слѣдующемъ году; но затѣмъ Хвостовъ, вѣроятно, взялъ свою біографію назадъ для поправокъ и дополненій. Находя неудобнымъ писать прямо отъ своего лица, онъ поручилъ это дѣло секретарю своему Борисову, для котораго собственноручно написалъ подробную автобіографическую записку. Наконецъ, въ 1822 году, онъ послалъ митрополиту Евгенію обширную статью, подъ заглавіемъ: „Біографія дѣй-

¹⁾ Переписка эта напечатана съ объяснительными примѣчаніями академика Я. К. Грота въ Сборникѣ статей II отд. Академіи Наукъ, т. V, вып. 1-й (Спб. 1868 г.), стр. 97—216.

ствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера графа Д. И. Хвостова, сочиненная неизвѣстно кѣмъ въ 1821 г.“, при письмѣ, въ которомъ, между прочимъ, проситъ Евгенія, „взявъ съ біографіи списокъ, доставить въ Кіевскую Духовную Академію на сохраненіе“. Твердо увѣренный въ ожидающемъ его безсмертіи, графъ посылаетъ списокъ съ этой-же біографіи, „въ знакъ своей откровенности“, дерптскому профессору В. М. Перевощикову; не довольствуясь этимъ, онъ приказываетъ перевести ее на французскій языкъ и отправляетъ, черезъ русскаго посланника барона Вудберга, въ гамбургское ученое общество. Но, несмотря на эти заботы о сохраненіи своей славы, ему не удалось видѣть въ печати ни строки изъ этой біографіи; митрополитъ Евгеній не сказалъ о немъ ни слова въ своемъ „Словарѣ“; труды Перевощикова по исторіи русской словесности остались неоконченными. Эта-то біографія или, вѣрнѣе, автобіографія, вмѣстѣ съ запискою, приготовленною Хвостовымъ для своего секретаря, и послужить намъ для очерка жизни и дѣятельности ея автора, тѣмъ болѣе, что она сообщаетъ нѣсколько интересныхъ данныхъ для исторіи литературы.

Біографія начинается слѣдующимъ вступленіемъ, которое, по словамъ самого Хвостова (въ письмѣ къ Евгенію) „кажется, не нужно, ибо оно и льстиво, и неопредѣленно (vague)“:

„Благосклонный читатель! Ты зришь предъ очами своими жизнеописаніе знаменитаго въ своемъ отечествѣ мужа. Дѣла его и заслуги своему отечеству столь были обширны, что помѣстить оныя въ себѣ можетъ одна только соразмѣрная онымъ память, и то токмо при систематическомъ и притомъ раздѣльномъ повѣствованіи оныхъ. Почему мы при настоящемъ изданіи (!) его жизнеописанія заблагоразсудили дѣла его и заслуги отечеству раздѣлить на двѣ части или статьи: предметомъ первой будутъ душевные его таланты и степень образованности по отношенію къ наукамъ и просвѣщенію; предметомъ-же второй положимъ краткое описаніе гражданскаго его достоинства и знаменитости, которыя онъ своими доблестями приобрѣлъ въ славномъ Россійскомъ государствѣ“.

„Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ (продолжаетъ біографія) родился въ С.-Петербургѣ 1757 года іюля 19 дня. Благочестивые и благоразумные родители его, л.-тв. подпоручикъ Иванъ Михайловичъ и Вѣра Григорьевна, урожденная Карина ¹⁾, приложили

¹⁾ Карины, Федоръ и Александръ—оба извѣстные въ свое время писатели. Первый († 1800) написалъ: „Нравоучительныя правила, выбранныя изъ свойствъ покойной графини М. В. Салтыковой“ (М. 1770); два торжествен-

всевозможное попеченіе о воспитаніи двухъ сыновей: Алексѣя, который на 16 году отъ рожденія своего скончался въ 1772 г., и Дмитрія — автора нашего. Старшій братъ его извѣстенъ въ молодости своей печатнымъ переводомъ комедіи „Любовные оборотни“ (L'amour-diable) изъ театра Лиграна, которая въ каталогъ Плавильщикова ошибкою приписана Александру Семеновичу Хвостову*.

„Младенчество мое, говоритъ самъ Д. И. въ своей автобіографической запискѣ, не было ознаменовано, какъ Гораціево, пѣтическими провѣщаніями, а, напротивъ, при глубокой молчаливости, непокорливости и неповоротливости, показывало ребенка весьма незатѣйливаго; а когда я сталъ достигать огроческихъ лѣтъ, то холодный нравъ, любовь къ уединенію, застѣнчивость, медлительный успѣхъ въ ученіи заставляли многихъ обо мнѣ то-же заключать, что и заключали о Буало родственники его... Я обучался въ пансіонѣ славнаго профессора г-на Литке, потомъ въ своемъ домѣ у офицера французской службы г-на Депрадта. Сверхъ того, бралъ уроки въ Московскомъ университетѣ. Дядя мой родной по матери, Александръ Григорьевичъ Каринъ, скончался въ молодыхъ лѣтахъ, и при смерти подарилъ мнѣ богатую библіотеку свою на французскомъ и итальянскомъ яз. (до 3,000 томовъ) ¹⁾. Тѣлесныя способности вовсе природою мнѣ отказаны были: танцовщикъ я былъ самый плохой; также лѣтъ пять былъ въ манежѣ, но съ такимъ малымъ успѣхомъ, что рѣдко садился на коня, кромѣ Пегаса... Въ 1772 году записанъ я былъ въ л.-гв. Преображенскій полкъ и въ 1779 отставленъ гвардіи подпоручикомъ, а въ 1782 перешелъ столоначальникомъ въ новоучрежденную тогда знаменитымъ кн. Александромъ Алексѣевичемъ Вяземскимъ государственную экспедицію, гдѣ получилъ чинъ надворнаго совѣтника; потомъ былъ экзекуторомъ во 2-мъ департаментѣ сената. Въ сіе время, пользуясь милостію и благодареніями кн. А. А. Вяземскаго, перевелъ для сего вельмож,

выхъ слова: 1) На заключеніе мира съ Портою (1775) и 2) На открытіе владимірскаго намѣстничества (1778); „Письмо къ Николеву о смерти Суворова, заключающее въ себѣ разсужденіе о словесности вообще и о русскомъ языкѣ въ особенности“ (1800); перевелъ „Разсужденіе о награжденіяхъ и наказаніяхъ“, Беккариа, и пр. Объ Александрѣ см. ниже.

¹⁾ А. Г. Каринъ, упомянутый „въ Словарѣ“ Новикова, поручикъ л.-гв. коннаго полка, умеръ отъ водяной болѣзни около 1765 и не позже 1766 года. Онъ писалъ много стиховъ, помѣщенныхъ въ разныхъ журналахъ („Полезное Увеселеніе“ 1760—62, „Свободн. часы“ 1763. и др.). Когда, вскорѣ по востшествіи на престолъ Екатерины II, устроенъ былъ эрмитажный театръ, гдѣ она сама исполняла роль Сеиры въ трагедіи Сумарокова, то оркестръ составленъ былъ изъ молодыхъ людей, между которыми былъ и Каринъ.

по незнанію его иностранныхъ языковъ, „Трактатъ о финансахъ“ Неккера, въ 4 томахъ; а „Орлеанскую дѣвственницу“ Вольтера переводилъ ему извѣстный Александръ Семеновичъ Хвостовъ (двоюродный братъ Дм. Ив. Хвостова).

„Въ 1789 г. я, находясь въ отставкѣ, женился на любезной мнѣ Темирѣ, княжнѣ Аграфенѣ Иван. Горчаковой, родной племянницѣ безсмертнаго Суворова ¹⁾). Сему великому мужу обязанъ я счастьемъ моимъ. Могу хвалиться не только чинами и отличіями, кои приобрѣлъ, можетъ быть, не столько по заслугамъ моимъ, сколько по его благоволенію: онъ принялъ меня въ особливую милость свою и удостоилъ неограниченною довѣренностію; нѣтъ тайны, которой-бы онъ мнѣ не ввѣрялъ. Когда онъ командовалъ арміями, всѣ отношенія къ императрицѣ Екатеринѣ II и Павлу I во время Итальянской кампаніи шли черезъ мои руки. Наконецъ, мнѣ-же опредѣлено было имѣть печальное преимущество принять послѣднее издыханіе непобѣдимаго героя. Онъ ко мнѣ писалъ иногда стихами, и самъ предложилъ мнѣ вступить снова въ службу. Меня переименовали подполковникомъ въ 1788 г., и я все время находился по его порученіямъ въ Петербургѣ“. „Однажды сей полководецъ“ (говорить „Біографія“), случаясь изъ Финляндіи въ Петербургъ и недоволенъ будучи наградами за Измаиль, крѣпко порицалъ оду на сей случай Державина, говоря, что въ ней только однѣ уподобленія, и совѣтовалъ нашему автору написать на нее критику. Похвала есть единственная награда поэта и героя; а какъ въ сей одѣ ни слова не сказано о Суворовѣ, а все упоминается о князѣ Потемкинѣ, который за 200 верстъ былъ отъ приступа, то герой, почитающій сіе дѣло (взятіе Измаила) знаменитѣйшимъ изъ своихъ походовъ, не могъ простить стихотворцу за молчаніе о немъ. Авторъ нашъ критики не писалъ, быть можетъ оттого, что не умѣлъ, но сдѣлалъ лучше: онъ свелъ Державина съ Суворовымъ, и слѣдственно подарилъ публику прекрасными стихами „На взятіе Варшавы“ и „На переходъ черезъ Альпійскія горы“.

По ходатайству Суворова, въ 1795 году Екатерина пожаловала Хвостова въ камеръ-юнкеры; когда-же кто-то ей замѣтилъ, что Хвостову, по его наружности, не слѣдовало-бы носить этого званія, то она отвѣчала: „если-бъ Суворовъ попросилъ, то я сдѣлала-бы его и камеръ-фрейлиною“. Интереснѣе всего то, что наивный пинтъ самъ занесъ этотъ анекдотъ въ одну изъ своихъ записныхъ тетрадей, съ замѣчаніемъ: „такъ Великая умѣла чтить волю Великаго!“

¹⁾ Сестрѣ бывшаго впоследствии военнымъ министромъ кн. Андрея Ивановича Горчакова. Д. И. всегда называлъ жену свою „Темирою“.

Въ „Біографіи“ есть интересныя подробности о Суворовѣ, которыя можно привести здѣсь тѣмъ болѣе, что онѣ находятся въ связи съ дѣятельностью самого Хвостова. Вотъ что здѣсь, между прочимъ, разсказывается:

„Императрица Екатерина II, обезпечивъ Грузію, торжествующая успѣхами войскъ своихъ на востокѣ, захотѣла принять дѣятельное участіе въ испроверженіи своеволя во Франціи. Къ начальству надъ російскими войсками назначенъ былъ Суворовъ. Все сіе шло чрезъ посредство гр. Хвостова; въ самый день кончины императрицы (6-го ноября 1796) ожидалъ народъ о семъ манифеста и долженъ былъ быть отправленъ курьеръ къ Суворову съ повелѣніемъ двинуться за-границу... Во все время царствованія Павла I, гр. Хвостовъ пользовался особливю милостію, довѣренностію и уваженіемъ его, имѣлъ счастье принимать его изустныя приказанія для сообщенія Суворову... Не взирая на всѣ старанія, гр. Хвостовъ не могъ переупрямить стараго полководца, который, несмотря на приглашеніе, не поѣхалъ на коронацію и уклонялся устроить по новому вѣренныя ему войска. Кончилось тѣмъ, что въ 1797 г. былъ посланъ къ Суворову въ Тульчинъ ген.-адъютантъ Абрамъ Андреевичъ Баратынскій (отецъ извѣстнаго поэта), который также не уломалъ завоевателя Царства Польскаго. Суворовъ былъ отставленъ, и при возвратѣ его въ родовую новгородскую деревню Кокшанское имѣлъ у себя собесѣдникомъ по тайной канцеляріи г. Николаева (Юрія Алексѣевича; слѣпецъ-поэтъ Николаевъ за сей поступокъ разстался съ этимъ своимъ двоюроднымъ братомъ)... Императоръ былъ крайне гнѣвенъ на Суворова. Гр. Хвостовъ имѣлъ необходимую нужду къ нему писать по дѣламъ его деревень, и изъ осторожности, по совѣту ген.-прокурора кн. Куракина, открытое письмо вручилъ Н. П. Архарову, имѣвшему, какъ ген.-губернаторъ, чрезъ посредство Николаева, имъ избраннаго, всѣ способы для доставленія фельдмаршалу. Племянникъ нашего Велисарія удивленъ былъ, услышавъ официально отъ кн. Куракина, что государь, по довѣренности къ нему, не только соизволяетъ имѣть переписку, но даже позволяетъ самому ѣхать и обо всемъ переговорить съ фельдмаршаламъ. Въ 1798 г. въ началѣ, послѣ многихъ сношеній съ придворными и ближними государю, гр. Хвостовъ получилъ отъ Суворова письма къ императору, императрицѣ, благодѣтельной Екатеринѣ Ивановнѣ Нелидовой. Сія письма имѣли желаемый успѣхъ: въ Кокшанское былъ посланъ флигель-адъютантъ государевъ—родной племянникъ Суворова, кн. Горчаковъ,—съ приглашеніемъ уединеннаго старца въ столицу. Онъ пріѣхалъ, былъ милостиво принятъ и ласково, но, про-

бывъ нѣсколько времени въ домѣ гр. Н. А. Зубова—зятя своего, при всѣдневномъ свиданіи съ гр. Хвостовымъ, не пожелавъ командовать батальономъ и попѣвая иногда пѣтухомъ, отправился снова въ свою деревню, уже безъ собесѣдника, какъ отставной, на свободу. Въ концѣ сего года горизонтъ полководца опять затмился: явился у него вторично Николевъ, оба князя Горчаковы были отставлены, а гр. Хвостову не данъ былъ орденъ св. Анны 2-й степени.. Вскорѣ послѣ того императоръ изволилъ принимать на себя титулъ Великаго Магистра Мальтійскаго. Гр. Хвостовъ на сіе сочинилъ оду и, не имѣя доступа во внутренніе покои, рѣшился положить оную въ ящикъ. Государь столь чувствительно былъ тронутъ таковымъ усердіемъ, что сказалъ ст.-секретарю Брискорну: „я виновать—его вымаралъ“, и приказалъ объявить ген.-прокурору, чтобы онъ снова доложилъ. Черезъ два дня гр. Хвостовъ позванъ былъ во дворецъ, и при возложеніи ордена государь соизволилъ сказать при всѣхъ: „я виновать передъ тобой, только въ послѣдній разъ“. И подлинно сіе такъ случилось, ибо послѣ того сочинитель нашъ пользовался особливою милостію и довѣренностію государя. Въ самомъ началѣ 1799 года Суворовъ былъ приглашенъ ко двору, отправленъ въ Италію... 10-го іюня того-же года велѣно гр. Хвостову быть оберъ-прокуроромъ св. синода. Государь призвалъ его въ кабинетъ, самъ пожаловалъ ему бумагу, перья, чернильницу, и повелѣлъ писать къ Суворову, что онъ хочетъ, съ прибавленіемъ отъ него, что Суворовъ будетъ князь по взятіи Мантуи—ключа Италиі. Государь оставилъ одного гр. Хвостова въ кабинетѣ и не соизволилъ даже читать письма. Мантуя взята—Суворовъ князь! Послѣ того—ему-же статуя, которая и теперь украшаетъ Суворовскую площадь, почести императорскія, многолѣтія въ церквахъ и пр. Гр. Хвостовъ при всѣхъ таковыхъ случаяхъ приглашаемъ былъ въ кабинетъ его в—ва, имѣлъ счастье подавать свое мнѣніе о рисункахъ статуи, удачно изображенной тогдашнимъ президентомъ академіи художествъ, графомъ Шуазель-Гуфье“¹⁾.

Въ 1799 г. Суворовъ, получивъ Сардинское княжество, выпросилъ у короля титулъ графа для Хвостова. Вообще, Хвостовъ очень гордился своимъ родствомъ съ Суворовымъ, тщательно сохранялъ оставшіяся послѣ него вещи и бумаги и сообщалъ много матеріаловъ біографамъ полководца, напр. Е. Б. Фуксу, А. Ф. Рихтеру и др. Въ одномъ изъ своихъ стихотвореній онъ говоритъ:

¹⁾ Памятникъ Суворову, исполненный скульпторомъ Ковловскимъ, открытъ въ маѣ 1801 года.

„Гордись, о муза восхищенна,
 Своимъ безсмертнымъ торжествомъ!
 Герой, котораго вселенна
 Считаетъ въ браняхъ божествомъ,
 Кто образецъ мужей великихъ,—
 Суворовъ, средь побѣдъ толкиихъ,
 Какъ другъ, твой лирный гласъ внималъ“.

Это родство съ Суворовымъ подало поводъ къ злой шуткѣ надъ поэтомъ: извѣстный сатирикъ М. В. Милоновъ, проходя однажды по толкучему рынку, увидѣлъ передъ одною лавкою портретъ графа Хвостова, и тотчасъ-же надписалъ на немъ двустихіе:

„Прохожій! не дивись на эту рожу глядя,
 Но плачь, и горько плачь: ему Суворовъ — дядя!“

Въ январѣ 1803 г. гр. Хвостовъ былъ уволенъ отъ должности синодальнаго оберъ-прокурора, а въ концѣ 1807 сдѣланъ сенаторомъ; съ 1819 г. онъ былъ членомъ государственнаго совѣта, а за четыре года до смерти пожалованъ въ дѣйствительные тайные совѣтники. Умеръ въ 1835 году, 78 лѣтъ отъ роду.

II.

Такова внѣшняя жизнь этого злополучнаго писателя, которому за свою страсть въ стихотворству пришлось испытать на своемъ вѣку много неприятностей и подвергнуться безчисленному множеству самыхъ беззащитныхъ насмѣшекъ. Твердо вѣря въ силу своего таланта, онъ приписываетъ всѣ литературныя нападки на его „творенія“ одной причинѣ: слѣпой злобѣ и зависти своихъ собратій по литературѣ; въ каждой его строчкѣ видно чрезвычайно высокое мнѣніе о себѣ, какъ о писателѣ; несмотря на то, что въ литературѣ ему выпала на долю такая-же роль, какую въ старыя годы игралъ Тредьяковскій, онъ съ настойчивостью и неутомимостью цѣлымъ 50 лѣтъ трудится на этомъ поприщѣ, постоянно издаетъ новыя собранія своихъ, никѣмъ не читаемыхъ, стиховъ, скупаетъ прежнія изданія, чтобы показать, что они расходятся въ публикѣ, тратитъ значительныя суммы денегъ на печатаніе ихъ вновь, рассылаетъ ихъ всюду, куда только возможно, и счастливъ, если ему удастся найти хоть одного читателя. Хорошо зная эту слабую струнку добродушнаго пята, мелкіе литераторы и псевдо-литераторы скоро научились эксплуатировать его общественное положеніе и связи для

своихъ личныхъ видовъ, стоило только слегка польстить авторскому самолюбію сіятельнаго стихотворца—и онъ готовъ былъ на всякія услуги. Вотъ что говорится объ этомъ въ его біографіи:

„Онъ былъ добрый человекъ. Сего титла не лишать его ни зоицы по литературѣ, ни завистники его, если онъ только сихъ послѣднихъ имѣлъ. До самаго окончанія жизни онъ видѣлъ у себя множество просителей, ищущихъ его совѣта, покровительства, ходатайства и помощи. Никто не скажетъ, чтобы онъ кому отказывалъ въ законныхъ просьбахъ или не помогалъ по возможности деньгами... къ нему относились какъ въ контору, прося его изъ отдаленныхъ мѣстъ вынести справку по тяжбѣ или достать патентъ на заслуженный чинъ. Всѣ таковыя просьбы не оставались безъ исполненія и никогда безъ отвѣта... Ходатайство его у вельможъ объ опредѣленіи къ мѣсту, дружба, совѣты, домъ его и пособія были открыты питомцамъ университетовъ и семинарій. Многія казенныя училища засвидѣтельствуютъ о воспитанникахъ, на его издѣленіи образованіе получившихъ“, и пр.

Большая часть писемъ, сохраненныхъ гр. Хвостовымъ, писаны, какъ-будто, по одному рецепту: сначала—благодарность за присылку „драгоцѣнныхъ“ твореній его сіятельства и за высокое наслажденіе, доставляемое ими читателю; затѣмъ въ самомъ концѣ, иногда въ видѣ приписки, покорнѣйшая просьба о представленіи къ чину, о раздачѣ билетовъ на издаваемый просителемъ журналъ, о поднесеніи его стиховъ или изданій особамъ императорской фамиліи, иногда даже просто о денежномъ пособіи и т. п. Въ числѣ такихъ панегиристовъ-просителей первое мѣсто занимаетъ кн. П. И. Шаликовъ, издатель „Дамскаго Журнала“ (р. 1768, † 1852 г.), называющій гр. Хвостова своимъ единственнымъ меценатомъ и гениальнымъ писателемъ. Онъ чуть не съ каждою почтою пишетъ гр. Хвостову, превознося до небесъ его стихотвореніе, и при этомъ всегда прибавляетъ какую-нибудь просьбу или, по крайней мѣрѣ, намекъ на свои стѣсненные обстоятельства. „Ахъ, говорить онъ, писать и не имѣть мецената—это гораздо хуже того, чтобы быть поденщикомъ, имѣющимъ вѣрный насущный хлѣбъ за труды свои; писатель безъ мецената умретъ съ голоду“. Приводимъ одно письмо его, въ видѣ образчика, по которому можно составить себѣ понятіе о содержаніи сотни остальныхъ:

„Въ произведеніяхъ всегда юнаго пера вашего соединены полезное съ пріятнымъ, по древнему правилу нынѣ презираемыхъ классиковъ—кѣмъ-же презираемыхъ? презрѣннѣйшими тварями въ нравственномъ мірѣ!

„П. Н. Арановъ съ восторгомъ разсказывалъ мнѣ объ удовольствіяхъ, находимыхъ большею частію петербургскаго общества въ домѣ вашемъ, а особливо литераторами: да здравствуетъ меценатъ! да здравствуетъ на многія, многія лѣта! Москва не похвалится подобнымъ меценатомъ! здѣшніе литераторы не видятся между собою!..

„Но какъ в. с. въ особенности мой меценатъ, то я беру смѣлость опять утруждать васъ... стыжусь сказать чѣмъ... ассесорствомъ!.. Вы улыбнетесь, почтеннѣйшій благодѣтель! Но кто-же лучше васъ знаетъ и службу? Итакъ, министръ отказываетъ мнѣ въ ассесорствѣ за неимѣніемъ аттестата, въ такомъ случаѣ я обратился къ тому, кто первый возымѣлъ мысль о препятствіи получать чины, не получивши познаній—къ М. М. Сперанскому ¹⁾, прося его помочь мнѣ выйти изъ круга невѣждъ. Ежели ваше сіятельство хорошо знакомы съ нимъ, то сдѣлайте милость, поговорите ему объ этомъ: можетъ статься, онъ найдетъ средство не допустить меня умереть титулярнымъ совѣтникомъ! Хочу умереть вашимъ благодарнымъ за безчисленныя одолженія кліентомъ, и потому прошу только о продолженіи оныхъ столь-же постоянно, какъ продолжаютъ они 30 лѣтъ!“

Изъ другихъ хвалителей наивнаго мецената обращаетъ на себя вниманіе адъюнктъ казанскаго университета Ф. Рындовскій ²⁾: письма его отличаются самою беззащитчивою лестью, доходящею до гнусности, до цинизма, какъ можно видѣть, напр., изъ слѣдующаго отрывка:

„Для чего благодѣтельная природа, обогативъ человѣка чувствованіями, которыя одушевляютъ и облагораживаютъ существо его, не дала ему вмѣстѣ съ тѣмъ способностей, могущихъ въ полной мѣрѣ изображать чувствованія сія? Тогда-бы и я могъ выразить предъ в. с.—вомъ полноту живѣйшей благодарности моею, которою, такъ сказать, объята душа моя... Вы снова удостоили меня драгоценнѣйшимъ подаркомъ: тремя первыми частями превосходныхъ произведеній пера вашего и вашимъ портретомъ, предъ которыми

¹⁾ Въ 1809 г., по мысли Сперанскаго, состоялся указъ объ экзаменахъ на гражданскіе чины (коллежскаго ассесора и статскаго совѣтника) для лицъ, не получившихъ университетскаго образованія. Экзаменъ производился изъ законовѣдѣнія, наукъ словесныхъ, историческихъ и физико-математическихъ; требовалось знаніе русской грамматики и умѣнье правильно сочинять дѣловыя бумаги. Этотъ указъ, возбудившій множество нареканій на Сперанскаго, можно найти въ „Сборникѣ постановленій по Мин. Нар. Просвѣщенія“, т. I (Слб. 1864), стр. 510—517.

²⁾ Авторъ нелѣпой книжки „Печальныя, веселыя и унылыя тоны моего сердца“ (1809), которую можно смѣло рекомендовать охотникамъ посягаться-

я каждыйдневно благоговѣю, какъ предъ гениемъ-поэтомъ нашего времени... Гений в. с—ва стоитъ наряду съ неподражаемыми творцами“.

Иногда панегиристы рифмача-сенатора посылали ему даже стихотворныя просьбы. Вотъ одна такая просьба, принадлежащая перу известнаго въ свое время драматическаго писателя, Степана Ив. Висковатова, автора тяжелыхъ псевдо-классическихъ трагедій (р. 1786, † 1831 г.):

„Его сіятельству!

Графу Дмитрію Ивановичу Хвостову!

Любитель и любимецъ музъ!
Умъ тонкой, нѣжный вкусъ
Ты съ добродѣтельной душой соединяешь;
Ты злополучнымъ всѣмъ отъ сердца сострадаешь
И нынѣ я предсталъ къ тебѣ съ моей мольбой:
Дай безпокровному покровъ надежный свой!
Доставъ прибѣжище страдальцу скорбну, сиру!
А я зато, пріавъ мою усердну лру,
Превознесу тебя, любимца музъ, пѣвца,
Достойнаго во вѣкъ нетлѣннаго вѣнца.

Степанъ Висковатовъ“.

Профессора казанскаго университета П. С. Кондыревъ и Г. Н. Городчаниновъ также часто обращались къ „меценату“ съ разнаго рода нелитературными просьбами. Первый хлопочеть о чинѣ надворнаго совѣтника, представленіе о которомъ долго залежалось въ сенатѣ, и для болѣе успѣшнаго хода своей просьбы считаетъ нужнымъ прибавить, что онъ украсилъ трудами сіятельнаго покровителя ученыхъ библиотеки увѣдныхъ училищъ Казанской губерніи: „оныя (труды) послужатъ для учителей весьма полезнымъ наставленіемъ въ словесности и правоученіи, возбужденіемъ къ раскрытію дарованій и хорошимъ примѣромъ; да и для учениковъ будутъ очень полезны. Одно изъ пріятнѣйшихъ моихъ занятій есть читать ваши сочиненія, почерпать изъ оныхъ поученія, и чрезъ то наслаждаться благороднѣйшимъ увеселеніемъ и удивляться превосходному дару“.

Городчаниновъ, известный по своимъ дружескимъ отношеніямъ къ митрополиту Евгенію, также занимаетъ не послѣднее мѣсто въ числѣ хвалителей гр. Хвостова. Онъ писалъ и печаталъ разборы твореній своего патрона, удивляясь ихъ безпримѣрнымъ красотамъ, возражалъ на критики и непріятныя для гр. Хвостова отзывы въ журналахъ; наконецъ, составилъ даже объяснительныя примѣчанія къ 3-му изданію хвостовскаго перевода „Науки Стихотворной“

Буало, которыя и были напечатаны вмѣстѣ съ этимъ переогодомъ въ 1818 г. Взамѣнъ всего этого, гр. Хвостовъ хлопоталъ у министра народнаго просвѣщенія о назначеніи Городчанинову наградъ, о переводѣ его изъ казанскаго университета въ другой, лучшій (это ходатайство осталось, однако, безъ послѣдствій), объ орденахъ и т. п.

Не станемъ перечислять остальныхъ корреспондентовъ гр. Хвостова, восхищавшихся знаменитыми произведеніями его музы; приведенныя нами выписки достаточно показываютъ, какую цѣль имѣли всѣ эти восторженные похвалы. Но считаемъ не лишнимъ указать еще на одно весьма оригинальное прошеніе, присланное гр. Хвостову въ 1825 г. изъ Красноярска отъ помощника комиссіонера по развозу соли въ Енисейской губерніи, И. М. Петрова. Приводимъ изъ него главныя мѣста:

„Назадъ тому года два, случайно прочитавъ нѣкоторыя изъ образцовыхъ твореній русскихъ писателей, я живо почувствовалъ необходимость сего, такъ сказать, душевнаго наслажденія—и съ сей поры охота къ чтенію возбудила во мнѣ страсть къ поэзіи до того, что я, не могши преодолѣть внутренняго влеченія къ оной, посвятилъ ей все остающееся отъ занятій по службѣ досужное время. Въ сентябрьской и октябрьской книжкахъ „Новостей Литературы“ на 1824 г. напечатаны первые мои опыты, какъ-то: Знакомый геній, Къ красавицѣ, Бардъ, Младенецъ и Бабочка, Къ фантазіи, Къ листочку... Но чтобъ имѣть совершенный успѣхъ и быть полезнымъ гражданиномъ общества, должно быть въ столицѣ—иначе сего достигнуть невозможно. Недостаточное-же мое состояніе и семейство, въ пяти человѣкахъ заключающееся, почти вовсе сего не дозволяютъ. Три тысячи рублей—и я почту себя наиблаженнѣйшимъ изъ смертныхъ!.. Если желаніе мое не безразсудно, не оставьте сей моей покорнѣйшей просьбы своею снисходительною милостію и не лишите поэта-сибиряка завидной чести имѣть въ особѣ вашей мецената-благотворителя. Благодарность моя будетъ неописанна, и мысль, что въ имперіи российской всегда существуютъ Шуваловы, до самаго гроба будетъ наиприятнѣйшимъ воспоминаніемъ“.

Къ этому прошенію приложенъ былъ формулярный списокъ просителя. Къ сожалѣнію, въ бумагахъ гр. Хвостова не находится никакихъ дальнѣйшихъ указаній о судьбѣ этого прошенія и его автора.

Кромѣ лицъ, превозносившихъ гр. Хвостова для своихъ выгодъ, у него были и безкорыстные хвалители, не на шутку восхищавшіеся его произведеніями. Это были наиболѣе бездарные изъ современныхъ ему стихотворцевъ, до такой степени лишенные умѣнья

различать худое от посредственнаго, что произведенія гр. Хвостова казались имъ чуть-ли не идеалами, достойными удивленія и подражанія. Такое явленіе можно объяснить исторически-крайнимъ упадкомъ такъ называемой ложно-классической школы въ послѣдніе годы жизни гр. Хвостова. Къ числу такихъ поклонниковъ старика Хвостова принадлежалъ, напр., старшій учитель нижегородской гимназіи М. П. Духовской (тоже стихотворецъ), заставлявшій своихъ учениковъ покупать и выучивать наизусть „образцовыя“ произведенія графа.

Подъ влияніемъ всей этой лести, гр. Хвостовъ сталъ считать себя гениальнымъ писателемъ, а произведенія свои — образцовыми „во всѣхъ родахъ“. Онъ писалъ стансы и посланія, гдѣ, не долго думая, называлъ себя мудролюбцемъ, наперсникомъ музъ, вдохновеннымъ творцомъ и другими лестными именами, и въ то-же время постоянно выставлялъ на видъ свою скромность. Вотъ нѣсколько его замѣчаній о самомъ себѣ:

„Почести мои литерерныя столько велики, что я-бы желалъ, чтобы по нихъ судили о моихъ достоинствахъ. Я — членъ росс. имп. академіи вскорѣ послѣ основанія ея, академіи падуанской, университетовъ: московскаго, харьковскаго и вилепскаго, Бесѣды люб. рус. слова въ Петербургѣ и таковаго-же общества при университетѣ московскомъ, Общ. испытателей природы въ Москвѣ и любителей словесности въ С.-Петербургѣ, вольнаго экономическаго и минералогическаго... признаюсь, что я-бы не желалъ теперь умереть, ибо лирическія творенія мои, о конхъ и иностранныя многіе журналы съ великою похвалою отзывались, требуютъ еще нѣкоторыхъ поправокъ. Однако, скажу, что во всѣхъ ихъ видны блескъ пламеннаго воображенія и сильный законодательный духъ поэта; многія оды содержатъ въ себѣ куплеты, исполненные высокихъ мыслей воображенія... Я не могу жаловаться на иностранныхъ литераторовъ; къ тому-то и приноровилъ недавно стихъ въ отвѣтъ па „Посланіе“ кн. Шаликова, что, можетъ быть, погружусь въ рѣку Лету съ большимъ запасомъ —

Шесть томовъ стихами,
Увы! — чужихъ земель съ газетными хвалами!“

Соотечественники мои такъ моею европейскою извѣстностію возгордились, что не удостоиваютъ меня разбора по правиламъ эстетики“.

Эти „чужихъ земель газетныя хвалы“ поставлялъ для Хвостова услужливый нѣмецкій журналистъ Меркель, издатель газеты „Rigische Zeitung für Literatur und Kunst“, печатавшій похвальные отзывы

о „твореніяхъ“ Хвостова, который за это поддерживалъ и распространялъ его изданіе.

Вотъ какъ отзывался иногда Меркель о произведеніяхъ своего патрона: „вашего с—ва почтеннѣйшее писаніе и присылка (конечно, стиховъ) содѣлали меня и гордымъ и счастливымъ. Пиндаровъ полетъ и краса вашихъ одъ доказываютъ сколь Россійская муза съ юною орлиною силою поднялась выше всего, что токмо исполнить можетъ поэзія другихъ языковъ. Вскорѣ будетъ Европа съ равнымъ удивленіемъ изучивать ея творенія и чувствовать себя превышею. Ваше с—во суть безсмертный корифей блистательнаго періода поэзіи въ знаменитомъ нашемъ отечествѣ. Сколь счастливъ тотъ, кому предоставлено будетъ быть вашимъ провозвѣстителемъ!“

Кромѣ того, Хвостовъ заставлялъ переводить на французскій и нѣмецкій языки хвалебныя рецензіи своихъ сочиненій и высылалъ ихъ въ заграничныя журналы; случалось, что и самъ составлялъ такія рецензіи, печатая ихъ, преимущественно въ „Дамскомъ Журналѣ“ своего послушнаго кліента, кн. Шаликова; напр., въ Телеграфѣ 1827 г. (№ 22, стр. 165—167) помѣщенъ ироническій отзывъ о Хвостовѣ; разобиженный пинтъ пишетъ длинную статью подъ заглавіемъ „Нѣчто о нелѣпой критикѣ“ и посылаетъ ее въ „Дамскій Ж.“ отъ имени Авксентія Мартынова, будто-бы издателя своихъ сочиненій. Черновая этой статьи, сохраненная въ бумагахъ Хвостова и отъ начала до конца писанная его рукою, обличаетъ настоящаго ея автора ¹⁾).

Въ имѣніи гр. Хвостова (Владимірской губ., Переяславскаго уѣзда, село Выползова-Слободка) протекаетъ рѣчка Кубра; Хвостовъ воспѣлъ ее въ одной изъ своихъ одъ, и съ тѣхъ поръ постоянно величалъ себя „Пѣвцомъ Кубры“. Онъ писалъ, какъ тогда говорили, „во всѣхъ родахъ“, особенно-же любилъ посланія и оды; послѣднія онъ сочинялъ или, какъ онъ самъ говоритъ, „дѣлалъ“, на всевозможные случаи, важные и неважные, прошедшіе, настоящіе и даже будущіе (напр., въ началѣ іюня 1817 г., онъ написалъ оду на бракосочетаніе в. кн. Николая Павловича, совершившееся только 1 іюля того-же года). Особенно любилъ онъ подносить свои произведенія особамъ императорской фамиліи и съ гордостью указывалъ на много разъ полученные имъ за это благодарственные рескрипты. Съ необыкновенною и неутомимою щедростію онъ высылалъ какъ полныя собранія своихъ сочиненій, такъ и отдѣльно

¹⁾ Статья эта напечатана въ „Д. Ж.“ 1828, № 11, стр. 204—213.

изданныя стихотворенія и прозаическія статьи по всей имперіи— въ университеты, гимназіи, училища, воспитательные дома, богадѣльни, чуть не при формальныхъ отношеніяхъ къ начальникамъ этихъ заведеній, требуя распространить посланные экземпляры; особенно усердно награждалъ онъ ими архіереевъ: у него былъ даже особый агентъ, Ир. Ф. Подшиваловъ, служившій въ синодѣ и постоянно сообщавшій ему о перемѣщеніяхъ и назначеніяхъ архіереевъ, такъ что гр. Хвостовъ всегда могъ знать, кому и куда послать свои стихи. По словамъ М. А. Дмитріева, „онъ такъ любилъ дарить свои сочиненія и распространять свою славу, что по дорогѣ къ своей деревнѣ дарилъ свои сочиненія станціоннымъ зрителямъ, и у нихъ можно было видѣть привлеченные къ стѣнѣ его портреты“¹⁾. Стоило ему только услышать о какомъ-нибудь литераторѣ, чтобы немедленно отправить къ нему цѣлый тюкъ своихъ произведеній. Въ 1812 г. П. П. Свинынъ (впослѣдствіи издатель „Отеч. Записокъ“), находившійся въ Америкѣ при посольствѣ, прислалъ А. Ф. Лаврину „Письмо изъ Филадельфіи“, напечатанное въ № 13 „Вѣст. Европы“ того-же года. Гр. Хвостовъ, до тѣхъ поръ ничего не знавшій о существованіи Свинына, тотчасъ-же пишетъ ему длинное посланіе въ стихахъ и отправляетъ въ Филадельфію вмѣстѣ съ другими своими произведеніями. Извѣстному Д. В. Давыдову случилось написать статью о Суворовѣ—и вотъ что произошло съ нимъ по поводу этой статьи, какъ самъ онъ рассказываетъ въ письмѣ къ Н. М. Языкову:

„Не будучи знакомъ съ гр. Хвостовымъ, я надняхъ получилъ отъ него письмо: какъ родственникъ Суворова, онъ, благодаря и хвала моя до безумія за статью мою объ этомъ великомъ чловѣкѣ, увѣряетъ, что я одинъ оцѣнилъ сего неразгаданнаго метеора; все это, вѣроятно, затѣмъ, чтобы найти удобный случай для присылки двухъ новыхъ стихотвореній своихъ... Я не забуду, прибавляетъ Давыдовъ, шутки умирающаго Суворова. За нѣсколько часовъ до своей кончины, отдавъ нѣсколько приказаній окружающимъ его, онъ слабымъ голосомъ подозвалъ къ себѣ Хвостова и сказалъ ему: „другъ мой, одолжи меня, не пиши ода на смерть мою“²⁾.

Стихи Хвостова переводились на французскій, нѣмецкій и англійскій языки, иногда этимъ занимались его друзья, напр. П. И. Голенищевъ-Кутузовъ (попечитель моск. университета, разсылавшій

¹⁾ „Мелочи изъ запаса моей памяти“, стр. 77.

²⁾ „Библиогр. Записки“, I (1858), 196. Гр. Хвостовъ, однако, не исполнилъ этой просьбы: ода на смерть Суворова помѣщена въ Собраніи его стихотвореній, изд. 1821 г., т. I, стр. 113—115.

свои оды по гимназіямъ съ приказаніемъ читать ихъ въ торжественныхъ собраніяхъ), гр. Гр. Серг. Салтыковъ, извѣстный Жозефъ-де-Местръ, и др.; чаще-же всего эти переводы дѣлались по заказу, за деньги. Этими переводами гр. Хвостовъ щедро одѣлялъ иностранцевъ какъ въ Россіи, такъ и за-границею. Въ 1812 г. переведена была на англійскій языкъ ода его на миръ съ Англіею; онъ отправилъ ее, между прочимъ, А. А. Писареву, находившемуся тогда въ дѣйствующей арміи, и получилъ слѣдующій отвѣтъ, въ которомъ, повидимому, и не угадалъ ироніи:

„Оду вашу вручилъ лорду Вильсону, присутствующему при нашей арміи и на ту пору отправлявшему депеши въ Константинополь, куда, я думаю, и полетѣла ваша ода, и—

Въ Константинополѣ мнѣ въ Самарканѣ
Какой-нибудь въ чалмѣ нзъ усачей,
Со помощію толмачей,
На мягкомъ возлежа диванѣ,
Прожить тѣ стихи... Вамъ вѣчная хвала!
Али, Алла, Али, Алла“.

Въ 1821 г. сынъ его отправился при посольствѣ въ Саксонію; гр. Хвостовъ приказалъ ему непременно побывать въ Веймарѣ у Гёте, и получивъ отъ сына письмо объ этомъ визитѣ, тотчасъ-же отправилъ „славному въ Веймарѣ Гёте“ нѣсколько экземпляровъ своихъ стиховъ въ нѣмецкомъ переводѣ, при письмѣ, въ которомъ, между прочимъ, говорить:

„Такъ какъ я не имѣю счастья читать ваши ученые произведенія въ оригиналѣ, ибо не владѣю нѣмецкимъ языкомъ, то и просилъ славнаго г-на Раупаха перевести мои стихи на вашъ языкъ. Переводъ, какъ меня увѣряютъ, очень хорошъ и въ то-же время вѣренъ. Буду счастливъ, м. г., если вы удостоите принять нѣсколько цвѣтковъ сѣверной музы, которая съ совершеннымъ почтеніемъ“ и пр.

Воспользовавшись пребываніемъ въ Россіи А. Гумбольдта въ 1829 г., Хвостовъ спѣшилъ послать и ему свои стихи въ нѣмецкомъ переводѣ; а въ слѣдующемъ году, черезъ французское посольство, отправляетъ свой переводъ „Науки стихотворной“ Буало во французскую академію, для Ламартина и Вильмена. Здѣсь кстати будетъ рассказать исторію этого перевода, надѣлавшаго Хвостову немало хлопотъ. Вотъ рассказъ самого Хвостова:

„Я думаю, говорить онъ, что мой переводъ сравнительно съ переводомъ г. Тредьяковскаго, есть тотъ-же самый, какъ и его, только при-

славный имъ изъ царства мертвыхъ съ большею чистотою и свободою слога, можетъ быть и съ большею нѣсколько способностію въ повѣи... Остается знать, кто кого перегналъ счастливыми выраженіями и кого скорѣе на память затверживать будутъ... Сей переводъ посвятилъ я росс. имп. академіи (1804 г.), прося ее вспомоществовать мнѣ своими замѣчаніями. Сперва получилъ очень лестныя письма отъ членовъ—Г. Р. Державина и М. Н. Муравьева ¹⁾, потомъ сіе сочиненіе было предано забвенію, такъ что насилу его отыскали для возвращенія мнѣ. Возвращая, читали первую пѣснь и нашли, что она очень плохо переведена. Гаврило Романовичъ (Державинъ), прежде меня письмомъ хвалившій, немилосердно меня ругалъ; А. С. Хвостовъ доказывалъ (негодность перевода) колыми насмѣшками.. Они въ образчикъ дали мнѣ десять стихковъ, ими переведенные, которые, по незлобію моему, я въ печать не отдаю, а храню въ бумагахъ ²⁾.

Только-что Хвостовъ напечаталъ свой переводъ, какъ въ парижскомъ журналѣ „Revue Encyclopedique“ появился переводъ эпиграммы на него, написанной Дмитриевымъ и понавшей даже въ „Учебную книгу русской словесности“ Греча. Разобиженный переводчикъ упросилъ своего пріятеля, полковника Дестрема, написать апологію своему переводу. Дестремъ написалъ (по-французски) большую статью, которая была послана въ подлинникъ въ „Revue Encyclopedique“, а въ русскомъ переводѣ—въ „Вѣстникъ Европы“; но ни здѣсь, ни тамъ не была принята; тогда Хвостовъ нанечаталъ то и другое отдѣльною брошюрою и разослалъ ко всѣмъ своимъ знакомымъ и незнакомымъ. Кромѣ того, онъ сочинилъ французское письмо въ редакцію „Revue Encyclopedique“ отъ имени какой-то M-me Bussie de Radotère, гдѣ придаетъ своимъ стихотвореніямъ эпитеты beau, sublime, charmant, а о переводѣ Буало говоритъ: „Этотъ переводъ чрезвычайно вѣрный и точный, полный хорошихъ русскихъ стиховъ, заслужилъ общее одобреніе и долженъ всегда считаться трудомъ, дѣлающимъ честь русской литературѣ“. „Телеграфъ“ возмечталъ, что сочинилъ это я самъ“, замѣчаетъ гр. Хвостовъ на черновомъ письмѣ; но самое это письмо, съ собственноручными поправками и дополненіями гр. Хвостова, доказываетъ,

¹⁾ Писемъ этихъ, однако, въ рассмотрѣнныхъ нами бумагахъ не найдется.

²⁾ Стихи эти, явно мѣтившіе на излишнее риемолюбіе Хвостова, напечатаны въ Сб. ст. II отд. акад. наукъ, т. V, выш. I, стр. 133, прим. 4.

что „Телеграфъ“ „возмечталъ“ совершенно справедливо. Графъ Хвостовъ не успѣлъ еще успокоиться, какъ Полевой въ своемъ „Телеграфѣ“, по поводу статьи другаго французскаго журнала, зло посмѣялся надъ его переводомъ, совѣтуя назвать его „Депрео вывороченный наизнанку“. Хвостовъ вышелъ изъ себя и обратился чуть не съ формальною жалобою къ попечителю московскаго университета А. А. Писареву: „покорно прошу ваше пр—во (пишетъ онъ), въ истинное одолженіе мнѣ и самой литературѣ, призвавъ къ себѣ г. издателя „Телеграфа“, воспретить ему отнынѣ впредь касаться глупыми насмѣшками до моего лица и до моихъ сочиненій; не смысла критиковать оныя по правиламъ эстетики, пускай бѣснуется и молчитъ; онъ долженъ быть увѣренъ, что я никогда отвѣчать ему не стану... Надѣюсь, что по дружбѣ вашей и милости ко мнѣ, пасквилянты, убѣдись начальническими и эстетическими вашими наставленіями, перестанетъ меня безпобойно своими дерзостями“. Затѣмъ слѣдуетъ характерная приписка (по поводу статьи вв. П. А. Вяземскаго въ № 14 „Телеграфа“, 1827 г.):

„А сей мною называемый скоморохъ пустился уже и на вашу братью — генераловъ, точно—на вашу братью, на генераловъ славныхъ, и не щадитъ Суворова, сего великаго полководца... на зло всей Европѣ и благодарной Россіи, не хочетъ одинъ признавать его за полубога“.

Писаревъ отдѣлался отъ Хвостова стихами и, конечно, не думалъ дѣлать наставленій Полевому; но раскодившійся стихотворецъ долго еще послѣ того заставлялъ своихъ секретарей переписывать это посланіе въ Писареву и рассылалъ копіи его ко всѣмъ своимъ друзьямъ и хвалителямъ. „Я простодушенъ (говоритъ онъ въ письмѣ къ своему куму и кліенту М. Н. Макарову), но въ мои лѣта и въ моемъ званіи надобно самому безъ всякой злобы умѣть щелкнуть журнальнаго сыщика; я это и сдѣлалъ, презрѣлъ и купца, и его батрака, хотя оный былъ-бы князь... Мнѣ стыдно перебраниваться съ негодяями; но я лучше сдѣлалъ: я огласилъ ихъ поступокъ начальству, и послѣ того не скажу ни слова“.

Вотъ этотъ-то злополучный переводъ Буало, съ примѣчаніями Городчаннинова и апологіею Дестрема, Хвостовъ послалъ Лапартину и Вильмену. Неизвѣстно, отвѣчалъ-ли ему первый, въ бумагахъ Хвостова нѣтъ на это никакихъ указаній; но отвѣтъ Вильмена очень характеренъ, почему и приводится здѣсь вполнѣ. Вотъ что пишетъ онъ отъ 17-го августа 1830 года:

(Переводъ). „Съ признательностью получилъ я, графъ, драгоценный трудъ, присылкою котораго вамъ угодно было почтить меня.

Я желалъ-бы имѣть возможность судить о его достоинствахъ; впрочемъ, я внимательно прочелъ разсужденіе г. Дестрема, которое помогло мнѣ въ моемъ незнаніи. Переводъ вашъ, м. г., есть памятникъ, воздвигнутый на славу нашей литературѣ. Я жалѣю только о томъ, что русскій языкъ у насъ мало извѣстенъ: это заставляетъ меня, м. г., сомнѣваться въ возможности помѣстить у нашихъ книгопродавцевъ болѣе или менѣе значительное количество экземпляровъ вашего труда. Несмотря на все уваженіе къ этой книгѣ и къ ея автору, она не будетъ имѣть читателей. Впрочемъ, я думаю, м. г., что экземпляры вашего труда должны быть приобрѣтены публичными бібліотеками и сохраняемы, какъ благородное свидѣтельство нашего литературнаго вліянія. За это, м. г., мы должны благодарить и хвалить васъ. Примите и пр. Вильменъ“.

Еще въ 1808 г. гр. Хвостовъ, какъ „знаменитый поэтъ“, избранъ былъ въ почетные члены харьковскаго университета, куда аккуратно доставлялъ свои произведенія. Каково-же было удивленіе нашего поэта, когда онъ узналъ, что въ публичномъ собраніи университета, 30-го іюня 1820 г., студентъ Поповъ, читая разсужденіе о русской словесности, не счелъ даже нужнымъ упомянуть имени гр. Хвостова въ числѣ русскихъ писателей! Оскорбленный графъ тотчасъ-же написалъ своему давнишнему знакомому, адъютанту А. В. Склабовскому, длинное письмо, наполненное упреками и жалобами, и просилъ его справиться у ректора почему именно университетъ пропустилъ „столь недостаточное и исполненное погрѣшностей сочиненіе“. Склабовскій, вмѣстѣ съ профессоромъ русской словесности В. Я. Джунковскимъ, успѣшили успокоить разсерженнаго поэта утѣшительными письмами. Вотъ какъ извинялся передъ нимъ Джунковскій:

„Съ крайнимъ прискорбіемъ усмотрѣлъ я изъ письма вашего сіятельства, къ г. Склабовскому писаннаго, то негодованіе, которое вы изъявили по случаю пропущеннаго имени вашего въ рѣчи студентской. Позвольте, сіятельнѣйшій графъ, мнѣ, не какъ профессору, а какъ постороннему посреднику, уважающему достоинства вашего ума и сердца и знающему состояніе дѣлъ университетскихъ, представить сіе дѣло въ томъ видѣ, въ которомъ можно вывести справедливое заключеніе безъ обиды университета и безъ оскорбленія вашей чести. Сочиненія студентовъ обыкновенно разсматриваются только однимъ профессоромъ или даже адъютантомъ, и потомъ ректоромъ одобряются къ печатанію. Ихъ никогда не читаютъ въ общихъ собраніяхъ. Иногда бываютъ такіа слабыя піесы, что только для одного одобренія молодаго писателя, а не для просвѣщенной

публики, позволяютъ печатать оныя. Университетъ оныя иначе и не почитаетъ, какъ классическими упражненіями, которыя, конечно, могутъ и должны быть различнаго достоинства, т. е. хорошія, посредственныя и худыя, слѣдственно онѣ и служатъ только доказательствомъ успѣховъ въ наукахъ одного какого-либо студента, а не всѣхъ, въ одной какой-либо наукѣ, а не во всѣхъ... Университетъ, избравъ васъ въ свои почетные члены, конечно, уже оправдалъ мнѣніе свое о вашихъ заслугахъ въ словесности россійской. Онѣ и теперь принимаетъ произведенія вашего пера съ благодарностію, и радуется успѣхамъ отечественнаго просвѣщенія“.

Склавовскій говорить иначе:

„Слѣпцы могутъ-ли указывать путь другимъ? Итакъ, мудрено-ли, что какой-нибудь молодой сочинитель слишкомъ молодого, незрѣлаго разсужденія о писателяхъ, которыхъ онѣ, вѣроятно, и вовсе не читалъ, повторяетъ съ голосу другихъ слова на извѣстный уже напѣвъ, отъ себя-же прибавить того, о чемъ еще не говорили или мало сказали другіе, онѣ и не смѣетъ и не можетъ? Не таковы-ли сужденія о писателяхъ и студента Попова? Онѣ не смотрѣлъ на труды, особеннаго уваженія достойныя какого-либо автора, ни на важность и пользу его произведеній, чтобы справедливо оцѣнить ихъ, ибо для сего не довольно слышать и знать какъ другіе мыслятъ, но надобно самому умѣть мыслить; надобно имѣть умъ проицательный, дальновидный, соображеніе тонкое и глубокое, здравую логику и большую опытность. Но имѣлъ-ли хотя что-нибудь изъ сего упомянутый Поповъ, когда, слагая или, правильнѣе, перелаживая на свой ладъ сказанныя уже другими похвалы мертвымъ и живымъ авторамъ, и оглашая (какъ вы прекрасно выразились) до послѣдней малиновки нашего Парнасса, ни слова не упомянулъ о достойнѣйшемъ переводчикѣ такихъ авторовъ, которые научаютъ пѣть и самыхъ соловьевъ, о переводчикѣ Буало-Депрео, Горация, Расина, Лафонтена и др., о сочинителѣ многихъ прекрасныхъ піесъ оригинальныхъ?“

Удовлетворившись этимъ объясненіемъ, гр. Хвостовъ тотчасъ-же послалъ Склавовскому, для передачи Попову, полное собраніе своихъ сочиненій и новое изданіе перевода Буало, вѣроятно, для того, чтобы предостеречь молодого писателя отъ ошибокъ на будущее время...

Превозносимый до небесъ своими кліентами и услужливыми журналистами, умѣвшимися пользоваться его авторскою слабостію, ослѣпленный стихотворецъ считаетъ восторженными похвалами самия

простыя выраженія благодарности за присылку своихъ стиховъ, и еще старательнѣе принимается за сочинительство, повторяя:

„Люблю писать стихи и отдавать въ печать!“

Со всѣхъ сторонъ сыплются на него насмѣшки, эпиграммы; даже такіе писатели, которые, по своему таланту, едва-ли могутъ занять мѣсто выше гр. Хвостова, даже и они стараются, при всякомъ удобномъ случаѣ, щегольнуть острымъ словомъ на его счетъ. Но гр. Хвостовъ, оскорбляясь этою „дерзостью парнасскихъ забіякъ“, вовсе не принимаетъ къ свѣдѣнію уроковъ критики: онъ составилъ себѣ твердое убѣжденіе, что всѣ насмѣшки надъ его бездарностью „суть вопли злобной зависти, а отнюдь не критика“, и потому на всякую неестественную для него рецензію отвѣчаетъ:

„Стихи писать
И ихъ читать
Вездѣ намѣрень!“

„Пускай вонзятся парнасскіе ерши!“

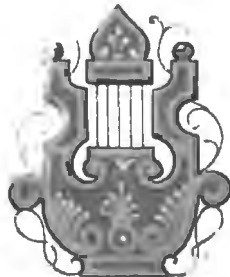
Считая себя однимъ изъ классическихъ русскихъ писателей, онъ всегда, въ письмахъ, прозаическихъ статьяхъ и замѣткахъ, цитируетъ, для подтвержденія своей мысли, собственные стихи, какъ тексты Св. Писанія или изреченія древнихъ классиковъ. Это даетъ его корреспондентамъ поводъ въ каждомъ письмѣ восхищаться его стихами и восклицать:

„Пой, графъ, и дружба ты съ музами не рушь!
Для свѣтлаго ума, для вѣжннхъ, добрыхъ душъ
Твоя пѣснь сладостна!...“

Какъ относились къ нему другіе, увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

П. О. Морозовъ.

[Продолженіе слѣдуетъ].

РЪЧЬ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА

римско-католическимъ епископамъ

въ 1844 г.

възвѣщаю вамъ, что я призвалъ васъ въ столицу съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы вы познакомились съ управленіемъ католической церкви въ Россіи и приглядѣлись къ дѣйствіямъ здѣшней духовной коллегіи, которою я вполне доволенъ. Не полагайте, чтобы я призвалъ васъ сюда съ намѣреніемъ враждебнымъ вашему вѣроисповѣданію. Знаю, что такое мнѣніе стараются распространить между вами; до единого знаю всѣхъ тѣхъ, которые разсѣваютъ между вами такія нелѣпости, могъ-бы ихъ наказать, но это не согласуется съ моимъ императорскимъ-царскимъ достоинствомъ.

„Да, я ни въ чемъ не желаю вредить католическому исповѣданію, потому что я самъ католикъ. Душевно и сердечно приверженъ къ своему исповѣданію, и былъ-бы столько-же приверженъ и къ римскому, если-бы въ ономъ родился; въ отношеніи религіи церкви католической намѣренія мои чисты.

„Достаточно знаю, какъ далеко простирается моя императорская власть и какъ далеко можетъ подвинуться, не нарушая вашего исповѣданія, и потому-то именно требую приверженности и повиновенія, и тѣмъ болѣе долженъ этого требовать, что сіе повелѣваетъ вамъ Самъ Богъ, предъ Которымъ я долженъ буду отвѣтствовать за благополучіе вѣреннаго мнѣ народа. Глава вашей церкви подтверждаетъ вамъ то-же. Да, не безызвѣстно мнѣ, что свя-

той отецъ желаетъ, чтобы вы повиновались и были привержены къ своему государю. Папа мнѣ другъ, но весьма сожалѣю, что апостольская столица даетъ къ себѣ доступъ ложнымъ и враждебнымъ донесеніямъ, относительно состоянія католицизма въ моемъ государствѣ. Послѣдній его отзывъ основанъ на подобныхъ донесеніяхъ. Такимъ путемъ папа ничего со мною не выиграетъ,—во всякомъ случаѣ, надлежало ему обратиться ко мнѣ, а не дѣлать публичной огласки. Не хочу, чтобы отзывъ этотъ былъ опровергаемъ публично и официально; это было-бы не соотвѣтственно моему сану, и потому я не велѣлъ отвѣчать на оный гласно. Еще разъ повторяю вамъ: повинуйтесь вашему государю, и единственно съ этимъ условіемъ я есть и буду вашимъ покровителемъ. Ежели духовенство ваше будетъ мнѣ искренно повиноваться, то можетъ быть увѣрено въ своемъ благоденствіи.

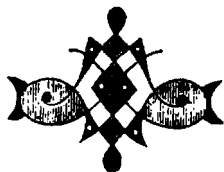
„Давно-бы уже церковь ваша пала въ моемъ государствѣ, если-бы я не поддерживалъ ея вѣрными средствами. Знайте, что она должна опасаться не правительства, но своего собственнаго духовенства. Между вами есть столько порочныхъ священниковъ, что даже страшно вспоминать о томъ. Духовенство ваше преисполнено или фанатизма или равнодушія, но фанатизма не религіознаго, а политическаго, и подъ религіозными предлогами старается оно скрыть неповиновеніе и сопротивленіе правительству. Сколько съ одной стороны я покровитель вашей церкви, столько съ другой буду наблюдать за благонавіемъ епископовъ и всего вашего духовенства, и буду строго наказывать преступныхъ, потому что отвѣтствую за ихъ поступки. Мнѣ хорошо извѣстно, чѣмъ вы обязаны каноническому, то есть церковному вашему уставу, и потому желаю, чтобы оный исполняемъ былъ въ точности. Знаю, что должное наведеніе воспитанія духовенства составляетъ самое лучшее средство къ образованію хорошихъ священниковъ, и поэтому желаю, чтобы воспитаніе это было католическое, но не менѣе того утверждено на монархическихъ основаніяхъ; желаю, чтобы образовались подданные вѣрные, послушные и преисполненные христіанской любви и приверженности престолу. Итакъ, да будетъ воспитаніе духовенства католическое, но не іезуитское, какъ въ Галиціи или редемптивистовъ во Франціи. Признаюсь, откровенно, что я не потерплю іезуитовъ, и если-бы августѣйшій мой предшественникъ Александръ I-й не удалилъ ихъ изъ государства, я самъ-бы это сдѣлалъ.

„Крайне сожалѣю, что вы собрались здѣсь въ весьма печальное время кончины митрополита вашего Павловскаго. Кончина его составляетъ невозвратную потерю для церкви и государства.

Но вѣрно извѣстно вамъ, что перемѣщеніе духовной академіи изъ Вильвы въ С.-Петербургъ было мною сдѣлано съ единственною цѣлю подчинить оную непосредственному надзору покойнаго митрополита; въ прежнемъ состояніи она никакъ не могла далѣе оставаться. Я имѣлъ справедливыя причины быть недовольнымъ тогдашнимъ ея направленіемъ.

„Стремленіе ея было неблагонамѣренно. Кончина митрополита разстроила всѣ мои намѣренія,—я въ величайшемъ безпокойствѣ и даже въ крайнемъ затрудненіи, потому что ни въ имперіи, ни въ царствѣ не нахожу никого, кто-бы могъ достойно занять его мѣсто“.

Сообщ. П. П. Барцовъ.

Выговоръ императора Александра I генералу И. И. Михельсону

за распечатанное письмо, 1807 г.

„При полученіи донесенія вашего отъ 28-го апрѣля, я не имѣлъ еще никакого свѣдѣнія о письмѣ, о коемъ вы въ ономъ упоминаете. Министръ иностранныхъ дѣлъ не прежде мнѣ вручилъ оное, какъ по точному моему приказанію, и изъявилъ мнѣ притомъ, что вы, открывая письмо, къ нему адресованное, имѣли, конечно, какой-либо поводъ къ подозрѣнію вѣрности его къ службѣ моей. Признавая жалобу сію совершенно справедливою, я долженъ замѣтить вамъ, что поступокъ вашъ въ семъ случаѣ тѣмъ болѣе неумѣстенъ, что я точно увѣренъ, что генераль Будбергъ, пріобыкшій почитать въ людяхъ, довѣренностью моею пользующихся, вѣрныхъ слугъ отечества, конечно, никогда себѣ не позволитъ какой-либо подвигъ, который могъ-бы уменьшить мою къ нимъ благосклонность“.

Сообщ. Е. А. Висковатовъ.

АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ ХРУЦОВЪ

род. 1806 г., † 1875 г.

Выдержки изъ его писемъ 1853—1859 гг.

„Хруцовъ лучший генералъ изъ тѣхъ, какихъ я только зналъ при оборонѣ Севастополя“.

Отзывъ кн. А. С. Меншикова.

Командиръ славнаго въ лѣтоисяхъ геройской обороны Севастополя—Волынскаго поля, потомъ командиръ бригады, начальникъ отдѣльнаго отряда на Севастопольскихъ позиціяхъ, начальникъ части передовой оборонительной линіи Севастопольскихъ бастіоновъ, затѣмъ по окончаніи Крымской войны,—послѣдовательно командиръ 9-ой дивизіи въ арміи, 2-й дивизіи въ гвардіи, 5-ой дивизіи въ арміи, наконецъ, въ концѣ-концовъ своей многолѣтней службы—генералъ-губернаторъ Западной Сибири, Александръ Петровичъ Хруцовъ всюду стяжалъ себѣ любовь и глубокое къ нему уваженіе. Безстрашный воинъ, онъ прославилъ себя на твердыхъ Севастопольскихъ именно тамъ, гдѣ такъ трудно было себя прославить, такъ какъ всѣ соревновали въ мужествѣ и героизмѣ.

Имена двухъ генераловъ—Хруцова и, соавучно ему, Хрулева особенно часто являлись въ извѣстіяхъ изъ Севастополя, и въ кровавую эпоху 1854—1855 гг. облетѣли всю Россію....

Хруцовъ оставилъ послѣ себя записки о Крымской кампаніи. Онѣ напечатаны въ покойномъ уже журналѣ „Московское Обзорѣніе“ 1877 г. Записки эти составлены значительно позже описываемыхъ въ нихъ событій, и потому многое въ нихъ, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ, составлено по другимъ источникамъ, кромѣ личныхъ воспоминаній.

Замѣтки-же личныя, набросанныя на бумагу немедленно, въ самомъ пылу обороны Севастополя, подъ градомъ бомбъ, при свистѣ адреръ и пулъ, въ па-

латкѣ, въ землнкѣ, въ блиндажѣ, на барабанѣ, — таковыя замѣтки сохранились въ письмахъ А. П. Хруцова къ его братьямъ: адмиралу Степану Петровичу и тульскому землевладѣльцу Борису Петровичу Хруцовымъ. Выдержки изъ этихъ писемъ мы представляемъ на страницахъ „Русской Старины“ въ убѣренности, что и въ громаднѣйшей литературѣ всевозможныхъ матеріаловъ, очерковъ, разсказовъ, воспоминаній, записокъ и описаній севастопольскаго погрома—эти замѣтки, какъ принадлежащія одному изъ наиболѣе выдающихся и по значенію и по личнымъ качествамъ защитнику многострадальнаго города, не могутъ не имѣть значенія.

Замѣтки Хруцова отрывочны, не блещутъ ни красотой слога, ни живостью описанія; онѣ отличаются необыкновенною простотой, ярко отпечатывая въ нихъ нравственный обликъ мужественнаго, честнаго, безстрашнаго и прямодушнаго воина, какимъ былъ Александръ Петровичъ Хруцовъ.

Къ выдержкамъ изъ писемъ Севастопольской эпохи 1853—1856 гг. мы сочли не лишнимъ присоединить небольшія выдержки изъ писемъ того-же А. П. Хруцова послѣдующихъ трехъ лѣтъ (1857—1859 гг.), какъ матеріалъ не безполезный ни для его біографіи, ни вообще при описаніи этихъ важныхъ въ исторіи русскаго общества годовъ.

Ред.

Лагерь подъ Одессою, 15-го іюня 1853 г.

... Если миръ съ турками не будетъ нарушенъ, въ чемъ почти нельзя сомнѣваться, судя по ходу дѣлъ, то, кажется, мой полкъ останется въ Одессѣ для содержанія караула на шесть мѣсяцевъ. Въ газетахъ пишутъ, что султанъ послалъ своего зятя въ Вѣну и Петербургъ, и что Австрія принимаетъ на себя посредничество, а потому надобно думать, что все уладится мирнымъ образомъ.

Миръ есть общее благо, но на этотъ разъ военные—большіе эгоисты, ибо они желаютъ войны, любя свое ремесло.

Лагерь близъ Севастополя, 26-го іюня 1853 г.

Повидимому, Австрія забыла, чѣмъ она обязана Россіи и нашему государю; но Богъ накажетъ ее за это вѣроломство. По частнымъ, но вѣрнымъ слухамъ съ азіатской границы мы знаемъ о разбитіи турецкихъ войскъ кн. Андрониковымъ, причѣмъ взято 38 знаменъ и 50 пушекъ. Это будетъ славный подарокъ къ рожденію государя.

У насъ пока все покойно. Въ прошлое воскресенье приходили къ намъ въ гости 4 парохода. Нашихъ судовъ не было въ морѣ, а потому они могли безпрепятственно пройти мимо бухтъ, занимаемыхъ моимъ полкомъ; разумѣется, вѣ всякаго выстрѣла.

... Вчера князь Меншиковъ дѣлалъ смотръ нашей бригадѣ, сначала моему полку, а потомъ другому.

Лагерь подъ Одессою, 27-го іюля 1853 г.

.... Мы въ томъ-же неопредѣлительномъ положеніи. Если судить по газетамъ и по частнымъ извѣстіямъ изъ Петербурга, миръ не будетъ нарушенъ. Вся Европа не хочетъ и боится войны. Конечно, въ видахъ общаго блага, и мы (т. е. военные) должны-бы желать сохраненія мира, но въ этомъ случаѣ мы эгоисты.

Вѣроятно, въ скоромъ времени вопросъ этотъ разрѣшится. Мой полкъ по прежнему стоитъ въ лагерѣ въ ожиданіи, когда дозволить намъ войти въ казармы. Въ лагерѣ очень жарко, очень пыльно, но, благодаря Бога, мы здоровы и въ полку мало больныхъ.

Лагерь подъ Одессою, 3-го августа 1853 г.

Повидимому, вѣсти изъ Петербурга успокоительныя и уже заботятся о назначеніи зимнихъ квартиръ для войскъ, но если судить по извѣстіямъ изъ Константинополя, то вопросъ не такъ скоро можетъ рѣшиться, и Богъ знаетъ чѣмъ кончится дѣло, а также иностранныя газеты перестаютъ ручаться за миръ. Мы, русскіе, должны гордиться, имѣя государя, который поставилъ себя въ отношеніи иностранныхъ державъ на такую высокую степень величія. Дай Богъ ему царствовать многія лѣта для славы и благоденствія Россіи.

г. Одесса, 4-го сентября 1853 г.

.... Вчера получилъ письмо отъ брата Степана Петровича. Онъ радуется, что турецкія дѣла уладились, но говоритъ, что въ Петербургѣ удивляются, не получая до сихъ поръ согласія Порты на принятіе ноты, составленной въ Вѣнѣ. И мы не знаемъ еще достоверно, вполнѣ-ли она принята.

Пароходъ изъ Константинополя долженъ прибыть сюда послѣзавтра, можетъ быть тогда что-нибудь узнаемъ.

г. Одесса, 11-го сентября 1853 г.

.... Третьяго дня получено повелѣніе посадить на корабли 1-ю бригаду нашей дивизіи и отвезти въ Севастополь вмѣсто 13-й пѣхотной дивизіи, которая посылается на восточный берегъ Чернаго моря.

15-го сентября баталіоны моего полка сосредоточиваются въ окрестностяхъ Одессы съ тѣмъ, чтобы по прибытіи эскадры сѣсть на оную. А я съ своимъ штабомъ переберусь въ деревню, въ 10-ти верстахъ отсюда, разумѣется, на нѣсколько дней. Обозъ посылаемъ сухимъ путемъ. Итакъ, предположенія наши провести зиму въ

Одессѣ не исполнились; также, повидимому, не исполнятся желанія наши подраться съ турками.

с. Нерубайское, 18-го сентября 1853 г.

.... По частнымъ извѣстіямъ изъ Константинополя, Порты требуетъ немедленнаго очищенія княжествъ, слѣдовательно восточный вопросъ не кончается, какъ всѣ ожидали.

с. Нерубайское, 23-го сентября 1853 г.

По случаю перевозки 13-й дивизіи на Кавказъ, которая вышла изъ Севастополя 17-го числа, князь Меншиковъ прислалъ въ Одессу только два корабля и два фрегата, а потому 21-го посадили на эскадру одинъ полкъ, а мой будетъ отправленъ на второмъ рейсѣ, т. е. не ранѣе, какъ черезъ недѣлю. Итакъ, мы теперь въ полной мѣрѣ сидимъ у моря и ждемъ погоды или, лучше сказать, кораблей. Никто не можетъ знать, долго-ли мы останемся въ Севастополѣ. Полковой обовъ я отправилъ сухимъ путемъ.

Подобныя передвиженія—большое разстройство для полковаго хозяйства, но что-же дѣлать? Мы готовы идти всюду, куда намъ прикажутъ.

с. Нерубайское, 29-го сентября 1853 г.

.... Трудно опредѣлить, долго-ли мы останемся въ Севастополѣ. Турція рѣшительно хочетъ войны и, кажется, Омеръ-паша получилъ приказаніе начать военныя дѣйствія, если черезъ двѣ недѣли русскіе не выйдутъ изъ княжествъ. Переходомъ въ Севастополь мы удаляемся отъ театра военныхъ дѣйствій, что весьма прискорбно; впрочемъ, флотъ у насъ подъ бокомъ и, въ случаѣ надобности, не долго перевезти насъ куда угодно.

Севастополь, 6-го октября 1853 г.

30-го сентября рано утромъ я привелъ свой полкъ въ Одессу и тотчасъ-же началась амбаркація, которая окончилась къ тремъ часамъ пополудни. Командиръ корабля Зоринъ помѣстилъ меня очень удобно въ своей каютѣ, и во все время былъ очень любезенъ и внимателенъ.

1-го октября чуть свѣтъ мы снялись съ якоря. Во все время переѣзда погода была отличная и въ добавокъ ночью свѣтили мѣсяцъ.

3-го числа около двухъ часовъ пополудни мы вступили въ севастопольскую бухту и къ 6-ти часамъ окончили высадку

людей на берегъ. На пристани встрѣтилъ меня М. С. Маковѣевъ. Для меня квартиру заняли около баракъ, гдѣ расположенъ мой полкъ; въ домѣ-же полковаго командира осталась жена прежняго командира. Я сдѣлалъ уже необходимые служебные визиты, какъ-то: къ командиру порта Станюковичу, обоимъ комендантамъ и проч. Вторымъ комендантомъ теперь вице-адмиралъ Рагуля; также видѣлся съ Вукотичемъ (бывшимъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ, а теперь бригадный командиръ).

. Итакъ, друзья мои, я уже въ Севастополѣ, только не знаю на долго-ли. Наша дивизія совершенно раздѣлилась: одна бригада здѣсь, а другая—на Дунаѣ; а потому, въ случаѣ кампаніи, мы не знаемъ куда насъ двинуть—въ европейскую или азіатскую Турцію или оставить въ Севастополѣ; послѣднее будетъ очень непріятно. Князь Меншиковъ уѣхалъ отсюда въ Николаевъ наканунѣ нашего прихода; его ожидаютъ сюда сегодня или завтра. Эскадра, возившая 13-ю дивизію, прибыла въ Севастополь третьяго дня, высадивъ дивизію въ Анаклія (ниже Сухумъ-Кале).

Севастополь, 13-го октября 1853 г.

. Третьяго дня у меня былъ командиръ порта Станюковичъ; онъ большой говорунъ и ѣздитъ по городу не иначе, какъ съ жандармомъ.

. Обозъ и лошади мои придутъ въ субботу и тогда я буду имѣть возможность осмотрѣть окрестности Севастополя и то мѣсто, гдѣ крестился св. Владиміръ. Тамъ нынѣ построена небольшая церковь, въ которой, недѣли двѣ назадъ, служилъ архіепископъ Иннокентій. Если время и погода позволятъ, то съѣзжу и на южный берегъ.

Севастополь, 20-го октября 1853 г.

. До сихъ поръ мы ни въ мирѣ, ни въ войнѣ, хотя турки уже сдѣлали пробу стрѣлять по нашему пароходу на Дунаѣ. О подвигахъ г. Хрулева въ Хивѣ я въ первый разъ слышу и сомнѣваюсь въ справедливости этихъ извѣстій.

Погода въ Севастополѣ стоитъ превосходная, но я еще не пользовался оною, чтобы объѣхать окрестности.

Три дня назадъ пріѣхалъ сюда В. А. Корниловъ и живетъ на пароходѣ.

Севастополь, 27-го октября 1853 г.

. Признаюсь вамъ, мнѣ очень хочется присоединиться къ своей дивизіи на Дунаѣ. На прошлой недѣлѣ получено извѣстіе, что

турки осмѣлились перейти чрезъ Дунай у кр. Виддина. При этомъ я вспомнилъ знаменитое выраженіе Кутузова: „дай Богъ побольше! Они прямо лѣзутъ въ петлю“.

Въ прошлый вторникъ я былъ на пароходѣ у Корнилова; онъ принялъ меня очень ласково; въ воскресенье обѣдалъ у коменданта Кизмера, а потомъ у адмирала Станюковича.

Командиръ здѣшняго порта очень ласковый и, какъ кажется, добрый человекъ. Въ свободное время я читаю теперь превосходное описаніе войны Суворова въ Италиі въ 1799 году. Миліоти нѣ мастеръ своего дѣла. Желалъ-бы я проѣхать по южному берегу, чтобы осмотрѣть его въ подробности, но въ настоящее время не могу отлучиться на самое короткое время.

Севастополь, 3-го ноября 1853 г.

Говорятъ, что манифестъ о войнѣ объявленъ, но я еще не читалъ его. Итакъ, друзья мои, восточный вопросъ рѣшенъ и турки сами лѣзутъ въ петлю, несмотря на снисхожденіе къ нимъ государя.

Въ какой степени мой полкъ приметъ участіе въ предстоящей кампаніи—неизвѣстно.

Въ прошлый вторникъ пріѣхалъ сюда сухимъ путемъ князь Меншиковъ; въ тотъ-же день я представлялся къ нему, вмѣстѣ съ своимъ бригаднымъ командиромъ. Князь спросилъ у меня: „вы, кажется, съ родни флоту“. Черезъ день я былъ приглашенъ къ нему обѣдать въ числѣ 6-ти человекъ. Князь обращался ко мнѣ съ вопросами о моей прежней службѣ, о турецкой войнѣ и проч.,

Въ прошлую среду Корниловъ возвратился съ пароходами, бывъ около Босфора, и на другой день отправился съ эскадрою изъ 4-хъ кораблей и нѣсколькихъ судовъ въ поискъ за неприятелемъ. Слѣдовательно, теперь у насъ въ Черномъ морѣ двѣ эскадры: Нахимова и Корнилова. Дай Богъ имъ успѣха!

Взятое турками Николаевское укрѣпленіе отнято у нихъ. Съ береговъ Дуная я положительныхъ извѣстій не имѣю, но говорятъ, что кн. Горчаковъ совершенно окружилъ 15 тыс. отрядъ турокъ, перешедшій чрезъ Дунай у Виддина.

Севастополь, 10-го ноября 1853 г.

Г. А. Корниловъ, отправляясь съ эскадрою въ море, выразился, между прочимъ, въ приказѣ, что, съ помощью Божіею, надѣется увеличить нашъ флотъ нѣсколькими кораблями. Желанія его отчасти сбылись. 7-го числа, утромъ, въ севавтопольскую бухту привели два парохода, изъ коихъ одинъ военный (египетскій), а

другой коммерческой. Погода была прекрасная и всё бросились на пристань; разумеется, и я находился въ числѣ любопытствующихъ и видѣлъ вблизи какъ наши трофеи, такъ и плѣнныхъ (до 120 человекъ). Вотъ подробности этого дѣла: Корниловъ, замѣтивъ непріятеля, сѣлъ на пароходъ „Владиміръ“ и атаковалъ его. Сраженіе продолжалось болѣе трехъ часовъ и непріятельскій пароходъ сдался тогда, когда капитанъ былъ убитъ. Потеря на немъ въ людяхъ значительна, и онъ избитъ со всѣхъ сторонъ, въ особенности съ кормы. Нашъ получилъ не болѣе двухъ пробоинъ,—такъ турки худо стрѣляли. и потерялъ трехъ человекъ, въ числѣ коихъ къ общему сожалѣнію, убитъ адъютантъ Корнилова лейт. Желѣзновъ, котораго третьяго дня похоронили здѣсь со всѣми почестями. Другой нашъ пароходъ, состоящій при эскадрѣ „Одесса“, взялъ купеческій, съ грузомъ, безъ боя. Итакъ, не прошло мѣсяца послѣ открытія военныхъ дѣйствій, наши три парохода были уже въ дѣлѣ. Конечно, Корниловъ и офицеры „Владиміра“ получаютъ награды за свой подвигъ.

.... Новыхъ извѣстій съ береговъ Дуная мы не имѣемъ; впрочемъ, кажется, я не увѣдомлялъ васъ, что было дѣло подъ Туртукаемъ 23-го октября. Турки переправились на лѣвый берегъ Дуная и Даненбергъ ихъ атаковалъ; подробностей не знаю, но потеря съ нашей стороны довольно значительна. Турки ушли обратно на правый берегъ.

Севастополь, 17-го ноября 1853 г.

.... Новостей изъ княжествъ мы не имѣли на этой недѣлѣ, но получили распоряженіе изъ Петербурга, что нашъ дивиз. начальникъ Моллеръ назначенъ командующимъ войсками въ Крыму подъ главнымъ начальствомъ князя Меншикова, а потому, по приказанію его свѣтлости, наша бригада займетъ разныя мѣста Крыма, а въ Севастополѣ останутся только два мои баталіона и полковой штабъ; кромѣ того, вся резервная бригада. Моллеръ будетъ квартировать въ Симферополѣ.

Одинъ изъ здѣшнихъ фрегатовъ флота имѣлъ стычку съ тремя непріятельскими и поколотилъ ихъ, самъ-же не получилъ никакой порчи, ибо турки не мастера стрѣлять.

Надняхъ я былъ въ Херсонесѣ, гдѣ производятся небольшія работы для открытія древностей. Остатки храма видны.

Севастополь, 24-го ноября 1853 г.

21-го числа Севастополь былъ обрадованъ извѣстіемъ о весьма важномъ событіи: 18-го ноября, въ полдень, В. А. Нахимовъ,

съ шестью кораблями, напалъ на турецкій флотъ, состоящій изъ 14 фрегатъ и корветовъ и расположенный въ Синопской бухтѣ, и истребилъ всю эскадру. Пять или шесть судовъ взлетѣли на воздухъ, остальные потоплены; удалось уйти одному пароходу до начатія дѣла. Батарей, подъ выстрѣлами которыхъ Нахимовъ входилъ въ бухту, уничтожены. Очевидцы сравниваютъ это дѣло съ Наваринскимъ и говорятъ, что оно было также жестоко. Нахимовъ приобрѣлъ себѣ громкую славу. Взято въ плѣнъ около 200 человекъ, въ томъ числѣ вице-адмиралъ Османъ-паша и два капитана.

Фрегатъ „Рафаилъ“, взятый у насъ въ 1828 году. сожжёнъ. У насъ убитыхъ и раненыхъ до 250 челов., въ томъ числѣ убитъ офицеръ одинъ и ранено три. Корабли „Марія“ и „Константинъ“ получили довольно значительныя поврежденія.

Корниловъ, прибывъ изъ Николаева 17-го числа, тотчасъ пошелъ съ 4 пароходами на присоединеніе къ Нахимову, но прибылъ къ войску, когда уже дѣло кончилось.

Севастополь, 1-го декабря 1853 г.

.... Надняхъ князь Меншиковъ получилъ увѣдомленіе отъ кн. Воронцова о разбитіи турецкаго корпуса подъ Ахалцыхомъ; взято 13 пушекъ, лагерь и артиллерійскій паркъ. Итакъ, государь получитъ къ своимъ именинамъ два пріятныя донесенія о пораженіи турецкаго флота подъ Синопомъ и сухопутнаго войска въ Азіи.

Надобно ожидать большихъ наградъ, особенно флотскимъ, которые вполне это заслужили. Третьяго дня я былъ у Нахимова; онъ въ большомъ духѣ.

Вчера фельдъегерь привезъ увѣдомленіе къ князю, что для обороны Крыма направлена 17-я пѣхотная дивизія, которая теперь находится въ Харьковѣ; мы-же остаемся впредь до распоряженія подъ начальствомъ его свѣтлости. Итакъ, мы здѣсь временные гости; но куда насъ направятъ—на Дунай или въ Азію—неизвѣстно. По расчету времени, 17-я дивизія можетъ придти сюда около 20-го января, слѣдовательно и мы можемъ пребыть здѣсь только до того времени. Эта новость меня обрадовала.

Севастополь, 7-го декабря, 1853 г.

.... 2-го декабря получены еще благопріятныя новости съ азіатской границы. Князь Бебутовъ съ 10-ю баталіонами пѣхоты и нижегор. драг. полкомъ разбилъ 30 т. турокъ, подъ Александрополемъ, и взялъ 24 орудія.

Извѣстія отъ князя Меншикова и Воронцова порадуютъ госу-

даря. Съ береговъ Дуная нѣтъ новостей; кажется, военныя дѣйствія прекратились на время, по случаю дурнаго времени.

Вчера я былъ на обѣдѣ, данномъ севастопольскимъ обществомъ гражданъ въ честь моряковъ, отличившихся при истребленіи турецкаго флота при Синопѣ.

Князя Меншикова и синопскаго героя Нахимова не было на обѣдѣ, по случаю ихъ болѣзни, но тосты за ихъ здоровье были провозглашены съ отвѣтомъ грознаго ура!

Сегодня, въ 10 часовъ утра, прибылъ изъ Петербурга офицеръ съ извѣстіемъ о наградахъ за синопское дѣло. Нахимовъ получилъ Георгія 2 кл., Новосильскій—3 кл. Славная награда Нахимову.

Мы съ нетерпѣніемъ ожидаемъ извѣстія о времени прибытія сюда 17-ой пѣх. дивизіи, дабы знать, по крайней мѣрѣ предположительно, о времени нашего выступленія отсюда; но куда именно—знаеть Богъ, да Николай Павловичъ.

Севастополь, 15-го декабря 1853 г.

У насъ все тихо и покойно. Хотя Севастополь всегда въ готовности встрѣтить незваныхъ гостей, еслибы они вздумали къ намъ пожаловать, но я не думаю, чтобы они осмѣлялись это сдѣлать, въ особенности послѣ синопскаго пораженія. Въ эту недѣлю съ береговъ Дуная и изъ Азіи не было особенныхъ новостей. О времени прибытія 17-ой дивизіи, предназначенной для обороны Крыма, нѣтъ слуховъ; слѣдовательно, и мы не можемъ опредѣлить долго-ли простоямъ здѣсь.

Князь Меншиковъ также проситъ на обѣдѣ. Разумѣется, я поѣхалъ къ послѣднему. Приглашенныхъ было только пять человѣкъ, въ томъ числѣ и командиръ порта. Князь былъ ко мнѣ очень внимателенъ. Кажется, его свѣтлость случаетъ въ Севастополь, но при настоящихъ обстоятельствахъ и при настоящемъ управленіи флота его присутствіе здѣсь необходимо.

Севастополь, 22-го декабря 1853 г.

Въ Севастополь ужасная грязь и почти каждый день дождь; вчера лилъ какъ изъ ведра. Всю эту недѣлю я сидѣлъ дома и никого не видалъ, кромѣ своихъ.

Впрочемъ, особенныхъ новостей нѣтъ ни откуда. Если такое-же ненастье на берегахъ Дуная, какъ здѣсь, то можно сказать навѣрно, что турецкая армія въ полномъ разстройствѣ, ибо доставка съѣстныхъ припасовъ чрезвычайно затруднительна.

Издѣла я бываю въ здѣшнемъ театрѣ, на которомъ рѣшаются

иногда играть довольно серьёзные пьесы и, конечно, исполняютъ ниже всякой посредственности; но для Севастополя и это служить развлеченіемъ.

Изъ книгъ меня въ особенности занимаетъ теперь исторія войны 1799 года, составленная Д. А. Милютинымъ.

Севастополь, 29-го декабря 1853 г.

Черезъ два дня наступитъ 1854-й годъ, съ которымъ поздравляю васъ, друзья мои.

Исходящій годъ былъ для насъ весьма тревожный и неопредѣлительный; чѣмъ-то ознаменуется 1854-й?

Въ первый день праздника Р. Х. Севастополь былъ изумленъ и встревоженъ приходомъ на нашъ рейдъ англійскаго парохода-фрегата. Обиѣнявшись съ крѣпостью салютами, пароходъ отдалъ депеши къ князю Меншикову отъ адмираловъ соединенныхъ флотовъ, т. е. англійскаго и французскаго. Получа отъ князя отвѣтъ, онъ ушелъ въ тотъ-же день. Въ чемъ заключаются депеши и отвѣтъ свѣтлѣйшаго—никто не знаетъ. Князь сказалъ своимъ приближеннымъ, что пароходъ привезъ письма къ Османъ-пашѣ (турецкій адмиралъ, взятый при Синопѣ). На другой день посланъ въ Петербургъ курьеромъ адъютантъ князя, капитанъ 1-го ранга Краббе.

Другихъ новостей у насъ нѣтъ и все обстоитъ благополучно.

Иностранныя газеты увѣрены, что война съ Турціею долго не продолжится, но это извѣстно только одному Богу. Со стороны турокъ нельзя ожидать какихъ-либо покушеній на Крымъ, въ особенности послѣ даннаго имъ урока подъ Синопомъ.

Конечно, будутъ другія обстоятельства, если англичане и французы примутъ явно сторону турокъ; но, можетъ быть, до этого не дойдетъ.

.... По первымъ распоряженіямъ предназначалась сюда 17-я дивизія, которая должна была прибыть въ началѣ марта, но теперь получено извѣстіе, что назначается въ Крымъ 16-я дивизія, которая можетъ придти въ Севастополь не ранѣе первыхъ чиселъ мая. На дняхъ мы получили приказъ отъ 6-го декабря. Почти всѣ полковники, произведенные въ 1845 году, получили генеральскіе чины; а какъ я съ 1847 года, то мнѣ можетъ достаться въ 1855 г.

Севастополь, 5-го января 1854 г.

Новый годъ я встрѣтилъ, друзья мои, дома за книгою. Чѣмъ-то онъ порадуетъ насъ?

....Вечеромъ былъ въ маскарадѣ въ пользу бѣдныхъ и при этомъ случаѣ могъ видѣть почти все севастопольское общество. Исключая четырехъ дамъ, замаскированныхъ вовсе не было. Разумѣется, число кавалеровъ значительно превышало число дамъ. потому что Севастополь военный городъ. Князь не удостоилъ бала своимъ присутствіемъ, но Корниловъ былъ, и я съ нимъ очень долго говорилъ о настоящемъ состояніи дѣлъ и въ особенности о положеніи Севастополя. Корниловъ всегда бываетъ со мною очень любезенъ, какъ равно Станюковичъ и Нахимовъ.

Новостей у насъ никакихъ нѣтъ. О цѣли прихода англійскаго парохода 25-го декабря никто не знаетъ. Говорятъ, что маршъ 16-й дивизіи, назначенной для обороны Крыма, ускоренъ. На случай появленія непріятеля у береговъ Севастополя, сдѣланы всѣ распоряженія какъ его встрѣтить и угостить по-русски.

Но я полагаю, что непріятели не будутъ столь дерзки и неблагоразумны, чтобы сдѣлать визитъ намъ. Англичане и французы не въ войнѣ съ нами, а между тѣмъ гуляютъ по Черному морю.

Севастополь, 11-го января 1854 г.

....Адъютантъ князя Краббе, посланный въ Петербургъ съ депешами, привезенными англійскимъ пароходомъ, еще не возвратился.

В. А. Станюковичъ получилъ орденъ Бѣлаго Орла; онъ очень доволенъ и надѣется въ непродолжительномъ времени попасть на покой въ Адмиралтействъ-совѣтъ.

Входъ союзныхъ флотовъ въ Черное море показываетъ, что они рѣшились воспрепятствовать русскимъ повторить Синопское дѣло, не объявляя намъ войны. Подобное вмѣшательство въ чужія дѣла не есть-ли явный разрывъ съ Россією?

....Въ Севастополѣ страшная дороговизна съѣстныхъ припасовъ и фуража.

Севастополь, 19-го января 1854 г.

....Вы знаете, что англійскіе и французскіе флоты вошли въ Черное море, слѣдовательно Севастополь долженъ быть въ постоянной готовности встрѣтить гостей; здѣшній-же гарнизонъ состоитъ только изъ моего полка и до 2-хъ тысячъ человѣкъ резервной

35*

бригады, а потому я не могу отлучиться даже на нѣсколько часовъ изъ Севастополя при всемъ желаніи моемъ побывать на южномъ берегу.

Послѣ завтра присоединится ко мнѣ мой 4-й баталіонъ, который квартировалъ полтора мѣсяца въ Бахчисараѣ; теперь опять весь полкъ будетъ вмѣстѣ, но только 4-й баталіонъ станетъ на сѣверной сторонѣ. Въ воскресенье я обѣдалъ у князя Меншикова (въ третій разъ). Его свѣтлость былъ очень любезенъ со мною и, прощаясь, подалъ руку. Въ тотъ-же день былъ у меня съ визитомъ г.-ад. Корниловъ, но не засталъ дома, а вечеромъ прислалъ курьера съ приглашеніемъ обѣдать на другой день. На обѣдѣ я познакомился съ женою Корнилова. Онъ постоянно очень внимателенъ ко мнѣ.

Черезъ нѣсколько дней отправляется отсюда 1,600 человекъ (резервн. бриг.) сухимъ путемъ на Кавказъ для укомплектованія 13-й дивизіи, а мой 4-й баталіонъ придетъ сюда вмѣсто ихъ.

Севастополь, 25-го января 1854 г.

.... Мы находимся всегда въ готовности встрѣтить непріятеля. Соединенные флоты или, по крайней мѣрѣ, части оныхъ, погупливаютъ по Черному морю и даже иногда подходятъ къ нашимъ портамъ; впрочемъ, до сихъ поръ мы съ ними не въ войнѣ. Нашъ флотъ попрежнему не трогается изъ севастопольской бухты.

О дѣлѣ 25-го декабря около Калафата вы уже знаете изъ газетъ; говорятъ, что послѣ того было другое и турецкій корпусъ совершенно разбитъ, но это еще не достовѣрно.

.... Мой 4-й баталіонъ иришелъ изъ Бахчисарая въ Севастополь и теперь весь полкъ въ одномъ мѣстѣ.

Севастополь, 2-го февраля 1854 г.

.... По моей просьбѣ братъ прислалъ ко мнѣ нѣкоторыя военныя книги и карты.

Ожидаемъ извѣстій изъ Петербурга о результатѣ поѣздки графа Орлова въ Вѣну и Берлинъ, а также какъ приметъ государь объясненія англійскаго и французскаго кабинетовъ касательно вступленія соединенныхъ флотовъ въ Черное море. По извѣстіямъ, сообщеннымъ купеческими судами, прибывшими изъ Константинополя, флоты возвратились въ Босфоръ. Этому можно вѣрить, потому что въ настоящее время года плаваніе по Черному морю затруднительно и опасно.

Дожди почти каждый день и на улицах непроходимая грязь. Мои солдаты, путешествуя по оной, совершенно обносились сапогами.

Третьяго дня я обѣдалъ у Станюковича, гдѣ познакомился съ прибывшимъ недавно изъ Петербурга адъютантомъ, княземъ Грейгомъ. Удивительно видѣть его въ этой должности, зная отношенія покойнаго адмирала съ его свѣтлостію.

Время я провожу большею частію дома; много читаю.... Егерская бригада нашей дивизіи перешла уже въ Молдавію. Отъ всего корпуса осталась въ предѣлахъ Россіи одна наша бригада, занимая, впрочемъ, весьма важный и опасный пунктъ. Общее желаніе всего полка состоитъ въ томъ, чтобы скорѣе соединиться со своими на Дунаѣ.

Севастополь, 16-го февраля 1854 г.

По слухамъ, 16-я дивизія быстро подвигается въ Крымъ. Она выступила изъ Москвы около половины января, а теперь, говорятъ близъ Екатеринославля, чему я не совсѣмъ вѣрю. Впрочемъ, мы начинаемъ терять надежду, что насъ отпустятъ изъ Севастополя когда придетъ сюда эта дивизія, ибо князь, въ распоряженіе котораго мы отданы, болѣе наклоненъ удержать насъ, чѣмъ отпустить, если, разумѣется, обстоятельства потребуютъ этой мѣры. Третьяго дня у насъ опять былъ гость, только не англичанинъ, а французъ. Большой пароходъ-фрегатъ подошелъ къ Севастополю и, не дождавшись высланной для опроса его шлюбки, повернулъ назадъ и ушелъ въ море. На этотъ разъ мы нисколько не встревожились.

.... Поговариваютъ, что въ непродолжительномъ времени надобно ожидать назначенія Корнилова вмѣсто адмирала Берха.

Время я провожу попрежнему въ занятіяхъ по службѣ и у себя на квартирѣ за чтеніемъ. Погода у насъ стоитъ переменная, но болѣе дождливая; такой зимы не припомнятъ въ Крыму. Если вѣрить газетамъ, то наши посланники оставили уже Парижъ и Лондонъ.

Севастополь, 23-го февраля 1854 г.

....Если вѣрить болтовнѣ иностранныхъ газетъ, то соединенные флоты уже разгромили Севастополь и сожгли наши корабли. Вотъ какъ пишутся исторія! Пусть пожалуютъ къ намъ гости, мы постараемся принять ихъ и угостить по-русски.

....Въ пятницу въ дворянскомъ собраніи встрѣтилъ князя, и его свѣтлость показалъ ко мнѣ особенное вниманіе, пригласилъ сѣсть подлѣ себя и разговаривалъ болѣе полчаса.

По ходу дѣлъ замѣтно, что наврядъ отпустятъ насъ отсюда.

съ приходомъ 16-ой дивизіи; это для меня и для всѣхъ моихъ подчиненныхъ весьма прискорбно.

Съ завтрашняго дня я хочу начать говѣть, а потому прошу васъ простить меня, если я въ чемъ-либо невольнo грѣшенъ передъ вами.

Севастополь, 2 марта 1854 г.

.... Да, восточный вопросъ, который длился цѣлый годъ, обратился въ вопросъ европейскій, и чѣмъ все это кончится—извѣстно одному Богу. Справедливость на нашей сторонѣ; да поможетъ Всевышній увѣнчать полнымъ успѣхомъ правое дѣло, а наши войска и весь русскій народъ настоящаго времени докажутъ, что они знаютъ 1812-й годъ. Что касается до насъ лично, то мы душевно скорбимъ, что мы не находимся въ рядахъ Дунайской арміи и лицомъ къ лицу къ непріятелю. Конечно, мы и здѣсь всякую минуту готовы встрѣтить и турокъ, и англичанъ, и французовъ, но вопросъ—покушались-ли они на отважное предпріятіе сдѣлать нападеніе на Севастополь и Крымъ?

Повидимому, кн. Меншиковъ рѣшительно не хочетъ отпустить насъ отсюда съ приходомъ 16-ой дивизіи, ибо считаетъ недостаточнымъ одной дивизіи для обороны Севастополя и другихъ мѣстъ Крыма. Онъ справедливъ, но намъ отъ этого не легче.

Севастополь, 9 марта 1854 г.

.... Прочелъ я манифестъ о разрывѣ дипломатическихъ сношеній съ Англіею и Франціею, а также отвѣтъ государя на письмо франц. императора,—отвѣтъ, достойный русскаго царя. Послѣ всего, что случилось, послѣ рѣчи лорда Русселя, произнесенной въ нижнемъ парламентѣ, война неизбежна съ англичанами и французами. Я удивился софизмамъ и наглости англійскаго министра, который осмѣлился публично порицать дѣйствія нашего правительства и даже государя въ самыхъ неумѣстныхъ выраженіяхъ. Еслибы Богъ помогъ намъ проучить этихъ низкихъ торгашей!

У насъ нѣтъ особенныхъ новостей; только князь усилилъ дѣятельность къ приведенію въ оборонительное положеніе Севастополя. Сухумская эскадра, крейсировавшая у восточнаго берега, возвратилась сюда благополучно, не встрѣтивъ на пути непріятелей.

Предположеніе вывести нашу бригаду изъ Севастополя въ восточную часть Крыма, кажется, не состоится и мы останемся здѣсь, а около Феодосіи расположатъ часть войскъ, ожидаемыхъ сюда.

Князя я встрѣчаю часто во время поѣздокъ его по батареямъ

и другимъ работамъ. Онъ всегда ко мнѣ очень внимателенъ и, по-видимому, доволенъ моимъ полкомъ.

Севастополь, 16 марта 1854 г.

Англійскіе и французскіе пароходы показываются иногда у нашихъ береговъ, но враждебныхъ столкновений еще не было. Князь Меншиковъ продолжаетъ дѣятельно заниматься приведеніемъ въ оборонительное положеніе Севастополя.

Здѣсь разнесся слухъ, что во Франціи революція и что императоръ уѣхалъ изъ Парижа. Если это справедливо, то дѣла могутъ принять другой оборотъ.

Наши пароходы сняли шесть укрѣпленій на восточномъ берегу, а именно: форты Навагинскій, Головинскій, Лазаревъ, Вельяминовскій; укрѣпленія Тенгинское и Ново-Троицкое. Гарнизоны отведены въ Гелленджикъ и Новороссійскъ.

Цесаревичъ Константинъ Павловичъ—графу Аракчееву

1805 г.

„Господину генераль-лейтенанту, всей артиллеріи инспектору и кавалеру графу Аракчееву. Доставленные отъ вашего сіятельства ко мнѣ при отношеніи вашемъ записки, означающія не достающія вещи въ гвардейской конной артиллерійской ротѣ, не могу я почестъ сношеніями, какъ вы ихъ назвали, но только принадлежащими къ единственному свѣдѣнію, для разчета съ батальономъ нужному и которыя для того не подписаны, что батальону совершенно и безъ того должно быть извѣстно, сколько какихъ вещей въ ротѣ не достаетъ, ибо требуются и принимаютъ оныя изъ комиссаріата отъ батальона. А потому не вижу, чтобъ черезъ то нарушался порядокъ, а еще болѣе благоустройство службы, совсѣмъ не въ писарскихъ запискахъ состоящее.

Для меня-же весьма удивительно напоминаніе мнѣ ваше о наблюденіи порядка въ ротѣ, подъ моимъ начальствомъ состоящей, которое признавая неприличнымъ, принуждаюсь предварить васъ, дабы вы впредь отъ таковыхъ отношеній, какъ несоответственныхъ, воздержались“.

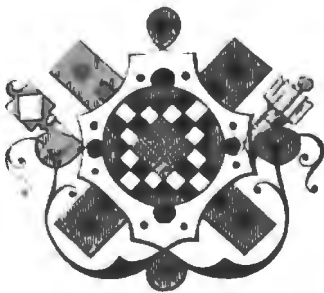
„Constantin“.

С.-Петербургъ.

Генваря 21-го дня 1805 года.

Примѣчаніе. Изъ бумагъ покойнаго ген.-лейт. В. Θ. Ратча.

Ред.

ВОСПОМИНАНІЯ МИРОВАГО ПОСРЕДНИКА ПЕРВАГО ПРИЗЫВА

о введеніи въ дѣйствіе Положеній 19-го февраля 1861 г.

II ¹⁾.

Вездна отъ Спасска въ 15-ти верстахъ. Исправникъ подъѣхалъ къ избѣ Антона Петрова; тамъ хотя и стояли безднинскіе мужики, но не осмѣлились не пропустить его въ избу. Въ избѣ исправникъ нашель много стороннихъ мужиковъ съ книгами Положеній. У нѣкоторыхъ уже были отмѣчены потайныя листы. а у другихъ еще не успѣлъ Антонъ отмѣтить. Антонъ сильно оробѣлъ при входѣ исправника: пѣтился за народъ, запинался при разговорѣ, говорилъ, что онъ ни въ чемъ не виноватъ и готовъ былъ даже ѣхать въ Спасскъ съ разсылными. Но въ это время сбѣжались къ избѣ безднинскіе мужики, отворили окна и кричали: „Антонъ, не сдавайся, мы тебя не выдадимъ!“ Изъ толпы раздавались голоса: „что онъ укралъ, за что его арестуете?“ „Онъ истинную волю указываетъ въ царской книгѣ, а вы его за это въ острогъ хотите!“ „Не сдавайся! Не выдадимъ!“ Толпа набралась въ сѣни и въ избу, такъ что сдѣлалось очень тѣсно. Тѣ крестьяне, которые стояли передъ исправникомъ, были почтительны и вѣжливо говорили, что Антонъ безобидный

¹⁾ См „Русскую Старину“ изд. 1892 г., т. LXXIV, апрѣль, стр. 81 — 102.

и богомольный человекъ, ничего онъ дурнаго не сдѣлаетъ и не за что его въ острогъ сажать. Тѣ-же, которые стояли кругомъ избы и въ сѣняхъ, кричали: „не выдавай!“, „всѣхъ насъ бери!“ и т. под.

Исправникъ пробовалъ увѣщевать, грозить, уговаривать, кричать и даже велѣлъ разсылнымъ Антона силою тащить, но разсылныхъ оттерли, а къ избѣ сбѣжалось чуть не все село, болѣе тысячи душъ. Исправникъ уѣхалъ въ село Три-Озеро къ уѣздному предводителю В. В. Молоствову, и оба увѣдомили въ Казань военнаго губернатора Козлянинова, что въ с. Безднѣ оказано явное неповиновеніе властямъ и что надо принять чрезвычайныя мѣры.

У исправника я узналъ въ чемъ состоитъ „истинная воля“ и какіе „потайные листки“ отмѣчаетъ Антонъ въ Положеніи. Это настолько курьезно, что я прошу у читателя нѣкотораго вниманія. Антонъ Петровъ, около 30 лѣтъ, средняго роста, худощавый, плохо развитый, полуграмотный сектантъ. Такъ какъ онъ умѣлъ читать свои книги, то крестьяне с. Бездны и принесли къ нему книгу Положеній, чтобы онъ нашелъ въ ней волю. Повидимому, Антонъ вѣрилъ, какъ и всѣ крестьяне, что если воля прислана, то она непременно есть въ книгѣ, надо только ее найти. Какъ сектантъ, онъ былъ усидчивъ въ чтеніи, вчитывался въ каждую букву и проводилъ за Положеніемъ цѣлые дни. Все шло сообразно его пониманію и онъ уже прогналъ половину книги, какъ встрѣтилъ непонятный для него знакъ 10°/_o. Знакъ этотъ стоялъ посреди страницы 13-й „Правилъ о порядкѣ приведенія въ дѣйствіе Полож. о крест.“, именно въ ст. 73, въ которой говорится: „если, при вызванномъ жалобю крестьянъ измѣреніи, количество крестьянскаго надѣла окажется хотя и менѣе того, которое: или показано владѣльцемъ подъ его отвѣтственностью, пли, за непредставленіемъ владѣльцемъ положительныхъ свѣдѣній, опредѣлено мировымъ посредникомъ, но разность та не превышаетъ 10°/_o всего слѣдующаго крестьянамъ количества земли (т. е. 10 десятинъ на 100), то уставная грамота немедленно исправляется, и повинность, которою обложены крестьяне, на будущее время понижается въ соотвѣтствующемъ размѣрѣ, но не опредѣляется въ пользу крестьянъ никакого за истекшее время вознагражденія насчетъ помѣщика“.

Перевернулъ Антонъ страницу и увидѣлъ еще болѣе непонятный для него „Образецъ уставной грамоты“. Прочиталъ онъ въ первой строѣ: „На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

„Быть по сему“.

Образецъ уставной грамоты имѣлъ такой видъ:

1) Въ селеніи (или селеніяхъ) значитса по 10-й народной переписи мужскаго пола душъ:

дворовыхъ 00.

крестьянъ 00.

Изъ нихъ отпущено, послѣ ревизіи, на волю:

дворовыхъ 00.

крестьянъ 00.

Затѣмъ состоитъ налицо:

дворовыхъ 00.

крестьянъ 00.

Эти непонятные для Антона оники и выраженіе: „отпущено, послѣ ревизіи, на волю“ сбили Антона съ ума. Перевернулъ онъ опять страницу назадъ, и увидѣлъ, что знакъ 10% приходится какъ разъ надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ на слѣдующей страницѣ, т. е. въ „Образцѣ уставной грамоты“ напечатано:

„Изъ нихъ отпущено, послѣ ревизіи, на волю:

дворовыхъ 00.

крестьянъ 00“.

Антонъ объявилъ въ Безднѣ, что воля найдена, утверждена царемъ: „Быть по сему“ и припечатана крестомъ святая Анны. Онъ, по своей полуграмотности, непонятный для него знакъ 10% назвалъ: печать креста святая Анны.

Безднинскій міръ возликовалъ; натащили Антону пшеничной муки, вяленой рыбы, солоду, свѣчей и всего, кто чѣмъ былъ радъ. находка въ толстой книгѣ Положеній слова воля вполнѣ удовлетворила крестьянъ. Вѣсть объ этой находкѣ разлетѣлась по заволжскимъ селеніямъ, и въ Бездну потянулись ходоки съ Положеніями, въ которыхъ Антонъ указывалъ ходокамъ истинную волю и закладывалъ эти страницы соломенками. Разгадка этихъ ониковъ, печать креста св. Анны и царское утвержденіе „Быть по сему“ казались такъ понятны и логичны неграмотнымъ крестьянамъ, что они превозносили Антона до небесъ.

Дѣйствительно, странно, что во всей толстой книгѣ Положеній слово „воля“ употреблено только на этой страницѣ. Въ другихъ мѣстахъ Положеній и Манифеста употреблены выраженія: „права состояній свободныхъ сельскихъ обывателей“, „благоустройство крестьянъ“, „новое устройство быта крестьянъ“, „свободныхъ крестьянъ-собственниковъ“, „улучшеніе быта“ и проч. и проч., очень мало для крестьянъ понятныя. Тутъ-же, на одной страницѣ, Антонъ открылъ столько ясныхъ доказательствъ, что „дворовые и крестьяне всѣ отпущены послѣ ревизіи на волю“, что возраженія никакія не допускались. Если болѣе грамотный пробовалъ разубѣждать, то на него кричали: „онъ за господъ стоитъ!“, „онъ подеушной!“, „нанятой!“ и т. п. Такъ какъ послѣдняя ревизія была въ 1858 году, то крестьянамъ казалось яснымъ, что господа у нихъ еще три года уже украли и два года еще хотятъ украсть. „Потайные листы“ крестьяне берегли больше глаза, Положенія спрятали и въ разъясненіи остальныхъ подробностей довольствовались базарными слухами. Причемъ принимали на вѣру только такія вѣсти о землѣ, лѣсахъ и работѣ, которыя имъ нравились. Вотъ простая исторія начала бунта.

Отъ исправника я отправился по купцамъ, по знакомымъ и, наконецъ, на квартиру. Разговоръ вездѣ о бунтѣ и объ ожиданіи войскъ для усмиренія его. Бранья и сплетенъ было три короба; хозяйка моей квартиры, напимѣръ, говорила, что мужики насадили топоры на длинные колья и выстроены какъ солдаты кругомъ избы Антона.

Лошади поданы; покатилъ я въ Симбирскъ. На половинѣ дороги большое село Головкино, Ставропольскаго уѣзда, Самарской губерніи. Въ 1861-мъ году это село принадлежало М. М. Наумову, къ которому оно перешло по наслѣдству отъ графа Орлова. Въ царствованіе императора Павла I графъ жилъ тутъ въ ссылкѣ въ огромномъ дворцѣ, который теперь стоялъ пустой. Заѣхалъ я къ управляющему; онъ былъ въ тревогѣ, спросилъ меня: „какіе золотые листы разбрасывали народу въ Безднѣ, и что тамъ дѣлается?“ Я показалъ потайные листы Положенія; посмѣялись, и я поѣхалъ дальше.

Ямщикъ попался умный и разговорчивый; онъ мнѣ сообщил, что сегодня проѣхали черезъ Головкино двое безднинскихъ крестьянъ къ рѣкѣ Черемшану объявлять народу царскую волю.

Эти крестьяне на сходкѣ говорили, что царь письмо прислалъ къ Антону Петровичу и велѣлъ народу караулить домъ Антона для того, чтобы господа царскую волю отъ него не отняли. Завтра отъ насъ шесть человекъ наряжено въ Бездну на карауль. Мужики ѣдутъ на перемѣнныхъ; мѣръ далъ имъ тройку лошадей; съ Черемшана они много погоняютъ народа Антона караулить, „а черезъ недѣлю, баюють, отъ царя посланецъ въ Бездну прїѣдетъ и возьметъ Антона въ Петербургъ за то, что волю народу отыскалъ“.

Въ Архангельское я заѣхалъ къ князю Ю. С. Хованскому. Онъ тоже слышалъ, что его мужики пошли въ Бездну съ Положеніемъ, но еще не вернулись. Было уже близко къ ночи, князь былъ слабъ и его мало интересовали воля, слухи и вообще перемѣны. Управляющій князя хвалился, что по всей поймѣ Волги у сосѣдей крадутъ лѣсъ такъ, что удержатъ нельзя, а къ нему никто за прутомъ не смѣетъ безъ спросу сунуться. Онъ крестьянъ-полѣсовщиковъ прогналъ послѣ объявленія Положенія, а нанялъ своихъ псарей и егерей изъ дворовыхъ.

Въ Симбирскѣ пришлось пробыть только день; тамъ о Безднѣ еще никто ничего не слышалъ, надъ моимъ рассказомъ смѣялись, но волненіямъ никакого значенія не придавали. На Волгѣ кое-гдѣ начали уже проваливаться, и я, боясь, чтобы она меня не задержала, поторопился уѣхать обратно. На обратномъ пути я заѣхалъ въ Волосниковку, къ помѣщику М. П. Г. Поговорили о слухахъ; подивились, что не ввели никакихъ властей взаимнѣ власти помѣщиковъ, и на своихъ лошадяхъ онъ меня отправилъ въ с. Кокрять. Помѣщикъ г. Наумовъ въ селѣ не жилъ, а приказчикъ его изъ дворовыхъ людей потерялъ даже тѣнѣ власти.

Подѣхалъ я къ ямщику Сидору, который возилъ всегда всѣхъ господъ. Мнѣ сказали, что онъ пошелъ записываться въ волю; меня этотъ новый вариантъ заинтересовалъ, и я пошелъ на сходку. Толпа стариковъ и молодежи, весьма оживленная, тѣснилась возлѣ барской конторы, въ которую входили записываться въ волю. Каждый сознавалъ полное свое право на всѣ барскіе земли, лѣса, хлѣба, амбары, риги и прочее имущество и оставлялъ помѣщику только его усадьбу, на которую не было никакого покушенія. Радость и веселье горѣли на всѣхъ лицахъ, но пьяныхъ я не видалъ ни одного. Всѣ были разговор-

чивы, и одинъ передъ другимъ старались передать мнѣ съ буйвальною точностью разныя вѣсти изъ Бездны. Съ такою же точностью постараюсь передать чтò помню.

Антонъ Петровичъ читалъ приказъ отъ царя къ мужикамъ: „берегите моего вѣрнаго слугу Антона Петрова; краульте его во дни и ноци, конные и пѣшіе, отъ восхода и заката, отъ полунощи и отъ полудня. Никому его не выдавайте, какъ-бы вась, моихъ вѣрныхъ сыновъ, ни стращали и ни пугали, хотъ-бы и огненнымъ боемъ, хотъ-бы и сабельнымъ ударомъ. Но выдайте моего Антона только моему посланцу, у котораго на головѣ будетъ звѣзда, на правомъ плечѣ звѣзда и на лѣвомъ плечѣ звѣзда“. Крестьяне мнѣ сказали, что теперь они по царскому приказу отправили въ Бездну конныхъ и пѣшихъ, что со всѣхъ сторонъ народъ валомъ валитъ краулить Антона Петровича.

Сидоръ былъ въ конторѣ; узнавъ, что я его ищу, чтобы ѣхать въ Мурасу, вышелъ ко мнѣ грустный, и мы пошли съ нимъ запрягать. Когда поѣхали, дорогою Сидоръ мнѣ разсказалъ, что мужики не хотятъ его записывать въ волю за то, что онъ всегда съ господами возжался и за господъ стоялъ. При этомъ самымъ убѣжденнымъ голосомъ спросилъ меня: „могутъ-ли миромъ отказать ему въ раздѣлѣ барской земли и лѣса? Вѣдь царь на всѣхъ далъ; а если его обдѣлать, то кому жаловаться?“ На это я, сколько умѣлъ, разубѣждалъ его; но, кажется, безуспѣшно. Онъ показалъ мнѣ барскій лѣсъ въ сторонѣ, который мужики уже раздѣлили и возятъ къ себѣ; сказалъ, что остальной лѣсъ и землю будутъ дѣлить весною, а барскій хлѣбъ хотятъ перемѣрить и разобрать теперь-же; „а меня и въ дѣлежъ барскаго хлѣба не хотятъ пускать; коли не пустятъ, я самому исправнику пожалуюсь“, заключилъ Сидоръ.

Хотя и поѣхалъ я въ Мурасу, но слова солиднаго и разумаго мужика Сидора заставили меня перемѣнить путь. Раздѣлъ барскаго хлѣба и амбаровъ въ Кокряти грозилъ распространиться и на другія села. Велѣлъ повернуть лошадей въ Бездну, гдѣ рассчитывалъ найти предводителя Молоствова, передать ему чтò видѣлъ въ Кокряти и чтò крестьяне намѣрены тамъ дѣлать. По дорогѣ къ Безднѣ мы часто обгоняли крестьянъ, которые шли караулить Антона. Такъ какъ я ѣхалъ на парѣ съ колокольчикомъ, то крестьяне снимали шапки, кланялись, и

какія все типичныя лица! Молодыхъ почти не было; большинство глядѣло лѣтъ за сорокъ. Шли они какъ на праздникъ или какъ на богомолье: новые кафтаны, нарядные кушаки, въ рукахъ узелки съ хлѣбомъ и подоги, какъ обыкновенно у дальнихъ прохожихъ. Партии были въ 2, въ 3 и въ 5 человекъ; нѣкоторыя партии Сидоръ спрашивалъ: „Откуда? Чьи вы будете?“ Отвѣты получались все изъ дальнихъ селеній, за 60 и 80 верстъ отъ Бездны. Въ одномъ мѣстѣ дорога шла въ гору; снѣгъ на ней растаялъ; для облегченія лошадей я сошелъ съ саней и пристроился къ партии. Меня спросили: „чьи вы будете?“ Я отвѣчалъ: „муромскій приказчикъ“.

— „Вашихъ тоже погнали Антона Петровича караулить?“

— Не знаю, отвѣтилъ я, теперь я изъ Симбирска ѣду; вотъ уже четвертый день изъ дому.

— „Такъ; но воля-то при васъ пришла?“

— Ты про какую спрашиваешь?

— „Про истинную волю; тѣ воли—что за воли, только смута одна“.

Потомъ спрашивали—работаютъ-ли въ Мурасѣ, отданы-ли лѣса мужикамъ, и другіе обычные вопросы того времени. Дорога пошла поровнѣе и мы быстро пріѣхали въ Бездну. Народу полная улица какъ на храмовомъ праздникѣ, но ни одного пьянаго. Подѣхалъ я къ барскому дому помѣщика Мусина-Пушкина, которому принадлежала главная часть Бездны. Его не было въ селѣ и въ одномъ домѣ я напелъ только исправника Шишкина; въ передней были разсылные, сотникъ и десятскіе. Исправникъ мнѣ сказалъ, что В. В. Молоствовъ въ с. Три-Озера, что туда-же пріѣхалъ генералъ свиты графъ Апраксинъ и пришла рота солдатъ изъ г. Тетюшъ, Казанской губерніи; при этомъ исправникъ прибавилъ, что Антонъ выдаетъ себя за святаго, и народъ вѣрить.

Ямщикъ Сидоръ просилъ отпустить его домой и подвезъ меня къ крестьянину, у котораго есть лошади. Лошади были въ разгонѣ, въ избѣ-же сидѣло человекъ десять стороннихъ мужиковъ. Разговоръ шелъ о томъ, что пригнали солдатъ съ ружьями, съ барабанщиками и казаковъ съ саблями и нагайками. Господа хотятъ распугать народъ и взять Антона Петровича. Я спросилъ—нѣтъ-ли въ селѣ мурасинскихъ? Мнѣ отвѣчали, что должны

быть, потому что народъ сгоняли изъ всѣхъ сель и деревень; а кто не придетъ, такъ тѣмъ царь и воли не дастъ. Старикъ хозяйнѣ послалъ меня къ десятнику Михайлѣ. „Онъ, говоритъ, разставляетъ мужиковъ по квартирамъ и укажетъ тебѣ гдѣ мурасинскіе. У него и лошади есть; можетъ довезетъ тебя куда тебѣ надо“.

На улицѣ было грязно, мы съ Сидоромъ тащились шагомъ, и онъ, показывая на множество народа, замѣтилъ: „какъ-же это господа противятся царскому приказу; посмотрите сколько за царя стоятъ; а за нихъ кто? Пустое они затѣяли, ужъ если открыли истинную волю, такъ надо-бы и имъ покориться царю!“

Въ избѣ Михайлы не оказалось; хозяйка сказала, что ему некогда везти, а съ мальчикомъ въ такую дорогу нельзя лошадей отпускать; пришлось въ Три-Озера опять ѣхать съ Сидоромъ. Онъ просилъ дозволенія съ полчаса покормить лошадей; сѣли мы и сами поѣсть гороху и лапши, которые хозяйка изготовила, чтобы кормить стороннихъ крестьянъ. Пока лошади отдыхали, разговоръ шелъ о хитростяхъ господъ, какъ они хотѣли обмануть царя и вновь закрутить крестьянъ въ барщину. Честь открытія „истинной воли“ всѣ приписывали Антону Петровичу и его праведной жизни. Хозяйка вмѣшалась въ нашу бесѣду и сообщила, что недавно приходили ходоки изъ какого-то села, чтобы онъ показалъ „потайные листы“. „Ходоки къ нему, подаютъ книгу, а онъ, голубчикъ, сидитъ за столомъ, подпершись на локотки, и молчить. „Ты что, бають, молчишь?“ Онъ эдакъ поднялъ свѣтлы свои очи, да въ отвѣтъ имъ и баеть: „постой, постой, еще на небѣ обѣдня не отошла!“ Вотъ какъ Господь его умудрилъ; знаетъ когда обѣдня на небѣ идетъ; а мы-то грѣшныя его за ледащаго мужиченку считали, и не знали, что у насъ въ Безднѣ такой Божій угодникъ живетъ!“

Я видѣлъ, что крестьяне все это слышали и знали, и понялъ, что весь разговоръ относится ко мнѣ, какъ къ барскому приказчику, который не только противъ царя, но даже и противъ Бога идетъ, потому что господами нанятъ. Поэтому замѣтилъ ей, что если въ немъ такая сила отъ Бога, то зачѣмъ-же онъ столько народа потревожилъ, чтобы его караулить: Господь сохранилъ-бы его и безъ мужиковъ конныхъ, да пѣшихъ.

Нѣсколько человѣкъ заступились за хозяйку и твердыми головами мнѣ отвѣчали: „нечто онъ потревожилъ народъ? Мы сюда по царскому повелѣнію пришли! Мужикъ развѣ можетъ отъ себя полгуберніи народу собрать? Насъ вотъ три дни становой мнетъ, чтобы мы разошлись по домамъ, и бить и сѣчь хочетъ; да нѣтъ, руки коротки! Хочетъ господамъ угодить; прыгаетъ съ пѣною у рта кругомъ караульныхъ; всячески старается, чтобы мужики оставили Антона Петровича одного; да развѣ противъ царскаго приказа можно? Тогда царь и скажетъ: „не хотѣли постоять за мою волю, такъ и работайте опять на господъ!“ Нѣтъ, милый человѣкъ, у насъ горбы-то ужъ давно болятъ, мы еще отъ ревизіи отпущены на волю, вы насъ три года крутили въ барской работѣ, да нашу землю владѣли!“

Болѣе рѣзкаго или желчнаго разговора я не слышалъ; напротивъ, всѣ мнѣ угождали; говорили сдержанно и къ моимъ сужденіямъ относились какъ къ должнымъ, потому что я отъ господъ нанятъ, такъ и долженъ за нихъ стоять. Перешелъ разговоръ на то, что солдатъ пригнали. „Ну что-жъ, видали мы ихъ въ городахъ, остроги караулятъ, пѣсни поютъ, да на ученье ходятъ. Господская власть; приведутъ и въ села поставятъ, будемъ ихъ пѣсни слушать!“

На это я попробовалъ было возразить, что если солдатъ привели съ ружьями, то не слушаться начальства уже невозможно. Какъ не послушаетесь, не разойдется, то имъ скомандуютъ стрѣлять, а это кровью нахнетъ,—много будетъ поколочено и убито!

—„Слыхали это все мы отъ становаго. Ну какъ-же это возможно, чтобы въ народъ стрѣляли! Что мы развѣ бунтовщики какіе?“

Споръ нашъ прекратилъ Сидоръ, который объявилъ, что лошади готовы; разстались мы дружелюбно, а наиболѣе рѣзкій мужикъ попробовалъ солому въ саняхъ и сложилъ рогожку на сиднѣнѣ. До Трехъ-Озеръ всего семь верстъ; полеми еще вездѣ былъ снѣгъ, и мы быстро подкатили къ дому В. В. Молоствовова. На крыльцѣ и въ лакейской стояли человѣкъ шесть уральскихъ казаковъ. Молоствовъ прежде служилъ въ артиллеріи и принималъ меня какъ товарища по оружію; ввелъ онъ меня въ свою комнату какъ я былъ въ полушубкѣ. „Что вы пріѣхали? У васъ въ Мурасѣ тоже неблагополучно?“

Я отвѣтилъ:— Нѣтъ, у насъ все хорошо; а я въ Кокрятѣ видѣлъ, что хотятъ Наумова хлѣбъ дѣлить; боюсь какъ бы это не развилось по другимъ мѣстамъ. Да и въ Безднѣ у васъ что-то затѣвается, такъ не могу-ли я быть вамъ полезнымъ?”

— „Еще-бы! теперь каждый намъ дорогъ. Спасибо вамъ, мы здѣсь одни съ женою. Пойдемте, я васъ представляю графу Апраксину“.

Гр. Апраксинъ разговаривалъ съ ротнымъ командиромъ, который привелъ свою роту изъ Тетюшъ. Когда графъ узналъ, что я артиллерійскій офицеръ, то сталъ нарочно говорить съ ротнымъ громко и поглядывалъ на насъ, чтобы мы приняли участіе въ разговорѣ. Этотъ эпизодъ у меня такъ плохо сохранился въ памяти, что я боюсь быть неточнымъ и выпускаю его изъ печати.

Нашъ военный разговоръ кончился тѣмъ, что графъ меня просилъ отвезти депешу въ Казань и поторопиться привезти отвѣтъ отъ военнаго губернатора, Козлянинова. При этомъ сказалъ: „возьмите съ собою казака, а то-одному опасно; бунтъ идетъ вплоть до Камы“. Я отвѣтилъ, что дорога очень плоха и лишняя тяжесть замедлитъ ѣзду, что по дорогамъ совершенно сповойно, къ тому-же у меня есть револьверъ. Графъ на конвертѣ написалъ, что депешу доставляетъ очевидецъ всего. Я поспекалъ.

Въ Казани я былъ около двѣнадцати часовъ ночи; губернаторъ уже легъ. Я велѣлъ доложить, что по экстренному дѣлу, съ депешою отъ гр. Апраксина, и что прошу принять меня въ постели, чтобы не терять времени. Губернаторъ принялъ меня въ ту-же минуту. Я обратилъ его вниманіе на конвертъ. „Ахъ какъ я радъ, что ты (я былъ въ нагольномъ полушубкѣ) очевидецъ. Кто у васъ тамъ бунтуетъ? Найдены-ли зачинщики? Чѣмъ вооружены крестьяне? Кто ими командуетъ? Успѣлъ-ли Апраксинъ поставить караулъ, чтобы не пропускать черезъ Волгу? Можно-ли пушки провезти черезъ Каму?“ и т. д. засыпалъ меня вопросами губернаторъ. По всѣмъ вопросамъ видно было, что въ Казани, въ 115 верстахъ отъ Бездны, совершенно не понимали характера народнаго волненія. Въ Казани вспомнили, что въ этомъ углу между Камою и Волгою былъ когда-то Пугачевъ, и вообразили, что Антонъ безднинскій—его подражатель.

Я сказалъ, что организаціи у крестьянъ никакой нѣтъ, что это прямое недоразумѣніе легковѣрной и безграмотной толпы. Сошлись крестьяне съ подождками и котомочками, какъ они ходятъ на богомолье; что пушекъ не можетъ понадобится, потому что никакого активнаго дѣйствія отъ крестьянъ ожидать нельзя. Но нѣсколько ротъ солдатъ были-бы полезны для того, чтобы не допустить дѣлежъ барскаго хлѣба, который крестьяне считаютъ своимъ, ибо они увѣрены, что крестьяне отпущены на волю еще послѣ 10-й ревизіи и что господа несправедливо заставляли ихъ три года этотъ хлѣбъ работать.

Губернаторъ позвонилъ лакею, велѣлъ подать перо и бумагу, запечаталъ депешу и вполнѣ вѣжливо меня отправилъ. Дорогою, на переправѣ черезъ рѣку Мачкалу, я встрѣтилъ четырехмѣстную коляску въ восемь лошадей. Ѣхали изъ Никольскаго (4 версты отъ Бездны) барыни и барышни Молоствовы. На козлахъ сидѣлъ лакей съ винжаломъ и съ парой пистолетовъ за поясомъ. Это бѣгство, подумалъ я, подольетъ въ Казани масло въ огонь, и подорветъ вѣру въ мои слова.

Пойму рѣки Камы проѣзжалъ я на разсвѣтѣ; лебеди паслись по лугавинамъ, подпускали на пистолетный выстрѣлъ; но въ этотъ тяжелый день такъ въ моемъ воображеніи все пахло кровью, что у меня руки опускались ихъ стрѣлять. При перемѣнѣ лошадей въ Спасскѣ, я спрашивалъ что дѣлается въ Безднѣ? Но никто пока ничего вѣрнаго не зналъ. Верстахъ въ трехъ за Спасскомъ я встрѣтилъ одного офицера на тройкѣ, подошелъ къ нему и онъ мнѣ сказалъ, что побойще было сева-стопольское. Въ пяти верстахъ отъ Бездны я встрѣтилъ длинныя крестьянскіе роспуски, запряженные тройкою. На роспускахъ сидѣли связанные двое мужчинъ и одна женщина, семья Антона. Самъ онъ худой, блѣлое безжизненное лицо и небольшая черная борода. Кругомъ роспусковъ шло до 30-ти инвалидовъ солдатъ съ ружьями, а сзади барабанщикъ. Мой ящикъ долго смотрѣлъ въ слѣдъ этой процессіи; снялъ шапку, перекрестился, обратился ко мнѣ и говоритъ: „Антонъ Петровича везутъ; что теперь съ нимъ дѣлать будутъ?“ Я отвѣтилъ, что посадятъ въ острогъ, а потомъ судить будутъ. „Да въ чемъ-же провинность его? Вѣдь онъ въ царской енигѣ показывалъ народу гдѣ „истинную волю“ искать,—развѣ это запрещено?“

Я пояснилъ, что провинность не въ этомъ, а въ томъ, что онъ обманывалъ народъ, говорилъ, будто, отъ царя письма получаетъ; царскимъ именемъ собралъ толпу людей съ трехъ уѣздовъ; подговаривалъ ее не слушаться начальства и довелъ до того, что теперь войско стрѣляло въ народъ.

Помню, что это былъ ясный весенній и теплый день, кажется 7-е апрѣля. Бездна была уже въ виду, и изъ нея по дорогѣ тянулся обозъ, на дровняхъ, на саняхъ и на телѣгахъ.....

.... Когда всѣ нѣсколько успокоились и стали дѣлиться впечатлѣніями, то далъ и я волю своему любопытству. Я спрашивалъ о томъ, что было безъ меня, какъ началось и какъ все произошло? Изъ рассказовъ участвовавшихъ, потерпѣвшихъ, стрѣлявшихъ, бѣжавшихъ и стороннихъ очевидцевъ всего происшедшаго у меня врѣзалась въ мозгу послѣдовательная картина, которую здѣсь передаю. При этомъ оговариваюсь, что все то, что я видѣлъ своими глазами, то считаю вполне вѣрнымъ. Все-же то, что мнѣ говорили очевидцы и участники, то можетъ въ мелочахъ оказаться не съ фотографическою точностью съ происшедшимъ на дѣлѣ. Надо принять въ соображеніе, что когда льется кровь, то трудно быть хладнокровнымъ и разсудительнымъ. Рассказывали-же мнѣ люди еще подъ впечатлѣніемъ этой крови.

III.

Около 7 часовъ утра пріѣхали въ Бездну графъ Апраксинъ, который былъ командированъ въ Казанскую губернію съ особыми полномочіями для объявленія Положенія о крестьянахъ. Въ Безднѣ въ это время были: уѣздный предводитель В. В. Молоствовъ, исправникъ Шишкинъ, становой, не помню фамилію, помѣщикъ села Никольскаго г. Молоствовъ и кто-то изъ купцовъ гор. Спасска. Во дворѣ барскаго дома стояли во фронтѣ: рота пѣхотнаго полка около 200 чел., при ротномъ командирѣ, и инвалидная команда 30 чел., при гарнизонномъ офицерѣ. Генералу графу Апраксину войска взяли „на-вразулъ!“, барабанщикъ пробилъ честь; густая толпа мальчишекъ зѣвала на эту церемонію, такъ какъ солдаты были рѣдкостью въ этой мѣстности.

Послѣ пріѣзда графа, предводитель дворянства и исправникъ еще разъ пошли въ толпу къ избѣ Антона уговорить мужиковъ, чтобы они разошлись по домамъ. Но въ избу ихъ не впустили, отвѣчали имъ хотя почтительно, однако съ такимъ упорствомъ, что всякіе разговоры пришлось прекратить.

Графъ призвалъ въ домъ ротнаго и инвалиднаго офицеровъ и отдалъ приказаніе, чтобы третья шеренга зарядила ружья холостыми зарядами, а 1-я и 2-я—боевыми,—тогда былъ еще трехъ-шереножный строй. Подъ барабанный маршъ войска прошли по улицѣ къ избѣ Антона, которая помѣщалась близъ окраины села, упирающейся въ рѣку Бездну. Шагахъ въ 60-ти отъ толпы выстроили солдатъ фронтомъ къ избѣ. Крестьяне съ любопытствомъ на все это глядѣли, а становой приставъ раздвигалъ и разгонялъ мужиковъ отъ оконъ избы Антона, для того чтобы онъ самъ увидѣлъ солдатъ, вышелъ-бы и не губилъ-бы народъ. Раздвинуть толпу, однако, не удалось; мужики воображали, что солдаты силою войдутъ въ избу и возьмутъ Антона, поэтому они все гуще и гуще собирались къ избѣ. Масса народа была такъ велика, что загоразивала собою четыре сосѣднихъ усадьбы. Возлѣ избѣ и дворовъ стояли сани, телѣги и другіе возвышенные предметы, на которые взобрались мужики, чтобы виднѣе было солдатъ и начальство. Съ телѣгъ народъ перебрался на заборы, на ворота, на повѣти и на крыши домовъ. Отъ фронта солдатъ, по словамъ одного унтеръ-офицера, народъ представлялъ изъ себя сплошную мишень, сдѣланную изъ головъ. По словамъ ротнаго это былъ амфитеатръ въ 40 сажень шириною и въ 4 или 5 сажень вышиною; ни одна пуля не могла пройти мимо; а по близости разстоянія и по силѣ зарядовъ каждая пуля могла убивать двоихъ и троихъ.

Только-что рота выстроилась, подѣхалъ графъ; скомандовали „на-брауль“, мужики сняли шапки, барабанъ билъ встрѣчу генералу, а въ это время, по словамъ становаго, чей-то голосъ кричалъ изъ окна избы Антона: „не бойтесь, это васъ пугаютъ!“ Изъ окна за толпою не было видно ни солдатъ, ни пріѣзда генерала.

Барабанъ и солдаты привлекли толпу мальчишекъ передъ фронтъ, и ихъ тотчасъ-же В. В. Молоствовъ велѣлъ прогнать. Казаки, исправникъ, становой и сотники прогнали мальчишекъ. Надо замѣтить, что сотскіе и десятскіе были собраны какъ изъ

Бездны, такъ и изъ сосѣднихъ селеній во множествѣ и никогда не выходили изъ повиновенія. Очищенную отъ мальчишекъ площадь охраняла цѣпь пѣшихъ казаковъ съ обѣихъ сторонъ; десятникамъ велѣно было прогнать мальчишекъ по домамъ.

На площадь вышелъ священникъ съ крестомъ и обратился къ народу съ рѣчью, въ которой увѣщевалъ „повиноваться и разойтись“. Въ это время изъ окна избы раздался голосъ: „не слушайте его, онъ подкупной!“ Толпа подхватила: „подкупной, подкупной!“

Всталъ передъ фронтъ гр. Апраксинъ и сказалъ народу, что онъ присланъ отъ государя императора и именемъ его повелѣваетъ разойтись и выдать Ачтона. Раздались голоса: „не выдадимъ! не выдадимъ!“ Толпа подхватила: „не выдадимъ!“

Всталъ вполоть въ народу В. В. Молоствовъ и говорилъ, что будутъ стрѣлять, что будутъ убивать тѣхъ, кто не отойдетъ отъ избы и не уйдетъ отсюда. „Мнѣ жалко васъ, что вы, по глупости своей, семьи свои сиротами сдѣлаете, калѣвами домой явитесь. Пожалуйте свои семьи!“ Слушали его всѣ безъ шапокъ, въ поясъ кланялись, отвѣчали: „знаемъ, что ты насъ жалѣешь; безъ царской воли не уйдемъ.“

Говорилъ потомъ исправникъ, но его скоро прервалъ общій крикъ: „довольно!“

Началъ было говорить опять гр. Апраксинъ, но его на первыхъ-же словахъ заглушили крикомъ: „довольно!“, „слышали!“ Тогда онъ обратился къ ротному и приказалъ пробить „эзекуцію“. Барабанщикъ пробилъ. Вышелъ опять В. В. Молоствовъ, сказалъ, что „войско не можетъ уйти, не разогнавши васъ пулями; послѣ третьяго барабана въ васъ стрѣлять начнутъ; уходите по домамъ!“— „Не уйдемъ безъ царской воли!“

Графъ порывисто скомандовалъ: „Барабанъ!“ Дробь окончилась. Подошелъ къ графу священникъ и попросилъ сказать напутствіе. Священникъ обратился къ народу и почти рыдающимъ голосомъ говорилъ, чтобы покаялись и каждый въ душѣ своей исповѣдалъ-бы грѣхи свои; что по ихъ заблужденію смерть идетъ неминуемая. „Кто не готовъ къ смерти по грѣхамъ своимъ и не хочетъ умереть безъ причащенія, пусть тѣ отойдутъ, и я ихъ запасными дарами приобщу. Барабанъ еще не пробилъ третій разъ, есть время вспомнить о Богѣ, о душѣ. Отойдите

отъ неповорныхъ! Подойдите хоть въ кресту приложиться! Перекреститесь хотя издали, молю васъ...". Голосъ изъ окна ему не далъ докончить: „довольно!“ Вдали толпа крикнула: „довольно, довольно!“

Священникъ широкимъ крестомъ осѣнилъ народъ; вся ближайшая толпа набожно перекрестилась, многіе утирали слезы.

Графъ твердо скомандовалъ: „третій разъ барабанъ!“ Дробь окончилась. „Пальба шеренгою; третья шеренга!“

Ротный гаркнулъ: „товсы! Третья шеренга, вверхъ, клацъ! Пли!“ Залпъ раздался, умоля, а изъ окна кто-то закричалъ: „не бойтесь! Пугаютъ!“ Толпа подхватила: „пугаютъ!“, „не расходитесь!“

Особенно энергичный крикъ раздавался изъ одного угла толпы, вторая помѣщалась на косогорѣ близъ избы Антона. Графъ скомандовалъ: „пальба отдѣленіями!“ „Пусти-ка туда въ этихъ крикуновъ!“ Ротный подхватилъ команду: „пальба отдѣленіями; правый флангъ начинай! Унтеръ-офицеры не зѣвать!“ Унтеръ-офицеръ командуеть: „первое отдѣленіе, клацъ!“ Ротный показалъ солдатамъ: „дѣлсья вотъ въ тѣхъ кривуновъ!“ „Пли!“ Въ густой толпѣ казалось, что никакого эффекта эти двѣнадцать пуль не произвели.

Съ другой стороны гаркнула кучка: „стойте крѣпко! Пугаютъ!“ Слѣдующее отдѣленіе пустило пули въ эту сторону. Изъ окна крикнули: „крѣпко стойте, только три раза стрѣлять будутъ!“ Толпа завопила тѣ-же слова; а унтеръ-офицеры дѣлали свое дѣло: „клацъ! Пли!“ Народъ сталъ падать десятками; а такъ какъ ни вправо, ни влѣво за тѣсною нельзя было раздаться, то толпа заволновалась и шарахнулась бѣжать ближе къ фронту. Крикъ, гамъ, вопли, топотъ, дымъ и громкій голосъ какаго-то казака: „обходить!“ сбили пальбу съ очереди и она превратилась въ „бѣглый огонь“ (пальбу рядами). Паника была, можетъ быть, только одну минуту, но пока скомандовали „отбой“, пока барабаникъ пробилъ дробь, народъ бѣжалъ, падалъ, куврыкался, прыгали съ крышъ, прятались во дворы, бросались подъ кручу берега р. Бездны, перебѣгали рѣку, рассыпались по огородамъ, по полю и густою массою бѣжали по улицѣ.

Въ избѣ и въ сѣняхъ Антона толпились въ страхѣ мужики и боялись оттуда выдти. Никольскій помѣщикъ Молодцовъ схватилъ двоихъ десятниковъ изъ Никольскаго и сказалъ имъ:

„ступайте и выведите сюда Антона, а то опять будутъ стрѣлять!“ Черезъ минуту они вывели Антона подъ руки. Онъ былъ въ бѣлой длинной рубахѣ, поверхъ одежды, какъ эти сектанты одѣвались на молитву; на головѣ, въ родѣ евангелія, онъ несъ Положеніе, и бессознательно бормоталъ: „истинная воля, истинная воля...“ Казаки его перехватили отъ десятниковъ и подвели къ графу, который, сказавъ на площадь, усѣянную группами и ранеными, сказалъ Антону: „посмотри, подлець, что ты сдѣлалъ, сколько погубилъ ты народа!“ Антонъ только твердилъ: „истинная воля...“ и трясся какъ осиновый листъ. „Связать его и всѣхъ, которые были въ избѣ!“ Графъ отправился въ домъ; туда-же привели и роту.

Когда вывели Антона, то въ избѣ осталась только его семья; всѣ остальные разбѣжались черезъ зады. Становой тотчасъ-же велѣлъ нарядить подводы, чтобы убитыхъ отвезти въ церкви, а раненыхъ—по домамъ. Пока десятники бѣжали по наряду, пока запрягали лошадей, обезумѣвшіе сторонніе мужики пришли въ себя и стали разыскивать своихъ односельцевъ. Бездницамъ, какъ смутчикамъ всего Заводья, велѣно даромъ развозить убитыхъ и легко раненыхъ, хоть за сто верстъ, съ нихъ-же велѣно собрать посуду, хлѣбъ, пищу, холсты и все, что потребно для больницы, которая отведена въ барскомъ флигелѣ. Оставшіеся въ живыхъ сторонніе мужики многіе бѣжали прямо въ свои села; туда-же доплелись кое-какъ и легко раненые, которыхъ попутныя деревни везли на даровыхъ мірскихъ подводахъ. Болѣе сострадательные люди разыскивали своихъ товарищей, чтобы убитыхъ и раненыхъ привезти въ ихъ семьи.

Вотъ краткій очеркъ того дня, о которомъ я разспрашивалъ встрѣчнаго и поперечнаго и который въ 30 лѣтъ времени не выходилъ у меня изъ головы. Разсказъ не полонъ,—быть можетъ, иному покажется и одностороневъ; поэтому желательно встрѣтить поправки, дополненія и возраженія съ другихъ сторонъ. Тридцать лѣтъ—такое время, которое принадлежитъ уже исторіи, поэтому разностороннее освѣщеніе этого печальнаго недоразумѣнія лежитъ на обязанности очевидцевъ.

Тогда-же старался я узнать вѣрную цифру убитыхъ и раненыхъ. Никто ея не скрывалъ, но никто тоже ни тѣхъ, ни другихъ не считалъ, а поэтому каждый говорилъ какъ ему казалось.....

IV.

Обратимся, однако, къ разсказу. День 7-го апрѣля 1861 года прошелъ въ такихъ тревоженіяхъ, что мнѣ очень не хотѣлось почевать въ Безднѣ; я нанялъ лошадей и отправился въ Гусиху, за 5 верстъ отъ Бездны. Пріѣхалъ туда засвѣтло; народъ весь былъ на улицѣ; дѣлились новостями дня и личными впечатлѣніями. Къ Антону Петрову относились съ уваженіемъ, убитыхъ жалѣли, но считали, что они приняли вѣнецъ мученичества за правду и за міръ православный. Безднинскія подводы съ ранеными и умершими перенимали въ Гусихѣ, міромъ давали свои подводы для дальнѣйшаго пути, а безднинскія отпущали домой, потому что Бездна служила общему дѣлу.

Весь вечеръ и ночь провелъ я среди народа на улицѣ; всѣ знали, что я барскій приказчикъ, но ни единого злобнаго взгляда или рѣзкаго слова я не слышалъ. Меня даже удивляло, что мною не только никто не чуждался, но, напротивъ того, всѣ были такъ просты, миролюбивы, разговорчивы и гостепріимны, что вѣкъ этой русской доброты не забудешь. Раскрывало мнѣ глаза и на то общее дѣло, которое сознается въ массѣ народа какъ долгъ. Эти часы смерти и общей бѣды наблюдательному этнографу напомнили-бы эпохи сплоченія народа въ русской исторіи. Село Гусиха разнопомѣстное: тамъ, кажется, болѣе десяти отдѣльныхъ сельскихъ обществъ, которыя вѣчно ведутъ споры за повинности. Этотъ день ихъ такъ сплотилъ, что всѣ были какъ одна семья.

Между глухими разсказами очевидцевъ, что будто пули пролетали сквозь грудь человѣка и онъ все-таки стоялъ на ногахъ, что нѣкоторыя пули отскакивали отъ головъ и прыгали по людямъ, удавалось услышать и характерныя выраженія....

Со свѣтомъ поднялъ меня нанятый крестьянинъ, чтобы по морозу сдѣлать пряжку. Разумѣется, всю дорогу былъ у насъ съ нимъ разговоръ о вчерашнемъ днѣ, о будущей судьбѣ Антона Петрова, и всѣ эти обстоятельства вселили въ моемъ собесѣдникѣ увѣренность, что „теперь уже господа волю не украдутъ“. На слѣдующей перепряжкѣ мнѣ сказали, что шли въ Бездну и мурасинскіе крестьяне, наряженные караулить Антона

Петрова, но встрѣчные мужики ихъ вернули съ дороги, сказавъ, что все кончено. Я спросилъ кто былъ наряженъ; мнѣ отвѣтили, что признали только Василія Елхова, а другихъ не знаютъ. Въ это село слухъ о побоищѣ пришелъ не въ изуродованномъ видѣ, и возбудилъ тѣ-же чувства, какъ и въ Гусихѣ.

Въ Мурасу я и мой ямщикъ привезли первыя вѣсти о Безднѣ. Наряженные на караулъ Антона крестьяне еще не вернулись, хотя шли прямою дорогою, но слухъ отъ ямщика разлетѣлся по селу. Черезъ полчаса въ контору прибѣжали жены караульщиковъ узнать отъ меня—живы-ли ихъ мужья. Я сказалъ, что они не успѣли дойти, скоро вернутся; тогда жена Елхова сказала: „ужъ моего Василья безпремѣнно-бы убили; онъ всегда впередъ людей лѣзетъ“. Оказалось, что черезъ Мурасу точно также проѣзжали посланцы изъ Бездны сгонять народъ, и мѣръ имъ далъ тройку лошадей для дальнѣйшаго пути въ Чистопольскій уѣздъ.

Вечеромъ въ контору пришелъ Елховъ узнать отъ меня какъ все было дѣло. Я рассказалъ и говорю:

„Счастливъ ты, Василій Васильичъ, что не дошелъ до Бездны, лежать-бы тебѣ тамъ въ сырой землѣ“.

— „Нѣтъ, Николай Александровичъ, тутъ счастья никакого нѣтъ: люди положили за мѣрское дѣло свою душу, а мурасинцы словно татары. Надо было на подводахъ ѣхать, тогда-бы мы успѣли, да на подводахъ-то нельзя было, въ Алпаровѣ уже мость разобрали, а на рѣкѣхъ бережья оттаяли, поэтому пѣшкомъ и пошли. Благодаримъ, что правду намъ рассказываете; мужики, которые насъ встрѣтили, то-же самое говорили, что и вы“.

Мало селеній оставалось въ Спасскомъ уѣздѣ, которыя отдѣлялись-бы такъ дешево, какъ Мураса, но общее впечатлѣніе на нашихъ крестьянъ все-таки было угнетающее. Къ тому-же это происшествіе ободрило помѣщиковъ и привазчиковъ и сдѣлало ихъ требовательными и придирчивыми. Слухи доходили, что въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ привазчики наперстывали потерянное въ работахъ, и задавали уроки больше, чѣмъ въ крѣпостное право. Мураса была въ совершенно иныхъ условіяхъ: гуманные принципы рода Ивашевыхъ оставались обязательными для конторы. Тѣмъ болѣе, что въ это время жила въ Мурасѣ часть семьи помѣщицы, и по чувству деликатности къ побѣжденнымъ или не въ мѣру

строго наказаннымъ не желала выказать даже гѣни своего законнаго права. Какъ казалось, крестьяне это поняли и безъ всякаго понужденія или напоминанія работали безукоризненно.

Щекотливо было заводить самому разговоръ объ Антонѣ, поѣтому на барщинѣ велась рѣчь объ устройствѣ волостнаго суда, объ уставныхъ грамотахъ, о будущихъ мировыхъ посредникахъ и проч., которыхъ и крестьяне и помѣщики ждали съ нетерпѣніемъ, какъ развязки переходнаго времени.

Дней черезъ десять пришло изъ Спасска увѣдомленіе отъ полиціи, чтобы выслать въ Бездну изъ каждаго сельскаго общества: сотника и двоихъ рядовыхъ крестьянъ, для выслушанія приговора военнаго суда надъ Антономъ Петровымъ. Изъ Мурасы поѣхали сотникъ Павелъ и двое назначенныхъ миромъ. Когда возвратились, сотникъ пришелъ прямо въ барскій домъ доложить. Вышелъ къ нему баринъ Н. А. Е. и говоритъ: „ты что, Павелъ, пришелъ?“

— „Да вотъ, вернулся изъ Бездны, такъ исправникъ приказалъ всѣмъ рассказать что я слышалъ и видѣлъ въ Безднѣ“.

„Что-жъ ты тамъ слышалъ и видѣлъ?“

— „На барскомъ дворѣ тамъ двѣ пушки стоятъ; а потомъ тамъ Антона Петровича судили“.....

.... Въ чувашскомъ селѣ Ехтубаевѣ пріятель мой, чувашанинъ, пожилой и разумный мужикъ, спрашивалъ меня по секрету: „скажи, пожалуйста, правда-ли, что отъ господъ русскихъ мужиковъ отберутъ, потому что они уже двѣсти годовъ отработали, а вмѣсто ихъ насъ, чувашей, дадутъ господамъ двѣсти лѣтъ раротать?“

— „Нѣтъ, это неправда, все пустое. А кто тебѣ это сказалъ?“

„Купецъ изъ Москвы ѣхалъ въ Мензелинскъ, и говорилъ это нашимъ ямщикамъ“.

— „Что-же ваши чуваша вѣрятъ этому?“, спросилъ я его.

„Какъ-же не вѣрять,—вѣрять; мы, говорятъ, всѣ за Каму уйдемъ, тамъ господъ нѣтъ“.

— „Зачѣмъ-же всякому вруну вѣрите?“

„Нельзя не вѣрять, купецъ въ Москвѣ слышалъ, и на Бездну указывалъ, говорилъ: „всякому своей скотины жалко, а чужой не жалко; когда русскіе мужики были барскіе, то ихъ

господа не стрѣляли, а какъ ихъ взяли у господъ, то ихъ стали стрѣлять“.

Всѣхъ такихъ разсказовъ нельзя было и переслушать; каждый уѣздъ и каждое село давали новые варианты. Надо, однако, замѣтить, что отъ крестьянъ, какъ развитыхъ, такъ и полундіотовъ, мнѣ не удавалось слышать ни единого упрека Антону. Память о немъ, въ видѣ какого-то смутнаго подвига за народъ, еще сохраняется въ Спасскомъ уѣздѣ. Лѣтъ пятнадцать назадъ, былъ я въ Безднѣ, уже у новаго владѣльца ея В. П. Р. Пока я бесѣдовалъ въ барскомъ домѣ, вучерь мой изъ дворовыхъ былъ въ кузницѣ. Пришли туда безднинскіе крестьяне, а вучерь съ кузнецомъ начали подшучивать надъ Антономъ; тогда крестьяне съ полнымъ достоинствомъ такой отпоръ дали этимъ дворовымъ зубоскаламъ, что вучерь поскорѣе удалился къ своимъ лошадямъ.

Въ началѣ мая, въ разгаръ яроваго сѣва, дождались мы, наконецъ, утвержденія мировыхъ посредниковъ, которые стали разъѣзжать по своимъ участкамъ. Село Мураса попало въ участокъ Д. Н. Колбецкаго, оставившаго по себѣ прекрасную память какъ у помѣщиковъ, такъ и у крестьянъ. Дѣятельность посредниковъ началась съ образованія волостей, сельскихъ обществъ, выбора должностныхъ лицъ, устройства волостныхъ судовъ и т. под. Д. Н. Колбецкій такъ толково разъяснилъ крестьянамъ важность и силу ихъ должностныхъ лицъ, особенно волостнаго старшины и судей, что крестьяне на первое трехлѣтіе выбрали самыхъ лучшихъ людей.

Разскажу при этомъ демократическую черту нашего сельскаго строя. Когда посредникъ предложилъ огромному сельскому сходу выбрать сельскаго старосту и объяснилъ право старосты наказывать крестьянъ штрафомъ до одного рубля и работою и арестомъ до двухъ дней, то общій голосъ указалъ на одного старика, бывшаго барскаго старосту. Онъ отказался, на что имѣлъ право по 60-ти лѣтнему возрасту. Какъ міръ и посредникъ его ни упрашивали, онъ настоялъ на своемъ, такъ что выбрали другаго. Я послѣ спросилъ его, почему онъ не пошелъ въ старосты. На это онъ мнѣ отвѣтилъ: „назначить меня по возрасту не могли, а добровольно итти въ начальники нельзя;

потому что, кто напрашивается въ начальники, съ того Христось крестъ снимаетъ“. Впослѣдствіи, хорошо знакомясь съ великорусскими губерніями, я не встрѣчалъ, чтобы сельскіе старосты когда-нибудь употребляли свое право штрафовать крестьянъ, несмотря на то, что многіе посредники долго добивались того, чтобы превратить сельскихъ старостъ изъ мірскихъ распорядителей и исполнителей въ начальники надъ міромъ; такъ что ст. 64 общ. пол. о крестьянахъ, предоставляющая старостамъ право наказывать крестьянъ, осталась мертворожденною.

По окончаніи устройства Мурасинской волости и сельскихъ обществъ въ ней, мировой посредникъ уѣхалъ, и изъ Мурасы ни разу не поступало къ нему никакихъ жалобъ. Крестьяне работали какъ слѣдуетъ, а для караула лѣсовъ были наняты сторонніе люди. Разговоръ о кражѣ господами „истинной воли“ сталъ исчезать и подъ благотворнымъ вліяніемъ мировыхъ посредниковъ быстро смѣнился полюбовными соглашеніями для составленія уставныхъ грамотъ.

Въ южный участокъ Спасскаго уѣзда въ мировые посредники былъ назначенъ молодой дѣятель М. П. Г., разомъ выказавшій свои выдающіяся способности. До его утвержденія, въ одномъ селѣ, изъ простаго крестьянскаго недоразумѣнія, помѣщикъ и полиція сдѣлали бунтъ; написали въ Казань, и оттуда былъ присланъ полковникъ Э. для усмиренія. День усмиренія бунта совпалъ со днемъ утвержденія М. П. Г. въ должности мирового посредника. Полковникъ и новый посредникъ съѣхались въ этотъ селѣ; полковникъ первенствовалъ. Онъ велѣлъ изъ всего схода выбрать 20 уполномоченныхъ и привести къ нему на барскій дворъ. Привели. Полковникъ вышелъ и гаркнулъ: „какъ вы смѣете бунтовать! вы забыли Бездну! я васъ на смерть запорю!“ И тому подобными возгласами забросалъ оторопѣвшихъ мужиковъ, а въ заключеніе крикнулъ: „становись на колѣни!“ Передніе мужики начали уже опускаться, а сзади стоявшій мужикъ сказалъ имъ: „не становись на колѣни!“ Тутъ полковникъ вышелъ изъ себя: „кто осмѣлился сказать: не становись на колѣни? Розогъ!“

Въ это время вышелъ изъ дому и новый посредникъ. Видитъ онъ, что почтеннаго, оробѣвшаго старика раздѣваютъ, чтобы отпороть розгами; прислушался къ крику полковника, уразу-

мѣлъ въ чемъ дѣло, и невозмутимо спокойнымъ голосомъ говорить полковнику: „кажется, тутъ маленькое недоразумѣнiе? У насъ мужики становятся на колѣни при всякомъ удобномъ случаѣ, а помѣщики имъ всегда приказываютъ: „не становись на колѣни.“ Прежде чѣмъ сѣчь этого старика, не позволите-ли вы мнѣ спросить его, почему онъ сказалъ эту фразу?“

Полковникъ отрывисто отвѣчалъ: „спросите!“

Посредникъ обратился спокойно къ старику: „что ты сказалъ?“

Старикъ круто повернулъ ухо: „глуховатъ я, батюшка, не слышу“.

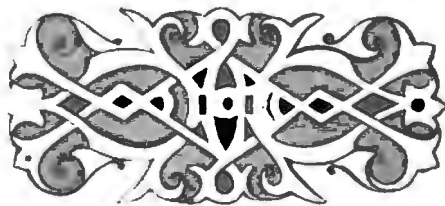
Вопросъ повторенъ громче, и старикъ отвѣчаетъ: „баринъ не велитъ на колѣни становиться, а они все-таки становятся, я и сказалъ, чтобы не становились“.

Полковникъ приказалъ сердито: „убрать розги!“

Бунтъ тогда-же превращенъ посредникомъ въ недоразумѣнiе и улаженъ въ полчаса любовнымъ соглашенiемъ помѣщика съ крестьянами.

Послѣ введенiя мировыхъ посредниковъ, розги были убраны совершенно и остались только въ приговорахъ волостнаго суда. И хотя волостной судъ практиковалъ эту мѣру наказанiя, но съ большимъ разборомъ проступковъ и возраста провинившихся. Несмотря на это, тишина, спокойствiе, исправное отбыванiе повинностей и оброковъ велись примѣрно.

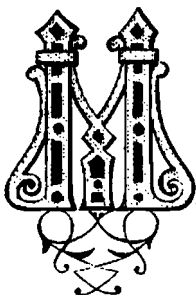
Н. А. Крыловъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ОРДИНАРЦА О ВОЙНѢ 1877—1878 ГГ.

IV ¹⁾.

Перый бивакъ на неприятельской землѣ. — Тырново. — Первая дальняя командировка.

ость еще не былъ наведенъ, и войска продолжали переправляться черезъ Дунай на плотяхъ и понтонахъ. Въ кавалеріи ощущался сильный недостатокъ; въ это время былъ поданъ проектъ великому князю, въ которомъ предлагали переправить кавалерійскую часть вплавь и совершить рейдъ по направленію къ Никополю и Виддину, чтобъ освѣтить мѣстность и нагнать панику на неприятеля. Предиріятіе это, какъ крайне рискованное, было отклонено. Тогда ген. Скобелевъ, одинъ изъ сторонниковъ подобной переправы, желая доказать, что это возможно, раздѣлся, сѣлъ верхомъ на коня и въ рубашкѣ, съ однимъ георгіевскимъ крестомъ на шеѣ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ охотниковъ осетинъ и казаковъ Владикавказскаго коннаго полка, пустился черезъ Дунай. Два раза онъ чуть не утонулъ и съ неимоверными усилиями добрался таки до другаго берега. Его лошадь пала черезъ нѣсколько часовъ, и онъ убѣдился самъ въ невыполнимости этого предложенія. Съ нимъ переплылъ до

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., т. LXXIV, май, стр. 419—434.

острова, находящагося почти по срединѣ Дуная, еще одинъ казакъ, остальные охотники были отбиты теченіемъ и вернулись обратно на румынскій берегъ.

Наконецъ, понтонный мостъ былъ наведенъ, главная квартира выступила изъ Зимницы, перешла Дунай, и первый нашъ бивакъ на турецкой землѣ былъ въ Царевичѣ.

Между тѣмъ, день и ночь переправлялись войска. Отрядъ Наслѣдника Цесаревича сосредоточивался по направленію Рущука, становясь заслономъ; 9-ый корпусъ, подъ командою ген.-лейт. барона Криднера, былъ направленъ къ западу на Плевно-Никополь; а летучій отрядъ ¹⁾, подъ начальствомъ ген.-лейт. Гурко, былъ направленъ на Тырново; за нимъ потянулся и 8-й корпусъ.

На другой или третій день послѣ перехода главной квартиры черезъ Дунай, вечеромъ былъ я посланъ отвезти къ Наслѣднику Цесаревичу 4 пуда воззваній къ болгарскому народу. Понятно, подобную пошу свезти верхомъ было невозможно: мнѣ заложили какую-то одноколку, и вотъ я, вдвоемъ съ конюхомъ, ночью пускаюсь въ путь по непріятельской странѣ, какъ по собственному имѣнію. Все это казалось страннымъ. Гдѣ-же непріятель? Какъ-же онъ позволяетъ намъ такъ безцеремонно развѣзжать по его землѣ?

Я нашель штабъ Рущукскаго отряда близъ Павла, куда Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ только-что прибылъ. Я имѣлъ счастье представиться его императорскому высочеству и лично передать привезенныя воззванія; затѣмъ, согласно приказанію главнокомандующаго, я долженъ былъ, не возвращаясь на нашъ бивакъ, догнать главную квартиру на слѣдующемъ переходѣ,

¹⁾ Въ составъ этого отряда входили: стрѣлковая бригада, 6 дружинъ болгарскаго ополченія, 2 сотни пластуновъ, 2 пѣшихъ горныхъ батарея.

Драгунская бригада: полки — астраханскій и казанскій съ 16 кон-батарею, подъ начальствомъ герцога Евгенія Максимиліановича Лейхтенбергскаго.

Сводная кавалерійская бригада: полки — кіевскій гусарскій и донской № 30, съ 10-ю донскою бат., подъ нач. герцога Николая Максимиліановича Лейхтенбергскаго.

Донская бригада: полки — № 21 и 26, съ донскою № 15 бат., подъ начальствомъ полковника Чернозубова.

Сводный гв. полускадронъ, конно-піонерный отрядъ и 1 сотня уральцевъ. Затѣмъ къ нему была присоединена еще одна бригада 9-ой пѣх. дивизіи: полки — елецкій и сѣвскій.

въ Авчарѣ. Въ Царевичъ пришло извѣстіе, что ген. Гурко уже занялъ Тырново. Усиленными переходами быстро двинулись мы на Иванчу и Поликраэшти, и 30-го іюня великій князь вступилъ въ древнюю столицу Болгаріи. Населеніе встрѣтило насъ восторженно, кричали: „ура, живе царь Александръ! живе княже Никола!“; бросали цвѣты. Надо отдать справедливость нашимъ солдатикамъ — они вели себя примѣрно и расплачивались за все, забираемое въ лавкахъ,— правда, за грабежъ ихъ ожидало строгое наказаніе. Братушки воспользовались этимъ обстоятельствомъ и драли за все втридорога.

Во время переходовъ до Тырново, великій князь ѣхалъ съ начальникомъ штаба въ коляскѣ, на четверкѣ вороныхъ жеребцовъ, а вся свита, въ живописныхъ группахъ, ѣхала верхами кругомъ. Въ конвоѣ былъ одинъ батальонъ пѣхоты, дивизионъ лейбъ-казаковъ и терскій эскадронъ государева конвоя подъ начальствомъ ротм. Колюбакина, автора извѣстной пѣсни:

„Съ Богомъ, терцы, не робѣя,
Смѣло въ бой пойдемъ, друзья!
Бейте, рѣжьте, не жалѣя,
Басурманина-врага.“

Тамъ, далеко за Балканы,
Русскій много разъ шагаль,
Покоря вражьи станы,
Гордыхъ турокъ побѣждалъ.
Такъ идемъ путемъ прадедовъ
Лавры, славу добывать;
Смерть за вѣру, за Россію
Можно съ радостью принять.
День двѣнадцатый апрѣля
Будемъ помнить мы всегда:
Какъ вашъ царь, отецъ державный,
Брата къ намъ подвелъ тогда;
Какъ онъ, полный царской мочи,
Съ отуманеннымъ челомъ,
„Берегите“, сказалъ, „брата,
Будьте каждый молодецъ.
Если нужно будетъ въ дѣло
Николаю васъ пустить,
То идите въ дѣло смѣло,
Дѣдовъ славы не срамить“.

Съ Богомъ, братцы, не робѣя,
Смѣло въ бой пойдемъ друзья!
Бейте, рѣжьте, не жалѣя,
Басурманина-врага“.

Мы весело и быстро шли по Болгаріи какъ по родной матушкѣ Россіи, безъ чрезвычайныхъ мѣръ предосторожности. Въмѣсто разоренной, выжженной страны, кишашей башибузукими и черкесами, мы нашли богатую, цвѣтущую растительность, большіе запасы хлѣба, сѣна и соломы, стада всякаго скота, роскошныя пастбища; одно, что напоминало войну,—это, что турецкія селенія всѣ были пусты, жители-турки бѣжали, а ихъ имуществомъ преспокойно завладѣли братушки-болгары.

Къ этому времени относится знаменитое изреченіе императора Вильгельма, который, поздравляя государя съ успѣшною переправою, занятіемъ Тырнова, Хайнкюя, Шипки, Ловчи, писалъ: „Wo sind aber die Feinde?“ ¹⁾

Планъ главнокомандующаго состоялъ въ томъ, чтобы быстрымъ движеніемъ впередъ овладѣть проходами черезъ Балканы у Шипки и Хайнкюя и, врѣзавшись македонскою фалангою въ непріятельскую страну, раздѣлить превосходившія насъ численностью турецкія арміи, а затѣмъ бить ихъ по частямъ. Къ сожалѣнію, скорѣ выяснилось, что войска у насъ слишкомъ мало.

Между тѣмъ, паника за Балканами была страшная. Въ Адрианополѣ стали уже укладывать архивы и бумаги въ присутственныхъ мѣстахъ. „Неужели война кончится, а я такъ ничего и не увижу?“—приходило мнѣ въ голову.

На другой день, 1-го іюля, зовутъ меня къ главнокомандующему.

— „Я уже давно не имѣю извѣстій отъ Криднера, сказалъ великій князь,— онъ съ своимъ корпусомъ идетъ отъ Систова на Никополь-Плевно. Левицкій тебѣ укажетъ гдѣ его найти; передашь ему пакетъ, который получишь изъ штаба, и затѣмъ привезешь отъ него свѣдѣнія о томъ, что онъ намѣренъ дѣлать“.

Затѣмъ великій князь меня поцѣловалъ и отпустилъ. Ген. Левицкій объяснилъ мнѣ, что баронъ Криднеръ долженъ быть, въ настоящее время, вблизи д. Стижерова или Пятикладенцевъ, даль въ мое распоряженіе шесть лейбъ-казаковъ и вручилъ пакетъ.

Сборы мои были недолги. Около 10 часовъ утра я выѣхалъ изъ Тырнова, захвативъ, кромѣ казаковъ, своего денщика съ вьючною лошадыю. Жара была палящая. Я поѣхалъ заднимъ

¹⁾ „Но гдѣ же непріятель?“

слѣдомъ, по пройденному нами пути, и къ вечеру добрался до Акчаира, гдѣ рѣшилъ переночевать.

Казаки добыли себѣ гдѣ-то барана на ужинъ, но между ними не оказалось ни одного мастера-рѣзака. Стали пилить бѣдному животному горло тупымъ перочиннымъ ножомъ и никакъ не могли его зарѣзать. На счастье подвернулся какой-то болгаринъ.

— „Умѣешь барана зарѣзать?“ спросилъ я его.

„Чекай, братушка, чекай малко“, (постой братецъ, постой немного), проговорилъ онъ и куда-то исчезъ.

Черезъ нѣсколько минутъ явился онъ съ отлично отточеннымъ ножомъ и какой-то довольно длинною дудкою, моментально зарѣзалъ барана, продѣлалъ ему дырочку въ кожѣ на животѣ, вставилъ дудку и сталъ дуть. Мы съ любопытствомъ и недоумѣніемъ смотрѣли на эту процедуру. По мѣрѣ того какъ онъ дулъ, баранъ все надувался и, наконецъ, обратился совершенно въ бурдюкъ; тогда онъ хлопнулъ его по брюху—и шкура разомъ отдѣлилась отъ туши. Ловкимъ взмахомъ ножа онъ сдѣлалъ надрѣзъ и снялъ шкуру чулкомъ; все это было исполнено замѣчательно ловко и быстро. Тогда казаки сварили себѣ нѣчто въ родѣ спартанской похлебки, которую я при всемъ голодѣ ѣсть не могъ.

На слѣдующій день, съ разсвѣтомъ, я двинулся дальше, но ни въ Стижеворѣ, ни въ Пятикладенцахъ барона Криднера не оказалось. Зной былъ ужасный, болѣе 40° Реомюру. Мои казаки и лошади утомились, — продолжать движеніе, не передохнувъ, было невозможно. Здѣсь я нашелъ расположенный на бивакѣ транспортъ съ провіантомъ; выпросилъ у интендантскаго чиновника пустую подводку; велѣлъ моимъ людямъ отдохнуть, выкормить лошадей и затѣмъ догнать меня по холоду; а самъ поѣхалъ далѣе на Марховицу, куда, по добытымъ мною свѣдѣніямъ, перешелъ 9-й корпусъ.

Въ 4 часа дня я былъ у барона Криднера. Генерала на бивакѣ не было, онъ объѣзжалъ позиціи,—мнѣ пришлось его подождать. Тѣмъ временемъ я узналъ, что на завтра предполагается взятіе крѣпости Нисополя штурмомъ. Тутъ встрѣтилъ я свиты е. и. в. ген.-м. И. Н. Толстого, который, по приказанію государя, состоялъ при 9-мъ корпусѣ. Онъ зналъ меня съ дѣт-

ства, такъ какъ служилъ въ Преображенскомъ полку, въ батальонѣ моего отца. Крайне обрадовался я знакомому лицу и особенно тому ласковому, сердечному приему, который ген. Толстой мнѣ оказалъ. Онъ пригласилъ меня въ свою палатку, накормилъ, напоилъ и даже посовѣтовалъ барону Криднеру оставить меня при себѣ на предстоящей штурмъ. Радость моя была чрезвычайная. Наконецъ, я попадаю въ дѣло. Зная, что придется послѣ боя ѣхать съ донесеніемъ въ великому князю, я постарался разузнать что дѣлалъ 9-й корпусъ до моего приѣзда и получить всѣ диспозиціи по отряду.

Того согласія между начальниками, которое я видѣлъ въ 5-й пѣх. дивизіи, не замѣчалось между барономъ Криднеромъ и его начальникомъ штаба—ген.-маіор. Шнитниковымъ: у нихъ дѣло какъ-то не клеилось, по крайней мѣрѣ, таково было мое первое впечатлѣніе. Баронъ Криднеръ былъ высокій, сѣдой старикъ; онъ не отличался словоохотливостью и говорилъ съ сильнымъ нѣмецкимъ акцентомъ. Я его часто видѣлъ, цѣлыми часами молча шагающимъ взадъ и впередъ около своей палатки и обдумывающимъ предстоящія рѣшенія. Генераль Шнитниковъ былъ также пожилой человекъ, съ бѣлою окладистою бородою, весьма живой и дѣятельный. Его отношенія къ барону Криднеру показались мнѣ настолько натянутыми, что онъ врядъ-ли могъ быть настоящимъ помощникомъ своему корпусному командиру.

Всѣ мои мысли были направлены на то, чтобы, вернувшись къ великому князю, сумѣть подробно отвѣтить на всѣ его вопросы. Ложась спать, ген. Толстой обращается ко мнѣ и говоритъ:

— „Я радъ, что судьба привела меня быть въ первый разъ въ бою съ вами, съ сыномъ моего бывшего товарища и командира. Велите приготовить себѣ на завтра чистое бѣлье, и прочтите главу изъ Евангелія“.

Я прослушалъ чтеніе Священнаго Писанія и, утомленный отъ переѣзда, захрапѣлъ, къ его удивленію, богатырскимъ сномъ. Вообще, я вѣрилъ въ свою судьбу, въ солдатскій образокъ, который носилъ на груди,—образокъ, сохранившій одного солдата во время всей севастопольской обороны, и мысль о смерти не приходила мнѣ въ голову.

Уже поздно ночью разбудили меня громкіе разговоры въ

нашей палаткѣ. Это былъ начальникъ артиллерійскихъ парковъ, который до сихъ поръ не получалъ приказаній и просилъ ген. Толстого за него заступиться. Обозы были направлены по другому маршруту, который не былъ своевременно измѣненъ штабомъ 9-го корпуса: о нихъ забыли. Вообще, диспозиція на предстоявшій штурмъ во всѣ части войскъ пришла очень поздно. Кромѣ ген. Толстого, я засталъ при баронѣ Криднерѣ нѣсколько иностранныхъ военныхъ агентовъ: двухъ пруссаковъ, шведа, датчанина и японца ¹⁾). Мнѣ хочется подробно разсказать этотъ штурмъ и, потому я долженъ вернуться назадъ и выяснитъ что дѣлалъ 9-й корпусъ до 3-го іюля, т. е. до ночи наканунѣ штурма.

V.

Штурмъ Никополя.

Въ составъ отряда барона Криднера входили 5-я пѣхотная дивизія—полки: Архангелогородскій, Вологодскій, Костромской и Галицкій.

31-я пѣхотная дивизія — полки: Пензенскій, Тамбовскій, Козловскій и Воронежскій, (Воронежскій п. съ 3-й бат. 5-ой артил. бриг. остался у Систова для охраны моста), 5-я и 31-я артиллерійскія бригады и 2-я Донская конная батарея.

Бугскій уланскій полкъ, казачій № 9 полкъ, 5 сотенъ казачьяго № 34 полка. Одна рота 5-го сапернаго батальона и, наконецъ, сводная кавказская казачья бригада съ конногорною батареею.

Съ этими войсками баронъ Криднеръ двинулся къ Никополю на селенія: Орѣпъ, Татары, Пятикладенцы, Новачи и Марховицу. Кавказская казачья бригада входила сначала въ составъ передоваго отряда ген.-лейт. Гурко, затѣмъ была отдана въ вѣдѣніе начальника 35-ой пѣх. дивизіи, и съ 24-го іюня поступила въ распоряженіе командира 9-го корпуса. Она должна была освѣщать мѣстность по направленію Сельви-Плевно и также—стараться войти въ связь съ 8-мъ корпусомъ.

¹⁾ Пруссаки: полковникъ графъ Ведель и маіоръ Вильомъ (нынѣ состоитъ при особѣ Государя Императора), шведскій поручикъ Варбергъ, датчанинъ капитанъ Гейдеманъ и японецъ подполк. Ямазава.

Движеніе этого отряда отъ Зимницы началось лишь 24-го іюня, такъ какъ 9-й корпусъ былъ задержанъ два дня на переправѣ.

Жара была невыносимая: особенно доставалось бѣднымъ лошадямъ. ***уланъ по два дня не разсѣдывали и уже къ 1-му іюля этотъ полкъ пришелъ въ такое состояніе, что его разѣзды не могли догнать пѣшихъ турецкихъ патрулей. Лошади съ подпаренными и набитыми спинами отказывались итти рысью. Это весьма характерный примѣръ того, какъ быстро можно оттрепать кавалерійскую часть, не доведя ее даже до столкновенія съ непріателемъ и, что самое главное, не вслѣдствіе дальнихъ рейдовъ или быстрыхъ переходовъ, а просто отъ нераспорядительности и отсутствія заботъ о лошади,—этого существеннаго элемента кавалеріи.

Подходя ближе къ Никополю, Костромской полкъ съ 5-ою батареею 31-ой артил. бриг. и 2 сотни Кубанскаго коннаго полка были выдвинуты къ селенію Турскій-Трестеникъ для наблюденія за дорогами, идущими изъ Ловчи и Плевны.

1-го іюля, 1-ая бригада 5-ой пѣхот. дивизіи съ тремя батареями и кавказская казачья бригада съ 6-ю горными орудіями были двинуты на лѣвый берегъ рѣки Осмы, къ селенію Дебо. Галицкій и Тамбовскій пѣхот. полки съ двумя батареями, Бугскій уланскій полкъ и казачій № 9-й были направлены на Марховицу. Пензенскій и Тамбовскій—на деревню Лозоцу.

На 2-е іюля войска отряда получили слѣдующую диспозицію:

1) Отрядъ ген.-лейт. Шильдеръ-Шульднера (въ составѣ: 1-ой бригады 5-ой пѣхот. дивизіи при трехъ батареяхъ, Бугскаго уланскаго полка и части Кубанскаго коннаго полка при 4 орудіяхъ) долженъ былъ при с. Дебо переправиться въ бродъ черезъ р. Осму, овладѣть непріятельскими позиціями и батареями, находящимися между нижнимъ теченіемъ этой рѣки и р. Видомъ, и войти въ связь съ отрядомъ ген.-маіора Лашкарева черезъ мостъ у селенія Мисылеу. Со стороны Плевны это движеніе должно было прикрываться кавказскою бригадою. Не знаю почему, но это порученіе выполнено не было, и въ ночь со 2-го на 3-е іюля отрядъ этотъ ночевалъ у деревни Дебо.

2) Отрядъ ген.-маіора Лашкарева (въ составѣ: Галицкаго

и Козловскаго пѣх. полковъ, роты саперъ, 5-ти батарей и Донскаго № 9 казач. полка съ Донскою батареею) долженъ былъ оставаться у с. Марховицы, выдвинувъ передовой отрядъ на селеніе Вубе. Это селеніе было захвачено двумя ротами Галицкаго полка, удержавшимися въ немъ до прибытія всего полка, который и расположился здѣсь бивакомъ.

3) Отрядъ ген.-лейт. Вельяминова (1-я бригада 31-ой пѣх. дивизіи съ двумя батареями) долженъ былъ остаться у селенія Лозонца и у мельницы, въ лощинѣ, близъ деревни Ермини.

Корпусный штабъ, 2-го іюля, перешелъ въ сел. Марховицу. Генералъ Похитоновъ съ своими артиллерійскими офицерами произвелъ въ этотъ день прекрасную рекогносцировку и выбралъ мѣста для устройства батарей, долженствующихъ приготовить орудійнымъ огнемъ предстоявшій штурмъ Никополя. Ночью на 3 іюля, безъ выстрѣла и потерь, были вырыты пять батарей на высотѣ и правѣе дер. Вубе. Вотъ въ какомъ видѣ я нашелъ войска 9-го корпуса.

На 3-е іюля отрядъ получилъ слѣдующую диспозицію.

1) Отряду ген.-лейт. Шильдеръ-Шульднера двинуться съ разсвѣтомъ между р. Видомъ и Осьмою, стараясь овладѣть мостами черезъ послѣднюю рѣку, а затѣмъ дѣйствовать противъ непріятельскихъ войскъ, расположенныхъ на правомъ берегу Осьмы, для чего направить на этотъ берегъ, по овладѣніи мостомъ у Мисылеу, одинъ изъ пѣхотныхъ полковъ отряда.

2) Двумъ девяти-фунтовымъ батареямъ 5-й арт. бригады и тремъ таковымъ-же батареямъ 31-й арт. бригады занять передъ разсвѣтомъ устроенныя для нихъ закрытія и съ разсвѣтомъ открыть огонь по непріятельскимъ батареямъ, руководствуясь указаніями начальника артиллеріи.

3) Пензенскому полку прикрывать нашъ правый флангъ, для чего прибыть на разсвѣтѣ къ балкѣ Ермини и, расположившись фронтомъ къ сѣверу, занять мельницы, находящіяся въ балкѣ, и рощу, правѣе нашихъ батарей.

4) Командиру Донскаго казачьяго № 9 полка, съ двумя сотнями сего полка и одною — Донскаго казачьяго № 34 полка, по назначенію ген.-лейт. Вельяминова, охранять правый флангъ 121-го пѣх. Пензенскаго полка, имѣя особое наблюденіе за дорогою, идущею изъ Никополя на д. Тюркъ-Бѣляны.

5) Галицкому полку удерживать дер. Вубе.

6) Тамбовскому полку, при двухъ батареяхъ и двухъ сотняхъ № 34 казачьяго полка съ донскою батареею, составить общій резервъ и расположиться за серединою боевой линіи, внѣ выстрѣловъ непріятеля.

7) Козловскому полку быть въ распоряженіи ген.-маіора Лашкарева, для содѣйствія отряду ген.-лейт. Шильдеръ-Шульднера, въ овладѣнію мостомъ у Мисылеу и для совмѣстнаго наступленія по правому берегу рѣки Осьмы.

8) Двумъ сотнямъ № 9 казачьяго полка охранять нашъ лѣвый флангъ.

9) Начальствованіе надъ войсками праваго фланга, означенными въ пунктахъ 3 и 4, ввѣряется ген.-лейт. Вельяминову, а надъ войсками лѣваго фланга, означенными въ пункт. 5, 7 и 8, г.-маіору Лашкареву. Г.-маіору Бѣлокопытову руководить 122-мъ пѣх. Тамбовскимъ полкомъ, ген.-маіору Богацевичу—123-мъ пѣх. Козловскимъ полкомъ; ген.-маіору Ольдекопу находится въ распоряженіи ген.-маіора Лашкарева, а командиру Донскаго каз. № 9 полка состоятъ при мнѣ ¹⁾).

15) Я буду находиться при общемъ резервѣ, куда и присылать донесенія о ходѣ боя возможно чаще.

Подписалъ: командиръ 9-го армейскаго корпуса ген.-лейт. баронъ Криднеръ.

Съ разсвѣтомъ, около 3 часовъ утра, наши батареи, которыя ночью заняли безъ выстрѣла устроенныя для нихъ закрытія, открыли огонь по непріятельскимъ позиціямъ. Съ первымъ-же выстрѣломъ мы всѣ вскочили на ноги, наскоро напились чаю и направились за барономъ Криднеромъ къ деревнѣ Вубе.

Было чудное утро, которое обѣщало перейти въ жаркій день. Турки стали намъ отвѣчать довольно дѣятельно, но, благодаря тому, что большинство ихъ снарядовъ не разрывалось, наши пѣхотныя части, прикрывавшія артиллерію, терпѣли весьма мало. Зная, что колонна ген.-лейт. Шильдеръ-Шульднера первая начнетъ наступленіе, я попросилъ у барона Криднера разрѣшенія поѣхать съ ген. Толстымъ на нашъ лѣвый флангъ. Получивъ позволеніе, отправились мы мимо деревни Слатины, встрѣ-

¹⁾ Здѣсь мы выпускаемъ для краткости пункты 10, 11, 12, 13, 14 и 15, касающіеся перевязочныхъ пунктовъ, врачей, лазаретовъ, обововъ, летучихъ парковъ и формы одежды.

тились съ ген.-лейт. Лашкаревымъ и съ нимъ вмѣстѣ направились на высоту, находящуюся южнѣе Слатинскаго оврага, откуда открывался великолѣпный видъ на всю лежащую за рѣкою Осьмою мѣстность.

Въ 6 часовъ 20 м. увидѣли мы двигавшійся отъ селенія Дебо отрядъ ген.-лейт. Шильдеръ-Шульднера. Подойдя почти къ Бресланицкой дорогѣ, Архангелогородскій полкъ былъ направленъ на сѣверо-западъ, на селеніе Градешти, а Вологодскій полкъ зашелъ лѣвымъ плечомъ впередъ и выстроился въ боевой порядокъ фронтомъ къ сѣверу. Прямо противъ него были двѣ турецкія батареи по одному орудію, которыя прикрывались стрѣлковою цѣпью. Все это перестроеніе въ боевой порядокъ, которое намъ было видно какъ на ладони, Вологодскій полкъ совершилъ въ образцовомъ порядкѣ.

Въ 7 часовъ утра раздался первый нашъ выстрѣлъ на лѣвомъ флангѣ, и завязался бой. Ген. Лашкаревъ, замѣтивъ великолѣпную артиллерійскую позицію по другую сторону Слатинскаго оврага, вызвалъ изъ резерва взводъ казачьей № 2 батареи подъ командою сотника Савченкова, который лихо вскарабкался на крутизну, снялся съ передковъ и открылъ огонь, анфилируя турокъ. Первый-же его выстрѣлъ былъ настоль удаченъ, что турки прекратили огонь, покинули позицію и отбѣжали къ люнету, который былъ построенъ перпендикулярно къ первоначальному ихъ расположенію и обращенъ фронтомъ къ деревнѣ Мисылеу; туда-же перѣѣхали, на нашихъ глазахъ, оба турецкія орудія. Но удачные выстрѣлы не прошли даромъ лихому взводу: изъ люнета и еще изъ двухъ редутовъ, находившихся южнѣе Никополя, турки стали сыпать въ него снарядами. Такъ какъ возвышенность, на которой мы стояли; находилась по направленію непріятельскихъ выстрѣловъ, то перелеты стали ложиться близъ насъ. Особенно звучно раздавались выстрѣлы крѣпостнаго орудія большаго калибра,—оно какъ-то ужъ очень басисто рывало.

Не желая напрасно подвергать людей опасности, ген. Лашкаревъ велѣлъ своему конвою отъѣхать далѣе, въ лощину. Вотъ, я въ первый разъ попалъ подъ артиллерійскій огонь: не скажу, чтобъ это было очень пріятно, но къ нему можно привыкнуть, къ ружейному-же огню, и особенно къ шрапнели, привыкнуть, по моему, нельзя.

Тѣмъ временемъ ген. Шильдеръ-Шульднеръ продолжалъ атаковать турокъ и занялъ, въ 9 часовъ 30 мин., высоты, лежащія на одной линіи съ Слатинскимъ оврагомъ. Непріятель, не подпустивъ вологодцевъ и на полверсты, очистилъ позицію и въ безпорядкѣ бѣжалъ.

Здѣсь войскамъ дали передохнуть, такъ какъ солнце стало сильно припекать. Архангелогородцы, которые были двинуты лѣвѣе, скрылись изъ нашихъ глазъ за возвышенностью, имѣли нѣсколько схватокъ съ турками, въ вечеру соединились съ 1-мъ бат. Вологодскаго полка, и ночь застала ихъ на лѣвой сторонѣ рѣки Осьмы.

Въ 9 час. 15 мин. одинъ батальонъ Козловскаго полка получилъ приказаніе отъ ген. Лашкарева двинуться къ мосту черезъ рѣку Осьму (близъ Мисылеу) и затѣмъ итти правымъ берегомъ этой рѣки на Никополь.

Интересуясь тѣмъ, что дѣлалось у насъ на прочихъ пунктахъ атаки, я поинунуль ген. Лашкарева и поѣхалъ обратно къ дер. Вубе. Проѣзжая Слатинскимъ оврагомъ, я увидѣлъ самую мирную идиллическую картину. Кашевары какого-то полка варили преспоконѣйшимъ образомъ пищу своимъ товарищамъ. Пальба была еле слышна, такъ какъ оврагъ довольно глубокъ. Все напоминало скорѣе маневры, чѣмъ сраженіе. Я страшно проголодался и съ удовольствіемъ пообѣдалъ солдатскими щами, что было весьма удачно, такъ какъ затѣмъ, до ночи, я ничего болѣе во рту не имѣлъ.

Я нашелъ барона Криднера близъ общаго резерва.

Зной становился невыносимымъ. Трудно было нашей артиллеріи вредить непріятелю, такъ какъ орудія турокъ были защищены горизонтными и углубленными батареями, а пѣхотныя цѣпи были очень искусно спрятаны въ траншеяхъ. Уронъ съ ихъ стороны долженъ былъ быть небольшой, да и съ нашей былъ не великъ.

Наконецъ, въ половинѣ втораго, были выдвинуты впередъ всѣ резервы, и началось наступленіе по всей линіи.

Два батальона Тамбовскаго полка, нашъ общій резервъ, были придвинуты къ дер. Вубе и затѣмъ они были направлены правѣе Галицкаго полка.

Галичане, которые прикрывали наши батареи, были подняты

изъ траншей. Барабаны забили атаку, и съ той минуты они какъ львы пошли впередъ, занимая послѣдовательно одну за другою непріятельскія позиціи. При этомъ я былъ свидѣтелемъ съ какимъ самоотверженіемъ и удалью дѣйствовала наша артиллерія: подъ страшнымъ орудійнымъ и ружейнымъ огнемъ турокъ, она лихо выносила въ карьеръ впередъ на позицію, снималась съ передковъ, какъ на ученѣ, и поражала непріятеля мѣткимъ огнемъ, помогая тѣмъ нашимъ пѣхотнымъ частямъ. Козловскій полкъ пошелъ лѣвѣе Галицкаго. Батальонъ этого полка, который былъ уже ранѣе направленъ Слатинскимъ оврагомъ, перешелъ черезъ Осьму и участвовалъ съ вологодцами въ дѣйствіяхъ на лѣвомъ берегу рѣки.

Трудно пришлось двумъ батальонамъ Козловскаго полка, которые лѣзли на турецкія траншеи правымъ берегомъ Осьмы: они встрѣтились съ весьма пересѣченною мѣстностью, имъ приходилось взбираться на крутизны и подъ жестокимъ огнемъ, артиллерійскимъ и ружейнымъ, брать грудью непріятельскія позиціи.

По диспозиціи, баронъ Криднеръ долженъ былъ находиться при общемъ резервѣ, но такъ какъ съ двухъ часовъ по-полудни таковаго уже не было, то мы, волею судьбы, послѣдовали за Галицкимъ полкомъ. Часа въ три или четыре, галичане овладѣли непріятельскою батареею, и прапорщикъ Падчинъ съ 10 рядовыми 1-й стрѣлковой роты захватилъ турецкое орудіе, о чемъ я впоследствии и докладывалъ главнокомандующему. Насъ довольно изрядно осыпало снарядами, большинство которыхъ весьма удачно для насъ зарывалось въ землю, вѣроятно, отъ слишкомъ большаго угла возвышенія или невѣрно пригнанной дистанціонной трубки, и не разрывалось—иначе многіе-бы изъ насъ познакомились съ перевязочнымъ пунктомъ. Я помню, между прочимъ, какъ одинъ снарядъ чуть не оторвалъ хвоста у лошади японскаго военнаго агента, который самъ, вмѣстѣ съ нами, отъ души смѣялся этому происшествію. Подполк. Ямазава почти ни слова не говорилъ ни по-русски, ни по-французски, и тѣмъ не менѣе находилъ возможность ежедневно писать длинныя донесенія на свою родину: мы всѣ удивлялись, откуда онъ почерпаетъ такую массу матеріала.

Мы шли по волнистой мѣстности, покрытой фрустовыми

деревьями, между которыми кое-гдѣ были виноградники или стояли копны уже скошенной пшеницы. Непріятельскіе стрѣлки весьма искусно примѣнялись въ мѣстности, перебѣгали послѣдовательно изъ однихъ окоповъ въ другіе и открывали по наступающимъ почти непрерывный убійственный огонь.

Остановившись на нѣсколько минутъ близъ какого-то стога скошенной пшеницы, мы вдругъ были озадачены выстрѣломъ съ тыла и свистомъ пули. По приказанію барона Криднера, конвойные казаки бросились разыскивать кто это стрѣляетъ, и нашли спрятавшася въ одной изъ копенъ турецкаго солдата, который, несмотря на смертельную рану, не могъ удержаться, чтобы въ насъ не выстрѣлить... Онъ тутъ-же былъ приколотъ... Какъ я уже сказалъ, правѣ насъ шли тамбовцы съ 1-мъ бат. Галицкаго полка. Галичане наткнулись на большой редуть, атаковали его, но были отброшены. Тамбовцы подоспѣли въ нимъ на выручку, но также были отбиты и даже оставили нѣсколько убитыхъ товарищей на самомъ брустверѣ. Турки изрубилъ эти тѣла на куски и выбросилъ изъ редута.

Видя подобное поруганіе надъ павшими, тамбовцы остервенились, нѣсколько разъ бросались на это укрѣпленіе и, наконецъ, имъ овладѣли. Произошла страшная рѣзня: редуть былъ буквально заваленъ трупами.

Такъ какъ намъ приходилось все время штурмовать и брать послѣдовательно одну позицію за другою, то убитъ въ людяхъ становилась довольно значительною. Врачи и санитары дѣятельно работали, устраивая перевязочные пункты, гдѣ только было возможно: подъ деревомъ, у фонтана, подъ стогомъ скошенной пшеницы... Весьма энергично и дѣятельно распорядился этимъ дѣломъ старшій врачъ 9-го корпуса докторъ Кехеръ. Уже съ утра, по распоряженію штаба, были посланы жандармы и казаки собрать всѣ имѣющіяся у населенія телѣги и арбы, которыя и занялись перевозкою тяжело раненыхъ въ деревню Марховицу, на главный перевязочный пунктъ. Вслѣдствіе страшной жары, войска страдали отъ жажды, и болгары весь день подвозили намъ воду на позицію. Воодушевленіе было замѣчательное: легко раненые не шли на перевязочный пунктъ, а, получивъ наскоро кое-какую помощь отъ санитаровъ, старались догнать товарищей. Никогда не забуду одного солдатика раненаго, хотя

и легко,— въ руку: онъ шелъ въ кэпи на затылкѣ, на груди блестя георгиевскій крестъ, который онъ получилъ еще въ Хивѣ, ружье за спиною, весь потный и разгорѣвшійся, онъ крутилъ папиросу, помогая себѣ поврежденнымъ пальцемъ, кое-какъ обмотаннымъ тряпицею.

„Ты-бы перевязался хорошенько“, обратился я къ нему.

— „Ничего, ваше высокоблагородіе, былъ отвѣтъ, поспѣю еще, надо идти за золотымъ Егоріемъ“.

Вотъ каково было настроеніе! Замѣчательный фактъ, что всѣ убитые наши солдаты лежали на спинѣ со сложенными на груди руками и съ лицомъ покрытымъ платкомъ. Это во время передышекъ люди отдавали послѣдній долгъ павшимъ товарищамъ. Въ послѣдующихъ бояхъ я этого болѣе не встрѣчалъ. У всѣхъ убитыхъ турокъ черепа были разможжены прикладами: непріятель встрѣчалъ нашихъ за окопами, искусно прятался и выпускалъ массу патроновъ; наши брали ихъ въ штыки и по окончаніи боя только 60 раненыхъ турокъ было подобрано санитарями...

Мы находили громадное количество патроновъ въ оставленныхъ непріателемъ траншеяхъ: они были брошены цѣлыми ящиками, пачками и разсыпанные валялись на землѣ.

Наша артиллерія подъ руководствомъ ген. Похитонова дѣйствовала блистательно. Переѣзжая послѣдовательно съ позиціи на позицію, она поддерживала атаку пѣхоты и соперничала съ нею въ храбрости. Данило Даниловичъ какъ-то приосанился, даже, казалось, выросъ; увидѣвъ его теперь, въ бою, я еще болѣе сталъ цѣнить этого генерала. Мнѣ тогда припомнилась сконфуженная фигура того-же Данилы Даниловича, на правомъ флангѣ своей бригады, при встрѣчѣ великаго князя въ Зимницѣ: у него одна нога была въ сапогѣ, а другая въ резиновой галошѣ; во время перехода черезъ какой-то мостъ, въ Румыніи, ему придавило ногу заряднымъ ящикомъ, онъ не могъ надѣть сапога, и ему совѣстно было явиться на смотръ не по формѣ одѣтымъ. Но тутъ, въ бою, это былъ настоящій воинъ, хладнокровный, распорядительный и прекрасно ориентирующійся.

Баронъ Криднеръ держался все время весьма спокойно и разсмалъ съ приказаніями своихъ ординарцевъ, которые, наконецъ, выбились изъ силъ. Тогда онъ обратился ко мнѣ и поручилъ поѣхать впередъ, чтобы узнать, въ какомъ положеніи дѣло.

Въ это время мы были съ нимъ на краю, такъ называемой, городской балки: намъ были уже видны стройные минареты Никополя, но самый городъ скрывался отъ нашихъ глазъ за массаи садовъ. Я отправился прямо по шоссе, проѣхалъ мимо нашихъ батарей и былъ свидѣтелемъ замѣчательныхъ дѣйствій 5-ой батареи 5-ой артил. бригады, которая въ послѣдній разъ подъѣхала на 400 саж. къ крѣпости и открыла пальбу подъ сильнымъ ружейнымъ огнемъ непріятеля.

Поравнявшись съ наступающею цѣпью нашихъ стрѣлковъ, я увидѣлъ налѣво, приблизительно въ верстѣ, пыль отъ какой-то бѣгущей толпы. Были-ли это прорвавшіеся батальоны турокъ, желавшіе уйти на Виддинъ, или казаки угоняли скотъ, захваченный въ занятомъ вологодцами турецкомъ лагерѣ,—опредѣлить было невозможно. Командиръ батареи просилъ меня передать барону, что у него почти нѣтъ зарядовъ и что необходимо поторопить прислать зарядные ящики.

Стало уже смеркаться. Кое-гдѣ въ городѣ вспыхнули пожары. Наши охотники были уже въ предмѣстьяхъ, и тамъ шла живая перестрѣлка. Далѣе ѣхать было некуда, такъ какъ я находился на нашей стрѣлковой линіи, и пули ложились въ громадномъ количествѣ; я рѣшилъ вернуться къ барону Криднеру и доложилъ, что видѣлъ. Наступила совершенная темнота. Генералъ отправилъ приказаніе войскамъ прекратить огонь, остановиться на занятыхъ позиціяхъ, и вызвалъ начальниковъ частей.

— „Господа, обратился онъ къ нимъ,—мнѣ кажется, что Никополь нашъ, но если еще нѣтъ, то къ утру долженъ быть нашимъ. Съ разсвѣтомъ будетъ общій штурмъ“.

Съ большимъ трудомъ въ эту темную южную ночь добрались мы до Марховицы. Изрѣдка раздавались еще ружейные выстрѣлы, слышались крики ура и стоны раненыхъ; артиллерійская канонада прекратилась.

Я забылъ сказать, что штурмъ былъ поддержанъ нашими фламундскими батареями, которыя весь день бомбардировали Никополь.

Къ концу боя всѣ роты и полки смѣшались,—трудно было различить гдѣ какой полкъ: это была одна густая стрѣлковая цѣпь вологодцевъ, козловцевъ, галичанъ и тамбовцевъ или, скорѣе, нѣсколько цѣпей, которыя по инерціи шли впередъ.

Къ ночи вокругъ Никополя уже образовалось стальное кольцо штыковъ.

Вернувшись въ Марховицу, баронъ Криднеръ былъ въ довольно затруднительномъ положеніи: чѣмъ кончился бой, никто не зналъ. Генералы собрались на совѣщаніе, а я прозаически пошелъ отдыхать въ палатку.

Едва забрезжилась заря, меня разбудилъ генералъ Толстой.

— „Вставайте скорѣе, обратился онъ ко мнѣ, корпусный командиръ съ дежурствомъ ѣдетъ сейчасъ на позицію и беретъ васъ съ собою“.

Въ одну минуту я былъ на ногахъ, сѣлъ на лошадь и присоединился къ барону Криднеру, который, въ сопровожденіи ген. Шнитникова, ген. Толстого и еще нѣсколькихъ офицеровъ изъ штаба, направился по Нивопольскому шоссе, дабы лично ознакомиться съ положеніемъ дѣла.

Ночью, несмотря на темноту, люди подобрались, и когда генералъ подѣхалъ къ войскамъ, то, вмѣсто смѣшавшихся стрѣльбовыхъ цѣпей различныхъ полковъ, нашелъ уже стройные батальоны. Какъ отрадно было услышать дружное, раскатыстое „здравія желаемъ, ваше превосходительство“, въ отвѣтъ на привѣтствіе генерала. Такъ, здороваясь съ батальонами, продолжали мы ѣхать далѣе по шоссе, и вдругъ, повернувъ налево, очутились неожиданно предъ крѣпостными воротами Никополя ¹⁾. Грозно рисовались каменные стѣны, окруженныя глубокимъ ровомъ. Впереди былъ мостъ, правѣе, назади, живописно лѣпились по оврагамъ, утопая въ зелени, предмѣстья города. Гдѣ-то изрѣдка раздавались одиночные выстрѣлы. Что-же это значитъ? Неужели турки прорвались къ Виддину и очистили крѣпость?

Немедленно была вызвана ближайшая рота, если не ошибаюсь Козловскаго полка, которую направили по гласису, направо отъ шоссе. Я изъ любопытства послѣдовалъ за этою ротою и, всматриваясь въ амбразуры, увидѣлъ вскорѣ фигуру турецкаго офицера, который махалъ бѣлымъ платкомъ. Желая убѣдиться—не знакъ-ли это сдачи крѣпости, я ему закричалъ: „барышъ“ (т. е. миръ) и, указывая на палашъ, предложилъ ему бросить свою пашку въ ровъ въ знакъ мира. Къ моему удивленію, онъ

¹⁾ Это были Раховскія ворота.

поспѣшилъ исполнить мое желаніе. Тогда я поскакалъ къ барону и доложилъ, что турки сдаются.

„Это очень хорошо, сказалъ генераль, но отчего ворота закрыты?“

Сейчасъ-же были вызваны охотники ¹⁾, которые перелѣзли черезъ стѣну, отбили замокъ у крѣпостныхъ воротъ и ихъ отворили. Затѣмъ ген. Толстой, еще три, четыре офицера, полсотни казаковъ и я въѣхали въ Никополь. Это было ровно въ 4 часа 20 мин. утра. Все пусто—турокъ нѣтъ...

Нѣтъ-ли тутъ измѣны, мелькнуло у насъ въ головѣ.

Узкая улица заворачивала направо; мы по ней стали осторожно подвигаться и, пройдя шаговъ 200, достигли бастиона, занятаго турецкимъ батальономъ. Непріятель встрѣтилъ насъ молча, люди очевидно были сконфужены, царилъ полная тишина. По нашему требованію, они стали бросать въ кучу оружіе и амуницію. Тѣмъ временемъ подошла наша пѣхота и на крѣпостномъ валу водрузили знамя 2-го батальона Козловскаго полка. Раздалось такое оглушительное ура, какого я въ жизни не слышалъ,—это былъ ревъ побѣдителей, которые, еще минуту передъ этимъ, были готовы итти на приступъ, какъ одинъ человекъ. Въ отвѣтъ на это ура послѣдовалъ салютъ изъ всѣхъ орудій съ нашихъ фламундскихъ батарей. Солнце уже взошло и ярко освѣщало это великолѣпное зрѣлище!

Итакъ, Никополь палъ! Мы просто не хотѣли вѣрить, чтобы крѣпость съ сильнымъ гарнизономъ могла сдаться безъ штурма, т. е. безъ эскалады и прочихъ необходимыхъ атрибутовъ настоящаго приступа. Мы все-таки продолжали думать, что паша, комендантъ Никополя, отступилъ ночью на Виддинъ, оставивъ только раненыхъ и слабосильныхъ ²⁾. Былъ отданъ приказъ всѣмъ туркамъ, солдатамъ и жителямъ выходить изъ крѣпости. Зная, что мнѣ придется ѣхать съ донесеніемъ къ великому князю, я спустился внизъ къ Дунаю, чтобы ознакомиться съ положеніемъ города. Насилу протискался я обратно въ гору съвозъ толпы турокъ, которыхъ гнали какъ барановъ, и вернулся къ барону Криднеру. Я нашелъ генерала за крѣпост-

¹⁾ Охотниками были два стрѣлка Вологодскаго пѣх. полка и подполк. генеральнаго штаба Мадіевскій.

²⁾ На дѣлѣ-же оказалось, что гарнизонъ Никополя состоялъ болѣе, чѣмъ изъ 7,000 прекрасно вооруженныхъ солдатъ.

ными воротами, на шоссе. Онъ стоялъ обруженный своимъ штабомъ и пропускалъ мимо себя плѣнныхъ. Пока я пробирался къ барону, мнѣ пришлось увидѣть, какъ турокъ можетъ безропотно и безъ стога страдать: чтобы не затруднять движенія въ узкихъ улицахъ Никополя, велѣно было всѣхъ плѣнныхъ гнать пѣшкомъ, тѣмъ-же, которые были верхомъ, привязано слѣзать съ лошадей. На маленькомъ ослѣ, согнувшись и держась обѣими руками за луку, ѣхалъ турокъ.

„Долой“, говоритъ ему солдатикъ.

Тотъ продолжаетъ ѣхать, устави куда-то вдаль свои мутные глаза; тогда его живо ссадили, и онъ какъ кулъ упалъ съ осла. Ко мнѣ подбѣжали его товарищи и объяснили, что онъ тяжело раненый: оказалось, что у него обѣ ноги перебиты. Я велѣлъ посадить его сейчасъ-же обратно на осла, что было моментально исполнено, и онъ потянулся далѣе, увлеваемый все прибывающею волною плѣнныхъ. Во время всѣхъ этихъ эволюцій, несчастный не проронилъ ни единого звука, онъ такъ-же безучастно продолжалъ смотрѣть куда-то вдаль. Меня страшно поразила эта сила воли; подобные солдаты, подъ руководствомъ дѣльныхъ офицеровъ, могли-бы совершать чудеса храбрости.

Къ нашему удивленію, толпа плѣнныхъ солдатъ все росла; большинство изъ нихъ были прекрасно одѣтые, здоровые, крупные молодцы. Тѣмъ временемъ къ барону Криднеру былъ приведенъ комендантъ крѣпости, Мустафа-Гассанъ-паша, средняго роста человекъ, съ окладистой черною бородою и выразительнымъ, типичнымъ лицомъ.

— „Кому я сдаюсь, и какія условія предложить мнѣ генералъ?“, спросилъ онъ черезъ переводчика.

Баронъ Криднеръ протянулъ ему руку и сказалъ:

— „Уважаю вашу храбрую оборону, я сохраняю вамъ и всѣмъ офицерамъ оружіе, весь-же гарнизонъ сдается безъ условій“.

Вскорѣ послѣ сдачи, генералъ Толстой уѣхалъ съ донесеніемъ къ государю, взявъ съ собою Гассана-пашу.

Разсчитывая собрать кое-какія свѣдѣнія для доклада главнокомандующему, баронъ Криднеръ еще удерживалъ меня при себѣ. Штурмъ нашихъ войскъ 3-го іюля былъ такъ стремителенъ и друженъ, что начальникъ Никопольскаго гарнизона, какъ оказалось впоследствии, былъ увѣренъ, что имѣлъ дѣло со всею

русскою арміею, подъ начальствомъ самого государя. Онъ никакъ не предполагалъ, чтобы мы съ двухъ часовъ пополудни могли такъ настойчиво лѣзть впередъ, не имѣя сзади серьезныхъ резервовъ. Намъ пришлось взять съ бою почти семь верстъ укрѣпленной позиціи прежде, чѣмъ дойти до самой крѣпости, и это, однако, было сдѣлано благодаря тому духу, который господствовалъ въ нашихъ войскахъ. Не вдаваясь въ тактическія разсужденія—правильно или нѣтъ былъ вѣденъ этотъ штурмъ—могу сказать лишь одно, что болѣе лихаго, блистательнаго дѣла я не видалъ. Никополь палъ только благодаря беззавѣтной удали нашихъ молодцовъ. Отрядъ барона Криднера состоялъ изъ 16,870 штыковъ и 2,868 сабель, при 80 пѣшихъ, 6 конныхъ и 6 конногорныхъ орудіяхъ. Трофеями были: крѣпость, болѣе 7,000 плѣнныхъ, около 70 орудій, масса снарядовъ, оружія, патроновъ и два монитора. Къ сожалѣнію, вскорѣ случилась первая Плевненская неудача, и это замѣчательное дѣло какъ-то осталось въ туманѣ.

Послѣ отъѣзда генерала Толстого, принесли барону Криднеру ключи отъ крѣпостныхъ воротъ. Тогда онъ подозвалъ меня и сказалъ:

— „Поѣзжайте, обрадуйте нашего главнокомандующаго со взятіемъ Никополя, гарнизонъ котораго, въ числѣ 7,000 человекъ, сложилъ оружіе. Передайте ключъ отъ крѣпости великому князю и доложите, что люди шли безъ замѣшательства и геройски брали послѣдовательно одну за другою непріятельскія позиціи, на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. У турокъ было множество укрѣпленій — что прикажутъ съ ними дѣлать? исправить или взорвать? Что дѣлать съ двумя захваченными мониторами? Что дѣлать съ плѣнными, и откуда брать провіантъ, котораго у турокъ не оказалось? Займусь устройствомъ войскъ и буду ждать распоряженія куда идти. Костромской полкъ стоитъ передъ Плевною. Попросите великаго князя прислать кого-нибудь для устройства гражданскаго управленія въ Никополѣ. Болѣе подробностей сейчасъ дать не могу, расскажите сами, что видѣли“.

Я заложилъ ключъ за голенище сапога и, внѣ себя отъ радости, уѣхалъ отъ барона Криднера; по дорогѣ я заѣхалъ на главный перевязочный пунктъ, чтобы справиться о числѣ потерь въ нашихъ войскахъ, и успѣлъ узнать, что генералъ Бога-

цевичъ контуженъ и что убыль наша довольно велика: приблизительно, какъ мнѣ казалось, мы потеряли около 1,500 человекъ выбывшими изъ строя.

До Тырнова, гдѣ находился великій князь, было около 115 верстъ. Всѣ мои мысли были направлены на то, какъ-бы мнѣ быстрѣе совершить этотъ переходъ. Въ Марковицѣ я наскоро закусилъ и въ 11 часовъ утра 4-го іюля, по страшной жарѣ, пустился въ путь.

Я очень спѣшилъ, много шелъ ходой¹⁾, но все-таки долженъ былъ остановиться на ночлегъ въ Агчаирѣ, пройдя около 70 верстъ, такъ какъ мои казаки далѣе ѣхать не могли. Дорогою я обдумывалъ какъ и что буду докладывать великому князю: я въ первый разъ въ жизни былъ въ сраженіи и боялся, что не сумѣю отвѣтить на всѣ вопросы, которые предложитъ мнѣ главнокомандующій. На зарѣ я взялъ одного вѣстового, велѣлъ остальнымъ людямъ, не торопясь, слѣдовать на Тырново, а самъ поспѣшилъ впередъ.

5-го іюля (1877 г.), во второмъ часу дня, я былъ уже у великаго князя, сдѣлавъ 115 верстъ въ 26 часовъ. Это была первая дальняя поѣздка и потому самая медленная; я понималъ, что въ другой разъ долженъ распорядиться иначе, если хочу быстрѣе доѣхать къ великому князю съ донесеніемъ. Я впоследствии уже болѣе никогда не бралъ такого конвоя (6 казаковъ) а ограничивался двумя вѣстовыми и только для того ихъ бралъ, чтобъ имѣть возможность бросить по дорогѣ одну изъ своихъ лошадей и напрасно не утомлять всѣхъ трехъ. Я ѣздилъ всегда о дву-конь, т. е. имѣлъ подъ вьюкомъ заводную лошадь, которая гораздо менѣе утомлялась и могла выручить меня въ случаѣ нужды. Во время боя мой денщикъ съ вѣстовыми и вьючною лошадью оставался при обозѣ, и я зналъ, что найду ихъ свѣжими и въ полной готовности сдѣлать немедленно, не отдыхая, дальній переходъ. Это давало мнѣ возможность выигрывать время.

Я напелъ главнокомандующаго объѣзжавшимъ войска, расположеннымъ на бивакѣ близъ Тырнова, передалъ ему ключъ

¹⁾ Крупный шагъ, которымъ можно дѣлать около семи верстъ въ часъ.
В. В.

отъ Никополя и поздравилъ съ побѣдою. Затѣмъ, войдя въ палатку великаго князя, я подробно доложилъ его высочеству что зналъ, и удостоился получить „спасибо“. Позвали насъ обѣдать. За столомъ великому князю подали телеграмму отъ барона Криднера.

— „Лярскій, обратился ко мнѣ великій князь,—что это ты доложилъ мнѣ, что мы потеряли около 1,500 человекъ выбывшими изъ строя? Криднеръ телеграфируетъ, что только 600?“

„Я доложилъ вашему императорскому высочеству только то, что могъ узнать на перевязочныхъ пунктахъ, отвѣтилъ я главнокомандующему, и полагаю мое донесеніе близко въ истинѣ“.

— „Ну, увидимъ“, сказалъ великій князь.

Впослѣдствіи оказалось, что наша потеря состояла въ 219 убитыхъ, 869 раненыхъ и 37 безъ вѣсти пропавшихъ нижнихъ чиновъ; 5 убитыхъ, 30 раненыхъ и 6 контуженныхъ офицеровъ, итого: 1,166 офицеровъ и нижнихъ чиновъ, выбывшихъ изъ строя, т. е. мои свѣдѣнія были почти точны. Это было первое крупное дѣло—взятіе крѣпости—и потому оно всѣхъ интересовало. До поздней ночи я долженъ былъ удовлетворять любопытству всей главной квартиры; съ моихъ словъ была написана корреспонденція въ „Московскія Вѣдомости“, и я легъ спать совершенно безъ языка.

В. М. Волларларскій.

(Продолженіе слѣдуетъ).

250 ЛѢТЪ ЛЕЙБЪ-ГРЕНАД. ЭРИВАНСКАГО ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ПОЛКА

(первоначально — Бутырскаго)

1642—1892 гг.

Въ настоящемъ 1892 году, 29-го іюня, въ день полковаго праздника, исполняется 250 лѣтъ со времени учрежденія родоначальникомъ царствующаго Императорскаго дома царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, лѣтомъ 1642 года, Выборнаго Московскаго полка солдатскаго строя, наименованнаго отъ мѣста водворенія урядниковъ и солдатъ полкомъ Бутырскимъ. Въ прямомъ наслѣдственномъ порядкѣ представителемъ этого перваго, самаго стараго регулярнаго полка въ нашей арміи есть 13-й лейбъ-гренадерскій Эриванскій Его Величества полкъ, который за свою болѣе чѣмъ вѣковую доблестную службу на Кавказѣ украшенъ всѣми знаками отличія, какія могутъ быть доступны армейскому полку, и пользуется счастьемъ имѣть своимъ шефомъ нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, а въ своихъ спискахъ Наслѣдника Цесаревича, бывшаго главнокомандующаго великаго князя Михаила Николаевича и его сыновей, великихъ князей: Александра Михайловича и Алексѣя Михайловича.

Вотъ краткая исторія славнаго въ нашей военной исторіи старѣйшаго Бутырско-Эриванскаго полка.

Опредѣленія собора въ Москвѣ, бывшаго 3-го января 1642 г., повели за собою устройство двухъ выборныхъ полковъ солдатскаго строя въ томъ-же году. Солдаты и урядники одного изъ нихъ

въ 1657 году водворены въ подмосковномъ вотчинномъ имѣніи бояръ Романовыхъ, принадлежавшемъ въ то время богатому боярину Никитѣ Романову, двоюродному брату царя Алексѣя Михайловича, Бутыркахъ, что нынѣ Бутырская слобода, въ верстѣ отъ Бутырской заставы, въ сѣверной части города Москвы.

Впослѣдствіи, въ 1682 г., иждивеніемъ офицеровъ и солдатъ полка построена великолѣпная каменная церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы, вмѣсто деревянной. Церковь каменная существуетъ и понынѣ; другая, подобная ей по архитектурѣ и размѣрамъ, церковь находится въ селѣ Измайловѣ.

Первымъ извѣстнымъ командиромъ или шефомъ Бутырскаго выборнаго полка былъ датчанинъ Крафговъ (Krafgof), полковникъ, потомъ генераль-маіоръ, извѣстный подъ именемъ Матвія Степановича Кровкова (или Кравкова) ¹⁾. Онъ съ Бутырскимъ полкомъ содѣйствовалъ усмирению опаснаго бунта гилевщиковъ, пришедшихъ въ село Коломенское въ 1662 г. Затѣмъ полкъ, состоя подъ его командою 20-тъ лѣтъ, принималъ участіе въ войнахъ съ крымскими татарами и турками за Чигиринъ. Особенно памятенъ бой 3-го августа 1678 г. на р. Тясминѣ (близъ Чигирина), когда полкъ Кровкова съ другимъ выборнымъ Шепелева, находясь на правомъ флангѣ арміи князя Рамодановскаго, овладѣли турецкою артиллеріею и лагеремъ и тѣмъ содѣйствовали поражению турецкаго паши, бѣжавшаго за рѣчку Тясминъ. Въ составѣ офицеровъ Бутырскаго полка были исключительно русскіе офицеры — подполковникъ, маіоръ, 20 капитановъ и столько-же поручиковъ и прапорщиковъ. Тутъ въ 1662 году встрѣчаемъ нѣсколько офицеровъ однихъ и тѣхъ-же фамилій, вѣроятно, братьевъ или близкихъ родственниковъ, напримѣръ, Ждановыхъ 7 человекъ, Близнацовыхъ, Колубакиныхъ и т. д. Однѣмъ изъ нихъ, полковникъ Родіонъ Ждановъ, бывший при усмирении Коломенскаго бунта въ чинѣ капитана, назначенъ въ 1682 г. командиромъ полка. Его замѣнилъ въ самомъ началѣ 1687 г. знаменитый въ лѣтописяхъ отечественной исторіи шотландецъ генераль-маіоръ, потомъ генераль-лейтенантъ Патрикъ Гордонъ, именуемый Петромъ Ивановичемъ. Гордонъ былъ давно извѣстенъ своимъ мужествомъ, храбростью и особенно своими заслугами при оборонѣ Чигирина. Онъ пользовался большимъ уваженіемъ московскихъ бояръ. Постъ выборнаго солдатскаго полка

¹⁾ Въ то время командиръ или шефъ было одно и то-же понятіе; въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX настоящимъ командиромъ былъ шефъ, а командиръ полка въ родѣ помощника шефа. Настоящее значеніе командира полка установлено въ 1814 году.

считался въ то время самымъ почетнымъ. Гордонъ, командуя Бутырскимъ полкомъ въ теченіе 12-ти лѣтъ, до самой своей смерти въ 1699 г., поднялъ его на высокую степень благоустройства. Въ первомъ и второмъ Крымскихъ походахъ (1687 и 1689 гг.), въ трехъ Азовскихъ походахъ (1695, 1696 и 1697 гг.), въ походѣ подъ Троицко-Сергіевскую лавру (4-го сентября 1689 г.), въ сраженіи подъ Воскресенскимъ монастыремъ, 17-го іюня 1698 года, Бутырскій полкъ, подъ предводительствомъ опытнаго и храбраго своего начальника, занималъ выдающееся положеніе: въ Крымскихъ походахъ стотысячной русской арміи выборный полкъ Гордона находился постоянно въ авангардѣ или арьергардѣ. На штурмахъ Азова, 5-го августа и 25-го сентября, бутырцы всходили на стѣны крѣпости, не взирая на отчаянное сопротивленіе турокъ, и если не могли осилить врага, то потому только, что лишены были поддержки сосѣднихъ частей отъ дивизіи Головина и Лефорты. При общемъ отступленіи арміи отъ Азова, 3-го октября 1695 г., Бутырскій полкъ, шедшій въ арьергардѣ, мужественно выдерживалъ нѣсколько яростныхъ атакъ свирѣпыхъ татаръ, поражая ихъ дружнымъ огнемъ изъ орудій и мушкетовъ. Послѣ перваго Крымскаго похода, когда царь Петръ Алексѣевичъ, достигнувъ совершеннолѣтія, началъ формированіе двухъ новыхъ полковъ, Преображенскаго и Семеновскаго, названныхъ по имени слободъ, такъ-же какъ и Бугырскій, изъ Бутырскаго полка взяты были нѣкоторые урядники и солдаты, барабанщики и флейщики.

Послѣ втораго Крымскаго похода бывалые старые солдаты могли многое передать юному царю, любившему воинское дѣло и желавшему устроить свои собственные полки по подобію двухъ выборныхъ полковъ своего дѣда царя Михаила Феодоровича. Новые два полка были устроены окончательно при содѣйствіи шефа Бутырскаго полка Гордона въ 1692 году; обученіемъ-же этихъ полковъ занимался преимущественно Лефортъ, назначенный, въ началѣ 1692 г., командиромъ другаго выборнаго полка, бывшаго Шепелева; послѣдній названъ, по имени вновь устроенной Лефортовской слободы, Лефортовскимъ ¹⁾. До начала Сѣверной войны бутырцы и лефортовцы, наравнѣ съ преображенцами и семеновцами, раздѣляли труды молодаго царя въ практикѣ военнаго дѣла на ученіяхъ, маневрахъ и походахъ. Эти четыре полка, два

¹⁾ Лефортовскій полкъ, названный впоследствии 1-мъ Московскимъ, въ 1692 г. пошелъ на сформированіе разныхъ полковъ, сухопутныхъ и морскихъ, и такимъ образомъ совершенно исчезъ.

старыхъ и два новыхъ регулярныхъ, составляя царскій отрядъ, служили Петру образцомъ для устройства въ 1699 году 27 регулярныхъ пѣхотныхъ полковъ.

Въ Сѣверную войну Бутырскій полкъ, сохраняя значеніе „старого“ регулярнаго полка подъ командою князя Солнцева-Засѣкина, принималъ дѣятельное участіе въ важнѣйшихъ осадахъ и сраженіяхъ. Знаменитый сподвижникъ Петра Великаго князь Аникита Ивановичъ Репнинъ имѣлъ Бутырскій полкъ постоянно въ своей дивизіи, съ которою онъ совершилъ семнадцать походовъ въ Россіи и за границею—въ Сѣверной Германіи и Даніи отъ Вислы до Нѣмецкаго моря (Гдансь — Тенинингенъ): осада и штурмъ Нотебурга въ 1702 г., овладѣніе Ніеншандомъ въ 1703 г., осада и штурмъ Нарвы въ 1704 году, осада Митавскаго замка въ 1705 г., операциі въ Гродненскомъ укрѣпленномъ лагерѣ, Полтавская битва 27 іюня 1709 г., блокада и осада Риги 1709—1710 гг., Прутскій походъ 1711 г., сраженіе при Фридрихштадтѣ на р. Эйдерѣ въ Голштиніи 31-го января 1713 г., осада Тенинингена и Штетина 1713 г., Висмаръ и Копенгагенъ 1716 г., Данцигъ 1717—1719 гг., связываютъ имена Репнина и князя Солнцева-Засѣкина съ Бутырскимъ полкомъ. Только два раза этотъ полкъ не находился подъ начальствомъ князя Репнина: въ 1704 г., передъ осадю Нарвы, Бутырскій полкъ въ полномъ составѣ, съ частью людей Ингерманландскаго и командою Преображенскаго полковъ былъ посланъ съ генераломъ Реномъ (Рениѣ) къ Везенбергу на подводахъ противъ шведскаго генерала Шлиппенбаха; послѣдній былъ разбитъ на голову и бѣжалъ въ Ревель. Во второй разъ въ 1708 году, на походѣ русской арміи отъ Зап. Двины на Украину, когда Бутырскій полкъ въ ожиданіи наступленія Карла XII къ Полоцку былъ откомандированъ въ дивизію фонъ-Аларта, расположенную на р. Уллѣ, вслѣдствіе чего онъ не принималъ участія въ Головчинскомъ сраженіи, гдѣ остальные полки дивизіи Репнина, по причинѣ неудачнаго расположенія на позиціи, потерпѣли поражение. Репнинъ, разжалованный въ солдаты, спустя нѣсколько мѣсяцевъ, былъ восстановленъ въ своемъ достоинствѣ и со времени Полтавы уже не разставался съ своими доблестными бутырцами.

Подъ Полтавою Бутырскій полкъ расположенъ былъ въ двухъ линіяхъ по баталіонно на лѣвомъ флангѣ дивизіи князя Репнина, имѣя съ правой стороны Новгородскій, а съ лѣвой Московскій полки. На эти три полка и обрушился главный ударъ Карла XII. Бригада отборной пѣхоты (полки пѣшей гвардіи и юнчѣингенъ), одушевленная присутствіемъ короля-героя, съ яростью

устремилась на баталіоны 1-й линіи—Московскаго, Бутырскаго и Новгородскаго полковъ. Новгородскій баталіонъ не выдержалъ стремительной атаки шведовъ и подался назадъ. Между баталіонами 1-й линіи Бутырскимъ и Шлиссельбургскимъ образовался прорывъ. Петръ Великій, замѣтивъ опасность, взялъ ближайшій баталіонъ изъ 2-й линіи (какого полка—изъ источниковъ не видно) и лично повелъ его противъ непріателя. Бой завязался на всемъ протяженіи фронта и черезъ полчаса вся первая линія въ 20 баталіоновъ, одушевляемая присутствіемъ царя въ центрѣ, перешла въ наступленіе, опрокидывая штыкомъ и саблями шведовъ на всѣхъ пунктахъ. За полтавскую битву князь Репнинъ, командовавшій центромъ пѣхоты, получилъ орденъ св. Андрея Первозваннаго и деревни; командиръ Бутырскаго полка князь Солдцовъ-Засѣкинъ произведенъ въ полковники и ему пожалованы деревни; всѣ штабъ и оберъ-офицеры полка награждены золотыми медалями, штабъ-офицеры съ портретомъ царя, усыпаннымъ бриллиантами. Нижніе чины получили серебряныя медали и двухъ-мѣсячное жалованье не взычетъ.

Изъ сохранившихся сказокъ Бутырскаго полка видно, что въ теченіе Сѣверной войны служили почти исключительно русскіе офицеры ¹⁾ и что большая часть солдатъ происходила изъ солдатскихъ дѣтей, преимущественно Бутырской слободы.

Въ теченіе XVIII столѣтія, до начала Кавказской войны, Бутырскій полкъ мы встрѣчаемъ во всѣхъ главнѣйшихъ войнахъ съ Ласси, Минихомъ, графомъ Апраксинымъ, Ферморомъ, Бутурлинымъ, Чернышевымъ, Голицынымъ и графомъ Румянцевымъ-Задунайскимъ, а также въ экспедиціи на Рейнъ съ княземъ Репнинымъ, сыномъ знаменитаго Аникиты. Послѣ Полтавы, гдѣ Бутырскій полкъ покрылъ себя неуязвимою славою, особенно памятно въ исторіи полка сраженіе при Цорндорфѣ 14-го августа 1758 г., гдѣ онъ съ Суздальскимъ, Ладожскимъ и другими старыми полками удержался на позиціи въ центрѣ послѣ того, когда былъ разбитъ и разсѣянъ стоявшій рядомъ съ бутырцами корпусъ шуваловцевъ. Въ этомъ сраженіи бутырцы понесли громадныя потери. Утромъ до сраженія состояло на лицо 1.400 человекъ, къ вечеру послѣ сраженія осталось здоровыхъ не болѣе 900. Офицеровъ осталось не болѣе $\frac{1}{3}$, а тѣмъ не менѣе полкъ оставался на мѣстѣ непоколебимо въ то время, когда всѣ полки обсерваціоннаго корпуса были совершенно

¹⁾ Только двое были иностранцы, одинъ англичанинъ, а другой саксонецъ, поступившіе въ царскую службу въ 1716 году.

уничтожены кавалерією Зейдлица. Стойкость старыхъ полковъ въ центрѣ спасла армію Фермора отъ пораженія.

Въ XVIII столѣтіи послѣ Полтавы имѣютъ наибольшее значеніе въ исторіи полка сраженія при Ларгѣ и Кагулѣ 5-го, 7-го и 21-го іюля 1770 г. Въ сраженіи при Ларгѣ Бутырскій и Муромскій полки, составляя особое каре въ дивизіи Племянникова, остановили непріятеля на высотахъ за р. Ларгою, потомъ овладѣли ретраншементомъ № 3 и содѣйствовали тѣмъ пораженію 80,000 татарскихъ полчищъ. При Кагулѣ, когда четырехтысячное каре Племянникова было разстроено внезапною атакою 10,000 джычаръ, Бутырскій полкъ, воодушевленный словами любимаго вождя Румянцева: „ребята, стой“, окружилъ его, снова устроился съ Первомосковскимъ, Муромскимъ, Астраханскимъ и 4-мъ Гренадерскимъ полками въ каре и затѣмъ перешелъ въ наступленіе, — 150,000 армія верховнаго визиря была разбита на голову 17,000 русскимъ корпусомъ!... Императрица Екатерина II, достойно награждая побѣдителей, писала Румянцеву въ своемъ рескриптѣ, что никогда не слышано, чтобы войска, уже разстроенныя однажды приходили скоро въ порядокъ и одерживали столь блистательную побѣду. За побѣду при Кагулѣ установлена особая медаль для ношенія въ петлицѣ офицерамъ и нижнимъ чинамъ, бывшимъ въ сраженіи.

Принятія Россією обязательства послѣ Кучукъ-Кайнарджинскаго мира относительно Грузіи и необходимость размежеванія русской границы къ сторонѣ Кавказскаго хребта заставили Екатерину II умножить свои военныя силы на южной границѣ отъ Днѣстра до Кубани. Бутырскій полкъ, послѣ знаменитой побѣды русскихъ войскъ подъ Кагуломъ, уже никогда не возвращался въ Москву. Послѣ Семилѣтней войны вѣчныя квартиры замѣнились временными: обстоятельства требовали постоянного передвиженія полковъ. Сначала квартиры Бутырскаго полка были въ Смоленскѣ, послѣ 1-й турецкой войны въ 1775 г. онѣ назначены въ Симбирскѣ, потомъ въ Воронежѣ и, наконецъ, съ 1782 г. въ станицахъ на Дону, откуда полкъ ежегодно предпринималъ экспедиціи къ сторонѣ Кубани. Первые дѣйствія доблестнаго стараго Бутырскаго полка на Кавказѣ ознаменовались пораженіемъ ногайскихъ ордъ подъ начальствомъ Суворова въ урочищѣ Урай-Илгасы, при Керменчикѣ и Сарычигерѣ въ 1783 году. Поручикъ Житковъ, занимавшій съ ротой Бутырскаго полка постъ близъ р. Эи (урочище Урай Илгасы), будучи окруженъ Ногайскою ордою, которая хотѣла пробиться на Кубань, нѣсколько часовъ мужественно отбивалъ атаки свирѣпыхъ кочевниковъ, пока не прибыли къ нему на помощь къ мѣсту боя, полков-

никъ Телегинъ, съ остальными ротами Бутырскаго полка, и подполковникъ того-же полка Рауціусъ съ драгунами. Упорное сраженіе въ присутствіи Суворова 31-го іюля окончилось полнымъ пораженіемъ ногаевъ, которые вогнаны были въ болотистую рѣку Эй и съ отчаянія убивали своихъ женъ и дѣтей...

Вскорѣ за симъ, въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1783 г., Суворовъ, съ незначительнымъ отрядомъ пѣхоты, въ составъ котораго, какъ видно изъ послужныхъ списковъ, входилъ весь Бутырскій полкъ, съ драгунами Нижегородскими и Владимірскими (4 эскадрона) и съ Донскими казаками, перейдя въ бродъ р. Кубань, настигъ остатки кочующихъ ногаевъ близъ р. Лабы и въ сраженіяхъ при Керменчикѣ и Сарычигерѣ ихъ совершенно разсѣялъ.

Тактика и образъ дѣйствій Суворова не прошли даромъ для полка, на нихъ воспитано было молодое поколѣніе офицеровъ и сержантовъ, изъ коихъ нѣкоторые, при развитіи войны съ горцами, украшаютъ полкъ своими геройскими подвигами при самомъ началѣ Кавказской войны.

Для дѣйствій на Кубани и вообще на Кавказѣ противъ горцевъ оказалось необходимымъ значительную часть пѣхоты преобразовать въ егерей, въ пользу которыхъ убѣдились въ войнахъ Семилѣтней и Турецкой: въ Бутырскомъ полку была устроена егерская команда еще въ 1765 г., затѣмъ въ 1777 году она вошла въ составъ особаго егерскаго баталіона, наконецъ въ 1785 г. рѣшено было сформировать егерскіе корпуса по 4 баталіона въ каждомъ. На Кавказѣ число егерей было удвоено. Такъ, въ 1786 году возникъ Кубанскій егерскій корпусъ изъ двухъ пѣхотныхъ полковъ, назначенныхъ княземъ Потемкинымъ, Бутырскаго и Селенгинскаго (возникъ въ Сибири при Екатеринѣ): 1-й и 2-й баталіоны кубанцевъ состояли цѣликомъ изъ двухъ баталіоновъ Бутырскаго, 3-й и 4-й изъ двухъ-же баталіоновъ Селенгинскаго полковъ. Изъ этого видно, что Бутырскій полкъ вовсе не былъ расформированъ, какъ утверждали прежде составители хроники, а цѣликомъ со всѣми офицерами и рядовыми образовалъ два самостоятельныхъ егерскихъ баталіона, считавшихся на Кавказѣ въ то время болѣе необходимыми, чѣмъ мушкетеры.

Такимъ образомъ, хотя, къ сожалѣнію, исчезаетъ названіе старѣйшаго въ пѣхотѣ Бутырскаго полка, но самый полкъ съ преданіями о боевой славѣ и вѣковыхъ подвигахъ сохраняется въ средѣ тѣхъ-же офицеровъ, унтеръ-офицеровъ и солдатъ подъ скромнымъ наименованіемъ 1-го и 2-го егерскихъ баталіоновъ Кубанскаго корпуса. Всѣ четыре егерскіе баталіоны въ теченіе

второй екатерининской Турецкой войны (1787—1792) принимали участие въ военныхъ дѣйствіяхъ на Кубани, на островѣ Тамани и въ Крыму подъ начальствомъ Текелія, Талызина, Розена и Гудовича. Вторженіе въ Грузію Али-магометъ-хана и раззореніе Тифлиса въ 1795 г. вызвали войну съ Персією; егеря Кубанскаго корпуса вошли въ составъ арміи графа В. А. Зубова, овладѣвшаго Дербентомъ, Баку и дошедшаго до Куры. Для занятія Ганжи посланъ 2-й баталіонъ Воейкова. Здѣсь получено было повелѣніе императора Павла I пріостановить военныя дѣйствія, и егеря Кубанскаго корпуса возвратились на Терекъ, гдѣ ихъ ожидало распоряженіе графа Гудовича по указу военной коллегіи о сформированіи изъ всѣхъ 4-хъ баталіоновъ одного егерскаго полка въ 10-ти ротномъ составѣ. Новый полкъ сформированъ подъ № 18 въ 1797 году командиромъ 4-го баталіона подполковникомъ Лазаревымъ, именемъ котораго онъ и названъ 31-го октября 1798 года.

Изъ списка, сохраненнаго въ Георгіевскомъ архивѣ, видно, что въ составъ 18-го егерскаго генераль-маіора Лазарева полка вошли фельдфебеля, унтеръ-офицеры и рядовые всѣхъ четырехъ баталіоновъ Кубанскаго егерскаго корпуса; изъ нихъ старшіе по лѣтамъ состояли еще на службѣ въ Бутырскомъ и Селенгинскомъ полкахъ. Такимъ образомъ старшинство Бутырскаго полка преемственно цѣлкомъ перешло въ егерскій генераль-маіора Лазарева полкъ. Образованный въ Оренбургскомъ краѣ въ томъ-же 1697 году Бутырскій полкъ не имѣетъ ничего общаго съ старымъ Бутырскимъ и имѣетъ свою особую почти вѣковую исторію.

Новыя бѣдствія въ Грузіи послѣ кончины Ираклія побудили императора Павла по просьбѣ грузинскаго царя Георгія XII послать ему на помощь егерскій полкъ генерала Лазарева вмѣстѣ съ полномочнымъ министромъ Ковалевскимъ. Лазаревъ съ своимъ полкомъ, 3 орудіями и сотнею казаковъ перешелъ благополучно черезъ Кавказскій хребетъ и, встрѣченный впереди Тифлиса самимъ царемъ, вошелъ 26-го ноября 1799 года въ столицу древнихъ царей Грузіи при общемъ ликованіи народа. Съ того времени старѣйшій полкъ нашей арміи водворенъ въ Закавказьи, нѣсколько разъ мѣняя названія: въ 1801 г.—18-й полкъ названъ 17-мъ, въ 1816 г.—карабинернымъ, въ 1827 г.—Эриванскимъ, сохраняя до нашихъ дней славныя боевыя традиціи ¹⁾).

Тяжелая служба выпала на долю перваго русскаго полка, при-

¹⁾ Доказательство, что присвоеніе полку разныхъ наименованій часто совершенно случайно, нимаго не нымѣняетъ его исторической роли.

званнаго для спасенія Грузіи отъ вѣшнихъ и внутреннихъ враговъ послѣднимъ ея царемъ Георгіемъ XII. Съ востока угрожалъ нашествіемъ ханъ Аварскій съ полчищами хищныхъ лезгинъ, съ юга готовились напасть на беззащитную страну персы, съ востока угрожали турки. Ко всѣмъ этимъ бѣдствіямъ присоединились раздоры въ царской семьѣ, подѣлившіе высшіе классы на враждебныя партіи.

Кромѣ отправленія караульной службы въ Тифлисѣ съ предосторожностью военнаго времени, егерей приходилось посылать изъ Тифлиса въ экспедиціи командами, ротами, баталіонами.

Рядъ героическихъ подвиговъ знаменуетъ первоначальное пятнадцатилѣтнее пребываніе полка въ Карталиніи, Кахетіи, Ганжѣ и Карабахѣ. Пораженіе хана Аварскаго Лазаревымъ на р. Іорѣ 7-го ноября 1800 г., разгромленіе сборищъ Колбѣ-Али хана Корягинымъ при Караклисѣ 28-го мая 1802 г., штурмъ Ганжи княземъ Циціановымъ 3-го января 1804 г., трехнедѣльная борьба баталіона 17-го егерскаго полка, подъ командою полковника Карягина, лѣтомъ 1805 года, съ 20.000 арміею Абассы Мирзы; пораженіе персіанъ въ 1806 г., при Ханашинѣ, 13-го іюня близъ Нухи, 20-го октября; при Карабабѣ, 28-го октября 1808; взятіе штурмомъ егерями съ Котляревскимъ Мигровъ 15-го іюня 1810 г.; пораженіе персовъ имъ-же съ егерями при Шахѣ-Тамирѣ на Араксѣ въ ночь на 6-е іюня того-же 1810 г., наконецъ, пораженіе Котляревскимъ съ егерями и гренадерами на голову арміи Аббасъ-Мирзы при Асландузѣ 19-го октября 1812 года и штурмъ Ленкорани 31-го декабря того-же года—высоко подняли русское знамя на Кавказѣ и вписали золотыми буквами имя 17-го егерскаго полка въ лѣтописи 80-ти-лѣтней Кавказской войны, покрывъ блескомъ славы имена многихъ героевъ. Достаточно назвать Корягина и Котляревскаго, — этихъ титановъ среди сотни героевъ Кавказа.

Котляревскій началъ службу фуріеромъ въ 1795 г., въ 4-мъ баталіонѣ Кубанскаго егерскаго корпуса, съ которымъ вошелъ въ составъ 18-го егерскаго полка или полка Лазарева, наименованнаго въ 1801 г. № 17; всѣ офицерскіе чины до полковника включительно онъ получилъ въ 17-мъ егерскомъ полку за боевые подвиги; здѣсь онъ дослужился до чина полковника и командовалъ своимъ полкомъ въ 1810 г.; вскорѣ послѣ назначенія шефомъ Грузинскаго гренадерскаго полка онъ прибылъ съ нимъ въ Карабахъ, и вмѣстѣ съ родными ему егерями 17-го полка, имѣя въ отрядѣ до 2.500 человекъ, разгромилъ всю персидскую армію при Асландузѣ.

Упомянувъ о Корягинѣ и Котляревскомъ, мы должны назвать

Лисаневича, Дьячкова, Терешкевича, Ильяшенко; каждый изъ нихъ вписанъ въ страницы исторіи полка рядомъ подвиговъ самоотверженія, блистательной храбрости и непоколебимаго мужества.

Такова была школа героевъ, подготовленная преданіями о боевой славѣ стараго Бутырскаго полка, начавшаго войну на Кавказѣ подъ начальствомъ непобѣдимаго Суворова.

Особыя отличія офицеровъ и нижнихъ чиновъ 17-го егерскаго полка въ Персидскую войну обратили вниманіе на этотъ геройскій полкъ главнокомандующаго Ртищева, по представленію котораго послѣдовало высочайшее повелѣніе 12-го февраля 1816 года о переименованіи 17-го егерскаго полка въ карабинерный со всѣми правами, гренадерамъ дарованными.

О дальнѣйшихъ подвигахъ карабинернаго полка въ постоянной войнѣ съ горцами, въ войнахъ съ персами и турками говорить было-бы излишнимъ; довольно перечестъ въ хронологическомъ порядкѣ награды, данныя всему полку за боевыя отличія на Кавказѣ въ одно только полустолѣтіе.

Подвиги во вторую Персидскую войну (1826—1827) подъ начальствомъ графа Паскевича (Елизаветполь, Аббасъ-Абадъ, Сардаръ-Абадъ, Эриванъ) отмѣчены присвоеніемъ полку названія Эриванскаго карабинернаго 27-го октября 1827 года и знакомъ „за отличіе“ на киверахъ.

Выдающіеся подвиги Эриванскаго карабинернаго полка въ Турецкую войну 1828—1829 гг., (при штурмѣ Карса, въ сраженіи подъ Ахалцыхомъ 9-го августа, при штурмѣ Ахалцыха 15-го августа 1828 г., въ трехдневныхъ бояхъ на Саганлугскихъ горахъ 17-го, 19-го и 20-го іюня, при штурмѣ Байбурта 27-го августа 1829 г.)—вознаграждены высочайшею грамотою императора Николая I, отъ 29-го сентября 1829 года, при пожалованіи полку георгіевскихъ серебряныхъ трубъ съ надписью: „Турецкіе походы въ 1828 и 1829 годахъ“.

Еще императоръ Николай I, будучи основательно знакомъ съ исторіею полковъ русской арміи, нашелъ необходимымъ возстановить права старѣйшинства Бутырскаго полка въ томъ полку, который происходитъ отъ него непосредственно.

Дѣйствія Эриванскаго карабинернаго полка противъ лезгинъ въ Дагестанѣ и чеченцевъ на лѣвомъ флангѣ кавказской линіи съ 1830 по 1850 годъ (мы затрудняемся перечислить всѣ сраженія, въ которыхъ баталіоны или роты доблестнаго полка принимали участіе,—такъ они многочисленны) обращали на себя постоянно особое вниманіе императора Николая, который пожелалъ отличить

полкъ особю царскою милостью, назначивъ 14-го ноября 1850 года своего старшаго сына, наслѣдника цесаревича, его шефомъ.

Императоръ Николай I, вспоминая о вѣковой доблестной службѣ отечеству стараго Бутырскаго полка, переименованнаго въ Эриванскій карабинерный полкъ, „желая увѣковѣчить имя и заслуги побѣдоноснаго воинства“, призналъ справедливымъ выразить особое благоволеніе ветеранамъ русской арміи въ грамотѣ отъ 25-го іюня 1842 г., при которой пожалованы были 1-му, 2-му и 4-му баталіонамъ ¹⁾ новыя знамена съ надписями, напоминающими карабинерамъ, что ихъ имя связано непосредственно съ именемъ славнаго своею доблестною службою стараго Бутырскаго полка,

Высочайшая грамота начинается такими знаменательными словами:

„Родоначальникъ царствующаго Дома Нашега, великій предокъ нашъ, царь Михайль Ѳеодоровичъ, въ 1642 году учредилъ Бутырскій пѣхотный полкъ. Съ того времени полкъ этотъ отличался мужествомъ и храбростью въ бояхъ съ врагами Отечества и стяжалъ неувядаемую славу въ достопамятные дни побѣдъ Полтавской и Кагульской“.

Такимъ образомъ, вотчинныя права бутырцевъ, водворенныхъ въ имѣніи бояръ Романовыхъ, родоначальниковъ нынѣ царствующаго императорскаго Дома, перешли къ эриванцамъ.

Скоро въ новой турецкой войнѣ Эриванскому карабинерному наслѣдника цесаревича полку привелось на дѣлѣ оправдать высокое вниманіе державнаго вождя русской арміи: въ сраженіи подъ Башь-Кадныкъ-Ларомъ, 19-го ноября 1853 года, 1-й и 2-й баталіоны подъ командою князя Мухранскаго, поддерживаемые съ лѣваго фланга нижегородскими драгунами, разбили семь турецкихъ баталіоновъ, прикрывавшихъ большую турецкую батарею, овладѣвъ сначала 6-ью, а потомъ 18-ью орудіями, послѣ того непріятельская армія не могла устоять на своей позиціи и обратилась въ бѣгство. За этотъ геройскій подвигъ 1-му и 2-му баталіонамъ высочайше пожалованы георгіевскія знамена съ соотвѣтственною надписью.

¹⁾ 3-й баталіонъ вошелъ въ составъ Эриванскаго, бывшаго Бутырскаго, полка отъ расформированнаго Херсонскаго гренадерскаго полка, который былъ основанъ въ 1700 году подъ именемъ полка Александра Гордона, зятя генерала Гордона, командовавшаго Бутырскимъ полкомъ до 1699 года. Баталіонъ Херсонскаго полка (2-й), названный 3-мъ Эриванскаго полка, имѣлъ Георгіевское знамя за взятіе Измаила въ 1791 году. Знамя-же Бутырскаго полка „гипоцентавръ“ сдано было въ комисаріатскій складъ въ 1786 г. вмѣстѣ съ палатками, ибо егерямъ не полагались знамена.

Съ тѣмъ-же желѣзнымъ мужествомъ эриванцы сражались при Курюкъ-Дарѣ 24-го іюня 1854 г., когда вмѣстѣ съ Грузинскимъ гренадерскимъ полкомъ, одушевляемые княземъ Барятинскимъ, сокрушили центръ арміи Мухтара-паши, состоявшей изъ 30 баталіоновъ отборныхъ аравистанскихъ солдатъ. Пораженіе непріятельской арміи въ центрѣ дало возможность командующему корпусомъ князю Бебутову перейти въ общее наступленіе и одержать блистательную побѣду.

Въ послѣдней турецкой войнѣ 1877—78 г. лейбъ-гренадерскій Эриванскій его величества полкъ, состоя въ дивизіи генерала Геймана, дѣйствовалъ съ выдающимся мужествомъ при штурмѣ Гюлаверденскихъ высотъ и Ардагана 4-го и 5-го мая и на Аладжинскихъ высотахъ: въ генеральномъ сраженіи 3-го октября 1877 года эриванцы, овладѣвъ укрѣпленіями на Авліарѣ, непосредственно содѣйствовали пораженію центра арміи Мухтара-паши. За Ардаганъ пожаловано георгіевское знамя 4-му баталіону, а за Турецкую войну всему полку георгіевскія петлицы на мундирахъ съ соответственнымъ шитьемъ на воротникѣ офицерамъ.

Покойный императоръ Александръ II, въ знакъ особаго благоволенія къ своему полку, на смотру подѣ Тифлисомъ 21-го сентября 1871 года, назначилъ вторымъ шефомъ полка старшаго сына Наслѣдника Цесаревича, нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора. Это событіе увѣковѣчено большою картиною, которая помѣщается въ бильярдной комнатѣ Зимняго Дворца рядомъ съ кабинетомъ императора Александра II. Во время пребыванія Государя Императора въ Тифлисъ, въ октябрѣ 1888 года, общество офицеровъ лейбъ-Эриванскаго Его Величества полка поднесло Своему Августѣйшему Шефу саблю, замѣчательную по своей древности.

Общество офицеровъ полка хранить при богатой полковой библіотекѣ пожалованный покойною императрицею Марією Александровною образъ Св. Георгія Побѣдоносца. Наслѣдникъ Цесаревичъ, посѣтивъ лагерное офицерское собраніе полка въ Тіопетахъ въ 1888 г., пожаловалъ полку золотой ковшъ. Въ ознаменованіе божественнаго промысла надъ царскимъ семействомъ 17-го октября 1888 года при возвращеніи съ Кавказа, полкъ соорудилъ икону въ богатой вѣтѣ.

Съ 1825 года полкъ квартируетъ въ Манглисѣ, расположенномъ въ живописной мѣстности, отличающейся, благодаря сосновымъ рощамъ и возвышенному положенію, здоровымъ климатомъ.

Изъ числа командировъ полка послѣ упомянутаго доблестнаго князя Солнцева-Засѣкина назовемъ: полковника Мельгунова при

Порндорфъ 1758 г., Кожина при Ларгѣ и Кагулѣ 1770 г., Телегина при Урай-Илгасѣ 1783 г., Лазарева при Юрѣ 1800 г., Корягина при Гавжѣ 1804 г., Аскерани 1805 г., Шахъ-Булахъ и т. п., Котляревскаго въ 1810 г. (Мигры), Ладинскаго, давшего начало полковой библиотекѣ въ Бешкечетѣ, Н. Н. Муравьева, впоследствии графа Карскаго, основавшаго при Ермоловѣ штабъ-квартиру полка въ Манглисѣ, барона Фредерихса, съ которымъ полкъ дѣлалъ кампанію 1828 и 1829 гг. и получилъ нѣсколько отличій, князя Дадіанова, барона фонъ-Врангеля, Бельгарда, князя Мухранскаго,—всѣ четверо въ промежутокъ времени отъ первой до второй Турецкой войны при Николаѣ I,—Моллера во время войны 1853—55 гг., де Саже и князя Голицына, при которомъ окончилась Кавказская война, Бьютинга и Гурчина до послѣдней войны съ Турціею, Толстаго во время послѣдней войны, Скалона, Гессе и, наконецъ, Столицу—нынѣшняго командира.

П. О. Вобровскій.

ГОСТИНОКІЙ ЗАМОКЪ

... пребывания въ Польшѣ царя Василія Шуйскаго съ братьями
въ 1611—1612 гг.

Извѣстно, что Клушинское пораженіе 24-го іюня 1610 г. (гетманомъ Жолкѣвскимъ царскаго войска, отправленнаго подъ начальствомъ Дмитрія Шуйскаго на выручку Смоленска, который былъ осажденъ Сигизмундомъ III) ускорило паденіе царя Василія Ивановича Шуйскаго. Уже съ самаго избранія Василія, народъ былъ недоволенъ имъ, какъ ставленникомъ боярской партіи. Послѣ Клушина и сами бояре восстали на Шуйскаго. Захарь Ляпуновъ возмутилъ Москву. Василія низложили, разлучили съ семьею, силою постригли въ монахи и заключили въ Чудовомъ монастырѣ. Тутъ онъ не долго оставался: его перевезли въ Волоколамскій Іосифовъ монастырь, откуда Жолкѣвскій, отъѣзжая изъ Москвы подъ Смоленскъ, взялъ его съ собою. По взятіи Смоленска, Сигизмундъ уѣхалъ въ Варшаву и приказалъ вести за собою Шуйскаго и его братьевъ ¹⁾. Послѣ торжественнаго представленія (29-го октября 1611 г.) двору, сенату и панамъ Рѣчи Посполитой — плѣннаго московскаго царя

Дмитрія, съ женою Екатериною, виновницею смерти храбраго Скопина (см. нашу статью „Бояринъ и воевода кн. Мих. Вас. Скопинъ-Шуйскій“), его жпавъ и дѣятельность въ связи съ событіями смутнаго времени“ „Арх.“ 1889 г., кн. VIII) и, Ивана, которые были уже ранѣе, по освобожденіи Василія съ престола, отосланы Жолкѣвскимъ въ королевскій замокъ въ Варшаву. Г. В.

Василія съ братьями отправили въ городъ Гостынинъ, на разстояніи 139 верстѣ отъ Варшавы, и назначили имъ пребываніе въ тамошнемъ замкѣ.

Гостынский замокъ, въ XIII вѣкѣ, составлялъ собственность князей Куявскихъ, а потомъ Мазовецкихъ. Въ 1462 г., по смерти князей Мазовецкихъ, Земовита и Владислава, не оставившихъ потомства, Гостынинъ, вмѣстѣ со своимъ замкомъ и округомъ, былъ присоединенъ королемъ Казиміромъ-Ягеллончикомъ къ коронѣ польской. Въ первыхъ годахъ XVI ст. коронный гетманъ Христофоръ Шидловецкій возобновилъ и укрѣпилъ Гостынский замокъ, но при официальной ревизіи въ 1564 году замокъ оказался разрушеннымъ, а всё его сокровища (какъ-то золото, серебро, драгоценные камни, жемчугъ, цѣнная утварь замковой каплицы и т. п.)—разграбленными. Къ началу XVII ст. Гостынский замокъ былъ вновь отстроенъ.

И вотъ въ этомъ-то возобновленномъ замкѣ и были помѣщены знатные плѣнники московскіе. Изъ дошедшихъ до насъ документовъ видно, что хотя военнопленныхъ держали подъ стражею, но содержаніе давали имъ нескучное и вообще оказывали приличное уваженіе ихъ знатности; такъ, многія изъ вещей и одежды, оставшихся послѣ царя Василія Ивановича, были подарены ему Сигизмундомъ ¹⁾. Тѣмъ не менѣе, неволя и тоска по родинѣ сократили дни Шуйскихъ. Сперва сошелъ въ могилу Василій, онъ скончался 12-го сентября 1612 года, впрочемъ, уже на 70 году своей жизни; нѣсколько дней спустя, послѣдовалъ за нимъ братъ его Дмитрій, а въ ноябрѣ мѣсяцѣ того-же года умерла и жена Дмитрія—Екатерина. Тѣла ихъ были погребены подъ замковою башнею. Остался одинъ Иванъ Ивановичъ Шуйскій; ему суждено было пережить свое злополучіе и кончить дни свои на родинѣ ²⁾.

Въ 1620 году, по волѣ Сигизмунда, останки Шуйскихъ были перевезены съ большими почестями въ Варшаву и преданы землѣ въ такъ называемой московской часовнѣ, стоявшей на Краковскомъ предмѣстьѣ, гдѣ нынѣ находится зданіе первой гимназій, противъ памятника Копернику, неподалеку отъ Свентокржижскаго костела, а надъ могилою Василія и кн. Дмитрія поставленъ мраморный

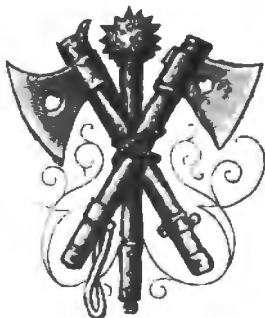
¹⁾ Акт. Истор. II, прилож. („Опись“).

²⁾ Вскорѣ по заключеніи въ Гостынскомъ замкѣ, онъ изъявилъ желаніе служить Польшѣ и присягнувъ Владиславу; при разнѣнн плѣнныхъ въ 1619 году Иванъ Шуйскій не пожелалъ возвратиться въ отечество и заявилъ, что поѣдетъ только тогда, когда Владиславъ разрѣшитъ его отъ данной ему присяги. Черезъ нѣсколько лѣтъ онъ былъ отпущенъ. Г. В.

памятникъ съ пышною надписью на латинскомъ языкѣ, восхваляющею великодушіе короля ¹⁾. Много лѣтъ спустя, востямъ невольниковъ суждено было перейти въ родную землю ²⁾.

Съ тѣхъ поръ Гостынинъ перестаетъ обращать на себя вниманіе историковъ и, мало по малу, забывается, такъ что объ историческомъ значеніи его знаютъ очень немногіе даже изъ мѣстныхъ жителей ³⁾. Отъ нѣкогда знаменитаго замка въ концѣ XVIII ст. оставались однѣ развалины, башня съ частью сохранившихся стѣнъ. Въ позднѣйшее время, когда на мѣстѣ замка возникъ евангелическій костель, башня эта вошла въ составъ костельнаго зданія, какъ часть одной изъ его стѣнъ. Въ настоящее время Гостынинъ довольно грязноватый уѣздный городокъ Варшавской губерніи, имѣющій до 5,000 жителей, изъ которыхъ большинство еврей; они занимаются частію земледѣліемъ, частію торговлею и ремеслами.

Г. А. Воробьевъ.

¹⁾ Надпись эту можно читать у Карамзина (Ист. гос. рос., т. XII, изд. Эйнерлинга, примѣч. 785); она заимствована истриографомъ у Нѣмцевича (Dz. rap. Zygnt. III) и переведена въ текстъ V гл. XII т. (стр. 183); объ этой-же надписи см. замѣтку въ „Русской Старинѣ“ 1890 г. кн. I.

²⁾ Кости Шуйскихъ всего пробыли въ польской землѣ 23 года: послѣ того, какъ при первомъ Романовѣ московское государство заключило съ Польшею такъ называемый вѣчный миръ (1634 г.), гробы Шуйскихъ были привезены въ Москву и царь Василій 10-го іюня 1635 г. погребенъ въ Архангельскомъ соборѣ, въ ряду другихъ потомковъ св. Владиміра, уравнившихъ московскимъ государствомъ.

³⁾ Въ польской литературѣ еще можно найти кое-какія свѣдѣнія о Гостынинѣ, хотя-бы въ формѣ краткихъ монографій въ энциклопедическихъ словаряхъ, у насъ-же, за исключеніемъ статьи Н. Степанова „Городъ Гостынинъ и его уѣздъ“ („Др. и Нов. Рос.“ 1876 г., т. II), ровно нѣтъ ничего, да и статья г. Степанова болѣе статистическій, чѣмъ „историческо-этнографическій“ очеркъ, какимъ она именуется.

Г. В.

ВЫТОВЫЯ ЧЕРТЫ XVII ВѢКА.

XVI ¹⁾).

«Челобитная» пушкаря къ «помѣщнику»

1619 г.

Челобитная вологодскаго пушкаря Глѣба Яковлева, поданная вологодскому-же «помѣщику» Леонтью Степановичу Плещееву, помимо нѣкоторыхъ бытовыхъ черточекъ любопытна еще и въ томъ отношеніи, что написана очень близко къ формѣ официальныхъ «челобитныхъ» того времени. Вотъ она:

«Государю Левонтью Степановичю бьетъ челомъ вологодской пушкарь Глѣбка Яковлевъ: прислалъ ты, государь, на приказъ челоуѣка своего Федосея, и Федосей, государь, прѣхавъ, сталъ жить въ Богдановской избѣ и дочеришка мою всегда жена ево бранить. Смилуйся, Левонтей Степановичъ! веди, государь, дочеришку моему (sic) жить въ иной избѣ, гдѣ ты, государь, укажешь, а Федосею, государь, и дочеришку моему въ одной избѣ жить невозможно. Да пожаловалъ ты, государь, велѣлъ крестьяномъ купить дочеришку моему еерези, да сапоги, и крестьяня, государь, по се поры ничего не купили..., поворно (дочери), государь, на двory брестъ, не токма что въ люди. Государь Левонтей Степановичъ, смилуйся!».

На оборотѣ челобитной приговоръ помѣщика: «старостѣ Дмитрею Павлеву: велѣтъ жить Глѣбковой дочери Коптелинкѣ въ Никоновской избѣ, да велѣтъ купить тотчасъ еерези, да сапоги по моему по прежнему указу».

¹⁾ См. „Русскую Старину“ изд. 1892 г., т. LXXIII, февраль, стр. 449—458; мартъ, стр. 675—682.

(Московск. Архивъ Ж—ва Юстиціи: Разряднаго приказа, помѣстнаго стола, столбецъ № 1, л. 60).

Нужно объяснить, что помѣщикъ Л. С. Плещеевъ состоялъ въ интимныхъ отношеніяхъ съ Каптелинкою Глѣбовою (см. мою замѣтку о «ногѣ Свинобоѣ» въ «Русской Старинѣ», изд. 1892 г., т. LXXIII, стр. 675—677). «Вклепавшись» (по выраженію документовъ) въ нее, Плещеевъ вынужденъ былъ на время припрятать Глѣбову въ своей деревнѣ. Здѣсь-то и произошли у ней столкновенія со старостою и крестьянами, на что жалуется помѣщику отецъ его любовницы, больше всего возмущенный тѣмъ, что крестьяне отказываются отъ исполненія наложенной на нихъ помѣщикомъ «повинности» — купить «оерези» и «сапоги» барской возлюбленной... Крестьянская «повинность» — очень оригинальная, встрѣчавшаяся (конечно, не всегда именно въ этой формѣ) чуть-ли не до послѣднихъ дней крѣпостнаго права...

XVII.

«Грамотка» пушмара къ дочери

1619 г.

«Грамотка» отъ того-же вологодскаго пушкаря Глѣба Яковлева къ той-же Каптелинкѣ любопытна, между прочимъ, указаніемъ на одно изъ народныхъ средствъ противъ глазныхъ болѣзней.

«Отъ Глѣба Яковлевича дочери моей Каптелинкѣ великая челобитья: пишу ко мнѣ, Коптюшечка, о своемъ здоровьѣ — какъ тебя Богъ милуетъ? А мы по сю грамотку далъ Богъ здорова. Да писала ты ко мнѣ, что прѣѣхалъ съ Москвы на приказъ (т. е. приказчиномъ въ деревню) Федосей и сталъ жить съ вами въ избѣ, и тебя всегда бранять. И я о томъ къ Левонтю Степановичю (т. е. Плещееву) писалъ челобитную (выше приведенную.) Да писала ты, что у тебя глаза болятъ, и я къ тебѣ послалъ соколы соли, и ты вели съ кресты пошалежку (слить?) да въ очи пушай. Да и самъ я у васъ за озеромъ скоро буду. А отъ насъ тебѣ, Каптюшечка, великая челобитья!».

На оборотѣ листка (сложеннаго вчетверо и заклееннаго полоскою бумаги) адресъ:

«Датися грамотка въ Левонтьево помѣстье Степановича Плещеева на Корнево Ле... (вонтьевой?) дѣвкѣ Каптелинкѣ». (Ibid., л. 61. См. еще 2 «грамотки» пушкаря къ дочери на лл. 62 и 63).

XVIII.

«Лавочная купчая» 1626 г.

Списокъ съ лавочной купчей слово въ слово:

«Се язъ вдова Наталья Петрова дочь, Петровская жена Иванова сына Шевелева, устюжскіе сотни тяглеца, продала еси большой Конюшенной слободы тяглецу Юрью Михайлову сыну Шапочнику лавку свою на Арбатѣ, въ Вѣломъ городѣ, идучи за Арбатскіе ворота налѣвъ, возмѣ Ивановой лавки Мартынова сына Бибѣяна, а по другую сторону тое лавки порозжее лавочное мѣсто Конюшенные слободы Семена Иванова сына. А та лавка на одинъ затворъ, съ полатыми, а подъ нею погребъ дубовой. А взяла я, вдова Наталья, за тое свою лавку у Юрья 20 рублейвъ денегъ. А та моя лавка опрочѣ ево Юрья иному никому не продана, и не заложена, и по душѣ ни по комъ ни въ которой монастырь не отдана, ни въ родныхъ въ приданные ни за кѣмъ не написана и ни въ какихъ крѣпостяхъ ни у ково ни въ чемъ не укрѣплена. А хто учнетъ въ тое мою лавку у него Юрья вступатца по какихъ крѣпостяхъ ни буди или безъ крѣпостей, и мнѣ вдовѣ Натальѣ та своя лавка Юрью очищать ото всякихъ крѣпостей и (до) убытка ево Юрья никакова не довестъ, а что ему Юрью учинитца въ той лавкѣ моей не очищенье убытка, и ему Юрью взять на мнѣ на Натальѣ тѣ свои деньги 20 рублей и убытки свои всѣ сполна по сей купчей. Да въ книгѣ мнѣ та своя лавка за нимъ за Юрьемъ въ Большомъ Приходѣ написать. А на то послуся — Игнатей Офонасьевъ да Григорей Юрьевъ. А купчую писалъ Иванко Ѳедоровъ, 134-го году.

А назади у купчей пишеть:

134-го году, декабря въ 29-й день, въ Приказѣ Большого Приходу, передъ Иваномъ Костянтиновичемъ Коромышевымъ, да передъ дьякомъ передъ Петромъ Овдокимовымъ, продавецъ— вдова Наталья, Петровская жена Иванова сына Шевелева, сказала, что она Юрью Михайлову сыну Шапочнику лавку свою продала, на Арбатѣ, въ Вѣломъ городѣ, и деньги взяла и таково ему купчую на тое свою лавку дала. И та купчая въ книги записана и пошлины по указу взяты. Принясь дьяка Петра Овдокимова. Справа подьячего Сергѣя Вѣликова.

Да тутъ-же на купчей написано: къ сей купчей во вдовино въ Натальино мѣсто подьячей площадной Тиханъ Олееровъ руку приложилъ». (Сибирскаго приказа столбецъ № 79).

XIX.

Звоны въ якори въ Енисейскѣ 1626 г.

Енисейскій воевода Андрей Леонтьевичъ Ошанинъ, сообщая въ 1626 г. въ своей «отпискѣ» государю о сооруженіи въ острогѣ двухъ храмовъ— «царскаго богомолья» во имя Введенія Пресвятой Богородицы и «обѣтнаго храма», воздвигнутаго «служилыми людьми», во имя «государева ангела Михаила Маленна», жалуется на отсутствіе въ этихъ храмахъ образовъ, книгъ и «всякаго церковного строенія» и проситъ «пожаловать» — прислать все это изъ Москвы. Воевода жалуется также на то, что въ Енисейскомъ острогѣ «служать черной священникъ, а бѣлого священника нѣтъ», а безъ послѣдняго въ городѣ «быть не умѣть: многіе твои государевы служилые люди и пашенные крестьяня женатые, и молитвы роженницамъ и свадьбы вѣнчати некому»... Въ заключеніе воевода пишетъ, что колоколовъ у церкви нѣтъ, «а звонять въ Енисейскомъ острогѣ у твоего царскаго богомолья въ якори!»...

Приговоръ: «государь слушалъ и указалъ» — послать для Введенской церкви образа, книги и проч., также «и колокола въ пудъ или мало больше». А которой храмъ обѣтной поставили служилые люди собою—тотъ храмъ указалъ государь имъ и строить собою»...

Въ Введенскую церковь были отправлены купленные въ Москвѣ, въ «Ботельновъ ряду», у торговаго человѣка Ильи Федорова—два колокола, «а въ нихъ вѣсу пудъ и 12 гривенокъ, цѣна 7 рублей 28 алтынъ 2 деньги, да къ гѣмъ-же колоколамъ 2 языка, цѣна 3 алтына и 2 деньги». (Сибирскаго приказа столбецъ № 6, лл. 42, 43, 45).

XX.

Выемка табуны въ Тюмени 1641 г.

Въ 1641 г. тюменскій воевода кн. Григорій Петровичъ Воротинской прислалъ слѣдующую «отписку» государю:

«Государю царю... Гришка Воротинской челомъ бьетъ: въ твоёмъ государевѣ... наказы у меня... написано: на передъ сево на Тюмени и въ иныхъ сибирскихъ городѣхъ и въ острогахъ пріѣзжіе и туточные сибирскіе служилые и всякіе люди покузали и продавали межъ себя и пили табакъ, и мѣль-бы... на Тюмени и въ Тюменскомъ уѣздѣ у дѣтей боярскихъ и у всякихъ русскихъ людей и у иноземцовъ табакъ сырой и толченой и дымной и на полѣхъ сѣяной гелѣти выимати, да у ково табакъ вынуть,

или ково и безъ выинки табакомъ уличать, и тѣмъ людямъ за то чинить наказанье жестокое — велѣть ихъ бити по торгоу кнутомъ не щадно. А послѣ наказанья сказать имъ явно и бирючу о томъ велѣть кликать по многіе дни: только будетъ впередъ объявитца табакъ какой ни буди, и у тѣхъ людей, по твоему государеву указу, у дѣтей боярскихъ деревни и въ городѣ двory и животы, а у торговыхъ и у всякихъ людей и у иноземцовъ потомужъ двory и лавки и животы ихъ и товары всѣ имать на тебя государя, а тѣхъ людей, у ково табакъ вымутъ, метати въ тюрьму до твоего государева указу, для того, чтобы впередъ отнюдь никакими мѣрами ни у ково никакого табаку не было. Да будетъ у ково послѣ тово наказанья какой табакъ сырой или толченой или дымной вымутъ или сѣяной табакъ у ково на полѣ объявитца, и у тѣхъ людей..... все (имущество—деревни, двory и проч., какъ и въ предыдущемъ случаѣ) описывать на тебя государя, а ихъ самихъ до твоего государева указу метати въ тюрьмужъ. А у ково иманемъ... и сколько пудъ или еунтовъ или золотниковъ табаку вымутъ, и имѣ-бы то все велѣть писати въ книги подлинно, и о томъ писати и тѣмъ людямъ и выинчному табаку и описнымъ животомъ посылати къ тебѣ къ государю къ Москвѣ росписи. А выинчной всякой табакъ велѣти-бы имѣ на Тюмени зжечь, чтобы однолично табаку нигдѣ ни у ково не было.

«И я, холопъ твой, по твоему государеву указу на Тюмени и въ Тюменскомъ уѣздѣ у дѣтей боярскихъ и у всякихъ русскихъ людей и у иноземцевъ табакъ сырой и толченой и дымной и на полѣхъ сѣяной велѣлъ выинкати дѣтемъ боярскимъ и служилымъ людямъ, и о томъ приказалъ накрѣпко, и въ наказныхъ памятихъ противъ твоего государева указу написалъ. И у ково, государь, табакъ выняли или ково табакомъ и безъ выинки уличили, и тѣмъ людямъ по твоему государеву указу было наказанье жестокое—биты по торгоу кнутомъ нещадно, а послѣ наказанья сказано имъ явно и бирючу о томъ велѣлъ кликать по многіе дни: только будетъ впередъ объявитца табакъ какой ни буди, и у тѣхъ людей, по твоему государеву указу, деревни и въ городѣ двory и животы всѣ возмутъ на тебя, государя, а ихъ до твоего государева указу выинкати въ тюрьму. А у ково, государь, именемъ и сколько пудъ или еунтовъ или золотниковъ табаку выняли и я, холопъ твой, послалъ къ тебѣ, государю, росписи подъ сею отпискою. А табакъ, которой выинкати на Тюмени—созженъ». (Ibid., столбецъ № 65, лл. 108—109).

Приложенная въ отпискѣ «Росписи» (лл. 110—112) перечисляетъ нѣсколько случаевъ выинки табаку на Тюмени и учиненныхъ за то наказаній разными лицами, державшихъ или продававшихъ табакъ. Напримѣръ: «у тюменского литвина у Богдани Цыганова выинкати еунтъ табаку, а купилъ онъ тотъ табакъ на Тюмени у усольца у Безсонка Яковлева, да у Мишки Олферьева». Богданъ Цыгановъ и продавцы табака «биты на козлѣ кнутомъ

нещадно», и найденный табакъ «весь сожженъ». Остальные 6 случаевъ вынмки—въ томъ-же родѣ.

На всеводской отпискѣ читашь слѣдующую помѣту приказа (л. 108-й): «писать на Тюмень къ всеводѣ—велѣть и впередъ табакъ у всякихъ людей вынимати и сысканой жечь, а тѣмъ людямъ у ково вымутъ—чинить наказанье противъ прежнего государева указу, да сколько у ково табаку вымутъ и что кому за табакъ учинить (наказанье), о томъ велѣть ему съ Тюмени писать къ государю къ Москвѣ въ Сибирской приказъ».

«Грамота» объ этомъ (лл. 113—114) послана всеводѣ 13-го іюля 1642 года.

XXI.

«Запись» объ отдачѣ сына въ припадкии 1639 г.

Списокъ съ записи слово въ слово:

«Се язь Макарей, прозвище Богданъ, Панкратьевъ сынъ Зеркольниковъ, Большихъ Лужниковъ изъ-подъ Симонова, отдалъ еси Ивану Панкратьеву сыну Зеркольникову, тѣхъ-же Большихъ Лужниковъ торговому чело-вѣку Суконова ряду, а своему брату родному меньшему, своего сына родного Онтонъ Макарьева, съ нынѣшняго со 147-го году марта съ 14-го числа впредь на урочные годы на восемь лѣтъ до такова-жъ числа. И въ тѣ 8 лѣтъ тому сыну моему Антону жити у нево Ивана во дворѣ, и бити въ послушанья, и работу работать по силѣ, и пати и ѣсти ево Иваново а одежи и обувь носить ево-жъ Иваново. А тому Ивану Панкратьеву въ тѣ урочные годы тово моего Макарьева сына Антона, видя по разуму ево, посадить въ лавку за своимъ товаромъ, гдѣ изволитъ посадить, и своему промыслу научить, чему онъ Иванъ самъ умѣеть. А порукою въ житиѣ и въ недоживкѣ и въ сносѣ пишуся по томъ своему сынѣ Антонѣ изъ-же Макарей, прозвище Богданъ, да тѣхъ-же Большихъ Лужниковъ язь Иванъ Степановъ сынъ Скорняковъ, да язь Кирианъ Прокфьевъ, да язь Алексѣй Панкратьевъ сынъ Зеркольниковъ, да язь Гаврило, прозвище Важенъ, Григорьевъ сынъ Кошкочаровъ, оба мы кодашесцы. И тому Антону за нашею порукою будучи у нево Ивана не пить и не бражничать и зерню не играть, и поворотчи живота ево не вѣжати, и не отжывъ своихъ урошнихъ лѣтъ прочь не отойтати, ни убытка никоторова не учинять. А будетъ онъ Антонъ за нашею порукою у нево Ивана своимъ урочныхъ лѣтъ не доживъ года или полугода, или мѣсяца, или недѣли прочь отойдетъ, или что живота ево поворотчи снесетъ, и Ивану Панкратьеву взять на насъ поручикалъ за недоживку 20 рублевъ и свой сносной животъ и убытки по сей записи всѣ сполна. А какъ тотъ Антонъ отживетъ у нево Ивана тѣ

свои урочные годы сполна, и ему Ивану тово Антона отъ себя отпустить, одѣвъ и обувъ, и надѣлку дать 10 рублевъ, и ся запись выдать бездежно. А на то послуши — Данило Линевъ, а подлинную запись писалъ Бориско Ивановъ, лѣта 7147 году». (Ibid., столбецъ № 79).

XXII.

Случай людоѣдства въ Сибѣри 1643 г.

Въ июль 1644 г. тобольскіе воеводы прислали въ Сибирскій приказъ «отписку» къ нимъ Мангазѣйскаго воеводы вн. Петра Михайловича Ухтомскаго и «распросныя рѣчи» тобольскаго боярскаго сына Дмитрія Черкасова съ товарищи (Сибир. приказа столбецъ № 134, лл. 91—97). Оба эти документа рассказываютъ объ одномъ неудачномъ плаваніи русскихъ служилыхъ и торговыхъ людей по Ледовитому океану. «Кочи» русскихъ потерпѣли крушеніе, люди едва спаслись на берегъ и продолжали свой путь въ Мангазѣю, съ большими лишеніями и затрудненіями. Недостатокъ пищи довелъ ихъ, наконецъ, до того, что они стали ѣсть «жертвыя тѣла» товарищей... Этотъ рѣдкій случай вынужденнаго каннибальства русскихъ привожу по «отпискѣ» вн. Ухтомскаго (лл. 91--95), буквально повторяющей любопытный рассказъ Дм. Черкасова (листы послѣдняго очень ветхи).

Кн. Ухтомскій пишетъ: «въ нынѣшнемъ во 152-мъ году, генваря въ (пробѣлъ) день, пришли съ моря тобольской сынъ боярскаго Дмитрей Черкасовъ, да служивой тобольской Федька Волковъ, да Мангазѣйскаго города стрѣльцы Васька Петровъ, да Оксенко Харитоновъ. И я ихъ роспрашивалъ, а въ роспросѣ они мнѣ сказали:

«Въ прошломъ-де во 151-мъ году, іюля въ 13-мъ числѣ, отпущено-де было изъ Тобольска въ Мангазѣю съ государевыми хлѣбными запасы, мангазѣйскими служилыми людьми на жалованье: два коча, да кочъ дьячей Григорья Теряева, да кочъ торговыхъ и промышленныхъ людей съ хлѣбными-же запасы и со всякими товары. И на Березовѣ-де они пришли августа въ 1-мъ числѣ, а съ Березова-де пошли на заворотіе августа во 2-мъ числѣ. А на море изъ острововъ вышли августа въ 15-мъ числѣ, и на море-де встрѣтилъ противной вѣтръ, и стояли 2 дни, да 2 ночи. И оттолѣ-де бѣжали парусомъ за море 2 дни до завороту, и въ заворотѣ учало погодою кочи бить: и государевы кочи и торговой кочъ на отстоѣ розступился, и государевы запасы и торговыхъ людей рознесло по морю и по берегу, а люди плыли и брели на берегъ на веслахъ и на доскахъ и въ карбасѣхъ. А дьячей кочъ Григорья Теряева винуло на берегъ цѣлъ, а запасы-де выметалъ вонъ, и тотъ ево кочъ замыло на кошкѣ пескомъ. И тутъ-де они стояли, и тотъ кочъ изъ песку выгребали и съ мели сымали двѣ недѣли.

«И съ того погрому дьякъ Григорей Теряевъ отпустилъ въ Тоболескъ тобольскихъ служилыхъ людей дву человекъ Петрушку Остафьева да Созонка Володимерова, да съ ними промышленныхъ 5 человекъ, о томъ морскомъ разбоѣ съ отписками, въ карбасѣ. А на томъ разбоѣ осталось виновать у своихъ товаровъ и запасовъ торговыхъ и промышленныхъ людей 15 человекъ Богдашко Вочевщикъ съ товарищи.

«И съ того погрому собрались на одинъ на дьячей кочь Григорья Теряева всякихъ людей человекъ съ семьдесятъ, и пошли въ Мангазью. И отъ того разбою шли парусомъ день, и какъ-де они будутъ противъ Черныхъ горъ (и) Столбовой рѣки, и тутъ встрѣтилъ вѣтръ съверь съ боку, и тѣмъ-де вѣтрошъ бросило кочь на берегъ на сухой, и коца-де снять съ мели не могли.

«И стояли-де на томъ берегу 8 недѣль—обсадила самоядь.

«И съ того разбою пошли нартнымъ ходомъ, берегомъ, въ Мангазью, до Олянова заговѣнья за 10 дней. И учили-де на нихъ приходитъ самоядь, и учили-де съ ними драгца, и послѣ-де драки они (Дмитрей съ товарища) ночевали. И послѣ того по вся дни учили на нихъ самоядь находить и дрались, и ходу-де имъ не дали. И какъ-де они будутъ противъ Епанчина Шара, и тутъ-де у нихъ та самоядь отбилъ восемь нартъ съ запасы и съ товары, и съ оружіемъ. И въ томъ-де мѣстѣ Ивана Плещикова ранили въ голову стрѣлою, да служивого Тазовскаго десятника стрѣлцкаго Надежку Садорова, да промышленнаго человека Семейку Иванова Мезенца убили, и у дьяка Григорья Теряева на Нартѣ отгромили робочка служня (т. е. изъ прислуги дьяка).

«И оттолѣ-де шли за ними самоядь и до Пуровскаго острова, и у Пуровскаго острова дрались-де съ ними многое время, и на той-де дракѣ ранили моего человека Ееремка, и отъ той-де драки тотъ Ееремко умеръ. А у нихъ-де самоядцовъ убилъ оленя служилой человекъ тобольской Оедька Волковъ.

«И оттолѣ-де они пошли впередъ къ Тазовскому устью, и шли до устья Тазовскаго отъ Черныхъ горъ 8 недѣль.

«И взялъ-де ихъ голодъ, потому что имъ самоядь ходу не дала и запасы отгромили. И стали служилые и промышленные люди съ голоду помирать и померло человекъ съ пятьдесятъ, и у дьяка Григорья Теряева померло 2 дочери, да племянникъ и люди ево Григорьевы померли-жь.

«И съ усть Тазу для вѣсти дьякъ Григорей Теряевъ послалъ въ городъ Мангазѣйскихъ служилыхъ людей Оксенка Харитонова съ товарищи, съ вѣстью. И тѣ-де служилые до города одва (едва) съ голоду добрали, а служилой пришодъ въ городъ Оюжа Михайловъ съ голоду и умеръ. А дьякъ-де Григорей и они шли голодны, и шли Тазомъ 10 дней, и дьяка и ихъ изнялъ голодъ, и сталъ онъ дьякъ Григорей съ Ивановъ Пленниковъ противъ Леденкина Шара.

«А онъ-де Дмитрей Черкасовъ съ тобольскими служилыми людьми пошелъ впередъ, и шли отъ дьяка Григорья день, и на томъ стану остался тобольской служилой человекъ Костыка Галкинъ—итти не могъ, и послѣ того и умеръ. И отъ того стану шли впередъ 3 дни голодны—ѣли ременье и камасы и съ подъ лыжъ подволоки. И на томъ стану остались съ голоду-жь служилые люди тобольскіе пятидесятникъ Гришка Прокопьевъ да тазовской служилой Гришка Романовъ, и послѣ того они и померли.

«И отгуду-де шли до Сухарева зимовья 3 дни, и идучи ѣли собакъ. И въ Сухаревѣ зимовѣ лежали 3 дни.

«И по дьячей Григорья Теряева отпискѣ послалъ я (т. е. Мангазѣйскій воевода кн. Петръ Ухтомской) на встрѣчу сына своего князя Федора съ служилыми и съ промышленными людьми, съ хлѣбными запасы, и ихъ Дмитрея нашли въ Сухаревѣ зимовѣ. А изъ Сухарева зимовья кн. Федоръ ево Дмитрея послалъ напередъ себя въ городъ, съ промышленнымъ человекомъ съ Кренкомъ Давыдовымъ, я на низъ сыскивать дьяка Григорья Теряева послалъ человекъ своего да служилыхъ людей тазовскихъ стрѣльцовъ Оську Шутова да Пятка Савина, да тобольскихъ служилыхъ Федьку Волкова, да Федьку Кузнеця, да Ваську Кулакова. И нашли (они) ево Григорья противъ Ледянина Шару на стану, а съ нимъ жена ево, Григорьева, да людей (его)—человекъ ево Оилка, да жена, да дѣвка, да тутъ-же Иванъ Плещиевъ съ человекомъ своимъ съ Олешкою, да промышленные съ нимъ—волмогорецъ Макарко Негодяевъ съ сыномъ Якунькою.

«А ѣдять-де они—дьякъ Григорей и жена его, и люди его, и Плещиевъ, и промышленные люди—мертвыхъ людей (л. 93).

«И они-де ихъ Григорья съ женою и съ людьми и Плещиева взяли, и на нартахъ повезли и дошли въ Сухарево зимовье, и въ Сухаревѣ зимовѣ Плещиевъ и умеръ. И изъ Сухарева идучи въ Щучьи Курьи, за полтора днища до города не дошедъ, на дорогѣ дьякъ Григорей и умеръ. А жена ево, Григорьева, да человекъ ево Оилка, да жена, да дѣвка пришли въ Мангазѣйской городъ генваря въ 14-й день. И всѣхъ въ Мангазѣйской городъ служилыхъ и промышленныхъ людей пришло и приволоклось человекъ съ двадцать.

«Да промышленные люди, которые съ дьякомъ Григорьемъ Теряевымъ шли—Иванъ Леонтьевъ Барабанъ...¹⁾ въ роспросѣ сказали, что-де дьякъ Григорей Теряевъ и жена его, и люди, и они промышленные отъ голоду и отъ великіе нужи постели, и ременье, и изъ-подъ лыжъ камасы, и собакъ, и людей мертвыхъ ѣли...» (л. 93).

Никакого «смысла» по этому поводу не происходило ни по инициативѣ мѣстныхъ властей, ни по требованію центрального управленія. Последнее

¹⁾ Выпускаются имена еще четырехъ человекъ.

отнеслось снисходительно къ этимъ несчастнымъ людямъ, доведеннымъ судьбою до канибальства... На отпискѣ тобольскихъ воеводъ (л. 90) находимъ такую пошѣту Сибирскаго приказа:

«Государь слушалъ,—въ столпъ» (т. в.—сдать въ архивъ).

XXIII.

Челобитная «государева баньщика» 1644 г.

Въ 1644 году Нарымскій воевода Иванъ Артемьевичъ Чедаевъ прислалъ въ Сибирскій приказъ слѣдующую челобитную «государевы торговой бани баньщика» Стеньки Мокѣва:

«Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русіи быть челомъ сирота твоя Нарымсково острогу баньщикъ Стенька Мокѣвъ: быть, государь, въ нарымскомъ острогѣ въ баньщикахъ новокрещенъ Сенька Курко, и въ прошломъ, государь, во 151-мъ году тотъ Сенька Курко умеръ, а въ его Сенькино мѣсто твой государевъ воевода Иванъ Артемьевичъ Чедаевъ велѣлъ написать въ баньщика меня, сироту твою, неволею, потому что охотниковъ къ той твоей государевъ банѣ не было никого. И я, сирота твоя, у твоей государевы бани одинъ животь свой мучу. А твоя государева баня топить одному мнѣ, сиротѣ твоему, невмочь, потому что къ той твоей государевъ банѣ дрова по весь годъ готовлю и воду ношу на себѣ и баню топаю я, сирота твой, а твоей государевы лошади и колодезя у той твоей государевы бани нѣтъ — дровъ, государь, и воды возить не на чей. И что мнѣ, сиротѣ твоему, дано твоего государева денежново жалованья и хлѣбново, и то твое государево жалованье денежное и хлѣбное отдалъ за наемъ, а самъ я, сирота твой, скитаюсь промежу двора (съ) женишкою и съ дѣтишками, кормлюся Христовымъ именемъ. И впредь, государь, мнѣ, сиротѣ твоему, у твоей государевы бани одному быть не въ силу. Милосердый государь!... пожалуй меня, сироту своею—вели, государь, къ своей государевъ банѣ поверстать другою баньщика, чтобъ мнѣ, сиротѣ твоему, у твоей государевы бани будучи въ конецъ не погннуть—(съ) женишкою и съ дѣтишками голодною смертью не умереть! Царь-государь, силлуйся, пожалуй!» (Сибирск. приказа столбецъ № 136, л. 301).

Приговоръ Сибирскаго приказа:

«Писать въ Нарымъ къ воеводѣ—велѣть ему баню отдать на откупъ, а будетъ на откупъ никто не возьметъ, а одному Стенькѣ у той бани быть не мочно, и ему дать въ товарища изъ новокрещеновъ или изъ служилыхъ людей другою человѣка въ товарищи ково пригожъ, и быть двумъ, а будетъ въ томъ имъ чаить нужи — и впередъ у бани велѣть быть изъ служилыхъ

людей по два человекъ, погодно перемѣняясь, чтобъ межъ ихъ въ томъ никому большого оскорбленія не было» (л. 300 об.).

Царская «грамота» о томъ (лл. 302—303) послана нарымскому воеводѣ 13-го декабря 1644 года.

XXIV.

«Непристойныя слова» кіевского инока, 1682 г.

Въ августѣ 1682 года, кіевскій воевода, бояринъ кн. Петръ Семеновичъ Прозоровской, прислалъ въ приказъ Малой Россіи слѣдующую отписку (привожу въ извлеченіи):

21-го іюля стольникъ и полковникъ Илья Нармацкой прислалъ въ кіевскую приказную избу «письмо, за своею рукою», въ которомъ пишетъ, что ратные люди «надворной пѣхоты ево Ильина приказу» Леонтій Макѣевъ и Карпъ Федоровъ «извѣщали» на старца Кіево-Братскаго монастыря, невѣстнаго имъ по имени, что находясь «въ монастырскомъ шинку, покупаячи питье, пили, и того-де монастыря старецъ, напивши пьянъ, бранилъ ихъ и говорилъ непристойныя слова: онъ-де старецъ Христу не моляца и царей и патриарха не боитца...».

Воевода призвалъ въ приказную избу Леонтыя и Карпа: они повторили «тѣ-жъ рѣчи, что въ извѣтѣ своемъ сказали» Ильѣ Нармацкому, но прибавили, что говорили братскому игумену Сильвестру, «чтобъ онъ того старца велѣлъ принять въ тѣхъ непристойныхъ словахъ, и игумень-де хотѣлъ того старца сыскавъ посадить на чепъ»...

22-го іюля воевода послалъ подьячаго приказной избы Ивана Калачникова къ игумену, чтобы тотъ старца «держалъ въ крѣпости» въ монастырѣ, до государева указа. Вернувшись, подьячій доложилъ въ приказной избѣ воеводамъ (кн. Прозоровскому съ товарищи), что по словамъ игумена Сильвестра «старецъ изъ монастыря сшолъ невѣдомо куда, и послалъ-де онъ, игумень, того старца сыскивать, а какъ-де того старца сыщутъ, и онъ, игумень, про того старца объявить» воеводамъ...

23-го іюля воеводы послали капитана Ивана Шпаньева въ Братскій монастырь съ требованіемъ, чтобы игумень «того старца сыскалъ и велѣлъ держать въ монастырѣ въ крѣпости» до государева указа. Капитанъ доставилъ воеводамъ «скаску игуменскіе руки», въ которой написано: «тотъ-де старецъ, которой говорилъ непристойныя дѣла — именемъ Діонисій Вертеleckкой, изъ Братскаго монастыря ушолъ того-жъ числа, какъ на того старца извѣщали ему, игумену, выпя великихъ государей надворная пѣхота, а гдѣ онъ, старецъ, нынѣ—того онъ, игумень, не вѣдаетъ, а какъ тотъ старецъ

объявитца у него, игумена, въ монастырѣ или гдѣ ево сыщутъ, и онъ, игумень, того старца къ намъ, холопомъ вашимъ, пришлетъ»...

Воеводы заключаютъ свою «отписку»: «августа по 4-е число Брацкого монастыря игумень Селиверсть того старца Діонисія къ намъ холопомъ вашимъ не присылывалъ»... (Сибирскаго приказа столбецъ № 738).

Пошѣта: «190 году, августа въ 11-й день записать въ книгу и взять въ столпъ».

XXV.

Челобитная «новокрещена» о написаніи въ «палачи» 1643 г.

Воевода Кецкого острога Василій Васильевичъ Нелединской писалъ, въ 1643-мъ году, въ Сибирскій приказъ, что 30-го ноября присланъ къ нему «колодникъ-иноземецъ Матюшка Сосновской, а велѣно» его «посадить въ тюрьму и кормъ» ему давать «по алтыну на день». Воевода посадилъ его въ тюрьму, которая находится «подъ съѣзжемъ избою, а тыну около тюрьмы нѣтъ, ни сторожа, ни цѣловальника, ни палача у тюрьмы нѣтъ, топать тюрьму служилые люди по днямъ». Между тѣмъ въ «окладныхъ книгахъ» 147 и 149 годовъ «написано: палачю твоего государева денежного и хлѣбного жалованья 2 рубли денегъ, 2 чети хлѣба, четь овса, пол-пуда соли. И къ тому твоему государеву жалованью охотника въ палачи и къ тюрьмѣ въ сторожи изъ кѣцкихъ служилыхъ людей и съ новокрещеновъ нѣтъ...» Но нынѣ подалъ воеводѣ «челобитную» новокрещенъ Ивашко Монгулинъ, «чтобъ ево ты, государь, пожаловалъ — велѣлъ въ кѣцкомъ острогѣ быть у тюрьмы въ сторожахъ и въ палачахъ», съ денежнымъ и хлѣбнымъ жалованьемъ «противъ служилыхъ людей»... (Ibid. столбецъ № 136, л. 585).

Вотъ эта челобитная:

«Царю государю... бьетъ челомъ сирота твой государевъ Кецкого острогу новокрещенъ Ивашко Монгуленокъ. Милосердый государь!... пожалуй жена, сироту своего, вели, государь, мнѣ быть въ Кецкомъ острогѣ у тюрьмы въ сторожахъ и въ палачахъ, а своимъ государевымъ жалованьемъ хлѣбнымъ и денежнымъ поверстать, какъ въ иныхъ городахъ нашей братьѣ, противъ служилыхъ людей. Царь-государь, смилуйся, пожалуй!» (л. 586).

Приговоръ Сибирскаго приказа:

«Писать въ Кецкой къ воеводѣ—велѣтъ тому новокрещену у тюрьмы въ сторожахъ и въ палачахъ (быть), и окладъ ему учинить тотъ, что въ сей отпискѣ (т. е. въ отпискѣ кецкого воеводы) написанъ, и давать съ ружниги и съ обротчики» (л. 585 об.). Объ исполненіи приговора послана царская грамота (лл. 587—589).

XXVI.

Платье Петра Великаго 1696 г.

Два «указа» Сибирскаго приказа, данные «Соболиной казнѣ»:

1) «7205 году, декабря въ 22-й день, великій государь, царь и великій князь Петръ Алексѣевичъ, всеа великія и малыя и бѣлыя Росіи самодержецъ, указалъ сдѣлать себѣ, великому государю, каetaanъ да шапку круглую, а къ тому каетану на кондыри и на шапку круглую взять изъ Сибирскаго приказа соболей: пара въ 30 рублей, пара въ 25 руб., 2 пары— по 20 рублей пара. Да на опушку того каетана 2 бобра карихъ добрыхъ, цѣна 6 рублей. И то все вышесказанное къ великому государю принялъ въ хоромы постельничій Гаврило Ивановичъ Головкинъ. Думной діакъ Андрей Вяниусъ».

2) «Великому государю надобно подѣ бомбардирской каetaanъ: исподъ лесій черевій или лапчатой черной, цѣною въ 150 или во 100 руб.; къ тому-жъ каетану на кондыри и на шапку круглую: 2 пары соболей по 30 рублей, на выпушку 2 бобра карихъ. На шапку нѣмецкую, да на опушку рукавицъ—2 пары (соболей?) по 20 рублей или на шапку нѣмецкую расамакъ (россомаху) черной».

Оба указа присланы изъ похода изъ села Преображенскаго 20-го декабря 1696 г. (Сибир. приказа столбецъ № 925).

XXVII.

«Роспись селитренному варенью» 1699 г.

Въ ноябрѣ 1699 г. Сибирскій приказъ отправилъ «грамоты» иркутскому и нерчинскому воеводамъ о заведеніи «селитренаго варенья» и объ устройствѣ «селитренныхъ заводовъ и майдановъ». Воеводамъ прежде всего предписывалось розыскать въ уѣздахъ и «описать курганы, изъ которыхъ мочно варить селитру», а «какимъ поведеніемъ» ее варить—о томъ приложена была къ грамотамъ нижеслѣдующая «роспись», очень любопытная въ техническомъ отношеніи, но, къ сожалѣнію, сохранившаяся (Сибир. приказа столбецъ № 1397) съ пробѣломъ (недостаетъ конца 6-й статьи, всей 7-й статьи и начала 8-й статьи).

1.

«Изобрѣсть мѣсто, гдѣ-бъ старыя кладбища - курганы были, и къ тому-жъ конской и коровой и всякой скотской и иной старой навозъ, которой-бы былъ лѣтъ сорока и пятидесяти и больше».

2.

«Учинить кадъ, въ вышину 2 аршина (съ) четью, широтою вверху пол-три аршина, а дно чтобъ было ўже, яко-бы 2 аршина и меньше, а посреди того дна оконце — какъ у пивного спусника».

3.

«На днѣ въ той кадѣ помостить перекладняки, то есть деревянные полѣнца, сколько будетъ потребно вѣсти, и на нихъ насласть тресникомъ или камышемъ, чтобъ матерія, кромѣ воды, сквозѣ то посланіе не проходила».

4.

«Класть на то посланіе вышеявленную матерію, то есть престарѣлой гной и землю могильную, натуго, съ топтаніемъ ногъ, и доверху не докладывать чети или пяти вершковъ аршина».

5.

«Лити на ту матерію воду, мѣрно, чтобъ матерія тою водою напаялась и чрезъ себѣ оную пропускала повольно, а не скоростію. А подъ оконце той кадѣ высюди ставити мѣрники или ушаты, во что той водѣ сливаться».

6.

«Котелъ мѣдной, круглой, чтобъ устроенъ былъ въ земляношъ горю глубоко и сверхъ того котла въ устьѣ котельномъ въ срединѣ доски на подобіе кадѣ...» (Конца статьи нѣтъ).

(7-й статьи нѣтъ).

8.

(Начала статьи нѣтъ) ...«(слить) селитреную воду въ деревянные каки и дать ей устоятца, доколѣ селитра около стѣнъ и на днѣ въ тѣхъ сосудѣхъ сядеть».

9.

«Егда селитра вышерѣченнѣмъ твореніемъ сядеть и потомъ съ той селитры сливая воду, паки възлвати на матерію и тогда лутшее къ прибыли подасть дѣйство».

Сообщ. Н. Н. Оглоблинъ.

„РУССКАЯ СТАРИНА“ въ изд. 1892 г.

ТОМЪ СЕМЬДЕСЯТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ.

АПРѢЛЬ, МАЙ, ІЮНЬ.

Записки и Воспоминанія.

- СТРАВ.
- I. Князь де-Линь въ Россіи 1780 и 1787 —
1788 гг. (Окончаніе). Очеркъ проф. В. А.
Бильбасова 1—43
- II. Запѣтки фонъ-Герлаха о пребываніи въ
Петербургѣ. Глава II. Второе пребываніе
въ С.-Петербургѣ съ декабря 1827 г. по
8-е мая 1828 г. Перевелъ съ нѣмецкаго и
сообщ. И. И. Ореусъ 51—79
- III. Русскіе достопамятные люди. Запѣтки и вос-
поминанія по поводу труда Д. Н. Бантыша-
Каменскаго: „Словарь достопамятныхъ лю-
дей русской земли“, Спб., изд. 1847 г., и
нѣкоторыхъ другихъ изданій того времени.
(Рукопись изъ собранія С. Д. Полторац-
каго) 217—245, 457—487
- IV. Воспоминанія стараго казанскаго студента,
1856—1858 гг. Сообщ. Н. М. С—нъ 271—291
- V. Воспоминанія мироваго посредника перваго
призыва о введеніи въ дѣйствіе Положеній
19 февраля 1861 г. Сообщ. Н. А. Крыловъ
81—102, 615—641
- VI. Дневникъ академика и профессора Але-
ксандра Васильевича Никитенко 1872 г. 141—176

- VII. Воспоминанія В. М. Вонлярлярскаго о войнѣ 1877—1878 гг. Главы IV и V: Тырново.—Штурмъ Никополя 419—434, 643—664
- VIII. Федоръ Михайловичъ Достоевскій въ воспоминаніяхъ типографскаго наборщика въ 1872—1881 гг. Сообщ. Мих. Александр. Александровъ 177—207, 293—336
- IX. Студенческія волненія въ Казани въ 1887 г. Посмертныя записки бывшаго попечителя Казанскаго учебнаго округа П. Д. Шестакова († 1889 г.) 489—539

Исслѣдованія.—Историческіе и біографическіе очерки.—Переписка.—
Рассказы, матеріалы и замѣтки.

- I. Гостыинскій замокъ — мѣсто пребыванія въ Польшѣ царя Василя Шуйскаго съ братьями въ 1611—1612 гг. Сообщ. Г. А. Воробьевъ. 678—680
- II. Бытovyя черты XVII вѣка. Сообщ. Н. Н. Оглоблинъ . 681—694
- III. Бояринъ князь Василій Васильевичъ Голицынъ. Грамотки къ нему отъ родныхъ въ 1677 г. Сообщ. Н. Н. Оглоблинъ. 353—366
- IV. Бытovyя черты Азовскихъ походовъ 1695—1696 гг. Сообщ. кн. П. А. Путятинъ. 247—252
- V. Царь Петръ Алексѣевичъ—царевичу Алексѣю Петровичу 14-го сентября 1708 г. Сообщ. Н. Н. Оглоблинъ . 390
- VI. Реляція адмирала Апраксина о побѣдѣ надъ шведами 16-го октября 1708 г. у дѣр. Криворучья. Сообщ. Н. Н. Оглоблинъ. 367—368
- VII. Петръ Великій въ разсказахъ Нартова, его учителя въ токарномъ мастерствѣ, въ 1712—1725 гг. Изъ книги академика Л. Н. Маікова. 45—50
- VIII. Челобитная, поданная императрицѣ Екатериной II, 19 сентября 1763 г. Сообщ. М. П. Азанчевскій. „ 488
- IX. Къ исторіи отжившихъ учрежденій 1768—1771 гг. Сообщ. Влад. Короленко. 253—270

	СТРАН.
X. Новгородскіе семинаристы въ XVIII вѣкѣ. Очеркъ. Сообщ. В. С—ъ.	369—376
XI. Пасторъ Вигандъ. Его жизнь и дѣятельность въ Россіи, 1764—1808 гг. Сообщ. В. В. Ти- мошукъ .	545—568
XII. Указы и распоряженія, состоявшіеся въ цар- ствованіе Павла I. Сообщ. А. Г. Пуларевъ	540—544
XIII. Цесаревичъ Константинъ Павловичъ: два его письма—генералу А. И. Корсакову, 1800 г., и графу А. А. Аракчееву, 1805 г.	208 и 642
XIV. Выговоръ императора Александра I генер. И. И. Михѣльсону за распечатанное письмо, 1807 г. Сообщ. К. А. Висковатовъ	592
XV. О бумагахъ по дѣлу 14-го декабря 1825 г. Сообщ. князь С. В. Друцкой-Соголинской.	292
XVI. Императоръ Николай Павловичъ. Высочайшее повелѣніе 1826 г. о томъ, дабы монастыри не брали избыточныхъ денегъ за погребеніе .	80
XVII. Рѣчь императора Николая Павловича римско- католическимъ епископамъ въ 1844 г. Сообщ. П. П. Карцовъ .	590—592
XVIII. М. М. Сперанскій. Замѣтка по поводу его книги: „Правила высшаго краснорѣчія“. Сообщ. В. Поповъ.	120
XIX. Александръ Петровичъ Хрущовъ, род. 1806 г., † 1875 г. Выдержки изъ его писемъ, 1853— 1859 гг.	593—607
XX. Старецъ Ѳеодоръ Козмичъ въ 1837—1864 гг. Сообщ. В. Долгоруковъ.	452—456
XXI. Къ очерку „Старецъ Ѳеодоръ Козмичъ“. Замѣтка. Сообщ. Н. В. Алабинъ.	44
XXII. На Гунибѣ: штурмъ Гуниба въ 1859 г.—Импе- раторъ Александръ II на Гунибѣ въ 1871 г. Сообщ. ген.-маіоръ Вячеславъ Солтанъ	391—418
XXIII. Митрополитъ кіевскій и галицкій Платовъ, † 1891 г. Сообщ. Анатолій Егоровъ.	435—440

	СТРАН.
XXIV. Памяти е. и. в. великой княгини Ольги Ѳеодоровны, † 31-го марта 1891 г. Сообщ. В. В. Еропкина.	449—451
XXV. 250 лѣтъ лейбъ-гренадерскаго Эриванскаго Его Величества полка, первоначально Бутырскаго, 1642—1892 гг. Сообщ. Пав. Осип. Бобровскій.	665—677
—	
Поправки и опечатки	389

Исторія русской литературы.

I. Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ, 1757—1835 гг. Очерки изъ исторіи русской литературы первой четверти ХІХ в. Сообщ. П. О. Морозовъ.	569—589
II. Степанъ Васильевичъ Руссовъ, род. 1770 г., † 21-го марта 1842 г. Біографическій очеркъ.	103—119
III. Михаилъ Юрьевичъ Лермонтовъ. Одно изъ его стихотвореній, сохранившееся въ переводѣ на нѣмецкій языкъ. Перевелъ И. М. Бинштокъ.	246
IV. Дмитрій Николаевичъ Бантышъ-Каменскій, род. 1788 г., † 1850 г. (См. въ отдѣлѣ Записки и Воспоминанія: „Русскіе достопамятные люди“).	
V. Проф. Викторъ Степановичъ Порошинъ, род. 1809 г., † 1868 г., въ воспоминаніяхъ его сестры Софьи Степановны Порошиной	121—135
VI. Князь Владиміръ Ѳеодоровичъ Одоевскій: 1) Письмо его въ С. И. Лапшину, 1861 г. 2) Законы XII-ти таблицъ или Ронгасское Уложеніе—Code Rongas. Сообщ. И. С. Ремезовъ.	136—140
VII. Ѳедоръ Михайловичъ Достоевскій въ воспоминаніяхъ типографскаго наборщика въ 1872—1881 гг. (См. отдѣлѣ Записки и Воспоминанія).	

СТРАН.

- VIII. Всеволодъ Порфирьевичъ Коховскій, какъ директоръ Педагогическаго музея военно-учебныхъ заведеній. Род. въ С.-Петербургѣ 2-го марта 1835 г., † 1-го іюня 1891 г. Историко-педагогическій очеркъ. Сообщ. Д. Д. Семеновъ. 337—352
- IX. Михаилъ Ивановичъ Семевскій, основатель и редакторъ-издатель историческаго журнала „Русская Старина“ въ 1870—1892 гг.; † 9-го марта 1892 г.:
1. Некрологъ Кн. апрѣль I—XXXVIII
 2. Путевые очерки и наброски М. И. Семевскаго при поѣздѣ по Россіи въ 1891 г. Отрывокъ изъ неоконченной II-й главы . . . 441—448
 3. Памяти М. И. Семевскаго. Сообщ. проф. В. А. Бильбасовъ Кн. май I—IV
 4. Рѣчь протоіерея В. Я. Михайловскаго въ спб. Вознесенскомъ храмѣ, на панихидѣ въ сороковой день кончины М. И. Семевскаго, 17-го апрѣля 1892 г. Кн. май V—VIII
-
- X. Къ исторіи русской цензуры 1861—1862 гг. 378—389

Портреты.

- I. Портретъ императрицы Маріи Ѳеодоровны, род. 1759 г., † 1828 г., гравироваль на мѣди художникъ Ѳ. А. Мѣркинъ.
(Въ началѣ апрѣльской книги, предъ стран. 1)
- II. Портретъ сибирскаго отшельника Ѳеодора Козмича, † 20-го января 1864 г. Гравир. художникъ И. И. Матюшинъ.
(Въ началѣ майской книги, предъ стран. 217).
- III. Портретъ Михаила Ивановича Семевскаго, основателя и редактора-издателя „Русской Старины“ въ 1870—1892 гг., † 9-го марта 1892 г. Фотогравюра художника Г. Н. Свямони. Исполнена въ Экспедиціи заготовл. государств. бумагъ.
(Въ началѣ іюньской книги, предъ стран. 457).

Библиографическія замѣтки о русско-историческихъ книгахъ.

1. Исторія англійско-американской Библіи, ея алфавита, переводовъ, текста, канона, ревизій, изданій, экзегезиса и проч. Три тома (страницъ 998). Сочиненіе іеромонаха Алексія Виноградова. Спб., 1889—1892 гг. (На оберткѣ IV-й книги „Русской Старины“ изд. 1892 г.).
2. Люди труда и сильной воли. Жизнь Гарриетъ Бичеръ-Стоу. Составила Е. А. Сысоева. Съ двумя портретами и 6-ю рисунками. Спб., 1892 г., въ 8 д., стр. 151. (Тамъ-же).
3. И. Н. Ждановъ. О драмѣ А. С. Пушкина „Борисъ Годуновъ“. Изъ лекцій въ импер. Александровскомъ лицѣѣ. Спб., 1892 г., въ 8 д., стр. 38. (Тамъ-же).
4. П. В. Анненковъ и его друзья. Литературныя воспоминанія и переписка 1835—1885 годовъ. Томъ первый. Спб. Изд. Суворина, 1892 г. Въ 8 д., стр. 666. (Въ текстѣ IV кн. „Р. Ст.“ изд. 1892 г.).
5. Баронъ Ф. Ф. Врангель. Колебанія климата. Изъ лекцій въ императ. Александровскомъ лицѣѣ. Спб., 1892 г., въ 8 д., стр. 18. (Тамъ-же).
6. Андрей Гартвицъ. Къ вопросу о преподаваніи исторіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. М., 1891 г., въ 8 д., стр. 51. (Тамъ-же).
7. Учебникъ русской исторіи. Элементарный курсъ. Составилъ М. Острогорскій. Спб., 1891 г., въ 8 д., стр. 110. (Тамъ-же).
8. Георгъ Веберъ. Всеобщая исторія. Т. XIV. Пер. В. Невѣдомскаго. Москва, 1892 г., 1012 стр. (Тамъ-же).
9. Потемкинъ. Соч. А. Г. Брикнера. Съ 2 портретами. Спб., 1891 г. (На оберткѣ V-й книги „Русской Старины“ изд. 1892 г.).
10. Сборникъ военно-историческихъ матеріаловъ. Выпускъ 1-й. Сѣверная война. Документы 1705—1708 гг. Генер. штаба ген.-майоръ Д. Ф. Масловскій, ордин. профес. Николаевской акад. генер. штаба. Изд. в.-уч. ком. гл. штаба. Спб., 1892 г. (Тамъ-же).
11. Польскій мятежъ 1863 г. Соч. П. Дм. Брянцева. Вильна, 1892 г. (Тамъ-же).
12. Историко-статистическій очеркъ Оренбургскаго казачьяго войска. Съ приложеніемъ статьи о домашнемъ бытѣ оренбургскихъ казаковъ, рисунковъ со знаменъ и карты. Составилъ войсковой старшина Ф. Стариковъ. Оренбургъ, 1891 г. (Тамъ-же).
13. Русская Лопландія и ея промыслы. Составилъ врачъ Вл. Гулевичъ. Архангельскъ, 1891. (Тамъ-же).
14. Труды Тибетской экспедиціи 1889—1890 гг., подъ начальствомъ М. В. Пѣвцова. Часть II. Изд. имп. русскаго географ. общества. Спб., 1892 г. (На оберткѣ VI-й книги „Русской Старины“ изд. 1892 г.).
15. Очеркъ дѣйствій западнаго отряда, генераль-адъютанта Гурко. Часть I. Ген. штаба подполк. Енанчина. Спб., 1892г. (Тамъ-же).
16. О сношеніяхъ Россіи съ Франціей.—П. В. Везобразова. Москва, 1892 г. (Тамъ-же).
17. Бернгардъ Таннеръ. Описаніе путешествія польскаго посольства въ Москву въ 1678 г. Переводъ съ латинскаго; примѣчанія и приложенія И. Ивакина. Москва, 1891 г. (Тамъ-же).

КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ И МАГАЗИНЪ „РУССКОЙ СТАРИНЫ“

С.-Петербургъ, Большая Подъяческая ул., д. № 7.

КАТАЛОГЪ НОВЫХЪ КНИГЪ.

Книжный складъ и магазинъ «Русской Старины» принимает на комиссію постороннія изданія и высылаетъ иногороднымъ по требованіямъ или съ наложеннымъ платежемъ всѣ книги, публикованныя въ газетахъ и другихъ каталогахъ.

NB. Книжные магазины и частныя лица могутъ обращаться съ заказами безъ высылки при этомъ денегъ и получать книги по почтѣ съ наложеніемъ платежа.

Алеленовъ, А. Н. Старость. Клиническое изслѣдованіе въ области нервной системы и психофизиологій. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Астафьевъ, Н. Опытъ исторіи библіи въ Россіи въ связи съ просвѣщеніемъ и нравами. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Батадиль, Ф. А. Справочная книга русскаго сельскаго хозяина. Спб., 1892 г. Цѣна 2 руб.

Бникъ, А. Курсы низшей геодезій. Ч. II. Москва, 1892 г. Ц. 3 р.

Биографическая библіотека Ф. Павленкова. Давидъ Дефо.—В. Гарвей. Съ портр. Спб., 1892 г. Ц. кажд. в. 25 к.

Богдановъ, С. М. Иллюстрир. сельско-хозяйств. словарь. Вып. VI. Кіевъ, 1892 г. Ц. 85 к.

* **Бодяковский, Вл.** Къ исторіи просвѣщенія въ древней Руси XVII вѣка. Книги въ Устюгѣ Великомъ. Спб., 1892 г.

Бѣлоголовый, А. И. д-ръ. С. П. Боткинъ, его жизнь и медицинская дѣятельность. Биографическій очеркъ. Съ портретомъ Боткина, гравир. въ Петербургѣ К. Адтомъ. Спб., 1892 г. Ц. 25 к.

Вендрихъ-фонъ, А. О способахъ утилизаціи подвижнаго состава въ Австро-Венгріи и Германіи. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Виларъ, А., д-ръ. Энциклопедическій медицинскій словарь. Переводъ подъ ре-

дакціою проф. И. Р. Тарханова. Вып. 2-й. Спб., 1892 г. Ц. 60 к.

Вильчинскій, Ольг. Вып. 1-й. Древнѣйшія каменные орудія въ Европѣ. Съ рис. Спб., 1890 г. Ц. 30 к. Вып. II-й. Древнѣйшее племя Неандерское въ Европѣ. Съ рис. Спб., 1891 г. Ц. 30 к. Начало Руси по сказаніямъ современниковъ и курганамъ. Спб., 1892 г. Ц. 80 к.

* **Владимѣрское православное братство Александра Невскаго.** Отчетъ о дѣятельн. братства за 1890—91 г. Владимиръ, 1892 г.

Воейновъ, А. И. Метеорологическія сельско-хозяйственныя наблюденія въ Россіи въ 1888 и 1889 гг. Спб., 1892 г. Ц. 60 к.

Горбатовскій, О. О. Руковод. къ воздѣльв. озимаго и яров. рапса. Спб., 1892 г. Ц. 70 к.

Граевъ, Л. Г. Стихотворенія. Съ предисл. П. Е. Астафьева. М., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Грамоты и др. историческіе документы XVIII столѣтія, относящіяся къ Грузіи. Т. I. Подъ редакц. проф. А. А. Цагарели. Спб., 1891 г. Ц. 3 р.

Guarda, J. M. Исторія медицины отъ Гиппократъ до Бруссэ и его послѣдователей. Казань, 1892 г. Ц. 3 р. 50 к.

Демонтьевъ, П. М. Фотографическій ежегодникъ. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Джаншѣевъ, Гр. Изъ эпохъ великихъ реформъ. (Освобожденіе крестьянъ.—Отмѣна

* Этимъ знакомъ отмѣчены заглавія книгъ, поступившихъ въ книжный магазинъ „Русской Старины“.

КАТАЛОГЪ КНИЖН. МАГАЗИНА „РУССКАЯ СТАРИНА“ (ПРИЛОЖ. изд. 1892 г.).

VI

тлеснаго наказанія.—Цензурная реформа.—Новый судъ и проч.). Историческіи справки. 2-е доп. изд. Въ пользу голодающихъ. Москва, 1892 г. Цѣна 1 руб.

Диебъ, Р., проф. Гомеръ. Введение въ Илиадъ и Одиссею. Съ англійскаго. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

* „Дневникъ артиста“. № 2. Приложение къ журн. „Артистъ“. Москва, 1892 г. Ц. 1 р.

Добротворскій, Петръ. Рассказы, очерки и наброски. Мысли въ картинахъ и образахъ). Москва, 1892 г. Ц. 1 руб.

Додэ, А. Роза и Нинета. Романъ. Спб., 1892 г. Ц. 40 к.

— Тартаренъ изъ Тараскона. М., 1892 г. Ц. 50 к.

— Разводъ. Романъ. Спб., 1892 г. Ц. 40 к.

— Послѣ развода. Современные нравы. Пер. Г. Я. Яценскаго. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

Докучаевъ, В. В., профес. Наши степи прежде и теперь. Изданіе въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. Спб., 1892 г. Ц. 1 руб.

Дубовскій, Ю. Живопись по маюлигъ и хитъ эмал. краск. М., 1892 г. Ц. 65 к.

„Ежегодникъ“ Имп. русскаго географическаго общества. II. Спб., 1892 г. Ц. 2 р.

* Ермиловъ, В. Е. Великій артистъ-крестьянинъ М. С. Щепкинъ. Біогр. очеркъ. М., 1892 г. Ц. 25 к.

Желобовскій, А. И. Семья по возраженіямъ русскаго народа, выраженнымъ въ послов. и др. произведен. народно-поэтич. творчества. Воронежъ, 1892 г. Ц. 40 к.

Жемчужниковъ, А. М. Стихотворенія. Томъ 1-й. Съ портр. автора и автобіографич. очеркомъ. Спб., 1891 г. Томъ 2-й. Спб., 1892 г. Ц. за 2 тома 3 р.

Жуковскій, В. А. Полное собраніе балладъ. Спб., 1892 г. Изд. И. Глазунова. Ц. 65 к., вып. V.

* Журовъ, Ѳ. Г. Историческій очеркъ г. Шуи. Губ. г. Владиміръ, 1892 г.

Записки восточнаго отдѣленія Имп. русскаго археологическаго общества. Подъ ред. барона В. Р. Розена. Т. VI. Вып. 1—4. Спб., 1892 г. Ц. 4 р.

Записки Имп. русскаго археологическаго

общества. Т. V. Вып. 3 и 4. Новая серия. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

Ибсенъ, Генрихъ. Сѣверные богатыри. (Воиутели въ Гельголандѣ). Драма въ 4-хъ дѣйствіяхъ. Москва, 1892 г. Ц. 55 к.

* Ивановъ, И. А. «Кормовая книга» Коллаина монастыря съ пред. члена Тверской уч. арх. ком. Изд. арх. ком. Тверь, 1892 г.

* Ивановъ, И. А. Отчетъ о дѣятельности Тверской уч. арх. ком. за 1890 г. Тверь, 1892 г.

* Ивановъ, И. А. Журналъ 32-го засѣданія Тверской уч. арх. ком. 23-го февраля 1891 г. Тверь, 1892 г.

* Извѣстія Тамбовской уч. арх. ком. Вып. XXXIII. Подъ ред. П. А. Дьяконова. Тамбовъ, 1892 г.

Исаченко, В. Л. Гражданскій процессъ. Практич. комментарий на 2-ю книгу Устава Гражд. Судопр. Т. II, вып. 2-й. Минскъ, 1892 г. Ц. 2 р. 20 к.

Ислеръ, И., д-ръ. Карболовая кислота и карб. препарат. Спб., 1891 г. Ц. 1 р. 50 к.

Кервъ. Овраги, ихъ закрѣпленіе, облѣсеніе и запруживаніе. М., 1892 г. Ц. 75 к.

Киселевъ, А. Элементарная геометрія для среднихъ учебныхъ заведеній. Съ приложеніемъ большаго количества упражненій и статьи: «Главнѣйшіе методы рѣшенія геометрическихъ задачъ на построеніе». Москва, 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

Ковалевская, Софья, и Лоффлеръ, А. Борьба за счастье; двѣ параллельныя драмы. Переводъ съ шведскаго М. Лучицкой. Кіевъ, 1892 г. Ц. 1 р.

Ковалевскій, Н. О., проф. Публичныя лекціи и рѣчи. Съ 2-ма портр. и табл. рис. Казань, 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Ковалевскій, Е. П. Въ великомъ герцогствѣ Люксембургскомъ. (Очеркъ правит. мѣропріятій для развитія интенсификаціи сельскаго хозяйства). Спб., 1892 г. Ц. 25 к.

Корсакинъ, Михаилъ. Ранній итальянскій гуманизмъ и его исторіографія. 2 вып. Москва, 1892 г. Ц. за 2 тома 6 р.

Крымскій, Е. С. Вредъ для здоровья отъ куренія и нюханія табаку и средства перестать курить. 1892 г. Ц. 15 к.

Музнецовъ, А. И. Повторит. курсъ всеобщей и русской исторіи. Новочеркасскъ, 1892 г. Ц. 50 к.

* Де-Лабрюйеръ, Жанъ. Характеры или нравы этого вѣка. Съ предисловіями Престо-Парадоля и Сентъ-Бѣва. Пер. П. Д. Перова. Спб., 1890 г. Ц. 2 руб.

* Лабутинъ, И. Въ чемъ состоитъ истинное богопочтеніе по псалмамъ 49-му и 50-му? Петроградъ, 1892 г. Цѣна 10 к.

* Лабутинъ, И. «Ученъе—свѣтъ». Календарь для учащихся на 1892—93 уч. годъ. Петроградъ, 1892 г. Ц. 15 к.

* Лавиць, Э. Общій очеркъ политической исторіи Европы. Переводъ П. Д. Перова. Москва, 1891 г. Ц. 50 к.

Лангстротъ, Л. Л. Пчела и улей. Пересм. дополи. и переведенное на франц. языкъ Шарломъ Дадавъ. Переводъ подъ редакцію Г. П. Кондратьева, съ его предисл. и пригвѣ. Съ 123 рис. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

* Лашинъ, Ф. «Памятники дипломатическихъ сношеній Крымскаго ханства съ Московскимъ государствомъ въ XVI и XVII вв., хранящіеся въ Моск. главномъ архивѣ мин. вн. дѣлъ. Симферополь, 1891 г.

Лихонинъ, Н. О. Желѣзноводскъ и его значеніе при леченіи различныхъ болѣзней. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Львовъ, А. Д., князь. О полевыхъ летуч. лазаретахъ. Съ рис. Спб., 1892 г. Ц. 30 к.

Мачетъ, Г. Хроника одного дня. М., 1892 г. Ц. 15 к.

Месиковскій, Ал. Образцовый самоучитель нѣм. языка. Вып. 5. Спб., 1892 г. Ц. 40 к.

Милюрь, Л. С. Фотографія на больныахъ и микрофотографія съ малыми увеличеніями. М., 1892 г. Ц. 30 к.

Михайловъ, А. М. Причины засухъ и истощенія земли и предполаг. мѣры къ ихъ устраненію. Самара, 1892 г. Ц. 20 к.

* Мольеръ. Донъ-Жуанъ. Ком. въ 5 акт. въ пер. В. С. Лихачева. (Дешевая библ.). Спб. Ц. 15 к.

Нагуевскій, Д. И. Обзоръне персидскихъ монетъ, хранящихся въ нумизматическ. музей Императорск. Казанск. университет. Казань, 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

* Настольный энциклопедическій словарь. Выпускъ 43-й. 5 портр. и 4 рис. въ текстѣ. Изд. бывш. товарищества А. Гартель и К°. Москва, 1892 г. Ц. отд. вып. 40 к.

Николаевъ, С. К. Повторительный курсъ общей патологіи (патологической физиологіи). Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Новыя Высоч. утвержд. правила объ охотѣ, вступившія въ силу съ 1—10 марта 1892 г. Спб. Ц. 25 к.

Носороговъ, Воицифатій. Наши басни и алобы дня. Юмористическіе стихи. Харьковъ, 1892 г. Ц. 1 р.

* О германскихъ университетахъ. Соч. германскаго профессора. Пер. и прим. русск. бывш. проф. Ц. 1 р. 50 к. Спб., 1889 г.

О торговлѣ лошадыми въ Россіи. Спб., 1892 г. Ц. 20 к.

* «Отчетъ Одесской городской публичной библиотеки за 1891 г.». Одесса, 1892 г.

* Отчетъ о дѣятельности православнаго Свято-Владимірскаго братства въ г. Владиміръ-Волынскомъ, за 1888—1891 гг. Петроградъ, 1892 г.

* Памятникомъ древней письмен. LXXXVI. Повѣсть о Борисоглѣбскомъ монастырѣ (около Ростова) XVI вѣка. Сообщеніе Хрисанеа Лопарева. Спб., 1892 г. Ц. 20 к.

* Памятникомъ древней письмен. LXXXVII. О задачахъ изученія древне-русской литературы и народной поэзіи. Сообщеніе И. С. Назрасова. Спб., 1892 г. Ц. 50 к.

* Пересовъ, П. Д. Преподаваніе латинской грамматики. Елецъ. Ц. 10 к.

* Персовъ, П. Д. Переводъ рѣчи Цицерона за поэта Архія. Ц. 5 к.

* Персовъ, П. Д. Что такое содержательная фраза и содержательная статья, Елецъ. Ц. 20 к.

Предтеченскій, Е. Церковное времяисчисленіе и критическій обзоръ существующихъ правилъ опредѣленія Пасхи. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.

* Протоколы общества рязанскихъ врачей съ прилож. за 1890—91 г. Рязань, 1892 г.

* Путеводитель по курортамъ и морскимъ купаньямъ Балтійскаго побережья. Съ 2-мя карт. и 5-ю план. Изд. В. К. Симанскаго. Спб., 1892 г. Ц. 1 р.

Пермскій край. Т. I. Изданіе пермскаго губернскаго статистическаго комитета. Пермь, 1892 г. Ц. 2 р.

Повѣсть о томъ, какъ чудомъ Божиимъ строилась Русская земля. На бѣдствующъ отъ неурожая. М., 1892 г. Ц. 35 к.

Подлю, М. А. Очерки Кореи. Съ приложеніемъ карты полуострова Кореи. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 50 к.

Рапчевскій, И. Ф. О дезинфекціи при заразныхъ болѣзняхъ. Спб., 1892 г. Ц. 45 к.

Рудановъ, В. Подробный повторительный курсъ географіи Россійской имперіи. Спб., 1892 г. Ц. 30 к.

Рышневичъ, А. А. Служба солдата во время войны. Спб., 1892 г. Ц. 40 к.

Савичъ, С. Е. О линейныхъ обыкновенныхъ дифференціальныхъ уравненіяхъ съ правильными интегралами. Спб., 1892 г. Ц. 1 р. 25 к.

* «Сборникъ имп. русскаго историческаго общества». Томы 78 и 79. Спб., 1891 г. — Томы 80 и 81. Спб., 1892 г. Ц. по 3 р. за каждый томъ.

„Сельскій хозяйствъ“. Еженедѣльное иллюстрированное изданіе К. И. Масланикова. №№ 28 и 29. Спб., 1892 г. Ц. отд. № 20 к.

Сигристъ, В. Ф. Современное ученіе о легочной чахоткѣ. Спб., 1892 г. Ц. 35 к.

* Симанскій В. К. Куда ѣхать на дачу? Петерб. дачныя мѣстности въ отношеніи ихъ здоровости. Вып. I. Мѣстности въ 20-ти-верст. разстояніи отъ столицы. Изд. II. Съ прилож. карты окрестн. Спб., 1889 г. Ц. 50 к. — Тоже, вып. II, мѣстности на разстояніи свыше 20-ти верстъ отъ столицы. Спб., 1892 г. Ц. 75 к.

* Спенсеръ, Гербертъ. Основныя начала. Перевелъ Л. Алексѣевъ. Изданіе книжн. маг. Югансонъ. Кіевъ, 1886 г. Ц. 2 р. 50 к.

Стебуть, И. А. Нуждается-ли русская интеллигентная женщина въ спеціальному сельскохозяйственному образованіи? Спб., 1891 г. Ц. 40 к.

* Труды рязанской ученой архивной комиссіи. Томъ VI. 1891 г. №№ 7—8.

Труды тибетской экспедиціи 1889—1890 годовъ подъ начальствомъ М. В. Пѣвцова. Ч. II. Спб., 1892 г. Ц. 3 р.

Фидлеръ, И. Мѣры для предупрежденія губельныхъ послѣдствій отъ неурожая. М., 1892 г. Ц. 20 к.

Филипповъ, Н. Н. Сказаніе о Зосимѣ и Савватіи, преподобныхъ старцахъ соловецкихъ. Спб., 1892 г. Ц. 3 к.

Шацкій, Е. Ученіе о растит. алкалоидахъ, глюкозидахъ и птоманнахъ. Ч. II. Казань, 1892 г. Ц. 80 к.

* Шевелевъ, А. Церковь и зрѣлища. Взглядъ на отношенія св. православной церкви къ театральнымъ зрѣлищамъ и увеселеніямъ. Изданіе въ пользу пострадавшихъ отъ неурожая. М., 1892 г. Ц. 40 к.

Зберсъ, Георгъ. Уарда. Романъ изъ древне-египетской жизни. Спб., 1892 г. Ц. 2 р. 25 к.

Этнографическое обозрѣніе. Изданіе этнографическаго отд. Имп. общ. любителей естеств., антроп. и этногр. № 1. Москва, 1892 г. Ц. 1 р. 50 к.

Яновскій, И. О. По поводу критики М. А. Рыкачева моихъ метеоролог. воззрѣній. М., 1892 г. Ц. 30 к.

* Ярцевъ, А. А. Жизнь замѣчательныхъ людей. Ф. Г. Волковъ (основатель русскаго театра), его жизнь, въ связи съ исторіею театральн. старинъ. Съ портр. Ф. Г. Волкова, Дмитревскаго, Яковлева, Плавильщикова и Семеновъ. Спб., 1891 г. Ц. 25 к.

По желанію и заказчиковъ книжн. магазинъ «Русской Старинѣ» высыластъ книги и въ переплетъ. Цѣна переплетовъ: шпалерный съ коленкоромъ—80 коп., сафьянокорешковый—50 коп.

Всѣ вообще заказы о высылкѣ книгъ выполняются магазиномъ «Русской Старинѣ» безъ малѣйшаго замедленія.

естественнымъ ливней, тѣ и другіе свѣдѣнія ичи на одинъ уровень. Старинныя началыныи приходилоя недѣлами жати въ палатѣ при 20-градусномъ морозѣ и довозлетоняться самою свудною пицею. Все это месина живо и интересно изобразило въ сочиненіи г. Епанчина, доведенномъ до ноябрьской стоянки на Валкинахъ, противъ турецкой арии Мегмета-Ала.

О сношеніяхъ Россіи съ Франціей. П. В. Визображеніе. Москва, 1892.

Многозначительная встрѣча французской волады въ Кронштадтѣ, явотъ 1861 г., равно какъ предшествующія и послѣдующія оладіи нашей моряннѣ во Франціи возбуждали живое вниманіе во всей Европѣ; газеты и брошюры разнымъ направленію толковали, а отчасти и продолжали толковать о значимыхъ симпатіяхъ между русскою и французскою націями и о значеніи, которое онѣ могутъ имѣть въ будущихъ судьбахъ нашей части свѣта. Явленіемъ предстоящаго естественна мегатъ объявленій въ прошедшихъ. Этоиъ и вывали трудъ г. Визобразова. Его книга (по собственнымъ словамъ автора), не представляющая научнаго изслѣдованія, составлена изъ газетныхъ статей и предназначена для дубанки, интересующейся исторію. Надо, однако, прибавить, что отнюдь не одиъ газетныя статьи положены въ основаніе предлагаемой книги: при составленіи он авторъ пользовался преимущественно полиничномъ въ Парижѣ изданіемъ сборника инструкцій, данныхъ французскимъ посланникомъ въ Россію въ періодъ времени съ 1586 по 1793 годъ (*Récueil des instructions données aux ambassadeurs et ministres de France depuis les traités de Westphales jusqu'à la révolution française*, t. VIII—IX. Paris, 1890). Оборнати ятотъ исполнети другими источниками, главнымъ образомъ, документами, изданными въ Сборникѣ историческаго общества и напечатанными С. М. Соловьевымъ въ его *Исторіи Россіи*. Кроиъ того, такъ какъ вышесказанный французскій материалъ доходить лишь до времени 1-й репашціи, и такъ какъ въ прошломъ году были опубликованы новые документы для Наполеоновскаго времени, то П. В. Визобразовъ съчелъ полезнымъ остановиться въособно на сношеніяхъ Александра I съ Наполеономъ.

При ятотъ, хотя означеніе ала щается преимущественно на дубанки, скіе сношенія, но онъ не теряетъ интереса, какъ культурныхъ интересовъ, какъ зывавшихъ насъ съ Франціей. Трудъ г. Визобразова, доведенный до Тальстоваго мира исключительно, вѣроятно, не представляетъ ничего новаго для историковъ-спеціалистовъ, но для обшнновеннаго читателя будетъ интересенъ и поучителенъ.

Боргардъ Таннеръ. Оименію путешествія польскаго посольства въ Москву въ 1678 г. Перев. съ лат.; приидѣ. и прил. Н. Ивандина. М., 1891 г.

О личности Таннера очень мало извѣстно. Изъ его книги видно лишь, что онъ былъ урожникомъ чешскаго города Прага, весьма любилъ путешествовать, ѣздилъ по Италіи и Германіи, а въ 1676 г. поехалъ въ Польшу. Послѣ двухлѣтнаго, довольно бѣдственнаго пребывания въ этой странѣ, ему удалось притронуться въ дворню князя Михаила Чарторыйскаго, отправленнаго въ царю Теодору Алексѣевичу для переговоровъ объ утвержденіи мира. Плодомъ этой поездки была изданная въ 1699 году въ Нюрнберга книга подъ заглавіемъ: *Legatio Polono-Lithuanica in Moscoviam* etc. По-русски изъ сочиненія Таннера переведены были лишь отрывки, въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ 1820-хъ—1840-хъ гг. Хотя, по замечанію г. Иванина, Таннеръ отнюдь не принадлежалъ къ числу первооткрывателей писателей о Россіи, но достоинство его въ томъ, что онъ не переписывалъ у другихъ, а писалъ свое — чтѣ видѣлъ и чтѣ слышалъ. Надо прибавить, что отзывъ его о нашихъ предкахъ и о нравахъ обывателей „Московіи“, во второй половинѣ XVII столѣтія, далеко для насъ не ласковъ. Хотя г. Иванинъ объясняетъ, что много изложено Таннеромъ, конечно, такъ по излѣтнѣ, на основаніи рассказовъ обшнновенныхъ пословъ „Намѣской слободы“, враждебно и прерзательно относившихся къ нашимъ соотечественникамъ; но, сопоставляя его сошнненія съ сошнненіями другихъ путешественниковъ, писавшихъ о Россіи приблизительно въ ту-же эпоху, приходится на мысль, что не мало изъ него и вѣрнаго, хотя красна, можетъ быть, кое-гдѣ и сгущены смѣле мѣры.

И. О.

„РУССКАЯ СТАРИНА“

1892 г.

ДВАДЦАТЬ ТРЕТИЙ ГОДЪ ИЗДАВАНІЯ.

Цѣна за 12 книгъ, съ гравированными лучшими художниками портретами русскихъ дѣятелей, ДВЯТЬ руб., съ пересылкою.

Подписка принимается: для городскихъ подписчиковъ: въ С.-Петербургѣ—въ конторѣ „Русской Старины“, Невскій просп., д. № 20, у Полицейскаго моста, книжный магазинъ А. Ф. ЦЕНЗЕРЛЕНГА (бывшій Мелье в К°). Въ Москвѣ—въ отдѣленіяхъ конторы, при книжныхъ магазинахъ: Н. П. Карбасникова (Моховая, д. Коха), Н. И. Мамонтова (Кузнецкій мостъ, д. Фирсапова). Въ отдѣленіяхъ конторы при книжн. магазинахъ: въ Казани—А. А. Дубровина (Воскресенская ул., Гостиный дворъ, № 1). Въ Саратовѣ—при книжн. магаз. Ф. В. Духовникова (Нѣмецкая ул.). Въ Бѣлѣ—при книжн. магазинѣ Н. Я. Оглобина.

Гг. Нижегородцы обращаются исключительно: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Русская Старина“, на Большую Подъездную, близъ Екатерининскаго канала, домъ № 7.

Въ „РУССКОЙ СТАРИНѢ“ помѣщаются:

I. Записки и Воспоминанія.—II. Историческія изслѣдованія, очерки и разсказы о цѣлыхъ эпохахъ и отдѣльныхъ событіяхъ русской исторіи, преимущественно XVIII-го и XIX-го вв.—III. Живеописанія и матеріалы къ біографіямъ достопамятныхъ русскихъ дѣятелей: людей государственнхъ, ученыхъ, военныхъ, писателей духовныхъ и свѣтскихъ, артистовъ и художниковъ.—IV. Статьи изъ исторіи русской литературы и искусства; переписка, автобіографіи, замѣтки, двѣнадцатидесяти русскихъ писателей и артистовъ.—V. Отзывы о русской исторической литературѣ.—VI. Историческіе разсказы и преданія.—Челобитныя, переписка и документы, рисующіе бытъ русскаго общества прошлаго времени.—VII. Народная словесность.—VIII. Родословія

Можно заказать съ конторахъ репродукціи слѣдующихъ изданій журналовъ.

- „Русская Старина“ 1870 г., третье изд., (15 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1876 г., второе изд., (60 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1877 г., 12 книгъ (33 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1878 г., 12 книгъ (31 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1880 г., второе изд. (61 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1881 г., 12 книгъ (30 экз.), съ портретами, 8 руб.
- „Русская Старина“ 1884 г., 12 кв. изд. второе (57 экз.), съ портр., 9 руб.
- „Русская Старина“ 1885 г., 12 книгъ (52 экз.), съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1888 г., 12 книгъ (70 экз.), съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1889 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1890 г., двѣнадцать книгъ съ портретами, 9 руб.
- „Русская Старина“ 1891 г., 12 книгъ (50 экз.), съ портретами, 9 руб.

